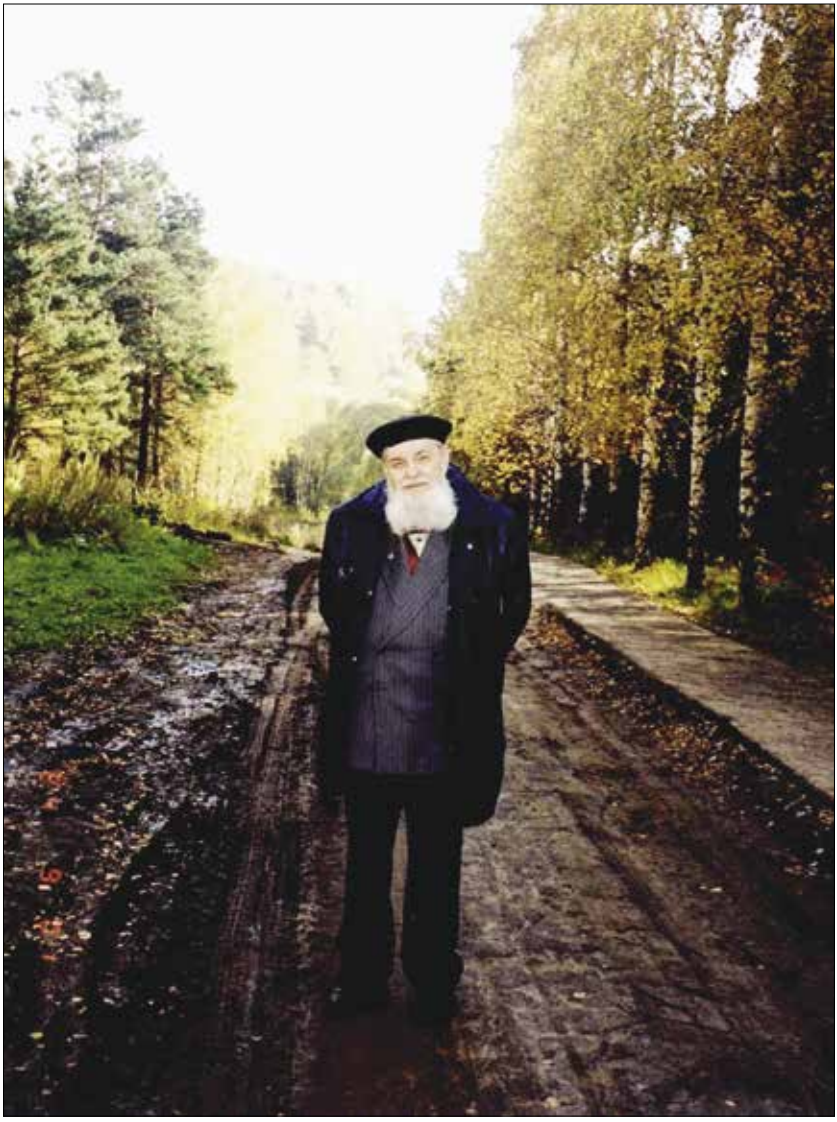
АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ
Выпуск 39



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ
Серия основана в 1975 г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И АРХЕОГРАФИИ

К 90-летию Н.Н. Покровского

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Ответственные редакторы
академик РАН *А.П. Деревянко*
доктор исторических наук *А.Х. Элерт*

НОВОСИБИРСК
2020

УДК 09(093)(571)“15/20”
ББК 63.2
А 43

Рецензенты:
доктор исторических наук *Г.М. Запорожченко,*
доктор филологических наук *И.В. Силантьев*

IV Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная 90-летию академика Н.Н. Покровского, проведена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-0001.

Редколлегия:
академик РАН *А.П. Деревянко* (отв. ред.), д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (отв. ред.), канд. филол. наук *Л.В. Титова* (отв. секретарь), д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова*, канд. ист. наук И.Л. *Манькова*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, академик РАН С.И. *Николаев*, д-р филол. наук *Т.В. Панич*, канд. ист. наук *С.Г. Петров*, канд. филол. наук *В.А. Ромодановская, И.А. Шипилов* (секретарь), д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Утверждено к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук 190, проект № 0326-2018-0002 «Роль памятников письменности в сохранении и развитии отечественной духовной культуры в XVI — начале XXI в.: Археографические и источниковедческие аспекты».

А 43 **Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского** / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. — Новосибирск, 2020. — 788 с. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 39).

Очередной 39-й выпуск научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири» содержит материалы IV Всероссийской конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Николая Николаевича Покровского. Широкий тематический и хронологический диапазон научных интересов выдающегося историка отражают статьи авторов сборника, они охватывают огромный круг проблем по отечественной истории, археографии, филологии, источниковедению от средневековья до наших дней. В центре внимания ученых агиографические памятники, научные труды и материалы участников академических экспедиций XVIII в., произведения писателей Древней Руси, письменные памятники культуры старообрядчества, а также эпистолярные источники. Обширный раздел в сборнике занимают воспоминания о Николае Николаевиче родственников, учеников, коллег и единомышленников.

Книга рассчитана на историков, филологов, культурологов, музыковедов и всех проявляющих интерес к русской истории и культуре.

ISBN 978-5-93889-392-4 © Институт истории СО РАН, 2020

Предисловие

Академик РАН Николай Николаевич Покровский — выдающийся российский историк, археограф, источниковед, организатор науки. Он автор более чем трех сотен статей, двадцати трех монографических исследований и научных изданий источников. Работы Николая Николаевича внесли существенный вклад в решение ряда научных проблем, стоящих перед гуманитарными науками, в них поднимались актуальные вопросы, открывающие новые перспективы исторических исследований. Н.Н. Покровский одним из первых осознал необходимость междисциплинарных подходов при изучении российской истории — и это стало основополагающим принципом и его работ, и работ созданной им научной школы.

Ее образование было связано с рождением третьего в стране археографического центра — сибирского, и изначально обусловлено полевой экспедиционной работой. Именно собранные в старообрядческих поселениях рукописные источники предоставили новый материал для изучения истории как дораскольной Руси, так и идеологии и религиозно-общественных движений староверов — и в единстве археографической и источниковедческой составляющих и есть особенность научной школы Н.Н. Покровского, которую классик американской русистики Р.О. Крамми назвал «Новосибирской школой исследований старообрядчества».

Характерной чертой работ Н.Н. Покровского и его школы стало привлечение при анализе письменного источника всего комплекса исторических и филологических дисциплин, классических методов археографии и источниковедения, дополненных возможностями новых подходов и современной цифровой техники. Николай Николаевич, продолжив лучшие традиции русской исторической школы XIX–XX вв., большое внимание уделял научной публикации памятников письменности, причем его интересовали все периоды российской истории, от глубокой древности до событий новейшего времени.

Под его руководством и при его участии были осуществлены грандиозные проекты по изданию документальных и нарративных источников. Их отличительная черта не только в безупречной подготовке публикаций, но и в обязательно сопровождающем их аналитическом введении, в котором источник представлен в контексте эпохи.

* * *

Статьи тридцать девятого выпуска серии «Археография и источниковедение Сибири» написаны на основе докладов, прозвучавших на IV Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященной 90-летию академика Н.Н. Покровского, состоявшейся в Новосибирске 9–11 ноября 2020 г. в Институте истории СО РАН. В ней приняли участие ученики и коллеги Николая Николаевича, временной и тематический диапазон статей отражает широту научных интересов юбиляра, среди них и проблемы изучения отечественной истории и старообрядческих согласий, и научные и эдиционные практики современного источниковедения, и исследования памятников письменной и книжной культуры и истории Русской Православной Церкви. Облик Николая Николаевича Покровского, ученого мирового уровня, гражданина в самом высоком значении этого слова, был бы неполным без воссоздания его человеческих, личностных качеств — и именно личности Н.Н. Покровского посвящены воспоминания его родственников, учеников, коллег и друзей, занимающие в сборнике особый раздел.

А.П. Деревянко,
академик РАН

Николай Николаевич Покровский: Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности*

Николай Николаевич Покровский — наследник духовной культуры далеко раскиданных друг от друга «гнезд» русской интеллигенции и русского крестьянства. Прадед, отец Феодор, — ярославский священник, дед Илья — начальник юридического отдела Управления Северо-Кавказской железной дороги, отец, Николай Ильич, — известный историк, первый декан историко-филологического факультета Ростовского государственного университета. Родня со стороны матери, врача-невропатолога Татьяны Андреевны Прасоловой, — курские крестьяне и торговцы сельскохозяйственной продукцией, кроме деда Андрея, странником в поисках духовной истины прошедшего пол-России, включая Ясную Поляну, и осевшего в Ростове-на-Дону.

Семья, состоящая из незаурядных людей, библиотека на нескольких языках, собранная ими, заложили фундамент личности Николая Николаевича, который достраивала жизнь. Она Покровских никогда не баловала: дед Илья умер в ссылке, отец постоянно был под подозрением у властей, несколько раз чудом избежав репрессий. Сам Николай Николаевич отбыл шесть лет в лагерях в конце 1950-х — начале 1960-х гг. по знаменитому «университетскому делу». Но во всех испытаниях «железного» XX века, куда бы ни забросила судьба, стержнем личности Николая Николаевича, как и всех его предков, оставалось неизменное стремление к познанию. Учеба в Московском

---

* Статья Н.Д. Зольниковой «Николай Николаевич Покровский: Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности» и разделы «Николай Николаевич Покровский. Основные даты жизни», «Список опубликованных работ Николая Николаевича Покровского», «Литература о жизни и трудах Николая Николаевича Покровского» (с. 7–65 настоящего издания) впервые были опубликованы в: Николай Николаевич Покровский / Сост. З.В. Бородина, О.Д. Журавель, И.А. Шипилов; авт. вступ. ст. Н.Д. Зольникова. М., 2010 (Материалы к биобиблиографии ученых: История. Вып. 34). Для настоящего издания значительно переработаны и дополнены в рамках работы по гранту РФФИ № 18-09-00094а «Интеллектуальный лидер и его окружение: Формирование социокультурной идентичности».

Раздел «Воспоминания» (с. 631–766 настоящего издания) представляет материалы Круглого стола, проведенного на IV Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященной 90-летию академика Н.Н. Покровского. Для настоящего издания воспоминания были отобраны и литературно обработаны с целью всестороннего воссоздания личности Н.Н. Покровского в рамках работы по гранту РФФИ № 18-09-00094а «Интеллектуальный лидер и его окружение: Формирование социокультурной идентичности».

университете («красный» диплом), аспирантура и работа на кафедре источниковедения в том же МГУ приобщили Н.Н. Покровского к лучшим традициям московской школы русской истории: его учителями были академики М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, профессора Н.Л. Рубинштейн, П.А. Зайончковский и др. Однако успешно защищенный кандидатский труд о русских актовых источниках по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. был опубликован только через два десятилетия, уже в Сибири. А тогда, в середине 1950-х гг., Н.Н. Покровский напряженно работал и в области совсем недавнего прошлого, участвуя в подготовке к изданию справочника «История советского общества в воспоминаниях современников: 1917–1957», в котором, кроме прочих, использовались и рассекреченные после 1953 г. документы. С разрешения Николая Николаевича книга вышла в свет без его фамилии, поскольку в это время молодой историк расплачивался за иллюзии по поводу радикальности хрущевской «оттепели». Но уже навсегда Н.Н. Покровский сохранил верность принципу одинаково тщательного подхода к изучению источников разных эпох, а также методам русской медиевистики при исследовании документов нового и новейшего времени. Блестящим примером для него тут были замечательные представители петербургской исторической школы Б.А. Романов и С.Н. Валк (их труды Н.Н. Покровский впоследствии неизменно включал в список литературы для новосибирских студентов).

Переехав в 1965 г. по рекомендации М.Н. Тихомирова в Новосибирский Академгородок, который тогда славился как один из наиболее свободных и бурно развивающихся научных центров страны, Николай Николаевич впервые после вынужденного перерыва занялся большим научным проектом (весьма далеко отстоящим от прежних изысканий) и одновременно стал преподавать в Новосибирском государственном университете. Так в те годы формировались в Сибирском отделении Академии наук все, ставшие позже гордостью страны, научные школы. С именем Н.Н. Покровского связано, как известно, «археографическое открытие Сибири», — об этом в свое время замечательно написали академики Д.С. Лихачев и А.М. Панченко. Десятки археографических экспедиций не только позволили создать одно из крупнейших в стране собраний древнерусских рукописей и старопечатных книг, они открыли дотоле неведомый богатейший мир письменной духовной культуры русских крестьян-староверов в огромном восточном регионе России — от Урала до Дальнего Востока. Ученики Николая Николаевича, приобщаясь к этой культуре во время полевой работы, продолжали научный поиск по самым различным темам многовековой истории старообрядчества. Надежным

ориентиром им служили труды Н.Н. Покровского, начиная с вышедшей в 1974 г. монографии «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.» по истории староверия, вплоть до труда 2002 г. «Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания» (в соавторстве с Н.Д. Зольниковой), посвященного крупнейшему направлению старообрядчества — часовенному согласию.

Уже в первых работах, и особенно в монографии 1974 г., Н.Н. Покровский поднимает две общие проблемы, к которым на разном материале он будет затем возвращаться снова и снова: отношения Церкви и государства и власти и общества (к последней он обратился за десятилетия до того, как эта тема стала остро востребованной в мировой историографии). Историко-церковные исследования, если они не принадлежали научному атеизму, в те годы почти не допускались.

Проекты Н.Н. Покровского, все еще слывшего неблагонадежным, смогли осуществиться лишь при поддержке и защите московских и ленинградских старших коллег, а также в атмосфере относительной свободы творчества, которую в Новосибирском Академгородке в те годы обеспечивал глава Сибирского отделения Академии наук М.А. Лаврентьев, к чьей помощи пришлось обращаться не раз. Понятно, что при жесткой партийной цензуре, в обстановке непрекращающихся преследований как Русской Православной Церкви, так и староверия объектом изучения могли быть только те явления, которые хоть как-то соотносились со «священными коровами» советской историографии — революционным движением, классовой борьбой, историей классов. Поэтому для цензуры старообрядчество заявлялось прежде всего как протестное, в том числе против официальной Церкви, движение угнетенного класса. Однако и в таких формулировках тема оставалась «подозрительной», и когда три ученика Н.Н. Покровского разом защитили в НГУ кандидатские диссертации по истории староверия, из Новосибирского обкома КПСС последовал «нагоняй» в адрес университета. (Заметим, что Новосибирский обком оказался прозорливее неких молодых историков, которые в начале 1990-х гг., в условиях наступившей свободы совести, ополчились на исследования школы Н.Н. Покровского, с пылом неофитов защищая идею русской православной монархии, в том числе и крестьянского монархизма.)

Сам Николай Николаевич, серьезно исследуя социальную и политическую составляющие старообрядческой оппозиции, предупреждал об опасности ее абсолютизации, о недооценке чисто богословской стороны движения. На огромном новом материале документальных и нарративных источников он сумел впервые поставить и в значитель-

ной степени решить поразительно широкий спектр проблем мира урало-сибирского (и не только!) староверия в его отношениях как с властной церковно-государственной вертикалью, так и с многочисленными горизонталями общества XVIII в. Н.Н. Покровский раскрыл куда более сложный, нежели любое идеологическое клише, характер обсуждаемого феномена: здесь и борьба течений внутри разных согласий староверия, и интересно раскрытая загадка размытости границ между этими согласиями, а подчас и между старообрядческими и официально-православными общинами, не раз вместе выступавшими против насилия власти.[1] Здесь и объяснение специфики старообрядческого ответа на давление официальных структур: от камуфляжа внутри приходов Русской Православной Церкви до побега и открытого противостояния, в том числе самосожжений. Здесь и убедительно доказанная зависимость социально-политического протеста от экономического и социального угнетения, но едва ли не в первую очередь — от мировоззренческих, прежде всего богословского характера, установок «расколоучителей» и их паствы. Последнее входило уже в прямое противоречие с обязательной методологией советской историографии, опиравшейся на пресловутую теорию формаций и постулат о главенстве базиса над надстройкой. Уже не говоря о том, что до сих пор монография Н.Н. Покровского об урало-сибирском старообрядчестве — единственная, в которой дан последовательный, до сих пор не превзойденный анализ политики государства и Церкви в отношении старообрядчества за целое столетие, с подробной ее периодизацией, что выводит книгу далеко за рамки регионального исследования.

Со временем Н.Н. Покровского все больше стала привлекать именно сфера идей, мировосприятия, менталитета русского населения (далеко не всегда старообрядцев) как варианта народного христианства. Эти его работы появлялись в те же годы, когда ширилась слава школы «Анналов», изучавшей аналогичные явления на примере католического варианта народной религиозности. На русском материале подобные исследования в силу названных причин тогда почти не появлялись. Когда в советской историографии, уставшей от навязчивого главенства в гуманитарной науке марксистской социологии, все чаще начали писать (со ссылкой на актуальные зарубежные достижения) о необходимости поставить в центр исследования человека, Н.Н. Покровский уже несколько десятилетий густо насы-

[1] Последнее обстоятельство позже не раз подтвердили наблюдения специалистов по древнерусской литературе и книжности: для всего времени существования старообрядчества его литература читалась в народной среде официального православия — и наоборот.

щал свои работы яркими характерами и судьбами людей, не раз поражая читателя невыдуманными детективными сюжетами. Из-под пера Николая Николаевича выходит красочная галерея персонажей XVII–XIX вв. — крестьян, торговцев, чиновников, воевод, причудливо сочетающих в своем идейном багаже официальное православие и староверие, язычество и христианство; сплав этот для его обладателей совсем не представлялся противоречивым, и исследователь мастерски показывал — почему.

Постоянный экспедиционный и архивный поиск Н.Н. Покровского приносил находки в широчайшем диапазоне последних пяти веков русской истории. Некоторые сразу поражали своей уникальностью — как, например, единственный полный список судов над преподобным Максимом Греком, найденный в одной из первых поездок к алтайским староверам; древнейший список «Степенной книги царского родословия», обнаруженный в Томском краеведческом музее; ярчайшая автобиография алтайского крестьянина XVIII в., зафиксированная на страницах следственного дела.

Н.Н. Покровский, как истинный археограф, в своей профессиональной деятельности всегда был нацелен на поиск, исследование и публикацию источников. Последние два направления всегда сочетались у него очень тесно (заметим, что, например, во французской исторической науке ряд ученых, издающих источники, не считают своей задачей их исследование, ограничиваясь внешней критикой). Издание «Судных списков Максима Грека» вышло в сопровождении исследования тех новаций, которые Списки принесли. Двухтомную «Степенную книгу царского родословия» предваряет в первом томе, наряду со статьями соавторов и соиздателей, большая статья Н.Н. Покровского «Исторические концепции Степенной книги царского родословия». Так уж совпало, что реалии обоих этих проектов относятся к XVI в. и носят общерусский характер. Последнее обстоятельство очень характерно для Н.Н. Покровского: сибиреведение у него тесно переплеталось с историей страны в целом. Это касается изучения староверия, это справедливо и для его занятий местным самоуправлением в XVII в., которому посвящены работы 1980-х — начала 1990-х гг.

По общесибирским и московским документам о взаимоотношении царской администрации (центральной и местной), церковной власти и мирских объединений разных социальных слоев сибирского населения изучалась главная, сквозная тема механизмов и результативности взаимодействия власти и общества как в обычное время, так и в периоды острых социальных потрясений. Опираясь на труды своих замечательных предшественников по русской исторической

школе — М.М. Богословского, С.В. Бахрушина, М.Н. Тихомирова — Н.Н. Покровский на великолепно поданном, мастерски исследованном массовом материале доказал высокую степень участия мирских сообществ в управлении государством как во время бунта, так и в спокойное время («Томск, 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры»; совместно с В.А. Александровым — «Власть и общество: Сибирь в XVII веке»). Обе эти работы остались в нашей историографии явно недооцененными, возможно, из-за кажущегося регионализма темы. Однако внимательное прочтение убеждает, что поднятые в них проблемы серьезно уточняют представления о типе управления в России и механизмах взаимосвязи государства и общества. Казалось бы, о Томском бунте середины XVII в., одном из серии городских восстаний, потрясших тогда Россию, кто только не писал, в том числе и вдумчивый, серьезный томский исследователь З.Я. Бояршинова. Но, как оказалось, из всего массива документов историки освоили лишь малую часть. И когда все безумно перепутанные тысячи листов Томского следствия были разложены в столбцах по порядку, прочитаны и проанализированы, реальная картина, полученная Н.Н. Покровским, оказалась совершенно несоответствующей тогдашним представлениям о классовой борьбе и ее движущих силах. В обоих враждующих лагерях, на которые разделился город, оказался близкий набор социальных страт! Никак городское и уездное общество не делилось на четкие категории эксплуататоров и эксплуатируемых (исследователи народных восстаний отмечали подобные явления на других территориях, и всегда они как-то мешали однозначной оценке событий в системе принятой методологии). Увы, в ипостасях угнетенных и угнетателей в разное время могли выступать одни и те же социальные группы. Выяснилось, что, кроме несомненного факта произвола местной администрации, томских жителей разделило и представление о мирской и государевой правде, о том, как должен был «по истине» управлять страной монарх. «Правда», естественно, у разных групп, в зависимости от их интересов, различалась.

Как видим, значительное место и в данных исследованиях Н.Н. Покровского занимают народное сознание, менталитет. Универсальное значение имеет осмысление исследователем того, как государева социальная демагогия питала народную социальную утопию, как функционировали механизмы отношений миров, их лидеров между собой и с властью. Ярко выделяется не имеющий до сих пор аналогов небольшой самостоятельный очерк о роли Церкви во время бунта. Н.Н. Покровский представил весь спектр реакции на протест со стороны духовенства и вообще на его поведение, не всегда «благовидное». Но главной оказалась та деятельность, в которой ду-

ховенство видело свой общественный долг во время мятежа, а именно активное, убежденное посредничество, последовательное стремление установить гражданский мир, хотя за это пришлось претерпеть от обеих противостоящих сторон! Для самого Николая Николаевича в этом не было ничего неожиданного: Церковь выполняла свою роль печалования, которая ей была присуща издавна и которая, по мнению исследователя, была ее обязательной функцией в системе русской монархии XVII в.

Деятельность сибирских миров XVII в. в названных выше исследованиях была оценена как органическая часть политики сословно-представительной монархии (в дореволюционной терминологии — земского строя). Многие историки, школьные учителя и вслед за ними общественные деятели твердо уверены в том, что таковой в России никогда не было. Но никуда не деться: права мирских общин и их более крупных объединений до конца XVII в. были в стране явлением, признаваемым государственной властью, часто угрожающим амбициям последней и не так редко влияющим на принятие важных решений, а то и их отмену. Как расценить тот факт, что общегородская челобитная на воеводу автоматически, независимо от результатов следствия, влекла его удаление? Недаром с таким остервенением права миров уничтожались с приближением имперских времен. Совершенно логичен интерес Н.Н. Покровского и к этому процессу, выразившийся в серии блестящих статей, посвященных «слову и делу государеву» в начале XVIII в.

Разработка темы «Власть и общество» у Н.Н. Покровского, как уже неоднократно отмечалось, постоянно сочеталась с исследованием отношений Церкви и государства. Сначала интерес к такой постановке вопроса вызвали фигуры преподобного Максима Грека, инициатора создания Степенной книги митрополита Макария, а также его преемника митрополита Афанасия; для более позднего времени — это проблема раскола Православной Церкви. Особое внимание Н.Н. Покровский уделял преломлению на русской почве унаследованной от Византии теории «симфонии» Церкви и государства. Так, текстологический анализ обнаруженных древнейших списков Степенной книги по-новому осветил историю создания этого первого нелетописного свода русской истории. При этом высветилась основная причина того, почему этот огромный многолетний труд остался незавершенным: теория «симфонии» пришла в трагическое противоречие с практикой приближавшихся времен опричного террора.

Казалось бы, послереволюционное время должно было остаться вне внимания ученого. Однако противостояние Русской Православной Церкви и атеистического государства на заре советской власти

настолько волновало историка, что в 1990-е гг. он предпринял посвященный этому вопросу трудоемкий многолетний проект (в соавторстве с С.Г. Петровым). Толчком к работе послужило, как когда-то в начале творческого пути, рассекречивание ранее недоступных документов. Тип исследования, ставший уже привычным, — издание источника с его глубоким анализом и комментированием. С этого двухтомного проекта началась новая серия — «Архивы Кремля», ныне успешно продолженная другими исследователями. В двухтомнике, посвященном отношениям Политбюро и Церкви в 1922–1925 гг., дан детальный анализ черновиков и копий документов, помет на них, дат, почерков, подписей, который позволил выяснить истинных авторов и вдохновителей новой церковной политики государства, мотивы и способы ее осуществления. Власть снова оказалась под пристальным взглядом исследователей, но не она одна: здесь и общество в его отношениях с властью, которой противостояли верующие, не согласные идти в предписанный новыми начальниками «земной рай».

После колоссальной работы с рассекреченными документами Н.Н. Покровский неоднократно выступал перед многочисленной аудиторией исследователей советской истории, настаивая на необходимости применять к документам XX в. накопленные медиевистикой методы анализа. Пришлось не раз наглядно иллюстрировать, к како-

Николай Николаевич Покровский и Наталья Дмитриевна Зольникова.
Ростов-на-Дону, 2008 г.

му количеству ошибок приводят небрежность и невнимание к особенностям источников. Оказалось, что простая перемена знака минуса на плюс отнюдь не даст научной истории XX в. Труды Н.Н. Покровского показали, что еще долго будут существовать две науки: снабженная всем инструментарием вспомогательных исторических дисциплин и не подозревающая о нем наследница историко-партийных традиций, легко поменявшая свои идеи, но не методы.

Следует сказать еще об одном направлении работы Н.Н. Покровского, которым он занимался всю жизнь.

Будучи блестящим лектором, он давно начал делиться своими открытиями не только с коллегами и студентами, но и с куда более широким кругом читателей и слушателей. Школьники, учителя, преподаватели технических институтов и все те, кому довелось слушать его захватывающие рассказы о русской истории, помнят их многие годы. О своих экспедиционных находках и связанных с ними изысканиях Н.Н. Покровский рассказал в очерках «Путешествие за редкими книгами», выдержавших три издания, каждый раз дополнявшихся. Многочисленны его публикации в газетах, сибирских и общероссийских журналах (так, в 1997 г. журнал «Россия» опубликовал серию его очерков, посвященных взаимоотношению власти и Церкви на Руси от домонгольского до советского времени).

Уже с середины 1960-х гг. вокруг Н.Н. Покровского начала формироваться его исследовательская школа, первоначально связанная с созданием третьего в стране археографического центра — сибирского. Ее коллектив состоит из историков, этнографов и филологов, специалистов по древнерусской литературе. Исследования Н.Н. Покровского и его учеников постоянно используются в исторической науке. Признание получили работы, посвященные фактической истории отдельных направлений старообрядчества, идеологии, мировосприятию, менталитету староверов, системе книжных авторитетов, принципам литературного творчества народных писателей-староверов XVII–XX вв., богословской и политической полемике, отношениям с гражданской и церковной властью. Высоко оценены труды о магических верованиях русского общества XVII–XVIII вв., об истории отношений Церкви и государства в Сибири в XVII–XX вв., а также истории сибирской приходской общины. Изучение скрытых механизмов строительства власти в регионах, ее отношений с Центром и местным обществом на примере XVII (вся Сибирь) и XIX (Восточная Сибирь) веков вызвало пристальный интерес как историков, так и читателей широкого круга. Новосибирская археографическая школа держит первенство в исследованиях наследия Г.Ф. Миллера, которые в последние годы получили большое международное признание.

Особенность источниковедческой школы Н.Н. Покровского в том, что ее приоритетами всегда были поиск новых источников, их комментированное издание и исследование. При этом подход к источнику там, где это требовалось, был комплексным, сочетал исторические, филологические и этнографические методы исследования при обязательном обращении к вспомогательным историческим дисциплинам, выработанным русской медиевистикой. Временной охват исследований традиционно широк — от XVI до XX в., а региональные изыскания в школе как ее лидер, так и его ученики и коллеги никогда не ограничивали урало-сибирским материалом, всегда проецируя его на общерусский фон.

В кратком очерке невозможно дать полную оценку деятельности такого крупного ученого, как академик Н.Н. Покровский. Многое можно было бы сказать и о продолжающихся исследованиях по истории Сибири, об основанных сериях «Археография и источниковедение Сибири» и «История Сибири: Первоисточники», о коллективном труде «Духовная литература староверов Востока России», о полном приключений издании основного труда отца, Н.И. Покровского, посвященного Кавказским войнам в XIX в., и о многом-многом другом. На протяжении десятилетий ученый трудился по многим направлениям исследования истории России и Сибири, трудился, не включаясь в погоню за мелькающими модными историографическими течениями и теориями, обладая редким умением задать источнику правильные вопросы как для его времени, так и для нашего, что неизменно делает науку актуальной и содержащей новое знание. И пусть оно, как всякая научная истина, не будет абсолютным, но зато несомненно одно: это знание — честно добытое и плодотворное.

Н.Д. Зольникова

Николай Николаевич Покровский
Основные даты жизни

20 июня 1930 г. — родился в Ростове-на-Дону.

1947 г. — окончил среднюю школу № 3 (Ростов-на-Дону).

1947–1952 гг. — студент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

1952 г. — окончил с отличием исторический факультет МГУ.

1952–1955 гг. — аспирант кафедры источниковедения исторического факультета МГУ.

1954–1957 гг. — ассистент, с 1955 г. младший преподаватель кафедры источниковедения МГУ.

1955 г. — защитил диссертацию на тему «Актовые источники по истории феодальной собственности в России XIV — начала XVI в.», присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

1957–1963 гг. — находился в заключении в Лубянской тюрьме КГБ, затем отбывал наказание в Мордовских лагерях (осужден по статьям 58-10, ч. 1, 58-11). Постановлением Президиума Верховного суда РСФСР от 3 мая 1989 г. приговор отменен за отсутствием состава преступления. Реабилитирован.

1964–1965 гг. — заведующий отделом, заместитель директора Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

1965 г. — переехал в Новосибирский Академгородок; начало ежегодных археографических экспедиций в Зауралье и Сибири.

1965–1966 гг. — младший научный сотрудник Отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

1965–1998 гг. — старший преподаватель, с 1966 г. доцент, с 1975 г. профессор кафедры истории СССР (впоследствии кафедра отечественной истории) гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета.

1966–2013 гг. — младший научный сотрудник, с 1970 г. старший научный сотрудник сектора истории Сибири досоветского периода, с 1975 г. заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1990 г. Институт истории в составе Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, с 2007 г. Институт истории СО РАН).

1969 г. — создание Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР; заместитель председателя.

1971 г. — присвоено ученое звание доцента.

1974 г. — защитил диссертацию на тему «Антифеодальный протест крестьян-старообрядцев Урала и Сибири и борьба с ним в XVIII в.», присуждена ученая степень доктора исторических наук.

1975 г. — основание серии «Археография и источниковедение Сибири»; ответственный редактор.

1975–2013 гг. — член Ученого совета Института истории, филологии и философии СО РАН (ныне Институт истории СО РАН).

1977 г. — присвоено ученое звание профессора.

1981–1991 гг. — председатель Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР.

С 1981 г. — заместитель председателя Археографической комиссии АН СССР/РАН, член редколлегии «Археографического ежегодника».

1987 г. — избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

1989 г. — награжден медалью «Ветеран труда».

1990 г. — председатель оргкомитета международного симпозиума «Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки» (Новосибирск).

1992 г. — избран действительным членом Российской Академии наук.

1992–1994 гг. — член Совета Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

1992–2003 гг. — заместитель директора по научной работе Института истории СО РАН.

1992 г. — основание серии «История Сибири: Первоисточники»; ответственный редактор.

1994–2001 гг. — заместитель председателя Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

С 1994 г. — член редакционного совета журнала «Гуманитарные науки в Сибири».

С 1994 г. — член Комиссии РАН по присуждению премии имени В.О. Ключевского за выдающийся вклад в области отечественной истории и славяноведения.

1995 г. — присуждена общенациональная неправительственная Демидовская премия за выдающиеся достижения в области гуманитарных наук.

1997 г. — основание серии «Архивы Кремля»; ответственный редактор.

1997–2001 гг. — Член Президиума Сибирского отделения РАН, председатель Научно-издательского совета СО РАН.

1998 г. — награжден орденом Почета.

2000–2013 гг. — председатель Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций диссертаций при Институте истории СО РАН.

2001–2013 гг. — член экспертного совета РГНФ.

2002 г. — награжден орденом Русской Православной Церкви святителя Макария, митрополита Московского, III степени.

С 2003 г. — советник РАН.

2005 г. — награжден орденом Дружбы.

2007 г. — награжден знаком отличия «За заслуги перед Новосибирской областью».

2009 г. — награжден орденом Русской Православной Церкви преподобного Сергия Радонежского III степени.

13 октября 2013 г. — скончался в Новосибирске, похоронен на Южном кладбище Академгородка.

Список опубликованных работ Николая Николаевича Покровского

1952

«От всего сердца» // Московский университет. 1952. 1 июля. С. 1.

1955

Актовые источники по истории феодальной собственности в России XIV — начала XVI в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.: Изд-во Московского университета, 1955. 16 с.

1956

К истории крупного светского землевладения в Двинской земле XV–XVI вв. // Вестник МГУ. Сер. Историко-филологическая. 1956. № 2. С. 125–140.

1958

История советского общества в воспоминаниях современников, 1917–1957 гг.: Аннотированный указатель мемуарной литературы / Ред.-сост. В.З. Дробижев, В.А. Дунаевский, Ю.С. Кукушкин, [Н.Н. Покровский]. М.: Изд-во Московского университета, 1958. 407 с.

1964

Ими гордились бы музеи мира: [О выставке старопечатных книг во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике] // Призыв. 1964. № 67. 19 марта. С. 4.

1965

Киевское княжество // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. С. 233.

Лекции по древнему искусству русского народа: [О публичных лекциях А.И. Рогова в Академгородке] // За науку в Сибири. 1965. № 47 (223). 29 нояб. С. 4.

Листая стрелецкие приказы // Призыв. 1965. 12 янв. С. 4.

1966

Памяти Михаила Николаевича Тихомирова: [Некролог] // Известия СО АН СССР. Сер. Общественных наук. 1966. № 1. Вып. 1. С. 143–144.

Собрание рукописей академика М.Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 162–172 (в соавт. с А.И. Роговым).

Ред.: История Сибири: Информационно-библиографический бюллетень. Новосибирск: Изд-во ГПНТБ СО АН СССР, 1966. № 1/4 (совм. с Я.Г. Ханинсоном).

Ред.: *Тихомиров М.Н.* Средневековая Россия на международных путях: XIV–XV вв. М.: Наука, 1966. 174 с.

1967

Купчие, данные и меновные грамоты как источник по истории черносошного землевладения России XIV — первой четверти XVI в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 79–90.

Отзыв: *Дорошенко В.В., Янель З.К.* Заметки о новой литературе по истории феодальной России // История СССР. 1968. № 5. С. 148–149.

Ред.: История Сибири: Информационно-библиографический бюллетень. Новосибирск: Изд-во ГПНТБ СО АН СССР, 1967. № 1/4 (совм. с Я.Г. Ханинсоном).

1968

О поземельной структуре крестьянской общины Русского Севера XV — первой половины XVI в. // Бахрушинские чтения 1966 г. Вып. 2: Сибирь периода феодализма и капитализма. Новосибирск, 1968. С. 3–16.

Государственный феодализм двинской деревни перед началом освоения Сибири поморами // Сибирь периода феодализма. Вып. 3: Освоение Сибири в эпоху феодализма: XVII–XIX вв. Новосибирск, 1968. С. 13–19. (Материалы по истории Сибири).

Михаил Николаевич Тихомиров // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып. 1. Новосибирск, 1968. С. 3–4.

О возникновении противоречий в политике светских и церковных властей XVIII в. по отношению к расколу // Известия СО АН СССР. Сер. Общественных наук. 1968. № 1. Вып. 1. С. 73–77.

О противоречиях между светскими и церковными властями при взимании двойного оклада с алтайских староверов середины XVIII в. // Известия СО АН СССР. Сер. Общественных наук. 1968. № 11. Вып. 3. С. 90–95.

Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. 194 с. (определение филиграней и частичное описание рукописей; совм. с М.Н. Тихомировым).

Отзыв: *Гроссман Ю.М., Инкин В.Ф.* Отечественная история эпохи феодализма в литературе 1968 г. // История СССР. 1970. № 5. С. 145.

Ред.: История Сибири: Информационно-библиографический бюллетень. Новосибирск: Изд-во ГПНТБ СО АН СССР, 1968. № 1 (совм. с Я.Г. Ханинсоном).

Ред.: *Тихомиров М.Н.* Описание Тихомировского собрания рукописей. М.: Наука, 1968. 194 с.

1969

Из дали веков: [О целесообразности обшесоюзной координации работы по собиранию древних книг, о деятельности Сибирского отделения Археографической комиссии] // Правда. 1969. № 189. 8 июля. С. 6.

О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири // ТОДРЛ. Т. 24: Литература и общественная мысль Древней Руси. Л., 1969. С. 394–403.

Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР // Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей. Тбилиси, 3–5 ноября 1969 г.: Тезисы докладов. Тбилиси, 1969. С. 46–47.

Сибирская находка: Новое о Максиме Греке // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 128–138.

Отзыв: *Загоровский В.П., Никитин Н.И.* Обзор советской литературы 1969–1970 гг. по истории России эпохи феодализма // История СССР. 1972. № 2. С. 143.

Эхо шестнадцатого века: Находка древней рукописи на Алтае // За науку в Сибири. 1969. № 24. 11 июня. С. 5; № 25. 18 июня. С. 2; № 26. 25 июня. С. 6–7.

1970

Археографы пополняют коллекции // За науку в Сибири. 1970. № 13. 25 марта. С. 4.

Задачи археографического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 171–177 (в соавт. с Е.И. Дергачевой-Скоп).

Методика комплексных археографических экспедиций: Опыт экспедиций Сибирского отделения АН СССР // Тихомировские чтения 1970 года: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 22–27, 182–183.

Методика полевого изучения письменных и этнографических источников по истории местных культурных гнезд Сибири // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 435-436.

Об археографических экспедициях Сибирского отделения АН СССР в 1965–1967 гг. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 262–274 (в соавт. с В.Н. Алексеевым, Е.И. Дергачевой-Скоп, Е.К. Ромодановской).

Охота за фолиантами // За науку в Сибири. 1970. № 35. 19 авг. С. 5.

Сквозь толщу лет: [Об организации выявления и спасения старинных памятников письменности] // Правда. 1970. 30 июня (в соавт. с Д.С. Лихачевым, С.О. Шмидтом).

1971

Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Изд. подгот. Н.Н. Покровский; под ред. С.О. Шмидта. М., 1971. 186 с.

Рецензии и отзывы: *Александропулос М.* Сцены из жизни Максима Грека. М., 1983. С. 3; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории России первой трети XVI в. М., 1972. С. 280, 290–294; *Казакова Н.А.* // История СССР. 1973. № 2. С. 176–179; *Казакова Н.А.* Максим Грек в советской историографии // Вопросы истории. 1973. № 5. С. 149–157; *Синицына Н.В.* // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 153–156; *Шмидт С.О.* Новое о Тучковых // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 129–141; *Шмидт С.О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 153–161.

К изучению памятников протеста крестьян-старообрядцев Западной Сибири середины XVIII в. // Бахрушинские чтения 1971 г. Вып. 2: Из истории социально-политического развития Сибири в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1971. С. 50–58.

О главных направлениях изучения источников по истории Сибири феодального периода в советском источниковедении // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 112–120.

Представления крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в XVIII в. о светских властях // Тезисы докладов и сообщений XIII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс — Каунас, сентябрь 1971 г. М., 1971. С. 77–80.

Western Siberian Scriptoria and Binderies: Ancient Traditions among the Old Believers // The Book Collector. London, 1971. Vol. 20. P. 19–24 (transl. J. S. G. Simmons).

1972

Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Минск — Гродно, 25–29 сентября 1972 г. Вып. 1. М., 1972. С. 169–172.

Сибирский Илья Пророк перед военным судом просвещенного абсолютизма // Известия СО АН СССР. Сер. Общественных наук. 1972. № 6. Вып. 2. С. 133–136.

1973

Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. Новосибирск: Наука, 1973. 231 с.

Рец.: *Зимин А.А.* // История СССР. 1974. № 6. С. 203–236; *Alef G.* // American Historical Review. 1976. Vol. 81. № 11. P. 118–119; *Goehrke C.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 24. Wiesbaden, 1976. S. 73–75.

Антифеодальный протест крестьян-старообрядцев Урала и Западной Сибири и борьба с ним в XVIII в. Автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1973. 44 с.

Книга глаголемая: Записки из археографических экспедиций // Знание — сила. 1973. № 3. С. 36–40.

Максим Грек: Загадки судьбы // Знание — сила. 1973. № 5. С. 42–44.

Массовое антицерковное движение урало-сибирских крестьян и секретный указ от 9 марта 1783 г. // Бахрушинские чтения 1969 г.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 182–204.

О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Вып. 14: Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 19–40.

Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири: Период феодализма. М., 1973. С. 381–406.

Уважение к древности // Правда. 1973. № 226. 14 авг. С. 3 (в соавт. с Д.С. Лихачевым, С.О. Шмидтом).

1974

Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Отв. ред. С.О. Шмидт. Новосибирск: Наука, 1974. 394 с.

Рец.: *Шульгин В.С.* // Вопросы истории. 1976. № 3. С. 155–158; *Nolte H.H.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 24. Wiesbaden, 1976. S. 572–574.

Беглецы на Каранинском озере (середина XVIII в.) // Известия СО АН СССР. Сер. Общественных наук. 1974. № 1. Вып. 1. С. 90–95.

Крестьянская война 1773–1775 гг. и законодательство о расколе // Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 7–13 сентября 1974 г. Вып. 1. М., 1974. С. 86–89.

Представления крестьян-старообрядцев Урала и Сибири XVIII в. о светских властях // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г. Вильнюс, 1974. С. 167–176.

1975

К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков»: 1761–1768 гг. // Известия СО АН СССР. Сер. Общественных наук. 1975. № 6. Вып. 2. С. 109–112.

Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. // Крестьянство Сибири XVIII — начала XX в.: Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975. С. 19–49.

Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1975. С. 110–130.

Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири XVIII века // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. С. 51–57. (Сборник научных трудов ГПНТБ СО АН СССР. Вып. 19).

Пропавший бунт // Знание — сила. 1975. № 5. С. 42–44.

Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея // Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 1]. Новосибирск, 1975. С. 144–148.

Ред.: Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 1]. Новосибирск: Наука, 1975. 215 с.

1976

Книжный клад // Правда. 1976. 28 апр.

Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 165–183.

Социально-утопическая легенда о Беловодье и Алтайская экспедиция Н.К. Рериха (1926 г.) // Рериховские чтения, 1976 г.: Тезисы докладов конференции. Новосибирск, 1976. С. 42–43.

Тарское «противное письмо» 30 мая 1722 г. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 412–417.

Рец.: *Александров В.А.* Сельская община в России: XVII — начало XIX в. М., 1976. 321 с. // История СССР. 1976. № 5. С. 197–199 (в соавт. с А.П. Окладниковым).

Рец.: *Демкова Н.С.* Житие протопопа Аввакума: Творческая история произведения. Л., 1974. 167 с. // Русская литература. 1976. № 2. С. 206–208.

1977

Археографическая деятельность Д.С. Лихачева // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 121–128 (в соавт. с С.О. Шмидтом).

Новый документ по идеологии Тарского протеста // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 221–234. [Археография и источниковедение Сибири. Вып. 2].

Рукопись XVI века Ионы Думина из собрания Сибирского отделения АН СССР // Конференция по истории средневековой письменности и книги: К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тезисы докладов. 25–27 октября 1977 г. Ереван, 1977. С. 76–77.

Урало-сибирская крестьянская община XVIII в. и проблемы старообрядчества // Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск, 1977. С. 179–198.

Ред.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск: Наука, 1977. 253 с. [Археография и источниковедение Сибири. Вып. 2] (совм. с Е.К. Ромодановской).

1978

Освоение восточных окраин России и крестьянское общественно-политическое сознание (XVIII — начало XIX в.) // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: XVII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Ростов-на-Дону, 21–25 сентября 1978 г. М., 1978. С. 167–169.

Путями древних книг // Пути в незнаемое: Писатели рассказывают о науке. Сб. 14. М., 1978. С. 321–364.

Ред.: *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М.: Наука, 1978. 238 с.

1979

Археографические экспедиции и проблемы изучения народной культуры // Проблемы полевой археографии. М, 1979. С. 100–111.

Жалоба уральских заводских крестьян 1790 г. // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 155–182. [Археография и источниковедение Сибири. Вып. 3].

Исповедь алтайского крестьянина // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник за 1978 г. Л., 1979. С. 49–57.

Пути развития сибирского городового летописания XVII — начала XIX в. // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов III Всесоюзной конференции. Новороссийск, 1979. М., 1979. Ч. 2. С. 240–243.

Рец.: *Iwaniec E.* Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w. Warszawa, 1977. 295 s. (Prace Białostockiego towarzystwa naukowego. № 23) // Lud. 1979. T. 63. S. 297–300. То же: Советская этнография. 1979. № 4. С. 187–189.

Ред.: Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск: Наука, 1979. 237 с. [Археография и источниковедение Сибири. Вып. 3] (совм. с Е.К. Ромодановской).

1980

К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет (2-я половина XVIII — XIX в.) // Бахрушинские чтения. 1980 г.: Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 1980. С. 115–133.

Неизвестный документ о волнении усть-ницынских крестьян в XVII веке // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 178–184. [Археография и источниковедение Сибири. Вып. 4].

Правовое регулирование крестьянского общественного сознания русским абсолютистским государством (XVIII в.) // Социально-политический и культурный облик деревни в его историческом развитии: XVIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Воронеж, 25–29 сентября 1980 г. Вып. 2. М., 1980. С. 196–198.

Рец.: *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977. 332 с. // Византийский временник. Т. 41. М., 1980. С. 269–273.

Ред.: Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск: Наука, 1980. 214 с. [Археография и источниковедение Сибири. Вып. 4] (совм. с Е.К. Ромодановской).

1981

Документы XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам // Советская этнография. 1981. № 5. С. 96–108.

Замечание о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 80–102.

Общее и особенное в народном сознании Сибири XVII — середины XIX в. // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тезисы докла-

дов и сообщений Всесоюзной научной конференции. 13–15 октября 1981 г. Вып. 1: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. Новосибирск, 1981. С. 67–68.

Устюжский список «Возвещения от сына духовнаго ко отцу духовному» // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. 13–15 октября 1981 г. Вып. 1: Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. Новосибирск, 1981. С. 151–153.

Рец.: Житие протопопа Аввакума. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. (Серия «Литературные памятники Сибири») // Сибирские огни. 1981. № 12. С. 183–184 (в соавт. с Е. Константиновой [Е.К. Ромодановской]).

Рец.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины: Сборник статей М., 1980. 205 с. // Вопросы истории. 1981. № 12. С. 133–135 (в соавт. с А.П. Окладниковым).

Рец.: *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. 350 с. // Известия СО АН СССР. Сер. Общественных наук. 1981. № 6. Вып. 2. С. 129–131.

Ред.: *Зольникова Н.Д.* Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1981. 183 с.

1982

История крестьянства Сибири. [Т. 1:] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. 504 с.

Введение. С. 9–27 (в соавт. с А.П. Окладниковым); Классовая борьба русских крестьян. С. 336–348 (в соавт. с Т.С. Мамсик); Фольклор и крестьянская литература. С. 423–434 (в соавт. с Е.К. Ромодановской); Социально-политические взгляды. С. 444–458 (в соавт. с Т.С. Мамсик); Крестьянские верования. С. 458–468; Заключение. С. 477–478 (в соавт. с А.П. Окладниковым).

Очерки истории русской литературы в Сибири. Т. 1: Дореволюционный период. Новосибирск: Наука, 1982. 606 с.

Сибирская старообрядческая литература XVIII в. С. 161–170; Иркутское летописание XVIII в. С. 173–176; Иркутское летописание [в начале XIX в.]. С. 187–193.

Книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. в фондах Государственной публичной библиотеки Киргизской ССР им. Н.Г. Чернышевского // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 179–188.

Крестьянский руководитель сибирских староверов-половцев середины XVIII в. Гаврила Морока // Вопросы истории Сибири. Вып. 11: Из истории крестьянства Сибири. Томск, 1982. С. 17–27.

Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII — середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 48–79.

От редактора // Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Вып. 2: Памятники старинной письменности / Сост. В.В. Морозов. М., 1982. С. 3–6.

Прошлое, настоящее и будущее Сибири: Конференция в Новосибирске // История СССР. 1982. № 6. С. 206–210 (в соавт. с В.В. Алексеевым).

Рец.: Описания старопечатных книг и рукописей / [*Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М.* Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв. Научной библиотеки МГУ. М., 1980. 359 с; Славяно-русские рукописи XV–XVI вв. Научной библиотеки МГУ (поступления 1964–1978 гг.) / Сост. Н.А. Кобяк, И.В. Поздеева. М., 1981. 224 с; Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: Каталог / Сост. И.В. Поздеева, при участии М.И. Чуванова. М., 1981. 161 с.] // История СССР. 1982. № 3. С. 195–199.

Ред.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. Вып. 2: Памятники старинной письменности / Сост. В.В. Морозов. М.: Наука, 1982. 130 с. (совм. с С.О. Шмидтом).

Ред.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. 271 с. [Археография и источниковедение Сибири. Вып. 5] (совм. с Е.К. Ромодановской).

Ред.: Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск: Наука, 1982. 272 с. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 6]) (совм. с Е.К. Ромодановской).

1983

Правовое регулирование крестьянского общественного сознания русским абсолютистским государством // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 85–95.

Прошлое, настоящее и будущее Сибири: Конференция в Новосибирске // История СССР. 1983. № 2. С. 209–213 (в соавт. с В.В. Алексеевым).

Самозваный сын Петра I // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 186–188.

Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 46–70. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 7]).

Ред.: Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск: Наука, 1983. 248 с. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 7]) (совм. с Е.К. Ромодановской).

1984

Путешествие за редкими книгами / Вступ. ст. Д.С. Лихачева. М.: Книга, 1984. 191 с.

Рец.: *Алешковский П.* Сегодняшние историки и древние книжники // Знание — сила. 1986. № 2. С. 37–38; *Варжапетян В.* Еще одно открытие Сибири // Литературное обозрение. 1985. № 8. С. 61–63; *Лихачев Д.С.* Путешествие за редкими книгами // Книжное обозрение. 1984. № 29. 20 июля. С. 15; *Мраморнов О.* По книжной Сибири // В мире книг. 1985. № 8. С. 62–64; *Турков А.* Сибирские сокровища // Известия. 1984. № 201. 19 июля. С. 3; *Barlett R.P.* // Solanus. 1987. Vol. 1. P. 95.

Академик А.П. Окладников и развитие сибирской археографии // Гуманитарные исследования в Сибири: Итоги и перспективы. Новосибирск, 1984. С. 13–20.

Биография оренбургского казака: Статья первая // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 103–130. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 8]).

За редкими книгами // Вечерний Новосибирск. 1984. № 298. 28 дек. С. 3.

Крестьянские традиции освоения востока страны и старообрядческие миграции // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни: XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Таллин, 24–28 сентября 1984 г. М., 1984. С. 199–202.

Ред.: Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск: Наука, 1984. 248 с. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 8]).

Ред.: *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 197 с. (совм. с М.М. Громыко).

1985

Афанасий // ТОДРЛ. Т. 39. Л., 1985. С. 20–24 (Исследовательские материалы для «Словаря книжников и книжности Древней Руси»).

Биография оренбургского казака: Статья вторая // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 135–163. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 9]).

М.Н. Тихомиров и сибирская археография // АЕ за 1983 год. М, 1985. С. 202–203 (в соавт. с А.П. Деревянко).

Новые материалы из истории сибирской культуры конца XVII в. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 237–243.

Отрывок из «Путешествия за редкими книгами» // Наука в Сибири. 1985. № 36 (1217). 5 сент. С. 6.

Расскажите о своих находках // Наука в Сибири. 1985. № 36 (1217). 5 сент. С. 6.

Сибирские мирские организации и сословно-представительная монархия XVII века // Феодализм в России: Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина: Тезисы докладов и сообщений. Москва, 30 октября — 1 ноября 1985 г. М., 1985. С. 74–78.

La Vicenda dei decimatori Siberiani // Rivista Storica Italiana. 1985. An. 97. Fasc. 2. P. 395–451 (trad. di P. Pera).

Рец.: *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России. 1719–1728 гг. Л., 1982. 295 с. // История СССР. 1985. № 2. С. 192–194.

Рец.: Исследование о быте и культуре русского населения Сибири: [Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. 177 с.] // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур. Вып. 12. М., 1985. С. 81–83.

Ред.: *Громыко М.М.* Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского: 1850–1854 гг. Новосибирск: Наука, 1985. 168 с. (Сер. «Страницы истории нашей Родины»).

1986

Исторический опыт освоения Сибири: Целевая научно-исследовательская программа. Новосибирск: Наука, 1986. 70 с. (в соавт. с В.В. Алексеевым, Е.Т. Артемовым, Р.С. Васильевским и др.).

Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965–1983 гг. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 13–25.

Книги Тарского бунта 1722 г. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 155–190. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 10]).

Крестьянские традиции освоения востока страны и старообрядческие миграции (конец XVII — первая четверть XIX в.) // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 1. Таллин, 1986. С. 115–122.

Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. 1986. № 1. С. 47–68 (в соавт. с В.А. Александровым).

Пер.: Mir organizations and administrative authority in Siberia in the 17th century // Journal Soviet Studies in History. 1987/88. Vol. 26. № 3. P. 51–93 (co-aut. V.A. Aleksandrov).

Памяти Галины Петровны Шатровой // Известия СО АН СССР. Сер. Истории, филологии и философии. 1986. № 3. Вып. 1. С. 69 (в соавт. с М.Б. Шейнфельдом, Л.М. Горюшкиным).

Предисловие // *Эйдельман Н.Я.* Твой XVIII век. М., 1986. С. 3–6.

Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189.

Рец.: *Черкасова А.С.* Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. 247 с. // История СССР. 1986. № 5. С. 170–173.

Ред.: Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1986. 261 с. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 10]).

Ред.: Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1986. 212 с.

Ред.: Описание рукописей собрания Черткова / Сост. М.М. Черниловская, Э.В. Шульгина. Новосибирск: Наука, 1986. 136 с. (совм. с Е.К. Ромодановской).

1987

Археографические экспедиции и проблемы изучения народного сознания // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 159–163.

Народная эсхатологическая «газета» 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.

Начальные челобитные Томского восстания 1648–1649 гг. // Литература и классовая борьба эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 70–104. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 11]).

Памяти Зои Яковлевны Бояршиновой (1909–1986) // Известия СО АН СССР. Сер. Истории, филологии и философии. 1987. № 3. Вып. 1. С. 72. [Автор не указан].

Предисловие // Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 3–31 (в соавт. с Е.К. Ромодановской).

Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 239–266.

Рец.: Труд и обычай: [*Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. 278 с.] // Новый мир. 1987. № 12. С. 245–248.

1988

Путешествие за редкими книгами / Вступ. ст. Д.С. Лихачева. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. 285 с.

Рец.: *Michels G.* // The Russian Review: An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present. 1994. Vol. 53. № 3. P. 449–450.

A Quarter of a Century of Field Research of Western Russia Old-Believers: Social Conscience and Intellectual Culture. Novosibirsk, 1988. 10 p. (XII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences; Preprint).

Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 73–79.

Десять веков православия: [беседа] // Советская Сибирь. 1988. № 131. 5 июня. С. 2–3.

Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24–61. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 12]).

La colonizzazione della Siberia // Storia e dossier. 1988. An. 3. № 24. P. 33–37.

Рец.: *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. 239 с. // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 144–148.

Рец.: *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. 264 с. // Вопросы истории. 1988. № 9. С. 151–155.

Ред.: *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 188 с.

Ред.: Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 271 с. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 12]).

Ред.: Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 1988. 211 с.

Ред.: *Спасский И.Г.* Русские ефимки: Исследование и каталог. Новосибирск: Наука, 1988. 336 с. (совм. с В.Л. Яниным).

1989

Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры / Отв. ред. В.А. Александров. Новосибирск: Наука, 1989. 387 с.

Рец.: *Копанев А.И.* // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 177–180.

В пространстве и времени // *Эйдельман Н.Я.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 3–20.

Демократические традиции русской общины // Наука в Сибири. 1989. № 14 (1397). 14 апр. С. 4–5.

Законодательные источники петровского времени о «слове и деле государевом» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 77–86. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 13]).

Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225–231.

Народная книжность на Востоке России в XVIII в. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: XII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. Минск, 11–14 октября 1989 г. М., 1989. С. 144–146.

Новосибирская конференция // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1989. № 1. С. 104–105.

О чем не стыдно вспомнить // Наука в Сибири. 1989. № 8 (1391). 3 марта. С. 3.

Предисловие // Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 7–10.

Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в, // Христианство и церковь в России феодального периода: Материалы. Новосибирск, 1989. С. 77–86.

Ред.: Христианство и Церковь в России феодального периода: Материалы. Новосибирск: Наука, 1989. 366 с.

1990

Аввакум в Сибири: Великий русский страстотерпец и писатель в сибирской ссылке // Сибирская газета. 1990. № 45. 17/23 дек. С. 8–9.

В переводе с английского: [Беседа] // Сибирская газета. 1990. № 27. 9/15 июля. С. 7.

Енафья // Сибирская газета. 1990. № 21. 21/27 мая. С. 8.

Полулегальная наука: Размышления о формировании Российской Академии наук // Советская Россия. 1990. 14 авг. С. 2.

Проблемы истории России в работах Н.Я. Эйдельмана // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 161–171.

Чтобы вылечить гуманитарную глухоту: [Беседа за «Круглым столом»] / Участвовали А.П. Деревянко, В.И. Бойко // Советская Сибирь. 1990. 20/26 июня. С. 3.

Ред.: *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск: Наука, 1990. 290 с.

Ред.: *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 245 с.

1991

Власть и общество: Сибирь в XVII веке. Новосибирск: Наука, 1991. 400 с. (в соавт. с В.А. Александровым).

Рец.: *Мясников В.С., Новгородская Н.Ю.* // Отечественная история. 1992. № 6. С. 173–175.

Исторический опыт освоения Сибири в XVI — середине XIX века: Отчет о НИР (заключительный). Новосибирск, 1991. 43 с.

Герасимов А. Повесть о Дубческих скитах / Публ., коммент., вступ. ст. Н.Н. Покровского // Новый мир. 1991. № 9. С. 91–103.

За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77–90.

Идейные истоки исторической литературы урало-сибирских часовенных // Известия СО АН СССР. Сер. Истории, филологии и философии. 1991. № 3. Вып. 1. С. 3–8.

От редактора // Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 3–12.

Письмо в редакцию // Наука в Сибири. 1991. № 38 (1523). Окт. С. 8.

«Повесть чюдесных событий» времен «аНКаВаДы» // Наука Урала. 1991. № 14. С. 7.

Ред.: *Алексеев Ю.Г.* Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 239 с.

Ред.: Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1991. 258 с. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 15]).

Ред.: *Панич Т.В., Титова Л.В.* Описание собрания рукописей ИИФиФ СО АН СССР. Новосибирск: Наука, 1991. 280 с. (совм. с Е.К. Ромодановской).

1992

В Сибирь, в скиты, к староверам... // Сибирская газета. 1992. № 28. С. 10.

Гуманитарная глухота: Причины и следствия // Советская Сибирь. 1992. 3 марта. С. 3. (в соавт. с Е.К. Ромодановской).

Духовный мир русского старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. 1: Личность. Книга. Традиция. М., 1992. С. 3–4.

«Нужно издавать первоисточники, если действительно хочешь разобраться в истории Отечества» // Наука в Сибири. 1992. № 25. С. 3.

Рассказ о Екатеринбургском соборе 1884 года // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 146–159. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 16]).

Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 194–210.

Старообрядчество востока страны конца XVII — середины XIX в. // Русская духовная культура. Тренто, 1992. С. 179–209.

Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселении в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 6–12.

Рец.: Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1: 1608–1683. М., 1969; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 2: 1686–1691. М., 1972; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1: 1700–1725. М., 1978; Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 2: 1725–1727. М., 1990 // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 208–211.

Ред.: Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1992. 324 с. (совм. с Р. Моррисом).

1993

Гусли, патефоны и телевизоры // ТОДРЛ. Т. 48. СПб., 1993. С. 446–450.

Неутомимый труженик науки: К 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 8. С. 747–753 (в соавт. с С.О. Шмидтом).

О древних книгах, Томском бунте и сибирском характере: [Интервью] // Сибирская старина: Краеведческий альманах. Томск, 1993. № 2. С. 2–3.

О серии «История Сибири: Первоисточники» // Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII вв. в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. I–IV. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 1).

«...Через десять лет и эти пищать перестанут»: [Беседа] // Российская газета. 1993. 7 авг. С. 12.

Рец.: Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985. 384 с.; Ч. 2. М., 1987. 408 с.; Ч. 3. М., 1988. 400 с.; Ч. 4. М., 1990. 382 с. // Отечественная история. 1993. № 2. С. 196–199.

Ред.: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 250 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 1).

1994

Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. 292 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 4).

«Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 124–126.

Политбюро и церковь. 1922–1923: Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8. С. 186–213.

Рец.: *Иннокентий (Павлов), игумен*. Уроки истории // Русская мысль. 1996. 12/18 сент. С. 8.

Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси // Закономерности социального развития: Ориентиры и критерии моделей будущего: Материалы конференции. Новосибирск, 12–15 апреля 1994. Ч. 2. Новосибирск, 1994. С. 21–26.

Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси // Наука в Сибири. 1994. № 41. С. 4.

Старообрядческий агиографический цикл XX века // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycie we współczesnym świecie. Warszawa, 1994. S. 33–41.

Старообрядческий рассказ о сталинских репрессиях // Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Вып. 2. Новосибирск, 1994. С. 198–211.

Przedmowa // Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycie we współczesnym świecie. Warszawa, 1994. S. 13–15.

Ред.: Археографический ежегодник за 1992 год. М.: Наука, 1994. 365 с.

Ред.: Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. 292 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 4).

1995

Документы Политбюро и Лубянки в борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. / Публ. подгот. Н.Н. Покровский // Ученые записки Российского православного университета св. Иоанна Богослова. Вып. 1. М., 1995. С. 125–174.

Кавказские войны // Наука в Сибири. 1995. № 1. С. 1.

Москва — духовный и исторический центр русского старообрядчества // Мир старообрядчества. Вып. 2: Москва старообрядческая. М., 1995. С. 3–5.

Рукопись сибирских старообрядцев на бересте // Живая старина. 1995. № 1. С. 28–39.

«Скачки» перед самосожжением // Отечество: Краеведческий альманах. Вып. 6. М., 1995. С. 234–259.

Ред.: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Т. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. 304 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 5).

1996

Время публиковать источники // Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 11–21.

Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 18-46.

К кончине Вадима Александровича Александрова (1921–1994) // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 367–369.

Книга, традиция, культура // Мир старообрядчества. Вып. 3: Книга. Традиция. Культура. М., 1996. С. 3–5.

Народный архив. Чудеса святителя Николая Мирликийского // Россия. 1996. № 12. С. 76–78.

Новые сибирские чудеса святителя Николая Мирликийского // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 272–297. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 17]).

«Повести чудесных событий» из Урало-Сибирского патерика XX в. // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1996. С. 568–572.

Уроки чеченского // Россия. 1996. № 12. С. 4–5.

Целовальник — должность выборная // Россия. 1996. № 7/8. С. 44–47.

Zemstvo — Tradition und Staatsmacht in Sibirien // Sibirien: Kolonie-Region. Berlin, 1996. S. 7–17. (Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Bd. 2).

Ред.: *Гурьянова Н.С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск: Наука, 1996. 230 с.

Ред.: *Мальцев А.И.* Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.

Ред.: Первое столетие сибирских городов: XVII век / Изд. подгот. Н.Д. Зольникова, А.И. Мальцев, Д.Я. Резун, при участии А.А. Бродникова, И.Ю. Просекова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 192 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

Ред.: Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 327 с. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 17]).

Ред.: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / Изд. подгот. А.Х. Элерт. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 6).

1997

Политбюро и церковь: 1922–1925 гг. / Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. Кн. 1. М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 597 с. (Архивы Кремля).

...А налоги здесь всего «пятый сноп»: Первые сибиряки России // Россия. 1997. № 5. С. 72–77.

Власть и Церковь на Руси. Заметки историка: 1. Киевская и Московская Русь // Россия. 1997. № 8. С. 70–75.

Власть и Церковь на Руси. Заметки историка: 2. Петербургская Россия. Часть 1 // Россия. 1997. № 9. С. 76–79.

Власть и Церковь на Руси. Заметки историка: 2. Петербургская Россия. Часть 2 // Россия. 1997. № 10. С. 64–68.

Власть и Церковь на Руси. Заметки историка: 3. Россия советская. Часть 1 // Россия. 1997. № 11. С. 43–47.

Власть и Церковь на Руси. Заметки историка: 3. Россия советская. Часть 2 // Россия. 1997. № 12. С. 54–57.

Вместо предисловия // Сибирь в XVI–XX вв.: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 5–15 (в соавт. с А.П. Деревянко).

Время публиковать источники // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 2. С. 129–136.

Два рассказа из Урало-Сибирского патерика XX века // Живая старина. 1997. № 2. С. 39–41.

Исследователь российского капитализма: [О Л.М. Горюшкине] // Наука в Сибири. 1997. № 45 (2131). С. 4 (в соавт. с А.П. Деревянко).

Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 94–105.

К 70-летию Леонида Михайловича Горюшкина // Отечественная история. 1997. № 6. С. 202–207 (в соавт. с А.П. Деревянко).

К 70-летию со дня рождения Д.И. Тверской // АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 167.

Новые направления в изучении российской истории новосибирскими археографами // Доклады международного научного симпозиума «К новому образу истории Восточно-Азиатского региона». Дзеэцу, 1997. С. 245–256 [на яп. яз.]. То же: Тезисы докладов международного научного симпозиума «К новому образу истории Восточно-Азиатского региона». Дзеэцу, 1997. С. 6–7 [на яп. яз.], с. 76 [на рус. яз.].

От Киево-Печерской лавры до Колпашева // Сибирь в XVI–XX вв.: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 53–62.

Ред.: Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. 302 с.

1998

Политбюро и церковь: 1922–1925 гг. / Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Кн. 2. 647 с. (Архивы Кремля).

Рец.: Новая Сибирь. 1998. 23 окт. С. 6.

Византийские и древнерусские традиции в старообрядческой литературе Востока России XVIII–XX вв. // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов: XII Международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации. М., 1998. С. 100–116.

Древнерусские и раннехристианские традиции в поздней старообрядческой агиографии Востока России // XII Międzynarodowy Kongres Sławistów. Krakow 27.VIII–2.IX.1998. Streszczenia referatów i komunikatów. Literaturoznawstwo. Folklorystyka. Nauka o kulturze. Warszawa, 1998. S. 201–202.

«Закрыть историю невозможно»: [Беседа] // Вечерний Новосибирск. 1998. 12 февр. С. 5–6 (в соавт. с С.А. Красильниковым, И.В. Павловой).

Начало вотчин Тобольского Софийского дома // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 26. СПб., 1998. С. 173–184.

От Нестора до Солженицына // П.А. Зайончковский, 1904–1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 128–131.

Предисловие // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 2: К 25-летию Уральской археографической экспедиции. Екатеринбург, 1998. С. 3–7 (в соавт. с С.О. Шмидтом).

Сибирская старообрядческая повесть XX века о целебном источнике // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 253–262. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 18]).

Споры вокруг судьбы академика С.Ф. Платонова: (О кн.: *Брачев В.С.* Русский историк академик Сергей Федорович Платонов. Ч. 1–2. СПб., 1995) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 142–145 (в соавт. с А.Ю. Дворниченко, В.М. Панеяхом).

Споры об исповеди и причастии у староверов-часовенных Востока России в XVIII в. // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 518–528.

Ред.: Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / Авт.-сост. Н.П. Матханова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 409 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 8).

Ред.: *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский. М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.

Ред.: *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 430 с.

Ред.: Рукописи XVI–XX вв. из коллекции Института истории СО РАН / Сост. А.И. Мальцев, Т.В. Панич, Л.В. Титова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 400 с. (совм. с Е.К. Ромодановской).

Ред.: *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 194 с.

1999

Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 800 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 9).

Предисловие. С. 9–28; Письмо М.И. Галанина к С.И. Тюменскому от 2 октября 1774 г. С. 47–49 (в соавт. с В.И. Байдиным, А.Т. Шашковым); Родословие часовенного согласия. С. 65–96, 645–657 (в соавт. с В.И. Байдиным, Н.Д. Зольниковой, А.Т. Шашковым); Урало-Сибирский патерик (фрагменты). С. 97–158, 657–676 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой); «История о Дупческом ските». С. 272–289, 691–696 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой); Берестяная книга. С. 306–322, 701–703 (в соавт. с Л.В. Титовой); Соборные постановления староверов часовенного согласия. С. 332–334, 339–369, 380–393, 704–716 (в соавт. с В.И. Байдиным, Н.Д. Зольниковой, А.Т. Шашковым).

[Выступление на торжественном заседании, посвященном 5-летию Российского гуманитарного научного фонда] // Науковедение. 1999. № 4. С. 54–55.

Документы по истории Церкви: Информационные сводки ГПУ 1922 г. // Исторические записки. Вып. 2: Памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1999. С. 319–337.

Новые направления в изучении российской истории новосибирскими археографами // Новые исторические взгляды: Наука и образование. Дзеэцу, 1999. С. 9–18.

О принципах издания документов XX века // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 32–45.

Предисловие // Традиция и литературный процесс: [К 60-летию со дня рождения Е.К. Ромодановской]. Новосибирск, 1999. С. 3–8 (в соавт. с Л.В. Титовой).

Пути изучения истории старообрядчества российскими исследователями // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 3–20.

Рец.: *Мангилева А.В.* Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века: На примере Пермской епархии. Екатеринбург, 1998. 251 с.; *Нечаева М.Ю.* Монастыри и власти: Управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998. 218 с. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1999. № 2. С. 107–108 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).

Рец.: *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997 // Отечественная история. 1999. № 3. С. 194–196.

Ред.: Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / Изд. подгот. В.И. Байдин, Н.С. Гурьянова, Н.Д. Зольникова и др. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 800 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 9).

Ред.: Немецкий этнос в Сибири = Deutsche in Sibirien: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та; Науч.-изд. центр ОИГГМ СО РАН, 1999. 146 с. (совм. с В.И. Молодиным, Е.К. Ромодановской).

Ред.: *Элерт А.Х.* Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. 240 с.

2000

А.П. Пронштейн: Путь в науке // История: Научные поиски и проблемы (Памяти доктора исторических наук, профессора А.П. Пронштейна). Ростов-на-Дону, 2000. С. 9–11.

Вместо предисловия // *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 3–7.

Дмитрий Сергеевич и начало сибирской археографии // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 402–405.

«Послание В.В. к Б.И.» 1731/1732 г. — первый полемический трактат урало-сибирских староверов-софонтиевцев // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2000. № 2. С. 11–16.

Региональное управление Востоком России в системе сословно-представительной монархии XVII в. // Северная Евразия: Взгляд через тысячелетия. Урало-сибирские исторические чтения, посвященные 275-летию Российской Академии наук. Доклады. Екатеринбург, 2000. С. 15–34.

Сибирь в контексте региональной политики РГНФ // Вестник РГНФ. 2000. № 1. С. 7–22 (в соавт. с В.И. Молодиным, М.Ю. Черевикиной).

Соборные постановления старообрядцев-часовенных Востока России XVIII–XX вв. как исторический источник // История: Научные поиски и проблемы (Памяти доктора исторических наук, профессора А.П. Пронштейна). Ростов-на-Дону, 2000. С. 115–152.

Соборные уложения часовенных XVIII–XIX вв.: Система запретов // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и новое время. Новосибирск, 2000. С. 123–137. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 19).

Хранители веры и книжности // Родина. 2000. № 5. С. 150–152 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).

Ред.: Источники по русской истории и литературе: Средневековье и новое время. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 276 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 19).

Ред.: Немецкий этнос в Сибири = Deutsche in Sibirien: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. 216 с. (совм. с В.И. Молодиным, Е.К. Ромодановской).

Ред.: *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000. 511 с. (совм. с В.Г. Гаджиевым).

2001

Византийское и древнерусское наследие в литературе урало-сибирских староверов // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск, 2001. С. 115–129.

Из опыта подготовки серийного издания «Архивы Кремля» // Проблемы публикации документов по истории России XX века: Материалы Всероссийской научно-практической конференции научных и архивных работников. Москва, 1–2 июня 1999 г. М., 2001. С. 168–177 (в соавт. с С.А. Красильниковым, С.Г. Петровым).

Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления // Муниципальное право. 2001. № 3. С. 60–64.

Предисловие // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 4–7.

РГНФ и сибирская наука // Наука в Сибири. 2001. № 12. С. 12 (в соавт. с С.А. Красильниковым).

Русская Православная Церковь и освоение Сибири // Человеческие и духовные ресурсы России: Конференция межрегиональной общественной организации содействия демократическим реформам «Мобилизация и развитие»: Материалы и документы. Новосибирск, 20 апреля 2001 г. М, 2001. С. 16–21.

Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 3–43. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 21).

Христианская традиция в российской и сибирской истории: Доклад на юбилейном научном собрании НГУ «Христианство: Путь двух тысячелетий» // Филологъ. 2001. № 2. С. 6–20. То же: *Пивоваров Б.И, протоиерей*. Православная культура России: Учебное пособие для учащихся старших классов школ, гимназий и лицеев. Новосибирск, 2001. С. 333–346.

Рец.: *Ивонин А.Р.* Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. Барнаул, 2000. 336 с. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2001. № 2. С. 98–99 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).

Ред.: Духовная культура народов Сибири: Традиции и новации. Новосибирск: Изд-во Ин-та дискрет. математики и информатики, 2001. 143 с. (совм. с С.А. Красильниковым).

Ред.: Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подгот. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 439 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10).

Ред.: Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 381 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 21).

2002

Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с. (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).

Беглопоповский «Цветник» конца XIX в. // Взаимодействие книжных традиций Поморья, Урала и Сибири в XVI–XX вв. Екатеринбург, 2002. С. 203–229.

Беглопоповцы // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 416–422.

Введение // *Ромодановская Е.К.* Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 3–9 (в соавт. с Л.В. Титовой).

Первый курс русской истории // Советская Сибирь. 2002. 9 янв. С. 2.

Православие и просвещение в Сибири // Сибирская старина: Краеведческий альманах. № 19. Томск, 2002. С. 65–68.

Хранители веры и книжности // Родина. 2002. Спец. вып. С. 92–94 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).

Ред.: Городская культура Сибири: Традиции и новации. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. 185 с. (совм. с С.А. Красильниковым).

Ред.: *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 260 с.

Ред.: Немецкий этнос в Сибири = Deutsche in Sibirien: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 3. Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2002. 206 с. (совм. с В.И. Молодиным, Е.К. Ромодановской).

Ред.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М: РОССПЭН, 2002. 1007 с. (Архивы Кремля).

2003

Анатолий Пантелеевич Деревянко: К 60-летию со дня рождения // Культурологические исследования в Сибири. 2003. № 2. С. 5–10 (в соавт. с В.И. Молодиным, В.И. Бойко, В.А. Ламиным и др.).

Бухтарминцы // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 406–407.

Двойной портрет в УрГУ-интерьере // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 294–302.

Допрос в 1750 году в Тобольской консистории старообрядческого священника отца Симеона (Ключарева) о найденных у него письмах // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 276–287. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 22).

Из истории первых новосибирских археографических экспедиций // Книга и литература в культурном контексте: Сборник научных статей, посвященный 35-летию начала археографической работы в Сибири (1965–2000). Новосибирск, 2003. С. 15–22.

Общественное сознание и творчество староверов-часовенных на востоке России в XVIII–XX вв. // Вестник РГНФ. 2003. № 3. С. 29–41.

Поиски и находки памятников кириллической письменности и печати в Сибири // Славянский альманах, 2002. М., 2003. С. 4–15.

Ред.: *Матханова Н.П.* Сибирский административный аппарат в XIX веке: Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2003. 103 с.

Ред.: Мемуары сибиряков. XIX век / Сост. Н.П. Матханова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 346 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 11).

Ред.: *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 310 с. (совм. с Н.С. Демковой).

Ред.: Традиции и новации в духовной культуре Сибири XVII–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 193 с. (совм. с С.А. Красильниковым).

2004

80 лет Семену Федоровичу Ковалю // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2004. № 2. С. 107 (в соавт. с Н.П. Матхановой).

Время публиковать источники // «Благой фонд, благое дело»: К 10-летию Российского гуманитарного научного фонда. М., 2004. С. 137–148.

Исторические постулаты Степенной книги царского родословия // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 3–36. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 23).

Проблемы отечественной истории в исследованиях грантодержателей РГНФ Сибирского региона: Тематика и результаты // Российский гуманитарный научный фонд и фундаментальная наука в Сибири: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 10-летию РГНФ. Улан-Удэ, 2004. С. 21–30 (в соавт. с В.А. Ламиным, С.А. Красильниковым).

Российская гуманитарная наука и задачи РГНФ // Вестник РГНФ. 2004. № 3. С. 5–12 (в соавт. с В.А. Ламиным, С.А. Красильниковым).

Сто лет на двоих: К 50-летию А.Т. Шашкова и В.И. Байдина // Известия Уральского государственного университа. Сер. Гуманитарные науки. История. Филология. Искусствоведение. 2004. Вып. 7. С. 303–310.

Ред.: Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. 336 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 23).

Ред.: *Панич Т.В.* Книга Щит веры в историко-литературном контексте конца XVII в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 332 с.

Ред.: *Петров С.Г.* Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской Церкви (1821–1925 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 408 с.

2005

Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. Т. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. 584 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 12).

Крестьянские богословы (вместо предисловия). С. 7–21; Послание полемическое В.В. к Б.И. С. 209–215, 508–511; Рассказ о Невьянском соборе. С. 216–220, 511–515; «О рассмотрении духовного чина епархии». С. 221–224, 515–517.

Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 339 с.

Российская власть и общество XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 2005. 448 с.

Древнерусская книжность в Сибири // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2005. С. 249–267 (в соавт. с Е.К. Ромодановской).

Крестьянские богословы России (XVII–XX вв.) // Вестник РГНФ. 2005. № 4. С. 5–16.

Мемуары // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 525–579. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 24) (в соавт. с С.Н. Покровской).

Неоконченный манускрипт: Степенная книга царского родословия // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М., 2005. С. 280–293.

Памяти А.И. Мальцева // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2005. № 2. С. 116 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).

Пустынницы // Родина. 2005. № 7. С. 35–39.

Ред.: Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, В.И. Байдин, Н.С. Гурьянова и др. Т. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. 584 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 12).

Ред.: Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение, 1930–1940. Кн. 1. М: РОССПЭН, 2005. 910 с. (Архивы Кремля).

Ред.: Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Второй межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, профессора НГУ Михаила Иосифовича Рижского. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. 252 с.

2006

Александр Иванович Мальцев: Предисловие к монографии // *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 2006. С. 5–9.

Византийский дьякон Агапит (VI в.) и московский митрополит Афанасий (XVI в.) // Человек в культуре Античности, Средних веков и Возрождения: Сборник научных трудов в честь юбилея Н.В. Ревякиной. Иваново, 2006. С. 165–175.

О концепции святости русских царей в представлении создателей Степенной книги царского родословия // Времена и судьбы: Сборник статей в честь 75-летия В.М. Панеяха. СПб., 2006. С. 97–107.

О перспективах исследования в Институте истории СО РАН проблемы «адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах» // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. Новосибирск, 2006. С. 3–21 (в соавт. с С.С. Букиным, С.А. Красильниковым, В.А. Ламиным, О.Н. Шелегиной).

Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 180–198. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 25]).

Странная археографическая ошибка: О владельцах Томского списка Степенной книги царского родословия // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Культура, наука, образование. 2006. № 3. С. 116–119.

«Текстология» Д.С. Лихачева и проблемы издания документов XX века // Проблемы сохранения и изучения культурного наследия: К 100-летию академика Д.С. Лихачева: Материалы научной сессии. Москва, 20 декабря 2006 г. М., 2006. С. 53–62.

Ред.: *Мальцев А.И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 574 с. (совм. с Н.С. Гурьяновой).

Ред.: Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 304 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 25).

Ред.: Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение, 1930–1940. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1119 с. (Архивы Кремля).

Ред.: Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / Изд. подгот. А.Х. Элерт. Екатеринбург: Волот, 2006. 416 с.

Ред.: Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Третьей межрегиональной научно-практической конференции, посвященной памяти выдающегося ученого и педагога, специалиста по библеистике, профессора НГУ Михаила Иосифовича Рижского. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. 310 с.

2007

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X / Изд. подгот. под руководством академика Н.Н. Покровского. М.: Языки славянских культур, 2007. 622 с.

Археографическая деятельность Д.С. Лихачева // *Шмидт С.О.* Наш великий современник: Статьи об академике Д.С. Лихачеве, 1976–2006. СПб., 2007. С. 34–41 (в соавт. с С.О. Шмидтом).

Древнерусская книжность в Сибири // Евроазиатский межкультурный диалог: «Свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры. Томск, 2007. С. 316–333 (в соавт. с Е.К. Ромодановской).

Предисловие // *Молодин В.И.* Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск, 2007. С. 4–7 (в соавт. с С.В. Гнутовой).

«Текстология» Д.С. Лихачева и проблемы издания документов XX века // Памятники отечественной книжности: Новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 153–160. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 26).

Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 534–551 (в соавт. с С.Н. Покровской).

Ред.: *Гурьянова Н.С.* Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 378 с.

Ред.: *Молодин В.И.* Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2007. 248 с. (совм. с С.В. Гнутовой).

Ред.: *Сиренов А.В.* Степенная книга: История текста. М.: Языки славянских культур, 2007. 544 с.

Ред.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М.: Языки славянских культур, 2007. 622 с. (совм. с Г.Д. Ленхофф).

2008

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 2: Степени XI–XVII. Приложения. Указатели / Изд. подгот. под руководством академика Н.Н. Покровского. М.: Языки славянских культур, 2008. 563 с.

А.П. Окладников-историк // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2008. № 4. С. 5–6.

Археографические исследования в Сибири // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 3–15. (Сер. «Книга и литература»).

Из воспоминаний: О передаче Тихомировского собрания древних книг в ГПНТБ СО РАН // Труд-7. 2008. 2 окт. С. 23.

Соборы староверов-часовенных в Китае // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008. С. 615–622.

Чин исповедания сибирских бегунов-странников XX в. // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 233–283. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 27).

Ред.: *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 498 с.

Ред.: Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 415с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 27).

Ред.: Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте: [К юбилею члена-корреспондента РАН Е.К. Ромодановской]. Новосибирск: Наука, 2008. 672 с. (совм. с И.В. Силантьевым).

Ред.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 2: Степени XI–XVII. Приложения. Указатели. М.: Языки славянских культур, 2008. 563 с. (совм. с Г.Д. Ленхофф).

2009

Андреев Александр Игнатьевич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 111.

Археографические экспедиции в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 131–134 (в соавт. с В.Н. Алексеевым, Е.И. Дергачевой-Скоп).

Бахрушин Сергей Владимирович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 178–179.

Бояршинова Зоя Яковлевна // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 243.
Бухтарминцы // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 280–281.
Вместо предисловия // *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. 2-е изд., доп. М., 2009. С. 3–7.
Вотчины церковные // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 341.
Димитрий (Беликов Димитрий Никанорович) // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 491–492.
Документальные серийные научные издания: Серия «Археография и источниковедение в Сибири» // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 493–494.
Документальные серийные научные издания: Серия «История Сибири: Первоисточники» // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 494.
Историография Сибири: XVI — первая половина XIX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1: А–И. Новосибирск, 2009. С. 671–680.
Монастыри Русской Православной Церкви в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 382–383.
Мясников Владимир Степанович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 412.
Народные движения в Сибири в XVII в. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 428–432 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).
О невольных искажениях и вольных фальсификациях // Наш Красноярский край. 2009. 8 сент. С. 5.
О Толе // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Вып. 7. Ч. 1: Социально-политическая история. Екатеринбург, 2009. С. 5–10.
Русская Православная Церковь // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 788–794 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).
Самосожжения староверов в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 10–11.
Степенная книга: Шаг к истокам // Наука из первых рук. 2009. № 2. С. 22–23.
Тарский бунт // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 229–230.

«Текстология» Д.С. Лихачева и проблемы издания документов XX века // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. М., 2009. С. 331–338.

Часовенные Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 472–473.

Эйдельман Н.Я. // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 566.

Trends in Studying the History of Old Belief Among Russian Scholars // Russia's Dissident Old Believers, 1650–1950. Minneapolis, 2009. P. 17–38. (A Modern Greek Studies Yearbook. № 19).

Ред.: *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. 2-е изд., доп. М.: РОССПЭН, 2009. 580 с. (совм. с В.Г. Гаджиевым).

2010

Алтайский список Окружной грамоты о канонизации русских святых // Forma Formens: Studi in Onore di Boris Uspensky. Napoli, 2010. P. 121–130.

Ред.: *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.

2011

Духовная литература староверов Востока России в XVIII–XX вв. Т. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 405 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 13).

Предисловие. С. 7–15; Постановление Щелконоговского собора 6 апреля 1802 г. С. 124–131; Пермское Соборное уложение 21 июня 1888 (1896?) г. С. 130–131; Собор в поселке Силинху 15 апреля 1943 г. С. 132–133; К постановлениям соборов Щелконоговского 6 апреля 1802 г. и Пермского 21 июня 1888 (1896?) г. С. 353–357; Собор в поселке Силинху 15 апреля 1943 г. С. 357–362.

Латухинская Степенная книга — история единого Государства Российского // Наука из первых рук. 2011. № 6 (42). С. 58–75.

Освоение Сибири и старообрядчество // ЭКО. 2011. № 2. С. 168–184 (в соавт. с Н.Д. Зольниковой).

«Степенная книга царского родословия» и ее новое издание // The Book of Royal Degrees and the Genesis of Russian Historical Consciousness = «Степенная книга царского родословия» и генезис русского исторического сознания. Bloomington, 2011. С. 3–9. (UCLA Slavic Studies: New series. Vol. 7).

An Altai Peasant's Confession // Russian Studies in History. 2011. Vol. 49. № 3. P. 51–68.

The Book Registers from the 1722 Tara Revolt // Russian Studies in History. 2011. Vol. 49. № 3. P. 8–41.

The Peasant Writers Miron Galanin and the Slave Maksim // Russian Studies in History. 2011. Vol. 49. № 3. P. 69–89.

The Popular Eschatology of the Gazette of 1731 // Russian Studies in History. 2011. Vol. 49. № 3. P. 42–50.

Рец.: *Ромодановская Е.К.* «Римские Деяния» на Руси: Вопросы текстологии и русификации: Исследование и издание текстов. М.: Индрик, 2009. 966 с. // Известия Российской Академии наук. Сер. Литературы и языка. 2011. Т. 70. № 2. С. 58–59.

Ред.: *Вишняков Н.И.* Записки военного врача / Изд. подгот. Н.П. Матханова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 339 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 14).

Ред.: Духовная литература староверов Востока России в XVIII–XX вв. Т. 3. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 405 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 13).

2012

Латухинская Степенная книга: 1676 год / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, А.В. Сиренов. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

В честь юбилея Елены Константиновны Ромодановской // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2. С. 5–7.

Встречи // Историк в России между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания. М., 2012. С. 612–615.

Урало-сибирские староверы-часовенные // Дни в Романовке: Японские фотографии, запечатлевшие русское старообрядческое село в Маньчжурии на рубеже 1930-х — 1940-х годов. М., 2012. С. 44–51.

Ред.: Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 264 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 30).

Ред.: *Журавель О.Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: Темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.

Ред.: Латухинская Степенная книга: 1676 год / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, А.В. Сиренов. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

Ред.: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 3: Комментарий / Сост. Г.Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2012. 470 с. (совм. с Г.Д. Ленхофф)

2013

Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках: Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Православной гимназии во имя прп. Сергия Радонежского, 2013. 443 с.

Рец.: *Горьковская З.П., Давыденко Н.А.* Учебное пособие Н.Н. Покровского «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках» — книга для чтения «со вниманием и интересом» // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 223–226.

Анатолий Тимофеевич Шашков — историк, источниковед, археограф // *Шашков А.Т.* Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 6–10.

Член-корреспондент РАН Елена Константиновна Ромодановская: К 75-летию со дня рождения // Известия Российской Академии наук. Сер. Литературы и языка. 2013. Т. 72. № 1. С. 79–80.

The Latukhin Book of Royal Degrees: History of the United State of Russia // Sciense First Hand. 2013. № 1 (34). P. 94–111.

Ред.: *Петров С.Г.* Русская Православная Церковь времени Патриарха Тихона: Источниковедческое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 407 с.

Ред.: Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. 344 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 31).

2014

Урало-Сибирский патерик / Сост. Н.Н. Покровский, О.Д. Журавель, Н.Д. Зольникова. Кн. 1. Т. 1–2. М.: Языки славянских культур, 2014. 464 с.

От публикаторов. С. 5–6; Биографические справки. С. 295–320; Урало-Сибирский патерик. С. 321–348; Именной указатель. С. 446–462.

Ред.: *Васенко П.Г.* Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / Вступ. ст., публ., коммент., указ. Н.П. Матхановой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 331 с.

Ред.: Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 332 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 32).

Ред.: Урало-Сибирский патерик / Сост. Н.Н. Покровский, О.Д. Журавель, Н.Д. Зольникова. Кн. 1. Т. 1–2. М.: Языки славянских культур, 2014. 464 с.

2015

Ред.: *Старухин Н.А.* Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 206 с. (совм. с Н.Д. Зольниковой).

2020

Смутное время на Руси: Курс лекций // Источниковедение в школе: Журнал для учащих и учащихся. 2020. № 1 (15): К 90-летию со дня рождения академика Н.Н. Покровского. С. 7–90.

Лекция 1: Начало Смуты. С. 9–31; Лекция 2: Восстание Болотникова и Лжедмитрий II. С. 32–51; Лекция 3: Польская интервенция. Первое ополчение. С. 52–68; Лекция 4: Второе ополчение Минина и Пожарского. Конец Смуты. С. 69–90.

Литература о жизни и трудах Николая Николаевича Покровского

Академик Николай Николаевич Покровский // Журнал Московской Патриархии. 2013. № 12. С. 84–87.

Академик Николай Покровский // Наука Урала. 1995. № 23. С. 3.

Академику Н.Н. Покровскому — 70 лет // Вестник РАН. 2000. Т. 70. № 10. С. 959.

Академику РАН Николаю Николаевичу Покровскому — 75 лет // Отечественная история. 2005. № 4. С. 211–213.

Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020. 788 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).

Деревянко А.П. Предисловие. С. 5–6; *Зольникова Н.Д.* Николай Николаевич Покровский: Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности. С. 7–16; Николай Николаевич Покровский. Основные даты жизни. С. 17–19; Список опубликованных работ Николая Николаевича Покровского. С. 20–55; Литература о жизни и трудах Николая Николаевича Покровского. С. 56–65; Воспоминания. С. 631–766: *Мининков Н.А.* Воспоминания о дяде: Николай Николаевич Покровский. С. 632–640; *Ромодановская В.А.* О Николае Николаевиче Покровском и началах сибирской археографии: Эссе. С. 641–653; *Титова Л.В.* «О милых спутниках, которые наш свет Своим сопутствием для нас животворили». С. 654–661; *Куандыков Л.К.* Учитель. С. 662–663; *Шатыгина Т.Г.* Фаюмский портрет. С. 664–665; *Соболева Л.С.* НикНик означает — Победа. С. 666–670; *Журова Л.И.* «Все изменяется, но ничего не пропадает». С. 671–673; *Матханова Н.П.* И не только о личном. С. 674–679; *Журавель О.Д.* «Но быть живым, живым и только...» С. 680–683; *Крутова М.С.* О шифрах, шифровке и курьезах. С. 684–685; *Пивоваров Б.И., протоиерей.* Книга. С. 686–689; *Петров С.Г.* Вспоминая Николая Николаевича Покровского. С. 690–693; *Хоулетт Я.* Николай Николаевич Покровский. С. 694–695; *Пихоя Р.Г.* Николай Николаевич Покровский, как я его помню. С. 696–700; *Мосин А.Г.* «Минувшее меня объемлет живо...» С. 701–703; *Мудрова Н.А.* «С волнением, трепетом и благоговением...»: Незабываемые встречи с Н.Н. Покровским. С. 704–706; *Шипилов И.А.* Как я познакомился с Николаем Николаевичем Покровским и каким его помню. С. 707–709; *Комлева Е.В.* «Как, он тоже что-то ест?» С. 710–712; *Долгушин Д.В.* Мои встречи с Николаем Николаевичем Покровским. С. 713–715; *Туманик (Смоляр) Е.Н.* Студенческие воспоминания о Николае Ни-

колаевиче Покровском. С. 716–719; *Бродников А.А.* Вспоминая Учителя: Николай Николаевич Покровский глазами студента. С. 720–722; *Опарина Т.А.* Мой учитель Николай Николаевич Покровский. С. 723–726; *Чумичева О.В.* Разговоры запросто. С. 727–730; *Элерт А.Х.* Волшебная бумага. С. 731–737; *Гурьянова Н.С.* Об Учителе. С. 738–745; Короткие истории, записанные Николаем Николаевичем Покровским-младшим. С. 747–763; *Панич Т.В.* Николай Николаевич. С. 765–766.

Алешковский П. Сегодняшние историки и древние книжники // Знание — сила. 1986. № 2. С. 37–38.

Арфимов В. Первая ласточка перестройки // Господин народ. 1991. № 2. С. 11.

Археограф // Советская Россия. 1983. 18 нояб.

Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России: [Посвящается 85-летию со дня рождения академика РАН Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 2016. 326 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 34).

Список трудов Н.Н. Покровского. С. 309–311.

Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях: [К 80-летию Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 2009. 354 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 28).

Афанасьева Т. История не терпит суеты // Созидатели: Очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. Т. 1. Новосибирск, 2003. С. 350–357.

Бабушкина А. По следам древних книг // Студенческий меридиан. 1985. № 1. С. 30–31.

Баскаков В.Н. Литературное источниковедение и литературная библиография Сибири // Русская литература. 1989. № 1. С. 213–220.

В отделениях Археографической комиссии АН СССР // АЕ за 1975 год. М, 1976. С. 359–360.

Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия / Ю.В. Аксютин, О.В. Волобуев, А.А. Данилов и др. М., 1995. С. 215–219.

Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение. История и перестройка: Публицистические заметки. М., 1989. С. 183.

Вослед ушедшим // Наука в Сибири. 2013. № 41 (2926). 17 окт. С. 2.

Выявление, исследование и публикация источников по истории России и Сибири XVII–XX вв. // Ведущие научные школы России: Справочник. Вып. 1. М., 1998. С. 564.

Глубже исследовать // Советская Сибирь. 1983. 13 дек.

Гурьянова Н.С. Покровский Николай Николаевич // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2: К–Р. Новосибирск, 2009. С. 634.
Гурьянова Н.С. Покровский Николай Николаевич // Православная энциклопедия. Т. 57. М., 2020. С. 99–103.
Гурьянова Н.С., Титова Л.В. 75-летие академика Н.Н. Покровского // АЕ за 2005 год. М., 2007. С. 563–565.
Добрецов Н., Фомин В. Академику Н.Н. Покровскому: Поздравляем! // Наука в Сибири. 2000. № 25 (2261). С. 3.
Добрецов Н., Фомин В. 75 лет академику Н. Покровскому // Наука в Сибири. 2005. № 25 (2511). С. 2.
Жив В. Путешествие в Древнюю Русь // Говорит Москва. 1964. 17 окт. С. 4.
Журавель О.Д. Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная 85-летию со дня рождения академика Н.Н. Покровского (Новосибирск, 18–20 июня 2015 г.) // Вестник РГНФ. 2016. № 1 (82). С. 207–211
Журавель О.Д. Об актуальных проблемах отечественной истории, источниковедения и археографии: Конференция, посвященная 85-летию со дня рождения академика РАН Н.Н. Покровского, Новосибирск, 18–20 июня 2015 // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 117–119.
Журова Л.И. «Судные списки Максима Грека» в творческом наследии Н.Н. Покровского // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 88–98. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).
Журова Л.И., Комлева Е.В., Шипилов И.А. «Актуальные проблемы отечественной истории, археографии и источниковедения»: Всероссийская научная конференция, посвященная памяти Н.Н. Покровского // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 4. С. 119–121.
Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как историк Церкви и Православия: Начало пути // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 3 (19). С. 111–146.
Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как организатор науки (вторая половина 1960-х — 1980-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. № 1. С. 32–39.
Зольникова Н.Д. Учитель // Наука в Сибири. 1990. № 22 (1457). 21 июня. С. 3.
Зольникова Н.Д. Археографическая экспедиция в Туву в 1967 г.: К 85-летию со дня рождения академика РАН Н.Н. Покровского // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 3. С. 60–64.

Зольникова Н.Д. Выдающийся археограф: К 85-летию со дня рождения академика Н.Н. Покровского // Universum Humanitarium. 2015. № 1. С. 214–221.

Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как исследователь // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 4–13. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 33).

Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский по письмам коллег и друзей: Личность в общественной среде (1970–1980-е гг.) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 8–24. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 34).

Зольникова Н.Д. Письмо архимандрита Иннокентия (Просвирнина) Н.Н. Покровскому // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2 (14). С. 221–230.

Зольникова Н.Д. Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ: Переписка Н.Н. Покровского и его близких в 1957–1963 гг. // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 7–41. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

Зольникова Н.Д. Полевой дневник археографической группы Н.Н. Покровского (Тува, 6–7 августа 1967 г.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. Т. 23. С. 152–157.

Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. Вып. 2: Дооктябрьский период. М., 1978. С. 17, 19, 39, 164, 167, 218.

Информация [о древних книгах, собираемых Н.Н. Покровским] // Известия. 1968. 16 мая.

Истина превыше всего. Лидеру сибирской археографической школы академику Н.Н. Покровскому — 70 лет // Наука в Сибири. 2000. № 25 (2261). С. 3.

Источниковедение в школе: Журнал для учащих и учащихся. 2020. № 1 (15): К 90-летию со дня рождения академика Н.Н. Покровского. 120 с.

Пивоваров Б.И., протоиерей. Предисловие. С. 3–6; Фотогалерея: Памятные эпизоды. С. 91–94; *Пивоваров Б.И., протоиерей.* Научный подвиг издателя исторических источников. С. 95–109.

Книги, хранящие историю // Советская Сибирь. 1987. № 70. 24 марта. С. 4.

Конопацкий А. Из IX века — в век XXI // Наука в Сибири. 1987. № 22 (1303). 4 июня. С. 8.

Краснопевцев Л.Н. Записки хранителя. [М.], 2008. С. 24–35.

Кривомазов Н. Старик Демидов их заметил // Российская газета. 1996. 2 февр. С. 8.

Куандыков Л., Шашков А. Первые шаги археографов // За науку в Сибири. 1974. № 3 (634). 16 янв. С. 6–7.

Ламин В.А., Журова Л.И., Шипилов И.А. III Всероссийская научная конференция, посвященная памяти академика РАН Н.Н. Покровского, «Актуальные вопросы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Новосибирск, 12–14 октября 2017 г.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 171–176.

Ларичев В. Путешественник за редкими книгами // Наука в Сибири. 1985. № 36 (1217). 5 сент. С. 6.

Лауреат Демидовской премии Николай Николаевич Покровский // Лауреаты Демидовской премии 1995 г. Екатеринбург, 1995. С. 25–30.

Лауреаты журнала // Знание — сила. 1974. № 5. С. 64.

Лихачев Д.С. Корни, уходящие в века: О роли исторической науки: [беседа] // Известия. 1984. 11 авг.

Лихачев Д.С. Н.Н. Покровский и «археографическое открытие» Сибири // Лихачев Д.С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 558–563.

Матханова Н.П. «Я никогда не пожалел о сделанном... выборе и не уехал из Сибири»: Из воспоминаний Н.Н. Покровского // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 42–51. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36)

Матханова Н.П. О работе Н.Н. Покровского над указателем «История советского общества в воспоминаниях современников»: По материалам личного архива академика // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 7–25. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).

Матханова Н.П. О работе Н.Н. Покровского над указателем «История советского общества в воспоминаниях современников». Статья вторая: По материалам Генеральной прокуратуры СССР // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 129–141. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 38).

Матханова Н.П. Письма Н.Н. Покровского к матери (1950-е — 1965 гг.): Информационный потенциал и проблема достоверности // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н.Н. Покровского.

Новосибирск, 2020. С. 66–87. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).
Морозов В.В. В Отделениях Археографической комиссии // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 355.
Мосин А.Г., Починская И.В. Николай Николаевич Покровский (1930–2013) // Российская история. 2014. № 2. С. 216–217.
Награды Родины // Советская Сибирь. 2005. 9 июня. С. 2.
Надточий А. Сначала было слово? Исполнилось 75 лет академику Николаю Покровскому // Вечерний Новосибирск. 2005. 22 июня. С. 4.
Николай Николаевич Покровский (20 июня 1930 — 13 октября 2013) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 272–273.
Николай Николаевич Покровский / Сост. З.В. Бородина, О.Д. Журавель, И.А. Шипилов; автор вступ. ст. Н.Д. Зольникова. М., 2010. 99 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. История. Вып. 34).
Николай Николаевич Покровский // Известия СО АН СССР. Сер. Истории, филологии и философии. 1990. Вып. 3. С. 67–68.
Новое пополнение Академии наук СССР // Новая и новейшая история. 1988. № 2. С. 208.
Новые российские академики // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 246–247.
Нотман Р. Ученые в портретах // Советская Сибирь. 2004. 18 нояб. С. 16–17.
Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.: [К 75-летию академика Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 2005. 619 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 24).
Предисловие. С. 3–5; Список печатных трудов Николая Николаевича Покровского за 2000–2004 гг. С. 610–613; Литература о Н.Н. Покровском. С. 613.
Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: [К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Покровского]. Новосибирск, 1990. 398 с.
Лихачев Д.С. Предисловие. С. 3–4; Список печатных трудов Николая Николаевича Покровского за 1955–1989 гг. С. 377–390; Литература о Н.Н. Покровском. С. 391–395.
Рец.: *Stiendorft L.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd. 42. Hf. 3. S. 406–407.
Одна из самых престижных // Наука Урала. 1995. № 23. С. 1, 3.
Орлик И.И. Наш курс. Истфак МГУ, 1947–1952 // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 123, 130, 131, 135.

Орлик И.И. Наш курс. Истфак МГУ, 1947–1952 // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 162–163.

Павленко В.Н. Новое пополнение Отделения истории АН СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 129–130.

Памяти академика Николая Николаевича Покровского // Вестник церковной истории. 2013. № 3/4 (31/32). С. 390–392.

Памяти Николая Николаевича Покровского (20 июня 1930 — 13 октября 2013) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 8: История. С. 198–201.

Памяти Николая Николаевича Покровского // Вестник РГНФ. 2013. № 4. С. 298–301.

Памяти Николая Николаевича Покровского (20 июня 1930 — 13 октября 2013) // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 108–110.

Панченко А.М. «Археографическое открытие» Сибири // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1974. М., 1975. С. 152–156.

Петров С.Г. Памяти Николая Николаевича Покровского // Традиции и современность: Научный православный журнал. 2014. № 15. С. 152–155.

Петров С.Г., Титова Л.В. Научная конференция, посвященная памяти академика Н.Н. Покровского // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 198–203.

Поздеева И.В. Комплексные археографические экспедиции: Цели, методы, принципы организации // История СССР. 1978. № 2. С. 105.

Поздравляем Николая Николаевича Покровского: [75 лет со дня рождения] // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2005. № 2. С. 110–111.

Покровский Н.Н. // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 370.

Покровский Николай Николаевич // Академия наук СССР: Справочник. Ч. 1: Члены Академии наук СССР. М., 1990. С. 157. (Серия «Кто есть кто»).

Покровский Николай Николаевич // Большая российская энциклопедия. Т. 26. М., 2014. С. 612.

Покровский Николай Николаевич // Большая энциклопедия «Терра». Т. 37. М., 2006. С. 464–465.

Покровский Николай Николаевич // Большой энциклопедический словарь. В 2-х т. Т. 2. М., 1991. С. 167; М., 1998. С. 929.

Покровский Николай Николаевич // Большой энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1208; М., 2005. С. 1208; М., 2006. С. 1208; М., 2007. С. 1208. (Золотой фонд).
Покровский Николай Николаевич // Краткая Российская энциклопедия. Т. 2. М., 2003. С. 957.
Покровский Николай Николаевич // Научная элита: Кто есть кто в Российской Академии наук. М., 1993. С. 127.
Покровский Николай Николаевич // Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 14. М., 2002. С. 152.
Покровский Николай Николаевич // Новый энциклопедический словарь. М., 2001. С. 936.
Покровский Николай Николаевич // Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 3. М., 1999. С. 109; М., 2009. С. 109.
Покровский Николай Николаевич // Российская Академия наук: Список членов Академии, 1724–1999. М., 1999. С. 191.
Покровский Николай Николаевич // Российская Академия наук: Список членов Академии, 1724–2009. М., 2009. С. 237.
Покровский Николай Николаевич // Российский энциклопедический словарь. Кн. 2. М., 2001. С. 1212.
Покровский Николай Николаевич // Советский энциклопедический словарь. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 1036.
Покровский Николай Николаевич // Современная политическая история России: 1985–1997. Т. 2: Лица России. М., 1998. С. 530; М., 1999. С. 637; М., 2000. С. 722.
Покровский Николай Николаевич // Ученые Московского университета — действительные члены и члены-корреспонденты Российской Академии наук (1755–2004): Биографический словарь. М., 2004. С. 326. (Серия «Архив Московского университета»).
Покровский Николай Николаевич // *Чернобаев А.А.* Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. Т. 2. Саратов, 2005. С. 204–205.
Покровский Николай Николаевич // *Чернобаев А.А.* Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиографический словарь. Саратов, 1998. С. 281–282.
Покровский Николай Николаевич: [В связи с избранием членом-корреспондентом АН СССР] // Преподавание истории в школе. 1988. № 4. С. 15.
Покровский Николай Николаевич // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 194.
Предисловие // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 4–7.

Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания: [К 70-летию Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 2000. 447 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 20).

Слово о юбиляре. С. 3–8; Список печатных трудов Николая Николаевича Покровского за 1990–1999 гг. С. 422–428; Литература о Н.Н. Покровском. С. 428–429.

Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв.: [Памяти Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 2017. 384 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

От редколлегии. С. 5–6.

Пыкин В.М. Заметки о прошедшем юбилее: Академику Н.Н. Покровскому — 75 лет // Вестник Бурятского университета. Сер. 4: История. 2006. Вып. 11. С. 275–280.

Развитие советской исторической науки, 1970–1974. М., 1975. С. 17, 25, 338, 342, 343, 447.

Расскажите о своих находках... // Наука в Сибири. 1985. 5 сент.

Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв.: [Памяти Н.Н. Покровского]. Новосибирск, 2015. 506 с. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 33).

Накамура Ё. Воспоминания о Николае Николаевиче Покровском. С. 476–478; *Ромодановская В.А.* Коколанич. С. 479–485; *[Алексеев Ю.Г.]* Юрий Георгиевич Алексеев о Николае Николаевиче Покровском: На основании интервью, взятого В.М. Рынковым 2 февраля 2015 г., при содействии А.И. Пученкова. С. 486–488.

Ромодановская Е.К. Академик Н.Н. Покровский — организатор и руководитель археографических работ в Сибири: К 70-летию со дня рождения // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 245–246.

Ромодановская Е.К. Н.Н. Покровский как археограф и источниковед: К 60-летию со дня рождения // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 174–178.

Сибирь: Долгий путь в XXI век: [О конференции «Сибирь: Опыт освоения и путь в XXI век», посвященной 75-летию Н.Н. Покровского] // Наука в Сибири. 2005. № 26/27 (2512/2513). С. 2.

Сиренов А.В. Николай Николаевич Покровский (1930–2013) // АЕ за 2013 год. М., 2019. С. 357–358.

Сиротина И. Найдены в Сибири // Советская Якутия. 1985. 10 сент. С. 4.

Сиротина И. Редкие книги найдены в Сибири // Вечерний Новосибирск. 1985. 12 июля. С. 3.

Сказание о Земле Сибирской // Поиск. 1995. 9/22 дек. С. 4.

Соломенно Е. И оживает слово // Правда. 1984. 15 дек. С. 3.
Соломенно Е. Не погасли искорки // Правда. 1983. 23 окт. С. 6.
Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // История СССР. 1976. № 1. С. 106–124.
Титова Л.В. Об одном археографическом открытии Николая Николаевича Покровского // Духовная культура и общественная мысль в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 226–232. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 35)
Член-корреспондент АН СССР Н.Н. Покровский // Наука в Сибири. 1988. № 2 (1333). 14 янв. С. 2.
Швейковская Е.Н. Судебно-следственные материалы XVI–XVIII вв. в творчестве академика Н.Н. Покровского: Источниковедческий аспект // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 25–34. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 34).
Янович Л. Время издавать источники // Академгородок: Общественное иллюстрированное периодическое издание. 1997. № 1. С. 50–53.
Crummey R.O. The Novosibirsk School of Old Believer Studies // *Crummey R.O.* Old Believers in a Changing World. DeKalb (IL), 2011. P. 167–189.
Ejdelman N., Krelin J. Russia italiane / Trad. di F. Lancillottie e R. Toscano. Rimini, 1987. P. 70–82.
Michels G., Nicols R. Introduction // Russia's dissident old believers, 1650–1950. Minneapolis, 2009. P. 3–4, 11–12. (A modern Greek, studies yearbook. № 19).
Pokrovsky Nikolay Nikolayevich // Who's who in Russia. M., 1998. P. 504–505; M., 1999. P. 586; M., 2001. P. 577; M., 2003. P. 580; M., 2005. P. 599–600; M., 2006. P. 622; M., 2007. P. 645. (Sutter's intern, red ser.).

СТАТЬИ

УДК 930.2-94

Н.П. Матханова
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Письма Н.Н. Покровского к матери (1950-е – 1965 гг.): Информационный потенциал и проблема достоверности*

Продолжается введение в научный оборот эпистолярного наследия академика Н.Н. Покровского. Анализируются его письма к матери за время учебы и работы в МГУ, заключения в лагере и работы во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. Доказывается недостаточная достоверность источника для освещения условий пребывания заключенных в лагере. Показаны его информационные возможности для изучения биографии ученого, в том числе профессиональной, истории МГУ и Владимиро-Суздальского музея, историографического быта 1950-х – 1960-х гг.

Ключевые слова: источниковедение, эпистолярное наследие, «дело молодых историков», академик Н.Н. Покровский, академик М.Н. Тихомиров, Владимиро-Суздальский музей.

В течение многих лет жизни Н.Н. Покровский часто и регулярно писал матери. Н.Д. Зольникова обнаружила эти письма уже после кончины самого Николая Николаевича и сдачи большей части его документов в Государственный архив Новосибирской области. Она же впервые обратила внимание на «обширный комплекс семейной переписки» как на ценнейший исторический источник и ввела часть его в научный оборот [Зольникова, 2017б]. В статье, посвященной письмам лагерного периода, Наталья Дмитриевна указывала на «дополнительные по сравнению с обычными искажения реальности», вызванные тем, что «многое приходилось описывать гораздо более положительно, чем оно было на самом деле», имея «в виду опасность перлюстрации» и желание «не травмировать близких» [Зольникова, 2017б, с. 7–8]. В этой же статье подчеркнута очень тесная внутренняя связь сына и матери, обозначены некоторые темы их переписки [Зольникова 2017а, с. 8]. В письмах московских лет сообщалось об основных занятиях студента, затем аспиранта и молодого препода-

* Статья подготовлена в рамках проекта, финансируемого РФФИ («Интеллектуальный лидер и его окружение: Формирование социокультурной идентичности», № 18-09-00094а).

© Матханова Н.П., 2020

вателя, его попытках добиться публикации книги отца [Зольникова, 2017б, с. 9–10]. Как отмечено Н.Д. Зольниковой, в период заключения сын писал о надеждах на освобождение, редко — об отношениях с «подельниками» и лагерной администрацией, о повседневной жизни, чтении профессиональной и художественной литературы, изучении иностранных языков, беспокойстве о здоровье матери, жены и сына, о природе, часто вспоминал о «золотом детстве». Важный сюжет, на который Наталья Дмитриевна обратила особое внимание, — попытка написать научную работу «теоретического характера по начальной истории Киевской Руси, в основном, посвященной генезису феодализма» [Зольникова, 2017б, с. 33].

Н.Д. Зольникова предложила опубликовать обнаруженные ею письма и приступила к подготовке их к печати, но не успела закончить работу. Сейчас сотрудники созданного Н.Н. Покровским сектора готовят их к изданию. В настоящей статье использованы именно эти письма. Они находились в личном архиве академика и переданы в Государственный архив Новосибирской области. Поскольку фонд еще не обработан, а доступ к письмам был получен еще до их сдачи, ссылки на него не даются.

Ценность и значение рассматриваемых источников очевидны в свете возникшего в последние десятилетия и нарастающего интереса к внутреннему миру историков, к их непрофессиональным (или не только профессиональным) интересам и увлечениям. «Письма, написанные учеными-историками, давно и, в общем, вполне успешно используются в качестве одного из историографических источников... Письма неоднократно использовались при изучении жизненного пути и творческой эволюции ученого... Существует и литература, посвященная теоретическому осмыслению специфики использования эпистолярных текстов в качестве историографического источника» [Корзун, Мамонтова, Свешников, 2003, с. 3, 10]. Издаются воспоминания, дневники, письма историков, но пока преимущественно из поколения учителей Н.Н. Покровского. Немногие исключения — опубликованные посмертно записки А.А. Зимина [Зимин, 2015], мемуары Р.Ш. Ганелина [Ганелин, 2004] и Ю.А. Полякова [Поляков, 2011] (все они несколькими годами старше Николая Николаевича), незавершенные наброски воспоминаний В.М. Панеяха [Вовина-Лебедева, 2018]. Подобные материалы «позволяют лучше понять научную и человеческую индивидуальность» [Каганович, 2009] как их авторов, так и многих фигурирующих в них лиц.

В современных историографических исследованиях все чаще используется индивидуально-личностный подход, появляются «историографические портреты ученых в единстве их жизненного пути,

творчества и среды» [Корзун, 2019]. Однако сказанное относится преимущественно к историкам XIX — первой половины XX в. Например, «материалы дневников, воспоминаний и переписки» использованы для «анализа внутреннего мира историков» Л.А. Сидоровой. Но, за немногими исключениями, повествуется о литературных, театральных, музыкальных и прочих интересах и увлечениях представителей «старой» (дореволюционной) школы. И тому есть объективное основание — «документы личного характера историков послевоенного поколения крайне малочисленны» [Сидорова, 2017, с. 8].

Обычно при публикации писем историков составители отбирают те, в которых освещаются вопросы, имевшие непосредственное отношение к их профессиональной деятельности. Так, В.Г. Бухерт, подготовивший прекрасное издание переписки Н.М. и Е.И. Дружининых, при включении их в публикацию руководствовался их ценностью для изучения истории исторической науки [Бухерт, 2018, с. 4].

При подготовке к изданию писем Н.Н. Покровского нельзя было не заметить их богатейшего информационного потенциала для изучения такого актуального сейчас вопроса, как историографический быт. Вероятно, под ним можно понимать «концентрированное выражение всех жизненных изгибов в судьбе ученого, которые воздействуют на процесс сотворения исторического знания» [Алеврас, 2012, с. 534]. Не менее (если не более) ценны они и в аспекте историографии как «истории людей», развивающейся сейчас в поле интеллектуальной истории.

Необходимо учитывать, что в нашем распоряжении есть только письма Николая Николаевича к матери и практически нет ответных. Переписка же, конечно, есть диалог. Однако ответы на вопросы, объяснения и разъяснения своей позиции, поступков, действий, а также прямые цитаты и пересказ слов матери позволяют восстановить мнение Татьяны Андреевны по ряду вопросов и в какой-то степени реконструировать тот общий мир, который существовал в жизни корреспондентов и проявлялся наличием в переписке «определенных тем, имен, реалий», частотой и контекстом их появления [Паперно, 1977, с. 71].

Как уже отмечала Н.Д. Зольникова, письма Н.Н. Покровского к матери были частыми и регулярными, в них подробно и откровенно рассказывалось о быте, здоровье, настроении, работе. В них содержатся новые сведения биографического характера, интереснейшие характеристики литературных произведений, пьес и кинофильмов; красочные описания природы; рассуждения и соображения профессионального характера.

Важная составляющая всей содержащейся в письмах информации — сведения о профессиональных интересах и взглядах автора, их направленности и эволюции. Обычно подобные темы поднимаются в письмах коллегам. В данном случае мы имеем дело с редким исключением. Татьяна Андреевна Прасолова не была историком, она закончила биологический факультет университета и медицинский институт, много лет работала врачом, имела научные работы [Покровский, Покровская, 2005, с. 536, 540]. В письмах сына к ней за 1950-е, московские годы, есть ожидаемая информация о личной и деловой стороне жизни: о трудностях и успехах в учебе, работе над дипломом и командировках в ленинградские архивы, экзаменах и защите диссертации, оформлении на работу и первых шагах начинающего преподавателя, о новом направлении научной и педагогической работы, связанном с источниковедением советской эпохи. Удивительно много в них подробных, серьезных размышлений на сугубо профессиональные темы. В частности, представлены рассуждения о содержании диссертации, конкретные выводы и наблюдения о крестьянском землевладении. Подобная ситуация может объясняться и близостью, «родством душ» матери и сына, ее желанием вникать во все интересовавшее его. Объяснение такого феномена можно искать также в семейной истории — ведь Николай Ильич, муж Татьяны Андреевны, отец Николая Николаевича, был историком, возможно, беседы на профессиональные темы были приняты в доме. Кроме того, изложение своих мыслей на бумаге — хотя бы в письме — вероятно, способствовало их уяснению и формулированию.

То обстоятельство, что Т.А. Прасолова не была профессиональным историком, побуждало Николая Николаевича излагать свои мысли популярно и просто — позже в ряде своих научно-популярных работ он делал это блистательно. Так, 10 февраля 1955 г., в разгар работы над кандидатской диссертацией, Николай Николаевич писал матери: «Я задумал свести все имеющиеся у меня данные о захвате черных крестьянских земель в XIV–XVI вв.; этих сведений очень много, так что работы мне хватит надолго. Однако зато я выигрываю много — такой сводки не делал никто, она позволяет опровергнуть некоторые принятые у нас теории и вообще я, пожалуй, получу тогда крепкий стержень для самой трудной половины моей нынешней главы». Через две недели, 25 марта, он обобщает: «В таблице, о которой я писал тебе, встретилось много всяких трудностей, вообще работа крайне трудоемкая и отняла поэтому уйму времени на черновую работу, которая нигде не отражается, но без которой невозможно. Вообще я увидел, что любое более или менее серьезное исследование, это, прежде всего — огромная черновая работа; впервые я это почув-

ствовал так сильно. Иногда просто сил не хватало на всю эту бесконечную справочную работу, в которой нужна одна техника и никакие высокие мысли и обобщение не помогут. Но зато теперь собирается весьма интересный материал». Еще через несколько дней последовало дополнение: «Мое преимущество в том, что я в этом куске работы впервые попробовал свести весь имеющийся материал, а не ограничиваться приведением лишь нескольких примеров. Это та самая таблица, о которой я писал тебе, ...опровергнуть ее данные, основываясь лишь на нескольких примерах, нельзя. Но всю эту полемику я преподношу в достаточно осторожной форме и прямо нигде не ругаюсь (все же шеф научил кой-какой осторожности). Дело в том, что сейчас некоторые люди пытаются выделить вторую четверть XV века в качестве особого периода русской истории и, в частности, доказать, что в это время раздача крестьянских земель приняла такие огромные размеры, что почти все такие земли в центре России оказались захваченными в это время. Для доказательства этого Л.В. Черепнин приводит около дюжины примеров захвата крестьянских земель в это время. Я показываю, что захват крестьянских земель, действительно, принял широкие масштабы в это время (у меня набралась не дюжина, а почти полсотни примеров этого, которые я указываю). Но в последующее время такие захваты еще более усилились и именно эти последующие захваты определили больше всего общую картину землевладения в конце века — таких захватов в последующее время я привожу более 200».

В другой раз, уже в годы заключения, Покровский писал о своих впечатлениях от статей знаменитого юриста и общественного деятеля А.Ф. Кони: «Огромная масса интересных вещей, особенно для меня, как историка и источниковеда. Ты знаешь, некоторые чисто технические источниковедческие вопросы, с которыми мне приходилось сталкиваться, например, при подготовке лекций общего университетского курса, очень перекликаются с психологическим анализом в узко-юридических статьях Кони; например, конкретно-технический вопрос о ценности показаний свидетелей и дневников[1] страшно близок к многим сторонам техники источниковедческого использования мемуаров и т.д. Я прямо находил целые куски, к[ото]рые можно было бы непосредственно использовать в общем курсе, либо даже в спецкурсе “Мемуарные источники по истории XIX в.” (или точнее — “по истории пореформенной России”). Вот очень благодатная тема» (письмо от 22 октября 1959 г.).

[1] Вероятно, статьи А.Ф. Кони «Заметки и воспоминания судьи», «Обвиняемые и свидетели» и «Свидетели на суде» [Кони, 1959].

Одна из самых интересных тем — рассказ о теоретической работе по проблеме генезиса феодализма [Зольникова, 2017б, с. 31–34]. При этом указывалось на необычные условия — отсутствие источников, невозможность посещать архивы и библиотеки, дискутировать с коллегами. Возможно, в поисках выхода возникло стремление выйти за пределы «фактокопательства». Автор поставил задачу «переосмысливания огромного количества фактов, проработки многих прекрасных публикаций источников; кое в чем придется отказаться от взглядов, которые считались прочными» (вписано вместо зачеркнутого «традиционными». — *Н.М.*). Возможно, такое обоснование появилось как попытка оправдать — прежде всего в собственных глазах — временное и вынужденное отступление от усвоенного в школе М.Н. Тихомирова и блистательно продемонстрированного в кандидатской диссертации метода работы. С.О. Шмидт подчеркивал, что «в сознании М.Н. Тихомирова источниковедческое исследование и собственно историческая работа были неотделимы» [Шмидт, 2012б, с. 349]. То же самое можно утверждать и в отношении принципов научной работы Н.Н. Покровского. Получив от тепло относившегося к своему ученику Н.Л. Рубинштейна критический отзыв об отправленном ему теоретическом труде, Покровский еще больше утверждается в мысли, что работа с опорой на источники — единственно возможный способ историописания. Но в ходе теоретических размышлений в лагере наметились «основные вопросы, с к[ото]рыми когда-нибудь пойду в архив, — писал он 24 апреля 1959 г., — я все больше и больше убеждаюсь, что мой неожиданный интерес к поморским крестьянским мирам XV–XVII вв., который обнаружился у меня во время работы над диссертацией как будто без связи с главной темой, темой центра России, что этот интерес был вполне оправдан. Нашел не только подтверждение моей излюбленной мысли о том, что в центре России ранее, в XIII–XV вв., были очень хорошо известны институты, потом сохранившиеся лишь на Севере; нашел и большее — следы крупнейшего влияния, которое и потом, в XVI–XVII вв., оказывали порядки общин Поморья на общерусские порядки и социальную политику. Эта крайне интересная линия исследования на будущее и в центре ее — такая знаменитая в русской историографии тема общины. Вот это то, что занимает меня более всего». Как справедливо заметила Н.Д. Зольникова, «Н.Н. Покровский — ученый, воспринявший лучшие традиции Московской и Петербургской школ в области актового источниковедения и археографии; объединяющей чертой лучших представителей этих школ была объемная археографическая работа: поиск, описание, исследование и издание источников» [Зольникова, 2015, с. 13].

Эпистолярий нередко оказывается вполне достоверным и очень информативным источником. Многие факты из биографии Н.Н. Покровского могут быть почерпнуты именно из него: это и его активная, если не решающая, роль при создании первого указателя мемуаров по истории советского периода, и разработка и чтение им первого курса по источниковедению советской эпохи [Зольникова, 2017б, с. 10; Матханова, 2018; Матханова, 2019]. Уже не раз, в том числе с опорой на статьи, воспоминания и письма Н.Н. Покровского, указывалось на ту роль, которую сыграл М.Н. Тихомиров при устройстве своего ученика в Сибирское отделение Академии наук [Шмидт, 2012а; Шмидт, 1981; Шмидт, 1990; Зольникова, 2010; Матханова, 2017]. Но первым шагом в возвращении в профессию, первым официальным местом работы для отбывшего наказание бывшего заключенного стал Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Сам Покровский в воспоминаниях указывал на решающее значение в этом деле П.А. Зайончковского [Покровский, 1998, с. 130]. Из писем Николая Николаевича к матери выясняется, что важную роль сыграл Тихомиров. После нескольких глухих упоминаний о безуспешных попытках «трудоустроиться» и беспокойстве учителя, 19 ноября 1963 г. он пишет: «Видимо, через недельку примерно я поеду с его рекомендацией в какое-то музейное ведомство во Владимир». Через две недели появляется конкретика и имя Тихомирова: «Дело в том, что там открывается одна вакансия в областном историч[еском] музее, — читаем в письме от 6 декабря 1963 г. — Для меня бы это дело представляло бы как ряд существенных плюсов, так и не менее существенных минусов. В целом я был бы рад такому варианту, но мои переговоры там кончились почти ничем, директор побаивается всяких анкетных моих обстоятельств и отложил весь этот разговор поэтому до последних чисел декабря; я могу тут опираться на рекомендацию М[ихаила] Н[иколаевича], но поскольку все это затруднение идет отнюдь не по линии моих деловых качеств, то все это дела не решает». Опасения дирекции объяснимы: в трудовой книжке Н.Н. Покровского значилось: 16 сентября 1957 г. «отчислен [по] п. “Д” ст. 47 КЗОТ», т.е. «вследствие совершения нанявшимся уголовно-наказуемого деяния, непосредственно связанного с его работой и установленного вступившим в силу приговором суда». Приказ о принятии Покровского на работу заведующим отделом музея подписан 4 января 1958 г. А.И. Аксеновой.[2] Вероятно, именно в этот момент и вмешался П.А. Зайончковский, который, как вспоминала Н.В. Зейфман, имел какие-то связи во Владимире [Зейфман, 2017, с. 188].

[2] Трудовая книжка Н.Н. Покровского // Архив ИИ СО РАН.

В письмах к матери из лагеря совершенно очевидно действительность искажается. Н.Д. Зольникова указала на две очевидные причины: понимание возможности (можно уточнить — неизбежности) чтения их посторонними и стремление беречь мать [Зольникова, 2017б, с. 7]. Гораздо более точные сведения о жизни Николая Николаевича содержатся в письмах Зои Васильевны [Зольникова, 2017б, с. 22–25]. Но и она далеко не всегда откровенна, о тяжести положения сообщает лишь в случае крайней необходимости, как это было при разрыве с товарищами, когда поддержка близких была особенно необходима.

Сам Покровский писал матери о принудительных работах в таком духе: «Ты написала смешные вещи по поводу того, как мы в лесу сдираем руками кору с деревьев; на самом деле мы лопатами на заводе шкурили напиленные доски, дело достаточно легкое»; «Мы работаем сейчас на уборке картофеля; дело это, как понимаете, сезонное, еще недели 3 продлится, дело вполне терпимое, даже интересно пройтись, осенними пейзажами полюбоваться»; «Ты совсем напрасно беспокоишься по поводу моей работы — она вполне посильная и совершенно ничего страшного здесь нет»; «Занимаемся мы тем же — сдираем специальными скребками кору с досок. Это дает некоторую физическую нагрузку, весьма полезную, но вполне посильную. Тут можно было вполне устроиться работать в помещении (достаточно пыльном), но я постарался отказаться — эта работа значительно лучше для меня»; «Несколько дней мы тут работали на полях, на прополке (вообще характер работы у нас меняется через каждые несколько дней, и это неплохо)»; «Работаю я сейчас на пилке дров, я много занимался этим весной и неплохо окреп тогда, работа эта не трудная и я думаю, что и сейчас она пойдет мне на пользу»; «Сейчас мы в сушильном цеху сортируем деревянные детали, работа легкая и не утомительная, кроме того — в цеху душ, и это очень приятно». Бросается в глаза очевидное приукрашивание ситуации, особенно заметное при сравнении с письмами жене, которые привела в своей статье Н.Д. Зольникова [Зольникова, 2017б, с. 21–30].

За годы нахождения в лагере переписка Н.Н. Покровского с матерью была особенно частой, писем сохранилось очень много. Их содержание по большей части носит сугубо бытовой характер: речь идет о состоянии здоровья (напомним, что Татьяна Андреевна была врачом, поэтому часто речь шла о сугубо медицинских вопросах), питании, одежде, работе, возможностях получения посылок и свиданий, а также о чтении, природе и любимом с детства цветоводстве. Из писем видно, что вместе питались Покровский и его друг Михаил Семененко, порой даже встречается координация содержимого высылавшихся им посылок.

Конечно, говорится о надеждах на сокращение срока, отношениях с лагерной администрацией и другими заключенными, письмах жены и ее приездах, беспокойстве о ее здоровье, о сыне. Вообще Николай Николаевич много и подробно писал о жене и сыне, росшем вдали от отца, любви к ним, о своей благодарности Зое Васильевне за все, что она делала для мужа в годы его заключения. Часто сообщается о чтении новых книг и статей по истории, новых планах и замыслах, самообразовании — занятиях историей и иностранными языками. Очень много говорится о чтении художественной литературы, знакомстве с новыми кинофильмами, им дается не просто оценка, но и анализ. Ни до, ни после столь подробного обсуждения художественной литературы и кинофильмов не встречается, что понятно: и до лагеря, и после него автор был занят интересной и важной работой, а в лагере письма служили своеобразным замещением утраченного общения. Часто автор мысленно возвращается к счастливым временам детства, повторяя как заклинание, что жизнь всей семьи — с матерью, женой и сыном — в одном доме еще впереди.

Письма этого периода могут содержать достоверную информацию только для понимания эстетических вкусов и интересов, и лишь с очень большой осторожностью использоваться для освещения других вопросов. Вряд ли их можно считать сколько-нибудь достоверным источником для изучения условий пребывания в лагере.

Знакомство с письмами 1950-х — 1960-х гг. позволяет предположить, что в годы следствия и заключения Покровский пережил глубокий и многосторонний кризис, точнее, несколько кризисов. Все его (их) грани — идейно-политическая, душевная и творческая — были взаимосвязаны.

Мы не ставим перед собой задачу изучения идейно-политических взглядов ни самого Н.Н. Покровского, ни, тем более, других членов группы «молодых историков». Не пытаемся мы и воссоздать историю создания, деятельности и разгрома этой группы, ареста, следствия и заключения ее членов. Этот вопрос частично освещен в ряде работ [Герасимова, 2015; Сергеев, 2012]. Более полную и глубокую характеристику его еще предстоит дать, используя недоступные пока источники. Но многое можно понять и по переписке с матерью.

В «кружок молодых историков» его привело осознание, в том числе обусловленное профессиональными знаниями, недостаточности и даже ущербности «оттепельных» перемен, непоследовательности «хрущевской либерализации», недовольство существующим положением в стране. В сохранившемся фрагменте письма, условно датируемого серединой 1950-х гг., есть очень резкие высказывания: «Прочел сейчас вторую книгу “Очарованной души”, много сильных

мест, которые заставляют думать, но первое впечатление (оно все чаще приходит при чтении самых разных книг) — что мы не можем даже понять этой всей жизни, настолько ниже ее мы находимся и по жизненному уровню, и по скотским условиям существования, и по системе работы, и абсолютному незнакомству с понятием “общественное мнение” и т.д. и т.п. Лишь после этого основного встают уже различия в идеологии и другое, неприемлемость для нас западного образа жизни... Я как-то не очень сейчас верю вообще в возможность жить сколько-нибудь по-человечески в этом обществе».

Арест, следствие, пребывание на Лубянке заставили осознать возможные трагические последствия совершенного для собственной судьбы (в том числе профессиональной) и, главное, для родных. В конце марта 1958 г. З.В. Бородина передала свекрови слова мужа: «Месяца три назад я начал спать, — сказал он мне, — я поверил, что вы будете жить и работать» [Зольникова, 2017б, с. 14]. Стоявшие за ними тяжелейшие ожидания и переживания вполне объяснимы: заключенным был хорошо известен опыт репрессий в сталинские времена. Именно тогда Николай Николаевич, вероятно, впервые начал переосмысливать произошедшее. Н.Д. Зольникова писала, что «у Н.Н. Покровского в его одиночке, вероятно, начались мучительные раздумья о судьбе близких и цене своей нелегальной работы» [Зольникова, 2017б, с. 14].

Суд, неожиданно суровый приговор, а затем воссоединение в лагере с товарищами, наверное, способствовали оживлению прежних идей и настроений. Отголоски их видны и в письмах к матери. Так, в феврале 1960 г. он писал: «Я вижу, что ты не поверишь мне, но в этой жизни есть целый ряд очень ценных моментов, и я умею их находить. А потом это твое постоянное нытье — на волю, на волю. Если бы я жил с такими слепыми инстинктами, то, наверно, давно бы уже стал здесь отъявленным подлецом. Я надеюсь, что ты этого не хочешь точно так же, как и я. ...Мне нужно выйти человеком, это главное... Неужели ты хочешь, чтобы я, потеряв голову после очередной порции твоих трагических стенаний, понаделал здесь непоправимых глупостей. Ну, так смею уверить тебя, что этого не будет, как бы тяжело ни было после таких твоих писем». Как в высшей степени несправедливое воспринималось обвинение в антисоветской направленности действий. О настроениях заключенных говорят их коллективные обращения и записки в высшие инстанции (вплоть до ЦК), и участие в первой голодовке. Характерно, что матери об этом тяжелейшем событии ничего не сообщалось. О нем вспоминал М.С. Гольдман: «Мы потребовали переследствия и отказались от своих показаний. То есть факты мы признавали, но их оценку — отвергли. Нам ответили, что оснований

для пересмотра дела нет. Тогда мы отказались работать. Нас тут же — в “барак усиленного режима” (БУР) на пять суток. Мы объявили голодовку, вшестером — Обушенков отказался — и 24 дня голодали. На 7-е сутки нас первый раз насильно накормили — я, правда, отбился, на 12-е — второй, на 18-е — третий. Когда они первый раз пришли кормить, мы все сцепились локоть за локоть. Они давай нас растаскивать, все злые, потные. Правда, ни они нас не били, ни мы их. Мы так договорились заранее — сопротивляться пассивно. Единственный, Коля Покровский не удержался, вышел из себя. Мы с ним вдвоем остались, последние. Его от меня отдирают, а он их ногой пинает: “Фашисты! Фашисты!” — хотя чрезвычайно был интеллигентный и мягкий человек» [Гольдман, с. 53].

Новым переломным моментом стал коллективно принятый отказ от конфронтации с лагерной администрацией, попытки пойти на сотрудничество с нею и таким образом добиться положенного по закону условно-досрочного освобождения. Изменения в поведенческих практиках обосновывались идейно, почвой для компромисса стало совместно выработанное мнение о возможности «смягчить ежедневные тактические отношения с нашими сторожами», к тому же, как писал М.С. Гольдман, члены кружка «не были ярыми антисоветчиками... были конструктивной оппозицией» [Гольдман, с. 54]. Л.Н. Краснопевцев даже утверждал от имени всей группы: «Мы считали, что будущее нашей страны зависит от союза оппозиционных элементов, типа нас, и вообще представителей здоровой молодежи, с определенной здравомыслящей частью государственного и даже партийного аппарата... Если говорить конкретно, мы никогда не были наполнены злобой по отношению к лагерной администрации, к ее работникам. Мы считали, что это обычные советские люди, многие из которых живут в очень неважной обстановке, особенно рядовые» [Краснопевцев, с. 67]. К этому же периоду относятся и занятия Покровского теоретическим обобщением проблем генезиса феодализма в Киевской Руси. Это тоже было своеобразным компромиссом, попыткой найти способ обратиться к научной работе в непривычных и ненормальных условиях отсутствия источников. Тогда-то появились оправдывающие временную и вынужденную смену метода критические высказывания о «фактокопательстве». Но и в разгар работы над теоретическим трудом он неизменно повторяет: «...Твердо надеюсь, что смогу еще заниматься любимым источниковедением» (12 марта 1959 г.), называет себя «историком и источниковедом» (22 октября 1959 г.).

Наконец, разрыв с бывшими товарищами вследствие отказа от новой голодовки и связанной с нею новой смены тактики весной

1961 г. обозначил еще один кризисный момент. Не получив ответа на коллективные обращения в высокие инстанции, Л.Н. Краснопевцев, Л.А. Рендель и М.С. Гольдман собирались добиться своего путем еще одной голодовки. Как следует из писем З.В. Бородиной к свекрови, Покровский колебался, но ее настойчивые требования и уговоры возымели результат — он отказался. О том, что последовало, можно судить по словам «травля», «бойкот», появившимся в письмах Татьяны Андреевны и Зои Васильевны, — сам Николай Николаевич в письмах к матери пытался смягчить описание ситуации. Даже ближайший друг лагерного периода М.И. Семененко поначалу прервал общение с Покровским. Зоя Васильевна очень боялась за мужа. Она писала свекрови 29 марта 1961 г.: «Коля остался один среди этой враждебной компании. Я страшно за него волнуюсь, т.к. он обещал мне, что не пойдет далее за Левой и К°, но выдержит ли это одиночество среди всей этой страшной жизни» [Зольникова, 2017б, с. 24–25]. По этим ее словам можно судить о глубине пережитого самим заключенным. Не случайно в воспоминаниях 1990-х гг. Н.Г. Обушенков и Н.Н. Покровский писали о феномене «вождизма» и о нетерпимости внутри группы [«Дело молодых историков», 1994, с. 124, 125].

В это же время происходит возвращение к прежнему «тихомировскому» методу в исследовательских практиках — пока что чисто умозрительное, т.к. условий для работы с источниками по-прежнему не существовало. Судя по письмам, профессиональные занятия теперь ограничиваются знакомством с исторической периодикой и немногими присылавшимися книгами. Интеллектуальная деятельность сводилась к изучению иностранных языков, чтению газет и художественной литературы. В последние месяцы Николай Николаевич с искренним увлечением занимается преподаванием в школе.

Можно заметить, что в соответствии с предполагаемыми поворотами меняется и тональность переписки с матерью и сестрой, осуждавшими и само участие в кружке, и продолжение борьбы с властью вообще и лагерной администрацией в частности. В первое время, наряду с неизменными попытками утешить, успокоить и оправдаться, благодарностью за помощь, нередко встречаются довольно жесткие ответы на их упреки; позже, особенно после разрыва с «подельниками», происходит примирение. Вообще отношение к семье сыграло очень большую, если не определяющую, роль в окончательном отказе от новой голодовки и конфронтации с лагерной администрацией. Не случайно свои воспоминания о деле Николай Николаевич закончил словами: «Нельзя забывать о том, что довелось вынести нашим родным, женам и матерям... Без них нам было бы не выдержать» [«Дело молодых историков», 1994, с. 126].

Настоящая профессиональная жизнь возобновляется после освобождения. В 1964–1965 гг. Н.Н. Покровский работал во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике и одновременно занимался описанием коллекции рукописей и старопечатных книг своего учителя М.Н. Тихомирова. В эти годы Татьяна Андреевна получает письма от сына из Суздаля и Владимира, а также из Москвы (поездки в столицу были нелегальными и полулегальными) и Новосибирска, куда он отвозил часть завещанного Тихомировым собрания.

Николай Николаевич писал матери о взаимоотношениях с М.Н. Тихомировым и до ареста, и из лагеря, и после возвращения. Многие визиты описывались подробно. Особенно интересны письма осени 1963 г., т.е. написанные вскоре после освобождения. Так, 2 октября 1963 г. сообщается: «Сегодня я имел более чем трехчасовую аудиенцию у М[ихаила] Н[иколаевича]. Он лишь недавно вернулся, потом еще болел, вчера лишь начал принимать, и ему тут же передали обо мне; он сам позвонил мне вчера, договорились на сегодня, и вот он больше трех часов держал сегодня меня. Принял очень хорошо и даже ласково, обсуждали мы с ним всякие возможности и пути; приеду — расскажу; думаю, что так или иначе, но изобретем вместе тут что-нибудь. Во всяком случае, пока я доволен весьма и приемом, и отношением». Как уже отмечалось, в письме от 19 ноября 1963 г. говорится о рекомендации в «музейное ведомство во Владимир». Тогда же Николай Николаевич впервые пишет и о начале работы по описанию Тихомировского собрания: «Почти договорились мы сейчас с ним о том, что я буду помогать ему в описании его коллекции древнерусских рукописей — это описание будет издано в Новосибирске». Через полтора месяца, 3 декабря, об этом говорится как об уже устоявшемся деле: «Три дня в неделю приезжаю я для работы с коллекцией древнерусских рукописей М[ихаила] Н[иколаевича]. Это настоящая работа, которая дает очень большое удовлетворение и определенную школу. Ты спрашиваешь, как тут с финансовой стороной; я толком еще сам не знаю; получил я тут авансом 50 р., а как дальше — пока не ведаю. Работы там очень много, особенно для меня, изрядно деквалифицировавшегося за эти годы. Но дело чрезвычайно интересное». Плата тоже была не лишней и не единовременной — об этом тоже упомянуто в одном из писем: «М[ихаил] Н[иколаевич] вчера довольно категорическим жестом сунул мне 50 р. за эту мою работу, как он платил когда-то, до того, как я устроился в музей» (15 января 1965 г.).

Вот как об одной из последних встреч с Тихомировым — в больнице — и о его решающей помощи писал Николай Николаевич 20 июня 1965 г.: «Эти самые неожиданные затруднения связаны отнюдь не с

работой, а с пропиской (в Академгородке. — *Н.М.*). ...Но сейчас я уже могу сказать, что шансы на то, что все будет так или иначе улажено в самое ближайшее время, весьма велики. И больше всего помог опять М[ихаил] Н[иколаевич], хотя он находится в таком отчаянно плохом состоянии, что было мало надежды на какую-то его помощь... Я уже стал было прощаться, как вдруг, после сильной рвоты и состояния полубессознательного, М[ихаил] Н[иколаевич] оживился и стал тут же расспрашивать меня о моих делах совсем не так, как раньше. В пять минут он вытянул из меня всю ситуацию, затем Толя (А.В. Муравьев. — *Н.М.*) четко намекнул, что именно требуется от него в этой ситуации (я так и не решился на это) — и тут разразилась такая буря, которую я, пожалуй, лишь однажды в жизни от него выдержал, когда хотел оставить в своем дипломе несколько спорных выводов. Я не думал, что у него осталась и сотая доля энергии, которая понадобилась ему для того, чтобы так меня отхлестать. Причиной этой бури было то, что я уже битых три часа сижу у него и не говорю, что мне от него нужно, тогда как он отнюдь еще живой и может заниматься делами; а между тем положительное решение этого дела — для него лучшее лекарство; я должен был знать это и не молчать и т.д. ...Когда я вышел в конце концов от него, я отчаянно опаздывал на автобус (еле-еле поспел), но в кармане у меня лежали письма в Новосибирск (в том числе, на крайний случай, — и к Лаврентьеву), быстро продиктованные М[ихаилом] Н[иколаевичем] между двумя очередными разносами».

Работа по описанию Тихомировского собрания была очень важна в профессиональном плане. Один из самых интересных фактов приведен в письме от 21 декабря 1964 г.: «В пятницу я работал с самой древней и ценной книгой его коллекции... На первом листе там была запись, настолько стершаяся, что она совсем уже не читалась, и М[ихаил] Н[иколаевич] и двое его учеников пытались сделать это не раз, но не смогли. И вдруг в пятницу, за какие-то полчаса, мне это удалось; сам не знаю почему, но вдруг достаточно точно и бесспорно расшифровалась чуть ли не каждая буква. И эта запись тоже оказалась очень интересной». Как установил А.А. Юдин, это было знаменитое Друцкое Евангелие.[3] По результатам изучения собрания 18 декабря 1964 г. Покровский сделал первый доклад на заседании Археографической комиссии [Саморукова, 1965, с. 187], это было первое его выступление перед подобной аудиторией «после очень и очень долгого перерыва».

Возвращение в профессию происходило двумя путями — наряду с описанием собрания Тихомирова, это была работа во Владимиро-Суздальском музее. В письмах из Суздаля есть подробное описание

[3] О Друцком Евангелии см.: [Панин, 2013] и др.

быта, восхищение красотой старинной русской архитектуры, рассказывается и о вхождении в музейную специфику. Николай Николаевич буквально живописует состояние некогда (и теперь) великолепных Архиерейских палат, в помещении которых находилась его комнатушка: «Там настлали новые полы, они рассохлись, и между досками трещины в 2 пальца, а под ними, на 1 этаже, — открытая галерея (это архитектура XVI–XVII вв., стены чуть ли не в метр толщиной), то же — между плинтусом и стеной. Комната эта прямо при канцелярии музея и вход в нее только через эту канцелярию, где все мы работаем до 5 часов вечера, а потом это что-то вроде клуба в этой глуши для всех музейных работников: приходят туда поработать, посмотреть телевизор и расходятся в начале двенадцатого ночи. Дверь, которая мою комнатку отделяет от канцелярии, довольно условная — вся в щелях и меньше дверной рамы тоже пальца на 2–3 со всех трех сторон. Топятся обе эти комнаты (и моя, и канцелярия) дровами: в каждой по печке» (10 января 1964 г.). Представлены и те перемены, которые происходили тогда и масштаб которых он осознал, став заместителем директора: «Трудно несказанно — это такое огромнейшее хозяйство, десятки и десятки памятников древней архитектуры, связи со строительными организациями, которые ведут там реставр[ационные] работы, с архитекторами — специалистами по древним памятникам; сейчас укрепляют еще одну огромную фреску Рублева в Успенском соборе» (10 декабря 1964 г.). Из суздальского периода берут начало многие интересы и направления последующей деятельности: он готовил выставки старопечатных книг, ездил по Владимирщине в поисках старых книг и вещей, изучал историю древнерусской архитектуры, живописи и т.д. «И, — как говорится в письме от 22 марта 1964 г., — свою неграмотность тут надо ликвидировать как можно скорее. Впрочем, дело это интересное». Не все возникшие проекты были реализованы: не осуществилось описание старопечатных книг, не была издана подготовленная статья «Новая экспозиция по истории Владимиро-Суздальской церкви» (указана в списке трудов 1965 г.) и некая популярная книжка о Суздале и т.д. В письмах отразилось подлинное увлечение музейным делом, понимание многих его перспектив и значения. «Есть у музея, оказывается, изрядные издательские возможности, — писал он 10–12 сентября 1964 г. — ...Можно будет и рекламу лучше поставить. Будут возможности и для того, чтобы организовать профессиональную учебу наших сотрудников. Вообще-то надо сказать, что музей, конечно, имеет изрядные перспективы значительного расширения масштабов работы. Я давно знал, что это именно так, хотя бы уже потому, что даже финансовое значение туризма в старых русских городах становится

все яснее». В Академгородке в 1966 г. Покровский предлагал создать общий для всех институтов Сибирского отделения музей [Зольникова, 2017а, с. 33, 36–38]. В письмах суздальских лет звучит поэтический настрой, сочетание интересов профессиональных и эстетических: «...Часто видишь, что делаешь нужное, что эта кропотливая и во многом неизвестная мне работа очень нужна, хотя бы тем величественным белокаменным старикам, которые выстояли на здешней земле вот уже восемь сотен лет и которые до того графично-красивы этими темными зимними вечерами, что даже дух захватывает, когда я прохожу мимо них, возвращаясь к себе» (10 декабря 1964 г.).

Несколько раз упомянуто имя Алисы Ивановны Аксеновой — легендарной личности, директора музея-заповедника. Теперь можно оценить ее решимость: рекомендации и ходатайства историков М.Н. Тихомирова и П.А. Зайончковского — это одно, но приказы о принятии на работу «зэка с неснятой судимостью» по политической статье, а затем и о назначении его своим замаместителем подписывала она. Понятно, что должна была быть санкция вышестоящих инстанций и, наверное, «органов», но отвечать, в случае чего, пришлось бы ей. Можно предположить, что за девять-десять месяцев работы (зачислен в музей Покровский был в январе 1964 г., заместителем директора назначен 18 сентября[4]) Аксенова сумела оценить потенциал сотрудника. Не зря же она с такой неохотой отпускала его в Новосибирск: «Сейчас только что говорил во Владимире со своей директрисой о сроках своего ухода, — писал он 29 июня 1965 г. — Разговор был очень трудный».

По письмам прослеживается развитие новосибирского проекта. Впервые о Сибири упомянуто в письме от 15 января 1965 г.: «С сибирскими моими делами тут ничего не слышно и, видно, дело это пока заглохло, хотя, кажется, не вообще, а на время». В письме от 6 февраля речь идет уже о возможности трудоустройства: «Позавчера говорил с акад[емиком] Лаврентьевым (он был сейчас в Москве, заходил к М[ихаилу] Н[иколаевичу]), показывал ему коллекцию, договаривался о том, как перевезти ее к ним в Новосибирск. Возможно, скоро я поеду туда сопровождать ее, но это еще не точно. Познакомился в ходе всей этой истории со всем тамошним начальством, может быть, и что-либо более серьезное будет у меня тут, посмотрим: в Новосибирске открывается скоро Институт общественных наук Академии». Еще более определенно об этом пишет Николай Николаевич 24 февраля, уже во время поездки в Новосибирск с первой партией тихомировских рукописей: «М[ихаил] Н[иколаевич] написал в Новосибирск рекомендательное письмо в отношении моего устройства

[4] Трудовая книжка Н.Н. Покровского // Архив ИИ СО РАН.

там на работу, но очень и очень трудно пока сказать, есть ли реальные возможности для этого, каковы условия и т.д. Все это надо будет сейчас узнать, если будут нужные люди. Все это, сама понимаешь, никак не окончательный вариант (и, нужно сказать, сейчас — отнюдь не единственный), однако и посмотреть, что тут к чему, мне сейчас надо повнимательнее». Первые впечатления от Академгородка были самые благоприятные, но вопрос о работе практически решился позже. Весной назван и Институт истории, филологии и философии, о плане создания которого Покровский узнал во время февральской поездки в Новосибирск. Именно с этим был связан проект «получения ставки для меня, — писал он матери 13 апреля, — теперь все это становится более реальным, хотя тут еще, возможно, будет время и время, пока это утрясется». Но тут же сообщается, что директор института А.П. Окладников «довольно бодро смотрит на мои перспективы в связи со всем этим и пишет, что постарается сделать все, что можно». Действительно, уже 8 мая Покровский созванивается с приехавшей в Москву М.М. Громыко. «Она давно уже работает там, быстро продвинулась и сейчас — на весьма видных ролях», — пишет он 15 мая. И продолжает: «Она еще в феврале приняла в моих делах большое участие, а сейчас приехала с официальным предложением декана гуманитарного факультета Новосибирского университета — чтобы я подавал документы на открытый 16.IV конкурс на должность доцента». Документы были отправлены 10 мая, но Николай Николаевич предупреждал мать и успокаивал ее: «Очень трудно еще сказать, насколько для меня реален Новосибирский ун[иверсите]т — конкурс есть конкурс и тут возможны всякие кандидатуры и т.д. Но в общем-то это уже больше вопрос времени — если не это, то ставка в системе Академии там рано или поздно будет; сейчас пока у них совсем нет новых ставок и возможно даже, что так будет до конца этого года, но Окладников сказал, что первая же ставка — моя». И, наконец, письмо от 5 июня начиналось торжественно: «Сегодня у меня важный день, и я очень рад сразу же сообщить тебе об этом. Хотел дать телеграмму, но побоялись мы с Зоей пугать тебя телеграммой, а разница, видно, лишь в день. Дело в том, что я, по всей вероятности, уже с начала июля уезжаю на работу в Новосибирск. Получилось все совсем не так, как ожидали, точнее — именно так, как планировали, когда я был там. В конце мая Лаврентьев дал для меня место младшего научного сотрудника в этом самом новом академическом институте (не в университете). Ставка дается с 1 июля». О поездке в Новосибирск — пока что предварительной, разведывательной — сообщалось в письме от 20 июня. Окончательный переезд состоялся в августе.

В судьбе Н.Н. Покровского произошел еще один, решающий, поворот, и об этом, как и о многом другом, он подробно писал матери. Значение этих писем для освещения новосибирского, самого для нас (и не только для нас) важного и интересного периода в биографии Н.Н. Покровского, должно изучаться особо.

Из писем видно, что опорой и утешением в самые трудные времена служили далекие — и не очень — от профессии интересы и увлечения. Всем лично знавшим Николая Николаевича памятна его любовь к цветоводству. Как писала Зоя Васильевна свекрови уже после вынесения приговора, во время одного из свиданий с несколько успокоившимся мужем «говорили о всяких научных проблемах, которые его волнуют и с работой Николая Ильича, и с указателем (кажется, указатель выйдет), обсуждали всяческие домашние дела, напр[имер], ...цветы вообще и луковицы, гиацинты у мамы и гиацинты в Москве ("Черти, загубите гиацинты! Лучше бы отдали все маме! По крайней мере все бы цвели!"). Но мы успокоили, что и у нас расцветают, только позднее» (26 февраля 1958 г.). Письма полны советами по поводу разведения цветов и рассказами о собственных (даже в лагере) успехах на этом поприще.

Столь же неизменной темой было восхищение красотой природы — и на подмосковной даче тестя и тещи, и в Мордовии, и на Владимирщине, и в Сибири. Описания были красочны, а порой и художественны. Такое представлено в письме от 29 октября 1959 г.: «Сегодня я все время сравнивал картину заката с известными полотнами нашего импрессиониста Жуковского, пейзажами которого я часто любовался в Москве, не только в Третьяковке, но даже в частных домах.[5] Он очень любит фиолетовые тона вечера, они дают определенное настроение, но подчас несколько необычны, а сегодня я чуть ли не полчаса наблюдал именно такие тона — закатные блики на белых стволах недалеких берез с их четким рисунком обнаженных уже ветвей и особенно — сине-фиолетовые контуры более далеких лесов и самого неба, вернее — нагромождений облаков. Все это удивительно красочно». Или 29–30 мая 1964 г. из Суздаля: «К тому же начались эти благословенные суздальские летние дни, о которых я так много слышал. И действительно — благодать: все зелено, и на нашем дворе сочная, со свежим запахом молодой травы зелень; цветут вишни, розовой пеной зацветают яблони, на столе у меня и дома, и на ра-

[5] Н.Н. Покровский вспоминал, что у М.Н. Тихомирова любовался прекрасной картиной Жуковского и о том, что в 1965 г. ему «довелось, исполняя завещание Михаила Николаевича, перевозить ее вместе с сотнями древних рукописей и икон в Новосибирск как дар ученого Сибирскому отделению Академии наук СССР» [Покровский, 2012, с. 612].

боте огромные букеты черемухи в красивых керамических кувшинах. А по вечерам прозрачные закаты с темными силуэтами пяти десятков церковушек, задумчиво отражающихся в заросших тростником речонках и прудах». Вероятно, не случайно такие художественные и подробные «словесные пейзажи» представлены в письмах к матери — эта черта говорит и о личности автора, и о личности адресата, и об их взаимоотношениях (писем к жене в нашем распоряжении не имеется).

Очень часто перечисляются новинки литературы и кинематографа, порой они — кратко или подробно — характеризуются. В иные, не лагерные времена также часто и подробно излагаются впечатления от спектаклей. Особенно часто и много говорится о книгах — и об исторической, и о художественной литературе. Л.А. Сидорова замечает, что в жизни историков «старой» (дореволюционной) школы в условиях революции и Гражданской войны книги «создавали своеобразный защитный барьер между ними и внешним миром», «иллюзию привычного образа жизни, вносили в нее жизнь и порядок» [Сидорова, 2018, с. 346]. То же, но еще в большей степени, относилось к лагерной обстановке.

Многие письма Н.Н. Покровского могут быть использованы при изучении истории Московского университета, настроений и быта студентов и преподавателей, биографии М.Н. Тихомирова, историографического быта. Немало ценной информации содержат они по истории Владимиро-Суздальского музея-заповедника и Суздаля вообще. Конечно, ценность эго-документов заключается, прежде всего, в освещении биографии, взглядов, увлечений, настроений, круга общения автора и т.п. Они могут быть полезны и для изучения становления и эволюции его профессиональных интересов и взглядов, понимании и оценке им успехов и трудностей в работе, содержании научных планов и идей. Для характеристики его личности не менее важны другие сюжеты, относящиеся к художественной литературе, театру, музыке, изобразительному искусству. В письмах представлено хорошо известное ученикам и коллегам жизнелюбие Николая Николаевича, его любовь к книгам, искусству, фотоделу, природе, страстное увлечение цветоводством. Все это помогало ему жить и выживать, влияло на повседневные занятия, круг общения.

Список литературы

Алеврас Н.Н. Что такое «историографический быт»? Из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы. 2-е изд. М., 2012. С. 516–534.

Бухерт В.Г. Предисловие // Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями. М., 2018. С. 4–31.

Вовина-Лебедева В.Г. Попытка самоанализа: О несостоявшихся мемуарах В.М. Панеяха // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 227–246.

Герасимова О.Г. «Оттепель», «заморозки» и студенты Московского университета. М., 2015. 607 с.

«Дело молодых историков» (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 106–135.

Зольникова Н.Д. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Николаевич Покровский / Сост. З.В. Бородина, О.Д. Журавель, И.А. Шипилов; авт. вступ. ст. Н.Д. Зольникова. М., 2010. С. 7–20. (Материалы к биобиблиографии ученых: История. Вып. 34).

Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как исследователь // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 4–13. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 33).

Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как организатор науки (вторая половина 1960-х — 1980-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017а. № 1. С. 32–39.

Зольникова Н.Д. Повседневная жизнь на фоне Лубянки и ИТЛ: Переписка Н.Н. Покровского и его близких в 1957–1963 гг. // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017б. С. 7–41. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

Каганович Б.С. Е.В. Тарле и петербургские медиевисты // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2008. СПб., 2009. С. 25–32.

Кони А.Ф. Избранные произведения. Т. 1: Статьи и заметки. М., 1959. 627 с.

Корзун В.П. «Историю можно воссоздать... лишь пережив ее в себе»: Размышления над книгой А.В. Гордона «Историки железного века» // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 410–417.

Корзун В.П., Мамонтова М.А., Свешников А.В. Историк в собственных письмах: Зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX–XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.В. Платонов, П.Н. Милюков). Омск, 2003. С. 3–36.

Матханова Н.П. «Я никогда не пожалел о сделанном... выборе и не уехал из Сибири»: Из воспоминаний Н.Н. Покровского // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памят-

никах письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 42–51. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).

Матханова Н.П. О работе Н.Н. Покровского над указателем «История советского общества в воспоминаниях современников»: По материалам личного архива академика // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 7–25. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 37).

Матханова Н.П. О работе Н.Н. Покровского над указателем «История советского общества в воспоминаниях современников». Статья вторая: По материалам Генеральной прокуратуры СССР // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры Новосибирск, 2019. С. 129–141. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 38).

Панин Л.Г. Писцы Друцкого Евангелия и их диалектные особенности // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 2: Филология. С. 100–107.

Паперно И.А. Переписка Пушкина как целостный текст (май-октябрь 1831 г.) // Ученые записки Тартуского университета. Т. 420: Метрика и поэтика. Вып. 2. 1977. С. 71–81.

Саморукова Н.А. Деятельность Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР за 1964 год // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 386–387.

Сергеев В.Н. К вопросу об идеологии группы Краснопевцева-Ренделя // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2012. № 3. С. 98–103.

Сидорова Л.А. Книга в духовной жизни российских историков // История и художественная литература. М.; СПб., 2018. С. 337–350.

Сидорова Л.А. Советские историки: Духовный и научный облик. М.; СПб., 2017. 248 с.

Шмидт С.О. Издание и изучение наследия М.Н. Тихомирова // Сибирское собрание М.Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 5–28.

Шмидт С.О. К предыстории издания последних книг академика М.Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Николая Николаевича Покровского. Новосибирск, 1990. С. 368–376. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 14).

Шмидт С.О. Памяти учителя: Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова // *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил

Николаевич Тихомиров: Тихомировские традиции. М., 2012. С. 13–49.

Шмидт С.О. Статья о М.Н. Тихомирове в книге «Портреты историков: Время и судьбы» // *Шмидт С.О.* Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров: Тихомировские традиции. М., 2012. С. 331–351.

Список опубликованных источников

Ганелин Р.Ш. Советские историки: О чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2004. 216 с.

Гольдман М.С. «Не этому меня десять лет в комсомоле учили!»: Интервью М.С. Гольдмана // История инакомыслия в СССР. С. 53–54. URL: https://hro.org/files/karta/17-18/p053.jpg, https://hro.org/files/karta/17-18/p054.jpg.

Зейфман Н.В. Еще одна жизнь. М., 2017. 224 с.

Зимин А.А. Храм науки: Размышления о пережитом // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 2015. С. 34–385.

Краснопевцев Л.Н. «У нас была своя точка зрения»: Интервью // История инакомыслия в СССР. https://hro.org/files/karta/17-18/p065.jpg, https://hro.org/files/karta/17-18/p065.jpg.

Покровский Н.Н. Встречи // Историк в России. Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания. М., 2012. С. 612–615.

Покровский Н.Н. От Нестора до Солженицына // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 128–131.

Покровский Н.Н., Покровская С.Н. Мемуары // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 525–579. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 24).

Поляков Ю.А. Минувшее: Фрагменты (воспоминания историка). М., 2011. 442 с.

УДК 821.161'01"15"

Л.И. Журова
Институт истории СО РАН, Новосибирск

«Судные списки Максима Грека» в творческом наследии Н.Н. Покровского*

В жизни Н.Н. Покровского алтайская рукопись с «Судными списками Максима Грека и Исака Собаки» сыграла судьбоносную роль. История обретения сборника конца XVI в., его исследования и подготовки публикации 39-й главы в настоящей статье описана на основании источников разного типа: письма, научные статьи, монография крупного ученого. Предметом изучения стал вопрос систематизации в науке о Максиме Греке сведений об открытии и исследовании сибирского списка судного дела. Обоснована задача переиздания памятника.

Ключевые слова: Максим Грек, Н.Н. Покровский, С.О. Шмидт, археография, экспедиция, эпистолярное наследие, рукопись, научная статья, рецензия.

«Судные списки Максима Грека и Исака Собаки» в судьбе Н.Н. Покровского во многом сыграли определяющую роль. Сам ученый считал рукопись самой ценной из всех, которые ему посчастливилось найти в Сибири [Покровский, 2005, с. 84]. Удивительны совпадения: рукопись XVI в., обретенная в далеком алтайском селе в 1968 г., оказалась родом из Владимирского Рождественского монастыря [Буланин, 1981, с. 71–79]; Н.Н. Покровский, освободившись из заключения, работал во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике, описывал книжное собрание этого монастыря. В «Путешествии за редкими книгами» он в скобках заметил: «Про себя я подивился совпадению: моя последняя перед переездом в Сибирь работа была как раз связана с описанием книг этой библиотеки» [Покровский, 2005, с. 86]. Это, конечно, счастливая встреча рукописи и ее обретателя. Вчитываясь в соборные разбирательства 1525 и 1531 гг., историк, сам переживший шесть лет заключения, как никто другой сопереживал главному герою — Максиму Греку, проведшему также шесть лет сурового заточения в Иосифо-Волоколамском монастыре, семнадцать лет ссылки в Тверском Отроче монастыре, и последние семь лет жизни — на чужбине, в Троице-Сергиевом.

Историю обнаружения и изучения алтайского «Судного списка» можно описать по нескольким источникам: письма Н.Н. Покровского председателю Археографической комиссии АН СССР С.О. Шмид-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00094.

© Журова Л.И., 2020

ту (1968–1970 гг.),[1] первая статья о находке рукописи [Покровский, 1969, с. 129–138],[2] вступительная статья к изданию «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки» [Судные списки, 1971, с. 10–89], научная статья «Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека» [Покровский, 1981, с. 80–102], увлекательная монография «Путешествие за редкими книгами» [Покровский, 2005, с. 82–120].

Ранние известия об обнаружении и приобретении сборника с «Судными списками» находим в письме Н.Н. Покровского С.О. Шмидту от 1 сентября 1968 г. Автор с воодушевлением рассказывает об экспедиции на Алтай, где им была начата археографическая работа. Описание природы района, которая произвела на него неизгладимое впечатление, передает состояние души полевика, воодушевленного своим трудом: «Я был в интереснейшей горной долине, которая с конца XVIII века была обетованной землей для беглых с Демидовских заводов, с Бухтармы. Это среднее течение и верховья Катуни, близ Белухи». Как знаток и тонкий ценитель всякой декоративной растительности, он восторгается природой: «Вдоль неправдоподобно бирюзовой реки — изумрудные пойменные леса и затем желтые квадраты пашни, постепенно сменяющиеся пастбищами. А дальше — беспорядочное нагромождение гор, со всех сторон обступивших эту долину. Все это донельзя картинно, особенно — с гор». Эти первые впечатления от алтайской природы, безусловно, передают эмоциональное настроение духовно богатого человека. В книге «Путешествие за редкими книгами» по понятным причинам топонимических сведений нет. Путь экспедиции на Алтай шел через Енисей и Саяны: «Мы прошли в обратном направлении маршрут старообрядцев-переселенцев конца XIX и начала XX века. Собирая сведения о районах выхода тамошних старообрядцев, мы все чаще слышали об этой алтайской долине, впервые заселенной русскими еще двести лет назад» [Покровский, 2005, с. 82]. Вид современного экономически благополучного сельскохозяйственного района не давал надежд на успешность поисков старины. «И все же кое-что из услышанного... заставило рискнуть», — пишет Н.Н. Покровский в книге. Картинка, увиденная археографом-полевиком, зафиксировала место нахождения знаменитой рукописи с «Судными списками»: «Так в июле 1968 г. я оказался в крохотной избушке, стоявшей на краю пестрого поля цветущих маков. Недалеко от него, за околицей богатого села,

[1] Архив РАН. Ф. 2218 (С.О. Шмидт). Поскольку материалы фонда еще не обработаны, номера дел и листов в настоящей статье не указываются. Выражаем благодарность А.В. Мельникову за предоставленные копии писем. В настоящее время готовится публикация писем Н.Н. Покровского.

[2] Содержание статьи было включено Н.Н. Покровским в «Путешествие за редкими книгами».

земля сразу круто поднималась вверх — начинался склон горы, густо поросший темными пихтами» [Покровский, 2005, с. 82]; «избушка близ макового поля» не раз вспоминалась путешественником за книгами.

В письме С.О. Шмидту дана научная оценка археографической картины района: «Догматически это довольно однообразный район — почти исключительно часовенное согласие...». Но главным предметом сообщения было известие об обретенной рукописи: «Начал раскапывать небольшое книжное гнездышко в Мульте; не знаю, осталось ли там еще хоть что-либо ценное, но именно там я взял тот интереснейший сборник конца XVI в., о котором захотелось написать Вам в первую очередь». Эта рукопись принадлежала Владимирскому Рождественском монастырю, о чем свидетельствовала запись скорописью XVII в., и была составлена в конце XVI в. в книгописной мастерской Ионы Думина [Буланин, 1980, с. 174–180]. В «Путешествии за редкими книгами» историк выразил искреннее изумление: «Вряд ли мы сможем когда-нибудь узнать, какими сложными и причудливыми путями эта рукопись, выйдя из-за высоких монастырских стен, до сих пор величественно возвышающихся над Клязьмой, попала в далекое сибирское село, когда и кем она была изъята или похищена из богатой монастырской библиотеки!» [Покровский, 2005, с. 86]. Через много лет Николай Николаевич вспоминал «то волнение, которое испытал, когда убедился, что мы приобрели сборник, в котором есть рукопись “Судного списка” Максима Грека» [Покровский, 2005, с. 95].

Во вступительной статье к изданию «Судных списков Максима Грека и Исака Собаки» Н.Н. Покровский дает информативную справку о находке рукописи. Он пишет, что сборник был получен археографической экспедицией Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Указывает географическое место — с. Мульта Усть-Коксинского района Горно-Алтайской автономной области, владельца — Наталья Сергеевна Хомякова. В книге ей было присвоено условное имя — Анна Сергеевна, и ее «смелый, неустрашимый нрав, — пишет Николай Николаевич, — сослужил важную службу истории русской национальной культуры»: она тридцать лет назад нашла в сарае под снегом несколько уцелевших от сожжения фолиантов из коллекции старопечатных книг и рукописей, собранной крестьянами, начиная со времен Екатерины II [Покровский, 2005, с. 85]. Суровый и непреклонный характер батрачки доставил участникам экспедиции немало напряженных моментов. В письме Н.Н. Покровский объяснил причины трудностей работы археографов в этом районе: «В начале 30-х годов все эти сокровища весьма

добросовестно уничтожались местными властями — из часовен все вывезли и сожгли, лишь крохи удалось тогда спасти. Обращение со спасителями, если о них узнавали, было достаточно крутым и тогда, и после войны, так что сейчас очень трудно добиться, чтобы тебе показали что-нибудь». Биография женщины стала отдельным сюжетом повествования. В этом же письме было изложено предварительное описание рукописи, предварительное потому, объясняет Николай Николаевич, что «до реставрации можно прочесть лишь часть текста. Нижняя треть большинства листов слиплась; старухи, спасшие книгу из-под снега и три десятка лет старательно укрывавшие ее, пытались в нескольких местах разлепить листы. Там есть утраты текста, но таких мест немного». Отмечено, что ранее книга принадлежала часовне часовенного согласия, а в самом селе когда-то был «один из двух центров собирания и переписки древних русских книг всей Уймонской долины» [Судные списки, 1971, с. 10]. Уже в этом «предварительном описании» 1968 г. исследователем были сделаны важные выводы об особенностях обретенного памятника: древность и полнота сибирского списка, его связь с делом Вассиана Патрикеева, спутанность соборных материалов 1525 и 1531 гг., роль митрополита Макария в церковной борьбе 1540-х гг. и др.

В феврале 1969 г. Н.Н. Покровский на заседании Археографической комиссии при Отделении истории Академии наук сделал доклад «Новый рукописный сборник с материалами о Максиме Греке и общественно-политической истории XVI в.». В «Вопросах истории» появилась заметка об этом событии, в которой отмечены важность находки и «оживленные прения, в ходе которых выступили М.В. Щепкина, А.А. Зимин, А.И. Клибанов, С.О. Шмидт, В.И. Корецкий» [По поводу находки..., 1969, с. 189–190]. Как видим, это имена выдающихся историков нашей страны, принявших в свои ряды участника «археографического открытия Сибири».

В характеристике состава уникальной рукописи, изложенной в письме С.О. Шмидту, Н.Н. Покровский довольно подробно остановился на «Житии Александра Невского», назвав его «центральным памятником сборника», отметил связь материалов рукописной книги с деятельностью митрополита Макария, и запланировал: «Надо будет особенно заняться соборной грамотой о канонизации русских святых, которая здесь датирована 1543, а не 1547 годом; возможно, это простая ошибка, но надо проверить». Особо выделил 39 главу, в которой содержится «новый материал... в связи с судным списком Максима Грека». Уже первое знакомство с рукописью позволило определить, что найденный комплекс судебных дел 1525 и 1531 гг. (39 глава) сохранился не только в более древнем виде (1591 г.), но

и в более полном, нежели известное «Прение митрополита Даниила». Покровский пунктирно и нетерпеливо обозначает вопросы, которые предстоит решить исследователю, но останавливает себя: «Ну, да я несколько забегаю вперед. Сейчас главное — обеспечить реставрацию рукописи». Эта проблема в то время его беспокоила больше всего, поскольку книга долго пролежала под снегом в сарае, листы слиплись, «кое-где чернила, — пишет он в «Путешествии...», — угасли почти совсем на подмокшей бумаге, листы в левом нижнем углу при малейшем прикосновении должны были распадаться на мелкие фрагменты» [Покровский, 2005, с. 85]. В письме С.О. Шмидту историк больше обсуждает содержание сборника, а не состояние рукописи и историю ее обнаружения и приобретения. Видимо, эти сюжеты были предметом их устных бесед. А пока Покровский просит совета у Шмидта, куда отдать рукопись на реставрацию, и рассматривает вариант реставрации в Ленинграде: «Поскольку в сборнике так много интересного *можно будет подумать об издании текста 39 главы* (курсив мой. — *Л.Ж.*), хотелось бы, чтобы реставрация была сделана предельно тщательно. Конечно, я сразу же подумал о Ленинграде, о ЛАКРА...[3] Но тут два затруднения. Во-первых — я никого не знаю там, не знаю, в чьи руки попадет книга, а надо бы объяснить ее ценность и т.д. Во-вторых, мне вовсе не хочется, чтобы кто-либо из сверхпредприимчивых исследователей раньше времени заинтересовался этим сборником». В «Путешествии...» он сообщил, что на его просьбу быстро откликнулись С.О. Шмидт и заведующая Отделом рукописей ГИМ М.В. Щепкина, не было долгой бюрократической переписки, и московские реставраторы сразу же согласились вне всякой очереди отреставрировать ценную рукопись [Покровский, 2005, с. 100].

С большим трепетом в «Путешествии...» историк описывает рукопись на стадии реставрационных работ: «в Отделе реставрации бумаги ГИМа увидел сборник, уже весь целиком разлепленный, листы его были освобождены от переплета и лежали аккуратной стопкой. Шла кропотливая работа по подбору и подклеиванию крохотных фрагментов листов на тех местах, где они слиплись в сплошной блок» [Покровский, 2005, с. 100]. Результатами реставрации обретатель сборника был доволен: «...Рукописи нашей очень повезло: она попала в великолепные руки реставраторов Государственного Исторического музея, которым удалось спасти более 98 процентов текста, да и в остальном многое угадывалось по смыслу» [Покровский, 2005, с. 85]. Примечательно письмо М.В. Щепкиной от 27 марта 1969 г.,

[3] ЛАКРА — лаборатория консервации и реставрации. Сейчас это Лаборатория консервации и реставрации документов (ЛКРД) Санкт-Петербурского филиала Архива РАН.

где она сообщает об окончании работ: «Реставрация новосибирского сборника закончена, он принесен к нам в Отдел и положен в тот же шкаф, где лежит отдельно. Все приведено в порядок, почищено, подклеено, исправлен переплет и даже сделаны застежки. Реставратор Мария Егоровна Никифорова, выполнявшая эту работу, предупредила, чтобы берегли рукопись от сырости и не позволяли “слюнявить пальцы” при просмотре, так как микалентная бумага, которой покрыты листы, не переносит никакой сырости. Мы были очень рады, что памятник принял полагающийся ему достойный вид. Мы будем ждать Ваших распоряжений».[4]

В научном издании «Судных списков Максима Грека и Исака Собаки» Н.Н. Покровский не приводит никаких сведений об истории обнаружения, приобретения, реставрации рукописи, но, давая ее кодикологическое описание, отмечает, что после реставрации были утрачены в начале и конце рукописи несколько чистых листов XVI и XVIII вв. и запись на одном из листов скорописью второй половины XVII в.: «Книга Григореи Синаит» [Судные списки, 1971, с. 11].

Исследователя очень беспокоила транспортировка рукописи, он переживал за ее сохранность, поэтому старался организовать перевоз с нарочными. В Москву ее отвез профессор МГУ М.Т. Белявский, находившийся в краткой командировке в Академгороде (Н.Н. Покровский в свое время слушал его лекции); из Москвы отреставрированную рукопись весной 1969 г. привез А.И. Рогов, ученик М.Н. Тихомирова, участник первой экспедиции Археографической комиссии в Сибирь.

Работу по исследованию «Судных списков» Н.Н. Покровский начал еще на стадии реставрации. Исследователю не терпелось прочитать текст 39 главы, и ему удалось это сделать еще в лаборатории ГИМ (сотрудники разрешили поработать с рукописью), о чем он с большой теплотой поведал Шмидту. Исследование памятника было для его открывателя большой отрадой. В письме С.О. Шмидту от 22 мая 1969 г. он назвал занятие текстологией «Судных списков» «душевным прибежищем в многомятежных плищах мира сего»; в письме к матери в день своего рождения (20 июня 1969 г.) поделился: «Готовлю сейчас к печати Максима Грека, здесь много работы, и работа очень, очень приятная — душевное отдохновение». В самом деле, обстановка в Институте была беспокойной, и ученому пришлось пережить немало сложных моментов в утверждении своих позиций и своего положения.

В письме от 24 июня 1969 г. Н.Н. Покровский предложил план издания «Судных списков»:

[4] Цит. по [Зольникова, 2014, с. 114].

1. Вводная статья

2. Археографическое описание рукописи — 2 п.л.

3. Материалы о суде над Максимом Греком по Сибирскому списку («Прение митрополита Даниила с Максимом Греком», т.е. «Судный список Максима Грека», переписка о суде над Максимом Греком, судный список собора 1549 г. на Исаака Собаку); надо давать весь комплекс 39-й главы сборника, ибо здесь это единое целое — 2,5 п.л.

4. «Судный список Максима Грека» по Погодинскому и Барсовскому спискам (первый — за основу, варианты — по второму) — 1 п.л.

5. Комментарий — 0,5 п.л.

В приложении можно было бы дать грамоту Макария («Собора 1543 г.») о канонизации русских святых — это 2–3 стр.

Архитектоника публикации в принципе не изменилась в процессе реализации плана, но приобрела бóльшие объемы.

В издании вместо «Вводной статьи» помещено вступление «От редактора», написанное С.О. Шмидтом, в котором дана высокая научная оценка алтайской находки и сибирской полевой археографии. Археографическое описание, составленное Н.Н. Покровским, представлено разделами «Обзор списков», «Текстология, датировка», содержащими скрупулезный кодикологический анализ рукописи и важные источниковедческие выводы. Большой научный вклад представляет раздел «Новые данные о соборных судах 1525, 1531 и 1549 гг. над Максимом Греком и Исаком Собакой» [Зольникова, 2017, с. 132–136]. Общий объем исследования составил 9,6 п.л. вместо запланированных 2 п.л. Текст алтайского варианта «Судных списков» в издании занял 6 п.л. Покровским предполагалась публикация «Прения митрополита Даниила с Максимом Греком» по Погодинскому списку (XVII в.) с разночтениями по Барсовскому списку (XVIII в.), но в издании историк оба текста представил самостоятельными главами (они заняли около 3 п.л.). Общий объем издания — 23,5 п.л. Необходимость в отдельных комментариях отпала, поскольку в исследовании были освещены все вопросы. Желание издать отдельно грамоту Макария 1543 г. не было реализовано, видимо, из-за большого объема работ по подготовке публикации судных списков. Из этих данных видно, с каким вдохновением работал ученый, какого масштаба его исследовательская практика, насколько глубока проработанность источников и богата обоснованность научных выводов.

Отдельной темой для обсуждения стали возможности публикации «Судных списков». В сентябре 1969 г. С.О. Шмидт как председатель Археографической комиссии обратился к А.П. Окладникову, председателю Сибирского отделения Археографической комиссии АН, с хорошо обоснованной просьбой «оказать содействие в получении

соответствующих кредитов для задуманного издания».[5] Речь шла об издании на паритетных началах Главного архивного управления и Сибирского отделения АН, о сумме в 500 рублей и тираже в 2000 экземпляров. Предполагалось, что если книга поступит в издательство осенью того же года, то «издательство ГАУ обещает подготовить к лету 1970 г., т.е. ко времени открытия Всемирного конгресса историков в Москве» [Зольникова, 2017, с. 116].

Академик А.Л. Яншин, один из основателей Сибирского отделения Академии наук, на письме А.П. Окладникова директору издательства «Наука» члену-корреспонденту А.Н. Самсонову по поводу готовящегося издания написал: «Обнаруженные документы имеют такую несомненную историческую ценность, что включать их в план изданий по Сибирскому отделению просто неприлично. Они, несомненно, должны быть включены в издательский план по секции Общественных наук Президиума АН СССР, куда и следует обратиться А.П. Окладникову».[6] Н.Н. Покровский пишет С.О. Шмидту, что Окладников должен был обратиться к В.А. Куманеву, ученому секретарю секции Общественных наук Президиума АН СССР. В целом, в 1969 г. сибирский историк был доволен ходом подготовки издания: «Если с ГАУ дело слаживается — очень хорошо». Но на практике публикация затянулась. Издание, которое все поддерживали и ждали, откладывалось с месяца на месяц, с года на год. В июле 1971 г. Николай Николаевич сетует: «Не пойму затяжек с Максимом Греком. А[лексей] П[авлович] только что очень гневался по этому поводу, ведь в договоре стоит дата: 1970 год, а в феврале 1971 г. уже мне говорили, что вся корректура будет через 2–3 недели готова. Тут намечаются именитые гости, А[лексей] П[авлович] хотел дарить книгу. И не известно, что с иллюстрациями». Самому автору хотелось, чтобы издание вышло ко времени проведения Конгресса историков. Но этим планам не было суждено осуществиться. Издание датировано 1971 г., вышло тиражом в 1000 экз., автор получил его на руки в апреле 1972 г.: «Я получил с неделю назад из Археографической комиссии две бандероли с экземплярами “Максима Грека”, по 4 книги в каждой бандероли; упаковка была слабой, бандероли отчаянно разорваны, смяты, на одной еле адрес уцелел, и я очень опасаюсь: а что, если было послано больше, но не дошло? Вторая дошла чудом» (письмо С.О. Шмидту от 15 апреля 1972 г.).

Еще одной проблемой, волновавшей Н.Н. Покровского, было полиграфическое исполнение издания. В письме от 25 июня 1970 г. он

[5] Цит. по [Зольникова, 2014, с. 116].

[6] Цит. по письму Н.Н. Покровского С.О. Шмидту от 22.05.69. А.Л. Яншин в то время был заместителем председателя Редакционно-издательского совета СО АН СССР.

сообщал С.О. Шмидту, что А.П. Окладников возражает против ротапринта, об этом же он телеграфирует. В самом деле, сетует публикатор, издание пострадает от качества работы машинистки («Сколько будет опечаток!»), невозможно будет передать особенности рукописного текста XVI в., например, киноварные инициалы, заголовки. Предлагает как вариант: «Можно было бы издать немного ротатором к Конгрессу, а там посмотреть: если прилично, то допечатать все, нет — набрать типографически. Может быть, лишние расходы списать на Конгресс? Или это сложно?» В результате, видимо, сложных переговоров публикация уникального памятника XVI в. все-таки была выполнена на ротаторе.

В 1973 г. одновременно появились две рецензии на издание «Судных списков». Отзыв Н.А. Казаковой [Казакова, 1973], воспользовавшейся материалами «Судного списка», любезно предоставленными ей Н.Н. Покровским до публикации памятника, подробно проанализировала Н.Д. Зольникова, резюмировав, что автор представила Н.Н. Покровского «простым последователем собственных воззрений» [Зольникова, 2017, с. 136]. Справедливости ради надо сказать, что Н.А. Казакова, высказав свою точку зрения по ряду вопросов изучения «Судных списков», дала высокую оценку исследованию: «Предваряющая публикацию источников статья Н.Н. Покровского далеко выходит за рамки обычной вступительной статьи. Это — оригинальное исследование, полное тонких источниковедческих и исторических наблюдений. В нем ярко охарактеризовано значение новых источников и произведено их текстологическое изучение» [Казакова, 1973, с. 177]. Анализ Н.В. Синицыной [Синицына, 1973, с. 153–156] Н.Д. Зольникова определила как профессиональный, «не отягощенный идеологической тенденциозностью», и в качестве достоинств отзыва отметила, что «в тексте отсутствуют ссылки на победительность марксистской историографии, вообще нет никаких следов методологических, классовых или иных ярлыков» [Зольникова, 2017, с. 139]. Н.В. Синицына, плодотворно занимавшаяся изучением рукописного наследия Максима Грека, подтвердила многие выводы Н.Н. Покровского, приведя дополнительные аргументы и избегая комплиментарных высказываний.

Научная судьба «Судных списков» беспокоила Н.Н. Покровского многие годы. Так, в начале 1980-х гг. он снова берет «слово для ряда дополнительных замечаний в связи с возникшей полемикой» [Покровский, 1981, с. 80] и, главным образом, с утверждением А.И. Иванова, «что вновь найденный в Сибири и опубликованный “Судный список Максима Грека“ не вносит чего-либо нового в вопрос о “Судном деле Максима Грека”» [Иванов, 1976, с. 296] и что дальнейшая

дискуссия бесполезна [Иванов, 1976, с. 298]. Большая статья сибирского ученого «Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека», название которой неслучайно перекликается с заглавием выступления А.И. Иванова («Несколько замечаний по поводу издания нового списка “Судного дела Максима Грека”»), представляет собой новый этап в исследовании сибирского исторического памятника. Н.Н. Покровским проведен тщательный источниковедческий анализ состава сборника и определена роль историко-литературного контекста в прочтении «Судного списка»: «Единая смысловая линия, проходящая через целый ряд основных глав сборника, вырисовывается все же довольно ясно. Она подготавливает читателя к восприятию остроконфликтных материалов 39-й главы. Интерес к этим материалам в конце XVI в., несомненно, не случаен» [Покровский, 1981, с. 87]. Разбирая основные положения концепции А.И. Иванова, Н.Н. Покровский приводил основательные аргументы их несостоятельности, которая была обусловлена позицией ленинградского историка: «представить облик великого ученого, философа, богослова предельно приближенным к иконописному» [Покровский, 1981, с. 96].

Первые десять лет после опубликования «Судных списков» были, пожалуй, самыми плодотворными в научных изысканиях творчества Максима Грека. Вышли из печати монографии и статьи Н.А. Казаковой, С.О. Шмидта, А.А. Зимина, Н.В. Синицыной, Б.М. Клосса, Д.М. Буланина, Х. Олмстеда. Статья Н.Н. Покровского интересна в первую очередь тем, что в ней расставлены акценты и даны оценки накопившихся научных знаний о Максиме Греке, укреплены позиции его исследования. И пока они никем не поколеблены.

Н.Н. Покровский всегда говорил: «Максим Грек — это моя любовь». Он мечтал и многое сделал для реализации проекта научного издания сочинений Святогорца, но при жизни ученого, к большому сожалению, вышел только первый том, в редколлегию которого он входил [Максим Грек, 2008]. На принципах издания авторского текста, предложенных Н.Н. Покровским, основана публикация репрезентативного ряда сочинений публициста XVI в., выполненная под научным руководством академика [Журова, 2011].

В настоящее время встала проблема переиздания «Судных списков Максима Грека и Исака Собаки». Главная причина заключается в редакторских и полиграфических недостатках публикации 1971 г. В современных научных работах часто ссылки на «Судные списки» приводятся без указания автора издания, т.е. имени Н.Н. Покровского в них нет. В лучшем случае упоминается редактор — С.О. Шмидт. Такое положение, конечно, несправедливо и потому недопустимо. Ротапринтное исполнение публикации уникального сборника кон-

ца XVI в. не дает полного представления о рукописном тексте, что ограничивает возможности его исследования. Издание третьего тома сочинений ученого монаха и переиздание «Судных списков» — актуальная задача современной науки о Максиме Греке.

Список литературы

Буланин Д.М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 71–79.

Буланин Д.М. Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 174–180.

Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: Рукописная и литературная традиции. Ч. 2: Сочинения. Новосибирск, 2011. 303 с.

Зольникова Н.Д. Н.Н. Покровский как историк Церкви и Православия: Начало пути // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 3 (19). С. 111–116.

Иванов А.И. Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека» // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 284–298.

Казакова Н.А. Рец. на кн.: «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки». М.: Наука, 1971. 180 с. // История СССР. 1973. № 2. С. 176–179.

Максим Грек, преп. Сочинения. Т. 1. М., 2008. 568 с.

[По поводу находки рукописного сборника с материалами о Максиме Греке: Изложение доклада на заседании Археографической комиссии АН СССР 26 февраля 1969 г.] // Вопросы истории. 1969. № 4. С. 189–190.

Покровский Н.Н. Замечания о рукописи Судных списков Максима Грека // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 80–102.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. 339 с.

Покровский Н.Н. Сибирская находка: Новое о Максиме Греке // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 128–138.

Синицына Н.В. Рец. на изд.: «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки» / Изд. подг. Н.Н. Покровский // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 153–156.

Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Изд. подгот. Н.Н. Покровский. М., 1971. 186 с.

УДК 930.272

А.И. Алексеев
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

«Книга на еретиков» или «Просветитель» Иосифа Волоцкого: Основные вехи исследования. К 230-летию первого издания

В статье излагаются основные этапы исследования «Книги на еретиков», или «Просветителя», Иосифа Волоцкого. Со времени первой частичной публикации этого трактата прошло 230 лет, однако многие вопросы текстологической и творческой истории остаются недостаточно изученными и являются предметом дискуссий. В последние полтора десятилетия появилось несколько работ, посвященных источниковедческому исследованию сочинений Иосифа Волоцкого. В частности, автором на основании текстологических исследований был обоснован новый взгляд на начальную историю «Книги на еретиков» и приведены доказательства в пользу первичности ее текста перед посланиями Волоцкого игумена. Эти результаты не стали предметом профессионального обсуждения, но были использованы по большей части без попытки научного анализа и критического осмысления.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, источниковедение, древнерусская книжность, история изучения «Просветителя», текстология.

Есть сочинения, которые в силу своего содержания всегда будут упоминаться многими поколениями ученых, но при этом оставаться на периферии исследовательского внимания. Такова судьба знаменитого трактата Иосифа Волоцкого «Книги на еретиков», или «Просветителя» [Казакова, Лурье, 1955, с. 463, 465; Опарина, 1998, с. 105]. Любой исследователь, обращавшийся к истории общественных движений в России конца XV — начала XVI в. обязательно упоминал или цитировал это сочинение, но попытки глубоко исследовать памятник можно пересчитать на пальцах одной руки.

«Сказание о новоявившейся ереси», представляющее собой введение к «Просветителю», впервые было издано Н.И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике» [Древняя российская вивлиофика, 1790, с. 128–147]. В этой публикации «Сказание» датировано 1491 г. В 1847 г. появилось издание нескольких посланий Иосифа Волоцкого. В комментариях к тексту Послания иконописцу автор публикации заключил, что «слова писаны также в разное время и по различным обстоятельствам», но были объединены в одно целое самим Иосифом Волоцким [Послания, 1847, с. II]. Забегая вперед, укажем, что вывод о первенстве посланий перед «Просветителем» был некритически усвоен большинством последующих исследователей.

© Алексеев А.И., 2020

Первую научно обоснованную концепцию возникновения текста памятника предложил И.Я. Порфирьев, опубликовавший текст «Просветителя» в 1857 г. [Порфирьев, 1882, с. X]. Отметим, что это единственное научное издание памятника выдержало еще три переиздания. К подготовке публикации И.Я. Порфирьевым было привлечено семь рукописей. В качестве основного был избран список, который сегодня хранится в составе собрания рукописей Соловецкого монастыря (РНБ, Соловецкое собр., № 326/346). Он был определен исследователем в качестве древнейшего. И.Я. Порфирьев установил тематическую и текстологическую близость между «Просветителем» и Посланиями Иосифа Волоцкого. Он, в частности, указал: «Первое слово по предмету своему одинаково с посланием к архимандриту Вассиану о Св. Троице; 12-е слово почти все заключается в послании к Нифонту епископу Суздальскому... 13-е слово по своему содержанию сходно с посланием к архимандриту Митрофану; в 15-м и 16-м словах разсматривается тот же предмет, который составляет и содержание послание к инокам о повиновении соборному определению» [Порфирьев, 1882, с. X].

Согласно наблюдениям И.Я. Порфирьева, сходные места излагаются в тексте «Просветителя» «гораздо обширнее и подробнее и в более строгом порядке и последовательности, нежели в посланиях, где иногда те же самые мысли излагаются гораздо короче и отрывочнее», за исключением Послания Нифонту. Он высказал гипотезу о том, что Послания «представляются как бы краткими очерками или материалами, которые после обработаны и вошли в состав самых слов» [Порфирьев, 1882, с. X]. Обнаружив списки «Просветителя» в объеме 11 «слов», И.Я. Порфирьев высказал получившую признание в последующей историографии гипотезу о том, что первоначальный вид памятника был представлен Краткой редакцией. Он датировал составление первоначальной редакции периодом между соборами 1490 и 1504 гг. «и, может, даже до оставления митрополитом Зосимой престола митрополии» — акт, который исследователь почему-то отнес к 1491 г. [Порфирьев, 1882, с. XI]. Законченный вид в составе 16 «слов», на взгляд И.Я. Порфирьева, сочинение Иосифа обрело после собора 1504 г. Ученый особенно подчеркивал, что, хотя «Просветитель» изложен отдельными частями, в окончательном виде он представляется «одним цельным сочинением, *написанным* по одному плану». Этот вывод был сделан на основании следующих наблюдений: 1) в тексте предисловия содержатся аннотации 13 «слов»; 2) в 15-м «слове» Иосиф ссылается на предисловие; 3) в 16-м «слове» указывает на 13 и 15-е; 4) в 15-м и в 16-м «словах» называет все свое сочинение книгой [Порфирьев, 1882, с. XI–XII].

Публикация текста памятника способствовала его научному изучению. В работах священника Н.А. Бургакова, И. Хрущова, К.И. Невоструева, митрополита Макария (Булгакова), И. Панова, А.С. Павлова, Н.П. Попова, Е.Е. Голубинского, С.А. Иванова, В.Н. Перетца и некоторых других было высказано немало ценных наблюдений относительно текстологической и творческой истории «Просветителя» [Алексеев, 2010б, с. 205–209]. К началу XX столетия оформилась и стала общепринятой концепция происхождения «Просветителя», включающая три этапа: антиеретические послания Иосифа Волоцкого — Краткая редакция «Просветителя» (11, 13 или 14 «слов») — Пространная редакция (16 «слов»). Хронологические границы создания трактата определялись между 1488 и 1515 гг. Единственным ученым, который усомнился в первенстве Краткой редакции «Просветителя» был Е.Е. Голубинский. Существование 11-словной *редакции* памятника он объяснял тем, что она возникла в кругах, враждебных Иосифу Волоцкому, где не сочувствовали содержанию 12-го — 16-го «слов» и не переписывали их [Голубинский, 1916, с. 217–218].

Новый этап в изучении «Просветителя» открылся с появлением трудов Я.С. Лурье, сумевшего привлечь к исследованию 97 списков памятника и впервые изучившего основную рукописную традицию, выделив редакции и изводы «Просветителя», а также особенности отдельных рукописей [Лурье, 1960]. Благодаря публикации переписки Я.С. Лурье с В.Д. Бонч-Бруевичем мы имеем возможность заглянуть в творческую историю исследователя [Лурье, 2011, с. 213–264].

Вкратце история обращения Якова Соломоновича к теме изучения ереси жидовствующих выглядит следующим образом. В 1953 г. руководство Музея религии и атеизма получило государственное задание на публикацию источников по истории еретических движений на Руси в конце XIV — начале XVI вв. Это издание под названием «Вольнодумцы Древней Руси» должно было состоять из исследования и обширных документальных приложений. Но при этом строго научный характер издания не предполагался. В частности, все тексты планировалось воспроизвести по прежним публикациям А.С. Павлова и др. Первоначально дирекция Музея возлагала надежды на работу сотрудника Н.А. Соколова.[1] Однако подготовленный им за 10 лет работы труд не оправдал надежд и не был опубликован.[2] В настоящее время рукописи Н.А. Соколова по этой теме хранятся в Рукописном отделе Музея религии и в Отделе рукописей РНБ. Причины неудачи

[1] РНБ, ф. 1014, ед. хр. 102. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича М.И. Шахновичу и др. от 29 декабря 1952 г.

[2] РНБ, ф. 1014, ед. хр. 105. Письмо М.И. Шахновича В.Д. Бонч-Бруевичу от 28 ноября 1952 г.

заключались в том, что Н.А. Соколов (1884–1961) был очень далек от заданной ему темы и не имел необходимой квалификации. По своей основной специальности он являлся литературоведом и библиографом, кандидатскую диссертацию защитил на тему «Надеждин и Белинский». По-видимому, сказывался и возраст — 68 лет. Директор Музея В.Д. Бонч-Бруевич, однако, в поисках сотрудника, на которого можно было возложить обязанность по подготовке издания, остановил свой выбор на Я.С. Лурье. Тот переживал неблагоприятный период жизни, будучи в 1949 г. уволен с должности доцента в Педагогическом институте им. А.И. Герцена и Академии Художеств. Работа в Музее религии предоставляла отличный шанс вернуться в большую науку. По выражению В.Г. Вовиной-Лебедевой, Я.С. Лурье был взят под определенную тему и «должен был в некотором смысле спасти репутацию Музея, выполнив давно запланированную, но так и не сделанную работу» [Лурье, 2011, с. 216].

Главным соавтором Я.С. Лурье стала Н.А. Казакова, писавшая раздел о стригольниках. А.А. Зимин должен был подготовить несколько приложений и выступить официальным рецензентом издания. В работе приняли участие также А.И. Клибанов и Н.А. Соколов. Но большая часть работы по исследованию основного источника по истории ереси жидовствующих — «Просветителя» была проведена Я.С. Лурье. Каким же образом осуществлялась эта работа? Как следует из письма Я.С. Лурье к В.Д. Бонч-Бруевичу от 29 января 1954 г., он имел перед собой издание «Просветителя», которое сравнивал с просмотренными им списками памятника, нанося на поля издания все поправки и вставки на полях [Лурье, 2011, с. 228]. Следует напомнить, что в основу печатного издания был положен текст «Просветителя» по рукописи РНБ, Соловецкое собр., № 326/346, который считался самым ранним и авторитетным. Поскольку он существует в объеме 11 «слов», то текст 12–16 «слов» был воспроизведен по другим, более поздним спискам. Я.С. Лурье в январе 1954 г. работал со списками «Просветителя» ГИМ, Епархиальное собр., № 339 и № 340. Сравнивая печатный текст с этими рукописями, он пришел к выводу о первичности обоих списков по отношению к печатному. Был сделан вывод о том, что список ГИМ, Епархиальное собр., № 340 является протографом к полной редакции «Просветителя» в объеме 16 «слов» [Лурье, 2011, с. 228]. В епархиальных списках исследователь даже подозревал нахождение автографов Иосифа Волоцкого. К этому имелись веские основания, учитывая характер правки. Но странным образом Я.С. Лурье не решился распространить свои наблюдения над этими списками, сравнив их с печатным текстом по Соловецкому списку в части первых 11-ти «слов». Можно предполагать, что он доверился

столетней традиции исследования «Просветителя», не подвергавшей сомнению постулат о первенстве текста по списку РНБ, Соловецкое собр., № 326/346. Следует сказать, что, несмотря на большой объем возложенной на Я.С. Лурье работы, проблема дефицита времени остро не стояла. В.Д. Бонч-Бруевич неоднократно рекомендовал молодому исследователю не спешить и лишний раз проверить все по рукописям. Поскольку большая часть необходимых рукописей находилась в хранилищах Москвы, Я.С. Лурье выражал желание работать в них на протяжении всего 1954 г. В этом руководство Музея религии ему шло навстречу, неоднократно предлагая командировки в Москву. Кроме командировки в январе 1954 г., состоялась еще одна поездка в Москву в начале августа 1954 г., но поработать в Отделе рукописей ГИМ Я.С. Лурье вплоть до выхода издания более не удалось. Как следует из его письма от 20 декабря 1954 г. Рукописный отдел ГИМ был закрыт еще с лета [Лурье, 2011, с. 261]. Отчасти Я.С. Лурье мог надеяться на наблюдения А.А. Зимина, содержащиеся в материалах, подготовленных для включения в издание. Однако для А.А. Зимина эта тема оставалась все-таки на периферии научных интересов той поры, и он удовольствовался отдельными наблюдениями над списками из Епархиального собрания.

Выход фундаментального исследования «Антифеодальные еретические движения на Руси конца XIV — начала XVI в.» на долгие годы определил основную проблематику по заданной теме. Сколько бы в дальнейшем не предлагалось попыток интерпретации сведений источников, основные результаты источниковедческих работ Я.С. Лурье сомнению не подвергались вплоть до начала 1990-х гг. Я.С. Лурье впервые построил схему создания «Просветителя», в которой указывались сочинения, послужившие основой этого свода [Лурье, 1960, с. 119, 458–481]. Согласно выводам ученого, источниками 5-го, 6-го, 7-го «слов» «Просветителя» послужили три отдельных Слова о почитании икон [Лурье, 1960, с. 112–114], источниками 8-го, 9-го и 10-го «слов» — «Сказание о скончании седьмой тысящи» [Лурье, 1960, с. 114–118], 11-е «слово» имело общий источник в некоем тексте, отразившемся в «Рассуждении об иноческом жительстве» [Лурье, 1960, с. 118–120], источником «Сказания о новоявившейся ереси» и 12-го «слова» послужило «Послание Нифонту» в Пространной редакции [Лурье, 1960, с. 102–104], в свою очередь, источником 13-го «слова» стало «Слово об осуждении еретиков» [Лурье, 1960, с. 462], 14-е «слово» восходит к «Слову о благопремудростных коварствах» [Лурье, 1960, с. 473], наконец, 15-е и 16-е «слова» восходят к тексту «Послания о соблюдении соборного приговора» [Лурье, 1960, с. 473]. Я.С. Лурье усматривал принципиальную разницу между

текстами, которые он относил к источникам «Просветителя», и текстом самого памятника. «Наиболее интересные образчики логической аргументации Иосифа, — писал он, — мы обнаруживаем как раз в тех его “словах” и “сказаниях”, которые были созданы в ходе непосредственной полемики с еретиками; менее оригинальны остальные разделы “Просветителя”, созданные в начале XVI в., при написании всей книги в целом» [Послания, 1959, с. 75].

Главные выводы Я.С. Лурье относительно творческой истории «Просветителя» можно представить следующим образом: 1) первоначальной была признана редакция, состоящая из 11 «слов», созданная в 1502–1504 гг.; 2) «Просветитель» является компиляцией, составленной из материалов посланий Иосифа Волоцкого и, возможно, других лиц; 3) Пространная редакция памятника была сформирована Иосифом Волоцким не ранее 1511 г.; 4) в целом же «Просветитель» рассматривается как поздний источник, его сведения тенденциозны и недостоверны, поскольку представляют собой не полемику с действительными взглядами еретиков, а стремление осудить на смерть уже обличенных и осужденных противников; 5) редакционные изменения текста памятника были сделаны самим Иосифом Волоцким и отражают эволюцию его взглядов в сторону менее радикальных оценок митрополита Зосимы и великого князя Ивана III.

А.А. Зимин начинал работу над исследованием «Просветителя» и связанной с ним рукописной традицией совместно с Я.С. Лурье. По целому ряду принципиальных для текстологической истории памятника моментов выводы двух историков разошлись. Зимин, подготовивший к изданию ряд «слов» и посланий Иосифа Волоцкого в Приложении к исследованию Н.А. Казаковой и Я.С. Лурье, придерживался мнения о первичности редакции «Просветителя» в составе 10-ти «слов» и считал, что первоначальный вид памятника представлен в списках полемических сборников Троицкого и Рогожского изводов [Казакова, Лурье, 1955, с. 498–500]. Он считал, что Краткая редакция была создана до 1503 г., а редакция, состоящая из 11 «слов», содержащая обвинения в адрес митрополита Зосимы появилась в ноябре 1504 г., накануне собора, осудившего еретиков [Казакова, Лурье, с. 421–424]. Пространную редакцию А.А. Зимин относил ко времени не ранее 1511 г. и связывал причины ее появления с конфликтом между Волоцким игуменом и архиепископом Серапионом. Зимин также, в отличие от Лурье, имел диаметрально противоположный взгляд на соотношение Краткой и Пространной редакций Послания Нифонту [Казакова, Лурье, 1955, с. 424; Зимин, 1982, с. 313]. Пространную редакцию этого Послания, содержавшую обвинения в адрес Зосимы, А.А. Зимин считал вторичной и датировал 1504 г.

[Казакова, Лурье, 1955, с. 422] Исследователю принадлежит и ключевой для датировки Пространной редакции «Просветителя» вывод о зависимости 12-го «слова» от Послания Иосифа Волоцкого И.И. Третьякову [Казакова, Лурье, 1955, с. 422]. В последующих работах концепция текстологической и творческой истории «Просветителя», оформленная в работах Я.С. Лурье, сомнению не подвергалась и была прочно усвоена историографической традицией.

Новая попытка пересмотреть вопрос о происхождении памятника была предпринята А.И. Плигузовым в публикации, увидевшей свет в 1993 г. [Плигузов, 1993, с. 90–139] Ученый, продолжив традицию изучения «Просветителя», ввел в научный оборот два новых списка и предпринял палеографическое и кодикологическое исследование рукописных материалов трактата. В результате Плигузов пересмотрел классификацию списков, предложенную Лурье, и заново перегруппировал их на основании вновь выявленных редакционных особенностей. Древнейший вид «Сказания о новоявившейся ереси» содержал, на его взгляд, список РНБ, Софийское собр., № 1462. Он также воспользовался результатами наблюдений Г.М. Прохорова и Б.М. Клосса над списком РНБ, Соловецкое собр., № 326/346, которые установили, что писцами рукописи были Нил Сорский и Нил Полев [Клосс, 1974б, с. 161]. Согласно выводам А.И. Плигузова, первоначальная редакция «Просветителя» появилась в 1492–1494 гг. и включала в себя 10 «слов»; в период между 1508 и не позднее 1513/14 г. была создана редакция в составе 11 «слов», в 1510-х гг. была создана Пространная редакция, и только в 1520–1540-е гг. появилась Пространная редакция в сочетании со 2-й и затем с 3-й редакциями «Сказания» [Плигузов, 1993, с. 134–136]. При этом, по А.И. Плигузову, Иосиф Волоцкий не участвовал в создании новых редакций своего сочинения.

Я.С. Лурье выступил с ответом А.И. Плигузову в защиту своей концепции происхождения «Просветителя». Он указал, что наблюдения над рукописью РНБ, Софийское собр., № 1462 не дают возможности сделать вывод о первичности 10-словной редакции, поскольку в этом манускрипте представлены только фрагменты («Сказание», 5-е, 6-е, 7-е «слова») памятника [Лурье, 1996, с. 81]. Лурье повторил свои прежние аргументы в пользу датировки Краткой редакции «Просветителя» в виде 11 «слов» — 1502–1504 гг. Он категорически заявил: «У нас нет оснований считать, что текст “Книги на новгородских еретиков”, сохранившийся в списке Нила Сорского и Нила Полева Сол. 326/346, вложенном в Волоколамский монастырь при жизни Иосифа Волоцкого, содержит уже некую вторичную версию памятника, и нет никаких данных, о какой-либо более ранней редакции книги» [Лурье, 1996, с. 87].

Научные издания основного корпуса Посланий Иосифа Волоцкого были предприняты С.И. Смирновым, А.А. Зиминым и Я.С. Лурье, В.Б. Кобриным и Б.М. Клоссом [Смирнов, 1912, с. 224–234; Послания, 1959, с.139–369; Кобрин, 1966, с. 227–239; Клосс, 1974а, с. 350–352]. Помимо работ указанных авторов ценность для исследователей творчества Иосифа Волоцкого представляют также публикации Л.Е. Морозовой, И.А. Тихонюка, А.И. Плигузова [Морозова, 1979, с. 37–57; Тихонюк, 1992, с. 172–176; Плигузов, 1992, с. 1043–1061].

Обратившись к изучению текстологической и творческой истории «Просветителя» в 2000-х гг., я убедился, что многие вопросы не имеют удовлетворительного разрешения. Если следовать существовавшей историографической традиции, то приходится допустить, что Иосиф Волоцкий заявил о себе как о борце с ересью почти за десять лет до ее обнаружения в Новгороде архиепископом Геннадием. Далее следовало бы признать, что он публично выступал с обвинениями в ереси против действующего митрополита Зосимы и даже не стеснялся намекать на причастность к ереси самого великого князя и его приближенных. Напротив, на склоне лет Волоцкий игумен начал испытывать страх перед властями и стал удалять из своего трактата все намеки на причастность к ереси давно оставившего митрополичий престол Зосимы и давно умерших придворных. При этом борьба с жидовствующими оставалась стержневой темой для литературного творчества Иосифа вплоть до смерти в 1515 г. Таким образом, согласно общепризнанной точке зрения на творческую историю «Просветителя», создание этого памятника растянулось почти на сорок лет и охватило период приблизительно между 1476/77 и 1515 г. Уже сам факт столь длительной работы над трактатом, в котором огромное значение отведено целям полемики с конкретными еретическими взглядами, способен вызвать немалое удивление. Но все-таки главные сомнения в достоверности существующей схемы рождаются при изучении сохранившихся рукописей памятника.

Вывод первого издателя «Просветителя» И.Я. Порфирьева о первенстве Краткой редакции памятника никогда не был проверен. Ни один из исследователей, обращавшихся к тексту памятника, не сверил тексты в списках РНБ, Соловецкое собр., № 326/346 и ГИМ, Епархиальное собр., № 339 и № 340 между собой в части первых одиннадцати «слов». Прежде всего обращала на себя внимание слабая изученность списков «Просветителя», происходивших из Иосифо-Волоколамского монастыря. Два из таких списков, представляющих Пространную редакцию (ГИМ, Епархиальное собр., № 340 и № 339) по внешним признакам очень близки по времени к списку РНБ, Соловецкое собр., № 326/346. Наличие местами значительной редак-

торской правки на полях обеих рукописей при отсутствии авторского списка должно было побудить исследователей к более пристальному их изучению. Но, вероятно, дефектность этих кодексов оставила их на периферии исследовательского внимания. Напротив, текст списка РНБ, Соловецкое собр., № 326/346, определенный Я.С. Лурье как древнейший вид «Просветителя», трудно признать изначальным. Этому противоречит как его происхождение (переписан в заволжских скитах лицами, разделявшими далеко не все взгляды Волоцкого игумена), так и внешний вид (парадная рукопись, украшенная заставками нововизантийского стиля и не содержащая следов редактирования).

К исследованию «Просветителя» обратился японский исследователь Ю. Мияно, опубликовавший текст «Сказания о новоявившейся ереси» по списку РНБ, Софийское собр., № 1462 [Мияно, 2008, с. 364–395]. Характерно, что он задался вопросом, который игнорировался со времен трудов Я.С. Лурье: «Почему эта часть, соответствующая по содержанию 12-му и 13-му словам Пространной редакции “Книги”, находится в “Сказании”, предваряющем Краткую редакцию, в которой нет 12–13-го слов?» [Мияно, 2008, с. 381]. Исследователю удалось выявить Кирилло-Белозерский извод «Сказания», наряду с ранее выявленными Соловецким и Рогожским изводами. Заслуживает самого пристального внимания и общий вывод: «Обращение создателей всех трех изводов “Сказания” к архетипическому тексту с одними и теми же пометами на полях свидетельствует о существовании в конце XV — начале XVI в. авторитетного, видимо, авторского списка произведения» [Мияно, 2008, с. 377].

В своих работах мне удалось полностью пересмотреть главные факты текстологической и творческой истории «Просветителя» [Алексеев, 2008а; Алексеев, 2008б, с. 121–220; Алексеев, 2010а, с. 297–320; Алексеев, 2010б; Алексеев, 2012а; Алексеев, 2012б, с. 245–267; Алексеев, 2013, с. 17–29; Алексеев, 2015, с. 148–157; Алексеев, 2019, с. 209–328]. Приведем здесь основные выводы, сделанные по результатам моих исследований.

1. Первична Пространная редакция «Просветителя» в объеме не менее 13-ти «слов».

2. Древнейший сохранившийся список Пространной редакции представлен на сегодняшний день списком ГИМ, Епархиальное собр., № 340.

3. Краткая редакция в объеме 11-ти «слов» в том виде, в каком она представлена в списке РНБ, Соловецкое собр., № 326/346, является результатом сокращения Пространной редакции в кругах «заволжских старцев», разделявших не все взгляды Иосифа Волоцкого.

4. Тексты, представленные в Рогожском изводе «Просветителя», отражают вид памятника в период между первым и вторым этапами правки в списке ГИМ, Епархиальное собр., № 340.

5. Первоначальный вид «Сказания о новоявившейся ереси» не сохранился, его текст может быть восстановлен по списку 1530-х гг. (ГИМ, Епархиальное собр., № 337). «Сказание» в списке РНБ, Соловецкое собр., № 326/346 несет на себе следы редакторской правки, внесенной Нилом Сорским.

6. «Сказание» и «слова» об иконах, встречающиеся в списках, переписываемых отдельно от «Просветителя», не являются его источником, а, напротив, вторичны по отношению к тексту 5-го, 6-го и 7-го «слов» в составе «Просветителя».

7. «Сказание» и «слова» на тему «о скончании седьмой тысячи» в списках, имевших распространение независимо от «Просветителя», не являются его источником, а вторичны по отношению к 8-му, 9-му, 10-му «словам» «Просветителя».

8. «Сказание об иноческом жительстве» является сокращением текста 11-го «слова» «Просветителя».

9. «Слово об осуждении еретиков» является вторичным по отношению к тексту 13-го «слова» в составе «Просветителя».

10. «Слово о благопремудростных коварствах» является вторичным по отношению к тексту 14-го «слова» в составе «Просветителя».

11. «Послание о соблюдении соборного приговора» было написано с использованием текстов 15-го и 16-го «слов» «Просветителя» в 1504–1505 гг., но еще до того, как эти тексты окончательно оформились.

12. 16-е «слово» было использовано при написании Послания Василию III и в «Отрывке из послания великому князю».

13. Послание архимандриту Вассиану о Троице текстологически зависит от 1-го, 5-го, 6-го и 7-го «слов» «Просветителя» и написано не ранее весны 1502 г.

14. Источниками Послания Иосифа Волоцкого епископу Нифонту Суздальскому послужили тексты «Сказания о новоявившейся ереси» и 12-го, 13-го и 14-го «слов» из состава «Просветителя». Послание написано в период между весной 1502 и летом 1504 гг.

15. Послание архимандриту Митрофану Андронниковскому обнаруживает зависимость от 12-го, 13-го, 14-го «слов» из состава «Просветителя» и написано после Пасхи 1504 г.

16. Послание Иосифа Волоцкого Ивану Ивановичу Третьякову написано с использованием текста 12-го «слова» «Просветителя».

17. Послание Нила Полева старцу Герману написано с использованием 12-го «слова» «Просветителя».

18. В «Ответе кирилловских старцев» опровергаются аргументы, использованные в 13-м «слове» «Просветителя».

За последние годы появилось несколько работ, в которых были предприняты попытки оспорить сделанные мною выводы о соотношении текстов посланий и «Просветителя». К сожалению, авторы этих работ не обращались к исследованию «Просветителя» и оперировали не текстологическими аргументами, а собственными представлениями о полемике иосифлян и нестяжателей, сложившимися, в основном, под влиянием работ предшественников.

Е.В. Романенко выдвинула гипотезу о двойном авторстве Нила Сорского и Иосифа Волоцкого в отношении «Послания иконописцу» [Романенко, 2008, с. 321]. Она полагает, что первоначальный текст, написанный Нилом, был затем доработан Иосифом Волоцким. Г.М. Прохоров решительно отверг гипотезу об авторстве Нила и указал, что текст 7-го «слова» «не его стиль и дух; несомненно же — Иосифа Волоцкого» [Прохоров]. Венгерская исследовательница А. Криза обратилась к изучению «слов об иконах» в контексте исследования древнерусских текстов в защиту иконопочитания [Криза, 2009а, с. 161–187; Криза, 2009б, с. 407–427]. В процессе текстологического исследования ей удалось доказать авторство Иосифа Волоцкого в отношении всех трех «слов об иконах». Согласно ее выводу, «во всех трех словах автор Послания иконописцу черпает из “Слова о святых иконах”, а во втором и третьем слове из послания “О кресте” в значительном объеме, одинаковым образом, но, и это важно подчеркнуть, из разных мест (то есть во всех трех словах цитируются разные части указанных произведений). К тому же мы видели, как включения из одного и того же отрывка текста появляются в указанных словах несколько раз, различным образом и в различном значении. На основании всего этого трудно усомниться в том, что ПИ составлено одним автором, который хотя и черпал цитаты из разных источников, использовал их и создавал единое целое на основе общей концепции» [Криза, 2009б, с. 419].

А.Ю. Григоренко полностью проигнорировал установленные мною факты текстологической истории «Просветителя». Он заявил себя приверженцем схемы Я.С. Лурье, предпочитая не замечать выявленных в ней противоречий. На его взгляд, первым противоеретическим посланием Иосифа Волоцкого является «Послание к архимандриту Вассиану», которое традиционно датируется 1479 г., т.е. за восемь лет до обнаружения ереси новгородским архиепископом Геннадием Гонзовым [Григоренко, 2017, с. 55–56]. Вместо текстологических доказательств А.Ю. Григоренко оперирует произвольными домыслами: например, он относит создание Волоцким игуменом

«Сказания о спасительных и душеполезных книгах» к 1487 г. и бездоказательно датирует этим временем монастырский Устав Иосифо-Волоколамского монастыря [Григоренко, 2017, с. 106]. Лишены каких-либо доказательств и утверждения о том, что митрополит Зосима якобы затребовал Устав и «Сказание» Иосифа Волоцкого и принялся составлять возражения на заявленную игуменом «теоретическую основу монастыря и программу его развития» путем подборки выписок из сочинений Никона Черногорца, которые отразились в рукописи РГБ, Троицкое собр. № 122 [Григоренко, 2017, с. 99]. Далее исследователь постулирует творческую историю «Просветителя», отвергнув установленные факты текстологической истории памятника: на основании монастырского Устава Иосиф якобы создает «Второе послание иконописцу», которое затем перерабатывает в 7-е «слово» «Просветителя» [Григоренко, 2017, с. 107]. Стоит ли говорить, насколько произвольны подобные бездоказательные построения. Я.С. Лурье, на текстологические доказательства которого опирается А.Ю. Григоренко, считал, что при написании Устава Иосиф Волоцкий использовал текст «Второго послания иконописцу», а вовсе не наоборот. Сравнительным анализом текстов мне удалось показать, что 7-е «слово» «Просветителя» первично по отношению к «Посланию» и к пространной редакции Устава [Алексеев, 2018в].

Еще менее утруждал себя источниковедческой аргументацией И.Е. Дронов, который презрительно именует текстологические методы исследования «методой» [Дронов, 2016, с. 32–33]. И.Е. Дронова глубоко возмущает существующая только в его сознании картина: «Пока ревнители православия во главе с Геннадием Новгородским мужественно и самоотверженно выступили на борьбу с могущественными еретиками, покровительствуемыми великокняжескими дьяками, самим самодержцем Иваном III и митрополитом Зосимой, пока они, рискуя карьерой, свободой, и даже жизнью, боролись против поругания православных святынь, Преподобный Иосиф сидел, как мышка, в своей тихой и покойной обители, выжидая, чья возьмет» [Дронов, 2016, с. 31–32]. На каком основании И.Е. Дронов противопоставляет пассивность Волоцкого игумена активности архиепископа Геннадия на ниве антиеретической борьбы, остается неизвестным.

В нашем распоряжении однако нет фактов, которые свидетельствовали бы об антиеретической борьбе в период между церковными соборами на еретиков в 1490–1504 гг. Напротив, свое высокое положение при дворе великого князя сохраняли дьяки Иван и Федор Курицыны, бывший митрополит Зосима с почетом проживал в стенах Троице-Сергиева монастыря, вторым лицом в иерархии духовных властей Новгорода был архимандрит Кассиан, сожженный в

1504 г. по обвинениям в еретичестве. Вопреки мнению И.Е. Дронова, даже в 1502–1504 гг. еретики еще не лишились своего влияния при московском дворе, и Волоцкому игумену пришлось добиваться преследования еретиков в серии тяжелых и напряженных переговоров с Иваном III [Алексеев, 2018б]. Великий князь удостоил игумена монастыря из пределов Волоцкого княжества удивительным признанием в том, что «ведал» о ереси и даже сознался в еретичестве своей снохи — великой княгини Елены Стефановны, бывшей матерью наследника престола великого князя Дмитрия Ивановича. Подобное признание мог сделать только правитель, определивший выбор в пользу другого наследника — великого княжича Василия Ивановича. Известно, что 11 апреля 1502 г. великий князь наложил опалу на своего внука Дмитрия и его мать Елену и послал их в заточение. Только тогда у ревнителей православия появились реальные возможности для борьбы с еретиками. Более того, лишь после назначения архимандритом Симонова монастыря Вассиана Санина, которое следует относить к весне 1502 г., в распоряжении Иосифа Волоцкого оказались факты, изобличавшие в еретичестве митрополита Зосиму.

Значимой вехой в истории изучения текстологической и творческой истории «Просветителя» следует считать работу А.А. Манохина, который обратился к исследованию ранней рукописной традиции его текста [Манохин, 2019]. Автор исследовал наиболее ранние списки памятника и на основании изучения водяных знаков внес существенные коррективы в датировку некоторых списков. А.А. Манохин подтвердил мой вывод о том, что первоначальный вид «Книги на еретиков» в составе 13-ти «слов» представлен списком ГИМ, Епархиальное собр., № 340 [Манохин, 2019, с. 186]. Исследование А.А. Манохина затрагивает множество нерешенных и дискуссионных вопросов в текстологической истории «Просветителя», и критический анализ его выводов должен стать предметом специального рассмотрения. По целому ряду ключевых моментов текстологической истории памятника наши с А.А. Манохиным выводы принципиально разошлись.

Принципиально важным для решения вопроса о начале полемики между иосифлянами и их противниками является взгляд А.А. Манохина на текстологическую историю «Послания епископу Нифонту». Исследователь полагает, что Пространную редакцию этого послания следует датировать периодом между маем 1494 г. (когда митрополит Зосима оставил кафедру первосвятителя) и сентябрем 1495 г. (когда митрополитом стал Симон) [Манохин, 2019, с. 243]. В своей работе я провел сравнительный анализ текстов 12-го «слова» и послания Нифонту и показал, что пометы, которые находятся на полях древнейшего списка 12-го «слова», в Послании везде помещены в основном

тексте. Наряду с прочими аргументами это свидетельствует о первичности 12-го «слова» по отношению к Посланию. А.А. Манохин попытался оспорить мои аргументы, проигнорировав главный довод о пометах в списке 12-го «слова». Он избирает решающим доводом порядок цитат: «Если послание Нифонту вторично по отношению к 12 Слову “Книги на еретиков”, то почему не процитировать все тексты подряд?» [Манохин, 2019, с. 238]. Следует, однако, помнить, что порядок цитирования определяется авторским замыслом в соответствии с жанром произведения: порядок цитат из творений святых отцов и примеров из церковной истории в каноническом трактате может быть серьезно изменен в посланиях. А.А. Манохин пишет о том, что цитата из Жития Симеона Дивногорца, которая в 12-м «слове» «органично стоит в ряду с другими примерами недействительности проклятий святителей-еретиков..., а в послании Нифонту цитата — в ряду тех «дополнительных аргументов» [Манохин, 2019, с. 239]. Понять мысль автора, которую он хотел донести в этом высказывании, признаюсь, весьма затруднительно. Но А.А. Манохин именно на основании этого, на мой взгляд, лишенного логики вывода категорично заключает: «Это заставляет склониться к традиционной версии соотношения 12 Слова и Посланий — Пространная редакция Послания Нифонту Суздальскому написана до 12 Слова» [Манохин, 2019, с. 239].

Еще одним ключевым аргументом для А.А. Манохина выступает здесь факт использования в Послании Нифонту форм настоящего времени. Он повторяет аргумент Я.С. Лурье о том, что если Послание Нифонту написано позже мая 1494 г., то обвиняемым в еретичестве оказывается митрополит Симон. Однако Я.С. Лурье счел необходимым отметить, что «Формы настоящего времени, встречающиеся в “Сказании” рядом с формами прошедшего, никак не могут свидетельствовать о том, что в рассказе идет речь о событиях, происходивших в момент написания». Более того, употребление форм настоящего времени является одним из излюбленных приемов Иосифа Волоцкого: «Настоящее время употребляется Иосифом Волоцким, как средство для усиления выразительности его рассказа» [Лурье, 1960, с. 103–104]. Настаивая на датировке написания Послания Нифонту 1494–1495 гг., А.А. Манохин наследует неустранимое противоречие, которое так и не было осознано предшествующей историографией. В самом деле, как мог простой монах из пределов Волоцкого княжества вращаться в высших сферах столицы и получать, а затем и распространять сведения о еретичестве митрополита Зосимы? Как мог сам игумен Иосиф Волоцкий обрушиваться с тяжелейшими обвинениями против главы Русской Церкви и оставаться при этом совершен-

но безнаказанным? Как известно, ранние источники не связывают отставку митрополита с обвинениями в ереси [РИБ, 1908, стб. 834–835; ПСРЛ, т. 26, 2000, с. 289; ПСРЛ, 1965, с. 138; ПСРЛ, т. 24, 2000, с. 213; ПСРЛ, 2001, с. 342; ПСРЛ, 1913, с. 368, 568]. Первые такие обвинения появляются в «Сказании о новоявившейся ереси», которое было написано после завершения работы над «Просветителем» в составе 13-ти «слов». Это значит, что «Книга на еретиков» создавалась против протопопа Алексея, священника Дениса и великокняжеского дьяка Федора Курицына в то время, когда о еретичестве митрополита Зосима ее автор еще даже не подозревал. Обвинения против митрополита не могли появиться ранее весны-лета 1502 г. И это ключевой тезис, который удивительным образом не принимается во внимание в исследовании А.А. Манохина. Мои текстологические аргументы в пользу первичности текста 12-го «слова» перед посланиями Иосифа Волоцкого также остаются проигнорированными [Алексеев, 2010б, с. 262–272; Алексеев, 2012б, с. 341–350].

Решая вопрос о первичности того или иного текста, вышедшего из-под пера одного автора, теоретически можно рассуждать о любой направленности текстологических заимствований. Решающее значение имеют конкретные наблюдения над сравниваемыми текстами. Как мне удалось продемонстрировать, между текстами 12-го «слова» и Посланием Нифонту обнаруживается 12 совпадающих фрагментов. Также между Посланием Нифонту и «Сказанием о новоявившейся ереси» выявлено 4 совпадающих фрагмента, а также по одному совпадающему фрагменту между Посланием и 13-м и 14-м «словами» «Книги на еретиков». Тексты Послания Нифонту и антиеретического трактата не сопоставимы по объему. Исключительно умозрительно можно рассуждать о том, что при написании «Книги на еретиков» Иосиф Волоцкий использовал Послание Нифонту, вписывая отдельные фразы из него в тексты четырех глав. Представить на практике такой способ работы весьма затрудительно. Но вот обратная ситуация выглядит гораздо реалистичнее: обратившись с посланием к епископу Нифонту, Волоцкий игумен использовал необходимые цитаты из своего трактата для усиления канонической аргументации. При этом для каждого послания он выписывал подходящие цитаты из разных слов «Книги на еретиков». Следует отметить, что фрагменты «Сказания о новоявившейся ереси» использованы в четырех из пяти антиеретических посланий Иосифа, обращенных к церковным иерархам. Их нет лишь в «Послании архимандриту Вассиану», которое, вероятно, являлось самым ранним посланием, должным побудить брата Вассиана, занявшего пост архимандрита Симонова монастыря, встать на борьбу с ересью.

Изучение текстологии «Просветителя» необходимо вести в историческом контексте эпохи 1490–1510-х гг. Установленные факты текстологической и творческой истории памятника не должны оставаться исключительно умозрительными конструкциями, но их необходимо проверять на предмет соответствия историческим реалиям. Общим местом историографии является допущение самой возможности публичного выступления Волоцкого игумена против действующего митрополита в 1490–1494 гг. [Скрынников, 1991, с. 151]. Но такое предположение совершенно произвольно, не подкреплено никакими фактами и противоречит всему тому, что нам известно о ситуации в Русской Церкви в годы правления Ивана III. Все антиеретические послания Иосифа Волоцкого, как и «Просветитель», не имеют точных сведений о времени создания и могут быть датированы исключительно на основании косвенных признаков.

Вполне вероятно, что Иосиф начал работать над «Книгой на еретиков» еще при митрополите Зосиме, но о еретичестве митрополита ему тогда ничего не было известно [Алексеев, 2018а]. Вспомним, что в основном тексте «Просветителя» главными ересиархами выступают протопоп Алексей, поп Денис и дьяк Федор Курицын. Обвинения в адрес митрополита появляются только в «Сказании о новоявившейся ереси», которое было написано после завершения работы над первыми 11-ю «словами» и, быть может, одновременно с 12-м и 13-м «словами». Не ранее весны 1502 г. Волоцкий игумен был приглашен в великокняжеский дворец и от самого «державного» получил информацию о том, что в ереси жидовствующих были замешаны весьма высокопоставленные люди, даже невестка великого князя. Первые порочившие Зосиму факты были получены также не ранее весны-лета 1502 г. в ходе розыска в Симоновом монастыре, архимандритом которого стал родной брат Иосифа Вассиан Санин. И только получив веские доказательства вины Зосимы, Волоцкий игумен стал рассылать свои антиеретические послания влиятельным церковным иерархам. Это знаменовало переход антиеретической борьбы в открытую стадию публичной полемики.

Научное издание «Просветителя» является давно назревшим делом для отечественной науки. Для этого необходимы новые текстологические исследования, дефицит которых продолжает определять качество изученности важнейших памятников средневековой Руси.

Список литературы

Алексеев А.И. «Бодроопасный воин Христов»: Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М.; СПб., 2019. 376 с.

Алексеев А.И. К изучению творческой истории «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008а. № 1 (31). С. 5–15; № 2 (32). С. 60–71.

Алексеев А.И. О времени вступления Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Исторические записки. Вып. 14 (132). М., 2012а. С. 245–267.

Алексеев А.И. О вступлении Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. М., 2015. С. 148–157.

Алексеев А.И. О новых результатах исследования «Просветителя» и посланий преподобного Иосифа Волоцкого // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Вып. 3. М., 2013. С. 17–29.

Алексеев А.И. О первенстве Пространной редакции «Просветителя» Иосифа Волоцкого // Religion und Integration im Moskauer Russland: Konzepte, Potentiale und Grenzen XIV–XVII Jahrhundert. Wiesbaden, 2010a. S. 297–320. (Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. Bd. 76).

Алексеев А.И. О «Просветителе» и посланиях Иосифа Волоцкого // Вестник церковной истории. 2008б. № 2 (10). С. 121–220.

Алексеев А.И. Отставка митрополита Зосимы и антиеретические послания Иосифа Волоцкого // «Вертоград многоцветный»: Сборник статей к 80-летию Б.Н. Флори. М., 2018а. С. 355–368.

Алексеев А.И. Преподобный Иосиф Волоцкий в отношении к власти великого князя и митрополита в конце XV — начале XVI вв. // Палеороссия. Древняя Русь: Во времени, в личностях, в идеях. 2018б. № 2 (10). С. 167–179.

Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси в последней трети XIV — начала XVI в.: Стригольники и жидовствующие. М., 2012б. 560 с.

Алексеев А.И. 7-е «слово» «Просветителя» и монастырский Устав Иосифа Волоцкого // Историк и источник: Сборник статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерева. М.; СПб., 2018в. С. 92–109.

Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480-х — 1510-х гг. СПб., 2010б. 390 с.

Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т. 2. Ч. 2. М., 1916. 616 с.

Григоренко А.Ю. Религиозная мысль Московской Руси: Иосифляне, нестяжатели, еретики. СПб., 2017. 154 с.

Дронов И.Е. Боролся ли Иосиф Волоцкий с еретиками? Домыслы и догадки как исторический источник // Высшее образование для XXI века: Доклады и материалы XIII международной научной конференции. М., 2016. С. 28–38.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. 333 с.
Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. 573 с.
Клосс Б.М. Неизвестное послание Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974а. С. 350–352.
Клосс Б.М. Нил Сорский и Нил Полев — «списатели книг» // Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974б. С. 150–167.
Кобрин В.Б. Послание Иосифа Волоцкого архимандриту Евфимию // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 28. М., 1966. С. 227–239.
Криза А. Византийские источники богословия иконы в «Послании иконописцу». Ч. 1 // Studia Slavica Hung. 2009а. Т. 54. № 1. С. 161–187.
Криза А. Византийские источники богословия иконы в «Послании иконописцу». Ч. 2 // Studia Slavica Hung. 2009б. Т. 54. № 2. С. 407–427.
Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960. 528 с.
Лурье Я.С. Избранные статьи и письма. СПб., 2011. 272 с.
Лурье Я.С. Когда была написана «Книга на новгородских еретиков»? // ТОДРЛ. Т. 49. СПб., 1996. С. 80–88.
Манохин А.А. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого в первой половине XVI столетия // Novogardia. 2019. № 4. С. 182–250.
Мияно Ю. К вопросу о месте Кирилло-Белозерского списка «Книги на еретиков» Иосифа Волоцкого в истории текста ее краткой редакции // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 364–395.
Морозова Л.Е. Вопрос об авторе «Послания вельможе Иоанну о смерти князя», приписываемого Иосифу Волоцкому // Проблемы истории СССР. Вып. 8. М., 1979. С. 37–57.
Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. 429 с.
Плигузов А.И. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого // История и палеография. М., 1993. С. 90–139.
Плигузов А.И. О хронологии посланий Иосифа Волоцкого // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI в. М., 1992. С. 1043–1061.
Порфирьев И.Я. Предисловие // *Иосиф Волоцкий*. Просветитель или обличение ереси жидовствующих. 2-е изд. Казань, 1882. С. III–XIX.
Прохоров Г.М. Преподобный Нил Сорский и его место в истории русской духовности // http://spbda.ru/publications/prepodobnyy-nil-sorskiy-i-ego-mesto-v-istorii-russkoy-duhovnosti

Романенко Е.В. Преподобный Нил Сорский. М., 2008. 367 с.
Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. Новосибирск, 1991. 397 с.
Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. 568 с.
Тихонюк И.А. Загадка архимандрита Евфимия: К истокам конфликта Иосифа Волоцкого и митрополита Зосимы // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 172–176.

Список опубликованных источников

Древняя российская вивлиофика. Ч. 14. СПб., 1790. С. 128–147.
Иосиф Волоцкий. Просветитель, или обличение ереси жидовствующих. 2-е изд. Казань, 1882. 342 с.
Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2: Софийская вторая летопись. М., 2001. 416 стб.
Полное собрание русских летописей. Т. 21. Ч. 2: Книга степенная царского родословия. СПб., 1913. 369 с.
Полное собрание русских летописей. Т. 24: Типографская летопись. М., 2000. 271 с.
Полное собрание русских летописей. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М., 2000. 432 с.
Полное собрание русских летописей. Т. 30: Владимирский летописец. М., 1965. 240 с.
Послания Иосифа Волоцкого // ЧОИДР. 1847. № 1. Кн. 3. Отд. 4.
Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959. 390 с.
Русская историческая библиотека. Т. 6: Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1908. 1466 с.

УДК 821.161.1

В.А. Ромодановская
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

Пророческие книги в Великих Минеях Четиих: К текстологическому изучению Книги пророка Иоиля*

Статья посвящена текстологическому изучению ветхозаветных книг Пророчеств, бытовавших в рукописной традиции XI–XV вв. в толковой версии, однако включенных в Великие Минеи Четии в освобожденной от толкований редакции. Несмотря на то, что эта редакция создавалась для составленного в конце XV в. полного библейского кодекса, пророческие книги Великих Миней не восходят ни к одному из списков Геннадиевской Библии. Специфические чтения Пророчеств в Великих Минеях характеризуют особенности их, возможно, несохранившегося, протографа.

Ключевые слова: Великие Минеи Четии, Геннадиевская Библия, Толковые Пророчества, книги Пророков, текстология, протограф.

Ветхозаветные книги Пророков в восточнославянской письменности были распространены в списках, восходящих к тексту Толковых Пророчеств 1047 г., списанному в Новгороде попом Упырем Лихим с южнославянского оригинала (подробнее см.: [Алексеев, 1999, с. 37; Калугин, 2016, с. 100–102]). Сопровождающие пророческие книги толкования принадлежат Феодориту Кирскому, и до конца XV в. Пророчества на Руси известны были исключительно в толковой редакции. Впрочем, как отметил современный исследователь Толковых Пророчеств В.В. Калугин, «от XI в. и до последней четверти XV в., т.е. от четырех с половиной столетий, до нас дошел всего лишь фрагмент одного листа XII в. из древнерусского списка Исаи». «После длительного перерыва, — продолжает он, — читательский интерес к Толковым Пророчествам ожил в Московской Руси в 80–90-х годах XV в. В конце XV — начале XVI в. Толковые Пророчества получили наибольшее распространение в русской рукописной традиции за всю их историю. Только до конца XV в., менее чем за четверть века, было создано более двадцати известных ныне русских списков» [Калугин, 2020, с. 76]. Новгородское происхождение несохранившегося протографа 1047 г. в большой степени объясняет и преимущественно новгородское распространение текста на рубеже XV–XVI вв.

Вероятно, с созданием Геннадиевской Библии — первого полного русского библейского свода, выстроенного по образцу латинской

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00254А.

© Ромодановская В.А., 2020

Вульгаты и дополненного недостававшими ранее у восточных славян библейскими текстами в переводе с латыни[1] — связано освобождение от толкований и книг Пророков, и Апокалипсиса, отмеченное в рукописях последнего десятилетия XV в.[2] Именно в таком виде эти книги Священного Писания были включены в библейский кодекс Новгородского архиепископа Геннадия, причем, как и в латинской Библии, разбиты на главы, соответствующие современным.[3] Книги пророков Иеремии и Иезекииля были дополнены переведенными с латыни главами: 1–25 и 46–52 Пророчества Иеремии и 45–46 Пророчества Иезекииля.

Как установил В.В. Калугин, в освобожденной от толкований редакции, причем новгородского происхождения конца XV в., близкой Геннадиевской Библии, Толковые Пророчества были включены и в Библию Матфея Десятого — сборник ветхо- и новозаветных текстов, составленный в 1502–1507 гг. в Вильне уроженцем Торопца Матфеем и положенный в Супрасльский монастырь «в память о себе и своих родителях» [Калугин, 2016, с. 127].[4]

Во второй четверти XVI в. книги Пророчеств включаются в Великие Минеи Четии, составленные по распоряжению и под непосредственным руководством Новгородского архиепископа Макария. В Макарьевский свод вошли все тексты Больших (Великих): Исаии (9 мая), Иеремии (1 мая), Даниила (17 декабря) и Иезекииля (21 июля) — и Малых Пророков: Иоиля (19 октября), Ионы (21 января), Амоса (15 июня), Осии (17 октября), Михея (14 августа),

---

[1] Первая русская рукописная Библия традиционно называется по имени организатора мероприятия Геннадиевской. Древнейший полный список ее хранится в Государственном Историческом музее, Синодальное собр., № 915 и датирован 1499 г. Литература, посвященная Геннадиевской Библии, чрезвычайно велика. Назову лишь основные работы: [Горский, Невоструев, 1855, с. 1–164; Соболевский, 1903, с. 183–185, 254–259; Евсеев, 1914; Лурье, 1961; Freidhof, 1972; Foster, 1995; Алексеев, 1999, с. 195–201; Ромодановская, 1999; Ромодановская, 2001а; Ромодановская, 2001б; Ромодановская, 2013; Ромодановская, 2014].

[2] Об этом см.: [Ромодановская, 2000; Ромодановская, 2010].

[3] Разделение библейских книг на главы в рукописях конца XV — первой половины XVI в. — «макротекстологическая» примета, свидетельствующая о связи этих списков с Геннадиевским библейским сводом.

[4] Так же см.: [Калугин, 2017].

Несмотря на очевидную связь Матфея Десятого с Новгородом и новгородскими монастырями, его Библейский сборник, называемый так же Библией Матфея Десятого и Супрасльской рукописью (БАН, 24.4.28), представляет собой попытку составления полной Библии независимо от существовавшей уже к началу XVI в. Геннадиевской. Более того, ни порядок книг Супрасльского сборника, ни их текстологические особенности не позволяют говорить о знакомстве его составителя с итогами работы книжников новгородского Геннадиевского кружка. Подробнее о Сборнике Матфея Десятого см.: [Алексеев, Лихачева, 1978; Темчин, 2010].

Наума (1 декабря), Софонии (3 декабря), Аввакума (2 декабря), Авдия (19 ноября), Аггея (16 декабря), Захарии (8 февраля) и Малахии (3 января). Распределение текстов пророческих книг по дням годового цикла произведено в соответствии с днями христианских памятей ветхозаветных пророков.[5]

Все книги Пророков включены в Великие Минеи в освобожденном от толкований виде. Однако дни памятей трех Великих Пророков (Иеремии, Исаии и Иезекииля) содержат также и толковые редакции книг с толкованиями, исключение составляет только Книга пророка Даниила. Если в отношении книг новозаветных при создании Великих Миней предпочтение было отдано толковым их версиям, то для Пророчеств был избран все же освобожденный от толкований оригинал; суждение о том, что «составители Великих Миней Четьих стремились в полной мере использовать толковые библейские тексты» [Алексеев, 1999, с. 41–42] приходится признать ошибочным. Память пророка Иеремии исключительна: только на 1 мая приведена пророческая книга из Геннадиевской Библии, с разделением на главы и дополненная переводом отдельных глав с латыни.[6] Для остальных освобожденных от толкований Пророчеств оригиналом послужила не известная ныне мне рукопись рубежа XV–XVI вв., сохранившая орфографические особенности древнего протографа, которые последовательно исключались при переписывании уже Великих Миней: Софийский список сохраняет их много больше, нежели Царский и Успенский.

Проиллюстрирую это на примере Книги пророка Иоиля, которая публикуется с разночтениями в приложении к этой статье.

В основу публикации положен текст Книги пророка Иоиля по наиболее древнему из полных Софийскому комплекту Великих Миней Четиих (рукопись РНБ, Софийское собр., № 1318, л. 340–341). Литерные разночтения приведены по текстам Царского (ГИМ, Синодальное собр., № 175, л. 1285–1286 об.) и Успенского (ГИМ, Синодальное собр., № 987, л. 656–658). Разночтения обозначены сиглами *Ц* и *У*.

Для сопоставления под арабскими цифрами подведены разночтения по Геннадиевской Библии (ГИМ, Синодальное собр., № 91, л. 618 об.–620 об.) и рукописям Пророчеств, близких по времени и

---

[5] Подробно о принципах включения текстов Священного Писания в Великие Минеи Четии см.: [Ромодановская, 2018; Ромодановская, 2020; Ромодановская, [в печати]].

[6] Оригиналом для Книги пророка Иеремии, как и для Маккавейских книг, в Великих Минеях послужила рукопись БАН, 33.10.4, ветхозаветный сборник конца XV в., — второй том полного библейского кодекса. О родстве этой рукописи и Великих Миней см.: [Ромодановская, 2019].

месту создания к Геннадиевской Библии[7] и, возможно, бывших доступными книжникам архиепископа Макария: РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 63 (Пророчества, освобожденные от толкований), л. 10 об.–14 об.; РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 89 (Толковые Пророчества), л. 10 об.–14 об.;[8] РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 90 (Толковые Пророчества), л. 20 об.–27 и РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 91 (Толковые Пророчества), л. 113–118 об. Разночтения обозначены соответствующими сиглами: *ГБ, ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90* и *ТСЛ91*.

Текст публикуется гражданским шрифтом, по принципам, выработанным для текстологического изучения рукописей круга Геннадиевской Библии, о котором см.: [Ромодановская, 2009].

Первое, самое общее, что нужно отметить как для Великих Миней, так и для рукописей XV в., — это возможная вариативность в орфографии. Приведу несколько примеров. Это возможное устранение «зияния»: пьанїи: пьꙗнїи *У, Ц, ГБ: ТСЛ89;* пїанїи *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91*; възлианїе: възлиꙗнїе *У;* возлиꙗние *Ц*; съплѣтенаѧ: съплѣтенаа *Ц;* сплѣтенаа *ТСЛ91;* съплитенаꙗ *ТСЛ63*. Чередование полногласных/неполногласных форм и форм второго полногласия: жрьцы: жерцы *У, Ц;* жрьци *ТСЛ63;* жерци *ГБ: ТСЛ89;* жер'ци *ТСЛ91;* жьрци *ТСЛ90*; плъкъ: полкъ *У;* полкъ *ТСЛ63: ТСЛ91*. Чередование и/ы, а/ѧ, у/ю: погыбели: погибели *Ц;* погыбѣль *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* погибѣль *ТСЛ63: ТСЛ91;* въѕїщу: възыщоу *У;* в'зыщю *Ц;* възищю *ТСЛ63;* в'зыщу *ТСЛ91;* взыщу *ТСЛ90*; чѧда: чада *Ц;* чада *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91*; вашыхъ: ваших *Ц;* вашихъ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91*. Прояснение или выпадение редуцированных: л'вови: львови *Ц;* львови *ГБ: ТСЛ89;* лвови *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91*; смок'винїе: смоквинїе *Ц;* смокъвинїе *ГБ: ТСЛ89;* смоковинїе *ТСЛ91;* смоквинїе *ТСЛ63: ТСЛ90*; пшеницы: п'шеницы *У;* пшеници *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* п'шеници *ТСЛ91;* пьшиници *ТСЛ63*. Сами по себе орфографические разночтения не несут смысловой нагрузки, однако в ситуации с пророческими книгами некоторые из них свидетельствуют о древности протографа; последующие копии содержат поновленные чтения. Так, Софийский список содержит ряд чтений с юсом большим, эти чтения зачастую соотносятся с *ГБ* и *ТСЛ89* — и отстоят от чтений иных списков: Ваѳуилевѫ: Ваѳоуилевоу *У, Ц;* Ватѫилеву *ГБ: ТСЛ89;* Ватоуилевоу *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91*; прѫѕеи: пруѕеи *У, Ц;* прѫжьи *ГБ: ТСЛ89;* пружьи *ТСЛ63:*

---

[7] Две первые из них связаны с Геннадиевской Библией непосредственно; см. об этом: [Ромодановская, 2000].

[8] По этой рукописи Книга пророка Иоиля была опубликована с разночтениями Н.Л. Туницким; см.: [Книги..., 1918].

ТСЛ90; пружїи *ТСЛ91;* пагѫбы: пагоубы *У, Ц, ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91*; требѫ: требоу *У, Ц;* трѣбоу *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91*.

Успенский и Царский списки не свободны от собственных ошибок и описок, однако, как и в книгах, включенных в Великие Минеи из Геннадиевской Библии, ошибки Софийского списка последовательно заимствуются более младшими комплектами (ср.: [Ромодановская, 2019, с. 8]). Проиллюстрирую это несколькими примерами из Книги пророка Иоиля: члѣновитцы: членовит'цы *Ц;* чрѣновитьци *ТСЛ63: ТСЛ90;* чрѣновит'ци *ТСЛ91;* чрѣновитьцѣ *ГБ: ТСЛ89*; wл'канїе: wлканїе *У;* ал'канїе *ТСЛ91;* алканїе *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90*; сыплет'сѧ: сыплетсѧ *У, Ц;* расыплетсѧ *ГБ: ТСЛ89;* расыплетьсѧ *ТСЛ63;* рас'сыплетсѧ *ТСЛ90;* разсыплетсѧ *ТСЛ91*; ꙗко *add* и *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90 (вписано над строкой), ТСЛ91;* на раны и поздны: раныи и поздьныи *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* ран'ныи и поздныи *ТСЛ63*; Іwафатовѫ: Їwафатовоу *У, Ц;* Иwсафатовѫ *ГБ: ТСЛ89;* Иwсафатовоу *ТСЛ90;* Иасафатовоу *ТСЛ91;* Иосефатовоу *ТСЛ63*. При всей стабильности текста комплекс подобных чтений книг Пророчеств может в будущем указать наиболее близкий к протографу Великих Миней список.

Прорwчествw[I,а1] Іwилевw

Слwво Господне, еже бысть къ[б] Іwилю Ваѳуилевѫ[в2]. Слышите се, стар'цы[3], и въѫшѧите[г4], вси живѫщеи[д5] на земли: аще есть былw сице въ[е6] дни ваша[7], или въ[ж8] дни wтець[з] вашыхъ[и9] wнихъ? Чѧдомъ[к10] свwим исповѣдите[11]; а чѧда[л12] ихъ роду другомоу[13]: wстатокъ[14] юсѣниць[15] поѣша[16] проуѕи[17], и wстатокъ[18] прѫѕеи[м19] поѣшає[н20] мъшицѧ[о21], и wстатокъ[22] мъшиць[п23] поѣша[24] слипеве[25]. Оутрезвитесѧ, пьанїи[р26], ѿ вина свwего и плачѣтесѧ[с27], рыдаите, вси пїющеи[т28] вино до пьꙗньства[у29], ꙗко изѧсѧ[30] ѿ устъ вашыхъ[ф31] веселїе и радость. ꙗко ꙗзыкъ въѕиде[х32] на землю Мwю крѣпокъ и [34]без[ц] числа[33 34]; зуби[35] его ꙗко и зоуби[36] л'вови[ч37], и члѣновитцы[ш38] его — ꙗко и л'вичищу[щ39]. Полwжи виноград Мои въ[40] погѫбленїе[ъ41], и смок'винїе[ы42] Мое въ

[I,а] Прорwчествw: Пророчьство *Ц.* [б] къ: ко *У, Ц.* [в] Ваѳуилевѫ: Ваѳоуилевоу *У, Ц.* [г] въѫшѧите: вооушаите *Ц.* [д] живѫщеи: живущеи *У, Ц.* [е] въ: во *Ц.* [ж] въ: во *Ц.* [з] wтець: wтецъ *Ц.* [и] вашыхъ: вашихъ *Ц.* [к] Чѧдомъ: Чадомъ *Ц.* [л] чѧда: чада *Ц.* [м] прѫѕеи: пруѕеи *У, Ц.* [н] поѣшꙗ: поѣша *У, Ц.* [о] мъшицѧ: мьшица *У, Ц.* [п] мъшиць: мьшиць *Ц.* [р] пьанїи: пьꙗнїи *У, Ц.* [с] плачѣтесѧ: плачитесѧ *Ц.* [т] пїющеи: пьющеи *У.* [у] пьꙗньства: пїаньства *У;* пїаньствїа *Ц.* [ф] вашыхъ: ваших *Ц.* [х] въѕиде: възыде *У;* взыде *Ц.* [ц] без: без' *Ц.* [ч] л'вови: львови *Ц.* [ш] члѣновитцы: членовит'цы *Ц.* [щ] л'вичищу: л'вичищю *Ц.* [ъ] погѫбленїе: погоубленїе *У, Ц.* [ы] смок'винїе: смоквинїе *Ц.*

[1] Прорwчествw: Пророчьство *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* Пророство *ТСЛ63.* [2] Ваѳуилевѫ: Ватѫилеву *ГБ: ТСЛ89;* Ватоуилевоу *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [3] стар'цы: старци *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ91;* старьци *ТСЛ90.* [4] въѫшѧите: внушаите *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ91;* въноушаате *ТСЛ63;* и въноушаите *ТСЛ90 (*н *подставлено над строкой).* [5] живѫщеи: живущеи *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90;* живоущїи *ТСЛ91.* [6] въ: во *ТСЛ63: ТСЛ90.* [7] ваша: вашѧ *ГБ: ТСЛ89.* [8] въ: во *ТСЛ63.* [9] вашыхъ: ваших *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [10] Чѧдомъ: Чадомъ *ТСЛ63: ТСЛ91;* Чадомь *ТСЛ90.* [11] исповѣдите: исповидѣте *ТСЛ63;* сповѣдите *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [12] чѧда: чада *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [13] другомоу: дрѫгому *ТСЛ89.* [14] wстатокъ: остатъкъ *ГБ: ТСЛ89.* [15] юсѣниць: ѫсѣниць *ГБ: ТСЛ89;* гусѣниць *ТСЛ91.* [16] поѣша: поѧша *ТСЛ63;* поꙗдоша *ТСЛ91.* [17] проуѕи: прѫзи *ГБ: ТСЛ89.* [18] wстатокъ: остатъкъ *ГБ: ТСЛ89.* [19] прѫѕеи: прѫжьи *ГБ: ТСЛ89;* пружьи *ТСЛ63: ТСЛ90;* пружїи *ТСЛ91.* [20] поѣшає: поѣша *ГБ: ТСЛ89;* поѧдоша *ТСЛ63: ТСЛ91.* [21] мъшицѧ: мъшица *ГБ: ТСЛ90;* м'шица *ТСЛ91;* мышцї *ТСЛ63.* [22] wстатокъ: остатъкъ *ГБ: ТСЛ89.* [23] мъшиць: м'шиць *ТСЛ91;* мшиць *ТСЛ90;* мышиць *ТСЛ63;* мъшицѣ *ГБ: ТСЛ89.* [24] поѣша: поꙗдоша *ТСЛ91;* поѧдошѧ *ТСЛ63.* [25] слипеве: сиплеве *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ91;* сиплево *ТСЛ63.* [26] пьанїи: пьꙗнїи *ГБ: ТСЛ89;* пїанїи *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [27] плачѣтесѧ: плачитесѧ и *ТСЛ63: ТСЛ91.* [28] пїющеи: пьющеи *ТСЛ63.* [29] пьꙗньства: пїаньства *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [30] изѧсѧ: взѧсѧ *ТСЛ63; add* ѿ вас и *ТСЛ91.* [31] вашыхъ: вашихъ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [32] въѕиде: възыде *ТСЛ63;* взиде *ТСЛ91;* взыде *ТСЛ90.* [33] числа: щисла *ТСЛ63.* [34–34] без числа: бещисла *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* безчисленъ *ТСЛ91.* [35] зуби: зоубы *ТСЛ90.* [36] зоуби: зѫби *ТСЛ89;* зюби *ТСЛ90; от ТСЛ91.* [37] л'вови: львови *ГБ: ТСЛ89;* лвови *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [38] члѣновитцы: чрѣновитьци *ТСЛ63: ТСЛ90;* чрѣновит'ци *ТСЛ91;* чрѣновитьцѣ *ГБ: ТСЛ89.* [39] л'вичищу: львичищю *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* лвичищу *ТСЛ90: ТСЛ91.* [40] въ: в' *ТСЛ91;* в *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [41] погѫбленїе: погубленїе *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [42] смок'винїе: смокъвинїе *ГБ: ТСЛ89;* смоковинїе *ТСЛ91;* смоквинїе *ТСЛ63: ТСЛ90.*

слѡмленїе[43], възискаѧ[ь44] ѡбиска и, и[45] съвръже[э46]; ѡбѣли лосїе[47] его. Въсплачет'сѧ[ю48] ко[49] мнѣ, паче невѣсты, препоѧсаны въ[я] ариг[50] по мужи еа[II,а51] дѣвьственѣмь[б52]. Извръжесѧ[в53] треба и възлианїе[г] из дому Господнѧ; плачетесѧ[54] жрьцы[д55], служащеи требнїкоу. ꙗко пострадашѧ[е56] полѧны, плачисѧ, земле[57]; ꙗко пострада п'шеницѧ[ж58], прѣсъше[з59] вино, оумнисѧ маслѡ древѧное. Ѡсрамишѧсѧ[и60], дѣлателе[61], плачѣтесѧ[к62], села, по пшеницы[л63] и по ꙗчмене[64], ꙗко и погыбе[м65] иманїе[66] с[67] нивы. Виноград пос'ше[68] и смок'винїе[н69] ѡмалѣ[70]; шип'чие[о71], и фѵникъсъ[п72], [73]і[р] аблань[с73], и все древо польское ис'ше[т74]; ꙗко срамиша[75] радость сыновѣ человѣчи[76]. Препоꙗшетесѧ[77] и быꙗте[78], жрьцы[у79]! плачѣтесѧ[ф80], слоужащеи требнику[х]! вънидете[ц81] оу съплѣтенаѧ[ч82] рисѣх, слѫжащаи[ш83] Богоу[84]! ꙗко ѿꙗсѧ ѿ дому Бога

[ь] въѕискаѧ: в'зыскаа *Ц.* [э] съвръже: съвръжее *У.* [ю] Въсплачет'сѧ: Въсплачетсѧ *Ц;* Восплачетсѧ *У.* [я] въ: во *Ц.* [II,а] еа: еѧ *У.* [б] дѣвьственѣмь: дѣвьственѣмъ *У;* дѣиственемъ *Ц.* [в] Извръжесѧ: Извер'жесѧ *Ц;* Из'вер'жесѧ *У.* [г] възлианїе: възлиꙗнїе *У;* возлиꙗние *Ц.* [д] жрьцы: жръцы *Ц.* [е] пострадашѧ: пострадаша *У, Ц.* [ж] п'шеницѧ: пшеница *Ц.* [з] прѣсъше: прѣс'ше *У;* прѣсше *Ц.* [и] Ѡсрамишѧсѧ: Ѡсрамишасѧ *У, Ц.* [к] плачѣтесѧ: плачитесѧ *Ц.* [л] пшеницы: п'шеницы *У.* [м] погыбе: погибе *Ц.* [н] смок'винїе: смоквїе *Ц.* [о] шип'чие: шипчїе *Ц.* [п] фѵникъсъ: ѳѵник'съ *У.* [р] і *от У.* [с] аблань: ꙗблани *У.* [т] ис'ше: исше *У.* [у] жрьцы: жерцы *У, Ц.* [ф] плачѣтесѧ: плачитесѧ *Ц.* [х] требнику: треб'никоу *У.* [ц] вънидете: внидете *У, Ц.* [ч] съплѣтенаѧ: съплѣтенаа *Ц.* [ш] слѫжащаи: слоужащаи *Ц;* служаща *У.*

[43] слѡмленїе: съломленїе *ТСЛ89;* соломленїе *ГБ: ТСЛ63.* [44] възискаѧ: взискаа *ТСЛ91;* взыскаа *ТСЛ90.* [45] и *от ТСЛ91.* [46] съвръже: съвер'же *ТСЛ63;* сверже *ТСЛ91.* [47] лосїе: лози *ТСЛ63.* [48] Въсплачет'сѧ: Въсплачетсѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [49] ко: къ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [50] ариг: ꙗригъ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [51] еа: еѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [52] дѣвьственѣмь: дѣвьствьнѣмь *ГБ;* дѣвьствънѣмь *ТСЛ90;* дѣвьствьвѣнѣмъ *ТСЛ63.* [53] Извръжесѧ: Извръжесѧ *ТСЛ90;* извержесѧ *ТСЛ91.* [54] плачетесѧ: плачитесѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [55] жрьцы: жрьци *ТСЛ63;* жерци *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [56] пострадашѧ: пострадаша *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [57] земле: землѧ *ТСЛ63.* [58] п'шеницѧ: пшеницѧ *ГБ;* пшеница *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [59] прѣсъше: прѣсше *ТСЛ63: ТСЛ90;* и прѣсше *ТСЛ91.* [60] Ѡсрамишѧсѧ: Ѡсрамишасѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [61] дѣлателе: дѣлатели *ТСЛ90.* [62] плачѣтесѧ: плачитесѧ *ТСЛ63: ТСЛ91.* [63] пшеницы: пшеници *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* п'шеници *ТСЛ91;* пьшиници *ТСЛ63.* [64] ꙗчмене: ꙗчьмене *ГБ: ТСЛ89;* ꙗч'мени *ТСЛ90: ТСЛ91;* ꙗчьмени *ТСЛ63.* [65] погыбе: погыбѫ *ГБ: ТСЛ89;* погыбу *ТСЛ90;* погыбноу *ТСЛ63;* погибоша *ТСЛ91.* [66] иманїе: иманїа *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [67] с: съ *ТСЛ63.* [68] пос'ше: посъше *ГБ: ТСЛ89;* посше *ТСЛ63.* [69] смок'винїе: смокъвинїе *ГБ: ТСЛ89;* смоковинїе *ТСЛ91;* смоковїнье *ТСЛ90;* смоквѣе *ТСЛ63.* [70] ѡмалѣ: ѡмалѣе *ТСЛ63.* [71] шип'чие: шипъчие *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* шипчее *ТСЛ90;* шипичїе *ТСЛ91.* [72] фѵникъсъ: фѵниксъ *ТСЛ63;* финиксъ *ТСЛ89: ТСЛ90;* финикъ *ТСЛ91;* фѵксъ *ГБ.* [73–73] і аблань: наблань *ТСЛ91.* [74] ис'ше: исъше *ГБ: ТСЛ89;* исше *ТСЛ63.* [75] срамиша: срамишѧ *ГБ: ТСЛ89.* [76] человѣчи: человѣчьстїи *ТСЛ91.* [77] Препоꙗшетесѧ: Прѣпоꙗшитесѧ *ТСЛ63.* [78] быꙗте: бїате *ТСЛ90: ТСЛ91.* [79] жрьцы: жрьци *ТСЛ63;* жерци *ГБ: ТСЛ89;* жер'ци *ТСЛ91;* жьрци *ТСЛ90.* [80] плачѣтесѧ: плачитесѧ *ТСЛ91;* плачитесѧ плачитесѧ *ТСЛ63.* [81] вънидете: в'нидѣте *ТСЛ91;* внидѣте *ТСЛ90.* [82] съплѣтенаѧ: сплѣтенаа *ТСЛ91;* съплитенаꙗ *ТСЛ63.* [83] слѫжащаи: служащеи *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ90, ТСЛ91;* служаще *ТСЛ89.* [84] Богоу: Богѫ *ТСЛ91.*

вашего треба и възлїанїе[щ85]. Ѡсвятите ѡл’канїе[ъ86], прѡповѣдите цѣл’бѫ[ы87]. Съберѣте[ь] стар’цѧ[э88] всѧ, живѫщаѧ[ю89] на земли, в’[я90] домъ[91] Бога вашего,[92] и възовѣте[Ш,а93] къ[б94] Господу, продол’жающе[95]: Оу, лютѣ м’нѣ[в96], оу, лютѣ мнѣ[97]! въ[г] день, ꙗко близ день[д] Господень; і[98] ако[е99] и[100] страсть ѿ страсти прїидет[101]. ꙗко прѣд очима вашима пища всѧшѧсѧ[ж102], и ѿ дому Бога вашего — веселїе[103] и радость? Въскопы снѫшѧ[з104] юница[105] оу [107]ꙗслеи[106] ихъ[107], исплѣснивѣша[108] жит’ницѧ[и109] ѿ лѣпленїꙗ[к110] ихъ, погыбѡшѧ[л111] иманїа[м112], раскопашасѧ[113] тѣсцѣ[114], ꙗко посъше[н115] п’шеницѧ[о116], что положим себѣ[117]. Въсплакашѧсѧ[п118] стада волуꙗ,[119] ꙗко не бѣѧше[р120] пажити им, и паствы ѡвчѧа[с121] погыбѡшѧ[т122]. К[123] Тебѣ, Господи, възопию[у], ꙗко ѡгнь потреби предѣлы пѫстынѧ[ф124], и пламы пож’же[125] все древо польское[126]. И ско-

---

[щ] възлїанїе: возлїанїе *Ц.* [ъ] ѡл’канїе: ѡлканїе *У.* [ы] цѣл’бѫ: цѣл’боу *Ц;* цѣльбоу *У.* [ь] Съберѣте: Събѣрите *У.* [э] стар’цѧ: стар’ца *У, Ц.* [ю] живѫщаѧ: живоущаѧ *У;* живущаа *Ц.* [я] в’: в *У.* [Ш,а] възовѣте: в’зовѣте *Ц.* [б] къ: ко *У, Ц.* [в] м’нѣ: мнѣ *У, Ц.* [г] въ: в *Ц.* [д] день *от Ц.* [е] ако: ꙗко *У, Ц.* [ж] всѧшѧсѧ: взѧшасѧ *У;* в’зѧшасѧ *Ц.* [з] снѫшѧ: снуша *Ц.* [и] жит’ницѧ: житница *Ц.* [к] лѣпленїꙗ: лѣпленїа *Ц.* [л] погыбѡшѧ: погыбоша *У;* погибоша *Ц.* [м] иманїа: иманїѧ *У.* [н] посъше: посше *Ц.* [о] п’шеницѧ: п’шеница *У, Ц.* [п] Въсплакашѧсѧ: Въсплакашасѧ *У;* Восплакашасѧ *Ц.* [р] бѣѧше: бѣаше *У, Ц.* [с] ѡвчѧа: ѡвчаа *Ц;* ѡв’чѧа *У.* [т] погыбѡшѧ: погыбоша *У;* погибоша *Ц.* [у] възопию: возопїю *Ц.* [ф] пѫстынѧ: поустынѧ *У, Ц.*

[85] възлїанїе: възльѧнїе *ГБ: ТСЛ89;* възлꙗнїи *ТСЛ90.* [86] ѡл’канїе: ал’канїе *ТСЛ91;* алканїе *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [87] цѣл’бѫ: цѣл’бу *ТСЛ90: ТСЛ91;* цѣлбу *ГБ: ТСЛ89;* цѣльбоу *ТСЛ63.* [88] стар’цѧ: старцѧ *ГБ;* стар’ца *ТСЛ91;* старца *ТСЛ63: ТСЛ90.* [89] живѫщаѧ: живоущаѧ *ТСЛ63: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [90] в’: в *ГБ: ТСЛ89;* въ *ТСЛ63: ТСЛ90.* [91] домъ: домь *ТСЛ90.* [92] вашего: нашего *ТСЛ90.* [93] възовѣте: в’зовѣте *ТСЛ91.* [94] къ *от ГБ.* [95] продол’жающе: продолжающе *ТСЛ90;* продлъжающе *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ91;* продлъжающеи *ТСЛ63.* [96] м’нѣ: мнѣ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [97] мнѣ: м’нѣ *ТСЛ90.* [98] і *от ТСЛ63.* [99] ако: ꙗко *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [100] и *от ГБ.* [101] прїидет: придеть *ГБ: ТСЛ89.* [102] всѧшѧсѧ: в’зѧшасѧ *ТСЛ90: ТСЛ91;* възѧшѧсѧ *ГБ: ТСЛ89;* взѧшасѧ *ТСЛ63.* [103] веселїе: веселье *ГБ: ТСЛ89.* [104] снѫшѧ: снушѧ *ГБ: ТСЛ89;* снуша *ТСЛ63, ТСЛ91;* снюшѧ *ТСЛ90.* [105] юница: юницѧ *ГБ: ТСЛ89.* [106] ꙗслеи: ꙗсльи *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [107–107] ꙗслеи ихъ: ꙗслих *ТСЛ91.* [108] исплѣснивѣша: исплѣснивѣшѧ *ГБ: ТСЛ89;* исплѣснѣвѣша *ТСЛ63;* исъплѣснившѧ *ТСЛ90;* ис’плѣснивѣша *ТСЛ91.* [109] жит’ницѧ: житницѧ *ГБ;* житьницѧ *ТСЛ89;* житница *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [110] лѣпленїꙗ: лѣпленьꙗ *ТСЛ89;* лѣплены *ГБ;* лѣпленїа *ТСЛ63: ТСЛ90;* лѣпѣнїа *ТСЛ91.* [111] погыбѡшѧ: погыбоша *ТСЛ90: ТСЛ91.* [112] иманїа *add* их *ТСЛ91.* [113] раскопашасѧ: раскопашѧсѧ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [114] тѣсцѣ: тѣсци *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [115] посъше: пос’ше *ТСЛ90: ТСЛ91;* посше *ТСЛ63.* [116] п’шеницѧ: пшеница *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [117] себѣ: собѣ *ТСЛ63.* [118] Въсплакашѧсѧ: Въсплакашасѧ *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [119] волуꙗ: волуа *ТСЛ90: ТСЛ91;* вълуꙗ *ТСЛ63.* [120] бѣѧше: бѣаше *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [121] ѡвчѧа: ѡвчѧꙗ *ТСЛ89;* ѡвчаѧ *ТСЛ91;* ѿв’чѧа *ТСЛ90.* [122] погыбѡшѧ: погибоша *ТСЛ91.* [123] К: Къ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ91.* [124] пѫстынѧ: пустынѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [125] пож’же: пожьже *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89.* [126] польское: пол’ское *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.*

ти[127] польстїи[128] възрѣшѧ[х129] к[130] Тебѣ, ꙗко посхоша[131] источницы[ц132] воднїи, и огнь поꙗсть предѣлы пустынѧ.

Въстрѫбите[ч133] трубою въ[ш134] Сїwнѣ, прwповѣдите въ[щ135] горѣ Моеи святѣи[136]; и да съберут'сѧ[ъ137] вси[138] живоущїи[139] на земли, ꙗко предстоит[140] день Господень, ꙗко близ денъ[ы141] т'мы[142] и боурѧ, и день wблака и мг'лы[ь143]. ꙗко и[э144] утрина[145] сыплет'сѧ[ю146] по горам, людїе мнwsи[147] и крѣп'цы[я148], подобни им не быша[149] ѿ вѣка и по нихъ не прилwжитсѧ[150] до лѣтъ в[IV,а151] рwд' и род'[б152]. Пред ними огнь потреблѧꙗ[в153], и за ними въз'горѧꙗсѧ[г154] пламы; ꙗко[155] раи пища[156], землѧ пред нимъ[157], а за ним поле пагѫбы[д158], и[159] из бѫдущаѧго[е160] ѿ него не бѫдет[ж161]. ꙗко и вид коньскъ[162] видѣнїе их, и[163] ꙗко[164] и кwн'ницы[165], такw ж прwженѫт[з166], ꙗко[167] и гласъ wрѫжиꙗ[и168], на врьхъ[к169] горъ истекоуть[л], і[170] ако[м171] и[172] гласъ пламене[173] wгньна[н174], попалѧюще[175] трwстїе[176], і

[х] възрѣшѧ: възрѣша *У;* возрѣша *Ц.* [ц] источницы: источници *Ц.* [ч] Въстрѫбите: Въстроубите *У, Ц.* [ш] въ: в *Ц.* [щ] въ: в' *Ц.* [ъ] съберут'сѧ; събероутсѧ *У, Ц.* [ы] денъ: день *У, Ц.* [ь] мг'лы: мьглы *У.* [э] и *от У.* [ю] сыплет'сѧ: сыплетсѧ *У, Ц.* [я] крѣп'цы: крѣпцы *Ц.* [IV,а] в: в' *Ц.* [б] род': родъ *Ц.* [в] потреблѧꙗ: потреблѧа *У, Ц.* [г] въз'горѧꙗсѧ: възгараꙗсѧ *У.* [д] пагѫбы: пагоубы *У, Ц.* [е] бѫдущаѧго: боудущааго *У, Ц.* [ж] бѫдет: боудет *У, Ц.* [з] прwженѫт: проженоут *У, Ц.* [и] wрѫжиꙗ: wроужїѧ *У;* wроужїю *Ц.* [к] врьхъ: верхъ *У.* [л] истекоуть: истекоутъ *У.* [м] ако: ꙗко *У, Ц.* [н] wгньна: wгнена *Ц.*

[127] скоти: скотѣ *ТСЛ63.* [128] польстїи: польсцїи *ГБ: ТСЛ89.* [129] възрѣшѧ: възрѣша *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [130] к: къ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89.* [131] посхоша: посъхошѧ *ГБ: ТСЛ89;* посьхоша *ТСЛ63.* [132] источницы: источници *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [133] Въстрѫбите: Въструбите *ТСЛ63: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [134] въ: в *ТСЛ90: ТСЛ91.* [135] въ: в *ТСЛ90.* [136] святѣи: святїи *ТСЛ63.* [137] съберут'сѧ; съберутсѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ90;* с'берутсѧ *ТСЛ91.* [138] вси: в'си *ТСЛ91.* [139] живоущїи: живѫщїи *ТСЛ90;* живоущеи *ТСЛ63: ТСЛ91.* [140] предстоит: прѣдъстоить *ГБ;* прѣдстуит *ТСЛ63.* [141] денъ: день *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ90.* [142] т'мы: тмы *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89.* [143] мг'лы: мьглы *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* м'глы *ТСЛ91.* [144] и *от ГБ.* [145] утрина: трина *ТСЛ91.* [146] сыплет'сѧ: расыплетсѧ *ГБ: ТСЛ89;* расыплетьсѧ *ТСЛ63;* рас'сыплетсѧ *ТСЛ90;* разсыплетсѧ *ТСЛ91.* [147] мнwsи: мnosїи *ТСЛ91.* [148] крѣп'цы: крѣп'ци *ТСЛ89;* крѣпци *ГБ: ТСЛ90;* крѣпцїи *ТСЛ63;* крѣп'цїи *ТСЛ91.* [149] быша: бышѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89.* [150] прилwжитсѧ: преложитсѧ *ТСЛ91;* приложатсѧ *ТСЛ63.* [151] в: въ *ГБ: ТСЛ89.* [152] род': родъ *ГБ: ТСЛ89.* [153] потреблѧꙗ: потрѣблѧа *ГБ: ТСЛ91.* [154] въз'горѧꙗсѧ: възгараꙗсѧ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* въз'гараꙗсѧ *ТСЛ91;* възгараасѧ *ТСЛ63.* [155] ꙗко *add* и *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90 (вписано над строкой), ТСЛ91.* [156] пища: пищѧ *ГБ: ТСЛ89.* [157] нимъ: нимь *ГБ: ТСЛ89.* [158] пагѫбы: пагубы *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [159] и *от ГБ, ТСЛ91.* [160] бѫдущаѧго: бѫдущааго *ТСЛ90;* будѫщааго *ГБ: ТСЛ89;* будущаго *ТСЛ63: ТСЛ91.* [161] бѫдет: будеть *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [162] коньскъ: кон'скъ *ТСЛ90;* конескъ *ТСЛ91.* [163] и *от ТСЛ91.* [164] ꙗко: ако *ТСЛ90.* [165] кwн'ницы: кон'ници *ТСЛ90: ТСЛ91;* коньници *ГБ: ТСЛ89;* конници *ТСЛ63.* [166] прwженѫт: проженуть *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* проженють *ТСЛ90.* [167] ꙗко *add* же *ТСЛ63.* [168] wрѫжиꙗ: wружїа *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [169] врьхъ: връх *ТСЛ90;* верхъ *ТСЛ63: ТСЛ91.* [170] і *от ГБ.* [171] ако: ꙗко *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [172] и *от ТСЛ91.* [173] пламене: пламени *ТСЛ63.* [174] wгньна: огнена *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [175] попалѧюще: попалѧющѧ *ГБ;* попалѧюща *ТСЛ63: ТСЛ89, ТСЛ90;* попалѧющи *ТСЛ91.* [176] трwстїе: тръстїе *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.*

ако[о177] людїе мнoѕѣ[178] крѣп’ци[п179], въплъчѧющеисѧ[р180] на рати. Пред лицем их[с] съкрѫшѧт’сѧ[т181] людїе, ꙗко[182] и все лице пред зноемъ[183] латькыи[184]. ꙗко и пѣш’цы[185] потекоут, и моужи храбрїи[186] възлѣзѫт[у187] на градъ, и кождѡ[188] въ[ф189] пѫт[х190] свѡи поидуть[191], и не съвратѧт путеи[192] свѡих. Не ѡтидѫт[ц193] ѡтѧж’чѧвающеи[ч194], въ[ш] ѡружїихъ[195] поидоут, и[196] въ стрелах их падѫт’сѧ[щ197], и не скончаютсѧ[ъ198]. Града имѫт’сѧ[ы199] и на забрала въстекоут[ь], на[200] хлѣвинѫ[э201] възлѣзѫт[ю202] и двер’цами[203] влѣзоут[204], ꙗко и татие. Пред[205] лицем[206] ихъ смѧтетсѧ[207] землѧ и потрѧсетсѧ[208] небо. Солнце и месѧць помрьк’нета[я209], и ѕвѣзды оугасѧть свѣт свои. И Господь дасть гласъ Свои пред лицем[210] силы Своеа[V,а211], ꙗко много есть ѕѣлѡ плъкъ[б212] Его, ꙗко крѣп’ка[в213] дѣла словес Его; имъ[г214] ж великъ[215] день Господень, велик и свѣтелъ ѕѣлѡ, и[216] к’то[д217] есть достиженъ[218] емоу? И нынѣ глаголеть Гос-

---

[о] ако: ꙗко *У.* [п] крѣп’ци: крѣпци *Ц.* [р] въплъчѧющеисѧ: въплъчающеисѧ *Ц;* въпол’чѧющеисѧ *У.* [с] их *от Ц.* [т] съкрѫшѧт’сѧ: съкроушатсѧ *У;* сокрушатсѧ *Ц.* [у] възлѣзѫт: въѕлѣзоуть *У, Ц.* [ф] въ: в’ *У, Ц.* [х] пѫт: поуть *У, Ц.* [ц] ѡтидѫт: ѡтидоуть *У, Ц.* [ч] ѡтѧж’чѧвающеи: ѡтѧжьчѧвающеи *У;* ѡтѧг’чавающеи *Ц.* [ш] въ: во *Ц.* [щ] падѫт’сѧ: падутсѧ *У, Ц.* [ъ] скончаютсѧ: скон’чаютсѧ *У, Ц.* ы имѫт’сѧ: имоутсѧ У, Ц. [ь] въстекоут: востекуть *Ц.* [э] хлѣвинѫ: хлѣвиноу *У, Ц.* [ю] възлѣзѫт: въѕлѣзоут *У, Ц.* [я] помрьк’нета: помрькнета *Ц;* померк’нета *У.* [V,а] Своеа: Свѡеѧ *У.* [б] плъкъ: полкъ *У.* [в] крѣп’ка: крепка *Ц.* [г] имъ: им’ *Ц.* [д] к’то: кто *У, Ц.*

[177] ако: ꙗко и *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [178] мнoѕѣ: мнози *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ91;* мьнози *ТСЛ90.* [179] крѣп’ци: крѣпци *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* крѣп’цїи *ТСЛ91;* крѣпцїи *ТСЛ63.* [180] въплъчѧющеисѧ: въплачающеисѧ *ТСЛ90;* въоплъчающеисѧ *ТСЛ91.* [181] съкрѫшѧт’сѧ: съкрѫшатсѧ *ТСЛ91;* съкрушѧтсѧ *ГБ;* съкрушат’сѧ *ТСЛ89;* съкрушатсѧ *ТСЛ63: ТСЛ90.* [182] ꙗко *pr* и *ТСЛ89.* [183] зноемъ: зноемь *ТСЛ90: ТСЛ89.* [184] латькыи: латъкыи *ГБ: ТСЛ89;* латъкыи, *глосса:* палимо *ТСЛ89;* палимо *(по стертому) ТСЛ63.* [185] пѣш’цы: пѣш’ци *ТСЛ89;* пѣшьци *ГБ: ТСЛ89;* пѣшци *ТСЛ63: ТСЛ90.* [186] храбрїи: х’рабрїи *ТСЛ89;* храбри *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [187] възлѣзѫт: възлѣзоут *ТСЛ63: ТСЛ89, ТСЛ90.* [188] кождѡ: кож’до *ТСЛ91.* [189] въ: в *ТСЛ63.* [190] пѫт: путь *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [191] поидуть: поидеть *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [192] путеи: путии *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91;* путьи *ГБ: ТСЛ89.* [193] ѡтидѫт: ѡтидуть *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* ѡтъидуть *ТСЛ91.* [194] ѡтѧж’чѧвающеи: ѡтѧжьчѧвающеи *ТСЛ63;* ѡтѧж’чевающеи *ТСЛ91;* ѡтѧжьчевающеи *ГБ: ТСЛ89;* ѿтѧжьчавающеи *ТСЛ90.* [195] ѡружїихъ: ѡружїи ихъ *ТСЛ90;* ѡружьи ихъ *ГБ: ТСЛ89; add* ихъ *ТСЛ91.* [196] и *от ГБ, ТСЛ89, ТСЛ91.* [197] падѫт’сѧ: падутсѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [198] скончаютсѧ: скончают’сѧ *ТСЛ89;* скон’чаютсѧ *ТСЛ91;* скончаютьсѧ *ТСЛ63.* [199] имѫт’сѧ: имутсѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [200] на *pr* и *ТСЛ90, ТСЛ91.* [201] хлѣвинѫ: хлѣвину *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90;* храмы *ТСЛ91.* [202] възлѣзѫт: възлѣзуть *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [203] двер’цами: дверцами *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* двьрьцами *ТСЛ63.* [204] влѣзоут: влѣзѫть *ГБ: ТСЛ89;* влѣзуть *ТСЛ63.* [205] Пред *pr* И *ГБ.* [206] лицем: лицьмь *ГБ: ТСЛ89.* [207] смѧтетсѧ: съмѧтетсѧ *ТСЛ63.* [208] потрѧсетсѧ: потрѧсетьсѧ *ТСЛ63.* [209] помрьк’нета: помер’кнета *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* помрькнета *ТСЛ63.* [210] лицем: лицьмь *ГБ.* [211] Своеа: Своеѧ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* Своѧ *ТСЛ63.* [212] плъкъ: полкъ *ТСЛ63: ТСЛ91.* [213] крѣп’ка: крѣпка *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [214] имъ: имь *ГБ: ТСЛ89;* им’ *ТСЛ90: ТСЛ91;* им *ТСЛ63.* [215] великъ: великь *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [216] и *от ГБ, ТСЛ89.* [217] к’то: кто *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [218] достиженъ: достиже *ТСЛ63.*

подь Богъ[219] ваш: Ѡбратитесѧ къ[е] Мнѣ всѣм сердцем вашым[ж220] съ[з] ал'чбою[и221] и съ плачемъ[222], и съ желею. И развѣрзете[223] [226]сердцѧ[к224] ваша[225] [226], а не рисы вашѧ[л227], и ѡбратитесѧ къ[м] Господѫ[н228] Богѫ[о229] вашемоу, ꙗко милостивъ[230] и щедръ есть, трьпѣливъ[п231] и многомилостивъ, и раскаѧвасѧ[232] ѡ слобахъ[233]. Кто вѣсть, [234]ѡбратилисѧ и раскает[234], и ѡставит за собою благословение[235], требѫ[р236] и възлїанїе[с237] Господоу[238] Богѫ[т239] нашемоу? Въстрѫбите[у240] трубою въ[ф241] Сїѡнѣ, ѡсвятите ал'канїе[х242], прѡповидите[ц243] цѣл'бѫ[ч244]. Съберѣте[ш] люди, ѡсвятите цѣркви[245], изберѣте[щ246] стар'ца[ъ247], съвъкоупїте[ы248] младен'ца[249] съсоущѧ[ь250] съсъ[251]; да изыдеть[252] женѧисѧ[э] ѿ ложа своего и невѣста ѿ чрьтожница[ю253] своеа[я254]. Междѫ[VI,a255] степены ти требником[256] въсплачют'сѧ[б257] жер'цы[258], слѫжащеи[в259] Господоу, и

[е] къ: ко *Ц.* [ж] вашым: вашимъ *У, Ц.* [з] съ: со *У, Ц.* [и] ал'чбою: алчьбою *У.* [к] сердцѧ: сердца *У, Ц.* [л] вашѧ: ваша *У, Ц.* [м] къ: ко *Ц.* [н] Господѫ: Господоу *У, Ц.* [о] Богѫ: Богоу *У, Ц.* [п] трьпѣливъ: терпѣливъ *У.* [р] требѫ: требоу *У, Ц.* [с] възлїанїе: воз'лїанїе *Ц.* [т] Богѫ: Богоу *У, Ц.* [у] Въстрѫбите: Въстроубите *У;* Востроубите *Ц.* [ф] въ: в' *Ц.* [х] ал'канїе: алканїе *У.* [ц] прѡповидите: проповѣдите *У, Ц.* [ч] цѣл'бѫ: цѣл'бу *Ц;* цѣлбоу *У.* [ш] Съберѣте: Соберѣте *Ц.* [щ] изберѣте: из'берѣте *Ц.* [ъ] стар'ца: старца *У.* [ы] съвъкоупїте: съвокоупите *У;* совокупите *Ц.* [ь] съсоущѧ: съсоущїа *Ц.* [э] женѧисѧ: женнѧисѧ *У.* [ю] чрьтожница: чертѡж'ница *У;* чер'тожница *Ц.* [я] своеа: своеѧ *У.* [VI,a] Междѫ: Междоу *У, Ц.* [б] въсплачют'сѧ: въсплачютсѧ *У;* восплачютсѧ *Ц.* [в] слѫжащеи: слоужащеи *У, Ц.*

[219] Богъ: Богь *ТСЛ90.* [220] вашым: вашимъ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ91;* вашимь *ТСЛ90.* [221] ал'чбою: алчьбою *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90;* ал'чьбою *ТСЛ91.* [222] плачемъ: плачемь *ТСЛ89;* пьлачемъ *ТСЛ63.* [223] развѣрзете: разврьзѣте *ГБ: ТСЛ89;* разврьѕите *ТСЛ63.* [224] сердцѧ: сердца *ТСЛ90: ТСЛ91;* сердъца *ГБ: ТСЛ89.* [225] ваша: вашѧ *ГБ: ТСЛ89.* [226–226] сердцѧ ваша: сердце ваше *ТСЛ63.* [227] вашѧ: ваша *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [228] Господѫ: Господоу *ТСЛ63: ТСЛ91;* Господи *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [229] Богѫ: Богоу *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [230] милостивъ *pr* и *ТСЛ63.* [231] трьпѣливъ: тръпеливъ *ТСЛ91;* терпѣливъ *ГБ: ТСЛ89.* [232] раскаѧвасѧ: раскаиваасѧ *ТСЛ91;* раскаваꙗсѧ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* раскаасѧ *ТСЛ63.* [233] слобахъ *add* ваших *ТСЛ63.* [234–234] ѡбратилисѧ и раскает: раскаеть ли сѧ и ѡбратить *ТСЛ91.* [235] благословение: благословленїе *ТСЛ89.* [236] требѫ: трѣбоу *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [237] възлїанїе: възлиæнїе *ТСЛ63.* [238] Господоу: Господѫ *ГБ: ТСЛ89.* [239] Богѫ: Богоу *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [240] Въстрѫбите: Въструбите *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [241] въ: в' *ГБ: ТСЛ91;* в *ТСЛ90.* [242] ал'канїе: алканїе *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [243] прѡповидите: проповѣдите *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [244] цѣл'бѫ: цѣлбоу *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [245] цѣркви: цѣркве *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [246] изберѣте: из'берѣте *ТСЛ91.* [247] стар'ца: старца *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [248] съвъкоупїте: съвокоупите *ТСЛ63: ТСЛ90;* съв'купите *ТСЛ91.* [249] младен'ца: младен'цѧ *ТСЛ89;* младенца *ТСЛ90;* младенцѧ *ГБ.* [250] съсоущѧ: съсѫщѧ *ГБ: ТСЛ89;* съсуща *ТСЛ63: ТСЛ91.* [251] съсъ: сьсъ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* соса *ТСЛ91.* [252] изыдеть: изидет *ТСЛ89.* [253] чрьтожница: чрътожницѧ *ГБ: ТСЛ89;* черьтожницѧ *ТСЛ90;* чертожница *ТСЛ91.* [254] своеа: своеѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [255] Междѫ: Между *ТСЛ90;* Междю *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* Межю *ТСЛ91.* [256] требником: трѣбникъмъ *ГБ: ТСЛ89.* [257] въсплачют'сѧ: въсплачютсѧ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* въсплачютьсѧ *ТСЛ63.* [258] жер'цы: жерци *ГБ: ТСЛ89;* жрьци *ТСЛ63: ТСЛ90;* жръци *ТСЛ91.* [259] слѫжащеи: служащеи *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.*

рекѫт[г260]: Пощади, Господи, люди Свwꙗ и не даждь части[261] Своеа[д262] на оукориз'ноу[е263], да не wбладѫт[ж264] имї[з] страны; ꙗкw ж да не рекѫт[и265] въ[к] странах: К'де[л266] есть Богъ[267] ихъ? И въздревнова[м268] Господь w земли Своеи, и пощади[269] люди Своꙗ[н]. И ѿвѣща Господь[270] людем Своим, и рече: Се азъ[271] [274]вамъ[272] послю[273] [274] п'шеницѫ[о275] и вино, и маслw дрѣвѧное, и насытитесѧ их, и не дамъ вас к[276] семоу на ругъ[277] въ страны. И[278] їже ѿ сѣвера ѿженѫи[п279] ѿ васъ на землю без[р] воды, и погѿблю[с280] лице его в'[т281] мори прьвѣмъ[282], и заднѧꙗ[283] его в[у284] морї послѣднем[285]. И въsидет[ф286] гнои его, и въsидет[х287] смрад его, ꙗко възвеличи[ц] дѣла своѧ. Оуповаи, земле, радуисѧ и веселуи, ꙗко възвеличи[ч] Господь, ꙗко сътвwри[288] ти. Оуповаите, скwти польстии[289], ꙗко прwзѧб'нѫша[ш290] полѧ пѫстыню[щ291], ꙗко древо прїнесе плwд свои, виноград[292] и смок'ы[ъ293] даста[294] силу[295] свwю. И, чѧда[ы296] Сїwнѧ, радуитесѧ и веселитесѧ[ь297] w Господѣ[298] Бosѣ вашемъ[299], ꙗко дасть вам пищѫ[э300] въ[ю] прав'доу[я301], и надождить[302] вам дождь[303],

---

[г] рекѫт: рекоуть *У, Ц.* [д] Своеа: Свwеѧ *У, Ц.* [е] оукориз'ноу: оукоризноу *У, Ц.* [ж] wбладѫт: wбладоуть *У, Ц.* [з] имї: или *Ц.* [и] рекѫт: рекоуть *У, Ц.* [к] въ: во *Ц.* [л] К'де: Кде *У, Ц.* [м] въздревнова: возревнова *Ц.* [н] Своꙗ: Своа *Ц.* [о] п'шеницѫ: пшеницу *Ц;* пшеницю *У.* [п] ѿженѫи: ѿженоуи *У, Ц.* [р] без: без' *Ц.* [с] погѫблю: погоублю *У, Ц.* [т] в': в *У.* [у] в: в' *Ц.* [ф] въsидет: възыдеть *У;* в'зыдет *Ц.* [х] въsидет: в'зыдеть *Ц.* [ц] възвеличи: возвеличи *Ц.* [ч] възвеличи: возвеличи *Ц.* [ш] прwзѧб'нѫша: прозѧбноуша *У, Ц.* [щ] пѫстыню: поустыню *У;* пустынѧ *Ц.* [ъ] смок'ы: смокы *У;* смоки *Ц.* [ы] чѧда: чада *Ц.* [ь] веселитесѧ: веселите *У.* [э] пищѫ: пищю *У, Ц.* [ю] въ: в *У.* [я] прав'доу: правду *Ц.*

[260] рекѫт: рекоуть *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* рукуть *ТСЛ63.* [261] части: чѧсти *ГБ: ТСЛ89.* [262] Своеа: Своеѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ91.* [263] оукориз'ноу: оукоризноу *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [264] wбладѫт: обладають *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [265] рекѫт: рекоуть *ТСЛ63: ТСЛ91;* руть *ТСЛ90.* [266] К'де: Кде *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* Г'де *ТСЛ90;* Где *ТСЛ91.* [267] Богъ: Богь *ТСЛ90.* [268] въздревнова: въздрьвнова *ТСЛ63.* [269] пощади: пощадѣ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [270] Господь *add* w земли своеи *ТСЛ91.* [271] азъ *add* есмь *ТСЛ91.* [272] вамъ: вамь *ТСЛ90.* [273] послю: посьлю *ГБ: ТСЛ89.* [274–274] вамъ послю *tr ТСЛ63, ТСЛ91.* [275] п'шеницѫ: п'шеницу *ТСЛ91;* п'шеницю *ТСЛ89;* пшеницю *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ90.* [276] к: к' *ТСЛ91;* къ *ТСЛ63.* [277] ругъ: рѫгъ *ГБ: ТСЛ89;* руганїе *ТСЛ63;* поруганїе *ТСЛ91;* рwгъ *ТСЛ90.* [278] И *от ТСЛ63, ТСЛ90.* [279] ѿженѫи: ѿженуи *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ91;* ѿженоуи и *ТСЛ90;* ѿжену их *ТСЛ63.* [280] погѫблю: погублю *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [281] в': в *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ90;* въ *ТСЛ91.* [282] прьвѣмъ: пръвѣм *ГБ: ТСЛ89;* прьвѣмь *ТСЛ63: ТСЛ90;* пръвѣмь *ТСЛ91.* [283] заднѧꙗ: задънѧꙗ *ГБ.* [284] в: в' *ТСЛ91;* въ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89.* [285] послѣднем: послѣдниимь *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [286] въsидет: възыдеть *ТСЛ90;* в'зидеть *ТСЛ91.* [287] въsидет: взыдеть *ТСЛ90;* възыдеть *ТСЛ63;* в'зидеть *ТСЛ91.* [288] сътвwри: створи *ТСЛ91.* [289] польстии: польсцїи *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89.* [290] прwзѧб'нѫша: прозѧбнушѧ *ГБ;* прозѧбьнушѧ *ТСЛ89;* прозѧбнуша *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [291] пѫстыню: пустыню *ТСЛ63;* поустынѧ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [292] виноград *pr* и *ТСЛ63.* [293] смок'ы: смоквы *ТСЛ63;* смокви *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [294] даста: дасть *ТСЛ63.* [295] силу: силѫ *ГБ: ТСЛ89.* [296] чѧда: чада *ТСЛ90.* [297] веселитесѧ: веселите *ГБ: ТСЛ89.* [298] Господѣ: Господи *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [299] вашемъ: вашемь *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [300] пищѫ: пищоу *ТСЛ90: ТСЛ91;* пищю *ТСЛ63.* [301] прав'доу: правдоу *ТСЛ63: ТСЛ90;* правьдѫ *ГБ: ТСЛ89.* [302] надождить: надъждить *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [303] дождь: дъждь *ГБ: ТСЛ89.*

[304]на раны и поздны[304], ꙗко[305] и прежде[306]. И наполънѧтсѧ[VII,а307] гумна пшеницѧ[б308], и прилѣют'сѧ[в309] тѣсцы[310] винwм и маслwм. И ѿдам вам в[311] лѣт мѣсто, въ[г312] нѧ ж поꙗша[313] прysи[314], и мъшицѧ[д315], и сиплеве, і юсѣница[316], сила Моѧ великаѧ[е317], юж[318] послах на вы. [319]Нї sѣсте[319] ꙗдуще, и насытитесѧ, и похвалите имѧ Господа Бога вашего, Иж сътвwри[ж] [320]с вами чюдеса[320], и не срамѧтсѧ[321] людие Мои въ[з322] вѣкы[и]. И будет[323] по сем, въsлѣю[к] ѿ Духа Моего на всю[324] плwть[л], и прwрекоутсѧ[325] сынове вашы[м326] и дщери[327] вашѧ[н328], и стар'цы[о329] вашы[п330] сыны[331] оузрѧть, і юноты вашѧ[р332] видѣнїа[с333] оувидѧт[334], ибо на рабы[335] Моѧ[336] и на рабынѧ Моѧ[т] въ[у] дни ты въsлѣю[337] ѿ Духа Моего. И дамъ чюдеса на небеси и на земли: кровь и огнь, и пару[338] дымнѫю[ф339]. Солнце wбратится[340] въ[х] т'моу[ц341] и месѧць — въ кровь прежде[342] пришествиа[343] дне[344] Господнѧ великааго[ч345] и страшнаго[ш346]. И будет: весь[щ347], иже призоветь имѧ Господне, спасет'сѧ[ъ348],

---

VII,а наполънѧтсѧ: наполнѧтсѧ *Ц;* наплънѧтсѧ *У.* б пшеницѧ: п'шеницѧ *У.* в прилѣют'сѧ: прилѣютсѧ *У, Ц.* г въ: в' *Ц;* в *У.* д мъшицѧ: мьшицѧ *Ц.* е великаѧ: великаа *Ц.* ж сътвwри: сотвори *Ц.* з въ: во *Ц.* и вѣкы: веки *Ц.* к въsлѣю: възлїю *Ц.* л плwть: плwд *Ц.* м вашы: ваши *Ц.* н вашѧ: ваша *Ц.* о стар'цы: старцы *У.* п вашы: ваша *Ц.* р вашѧ: ваша *Ц.* с видѣнїа: видѣнїѧ *У.* т Моѧ: Моа *Ц.* у въ: во *Ц.* ф дымнѫю: дымную *У.* х въ: во *Ц.* ц т'моу: тмоу *У, Ц.* ч великааго: великаго *У, Ц.* ш страшнаго: страш'наго *У.* щ весь: всь *Ц.* ъ спасет'сѧ: спасетсѧ *У, Ц.*

[304–304] на раны и поздны: раныи и поздьныи *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* ран'ныи и поздныи *ТСЛ63.* [305] ꙗко *add* же *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [306] прежде: прѣжьде *ГБ: ТСЛ89;* преже *ТСЛ91.* [307] наполънѧтсѧ: наполнѧтсѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90;* наплънѧтсѧ *ТСЛ91.* [308] пшеницѧ: пшеница *ТСЛ63: ТСЛ90;* п'шеницѧ *ГБ: ТСЛ89;* п'шеница *ТСЛ91.* [309] прилѣют'сѧ: прѣлѣютсѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* прелѣютьсѧ *ТСЛ90;* прелїютсѧ *ТСЛ91.* [310] тѣсцы: тѣсци *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [311] в: въ *ТСЛ63: ТСЛ89, ТСЛ91.* [312] въ: в *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [313] поꙗша: поꙗшѧ *ГБ: ТСЛ89;* поѧдоша *ТСЛ91.* [314] прysи: прѫзи *ГБ: ТСЛ89.* [315] мъшицѧ: мъшица *ГБ;* мьшица *ТСЛ63;* мшица *ТСЛ90;* м'шица *ТСЛ91.* [316] юсѣница: ѫсѣницѧ *ГБ: ТСЛ89;* гусѣница *ТСЛ63: ТСЛ91.* [317] великаѧ: великаа *ТСЛ63.* [318] юж: ѭже *ГБ: ТСЛ89.* [319–319] Нї sѣсте: И изѣсте *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90;* И изъѧсте *ТСЛ91.* [320–320] с вами чюдеса: чюдеса с вами *ТСЛ91.* [321] срамѧтсѧ: срамѧтьсѧ *ТСЛ90;* посрамѧтсѧ *ТСЛ63: ТСЛ91.* [322] въ: в *ТСЛ90.* [323] будет: бѫдет *ГБ: ТСЛ89;* бѫдеть *ТСЛ63.* [324] всю: всꙗку *ТСЛ63: ТСЛ91.* [325] прwрекоутсѧ: прорекоуть *ТСЛ63: ТСЛ91.* [326] вашы: ваши *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [327] дщери: дъщери *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* д'щере *ТСЛ91.* [328] вашѧ: ваша *ТСЛ90: ТСЛ91.* [329] стар'цы: стар'ци *ТСЛ91;* старци *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [330] вашы: ваши *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [331] сыны: съны *ГБ: ТСЛ89;* сони *ТСЛ63;* сны *ТСЛ90;* сонїа *ТСЛ91.* [332] вашѧ: ваша *ТСЛ63: ТСЛ90;* ваши *ТСЛ91.* [333] видѣнїа: видѣнїе *ТСЛ91.* [334] оувидѧт: оузрѧт *ТСЛ90.* [335] рабы: рыбы *ГБ.* [336] Моѧ: Моа *ТСЛ90.* [337] въsлѣю: излѣю *ТСЛ91.* [338] пару: парѫ *ГБ: ТСЛ89.* [339] дымнѫю: дымную *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91;* дымнѫѭ *ТСЛ89;* дымънѫѭ *ГБ.* [340] wбратится: wбратит'ся *ТСЛ90;* обратиться *ТСЛ63.* [341] т'моу: тму *ТСЛ63: ТСЛ90;* тмѫ *ГБ: ТСЛ89.* [342] прежде: преже *ТСЛ91.* [343] пришествиа: пришестїа *ГБ.* [344] дне: дни *ГБ.* [345] великааго: великаго *ТСЛ63: ТСЛ91.* [346] страшнаго: страшнааго *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [347] весь: вьсь *ГБ: ТСЛ89.* [348] спасет'сѧ: спасетсѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.*

ꙗко въ[ы349] горѣ Сїѡнѣ[350] и въ[ь] Іерусалимѣ боудет спасаемыи[351], ꙗко[э] ж[ю] рече Господь, и благосъвѣтующеи[352], ꙗже Господь приз'ва[я353].

ꙗко [354]Азъ се[354], въ[VIII,а] дни ты и в[355] гѡд тъи[б], егда въз'вращѫ[в356] плѣнникы[г357] Іюдины и[д358] Иерусалимлѧ, съберу[е359] всѧ страны и[360] съведу[ж361] ѧ[362] на полѧнѫ[з363] Іѡафатовѫ[и364], и расѫждоусѧ[к365] с[366] ними тѫ[л367] по людехъ Моих и чѧсти[м368] Моеа[н369], Израилѧ, иж разсеꙗшасѧ[о370] въ[п] странах, и землю[371] раздѣлишѧ[р372]. И ѡ[373] люди Моа[с374] възврьгоша[т375] ж'ребїа[у376], и дашѧ[ф377] ѡтрочища[378] блѫдницам[х379], и ѡтроковица[380] прѡдахѫ[ц381] на винѣ, и[382] пьꙗхоу[383]. Что Мънѣ[ч384], чтѡ ли вам, Тире[385] и Сѵдоне[386], и всѧ Галѣлеꙗ[ш387] иноплеменникъ[щ]? Дѣ или[388] ѿданїе вы[389] ѿдаете Мнѣ? Или памѧтуете памѧть вы до Мене? Ѡстрѣ и быстрѣ ѿдам ѿданїе[390] ваше на главы вашѧ[ъ391],

---

[ы] въ: в' *Ц.* [ь] въ: в *У;* во *Ц.* [э] ꙗко: ко *Ц.* [ю] ж *от У.* [я] приз'ва: призва *У, Ц.* [VIII,а] въ: во *Ц.* [б] тъи: тои *У, Ц.* [в] въз'вращѫ: въз'вращю *У;* возврашу *Ц.* [г] плѣнникы: плен'ники *Ц.* [д] и *от У.* [е] съберу: соберу *Ц.* [ж] съведу: сведу *Ц.* [з] полѧнѫ: полѧноу *У, Ц.* [и] Іѡафатовѫ: Їѡафатовоу *У, Ц.* [к] расѫждоусѧ: расуждусѧ *Ц.* [л] тѫ: тоу *У, Ц.* [м] чѧсти: части *Ц.* [н] Моеа: Моеѧ *У.* [о] разсеꙗшасѧ: раз'сеꙗшасѧ *У.* [п] въ: во *Ц.* [р] раздѣлишѧ: разделиша *Ц.* [с] Моа: Моѧ *У.* [т] възврьгоша: возврьгоша *Ц;* възвер'гоша *У.* [у] ж'ребїа: жребїа *У, Ц.* [ф] дашѧ: даша *Ц.* [х] блѫдницам: блудницамъ *Ц;* блуд'ницамъ *У.* [ц] прѡдахѫ: продахоу *У;* продоу *Ц.* [ч] Мънѣ: Мне *У;* Монѣ *Ц.* [ш] Галѣлеꙗ: Галилеа *Ц.* [щ] иноплеменникъ: иноплемен'ницы *Ц.* [ъ] вашѧ: ваша *У, Ц.*

[349] въ: в' *ТСЛ91;* в *ТСЛ90.* [350] Сїѡнѣ: Сиѡни *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ91;* Сионѧ *ТСЛ63.* [351] спасаемыи: спасаемы *ТСЛ63.* [352] благосъвѣтующеи: благосъвѣстующеи *ТСЛ63: ТСЛ91;* благосъвѣстѫющеи *ГБ: ТСЛ89.* [353] приз'ва: призва *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [354–354] Азъ се *tr ТСЛ91.* [355] в: в' *ТСЛ91;* въ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89.* [356] въз'вращѫ: въз'вращу *ТСЛ91;* възвращѫ *ГБ: ТСЛ89;* възвращоу *ТСЛ90;* възвращю *ТСЛ63.* [357] плѣнникы: плен'никы *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ91;* плѣнныкы *ТСЛ63.* [358] и *от ТСЛ63, ТСЛ91.* [359] съберу: съберѫ *ГБ: ТСЛ89;* соберу *ТСЛ63.* [360] и *от ТСЛ63.* [361] съведу: сведоу *ТСЛ91.* [362] ѧ: ю *ТСЛ63.* [363] полѧнѫ: полѧну *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [364] Іѡафатовѫ: Иѡсафатовѫ *ГБ: ТСЛ89;* Иѡсафатовоу *ТСЛ90;* Иасафатовоу *ТСЛ91;* Иосефатовоу *ТСЛ63.* [365] расѫждоусѧ: расѫждѫсѧ *ГБ: ТСЛ89;* рассоуждѫсѧ *ТСЛ63;* разсѫждѫсѧ *ТСЛ91.* [366] с: съ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89.* [367] тѫ: ту *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [368] чѧсти: части *ТСЛ63: ТСЛ90.* [369] Моеа: Моеѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [370] разсеꙗшасѧ: разсеашасѧ *ТСЛ91;* рассѣꙗшасѧ *ТСЛ63: ТСЛ90;* расѣашѧсѧ *ГБ: ТСЛ89.* [371] землю: *add* мою *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91;* землѧ моѧ *ГБ: ТСЛ89.* [372] раздѣлишѧ: раздѣлїша *ТСЛ63: ТСЛ91.* [373] ѡ: на *ТСЛ63 (по стертому): ТСЛ91.* [374] Моа: Моѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [375] възврьгоша: възвергошѧ *ТСЛ90;* възвергоша *ТСЛ91.* [376] ж'ребїа: жрѣбїа *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [377] дашѧ: даша *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [378] ѡтрочища: ѡтрочищѧ *ГБ: ТСЛ89.* [379] блѫдницам: блудницамъ *ТСЛ63: ТСЛ91;* блудницамь *ТСЛ90.* [380] ѡтроковица: ѡтроковицѧ *ГБ: ТСЛ89.* [381] прѡдахѫ: продаꙗху *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ91;* продаахоу *ТСЛ63: ТСЛ90.* [382] и *от ТСЛ63.* [383] пьꙗхоу: пьѧахѫ *ГБ: ТСЛ89;* пїꙗху *ТСЛ90: ТСЛ91.* [384] Мънѣ: Мнѣ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [385] Тире: Тѵре *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [386] Сѵдоне: Сидоне *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [387] Галѣлеꙗ: Галилеѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90;* Галилеа *ТСЛ91.* [388] или: ли *ТСЛ91.* [389] вы: выи *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [390] ѿданїе: ѿдаанїе *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [391] вашѧ: ваша *ТСЛ63: ТСЛ91.*

понеже сребро[392] Мое и злато вѕѧсте[ы393], и[394] из'борнаѧ[ь395] Моꙗ[э] и добраа[396] въз'несосте[ю397] въ трѣбищѧ[я398] ваша[399]. И сыны Іюдины Израилевы ѿдасте сыномъ Ел'линьскым[IX,а400], ꙗко да ижденеть[401] ꙗ[б] ѿ предѣлъ ихъ. Се Азъ[402] въставлю[в403] ꙗ ѿ мѣста, в[г404] не же ѿдасте[405] ѧ[д] тамо, и ѿдам ѿданїе[406] ваше на главы ваша[407]. И ѿдам сыны вашѧ[е408] и д'щери[ж409] ваша[410] въ[з411] руцѣ[и412] сыновъ Іюдинъ, и ѿдает[413] ѧ въ плѣнъ въ[к] странѫ[л414], далече сущу[415], ꙗко Господь глагола. Проповѣдите се въ[м] странах, ѡсвятите рать, въставите[н] сѣчьцѧ[о], преводите[416] и въсходите[п] [р]вси[417] моужи[р] воистии[с418]. Разсѣците[т419] рала ваша на ѡружие[420] и срьпы[у421] вашѧ[ф422] на лущѧ[х423]; немощьныи[ц424] да глаголеть, ꙗко могоу[425] аз. Съвъкуплѧитесѧ[ч426] и въсходите[ш427], всѧ страны ѡбимо, и съберѣтесѧ[428] тоу. Кроткыи[щ429] да боудет храбѡръ[430], да

[ы] вѕѧсте: в'зѧсте *У, Ц.* [ь] из'борнаѧ: изборнаа *Ц.* [э] Моꙗ: Моа *Ц.* [ю] въз'несосте: вознесосте *У;* вознесосте *Ц.* [я] трѣбищѧ: трѣбища *У, Ц.* [IX,а] Ел'линьскым: Ел'линьскимъ *Ц.* [б] ꙗ: сїа *Ц.* [в] въставлю: воставлю *Ц.* [г] в: в' *Ц.* [д] ѧ: а *Ц.* [е] вашѧ: ваша *У, Ц.* [ж] д'щери: дщери *У.* [з] въ: в' *Ц;* в *У.* [и] руцѣ: роуцы *Ц.* [к] въ: во *Ц.* [л] странѫ: страноу *У, Ц.* [м] въ: во *Ц.* [н] въставите: воставите *Ц.* [о] сѣчьцѧ: сѣчьца *У, Ц.* [п] въсходите: восходите *Ц.* [р–р] вси моужи: мужие вси *Ц.* [с] воистии: въистии *У.* [т] Разсѣците: Раз'секите *Ц.* [у] срьпы: серпы *У.* [ф] вашѧ: ваша *У, Ц.* [х] лущѧ: лоуща *У, Ц.* [ц] немощьныи: немощ'ныи *У;* немощныи *Ц.* [ч] Съвъкуплѧитесѧ: Совокуплѧитесѧ *Ц.* [ш] въсходите: восходите *Ц.* [щ] Кроткыи: Кроткїи *Ц;* Крот'кыи *У.*

[392] сребро: сърeбро *ТСЛ89.* [393] вѕѧсте: в'зѧсте *ТСЛ91;* възѧсте *ГБ: ТСЛ89.* [394] и *от ТСЛ91.* [395] из'борнаѧ: изборнаѧ *ГБ: ТСЛ89;* изборнаа *ТСЛ63: ТСЛ90.* [396] добраа: добраѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [397] въз'несосте: вънесосте *ГБ: ТСЛ89;* внесосте *ТСЛ63: ТСЛ90;* в'несосте *ТСЛ91.* [398] трѣбищѧ: трѣбища *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [399] ваша: вашѧ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* ваше *ТСЛ63.* [400] Ел'линьскым: Еллиньскымъ *ТСЛ63;* Елиньскомъ ГБ; Елиньскомь *ТСЛ90;* Елин'ском *ТСЛ89;* Ел'лин'скых *ТСЛ91.* [401] ижденеть: ижденете *ТСЛ89: ТСЛ90.* [402] Азъ: ꙗз *ТСЛ63.* [403] въставлю: въставлѭ *ГБ: ТСЛ89.* [404] в: въ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* в' *ТСЛ91.* [405] ѿдасте: ѿдасть *ТСЛ63.* [406] ѿданїе: ѿдаанїе *ТСЛ89.* [407] ваша: вашѧ *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90.* [408] вашѧ: ваша *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [409] д'щери: дъщери *ГБ: ТСЛ89;* дщери *ТСЛ63: ТСЛ90.* [410] ваша: вашѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [411] въ: в *ТСЛ90: ТСЛ91.* [412] руцѣ: рѫцѣ *ГБ: ТСЛ89.* [413] ѿдает: ѿдаете *ТСЛ91;* ѿдасть *ТСЛ63.* [414] странѫ: страноу *ТСЛ63: ТСЛ90.* [415] сущу: сѫщу *ТСЛ90;* сѫщѫ *ГБ: ТСЛ89.* [416] преводите: приводите *ТСЛ89: ТСЛ90, ТСЛ91;* проводите *ТСЛ63;* проповѣдите *ГБ.* [417] вси:: в'си *ТСЛ91.* [418] воистии: воисцїи *ГБ: ТСЛ89;* въисцїи *ТСЛ90;* воинсции *ТСЛ63 (*н *надписано над строкой);* въиньстїи *ТСЛ91.* [419] Разсѣците: Расѣците *ТСЛ63;* Разсѣцѣте *ТСЛ91;* Рассѣцѣте *ТСЛ90;* Расѣцѣте *ГБ: ТСЛ89.* [420] ѡружие: ѡрѫжїе *ГБ.* [421] срьпы: серпы *ТСЛ90: ТСЛ91.* [422] вашѧ: ваша *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [423] лущѧ: лѫщѧ *ГБ: ТСЛ89;* лоуща *ТСЛ90: ТСЛ91.* [424] немощьныи: немощныи *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ90, ТСЛ91.* [425] могоу: могѫ *ГБ: ТСЛ89.* [426] Съвъкуплѧитесѧ: Съвокоуплѧитесѧ *ТСЛ91;* Съвъкуплѣитесѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [427] въсходите: въходите *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* в'ходите *ТСЛ91;* входите *ТСЛ90.* [428] съберѣтесѧ: с'берѣтесѧ *ТСЛ91;* съберете *ТСЛ90.* [429] Кроткыи: Крот'кыи *ТСЛ89;* Кроткы *ТСЛ63;* И крот'кыи *ТСЛ91.* [430] храбѡръ: храбъръ *ГБ: ТСЛ89;* храбръ *ТСЛ91.*

въстанѫт[ъ431] и въѕидѫть[ы432] [ь]всѧ страны[ь] на полѧнѫ[э433] Іасафатовѫ[ю434], ꙗко ту сѧду разсѫдити[я435] всѧ страны, ꙗже ѡбимо[436]. Испѫстите[х,а437] срьпы[б438], ꙗко предстоит[439] имѧнїе[440] винограду. Внидѣте[в441] и перѣте, ꙗко испол'нь[г442] тискъ[443], изливают'ся[д444] подстави[е445], ꙗко ДООО умнѡжишѧсѧ[ж446] злѡби[447] ихъ. Гласи прѡгласишѧсѧ[з448] на полѣ[и449] сѫднѣмъ[к450], ꙗко близ день[л] Господень в'[м451] полѣ[452] сѫднѣм[н453]! Солнце и месѧць помер'кнета[454] и ѕвѣзды съкрыют[о455] свѣтъ свѡи[456]. Господь же ѿ Сиѡна взовет[п457], і[458] ѿ Іерусалима[459] дасть гласъ Свои. И потресет'сѧ[р460] небо и землѧ. Господь же пощѧдит[с461] люди Своꙗ и оукрѣпит Господь сыны Їзраилевы. И оувисте[т462], ꙗко[463] Господь Богъ вашь[у], въселѧисѧ[ф464] въ[х465] Сиѡнѣ[466], в'[ц467] горѣ Моеи святѣи.

[ъ] въстанѫт: въстаноуть *У, Ц.* [ы] въѕидѫть: въѕидоуть *У;* в'зыдуть *Ц.* [ь–ь] всѧ страны *от У.* [э] полѧнѫ: полѧноу *У, Ц.* [ю] Іасафатовѫ: Иасафатову *Ц;* Їсаѳатову *У.* [я] разсѫдити: раз'судити *У, Ц.* [х,а] Испѫстите: Испоустите *У, Ц.* [б] срьпы: сер'пы *У.* [в] Внидѣте: В'нидѣте *Ц.* [г] испол'нь: исполнь *У, Ц.* [д] изливают'ся: изливаются *У, Ц.* [е] подстави: под'стави *Ц.* [ж] умнѡжишѧсѧ: умножишасѧ *У, Ц.* [з] прѡгласишѧсѧ: прѡгласишасѧ *У, Ц.* [и] полѣ: поли *Ц.* [к] сѫднѣмъ: соуднѣм *У;* студнемъ *Ц.* [л] день *от Ц.* [м] в': в *У.* [н] сѫднѣм: соуднѣмъ *У, Ц.* [о] съкрыют: скрыють *Ц.* [п] взовет: в'зоветь *Ц.* [р] потресет'сѧ: потрѧсетсѧ *У, Ц.* [с] пощѧдит: пощадить *У, Ц.* [т] оувисте: оувѣсте *У, Ц.* [у] вашь: вашъ *Ц.* [ф] въселѧисѧ: вселѧисѧ *Ц.* [х] въ: в' *Ц.* [ц] в': въ *У.*

[431] въстанѫт: въстаноуть *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [432] въѕидѫть: възидут *ГБ: ТСЛ89;* взидѫть *ТСЛ90;* възыдуть *ТСЛ63;* в'зидоуть *ТСЛ91.* [433] полѧнѫ: полѧну *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [434] Іасафатовѫ: Иасафатову *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ91;* Іосафатовѫ *ТСЛ90.* [435] разсѫдити: расѫдити *ГБ: ТСЛ89;* разсудити *ТСЛ91;* расудити *ТСЛ90;* рассоудити *ТСЛ63.* [436] ѡбимо: ѡбимоу *ТСЛ63.* [437] Испѫстите: Испустите *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ91;* Исъпустите *ТСЛ90.* [438] срьпы: серпы *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [439] предстоит: прѣдъстоить *ТСЛ90.* [440] имѧнїе: иманїе *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [441] Внидѣте: Вънидѣте *ГБ: ТСЛ89;* Вънидите *ТСЛ63;* И в'нидѣте *ТСЛ91.* [442] испол'нь: исполнь *ТСЛ90: ТСЛ91;* исплънь *ГБ: ТСЛ89;* исполни *ТСЛ63.* [443] тискъ: тѣскъ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [444] изливают'ся: изливаються *ГБ: ТСЛ89;* изливаются *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [445] подстави: подъстави *ГБ: ТСЛ91.* [446] умнѡжишѧсѧ: оумножишасѧ *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [447] злѡби: злобы *ТСЛ63: ТСЛ91.* [448] прѡгласишѧсѧ: прогласишасѧ *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91.* [449] полѣ: поли *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [450] сѫднѣмъ: сѫднѣмь *ТСЛ90: ТСЛ91;* соуднѣмъ *ТСЛ63;* суднѣмь *ГБ: ТСЛ89.* [451] в': в *ГБ: ТСЛ89;* въ *ТСЛ63: ТСЛ91.* [452] полѣ: поли *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [453] сѫднѣм: суднѣмь *ГБ: ТСЛ89;* соуднѣмъ *ТСЛ63.* [454] помер'кнета: померкнета *ТСЛ89: ТСЛ90;* помрькнѣта *ТСЛ63.* [455] съкрыют: скрыють *ТСЛ91.* [456] свѡи: свѡимъ *ТСЛ90.* [457] взовет: в'зоветь *ТСЛ91;* възоветь *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [458] і *от ТСЛ63.* [459] Іерусалима: Іерусолима *ТСЛ63.* [460] потресет'сѧ: потресетьсѧ *ГБ;* потрѧсетсѧ *ТСЛ63: ТСЛ90, ТСЛ91;* потрѧсетьсѧ *ТСЛ89.* [461] пощѧдит: пощадит *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [462] оувисте: оувѣсте *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [463] ꙗко *add* Азъ *ТСЛ89, ТСЛ91.* [464] въселѧисѧ: въселѧꙗсѧ *ТСЛ89: ТСЛ90;* в'селѧꙗсѧ *ГБ: ТСЛ63;* вселѧꙗсѧ *ТСЛ91.* [465] въ: в' *ТСЛ91;* в *ТСЛ90.* [466] Сиѡнѣ: Сиѡни *ГБ: ТСЛ89.* [467] в': въ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ91;* в *ТСЛ90.*

И бѫдет[ч468] Ерусалимъ[ш469] святъ, и иноплеменникъ[470] не проидет его к’[щ471] семоу[472]. И бѫдет[ъ473] в’[474] тъи[ы475] день: прокаплют гѡры наслажденїе[ь] и хлъми[э476] источѧт[ю477] млеко, и вси источ’ницы[я478] Іюдины[479] источѧт[480] воды, и їсточникъ ѿ домоу Господнѧ ѵѕидет[XI,а481] и напоит водотѣчь Ситьꙗ[б]. Егѵп’тъ[в482] въ[г483] погыбели[д484] бѫдет[е485], и Идоумѣѧ[ж] в[з486] поле погибели[и487] будет ѿ неправдъ[488] сыновъ Іюдинъ, понеже прѡлиаша[к489] крѡвъ[л490] правдивѫ[м491] на земли своеи. А Жидѡвъскаѧ[н492] [494]въ[493] вѣкы сѧ[494] вселить[о495] Іерусалимъ[496], в[п] рѡд и рѡд. И въѕїщу[р497] крове[498] их, и не оучищѫ[с499], и Господь вселитсѧ[500] в[т501] Сиѡнѣ.

[ч] бѫдет: боудеть *У, Ц.* [ш] Ерусалимъ: Іерусалимь *Ц.* [щ] к’: к *У, Ц.* [ъ] бѫдет: боудеть *У, Ц.* [ы] тъи: тои *У;* тотъ *Ц.* [ь] наслажденїе: наслаженїе *Ц.* [э] хлъми: хол’ми *У.* [ю] источѧт: источать *Ц.* [я] источ’ницы: источницы *У, Ц.* [XI,а] ѵѕидет: изыдеть *У, Ц.* [б] Ситьꙗ: Ситьа *Ц.* [в] Егѵп’тъ: Егѵптъ *У;* Егѵпетъ *Ц.* [г] въ: в’ *Ц.* [д] погыбели: погибели *Ц.* [е] бѫдет: будеть *У, Ц.* [ж] Идоумѣѧ: Идумѣа *Ц.* [з] в: в’ *У.* [и] погибели: погыбели *У.* [к] прѡлиаша: прѡлїѧша *У.* [л] крѡвъ: кровь *У, Ц.* [м] правдивѫ: правдиву *Ц;* прав’диво*у У.* [н] Жидѡвъскаѧ: Жидовьскаѧ *У;* Жидовьскаа *Ц.* [о] вселить: вселитъ *Ц.* [п] в: в’ *Ц.* [р] въѕїщу: възыщоу *У;* в’зыщю *Ц.* [с] оучищѫ: оучищу *Ц;* оучищю *У.* [т] в: в’ *Ц.*

[468] бѫдет: будеть *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [469] Ерусалимъ: Іерусалимъ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [470] иноплеменникъ: иноплемен’никь *ТСЛ89: ТСЛ91.* [471] к’: к *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91;* къ *ТСЛ63.* [472] семоу: тому *ТСЛ91.* [473] бѫдет: боудет *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [474] в’: въ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89;* в *ТСЛ90.* [475] тъи: тои *ТСЛ91.* [476] хлъми: холми *ТСЛ90;* хол’ми *ТСЛ91.* [477] источѧт: источать *ТСЛ63: ТСЛ90.* [478] источ’ницы: источници *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [479] Іюдины: Іюдини *ГБ: ТСЛ89;* Іѫдини *ТСЛ63.* [480] источѧт: источать *ТСЛ90: ТСЛ91.* [481] ѵѕидет: изыдеть *ТСЛ90: ТСЛ91.* [482] Егѵп’тъ: Егѵптъ *ГБ;* Егѵпетъ *ТСЛ63: ТСЛ91.* [483] въ: в’ *ТСЛ91;* в *ТСЛ90.* [484] погыбели: погыбѣль *ГБ: ТСЛ89, ТСЛ90;* погибѣль *ТСЛ63: ТСЛ91.* [485] бѫдет: будеть *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [486] в: въ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [487] погибели: погыбѣли *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90.* [488] неправдъ: неправды ТСЛ63. [489] прѡлиаша: пролїашѧ *ГБ: ТСЛ89;* пролыꙗша *ТСЛ63: ТСЛ90.* [490] крѡвъ: кровь *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [491] правдивѫ: правдиву *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90;* праведну *ТСЛ91.* [492] Жидѡвъскаѧ: Жидовьскаѧ *ГБ: ТСЛ63, ТСЛ89, ТСЛ90, ТСЛ91.* [493] въ: в’ *ТСЛ91.* [494–494] въ вѣкы сѧ: сѧ въ вѣкы *ГБ: ТСЛ89.* [495] вселить: въселить *ТСЛ63;* веселить *ТСЛ91.* [496] Іерусалимъ: Іерусалимь *ТСЛ91.* [497] въѕїщу: възищю *ТСЛ63;* в’зыщу *ТСЛ91;* взыщу *ТСЛ90.* [498] крове: кровь *ТСЛ90.* [499] оучищѫ: оучищу *ТСЛ90: ТСЛ91;* оучищю *ТСЛ63.* [500] вселитсѧ: въселитсѧ *ТСЛ63: ТСЛ89.* [501] в: въ *ТСЛ63: ТСЛ89.*

Список литературы

Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 254 с.

Алексеев А.А., Лихачева О.П. Супрасльский сборник 1507 г. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978. С. 54–88.

Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. 1: Священное писание. М., 1855. 342 с.

Евсеев И.Е. Геннадиевская библия 1499 года. М., 1914. 21 с.

Калугин В.В. Геннадиевская редакция Толковых Пророчеств начала 90-х годов XV века: Из истории Библии 1499 года // Славяноведение. 2020. № 2. С. 76–93.

Калугин В.В. Книги Пророков в библейском кодексе 1502–1507 гг. Матфея Десятого: Источники и характер работы // Славянский мир: Язык, литература, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета. М., 2018. С. 125–128.

Калугин В.В. Книги Пророков в Библии Матфея Десятого 1502–1507 годов // Славяноведение. 2017. № 2. С. 26–39.

Калугин В.В. Толковые пророчества в восточнославянской и сербской письменности XV–XVI веков // Вестник РГНФ. 2016. № 2 (83). С. 99–115.

Книги XII Малых Пророков с толкованием в древнеславянском переводе. Вып. 1: Книги Осии, Иоиля, Амоса, Авдия и Ионы / Подг. к печати Н. Л. Туницкий. Сергиев Посад, 1918. 76 с.

Лурье Я.С. К вопросу о «латинстве» Геннадиевского литературного кружка // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 66–77.

Ромодановская В.А. Библейские книги в Великих Минеях Четиих: К истории формирования свода // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 3. С. 5–10.

Ромодановская В.А. Библейские книги в Великих Минеях Четьих митрополита Макария: К постановке вопроса // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 26–35.

Ромодановская В.А. Геннадиевская библия: Задачи и принципы издания // ТОДРЛ. Т. 59. СПб., 2009. С. 245–263.

Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия: Основные итоги и перспективы изучения // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд

славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 266–285.

Ромодановская В.А. Геннадиевская библия 1499 г. в русской рукописной традиции XV–XVII вв. (латинские источники): Автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 16 с.

Ромодановская В.А. К истории Нового Завета Геннадиевской библии и Евангелий XV в.: Развитие систем отсылок. Часть I // ТОДРЛ. Т. 61. СПб., 2010. С. 194–211.

Ромодановская В.А. Книги Священного Писания в агиографическом контексте Великих Миней Четиих // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. 4. СПб., [в печати].

Ромодановская В.А. Маккавейские книги в Великих Минеях Четиих: Опыт текстологического исследования // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 3–18.

Ромодановская В.А. О целях создания Геннадиевской библии как первого полного русского библейского кодекса // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001а. С. 278–305.

Ромодановская В.А. Об источниках и характере энциклопедических глосс Геннадиевской библии (1499 г.) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001б.

Ромодановская В.А. Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской библии. I. Рукописи XV — первой трети XVI в. // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 6–28.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. 460 с.

Темчин С.Ю. Роль Матвея Десятого в православной культуре Великого княжества Литовского // Latopisy Akademii Supraskiej. Białystok, 2010. Vol. 1. С. 27–35.

Foster P.M. The Church Slavonic Translation of Maccabees in the Gennadij Bible (1499). Columbia, 1995. 419 p.

Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/81): Die Bu↖cher Paralipomenon, Esra, Tobias, Judith, Sapientia und Makkabäer. Frankfurt am Main, 1972. 372 S.

УДК 821.161'930.25

А.В. Сиренов
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Пометы составителя Лицевого летописного свода в Летописце Еллинском и Римском*

Статья посвящена проблеме создания Лицевого летописного свода XVI в. Автор рассматривает непосредственные источники Лицевого свода. На четырех из них сохранились сделанные свинцовым карандашом пометы составителя Лицевого свода. Наименее изученным из них остается список Летописца Еллинского и Римского, хранящийся в Российской национальной библиотеке, в собрании Общества любителей древней письменности, F.33. На основании подробного рассмотрения помет на этой рукописи автор предполагает, что Лицевой свод не имел чернового варианта.

Ключевые слова: древнерусские летописи, источниковедение, российская историография, Лицевой летописный свод.

Приемы составления крупнейшего летописного памятника русского средневековья Лицевого летописного свода, датируемого 70-ми годами XVI в., привлекали внимание многих исследователей [Амосов, 1999, с. 33–118].[1] О.В. Творогов посвятил одну из своих статей заимствованиям в Лицевом своде из хронографических произведений [Творогов, 1974, с. 353–364]. Так, им было установлено, что история Византии в Лицевом своде излагается на основе двух сочинений — Летописца Еллинского и Римского (далее ЛЕР)[2] и русского Хронографа редакции 1512 г. (далее Хр. 1512).[3] При этом заимствования из обоих источников чередуются, создавая своеобразную чересполосицу, при которой в известие ЛЕР зачастую вставлены несколько слов из параллельного текста Хр. 1512. Есть, правда, и такие случаи, когда обширные текстовые заимствования из ЛЕР и Хр. 1512 представлены монолитными массивами. Проведенная О.В. Твороговым кропотливая работа по выявлению даже мельчайших заимствований из хронографических сочинений и их использования составителями Лицевого свода позволила, прежде всего, представить характер работы по построению повествования об истории Византии в Лицевом своде. Был однако и еще один результат предпринятого О.В. Твороговым сличения текстов Лицевого свода и его хроногра-

* Исследование выполнено по гранту РФФИ, проект № 15-01-00288.

[1] Библиографию Лицевого свода см.: [Лицевой свод XVI века..., 2010].

[2] Здесь и далее используем подготовленное под руководством О.В. Творогова издание ЛЕР: [Летописец Еллинский и Римский, 1999].

[3] Используем издание: [Хронограф редакции 1512 года, 1911].

© Сиренов А.В., 2020

фических источников. Исследователь обратил внимание на один из списков ЛЕР, РНБ, собр. ОЛДП, F.33 (далее список О), который относится к концу XV в. и является наиболее близким к тексту Лицевого свода. Это наблюдение развил Б.М. Клосс, отметивший наличие в списке О карандашной и восковой разметки, присутствующей также в списке Оболенского Никоновской летописи [Клосс, 1980, с. 213–214].[4] Б.М. Клосс доказал, что эта разметка принадлежит составителю Лицевого свода, который таким образом указывал переписчикам, какой именно фрагмент источника следует включать в Лицевой свод, какие изменения внести в текст заимствованного фрагмента и где поместить миниатюру.

Б.М. Клоссом были проанализированы практически все разновидности помет редактора Лицевого свода. Это и восковые капли,[5] и редакторские изменения текста (включая зачеркивания), и руководящие указания, и расстановка кириллических цифр. Б.М. Клосс предположил, что пронумерованными оказались большие циклы миниатюр. При этом список О в отношении помет специально не изучался. В нашем распоряжении имеются только краткие указания Б.М. Клосса о наличии таких помет и их перечень. Следует отметить, что в действительности помет больше. О.В. Творогов и Б.М. Клосс отмечали факт использования наряду со списком О еще одного списка ЛЕР [Клосс, 1980, с. 212]. В списке О пометы и восковые капли проставлены только против тех мест в тексте, которые стали источником для Лицевого свода. Б.М. Клосс указал не все случаи карандашной разметки.

Так, первое заимствование в Лицевом своде (имеется в виду третий том Лицевого свода, так называемый Лицевой хронограф РНБ, F.IV.151; далее ЛС-3) из списка О показывает, что изначально место расположения миниатюры в ЛС-3 редактор отмечал не восковой каплей, а карандашной вертикальной чертой. Как установил О.В. Тво-

---

[4] Впервые непосредственный источник Лицевого свода выявила В.Ф. Покровская, обратив внимание на разметку восковыми каплями в рукописной Истории Иудейской войны Иосифа Флавия (БАН, Соловецкое собр., № 8) [Покровская, 1966, с. 5–19]. Такие же следы от восковых капель выявил Б.М. Клосс в списке Оболенского Никоновской летописи (РГАДА, ф. 201 (собр. Оболенского), № 163) и в списке Летописца Еллинского и Римского РНБ, ОЛДП, F.33. Наряду с восковыми каплями Б.М. Клосс отметил и наличие помет свинцовым карандашом, представляющих собой редакторскую разметку текста источников для включения их в Лицевой свод [Клосс, 1980, с. 209–212]. И восковые капли, и карандашные пометы выявлены нами в Томском списке Степенной книги (Томский областной краеведческий музей, № 7903/2) [Сиренов, 2014, с. 202–220]. Таким образом, сейчас известно четыре непосредственных источника Лицевого свода, содержащие следы редакторской работы.

[5] Д.О. Цыпкин доказал, что воском не капали, а прилепляли катышки воска в уже остывшем состоянии [Цыпкин, 2015, с. 35–44].

рогов, очередное заимствование в ЛС-3 из ЛЕР начинается с начала раздела о царстве третьем Иулиана [Творогов, 1974, с. 355]. В списке О этот текст читается на л. 321 об. Перед словами «Входящу же ему от Дафине» [Летописец Еллинский и Римский, 1999, с. 308] вертикально отчеркнуто карандашом — в ЛС-3 здесь находится миниатюра (л. 199). Далее, на той же странице, после слов «да разумеють свое укорение вне града» [Летописец Еллинский и Римский, 1999, с. 308] — еще одно вертикальное отчеркивание карандашом; в ЛС-3 после слов «да разумеют свое укорение» — миниатюра (л. 199 об.), а далее текст начинается со слов «вне града». На той же странице списка О после текста «хотящи исцелениа и благословениа от него» [Летописец Еллинский и Римский, 1999, с. 309] отчеркнуто тремя вертикальными линиями — в ЛС-3 после этого текста миниатюра (л. 200). На л. 322 списка О после слов «но един буди» [Летописец Еллинский и Римский, 1999, с. 309] вертикальное отчеркивание карандашом — в ЛС-3 после этого миниатюра (л. 200 об.). Далее текст ЛС-3 следует другому списку ЛЕР.

Уже со следующего заимствования в ЛС-3 из списка О изменились условные обозначения. Список О использовался как источник ЛС-3 лишь спорадически, чередуясь с Хр. 1512 и другим списком ЛЕР. Обращаясь к списку О, редактор ЛС-3 делал карандашную отметку на поле, а далее цифрами указывал места расположения миниатюр. Так, на л. 335 просматривается отчеркивание двумя чертами, против слов «обаче отъиди, не тщися вторыми прьвое...» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 325] — видимо, это указание на начало следования тексту О. Первая миниатюра расположена на л. 284 об. после слов «свыше есть свидетель сих» (л. 284). В О на этом месте, вероятно, была проставлена кириллическая цифра «А», но сейчас она не просматривается, видимо, будучи стертой. На л. 335 об. после слов «но велми кающуся» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 325] — след от капли и на поле цифра «В»; в ЛС-3 на этом месте миниатюра, после слов «в них каяся зело и плачя» (л. 285). Следующая цифра «Г» в О находится на л. 335 об., после слов «и повеле ему царь ити к нему» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 326], здесь же и след от капли; в ЛС-3 на этом месте расположена миниатюра (л. 285 об.). Следующая цифра «Д» в О написана на поле л. 335 об. против слов «ни в паперть святых дверий» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 326], здесь же и след от капли; в ЛС-3 после этих слов миниатюра (л. 286). Следующие цифры «Е», «S», «З», соответствующие миниатюрам ЛС-3 на л. 286 об., 287 и 287 об., в О должны были быть написаны на правом поле л. 335 об., но оно утрачено (в настоящее время лист приклеен на фальц). Следующая цифра «И», соответству-

ющая миниатюре на л. 288 в ЛС-3, в О должна была располагаться на поле между столбцами (на правом поле первого столбца) на л. 336, но ее нет (видимо, стерта). Следующая цифра «Ѳ» в О читается на правом поле первого столбца л. 336 после слов «а не ерея творити подобаеть» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, 1999, с. 326], здесь же и след от капли; в ЛС-3 здесь миниатюра (л. 288 об.).[6] Следующаяя цифра «I» в О помещена после слов «архиерей же и царь» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 326], здесь же и след от капли; в ЛС-3 здесь миниатюра (л. 289). Далее в О после слов «достоино нарицаем» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 326] след от капли, но на поле более поздним почерком (XVIII в.?) написан номер главы 124, а потому карандашная помета XVI в. не сохранилась. Далее ЛС-3 следует другому списку ЛЕР.

На л. 339 об. в списке О перед разделом «Царство 9 Феодосья Малаго сына Аркадиева...» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 337] текст «При семь бысть преподобная Меланья в Риме и Домника от града Картагеньска, и Перфурий епископ Газьскый» перечеркнут крест накрест карандашом, на поле карандашная помета «Зри в гра[нографе]»; в ЛС-3, согласно наблюдениям О.В. Творогова, действительно, здесь вставка из Хр. 1512 (л. 331 об.–336) [Творогов, 1974, с. 355].

На л. 339 об. списка О текст «При сем бысть Савва пустынник от страны Каппадокийскыа сын Иванов и матере Софьи, Иаустоклей и Савда» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 337] отчеркнут на поле вертикальной волнистой линией, после этого текста в ЛС-3 (л. 336–334 об.) отсутствует раздел ЛЕР «О трусе»,[7] видимо, потому, что выше он приведен по Хр. 1512.[8]

На л. 372 об.–374 списка О читаются кириллические цифры с «В» по «КЗ». Б.М. Клосс указал, что на л. 373–374 номера с 14 по 27 [Клосс, 1980, с. 213]. Таким образом, цифры с «В» по «ГI» им остались незамеченными. Вероятно, существовал и номер «А», который был проставлен на правом поле на л. 372, но там сейчас номер главы 141, вписанный полууставом XVIII в. (?), и под ним затруднительно что-либо рассмотреть. Номер «А», видимо, находился против заголовка «Царство 19...», так как рядом различим след от восковой капли (л. 372). В ЛС-3 отсюда начинается текст под миниатюрой на л. 601, который оканчивается словами «...в Костяньтинеграде» — в списке О после этих слов различим след от капли и на левом поле цифра

[6] Предыдущий текст завершается словами «...но вне со всеми равно причящайся», однако эти слова представляют собой вставку в текст, заимствованный из ЛЕР.

[7] См. список О, л. 339 об.–340, [Летописец Еллинский и Римский, 1999, с. 337–338].

[8] О.В. Твороговым данное обстоятельство не отмечено [Творогов, 1974, с. 355].

«В» (л. 372 об.) [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 385]. Следующая цифра «Г» в списке О (л. 372 об.) поставлена против текста «и бысть превелий зело» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 385–386], после которого след от капли — в ЛС-3 на этом месте заканчивается текст на л. 601 об. под миниатюрой. Следующая цифра «Д» в списке О (л. 372 об.) поставлена против слов «...тако родится» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 386], после которых различим след от капли; в ЛС-3 здесь оканчивается текст под миниатюрой на л. 602. Следующая цифра «Е» в О поставлена на левом поле второго столбца л. 372 об. против слов «...сима же погрязшима» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 386], после которых след от капли; в ЛС-3 на этом месте оканчивается следующий фрагмент текста, после которого — миниатюра (л. 603). Следующая цифра «S» (правое поле первого столбца на л. 373) написана против слов «...до раму зевание творя» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 386], после которых след от капли; в ЛС-3 после них — очередная миниатюра (л. 603 об.). Далее цифирь обрывается. После слов «...и на прочее шествуем» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 386] (в списке О на л. 373) виден след от капли. Здесь в ЛС-3 расположена очередная миниатюра (л. 604). После этого, как отмечает О.В. Творогов [Творогов, 1974, с. 356], источником становится Хр. 1512 (со слов «Хоздрою же перскому царю...» до слов «...во имяни слово ферт»), далее из ЛЕР взят заголовок «О плене» и далее, несколькими строками ниже, — опять заимствование из Хр. 1512 («Ибо хоган... 12 тясящ» [Хронограф редакции 1512 года, 1911, с. 300–301]). Далее повествование возвращается к ЛЕР — и в списке О поставлена цифра «AI» (правое поле первого столбца на л. 373). Действительно, на заимствование из Хр. 1512 приходится четыре миниатюры (ЛС-3, л. 604, 605, 605 об., 606). Цифра «AI» находится как раз против слов «Бояром же помолившимся» [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 386], перед которыми след от капли. С этих слов начинается текст в ЛС-3 на л. 606 об. под миниатюрой. Далее на этой странице текст ЛС-3 оканчивается на словах «...да отпустит я» — в списке О после этих слов след от капли, а дальнейший текст в ЛС-3, как отметил О.В. Творогов, следует Хр. 1512: «Хаган же посла... укараяем о жестокосердии» [Хронограф редакции 1512 года, 1911, с. 301; Творогов, 1974, с. 356]. Далее на правом поле второго столбца в списке О проставлена цифра «DI», а следа от капли почему-то нет. Отсюда, со слов «Начаша вся глаголати на нь и прескверняти», в ЛС-3 начинается заимствование из ЛЕР, причем именно из списка О [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 386; Творогов, 1974, с. 356]. Дальнейшие цифры с «DI»

до «КЗ», читающиеся на л. 373–374 списка О, указаны Б.М. Клоссом [Клосс, 1980, с. 213].

Таким образом, восполнение допущенных Б.М. Клоссом пропусков в его наблюдениях над карандашной разметкой списка О позволяет детально реконструировать ход работ над Лицевым сводом. В тех случаях, когда Б.М. Клосс верно указал расположение восковых капель в списке О, внимательное рассмотрение этой системы также позволяет прийти к новым выводам относительно приемов создания Лицевого свода.

Так, очередное заимствование в ЛС-3 из списка О начинается на л. 389 со слов «и божественую гору преславную». В списке О перед этими словами различим след от капли, что соответствует расположению миниатюры в ЛС-3 на л. 689. Следующая капля в списке О расположена после слов «и превозмогше» (л. 389).[9] В ЛС-3 на этом месте оканчивается текст на л. 689, но на л. 689 об. он продолжается, миниатюра там после слов «с греческими вои», после которых в списке О также след от капли (л. 389 об.). Возможно, предыдущая капля к разметке не имеет отношения, а может быть, поставлена ошибочно. Следующая капля в О после слов «дана будеть» (л. 389 об.). В ЛС-3 на л. 690 здесь расположена миниатюра. Следующая капля в списке О после слов «кровию греческою» (л. 389 об.); в ЛС-3 на этих словах оканчивается текст на л. 690, после чего на следующей странице расположена миниатюра. Следующая капля в списке О после слов «в Костянтинь град прииде» (л. 389 об.); в ЛС-3 на этих словах завершен текст на л. 690 об., после чего на следующей странице — миниатюра. Далее в списке О различима капля в конце раздела после слов «друга ради своего». На этих словах оканчивается текст в ЛС-3 на л. 691.[10] Дальнейший текст ЛС-3 на л. 691 об.–695 об., согласно наблюдениям О.В. Творогова, следует Хр. 1512 [Творогов, 1974, с. 356]. Но в списке О восковая разметка продолжается до раздела «Еретице» (л. 390) [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 410]. Так, явные следы разметки (капли) присутствуют после слов «тъй еретик бысть» (л. 389 об.) [Летописец Еллинский и Римской, 1999, с. 410, строка 1], «озимьствова в Корсуне» (л. 390), «в единоволное еретичество приложитися» (л. 390), «таче посла в Костянтинь град» (л. 390), «в Сикилии 6 лет» (л. 390). Это может значить только одно: данный фрагмент текста Лицевого свода первоначально должен был следовать списку О. Видимо, так и было, и здесь мы имеем дело с первоначальной редакцией Лицевого свода. Однако затем отдельные листы Лице-

[9] Есть там и карандашная помета, но, кажется, более позднего времени.

[10] Все эти чтения см.: [Летописец Еллинский и Римский, 1999, с. 409].

вого свода были заменены на другие, содержащие заимствование из текста Хронографа редакции 1512 г.

Итак, детальное рассмотрение карандашной разметки списка О позволяет реконструировать этапы работы по составлению Лицевого свода. Сначала производилась разметка свинцовым карандашом и воском в тексте источников, затем создавали рукопись Лицевого свода. Дальнейшая редакторская работа велась непосредственно на листах Лицевого свода. Некоторые из них, подвергнутые редакторской правке, изымались и заменялись другими, текст которых был написан уже с учетом редакторской правки.

Список литературы

Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1999. 392 с.

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. 312 с.

Лицевой свод XVI века в изданиях и трудах исследователей: Избранная библиография / Сост. А.В. Севальнев // Лики летописи: К 70-летию В.В. Морозова. Ч. 1. М., 2010. С. 195–281.

Покровская В.Ф. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI века // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН. М.; Л., 1966. С. 5–19.

Сиренов А.В. Пометы Томского списка Степенной книги и составление Лицевого летописного свода // Источниковедение и историография отечественной истории. Вып. 7: Историческое повествование в Средневековой России: К 450-летию Степенной книги: Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2014. С. 202–220.

Творогов О.В. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 28: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. Л., 1974. С. 353–364.

Цыпкин Д.О. Следы на рукописях. I. Следы воска // Фотография. Изображение. Документ. Вып. 6. СПб., 2015. С. 34–74.

Список опубликованных источников

Летописец Еллинский и Римский. Т. 1: Текст. СПб., 1999. 513 с.

Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911. 568 с. (Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1).

УДК 821.161.1

О.С. Сапожникова
Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург

«Царицу Анастасию, вами уподобляемую Евдоксе»: Об одном уподоблении в кругу Ивана Грозного

Статья посвящена одному сюжету Жития Иоанна Златоуста, к которому обращались в полемике и сочинениях царь Иван Грозный и его окружение. Отголоски споров и обсуждений одного и того же сюжета позволяют говорить о едином языке образов и уподоблений в ближнем круге Ивана Грозного, о престижном языке элиты, особой социальной группы, состав которой обусловлен не только родовитостью и местом в государственной иерархии, но начитанностью и знаниями.

Ключевые слова: Житие Иоанна Златоуста, Иван Грозный, царица Анастасия, библейские параллели, «нечестивые царицы», Андрей Курбский, Сильвестр.

Послания Ивана Грозного и его приближенных содержат отголоски обсуждаемых ими книжных сюжетов. Темы бесед образованного государя с не менее начитанными его современниками отразились в высказываниях, например, князя Андрея Курбского: «Негли забыл есть повесть свѣжую или не зело давную, устнама твоима часто произносимую, о святом Петре сущую, Руском митрополите...»,[1] «подобно ленился еси прочести златыми усты вещающаго о семъ во слове о Духу Святом» [Сочинения князя Курбского, 1914, стб. 214], «добре веси от летописцев руских» [Сочинения князя Курбского, 1914, стб. 133]; в рекомендациях старца Артемия Троицкого: «Да добро бы, государь, чтобы еси прочел Беседы евангельския — толкование великаго свѣтилника Иоана Златоустаго...» [Послания старца Артемия, 1878, стб. 1386], в записках иностранца Дж. Горсея: «...Три часа распространялся на эту тему...» [Горсей, 1909, с. 47], в материалах ученых диспутов с представителями других конфессий — протестантом Яном Ракитой и иезуитом Антонио Поссевино.

По всей видимости, существовали сочинения, которые неоднократно бывали предметом обсуждений или даже споров, — на это указывают обращение к ним и царя, и его собеседников/оппонентов, материалы эпистолярного наследия. Интересно обратить внимание на один из сюжетов, который не раз становился источником для цитирований, примеров, уподоблений в кругу Грозного.

[1] Андрей Курбский, «История о великом князе Московском», цит. по: [Сочинения князя Курбского, 1914, стб. 312]. Об историко-литературном контексте этого высказывания Курбского см.: [Калугин, 1998, с. 190].

© Сапожникова О.С., 2020

Исследователи обратили внимание на то, что в Первом послании Андрею Курбскому 1564 г. царь Иван Грозный упрекает своих недругов в уподоблении ими царицы Анастасии императрице Евдоксии, гонительнице святителя Иоанна Златоуста: «И еже убо нашу царицу Анастасию, *вами уподобляемую Евдоксе*, како супротиво вашего желательнаго злаго немилосердаго умышления и хотения царицу нашу от врат смертных воздвиг?» [Переписка Ивана Грозного, 1981, с. 45; Послания Ивана Грозного, 1951, с. 59].[2] Источник уподобления в данном случае очевиден: имеется в виду кульминационный конфликт Жития Иоанна Златоуста — между константинопольским епископом и супругой императора Аркадия Евдоксией, присвоившей виноградник вдовы Феогноста. Согласно Житию, сенатор Феогност был несправедливо приговорен к ссылке и по дороге в изгнание скончался. Все его имущество, кроме одного виноградника, оставленного его вдове и детям, было конфисковано. В сезон сбора урожая Евдоксия зашла в виноградник и отведала плоды; в соответствии с древней традицией, это означало, что он отходит в казну императорской фамилии, а собственник получает компенсацию. Вдова обратилась к святителю с просьбой о заступничестве перед императрицей, чтобы та оставила ей виноградник. Пришедший просить за вдову Иоанн Златоуст был изгнан из дворца. На церковный праздник, когда в храме Св. Софии находились император, двор и «вси гражане», перед желавшей войти царицей по приказу святителя закрыли дверь. Это событие послужило дополнительным поводом для подготовки суда над епископом и ссылкам, последняя из которых стала причиной его кончины.[3]

Имевшее место уподобление дает представление о языке образов, использованном недоброжелателями царицы Анастасии, к которым Грозный причисляет Андрея Курбского, но не его одного. Похоже, при дворе Ивана Грозного был распространен прием иносказания, когда современники проецировали царя, царскую семью и друг друга на исторические личности, чьи имена, известные из лучших образцов книжности, стали уже нарицательными. Я.С. Лурье отметил, что в кругу царя имело место уподобление лицам из Жития Иоанна Златоуста: «Говоря, что этот “святый князь ...царицу нашу от смертных врат воздвиг”, Грозный имеет в виду какой-то случай обращения больной Анастасии к мощам Федора Ростиславича. — Евдоксия — супруга римско-византийского императора Аркадия, гонительница Златоуста. Характерно, что и Грозный и его противники во взаим-

[2] Здесь и далее курсив мой. — *О.С.*

[3] Эпизод с «Феогностовым виноградником» сохранился только в агиографической традиции. См. подробно о событиях жизни Иоанна Златоуста, отраженных в сочинениях его современников и позднейших [Балаховская, 2007, с. 7–56].

ной борьбе и полемике черпали полемические образы из одного источника — “Жития Златоуста” (включенного в Четьи-Минеи): бояре сравнивали Анастасию с Евдоксией; Грозный сравнивает Курбского с Евтропием (который был, кстати, врагом Евдоксии!)» [Послания Ивана Грозного, 1951, с. 609 (прим. 52); Переписка Ивана Грозного, 1981, с. 402 (прим. 116)].

Уподобление с Евтропием содержится в Первом послании Ивана Грозного Андрею Курбскому: «А всего того тебя мы есми не лишивали, и от божия земля не отгнали, но сам еси от всех лишен, и на церковь востал еси, подобно Еутропию ско (скопцу. — *О.С.*), не церковь бо его предаде, и он сам от церкви отторжеся, тако же убо и ты» [Переписка Ивана Грозного, 1981, с. 93, 400; Послания Ивана Грозного, 1951, с. 54]. В Житии Иоанна Златоуста важное место занимает тема интриг государственного чиновника (ипата) скопца Евтропия, посягнувшего на неприкосновенность укрывающихся от преследований в церкви, но в итоге прибегнувшего к этому же средству для сохранения собственной жизни. Евтропий был вынужден во время проповеди Иоанна Златоуста спрятаться в церкви «под трапезою» [Великие Минеи Четии, 1899, стб. 973–974]. Иван Грозный в Первом послании Курбскому неоднократно ссылается на авторитет Иоанна Златоуста и дословно цитирует Житие святителя по тексту, как считал Я.С. Лурье, Великих Миней Четиих [Лурье, 1981, с. 226]. Извлечение из столь объемного памятника небольших фрагментов свидетельствует об очень хорошем знании текста.

В Послании в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г. Иван Грозный иронично описывает далекую от благочиния обстановку в обители и указывает игумену и братии на истинные образцы для подражания, в том числе и на Иоанна Златоуста, и обсуждает здесь же сюжет из Жития, связанный с конфликтом святителя с императрицей Евдоксией:

> И божественный Златоуст пострада за обидящих, и царицу возгражая от лихоимания. Не бо исперва виноград и вдовица вина бысть толику злу, и чюдному сему отцу изгнание, и труды, и нужную от повлачения смерть. Сие бо о винограде от невеждь глаголется: аще же кто житие его прочтет, известно увесть, яко за многих Златоуст сие пострада, а не за един виноград. И виноград же сей — не просто, яко же глаголют. Но бысть некто муж во Цареграде болярьска сана сый, и оглаголан бысть царице, яко поношает ей о лихоимании. Она же, гневом обьята бывши, заточи его и с чады в Селунь. Оному же и великаго Златаустаго моляще сему тако быти. И тамо ему в заточении и кончавшуся, царица же гневом неутолима сущи и еже на прекормление убозей сей остави виноград, восхоте злохитръством отняти. И аще

святии о малых сих вещех сице страдаху, кольми же паче, господие мои и отцы, нам подобает о чудотворцове предании пострадати [Послания Ивана Грозного, 1951, с. 167].

Как отметил Я.С. Лурье, «заслуживает внимания полемика царя с некиими “невеждами”, объяснявшими гибель Златоуста историей с “вдовицей” (и с “виноградом”) — любопытно, что в одном из своих писем в Печерский монастырь, направленных в значительной степени против царя, Курбский объяснил гибель Златоуста именно тем, что он “о единой вдовице не умолча”» [Послания Ивана Грозного, 1951, с. 634 (прим. 3)].

На основании реплики Ивана Грозного, поставившего в упрек своим недругам уподобление Анастасии Евдоксии, С.М. Соловьев посчитал, что в сознании современников существовала оппозиция: благовещенский священник Сильвестр (= Златоуст) — Анастасия (= Евдоксия), роль же клеветников/угодников досталась родственникам царицы Захарьиным-Юрьевым. «Влияние Сильвестра и советников его могло встретить препятствие только в одном близком к царю семействе — Захарьины-Юрьевы; отсюда ненависть советников Сильвестровых к царице Анастасии и ее братьям, ненависть, могшая вызвать и со стороны последних подобное же чувство. Советники Сильвестра сравнивали Анастасию с Евдокиею, женою византийского императора Аркадия, гонительницею Златоуста, разумея под Златоустом Сильвестра; Курбский называет Захарьиных-Юрьевых клеветниками и нечестивыми губителями всего Русского царства» [Соловьев, 1960, кн. 3, с. 525].[4] Эту же мысль повторил Р.Г. Скрынников: «Иван IV не раз сетовал на то, что советники воздвигли на Анастасию Романовну “ненависть зельну”, сравнивали ее с нечестивой римской императрицей Евдоксией, гонительницей Иоанна Златоуста. В этом сравнении заключался намек на Сильвестра, терпевшего от царицы не меньшие неприятности, чем Златоуст претерпел от Евдоксии» [Скрынников, 1992, с. 134].

---

[4] С.М. Соловьев еще раз выскажет мысль об этом уподоблении в следующем томе, см.: [Соловьев, 1960, кн. 4, с. 157]. Одна из ведущих тем в Житии Иоанна Златоуста — наушники, злые советники, влияющие на безвольного императора Аркадия, «творящие угодие» императрице Евдоксии и «сплетающие» заговор против Иоанна Златоуста. В «Истории о делах великого князя Московского» А. Курбский постоянно касается роли злых советников, которыми выступают Захарьины-Юрьевы, шурья-ласкатели, «лжесшиванми оклеветающими» окружение царя. Роль при дворе Ивана IV родственников его супруги, возвышение, понижение и вновь повышение их статуса неоднократно становились предметом изучения отечественных историков. Мы в данном случае обращаем внимание лишь на книжную проекцию, на существование которой в сознании современников впервые указал, по-видимому, С.М. Соловьев.

Упоминаемый священник и писатель Сильвестр, один из видных деятелей Избранной рады, в свою очередь, тоже ставил современникам в пример, как и Иван Грозный, жизнь Иоанна Златоуста и называл заступничество за «вдовицу» главной причиной гибели константинопольского святителя. В Послании, адресованном воеводе Горбатому-Шуйскому, но предназначенном вообще казанскому обществу («...не скрой святаго сего писания и прочимъ государьскимъ воеводамъ, совѣтнымъ ти о государевѣ дѣлѣ, и священному чину и христоимянитому стаду»), Сильвестр наказывает священникам поступать «якоже Златоуст Иванъ» и говорит буквально словами из его ораций, посвященных долгу пастыря:

> Якоже убо священницы имѣютъ дерзновение къ Богу молити за согрѣшение людско, такожъ имъ достоитъ печаловати, молити и всячески увѣщати земныхъ властей о побѣдныхъ и о повинныхъ и о обидимыхъ, аще не послушаютъ, ино обличити, и запретити, *якоже Златоуст Иванъ пострада за вдовицу и въ заточении бысть*, якоже рече Господь: ты еси пастырь добрый и душу свою полагаеши за овцы и прочее. Вы же не токмо бѣдному, но и властельску душу спасете, и сами отъ Бога милость получите. *Не послуша моления Златоустова Евдоксия царица*, что пострада? Властели, внимайте убо сие [Из неизданных памятников..., 1872, с. 9–10 (вт. счета)].[5]

Во Втором послании Вассиану Муромцеву в Псково-Печерский монастырь (ок. 1564 г.) Курбский вспоминает гонительницу святителя, не называя ее имени:

> Гдѣ златословесный Иван, со зѣльным запрещением обличив царицу златолюбивую? [Сочинения Андрея Курбского. Второе послание..., 2001, с. 508, 674; Сочинения князя Курбского, 1914, стб. 396].

В Третьем послании Вассиану Курбский пересказывает один из главных мотивов Жития Иоанна Златоуста — противостояние константинопольского епископа и Патриарха Александрийского Феофила. Князь тоже упоминает сюжет о заступничестве за вдову и высказывает мнение, с которым, по-видимому, и спорил Иван Грозный:

> А днесь слышах от нѣкоего аки честнаго мниха, архиерея, умыслъ ереси Феофила Александръскаго проповѣдаемому, иже солгал он, манячи Евдоксѣе и стаинником ея, оклеветающих бес правды многострадальнаго земнаго херувима, преблаженнѣйшаго Златоустъца. И глаголетъ сицѣ во человѣкоугодном учении своем: «Не надобе, рече, глаголати пред цари, не стыдяся, о свидѣниих Господних, ниже

[5] См. новые данные о редакциях послания: [Сиренов, 2017, с. 109–119].

обличати о различных законопреступлѣнныхъ дѣлех их, неудобостерпима ярость их человѣческому естеству, но и церкви смущение». И свидѣльства приводит, крадучи от различных священных словес и развращенно толкуя, къ своей ему погибели. Аще сице мнение его попустится, и уже Христу и воином его миродержец одолел». ...Златоустыи о единой вдовицы не умолча, днесь же всю землю нашу погибшу уже предаде [Сочинения Андрея Курбского. Третье послание..., 2001, с. 516, 674; Сочинения князя Курбского, 1914, стб. 407–408].

Как видим, Сильвестр и Курбский в очень близких выражениях передают сюжет Жития константинопольского епископа: *«Якоже Златоуст Иванъ пострада за вдовицу», «Златоустыи о единой вдовицы не умолча»*. О нем же говорит Грозный в Послании в Кирилло-Белозерский монастырь: *«Не бо исперва виноград и вдовица вина бысть толику злу*, и чюдному сему отцу изгнание, и труды, и нужную от повлачения смерть. *Сие бо о винограде от невеждь* глаголется: аще же кто житие его прочтет, известно увесть, яко *за многих Златоуст сие пострада, а не за един виноград»*. Создается впечатление, что Иван Грозный спорит с совершенно определенными мнениями конкретных людей, которые для него «невежды», поскольку понимают Житие Иоанна Златоуста иначе и сводят подвиг святителя лишь к заступничеству «за един виноград», то есть за «едину вдовицу», — царь же настаивает, что святитель пострадал за многих. Перед нами, очевидно, отголосок какого-то спора, обсуждения, попыток экзегезы Жития Иоанна Златоуста, которые имели место в кругу близких Грозному деятелей эпохи, что соответствовало заведенному царем порядку при дворе, где чтение книг и обсуждение стали, по-видимому, едва не частью придворного этикета. Даже в царстве террора — в Александровой слободе — чтение было обязательным, что отметили иностранцы-опричники И. Таубе и Э. Крузе: «Сам он (царь. — *О.С.*), подобно игумену, пока братия ела за столами, продолжал стоять и читать ей» («Er aber als der Abt selbst stehen blieben seinen Brüdern zu Tisch gelesen bis sie gessen»).[6] О беседах за царской трапезой сохранились отголоски в позднем летописании: «Всегда по прочтении Отче Наш и при благословении трапезы садился кушать, и тогда имел охоту разговаривать о законах греческого исповедания и о прочих, и имел особливую остроту и память от Божественного писания» [Подробная летопись..., 1799, с. 89.].[7]

---

[6] «Послание» И. Таубе и Э. Крузе цит. по изд.: *Hoff G.* Erschreckliche, greuliche und unerhörte Tyrannéy Iwan Wasiljewiec. S. l., 1582. S. Cii (так!).

[7] См. об источниках этой летописи: [Николаева, 1969, с. 344–345; Насонов, 1969, с. 483–486; Сиренов, 2010, с. 471–483]. Н.М. Карамзин в своей «Истории» цитирует этот же фрагмент для характеристики Ивана IV [Карамзин, 1843, с. 34 (прим. 157)].

«Феогностов виноградник» станет в средневековой книжности метафорой и будет ассоциироваться с библейской историей о винограднике Навуфея, который за отказ продать его царю Ахаву был осужден при активном участии царицы Иезавели и казнен. За это убийство пророк Илия обличал царя и предсказал уничтожение его рода (3Цар. 21). Оба сюжета в сочинениях христианской письменности пополнили ряд аналогичных историй из Ветхого и Нового Завета, в которых пророк/святой муж погибает по воле неблагочестивой жены.

В Первом послании Андрею Курбскому Иван Грозный еще раз сообщает об оскорбительных намеках в адрес царицы: «...И на нашу царицу Анастасию ненависть зельну воздвигше и уподобляюще *ко всем нечестивым царицам*...» [Переписка Ивана Грозного, 1981, с. 32]. Раннюю смерть первой супруги Иван Грозный ставил, как известно, в вину своим недругам, якобы отравившим «юницу», — об этом он говорит во Втором послании Курбскому (1577 г.), адресуя упрек и своему адресату и, как можно понять из контекста, — Сильвестру, и вообще всем, кого считал давними врагами. «А и з женою вы меня про что разлучили?...» [Переписка Ивана Грозного, 1981, с. 104]. Но в качестве хулителей Анастасии царь никого конкретно все же не называет: по-видимому, именно мнение С.М. Соловьева, воспринятое затем Р.Г. Скрынниковым, послужило основанием для утверждения в научной литературе, что «по словам Ивана Грозного, Сильвестр сравнивал ее с императрицей Евдокией».[8]

Фактологическая канва событий, связанных с ролью царицы Анастасии при дворе и оценкой ее приближенными царя, складывается из противоречивых свидетельств. О характере царицы и переменах в характере Ивана Грозного после ее кончины сообщает с чужих слов проживавший в России намного позже этого события англичанин Дж. Горсей: «Государыня эта была умна и благочестива; ее добродетели и умение управлять приобрели ей любовь и почитание подданных. И так как Иоанн был молод и развращен, то она управляла им с удивительною ловкостью и благоразумием» [Горсей, 1909, с. 21]. Более подробно легенда или сложившееся еще с XVI в. мнение о влиянии Анастасии на царя сообщается в позднем памятнике — Хронографе 1617 г., составитель которого именно со смертью жены связывает перемену в государе:

> ...Блаженную в женах Анастасию... благороднаго супруга своего царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа Руси на всякия

[8] К.Ю. Ерусалимский, например, приводит это мнение, высказанное еще С.М. Соловьевым, а затем Р.Г. Скрынниковым, ссылаясь только на монографию испанской исследовательницы [Madariaga, 2005, p. 70–71], см.: [Курбский, 2015, с. 636].

добродѣтели наставляя и приводя... Блаженная и предобрая супруга его не во многихъ лѣтехъ ко Господу отиде, и потом аки чюжая буря велия припаде къ тишинѣ благосердия его, и не вѣмъ, како превратися многомудренный его умъ на нравъ яръ... [Попов, 1869, с. 183].[9]

Традиция XVII в. связывать изменение внутренней политики, которую проводил Иван Грозный, и создание опричнины с потрясением, пережитым им в связи со смертью супруги, сказались и на историографии нового времени. Однако реплики Ивана Грозного о ненависти «на Анастасию», а также сравнение князем, боярином Семеном Ростовским Анастасии Захарьиной с рабой («робой»), брак царя с которой якобы бесчестит боярские роды, являются свидетельствами совершенно противоположного к ней отношения: «...Что их всѣхъ государь не жалуетъ (великихъ родовъ) безчестит а прибли(жаетъ къ себе мо)лодых людей а нас ими те(снитъ да и тѣ)мъ нас истеснил ся что (женилс)я у боярина у своего до(чер взялъ пон)ял робу свою и намъ как (служити) своей сестрѣ и иные поно(сителныя с)лова ...говорил и приказывалъ...» [Полное собрание русских летописей, 1965, с. 237 (прим. 4)].[10] По словам Р.Г. Скрынникова, «первый брак царя шокировал титулованную знать» [Скрынников, 1992, с. 140]. Современная экспертиза останков царицы, на которых были обнаружены ядовитые соли ртути, дает повод предположить, что Грозный, возможно, верно оценил обстановку недоброжелательности вокруг своей жены.[11] Показательно, что в Третьем послании царю (1579 г.) князь Курбский отрицает свою причастность к «очарованию» (порчи, сглазу) и смерти царицы, намекая даже на свое родство с ней, но никак не комментирует предъявленные Иваном Грозным обвинения в унизительных сравнениях царицы с женами — символами бесчестья и распутства. Легендарно-исторический сюжет, отразившийся в агиографическом жанре, стал востребован деятелями одного круга. Обращение сразу нескольких лиц к сюжету из Жития Иоанна Златоуста дает основания для предположения, что он был актуален и к нему прибегали, возможно, для иносказательных оценок лиц и событий современности, которые открыто обсуждать было небезопасно.

Приведенный выше упрек Грозного своим подданным, опальным или уже бывшим, об уподоблении Анастасии *нечестивым царицам* остался без комментариев исследователей. Кого подразумевал под

[9] Латухинская Степенная книга повторяет эти сообщения, см.: [Латухинская Степенная книга, 2012, с. 537].

[10] См. о возможном восприятии знатными княжескими родами брака Ивана IV с дочерью боярина: [Bogatyrev, 2007, p. 278; Курбский, 2015, с. 636].

[11] См. подробно о предполагаемых причинах кончины царицы Анастасии [Панова и др., 2019; Филюшкин, 2007, с. 421–424].

«нечестивыми царицами» Грозный, а вернее, кому именно уподобляли царицу его недруги? По-видимому, речь идет о «нечестивых царицах» из Священного Писания, которые были подобраны по аналогии их преступных деяний Иоанном Златоустом в отдельной орации. В славянском переводе орация носит название «Слово на усекновение честныя главы святаго и славнаго Пророка и Крестителя Иоанна Предтечи» и входит в круг уставных чтений на 29 августа. В Житии Иоанна Златоуста, приписываемом Георгию I, Патриарху Александрийскому (620–630),[12] переведенном в IX в. на славянский,[13] читается только начало этого Слова: «Пакы Иродиа бѣсится, паки мятется, паки пляшеть, пакы главы Иоанновы просить на блюдѣ взяти, и проче» [Великие Минеи Четии, 1899, стб. 1061]. Это запоминающееся начало было знакомо древнерусскому человеку по стихире на Службе «Усекновению честныя главы Иоанна Прдетечи» 29 августа, — стихира 6 гласа на «Господи, воззвах», которая исполняется и по сей день: «Паки Иродиа бѣсится, пакы смущается! О, плясаниа льстивно и пиръ с лестию! Крѣститель усекашеся и Ирод смущашеся. Молитвами, Господи, твоего Предтечи, миръ подаждь душам нашим».[14]

Иоанн Предтеча — небесный покровитель родившегося 25 августа Ивана Грозного, поэтому праздник 29 августа, несомненно, был для царской семьи и всего московского государства особым. Те, кто уподоблял Анастасию «всем нечестивым царицам», прекрасно знали, что Ивану Грозному хорошо известна эта безжалостная, запоминающаяся благодаря энергичному ритму проповедь, читавшаяся в день его собственных именин. Орация Иоанна Златоуста содержит библейские подобия, в один ряд встают «нечестивые царицы» Иродиада, Иезавель, Далида — высокопоставленные женщины, причастные к убийству, гонениям и предательству святых мужей. «Слово на усекновение честныя главы Иоанна Предтечи» вошло в Великие Минеи Четии митрополита Макария: «Паки *Иродия* бѣсится, пакы мя-

---

[12] Это одно из нескольких греческих Житий константинопольского епископа и единственное получившее распространение в древнерусской книжности [Bibliotheca hagiographica graeca, 1909, № 873; Clavis Patrum Graecorum, 1979, № 7979], изд. на греч.: [Douze récits byzantins, 1977, p. 68–285].

[13] Житие вошло в Великие Минеи Четии на 13 ноября в самой распространенной, по-видимому, до XVII в. редакции. О разных точках зрения на авторство Жития Иоанна Златоуста, переведенного на славянский, см.: [А.А.В., 2006, с. 41]. На славянском издано в составе Великих Миней: [Великие Минеи Четии, 1899, стб. 898–1131] и как приложение к Маргариту (М., 1641, л. 1–206 об. вт. сч.). Научное издание славянского перевода, начатое немецким исследователем Эрнестом Ханзаком, не было закончено, вышло только три тома: [Hansack, 1975, 1980, 1984].

[14] Служба на Усекновение честныя главы святаго и славнаго Пророка и Крестителя Иоанна Предтечи, цит. по: РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 593 (Минея служебная, август), втор. пол. XVI в., л. 168.

тется, пакы просить главы Иоанна Крестителя, безаконнаа от Ирода усѣкьнути, паки *Езавель* приходить, просящи Науфеова винограда разграбить и святаго Илью на гору прогнать... Китъ Иону пророка воутробѣ снабдѣ, *Далида* же, Самсона остригши, иноплеменникомь предасть...».[15]

В Минеях Четьих под 29 августа это Слово переписывалось в разных редакциях,[16] входило в состав сборников минейного типа,[17] Торжественников,[18] Златоструев.[19] Под 20 ноября его зачало («Пакы Иродья беситься, паки мятется...») цитировалось в составе чтения «О изгнаньи Иоана Златоустаго» в Прологах,[20] в Минеях Четьих [Великие Минеи Четии, 1914, стб. 2972], а также упоминалось в Хронике Георгия Амартола [Истрин, 1920, с. 394]. На 19 ноября читался фрагмент Жития о присвоении Евдоксией виноградника Феогноста и сравнении ее с Иезавелью[21].

Согласно сюжету Жития Иоанна Златоуста, орация «Паки Иродия бѣсится, пакы мятется...» была произнесена после возвращения святителя из первой ссылки в Константинополь, когда он стал свидетелем установки серебряной статуи императрицы («ни близко, ни далеко от церкви называемой Святой Софии») и торжеств по этому случаю. Событийный контекст Жития способствует проекции гонений на Иоанна Златоуста со стороны царицы Евдоксии на все три библейские истории с нечестивыми женами и гонимыми ими святыми мужами. Возможно, топика златоустовского «Слова на усекновение честныя главы Иоанна Предтечи» послужила появлению «сомнительного» фрагмента в достаточно позднем Житии. В Житии авторства Георгия Александрийского, переведенного на славянский, говорится, что Иоанн Златоуст, придя в императорский дворец просить за вдову Феогноста и получив отказ, предупреждает Евдоксию,

---

[15] ГИМ, Синодальное собр., № 997, л. 1125 (Великие Минеи Четии, Успенский комплект, 29 августа). Другая редакция этого слова читается, например, в Минее Германа Тулупова 1627 г. (РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 681, л. 751–762).

[16] См., например, четыре редакции Слова на усекновение главы Иоанна Предтечи в списке Минеи Нифонта Кормилицына (РГАДА, ф. 201 (собр. Оболенского), № 53) [Каталог, 2014, с. 132].

[17] См., например, сборник XVI в. РГБ, ф. 304/I (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 785, л. 371–377.

[18] См.: [Гранстрем, Творогов, Валевичюс, 1998, с. 169–170].

[19] Учтено в работе [Милтенов, 2013, с. 50].

[20] Учтены списки XIV–XV вв. с этим Словом в работах [Славяно-русские рукописи, 2015, с. 94, 133; Творогов, 2014, с. 300].

[21] Фрагмент чтения 19 ноября из Жития назван в Прологе «Слово Иоанна Златоустаго, яко не подобаеть отнимати чюжаго имѣниа и обидѣти въдовиць» (нач.: «Въ Констянтинѣ градѣ бяше мужь боляринъ именемъ Феогностъ...» [Славяно-русские рукописи, 2015, с. 94 и др.].

что ей грозит стать новой Иезавелью: «Да не мози тако сотворити, да тебе не прозовут новую Иезавель и приобрящеши клятву равну той клятвѣ» [Великие Минеи Четии, 1899, стб. 1016]. Исследователи спорят о том, когда было положено начало этим дерзким уподоблениям: было ли это сравнение делом рук недругов святителя еще при его жизни с целью нагнетания конфликта с императорской семьей или все же Иоанн Златоуст позволил себе, защищая вдову, подобное обличение, или же это всего лишь поздние легенды.[22] Именно в связи с резкостью уподоблений, известных не только по Житию Григория I Александрийского, но и по другим источникам разной исторической достоверности, исследователи в настоящее время ставят под сомнение подлинность «Слова на усекновение главы Иоанна Предтечи» и приписывают его анонимному сочинителю.[23]. Этот вывод кажется спорным, поскольку гомилия соответствует ораторскому стилю святителя и эмоциональной составляющей его наследия, вне контекста конфликта 403–404 гг. в нем невозможно найти ничего непозволительного по отношению к императрице: никаких прямых коннотаций с жизнью святителя оно не содержит.

В славянской традиции «Слово на усекновение главы Иоанна Предтечи» могло переписываться под заглавием «Слово на злых жен» [Милтенов, 2013, с. 50], что коррелирует с грозненскими *«нечестивыми царицами»*. Примечательно, что аллюзия на эту же проповедь Иоанна Златоуста находится в тексте Степенной книги. Достаточно оригинальным приемом является сравнение Марфы Борецкой с теми же самыми нечестивыми царицами, с которыми недруги царя сравнивали Анастасию, но к ним уже добавлена и Евдоксия как гонительница Златоуста! Автор этой идеи — по-видимому, главный автор-составитель Степенной книги, духовник Ивана Грозного, старец Чудова монастыря, а затем московский митрополит Афанасий (1564–1566 гг.) — продолжил ряд «нечестивых цариц» на основании того же приема уподобления: «И тако мысляше, нача прелщати весь народъ православиа Великии Новъградъ, хотя отвести отъ великаго князя... якоже древняя *Иезавель*, иже многихъ убиваше, пророчествующихъ о имени Господни... Такоже и другая подобна еи, беззакон-

[22] О разных точках зрения на достоверность истории с виноградником вдовы и обличениях Иоанном Златоустом императрицы см.: [Балаховская, 2013].

[23] Гомилия на усекновение главы Предтечи и Крестителя Иоанна и об Иродиаде (Clavis Patrum Graecorum, 1979, № 4570; Patrologiae, 1862, col. 485–490) приписывается анонимному автору каппадокийского происхождения. Современники Златоуста Сократ и Созомен уже после гибели святителя ссылались на нее как принадлежащую его творчеству. Столь уничижительные аллюзии на супругу императора были, по мнению исследователей, при ее жизни невозможны и за них грозила смертная казнь, см.: [Казачков, 2010, с. 160, 170; Войку, 2010, с. 200].

ная *Иродиа*, жена Филиппа царя, обличена Крестителемъ Господнимъ Иоанном о безаконии... К сим же равно и *Евдоксия* царици таково же зло сътвори всемирнаго свѣтилника великаго *Иоанна Златоустаго*, Патриарха Царствующаго града, с престола съгна и въ Армены заточи... Такоже и *Далида* окаянная, беззакония ради ея, мужа своего Сампсона свята и храбра не пощадѣ, но лестию остригши, иноплеменникомъ предаде» [Степенная книга, 2008, с. 225].

Показательным является и новый перевод «Слова на усекновение главы Иоанна Предтечи», выполненный князем Курбским для Нового Маргарита. Князь использовал лексику стихиры из Службы на Усекновение честныя главы Иоанна Предтечи (см. ее полный текст выше), главный смысл которой: от лютости женщины *смутился* (в значении 'пришел в смятение'[24]) даже царь Ирод. Курбский развивает эту тему, гиперболизирует: в смятение от такого деяния приходит все существо человека, все его органы («Днесь намъ Иоанново преподобие, Иродова лютость, егда възвѣщалася, *смутилися* внутръные, серца восътрепетали, зракъ помрачился, разумъ притупился, слухъ скутался» [Kurbskij, 1982–1985, S. 167]. Перевод этого слова князь дважды использует в «Истории о делах великого князя Московского» [Курбский, 2015, с. 18, 19, 130, 490, 651; Калугин, 1998, с. 67, 69]. Отметим, что цитируя один и тот же фрагмент, Курбский называет орацию Иоанна Златоуста по-разному, в зависимости от того, с какой целью она цитируется: при рассуждении о «законопреступном» и «сладострастном» зачатии и рождении Ивана IV — «Словом о женѣ злой» (которое ему, конечно, было известно в московской книжности, например, в Златоструях): «Яко рече Иоаннъ Златоустый во Словѣ о женѣ злой», а при обвинении царя в убийстве митрополита Филиппа, уподобленного им Иоанну Крестителю, — «Словом о Ироде»: «...Да прочтет величество твое во слове златовѣщательными устнами изреченном о Ироде...».

Житие Иоанна Златоуста становится источником образов, сюжетов, метафор для царя и его современников. В первом ответном послании Курбскому царь дословно цитирует знаменитое прощальное слово Иоанна Златоуста к пастве перед первой ссылкой:

> Человече, останися рати...: аще убо с человеком борешися, то одолеет тя, или одолееши; аще убо с церковью борешися, то всяко одолеет тя... да ся пенит море и бесит, но Исусова корабля не может потопити... [Переписка Ивана Грозного, 1981, с. 18, 384].

---

[24] «Смутитися. 3. Взволноваться, прийти в смятение, смутиться», «Смущатися (съ-). 2. Волноваться, беспокоиться; сомневаться; пребывать в смятении» [Словарь русского языка, 2000, с. 219, 223].

По предположению Я.С. Лурье, цитаты для Первого послания Грозного выписывали из Великих Миней Четьих секретари царя. Нет сомнений в том, что у царя были помощники, но указания на то, что именно выписывать и из каких сочинений, мог давать только сам автор, обладавший, как известно, прекрасной памятью. Начитанность Ивана Грозного не оставляет сомнений в отличном знании сочинений Иоанна Златоуста. Известен и один побывавший в руках царя сборник со словами святителя — это рукопись круга Новгородского архиепископа Геннадия, переписанная повелением новгородского владыки, — Маргарит 1491 г. (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 4/9).[25] Текстологические сопоставления этого списка Маргарита с посланиями царя могут дать интересные результаты.

Сама фигура великого святителя становится для современников Грозного примером пастырского служения, образцом для проецирования поступков, судеб деятелей эпохи. Так, повествуя о судьбе благовещенского священника Сильвестра и суде над ним, Курбский определенно проводит аналогию с судом над Иоанном Златоустом. Писатель располагал сведениями, что суд над Адашевым и Сильвестром прошел без их присутствия и указал на явную аналогию — суд «у Дуба» над Иоанном Златоустом, который состоялся без главного обвиняемого:

> ...И оттуды похватиша его и завезоша на Соловки, и аже прежде рѣхомъ, идѣже бы и слухъ его не обрѣлся, похваляющесь, аки бы то соборне осудиша его, мужа нарочитого и готоваго отвещати на клеветы. Гдѣ таков суд слышан под солнцем, без очевисного вѣщания? Яко и Златоустый пишет во епистолии своеи ко Инокентию, папе римскому, нарекающе на Феофила и на царицу, и на все соборище его о неправедномъ изгнанию своем... [Курбский, 2015, с. 124].

В главе, посвященной Феодориту Кольскому, в связи с введением преподобным строгой аскетической жизни в Спасо-Евфимиеве монастыре, неприемлемой и непривычной для местной братии, князь также вспоминает Иоанна Златоуста, окруженного заговорами: «А сихъ ради, яко глаголетъ Златаустыи, сопротивна правда неправде, милосердию лютость, воздержанию невоздержание, трезвости пьянство и

[25] Маргарит находился в составе книг «государьского дания», которые одни исследователи считают принадлежностью библиотеки Ивана Грозного, а другие — имуществом священника Сильвестра. Мы более склонны считать, что Иван Грозный пользовался книгами из монастырской казны Кирилло-Белозерского монастыря, в том числе Маргаритом 1491 г. См. обзор мнений: [Сапожникова, 2013, с. 26–43].

прочие. Того ради, ненавидяще его яко мниси, такъ и епископъ грацкий» [Курбский, 2015, с. 196, 198].[26]

По-видимому, в кругу Ивана Грозного имело место проецирование современников на персонажи памятников книжности, в том числе Жития Иоанна Златоуста. Уподобления, отрывочно зафиксированные в нарративных текстах, представляют исключительно большой интерес. На наш взгляд, это отражение своего рода литературной игры при дворе образованного царя, когда престижно читать, цитировать и узнавать цитаты, обсуждать, поддерживать с государем беседу на равных. Игра эрудитов приводит к уподоблениям себя и друг друга историческим персонам и литературным персонажам. Возможно, перформансы Ивана Грозного — это часть такой игры, которая культивировалась царем и была понятна приближенным, не являвшимися просто зрителями. Невозможно не согласиться с О.В. Чумичевой в том, что «публичное поведение Ивана Грозного может и должно стать предметом самостоятельного исследования, причем — на всем протяжении его царствования, без резкого противопоставления “традиционного” и “маргинального”, с использованием источников разных типов, но с главным фокусом на том, какой смысл содержался в последовательности “иконических перформансов”, созданных царем, а на ранних порах и митрополитом Макарием, и обращенных как к “своим” подданным, так и к представителем “внешнего, иноземного и иноверного мира”» [Чумичева, 2011, с. 509–510]. Представляется, что тон для данного типа общения и литературной игры задавал не только царь — действительно, нельзя не видеть в митрополите Макарии вдохновителя царя и воспитателя его вкусов. В.В. Калугин показал, как, «подобно своему наставнику митрополиту Макарию», Грозный любил приводить обширные сведения по заинтересовавшему его вопросу, что стало поводом для сарказма его адресатов, однако на самом деле свидетельствует о фундаментальном погружении в тему и виртуозном приспособлении книжных сюжетов для аналогий с современными событиями: «...У Грозного библейский сюжет переосмыслен и приспособлен к задачам острополемической публицистики». [Калугин, 1998, с. 230] Напомним, что псковский пресвитер, писатель Василий-Варлаам, работавший по поручению митрополита Макария над созданием новых редакций Житий русских святых для Великих Миней, ввел в сочинение о Савве Крыпецком сравнение своего патрона с Иоанном Златоустом: «И посем многи главизны добро добродетелныя написав о церковном исправлении и о утвержении

[26] Приведенные примеры — лишь фрагменты из общей картины обращения к Житию Иоанна Златоуста в эпоху Ивана Грозного. Эта тема обширна и требует отдельного исследования.

веры христианьскиа, *якоже вторый Златауст*, учением и правою верою въсиа в Руской земли сей святейший Макарие и Духа Святаго исполненый чюдный муж» [Охотникова, 2007, с. 371]. Традиционное для средневековой литературы уподобление, примененное в данном случае для характеристики современника и, к тому же, образу огромного для православного мира значения, не кажется заурядным. Не кажется оно и случайным. Василий-Варлаам вряд ли исключительно по собственной инициативе решился бы на столь лестное и ко многому обязывающее уподобление русского митрополита Отцу Церкви: таковы были сознательные установки эпохи и самого главы Русской Церкви.[27]

На примере одного сюжета видно, что Грозный и его современники хорошо знали Житие Иоанна Златоуста, использовали историю о винограднике «вдовицы» в полемических и литературных целях и даже в качестве источника проекций на современников и оппонентов. Царь Иван Грозный, князь Андрей Курбский, священник Сильвестр, митрополит Афанасий и, вероятно, еще другие лица, например, из неназванных царем недоброжелателей его супруги и «невежд», толкующих иначе, нежели он, сюжеты Священного Предания, — использовали в устном общении особый язык для интерпретации современных событий: язык книжных образов, уподоблений, проекций, аллюзий, цитат, с абстрактной и заимствованной лексикой, государственной терминологией.[28] Можно говорить в данном случае о престижном языке элиты, социальной группы, состав которой обусловлен не только родовитостью и местом в государственной иерархии, но начитанностью и знаниями. Способность говорить на одном языке с образованным государем, который «бысть же словесной премудрости ритеръ, естествословенъ, и смышлениемъ быстроуменъ»,[29] соответствовать его стилю общения становится маркером принадлежности к числу избранных, самому близкому его кругу. «“Обличай праведнаго, и возлюбитъ тя”. Прочие же, послѣдующие стихи умолчю: возлагающе ихъ царьской совести твоей, вѣдуще тя Священнаго Писания искуснаго» [Переписка Ивана Грозного, 1981, с. 108].

---

[27] Самым правдоподобным уподоблением Иоанну Златоусту в русской культуре стало уподобление другого современника Ивана Грозного — митрополита Филиппа (Колычева) [Сапожникова, 2019б].

[28] См. постановку проблемы: [Сапожникова, 2019а].

[29] Цитата из Хронографа 1617 г., по изд.: [Попов, 1869, с. 183].

Список литературы

А.А.В. Григорий I // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 606–607.

Балаховская А.С. Легенда о винограднике вдовы Феогноста в агиографии свв. Иоанна Златоуста: Pro et contra // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2013. Вып. 2 (32). С. 7–20.

Балаховская А.С. Предисловие // Древние жития святителя Иоанна Златоуста: Тексты и комментарий. М., 2007. С. 7–56.

Войку С. Иоанн Златоуст: Приписываемые [сочинения] // Православная энциклопедия. Т. 24. М.: Православная энциклопедия, 2010. С. 199–204.

Казачков Ю.А. Иоанн Златоуст: Жизнь // Православная энциклопедия. Т. 24. М., 2010. С. 159–179.

Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный: Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. 415 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. 5-е изд. Кн. 3. Т. 9. СПб., 1843. 740 с.

Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 214–249.

Милтенов Я. Златоструй: Старобългарски хомилетичен свод, създаден по инициатива на българския цар Симеон: Текстологическо и извороведско изследване. София, 2013. 552 с.

Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969. 555 с.

Николаева М.В. О некоторых источниках «Подробной летописи» («Синопсис», «Сказание о граде Славенске») // ТОДРЛ. Т. 24. Л., 1969. С. 344–348.

Охотникова В.И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты. Т. 2: Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. СПб., 2007. 771 с.

Панова Т.Д., Дмитриев А.Ю., Борзаков С.Б. и др. Установление содержания токсичных элементов в волосах первой русской царицы Анастасии Романовны // Токсикологический вестник. 2019. № 3 (156). С. 8–12.

Сапожникова О.С. Арго двора Ивана Грозного и автор Жития митрополита Филиппа // Комплексный подход в изучении Древней Руси: Материалы 10-й Международной научной конференции 9–13 сентября 2019 года, Москва, Россия. М., 2019а. С. 175–176.

Сапожникова О.С. Житие Иоанна Златоуста как источник раннего текста Жития митрополита Филиппа // Вестник «Альянс-Археo». Вып. 30. М.; СПб., 2019б. С. 46–69.

Сапожникова О.С. Из истории Софийского сборника // Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / Изд. подгот. Г.С. Баранкова, Н.В. Савельева, О.С. Сапожникова. М.; СПб., 2013. С. 26–43.

Сиренов А.В. О послании Сильвестра князю А.Б. Горбатому-Шуйскому // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 109–119.

Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. 545 с.

Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. 571 с.

Славяно-русские рукописи Библиотеки Российской Академии наук. Описание рукописей XV в. Вып. 2: Прологи. Ч. 1: Сентябрьская половина года / Сост. О.П. Лихачева. СПб., 2015. 419 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1960. 815 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 7–8. М., 1960. 778 с.

Творогов О.В. Описание состава Пространной редакции Пролога по спискам XIV–XVвеков. Часть 1: Пролог за сентябрь-февраль // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 354–458.

Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям А. Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. 620 с.

Чумичева О.В. Иконические перформансы Ивана Грозного: Трансформация идеи царской власти // Пространственные иконы: Перформативное в Византии и Древней Руси. М., 2011. С. 508–532.

Bogatyrev S. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Therrible, the Dynasty, and the Church // Slavonic and East-European Review. 2007. Vol. 85. № 2 (April). P. 271–293.

Kurbskij A.M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. von I. Auerbach. Bd. 2. Lfg. 6–8. Giessen, 1982–1985. 159–255 S.

Madariaga I., de. Ivan the Terrible First Tsar of Russia. New Haven; London, 2005. 484 p.

Список опубликованных источников

Великие Минеи Четии. Ноябрь. Дни 13–15. М., 1899. 885–2060 стб.

Великие Минеи Четии. Ноябрь. Дни 16–22. М., 1914. 2061–3108 стб.

Горсей Дж. Записки о Московии XVI в. / Пер. с англ. Н.А. Белозерской, с предисл. и примеч. Н.И. Костомарова. СПб., 1909. 159 с.

Гранстрем Е.Э., Творогов О.В., Валевичюс А. Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI вв.: Каталог гомилий. СПб., 1998. 211 с.

Из неизданных памятников древней русской литературы. 1. Послание Патриарха Иова к грузинскому митрополиту Николаю. 2. Учительные послания священника Московского Благовещенского собора Сильвестра к Казанскому воеводе Шуйскому-Горбатому / С предисл. и прим. Н. Барсова. СПб., 1872. 36 + 40 с.

Истрин В.М. Книги временные и образованые Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг., 1920. 612 с.

Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. Вып. 2: Лествица — Пчела. М., 2014. 979 с.

Курбский А.М. История о делах великого князя московского / Подгот. К.Ю. Ерусалимский; пер. А.А. Алексеева. М., 2015. 942 с.

Латухинская Степенная книга 1676 г. / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, А.В. Сиренов. М., 2012. 880 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1981. 631 с.

Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии. Ч. 3. СПб., 1799. 327 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 13: Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. 532 с.

Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. 541 с.

Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье, пер. и комм. Я.С. Лурье. М.; Л., 1951. 716 с.

Послания старца Артемия, XVI в. // Памятники полемической литературы в Западной Руси. Кн. 1. СПб., 1878. Стб. 1201–1448. (Русская историческая библиотека. Т. 4).

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25: Скорынья — Снулый. М., 2000. 274 с.

Сочинения Андрея Курбского. Второе послание Вассиану Муромцеву / Подгот. текста, перевод и коммент. А.А. Цехановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. С. 498–514, 672–674 (комментарий).

Сочинения Андрея Курбского. Третье послание Вассиану Муромцеву / Подгот. текста, перевод и коммент. А.А. Цехановича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб., 2001. С. 515–519, 674–675 (комментарий).
Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные. СПб., 1914. 622 с. (Русская историческая библиотека. Т. 31).
Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Т. 2. М., 2008. 563 с.
Bibliotheca hagiographica graeca / Ed. Socii Bollandiani. Ed. 2. Bruxelles, 1909. 299 p.
Clavis Patrum Graecorum. Vol. 2: Ab Athanasio ad Chrysostomum. Turnhout, 1974. 273 p.
Clavis Patrum Graecorum. Vol. 3: A Cyrillo Alexandrino ad Iohannem Damascenum. Turnhout, 1979. 630 p.
Douze récits byzantins sur Saint Jean Chrysostome / Ed. F. Halkin. Bruxelles, 1977. 564 p.
Hansack E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Würzburg, 1975. Bd. 1. 255 S. (Monumenta linguae slavicae: Dialecti veteris. Bd. 10).
Hansack E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Bd. 2. Freiburg-im-Breisgau, 1980. 396 S. (Monumenta linguae slavicae: Dialecti veteris. Bd. 13).
Hansack E. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Bd. 3. Freiburg-im-Breisgau, 1984. 266 S. (Monumenta linguae slavicae: Dialecti veteris. Bd. 18).
Patrologiae cursus completus [Series Graeca] / Accurante J.-P. Migne. Vol. 59. Paris, 1862. 776 col.

УДК 94(47).035

И.М. Грицевская
Новосибирское высшее военное командное училище

Почитание Петра, митрополита Московского, по данным месяцесловов Иерусалимских уставов XV в.

Статья посвящена изучению отражения процесса канонизации Петра, митрополита Московского, в уставных месяцесловах. Систематически память этого святого впервые появляется на 21 декабря в одной из редакций Иерусалимского устава, наиболее ранние списки которой восходят к 20-м годам XV в. Более ранние упоминания митрополита Петра в Иерусалимских месяцесловах (на 20 и на 21 декабря) носят спорадический характер и являются скорее записями о преставлении, чем месяцесловной памятью святому. Парадоксальным фактом является тверское и новгородское происхождение наиболее ранних списков редакции, впервые устойчиво включающей память не просто одного из московских святых, но символа московской кафедры и Москвы как важного центра Православия.

Ключевые слова: Иерусалимский устав на Руси, месяцесловы Иерусалимского устава, канонизация русских святых, Петр, митрополит Московский.

Развитие поклонения святым, возникновение и формирование их почитания является важнейшей проблемой в изучении культуры Древней Руси. В его процессе создавались различные тексты, литургические и четьи, писались иконы, строились храмы. Поэтому представляется необходимым проследить детали развития культов, их генерации и продвижения, политические и культурные предпосылки их появления.

Данная статья посвящена одному из аспектов формирования почитания Петра, митрополита Московского, а именно присутствию памяти святого в месяцесловах Иерусалимских уставов XIV–XV вв.

Митрополит Петр, как известно, был ключевой фигурой в московском пантеоне, с ним связано политическое возвышение Москвы. У его гроба рукополагались московские иерархи, его посох являлся их важной реликвией. В разного рода актах Московская кафедра отождествлялась с митрополитом Петром. Официальная его канонизация была установлена в 1339 г. митрополитом Феогностом. Служба Петру составлена митрополитом Киприаном в конце XV в. [Голубинский, 1900, с. 138–142, 151–152; Дробленкова, Прохоров, 1988, с. 466].

А.Г. Мельник, исследовавший признаки развития почитания митрополита Петра на раннем этапе, считает появление памяти святого

© Грицевская И.М., 2020

в месяцеслове наименее важным элементом развития культа [Мельник, 2016], наряду с наличием текстов жития и служб святому. По мнению исследователя, «наличие этих последних произведений не может указывать на то, что почитание святого поднялось в соответствующем центре выше формального уровня. Тогда как икона предполагает активное молитвенное обращение к изображенному на ней святому и, следовательно, свидетельствует о значительном развитии его культа в месте нахождения этого образа» [Мельник, 2016, с. 6]. Но самый значимый показатель сформированности культа в каком-либо регионе, по мнению А.Г. Мельника, — это появление соответствующего храма. В обзоре наиболее ранних храмов, посвященных митрополиту Петру, исследователь указал, что старший из известных нам был воздвигнут на Новгородском владычном дворе (1416 г.). По-видимому, храм митрополиту Петру имелся в середине XV в. в Спасо-Каменном монастыре. Наиболее ранний известный московский храм на подворье Угрешского монастыря относится лишь к 1480 г. Наиболее древняя икона митрополита Петра происходит из Твери. Более позднее происхождение (конец XV в.) имеют иконы из Новгорода, Москвы, Кирилло-Белозерского, Троице-Сергиева монастырей, а также из приходской церкви в Угличе. Обратив внимание на тот факт, что ранние храмы и иконы московскому святому появляются в Новгороде и Твери, исследователь объясняет это сервильностью в отношении сильного политического центра.

Нам представляется, что мысль А.Г. Мельника относительно малой значимости данных книжности (память в месяцесловах, создание служб и песнопений) является неоправданной. Во всяком случае, изучение материалов Иерусалимских месяцесловов, связанных с историей развития культа Петра, подтверждает некоторые из выводов исследователя.

Как же возникновение и развитие поклонения Петру отразилось в месяцесловах?

Согласно материалам О.А. Лосевой, в доиерусалимских месяцесловах память Петра, митрополита Московского, не отражена [Лосева, 2001, с. 112]. Указанные ею месяцесловы, включающие память этому святому, относятся только к иерусалимской традиции.

Отражение почитания Петра в месяцесловах из самых ранних версий Иерусалимского устава отмечено еще в труде архиепископа Сергия [Сергий (Спасский), 1875, с. 136–137] и подробно исследовано А.М. Пентковским [Пентковский, 1993, с. 221–223]. А.М. Пентковский рассмотрел запись о митрополите Петре на 20 декабря в версии месяцеслова из устава ГИМ, Синодальное собр., № 329, конца XIV в. (далее Син. 329), формирование которой связывается иссле-

дователем с деятельностью митрополита Алексия. Здесь, как пишет А.М. Пентковский, имеется лишь запись о преставлении Петра, но нет богослужебных указаний на поминание этого святого. Исследователь указывает, что в последующих уставах (например, в ГИМ, Успенское собр., № 5п, около 1423 г.; далее Усп. 5п) дата изменяется, и Петр поминается не 20, а 21 декабря, что объясняется стремлением ликвидировать литургическую «перегруженность» 20 декабря, содержащую традиционно связанные службы Игнатию Богоносцу и Предпразднество Рождества Христова. Также А.М. Пентковский отмечает чередование в разных редакциях Жития святого даты его кончины — 20/21 декабря. В наиболее ранних списках первой редакции Жития дата смерти 20 декабря; в более поздних списках, а также в службе, составленной Киприаном, дата смерти святителя 21 декабря.

А.М. Пентковский считает, что появление имени Петра, митрополита Московского, в месяцеслове свидетельствует о московском происхождении памятника [Пентковский, 1993, с. 222], поскольку отражает стремление Москвы к политическому возвышению.[1]

Представляется необходимым несколько уточнить и развить важные положения, высказанные исследователем.

Чтобы понять специфику и детали введения памяти Петра митрополита Московского в Иерусалимский устав, необходимо обратиться к истории этого Устава на Руси на протяжении XIV–XV в.

Вероятно, появление имени Петра в месяцесловах Иерусалимского устава в русском переводе XIV в. не было характерно для архетипа этого памятника. Запись о Петре появляется лишь в одном из древнейших списков этой версии — Син. 329, в другом списке (ГИМ, Синодальное собр., № 328, конец XIV в., далее Син. 328) этой записи нет. При этом формулировка записи не указывает на уже состоявшуюся канонизацию, Петр не назван святым и не назван лик святых, к которому он причислен. Запись выглядит как подготовительный этап канонизации, существовавший до жития и службы. Это сообщение о смерти, об основных деяниях и чудесах у гроба: «В тъ ж день преставися преосвященыи митрополит Петр всея Руси в 3 час нощи в лѣто 6834. Пас церковь Божию лет 18 и 6 месяци и положен бысть в граде Москве в церкви Успенея святыя Богородица иже бѣ сам создал. Подают исцеления честныя его мощи и до сего дни приходящим с верою».

[1] А.М. Пентковский отмечает наличие поминания митрополита Петра не только в месяцеслове Иерусалимского устава, но также в новом (по Иерусалимскому типу) Уставе Божественной Литургии. Данные поминания, как пишет исследователь, способствовали тому, что «Москва становилась как бы престолом святителя Петра, предвосхищая тем самым последующее ее самоотождествление с Третьим Римом» [Пентковский, 1993, с. 231].

Однако основным типом Иерусалимского устава, в дальнейшем распространявшимся на Руси, стала отнюдь не та версия, которая представлена в Син. 238 и Син. 239. В качестве базового для дальнейшего развития устава на Руси исследователи указали версию, имеющуюся в ряде болгарских и сербских списков XIV–XVI вв. [Пентковский, 2003, с. 222; Пентковская, 2018, с. 86–101; Савић, 2014; Грицевская, 2019] Минимальное количество памятей в месяцесловах из южнославянских списков версии — 458, среди которых нет славянских. Формирование как славянского, так и русского пантеонов в русских списках месяцеслова начиналось с чистого листа.

По нашим наблюдениям [Грицевская, 2019], на основании месяцеслова из южнославянского типика была создана не дошедшая до нас инвариантная редакция, от которой и отталкивались две основные редакции Иерусалимского устава, распространившиеся впоследствии на Руси. Специфика этой редакции в добавлении к репертуару памятей южнославянского типика еще одиннадцати памятей, среди которых четыре русских (кн. Бориса и Глеба на 24 июля, кн. Владимира на 15 июля, Феодосия Печерского на 3 мая и Николая Мирликийского на 9 мая) и одна южнославянская (преп. Параскевы на 14 октября).

Списков инвариантной редакции до нас не дошло. Однако на ее основе возникли две редакции месяцеслова, сохранившие все особенности инвариантной, но добавляющие еще ряд своих. Обе эти редакции совместно можно обозначить как Основной тип русского уставного Иерусалимского месяцеслова. За исключением единичных случаев, только этот тип и был распространен на Руси в XV–XVII вв.[2] Одна из редакций месяцеслова Основного типа входит в редакцию Иерусалимского устава, которую мы будем называть редакцией 44 глав, вторая — в редакцию Иерусалимского устава 67 глав.[3]

В месяцеслове из Устава 67 глав по сравнению с инвариантной редакцией добавлены четыре памяти византийских святых, среди которых Афанасий, Патриарх Царьградский (24 октября). Русских или южнославянских добавлений здесь нет. В месяцеслове из Устава 44 глав добавлены шесть памятей, среди которых одна русская — Петру, митрополиту Московскому (21 декабря), и две сербские — Савве Сербскому (14 января) и Арсению Сербскому (28 октября).

---

[2] Отметим, что помимо Иерусалимского месяцеслова в составе Уставов на Руси распространялись неуставные версии этого же месяцеслова (например, в составе Евангелий), более краткие в сравнении с уставными и восходящие к иному переводу. История поминовения Петра в этом типе месяцесловов нуждается в специальном исследовании.

[3] Подробнее о формировании Иерусалимских уставов Основного типа см.: [Грицевская, 2019; Грицевская, 2020].

Регион распространения редакции 67 глав — центр и северо-восток Руси [Грицевская, 2020]. Это крупные общежительные монастыри, появление которых связано с кругом последователей Сергия Радонежского. Всего известно 20 списков этой редакции XV в., и в месяцесловах лишь в трех из них прибавляется имя митрополита Петра (в двух на 21 декабря и в одном на 20 декабря), что позволяет сделать вывод об отсутствии его в архетипе. Большинство списков XV в. этой редакции происходит из Троице-Сергиева монастыря и из монастырей, связанных ним (РГБ, ф. 256 (собр. Румянцева), № 445 — Савва-Сторожевский монастырь; ГИМ, Музейское собр., № 3496 — Никольский монастырь в Переяславле Залесском; Научная библиотека Казанского университета, № 3643 — Троице-Сергиев монастырь, и пр.)

Хотя в архетипе этой редакции не было упоминания о митрополите Петре, но была память Афанасию Царьградскому. Архиепископ Сергий (Спасский) считал, что Афанасий попал в русский месяцеслов, будучи соименным святым составителю месяцеслова Афанасию из монастыря Ивперевлепто в Констанинополе [Сергий (Спасский), 1875, с. 139]. Но возможно и иное объяснение. Афанасий, Патриарх Константинопольский, в 1308 г. рукоположил Петра в митрополиты Московские и мог рассматриваться как первоисточник святости Московской митрополии.

Как распространялась на Руси редакция Иерусалимского устава 44 глав, в которой, как уже было сказано, впервые на регулярной основе имелась память митрополита Петра с богослужебными указаниями, оформленная именно как память святого, а не как запись о смерти? Ареал распространения в XV в. здесь иной по сравнению с редакцией Иерусалимского устава 67 глав; он не связан с центральным регионом. Начальными пунктами, от которых распространяется редакция 44 глав, являются Тверь и Новгород. Среди наиболее ранних списков имеются два тверских (Усп. 5п, ок. 1423 г.; ГИМ, Синодальное собр., № 331, 1437/38 гг., далее Син. 331). В тверском уставе Син. 331 имеется известная вклейка с записью о суде митрополита Киприана над тверским епископом Евфимием Висленем и поставлении на тверскую кафедру метрополичьего архидьякона, в будущем святого Арсения Тверского [Конявская, 2007].

А.М. Пентковский на основании того, что в месяцеслове Усп. 5п имеются рубрики службы Петру, созданной Киприаном, считает, что именно Киприан и вводил данную редакцию на Руси. Но так ли это? Как известно, Киприан умер в 1406 г., а наиболее ранний список версии датируется ок. 1423 г.

Кроме того, в месяцеслове Киприановой Псалтыри (РГБ, ф. 173.I (Фундаментальное собр. библиотеки МДА), № 142, 2–3 четв. XV в.)[4] службы южнославянским святым были представлены гораздо более широко и систематично. В месяцеслове из Устава 44 глав их выбор кажется случайным (есть Савва Сербский и Арсений Сербский, но нет Симеона Сербского). Возможно, инициатором создания и распространения редакции мог быть поставленный Киприаном на Тверскую кафедру Арсений Тверской (епископ в 1390–1409 гг.). Также им мог быть и следующий епископ Тверской, Илия, выходец из Желтикова монастыря, основанного Арсением, отмеченный в записи на уставе Син. 331 как тот, чьим «благоволением и строением» книга создавалась. В записи на Син. 311 сказано, что Илия «изрядно бо и велие желание имяше на совокупление книжное и на украшение церковное, печалуяся день и нощь строя церковый чин». Таким образом, продвижению этой редакции устава способствовали местные промосковски настроенные архиереи. Петр, митрополит Московский, в месяцеслове, наряду с Феодосием Печерским (символ русского монашества), князьями Борисом и Глебом и князем Владимиром (символ русской православной государственности), свидетельствует об утверждении церковного главенства Москвы.

Важные сведения представляет также и исследование истории появления и распространения устава в Новгороде. Сведения о новом уставе у новгородцев появились тоже именно с подачи Киприана. До нас дошли Киприановы послания в Новгород, с разъяснениями вопросов богослужения в соответствии с Иерусалимским уставом. Однако наиболее ранние новгородские списки устава относятся к редакции 44 глав (БАН, 31.6.8; РНБ, Софийское собр., № 1142). Первый датируется 1456 г., второй — серединой XV в. Как видно, оба списка возникли до потери Новгородом церковной независимости в 1471 г.

Известно, что в Коростынском договоре, завершившем войну Новгорода с Москвой, было сказано, что Новгородские архиепископы отныне будут ставится «у гроба святого Петра чудотворца на Москве». Имя митрополита Петра стало символом потери Новгородом церковной самостоятельности, которой он обладал ранее. Казалось бы, роль месяцеслова, включающего память Петра, очевидна в качестве политического инструмента, продвигающего московскую церковную гегемонию.

Однако не все так просто. И в Твери, и в Новгороде устав вводили местные иерархи. И лишь в случае с Арсением Тверским и его по-

[4] Рукопись, получившая в научной литературе название «Киприанова Псалтырь», была создана после смерти Киприана, но являлась точной копией (вплоть до почерка) собственноручно написанной им книги [Чешко, 1982, с. 91].

следователями это был ставленник Москвы. Евфимий, архиепископ Новгородский, при котором распространялась именно эта редакция устава, имел с Москвой сложные отношения и рукоположен был не Московским митрополитом, а Герасимом Киевским в Смоленске. Тем не менее именно под его руководством и без каких-либо купюр месяцеслов с именем Петра неоднократно копировался в Новгороде. Это показывает неоднозначность и сложность культурных и религиозных взаимоотношений двух крупнейших центров того времени — Москвы и Новгорода.[5]

Представленное соотношение старших видов редакций, распространение их в разных землях Руси дает начало дальнейшему развитию локальных версий уставного Иерусалимского месяцеслова, возникавших и распространявшихся вплоть до середины XVI в., а в некоторых случаях и позднее. Развиваются локальные новгородские, тверские, псковские, смоленские, ростово-ярославские варианты. Однако все они базируются на изначально московской платформе. Чем дальше, тем более очевидно стремление месяцесловов представить синтетический вариант, объединяющий все местные лики святых с несомненным первенством Москвы.

Необходимо при это отметить, что в самой Москве, во всяком случае, до конца XV в. гораздо более распространенным был иной вариант уставного Иерусалимского месяцеслова (с иным святым, который, возможно, мыслился как покровитель Москвы и исток московской святости, — Афанасием Царьградским). Так что версия месяцеслова из Устава 44 глав в XV в. была для Москвы, но вне Москвы. Напомним, что по данным А.Г. Мельника, первые храмы митрополиту Петру также имели новгородское и тверское происхождение. Все представленные факты приводят к выводу о начальном характере и функциях культа митрополита Петра — покровителя объединительной (или колонизационной?) деятельности Москвы.

Список литературы

Голубинский Е. История Русской Церкви. Т. 2: Период второй, Московский: От нашествия Монголов до митрополита Макария включительно. М., 1900. VII, 919 с.

Грицевская И.М. Иерусалимский устав 67 глав («Око церковное») и его месяцеслов: Распространение и развитие на Руси в XV в. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2020. № 1 (79). С. 141–157.

[5] Таким образом, подтверждается недоверие относительно мнения «об антимосковской нацеленности “реставраторской” деятельности Евфимия, будто бы стремившегося к утверждению Великого Новгорода как традиционного центра Православия в противовес Москве» [Шибаев, 2010, с. 433].

Грицевская И.М. Старшие виды месяцесловов Иерусалимских уставов в русской книжности XV в.: Становление и развитие репертуара памятей // Slověne. 2019. № 2. С. 87–112.

Дробленкова Н.Ф., Прохоров Г.М. Киприан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 466.

Конявская Е.Л. Суд над тверским епископом Евфимием и поставление на епископскую кафедру Арсения // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 317–338.

Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. 419 с.

Мельник А.Г. История распространения почитания св. Петра митрополита на Руси в XV–XVI веках // Сообщения Ростовского музея. Вып. 21. Ростов, 2016. С. 5–21.

Пентковская Т.В. Переводы Иерусалимского типикона в славянской традиции: Лингвистический аспект. М., 2018. 158 с.

Пентковский А.М. Иерусалимский устав и его славянские переводы в XIV столетии // Преводите през XIV столетие на Балканите: Доклади от международна конференция. София, 26–28 юни 2003. София, 2004. С. 153–171.

Пентковский А.М. Из истории литургических преобразований в Русской Церкви в третьей четверти XIV столетия // Символ. Вып. 29. Париж, 1993. С. 217–238.

Савић В. Черепишки типик и његово место међу српским типицима // Црквене студије. Бр. 11. Ниш, 2014. С. 577–600.

Сергий (Спасский), архим. Полный месяцеслов Востока. Т. 1: Восточная агиология. М., 1875. XI, 323, 191 с.

Чешко Е.В. Об афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 60–93.

Шибаев М.А. Евфимий II // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2010. С. 432–442.

УДК 9

О.В. Чумичева
Научно-исследовательский центр восточнохристианской культуры, Санкт-Петербург

Пределы зримого. Толкование иконных образов в русской книжности XVI–XVII вв.: Постановка вопроса

Предметом исследования являются толкования иконных образов и отдельных деталей или надписей на иконах, появившиеся на Руси в XVI в. и активно развивавшиеся в XVII в. Речь идет о статьях «толковых иконописных подлинников», «Азбуковников», а также о толкованиях икон в сборниках непостоянного состава, как авторских, так и анонимных. Выявить причины возникновения жанра и его специфику — один из ключевых путей к пониманию более общей проблемы восприятия иконного образа в России XVI–XVII вв. Помимо общего обзора толковых статей, приведен анализ толкований на иконы Максима Грека.

Ключевые слова: восприятие иконного образа в XVI–XVII веках, иконопочитание, иконография, рукописная традиция, иконописные подлинники, Азбуковники, слово и изображение.

Жанр толкований иконных образов и отдельных деталей или надписей на иконах сложился в XVI в. и получил развитие в XVII в. Обычно его связывают с появлением «толковых подлинников», однако подобные или те же тексты присутствуют и в Азбуковниках, и в сборниках смешанного состава. Некоторые тексты имеют указание на авторов, но большинство остается анонимными. Исследователи обращались к отдельным текстам или к тематическим группам как к источникам для изучения различных искусствоведческих или исторических тем, публикуя выдержки или полные статьи. Например, была опубликована обширная подборка текстов толкований образа Софии Премудрости Божией [Брюсова, 2006], однако выборка была довольно случайной, а качество публикации не соответствует научным требованиям, в атрибуции и ссылках на рукописи автор допустила немало ошибок, так что серьезным это издание считать нельзя. Те же тексты использовались для исследования полемики по поводу иконографии Софии Премудрости Божией [Осташенко, 2000; Квливидзе, 1998]. При этом не ставилась задача разобраться в происхождении текстов, их бытовании в рукописной традиции и т.п. Иконописные подлинники не раз привлекали внимание исследователей

© Чумичева О.В., 2020

(см., например: [Маркелов, 2006; Евсеева, 2009]),[1] но специального внимания толковым статьям и их месту в общей традиции не уделялось. Отдельно изучался состав Азбуковников, в том числе и статьи о символике и ее толковании [Ковтун, 1975; Ковтун, 1985], но также тема не была рассмотрена в целостности, а тексты не сопоставлялись с толкованиями иконописных подлинников или другими статьями, существующими отдельно от сборников относительно устойчивого состава. Даже первое знакомство с этим широким кругом источников показывает, что материал выглядит хаотичным и неравномерным по темам и размерам, равно как и по стилистике, однако между разными статьями есть и текстологические пересечения, и своего рода диалог, когда одно толкование по сути является полемическим ответом на другое. В XVII в. фрагменты толкований попадают даже на поле самих икон, что требует внимательного изучения. Данная статья является постановкой вопроса и попыткой очертить общий круг источников и проблем, связанных с восприятием иконного образа русской публикой XVI–XVII вв. Без такого исследования едва ли можно понять, почему отдельные сюжеты вызывали яростную полемику, например, атрибуция символов евангелистов, ставшая в первой половине и середине XVII в. предметом дискуссии, отразившейся в нескольких письменных памятниках, а также в подписях к отдельным символам — орлу и льву [Чумичева, 2000; Чумичева, 2010].

1. Статьи с толкованием иконных образов или их деталей (говоря современным языком, с толкованием иконографии) могут быть по размеру от нескольких строк до большого трактата. Два примера малых текстов:

> *О Благовещении*
>
> Пишется образъ Пресвятые Богородицы в Благовещение, а с нею рабыня. А у Богородицы в руку кубец. А под ногами кладез(ь), а у кладезя лев, зри на Богородицу, да кот, да два орла: един багрян, а вторый облаченъ.
>
> Толк. Из дому Иосифова Богородица поиде почерпсти воды, взем кубецъ, и обрете благодать. Ту явися ей архангел Гавриил и рече: радуйся, обрадованная. Кладез(ь) ей именуется мира сего жизнь. А иже два орла, един багрян, а другий облачен, багряный — ангел-хранитель, а синий — ангел сатанин. А лев — враг, зряше и рыкай на Деву чисту до Благовещения, якоже узрев ангела, диявол падеся, аки кот.
>
> *РНБ, Погодинское собр., № 1558, л. 119 об.*
> *Сборник непостоянного состава*[2]

---

[1] Развитие подлинников или «Ерминий» в греческой среде XVII–XIX вв., имевших влияние на русскую традицию с конца XVII в., см.: [Бенчев, 2008], однако это выходит за хронологические рамки данной статьи.

[2] Сборником непостоянного состава в данном контексте будем называть рукописи, не имеющие устойчивой основы и общего названия типа Иконописный подлинник, Азбуковник.

О напрестольной иконе

Чего ради во всякой // церкви Божии, во алтари, на престоле Пречистые образъ поставляется, а не Христовъ, ни инаго святаго?

Толк. (П)реж бо всех введена бысть юница в церковь Господню, святая святых, и посажена бысть на престоле, и пребысть 12 лет, питаема аггелом, яко голубица чтома.

РНБ, Погодинское собр., № 1558, л. 119 об.–120

В данном случае нет очевидного полемического контекста, тип статей близок к толковым иконописным подлинникам, хотя такие тексты могут бытовать отдельно от них, войти в состав Азбуковника или оказаться в другой подборке по желанию ее составителя; в каждом случае необходимо анализировать конвой и разбираться по возможности с вопросом о причинах интереса книжника к конкретным иконографическим сюжетам.

Примерами пространных толкований могут послужить многие сочинения, принадлежащие перу Зиновия Отенского, Семена Шаховского, Иосифа Владимирова и др. В этих авторских полемических текстах толкования конкретных иконных образов становятся предметом обширного богословского рассуждения, зачастую с примерами конкретных икон и фресковых росписей.[3]

2. С точки зрения тематики можно следующим образом очертить круг толкований: а) статьи о символической иконографии Святой Троицы (Отечество, Совет Предвечный), которые отражают разные этапы актуальной богословской полемики, начатой на рубеже XV–XVI вв. Иосифом Волоцким и продолжавшейся два столетия; б) статьи о символических изображениях Иисуса Христа (Христос-воин, Спас Недреманное Око, и др.), эти темы также становились предметом острой полемики, но некоторые сюжеты представлены только в спокойных по тону толкованиях, а дискуссии нам не известны; в) статьи по иконографии Софии Премудрости Божией (в защиту двух разных пониманий Софии — как образа Христа и как образа Богоматери, Церкви), здесь и острая полемика с выпадами в адрес оппонентов, и описания конкретных икон, и сложные богословские построения; г) разнообразные статьи об аллегорических композициях, достаточно новых для русской публики (вариации иконографических деталей в Сошествии Святого Духа, Неопалимая Купина, и др.); д) статьи о деталях изображений или надписях (приведенный выше пример про «кубец» в руке Богоматери в композиции Благовещения, статья о тороках у ангелов, значение напрестольной иконы, греческие литеры-сокращения, образ «Уныние»/Пьета, и др.); е) статьи-легенды о

[3] О типах статей подробнее см.: [Чумичева, 2017, с. 148–149].

конкретной иконе, подражающие древним византийским сказаниям о чудесах от икон (например, это легенда о сжатом кулаке Иисуса Христа в купольной росписи Софии Новгородской).

Краткие статьи на разные темы могут входить в состав толковых иконописных подлинников, как в виде словесного описания композиции рядом с прорисью, так и в виде объяснения смысла отдельных символов или аллегории в целом. Те же статьи появляются в Азбуковниках, особенно в поздних. Богаче всего такими статьями знаменитый Азбуковник соловецкого книжника Сергия Шелонина.[4]

Однако подборки статей о тех или иных иконографических сюжетах могут носить ярко выраженный полемический характер и служить подготовительными материалами к дискуссии. Самым ярким примером являются сборники непостоянного состава, датированные серединой XVI в., которые, по мнению Е.Б. Емченко, были составлены для митрополита Макария и использованы в его обличении дьяка Ивана Висковатого на соборе 1553 г. [Емченко, Курукин, 1985].[5] Центром полемики стали варианты композиции «Ты еси иерей по чину Мелхиседекову», начатой еще в конце XV в. в связи с возражениями архиепископа Геннадия против псковской иконы такого типа [Голейзовский, 1980, с. 130–140]. Первым памятником, отражающим эту дискуссию, стало послание Дмитрия Герасимова дьяку Мисюрю Мунехину, в котором он излагал мнение Максима Грека; рассказ Дмитрия Герасимова можно признать аутентичным: и в силу личного короткого знакомства с Максимом, и в силу некоторых особенностей самого рассказа, передающего не только факты, но и реакции Максима, в частности, его уклончивость в одном особенно остром и спорном моменте, присутствующем далеко не во всех образах этого типа.

Роль Максима Грека в формировании толкований нельзя недооценивать. Именно к нему обращались не раз русские собеседники с просьбой объяснить им нечто сложное и символическое или написанное по-гречески. По содержанию статьи по теме иконопочитания и иконографии, подписанные в рукописной традиции именем Максима Грека, можно разделить на две группы. К первой относится «Слово о поклонении святых икон» — согласно Соловецкому собранию, «против еретиков», согласно Румянцевскому, против «иконоборца

---

[4] РНБ, Соловецкое собр., № 18/18; см. также: [Ковтун, 1985; Чумичева, 2017].

[5] Пользуюсь случаем выразить Е.Б. Емченко признательность за возможность ознакомиться с рукописью ее дипломной работы, написанной в начале 1980-х гг., но, к сожалению, не опубликованной. На сегодня эти выводы требуют развития и уточнения, но главная идея о собрании толковых статей для дальнейшего написания речи митрополита Макария, безусловно, верная и очень важная. Поскольку тема нуждается в отдельной публикации, не буду здесь приводить ссылки на конкретный материал. Он требует слишком развернутых комментариев и подробного анализа.

Лютера»; и «Сказание о святых иконах» [Марчалис, 2009]. Однако «Сказание...» является поздним псевдоэпиграфом, составленным на основе «Стоглава». А «Слово о поклонении...» было задолго до приезда Максима Грека в Россию использовано также Иосифом Волоцким, старцем Артемием и, вероятно, представляет собой перевод с греческого. В исследовательской литературе с этим сочинением связано немало путаницы, поэтому оно требует дополнительного текстологического изучения. Этот текст был включен в прижизненный Румянцевский сборник Максима Грека, а затем не раз переписывался и в составе больших собраний, и отдельно. Его высоко ценили старообрядцы. Однако и это псевдоэпиграф.[6]

Ко второй группе сочинений относятся короткие статьи по частным вопросам иконографии. Но это безусловно подлинные тексты Максима Грека, открывающие русским слушателям и читателям понятие аллегории в религиозном искусстве и иллюстрирующие его на нескольких примерах. Подробно про Максима Грека и его замечания по поводу иконографии см.: [Čumičeva, 2010]; основные положения этой статьи приведем далее.

Поскольку статьи Максима Грека невелики по размеру и являются архетипическими для жанра толкований на иконы в русской традиции, приведем их целиком по Соловецкому списку:

Сказания о венце Спасове, свитке в руке Спаса и имени Богоматери

Того же инока Максима Сказание о венце Спасове

(нарисовано полукружие с литерами: вверху о; внизу слева омега, справа н; литеры образуют треугольник) Глава 53 //

О сем «О ω Н», еже пишутъ иконники в венце Спасове, ведомо да ти есть, яко сия пословица еллинска, сиречь греческа есть, а толкуется на руский языкъ: сый. А сей сый толкуется, иже есмь или иже есть. *(на поле:* Исход, 3) Тем бо именованиемъ нареклъ есть себе Вседержитель Моисею, егда посылаше его во Египетъ. Реклъ ему: рцы сыномъ Израилевымъ, яко «О ω Н», сиречь сый тебе есть послалъ к нимъ. Сице же себе нареклъ есть вышний, понеже онъ единъ по естеству есть сущь, не имый ни начала, ни конца, но все еже быти, и прошедшее, и настоящее, и грядущее объемъ имать, его же ради присносущенъ наричется. Прочая же Его дела вся видимая и невидимая от Него и по благодати Его имутъ еже быти и жити и двизатися и пребываютъ и суть. *(на поле:* Иоанн, 1) Он же ни от кого иного ни бысть, ни еже быти имать, но собою присно бе и есть и пребудетъ в бесконечныя веки, безначаленъ, безсмертенъ и бесконеченъ естествомъ, животъ живу-

[6] История этого текста также требует отдельного детального исследования, которое выходит за рамки данной статьи. Первоначальные выводы были представлены автором в виде доклада на конференции в Пушкинском Доме в 2008 г.

щимъ и существо сущимъ. Аггели же и душы человеческия по благодати Его, а не собою создашася от Него и безсмертни суть. Но о семъ толика довлеютъ. //

О свитце, иже в руце Спасове

А о свитце, его же пишутъ в руце Спасове, толкъ. Того возми от пятаго стиха седмыя песни акафистовы, в нем же сице глаголется: Хвалятъ тя блажащи конци, рекше вся вселенная, и любовию вопиютъ ти: радуйся свитче. В нем же перстомъ Отчимъ написася слово чистая. *(на поле:* Триодь, суб 5 пос) Понеже бо всяко слово человече обыче на бумазе написатися, Сынъ же Божий Слово наричется по реченому: В начале бе Слово, и Слово бе к Богу. Сего ради святое писание Исаино свиткомъ образователне являетъ безсеменное воплощение Еммануиле. Писано рекше: сотворено перстомъ Отчимъ, сиречь осенениемъ Святого Духа, по писаному: Дух Святый найдетъ на тя, и сила вышняго осенитъ тя во свитце, сиречь в плоти святей Его. Свитокъ убо и святую плоть Еммануилю являетъ, и пречистую утробу Пречистыя Богородицы и Приснодевы Марии. Но и о семъ толика.

О Богородичне имяни

А что пишутъ обоюду святыя иконы Богородицы сице:

МР θУ (литеры даны под титлами). Виждь, яко и та писмена и пословицы гречески суть. Толкует же ся сице: Митиръ θеу, еже есть по-руски: Мати Божия, а не Марфа, ни Мирθу, яко же нецыи мнятъ всуе от неведениа греческия речи. Мария есть имя Богородицы а не Марфа, ни Мирθу.

РНБ, Соловецкое собр., № 495/514, л. 365–366

Две из трех приведенных выше статей являются элементарным истолкованием греческих литер, непонятных русскому человеку. Они сохранились либо на греческих иконах, либо на тех, что тщательно копировались с греческих образцов. Со временем непонятные буквы искажались, интерпретировались по-своему, почему и возникали предположения, что на иконе изображена Марфа, а не Дева Мария. Объяснение смысла текста на свитке также показывает, что старинные иконы, восходящие к греческим образцам, зачастую становились не вполне ясными. Это свидетельствует об утрате точного знания византийской иконографической традиции и появления возможности своеобразных, местных интерпретаций отдельных сюжетов. И в московской живописи середины XVI в. и последующего столетия, вплоть до Большого Московского собора 1666–1667 гг., подобные тенденции проявились достаточно ярко. Попытка Максима Грека перевести надписи на иконах для русских собеседников может служить одним из небольших, но характерных примеров происходящего процесса постепенного отделения русской иконописи от византийской традиции.

Сказание о священном образе Спаса Христа, его же называют Уныние

Священное образование священныя и поклоняемыя иконы Господа и Бога и Спаса нашего Исуса Христа, глаголемый по-римски Пиета, а по-руски милосердие и благочестие, а не уныние. Не се человечьскыа премудрости замышление, но сам Спас такова себя показа святителю своему святейшему, папе римскому Григорию, списателю душеполезных бесед, яже к Петру своему диякону. Показа себе въ время священыя литургии священодействующу // страшную и бескровную жертву святейшему Григорию, внегда влагаше в потир четвертую часть святого и поклоняемаго агньца, сицево нерукотвореное божественое образование видев Григорий, стояще противу священнаго потира. Умилился, яко же лепо бе, и в слезы духовныя снесен быв, преудивився Спасову неизреченному схождению. Яко же виде в Дусе Святе, тако и сказа иконописцем писати прочее таковое Спасово священное образование. И оттоле начят сицево священое образование Спасово в святых божиих храмех писати. Сице аз таковоу повесть приях от достоверных мужей италианех, // у них живый время доволно, юн еще сый, и мирскаго жития дръжа. Яко ж убо аз приях сице и повествую твоему святительству, его же святыми молитвами да мя сподобит Господь, каятися искрене моих многих прегрешений. Аминь.

РНБ, Соловецкое собр., № 494/515, л. 591–592

Мы не знаем адресата, названного «твое святительство», зато отлично известно, о какой композиции идет речь, а некоторые детали рассказа заслуживают более подробных комментариев. Предмет разговора — иконографическая композиция «Христос во гробе», по-гречески *Ἄκρα ταπείνωσις* (высшее умаление — Ис. 53:3), на Западе она известна как *Imago pietatis* или просто *Pieta* (почитаемый образ/благочестие, милосердие, сострадание).

Этот образ в первоначальном варианте представлял погрудное или поясное (редко до бедер) изображение мертвого Христа, стоящего вертикально на фоне креста, с опущенными и прижатыми к бокам или скрещенными на груди или животе руками. Обязательные черты: вертикальное положение перед крестом, закрытые глаза и склоненная набок голова. Первые изображения появляются в Византии, вероятно, около 1200 г. [Belting, 1990, p. 3]. Безусловно, изначально существовала связь образа с Евхаристией (гроб/потир; добровольная жертва). Самое раннее упоминание этой темы находится в гомилии Патриарха Германа, в каноне Великой Субботы, второй четверти XIII в. [Шалина, 2003, с. 309]. К XIV в. в Византии и на Балканах сложился развернутый культ Великой Субботы, включавший поклонение аналойной иконе Христа во гробе или служение образу в жертвеннике или дьяконнике. Созданы были новые каноны (Марк От-

рантский), широко распространившиеся на Балканах [Шалина, 2003, с. 308–313; Dufrenne, 1968, p. 297–310; Марковић, 1998, с. 167–179]. Эти формы литургии и иконографии в XIV в. получили признание в Новгородской земле.[7] Самый ранний датированный пример новгородской фрески такого иконографического типа — в церкви Спаса на Ковалеве и Успения на Волотове поле, 1380-х гг. [Лазарев, 1970, с. 235, 244–249, 255; Вздорнов, 1989, с. 49–50, 84–85].[8] В славянском регионе икона обычно называлась «Царь Славы» или «Схождение». Следует обратить внимание, что и Максим Грек говорит о «Спасове неизреченном схождении», а определенный смысловой параллелизм между Христом во гробе и Спасом Нерукотворным можно отметить в словах Сказания: «сицево нерукотвореное божественое образование видев Григорий, стояще противу священнаго потира». На Руси икону иногда называли не только «Царь Славы» (ГТГ), но и «Уныние» — например, в Требнике начала XVI в.[9] описана церемония Страстей в Софии Константинопольской и сказано: «поставлену на налои среди церкви Уныния Господа нашего Исуса Христа».[10] Так, словом Уныние, перевели греческое *Ἄκρα ταπείνωσις*. Сопоставление образов Христа во гробе и Спаса Нерукотворного отразилось и в совмещенном иконографическом типе, впервые представленном на ростовской иконе первой половины XIV в. (Архангельский музей), [Спас Нерукотворный, 2008, № 4] хотя такой тип стал по-настоящему популярным лишь в конце XVII в. [Спас Нерукотворный, 2008, № 32, 33, 37].

Любопытно, во-первых, что московский собеседник Максима Грека, видимо, не был уверен в содержании образа и нуждался в его истолковании. Как мы уже видели, к ученому афонскому иноку Максиму обращались, в основном, по поводу греческих текстов на иконах (например, Матер θеу) или по поводу сравнительных нововведений, в Москве не слишком понятных. До XVI в. у нас нет данных о широком бытовании композиции Христос во гробе в московских пределах. Можно допустить, что это действительно было относительным новшеством — и это не единичный случай, когда иконография, хорошо известная в Новгороде и на Балканах, не была известна в Москве вплоть до объединения территорий в единое государство.

Во-вторых, странность рассказа в том, что Максим Грек объясняет смысл образа не через греческие, афонские примеры поклонения

---

[7] Следует отметить, что, насколько известно, в Москве в тех же циклах богослужения обращались к иконе Спаса Нерукотворного.

[8] К глубокому прискорбию, оба комплекса росписей погибли во время Второй мировой войны и известны только по прорисям и черно-белым фотографиям.

[9] ГИМ, Синодальное собр., № 310/377, л. 92 об.–94.

[10] Об этой статье и ее греческом источнике см.: [Дмитриевский, 1917, с. 215].

ему, а излагает легенду западного происхождения, причем еще и ссылается на «достоверных мужей италианех»! И это в ситуации, когда ни один католический («латинский») художник не имел права создавать образы для православных церквей, а все обитатели «Запада» рассматривались как «еретики-латиняне», причем сам Максим энергично осуждал их.

Папа Римский Григорий (Григорий Двоеслов) занимал этот пост в 590–604 гг., однако исследователи давно установили, что легенда о видении ему во время литургии мертвого Христа во гробе, с орудиями страстей, появилась лишь в XIV в. [Belting, 1990, p. 192–196]. Она явилась не причиной, а следствием широкого распространения *Imago pietatis* в Италии (в большой степени у францисканцев) и дальше в других западноевропейских странах. Композиция пришла первоначально в Италию из Византии, к XIV в. сложился культ старинной византийской мозаичной иконы «Христос во гробе», находящейся по сей день в церкви Санта Кроче ин Джерузалеме в Риме[11] [Belting, 1990, p. 191]. Легенда о видении Папы Григория придала образу особый ореол и привела к широчайшему культу Пьеты в католической церкви.

Связь образа именно с Папой Григорием не так уж случайна. Именно Григорий Двоеслов писал о том, что «жертва Христа повторяется церковью в литургии, и каждый раз вновь создает страдания Спасителя для нашего прощения».[12] Тема реального присутствия Христа в Евхаристии не раз становилась предметом полемики официальной Церкви с еретиками, как на Западе, так и на Востоке. Классическим ответом сомневающимся становился культ нерукотворных образов, чудотворения от икон и иконография «Христос во гробе» — как виртуальное изображение искупительной жертвы наряду с другим вариантом иконографии темы, изображением «Литургии святых отцов» и Христа-Младенца (Melismos/Amnos).

То, что название «Уныние» смущало собеседника Максима и вызывало неодобрение афонского старца, вполне справедливо. Речь шла, конечно же, не об унынии. Напротив! Предложенные Максимом слова-переводы: Пьета — «благочестие», «милосердие» — объективно соответствовали терминологии, принятой на Западе, но едва ли именно это стало причиной того, что их не использовали на Руси, поскольку в переводе они звучат совсем иначе, не вызывая аллюзий с «латинянами». Но с середины XVI в. название «Уныние» исчезает из употребления, а композицию во всех ее видах (только мертвый Христос или Христос, поддерживаемый Богоматерью (это самый частый

[11] Существует устное предание, что ее привезли крестоносцы из Иерусалима.

[12] Цит. по: [Belting, 1990, p. 192]; см. также: [Бельтинг, 2002, с. 355, 382].

для XVI в. вариант), а также сочетание в одной композиции Спаса Нерукотворного и Христа во гробе) стали называть словами ирмоса девятой песни канона на утрене Великой Субботы: «Не рыдай мене, Мати».

В целом можно признать, что критика Максима была услышана, и неудачное название «Уныние» исчезло из обихода. Эта история является еще одним примером того, как происходил процесс слияния местных церковных традиций, сложившихся в период раздробленности русских земель в Новгороде, Пскове Ростове или Москве, как стремительно сглаживались различия в иконографии и некоторых особенностях богослужения в XVI в. Вероятно, некоторую роль в этом сыграли и краткие, содержательные комментарии Максима Грека по поводу неясных иконографических композиций и отдельных элементов.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на краткость и кажущуюся простоту, проанализированные статьи Максима Грека по иконографическим вопросам свидетельствуют о его неплохом знакомстве с предметом. А для русской аудитории эти высказывания, как и десятки других, по иным поводам, имели большое дидактическое и культурное значение, позволяя уточнять не только лексические аспекты в иконографии, но и прояснять смысл символических сюжетов, становившихся все более популярными и востребованными в середине XVI в.

Приведенный анализ кратких толковых статей Максима Грека показывает необходимый объем дальнейших исследований. Подробное изучение и публикация всего массива данных источников позволит по-новому увидеть ключевые богословские и политико-религиозные дискуссии эпохи Московского царства и расширить общее понимание иконопочитания в русской православной среде.[13]

Список литературы

Бельтинг Х. Образ и культ: История образа до эпохи искусства. М., 2002. 750 с.

Бенчев И. Ерминия // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 629–631.

Брюсова В.Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М., 2006. 207 с.

Вздорнов Г.И. Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М., 1989. 344 с.

[13] Общая постановка проблемы изучения иконопочитания в России XVI–XVII вв. и обзор историографических концепций даны в статье: [Chumicheva, 2018].

Голейзовский Н.К. Два эпизода из деятельности новгородского епископа Геннадия // Византийский временник. Т. 41 (66). М., 1980. С. 125–140.

Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 3: Τυπικά. Ч. 1. Пг., 1917. 912 с.

Евсеева Л.М. Иконописный подлинник // Православная энциклопедия. Т. 22. М., 2009. С. 58–60.

Емченко Е.Б., Курукин И.В. К изучению публикаций «Дела Висковатого» и формирование его состава // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 68–75.

Карпов А. Азбуковники или Алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877. 285 с.

Квливидзе Н.В. Икона Софии Премудрости Божией и особенности новгородской литургической традиции в конце XV века // Сакральная топография средневекового города: Известия Института христианской культуры средневековья. М., 1998. С. 86–99.

Ковтун Л.С. Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII века. Л., 1975. 351 с.

Ковтун Л.С. Символика в Азбуковниках // ТОДРЛ. Т. 38. Л., 1985. С. 215–230.

Лазарев В.Н. Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV в. // *Лазарев В.Н.* Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970. С. 234–278.

Маркелов Г.В. Книга иконных образцов. СПб., 2006. Т. 1. 584 с. Т. 2. 616 с.

Марковић М. Прилог проучавањ утицаја канона Велике Суботе на иконографију среднњовековног сликарства // Зборник радова Византолошког института. Т. 37. Београд, 1998. С. 167–179.

Марчалис Н. «Лютор иже лютъ»: Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой. М., 2009. 164 с.

Осташенко Е. София Премудрость Божия // София Премудрость Божия: Каталог выставки. М., 2000. С. 40–42.

Спас Нерукотворный в русской иконе / Авт.-сост. Л.М. Евсеева, А.М. Лидов, Н.Н. Чугреева. М., 2008. 440 с.

Чумичева О.В. Символы евангелистов в русской иконографической традиции // Проблемы истории русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 259–263.

Чумичева О.В. Символы евангелистов в русской рукописной традиции // Остромирово Евангелие и современные исследования рукописной традиции новозаветных текстов. СПб., 2010. С. 172–180.

Чумичева О.В. «Толкование образа» в Азбуковниках XVI–XVII веков // Изображение и культ: Сакральные образы в христианских

традициях. Материалы научной конференции 16–17 июня 2017 г. М., 2017. С. 147–149.
Шалина И.А. Икона «Христос во гробе» и Нерукотворный образ на Константинопольской плащанице // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 308–313.
Belting H. The Image and Its Public in the Middle Ages: Form and Function of Early Paintings of the Passions. New York, 1990. VIII, 298 p.
Chumicheva O. Iconoclasm and Iconophilia in Late Medieval Russia: The State of Research and New Concepts // IKON: Journal of Iconographic Studies. Vol. 11. 2018. P. 77–82.
Čumičeva O. Massimo il Greco sull'iconographia // Studi slavistici. Vol. 7. 2010. P. 385–394.
Dufrenne S. Images du décor de la prothese // Revue des études byzantines. Vol. 26. 1968. P. 297–310.

УДК 930:908(571.1)

В.А. Слугина,[1] А.Ю. Конев[2]
[1] Институт истории СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет
[2] Институт проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН
Новосибирский государственный университет

«Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: К вопросу о происхождении и эволюции формуляра*

В статье анализируются положения специфической клаузулы царских наказов воеводам конца XVI — XVII в., представляющей собой прямое обращение царя к сибирским «иноземцам». На основе изучения вновь выявленных и уже опубликованных источников впервые предпринят сравнительный и содержательный анализ текстов «жалованного слова»: определены разделы, установлены статьи и элементы, подвергавшиеся изменению и редукции на протяжении XVII в. Установлено, что «жалованное слово» восходит к более ранним формам царских «пожалований», содержащих меры поощрения и льготирования. На протяжении первой трети XVII в. оно приобретает новую функцию: в нем конкретизировались, подтверждались и закреплялись права и обязанности сибирских народов в рамках соответствующих категории подданных российского монарха.

Ключевые слова: источниковедение, Сибирь XVII века, наказы воеводам, жалованное слово, формулярный анализ.

Царские наказы сибирским воеводам — один из наиболее важных источников для изучения системы регионального управления, ясачного налогообложения и широкого спектра вопросов, касающихся взаимоотношений царской администрации с автохтонными сообществами Сибири конца XVI — XVII в. Не случайно существенная часть этого документального комплекса была опубликована еще в дореволюционный период в таких изданиях, как «Акты исторические» (СПб., 1841. Т. 3), «Дополнения к актам историческим» (СПб., 1851. Т. 4), «Полное собрание законов Российской империи» (СПб., 1830. Т. 3). Наказы публиковались в качестве приложений в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера [Миллер, 1999; Миллер, 2000] и продолжают вводиться в научный оборот современными исследователями

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-39-60006.

Авторы выражают признательность доктору исторических наук, профессору А.С. Зуеву за предоставленные материалы и консультации; Р.А. ван Беверну за помощь в оформлении таблицы.

© Слугина В.А., Конев А.Ю., 2020

[Иванов, 1999, с. 182–184; Барахович, 2018, с. 91–103; Конев, 2019, с. 218–225].

Общая структура наказов воеводам, назначавшимся в сибирские города, достаточно подробно охарактеризована в сочинениях В.А. Кулешова [Кулешов, 1894], Н.Н. Оглоблина [Оглоблин, 1901, с. 122–141] и Е.В. Вершинина [Вершинин, 1998, с. 65–69.]. Обратили внимание исследователи и на специфическую часть этих наказов — «жаловальное» / «жалованное слово» — формулу прямого обращения монарха к местному населению. С.В. Бахрушин, характеризуя «жалованное слово», объяснял его назначение как попытку царского правительства «публично отмежеваться» от злоупотреблений предыдущих воевод. Он указал на неизменность (стереотипность) содержания «жалованного слова» и церемонии его оглашения, отметив, что для местного населения такое обращение от имени царя все же было важным [Бахрушин, 1959, с. 164–165]. А.А. Преображенский рассматривал практику оглашения «жалованного слова» как демагогический прием царской власти, используемый для снятия социальной напряженности и убеждения населения в будущих изменениях [Преображенский, 1972, с. 351–352]. Е.В. Вершинин впервые поставил вопрос о происхождении этой клаузулы, полагая, что она вошла в тексты сибирских наказов с первых воевод, назначенных при Борисе Годунове в 1599 г.,[1] и превратилась в XVII в. в приказной штамп. Ее появление он связывает с прецедентом сложения с сибирских аборигенов ясака на 1599/1600 г. [Вершинин, 1998, с. 67–68]. «Жалованное слово», по мнению Е.В. Вершинина, для аборигенного населения служило подтверждением пребывания в «вечном холопстве» у московского царя и права на защиту с его стороны [Вершинин, 2018, с. 247]. М.М. Федоров пришел к заключению, что через оглашение «жалованного слова» и следующую за ним выдачу подарков — «государева жалования» происходило юридическое оформление прав и обязанностей сибирских аборигенов. За ними, в частности, признавалось право на занятие традиционными видами хозяйствования и проживания на прежних территориях (которые теперь объявлялись собственностью российского монарха) в обмен на вмененный им исправный платеж ясака [Федоров, 1978, с. 15–17]. Развивая выводы М.М. Федорова, А.Ю. Конев указал на связь «жалованного слова» с шертовальными записями — присягами народов Сибири на подданство, в которых излагались обязанности сибирских иноземцев, в то время как «жалованное слово» преимущественно определяло их

[1] По версии М.О. Акишина (не подкрепленной документальными свидетельствами), «жалованное слово», включенное в наказы сибирским воеводам, было разработано в Посольском приказе в 1598/99 г. См.: [Акишин, 2013, с. 236].

права [Конев, 2006, с. 174]. Опираясь на изучение текста обнаруженного и атрибутированного им фрагмента соответствующей грамоты тюменскому воеводе Л.О. Щербатому, он поддержал тезис Е.В. Вершинина о связи появления «жалованного слова» в наказах 1599 г. с милостями царя Бориса Годунова [Конев, 2015, с. 43–44]. Текстуальные совпадения отдельных статей «жалованного слова» со статьями шертовальных записей были проанализированы В.А. Слугиной и А.С. Зуевым [Зуев, Слугина, 2019, с. 200–205; Зуев, Игнаткин, Слугина, 2017, с. 163, 276–278]. Как инструмент интеграции сибирских народов в число подданных российского монарха «жалованное слово» кратко охарактеризовано В. Кивельсон [Кивельсон, 2012, с. 260].

Несмотря на обилие трактовок и интерпретаций текстов «жалованного слова», сравнительный анализ их содержания до сих пор никем не предпринимался. Вероятно, поэтому в историографии сложилось представление о его «шаблонности» и неизменности, за которым следовал вывод о низком информационном потенциале источника. Целью настоящей публикации является выявление структурных, содержательных и формулярных элементов адресованного иноземцам «жалованного слова» как особой статьи наказов сибирским воеводам, исследование трансформации этих элементов на протяжении XVII в.

Напомним, что по прибытии к месту службы воевода обязан был огласить текст царского «милостивого слова» в торжественной обстановке в приказной/съезжей избе, куда по такому случаю приглашали представителей всех категорий русских людей и иноземцев. Для последних процедура завершалась раздачей подарков от имени российского монарха («ясачные», как правило, приносили в ответ «поклонный ясак») и угощением [Зуев, Игнаткин, Слугина, 2017, с. 159–160, 282]. Отметим, что наличие «жалованного слова» в сибирских воеводских наказах отличало их от наказов воеводам европейской части России, хотя известны прецеденты распоряжений об оглашении «жалованного слова» иноземцам, находившимся на русской службе в других регионах страны [Веселовский, 1908, с. 157–158].

Практика оглашения «жалованного слова», вероятно, опережала формализацию его содержания. Еще до появления пространного текста «слова» в сибирских наказах 1599 г., в распорядительной документации, отправлявшейся из Посольского приказа, содержались фразы «сказать... государево жалованье / жалованное слово»[2] [Миллер, 1999, с. 340, 341]. Несомненно, первая часть этого словосочетания — «жалованное» — отсылает к хорошо известным и апробированным практикам «пожалования»: награждения подарками и выдачи

[2] СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 1–3 об.

представителям местных этнических элит жалованных грамот, закреплявших особые условия, гарантии и льготы [Зуев, Игнаткин, Слугина, 2017, с. 156–157]. Формула «жалованного слова» присутствовала не только в царских наказах воеводам, направленным на смену предыдущим. Она встречается в наказах, предписывающих основание новых острогов (городов) в Сибири[3] или грамотах, выданных по какому-то конкретному поводу/событию, а также в контексте описания процедуры призыва в подданство новых иноземцев [Материалы и исследования..., 2002, с. 148–149; Иванов, 1999, с. 182–183, 184; Миллер, 2005, с. 268–270, 273]. Сами воеводы вносили положения «жалованного слова» или его пересказ в наказные памяти приказчикам и ясачным сборщикам.[4] В каждом из перечисленных случаев отдельные формулировки, перечень статей и их порядок подвергались существенным изменениям, что позволяет говорить о параллельном функционировании в Сибири нескольких текстуальных версий «жалованного слова». Мы же рассмотрим только варианты «слова», которые включались в царские наказы воеводам, направленным на смену предыдущим, и проанализируем те его статьи, которые следовало оглашать представителям автохтонного населения.

Для выявление устойчиво воспроизводимого перечня положений «жалованного слова» мы отобрали воеводские наказы, составленные в годы царствования Бориса Годунова,[5] Дмитрия Ивановича (Лжедмитрия I),[6] Василия Шуйского,[7] Михаила Федоровича,[8] Алексея Михайловича[9] и в период царствования Ивана Алексеевича совместно с

---

[3] См., например: [Миллер, 1999, с. 389–391, 394].

[4] См., например: РГАДА, ф. 208, оп. 1, д. 1, л. 3–4; РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 2339, л. 24–26; РГАДА, ф. 1177, оп. 3, д. 2587, л. 32–35.

[5] 1599 г. — Жалованное слово татарам и остякам Тарского уезда (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 11, л. 52 об.–55); 1603 г. — Жалованное слово мангазейским и енисейским самоедам [Миллер, 2000, с. 205–207].

[6] 1606 г. — Жалованное слово татарам и остякам Томского уезда (РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 11, л. 492 об.–495).

[7] 1608 г. — Жалованное слово остякам и самоедам Сургутского уезда [Акты времени..., 1914, с. 364–366].

[8] 1625 г. — Жалованное слово ясачным татарам и остякам Кузнецкого уезда [Акты исторические, 1841, с. 218–219, 221]; 1628 г. — Жалованное слово ясачным татарам и остякам Тобольского уезда (РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 17, л. 37–38, 39); 1631 г. — Жалованное слово ясачным татарам и вогулам Тарского уезда [Полное собрание..., 1830, с. 552, 553]; 1631 г. — Жалованное слово ясачным татарам и вогулам Енисейского уезда [Барахович, 2018, с. 93–94].

[9] 1651 г. — Жалованное слово ленским ясачным людям [Дополнения к актам..., 1848, с. 300–302]; 1659 г. — Жалованное слово ясачным людям Енисейского уезда (РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 424, л. 18–21); 1659 г. — Жалованное слово ленским ясачным людям [Дополнения к актам..., 1851, с. 155–156]; 1664 г. — Жалованное слово тобольским служилым и ясачным татарам [Дополнения к актам..., 1851, с. 347–348].

Петром Алексеевичем,[10] охватив тем самым весь XVII в. Опираясь на высказанную ранее гипотезу о связи «льготных» грамот Бориса Годунова с текстом «жалованного слова», мы также рассмотрим статьи двух царских грамот об освобождении от платежа ясака на 1600 г., отправленных в Верхотурье [Миллер, 1999, с. 372–373] и в Тюмень [Конев, 2015, с. 44]. Территориальный охват источников — уезды Западной и Восточной Сибири, включенные в сферу российского управления в XVII в. Ввиду того, что территориальная специфика в текстах «жалованных слов» воеводских наказов выражалась слабо (как правило различался адресат — название этносоциумов, которым необходимо было его оглашать), мы не стремились к максимально полной географии, с одной стороны, и не ограничили рассмотрение эволюции «слова» каким-то отдельным уездом, с другой.

Декламация текста «жалованного слова» должна была осуществляться от имени монарха, а не от лица воеводы. Непосредственному тексту «слова» предшествовало инструктивное описание — пригласить несколько представителей от иноземцев в съезжую избу, надеть «цветное платье», взять оружие и т.д. Адресаты «слова» номинировались нечетко: использовались обобщающие термины: «ясачные лучшие люди», «уездные люди», «сибирские земли всякие люди», «князцы», «мурзы» и этнонимы с территориальной привязкой, которые в принципе упоминались на протяжении всего наказа, например: «И сказати сибирским тобольским татаром, и остяком, и уездным людем по тому ж великого государево царево и великого князя <...> жаловалное слово» (1608 г.) [Конев, 2019, с. 221].[11] После этой преамбулы располагались статьи, предназначенные для оглашения. Мы выделили три крупных тематических раздела «жалованного слова»: 1) признание факта злоупотреблений со стороны воевод и служилых людей; 2) обещание защиты от притеснений со стороны служилых людей и ясачных сборщиков; 3) гарантии защиты иноземцев, закрепление права на проживание на их прежних территориях и права на занятия традиционными промыслами; гарантии подарков и пожалований за содействие российской администрации. Внутри каждого раздела были выявлены смысловые единицы — статьи и обороты, что позволяет построить абстрактный формуляр «жалованного слова». Ниже приводим сводный перечень статей «жалованного слова», за слешем (/) приведены цитаты — устойчивые формулировки из

[10] 1683 г. — Жалованное слово ленским ясачным людям [Колониальная политика..., 1936, с. 74–75]; 1685 г. — Жалованное слово иноземцам Мангазейского уезда [Дополнения к актам..., 1869, с. 69–70].

[11] В этой работе А.Ю. Конева более подробно рассмотрены варианты номинации народов Западной Сибири в текстах «жалованных слов» первой трети XVII в.

текстов наказов, в которых для компактности визуализации опущены реалии: титул царя, имена воевод, перечисления категорий служилых людей и названий народов. Цитаты приводятся в формулировках наказа, где статья была впервые употреблена (большинство статей цитируются по тексту жалованного слова татарам и остякам Тарского уезда 1599 г.,[12] см. таблицу). Небольшие текстуальные разночтения, дополнения и описки также были опущены.

Структура «жалованного слова»
из царских наказов воеводам XVII в.

Устойчивый оборот, предшествующий изложению текста «жалованного слова»: *«и сказать <адресат> государево <титул монарха> жаловальное слово»*.

1. Раздел: признание факта злоупотреблений со стороны воевод и служилых людей.

1.1. Перечень категорий служилых людей, относящихся к царской администрации и описание их злоупотреблений / «что преже сего им в Сибири от воевод, и от голов, и от приказных людей, и от детей боярских <...> было небереженье и продажи великие»; «и у них имали ясаки с прибавкою, не по государеву указу, и тем сами корыстовались; «а воеводы того не бе[ре]гли, суда прямово им не давали <...>».

1.2. Указание на персональную ответственность воевод за личные злоупотребления и за нарушения при сборе ясака служилыми людьми / «а сами им продажи и убытки чинили, и посулы и поминки имали великие»; «без государева повеленья в волости к ним для ясаков воеводы посылали детей боярских, и толмачев, и <...>, и казаки, приезжая к ним, их продавали, и посулы и поминки имали великие, и ясак имали вдвое».

Оборот: *«и государь царь и великий князь <...> их во всем пожаловал»*.

2. Раздел: обещание защиты от притеснений со стороны служилых людей и ясачных сборщиков

2.1. Гарантия честного суда над русскими администраторами / «велел на тех людех, хто их чем изобидел и насильство им и продажу учинил какую или посулы и поминки имал, давать суд праведной и сыскивать накрепко, и росправу и оборонь от руских <...> всяких людей велел чинити во всем».

2.2. Обещание защиты от притеснений со стороны русских служилых людей / «их велел беречи, чтоб им насильства и убытков и продаж ни от ково не было».

2.3. Объявление о ясачном сборе без прибавок. Указание на государское повеление выдавать льготы /«и ясаков лишних с них имать

[12] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 11, л. 52 об.–55.

не велел <...> прибавливать не велел»; «и велел их во всем беречи и льготить велел во всем»; «а велел ясаки имать рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам».

2.4. Указание на царское повеление узнавать о материальном положении иноземцев, которые не могут платить ясак и выдать им льготы / «А на ково будет ясак положен тяжил и не в силу, и вперед им тово ясаку платить не мочно, государь <...> велел тот сыскати; «да будет ясак положен не по делу и в том им тягость, и царское величество, смотря по тамошнему делу, велел им в ясакех льготить»; «за бедных людей, кому платить ясаков не мочно, по сыску имать ясаков не велел...».

3. Раздел: гарантии защиты иноземцев.

3.1. Гарантии защиты иноземцев, право проживания на их землях и гарантии заниматься традиционными промыслами в обмен на обязательства перед русской стороной / «И они б <...> жили в его царском жалованье во всем облегчение и в покое и в тишине безо всякого сумнения»; «и промыслы всякими промышляли, и государю <...> служили и прямили во всем по своей шерти, на чем государю шерть дали».

3.2. Обязанность предотвращать измены и заговоры против русских / «и над воры воровства и шатости, и всякого лихова, и умышления смотрели и берегли накрепко»;

3.2.1. Порядок взаимодействия с соплеменниками, указание на необходимость призыва родственников в подданство / «и детей своих, и братью, и дядь, и племянников, и друзей на государево милосердие отовсюду призывали, и в городех и юртах и в уездех волости полнили».

3.2.2а. Обещание награды за помощь в прииске новых ясачных плательщиков / «а царское величество во всем их пожалует своим царским жалованьем...»

3.2.2б. Обещание льгот за помощь в прииске новых ясачных плательщиков / «...и льготу им давать велит».

3.2.3. Обязанность сообщать об изменах и заговорах воеводам, приводить изменников / «а в которых будет в людех почают шатость и воровство, и они б воров не скрывали и не таили»; «и тех воров, в которых почают шатость и воровство, сказывали про них и, имая, приводили к ним».

3.2.4. Обещание награды за сообщения об изменах и заговорах против российской власти / «А хто на кого скажет какое воровство или измену, и сыщетца допряма, и государь тех людей пожалует своим царским жалованьем...»; «и животы их и вотчины подает им, хто на кого какую измену и воровство доведет».

3.3. Гарантия суда над русскими администраторами, превышающими полномочия / «и государь <...> их <...> пожаловал: хто их чем изобидел и насильство и продажу какую чинили, и посулы и поминки имали, давать суд и расправу и оборонь учинить велел».

3.4. Гарантия суда при обращении иноземцев с жалобами на нарушения воевод и служилых людей / «да будет кто <...> на [воевод] и на служилых людей в их насильствах и в продажах и в посулах или в каких обидах учнут бити челом, и им в том во всем давать суд и росправу чинити по государеву <...> указу, чтоб никто <...> ни в чем ни от кого изобижен не был».

Устойчивый оборот, инструктирующий о действиях после оглашения «жалованного слова»: «*А сказав им государево жаловальное слово, велеть их напоити и накормити государевыми запасы довольно, а кормити от государя, а не от себя*».

Частотность включения отдельных статей в тексты «жалованных слов» в наказах воеводам на занятие должности представлена в таблице.

Сравнительный анализ наказных статей «жалованного слова» показал его однозначную связь с текстом «жалованного слова», включенного в грамоты Бориса Годунова о сложении ясачного сбора на 1600 г. Кроме того, в тестах «жалованных слов» до 1631 г. встречаются две статьи (2.3, 2.4), прямо указывающие на право получения льготы при невозможности выплатить ясак в полном объеме, и одна статья, обещающая льготы в качестве «пожалования» за призыв в русское подданство других иноземцев (3.2.2б). В последующие годы, после 1631 г., эти статьи были исключены из формуляра «жалованного слова». Первый раздел «жалованного слова», начинавшийся с указания на злоупотребления прошлых воевод, был также разработан в 1599 г., однако в период с 1603 г. и, вероятно, до начала царствования Михаила Федоровича, не включался в тексты наказов. Можно предположить, что добавление статей, обещавших вести честные разбирательства и суды при получении сведений о злоупотреблении русских администраторов (3.3, 3.4), в наказы 1606, 1608 и 1625 гг. связано как раз с отсутствием в этих «жалованных словах» первого раздела формуляра (1.1, 1.2). Злоупотребления и нарушения русских администраторов при сборе ясака также описываются в статьях 3.3 и 3.4 и в смысловом плане замещают положения первого раздела.

Ввиду сравнительно небольшой выборки сложно говорить о том, какой из вариантов «жалованного слова» служил типовым образцом для тиражирования в наказах воеводам, направлявшихся в города Сибири, однако добавление некоторых статей, а также исключение таковых, упоминавших «льготы» в платеже ясака, свидетельствует

Статьи «жалованного слова» в грамотах и наказах воеводам конца XVI–XVII в.

	Год наказа	Уезд	Включение статей «жалованного слова»														
			1.1.	1.2.	2.1.	2.2.	2.3.	2.4.	3.1.	3.2.	3.2.1.	3.2.2а.	3.2.2б.	3.2.3.	3.2.4.	3.3.	3.4.
Льгот.	1599	Верхотурский							■	■	■	■	■	■	■		
	1599	Тюменский							■	■	■	■	■	■	■		
	1599	Тарский	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■		
	1603	Мангазейский				■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	1606	Томский				■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	1608	Сургутский				■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
	1625	Кузнецкий	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■		
	1628	Тобольский	■	■	■	■			■	■	■	■		■	■		
	1631	Енисейский	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■		
	1631	Тарский	■	■	■	■			■	■	■	■	■	■	■		
	1651	Ленский (Якутский)	■	■	■	■			■	■	■	■		■	■		
	1659	Енисейский	■	■	■	■			■	■	■	■		■	■		
	1659	Илимский	■	■	■	■			■	■	■	■		■	■		
	1664	Тобольский	■	■	■	■			■	■	■	■		■	■		
	1683	Ленский (Якутский)	■	■	■	■			■	■	■	■		■	■		
	1685	Мангазейский	■	■	■	■			■	■	■	■		■	■		

об эволюции формуляра и адаптации перечня статей под актуальный исторический контекст. Очевидно, что на протяжении первой трети XVII в. «жалованное слово» трансформировалось из формы обращения монарха к «Сибирския земли всяким людям» с декларацией определенных «льгот» и «пожалований» (милости) как исключительной меры, впервые примененной Борисом Годуновым, в регулярную форму репрезентации царской власти, описания принципов ее взаимоотношений с сибирскими «ясачными» и «служилыми иноземцами» из числа автохтонного населения и управления этими специфическими категориями подданных российского монарха.

Список литературы

Акишин М.О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. С. 233–241.

Барахович П.Н. Наказ царя Михаила Федоровича енисейскому воеводе Ж.В. Кондыреву 31 января 1631 года // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 1: История. С. 91–103.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М., 1959. 257 с.

Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). Екатеринбург, 1998. 203 с.

Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII в. Екатеринбург, 2018. 504 с.

Веселовский С.Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. 234 с.

Зуев А.С., Игнаткин П.С., Слугина В.А. Под сень двуглавого орла: Инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск, 2017. 440 с.

Зуев А.С., Слугина В.А. Право на челобитье и обязанность доносить: Регламент коммуникации царской администрации с иноземцами Сибири в XVII в. // Коммуникативная культура: История и современность: Материалы IX Международной научно-практической конференции 1 ноября 2019 г. Новосибирск, 2019. С. 200–205.

Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. 197 с.

Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России XVII в. М., 2012. 357 с.

Конев А.Ю. Наказ тобольскому воеводе, князю А.Н. Трубецкому 1628 г.: Из истории становления региональной системы управления народами Сибири // Тюменская область: Историческая

ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего: Сборник статей международной научной конференции. Тюмень, 2019. С. 218–225.

Конев А.Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI — XVIII в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 172–177.

Конев А.Ю. «Ясаку с них имати не велели...»: Грамота царя Бориса Годунова из фондов Государственного архива Тюменской области // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 41–46.

Кулешов В.А. Наказы сибирским воеводам в XVII веке: Исторический очерк. 2-е изд. Болград, 1894. 50 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. 630 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. 796 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. 598 с.

Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 4: Документы центрального управления. М., 1901. 288 с.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. 392 с.

Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII — начало XIX в.). Якутск, 1978. 207 с.

Список опубликованных источников

Акты времени правления царя Василия Шуйского: 1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г. / Собрал и ред. А.М. Гневушев. М., 1914. 421 с.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. 538 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3: 1645– 1654. СПб., 1848. 572 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 4: 1655–1664. СПб., 1851. 416 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 11: 1684–1685. СПб., 1869. 332 с.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. Л., 1936, 281 с.

Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. 247 с.

Полное собрание законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 3: 1689–1699. СПб, 1830. 690 с.

УДК 94(571)“16”:271.21

И.Л. Манькова
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

История Тобольского архиерейского дома в XVII веке: Из опыта осмысления историографической традиции

В статье рассматриваются спорные вопросы историографии истории Тобольского архиерейского дома XVII в. о дате учреждения Сибирской епархии и ее территориального устройства. Автор доказывает, что рукоположение первого сибирского архиепископа Киприана состоялось 10 декабря 1620 г. Показаны процесс формирования церковных десятин (округов), его связь со светским административно-территориальным делением, а также влияние колонизации на него. Отмечается пространственно-временная растянутость периода становления системы регионального деления Сибирской епархии и определяется его вектор развития: от выделения в десятины больших территорий к их дроблению в соответствии с границами уездов. Обращается внимание на участие в региональном церковном управлении светских администраторов и лиц духовного звания.

Ключевые слова: десятильники, епархия, история Сибири, Тобольский архиерейский дом в XVII в., церковные десятины.

Деятельность Тобольского архиерейского дома в XVII в. неоднократно находилась в фокусе внимания исследователей несмотря на трудности, связанные со значительными источниковыми лакунами. Вместе с тем, совокупность всех известных на сегодняшний день источников позволяет взглянуть более пристально на уже устоявшиеся в историографии представления о ряде аспектов в истории Тобольского архиерейского дома в XVII в. В данной статье мы остановимся на двух вопросах: дата учреждения Сибирской епархии и ее административно-территориальное устройство.

Отсчет истории Сибирской и Тобольской епархии принято вести с даты рукоположения в Сибирские архиепископы архимандрита Новгородского Хутынского монастыря Киприана. Во многих работах указывается, что это событие произошло 8 сентября 1620 г. [Абрамов, 1854, с. 6; Недосеков, 1887, с. 181; Покровский, 1897, с. 513; Ромодановская, 1993, с. 156]. Однако П.Н. Буцинский писал, что архимандрит Хутынского монастыря Киприан был вызван в Москву и посвящен Патриархом в сан архиепископа Сибирского и Тобольского в конце 1620 г. [Буцинский, 1999, с. 208]. М.Д. Архипова попыталась найти компромисс между двумя датами, бытующими в историогра-

© Манькова И.Л., 2020

фии. Она пишет: «В сентябре 1620 г., т.е. в самом начале патриаршества Филарета, в Москве было решено учредить новую, сибирскую кафедру... 10 декабря 1620 г. Киприан был посвящен в архиепископы Тобольские» [Архипова, 2004, с. 12].

Обратимся к документам, в которых отразились эти события. Дата рукоположения архиепископа Киприана «8 сентября» встречается в единственном источнике — Книге записной [Книга записная, 1987, с. 146]. Книга расходов Казенного двора называет другую дату хиротонии Киприана на Тобольскую кафедру. В записи о расходах на обеспечение главы новой епархии указано, что это событие состоялось 10 декабря (23 декабря по новому стилю) на память святых мучеников Мины, Гермогена и Евграфа [Дополнения к дворцовым разрядам, 1882, стб. 223–224]. На наш взгляд, именно эту дату и стоит считать достоверной. Во-первых, запись в расходной книге Казенного двора была сделана «по горячим следам», а Книга записная создавалась уже в 1680-е гг. Во-вторых, известен состав участников освященных Соборов, проходивших в октябре и декабре 1620 г. На октябрьском Соборе рассматривался вопрос о перекрещивании латинян-поляков, на декабрьском Соборе обсуждались возможности принятия в православную веру белорусов, приходивших из Польско-Литовского государства. Если бы рукоположение архиепископа Киприана состоялось в сентябре, то он бы принял участие в обоих Соборах, однако его имя указано только среди участников последнего, причем в соборном акте от 4 декабря не упоминается об участии сибирского епископа, а под актом того же Собора от 16 декабря стоит подпись тобольского владыки.[1] Таким образом, учреждение Тобольской и Сибирской епархии следует датировать 10 декабря 1620 г. Конечно, принятие решения о создании новой епархии и выбор кандидатуры происходили раньше этой даты, их можно рассматривать как подготовительный этап учреждения епархии.

Еще одним дискуссионным вопросом является административно-территориальное устройство Сибирской и Тобольской епархий. В современной историографии устойчиво воспроизводится утверждение, что территория епархии была поделена на Тобольский, Верхотурский и Енисейский разряды, которые, в свою очередь, делились на десятины. Вероятно, первым об этом написал миссионер архимандрит Мелетий [Древние церковные грамоты, 1875, с. IV]. Иркутские историки А.В. Дулов и А.П. Санников повторили эту мысль и отметили, что разряды возглавляли настоятели крупнейших монастырей, которым помогали иеромонахи и монашествующие, отдельного штата разрядного правления не существовало, а с 1678 г. разряды стали под-

[1] Требник иноческий. М., 1639. Л. 242–242 об.

разделяться на десятины [Дулов, Санников, 2006, с. 26–27].[2] Другие историки автоматически стали повторять эти утверждения [История Екатеринбургской епархии, 2010, с. 51; Никулин, 2015, с. 83; Харина, 2011, с. 867]. Н.С. Харина попыталась развить эту идею, наделяя настоятелей крупнейших монастырей полномочиями руководителей разрядов, при этом подчеркивая, что «права главы разряда были строго регламентированы, они занимались исключительно подготовкой дел и исполнением наказания» [Харина, 2011, с. 867–868]. И.А. Никулин поставил под сомнение факт существования разрядной системы устройства Сибирской епархии и пришел к выводу, что, подобно другим епархиям Русской Церкви, она делилась лишь на десятины [Никулин, 2016, с. 187–191].

Как отмечает специалист по каноническому праву протоиерей В. Цыпин, «в своем территориальном размежевании Поместные Церкви сообразуются с политико-административным делением, с государственными и административными границами. Помимо очевидных удобств, этот принцип находит косвенное обоснование в самих канонах» [Цыпин, 2012, с. 337]. В качестве примера он отсылает к 38-му правилу Трулльского Собора: «Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: если царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то гражданским и земским распределением да следует и распределение церковных дел» [Канонические правила Православной Церкви].

Ко времени учреждения Сибирской и Тобольской епархии Русская Православная Церковь уже выработала принципы пространственной самоорганизации в соответствии с административно-территориальным делением Российского государства. Региональные епархиальные центры размещались в главных административных центрах определенных территорий, десятины соотносились с границами уездов или станов, уездные города становились местами пребывания десятильников. В своей деятельности региональные церковные власти опирались на помощь уездных воеводских администраций.

Для первых сибирских архиереев опора на уже созданную в Сибири административно-территориальную систему была особенно актуальна. В условиях слабой освоенности и малонаселенности территории, огромных внутренних расстояний и удаленности от центра, острой нехватки благонадежных священнических кадров первым сибирским архиепископам предстояло создать систему церковного управления и контроля. Без помощи светских властей на местах это было бы сделать невозможно. Основная часть сохранившихся

[2] Вероятно, дата «1678 г.» возникла в этой книге в связи с образованием в 1677 г. Енисейского разряда.

документов архиепископа Киприана — переписка с центральными властями и местными воеводами — свидетельствует о значительной материальной и организационной зависимости архиерея от светских властей.

Естественно, что пунктами дислокации представителей архиерея с надзорными и судебными полномочиями (десятильников или десятинников) стали города/остроги, где находились воеводские администрации. На средства государственной казны строились «святительские» дворы, как правило, недалеко от приказных изб и соборных церквей.[3] Они являлись местом проживания и деятельности десятильников. Туда приводились провинившиеся по духовным делам, велось следствие и вершился духовный суд, хранилась канцелярия и собранные епархиальные подати. Обычной была практика обращения к светским властям за обеспечением «силового» сопровождения деятельности десятильников. Типичную ситуацию иллюстрируют сохранившиеся челобитные десятильника Ивана Горохова. Так, в одной из них 1676 г. он писал митрополиту Корнилию: «...По вашему указу волокусь я в слободы Верхотурского уезда для ради церковного исправления и всяких светлейших церковных дел, пожалуйте меня, велите дать мне из приказной избы в Верхотурский уезд к приказным людем память в святых духовных делах на пенных людей, тех пенных людей отдавать, и, хто будет учинитца силен, и на тех людей давать беломестных казаков».[4]

На раннем этапе колонизации Сибири процесс формирования уездной системы начинался со строительства укрепленного города в новом районе, который становился центром освоения ближайшей округи, по мере ее заселения формировалось ядро будущего уезда. В документах XVII в. (особенно первой половины столетия) под названием города имелся в виду населенный пункт с прилегавшей к нему территорией. Таким же образом в епархиальных документах обозначались и места службы десятильников. Так, в описи архиерейского двора 1651 г. указаны софийские дети боярские, находившиеся «на десятине на Тюмени, ...на Верхотурье, ...на Березове, ...в Томском городе» [Тобольский архиерейский дом, 1994, с. 249]. Однако это неполный перечень западносибирских уездных городов и в нем отсутствуют восточносибирские города. Можно предположить, что перечисленные города являлись местами постоянного пребывания «сидельных» десятильников. Проживая в этих городах, они осуществляли надзор также и за населением соседних территорий. Возможно, верхотурский десятильник совершал надзорные поездки в Пе-

[3] РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 36, л. 22.

[4] РГАДА, ф. 1111, оп. 1, д. 70, ч. 3, л. 411.

лым, березовский контролировал духовные дела наездом в Сургуте, тюменский — в Туринске и Таре. Если было действительно так, как мы предполагаем, то в середине XVII в. на территории Западной Сибири десятины охватывали по несколько соседних уездов.

По подгородным районам Тобольска, скорее всего, посылались десятильники с разовыми поручениями, либо духовные дела приказывались другим служителям Тобольского архиерейского дома. В частности, известны случаи, когда преосвященные поручали старцам, управлявшим архиерейскими вотчинами, проводить следствие по духовным делам в близлежащих слободах.[5]

Вероятно, деятельность десятильников в значительно удаленных районах Западной Сибири организовывалась по образцу годовальной службы служилых людей. Так, в 1621–1623 гг. архиепископ Киприан принял решение отправить «в Мангазею, на Таз, и на Турухан, и в Песиду» софийского сына боярского Василия Стогова с наказом «ведати и судити во всяких наших духовных делех» [Миллер, 2000, с. 347]. В отписке мангазейским воеводам от 1 февраля 1623 г. преосвященный просил воевод дать В. Стогову «дворец, где стояти» [Миллер, 2000, с. 348]. Употребление глагола «стояти», а не «жити» может свидетельствовать о том, что десятильник присылался в Мангазею с временным поручением. Из-за дальности расстояния такие поездки растягивались на годы. До посылки в Мангазею В. Стогов выполнял обязанности десятильника в Томске. В 1626 г. велось следствие по его извету о «невежливых» бранных словах в адрес Патриарха Филарета, произнесенных томским казаком Ивашкой Коломной на именинах томского воеводы А. Гагарина еще в 1624 г. В. Стогов был очевидцем этих событий. Когда началось разбирательство, его не смогли допросить, потому что он находился «в Мангазее у архиепископских духовных дел», и вернулся в Тобольск только в 1627 г.[6] Следовательно, В. Стогов выехал в Мангазею не ранее зимы 1624/1625 г. и находился в поездке около двух лет.

По мере освоения территории, увеличения численности и плотности населения к концу XVII в. «сидельные» десятильники появились во многих сибирских городах. Так, одним из главных действующих лиц известного «дела о десятильниках» был десятильник Василий Толстоухов. Как сказано в царской грамоте от 1 ноября 1697 г., он был прислан в Туринск митрополитом Игнатием около трех лет назад «и ныне живет он в Туринске ж и живучи градским и уездным людем чинит продажи и убытки».[7] Имя упомянутого выше софийского

[5] СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 10, л. 80–80 об.

[6] РГАДА, ф. 214, оп. 3, д. 13, л. 43–44.

[7] СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, д. 7, л. 20.

сына боярского Ивана Горохова как верхотурского десятильника встречается в документах 1676, 1685, 1686 гг.[8] Вероятно, он управлял верхотурской десятиной не менее десяти лет.

Организуя систему епархиального управления, архиепископ Киприан стремился следовать двум основным принципам в отношении духовных дел: недопущение вмешательства в духовные суды воевод и соборность в судопроизводстве, т.е. ведение духовных дел десятильниками совместно с лицами духовного звания. На начальном этапе колонизации при малочисленности духовенства и их сомнительном моральном облике институт поповских старост находился в зачаточном состоянии, скорее всего, в какой-то мере их функции выполняли священники соборных церквей в городах-уездах. Поэтому первые сибирские архипастыри делали ставку на черное духовенство. Большой вклад в укрепление сибирских монастырей внес архиепископ Киприан. Он стремился создать необходимые условия для пострига и соблюдения норм монашеского бытия, обеспечить обители надежными источниками существования, расширить сеть монастырей. Преосвященный пытался создать новые обители в Таре, Верхотурье, Пелыме и Мангазее. Однако не везде это удалось в силу объективных обстоятельств. На настоятелей монастырей помимо прямых функций возлагалась обязанность надзора за духовными делами. Так, отправляя в Мангазею строителя игумена Тимофея организовывать монастырь, архиепископ Киприан поручал ему совместно с десятильником Василием Стоговым «ведать всякие наши духовные дела, сыскивать и росправа чинить и по сыску, хто какова смирения доведетца, смирять, смотря по вине, по нашему указу» [Миллер, 2000, с. 309].

Продвижение колонизационной волны в бассейны Енисея и Лены, Прибайкалья началось еще в 1630-е гг. С появлением постоянного православного населения Восточная Сибирь уже реально становилась частью Сибирской епархии. Однако процессы епархиального администрирования здесь начались во второй половине XVII в. уже в иных условиях по сравнению с Западной Сибирью. Во-первых, к тому времени Сибирская епархия уже прошла этап становления, Тобольский архиерейский дом обладал значительными материальными ресурсами. Во-вторых, шло реформирование разных сфер церковной жизни. Согласно решениям Большого Московского собора 1666–1667 гг., судебные дела в отношении духовенства передавались в введение лиц духовного звания. В этом же направлении было продолжено реформирование духовного суда на Соборе 1674–1675 гг. [Макарий (Веретенников), 2016, с. 130, 140–141]. В Сибири шел

[8] РГАДА, ф. 1111, оп. 1, д. 70, ч. 3, л. 383, 411; РГАДА, ф. 1111, оп. 2, д. 326, л. 72; РГАДА, ф. 1111, оп. 2, д. 353, л. 78.

процесс формирования института духовных заказчиков, но трудно определить, когда он начался. Вопрос о духовных заказах и духовных заказчиках — один из слабоизученных, пока мы можем опираться только на отдельные факты при анализе ситуации в Сибири. Вероятно, появление института духовных заказчиков стало логичным развитием практики привлечения черного духовенства к участию в духовных делах. Архиереи назначали духовными заказчиками настоятелей монастырей, расположенных не только в городах. Так, в 1676–1677 гг. игумен Далматовского Успенского монастыря Афанасий был назначен заказчиком на территории Среднего Приисетья, ему были поручены надзор за духовенством шести церквей в ближайшей округе и разбор конфликта в соседнем Рафайловском монастыре [Грязнов, Лепихина, Пономарева, 2002, с. 30–31]. Не исключено, что в конце XVII в. понятие «митропольи заказчики» применялось ко всем лицам, причастным к духовному судопроизводству. Так, в 1687/88 г. приказчик Аятской слободы Артемий Буженинов писал верхотурскому воеводе Г.Ф. Нарышкину: «В нынешнем 196 г. приезжают в Аятскую слободу митропольи закащики и просят они, закащики, у меня аяцких беломенстных казаков и оброчных крестьян на софийской двор для духовных дел».[9]

Несмотря на вышеописанную ситуацию, в которой проходило епархиальное строительство в Восточной Сибири, в силу значительной удаленности и малонаселенности этой территории возникали большие трудности с епархиальным контролем, сбором церковных налогов, священническими кадрами.[10] На Московских Соборах 1667 и 1681 гг. обсуждался вопрос о создании отдельной епархии в Восточной Сибири, но принятые решения не были реализованы.

В сложившихся обстоятельствах для укрепления позиций Православной Церкви в Восточной Сибири использовался опыт привлечения к управлению настоятелей монастырей. Из Москвы в Даурию были отправлены игумен Феодосий, черный поп Макарий и десять монахов, чтобы основать Троицкий монастырь на реке Селенге, «призывать и крестить в православную христианскую веру иноземцов» [Акты исторические, 1842, с. 101–102]. В мае 1681 г. миссия добралась до Тобольска и, получив благословение митрополита Павла, продолжила путь на восток. Тогда же сибирский преосвященный принял решение учредить Даурскую десятину, и вместе с миссионерами на Селенгу для судопроизводства по духовным делам и сбора с церквей податей в митрополичью казну был направлен десятиль-

[9] РГАДА, ф. 1111, оп. 1, д. 88, ч. 2, л. 113.

[10] Подробнее об этом см.: [Древние церковные грамоты, 1875; Покровский, 1897, с. 528–530].

ником софийский сын боярский Алексей Беляев [Древние церковные грамоты, 1875, с. 16]. Местом его проживания стал Иркутский острог. Между тем, ситуация с церковными сборами в Восточной Сибири была неблагополучной: многие священники самовольно переходили служить в часовни, чтобы не платить митрополичьи «дани», которыми облагались приходские церкви [Древние церковные грамоты, 1875, с. 12].

Однако спустя пять лет от десятильника А. Беляева никаких денег в софийскую казну так и не поступало. Тогда митрополит Павел принял решение отозвать десятильника, а вместо него назначить на Даурскую десятину заказчиком духовных дел игумена Селенгинского Троицкого монастыря Феодосия. Еще в 1683 г. владыка поручил Феодосию, помимо христианизации коренного населения, «тамошних жителей русских людей, которые живут неисправно и не по христиански, истиннаго нашего православия закона не держатца, разговаривать и от божественнаго писания поучать», также на игумена был возложен надзор за приходским духовенством. Указом митрополита Павла от 15 июня 1687 г. игумену Феодосию предписывалось «ведати церковные догматы и духовные дела в Даурских острогах, в Иркутцком, Селенгинском, Албазинском, Нерчинском, Баргузинском, Теленбинском, Удинском, Илимском, Аргунском, Братцком, Николаевской заимке и тех острогов в уездах», а также принять у А. Беляева финансовые дела и выслать его в Тобольск [Древние церковные грамоты, 1875, с. 16]. В управлении десятиной игумен Феодосий опирался на братию Селенгинского Троицкого монастыря, значительную часть его поручений выполнял иеродьякон Мисаил [Древние церковные грамоты, 1875, с. 18–21]. В то же время Якутской десятиной продолжал управлять десятильник из софийских детей боярских [Древние церковные грамоты, 1875, с. 25].

Таким образом, территориальное устройство Сибирской и Тобольской епархии в XVII в. проецировалось на административно-территориальное деление региона, но не линейно. Динамика освоения Сибирского региона и его пространственно-временная растянутость предопределили особенности формирования территорий церковных десятин. Этот процесс развивался на протяжении всего XVII в. по пути сначала объединения в десятинные округа значительных территорий, затем их дальнейшего дробления в соответствии с границами уездов. На него наслаивался процесс формирования духовных заказов, которые стали прообразом благочиний XVIII в. Параллельно шло усиление регламентации участия светских и духовных лиц в церковном территориальном управлении.

Список литературы

Абрамов Н.А. Материалы для истории христианского просвещения Сибири, со времени покорения ея в 1581 году до начала XIX столетия. 1854. 41 с. (Оттиск из: ЖМНП. 1854. № 2–3. С. 15–56)

Архипова М.Д. Киприан Старорушанин — деятель Русской Православной Церкви и духовной культуры первой трети XVII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 24 с.

Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // *Буцинский П.Н.* Сочинения в двух томах. Т. 2: Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 199–250.

Грязнов Д.С., Лепихина Т.Н., Пономарева Г.А. Край по имени Далмата. Т. 1. Курган, 2002. 336 с.

Дулов А.В., Санников А.П. Православная Церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX веков. Ч. 1. Иркутск, 2006. 294 с.

История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010. 552 с.

Макарий (Веретенников), архим. Из истории соборов Русской Церкви. Можайск, 2016. 232 с.

Недосеков А.С. I-й архиепископ Киприан // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 9–10. Неоф. ч. С. 179–190.

Никулин И., свящ. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. 313 с.

Никулин И., свящ. Существовали ли разряды в системе административно-территориального управления Сибирской епархии в XVII веке? // Церковь. Богословие. История: Материалы IV Международной научно-богословской конференции. Екатеринбург, 2016. С. 187–191.

Покровский И. Русския епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1: В XVI–XVII вв. Казань, 1897. 582 с.

Ромодановская Е.К. Киприан Старорусенков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII век. Ч. 2: И–О. СПб., 1993. С 156–163.

Харина Н.С. Система управления Тобольского архиерейского дома // В мире научных открытий. 2011. № 11.3 (23). С. 857–873.

Харина Н.С. Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2012. 25 с.

Цыпин В., прот. Каноническое право. М., 2012. 463 с.

Список опубликованных источников

Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842. 568 с.

Дополнения к дворцовым разрядам // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. Ч. 2. С. I–XV, стб. 1–288.

Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726) и сведения о Даурской миссии, собранные миссионером архимандритом Мелетием. Казань, 1875. 233 с.

Канонические правила Православной Церкви с толкованиями // Азбука веры: [сайт] URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/pravila-i-sobory-pravoslavnoj-cerkvi-shestoj-vselenskij-sobor-konstantinopolskij/#0_38 (дата обращения 12.08.2020)

Книга записная // ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 138–176.

Миллер Г. История Сибири. Т. 2. М., 2000. 796 с.

Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Сост. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. 292 с.

УДК 94(47).046+94(470.2)+355.48

С.А. Никонов
Мурманский арктический государственный университет

Датское нападение на Мурманский берег в 1623 г.: К вопросу об организации обороны Поморья*

Статья раскрывает взаимодействие воевод Кольского острога, крепости Соловецкого монастыря, Архангельска во время нападения датской флотилии на побережье Баренцева моря (Мурманский берег) в 1623 г. Нападение стало заключительным эпизодом в военном противостоянии Московского государства и Датского королевства на Крайнем Севере Европы. В статье показаны меры, предпринимаемые местными властями для организации обороны: сбор информации о происходящем, попытки ведения переговоров, мобилизация имеющихся сил.

Ключевые слова: Мурманский берег, Поморье, датское нападение, рыбный промысел.

Во второй половине XVI — первой трети XVII в. Русский Север стал ареной военных и дипломатических столкновений Московского государства и стран Северной Европы — Дании и Швеции. Здесь эхом отражались военные конфликты, эпицентром которых было противостояние на Балтике, а также решался вопрос о территориальной принадлежности Кольского полуострова и Карелии — земель, граничивших со шведскими и датскими владениями.

Озабоченность России безопасностью на границе привела к строительству ряда крепостей и размещению в них стрелецких гарнизонов. Необходимость принятых мер была доказана событиями 1589–1592 гг., когда некоторые районы Поморья подверглись нападениям со стороны Швеции [Богомазова, Володихин, 2018; Володихин, 2017; Гостев, Давыдов, 2014, с. 15–19; Ушаков, 1997, с. 87–92; Фруменков, 1975, с. 27–32].

Русско-датское противостояние развивалось преимущественно в дипломатическом русле.[1] Стороны воздерживались от использования военной силы, хотя Дания в 1582 и 1597–1599 гг. направляла к побережью Баренцева моря военные корабли, грабившие проходящие купеческие и промысловые суда, воздерживаясь от полномасштабных военных действий [Ушаков, 1997, с. 95; Ушаков, 2001, с. 58; Фруменков, 1975, с. 33–34].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00154.

[1] Историографию проблемы, а также основные этапы развития русско-датских отношений на Крайнем Севере Европы см.: [Толкачев, 2018].

© Никонов С.А., 2020

Ко второй половине XVI в. побережье Баренцева моря Кольского полуострова — Мурманский берег — стало районом развития рыбного промысла и международной торговли.[2] Сюда ежегодно приходили русские промышленники из разных районов Поморья для добычи трески и палтуса, используя в качестве сезонных мест обитания становища — рыбацкие поселки. Возникший в начале 1580-х гг. Кольский острог стал для них перевалочным пунктом. Отсюда на побережье отправлялись таможенные целовальники для взимания пошлин с добытой и проданной рыбы, занимавшиеся и продажей спиртного.

Мурманский берег подвергался нападениям датской эскадры в 1621–1623 гг. Самым разорительным стало нападение 1623 г. Агрессия Дании была вызвана желанием решить давний территориальный конфликт на Крайнем Севере Европы и добиться от Москвы разрешения на использование «мангазейского хода»[3] для участия в пушной торговле за Уралом. Поводом к конфликту стало задержание судна датского купца Климента Блума (Клима Юрьева), сумевшего в 1619 г. на торговом судне пройти в Пустозерск, но задержанного на обратном пути в Коле. Здесь у него конфисковали имущество, отправленное затем в Архангельск [Державин, 2006, с. 107; Ушаков, 1997, с. 99].

Датское нападение на Мурманский берег неоднократно упоминалось в работах, посвященных истории Русского Севера и международным отношениям на Севере Европы [Белов, 1956, с. 89–94; Державин, 2006, с. 108; Ушаков, 1997, с. 99–101; Ушаков, 2001, с. 58; Фруменков, 1975, с. 61], но не становилось объектом самостоятельного исследования, несмотря на то что в РГАДА хранится внушительный комплекс материалов, связанных с этим событием: грамоты воевод, росписи захваченного датчанами имущества, «роспросы» очевидцев событий. Эти документы еще должны стать объектом источниковедческого исследования. Наша задача — выяснить, как основные военные центры Поморья (Кольский острог, крепость Соловецкого монастыря и Архангельск) взаимодействовали друг с другом в этот период, какие принимали меры для обороны региона.

Ожидая возможного столкновения, к 1616/17 г. власти увеличили численность гарнизона Кольского острога до 200 человек.[4] Несмотря на это, гарнизон выполнял только оборонительные задачи: не располагая военным флотом, Россия не могла защитить побережье Баренцева моря, где поморы вели промысел и торговали с купцами из европейских стран.

---

[2] Историографию проблемы и историю развития мурманского промысла в XVI–XVIII вв. см.: [Никонов, 2020].

[3] Мангазейский ход — маршрут из Белого моря в низовья р. Таз (Западная Сибирь). См.: [Белов, 1956, с. 106–128; Старков, 2001, с. 32–40].

[4] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1619 г., д. 3, л. 2.

Военные действия датская эскадра начала в середине июня 1623 г. Нападение стало неожиданным, поскольку жители Колы, стрельцы и посадские люди, в конце апреля отправились на Мурманский берег для участия в промыслах.[5] Датчане действовали в районе полуострова Рыбачий и у острова Кильдин. Они грабили и захватывали в плен промышленников и таможенных целовальников, нападали на русские суда, создавали препятствия для движения голландских торговых кораблей.

Бежавшие с побережья Баренцева моря русские промышленники и иностранные купцы, искавшие спасения в Коле, Архангельске и на Соловках, давали местной администрации информацию о происходящем. В Коле воевода Гурий Волынцев и подьячий Никита Власьев опрашивали стрельцов, сопровождавших лодьи с хлебом, и таможенных целовальников Мурманского берега, а также пытались вступить в переговоры с датчанами о прекращении боевых действий. Результата это не дало: отправленное 28 июня из Колы посольство во главе со стрельцом Мишкой Поздеевым вернулось ни с чем.[6]

Расспрашивая русских и иностранцев, воеводы пытались не только получить сведения о действиях датчан на побережье, но и выяснить причины и цели нападения, составить представление о численности и боевом потенциале. Общим местом в показаниях является объяснение причины датского нападения «обидой», причиненной Климу Юрьеву, «у которово в Кольском остроге животы поимали».[7] Часть отнятого у датчанина имущества будто бы присвоили себе в 1619 г. кольский воевода Пимин Юшков и подьячий Второй Шестаков.

Месть за «животы» купца Климента Юрьева была прикрытием политических намерений датчан, стремившихся решить давний территориальный конфликт. Так, голландец Еремей Любс, находясь со своим судном на острове Кильдин, смог пообщаться с Климом Юрьевым и военным руководителем «воеводой Микулаем». На вопрос голландца, «за што такая смута учинилась», был получен ответ: «Сошлася-де с московским государем государя нашего королевская земля, и с лопи-де имали дань на московсково государя, и на нашего датцково короля, и на свийского. И московской-де государь государя нашего землею владеет много лет».[8] Это заявление возвращает нас

[5] Об этом сообщает архангелогородец Кирилко Андреев, оказавшийся накануне Пасхи в Коле по торговым делам. По его словам, «жилетцкие люди все и стрельцы многие по промыслом выехали». См.: РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 1, 4.

[6] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 31–33.

[7] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 7, 30–32, 83–84, 93, 113, 119–120, 147.

[8] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 92–93. Аналогичным образом планы датчан объясняли и таможенные целовальники Герасимко Степанов и Онцыфорко Яковлев. См.: РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 125.

к истокам русско-датского территориального конфликта на Крайнем Севере Европы.

Военные планы датчан представлены в ряде показаний. Так, архангелогородец Кирилко Андреев сообщал воеводе Пожарскому, что датчане в «лехких судех» заходят в Кольский залив, чтобы «итти х Кольскому острогу».[9] В качестве основной цели неприятеля Кола фигурирует в целом ряде свидетельств.[10] О возможном намерении штурмовать острог говорит и наличие у датчан осадных приспособлений, отмеченных голландцем Еремеем Любсом: «Пинарды и ломы, всякие приступные снасти многие».[11] Велась подготовка к предстоящей операции, которой руководил «воевода»: «Салдатам указывает, как на приступ итти, и ис которого наряду в которое время стрелять, и как пинарды нести».[12] Голландец не исключал и возможность последующего похода в Белое море «к Двинскому устью или к Соловетцкому монастырю».[13] Правда, реализации этого плана могло препятствовать наличие у берегов Архангельска иностранных купеческих судов, которые в случае нападения неприятеля «станут против их битца».[14]

Датчане стремились запугать русских промышленников и посеять панику. Захваченный в плен стрелецкий пятидесятник Савка Костянтинов, общавшийся с Климом Юрьевым, сообщал, что неприятель ожидал «вскоре государя своего, дацкого короля; а как-де король будет», двинуться к Коле.[15] Эти сведения подтверждаются показаниями голландца Еремея Любса: со слов датского «воеводы», еще семь кораблей датской эскадры стояли «в становище Пицьберге[16] от Кильдина острова за девяносто миль»,[17] готовые выйти на поддержку. К концу лета планы датчан изменились. Отправленные из Колы для переговоров с неприятелем во второй половине июля стрелецкий сотник Степан Копнин и посадский Куземка Пагалихин сообщали, что датчанам королевским указом «до Колы... приступать не велено».[18]

Особенности ведения боевых действий, численность и военный потенциал неприятеля выяснялись как из наблюдений очевидцев,

---

[9] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 3.

[10] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 7, 58, 61, 84.

[11] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 94.

[12] Там же.

[13] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 95.

[14] Там же.

[15] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 84.

[16] Возможно, речь идет о Хамнинберге, рыбацком поселке на полуострове Варангер (Северная Норвегия). В поморских лоциях XVIII–XIX вв. это место называется Питер. См.: [Гемп, 1980, с. 67; Shrader, 2005, p. 108].

[17] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 94–95.

[18] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 119–120.

так и из показаний отпущенных пленников. Для оценки потенциала противника важно было знать количество военных судов и численность военнослужащих. Данные о численности датчан в показаниях разнятся от нескольких сотен до полутора тысяч человек.[19] Такое расхождение объясняется тем, что свидетели сообщали не обо всех силах неприятеля, а только о тех, которые они могли наблюдать лично. Побывавший в датском плену крестьянин Ортюшка Ларионов сообщал соловецкому воеводе Михаилу Спешневу, что на каждом корабле было до пятисот человек.[20] Кольские целовальники Герасимка Степанов и Онцифорко Яковлев, захваченные в плен, сообщали, что на шести судах находилось порядка 950 человек.[21]

Разнились и данные о количестве судов: кто-то из опрашиваемых сообщал о четырех, а кто-то — о шести военных кораблях.[22] Самыми точными сведениями на этот счет располагала администрация Кольского острога, получавшая информацию из разных источников: от русских промышленников и таможенных целовальников, ограбленных и побывавших в плену, и посланников, отправленных для переговоров с датчанами. Так, воевода Гурий Волынцев сообщал о том, что эскадра состояла из 13 судов — 6 военных и 7 торговых.[23] Последние выполняли вспомогательную роль, принимая на борт награбленное: рыбу, хлеб и разное имущество.[24] Помимо крупных морских судов, датская эскадра имела на вооружении небольшие яхты и гроты. Голландец Любс сообщал о том, что у неприятеля было 4 яхты и 8 гротов.[25]

Датчане действовали следующим образом. Одна группа судов блокировала вход в Кольский залив, закрывая проход к Кольскому острогу, другая действовала в районе острова Кильдин.[26] Яхты и гроты нападали на становища и суда промышленников в море.[27] Захваченные шняки датчане использовали как грузовые суда,[28] лодьи пускали на дрова либо портили, делая пробоины в корпусе.[29]

---

[19] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 6, 94, 121, 125.

[20] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 5–6.

[21] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 147.

[22] Например, стрелец Ивашка Ларионов. См.: РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 133.

[23] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 34, 133.

[24] Совместность действий военных и купеческих судов датской эскадры отмечается и в показаниях таможенного целовальника Пятки Морохотье. См.: РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 54.

[25] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 96.

[26] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 110–111.

[27] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 1–3.

[28] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 96.

[29] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 114.

По свидетельству голландца Любса, датские суда были вооружены пушками: 18 «проломными» и 10 более мелкого калибра.[30] Некоторые пушки были «на колесех», т.е. могли использоваться в полевых условиях, а не только в морском бою.[31] По оценке архангелогородца Первушки Мосеева, на трех судах неприятеля было 62 артиллерийских орудия.[32] Примерно такую же цифру — 60 орудий — называли и кольские таможенные целовальники.[33]

Во время действий датчан на Мурманском берегу произошло небольшое сражение в устье р. Териберки. 29 июня сюда в поисках спасения зашли шесть лодий с грузом хлеба, направлявшиеся с Двины в Кольский острог. Суда сопровождал отряд стрельцов. Нападения избежать не удалось: 4 июля в устье Териберки пришли «в дву яхтах неметцкие люди», численностью в 150 человек. Лодейщики-холмогорцы[34] так описывают боевые действия: неприятель наступал на стрельцов, укрепившихся за небольшим острожком из бревен и валунов, «з знамяны и с набаты, все в латах».[35] Оставшиеся на яхтах прикрывали наступление пехоты, стреляя из-за щитов.[36]

Несмотря на успехи, состояние датских солдат, по оценкам некоторых русских очевидцев, оставляло желать лучшего. Так, Первушка Мосеев сообщал, что «люди-де (датчане. — *С.Н.*) все худые, нагие, и многие лежали болны цынгою».[37] Только захват двинских хлебных лодей позволил несколько улучшить положение.

Информация, собранная воеводами, позволяла составить представление о численности, планах и действиях неприятеля, без чего невозможно было принятие решений Москвой. Воеводы Колы, Архангельска и Соловков поддерживали связь друг с другом, обмениваясь посланиями. Особое значение для оценки ситуации, конечно, имели письма кольского воеводы Волынцева, на вверенной которому территории происходили нападения датчан. Он сообщал соловецкому и двинскому воеводам о положении дел, просил оказать военную и продовольственную помощь.[38]

Ни один из трех центров Поморья не был готов к ведению полномасштабных действий. Наибольшая опасность нависла над Кольским

---

[30] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 93–94.

[31] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 96.

[32] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 114.

[33] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 125.

[34] Лодейщик — капитан судна.

[35] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 82.

[36] Там же.

[37] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 113–114.

[38] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 34–35, 133–135.

острогом. Очевидцы сообщали о том, что уже в начале июля «около острогу Кольского посады горели».[39] Уничтожение незащищенной части города было известным тактическим приемом в ходе военных кампаний. По свидетельству голландца Любса, находившегося в это время в Коле, в городе укреплялся острог («крепости поделывают и осаду крепят»), проводилась частичная эвакуация населения: детей и женщин отправили в Кандалакшу из-за недостатка продовольствия.[40] Все это демонстрировало намерение местных властей дать отпор датчанам.

Нехватка продовольствия вызывала большую обеспокоенность местной власти и общества. Еще до начала активных действий датчан в море в Колу пришло 8 двинских и каргопольских лодей и 2 лодьи Печенгского монастыря, которые доставили разные товары, включая хлеб.[41] Очевидно, этого было недостаточно, поскольку захват датчанами в начале июля лодей, шедших с Двины, вызвал подорожание хлеба: осьмина ржи стоила 4 гривны.[42] По мнению воеводы Гурия Волынцева, хлеба в остроге могло хватить до «Филипова заговенья» (14 (27) ноября. — *С.Н.*).[43] Власти Колы обращались на Соловки и в Архангельск с просьбой прислать 4000 четей хлеба в Кандалакшскую волость Кольского уезда, откуда его можно было безопасно доставить в острог.[44]

Нехватка хлеба могла быть вызвана резким ростом численности населения в Коле. По данным воеводы, население острога составляло 700 человек.[45] Во время нападения датчан в крепости пытались найти спасение промышленники, сюда пришли несколько десятков стрельцов, сопровождавших лодьи с хлебом. Количество населения в результате увеличилось до 2000 человек.[46]

Для помощи Коле из Архангельска была отправлена сотня стрельцов под командованием сотника Ондреяна Шамрова. Стрельцы должны были доставить в острог запас хлеба (100 четей ржи и 50 четей ячменя) и боеприпасов (15 пудов пороха и 8 пудов свинца).[47] К острогу отряд Шамрова добирался не морским путем, что было невозможно в условиях военных действий, а сухопутным, через терри-

---

[39] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 50, 58.
[40] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 86, 307.
[41] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 118.
[42] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 120.
[43] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 307.
[44] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 148.
[45] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 137.
[46] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 148.
[47] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 12.

торию Кольского уезда. В последующем двинской воевода Дмитрий Пожарский уклонялся от подобных поставок в острог, ссылаясь на нехватку продовольствия и вооружения в Архангельске.[48]

Двинской уезд располагал гарнизоном из 480 стрельцов, 30 пушкарей и затинщиков, размещавшихся в Холмогорах и Архангельске.[49] Отправка в Колу стрелецкой сотни сократила военные силы.[50] Как и в Коле, главной трудностью для военнослужащих и местных жителей была нехватка хлеба, которого, по эмоциональному выражению воеводы, в «государевых житницах нет ни одной чети».[51] Имевшиеся хлебные запасы к этому времени были распределены: часть вывезена в поморские волости, часть — на промыслы, часть — в монастыри. Воевода считал, что имеющихся сил достаточно только для обороны Архангельска, и не предполагал возможности оказания помощи другим военным центрам Поморья. Он предпринимал меры для наращивания боевого потенциала. «На посадех... и в уезде» велся учет «жилетцких людей со всякими бои»; на руках пищалей и самопалов «объявилося не у многих людей».[52]

Крепость Соловецкого монастыря, самое укрепленное место Поморья, также готовилась к возможному отражению неприятеля. По сведениям воеводы Михаила Спешнева, «по башням и по пряслом на стенах наряд устроен, и служивые всякие люди по местом росписаны».[53] На острове были выставлены «сторожи», которые должны были предупредить о подходе датских судов. Основной проблемой воевода считал нехватку людей для обороны такой крупной крепости. Сумский острог — монастырская вотчина в материковой части Поморья, на рубеже XVI–XVII вв. неоднократно страдавшая от нападений шведов, также испытывала нехватку ратных людей [Гостев, Давыдов, 2014, с. 14–15; Фруменков, 1975, с. 20–21]. Воевода надеялся на помощь Москвы, как это было в правление царя Федора Ивановича, когда «в Соловецком монастыре и в Сумском остроге для приходу немецких людей были воеводы с прибыльными ратными людьми».[54]

Таким образом, все воеводы заняли выжидательную позицию и не стремились провоцировать неприятеля. В случае возможного столкновения они делали ставку на оборону крепостей. Об отказе от

[48] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 138.
[49] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 13.
[50] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 96.
[51] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 13.
[52] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 97.
[53] РГАДА, ф. 53, оп. 1, 1623 г., д. 1, л. 52.
[54] Там же.

активных действий свидетельствует и отправка в стан датчан послов из Кольского острога для переговоров о прекращении военных действий. Датская сторона также не была готова перейти черту, отделявшую пиратские рейды на Мурманском берегу от полномасштабного военного столкновения. Именно поэтому все усилия датчан свелись только к разорению промысловых становищ и захвату судов.

Список литературы

Белов М.И. Арктические мореплавания с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. 591 с.

Богомазова А.А., Володихин Д.М. Соловецкие военачальники последней четверти XVI века. М.; Севастополь, 2018. 54 с.

Володихин Д.М. Московские военачальники, стоявшие на защите русского Поморья в русско-шведскую войну 1589–1595 гг. // Российская Арктика: Проблемы и перспективы развития. М., 2017. С. 190–210.

Гемп К.П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980. 80 с.

Гостев И.М., Давыдов Р.А. Русский Север в войнах XVI–XIX веков. Архангельск, 2014. 262 с.

Державин В.Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв.: К истории русско-европейских связей на Кольском полуострове. М., 2006. 143 с.

Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. СПб., 2020. [В печати].

Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. 2: Россия и Северо-Восточный проход. М., 2001. 113 с.

Толкачев М.В. Русско-датские дипломатические отношения и Лапландский вопрос в 1584–1605 годах. Мурманск; Самара, 2018. 255 с.

Ушаков И.Ф. Избранные произведения: Историко-краеведческие исследования. Т. 1: Кольская земля. Мурманск, 1997. 646 с.

Ушаков И.Ф. Кольский Север в досоветское время: Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. 333 с.

Фрумeнков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975. 184 с.

Shrader T. Across the Borders: The Pomor Trade // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders. Moscow, 2005. P. 105–115.

УДК 339.1

А.И. Раздорский
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Таможенные книги Великого Новгорода XVII века: Сравнительный анализ структуры документов и формуляров отдельных статей*

В статье приведены сведения о структуре и содержании четырех таможенных книг Великого Новгорода XVII в. Это хранящиеся в Государственном архиве Швеции книги 1610/11, 1613/14 и 1614/15 гг., материалы которых введены в научный оборот в 1990–2000-е гг., и книга 1677/78 г., в исторической литературе до сих пор не упоминавшаяся. Книга 1677/78 г. впервые была обнаружена археографом Н.Н. Оглоблиным среди документов Сибирского приказа в середине 1890-х гг. В настоящее время она хранится в Российском государственном архиве древних актов. Проведен сравнительный анализ структуры и формуляров отдельных статей новгородских таможенных книг разного времени, а также отмечено, какие данные, содержащиеся в этих документах, могут быть сопоставлены между собой при изучении истории торговли и купечества XVII в.

Ключевые слова: таможенные книги, источниковедение, археография, массовые исторические источники, Российский государственный архив древних актов, Великий Новгород.

Важнейшими источниками по истории внутренней и внешней торговли Московского государства и Российской империи за период с конца XVI до середины XVIII в. являются таможенные книги — приходо-расходные отчетные документы таможен, располагавшихся до Таможенной реформы 1753–1757 гг. по всей территории страны. Таможенные книги содержат сведения о географии торговых связей, ассортименте, ценах и объемах поставок товаров, номенклатуре, правилах взимания и размерах таможенных пошлин, а также данные о социальном и персональном составе участников торговых операций. Изучение этих документов, начатое еще в середине XIX в., активным образом продолжается и в наши дни [Раздорский, 2009, с. 9–21; Раздорский, 2020, с. 120–138]. Издано (без учета фрагментарных публикаций) 90 таможенных книг XVI–XVIII вв. по 35 городским и сельским населенным пунктам России [Раздорский, 2017, с. 126–138].

* Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-00057А «Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 года: Исследование. Текст. Комментарии».

© Раздорский А.И., 2020

В настоящее время автором настоящей статьи в центральных и региональных архивах Российской Федерации, а также в некоторых библиотеках и музеях страны, выявлено в общей сложности свыше 3900 таможенных книг по более чем 300 населенным пунктам европейской части России и Сибири. Как в географическом, так и в хронологическом отношении рассматриваемые источники сохранились крайне неравномерно. Так, не обнаружено ни одной таможенной книги по таким крупным торговым центрам, как Кострома и Калуга. За XVII в. отсутствуют таможенные книги по Архангельску, Астрахани, Нижнему Новгороду, Серпухову, Туле, за XVIII в. — по Вологде, Смоленску, Твери. По Москве имеется обширное собрание таможенных книг XVIII в., однако за предшествующее столетие сохранились только фрагменты подобных документов конца 1620-х — начала 1630-х гг. (конские таможенные книги) и за 1690-е гг. (книги Московской Большой таможни)

Одним из важнейших торговых центров Московского государства был Великий Новгород. Долгое время бытовало мнение, что таможенных книг за XVII в. по этому городу не сохранилось. Только на исходе XX в. в научный оборот были введены материалы новгородских таможенных книг, хранящихся ныне в Стокгольме в Государственном архиве Швеции в составе документов так называемого Новгородского оккупационного архива (в этом собрании находятся материалы делопроизводства Новгородской приказной избы за 1611–1617 гг., которые шведский военачальник Якоб Делагарди вывез в 1617 г. в преддверии возвращения города Московскому государству). В 1996 г. две таможенные книги Великого Новгорода — за 1610/11 и 1613/14 гг. — были опубликованы новгородскими историками В.А. Варенцовым и Г.М. Коваленко [Таможенные книги Великого Новгорода, 1996]. В 2005 г. была издана еще одна новгородская таможенная книга — за 1614/15 г., также хранящаяся в Государственном архиве Швеции [Новгородская таможенная книга 1614/15 г., 2005, с. 384–466]. Этот памятник, обнаруженный шведской исследовательницей Л. Нордквист, подготовил к публикации Г.М. Коваленко. В 2009 г. тексты всех трех таможенных книг Великого Новгорода первой половины 1610-х гг. были опубликованы на CD-ROM [Новгородские таможенные книги XVII в., 2009] (при цитировании в настоящей статье используем эту электронную публикацию). В электронном издании представлена статья Г.М. Коваленко, содержащая краткий очерк истории происхождения и изучения публикуемых источников, а также характеристику их структуры и содержания [Коваленко, 2009].

В 2019 г. автор настоящей статьи впервые ознакомился в РГАДА с таможенной книгой Великого Новгорода 1677/78 г., сведения о которой в исторической литературе до сих пор не приводились. Этот уникальный исторический источник хранится в фонде Новгородского стола Разрядного приказа.[1]

Впервые рассматриваемая книга была обнаружена еще в середине 1890-х гг. историком и археографом Н.Н. Оглоблиным среди документов Сибирского приказа. Об этом свидетельствует наклейка на задней стороне передней крышки ее переплета: «NB. Сия книга найдена оказалась между книгами Сибирского приказа, при разборке в 1895 году сего приказа Н.Н. Оглобленым [sic]. Вследствие чего, по своему содержанию, присоединена к книгам Новгородского стола под № 76».

Следует отметить, что присутствие в фонде Сибирского приказа документов, относящихся к европейской части России, не является чем-то исключительным. Так, например, в этом фонде по сей день находится конволют, включающий материалы по 35 южнорусским городам (преимущественно это таможенные книги и книги кружечных дворов) и одному городу от «Литовской Украины» (Невелю) за 1656/57 г.[2]

Новгородская таможенная книга 1677/78 г. после того, как Н.Н. Оглоблин переместил ее из фонда Сибирского приказа в фонд Разрядного приказа, выпала из поля зрения исследователей. В опись книг Новгородского стола Разрядного приказа она не попала, поскольку эта опись была опубликована в 1894 г. [Описание документов и бумаг, 1894, с. 140–149], т.е. еще до того, как книга была обнаружена в фонде Сибирского приказа. В подготовленное же Н.Н. Оглоблиным «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа», изданное в 1897 г., она не вошла, так как, во-первых, не соответствовала «Обозрению» по географическому признаку и, во-вторых, находилась к тому времени уже в собрании книг Новгородского стола. Таким образом данный уникальный памятник оказался фактически исключенным из научного оборота.

Единственной зацепкой, позволившей выйти на новгородскую таможенную книгу 1677/78 г., оказалась приписка, сделанная в одном из экземпляров 9-й книги «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», находящемся непосредственно в архивохранилище РГАДА: «76. — 7186/1678–79. Книги таможенные новгородские, 766 л.». К приписке сделано руко-

[1] РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ), оп. 6-в (Новгородский стол), кн. 76.

[2] РГАДА, ф. 214 (Сибирский приказ), кн. 405.

писное примечание: «Найдена Н. Оглоблиным в книгах Сибирского приказа в 1895 г.».[3]

Представляется интересным сопоставить между собой структуру и формуляры отдельных статей уже введенных в научный оборот новгородских таможенных книг первой половины 1610-х гг. и вновь обнаруженной книги 1677/78 г.

Источники, хранящиеся в шведском архиве, как и книга 1677/78 г., являются беловыми отчетными документами новгородской таможни. Они охватывают своими записями полный сентябрьский год.

Книга 1610/11 г., насчитывающая 348 листов, включает четыре структурных раздела. В первом разделе (л. 1–135) представлены поденные записи о взимании таможенных пошлин с новгородских торговцев, явивших товарные партии совокупной стоимостью свыше 1 рубля, а также обобщенные поденные же записи о сборе пошлин с предложенной к продаже свежей рыбы. Во втором разделе (л. 136–334) собраны записи об уплате таможенных пошлин с товаров, принадлежавших иногородним торговцам.[4] Третий раздел (л. 335–336 об.) составляют расходные таможенные записи. Четвертый раздел (л. 338–347) включает записи о поступлении «яфимочных пошлин» — сборов, с явленных в таможне западноевропейских серебряных монет «ефимков» — «любских» (талеров из центра Ганзейского союза — города Любека) и «рьяльских» (нидерландских талеров).[5]

Книга 1613/14 г., включающая 91 лист, состоит из двух разделов. В первом (л. 2–20) в календарном порядке сгруппированы поденные записи о сборе пошлин с иногородних торговцев, во втором (л. 21–87 об.) — с местных жителей и с продавцов свежей рыбы. На л. 88–89 об. подведены итоги поступления таможенных пошлин за год. Расходный раздел в документе отсутствует, имеется лишь обобщенная итоговая сводка о произведенных за год расходах на обеспечение деятельности таможни (л. 90).

Книга 1614/15 г., насчитывающая 441 лист, включает четыре раздела. В первом разделе (л. 9–117) представлены поденные запи-

---

[3] На эту приписку наше внимание обратила научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН М.Е. Проскурякова, за что мы выражаем ей искреннюю благодарность.

[4] Среди плательщиков пошлин, отраженных в этом разделе, встречаются и новгородцы, производившие коммерческие операции по поручению иногородних владельцев товарных партий. Например, новгородец Кондратий Федоров сын Врудцкой явил в таможне партию соли, принадлежавшей его брату ивангородцу Митяю Врудцкому (л. 136).

[5] На л. 348 приведена итоговая запись о сборе в течение года «записчих денег» и о выплате из собранной суммы жалованья двум таможенным дьячкам.

си о взимании пошлин с иногородних торговцев, во втором (л. 129–366) — с новгородцев и с торговцев рыбой, в третьем (л. 366–368) — расходные записи о покупках «в таможню на таможенный обиход», в четвертом (л. 385–440) — записи об уплате пошлин иноземцами.

Следует особо отметить, что во всех трех таможенных книгах первой половины 1610-х гг. их составные разделы никак не озаглавлены.

В основу структурного членения новгородских таможенных книг 1610/11, 1613/14 и 1614/15 гг. положен, как видим, географический признак — местожительство участников торговых операций. Записи о взимании пошлин с новгородцев и с иногородних в документах обособлены друг от друга. Это объясняется тем, что до таможенной реформы 1653 г. в Великом Новгороде, как и по всей России в целом, местные жители уплачивали таможенные пошлины в ином размере, чем приезжие торговцы.

Обратимся теперь к таможенной книге Великого Новгорода 1677/78 г. Этот документ, состоящий из 816 листов (из которых пронумерованы 766), имеет значительно более сложную структуру. Большую часть книги (л. 3–442, 537–545 об.) составляют расположенные в календарном порядке записи о взимании рублевой таможенной пошлины с торгующих, сведенные в месячные блоки, каждый из которых состоит из двух разделов («книг»).

В первом разделе — «Книге таможенных рублевых пошлин товарных записок» — зафиксированы сведения о сборе в течение месяца пошлин с различных товаров, предназначенных к продаже в Великом Новгороде, а также с денег, явленных на покупку.

Во втором разделе — «Книге таможенных рублевых пошлин хлебных записок» — представлены данные о сборе за месяц пошлин с партий зернового и смолотого хлеба. При этом необходимо отметить, что хлеб упоминается и в некоторых записях первого раздела (в тех случаях, когда он входил в состав сложных товарных партий). В свою очередь, во втором разделе попадаются записи, где, наряду с хлебом, отмечены и другие товары.

Особенностью новгородской таможенной книги 1677/78 г. является то, что записи о взимании рублевой пошлины сгруппированы в ней сразу за два дня (исключения составляют только 31-е числа). В новгородских книгах первой половины 1610-х гг. (как и в подавляющем большинстве таможенных книг других русских городов) записи даны по каждому дню в отдельности.

В конце каждого месячного блока в книге 1677/78 г. указана сумма пошлин, собранных с мелочной торговли и с весчих товаров, а также приведены записи о расходах, произведенных на обеспечение деятельности местной таможни. В книгах первой половины 1610-х гг.

подобного рода записи по отдельным месяцам не подразделены, а даны за год в целом.

Внутри «книги товарных записок» за август 1678 г. после записи о поступлении рублевой пошлины за 31 августа приведены (на л. 442–444 об.) сведения о сборе таможенных пошлин с торговцев снетком. Далее (на л. 444 об.–534 об.) расположены записи о таможенных отъявках, произведенных местными и приезжими торговцами в течение года, которые в отдельный раздел не выделены. В «отъявочных» записях зафиксированы торговые операции разного рода, в том числе отправка нераспроданных товаров из Великого Новгорода в другие места, а также доставка в Великий Новгород одних товаров и покупка на вырученные от их продажи «товарные» деньги других товаров в отвоз.

После «отъявочных» записей (на л. 534 об.–539 об.) приведены суммы сбора мелких оброчных платежей (с лавочных мест, амбарщины с гостиного двора и др.), итоговые сводки о поступлении различных таможенных доходов, а также расходные статьи за август. На л. 540–545 об. находится августовский «хлебный» раздел.

Далее в таможенной книге 1677/78 г. имеется еще несколько разделов («книг»): «Книги записные росходом таможенной избе хоромному строенью» (записи о казенных расходах на постройку в Великом Новгороде новой таможенной избы; л. 546–555 об.); «Книги новгородцкого таможенного збору рублевых пошлин с товарных отпусков за Свицкой рубеж» (л. 556–603 об.); «Книги таможенных рублевых пошлин збору Сяского устья»[6] (л. 604–614); «Книги таможенного збору проезжих пошлин» (записи о транзитных товарных партиях, провозимых иностранными купцами через Великий Новгород в Москву из-за рубежа с новгородскими таможенными выписями, а также о товарах, которые они скупали в Москве и отправляли через Великий Новгород за границу; л. 615–625); «Книги таможенных товарных записок отпускным товаром к Москве и в ыные городы из Великого Новагорода руских торговых людей с новгородцкими таможенными выписьми» (л. 626–761). В конце таможенной книги 1677/78 г. помещен не имеющий заглавия раздел, в котором представлены записи о натуральных сборах с продавцов поташа и смольчуга[7] (л. 762–766).

---

[6] При впадении в Ладожское озеро реки Сясь находилась таможенная застава, подведомственная новгородской таможне, через которую велась торговля со Швецией.

[7] С лиц, имевших государеву грамоту о «заводе будных станов» (т.е. поташных и смольчужных промыслов), полагалось взимать и затем продавать в пользу казны каждую восьмую бочку товара, с не имевших такой грамоту — каждую пятую бочку.

Можно заметить, что структура таможенной книги Великого Новгорода 1677/78 г. по сравнению с аналогичными документами первой половины 1610-х гг. претерпела весьма значительные изменения. Если в книгах периода Смуты основная часть записей структурирована в зависимости от местожительства торговцев, то в книге 1677/78 г. структурное членение документа зависит прежде всего от вида товара (хлеб обособлен от остальных товаров), а также происхождения и назначения товарной партии (продажа в Великом Новгороде, отправка транзитом в Москву или за рубеж). Увеличение территории, подведомственной новгородской таможне, в частности, отнесение к ее ведению заставы в устье реки Сясь, а также расширение контрольных функций (особый учет поташа и смольчуга), обусловило появление новых разделов.

Рассмотрим теперь формуляры отдельных записей, имеющихся в новгородских таможенных книгах 1610/11 и 1677/78 гг. (по своей структуре записи трех книг первой половины 1610-х гг. в целом однотипны). Для сравнения взяты записи о явках скота, соли, воска, смешанных товарных партий и свежей рыбы, а также записи о явке «товарных денег» на покупку.

Таможенная книга 1610/11 г.	Таможенная книга 1677/78 г.
Явил новгородец Михайла Ларионов сын с Варежской улицы девятнатцать коров, пять овец. Гнал сам-друг. Тамги и поголовного взято три алтына полчетверты деньги. Замытные пошлины взято два алтына (л. 35).	Явили новгородцы посацкие люди Власко Алексеев сын Соловей дватцать шесть коров и быков, цена тритцать девять рублев (л. 3).
Тово ж дни явил новгородец Иван прозвище Скопин с Лубяницы улицы прасол на дву возех пять лубов соли. Привез из Старые Русы. Извощиков два человеки сельские. Тамги и поголовного и полозового взято и узелцовые пошлины четыря алтына. Замытные пошлины взято три деньги (л. 47).	Явил старорушанин посацкой человек Сенька Мартинов девяносто осмь пуд с четвертью соли русы, цена осмь рублев дватцать осмь алтын две деньги. Пошлин взято дватцать девять алтын три деньги, с рубля по гривне (л. 5 об.–6).
Явил новгородец Иван Иванов сын Приданцов с Михайловы улицы три пуды воску. Цена четырнатцать рублев, тамги и поголовного взято три алтына. Замытные пошлины взято два алтына две деньги (л. 5 об.).	Торопчане посацкие люди Мишка Ларионов сын Свечников тритцать три пуда осмнатцать фунтов без четверти воску, цена сто сорок три рубли дватцать алтын (л. 7 об.).
Тово ж дни явил москвитин Гаврила Семенов три батмана краски крутику, пуд гвоздиги, десять пуд квасцов, десять пуд серы, восмь гривенок кинаварю нетертово, пуд темьяну, дватцать пять полен сандалу синево, полтора фунта и пятнатцать	Тверитин посадцкой человек Федька Григорьев Подошевников дватцать пятеры чюлки, пятдесят портищ пухов чернецких, девять боранов, пять мотков гарусу, сто тритцать личинок, дватцать струн борановых, сто гребней роговых, тритцать

золотников жемчюгу мелково, тритцать семь золотников жемчюгу побольшово. Цена всему товару окроме дву батманов краски и темьяну и жемчюгу побольшово сто десять рублев. А не проданой товар отъявя повез к Москве. Тамги и поголовново и полозового с проданова товару взято два рубли восмь алтын четыря деньги. Замытные пошлины восмьнатцать алтын две деньги (л. 240 об.–241).

Месяца апреля в 2 день. Тамги и поголовного с свежих рыб собрано десять алтын четыре деньги. Замыту взято четыря алтына две деньги (л. 110).

Явил вязьмитин Василей Лукьянов для товарные покупки шестнатцать рублев денег. Тамги и поголовного взято десять алтын две деньги (л. 165 об.).

портищ пугвиц костяных, шестьсот каменья сережного, десять поминаней, пятьдесят снурков шелковых, два киндяка, десять замков середней руки, пятнатцать замков кизылбаских, сто колодок гвоздья луженого, пятьсот пятьдесят колодок гвоздья подбою, тысеча триста ковшов, десять четвертей солоду, цена дватцать девять рублев дватцать шесть алтын четыре деньги (л. 114 об.–115).

Октября в 5 и в 6 день из Рыбного ряду с свежих рыб пошлин собрано два рубля дватцать два алтына две деньги (л. 39).

Явили старорушаня посацкие люди Анисимко Ларионов Колачников денег на товарную покупку тринатцать рублев шесть алтын четыре денги. Купил на те деньги полпяты четверти яблок, пятьсот рыб лодоги вяли, пять ведр уксусу да свеч салных (л. 12).

В записях обеих книг присутствуют персональные сведения о владельцах товарных партий с указанием имен, отчеств и (или) фамильных прозвищ торговцев и их местожительства. В книге 1610/11 г. указаны также улицы Великого Новгорода, на которых проживали местные торговцы. В книге 1677/78 г. подобного рода данные приведены лишь в единичных случаях. Зато в книге 1677/78 г., в отличие от книги 1610/11 г., неизмеримо полнее представлены сведения о социальном статусе торгующих (посадский человек, крестьянин и т.д.).

В отношении товаров, предъявленных к регистрации в таможне, в книге 1610/11 г., как и в книге 1677/78 г., указаны их название и количество (вес). В обеих книгах, как правило, указана также стоимость товарной партии в целом (без подразделения по отдельным видам товаров). Однако стоимость скота, например, в книге 1610/11 г. не показана (аналогичным образом обстоит дело и в книге 1613/14 гг., в книге же 1614/15 г. эти данные приведены не во всех случаях).

В книге 1610/11 г. можно встретить сведения о количестве транспортных средств (возов, телег, лодок), на которых был доставлен товар. В книге 1677/78 г. этих данных нет (за исключением случаев, когда в возах указывалось количество товара, например, рыбы). Связано это с тем, что до таможенной реформы 1653 г. транспортные средства подлежали обложению особыми сборами, которые затем были отменены.

Обобщенные записи о поступлении пошлин со свежей рыбы в книгах 1610/11 и 1677/78 гг. отличаются между собой только составом взятых сборов.

В части сведений о явках денег на покупку таможенная книга 1677/78 г. существенно полнее документов более раннего времени: в ней приведена не только зарегистрированная в таможне сумма, но и показан состав скупленных на нее товаров. Эта особенность является уникальной и исключительно ценной чертой рассматриваемого источника (в подавляющем большинстве таможенных книг русских городов XVII в. состав скупленных товаров не детализирован).

Сведения о собранных таможенных пошлинах в книге 1610/11 г. приведены по каждой товарной партии в отдельности. Совершенно иначе эта информация представлена в книге 1677/78 г. В этом документе указана общая сумма рублевых пошлин, взятых со всех товарных партий, предъявленных в таможне в течение двух дней (за 31-е числа — в течение одного дня).

Подводя итог, можно констатировать, что новгородские таможенные книги первой половины 1610-х гг. и 1677/78 г. вполне сопоставимы между собой по большинству ключевых параметров. Сравнивая эти источники, можно проследить, в частности, динамику количества таможенных явок, географический состав торговцев, ассортимент и объемы поставок товаров, сезонные колебания в деятельности рынка. Имеется также возможность сопоставить между собой цены на ряд товаров, поступавших на новгородский рынок. Общую же совокупную стоимость товарного привоза, а также распределение товарных партий в стоимостном выражении и социальный состав торговцев из-за неполноты информации на этот счет в книгах первой половины 1610-х гг. сравнить в полной мере нет возможности.

Список литературы

Коваленко Г.М. Таможенные книги Великого Новгорода начала XVII века в Государственном архиве Швеции // Новгородские таможенные книги XVII в. Великий Новгород, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Раздорский А.И. Исследования и публикации таможенных и кабацких книг в 2002–2009 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции. Курск, 2009 г. Курск, 2009. С. 9–21.

Раздорский А.И. Исследования и публикации таможенных книг в 2010–2019 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 120–138.

Раздорский А.И. Научно-издательская деятельность по публикации таможенных книг России XVI–XVIII вв.: Итоги и перспективы // Академическая археография в России XVIII–XXI веков: Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН. М., 2017. С. 126–138.

Список опубликованных источников

Новгородская таможенная книга 1614/15 г. / Публ. Г.М. Коваленко // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. СПб., 2005. С. 384–466.

Новгородские таможенные книги XVII в. Великий Новгород, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 9. М., 1894. Отд. 2. С. 140–149.

Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996. 288 с.

УДК 091.142(083.8)(470.341)

Н.В. Соколова
Институт славяноведения РАН, Москва

К реконструкции состава библиотеки Амвросиева Дудина монастыря в XVII в.

Статья посвящена истории бытования в XVII в. Евангелия (апракос) 1408 г. из коллекции Нижегородского государственного художественного музея. В научный оборот вводятся четыре описи Амвросиева Дудина монастыря, которые не только позволяют проследить судьбу известной рукописи, но открывают новые возможности для изучения монастырской библиотеки. Отмечены некоторые черты общегосударственных и частных описаний, которые следует учитывать при их использовании в качестве источника по истории книжной традиции малых и средних монастырей Европейской России.

Ключевые слова: Амвросиев Дудин монастырь, монастырская библиотека, Евангелие (апракос), рукописи на пергамене, писцовые книги, отписные книги.

Николаевский Амвросиев Дудин монастырь принято считать одной из древнейших нижегородских обителей — на основании текста включенного акта в правой грамоте 1633 г.: «Да в грамоте ж написано: Святаго деля Николы, по деда своего грамоте великого князя Костентина Васильевича и по дядей своих грамоте князя великого Ондрея Костентиновича, князя великого Дмитрея Костентиновича и по отца своего грамоте князя великого Бориса Костянтиновича, князь Данило Борисович пожаловал игумена Игнатья з братьею...» [Акты, 1964, с. 326]. Материальным свидетельством существования монастыря в начале XV в. является Евангелие (апракос), хранящееся в коллекции Нижегородского государственного художественного музея, выходная запись которого содержит дату 6916 г. Согласно каталогу рукописных и старопечатных книг музея, это «самая ранняя из церковнославянских рукописей с точной датой в Нижегородской области» [Балакин, Нестеров].

Впервые описание Евангелия было опубликовано архимандритом Макарием (Миролюбовым)[1] в книге «Памятники церковных древностей Нижегородской губернии» [Макарий, 1857б]. Однако, как показало наше исследование, первооткрывателем рукописи является автор «Библиотеки Российской, или Сведений о всех книгах в России, с начала типографии на свет вышедших», справедливо считающейся одной из первых попыток создания репертуара книги кирилловского

[1] В миру Николай Кириллович Миролюбов (1817–1894).

© Соколова Н.В., 2020

шрифта и русской книги. Работа епископа Дамаскина (Руднева)[2] не была завершена. В Российской государственной библиотеке хранится писарская копия с авторской правкой и добавлениями.[3] Запись о Евангелии Амвросиева Дудина монастыря выполнена тем же почерком, что и первоначальный текст, хотя и сделана на обороте листа, который обычно оставляли пустым. Как и еще ряд ей подобных, она производит впечатление дополнения к почти готовому труду или фиксации вновь выявленного артефакта.[4] В пользу отнесения рукописи ко времени пребывания Дамаскина на Нижегородской кафедре[5] говорит и бумага, которая датируется 1785 и 1786 гг. П.Н. Тиханов в предисловии к изданию 1881 г. в качестве даты написания «Библиотеки Российской» указал 1785 г. [Дамаскин, 1881, с. IV].

Внимание еп. Дамаскина было сосредоточено главным образом на выходной записи, которая, впрочем, воспроизводится и неполно, и не совсем точно: «В нижегородском кафедральном соборе[6] в ризнице есть полууставом писанное Евангелие, в коем при конце написано: В лето от С. М. 6916, от Р. Х. 1408, написаны быша книги сия глаголемыя: Четвероблаговестник, повелением смиреннаго Игумена Серьгия, а рукою многогрешнаго раба Божия Андрея Святому Николе во Амбросиев монастырь при велицем князи Васильи Димитриевичи Самодержци вся Руси в то лето, егда не бысть по Архиепископе по Киприане Архиепископа в Руси» [Дамаскин, 1881, с. 13–14].

Обнаруживший рукопись еп. Дамаскина В.М. Ундольский[7] предпринимает две безуспешные попытки ознакомить с ней научную общественность, в 1848 и 1851 гг., однако подготовленные для ЧОИДР материалы будут изданы лишь в 1891 г. [Дамаскин, 1891]. К тому времени уже вышла публикация Общества любителей древней письменности, в которой «текст воспроизведен по списку, принадлежавшему К.С. Сербиновичу, приобретенному П.П. Вяземским», со сверкой «сомнительных мест списка Сербиновича с подлинной рукописью автора». Интересующая нас запись о Евангелии Амвросиева Дудина монастыря включена только в издание 1881 г. [Дамаскин, 1881, с. XIX, 13–14].

---

[2] В миру Дмитрий Ефимович Семенов-Руднев (1737–1795).

[3] РГБ, ф. 173.I (Фундаментальное собрание библиотеки МДА), № 112–114.

[4] РГБ, ф. 173.I (Фундаментальное собрание библиотеки МДА), № 112, л. 14 об.

[5] Дамаскин (Руднев) был епископом Нижегородским и Алатырским в 1783–1794 гг.

[6] Спасо-Преображенский собор в Нижнем Новгороде, в Кремле.

[7] В протоколе заседания Общества истории и древностей российских 28 сентября 1846 г. говорится о поступивших рукописях, в том числе из МДА — «Библиотека Российская епископа Дамаскина, в трех томах» [Протокол заседания, 1846–1847, с. 1]. Сохранился список на бумаге 1845 г., по-видимому, он связан с подготовкой издания (РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 1378).

Однако работа еп. Дамаскина была известна и до ее публикации, в рукописи. Так, А.Е. Викторов пишет в 1870 г. о двух ее списках [Викторов, 1870, с. 30, 61]. Рукопись из библиотеки Московской Духовной Академии использовал М.И. Сухомлинов в «Истории Российской академии». «В состав описания, — подчеркивает автор еще в 1874 г., — входят преимущественно печатныя книги, но упоминается и довольно значительное число рукописей: описано двадцать рукописей нижегородской семинарии, и одна рукопись Нижегородского Печерского монастыря, и т.д.» [Сухомлинов, 1874, с. 164–165, 412]. Архим. Макарий (Миролюбов) не только знает о существовании исследования, но и приводит его дату в очерке о еп. Дамаскине в «Истории Нижегородской иерархии»: «А в 1790 году Дамаскином составлена “Библиотека Российская или Сведение о всех книгах в России с начала типографии на свет вышедших”» [Макарий, 1857а, с. 177]. Текст не позволяет судить, был ли он знаком с рукописью с пометами автора (либо со сделанным с нее списком) или лишь слышал о ней.

Архим. Макарий описал рукопись среди прочих достопримечательностей ризницы кафедрального Спасо-Преображенского собора: «Напрестольное Евангелие, апракос, в десть небольшого формата, писанное на пергаменте в 1408 году. Оно покрыто зеленым бархатом. На верхней доске его средник и четыре евангелиста сребропозлащенные гладкие резные; на исподней доске средник и угольники серебряные; застежки тоже серебряные. На верхнем среднике резной Деисус, в котором святой Иоанн Предтеча облачен во власяницу. Из резных евангелистов, по порядку чтений евангельских, первое место занимает святой Иоанн, обращенный к небу, а при нем изображен святой Прохор; второе место занимает святой Матфей, потом Марк и наконец Лука. Весь оклад резьбы добротный и хотя не современен с самим Евангелием, но тоже древний. Пергамент, на котором писано Евангелие, изжелта-белый, золотообрезный и с естественными скважинами в некоторых местах. Оно писано полууставом в два столбца и по одной линейке, начертанной костью или железом. После одиннадцати строк, оставленных пустыми, вероятно, для заглавия, начинается так: “Искони бе Слово и Слово бе от Бога и Бог бе Слово”». Он приводит текст выходной записи и публикует «снимок» начальной ее части. По мнению архим. Макария, Евангелие было взято в ризницу Нижегородского кафедрального собора после 1764 г., когда Дудин монастырь был упразднен [Макарий, 1857б, с. 44–46].[8]

Книга архим. Макария лежит в основе большинства последующих публикаций церковных историков и краеведов [Владимирский, 1886,

[8] Владельческая запись нижегородского Спасо-Преображенского собора содержит дату: 1780 г.

с. 12–13; Добровольский, 1898, с. 136–138; Дегтева, 2008, с. 3–5; и др.].[9] Евангелие Амвросиева Дудина монастыря многократно привлекало внимание как историков книги, так и исследователей, писавших об истории монастыря [Балакин, 1999, с. 25, 87; Вздорнов, 1980, с. 126, табл. 102; Привалова, 1956, с. 503; Соколова, 2014, с. 29–30; и др.]. Однако попытка проследить историю его бытования в XVII в. предпринимается впервые.

* * *

Наиболее ранняя опись библиотеки Никольского Амвросиева Дудина монастыря сохранилась в составе подлинных писцовых книг Нижегородского уезда писцов Дмитрия Васильевича Лодыгина, Василия Ивановича Полтева и дьяка Дементия Образцова 1620-х гг.[10] Монастырская библиотека находилась в теплой Никольской церкви («Да в монастыре ж храм святаго великого чюдотворца Николы, деревяной, теплой, с трапезою, а перед трапезою паперть») и насчитывала около сотни томов. Преобладали рукописные книги, печатных было всего 17. Перечень книг открывает «Евангилие харатейное апракос в десть, оболочено крашениною, без евангелистов». По трем основным элементам формуляра описи эта пергаменная рукопись аналогична Евангелию 1408 г. из коллекции Нижегородского государственного художественного музея. Как харатейные помечены еще четыре книги. Это «Часословец харатейной, в полдесть», «Стихараль харатейной, в полдесть», «Служебник харатейной» и «Измарагд харатейной, в полдесть, з жюки, ветх» [Материалы, 2015, с. 482–484, 493]. Все рукописи на пергамене зафиксированы в первой половине описи, до книг печатных, скорописные — в последней трети, как и книги с указанием имен вкладчиков, что свидетельствует о том, что в тексте нашла отражение история формирования монастырской библиотеки.

Также писцами были включены в описание четыре напрестольных Евангелия, на одном из которых следует остановиться подробнее. В церкви Успения Пречистые Богородицы на престоле в пределе Сергия Радонежского чюдотворца описано «Евангилие харатейное, в десть, оболочено камкою алою без евангелистов» [Материалы, 2015, с. 481]. Означает ли это, что в начале 1620-х гг. в монастыре было два пергаменных Евангелия в 2°? Или речь идет об одной рукописи, которая зафиксирована в писцовых книгах дважды? С учетом характера и степени детализация описаний книг представляется очевидным,

[9] К редким исключениям можно отнести статью в «Православной энциклопедии» [Маштафаров, Кочетов, 2008, с. 319–321].

[10] РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, д. 293, л. 919–922 об., 940.

что писцовая комиссия Д.В. Лодыгина воспользовалась имевшейся описью-инвентарем монастырской библиотеки, не располагая при этом ни временем, ни возможностями для проверки включенных в нее книг *de visu*. Перемещение рукописи, которая считалась вкладом Сергия Радонежского, в посвященный ему предел еще «до писцов» кажется событием вполне вероятным.

Описи библиотеки Амбросиева Дудина монастыря 1671 и 1672 гг. вводятся в научный оборот впервые. Они выявлены в составе двух близких по времени описаний монастыря, которые были произведены в связи со сменой настоятелей — сначала Дионисием Омачкиным (1671 г.), а менее года спустя — Алексеем Артемьевичем Раковым (1672 г.).[11] Преамбула первого документа гласит: «Лета 7179-го маия в день по указу великого господина святейшаго Иоасафа, патриарха Московского и всеа Росии, по грамоте из Дворцового приказу за приписью дьяка Дениса Дятловского, Нижнего Новагорода Печерского монастыря келарь старец Деонисей Омачкин, приехав в Амбросиев Дудин монастырь того монастыря с новопоставленым игуменом Герасимом да с келарем старцом Еуфимием Печерским, описал церкви и в церквах образы и у образов приклады и книги и ризы и колокола и всякое церковное строение, и по службам всякую посуду, и [в] вотчинах и монастырских служек и детенышев и крестьян и бобылей, на конюшенном дворе лошадей и на скотских дворех коровы и всякую животину, и всякой хлеб, и всякое монастырское строение, и приказал манастырь ведеть и строить и всякую росправу чинить игумену Герасиму и келарю старцу Еуфимию Печерскому».[12] Подлинность описания подтверждают скрепы: на боковом поле — «Келарь Деонисей руку приложил»; на нижнем поле — игумена Герасима и еще трех монастырских насельников. Книги были доставлены в Москву самим печерским келарем: «179-го июня в 19 день подал Печерского монастыря келарь старец Деонисей Омачкин».[13] Таким образом, датировка данной описи монастырских книг лежит в интервале в полтора месяца (май — середина июня 1671 г.).

В том же переплете находится еще одна опись Амвросиева Дудина монастыря. В отсутствие Патриарха[14] распоряжение об описании монастыря и введении в должность нового игумена исходило от царя Алексея Михайловича, но грамота была составлена в Патриаршем Дворцовом приказе и подписана тем же дьяком Денисом Дятлов-

[11] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 2, л. 33–121 об., 269–337 об.

[12] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 2, л. 34–34 об.

[13] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 2, л. 33.

[14] Иоасаф II умер 17 февраля 1672 г.

ским: «Лета 7180-го марта в 1 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу ис Патриарша Дворцового приказу по грамоте за приписью дьяка Дениса Дятловского Алексей Артемьев сын Раков приехав в патриарш домовой Амбросиев Дудин монастырь взяв у келаря старца Еуфимия и у казначея старца Иакинфия из монастырские казны прежние отписные книги келаря старца Дионисия Омачкина да по тем отписным прежним книгам пересмотрил и переписал...».[15] Рукопись содержит на боковом поле скрепу А.А. Ракова, на нижнем — монастырских властей и священников. Отписные книги привез в Москву 11 мая монастырский слуга Иван Семенов, что позволяет датировать опись периодом с 1 марта по начало мая 1672 г.

В начале 1670-х гг. монастырскую библиотеку продолжали хранить в Никольской церкви. По описи Дионисия Омачкина в 1671 г. здесь было 94 книги. С учетом рукописей и печатных книг на монастырском дворе в Нижнем Новгороде (35), в приписном Матюшеве монастыре (23), а также в церквях монастырских сел всего насчитывалось примерно полторы сотни томов. Сравнительный анализ описей 1671 и 1672 гг. показал, что существенных изменений монастырской библиотеки за период между этими описаниями не произошло.[16] В перечнях книг в Никольской церкви начала 1670-х гг. указания на пергамен как материал какой-либо рукописи отсутствуют. Из монастырской библиотеки вообще исчезает «Измарагд», а единственное Евангелие, помеченное как рукописное («Евангилие писмяное в полдесть»), не может быть харатейным Евангелием из писцовых книг 1620-х гг., поскольку формат рукописей различен.

Благовещенская церковь в описании монастыря отсутствует, что объяснимо: 2 февраля 1677 г. на ее месте был освящен каменный собор. Однако келарь Дионисий (Омачкин) и А.А. Раков описали «за монастырем», на берегу Оки, ветхую Ильинскую церковь с приделом Василия Блаженного («за монастырем же на берегу Оки реки церковь древяная ветха гораздо верх шатром во имя святаго Ильи на подклетех на той же церкви предел святаго Василия блаженного»). Как представляется, одно из находившихся в ней Евангелий можно идентифицировать как интересующую нас рукопись XV в.: «Да вверху в пределе святаго Василия церковного строения... на престоле Евангелие, писано в десть, без евангилистов, а писано по телятине, вкладу преподобного Сергия Радонежскаго чудотворца, оболочено камкаю

[15] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 2, л. 268.

[16] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 2, л. 42–44, 99 об.–100, 105 об.–106; 275 об.–277 об., 316 об.–317, 320 об.–321.

двоеличною».[17] Следует отметить, что в описях 1670-х гг. это единственная запись, содержащая имя вкладчика.

Подлинник еще одного описания Амвросиева Дудина монастыря сохранился в составе конволюта описей нескольких патриарших владений рубежа XVII–XVIII вв.[18] Стольник Петр Борисович Вельяминов начал описывать монастырь 12 ноября 1701 г., завершились работы не позднее конца апреля 1702 г. [Соколова, 2008, с. 45–46, 48, 57; Соколова, 2013, с. 550–558]. На момент описания библиотека монастыря была размещена в каменном Успенском соборе («соборная церковь каменная во имя Успения пресвятые Богородицы с трапезою»). Перечень включает 107 книг, из которых примерно четверть — рукописные. Отдельно, «в коробке» у монастырского казначея, хранились «три книги печатные полским языком да десеть книг писменых белоруского писма, четыре книги писменных певчих руских». Также писцами зафиксировано четыре Евангелия на престолах монастырских церквей. Ведал монастырской библиотекой, по-видимому, «ризничий поп Андреян»,[19] дававший объяснения переписчику относительно книг, которых не оказалось в наличии по сравнению с предыдущими описями «204-го и 1700-го годов за руками архимандритов Благовещенского монастыря Игнатия и Аарона». Содержание его «скаски» подтверждает целесообразность учета при изучении состава монастырских библиотек книг, хранившихся в церквях, в том числе вне монастыря, в вотчинах и на монастырском дворе в Нижнем Новгороде.[20]

Согласно описи 1701–1702 гг., на престоле Благовещенского собора наряду с печатным Евангелием находилось «другое Евангелие писменное на хартие в десть, по обрезу позолочено, оклеено бархатом зеленым, на средине образ Спасов и пресвятые Богородицы и Иоанна Предтечи и Евангелисты серебряные резные вызолочены, на исподней доске в середине репей и четыре наугольника серебряные резные позолочены, застешки серебряные ж литые».[21] Очевидно сходство убранства рукописи с тем, как Евангелие 1408 г. описано архим. Макарием в середине XIX в.

---

[17] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 2, л. 49 об., 50 об., 51 об.; 279 об.–280.

[18] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 54, л. 71–359.

[19] Священник Ильинской церкви, которая в 1701–1702 гг. описана в качестве одного из приходских храмов монастырской вотчины (РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 54, л. 241 об.–242).

[20] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 54, л. 74, 91–103 об., 117, 121 об.–122, 127–130 об., 153 об.

[21] РГАДА, ф. 237 (Монастырский приказ), оп. 1, д. 54, л. 88 об.

Таким образом, исходя из датировки верхней границы употребления пергамена как книгописного материала в разных регионах Руси («вторая четверть XV в. для Северо-Востока и третья для Северо-Запада» [Турилов, 2012, с. 620]), можно утверждать, что на начало 1620-х гг. в Амбросиеве Дудине монастыре было не менее пяти книг, написанных ранее последней четверти XV в. В 1671, 1672 и 1701–1702 гг. в монастыре описана лишь одна харатейная рукопись. На протяжении XVII в. место ее хранения изменялось, как минимум, четырежды; она зафиксирована во всех трех деревянных монастырских церквях и во вновь построенном каменном Успенском соборе. С высокой вероятностью данная рукопись может быть идентифицирована как Евангелие из коллекции Нижегородского государственного художественного музея.

Список литературы

Балакин П.П., Нестеров И.В. Коллекция рукописных и старопечатных книг Нижегородского государственного художественного музея: Каталог // Открытый текст: Электронное периодическое издание. URL: http://opentextnn.ru (дата обращения 30.05.2020).

Балакин П.П. Древнерусское искусство Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1999. 96 с.

Вздорнов Г.И. Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV в. М., 1980. 552 с.

Викторов А.Е. Собрание славяно-русских рукописей В.М. Ундольского: Библиографический очерк. М., 1870. 64 с.

Владимирский П. Краткие сведения о Нижегородском кафедральном соборе, его основании, святых его и достопримечательностях. Нижний Новгород, 1886. 20 с.

Дамаскин (Семенов-Руднев), еп. Библиотека Российская, или Сведения о всех книгах в России с начала типографии на свет выпущенных (по 1713) // ЧОИДР. 1891. Кн. 1 (156). VIII, 42, 9–56 с.

Дамаскин (Семенов-Руднев), еп. Библиотека Российская, или Сведения о всех книгах в России, с начала типографии на свет вышедших. СПб., 1881. XIX, 100, 9 с. (Памятники древней письменности и искусства).

Дегтева О.В. Амвросиев Николаевский Дудин монастырь. Нижний Новгород, 2008. 112 с.

Добровольский М., свящ. Нижегородский Спасо-Преображенский кафедральный собор и его достопримечательности. Нижний Новгород, 1898. 183 с.

Макарий, архим. История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года. СПб., 1857а. 247 с.

Макарий, архим. Памятники церковных древностей Нижегородской губернии // Записки Императорского археологического общества. Т. 10. СПб., 1857б. VI, II, 514 с.

Маштафаров А.В., Кочетов Д.Б. Дудин Амвросиев во имя святителя Николая Чудотворца мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. 16. М., 2008. С. 319–321.

Привалова Н.И. Древнерусские рукописи и старопечатные книги Областной библиотеки, Областного краеведческого и Художественного музеев в г. Горьком // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 494–505.

Соколова Н.В. Землевладение Амвросиева Дудина монастыря (XV — начало XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2013 год: Земледельцы и землевладельцы российской деревни конца XV — конца XX веков: Экономическое, социальное и культурное развитие. М., 2014. С. 29–58.

Соколова Н.В. Нижегородские вотчины Амвросиева Дудина монастыря в начале XVIII в.: Землевладение, хозяйство, крестьяне, сельская община // Исторический журнал: Научные исследования. 2013. № 6. С. 550–558.

Соколова Н.В. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века: Опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2008. С. 44–60.

Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 1. СПб., 1874. 427 с.

Турилов А.А. О времени и месте создания пергаменного «Евангелия Мемнона-книгописца» // Турилов А.А. Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012. С. 612–639.

Список опубликованных источников

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси: Конец XIV — начало XVI в. Т. 3. М., 1964. № 298. С. 326–327.

Материалы по истории Нижегородского края конца XVI — первой четверти XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.А. Булычев, В.А. Кадик, С.В. Сироткин. Ч. 2. М., 2015. 960 с.

Протокол заседания Общества 1846 года, сентября 28-го дня // ЧОИДР. 1846–1847. Кн. 3. Смесь. С. 1–4.

УДК 930+908

А.А. Бродников
Новосибирский государственный университет

О проблеме выплаты жалованья служилым людям Сибири в XVII в. (на примере Енисейска)

Отдаленность территории и проблема своевременной доставки жалованья служилым людям в первые десятилетия существования Енисейского острога приводила к накоплению задолженности государства перед представителями этой категории сибирского населения. С ростом поступления доходов в местный бюджет ситуация менялась мало — он оставался дефицитным. Сложности со своевременной выплатой жалованья возникали и по причине почти беспрерывного нахождения служилых людей в отдаленных «землицах». Отряды енисейских служилых людей уходили на такие расстояния, что могли возвращаться только через несколько лет, а ряд участников этих походов оставалась в дальних «землицах» и на более продолжительный срок. При этом долг государства перед ними в виде невыплаченного жалованья фиксировался в приходно-расходных книгах, накапливался и принимал огромные размеры.

Ключевые слова: служилые люди, государево жалованье, долги.

Когда-то, обсуждая со мной фрагмент моей будущей дипломной работы — проблему социально-экономического положения служилых людей Восточной Сибири XVII в. — Н.Н. Покровский обратил внимание на не совсем понятную ситуацию с механизмом выплаты им государева жалованья. Содержание столбцов Сибирского приказа заставляло задуматься над тем, что для получения служилым человеком жалованья за очередной год службы требовалось, чтобы он в обязательном порядке подавал об этом челобитную. Или же подача челобитной касалась только тех из них, кто во время его выдачи по каким-либо причинам отсутствовал в гарнизоне? Одновременно вырисовывалась и другая проблема: что было с невыплаченными или не вовремя выплаченными средствами, и каким вообще был размер долга государства перед служилыми людьми.

Действительно, индивидуальные челобитные служилых людей о выдаче им государева жалованья, представляющие собой короткие и стандартные обращения на царское имя, едва ли не самый распространенный документ, встречающийся в столбцах Сибирского приказа[1]

[1] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 31, л. 55–58, 96, 121, 149; РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 307, л. 167–171; РГАДА, ф. 214, оп. 4, ед. хр. 41, л. 1. и др. Обратил внимание на челобитные служилых людей и Г.Ф. Миллер, изучая сибирские архивы. Но он, разумеется, выбирал нестандартные, наиболее интересные для него документы, содержащие много дополнительной информации [Миллер, 1999, с. 433–437; Миллер, 2000, с. 278–288, 457, 483–484, 586–587; Миллер, 2005, с. 366–369].

© Бродников А.А., 2020

[Никитин, 1988, с. 25]. Задержка на «дальней службе», как известно, была обычной ситуацией и зависела от множества факторов. А отправленные на годовую службу служилые люди могли возвращаться в свой гарнизон и через несколько лет. Для гарнизонов Восточной Сибири, особенно для служилых людей Енисейского и Якутского острогов, это было обычным делом. Н.Н. Оглоблин, рассматривая в своем «Обозрении» челобитные дела, обращает внимание на большое количество челобитных служилых людей о разных видах жалованья, но о возможных причинах появления такого количества этих челобитных (как и о своевременности выплаты жалованья) исследователь не рассуждает [Оглоблин, 1900, с. 106–118].

Часто, если не постоянно, серьезной проблемой для сибирской воеводской администрации была сама возможность выплаты государева жалованья. Исследователи, занимавшиеся историей служилого сословия, отмечали, что время выдачи того или иного вида жалованья в первую очередь зависело от времени его доставки в уездный центр или, в зависимости от расположения этого центра, от интенсивности поступления в «государеву казну» всевозможных сборов с местных торгов и промыслов [Никитин, 1988, с. 123]. То есть своевременность выдачи государева жалованья служилым людям определялась наполняемостью местного бюджета: в течение XVII столетия сибирские уездные центры, как правило, постоянно испытывали острый дефицит средств, их расходы преобладали над приходом. Особенно это касалось окраинных уездов, чья территория продолжала расширяться.

Определялось время выдачи жалованья и конкретными задачами, которые в тот или иной момент стояли перед воеводской администрацией: отправка отрядов служилых людей в отдаленные районы на годовую службу или во вновь создаваемый гарнизон подразумевала выдачу им государева жалованья вперед на год и более. Подобные ситуации были, например, в Тобольске в 1627 г. при отправке отряда А. Дубенского для основания Красноярского острога [Бахрушин, 1959, с. 19] и в 1638 г. при отправке на Лену служилых людей вновь сформированного якутского гарнизона под командованием первых якутских воевод П. Головина и М. Глебова [Бродников, 1994, с. 7–9], в Енисейске в 1649 г. при отправке на Байкал отряда сына боярского И. Галкина.[2] При этом часто обеспечение государевым жалованьем отправляемых в отдаленные районы служилых людей решалось за счет задержки его выдачи остальным сослуживцам.

И конечно, влияла на своевременность и полноту выдачи государева жалованья «бездельная корысть» воевод, проявлявшаяся в откровенном вымогательстве и присваивании денежных средств,

[2] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 307, л. 160–166.

предназначенных для выплаты жалованья служилым людям, и использовании хлебных запасов для незаконного изготовления вина. В гарнизонах Восточной Сибири к концу XVII столетия эта проблема приняла вопиющий характер, что закончилось целой чередой городских восстаний [Александров, 1962, с. 352–366].

Расширяющаяся территория уездов и острый недостаток служилых людей в гарнизонах приводили к тому, что обыденной становилась ситуация, когда многие из них, отправляемые на так называемую «годовую службу», вынуждены были оставаться в отдаленных острожках и зимовьях по нескольку лет. Казалось бы, предназначенное им государево жалованье должно было доставляться к месту службы, но в реальности оно могло не выплачиваться в положенные сроки или выплачиваться частично, в крайне недостаточном для служилых людей размере.

В денежном сметно-пометном списке Енисейского острога за 1641/1642 г. («при воеводе при Осипе Оничкове сентября с 1 числа нынешнего 150 (1641/1642) году сентября ж по 1 число 151 (1642/1643) году»[3]) зафиксированы долги по выплате государева жалованья служилым людям за предыдущие годы. Содержание документального источника свидетельствует, что эти долги разным группам служилых людей ликвидировались воеводской администрацией по-разному, но часто не единовременно, а в течение нескольких лет и частями.

В списке отмечены долги по денежному жалованью служилым людям за 141 (1632/1633) и 142 (1633/1634) гг.: «2 рубли 16 алтын 4 деньги» и «225 рублев 27 алтын 5 денег». Обе записи имеют пометку: «И те денги в нынешнем во 150 (1641/1642) году не даны». К сожалению, причина, по которой эти долги не были погашены, в документе не упоминается.[4] Но с большой степенью вероятности можно предполагать, что не получившие полное денежное жалованье служилые люди, имена которых в источнике не упоминаются, еще не вернулись с какой-либо дальней государевой службы.

Другой пример из этого же денежного сметного списка — ситуация с долгами по жалованью за несколько предшествующих лет группе енисейских служилых людей, отправленных, вероятно, в 1635 г. на Лену во главе со служилым человеком Андрюшкой Ивановым сыном Тобольским, которые первыми «проведали» путь с Лены на Яну. В 1642 г. в Енисейске из них появился только сам А. Тобольский, доставивший ясак, собранный его отрядом за несколько лет. Согласно пометным записям, он «по государеве грамоте» (надо полагать, ранее

[3] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 227.

[4] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 227–228.

им была отправлена в Москву челобитная) получил «за тое службу» по половине денежного оклада за 1634/1635–1637/1638 гг.[5] Надо полагать, что первые половины своих окладов участники этого похода получили на несколько лет вперед перед отправкой из Енисейска — выдача государева жалованья на год-два вперед к тому времени была уже устоявшейся практикой [Бродников, 1994, с. 3–10], хотя и с выплатой только половины окладов. В Енисейске, где имели представление о расстояниях во время походов в дальние «землицы», могли выплатить часть жалованья авансом и на бóльший срок. При этом выплата накопившегося долга А. Тобольскому только за часть лет свидетельствует, что служилые люди из его отряда и он сам с 1639 г. попали в число ста енисейцев, находившихся на Лене и переданных воеводой Н. Веревкиным первым якутским воеводам П. Головину и М. Глебову.

Полученная А. Тобольским за каждый год сумма составляла 2 рубля 16 алтын и 4 деньги (2,5 рубля). Это свидетельствует о том, что он, хотя и был поставлен во главе отряда, являлся рядовым: денежные оклады рядовых служилых людей енисейского гарнизона в эти годы составляли 5 рублей.[6] Таким образом, казна все еще не доплатила А. Тобольскому по половине оклада за 1638/1639–1641/1642 гг. и была должна ему за эти четыре года 10 рублей. Но требовать их выплату он мог теперь только в Якутском остроге. Надо полагать, что остальные участники похода А. Тобольского остались в Якутии. Как и их предводитель, свое жалованье с 1638/1639 г. они должны были получать в Якутске. А вот относительно долга казны им за 1634/1635–1637/1638 гг., который остался зафиксированным в енисейском приходно-расходном списке, можно предполагать, что его бывшие енисейские служилые люди могли получать только в случае появления в Енисейске, что уже было маловероятным. В результате у государства остался долг каждому из участников первого похода на реку Яну в размере 10 рублей, который вряд ли когда-то был погашен.

О том, что А. Тобольский подавал челобитную о выдаче ему уже «заслуженного жалованья», заставляет предполагать челобитная якутского казака Федора Иванова, в которой тот сообщал в 1648 г., что ему за 1642/1643–1647/1648 гг. «недодали муки 5 четвертей, соли полтора пуда и крупы и толокна». В результате, находясь на службе и не получая жалованья, он был вынужден у разных лиц брать деньги взаймы, причем на достаточно жестких условиях: «В людех из

[5] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 228–230 об.

[6] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 27, л. 303–318; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 47, л. 83–90; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 70, л. 100–118; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 49–68.

великих понедельных ростов, да учинял себе кабалу вдвое или втрое, а пуд муки покупал рублей по пяти и болши, в том в конец посиротел, обнищал и одолжал великими долгами».[7] К сожалению, у нас нет сведений, было ли выплачено Ф. Иванову ранее недоданное государево жалованье, но вероятность погашения этого долга после подачи им челобитной очень велика — правительство стремилось откликаться на подобные обращения служилых людей, что демонстрировало заботу государя о своих подданных, служилых людях, и стимулировало последних на выполнение своих обязанностей («радение» государю).

Еще один интересный пример о необходимости подачи челобитной для получения «заслуженного» жалованья — ситуация с енисейским казачьим головой Богданом Болкашиным, упомянутая в том же сметно-пометном списке. Воевода Н. Веревкин, когда передавал дела своему преемнику О. Оничкову, по какой-то причине не указал в окладной книге жалованья его имя, что создавало проблему с выдачей голове «заслуженного жалованья». При этом было известно, что за 149 (1640/1641) г. он его не получал: «А на Богдана Болкашина в нынешнем во 150-м пометном списке на прошлой на 149 год государева денежного жалованья не прошено, потому что воивода Ми<кифор> Веревкин в окладной книге воиводе Осипу Оничкову иво, Богданова, имяни не отдал, а государева жалованья на 149 год при себе ему не выдал же».[8]

Денежное жалованье Б. Болкашину за 1640/1641 г. все же было выплачено как положено — в размере 20 рублей. Но для этого ему пришлось подавать челобитную, чтобы в енисейской съезжей избе занялись розыском государевой грамоты о назначении его «в Енисейском остроге пеших казаков головою по прежнему». Но поскольку он оказался не внесенным в пометный список, то в сметно-пометном списке была сделана запись: «И то ему государево денежное жалованья на прошлой на 149-й год дано 20 рублев сверх пометы».[9] В данном случае задержка с выплатой жалованья сыну боярскому была оперативно ликвидирована, хотя не совсем понятно, что послужило этому причиной — нахождение Б. Болкашина в Енисейске в нужное время или его положение в иерархии служилых людей. Возможно, что и то, и другое.

Дальнейшее содержание источника говорит, что ситуация с невыплатой жалованья Б. Болкашину может рассматриваться как случайная — в окладной книге 150 (1641/1642) г. сказано, что, согласно государевой грамоте, на место Болкашина назначен сын боярский

[7] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 307, л. 36–37.

[8] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 231–232 об.

[9] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 232 об.

Петр Бекетов с тем же окладом, а сам Болкашин с понижением оклада переведен на другую должность: ему «велено быть у пашенных крестьян в прикащиках» с окладом только в 10 рублей.[10] То есть воевода Н. Веревкин, зная о назначении головой П. Бекетова, при формировании сметы на 1641/1642 г. попросту мог забыть о том, что Болкашин еще не получил денежное жалованье за прошлый год.

Содержание приходно-расходных списков Енисейского острога свидетельствует, что задолженность государства перед служилыми людьми в выплате жалованья начала формироваться довольно рано. В Енисейске эта тенденция отмечается с начала 30-х гг. XVII в. При этом, как отмечал Н.И. Никитин, данный вид источника дает много дополнительной информации о порядке выдачи жалованья [Никитин, 1988, с. 21]. Енисейские приходно-расходные списки дают и некоторые сведения о причинах неполучения служилыми людьми жалованья в определенный срок, что связано с их пребыванием в отдаленных местах территории Енисейского уезда, причем нередко в течение длительного времени.

Что касается размера задолженности государства перед енисейскими служилыми людьми, то ее размер постепенно увеличивался. Наглядную информацию об этом дает представленная ниже таблица, составленная по денежным сметно-пометным спискам 1637, 1642 и 1643 гг. Отмечая определенную специфику источниковой базы по истории Западной Сибири XVII в., Н.И. Никитин отмечал, что «о некоторых процессах и явлениях приходится судить на основании сведений, касающихся не всех, а лишь одного-двух городов и уездов» [Никитин, 1988, с. 25]. В данном случае сведения о Енисейском остроге дают достаточно красноречивую информацию, выводы по которой вполне соответствуют всей ситуации по Сибири, — долг государства служилым людям был огромным. На большой долг казны служилым людям красноярского гарнизона обратил внимание С.В. Бахрушин [Бахрушин, 1959, с. 76], а П.Н. Павлов подсчитал, что только за 1673–1697 гг. правительство задолжало сибирским служилым людям 143 тысячи рублей [Павлов, 1974, с. 150].

Но даже на этом фоне известны совершенно вопиющие ситуации с несвоевременной выплатой государева жалованья служилым людям. Например, известный землепроходец Семен Дежнев не получал жалованье в течение 19 лет после того, как был отправлен на службу из Ленского острога: все это время он нес службу в острожках на северных реках, с последующим походом вокруг северо-восточной окраины Азии и основанием Анадырского острога, где много лет был приказчиком. После этой длительной службы он потратил еще не-

[10] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 233–234.

сколько лет на транспортировку с Анадыря в Москву большого количества «рыбьего зуба» (моржовой кости), что так же являлось государевой службой. Доставив в Москву в 1662 г. обоз с ценным грузом, он подал в Сибирском приказе челобитную о выплате ему государева жалованья за прошедшие годы. Согласно сделанному чиновниками приказа расчету, С. Дежневу полагалось за этот срок 126 рублей 13 алтын 3 денег [Визе, 1948, с. 20–21]. Но выплачено жалованье ему было только за пять лет. Видимо, в качестве компенсации за остальную его часть С. Дежнев был поверстан в Москве в чин атамана по Якутскому острогу вне штата. В доставленной в Сибирский приказ копии окладной книги Якутска за 193 (1684/1685) г. сказано, что у якутских казачьих атаманов денежный оклад был 9 рублей. К этому времени С. Дежнева уже не было в живых: запись в этой книге гласит, что «Семен Дежнев во 181 году (1672/1673) на Москве умре».[11]

Таким образом, накапливая долг по выплате государева жалованья служилым людям, местная воеводская администрация была вынуждена искать возможности маневра для решения имеющихся задач, отдавая приоритет по выплате жалованья участникам походов в отдаленные районы. При этом, как свидетельствуют приходно-расходные списки, выплата «заслуженного» государева жалованья находившимся на «дальних службах» планировалась и включалась в смету. Поскольку в условиях Восточной Сибири весьма распространенной была ситуация, когда уходившие в дальние острожки служилые люди оставались там на длительный срок, у местной воеводской администрации появлялась возможность эти средства экономить. Что касается отдельных служилых людей, возвращавшихся по прошествии несколько лет в свой гарнизон, то указанные ими в своих челобитных большие заслуги («радение» государю) давали возможность местной администрации и центральному правительству, выплачивая им долги, стимулировать представителей этой категории сибирского населения на дальнейшее проявление инициативы во время несения службы.

Размер задолженности государства служилым людям. Енисейский острог.[12]

Год задолж.	Год сметно-пометного списка		
	7145 (1636/1637)	7150 (1641/1642)	7151 (1642/1643)
1632	35 руб.		
1633	18 руб. 11 алт. 4 д.	2 руб. 16 алт. 4 д.	2 руб. 16 алт. 4 д.
1634	264 руб. 11 алт. 6 д.	225 руб. 27 алт. 5 д.	225 руб. 27 алт. 5 д.

[11] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 65, л. 8.

[12] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 70, л. 447а–449 об.; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 153, л. 227 об.–233, 433 об.–435 об.

1635	63 руб. 8 алт. 2 д.	48 руб. 8 алт. 2 д.	48 руб.
1636	104 руб. 2 алт.	106 руб. 8 д.	103 руб. 18 алт.
1637	473 руб. 10 алт. 3 д.	297 руб. 23 алт. 1 д.	295 руб. 6 алт. 3 д.
1638		163 руб. 25 алт.	161 руб. 8 алт. 2 д.
1639		14 руб. 23 алт.	14 руб. 23 алт.
1640		344 руб. 13 алт. 6 д.	344 руб. 13 алт. 6 д.
1641		530 руб. 22 алт. 1 д.	475 руб. 22 алт. 1 д.
1642			211 руб. 16 алт. 4 д.
Итого	958 руб. 11 алт. 3 д.	1733 руб. 28 алт. 1 д.	1882 руб. 19 алт. 5 д.

Список литературы

Александров В.А. Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII века // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 352–366.

Бахрушин С.В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 7–192.

Бродников А.А. Отписка П. Головина и М. Глебова из Тобольска в Сибирский приказ: К вопросу об образовании Якутского воеводства // Социально-политические проблемы истории Сибири. Новосибирск, 1994. С. 3–10.

Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625–1650 гг.) // *Буцинский П.Н.* Сочинения. Т. 2. Тюмень, 1999. С. 251– 310.

Визе В.Ю. Русские полярные мореходы из промышленных, торговых и служилых людей XVII–XIX веков. М.; Л., 1948. 72 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. 632 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000. 800 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М., 2005. 600 с.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. 256 с.

Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 3. М., 1900. 393 с.

Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. 240 с.

УДК 821.161.1

С.К. Севастьянова
Рубцовский индустриальный институт (филиал Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова)
Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Патриарх Никон и боярин Н.А. Зюзин: Дружба, верность, честь

В статье анализируется попытка Патриарха Никона вернуться на первосвятительскую кафедру в декабре 1664 г., детали которой известны в историографии по документам «дела» боярина Н.А. Зюзина, опубликованным в XIX в. С позиции научной объективности и в русле историко-филологического подхода рассмотрен корпус эпистолярных сочинений, среди которых особое место отведено десяти письмам Никона Зюзину и двум боярина Патриарху. Эти источники впервые рассматриваются как часть «дела» Зюзина, что позволяет скорректировать изложенные в исследованиях предшественников мотивы фигурантов дела. Комплексная оценка эпизода позволяет расширить представления о личностях Патриарха Никона и боярина Зюзина и по-новому взглянуть на причастность к событию царя Алексея Михайловича.

Ключевые слова: Патриарх Никон, Никита Алексеевич Зюзин, «дело» Зюзина, эпистолярий, царь Алексей Михайлович, комплексный подход.

Среди поступков Патриарха Никона, совершенных после оставления первосвятительской кафедры в 1658 г., вызвавших неоднозначную реакцию современников и неугасаемый интерес исследователей, особое место занимает его тайный приезд в Москву в декабре 1664 г. Детали и содержание этого события многократно изложены историками, работавшими с подлинными архивными материалами и опубликовавшими значительную их часть: В.И. Ламанским [Записки, 1861, с. 581–590], Г.Ф. Штендманом [Дело, 1897, с. 121–221], Н.А. Гиббенетом [Историческое исследование, 1882, с. 50–53; Историческое исследование,1884, с. 736–759], Н.И. Субботиным [Субботин, 1862, с. 86–116], С.М. Соловьевым [Соловьев, 1851–1879, с. 245–252], митрополитом Макарием (Булгаковым) [Макарий (Булгаков), 1883, с. 480–494], Н.Ф. Каптеревым [Каптерев, 1909, с. 413–416; Каптерев, 1912, с. 150, 221, 328, 342], М.В. Зызыкиным [Зызыкин, 1931, с. 144–145], Г.В. Вернадским [Вернадский, 2001, с. 104–127] и др. Кратко напомним детали эпизода. Патриарший боярин Никита Алексеевич Зюзин, общаясь с людьми из близкого царского окружения, узнал, что Алексей Михайлович пожелал примириться с Патриархом Никоном. Сославшись на дворянина А.Л. Ордина-Нащокина и стряпчего А.С. Матвеева, Зюзин изложил план приезда Никона в Москву. Патриарх согласился не сразу, но лишь когда получил от-

© Севастьянова С.К., 2020

кровение — в бывшем ему видении Московские первопрестольники Иона и Петр показали подписанный ими свиток о возвращении Никона на кафедру.

В ночь на 18 декабря, следуя инструкциям, Никон прибыл в Успенский собор и занял патриаршее место. Однако царь потребовал покинуть столицу. Взяв посох митрополита Петра, Никон поехал в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. В селе Чернево его задержали царские люди. Патриарх рассказал о письмах, которые вместе с посохом передал царю. Началось следствие. Никиту Зюзина допросили с пристрастием, и он повинился в «самовольном приглашении им в Москву» «подсудимаго» Патриарха Никона. Боярин был лишен чина и сослан в Казань.

Даже такое поверхностное изложение этапов происшествия 1664 г. показывает, что, несмотря на известность основных его звеньев и четкого круга источников, дело не было простым. Суть инцидента и мотивации его участников до сих пор остаются не до конца проясненными. Н.А. Гиббенет, считал, что в деле есть «какая-то тайна, которую трудно разгадать, но предположения могут быть различныя» [Историческое исследование, 1884, с. 138]. Восстанавливая хронологию события, историки, каждый по-своему и в зависимости от отношения к персоне и деяниям Патриарха Никона (критического или апологетического), пытались объяснить мотивы фигурантов дела.

По мнению митрополита Макария (Булгакова), Никон своим возвращением стремился предотвратить собор, созываемый царем для его осуждения [Макарий (Булгаков), 1882, с. 480–490]. Н.И. Субботин полагал, что Патриарх предпринял такой смелый шаг ради установления спокойствия и порядка в Церкви [Субботин, 1862, с. 115]. М.В. Зызыкин рассмотрел поступок Патриарха Никона в контексте церковно-государственных отношений и заключил, что Никон лишь на время оставлял кафедру [Зызыкин, 1934, с. 331–379]. Г.В. Вернадский высказал мысль о причастности к инциденту царя Алексея Михайловича, Нащокина и Матвеева [Вернадский, 2001, с. 104–127].

С.В. Лобачев связал приход первосвятителя в Москву с осложнившимися внешнеполитическими событиями и непростым внутренним положением в стране [Лобачев, 2003, с. 218–220]. Б.В. Кричевский рассмотрел «дело» Зюзина в контексте нарастающего в боярской среде недовольства Патриархом Никоном, а побудительным мотивом Зюзина к примирению Никона с царем назвал желание боярина поправить свое финансовое положение [Кричевский, 2007, с. 21–24]. Н.В. Великоцкая показала, что персональное участие Никона в продвижении боярина по службе сформировало между ними духовно-

дружескую привязанность, которая стимулировала желание Зюзина примирить Патриарха с царем [Великоцкая, 2015, с. 110–114].

Неослабевающее в историографии о Патриархе Никоне внимание к одному из ключевых эпизодов в его биографии побудило и нас пересмотреть источники и дать свою оценку произошедшему. Не желая повторять известную хронологию событий, мы обратили внимание на эпистолярные тексты, которые в полном объеме не включались в орбиту осмысления эпизода — десять писем Никона Зюзину 1659–1662 гг. и два — боярина Патриарху 13 и 15 декабря 1664 г. Обобщив теоретический опыт предшественников, мы применили к нарративам комплексный анализ.

Тексты ответных писем Патриарха своему боярину издавались В.И. Ламанским [Записки, 1861, с. 581–590], Н.А. Гиббенетом [Историческое исследование, 1884, с. 493–495, 598–602], архимандритом Леонидом (Кавелиным) [Акты, 1878, с. 25–26]. Но они не становились предметом специального исследования и не имеют реального комментария. В статье сделана такая попытка.

Патриарх Никон вел переписку с Зюзиным как раз в то время, когда Никита Алексеевич нес воеводскую службу в Новгороде (1659–1661) [Барсуков, 1902, с. 154]. По возвращении он попал в опалу. В декабре 1664 г. при допросе думной дворянин Афанасий Нащокин показал, что осенью 171 (1662) г. государь советовал, «чтоб ему с Микитою Зюзиным не знатца, для того что он Микита многоязычен и приплетет ево к ненадобным делам» [Дело, 1897, с. 205].

Зюзин, похоже, был не сдержанным на язык и бранчливым — именно в таком значении слово «многоязычный» известно в древнерусском употреблении, — значит, способным твердо настаивать на своем и мощным словесным потоком смело защищать позицию перед власть имущими. Так, ввязываясь в местнические споры с родовитыми персонами, Зюзин проигрывал дела, но оставался в числе царских приближенных [Дворцовые разряды,1852, стб. 87–88, 343–344, 347]. Судя по всему, Никита Алексеевич не был простым человеком. А его «многоязычие», по-видимому, содержало долю правоты — иначе не состоять ему в почете у царя. Личность Зюзина в историографии явно недооценена.

Уместно вспомнить и о характеристике опального Патриарха Никона, данной ему царем Алексеем Михайловичем примерно в такой же, как и при оценке Зюзина, тональности. В декабре 1662 г. государь наказывал окольничему О.И. Сукину отвечать ожидавшему позволения видеться с царем Никону: «Как он был на патриаршестве, о чем тогда от великаго государя к нему писано, он после отшествия своего

с патриаршескаго престола про те его государевы письма говорил в разговорех со многими» [Историческое исследование, 1882, с. 152].

Сопоставляя эти характеристики, мы полагаем, что вряд ли Алексею Михайловичу нравилось, как его приближенный боярин и «собинный» друг за пределами сугубого круга открыто говорили о былом расположении его к ним и охлаждении, о непоследовательности действий царя, выражавшейся в приближении и опале. В то же время проникновенность в духовную сущность Алексея Михайловича давала Никону и отчасти Никите Зюзину надежду на проявление государем по отношению, в первую очередь, к Патриарху Никону не холодности чинно-этикетных правил и законодательных регламентаций, а тепла христианской любви и всепрощения. Тема уязвленности грехом души царя и попытка Никона ее выправить были ведущими в его письмах царю в 1658–1664 гг.

В письмах же к Зюзину Патриарх Никон ни разу не коснулся темы Алексея Михайловича. Однако содержание их переписки проливает свет на мотивы поведения каждого в те декабрьские дни 1664 г. О письмах к нему Никона 22 декабря Никита Алексеевич сообщал: «Писал и неединово о сошествии своем в Новгород, приводя от божественаго писания; ...и о порче своей, и о пожарном видении, и о наугоротце Василье Микифорове, и о посылке моей, что я к нему посылан с рыбою» [Дело, 1897, с. 197, 199]. Очевидно, между адресатами существовала крепкая дружба и доверие.

Патриарх Никон, как известно, в совершенстве владел техникой эпистолярного жанра. Его ответы Зюзину в целом соответствуют греко-византийской эпистолярной традиции. Структура позневизантийского греческого письма отразилась на строении посланий Никона, которые состоят из трех значимых разделов: приветствие адресата, центральная часть (ответ и сообщение) и заключение. В них отсутствует подпись: своим именем Никон приветствовал адресата. Зато есть отметка о дате и, как правило, указан «адрес отправителя».

Адресаты Никона — его духовные чада: Никита Алексеевич с супругой Марией Степановной «со всем благодатным домом». Обращение к ним восходит к приветствию ап. Павла двум его любимым и испытанным ученикам — Титу (первому епископу Крита; † 100-е) и Тимофею (первому епископу Эфеса; † ок. 80 или 97): «Благодать, милость, мир от Бога Отца и Спаса нашего Иисуса Христа» (1Тим. 1:2; 2Тим. 1:2; Тит 1:4). Это приветствие Патриарх Никон использует и в письмах к грекам, пострадавшим в России за сочувствие к нему, — Иконийскому митрополиту Афанасию и Савве Дмитриеву. Как духовный наставник, он брал апостолические письма за образец пастырского послания с мудрыми и полезными советами, которые

адресовал всем единомышленникам и заступникам, страдающим за союз с ним.

Семантема писем Никона Зюзину содержит сообщение о получении известий, на которые составляется ответ. Иногда названы имена курьеров. Завершаются письма пожеланием здоровья адресату. Сухая этикетная формулировка частного письма в ряде случаев расширяется за счет других типичных фраз, персонализирующих наказ: «Здрави будите, и к нам по-прежнему любви своея не забуди, но почасту извещай. Да и мы о вашем добром здоровье возрадуемся».[1]

Этикетные формулы соседствуют с фиксацией признаний корреспондентов в недугах и скорбях: «Грамоту вашу принял июня въ 28-*й* день и, усмотрив о вашем добром здоровье, вельми обрадовался. В ней же обретох писаное, яко иноя радости не имате, развее есть — еже о нас слышите, яко живы есмы. Ей, незабытно и мы вас яко чад своих в молитвах наших имеем, и еже зде, лишившиеся мирския радости, радуйтеся, яко имате возрадоватися во Царствии Божии».[2] Через делопроизводственный формуляр проступает искренность дружеских чувств.

Подарки — жест христианской любви к ближнему. «Марье Стефановне за платочки челом бью. Бога ради не протортеся, ведая вашу скудость, что без правды все ро<зхи>щено, но терпите Господа ради, по словеси Божию, стявающе душа ваша», — благодарил духовных чад Никон в январе 1661 г.[3] Как раз тогда Зюзины испытывали материальные трудности. Несмотря на «скудость» жизни, этот скромный подарок духовному отцу — в русле свойственных дворянскому роду Зюзиных человеколюбия и щедрости. Известно о богатом пожертвовании, внесенном Никитой Алексеевичем в храм Живоначальной Троицы в Московском Златоустовском монастыре, который он со своим братом Григорием восстанавливал на месте церкви, возведенной их предком В.Г. Зюзиным в конце XVI в. и сгоревшей в начале 1660-х гг. [Великоцкая, 2015, с. 111–112].

О великодушии Никиты Зюзина говорят два письма Никона с просьбами к нему. В одном он хлопочет о новгородце Федоте Ростопчине, который «плачетца вельми прискорбно», будучи «немощен и скуден», чтоб его освободили от «полковые службы». В другом просит помочь новгородскому купцу Василию Никифорову, пострадавшему от произвола торгового монополиста в Новгороде Афанасия Микляева, решившего присвоить медь, купленную Никифоровым «про себя, а не на продажю». Мы не знаем, чем закончились эти дела,

[1] РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 140, ч. 1, л. 261.

[2] РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 140, ч. 3, л. 125.

[3] РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 140, ч. 3, л. 112а.

но документы времени Патриарха Никона донесли до нас свидетельства о многих заступничествах первосвятителя за людей достойных и честных и только перед двумя персонами, способными принять его прошения к сердцу и отреагировать на них с христианской любовью, — Никитой Зюзиным и царем Алексеем Михайловичем.

Между боярином и Патриархом прямота и откровенность, судя по тематике ответных писем Никона Зюзину, существовали всегда. Патриарх Никон обличал своих ставленников, действовавших по воле царя. Именно Зюзину, близкому по духу человеку, он раскрыл ряд своих «первообразных» — трех вселенских святителей и Московского митрополита Филиппа. Рассказал о бывшем ему видении пожара в царском дворце, над чем в Москве «посмеялися лише. А егда збылось — тогда ничтоже прибысть добро, развее о Веельзеуле рече».[4]

Описывая свои беды и обличая «неправды те», Патриарх Никон всегда опирался на библейское слово — от одиночных и хорошо известных каждому христианину цитат до обширных и сложных построений из фразовых и сюжетных заимствований. С их помощью первосвятитель писал о нападках на него боярина Романа Боборыкина. Сетование на Псковского митрополита Макария, который «и стар да глуп», завершил цепочкой из скрытых и явных цитат из книг Ветхого и Нового Завета. В одном из писем Никона не менее 30 отсылок к текстам Священного Писания, которые, по словам Н.А. Гиббенета, Патриарх «применял к своим напастям» [Историческое исследование, 1884, с. 600].

Искренность, с которой Никон «обнажал» душу перед боярином, объяснялась глубоким доверием Патриарха своему духовному сыну и убежденностью в беззаветной преданности ему Никиты Зюзина. Эти два человека имели и близкие черты характера — прямоту и упорство, стремление к порядку и справедливости, отстаивание правоты. Именно Никита Алексеевич проницательно предупреждал Никона, задумавшего оставить первосвятительскую кафедру, о трудностях, с которыми тот столкнется, сделав этот шаг, отговаривал его, чтоб «от такова дерзновения престал и с Москвы не ходил, и церкви Божии не возмутил» и «впредь и хотящю ти внити нелеть ти будет». Много раз Зюзин просил Никона: «Остави упорство свое и возвратись»; но Никон отвечал: «Сшел де с серца, а по времени возвращюсь» [Дело, 1897, с. 198–199].

Это навязчивое обсуждение темы ухода и возвращения Патриарха Никона на первосвятительскую кафедру делало ее напряженной в размышлениях каждого из собеседников. Поддерживая деловые отношения с «нужными» для бизнеса (торговля поташом) людьми из

[4] РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 140, ч. 3, л. 125.

царского окружения, Зюзин знал от них о настроениях вокруг персоны Никона при дворе. Патриарх, не оставляя мысли о возвращении, упрекал Алексея Михайловича в гневе на него и в письмах к царю молил о прощении, назидал о силе христианской любви.

Письма Зюзина, не связанные канонами эпистолярного жанра, отчетливо раскрывают тему «предательства» Никона, волновавшую историков XIX в. Одно письмо — руки боярина Никиты Зюзина с четкими инструкциями для Патриарха Никона: в какой день и час выезжать из Воскресенского монастыря, к кому и какими словами обращаться, что отвечать на вопросы на заставах и как себя вести в соборе и т.д. [Дело, 1897, с. 181–183]. Второе письмо — это копия (без начала) руки Патриарха Никона с другого оригинала. Послание от имени царя призывает Никона на патриаршую кафедру. Монолог Алексея Михайловича, занимающий все пространство документа, довольно убедительно объяснял причину, по которой царь лично не может призвать Никона в Москву, — опасение быть «раскрытым» самим Никоном и затем обвиненным своим же окружением в «непостоянстве». Государь заверял, что Никон может идти в Москву «без всяково опасенья» — «не выдам ево ни в чом ни кому», поскольку он нуждается в дипломатических советах Патриарха: «надобно с ним утвердить о отпуске посолском ево Афонасьеве чтоль посол последней с Поляки на чем поставитъ». Царь вспоминал о клятве, «что у смерти друг друга не покинуть» и быть борцами за правду: «никто правды нашей не любят, толко нам то надо быть чинить». В конце письма Зюзин от себя заверял Патриарха Никона, что все написанное — это желание царя и воля Божия: «А пишем мы тебе и стужаем о том не для своево тово искав, мы видим милость Божию и царьское жалованье над собою» [Дело, 1897, с. 184–190].

Мы солидарны с теми авторами, кто видит в этих документах живой образ Алексея Михайловича и слышит его голос. Зюзин несомненно мог тактически и стратегически оценить ситуацию. Он, как известно, был опытным управленцем, поскольку неоднократно назначался городовым воеводой в «горячие точки», имеющие важное экономическое и политическое значение для Отечества. В пограничный южный Коротояк (1651), где нес сторожевую и станичную службу и расселял украинцев (черкес), пожелавших поселиться «на вечное житье» в России. В пограничный и торговый Путивль (1654–1658), где его служба совпала с важнейшими событиями того времени — воссоединением Украины с Россией и реализацией актов Переяславского договора 1654 г., началом русско-польской войны 1654–1667 гг. Здесь Зюзин привлекался к участию в боевых действиях для поддержки гетмана Хмельницкого, регулярно отправлял царю

отчет о состоянии дел [Великоцкая, 2015, с. 113–114]. Наконец, в Новгород (1659–1662), где Зюзин нес воеводскую службу как товарищ сначала боярину князю Г.С. Куракину, потом, с 1661 г. — князю И.Б. Репнину [Дополнения, 1854, с. 187, 263].

Несомненно, Н.А. Зюзин знал ход утреннего богослужения, места расположения столичных застав, пути беспрепятственного выезда из охраняемого стрельцами Воскресенского монастыря, чин приглашения и приема царем главы Церкви. Однако вряд ли все эти мелочи были им устроены единолично и без «связей» его помощников.

На фоне откровений, которые не соответствовали поведению Алексея Михайловича в те несколько часов пребывания Никона в Успенском соборе и день в селе Чернево, поступок Патриарха, отославшего царю письма Зюзина, расценивается нами не как «выдача» сотоварища [Макарий (Булгаков), 1883, с. 493–494], а как пастырский жест. На соборе 1666 г. Алексей Михайлович заявил, что Зюзин достоин был смертной казни, а вот смерть его супруги лежит на Никоне, поскольку «он Никон Патриарх положил его Микитины письма». На эти обвинения Патриарх ответил то же, что и два года назад, в селе Чернево: «Те де Никитины письма прислал он к великому государю оправливая себя, что по тем Никитиным письмам приезжал он, Никон, к Москве, а не собою» [Московские соборы, 2014, с. 58–59].

Никон не предавал боярина, но благословлял на страдания. Подобно тому, как Патриарх духовно поддерживал греков, томящихся в монастырских тюрьмах за сочувствие к нему, он напутствовал на страдания и Никиту Алексеевича: «Благообразно нам ваше страдание без правды» и «терпите Господа ради, по словеси Божию, стяжающе душа ваша».[5]

Передавая государю письма Зюзина, Никон, выражаясь высоко метафорически, возвращал царю царево. Эти бумаги засвидетельствовали духовные метания, внутреннюю неуверенность и человеческую нерешительность Алексея Михайловича по отношению к Патриарху Никону. В то же время звучащее в них желание царя возвратить Патриарха Никона на кафедру было признанием в живой христианской любви к бывшему другу (говоря о котором, царь плакал). Но статус великого государя и этикет поведения, требовавший стойкости позиции, твердости решения и строгой последовательности действий, подавлял душевные настроения правителя, не позволял ему даже внешне выразить дружеские чувства и положительные эмоции в адрес опального Патриарха. Ожидание церковного собора с участием Вселенских Патриархов, вовлеченность в активную «работу царю» Газского митрополита Паисия Лигарида по подготовке суда

[5] РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 140, ч. 3, л. 124.

над Никоном, отсутствие поддержки боярства, страстно желавшего освободить Церковь от Патриарха Никона — все это подавило решимость Алексея Михайловича поддержать и успешно реализовать ту последнюю попытку первосвятителя помириться с ним и вернуться на патриаршую кафедру.

Зюзин зафиксировал на бумаге взволнованные признания мятущейся души Алексея Михайловича и донес их до Патриарха Никона. Зюзин стал и проводником воли Господней, открывшейся в видении Никону накануне приезда в Москву, — именно ему первому Патриарх написал об откровении, и боярин «декабря в 17 день, в суботу, то виденье ему старцу Александру казал и на писме» [Дело, 1897, с. 198].

Став связующим звеном между царем и Патриархом, Зюзин остался до конца верен обоим. Взяв вину на себя, он отвел подозрения от Алексея Михайловича как соучастника и, страдая под пытками, умолял простить его за искушения «паче своей страдъничьи меры» [Дело, 1897, с. 203]. Он подал царю надежду на духовное примирение с Никоном. Как известно, Алексей Михайлович на смертном одре просил Патриарха Никона простить его, однако прощения не получил [Карташев, 1992, с. 219].

Царь оценил подвиг Зюзина: ему по ходатайству царевичей Петра и Иоанна Алексеевичей была сохранена жизнь и позволено продолжить службу Отечеству на заставах и городах-крепостях засечной черты. Понимая, что боярин не отступится, Алексей Михайлович дал особый наказ А. Матвееву, встречавшему в Астрахани шествовавших на собор 1666 г. Александрийского и Антиохийского Патриархов: накрепко следить, чтоб «подсылок от бывшаго Патриарха Никона и от казанскаго митрополита, и от Микиты Зюзина, и чтоб хто к Патриархом писем от них каких не поднес, остерегать того накрепко с большим опасеньем» [Каптерев, 1912, с. 328].

Патриарх простил свое духовное чадо и поминал Зюзина как страдальца вместе с теми, кто «нас ради умучиша много зело, их же число нам неведомо». Черед год в «перехваченных» грамотах вселенским Патриархам среди «умученых» Никон назвал чету Зюзиных. 18 января 1672 г. в Ферапонтов монастырь с указом о послаблении содержания монаха Никона и подарками от царской семьи приехали стрелецкий голова Л. Лопухин и подьячий приказа Тайных дел А. Степанов. Сообщив монаху Никону, что царь Алексей Михайлович намерен освободить всех наказанных из-за него, они сразу услышали имя Зюзина.

До конца дней Патриарха Никона в его молитвенной памяти оставался Никита Алексеевич Зюзин. Так он благодарил своего боярина, товарища и духовное чадо за преданность, дружбу, верность.

Список литературы

Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). СПб., 1878. 655 с.

Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. 626 с.

Великоцкая (Мозгунова) Н.В. Дело боярина Никиты Зюзина // Русский мир в пространственно-временном контексте. Барнаул, 2015. С. 107–119.

Вернадский Г.В. Московское царство. Ч. 2. Тверь; М., 2001. 416 с. (История России).

Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. 841 с.

Дело о Патриархе Никоне. СПб., 1897. 515 с.

Дополнения к тому III Дворцовых разрядов. СПб., 1854. 246 с.

Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. 790 с.

Зызыкин М.В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Ч. 1. Варшава, 1931. 327 с.

Зызыкин М.В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Ч. 2. Варшава, 1934. 384 с.

Историческое исследование дела Патриарха Никона / Сост. по офиц. документам Н. Гиббенет. Ч. 1. СПб., 1882. 280 с.

Историческое исследование дела Патриарха Никона / Сост. по офиц. документам Н. Гиббенет. Ч. 2. СПб., 1884. 1151 с.

Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев Посад, 1909. 533 с.

Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912. 617 с.

Карташев А. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1992. 569 с.

Кричевский Б.В. Бояре в процессе отстранения Никона от власти // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2007. № 1. С. 18–26.

Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. 416 с.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. 12. Кн. 3. СПб., 1883. 824 с.

Московские соборы 1660, 1666, 1667 годов: Собрание документов эпохи. Т. 2. СПб., 2014. 472 с.

Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие Патриарха Никона. Переписка с современниками: Исследование и тексты. М., 2007. 776 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. СПб., 1851–1879. 800 стб.

Субботин Н.И. Дело Патриарха Никона: Историческое исследование по поводу XI т. «Истории России» проф. Соловьева. М., 1862. 258 с.

УДК 929/271.2

И.А. Никулин
Екатеринбургская духовная семинария

Конфликт митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) и тобольских воевод Нарышкиных в конце XVII века: Попытка комплексного анализа

В статье рассматривается конфликт между митрополитом Игнатием (Римским-Корсаковым) и тобольскими воеводами А.Ф. и А.А. Нарышкиными в 1696–1698 гг. с различных сторон (представлений преосвященного Игнатия о церковно-государственных отношениях, места и роли тобольского архиерея в государственном управлении Сибирью, поземельного спора с татарами, «дела десятильников», вопроса компетенции церковного суда) на основании опубликованных источников и архивных материалов. Автор приходит к выводу, что конфликт был сложным и иллюстрирует изменения церковно-государственных отношений, которые произошли в 90-е гг. XVII в.

Ключевые слова: Тобольский архиерейский дом, Православие в Сибири, митрополит Игнатий (Римский-Корсаков), «дело десятильников», церковно-государственные отношения.

Пальма первенства в изучении знаменитого «дела десятильников» несомненно принадлежит академику Н.Н. Покровскому. Ему удалось не только подробно изложить фактологию событий, но дать направления для дальнейшего вписывания «дела» в контекст жизни Сибири и Русской Церкви конца XVII в. [Покровский, 1986]. Дополнить картину конфликта удалось А.Т. Шашкову, который показал сопротивление воевод планам митрополита Игнатия совершить поездку на восток Сибири [Шашков, 2000]. Попытки детального анализа конфликтной ситуации предпринимались и нами [Никулин, 2015, с. 102–114]. Однако, как нам кажется, при всестороннем изучении проблемы столкновение светских и церковных властей Тобольска выходит далеко за пределы частного вопроса, а может быть иллюстрацией формирования новой петровской политики в отношении Церкви на самых ранних ее стадиях и отражать глубокие противоречия между светскими и церковными властями во второй половине XVII в.

Во взаимоотношениях светских и церковных властей Сибири в XVII в. сложились определенные негативные традиции, на которые указали многие исследователи. Прежде всего, изначально тобольские архиереи рассматривались царской властью как лица, контролирую-

© Никулин И.А., 2020

щие тобольских воевод.[1] Неразграниченность порой компетенций, огромные расстояния, невысокий уровень образования приводили к злоупотреблениям как со стороны архиерейских чиновников, так и со стороны воевод. Кроме того, Тобольский архиерейский дом на всем протяжении XVII в. стремился к увеличению своих вотчин, что, в свою очередь, часто было причиной конфликтов, в том числе и со светскими властями.

Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), прибывший в 1693 г. на Тобольскую кафедру, — яркий пример администратора и писателя второй половины XVII в. Активный, динамичный, имевший богатый церковно-административный опыт, Игнатий стремится реализовать себя в новом качестве. Естественно предположить, что Игнатий в своей деятельности исходил из определенных взглядов. Будущий митрополит еще на рубеже 1680–1690-х гг. вполне ясно сформулировал свои представления об идеальном соотношении «священства» и «царства». Его идеи близки по своему содержанию к взглядам Патриархов Никона, Иоакима и Адриана, партии грекофилов. Исходя из концепции «византийского (константинопольского) наследия» и представлений грекофилов, владыка Игнатий ставил «священство» выше «царства» по своему происхождению, добивался полной независимости церковного суда, стремился к расширению роли Церкви в общественной жизни, и вместе с тем подчеркивал обязанность царской власти заботиться о жизнедеятельности церковной организации. Преосвященный Игнатий прямо пишет об обязанности царей оказывать Патриарху «почитание и послушание».[2]

Политику полной независимости церковного суда от светских властей (закрытие Монастырского приказа в 1677 г.) и возвышение фигуры Патриарха проводил Патриарх Иоаким, сыгравший в жизни будущего тобольского архиерея огромную роль. Именно Игнатий, почитавший его как отца, составил Житие Патриарха Иоакима [Панич, 2013, с. 140–152] и стремился распространить память о нем (рукопись Жития попала и в библиотеку Тобольского архиерейского дома [От Вятки до Тобольска, 1994, с. 89]). Таким образом, Игнатий приехал в Тобольск с достаточно четкими представлениями об идеальном положении и своей власти как митрополита, и в целом места «священства» в жизни Московского царства.

12 февраля 1693 г. Игнатий приезжает в Тобольск, а уже 2 апреля в город прибывает новый воевода Андрей Федорович Нарышкин — двоюродный брат Наталии Кирилловны и, соответственно, родной дядя царя Петра, служивший до назначения в Сибирь комнатным

[1] См.: [Покровский, Русская Православная Церковь].

[2] БАН, П. I. А № 10, л. 22 об.–23 об.

стольником молодого Петра Алексеевича, человек, близкий к царской власти. Правительство явно благоволило ему, вместе с ним прибывают в Тобольск на службу три его «знакомца»-аристократа и получают места. Одновременно с его приездом ликвидируется Верхотурский разряд, а его территория вновь входит в Тобольский разряд. В 1695 г. на место второго воеводы назначен сын Андрея Федоровича — А.А. Нарышкин [ПСРЛ, 1987, с. 286, 289].

Первоначально отношения с тобольскими воеводами строились в мирном духе. В целях борьбы с расколом, а также для освящения новопостроенных церквей митрополит задумывает поездку по своей митрополии. Его путешествие по «верховым» городам Сибири продолжалось с 23 ноября 1694 г. по январь-февраль 1695 г. Для этого он получил пятьдесят подвод от тобольского воеводы А.Ф. Нарышкина.[3] В поездке по западной Сибири владыка задумал путешествие в восточную часть Сибири, желая полностью обозреть населенные православными части востока Московского царства. Ожидая царского разрешения, в августе-сентябре 1695 г. митрополит совершил поездку в Самаровский ям, для чего тобольскими воеводами было выделено преосвященному Игнатию 2 дощаника и 44 человека гребцов и кормщиков.[4]

С самого начала своего пребывания в Тобольске Игнатий активно вступает в общественно-политическую жизнь края: ходатайствует о выплате жалования служилым людям, принимает и пересылает в своей почте в Сибирский приказ жалобы на власти Сибири, активно взаимодействует с местным населением. В своей поездке Игнатий задумывает масштабное путешествие на восток Сибири, однако в его организации не находит поддержки не только у светских властей Сибири, но и в Сибирском приказе. Но митрополит Игнатий привык действовать. Задуманную поездку, конечно, он не мог совершить без царской грамоты, однако посетить ближайшие низовые города, надо полагать, ему представлялось возможным, не запрашивая разрешения Сибирского приказа. 26 февраля архиерей письменно обратился к тобольским воеводам с просьбой о выделении ему подвод для поездки в Тару. Однако получил отказ, «потому что ис Тоболска к Таре строенных ямов нет, а гоняют подводы к Таре ясашные люди от деревни до деревни... И ныне те ясашные люди вышли для ясашного промыслу».[5] Тогда владыка Игнатий меняет направление своей поездки — и получает разрешение тобольских светских властей на поездку в Туринск. Подорожная была подписана в начале марта 1696 г.

[3] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1058, л. 21.

[4] РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 801, л. 613–613 об.

[5] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1058, л. 21–22.

дьяком Афанасием Герасимовым.[6] Таким образом, до конца 1696 г. ситуация, несмотря на возникшие недопонимания, не выходила из разряда возможно непростых, но все-таки обычных отношений.

В 1695 г. вдова тобольского юртовского татарина Седяша Кулмаметова «полюбовно» обменяла с Тобольским архиерейским домом свою вотчину — деревню Ичкино — на софийскую вотчину на реке Кундуск, получив дополнительно из казны Тобольского архиерейского дома 300 рублей.[7] После приобретения новой земли Тобольский архиерей стал заниматься ею. Митрополит поселил в деревне Ичкино двадцать восемь домовых крестьян с их семьями. Приказчики постановили перенести дворовые строения татар на другое место, а некоторые просто разобрать за ненадобностью. Было определено место под храм, крестьяне построили свои дворы вокруг этого места, началась подготовка к постройке деревянной церкви. Это вызвало негативную реакцию местного населения. Служилые татары, во главе с Темираном Бехтимировым, земля которых оказалась проданной Тобольскому архиерейскому дому, стали жаловаться тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину. Последний, в свою очередь, за разрешением вопроса в 1696 г. обратился с челобитной в Сибирский приказ.[8] Свое видение ситуации изложил и митрополит Игнатий в обращении (челобитной) к царю Петру. Он настаивал на незаконности поселения служилых татар на землях деревни Ичкино, просил царя оставить их в «вечной» собственности Тобольского архиерейского дома, а служилых татар, как незаконно захвативших эти земли, переселить.[9]

Разногласия в вопросе о законности прав служилых татар, проживавших на территории новоприобретенной вотчины Тобольского архиерейского дома, привели к конфликту тобольских воевод и митрополита. Тобольские воеводы приняли сторону служилых татар, так как последние не получали за службу жалования, и лишение их земли изменило бы ситуацию, вызвав дополнительные расходы.

В это время к уже резко натянутым отношениям светских и церковных властей Тобольска добавилась еще одна проблема. Дело в том, что церковным судом и сборами церковных налогов на местах занимались особые светские архиерейские чиновники, обычно набираемые из числа Софийских детей боярских, — десятильники. Этот институт в центральной России был отменен еще в 1675 г. Однако нехватка в Сибири духовенства приводила к тому, что эти должности, несмотря на соборные акты, сохранялись. Будучи разбросанными по

[6] РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1122, л. 641, 645.

[7] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 596, л. 20.

[8] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 596, л. 1–9.

[9] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 596, л. 10–11 об.

огромной территории Сибири, десятильники оказывались во многих отношениях бесконтрольными.

Конфликт разразился почти одновременно в нескольких городах: Туринске, Тюмени и Тобольске. Туринский воевода В. Лутовинов принял меры, жестоко наказал нескольких осведомителей туринского десятильника, принадлежавших к духовному сословию. Однако получалось, что, борясь с произволом десятильника, воевода нарушил судебные права Церкви. Резкое вмешательство воеводы в церковный суд владыка Игнатий, надо полагать, расценил как грубое и намеренное, и поэтому пошел на крайние меры: 21 августа 1697 г. туринский воевода получил письмо, в котором Тобольский митрополит сообщал ему, что за вмешательство в сферу церковного суда он отлучен от Церкви вместе со своим домом. В апреле 1697 г. у тюменского десятильника Ивана Захарова произошел конфликт с местными жителями. Митрополит Игнатий поручил провести расследование по одной из жалоб архимандриту Герасиму, и последний подтвердил справедливость претензий к десятильнику. Но Иван Захаров сумел настоять на своем, и окончательное решение владыка принял в его пользу. Тюменский воевода Т. Раевский не решился сообщить в Москву о челобитных. В приказной избе Тюмени 7 июля пострадавшие подали челобитную на имя царя с жалобой на насилия тюменского десятильника Ивана Захарова. Воеводы должны были пересылать ее в Москву, но этого не произошло [Покровский, 1986, с. 152–153].

Челобитные на неправый митрополичий суд, на «многие разорения и обиды» от десятильников и домовых людей преосвященного Игнатия подавались и тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину. Он несколько раз пытался вызвать людей митрополита для рассмотрения жалоб, но владыка своих людей к розыску воеводы не отдавал. А тобольский воевода настаивать не стал, не желая усугублять конфликт [Покровский, 1986, с. 154].

Казалось бы, митрополит смог отстоять на местном уровне попытки ограничить судебный иммунитет Церкви. Необходимо отметить, что местные чиновники также не стремились к развитию конфликта. Однако дальнейшие тобольские события привели к кульминации кризиса.

В июле 1697 г. в воеводской приказной избе Тобольска начала рассматриваться жалоба новокрещеного татарина на насилие, которое было совершено над его женой некрещеным татарином. 22 июля по приказу Сибирского архипастыря и без ведома тобольского воеводы митрополичьими людьми был арестован и доставлен на Софийский двор обвиненный в совершении насилия упомянутый некрещеный татарин. Владыка начал свое следствие по этому делу, обвиняя его

в «поругательстве православные християнские веры и в насильстве блудного беззаконного греха».[10] Дела, касающиеся нравственности, подлежали духовному суду. Однако некрещеный татарин не принадлежал Православной Церкви. Возможно, митрополит считал его дело принадлежавшим своему суду по сути, как дело о богохульстве. Воевода, в свою очередь, полагал, что оно принадлежало его суду. Сам же вопрос о подсудности неправославного населения духовному суду юридически не был до конца ясен. Сибирские татары настаивали на своей неподсудности Православной Церкви. Вскоре родственники арестованного обратились к А.Ф. Нарышкину с жалобой на действия митрополита. Владыка официально сообщил тобольскому воеводе о том, что он ведет это следствие, только 28 сентября [Покровский, 1986, с. 156].

16 августа утром, в день престольного праздника кафедрального собора Святой Софии воеводские дьяки Афанасий Герасимов и Алексей Протопопов вместе с другими чиновниками пришли в крестовую палату архиерейского дома поклониться и взять благословение у преосвященного Игнатия. Последний, дав всем свое благословение, дьяку Афанасию Герасимову в благословении публично отказал, осыпав его упреками за решение в пользу татар их земельного спора с митрополитом (в связи с дер. Ичкино). Одновременно он обвинил дьяка в том, что «он ссорит» владыку с воеводой. После спора с Афанасием тобольский архиерей все же дал ему свое архипастырское благословение. Затем иерарх отправился служить литургию, на которой присутствовали воеводы А.Ф. и А.А. Нарышкины, а также воеводские дьяки. По окончании службы тобольский архипастырь прямо в церкви приказал своему дьяку взять под суд тобольского приказного старого подьячего Прокофия Хмелева. Воевода Андрей Федорович указал митрополиту, что не отдаст подьячего на суд митрополита без официальной памяти. В ответ митрополит стал злиться, и воеводы ушли раньше архиерея. Столь дерзкое поведение воевод заставило владыку пойти на крайние меры. Он отлучил обоих тобольских воевод от Церкви со всеми их семьями и домашними. «От входу в святыя церкви запретил и священником со всякою церковною потребою ходить к ним в домы не велел». Вечером того же дня Игнатий прислал в дом к дьяку А. Герасимову его духовника протопопа Михаила с сообщением о том, что и дьяк со всем своим домом отлучен от Церкви [Покровский, 1986, с. 156].

А.Ф. Нарышкин и его чиновники попытались как-то разрешить конфликт. 22 августа, в воскресенье, отлученный тобольский воевода послал в крестовую палату дьяка Алексея Протопопова с ка-

[10] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1363, л. 335–336.

зачьим головой Федором Толбузиным, тремя детьми боярскими и шестью подьячими, чтобы торжественно проводить митрополита в Софийский собор для совершения торжественной воскресной службы. В этот момент А.Ф. Нарышкин велел А. Протопопову спросить владыку, почему он не присылает своих людей в приказную палату к розыску по жалобам на них. В ответ архиерей «на дьяка Алексея учал кричать и приказал дневальным своим принесть в крестовую палату плети и велел его разболочь и дневальные ево, Алексея, бить плетями розболокали» [Покровский, 1986, с. 156–157]. До плетей все же не дошло, но дьяк был публично оскорблен. Надо полагать, что переданное через А. Протопопова требование о выдаче десятильников на воеводский суд митрополит Игнатий счел новым посягательством на судебные права Церкви. Проблема состояла в том, что, по Соборному уложению, жалобы на архиерейских чиновников полагалось рассматривать в Монастырском приказе, который с 1677 г. перестал существовать. Возможно, воевода руководствовался 12 главой Соборного уложения, по которой патриарших чиновников мог судить только сам государь с боярами. Если следовать аналогии, то митрополичьих чиновников должен был судить воевода [ПСЗ, 1830, с. 69]. 26 августа, в день ангела царевны Наталии Алексеевны Нарышкиной, богослужение во здравие именинницы должно было быть совершено в присутствии всех властей, нарушение этого порядка рассматривалось как преступление [Покровский, 1986, с. 157]. Тем, кто был отлучен, нельзя было находиться в церкви. Однако Нарышкины с семьями и многочисленной свитой рискнули отправиться в кафедральный Софийский собор. Но владыка не пустил в собор ни воевод, ни пришедших с ними, приказав ключарю запереть храм со всеми находящимися в нем людьми [ДАИ, 1872, с. 391]. 5 сентября, в воскресный день, дьяк А. Герасимов, не переступая церковного порога, униженно просил преосвященного Игнатия дать ему благословение, в ответ архиерей во время церковного поучения вновь обличил его [Покровский, 1986, с. 157].

Церковное запрещение с обоих воевод Нарышкиных, туринского воеводы В. Лутовинова и прочих, было снято только во второй половине октября, и вскоре стороны писали в Сибирский приказ отписки о тобольских происшествиях. Столь неординарная ситуация требовала скорейшего вмешательства центральной власти. И вскоре первые грамоты были посланы в Сибирь, в том числе и послание митрополиту, в котором Патриарх требовал отчета о том, почему без его ведома он отлучил воевод от Церкви, и напоминал митрополиту о постановлении Большого Московского Собора 1667 г. — о замене десятильников на заказчиков [Покровский, 1986, с. 160].

19 января 1698 г. тюменский воевода Т.В. Раевский прибыл в Тобольск для решения спорных вопросов воевод с митрополитом, и чтобы принять управление городом до прибытия новых воевод. Воевода Т.В. Раевский после приема города явился к преосвященному Игнатию с грамотой Патриарха. Прочтя ее, преосвященный Игнатий сказал, что с воевод Нарышкиных и прочих он отлучение уже снял, и отдал приказ о перемене десятильников. Обвинения дьяка А. Протопопова и Л. Ребрикова митрополит объявил ложными [Покровский, 1986, с. 161]. Вскоре после сдачи города А.Ф. Нарышкин и его сын поехали в Москву. Еще 1 сентября 1697 г. в Тобольск были назначены новые воеводы (т.е. до того, как в Москве стало известно о конфликте владыки и воевод). В ночь с 27 на 28 февраля в Тобольск прибыли новые воеводы князья М.Я. и П.М. Черкасские [ПСРЛ, 1987, с. 290, 293].

В грамоте в Сибирский приказ преосвященный Игнатий утверждал, что Церковь должна судить за блуд и богохульство даже некрещеных татар. Ознакомившись с делом, Патриарх, по указу великого государя, направил еще одно послание тобольскому архипастырю, в котором повелевалось передать светской власти виновного в насилии некрещеного татарина для исполнения наказания. Патриарх также приказывал поступать в соответствии с царскими указами, церковными правилами и по рассуждению самого, во избежание конфликтов с нехристианским населением. Первоиерарх требовал, чтобы митрополит Игнатий во всех спорных случаях советовался с воеводами. Интересно, что Патриарх ничего не писал о конкретной компетенции церковного суда в отношении некрещеного населения Сибири. Еще в одной отписке А.Ф. Нарышкина, присланной в Москву в то же время и касавшейся спора с митрополитом по общим проблемам компетенции духовного суда, воевода настаивал на подсудности десятильников воеводскому суду [Покровский, 1986, с. 164].

С ноября 1697 г. начались следствия сразу по нескольким городам: Туринск, Тюмень и Верхотурье. Как показало следствие, наибольшего размаха взяточничество достигло в Туринске. В марте царскими грамотами сибирским воеводам и митрополиту Игнатию было сообщено развернутое решение по делу о десятильниках. Было указано виновных десятильников передать властям и наказать частичной конфискацией имущества, возвращением «пограбленных» денег и понижением в сословии [Покровский, 1986, с. 157].

В декабре 1699 г. владыка Игнатий поехал в Москву, по «своему челобитию», впрочем, получив разрешение царя и Патриарха [Никулин, 2015, с. 139]. Когда митрополит приехал в столицу, то сразу же возобновил попытки пересмотреть поземельный спор в пользу Со-

фийского дома.[11] Окончательное решение так и не было принято, так как уже в марте 1700 года владыка Игнатий был отправлен на покой и вскоре умер в Симоновом монастыре, и больше вопрос не поднимался.

Подведем итоги, не касаясь нравственной оценки сложившейся ситуации и действий разных лиц, в том числе десятильников. Конфликт светских и церковных властей Тобольска 1697 г. спровоцирован целым рядом причин и событий, переплетенных между собой. Прежде всего, он стал возможным из-за близких Патриарху Никону представлений митрополита Игнатия о церковно-государственных отношениях и месте Церкви в общественной жизни. Другой важный момент — активная деятельность Игнатия, в том числе в рамках печалования, явно наступающая на интересы власти тобольских воевод, имевших значительную власть в Сибири. Огромную роль в конфликте сыграло дело об обмене софийской вотчины на деревню Ичкино и одновременно разразившееся следствие в отношении чиновников Тобольского архиерейского дома — десятильников. Эта проблема усугублялась тем, что в законодательстве отсутствовала норма о суде над ними. Игнатий считал их неподсудными светской власти, так как монастырский приказ был ликвидирован, а его функции перешли патриаршим чиновникам и соответственно, по его мнению, эти вопросы относились к компетенции патриаршего суда, но никак не воеводского. В свою очередь тобольские воеводы принимали решения с некоторой опаской, явно стремясь нивелировать разразившийся конфликт, но без существенного ущерба своим интересам. Патриарх занимает особенную позицию: с одной стороны, он отмечает необходимость подчиниться царской власти и решениям церковных соборов (в отношении десятильников), а с другой — не говорит ничего конкретного в отношении компетенции церковного суда. Как хорошо видно, Сибирский приказ действует быстро и решительно, резко осуждая поступки Тобольского митрополита. Интересно, что в конфликте Игнатий не считал себя полностью проигравшим, он как-то с неохотой, не спеша заменяет десятильников, судебное дело против коррумпированных десятильников ведется Софийским домом, выехав в 1699 г. в Москву он явно стремится возобновить поземельный спор с татарами. Можно предполагать, что скрытой причиной конфликта с Патриархом Адрианом стало неприятие новых (с середины 1690-х гг.) церковно-государственных отношений. Представляется, что история с отлучением тобольских воевод Нырышкиных и реакция на нее властей Сибирского приказа, с одной стороны, показывает новые тенденции в церковно-государственных отношениях, которые

[11] РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 596, л. 89–89 об.

возникли после смерти Наталии Кирилловны, а с другой — явное неприятие такой политики одним из ярких представителей великорусского епископата конца XVII в.

Список литературы

Никулин И.А., свящ. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. 313 с.

От Вятки до Тобольска: Церковно-монастырские библиотеки российской провинции XVI–XVIII веков. Екатеринбург, 1994. 152 с.

Панич Т.В. Житие Патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 140–190.

Покровский Н.Н. Русская Православная Церковь в освоении Сибири // Сибирская Заимка: История Сибири в научных публикациях. URL: http://zaimka.ru/pokrovsky-church (дата обращения: 12.02.2020).

Покровский Н.Н. Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189.

Шашков А.Т. «Путное шествие» митрополита Игнатия Римского-Корсакова по Сибирской епархии в конце XVII в.: Планы и реальность // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 337–339.

Список опубликованных источников

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 12. СПб., 1872. 474 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 1: 1649–1675. СПб., 1830. 1029 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. 381 с.

УДК 73/76+271.22-36

В.Г. Подковырова
Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург

О лицевом Житии преп. Сергия Радонежского конца XVII века из библиотеки Петра I: Может ли быть незаконченным список подносного экземпляра?*

Статья посвящена особенностям оформления подносного экземпляра из библиотеки Петра I — лицевому Житию преп. Сергия Радонежского. В работе делается попытка восстановить ход работ по копированию миниатюр, определить количество участвовавших в этом мастеров, описать особенности иконографии созданных изображений.

Ключевые слова: житие преп. Сергия Радонежского, подносной экземпляр, цикл миниатюр.

Особая культура подносного экземпляра к концу XVII в. в России распространилась широко и имела свою специфику: она могла консервативно хранить отечественные традиции, или, иногда органично, иногда достаточно механически, сочетать черты средневековой русской книжности со специфическими европейскими элементами. Рукописная часть библиотеки Петра I, хранящаяся в фонде БАН [Библиотека Петра I, 2003], включает значительное число книг, специально создававшихся для лиц царствующей династии и их родственников. Несколько таких рукописей связаны с именем преп. Сергия Радонежского [Белоброва, 2005, с. 251–252; Подковырова, 2015]. Данная работа посвящена незаконченному циклу изображений в экземпляре именно этого комплекса — списку Жития преп. Сергия Радонежского.[1] Создание в конце XVII в. этого лицевого списка связано, кроме всего прочего, и с возросшим в России в этот период вниманием к почитанию русских святых. Вот основные этапы истории этой рукописи, восстановленные О.А. Белобровой. Работа над нею могла быть начата в 1680-е гг. для преподнесения царевне Софье Алексеевне [Белоброва, 2005, с. 253], что имеет некоторое подтверждение и в том, что миниатюры первой тетради (л. 3, 4 об., 6) более других отличаются от антиграфа, а стилистически — от остальных миниатюр рукописи. Окончательный вид книга приобрела не ранее 1689 г.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-42003.

[1] БАН, П.I.А 38. Далее П.

© Подковырова В.Г., 2020

и была исполнена специально для кого-то из родственников или самого Петра Алексеевича Романова. Молодой царь в августе 1689 г. скрывался во время Стрелецкого бунта в Троице-Сергиевом монастыре с соправителем-братом, молодой женой, матерью и сестрой. По-видимому, им всем или молодому государю, двадцать дней прятавшимся за прочными стенами обители, показали великолепное лицевое Житие преп. Сергия из соборной Ризницы.[2] В результате увидевший рукопись изъявил желание иметь копию.[3] Копия могла быть сделана и по инициативе архимандрита Викентия (1674–1694), который преподнес царской семье еще несколько рукописей [Белоброва, 2005, с. 251; Подковырова, 2015, с. 225]. Незавершенность книги, вероятно, связана с желанием подарить копию высокопоставленным гостям еще в период их пребывания в монастыре: текст переписан полностью, а киноварные инициалы и миниатюры скопированы чуть более чем на три четверти — в антиграфе 652, а в копии 469 изображений. В библиотеку Петра I рукопись попала в 1716 г. после смерти его сестры царевны Наталии Алексеевны вместе с другими ее книгами, переданными в Библиотеку Академии наук уже после смерти царя в составе его библиотеки [Лебедева, 1994; Исторический очерк 1956, с. 388].

Существование этого лицевого списка в Императорской академической библиотеке было отмечено еще в 1768 г. в каталоге ее книг и рукописей подбиблиотекарем И.Г. Бакмейстером [Бакмейстер, 1779, с. 78]. Позже рукопись упоминалась и использовалась исследователями в связи с разными сюжетами, отмечалась, в том числе, и связь списка с рукописью из Троицкой ризницы [Белоброва, 2005, с. 245–246]. Первым специальным исследованием копии является уже неоднократно упоминавшаяся статья О.А. Белобровой [Белоброва, 2005]. Миниатюры списка стали также одним из источников монографического исследования Н.Э. Юферевой [Юферева, 2015]. Рукопись имеет несколько описаний, наиболее полное дано И.Н. Лебедевой, отметившей наличие декора, а для изображений указавшей только общее количество [Библиотека Петра I, 2003, с. 118–119]. Весь комплекс миниатюр как единое целое не рассматривался ранее ни с точки зрения организации процесса копирования, ни с точки зрения особенностей иконографии у разных работавших мастеров.

---

[2] РГБ, ф. 304/III (собр. Ризницы ТСЛ), № 21. Описание см.: [Ухова, 1960, с. 156–157]. Далее Т.

[3] Это вполне правдоподобно особенно в отношении Петра Алексеевича: вспомним, что по его приказу через два десятилетия в библиотеке Кенигсбергского университета сделали копию Радзивиловской летописи [Радзивиловская летопись, 1994, с. 6]. И это не единичный случай.

Житие, по всей видимости, написано одним писцом. Сначала был скопирован текст, о чем свидетельствуют листы с 318 об. с оставленными для миниатюр и инициалов незаполненными местами. Попытаемся восстановить ход работы по изготовлению изображений. Средневековые мастера-художники, владевшие отработанными традицией специальными техническими средствами, могли достаточно механически воспроизводить образцы [Кочетков, 1981]. Однако для художников рукописных миниатюр давно признана бóльшая свобода, тем более востребованная при воспроизведении больших циклов изображений. В случае с рукописью из библиотеки Петра I копирование осуществлялось очень быстро, часто «на глаз», а копии отличаются от изображений образца как композицией в целом, так и отдельными деталями [Юферева, 2015, с. 144 и др.], обнаружены случаи исключения миниатюр из цикла. Различия в деталях и последовательности расположения миниатюр дают основание предположить непосредственное обращение мастера к иллюстрируемому тексту [Подковырова, 2015, с. 232]. При этом часть композиций явно воспроизводилась способом отлипа — это, прежде всего, постоянно повторяющиеся архитектурные кулисы и элементы пейзажа.

Текст Жития в списке из библиотеки Петра I относится к тому же типу Пространной редакции, что и антиграф — рукопись Т [Клосс, 1998, с. 160–223]: переписано почти без изменений само житие (П, л. 2–403), а также похвальное слово (П, л. 404–442) и молитва святому (П, л. 443 об.–444). О.А. Белоброва отметила различия общих названий Жития и ряда отдельных глав, но значительных разночтений не обнаружила [Белоброва, 2005, с. 247].

Попытаемся представить ход работы по копированию изображений, следуя в этом за А.А. Амосовым, восстановившим этапы изготовления миниатюр Лицевого летописного свода [Амосов, 1998, с. 234–240].[4] При создании Жития преп. Сергия первоначально, как в случае Лицевого летописного свода и большинства лицевых рукописей XVII в., переписывались фрагменты, на которые текст был специально разбит для иллюстрирования. Уже на этом этапе видно, что было принято решение изменить систему размещения миниатюр — текст, по сравнению с антиграфом, поделен на фрагменты иначе, соответственно, листов в копии изначально подготовлено больше (403 л.), чем их было в источнике (346 л.). Кроме того, если в Житии XVI в. изображения чаще расположены вверху, а текст под ними, то в копии конца XVII в. текст находится вверху листа над изображением,

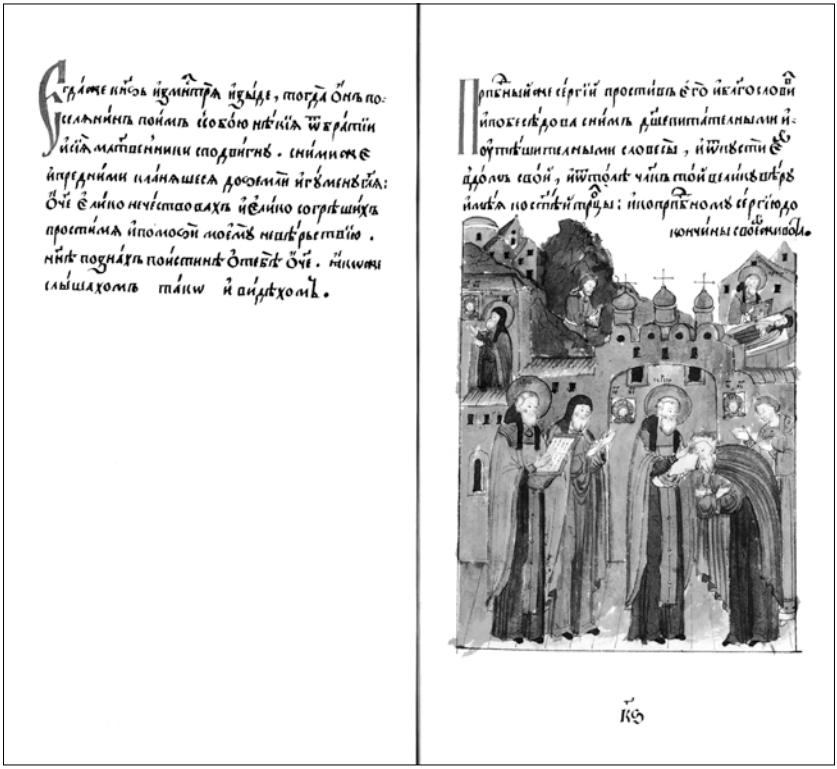
[4] Принципиальная разница в работе над изображениями в Лицевом летописном своде и Житии преп. Сергия состоит в том, что в Своде создавались новые изображения, а в Житии копировались уже существующие.

а миниатюры гораздо чаще, чем в Троицкой рукописи, на отдельном листе. Увеличение значительной части изображений до размеров целого листа — один из признаков, отличающих книжные изображения XVI века от XVII [Белоброва, 2005, с. 250, 256]. Следствием невнимательного отношения к размещению изображений стало то, что в списке П текст «опережает» миниатюру или иногда размещен на следующей странице, после иллюстрации (этого практически нет в Т; отметим при этом, что в начале рукописи «правильная» последовательность размещения миниатюр наблюдается именно в П, л. 2–6).

Иногда сдвиг текста по отношению к изображению приводит к тому, что копиист, для восстановления соответствия иллюстрируемого и иллюстрации на одной странице, был вынужден исключать отдельные изображения. Рассмотрим в этой связи миниатюры к окончанию истории «О некоем поселянине». В рукописи XVI в. окончание истории иллюстрируют четыре миниатюры (Т, л. 159 об., 160, 160 об., 161[5]). В П из-за изменения в расположении сегментов повествования наблюдаем утрату одной миниатюры: текст Жития, разошедшийся с изображениями с листа 195 (текст на нем соответствует изображению на л. 194 об.), соответственно на листах 195 об.–198 об., опережает миниатюру на одну страницу. На л. 198 текст настолько расходится с изображением, которое надо было копировать (Т, л. 160), что миниатюрист изымает из него два эпизода: отъезд князя и вторичное обращение поселянина к монахам с просьбой допустить его к игумену Сергию. Следующая миниатюра копируемого цикла вообще пропущена: на л. 198 об. дан только соответствующий изображению на л. 198 текст о раскаянии поселянина и прошении им прощения. А рассказ о прощении преп. Сергием поселянина находится под изображением последнего эпизода истории — о возвращении поселянина в монастырь, его пострижении и дальнейшей его кончине (П, л. 199). Соответствующий этой миниатюре текст размещен на листе 199 об. и под ним находится первая иллюстрация к следующему сюжету Жития «О изведении источника» (илл. 1).

Первым этапом работы над миниатюрой было создание очерка, следы которого в ряде случаев не обведены пером и остаются видны под роскрышью (П, л. 14, 16 — архитектурные элементы в верхней части; П, л. 38 об. — линии облаков и нимбы, П, л. 62 — линии горок, П, л. 184 об.–185 намечены и не нарисованы купола и т.д.). Удалось обнаружить следы корректировки линии начального рисунка

[5] Для сравнения миниатюр копии конца XVII в. с Троицкой рукописью конца XVI в. использовано литографированное издание [Житие, 1853]. Это представляется корректным, поскольку речь при сравнении пойдет только о композиционно-содержательных моментах.

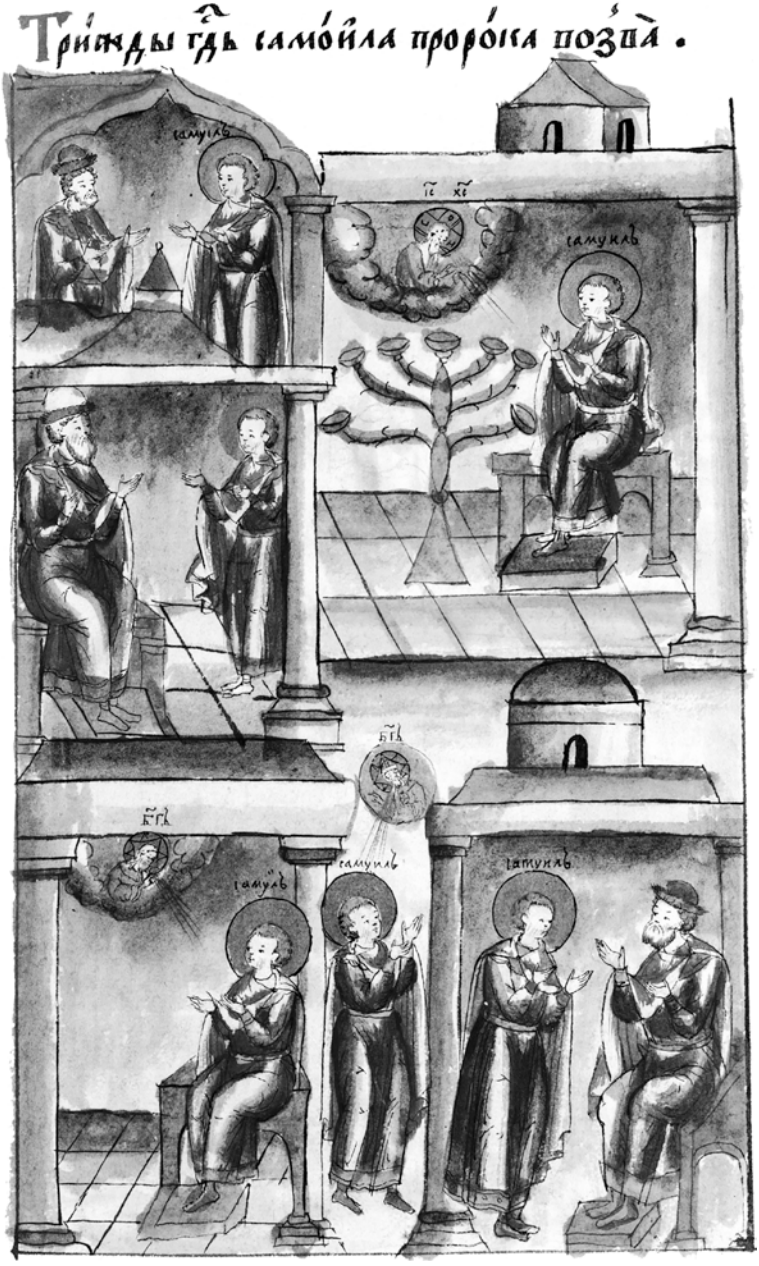


Илл. 1. БАН, П.I.А 38, л. 198 об.–199. На л. 198 об. — отсутствие миниатюры, которая есть в антиграфе (РГБ, ф. 304/III (собр. Ризницы ТСЛ), № 21, л. 160 об.)

Илл. 2. БАН, П.I.А 38, л. 3. Рука первого мастера

Илл. 3. БАН, П.I.А 38, л. 51. Рука третьего мастера

Илл. 4. БАН, П.I.А 38, л. 4 об. Рука первого мастера.
Следы графьи особенно хорошо видны на лике прп. Сергия



Илл. 5. БАН, П.I.А 38, л. 32. Рука второго мастера

Илл. 6. БАН, П.I.А 38, л. 105 об. Рука четвертого мастера

Илл. 7. БАН, П.I.А 38, л. 131. Рука пятого мастера

Илл. 8. БАН, П.I.А 38, л. 157. Рука шестого мастера

Илл. 9. БАН, П.I.А 38, л. 222. Рука седьмого мастера

(П, л. 59, 187 об., 222 и др.). Могла исправлялась первоначально намеченная композиция: на л. 222 под изображением закомар хорошо просматривается отлип двускатной крыши, ненарисованные купола видны под фоном на л. 184 об. и 185, на л. 198 над дверью расположена незаполненная ликом рамка для иконы и т.д. Исходный очерк мог делаться аналогом карандаша, некоторые элементы архитектурных кулис наносились в технике отлипа, который редко виден под линией очерка пером или кистью, но хорошо просматривается на л. 184 об., 185, 222, 255 об., 257 об. Набросок изображения обводился пером. Рисунок мог сразу создаваться тонким пером или кистью, например, при создании лиц. Следующим этапом была роскрышь, причем после этого часто линии исходного рисунка оставались видны, их можно найти под фоном изображения (П, л. 250, 260 — остатки передвинутых икон, 288 об. — закрашенные фигуры в нише слева и т.д.), под нимбами (П, л. 235–236, 259 об.–260), под очерком горок (П, л. 253 об., 254 об.) и т.д. Разные миниатюристы наносили контур по-разному. В миниатюрах первой тетради (л. 2–6 об.) очерк пером прекрасно виден и определяет графичность рисунка (илл. 2). У одного из мастеров (П, л. 47–102 об.) контур не перовой, а красочный, нанесенный кистью и разного цвета (илл. 3). Уже формально законченные в красках изображения дополнялись золотыми нимбами (под которыми просматриваются тороки), подписями (которые всегда нанесены поверх красочного слоя), по линейке пером практически на всех миниатюрах проводились черные рамки с трех или четырех сторон и дополнительные линии (П, л. 176 об., 177, 184– 187 об., 282 об. и др.).

Порядок работы над миниатюрой не всегда строился по одинаковому плану, причиной чего был и разный уровень мастерства выполнявших копию: более искусные изографы работали индивидуально и сразу «набело» — об этом еще пойдет речь, когда будем говорить о конкретных миниатюристах. В части изображений общую композицию наносил один мастер, роскрышь делал другой, для значительного количества иллюстраций отдельно наносились архитектурные кулисы, условный пейзаж и человеческие фигуры (П, л. 158 об.–166 и др.).

О.А. Белоброва нашла в Петровской рукописи две миниатюры, полностью копирующие образцы Троицкой рукописи; больше таких случаев найти не удалось. Интересно отметить, что одна из этих миниатюр[6] (П, л. 103 об.) должна была быть масштабирована, но осталась неувеличенной до размеров выделенного для нее отдельного листа и, из-за отсутствия на этом листе текста, как бы осталась висеть в

[6] Миниатюра на л. 117 об., на наш взгляд, не точно копирует источник.

воздухе. Неудачный результат подобного копирования был очевиден мастеру, для которого это изображение стало первым опытом: миниатюра расположена на первом листе первой тетради из выданного ему комплекта листов. Уже на следующей странице, соотнеся размеры копируемой миниатюры с оставленным для этого местом, миниатюрист увеличил изображение до нужного размера (П, л. 104 об).

Масштабирование при копировании приводило к заметной разнице рисунка миниатюр, что особенно заметно на стыках, где совмещаются изображения, увеличенные до листа и сохранившие почти исходный размер. Особенно хорошо видна разница в масштабировании на стыке тетрадей, выполненных разными мастерами, например, тетрадей 18 и 19 (П, л. 142 об.–143); 20 и 21 (П, л. 158 об., 159) и др. На первой миниатюре (л. 3 об.) первой тетради (далее обозначаем очередность тетрадей Tn) рукописи первый мастер (далее обозначаем очередность мастеров Mn) сам создал изображение (илл. 2), а затем начал копировать антиграф с увеличением масштаба. Это отражает, по всей видимости, изменение общих планов работы по воспроизведению списка Т: сначала предполагалась большая свобода, затем было принято решение строже следовать образцу. Кроме того, уже в Т2 к М1 присоединился или присоединились помощники. А вот у М3 (илл. 3) разница в масштабах изображений в Т5–Т8 почти не заметна.

Стыки различающихся по размерам вариантов композиций хорошо видны в Т20 (П, л. 154 об.–155), Т21 (П, л. 161–161 об., 163–164), Т22 (П, л. 172 об.–173); Т25 (П, л. 191, 191 об., 194 об.–197 об. и 198: первая часть тетради крупные изображения, средняя часть — уменьшенные, последние два крупные); Т35 (П, л. 271 об.–273); Т37 (П, л. 289, 289 об., 291 об., 293–294 об., где четыре раза можно видеть границу между миниатюрами разного масштаба) и т.д. При копировании изменение размера могло касаться не всего изображения: увеличивались фигуры при сохранении размеров архитектурных кулис или их фрагментов, скопированных в одинаковом с предшествующей миниатюрой размере (П, л. 182–184, 189 об.–191 и др.). Возможно, это связано с тем, что разные части композиции выполнялись разными художниками, причем архитектурные детали частично исполнялись в технике отлипа: образцы, судя по точному соответствию, сняты при этом с рукописи Т (ср. очерк храмов с рядом (не менее четырех) округлых закомар в Т на л. 106 и дальше и аналогичные очерки в П с л. 153 об. и др.).

Анализируя художественные особенности миниатюр П, О.А. Белоброва пришла к выводу, что список делали несколько мастеров, среди которых могли быть профессиональные иконописцы, так как в рисунке миниатюр видны приемы иконописи [Белоброва, 2005, с. 249–

250]. Кроме того, можно определить художников, работавших над миниатюрами и имевших опыт работы над монументальными изображениями, — целый ряд изображений обнаруживает явные следы графьи, что смотрится на иллюстрациях весьма необычно. Мы видим на некоторых миниатюрах два слоя друг на друга нанесенных линий, создающих очерк лика (илл. 4), а кроме этих тонких черных линий еще и обрис лица, сделанный толстыми размытыми мазками (илл. 1, 2, 4), что все вместе очень напоминает работу монументалистов.

Руку разных мастеров можно определить по некоторому набору признаков: характер линий, очерк лица и других частей тела, изображение деталей интерьера и т.д. [Вишня, 2011]. Особенности цветовой гаммы при роскрыши изображений у разных мастеров различаются не только самими цветами, но также умением накладывать цвет, формировать объем, располагать пробела и ассисты, играть степенью разбавленности краски и т.п.[7]

Попробуем приблизительно назвать количество мастеров, выполнявших копию. Первоначально была сделана попытка сопоставить особенности рук художников с конкретными тетрадями. Так, например, были выявлены миниатюры, нарисованные «мастером многослойной цветной линии» — М3, работавшим в Т7 (П, л. 47–54), Т8 (П, л. 55–62), Т9 (П, л. 63–70), Т10 (П, л. 71–78), Т11 (П, л. 79–86), Т12 (П, л. 87–94), Т13 (П, л. 95–102). В отношении других изображений нельзя так уверено говорить о принадлежности большого комплекса миниатюр одному автору. М1 («мастер пунктирной линии») работал самостоятельно только в Т1 (П, л. 2–6), дальше, в Т2 (П, л. 7–16), Т3 (П, л. 17–22), Т4 (П, л. 23–30), Т5 (П, л. 37 об.), к нему присоединились другие художники, а в Т6 (П, л. 39–46), возможно, он рисовал только архитектурные кулисы.

Вот приблизительная схема распределения тетрадей и листов рукописи по мастерам (о М1 и М3 написано выше). М2 — «мастер сложных многофигурных композиций» — Т5 (П, л. 31–37; илл. 5), Т19 (П, л. 143–144), Т36 (П, л. 282 об.–286 об.), Т37 (П, л. 287–287 об.). М4 — «мастер деталей», работал всегда не один — Т14 (П, л. 103–110; илл. 6), Т15 (П, л. 111–118), Т17 (П, л. 127), Т21 (П, л. 159–166), Т23 (П, л. 175–182 об.), Т22 (П, л. 167–174), Т24 (П, л. 183–187), Т25 (П, л. 191–198), Т38 (П, л. 295–302). М5 — Т17 (П, л. 127–134; илл. 7), Т18 (П, л. 135–142), Т19 (П, л. 144 об.–150 об.), Т35 (П, л. 271–278), Т36 (П, л. 279 об.–282), Т37 (П, л. 288–294 об.) — совместно с М4 (?). М6 — Т20 (П, л. 151–158 об.; илл. 8), Т36 (П, л. 279 об.–282), Т37

[7] О.А. Белоброва писала также о возможном плохом зрении одного из мастеров, неверно вписавшем ряд инициалов [Белоброва, 2005, с. 246–247], хотя в этом случае более вероятно предположить, что мастер-художник не знал грамоты.

(П, л. 288–294 об.). М7 — Т26, Т27 (П, л. 199–233; илл. 9), Т28, Т29 (роскрышь другая), Т30, Т31.

Кроме того, назовем тетради, где работали несколько мастеров, и выделить выполнявшего сюжетный центр с действующими лицами не получилось: Т16 (П, л. 119–126; илл. 1; выполнена с участием М1), Т32 , Т33, Т34, Т40.

Предложенное распределение, разумеется, носит предварительный характер и, безусловно, будет в дальнейшем скорректировано. Ориентировочное число работавших художников — семь, не считая подмастерьев. Очевидно, в большей части миниатюр работа велась сразу несколькими миниатюристами. Некоторые наиболее опытные мастера, например, М1 «пунктирной линии» и М3 «многослойной цветной линии», начинавшие работу, сами осуществляли и роскрышь изображений (М1 только в Т1, Т2 и Т3; М3 работал в отдельных случаях сразу красками). М3 получил для работы сразу девять тетрадей подряд. Подмастерья могли выполнять только роскрышь, например, в Т5 (П, л. 31–37), Т19 (П, л. 143–144), на л. 182 и др., но на л. 31 об.–32 об., 162 ими на глаз и скопирован рисунок, и сделана роскрышь.

Процесс создания изображений шел не по четко отработанной схеме, а достаточно спонтанно. Иконография первой миниатюры (л. 3) настолько оригинальна, что демонстрирует работу не копииста, а иллюстратора. Отсутствие каких-либо набросков на листах с 318 об. может свидетельствовать о том, что работа, по крайней мере в последних тетрадях, шла хотя и поточно, но без особого забегания вперед, что может свидетельствовать о выполнении одними и теми же мастерами и рисунка, и роскрыши. Видимо, когда всю работу выполнял один мастер, она шла по тетрадям. Когда очерк (или отдельные части композиции) делал один, а роскрышь другой художник, найти границы рук разных мастеров становится практически невозможно.

В рукописи есть одна относительно незавершенная миниатюра — это первая миниатюра Т16 (П, л. 119), где явно отсутствует часть элементов и деталей архитектурных сооружений. На этом изображении очерк лица преп. Сергия сильно отличается от его же лица на последующих листах. Похоже, что изображения на первом листе тетради и на остальных выполняли разные мастера. И это не исключение: целый ряд тетрадей выполнен не одним, а иногда двумя или более рисовальщиками. Здесь речь идет не о роскрыши, которую делал далеко не всегда исполнитель рисунка, что видно по различающимся рукам иллюминовщика при одной руке мастера рисунка (П, л. 127 и 128, 157 и 158 об., 199 и 200).

Об изменении или о невнимательном отношении к деталям изображения при их копировании писали и О.А. Белоброва [Белброва,

2005, с. 248–249],[8] и Н.Э. Юферева [Юферева 2015, с. 26, 137 и др.].[9] Но основной сюжет сохранялся в большинстве изображений, так как работа являлась прежде всего копированием. Иногда вносимые исправления касались перестройки композиции, но чаще — деталей, как мелких, так и значимых. Часть из них связана с изменением эстетических и стилистических художественных представлений, произошедших в течении ста лет со дня появления оригинала Жития [Белоброва, 2005, с. 250; Подковырова, 2015, с. 228].

Значимые изменения изображений встречаются чаще в первых тетрадях рукописи. В целом работа велась во многом механически и в очевидной спешке. Однако содержание части миниатюр проверялось и корректировалось редактором, рисовавшим дополнительные уточняющие линии и вносившим некоторую другую правку.

История появления копии лицевого Жития преп. Сергия Радонежского дает все основания утверждать, что она представляет собой прекрасный образец книги, переписанной специально и преподнесенной лицу из семьи правящей династии. Отсутствие формальных черт подносного экземпляра в списке Жития — письменного посвящения, дарственной записи и других черт оформления, характерных для западной светской культуры и перенятых русскими для книг гражданских, — является совершенно органичным наследием средневековой русской традиции оформления книг. Это позволяет воспринимать список из библиотеки Петра I как некоторое продолжение определенной культурной традиции. Такого рода подносной экземпляр в библиотеке не единичен: аналогичными подаренными царской семье манускриптами, не имеющими каких-либо специальных формальных признаков, являются поднесенный Феодору Алексеевичу лицевой Канонин (третьей четверти XVII в., БАН, П.I.А 88), два канона преп. Сергию Радонежскому (конца XVII в., БАН П.I.А 86 и БАН П.I.А 87), подаренные царствующим особам в Троицком монастыре, Служба и Житие преп. Кирилла Белозерского (1713 г.; БАН, П.I.Б 85), переписанные в Кирилло-Белозерском монастыре при архимандрите Иринархе и преподнесенные Петру I, и др. В царской библиотеке, разумеется, есть подносные экземпляры с посвящениями, дарственными записями [Библиотека Петра I, 2003], причем по содержанию это могут быть книги разного содержания: и гражданские, и духовные.

---

[8] Одна деталь, отмеченная ранее как утраченная [Белоброва, 2005, с. 249], на самом деле просто неудачно выполнена при роскраши: при вручении преп. Сергию наградного креста греческого Патриарха Феогноста изображение этого креста скопировано, но увидеть его довольно сложно: он нарисован золотом по желтому фону (П, л. 221 об.).

[9] Н.Э. Юферева отметила столь много изменений изображений, что предложила рассматривать миниатюры П как редакцию миниатюр Т [Юферева, 2015, с. 144–147].

Это только подчеркивает неоднородность и многогранность книжной культуры переходного периода.

Список литературы

Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: Комплексное кодикологическое исследование. М., 1998. 387 с.

Бакмейстер И.Г. Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Академии наук. СПб., 1779. 191 с.

Белоброва О.А. О лицевом списке Жития Сергия Радонежского в библиотеке Петра I // *Белоброва О.А.* Очерки русской художественной культуры XVI–XX веков. М., 2005. С. 243–256.

Библиотека Петра I / Авт.-сост. И.Н. Лебедева. СПб., 2003. 316 с.

Вишня И.Б. Художественные особенности Лицевого летописного свода Ивана Грозного: Путеводитель. М., 2011. 82 с.

Житие преподобного и богоноснаго отца нашего Сергия Радонежскаго и всея России чудотворца. Сергиев Посад, 1853. 378 л.

Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 1: XVIII век / М.Н. Мурзанова, Е.И. Боброва, В.А. Петров. М.; Л., 1956. 484 с.

Клосс Б.М. Житие Сергия Радонежского // *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. М., 1998. С. 160–223.

Кочетков И.А. Житийная икона Сергия Радонежского из собрания Музея древнерусского искусства им. Андрея Рублева // Древнерусское искусство. М., 1981. С. 97–107.

Лебедева И.Н. Библиотека царевны Наталии Алексеевны, русской образованной женщины начала XVIII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. СПб., 1994. С. 240–253.

Подковырова В.Г. Книги, посвященные почитанию преподобного Сергия Радонежского, в библиотеке Петра I // Преподобный Сергий Радонежский: История и агиография, иконописный образ и монастырские традиции: Материалы Международной научной конференции. Москва, Государственный Исторический музей, 27–28 мая 2014 г. М., 2015. С. 218–234.

Радзивиловская летопись: Текст, исследование, описание миниатюр. СПб.; М., 1994. 416 с.

Ухова Т.Б. Каталог миниатюр, орнаментов и гравюр собраний Троице-Сергиевой Лавры и Московской Духовной Академии // Записки отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 22. М., 1960. С. 156–157.

Юферева Н.Э. Древнерусский иллюстратор житий святых: Нетекстовая текстология. М., 2015. 192 с.

УДК 94(47)+091:27

А.А. Романова
Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург

О некоторых особенностях почитания местных подвижников в агиографических источниках XVII–XVIII вв.

В статье рассматриваются критерии и практика установления празднования русским святым во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. на материале севернорусской (архангельской, вологодской) и сибирской агиографии. Рассматриваются сказания о чудесах местночтимых святых, почитание которых возникло преимущественно в XVII в., в которых фиксируется почитание подвижников как молебнами, так попеременно панихидами и молебнами. Также прослеживается история «панихидного почитания» в источниках, датируемых первой третью XVIII в.

Ключевые слова: русская агиография, агиология, почитание святых, сказания о чудесах, панихиды, молебны, установление празднования.

Тема причтения к лику святых местночтимых подвижников в Московском государстве неоднократно обсуждалась в научной литературе [Голубинский, 1903; Мусин, 2003; Страхова, 2009; Дамаскин (Орловский), 2015 и др.]. Почитание основателя монастыря, святителя приобретало официальное признание и редко вызывало вопросы, тогда как почитание праведных мирян чаще становилось предметом пристального внимания. Проблема возникала, когда у церковной, а иногда и у светской власти возникало недоверие к неконтролируемо разрастающемуся культу местного святого. Отсутствие отчетливо сформулированных правовых норм в отношении празднования святым в Русской Церкви позволяло возникнуть достаточно большому диапазону решений. Определенно можно говорить о том, что первоначальные этапы установления культа местных святых «в теснейшем смысле слова» [Голубинский, 1903, с. 41] мало отражены в имеющихся в распоряжении исследователей источниках. Каким образом формировался культ того или иного святого, в подавляющем большинстве случаев можно судить только предположительно.

Создавая свод данных о канонизации, или, что точнее, установлении празднования святым в Русской Церкви, Е.Е. Голубинский на основании анализа имевшихся источников перечислил основные признаки того, что празднование святому было установлено, даже если определенно указывающих на это документов не сохранилось. На существование празднования указывает наличие описания чудотворений, Жития и Службы святому, иконы, храма (придела храма),

© Романова А.А., 2020

освященного в честь святого, пение молебнов у гроба святого. Наличие нетленных мощей — желательный, но необязательный атрибут. Также к числу не очень надежных указаний на установление празднования Е.Е. Голубинский относил наличие памяти подвижника в месяцеслове.

Для многих святых, которых, по мнению историка, можно считать канонизированными, даты установления празднования неизвестны, а признаки установления празднования являются неполными. Сведения о соборном установлении празднования святым сохранились в единичных случаях. Подвижники, данные о прославлении которых обнаружены не были, или их оказалось недостаточно, были разделены Е.Е. Голубинским, исходя из современного ему состояния проблемы, на два раздела: «почитаемых усопших» и «усопших, на самом деле не почитаемых».

В современной литературе позиция, согласно которой святые — это исключительно те, чья память чествуется молебнами и литургиями, сформулирована в работах Дамаскина (Орловского) [Дамаскин (Орловский), 2015]. Однако такой подход не отражает изменений, происходивших в течение времени: культ многих святых существовал и приобретал свои уникальные черты на протяжении длительного времени. Не всегда можно однозначно утверждать, что празднование было установлено в соответствии со всеми нормами, скорее можно говорить о том, что культ святого в полной мере сформирован и имеет все необходимые атрибуты. Эта неопределенность служит причиной дискуссии о внесении тех или иных имен подвижников в перечни канонизированных святых.

Путаница в разделении святых и чтимых усопших для XVII–XVIII вв. усугублялась, кроме всего прочего, тем, что ряд культов пережил период полного и частичного запрета: с середины 1660-х гг. отношение к местночтимым святым радикально поменялось и появились многочисленные попытки запрета церковными властями недавно возникших и недостаточно развитых традиций почитания местных святых. Ив Левин отмечает, что в эпоху, когда существование местных культов ставилось под сомнение в соответствии с веяниями времени, шансы сохраниться были именно у культов, признанных иерархами в прошлом, как, например, культ Иакова Боровицкого [Левин, 2004, с. 182].

При этом культы святых, данные об установлении празднования которым сохранились, могли быть упразднены, и такого рода запреты не единичны. Помимо известного дела о деканонизации Анны Кашинской, можно указать еще ряд случаев запрета на празднование местным святым. Например, прекращение празднования памяти

Евфимия Архангелогородского, существовавшего примерно с 1650 г. В грамоте 1683 г. владыка Афанасий Холмогорский наложил запрет на празднование Евфимия, ссылаясь на то, что о его жизни нет достоверных свидетельств [Рыжова, 2008, с. 378–379]. Существуют сведения о культах, которые встретили противодействие церковной власти, например, культ Игнатия (Иоанна) Вологодского [Голубинский, 1903, с. 432–434] и Галактиона Вологодского, имеющих все признаки установления празднования — набор агиографических текстов, икону, реликвии и практику молебнов над гробом [Лобакова, 2017, с. 336].

Разрешение на пение молебнов по ходатайству игумена монастыря или приходского священника давалось главой епархии, и о наличии такого разрешения сообщают отдельные источники, однако чаще агиографические памятники сохраняют упоминания об обращении к епархиальному владыке, а затем в Москву за такого рода разрешением. Если сведений о разрешении не сохранилось, а это достаточно распространенная ситуация (см., например: Карбасова, 2011, с. 210]), остается только предполагать, было ли оно дано или нет.

Е.Е. Голубинский отмечал: «Законный и правильный способ молитвенного чествования почитаемых усопших... состоял в том, чтобы служить по ним панихиды и заупокойные литургии... Однако допускалось и злоупотребление, состоявшее в том, что вместо панихид по усопшим пели им, как настоящим святым, молебны. А принимая во внимание темноту прежнего времени, можно думать, что злоупотребление допускалось не особенно редко». В качестве примера подобного «злоупотребления», со ссылкой на «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале» Анании Федорова, Е.Е. Голубинский указывает на сообщение, будто Патриарх Иосиф дозволил петь не только панихиды, но и молебны у гроба Софии-Соломониды, разведенной жены Василия III, а «так как предписание Патриарха петь панихиды по Соломониде-Софии и в то же время петь молебны ей было бы очевидно нелепостью, ибо это значило бы в одно и то же время и молиться ей и молиться о ней (хотя простые священники и дозволяли себе иногда подобную нелепость...), то необходимо дело понимать так, что панихиды предписывалось петь ей самой, а молебны ее ангелу» [Голубинский, 1903, с. 278]. Предположение Е.Е. Голубинского выглядит вполне логичным, но на практике границу между почитанием и установлением празднования разглядеть удается не всегда.

Примером того, как попытка закрепить существующую традицию оборачивалась запретом со стороны церковной власти, может служить история с ходатайством о пении молебнов у мощей пинежской

святой Параскевы (1710 г.). Вместо искомого разрешения комиссия Холмогорского архиерейского дома приняла решение о закрытии часовни над гробом святой, изъятии записей о чудесах и в целом — о запрете на почитание Параскевы. Текст чудес Параскевы свидетельствует, впрочем, что молебны новоявленной местной святой начали служиться вскоре после обретения ее мощей, датируемого 1610 г., да и после запрета на празднование почитание Параскевы Пиринемской не прекратилось [Савельева, 2010, с. 366, 367].

Следует отметить, что в житиях святых, почитание которых может быть названо общерусским, момент, когда подвижнику перестают петь панихиды, как правило, не отмечают. Однако период, когда у могилы святого пелись панихиды, очевидно, должен был иметь место — почитание умершего нередко возникало сразу после смерти, но празднование так быстро не могло быть установлено. В целом можно предположить, что панихидное поминание было первым этапом почитания усопшего подвижника, однако фиксация этого факта, как уже отмечалось, не всегда встречается в агиографическом тексте.

Указание на то, поминали ли подвижника панихидами, или пели ему молебен, можно встретить в наиболее распространенном агиографическом источнике рассматриваемого периода — перечне чудес. Расширенный комплекс агиографических текстов, включающий Житие, краткую службу, полную службу, похвальное слово, для многих святых, прославленных и почитавшихся в XVII–XVIII вв., отсутствует.

Перечислим некоторые агиографические памятники, отразившие ранний этап становления культа того или иного подвижника, а именно, сообщающие о панихидах, которые служились у гроба святого.

Указание в агиографическом памятнике на панихидное почитание можно встретить в достаточно ранних текстах. Так, Г. Ленхофф отмечает указание на наличие в цикле житийных повествований, посвященных князю Федору Черному и его детям, переходного момента, когда панихиды по усопшему сменяются молебным пением, но некоторое время и те, и другие существуют параллельно. [Ленхофф, 2019, с. 43, 52, 113].

В севернорусской, в том числе вологодской агиографии XVII–XVIII вв., таких эпизодов можно найти немало. Указание на панихидное почитание, которое не прекращается и с началом пения подвижнику молебнов, можно встретить в описании некоторых чудес ряда подвижников, прежде всего «святых из гробницы», о жизни которых практически ничего не было известно.

Среди них «Сказание о явлении мощей и чудесах праведного Кирилла Вельского», повествующее об безымянном святом, чьи мощи были обретены в Вельском погосте Важского уезда. «Сказание» со-

держит преимущественно указания на молебны чудотворцу, об установлении празднования которому хлопотали в конце XVI — начале XVII в. вельские священники. Однако в чуде у гроба праведного Кирилла Вельского, датированном 1587 г., указывается на пение молебна и «панихиды великой» [Голубинский, 1903, с. 278; Рыжова, 2011, с. 402]. Запрет на почитание Кирилла был наложен в 1783 г., когда вельский протопоп поставил вопрос о переносе гробницы Кирилла из старого храма в новый. В ходе предпринятого епархиального властями сыска выяснилось, что Кирилла «поминали на всенощном бдении и на утрене на молитве “Спаси, Боже, люди Твоя” по установившейся традиции: “Упоминают и Кирилла, Велскаго чюдотворца, по той причине, что и прежние священники и диаконы упоминали”» [Рыжова, 2011, с. 359–360].

В Вельском же уезде чтился еще один «святой из гробницы», Прокопий Устьянский, чье тело, по устному преданию, было обнаружено плывущим по реке в ивовой корзине. История почитания Прокопия в XVII–XIX вв., изложенная современными исследователями, представляет всю сложность и неоднозначность отношения епархиальных властей к локальным культам [Биланчук, Веревкина, 2005, с. 228–234]. В Сказании о явлении мощей и чудесах Прокопия Устьянского первое датированное чудо относится к 1641 г., в описании чуда 1730 г. встречается указание: «Пев молебное благодарение и панихиду, и ко святому гробу и телу приложися» [Биланчук, 2005, с. 251].

Другой пример — чудеса Петра Черевковского, иерея, по преданию, замученного в эпоху Смуты. Гроб с его телом показался из земли в 1656 г., «и многим человеком являшеся исперва человек во священной одежди, повелевая им, дабы священницы с клиросом пришедше на тои гроб, пения и молитвы понахидныя пели». Гроб Петра уцелел, и с 1657 г. была начата запись чудесных исцелений. Описания первых двух чудес у гроба содержат указание на пение у гроба молебнов (чудеса 25 и 30 июня 1656 г.), содержат эти указания и большинство чудес первой подборки, однако третье чудо, датируемое 20 июля 1657 г, повествующее о одержимой трясавицей старице Анисии, сообщает, что исцелела она от этого недуга после того, как у гроба «священницы, пения и молитвы понахидныя певше» [Ромодановская, 2005, с. 154].

В Житии преподобного Галактиона Вологодского, почитание которого неоднократно вызывало противодействие церковных властей [Лобакова, 2017], упоминание молебнов («и прииде во обитель, и сотворше о нем молебная Спасу, и пречистей Богородице, и преподобномученику Галактиону», чудо 10) соседствует с указанием на

панихиду Галактиону («повеле... молебен пети пресвятей Богородице и преподобномученику отцу Галактиону-чюдотворцу понахиду» чудо 11) [Лобакова, 2019, с. 258, 259]. В этом примере можно видеть как небрежную формулировку в первом случае (молебное пение адресовано и Спасу, и Богоматери, и Галактиону) и более точное указание во втором случае: молебен поется Богоматери, по Галактиону поют панихиду. Однако упоминание молебна присутствует и в других чудесах (первом и восьмом), что не позволяет объяснить это указание небрежностью составителя Жития.

Еще один святой, прославление которого считается одной из последних «канонизаций» петровского времени, — вологодский преподобный Иосиф Заоникиевский [Симонов, 2010, с. 125–130]. Житие его является частью сказания о явлении иконы, содержит большое количество признаков «народного православия». Житие Иосифа Заоникиевского не является самостоятельным памятником, а представляет собой нередкий жанр соединения Жития и Сказания о чудесах от иконы. Запись чудес у гроба преподобного Иосифа и у иконы сохранилось в нескольких списках, связанных с Заоникиевской пустыней, один из них, выявленный А. Эббингхаусом, содержит многочисленные рукоприкладства героев житий, ныне рукопись хранится в РГБ, ф. 236 (собр. Попова), № 92.

В тексте памятника неоднократно встречаются упоминания как о панихидах, так и о молебнах у гроба Иосифа. Указания на панихиду имеются и в сведениях о чудесах, записанных уже после официального благословения на местное празднование, данного, если верить тексту агиографического памятника, епископом Вологодским и Белозерским Павлом 2 июня 1717 г. Позднее, в чуде, датируемом октябрем 1717 г., посадский человек Иоаким «как и обещася, тек на гроб его святый петь понахидная моления».[1] О параллельном пении панихид и молебнов сообщается в чуде, датируемом 25 марта 1718 г. Евдокия Иванова дочь «с сыном своим пев молебная и понахиду, многослезне Богоматери моление принося, и преподобнаго Иосифа благодарствуя».[2]

В Сказании о Евфимии Архангелогородском под 1647 г. упоминается пение панихиды (несколько чудес), являющийся в тонком сне святой велит молиться Богу, «пети у гробницы панахиду». В описании чуда, датируемого ноябрем 1648 г., сообщается, что явленному святому «молебная поют», тогда как данные о переносе тела в церковь, с которым связывают установление местного празднования подвижнику, датируется временем между 1650 и 1651 гг., в описании

[1] РГБ, ф. 236 (собр. Попова), № 92, л. 26 об.

[2] РГБ, ф. 236 (собр. Попова), № 92, л. 48 об.

датируемых 1662 и 1664 гг. чудес также упоминается адресованный Евфимию молебен. [Крушельницкая, 1997].

В чудесах Сумского нового чудотворца, гроб которого вышел из-под земли 27 сентября 1665 г., содержится указание на одновременное пение панихиды и молебна (чудо 5, датируемое 3 января 1670 г., в нем исцеленная Пелагия сообщает: «Приехав, у преподобнаго чюдотворца по обещанию своему молилася, панихиду и молебен священники пела») [Панченко, 2001, с. 481].

В сибирской агиографии указания на чествование памяти подвижника как молебнами, так и панихидами, встречаются в одном из наиболее значимых памятников — агиографическом цикле, посвященном Василию Мангазейскому. Здесь хронологически более ранние датированные чудеса содержат указание на совершение молебна, а более поздние — на панихиду, потом — опять на молебны. История формирования культа Василия Мангазейского — замечательный пример того, как удалось отстоять культ местного святого, не соответствующего представлениям о святости, имевшимся у церковной верхушки [Голубинский, 1903, с. 460–462].

Обещание панихиды Василию присутствует в чуде 12, датируемом августом 7160 (1652) г., в чуде это же года указывается о посылке «на понахиду и на свещи». Обещание и панихиды, и молебна встречается в чуде 1653 г.: «161-го июля в 25 день сказали в Мангазейском граде... торговые люди, гостя Василиа Феодотова приказщики Сидор Веригин Димитрий Махин Григорей Южак Первой Чюркин... воста буря великая... И мы грешнии помолилися Господу Богу и Пречистей Его Богоматери и угоднику их новоявленному чюдотворцу, что в Мангазейском граде над гробницею панахиду служить и молебен отпеть...», под 1660 (7168) г. сообщается: «Поп Иаков пел молебен со звоном, и каноны говорили живоначалней Троице и всем святым, и воду святил. Пел молебен в часовни, где лежит чюдотворец Василий». В чуде 1691 (7199) г. в рассказе о событиях 1779 (7187) указано: «над чюдотворцовыми мощми пев панахиду» [Ромодановская, 2015, с. 470–472, 481].

Приведенные примеры показывают, что «панихидное празднование», попеременное пение либо панихиды, либо молебна, а также одновременное сосуществование панихиды и молебна встречается в памятниках, посвященных преимущественно «святым из гробницы», «недоведомым» святым, хотя встречаются и исключения.

В агиографических памятниках XVII–XVIII вв. указание на пение панихид подвижникам прослеживается на материале чудес, являющихся нередко наиболее объемной частью агиографического памятника.

Можно предположить, что своды чудес, составлявшихся не единовременно,и представляющие более или менее обработанные записи чудес, которые записывались если не сразу после события, но, по-видимому, некими блоками, постепенно, могли сохранить стадии формирования почитания — первоначально память подвижника отмечается панихидами, а позднее, при получении благословения, молебнами, и, в дальнейшем, если культ утвердился, и в литургиях. Однако подборки чудес представляют более сложную картину.

Упоминание в тексте агиографического памятника панихиды может рассматриваться и как пример простоты и невежества рядовых священников, как это расценивал Е.Е. Голубинский. С другой стороны, это этап установления почитания, о чем свидетельствует одновременное пение панихиды и молебна, и указание, что после пения панихиды совершается чудо. Приведенные примеры, перечень которых может быть расширен, характеризуют практику почитания местных подвижников, существовавшую в XVII–XVIII вв.

Список литературы

Биланчук Р.П. Сказание о явлении мощей и чудеса праведного Прокопия, Устьянского чудотворца // Глагол времени: Исследования и материалы: Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопиевские чтения». Вологда, 2005. С. 241–255.

Биланчук Р.П., Веревкина Г.А. Социокультурные истоки и реалии почитания Прокопия праведного, Устьянского чудотворца // Глагол времени: Исследования и материалы: Статьи и сообщения межрегиональной научной конференции «Прокопиевские чтения». Вологда, 2005. С. 216–240.

Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. 600 с.

Дамаскин (Орловский), игумен. Святые, чтимые молебнами и торжественными литургиями: Порядок канонизации святых в Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. 2015. № 7. С. 34–39.

Карбасова Т.Б. Кирилл Новоезерский: История почитания. М.; СПб., 2011. 560 с.

Крушельницкая Е.В. [Сказание о Евфимии Архангелогородском] // Рукописные памятники: Публикации и исследования. Вып. 4. СПб., 1997. С. 95–144.

Левин И. От тела к культу // *Левин И.* Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 162–190.

Ленхофф Г. Князь Феодор Черный в русской истории и культуре: Исследование и тексты. М.; СПб., 2019. 352 с.

Лобакова И.А. Галактион Вологодский: Официальный запрет и местное почитание (по материалам 1747 г. в Вологодском архиве) // ТОДРЛ. Т. 65. СПб., 2017. С. 326–350.

Лобакова И.А. Житие Галактиона Вологодского: К истории текста памятника // ТОДРЛ. Т. 66. СПб., 2019. С. 234–285.

Мусин А.Е. Соборы св. митрополита Макария 1547–1549 гг.: Факт истории или факт историографии? // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, новое и новейшее время: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. Ростов, 2003. С. 74–86.

Панченко О.В. «Сказание о чудесах и явлениях преподобного отца Сумского нового чудотворца» // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 444–464.

Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. Т. 1. М., 2015. С. 465–484.

Ромодановская Е.К. «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования, публикации, полемика. СПб., 2005. С. 143–159.

Рыжова Е.А. Евфимий // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 378–381.

Рыжова Е.А. Сказание о явлении мощей и чудесах праведного Кирилла Вельского: история текста памятника и почитание святого // Русская агиография. Т. 3. СПб., 2017. С. 345–405.

Савельева Н.В. Сказания XVII века о святынях, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб., 2010. 448 с.

Симонов А.Н. Канонизация прп. Иосифа Заоникиевского и церковные реформы Петра I // Вестник СПбГУ. Сер. 2: История. 2010. № 4. С. 125–130.

Страхова О.Б. Канонизация и почитание русских праведников в XVI веке: Случай преп. Иакова Боровицкого (Боровичского). I // Palaeoslavica. 2009. Т. 17. № 1. P. 28–148.

УДК 930.272

Н.В. Кабакова[1], С.Н. Корусенко[2]
[1] Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Омск
[2] Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года: Проблемы изучения и публикации*

В статье проанализированы причины возникновения Дозорной книги Тарского уезда 1701 г., обусловленные необходимостью упорядочивания системы налогообложения на вновь осваиваемых территориях. В работе подчеркивается особая важность Дозорной книги в контексте современного изучения периферийной истории, разнообразие и уникальность сведений дозора, а также продуктивные возможности синтеза с иными источниками в ходе исторических реконструкций. Авторами охарактеризованы основные направления поисков, предпринятые коллективом омских историков в ходе научного изучения текста Дозорной книги, проанализированы проблемы прочтения и подготовки ее к публикации, намечены перспективы будущих тем изучения документа.

Ключевые слова: Дозорная книга, Тарский уезд, Сибирь, исторический источник.

На рубеже XVII–XVIII вв., в начальный период реформ Петра Великого, осуществлялся процесс адаптации к новым условиям в составе Российского государства юга Западной Сибири — территории, ранее являвшейся частью Сибирского ханства. Исходные особенности жизнедеятельности индигенного населения требовали осторожного отношения со стороны властных структур, поскольку в регионе сохранялись предания о прошлом, содержавшие представления о былом общественном устройстве, практиковавшихся нормах поземельных отношений. Одновременно на протяжении XVII в. нарастала необходимость дальнейшего укрепления влияния Русского государства в регионе, налаживания обороны в условиях неопределенности местных границ на фоне усиливавшегося притока жителей из европейской части страны, возникала необходимость их обустройства. Существовала также потребность организации самообеспечения населения в ситуации острой нехватки продовольствия, долгое время поставлявшегося в Сибирь из-за Урала, поэтому служилые люди, привлекаемые для охраны территорий и возведения новых русских форпостов, помимо получаемого традиционного жалования, наделялись землей. Одновременно регион заселялся крестьянами, раз-

* Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ № 20-09-42054 «Статика перемен как тренд развития окраин Российской империи в Петровскую эпоху (на примере Тарского Прииртышья)».

© Кабакова Н.В., Корусенко С.Н., 2020

мещавшимися поначалу близ укреплений, а впоследствии занимавшими строительством деревень, расширяя ареал хлебопашества на вновь вводимых в оборот почвах. Подобное распространение пришлых, условно русских, жителей способствовало возникновению конкуренции с коренными народами, прежде всего татарами, за земельные ресурсы. Кроме этого, в конце XVII в. в сибирском регионе существовала потребность упорядочивания и выстраивания структуры налогообложения и землепользования, в наибольшей степени удовлетворяющей потребности государства.

Перечисленные обстоятельства обусловили проведение дозоров на территории Западной Сибири, один из которых был осуществлен в Тарском уезде. Его результаты оформлены в письменном документе — Дозорной книге Тарского уезда 1701 г., автором которой являлся дворянин Иван Родионович Качанов. По сей день неопубликованные, материалы дозора хранятся в фонде 214 Сибирского приказа в Российском государственном архиве древних актов.[1] Пролог Дозорной книги раскрывает программу ее составления, разработанную в соответствии с указом Петра I от 4 января 1698 г., первая часть которой требовала: переписать населенные пункты; зафиксировать «всех чинов людей» с указанием мест их выхода и времени появления в Сибири; указать количество земельных владений (с основаниями на землепользование) и различных промыслов; зафиксировать размеры десятинной пашни и выплачиваемых оброков (в том числе ясака). Вторая часть плана предписывала установить в случае отсутствия либо прибавить «в соответствии с пожитками» десятинную пашню и оброки.

В процессе составления дозора И.Р. Качанов отталкивался от ранее проведенной аналогичной переписи 1680 г. Льва Поскочина и от документов, предоставляемых местным населением в качестве прав на владение землей (купчих, данных, выписей, поступных и пр.). В ходе переписи могло выясниться, что существует несколько претендентов на пашни, пастбища или покосы, что обусловило бы возникновение ряда споров по поводу подобных притязаний как между самими русскими жителями, так и между русскими и татарами. Такие коллизии также описывались в Дозорной книге.

В поле внимания омских историков Дозорная книга 1701 г. оказалась более 15 лет назад. За прошедшее время осуществлены разноплановые исследования, построенные на материалах этого документа. Первая публикация, основанная на материалах данного источника, была посвящена изучению старинного сибирского села Евгащино [Бережнова, Корусенко, 2002]. В следующей работе были

[1] РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, 425 л.

рассмотрены небольшие сюжеты, связанные с межэтническими отношениями жителей Притарья [Корусенко, 2004]. Работа об истории совместного проживания на территории Тарского Прииртышья в конце XVII в. русских и татар была обусловлена стремлением выяснить особенности взаимоотношений между этими народами, насыщенные как элементами сотрудничества и компромиссов, так и вражды и непонимания [Бережнова, Корусенко, 2006]. Дозорная книга, включающая информацию этнографического плана, позволила обратиться к прошлому славянских и тюркских народов, углубиться в проблематику их жизнедеятельности, выявлять и изучать вопросы этнической идентификации коренных и пришлых жителей края, основанные на учете связанных с этносоциальным статусом маркеров (принадлежности к определенным социальным группам, местам проживания и используемым угодьям, местам выхода недавних переселенцев, антропонимии). Именно этнографическая направленность исследований авторов привела к рассмотрению данных проблем на основе этого источника.

В дальнейшем начались работы источниковедческой направленности, рассматривавшие Дозорную книгу Тарского уезда как документ о социально-экономическом развитии, хозяйстве и отдельных сторонах культуры (поселениях, соционормативных явлениях) [Бережнова, Кабакова, Корусенко, 2014]. Авторы пришли к заключению о том, что Дозорная книга Тарского уезда является достоверным, репрезентативным и информативным источником, способным предоставить ценные сведения количественного и качественного характера для понимания исторического прошлого конкретного региона юга Западной Сибири рубежа XVII–XVIII вв. Полученный вывод о богатом потенциале документа нашел подтверждение в последовавших публикациях о возможностях Дозорной книги в исследованиях демографической направленности, при рассмотрении проблематики гендерного характера. Так, рассмотрение вопроса о составе семей служилых среди жителей Тарского уезда, наличии в них детей, позволило прийти к заключению о высоком естественном приросте и значительном ресурсе увеличения местного русского населения за счет рождаемости в будущем [Кабакова, 2011]. Дозорная книга Тарского уезда, главным образом концентрируясь на описаниях положения мужской части жителей региона, содержит эпизодические изложения женских историй, на основании которых можно судить о наличии у женщин прав по распоряжению имуществом, возможности передать свои земли по личному усмотрению третьим лицам, игнорируя права родственников [Кабакова, Бережнова, 2014].

Изучение Дозорной книги продемонстрировало широкие перспективы ее взаимодействия с другими типами и видами источников. Обращение к археологическим сведениям на базе проведенных палеозоологических, карпологических исследований в синтезе с вычлененными архивными материалами, касающимися деревни Ананьина Тарского уезда, позволившими проследить появление этого селения, охарактеризовать его жителей, определить основные хозяйственные занятия (размеры и виды пашни, сенокосные угодья, количество скота и состав стада у отдельных хозяев) способствовало реконструкции системы жизнеобеспечения русских сибиряков в XVII–XVIII вв. Подобный опыт оказался примером удачной корреляции археологических данных и письменных источников, создав условия для рассмотрения комплекса материальной культуры и воссоздания элементов духовной культуры населения деревни Ананьина на основе коллекции артефактов, построения ландшафтной модели памятника и изучения раскопанных построек в соединении со сведениями, извлеченными из Дозорной книги Тарского уезда [Татаурова, Крих, 2016].

Фиксация знаний о территориях Российского государства в конце XVII в., в пору подготовки его утверждения в качестве империи, происходила как в виде письменных текстов, оформлявших население, земли, тягло и пр., так и в форме картографических материалов. Таким документом, закреплявшим юг Западной Сибири в качестве неотъемлемой части страны, стала Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова [Хорографическая чертежная книга, 2011], отразившая геополитические и имперские устремления России, позволившая «увидеть» южные и восточные границы империи, схематично и довольно условно обозначив азиатские территории государства. Созданные в едином временном пространстве с Дозорной книгой Тарского уезда 1701 г., «чертежи» позволили предпринять попытку компаративного анализа двух разнохарактерных источников — делопроизводственного и картографического. Несмотря на изначальную разницу в целях, поставленных перед составителями документов (в письменном тексте — учет, на карте — изображение), они во многом переплетались в осуществлении собственных намерений, что обусловило обоюдное освещение ими проблематики, связанной с развитием народонаселения и пунктов проживания, описаниями социально-экономического плана, путей сообщения и их протяженности, природных условий. Все это позволило убедиться в возможности выявления, сопоставления и, в результате, взаимного дополнения знаний Дозорной и Хорографической книг для приобретения качественно новой информации, позволяющей визуально оценить

ситуацию, сложившуюся в Тарском уезде на рубеже XVII–XVIII вв. Чертежи С.У. Ремезова изографически преломили фискальный документ — Дозорную книгу, что позволило в дальнейшем на основе их материалов осуществить историческую пространственную реконструкцию, по-новому рассмотреть процесс освоения Тарского уезда как одного из сибирских регионов, определить объекты анализа информации на основе изучения изображений, визуализировать текстовые данные дозора. В итоге получены качественно новые знания о подконтрольных российским властям территориях, границах, населенных пунктах, жителях. Сопоставление внутреннего содержания изучаемых источников позволило объяснить и уточнить происхождение наименований ряда деревень, выяснить причины несовпадения их количества в дозоре и на карте [Кабакова, Корусенко, 2019].

Несмотря на солидную работу, уже осуществленную исследователями по изучению материалов Дозорной книги, существует ряд направлений, ожидающих научного погружения. Неразработанными остаются вопросы развития землепользования и землевладения русских и татар, изменения системы налогообложения и выплаты жалования служилым вследствие проведенного дозора, миграционного движения на территорию Тарского уезда. Не изучены формуляры описаний, используемые в Дозорной книге как в одном из делопроизводственных документов приказного периода. Плодотворным представляется обращение к проблематике собственно культуры делопроизводства на региональном уровне на примере Дозорной книги, палеографическое и лингвистическое исследование рукописи. Интерес также представляет антропонимическая система населения данного региона.

Обращение к тексту источника нередко вызывает затруднения при интерпретации некоторых принятых в конце XVII в. понятий. Например, в описании дворов наличествуют перечисления имени самого владельца, его отца, фамилии, социального статуса, а также упоминание о территориальном происхождении: «Родом де он... Тарского города (Тобольска, Биргамацкой слободы и пр.)». На первый взгляд, таким образом в документе обозначается место рождения человека, но встречающиеся иногда дополнительные приписки о том, что этот житель прибыл ранее из какого-то иного населенного пункта, а иногда из европейской части страны, заставляют заключить, что, вероятно, «родом де» — это своеобразный пункт «приписки» в момент составления дозора.

Кропотливое обследование обширных материалов Дозорной книги Тарского уезда раскрывает перед ее исследователями новые возможности и ракурсы разработок, сдерживаемые однако отсутствием

опубликованного полнотекстового документа. В настоящее время существует вероятность того, что этот ценнейший источник в ближайшем будущем увидит свет и станет доступен и ученым-специалистам, и широкой публике. Отметим, что подготовка источника к изданию вызывает значительное количество сложностей. А начинаются они собственно с «прочтения» и «перевода» книги. Самое первое прикосновение к документу обозначает погружение в мир его языка, отражающего действительность времени, фрагментирующего картину окружающего мира. Традиционные формулы, обороты, словосочетания, присущие делопроизводству конца XVII в., сочетаются с обычной речью, насыщены обилием топонимов (ойконимов, гидронимов). Текст, написанный на языке конца XVII в. в манере тех лет, содержащий множество устаревших или исчезнувших ныне понятий, с отсутствием современных знаков пунктуации требует скрупулезной совместной работы специалистов — историков и филологов. Их деятельность сопряжена не просто с необходимостью понять смысл источника, но и предоставить четкие дефиниции для архаизмов. Безусловно, материалы Дозорной книги должны сопровождаться комментариями, разъясняющими смысл описываемых документом исторических, социально-экономических событий, иллюстрироваться географическим и пространным «именным» указателями.

Коллектив исследователей в процессе подготовки к публикации Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. реализует научную задачу, имеющую двоякий характер: с одной стороны, вводит в научный оборот полный текст важнейшего для истории региона источника, с другой — открывает перспективу качественного и количественного анализа этого документа в сравнении с другими типами источников (метрическими книгами, ревизскими сказками, челобитными и пр.). Эта работа будет способствовать исследованиям региональных особенностей имперского строительства на окраинных территориях со специфической историей и населением, в перспективе позволит представить динамический срез развития сибирского периферийного общества от Петровской эпохи до последующих исторических периодов. Публикация Дозорной книги откроет дополнительные возможности для разворачивания генеалогических изысканий: все персонажи дозора достойны упоминания, поскольку их потомки, пребывающие поныне на территории края или далеко за его пределами, интересующиеся собственными предками, достойны знать о месте их проживания, социальном статусе и занятиях, образе жизни, и получат такую возможность благодаря обнародованию документа.

Список литературы

Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г.: К вопросу о причинах составления и содержании // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 62–69.

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н. Дозор вражды и дружбы, или взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притарье по документам и устным свидетельствам // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. № 3. С. 108–116.

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н. Евгащина, она же Елгащина, она же Изюк: Ранний период истории старинного сибирского села // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 184–189.

Кабакова Н.В. Естественное движение населения в Тарском уезде Тобольской губернии в конце XVII — начале XVIII в.: По материалам Дозорной книги Тарского уезда // Ориентированные фундаментальные и прикладные исследования — основа модернизации и инновационного развития архитектурно-строительного и дорожно-транспортного комплексов России. Омск, 2011. С. 405–408.

Кабакова Н.В., Бережнова М.Л. Статус и права одинокой женщины в сибирском регионе в XVIII — первой половине XIX века // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России: XVII — начало XX века. Новосибирск, 2014. С. 52–58.

Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Сибирские делопроизводственные и картографические источники рубежа XVII–XVIII вв.: Феномен «узнавания» новых пространств империи // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 4 (47). С. 165–173.

Корусенко С.Н. Сведения о межэтнических отношениях в Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития. Ч. 1. Омск, 2004. С. 78–80.

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв.: По археологическим и письменным источникам // Былые годы: Российский исторический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 479–490.

Список опубликованных источников

Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. Т. 1: Факсимильное издание. Тобольск, 2011. 344 с.; Т. 2: Исследования. Текст. Научно-справочный аппарат факсимильного издания рукописи. Тобольск, 2011. 692 с.

УДК 94(470)

Д.А. Редин
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Когда начались административные реформы Петра Великого? (В порядке дискуссии)*

Статья ставит вопрос о том, что считать административными реформами Петра Великого и, соответственно, с какого времени можно вести их отсчет. Вслед за рядом историков автор исходит из понимания, что под реформами следует понимать только те изменения, которые имеют характер преобразований, осознанно направленных их творцами на достижение улучшения в будущем. Именно такое понимание формируется в разных регионах Европы в ранее новое время и маркирует переход от средневековья к эпохе модерна. Расширяя такую трактовку реформ, автор вводит понятие «таргетированный модернизм». Под ним имеется в виду установление реформаторами четкой грани между «прогрессивным / модерным» и «отсталым» и приложение усилий для изживания или полной трансформации этого «отсталого». Для Петра I в конце 1690-х — конце 1710-х гг. такой подход был применим только к преобразованию вооруженных сил. Изменения в сфере государственного управления в эти годы имели вспомогательный, производный от военной реформы характер. Они были нацелены исключительно на обеспечение максимальной ресурсной мобилизации для снабжения войск. Несмотря на использование иностранных терминов в русском административном лексиконе этих лет, система управления в целом оставалась вполне традиционной. Только с конца 1710-х гг., по мнению автора, можно говорить о начале настоящего реформирования системы государственного управления, о чем писал и сам Петр в указе о введении коллежского правления в 1718 г.

Ключевые слова: Петр I, реформы, административное управление, таргетированный модернизм.

Ответ на вопрос, вынесенный в заглавие статьи, как будто очевиден. Административные реформы Петровского царствования начались в 1708 г. с так называемой первой губернской, или первой областной реформы, заложившей основы нового административно-территориального деления и местного управления; были продолжены преобразованием высшего уровня власти (создание Сената в 1711 г.), скорректированы введением ландратского управления в 1713–1715 гг. и перешли в новую фазу в период с 1718 по 1724 г. (так называемые «большие» реформы: коллежская, сенатская, судебная, вторая областная, податная и т.п.). Все это складывается в более или менее прогрессивно-поступательную схему развития госаппарата, основан-

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 20-09-42022 «“Ментальное государство” Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.».

© Редин Д.А., 2020

ного на усилении бюрократических принципов, необходимых для существования абсолютистского государства. Кто об этом не писал?

Известно и другое. Последовательность и преемственность административных реформ Петра I выглядят таковыми в лучшем случае на страницах учебников. Внутренняя хронология и периодизация этих реформ вызывают споры по сей день. Практическая реализация преобразований сильно отличалась от нормативных предписаний не в лучшую сторону. Противоречивость законодательной базы реформ, а часто просто ее слабая проработка вызывала у многих, причем очень авторитетных историков сомнения в наличии плана реформ, даже в самой способности Петра к созданию такого плана, к теоретическому осмыслению собственных преобразовательных действий, особенно до 1718 г. [Буганов, 1989, с. 129; Павленко, 1990, с. 442; Анисимов, 1995, с. 137, 141; Баггер, 1999, с. 140; Шмидт, 2005, с. 427–428; Богословский, 2008, с. 218;]. Если обобщить и, в известной степени, упростить историографические оценки петровских реформ государственного управления, то можно сделать такой вывод: до 1718 г. их реализация отличалась спонтанностью, непродуманностью, отсутствием концептуальной целостности. Обычно это объясняется отсутствием опыта в проведении мероприятий такого рода и такой степени сложности. Но начиная приблизительно с 1712–1715 гг., в результате более тесного знакомства монарха с управленческими практиками зарубежных европейских стран и трудами западных теоретиков естественного права и общественного договора (Т. Гоббса, Г. Гроция, С. Пуфендорфа, Г.-В. Лейбница), у него сложилось более или менее целостное представление о том, каким образом должно функционировать современное, претендующее на успех государство, что привело наконец к более осмысленному реформированию государственных институтов, организованных главным образом на основе адаптации к российским условиям шведских образцов. Иными словами, до, условно, 1718 г. реформирование системы управления шло хаотично и бессистемно, а после этого рубежа приобрело концептуальную стройность, хотя и не была лишена недостатков.

Но так ли это? Похоже, что с такой трактовкой прежде всего не согласился бы сам Петр. В преамбуле указа об учреждении коллегий от 19 декабря 1718 г., он заявил, что, приведя в добрый порядок военные дела, «... управя оное, и о земском правлении не пренебрег, *но трудитца и сие в такой же порядок привесть, как и воинское дело*» [Воскресенский, № 60]. Из-за частоты цитирования эта фраза стала хрестоматийной и в ней, как представляется, не видят того смыла, который заложил автор: до 1718 г. он, Петр, *и не занимался* «приведением в порядок земских дел» (т.е. *не проводил* реформ государственного

управления), потому что был поглощен реформированием вооруженных сил, и лишь тогда, когда военная реформа успешно завершилась, приступил к реформированию государственного аппарата, будучи уверенным, что результат этих трудов станет таким же удачным.

Но как же быть с сенаторами, ландрихтерами, комендантами, комиссарами и ландратами, с губерниями, обер-комендантскими провинциями и ландратскими долями — со всем тем, что так массово и как будто очевидно сигнализирует нам о реформах в сфере управления до 1718 г.? Чтобы определить смысл и суть всего этого наследия, надо вспомнить о том, что́ понималось под реформами в Европе раннего нового времени. Как показывают новейшие исследования, изначально под термином реформа (или под ее синонимами) подразумевалось такое действие, которое вело к исправлению существующих недостатков, злоупотреблений, «нестроений» путем *возврата* к «неиспорченным» практикам, якобы существовавшим в прошлом; имевшего целью, по словам П.Ю. Уварова, «восстановить изначальную форму, осуществить “ре-форму”, вернуться к изначальному, поскольку лучше старого могло быть только еще более старое» [Уваров, 2013, с. 36]. Понятие реформы как осознанного и так или иначе отчетливо артикулированного стремления к прогрессивным новациям; как действия, направленного на достижение улучшения *в будущем*, появляется в эту эпоху не сразу, и для разных стран на западе и востоке Европы в широком диапазоне от XVI до начала XVIII в. Полагаю, что совершенно обоснованной и продуктивной можно считать мысль А.Б. Каменского: «Когда... стремление к изменению как восстановлению прошлого трансформируется в стремление к новизне, тогда и происходит переход от средневековья к новому времени» [Каменский, 2013, с. 174]. Я бы лишь добавил, что такая трансформация восприятия реформ не обязательно происходит сразу во всех сферах жизни. В России, на мой взгляд, в политическом дискурсе правящей элиты реформаторское (в нововременном смысле слова) понимание процесса первоначально, под влиянием объективных причин, формируется в сфере военного строительства в XVII в., вполне ясно проявляясь с 1630-х гг.

Нет нужды доказывать, что для Петра практически с первых лет его самостоятельного правления потребность в реформировании вооруженных сил не подлежала сомнению и реализовывалась именно как реформа. Я бы рискнул в качестве синонима последнему предложить термин «таргетированный модернизм» — установление четкой грани между «прогрессивным / модерным» и «отсталым» и приложение усилий для изживания или полной трансформации этого «отсталого». Так вот, для царя доставшаяся ему армия была отсталой, а современные армии ведущих европейских держав прогрессивными.

Трансформация отсталой армии в прогрессивную осознавалась, не опровергалась и реализовывалась на практике.

Вступление России в Великую Северную войну стало мощным катализатором военных преобразований и поставило новую проблему: организацию беспрецедентной ресурсной мобилизации, превосходящей по своим масштабам все предшествовавшие. Ситуация усугублялась тем, что подобную мобилизацию требовалось осуществить в крайне сложной обстановке (практически потеряв сухопутную армию после неудачного начала войны), в кратчайшие сроки и с учетом необходимости качественного укрепления имевшихся и создания новых родов войск (артиллерия и инженерные войска) и видов вооруженных сил (военно-морского флота). Средств для достижения цели у царя было не много: эксплуатация монетной регалии (отсюда так называемая денежная реформа, начавшаяся с конца 1690-х гг.) и усиление налогового бремени, как за счет повышения ставок базовых («окладных») налогов и сборов, так и за счет изобретения разнообразных чрезвычайных — «неокладных» и «запросных», носивших, зачастую, весьма экстравагантный характер.

Интенсивная мобилизация ресурсов требовала создания эффективного и простого административного механизма. Существовавшая приказно-воеводская система управления Петра, судя по всему, не устраивала. Поэтому все ранние попытки скорректировать или усилить ее имели исключительно фискальный смысл — это касается и так называемой первой городской реформы, и созданной в ее рамках Ратуши, и Семеновской приказной палаты (будущей Ингерманландской канцелярии), и института прибыльщиков и т.п.

В этом ряду очень важные последствия имело создание Ингерманландской губернии в 1702 г. — первоначально очень скромной территории на отвоеванных у шведов землях Нотеборгского лена (бывшего русского Ореховского уезда Водской пятины) в истоках Невы. Стремительно разросшаяся новая административно-территориальная единица, отданная под управление кн. А.Д. Меншикова, уже к 1708 г. включала в свой состав Великий Новгород, Псков, Ладогу, Порхов, Гдов, Опочек, Изборск, Остров, Старую Руссу, Великие Луки, Торопец, Бежецкий Верх, Пустую Ржеву с Заволочьем, Устюжну Железопольскую, Олонец, Белооозеро, Каргополь, Пошехонье, Володимерову Ржеву, Углич, Ярославль, Романов, Кашин, Тверь и Торжок. Из бывших шведских владений в нее входили вся Ингерманландия от Ивангорода на западе до Шлиссельбурга на северо-востоке, Нарва с округой, восточно-лифляндский Дерпт с уездом [ПСЗ, 1830, № 2218], а ее центром стал основанный в 1703 г. Санкт-Петербург, еще не обретший статуса новой государственной столицы.

Весьма примечательно, что с самого начала эта единица не была включена в состав Новгородского уезда, к которому «тянула» издревле, а оказалась *выделена в отдельный округ* и обрела не свойственное русской традиции родовое наименование губернии («губернации», «губернемента»). Более того, она оказалась выведена из общерусской государственной структуры управления. Нормативно такая административная эксклюзивность фиксируется в инструкции Меншикова копорскому коменданту Н.Я. Римскому-Корсакову от 12 марта 1706 г. В ней князь подчеркивал исключительные права губернских властей над вверенной территорией, предписывая коменданту: «А из других приказов и из городов никаких указов не слушать и оных не принимать» (ПСЗ, 1830, № 2097). Но и до 1706 г. источники свидетельствуют об особом статусе этой губернии.

Конечно, эксклюзивный статус Ингерманландской губернии был обусловлен совокупностью разных причин: символической значимостью отвоеванных территорий для Петра, их прифронтовым положением, необходимостью быстрой интеграции недавних шведских крепостей и городов в российское политическое пространство и т.п. Но главное, по крайней мере, в рамках рассматриваемой темы, стало то, что материальные ресурсы губернии были полностью *направлены на прямое снабжение войск* — частей Ингерманландского корпуса [Данченко, 1995, с. 9]. Представляется, что именно эта практика, видимо, успешная, навела царя на мысль о распространении такого способа обеспечения вооруженных сил на всю страну. Центральный приказный аппарат при этом как бы устранялся из цепи передачи денег и натуральных припасов от тяглецов к армии. Надо заметить, что эта идея — прямое содержание армии населением — не покидала Петра до конца его дней и легла, в итоге, в основу податной реформы 1719 г. В литературе распространено мнение, что она родилась под влиянием вездесущих шведских образцов. Не стану отрицать наличие «шведского следа», его можно заметить в том интересе, который монарх проявлял к практике обеспечения войск в Шведском королевстве, хотя и не только в нем, а и в немецких княжествах, в частности, в Бранденбурге-Пруссии [Павлов-Сильванский, 1897, с. 108]. Но то, что́ он начал практиковать в Ингерманландской губернии, мало напоминало систему индельты. Динамика войны и здравый смысл подсказывали, в каком направлении надо действовать, лучше, чем зарубежные примеры. Управленческий аппарат Ингерманландской губернии строился на вполне традиционных для России принципах персонального поручения / ответственности и единоначалия. Губернатор был назначен царем и подотчетен ему; по сути, Меншикову отдали губернию «в приказ». Кадровые назначения внутри губернии

проводил Меншиков, лично сочиняя инструкции подчиненным. По содержанию эти инструкции практически не отличались от прежних воеводских наказов и в ряде своих пунктов прямо апеллировали к ним. Основной административно-территориальной единицей внутри губернии оставался уезд, с той только разницей, что его руководитель здесь, раньше, чем где-либо в России, стал именоваться комендантом. Но оттого, что едва ли не главным предназначением губернии было материальное удовлетворение военных нужд, ее коменданты, в отличие от воевод, оказались гораздо больше нагружены обязанностями хозяйственных агентов государства и получили в свое подчинение целую сеть чиновников — комиссаров и провиантов (провиантмейстеров), которые, в отличие от комендантов, обладали исключительно *специализированной компетенцией* сборщиков денежных платежей и продовольственных поставок. Последнее было новшеством (хотя, думается, лишь количественным) в административной практике России; исполняя свои обязанности, прежние городовые воеводы не располагали такой сетью, имея дело непосредственно с представителями местного самоуправления, ответственными за фискальную сферу (с различными выборными головами и целовальниками).

Разветвленный фискальный аппарат потребовал особой должности управленца губернского ранга, который мог бы осуществлять общий и повседневный оперативный контроль над всем кругом хозяйственных дел, над обширным и подвижным штатом комиссаров, провиантмейстеров, и над комендантами в той части их полномочий, которые касались обеспечения войск квартированием, фуражом, продовольственным и денежным снабжением, транспортным обеспечением и прочим. Такой фигурой стал губернский ландрихтер, львиная доля обязанностей которого, вопреки названию должности, сводилась не к судебным, а именно к хозяйственным делам. В помощь ему учреждались еще несколько общегубернских должностей: обер-комиссара, обер-провианта и особого комиссара, ответственного за прием, хранение и отпуск денежной и хлебной казны. Факт учреждения этого губернского финансово-хозяйственного аппарата и характер его полномочий фиксировала инструкция от 17 января 1707 г. уже упоминавшемуся Н.Я. Римскому-Корсакову, ставшему первым ингерманландским ландрихтером [ПСЗ, 1830, № 2135].

Опыт, накопленный в первые годы существования Ингерманландской губернии, был позже перенесен на всю страну. Учреждение в России губерний в 1708, а реально — в 1711 г., имело исключительно фискальный смысл. Именным указом, данным в Ближней канцелярии 14 января 1711 г., все полки действующей армии повелевалось распределить по губерниям для содержания за счет губернских

средств [ПСЗ, 1830, № 2313]. Чуть больше месяца спустя, 19 февраля того же года, губернаторы получили точные штаты кавалерийских и пехотных полков, закрепленных за губерниями [ПСЗ, 1830, № 2319]. В июле-августе 1711 г. при Сенате появилось особое учреждение — Кригс-комиссариат, ведавший всем войсковым снабжением по финансовой, продовольственной, оружейной, мундирной, амуничной, фуражной и транспортной частям [ПСЗ, 1830, № 2412]. Между губернскими кассами, Кригс-комиссариатом как сенатским учреждением и полками была установлена связь в лице губернских комиссаров при Сенате и полках. Созданная таким образом административная машина стала работать исключительно на вооруженные силы. Фискальная функция системы управления страной затмила собой все остальные. Это убедительно доказал еще П.Н. Милюков [Милюков, 1905], это же доказывает весь корпус известных на сегодняшний день источников.

Еще раз следует подчеркнуть: как в Ингерманландской губернии (с 1710 г. переименованной в Санкт-Петербургскую), так и во всех остальных вся номенклатура чинов местного управления действовала без какого-либо общего нормативно-законодательного регулирования. Единых должностных инструкций не было не только у комендантов и разнообразных комиссаров, но даже у губернаторов и других старших чиновников. Принципы назначения на должности были установлены в самых общих чертах. Так, например, за всю историю петровской комендатуры (1704–1720 гг.) Петр издал только *один общий законодательный акт*, касавшийся статусной характеристики комендантов: именной, объявленный из Сената, указ от 2 февраля 1712 г., дававший губернаторам право самостоятельного назначения комендантов и о судебном подчинении комендантов губернскому кригс-рехту (военному суду) [ПСЗ, 1830, № 2484]. Набор управленческих должностей и учреждений в губерниях был разным и не отличался полным единообразием. Формы делопроизводства во многом оставались прежними, лишь увеличился их объем и изменились видовые названия. Гражданская администрация, сосредоточенная на обеспечении вооруженных сил, пропускавшая через себя огромные денежные, натуральные и людские потоки (рекрут), финансировалась по остаточному принципу. Только в 1715 г. верховная власть озаботилась сочинением единой тарифной сетки по оплате труда чинов местного управления. Это был режим ручного управления, основанный, как отмечалось выше, на традиционных началах. В нем не просматривалось никаких принципиальных новаций, кроме отмеченной выше развитой специализации в сфере фиска.

Некоторый намек на реформу как осознанное и прогрессивное улучшение в области гражданского управления дает в эти годы, пожалуй, только история с учреждением ландратуры (1713–1715 гг.). Во всяком случае, в ней прослеживаются: а) вполне понятный зарубежный прототип (остзейская ландратура); б) представление царя о полезности этого, не имевшего аналогов в России, института; в) стремление к качественной реорганизации структуры и принципов местного коронного управления с помощью адаптации ландратуры к российской системе управления (введение принципа коллегиальности, превращение ландратуры в высший коллективный орган управления губернией, широкое внедрение выборных механизмов при занятии ландратских должностей и поощрение через это общественной активности местного дворянства и т.п.). Но, судя по всему, это было лишь первое свидетельство того, что у Петра стали вызревать идеи о необходимости проведения *собственно административных реформ*. Будучи очень поверхностно осведомленным в сути остзейской ландратуры, несколько раз за три года поменяв нормативные параметры ее функционирования в русских губерниях, царь, как будто, так и не уяснил для себя смысл учреждения этого института. Он быстро выродился в странный дополнительный орган фискального управления, скорее ненужно усложнив конструкцию местного госаппарата и так и не выполнив возлагавшихся на него надежд. В этой истории примечательно лишь время проведения ландратской реформы — середина 1710-х гг. Военная реформа — главное детище петровских забот, в целом реализовалась, убедительно продемонстрировав свою эффективность: вооруженные силы работали; с их помощью удалось сломить шведскую военную машину; русский корпус стоял в Мекленбурге; Северный союз был восстановлен, а поражение на Пруте чудом не превратилось в катастрофу. Вероятно, все это подвигало Петра к мысли о том, что наступает пора заняться «приведением в порядок земских дел». К этому подводил накопленный опыт преобразований армии и осмысление причин могущества ведущих западных держав, чья военная мощь и общее процветание основывались на развитой экономике и «регулярстве» (хорошо организованном управлении). Но до полного понимания новых задач оставалось еще несколько лет.

Активное использование в административном лексиконе губернии иностранных наименований часто служит доказательством того, что уже в 1700-е гг. Петр I приступил к административным реформам, призванным внедрить в русскую управленческую практику западные (в данном случае балтийско-немецкие и шведские) принципы. Несомненно, что представления о самом факте существования комендантов, ландрихтеров, комиссаров, провиантмейстеров и какие-то

сведения о их функционале царь получил во время войны в Прибалтике. Но не следует преувеличивать значения этого обстоятельства. Вплоть до второй областной реформы, а в первое десятилетие XVIII в. особенно, все иноземное заимствование сводилось лишь к усвоению русским административным лексиконом новых названий. Иногда монарх даже не имел точного представления о служебном смысле того или иного термина, как это хорошо видно на примере ландрихтера, бывшего в остзейской практике исключительно судейским, но никак не хозяйственным чиновником [Нольде, 1911, с. 385]. Еще ярче это проявилось в истории с учреждением ландратуры в великорусских губерниях. В те годы мода на переименования все еще носила характер игры, подражательства с элементами культурной мимикрии. Мотивы заимствования иностранных административных терминов русской практикой прекрасно раскрываются в одном из писем П.М. Апраксина Петру I за 1707 г. Назначенный воеводой в Астрахань, Петр Матвеевич просил царя, «дабы я не был писан чином воеводства, но чином генерала и губернатора, против других стран» [Письма и бумаги, 1907, с. 89]. Это желание быть «как в других странах» (европейских, разумеется), несомненно, руководило русскими «западниками» не только в случае с Петром Апраксиным.

Таким образом, отсутствие какого-либо общего плана реформ в конце 1690-х — 1710-х гг., которое историки ставят в упрек Петру, было связано с тем, что в эти годы царь и не преследовал цели всеобщих преобразований, поскольку главным объектом его внимания была реформа вооруженных сил, а изменения в системе управления были лишь функцией этой реформы. Целостный и идеализированный взгляд на проблемы государственных реформ сложился у монарха в последние годы жизни в результате как успешной военной реформы, так и знакомства с обширным и разнородным западным ренессансным и барочным литературным массивом, в котором определяющее значение имели не труды Т. Гоббса, Г. Гроция и прочих философов, многие из которых Петр просто не знал [Бугров, Киселев, 2016], а тщательное, критическое усвоение административного законодательства западных государств и сочинений камералистов (Г. фон Боде, Б. Карпцова, И.-Л. Готфрида (Абелина), Дж. Лоо и др.). В связи с этим представляется, что административные реформы в модерном смысле этого слова, и как практический, и как дискурсивный феномен, в полной мере проявили себя только с 1718 г.

Список литературы

Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особостью» // Звезда. 1995. № 1. С. 133–150.

Баггер Х. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: Два правителя и их народы. М., 1999. С. 121–155.

Богословский М.М. Петр Великий по его письмам // *Богословский М.М.* Российский XVIII век. Кн. 1. М., 2008. С. 195–233.

Буганов В.И. Петр Великий и его время. М., 1989. 192 с.

Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII в. Екатеринбург, 2016. 480 с.

Данченко В.Г. Губернская реформа Петра на Северо-Западе России: Административное управление Санкт-Петербургской губернией. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 15 с.

Каменский А.Б. Реформы как историческое понятие и как феномен раннего нового времени (Из дискуссии) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб., 2013. С. 174–176.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб., 1905. 696 с.

Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. 554 с.

Павленко Н.И. Петр Великий. М.,1990. 591 с.

Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: Опыт изучения русских проектов и неизданные тексты. Ч. 1. СПб., 1897. 237 с.

Уваров П.Ю. Проекты преобразований во Франции в период правления Генриха II (1547–1559) // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). СПб., 2013. С. 35–47.

Шмидт С.О. Многотомное исследование академика М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // *Богословский М.М.* Петр Великий: Материалы для биографии. Т. 1. М., 2005. С. 414–431.

Список опубликованных источников

Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1: Акты о высших государственных установлениях. М.; Л., 1945. 601 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5: Январь-июнь 1707. СПб., 1907. 764 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 4: 1700–1712. СПб., 1830. 881 с.

УДК 902; 930.25

И.В. Тункина
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Материалы об экспедиции Д.Г. Мессершмидта в письмах Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему*

Специалистам давно известно, что основной массив ретроспективной документальной информации о первой научной экспедиции в Сибирь под руководством данцигского доктора медицины Д.Г. Мессершмидта (1719–1727) хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В Городской библиотеке г. Линчёпинга (Швеция) представлено несколько конволютов писем Ф.И. Страленберга за 1723–1725 гг., адресованных видному деятелю шведского Просвещения, профессору теологии Упсальского университета Эрику Бенцелиусу-младшему. Эти эпистолярные документы являются новым источником по истории экспедиции Д.Г. Мессершмидта и содержат рисунки открытых в первой четверти XVIII в. памятников материальной культуры.

Ключевые слова: Д.Г. Мессершмидт, экспедиция в Сибирь, Ф.И. Страленберг, Э. Бенцелиус-младший, письма, рисунки.

Немецкий естествоиспытатель Даниэль Готлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735) по поручению Петра I возглавил первую научную комплексную экспедицию в Сибирь (1719–1727). Фактически он стал первооткрывателем территорий Северо-Востока Евразии для мировой науки [Новлянская, 1970]. Экспедиция открыла огромный пласт не известных ранее памятников материальной и духовной культуры древних народов Сибири [Brentjes, 1988; Борисенко, Худяков, 2005, с. 67–85], но ввести их в научный оборот сам путешественник не смог — все привезенные Д.Г. Мессершмидтом материалы были опечатаны по приказу Медицинской канцелярии и переданы для изучения в только что основанную Петербургскую Академию наук, причем исследователю было запрещено пользоваться собственными сборами [Тункина, Савинов, 2017, с. 135–137]. В 1962–1977 гг. Академия наук ГДР издала, но не полностью, пятитомный путевой дневник Д.Г. Мессершмидта на немецком языке за январь 1721 — декабрь 1726 г. [Messerschmidt, 1962–1977]. Публикация дневника вернула мировой научной общественности имя забытого на 250 лет подвижника науки. Однако большая часть рукописного наследия ученого и по прошествии 300 лет не введена в научный оборот и хранится в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН [Тункина, 2013; Басаргина, Бондарь, Тункина,

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-42006.

© Тункина И.В., 2020

2019]. В их числе материалы по археологии Урала, Западной и Южной Сибири [Тункина, 2013; Тункина, 2017; Тункина, 2019; Тункина, Савинов, 2015]. В сотрудничестве с академиком Гёттингенской АН Вернером Лефельдтом петербургские академические архивисты с 2012 г. готовят к печати и издают архивные материалы пионера научного изучения Сибири [Первый исследователь, 2019].

Публикацией привезенных артефактов и монументальных памятников древности, видимо, с согласия самого Д.Г. Мессершмидта, занялся его ближайший помощник, пленный шведский капитан Филипп Иоганн Табберт, по возвращении в Швецию с 1723 г. ставший использовать дворянскую фамилию Страленберг (Philipp Johann Tabbert von Strahlenberg; 1677–1747) [Jarosch, 1966; Новлянская, 1966]. Именно он вел дневник экспедиции с 1 марта 1721 по 28 мая 1722 г. Другим помощником Д.Г. Мессершмидта являлся рисовальщик экспедиции, воспитанник Тобольской школы капитана К.Ф. Врееха для шведских и немецких детей, 20-летний лифляндский дворянин, уроженец Нарвы Карл Густав Шульман (Karl Gustav Schulman; 1702–1765).

По Ништадтскому миру 1721 г. Ф.И. Табберту и К.Г. Шульману, как и другим сосланным в Сибирь каролинам — пленным шведским и немецким офицерам — было разрешено вернуться на родину. Несколько иллюстрированных рапортов Д.Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию с отчетом о ходе работ экспедиции были доставлены в Санкт-Петербург и скопированы для себя возвращавшимся в Швецию Ф.И. Таббертом. В 1737 г. архив и библиотека самого Ф.И. Страленберга сгорели при пожаре его дома в Стокгольме, а ранее была утрачена дорожная тетрадь, в которую он вносил путевые заметки во время поездок по Сибири, и ряд выполненных в полевых условиях рисунков [Sthralenberg, 1730, S. 411]. К счастью, сохранились письма путешественника. Так, в Городской библиотеке г. Линчёпинга (Швеция) хранится личный фонд видного деятеля шведского Просвещения, лютеранского богослова, политика, историка литературы и естествоиспытателя Эрика Бенцелиуса-младшего (Erik Benzelius der Jüngere; 1675–1743). Он получил блестящее образование сначала в Швеции, затем в Германии, Голландии и Англии (1697–1700), во время заграничных путешествий познакомился с Г.В. Лейбницем и другими ведущими учеными Европы. По возвращении в Швецию Э. Бенцелиус служил библиотекарем (1702–1723) и профессором теологии (1723–1726) в Уппсальском университете, был рукоположен в священники (1709), получил степень доктора теологии (1719), затем стал епископом Гётеборга (1726–1731) и Линчёпинга (1731–1742). В 1710 г. Э. Бенцелиус основал «Collegium

curiosorum», из которого выросло Уппсальское королевское научное общество, старейшее научное общество Швеции, а с 1740 г. являлся членом Королевской Шведской Академии наук.

Сохранилось несколько конволютов писем Ф.И. Страленберга (Табберта) к Э. Бенцелиусу-младшему за 1723–1725 гг. В письмах он сообщал о собранных в экспедиции материалах и пытался получить консультации по самым разным научным вопросам, готовя к публикации собственные труды о terra incognita той эпохи — Сибири[1] [Савинов, Тункина, 2018, с. 38]. К письму Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу от 21 апреля 1724 г. приложено пять иллюстраций с оригиналов художника экспедиции Д.Г. Мессершмидта К.Г. Шульмана.[2] Это рисунки артефактов, запечатленных в ходе первого этапа экспедиции, проведенного Д.Г. Мессершмидтом совместно с Ф.И. Таббертом и К.Г. Шульманом, выполненные с оригиналов последнего. На них запечатлены угловые камни крепид курганов [Strahlenberg, 1730, Tab. XI] и каменное изваяние «Тесинский богатырь» с нанесенной на нем рунической надписью, первой из ставших известных мировой науке в Сибири [Strahlenberg, 1730, Tab. XII; Савинов, Тункина, 2018, рис. 6–7]. Здесь же представлена часть изображений Новоселовской писаницы [Strahlenberg, 1730, Tab. VIIIb], но более полный вариант того же рисунка сохранился в фонде Д.Г. Мессершмидта [Тункина, Савинов, 2017, табл. XIV.5]. Среди изображений — рисунок-реконструкция полной формы квадратного китайского фрагментированного зеркала со свастикой, иероглифом и рунической надписью по бортику «Зеркало Кенд Аругбега» [Strahlenberg, 1730, Tab. Vd; Лубо-Лесниченко, 1975, № 99 (III 36)]. Этот фрагмент был найден в погребении недалеко от Красноярска у реки Енисей. На следующем листе рисунок оборотной стороны китайского круглого бронзового зеркала с петлей на круглом рельефном выступе в центре, по борту которого нанесена иероглифическая китайская архаическая надпись [Strahlenberg, 1730, Tab. XXb]. Ф.И. Страленберг писал о нем в письме к Э. Бенцелиусу, что оно найдено «в могилах между реками Исеть и Тобол». Ниже изображен золотой яйцевидный амулет («медальон») с личиной, найденный в кургане близ Иртыша между соленым озером, Ямышевом и городом Омском (или Омским острогом) [Strahlenberg, 1730, Tab. XXa]. В письме уточняется, что амулет найден у Ишима,

[1] Эти архивные источники стали известны мне благодаря любезному содействию датских коллег, Джона и Наташи Линд (Копенгаген), которым я выражаю искреннюю благодарность за помощь в поиске и копировании документов.

[2] Linköpings kommun Kultur- och fritidsförvaltningen Stiftsbiblioteket / Linköpings stadsbibliotek. Eric Benzelius den yngres arkiv. Brev till Eric Benzelius. 1723–1725. Vol. 8. E005/Br 10, brev 47: 21.04.1724. См.: [Кнюппель, Лефельдт, Тункина, Элерт, (в печати)].

который впадает в Иртыш, там, где находилось жилище и резиденция знаменитого Унг Хана. Этот артефакт входил в собрание первого сибирского губернатора князя М.П. Гагарина (1711–1719).

Другая иллюстрация, приложенная к письму, — рисунок тибетской круглой фрагментированной глиняной цацы с изображением трехликой и восьмирукой богини-ботхисаттвы долгой жизни Ушнишавиджая, или Виджая (буквально «Победа»), которая пребывает на «ушнише» (выпуклость на макушке головы) Будды, с тибетскими надписями на обороте. Цаца происходит из открытого в 1717 г. знаменитого пещерного святилища на р. Джакуль (Чакуль, Чаа-Холь) в Туве [Strahlenberg, 1730, Tab. Vc]. Изображения тех же вещей представлены в архивном фонде Д.Г. Мессершмидта в СПбФ АРАН, в виде гравюр они были изданы в книге Ф.И. Страленберга [Sthralenberg, 1730, Tab. Vc,d, VIIIB, XI, XII, XX].

Комплекс писем Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему требует изучения и введения в научный оборот как ценнейший источник информации о материальной и духовной культуре Сибири. Сохранившиеся экспедиционные зарисовки К.Г. Шульмана и копии с них, не искаженные последующим гравированием, крайне важны как первая графическая фиксация многих археологических и эпиграфических объектов, либо открытых экспедицией Д.Г. Мессершмидта, либо виденных путешественниками в частных собраниях, в том числе в руках бугровщиков.

Список литературы

Басаргина Е.Ю., Бондарь Л.Д., Тункина И.В. 300 лет первой научной экспедиции в Сибирь: Даниэль Готлиб Мессершмидт и изучение его научного наследия // Историко-биологические исследования. 2019. Т. 11. № 3. С. 120–134.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. 270 с.

Кнюппель М., Лефельдт В., Тункина И.В., Элерт А.Х. Письмо Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему о народах и древностях Сибири // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2020 (в печати).

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. 170 с.

Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. 184 с.

Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. М.; Л., 1966. 95 с.

Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы, 1716–1721. СПб., 2019. 312 с.

Савинов Д.Г., Тункина И.В. «Тесинский богатырь»: Возвращение к оригиналу // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2018. № 6. С. 29–51.

Тункина И.В. Археология Сибири в документах Д.Г. Мессершмидта // Вестник РФФИ: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 45–61.

Тункина И.В. Памятники археологии Сибири в документах личного фонда Д.Г. Мессершмидта // Университетская археология: Прошлое и настоящее: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию первой в России кафедры археологии. 19–21 октября 2016 г., Санкт-Петербург. СПб., 2017. С. 234–239.

Тункина И.В. Экспедиция Д.Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX — начала XXI веков // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской Академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., 2013. С. 238–250.

Тункина И.В., Савинов Д.Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб., 2017. 168 с.

Тункина И.В., Савинов Д.Г. Фонд Д.Г. Мессершмидта как источник по археологии Сибири // Ученые и идеи: Страницы археологического знания: Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, 24–25 февраля 2015 г. М., 2015. С. 60–62.

Brentjes B. Daniel Gottlieb Messerchmidt — der Pionier der sibirischen Archeologie // Ural-Altaische Jahrbücher: Neue Folge. Bd. 8. Wiesbaden, 1988. S. 137–151.

Jarosch G. Tabbert-Strahlenberg als Reisegefährte Messerschmidts // Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen: Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburgstag. Berlin, 1966. S. 215–220.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Teile 1–5. Berlin, 1962–1977.

Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Östlishe Theil von Europa und Asiae, etc. Stockholm, 1730. 438 S.

УДК 94(571):910.4+165.9

И.А. Шипилов
Институт истории СО РАН, Новосибирск

К истории формирования научных школ в России: Значение академических экспедиций XVIII века в Сибирь*

Статья посвящена не исследованной в историографии проблеме формирования школ в российской науке XVIII века в ходе и по результатам академических экспедиций в Сибирь: Второй Камчатской, академиков Ж.-Н. Делиля и П.С. Палласа. На основе комплексного анализа материалов из масштабного научного наследия указанных экспедиций репрезентируются основные аспекты научно-образовательной работы руководителей данных путешествий академиков (профессоров) Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Ж.-Н. Делиля, П.С. Палласа с их учениками и помощниками, а также реконструируются компоненты научно-исследовательских программ путешествий и способы трансляции научной парадигмы от руководителей вспомогательному персоналу, актуализируется вклад профессоров в подготовку представителей российского научного сообщества.

Ключевые слова: неоклассическая модель исторического исследования, интеллектуальная история, история науки, научные школы, академические экспедиции XVIII в. в Сибирь, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, Ж.-Н. Делиль, П.С. Паллас, вспомогательный персонал.

Актуализация и интенсификация историко-схоларных исследований в России во второй половине XX — начале XXI в. явились следствием методологических поворотов[1] в историческом познании, приведших к становлению неоклассической, или постнеклассической, парадигмы в исторической науке.

Под влиянием «антропологического (культурного) поворота», переключившего интересы историков с «объективных структур и процессов к культуре в ее антропологической интерпретации» и «проявлениям человеческой субъективности», в работах по интеллектуальной истории и истории науки исследовательский вектор был перемещен на индивидуальные и коллективные субъекты (акторы) научного процесса в их взаимоотношениях, а также на разработку новой теоретико-методологической основы для их контекстуализации и интерпретации [Репина, 2009, с. 28; Репина, 2011, с. 550; Ива-

* Статья подготовлена в рамках проекта, финансируемого РФФИ («Интеллектуальный лидер и его окружение: формирование социокультурной идентичности», № 18-09-00094а).

[1] Подробнее см.: [Лубский, 2014].

© Шипилов И.А., 2020

нова, Мягков, 2013, с. 167]. Использование коммуникативного подхода в историко-антропологических исследованиях по указанной проблематике способствовало «наведению мостов» между «мирами науки» с ее творцами и «повседневности», преодолению единообразного представления о науке как нормативной системы знаний и продемонстрировало более сложную картину ее динамики [Идеи и люди, 2014, с. 20, 22]. Учеными был сделан вывод, что важнейшим фактором исторического развития науки являлись и остаются интеллектуальные коммуникации, а сформировавшиеся по их результатам научные сообщества — основными субъектами получения, сохранения и трансляции научных знаний [Идеи и люди, 2014, с. 20–27; Зверева, 1999, с. 256–257]. Признание «научной школы» наиболее специфичной формой интеллектуальных сообществ в России и основной «эволюирующей единицей» в развитии отечественной науки привело к тому, что историко-схоларная тематика заняла центральное место в междисциплинарных проблемных полях интеллектуальной истории, социологии науки и науковедения конца XX в. [Иванова, Мягков, 2013; Бурганова, 2010; Дежина, Киселева, 2009]. В результате к началу XXI в. была выработана антропологическая модель «научной школы», основанная на феномене лидерства и коммуникативном подходе, используя которую, ученые выявили и сделали предметами исследования многочисленные школы лидерского типа в российской науке XIX–XX вв., не идентифицировавшиеся в качестве таковых предшественниками.[2]

Новый виток в разработке изучаемой проблемы связан со становлением неоклассической познавательной модели в российской исторической науке. Данная парадигма опирается на концепции мультилинеарной исторической динамики, основывающиеся на теориях «прагматического поворота», сторонники которого рассматривают социальные практики исторических акторов (праксеологический контекст) в конкретных социокультурных реалиях (исторический контекст), задающих вызовы и возможности для человеческих действий и накладывающих ограничения на них одновременно. Контекстуальный подход (поворот) переориентировал исторические исследования на междисциплинарность и антропо-социо-культурный методологический синтез, взаимодополнительность макро- и микроанализа, объяснения и понимания, индивидуализма и холизма, объективного и субъективного [Лубский, 2010]. Работы в неоклассической парадигме расширили теоретико-методологические представления о «научных школах», актуализировали изучение данного

[2] Историографию и подробную библиографию работ по данному вопросу см.: [Иванова, Мягков, 2013, с. 173–174, 183–185].

феномена в динамике исторического процесса, предполагающее его «погружение» не только в социокультурную «среду» эпохи, но и во временной контекст его возникновения, становления и бытования, позволяющее интерпретировать его как элемент интеллектуальной традиции или инновационный и оценить уровень развития науки в определенный исторический период [Репина, 2007; Идеи и люди, 2014, с. 7–19, 23–24].

Если этап бытования школ в российской науке XIX–XXI вв. на примере конкретных научных коллективов достаточно хорошо исследован, то вопрос о времени появления такой формы научного сообщества в нашей стране остается дискуссионным и в основном ограничивается утверждениями о ее появлении в XIX в., а история ее становления продолжает быть малоизученной [Школы в науке, 1977; Ведущие научные школы, 1998, с. 4].

В данной статье с теоретико-методологических позиций неоклассической парадигмы, учитывая разработки представителей антропологической модели, исследован процесс формирования научных школ в России в XVIII в. и показано существенное влияние на него научно-исследовательских и педагогических практик академических экспедиций в Сибирь: Второй Камчатской (ВКЭ) 1733–1743 гг., астрономической 1740 г. во главе с Ж.-Н. Делилем и физической 1768–1774 гг. под руководством П.С. Палласа. Результаты исследования позволят скорректировать науковедческие представления о генезисе научных школ в России в XIX в., дополнят схоларную и экспедиционную историографию.

Становление в России научной школы как типа интеллектуального сообщества связано с организацией в январе 1724 г. в Санкт-Петербурге Императорской Академии наук и художеств (АН), в составе которой одновременно создавались главное научное учреждение и образовательные — университет и гимназия. Основные аспекты функционирования трехступенчатой структуры в одном учреждении разъяснялись в Проекте основания АН, обсуждавшемся в Сенате 22 января 1724 г. Согласно этому документу, приглашенные академики (профессора) должны были не только вести исследования в своем научном направлении и способствовать его развитию, но также осуществлять просветительскую деятельность (читать лекции в университете и писать учебники), заниматься научно-образовательной работой со своими учениками из студентов академического университета и готовить из них новое поколение ученых. К обязанностям студентов АН относилось «со всем прилежанием обучаться и академикам вспомогать» и преподавать в гимназии [Копелевич, 1977, с. 57–61]. Впоследствии формула, обязывавшая профессоров,

возглавлявших академические экспедиции и их подразделения, вести в ходе экспедиционной практики научно-образовательную работу со своими учениками и помощниками, воспитывая из них самостоятельных исследователей, была ретранслирована посредством генеральных инструкций АН путешествиям. Таким образом, в Проекте основания АН была сформулирована идея научной школы как формы организации научного сообщества, позволяющей в едином научно-педагогическом процессе решить исследовательские и образовательные задачи. Практическое воплощение данный концепт получил в интеллектуальных сообществах, образовавшихся как в стенах учреждений АН, так и во время названных выше академических экспедиций в Сибирь XVIII в., в ходе которых на базе экспедиционных отрядов сформировались исследовательские коллективы, отвечавшие критериям научных школ. Рассмотрим данный вопрос более подробно.

Основание научной школы связано с деятельностью интеллектуального лидера (лидеров),[3] объединяющего в коллектив способных кандидатов, задающего и транслирующего единые проблемное поле и познавательную парадигму через научно-исследовательскую программу, организующего работу своего окружения в благоприятной атмосфере научного сотворчества, позволяющей наиболее полно раскрыться талантам учеников. Руководителями изучаемых экспедиций, направленных АН в Сибирь для ее всестороннего исследования, являлись выдающиеся ученые и организаторы науки, заложившие основы и задавшие вектор развитию в России истории, этнографии, биологии, географии, астрономии, геодезии, картографии и другим дисциплинам, академики Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, Ж.-Н. Делиль и П.С. Паллас, которые были безусловными интеллектуальными лидерами и подтвердили свой статус во время путешествий.

Каждый из названных выше профессоров участвовал в формировании вспомогательного персонала своих экспедиционных групп, который составляли студенты, геодезисты, переводчики, художники и копиисты. Для всех академиков единственным критерием при выборе учеников и помощников были их способности и личные качества, а не национальная или религиозная принадлежность. Так, Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин перед отправлением в ВКЭ проводили дополнительные занятия по географии и натуральной истории и экзаменовали по данным дисциплинам 12 студентов, присланных из Московской славяно-греко-латинской академии в АН для участия в путешествии. По результатам обучения и проверки годными к ВКЭ были признаны студенты С.П. Крашенинников, А.П. Горланов, Ф.Н. Попов, В.А. Тре-

[3] О феномене лидерства в науке подробнее см.: [Алеврас, 2006].

тьяков, Л.И. Иванов и А.Л. Леонтьев, а А.М. Сташевского, Г.М. Абумова, П.А. Брызгалова, А.И. Полякова, П.Ю. Пагина и А.В. Власова, которые «явились к наукам непонятны...», было решено «определить при академии к разным художествам, кто к какому явится удобен» [Материалы для истории, 1886, с. 96–97, 219–220, 325–326; Dokumente, 2004, S. 179–181, 185–186, 216]. Вместо погибшего в январе 1733 г. А. Леонтьева в академический отряд ВКЭ (АО ВКЭ) по протекции Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина и Л. Делиля де ла Кройера в качестве переводчика был зачислен студент АН И.П. Яхонтов [Шипилов, 2017, с. 292]. Геодезисты А. Иванов, М. Ушаков и Н. Чекин прошли стажировку у Ж.-Н. Делиля в Императорской обсерватории АН по методике определения географических координат по астрономическим наблюдениям, по результатам которой были зачислены в состав АО ВКЭ. В академическую группу также был включен один из лучших учеников выдающегося астронома и географа Ж.-Н. Делиля геодезист А.Д. Красильников. При непосредственном участии и научном контроле Ж.-Н. Делиля был определен состав участников его путешествии в Березов в 1740 г.

Наиболее скрупулезно к выбору представителей вспомогательного персонала для своей экспедиции подошел П.С. Паллас. Успехи студентов университета АН В.Ф. Зуева и Н.П. Соколова в изучении географии, истории натуральной и социальной, физики, химии, а также хорошее владение латинским, немецким и французским языками не остались без внимания академика, который взял обоих «под свою команду».[4] Паллас, систематизируя зоологические коллекции Натурального кабинета в 1767–1768 гг., на личном опыте убедился в высокой квалификации работавших при Кунсткамере студента П. Шумского, хорошо знавшего натуральную историю, осваивавшего искусство изготовления и консервации чучел, и ученика Рисовальной палаты АН Н. Дмитриева, талантливого рисовальщика «трав и других натуральных вещей». Шумский и Дмитриев отлично справлялись с заданиями академика и в 1768 г. зачислены в состав его экспедиционного отряда в должностях чучельника (таксидермиста) и художника соответственно.[5]

Следует особо сказать о примере гендерной толерантности, проявленной П.С. Палласом в ходе путешествия. После кончины П. Шумского от цинги в 1771 г., Паллас приложил немало усилий, чтобы официально закрепить должность таксидермиста в отряде за вдовой Шумского Акулиной, которая, как рапортовал профессор в АН, как

[4] СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 308, л. 363–364; СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 403, л. 280.

[5] СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 309, л. 70–71; СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 537, л. 322; СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 539, л. 101 об.

во время цинготной болезни, так и после кончины супруга «чучела из попадающихся в Сибири примечательных зверей и птиц» для Натурального кабинета «искусно» изготавливала и была «большая в этом деле мастерица». Также профессор неоднократно подавал представления в АН о сохранении за А. Шумской годового оклада покойного мужа в 150 руб., что считал справедливым, поскольку она в полном объеме исполняла обязанности таксидермиста. В комиссии АН не были настроены на гендерную толерантность и назначили годовое жалование одной из первых в истории таксидермисток Шумской на 30 руб. меньше, чем у супруга [Научное наследие, 1993, с. 174, 179, 186].

Генеральные инструкции, обозначавшие основные направления научной работы экспедиций или их подразделений, и специальные руководства, детализировавшие положения первых применительно к конкретным поездкам представителей вспомогательного персонала, составленные Г.Ф. Миллером, И.Г. Гмелиным, Ж.-Н. Делилем и П.С. Палласом, являлись научно-исследовательскими программами по изучению географии, природы и населения Сибири, а в своей совокупности отражали общие экспедиционные программы всестороннего исследования региона. Эти документы обеспечивали трансляцию от профессоров к их ученикам и помощникам познавательной парадигмы классической науки и ее когнитивных средств по осуществлению географических, геодезических, астрономических, метеорологических, этнографических, биологических и других исследований.

Основными принципами классической науки [Степин, 2009] являются интенция к объективно-истинному знанию о действительности и междисциплинарный подход к исследованиям. Единая познавательная установка «классики» обуславливает ее эпистемологический унитаризм. Когнитивная ориентация на непосредственное изучение действительности определяла в качестве основных методов наблюдение, эксперимент, описание и графическое изображение [Колчинский, Сытин, Смагина, 2004, с. 4–6]. Стремление классической науки к объективному познанию реальности и исключению из него личностных факторов отразилось в сосуществовании двух разновидностей наблюдения — непосредственного и инструментального (обсервационного).

Следуя эпистемологическому тренду классической науки, Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин в своих инструкциях ориентировали представителей вспомогательного персонала на применение в полевых исследованиях метода наблюдения как исходного для получения эмпирических данных и фактов, вспомогательное значение имели опрос и сбор данных. Миллером при содействии Гмелина были раз-

работаны методики непосредственного наблюдения в этнографических и географических исследованиях.[6]

Наиболее эффективным способом сбора этнографических данных, согласно Миллеру, являлось включенное наблюдение, при котором исследователи на время вливались в повседневную жизнь этноса для всестороннего изучения и подробного описания компонентов его материальной и духовной культуры. Для получения правдивой информации наблюдатели, как считал профессор, не должны были обременять аборигенов и нарушать их привычный жизненный уклад, но стремиться расположить к себе туземцев, чтобы они искренно и безбоязненно ответили на интересующие исследователей вопросы, продемонстрировали свои повседневные и обрядово-культовые практики [Элерт, 1999, с. 225; Элерт, 2009, с. 210]. Метод сравнения, включая его историческую вариацию, определялся в инструкциях Миллера в качестве основного при камеральных этнографических исследованиях. В выполненных по данной методике работах С.П. Крашенинников, И.П. Яхонтов, А.П. Горланов, Г.В. Стеллер и другие участники экспедиции показали, что каждый сибирский этнос находился на разных ступенях цивилизационного развития и мог перемещаться по этой воображаемой лестнице. Таким образом они подвергли сомнению состоятельность дихотомии «варварство — цивилизация» и продемонстрировали необходимость разработки многоаспектной и многоуровневой оценочной парадигмы.

Схожая методика применялась в естественнонаучных исследованиях И.Г. Гмелина и в осуществленных под его руководством работах представителей вспомогательного персонала. В дополнение к этому Гмелин нацеливал своих учеников и помощников на применение в исследованиях по натуральной истории метода актуализма, согласно которому по современным геологическим процессам можно судить об аналогичных процессах в прошлом. Основным методологическим принципом профессора был деизм, которого, следуя своему руководителю, придерживался Крашенинников [Шипилов, 2019а].

П.С. Паллас ориентировал своих учеников и помощников на применение методов непосредственного наблюдения и опроса с приоритетом первого для получения эмпирических материалов. При их обработке и систематизации в рамках научных трудов широко использовался сравнительный метод, позволявший в этнографических работах выявить этногенетические, лингвистические и культурные связи между народами, а в естественнонаучных — проследить изменчивость флоры и фауны в зависимости от природно-климатических условий. Кроме того, студенты Соколов и Зуев для выявления при-

[6] О данных методиках подробнее см.: [Элерт, 1990, с. 55–65; Элерт, 2009, с. 210].

родных зон конкретной территории применяли метод физико-географического районирования, в основе которого также лежит сравнение. Более вариативной, чем у Гмелина, была естественнонаучная теоретико-методологическая база Палласа, с компонентами которой он знакомил своих помощников: научный трансформизм, креационизм, биологическое и геологическое преломление теории катастроф, а также идеи формирующегося эволюционизма [Шипилов, 2018].

В путевых описаниях и других географических работах, выполненных по познавательной модели Г.Ф. Миллера студентами С. Крашенинниковым, А. Горлановым и В. Третьяковым, переводчиком И. Яхонтовым, геодезистом А. Ивановым и другими представителями вспомогательного персонала, впервые на систематической основе был реализован на практике метод научного географического исследования, основанный на непосредственном наблюдении во время путешествий и скрупулезной фиксации его результатов, — «географическое описание» [Шипилов, 2016]. Этот метод является исходным этапом географического изучения определенной территории, которое продолжается инструментальными наблюдениями и систематизацией данных.

В многообразной научно-организационной деятельности Ж.-Н. Делиля выделяется разработка и внедрение в российскую науку методов практической астрономии, позволявших по результатам обсервационных наблюдений за небесными телами с высокой для исследуемого периода точностью определить географические координаты пунктов. Особое значение для географии и картографии имела его новаторская методика инструментального определения долгот. Широкую практическую апробацию она получила в ходе ВКЭ в исследованиях ученика Ж.-Н. Делиля геодезиста А.Д. Красильникова. Он, руководствуясь инструкциями Делиля «О выполнении астрономических, географических и физических наблюдений» и «О географических обсервациях» [Dokumente, 2004, S. 73–119] как научно-исследовательскими программами, определил более 30 широтных и 10 полных широтно-долготных пунктов: Томск, Киренский острог, Олекминский острог, Якутск, Юдомский крест, Охотск, Большерецкий острог, Петропавловская гавань (Петропавловск-Камчатский), Енисейск и Ямышевская крепость. Долготы были определены по многократным инструментальным наблюдениям затмений спутников Юпитера [Невская, 1957; Шибанов, 1958].

В ходе своей экспедиции в Березов в 1740 г. Ж.-Н. Делиль при активном содействии своего ученика и помощника студента Географического департамента АН Т. Кенигсфельса применял альтернативный метод определения долгот по инструментальным наблюдениям

за прямыми восхождениями Луны, измерению ее высот и фиксации времени ее прохождения через меридиан. Данная методика, используя которую путешественниками были получены точные координаты Березова, Самаровского яма (Ханты-Мансийска), Тобольска, описана Кенигсфельсом в дневнике [Материалы экспедиции, 2008, с. 232–233, 261, 278, 297–299].

Широты А. Красильниковым, А. Ивановым, П.Н. Скобельцыным, В. Шетиловым и другими геодезистами АО ВКЭ, работавшими по инструкциям Делиля, так и участниками его путешествия в Березов 1740 г., выявлялись по полуденным высотам Солнца, полученным с помощью квадранта.

Согласно географической концепции Ж.-Н. Делиля, астрономические наблюдения и геодезические съемки надлежало дополнять обстоятельными географическими описаниями местности. Такой комплекс материалов являлся, по мнению профессора, основой для точных карт и обобщающих географических трудов [Гнучева, 1946, с. 120–126]. Концепция Делиля была реализована участниками АО ВКЭ, а также Т. Кенигсфельсом, который во время экспедиции в Березов не только выполнил астрономо-геодезические исследования, но и составил географическое описание маршрута путешествия от Санкт-Петербурга до Березовского района Югры, проходившего по Среднему и Нижнему Приобью. В дополнение к этому, студент, как показывает анализ его путевого дневника [Материалы экспедиции, 2008, с. 213–334; Материалы сибирской экспедиции, 2016, с. 335–456], систематически вел метеорологические наблюдения, собирал сведения и составлял сообщения по этнографии и этнолингвистике сибирских татар, хантов, манси и ненцев, по естественной истории региона, иллюстрировал свои описания географическими, этнографическими и флоро-фаунистическими рисунками, изображениями оборудования для наблюдений за небесными объектами и иного инструментария. Таким образом, в экспедиционной научной работе Кенигсфельса нашел применение междисциплинарный подход, на который его и других своих учеников и помощников ориентировал Ж.-Н. Делиль.[7]

Междисциплинарные исследования по инструкциям Миллера и Гмелина выполнили Стеллер, Крашенинников, Яхонтов, Горланов и другие участники АО ВКЭ, а также Соколов, Зуев, Кашкарев и иные помощники Палласа, следуя его детальным руководствам [Шипилов, 2018; Шипилов, 2019]. Отметим, что Паллас в экспедиционной практике проповедовал не только универсализм, но и специализацию в научной работе представителей вспомогательного персонала по их

[7] О междисциплинарных взглядах Ж.-Н. Делиля см.: [Невская, 1984, с. 94].

индивидуальным склонностям и способностям. Так, студент Соколов в большей степени был ориентирован академиком на осуществление исследований по физической географии, геоморфологии и биологии сибирских местностей, поспособствовавших дисциплинарному обособлению этих направлений от естественной истории. Главным экспедиционным достижением Зуева стали этнографические описания, посвященные хантам, ненцам, кетам, энцам и нганасанам. Вместе с работами Палласа они обозначили новый этап в становлении этнографии как науки в России, которую постулировал Миллер [Шипилов, 2018, с. 119–120]. Опыты студента С. Кашкарева по культивированию растений, не известных в то время ботаникам, бадьяна в частности, которые он систематически проводил по заданиям Палласа в саду в Красноярске, были ценны не только для исследований академика, но и для российского растениеводства [Сытин, 2014, с. 95–96].

О создании П.С. Палласом в экспедиционном отряде коммуникативной «среды», способствовавшей формированию в ходе путешествия его научной школы нам уже приходилось писать [Шипилов, 2018]. Позитивные примеры научной коммуникации и кооперации имеют место и в материалах из наследия АО ВКЭ. В академической группе ВКЭ эффективно взаимодействовали ее руководители Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин. Одной из ярких иллюстраций научной кооперации профессоров являются их совместные детальные инструкции Крашенинникову и Стеллеру, отправлявшимся на Камчатку для ее всестороннего исследования в 1737 и 1739 гг. соответственно.[8] В этих документах автором историко-этнографического и основной части географического блоков являлся Миллер, а Гмелиным была разработана естественнонаучная компонента. Профессора привлекали к совместным с ними исследовательским практикам представителей вспомогательного персонала и ориентировали их на коммуницирование и взаимопомощь. Например, Миллер, Гмелин и Яхонтов, между которыми были распределены задачи и уровни этнографического исследования для получения более детальных и объективных сведений, совместно посетили и осуществили включенное наблюдение языческих обрядов во время якутского Ысыаха и бурятских праздников Кырык и Таилга [Шипилов, 2017, с. 296–299]. Результатом совместной работы профессоров Гмелина, Миллера, де ла Кройера и Третьякова, Крашенинникова, Красильникова, Горланова и других представителей вспомогательного персонала стало создание сети из 22 метеостанций в Сибири [Шипилов, 2019б]. По инструкциям Миллера и Гмелина совместные поездки и исследования были выполнены А. Ивановым и Крашенинниковым.

[8] РГАДА, ф. 199, портф. 527, д. 7, л. 1–19; РГАДА, ф. 199, портф. 527, д. 6, л. 1–22.

Миллер и Гмелин, а также Стеллер заботились, чтобы их помощники не испытывали нужды в провианте, исправно получали жалование и дополнительное вознаграждение за успешно выполненную работу.

Как отмечает Н.И. Невская, Ж.-Н. Делиль наряду с высочайшей эрудицией обладал качествами хорошего педагога и научного руководителя: не показывал своего превосходства и проявлял терпимость к ученикам, помогал им и, способствуя научному росту, постепенно привлекал к самостоятельной исследовательской деятельности, создавал атмосферу свободного научного диалога и сотворчества, не оставляя без внимания недобросовестности [Невская, 1984, с. 29]. Эти качества в полной мере были проявлены академиком и в ходе его путешествия в Березов, о чем свидетельствует главный источник по истории данной экспедиции — дневник Т. Кенигсфельса [Материалы экспедиции, 2008, с. 213–334; Материалы сибирской экспедиции, 2016, с. 335–456].

Одним из критериев научных школ является признание такого коллектива со стороны научного сообщества [Идеи и люди, 2014, с. 23–24]. А.Д. Красильникова идентифицировали с научной школой Ж.-Н. Делиля Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, М.В. Ломоносов и другие ученые [Ломоносов, 1955, с. 364; Невская, 1984, с. 79]. После ВКЭ Красильников продолжал осуществлять качественные астрономические наблюдения, способствовавшие составлению более точных карт Сибири и других регионов Российской империи. Кроме того, он реализовал себя и как педагог практической астрономии, знакомя с ее основами и методикой Ж.-Н. Делиля учащихся Морской академии и Географического департамента АН, подготовив собственного ученика и продолжателя школы Делиля Н.Г. Курганова [Денисов, 1961].

Представителем «Гмелиновской школы» С.П. Крашенинникова считал другой ученик И.Г. Гмелина выдающийся ботаник И.Г. Кельрейтер. Схожего мнения придерживались Г.В. Стеллер и М.В. Ломоносов [Белковец, 1990, с. 92]. На наш взгляд, это мнение справедливо лишь отчасти. Научная карьера Крашенинникова, который после ВКЭ стал в 1745 г. адъюнктом и в 1750 г. академиком по классу Натуральной истории и ботаники, позволяет его считать представителем научной школы И.Г. Гмелина «де-юре». Исследователи в рамках антропологической и неоклассической моделей исторической науки показали, что научные школы являются открытыми сообществами, которым может быть присуща вариабельность теоретико-методологических ориентаций и парадигм, допустимо взаимное пересечение границ коллективов и, как следствие, пребывание тех или иных ученых в двух-трех школах сразу и мягкость миграции между ними

[Идеи и люди, 2014, с. 24]. В данном контексте, учитывая значительную роль Г.Ф. Миллера в становлении С.П. Крашенинникова в ходе ВКЭ как профессионального ученого и исследователя-универсала, справедливо говорить, что де-факто Крашенинников — воспитанник научной школы обоих профессоров — Гмелина и Миллера.

Сам Крашенинников оказал влияние на формирование междисциплинарных научных интересов натуралиста и участника физических экспедиций 1768–1774 гг. академика И.И. Лепехина [Фрадкин, 1953, с. 9–10; Лукина, 1965, с. 9, 127], включавших естественную историю, географию, этнографию, лингвистику. Кроме того, учеником Крашенинникова являлся ботаник-систематик, переводчик-терминолог, первый русский доктор медицины и один из организаторов медицинского образования в России на национальном языке К.И. Щепин [Куприянов, 1956].

После завершения экспедиции под руководством П.С. Палласа участвовавшие в ней студенты С.М. Кашкарев И. Быков, М. Лебедев и А. Вальтер, будут соотносить себя и ассоциироваться учеными как представители школы академика. Но в реальности дело П.С. Палласа продолжат его лучшие ученики В.Ф. Зуев и Н.П. Соколов, которые при поддержке и протекции своего научного руководителя станут академиками по натуральной истории и химии и обеспечат смену поколений в научной школе. Ученик В.Ф. Зуева натуралист А.М. Теряев будет представлять третье поколение школы П.С. Палласа [Шипилов, 2019а].

Комплексный анализ материалов и трудов из наследия ВКЭ, академических путешествий под руководством Ж.-Н. Делиля и П.С. Палласа показывает, что состав и работа экспедиционных отрядов коррелируют с основными критериями «научных школ»: наличие интеллектуального лидера; общие научно-исследовательская программа и познавательная парадигма; осуществление взаимосвязанных исследовательской и педагогической функций; эффективные научные кооперация и коммуникация между членами сообщества и его саморазвитие; коллективная профессиональная идентичность лидера и представителей научной школы, а также соответствующее отношение к ним извне; минимальный цикл (два-три поколения), позволяющий фиксировать существование школы; решение актуальных научных проблем и получение значимых результатов.[9]

Общий вектор и исторический контекст становления научных школ в России были заданы организацией в 1724 г. АН. Академическая система взаимоотношений и взаимных обязательств про-

[9] О критериях с подробной науковедческой библиографией см.: [Шипилов, 2018, с. 111–112].

фессоров с их персональными учениками-студентами АН была экстраполирована посредством инструкций в экспедиционную как руководитель — представитель вспомогательного персонала. Антропологическим фактором, обеспечившим формирование научного сообщества схоларного типа на базе отрядов академических экспедиций, исследованных в статье, стало руководство ими выдающихся ученых академиков Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Ж.-Н. Делиля, П.С. Палласа, которые проявили себя как первоклассные исследователи и педагоги. Праксеологический контекст формирования научных школ в ходе и по результатам академических экспедиций нашел свое отражение в совместной экспедиционной практике профессоров, осуществлявших научно-образовательную работу со своими подопечными, и их учеников и помощников. Из наиболее талантливых и способных представителей вспомогательного персонала профессорами были подготовлены новые представители российского научного сообщества С.П. Крашенинников, А.Д. Красильников, В.Ф. Зуев, Н.П. Соколов, которые затем воспитают собственных учеников, обеспечивших развитие науки и минимальный цикл существования научной школы.

Исследование показывает, что одним из основных результатов академическим экспедиций XVIII в. в Сибирь является формирование научных школ в России, которые являлись инновационным элементом в первой половине столетия и стали компонентом российской интеллектуальной традиции — во второй.

Список литературы

Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX — начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Челябинск, 2006. С. 117–126.

Белковец Л.П. Иоганн Георг Гмелин: 1709–1755. М., 1990. 144 с.

Бурганова Л.А. Научное сообщество: Объективная versus субъективная реальность? // Социальное конструирование реальности: Опыт социологических исследований. Казань, 2010. С. 19–34.

Ведущие научные школы России. Вып. 1. М., 1998. 622 с.

Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946. 446 с.

Дежина И.Г., Киселева В.В. Тенденции развития научных школ в современной России. М., 2009. 164 с.

Денисов А.П. Н.Г. Курганов — выдающийся русский ученый и просветитель XVIII в. Л., 1961. 180 с.

Зверева Г.И. Обращаясь к себе: Самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. Вып. 1. 1999. С. 250–265.

Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: Основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. Вып. 44. 2013. С. 165–185.

Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в Новое время. М., 2014. 846 с.

Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России: Очерки развития естествознания в России в XVIII веке. СПб., 2004. 242 с.

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. 211 с.

Куприянов В.В. С.П. Крашенинников и его ученик К.И. Щепин // Ботанический журнал. 1956. Т. 41. № 4. С. 592–596.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1955. 831 с.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования: Концептуальная интерпретация когнитивных практик. Saarbrücken, 2010. 304 с.

Лубский А.В. Повороты методологические в историческом познании // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М., 2014. С. 386–388.

Лукина Т.А. Иван Иванович Лепехин. М.; Л., 1965. 205 с.

Невская Н.И. Первый русский астроном А.Д. Красильников // Историко-астрономические исследования. Вып. 3. М., 1957. С. 453–484.

Невская Н.И. Петербургская астрономическая школа XVIII в. Л., 1984. 238 с.

Репина Л.П. Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: Проблемы методологии // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М., 2007. С. 89–92.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.

Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. 320 с.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: Критерии различения // Постнеклассика: Философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 249–295.

Сытин А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. М., 2014. 456 с.

Фрадкин Н.Г. Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768–1773 гг. М., 1953. 224 с.

Шибанов Ф.А. Пионер русской полевой астрономии А.Д. Красильников // Ученые записки ЛГУ. Сер. Географических наук. 1958. № 226. Вып. 12. С. 12–74.

Шипилов И.А. Инструкции Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина для участников академического отряда Второй Камчатской экспедиции как научно-исследовательские программы // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019а. С. 92–116.

Шипилов И.А. История экспедиции академика П.С. Палласа в Сибирь: Аспект оформления научной школы // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 110–128.

Шипилов И.А. К истории метеорологических наблюдений в Сибири: Материалы вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции // Исторический курьер. 2019б. № 2 (4). Статья 10. URL: http://istkurier.ru/ data/2019/ ISTKURIER-2019-2-10.pdf

Шипилов И.А. Переводчик Второй Камчатской экспедиции И.П. Яхонтов как исследователь Сибири // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 291–300.

Шипилов И.А. Путевые описания вспомогательного персонала Второй Камчатской экспедиции как источник по истории изучения Сибири // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 120–141.

Школы в науке. М., 1977. 523 с.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. 240 с.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. 247 с.

Элерт А.Х. Языческие обряды аборигенов Сибири в описаниях участников Второй Камчатской экспедиции // Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 209–226.

Список опубликованных источников

Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1886. 886 с.

Материалы сибирской экспедиции академика Ж.-Н. Делиля в 1740 г.: Документы из архивохранилищ России и Франции. Т. 2. СПб., 2016. 784 с.

Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г.: Дневник Т. Кенигсфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. Т. 1. СПб., 2008. 544 с.

Научное наследие П.С. Палласа. Письма: 1768–1771. СПб., 1993. 248 с.

Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition 1730–1733: Akademiegruppe. Halle, 2004. 960 S.

УДК 930.22+94(47).06(093)

А.В. Дмитриев
Новосибирский государственный университет

Документация Военной коллегии как специальная система делопроизводства в России XVIII в.: Особенности содержания и приемы изучения

С начала XVIII в. среди документальных источников отмечается появление нескольких специальных систем делопроизводства, характеризующихся особыми разновидностями документов, использовавшимися только в отдельных сферах государственной деятельности. К ним относится, в частности, и канцелярское делопроизводство военного ведомства Российской империи — Военной коллегии. В статье рассматриваются комплексы формулярных списков и судебно-следственных дел военнослужащих регулярной армии, особенности их составления и содержания. Также проанализирован потенциал этих источников для изучения некоторых проблем социальной истории России в XVIII в.

Ключевые слова: делопроизводство, специальные системы, Военная коллегия, формулярные списки, судебно-следственные дела, XVIII век.

Понятие «специальные системы делопроизводства» известно уже давно и активно используется специалистами в источниковедческих исследованиях. Однако непосредственному изучению тех или иных специальных систем делопроизводства далеко не всегда уделяется достаточное внимание. В качестве примеров сошлемся на соответствующие разделы вузовских учебников по источниковедению. Так, у А.Г. Голикова это понятие не встречается вовсе, поскольку он подразделяет делопроизводственные источники лишь на общую и специальную документацию: «Общая документация обеспечивала отношение учреждения с вышестоящими органами власти, равными себе и нижестоящими учреждениями... Специальная документация отражала результат специфической деятельности каждого государственного учреждения» [Голиков, Круглова, 2012, с. 116]. Другие авторы (И. Н. Данилевский, М. Ф. Румянцева, А. В. Сиренов) используют это понятие, называя среди специальных систем делопроизводства судебно-следственную, военную и дипломатическую, но при этом дают характеристику лишь первой [Источниковедение, 1998, с. 398–399; Источниковедение, 2015, с. 284–285], либо первой и последней [Источниковедение, 2018, с. 271–274]. Военное же делопроизводство странным образом остается вне поля зрения всех перечисленных исследователей.

© Дмитриев А.В., 2020

Предметом нашего интереса является канцелярское делопроизводство военного ведомства Российской империи XVIII в. — Военной коллегии. Оно включает целый ряд специфических разновидностей документов: формулярные (послужные и смотровые) списки, табели и ведомости, судебно-следственные дела, персональные паспорта, аттестаты, патенты. В данном случае нам хотелось бы остановиться на формулярных списках и судебно-следственных делах с точки зрения особенностей их составления и содержания, а также эвристического потенциала этих источников. При этом мы можем опираться на соответствующие источниковедческие наработки К.В. Татарникова, изложенные во вводных статьях к опубликованным им справочникам [Татарников, 2013; Татарников, 2020], однако вместе с тем уделим внимание ряду моментов, о которых последний не упоминает.

Информационная составляющая формулярных списков включает две разновидности данных: относящиеся непосредственно к военной службе офицеров и рядовых регулярной армии России XVIII в., а также связанные с социальным положением военнослужащих. Среди первых назовем сведения о продвижении по служебной лестнице, чинопроизводстве и наградах, участии в военных кампаниях, нахождении под следствием и судом («в фергере и кригсрехте»). Вторые содержат информацию о социальном происхождении, материальном благосостоянии, возрасте, семейном положении, уровне образования лиц, несших военную службу. Казалось бы, на основе всех этих данных вполне возможно составить полный «социальный портрет» хотя бы офицерского корпуса российской армии указанного периода. Однако в ходе работы с этими источниками исследователям приходится сталкиваться с рядом затруднений, прежде всего в силу тех изменений, которые претерпевал сам формуляр этих документов.

Как уже отметил К.В. Татарников, смотровые и послужные списки за вторую четверть XVIII в. содержат лишь указания о дате получения нынешнего чина («в нынешних настоящих чинах с которых кто годов»), что не дает возможности проследить карьеру того или иного офицера со времени поступления на службу. Только с 1756 г. в послужных списках офицеров появились данные о прохождении чинов за все время службы [Татарников, 2013, с. 4, 9]. Следовательно, мы можем более или менее уверенно определять на основании эмпирических данных действительные сроки чинопроизводства в русской армии лишь за период второй половины столетия. Аналогичная ситуация и со сведениями об участии в боевых походах и «делах против неприятеля» — они также появились в списках с 1756 г. Таким образом, доступная исследователю информация о чинопроизводстве и боевых заслугах личного состава регулярной армии России за первую

половину XVIII в. неизбежно оказывается фрагментарной и весьма неполной.

Данные о возрасте, происхождении (включая сведения о земле- и душевладении для дворян), образовании приводились в формулярных списках на всем протяжении XVIII в., однако и здесь мы обнаруживаем как минимум одну существенную лакуну. Графа, свидетельствовавшая о наличии у военнослужащего жены и детей, использовалась до 1793 г. только для рядовых, а для офицеров — лишь в смотровых списках в период с 1731 по 1756 г. В последних при этом содержалась оговорка «кроме шляхтичей», т.е. предписывалось отмечать, «кто женаты, и сколко имеют детей мужеска полу, и в каковы лета, и где живут» [Татарников, 2013, с. 9, 12], только для лиц, происходивших из непривилегированных социальных групп. Это опять-таки лишает историка возможности проследить семейные истории офицеров-дворян, а с учетом того, что доля представителей «благородного шляхетства» в составе офицерского корпуса русской армии нарастала в течение всего столетия, заметно ограничивает потенциал этих источников для проведения биографических (просопографических) исследований.

При этом даже сохранившиеся в источниках данные в некоторых случаях оказываются неполными или противоречат друг другу, в особенности это касается происхождения некоторых лиц. Капитан Якутского гарнизонного пехотного полка Тимофей Маремьянинов, сведения о котором содержатся во всех пяти сохранившихся смотровых списках полка за 1730–1740-е гг., на протяжении 1730-х гг. показан выходцем «из конных казачьих детей города Тобольска», а в 1743 и 1748 гг. уже числился происходившим «из рейтарских детей города Тобольска».[1] Можно только предположить, что его отец в свое время служил в рейтарском полку «иноземного строя», сформированном и дислоцированном в Тобольском уезде в 1660-х гг. (сам капитан Маремьянинов родился в 1671 г., так что к середине XVIII в. был уже в очень преклонном возрасте), однако остается загадкой, зачем ему понадобилось вспоминать о службе в рейтарах его отца? Тобольский полицмейстер Михаил Окуньков, довольно известная фигура среди армейских офицеров в Западной Сибири второй четверти XVIII в., большую часть своей жизни указывал, что происходил из тобольских казачьих детей, а в 1748 г., будучи уже подполковником и командиром Новоучрежденного гарнизонного пехотного батальона, вдруг представил себя выходцем «из шляхетства, из пятидесятниче-

[1] РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 36, л. 143 об., 144; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 41а, л. 71 об., 72; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 163, л. 87 об., 88; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 251, л. 29 об., 30; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 321, л. 38 об., 39.

ских детей города Тобольска».[2] Поскольку ему самому на тот момент уже исполнилось 52 года, невозможно предположить, чтобы его отец (даже если он был еще жив, что сомнительно) вдруг приобрел бы дворянское достоинство — чин казачьего пятидесятника не давал для этого никаких оснований. Также нам известны несколько случаев за первую половину XVIII в., когда унтер-офицеры, взятые на военную службу из крестьянских семей в ходе рекрутских наборов, в дальнейшем начинали именовать себя казачьими детьми. Все это заставляет нас подходить с известной осторожностью к решению вопроса о социальном происхождении военнослужащих регулярной армии империи в XVIII в. на основании лишь тех данных, которые содержатся в их формулярных списках.

Сведения о материальном положении (прежде всего, о числе крепостных душ) офицеров-дворян в некоторых случаях также варьируются, причем могли меняться как численность, так и владельческая принадлежность «крещеной собственности». Так, Иван Захарьин (из костромских дворян), служивший сначала унтер-офицером в Вологодском полевом драгунском полку, а затем ставший прапорщиком 2-го Селенгинского гарнизонного пехотного батальона, показывал в 1755 г. 12 душ крепостных мужского пола за своим отцом, а в 1772 г. уже сам числил себя их владельцем.[3] Очевидно, он просто стал единственным наследником имения. Хотя чаще мы обнаруживаем, что потомку доставалось не все из того, чем обладали его родители. Например, поручик Бийского гарнизонного пехотного линейного пограничного батальона Михаил Щетнев в 1784 г. владел 25 душами в Ярославской губернии, хотя еще в 1772 г. за его отцом числилось там же в 2,5 раза больше — 62 души.[4] Можно предполагать, что имение отца после смерти оказалось разделено между несколькими наследниками, поскольку с отменой еще в 1730 г. петровского указа о единонаследии процесс дробления дворянской собственности в империи стал неуклонно нарастать.

Впрочем, динамика этих цифр могла быть и обратной. У поручика Семена Ергольского, служившего в Вологодском полку, в 1748 г. в Мещерском уезде отец имел только 75 душ, а всего через четыре года, в 1752 г., сам поручик уже показывал себя владельцем 314 душ.[5]

---

[2] РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 22, л. 101 об., 102, 173 об., 174; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 163, л. 1 об., 2; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 246, л. 2 об., 3; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 302, л. 1 об., 2.

[3] РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 393, л. 28 об., 29; РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 325, л. 224 об., 225.

[4] РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 324, л. 543 об., 544; РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 494, л. 374 об., 375.

[5] РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 314, л. 102 об., 103; РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 393, л. 111 об., 112.

Каким образом, находясь на военной службе в Сибири, можно было так увеличить свое материальное благосостояние? Вряд ли у обычного обер-офицера могли найтись такие денежные средства, чтобы самому купить более двух сотен крепостных. Гипотетически можно предположить вариант с удачной женитьбой и получением значительного приданого, однако верится в это с трудом. В подобных случаях данные источников, как видим, могут и вовсе не поддаваться интерпретации. Наконец, кое-кто из армейских офицеров вообще не могли назвать точные цифры относительно душевладения, поскольку много лет не появлялись в своих имениях. Тульский дворянин Андреян Карпов, дослужившийся в сибирских гарнизонных полках до чина премьер-майора, в 1742 г. утверждал, что не знает, сколько у него душ крепостных, поскольку «со взятия в службу в доме не бывал» (а продолжалась его военная карьера уже четверть века, с 1717 г.).[6] Аналогичным образом капитан Вологодского полка Василий Новосильцев показывал, что его отец владеет имениями в Коломенском и Владимирском уездах, но точного числа душ он не знает: «Мужескаго полу душ за ним не имеетца, а имеетца за отцем ево, а сколко, он неизвестен».[7] Таким образом, и в этом вопросе исследователи могут сталкиваться с пробелами в массиве данных.

Зато имеют значительную ценность содержащиеся в формулярных списках данные о пребывании военнослужащих под следствием и судом. Поскольку сохранность самих судебно-следственных дел, мягко говоря, не очень велика, да и сильно варьирует по отдельным частям имперской регулярной армии на всем протяжении XVIII в., то основным источником сведений о правонарушениях и преступлениях, совершавшихся военными чинами, становятся для исследователя именно формулярные списки. Необходимо заметить, что по фактам многих правонарушений велось следствие и выносились приговоры либо самими кригсрехтами (военными судами) тех воинских частей, где служили провинившиеся, либо эти приговоры «конфирмовались» (т.е. утверждались) не генерал-аудитором Военной коллегии, а местными губернаторами как высшей инстанцией (это относилось, в частности, к гарнизонным войскам).

Вот как выглядят подобные записи, например, в формулярном списке поручика Петропавловского гарнизонного пехотного линейного пограничного батальона Осипа Бобкова за 1784 г.: «12 марта 771 по конфермации господина генерал-порутчика, лейб-гвардии пример-маиора, табольскова губернатора и ковалера Чичерина за удар прапорщика Грачева рукою в лицо написан был на два месяца

[6] РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 210, л. 1 об., 2.

[7] РГВИА, ф. 490, оп. 1, д. 314, л. 72 об., 73.

в салдаты, по прошествии коего тот чин отдан; 4 июня 774 по содержанному фергеру и кригсрехту и по воспоследовавшей от вышеписаннаго ж господина генерал-порутчика и ковалера конфермации за пьянство и за утрату на роздачу в команде ево бывшим рекрутам казенных денег 46 рублев 85 копеек написан был до выслуги в салдаты, и те деньги велено вычетом из ево жалованья возвратить; 20 сентября 776 годов по ордеру тово ж господина генерал-порутчика тот порутчичей чин ему отдан и утраченные ими деньги с нево, Бобкова, из заслуживаемаго им денежнаго жалованья все вычтены и в подлежащую сумму отосланы».[8] Во всех трех случаях последней инстанцией, где утверждались решения военного суда, выступал тобольский губернатор Д.И. Чичерин, а не Военная коллегия.

Что же касается судебно-следственных дел, доходивших до генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии, то их формуляр и содержание мало чем отличались от аналогичных документальных комплексов, возникавших в сферах гражданского судопроизводства: в них мы находим протоколы допросов обвиняемых; составленные на их основе экстракты, рассматривавшиеся судом; приговоры («сентенции») военных судов. Однако мы все-таки считаем нужным отметить свойственные им некоторые особенности. Во-первых, персональный состав лиц из числа офицеров той воинской части, где организовывался кригсрехт, мог меняться от случая к случаю: для каждого дела командир части избирал президента (презуса) из штаб-офицеров и нескольких заседателей (асессоров) из числа обер-офицеров, включая также аудитора. У подсудимых предварительно выясняли, не считают ли они себя вправе дать отвод кому-либо из судей вследствие личной неприязни или каких-то иных причин: «О подозрении судейском спрашиваны, не имеют ли они из вышеписанных присудствующих и аудитора кого себе подозрительна, на что они ответствовали, что де из вышеписанных судящих подозрителна себе никого не имеют и при суде ими доволны быть имеют, в чем и подписались».[9] В имперских органах гражданского судопроизводства подобные процедуры, разумеется, не предусматривались.

Во-вторых, следует обязательно проверять, на какие именно законодательные нормы и юридические акты ссылались судьи в выносимых сентенциях, чтобы установить, правильно ли применялись в каждом случае действующие законы. При этом могли использоваться не только Соборное уложение и Артикул Воинский, но и ряд других актов. В частности, в 1766 г. в приговоре поручикам Селенгинского полевого пехотного полка Аверкию Дурнову и Ивану Попову были

[8] РГВИА, ф. 490, оп. 5, д. 494, л. 380 об., 381.

[9] См., например: РГВИА, ф. 8, оп. 1, д. 1274, л. 44 об.

указаны также статьи Морского устава и Генерального регламента: «Порутчиков Дурнова в силе военного уставу главы сорок девятой пунктов 5, 9 и 10, воинских артикулов 28, 35 с толкованием, 142, 151 и 153, морскаго уставу книги пятой главы третьей на десять артикулу 101 написать в рядовые на месец; Попова, как он во всем вышеписанном ево преступлении, пред судом принеся повинную, сам собою признался, и в разсуждении сего по примеру Соборного уложенья десятой главы 259 статьи и по сему толко приличеству, што напоследок сам повинную принес, и потому одинакому в том наказанию подлежателен, в силу воинских артикулов 28 и 35 с толкованием и генералного регламента пятидесятой главы, лиша всех чинов, написать в рядовые вечно».[10]

Наконец, необходимо прослеживать и то, как менялись выносимые судами первой инстанции наказания, поскольку на каждый приговор сначала составлял свое «мнение» представитель командующего генералитета, в чьем ведении находилась та или иная воинская часть, а затем приговор вместе с его мнением поступал на утверждение к генерал-аудитору Военной коллегии. Оба эти лица могли изменять приговоры кригсрехтов, формулируя для этого соответствующие обоснования. Хотя в военных судах империи в XVIII в. не действовали процедуры апелляции, характерные для гражданского судопроизводства, такой механизм корректировки степени тяжести наказаний отчасти заменял их.

Таким образом, рассмотренные нами разновидности документации, использовавшиеся в рамках специальной системы военного делопроизводства, могут быть квалифицированы как специфические документальные источники, с одной стороны, дающие возможность изучения на их основе целого ряда проблем не только военной, но и социальной истории России данного периода, с привлечением также историко-юридической проблематики. С другой стороны, свойственные им особенности составления и содержания накладывают определенные ограничения на исследователей, использующих такие источники в своих работах. Неполнота и противоречивость данных обусловливают необходимость перекрестной проверки фактического материала, а в случаях, когда последняя оказывается невозможной, неизбежно придают выводам историков некоторую гипотетичность. Тем не менее, эти источники обладают достаточно высоким эвристическим потенциалом, в чем можно убедиться из приведенных выше примеров их использования.

[10] РГВИА, ф. 8, оп. 4, д. 411, л. 424 об.

Список литературы

Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2012. 460 с.

Источниковедение / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. 685 с.

Источниковедение / Под ред. А.В. Сиренова. М., 2018. 395 с.

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. 702 с.

Татарников К.В. Предисловие // «Известно и ведомо да будет каждому...»: Книги записи патентов, выданных Военной коллегией в 1723–1796 гг. Т. 1. М., 2020. С. 3–17.

Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА: Межфондовый указатель. Т. 1. М., 2013. С. 3–42.

УДК 94(470)

О.К. Ермакова
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Контракты с иностранными специалистами в России XVIII — первой половины XIX в.: Источниковедение акта

В статье исследуется эволюция формуляра и содержания контрактов с иностранными специалистами в России XVIII — первой половины XIX в. Прослеживается, каким образом менялась внутренняя форма акта, какие структурные элементы «условного формуляра» развивались, а какие постепенно утрачивали свое значение. Выявлен круг основных содержательных акцентов договоров, а также охарактеризован процесс расширения и детализации смыслового наполнения контрактов в длительной динамике полуторавекового развития. Показано, что на протяжении исследуемого периода контракт существенно утвердился как гарант прав и привилегий иностранца в России и способствовал укреплению социально-правового статуса иностранных специалистов.

Ключевые слова: контракт, договор, иностранцы в России, дипломатика, история договорного права.

Контракт с зарубежным специалистом как форма двустороннего соглашения между Российским государством и частным лицом — иностранным подданным, представляет собой многоаспектный источник, эволюция которого в длительной временнóй динамике отражает не только этапы развития данного вида документа (его формуляра и содержания), но и знаковые трансформации договорного права, социальных взаимодействий определенного типа, отношения государства к личности иностранца. Совокупность документов, объединяемых термином «контракт», имеет неоднородный состав. Зачастую, когда речь идет о «специалистах, заключивших контракты», как в литературе, так и в источниках, имеются в виду иностранцы, принятые на службу временно, на определенный срок, и не утратившие статуса подданных иного государства. Однако, с источниковедческой точки зрения, мы не всегда имеем дело с документами, которые можно считать полноценными *контрактами*, да и вообще, *актами*. Конечно, это утверждение относится в большей степени к начальному этапу массового контрактования иностранцев на русскую службу в эпоху Петра I, а, например, к первой половине XIX в. уже совсем не применимо.

В первой четверти XVIII в. формуляр русского контракта проходил стадию становления и характеризовался недостаточной разработанностью. В этот период договорные отношения фиксировались

© Ермакова О.К., 2020

посредством нескольких разновидностей документов: капитуляций, договорных писем, договорных статей, трактатов, договоров, контрактов. Договорные письма, как правило, составлялись от имени российской стороны (в лице дипломатических представителей или других посредников, занимавшихся вербовкой),[1] а капитуляции исходили от иноземцев (обычно текст строился от первого лица, как обязательство иностранца принять на себя определенные должностные функции).[2] «Договорными статьями» именуются в источниках структурные элементы контрактов / договоров, а также данное словосочетание используется в качестве наименования самостоятельных документов, формуляр которых, с одной стороны, схож с капитуляциями (так как исходит от иностранца: «Статьи на которых аз Царского величества с почтенным послом здесь в Копенгагене, договорился, сие суть...»,[3] и подписан лишь одним контрагентом), но с другой — содержит явное указание на взаимные обязательства и характер отношений, характеризуемых как *договорные*. Контракты / трактаты / договоры имели очевидные черты соглашения двух или более участников (в случае, когда нанималась группа иностранцев одновременно), со взаимными правами и обязательствами сторон.[4]

На протяжении длительного полуторавекового развития контракта можно наблюдать, как менялся состав структурных элементов его формуляра. Так, отсылающий к традиции средневековых актов элемент invocatio («Богословие»)[5] практически уходит из употребления к 1720-м гг., а в договорах Екатерининской эпохи (а равно и более поздних) уже едва ли можно встретить такой элемент, как notificatio («публичное объявление»). Зато в первой четверти XIX в. очевидно развитие элемента sanctio («запрещение нарушения документа»

---

[1] Например: «Аз Андрей Петрович Измайлов, царского величества чрезвычайный посол, у королевского величества дацкого, объявляю сим, что нанял я Стевена Лоубабира, граженина и ножного мастера в Копенгагене в службу вышепомянутого царского величества на четыре года» (Перевод договорного письма российского посла в Копенгагене А.П. Измайлова, составленного 26 апреля 1703 г. при найме на русскую службу мастера С. Лоубабира. РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1703 г., д. 12, л. 3 об.).

[2] «Понеже его царское величество всемилостивейше в службу свою меня Филипа Христофора Бекера его цесарского величества дворового манетного мастера из Вены на год принять изволил манетное дело по немецки заводить и манетные стемпелы резать, сего ради капитуляцыю в последующих статьях учинил...» (Перевод капитуляции монетного мастера Ф. Бекера, 1710 г. РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1710 г., д. 7, л. 1).

[3] Фрагмент «договорных статей» пушечного дела мастера Нилса Стейсона Геннинта, составленных 5 июля 1703 г. на основе договоренностей с российским послом в Копенгагене А.П. Измайловым. РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1703 г., д. 20, л. 2–2 об.

[4] РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1702 г., д. 30, л. 1–1 об.

[5] Подробнее об особенностях и развитии элемента invocatio в западноевропейских актах см.: [Tessier, 1966, p. 42–43].

[Каштанов, 1988, с. 170]), предполагающего теперь не только обязательство ненарушения контракта (что было характерно для XVIII в.), но и конкретные штрафные меры и санкции за несоблюдение условий (правда, лишь со стороны иностранца). Как правило, речь шла о праве российской стороны признать иноземца «неспособным к исполнению возложенных обязанностей» и преждевременно расторгнуть контракт.[6] Надо заметить, что такая «предупредительность» во многом объяснялась контекстом эпохи. Думается, что контракты времен Петра I могли расторгаться без заблаговременного уведомления иностранца, исходя из потребностей и настроений российских администраторов, а тем более — по воле монарха, несмотря на условия действовавших договоров.

Содержательной основой текстов контрактов служили нормативные акты различных ведомств (к которым по роду службы относились иностранцы), западноевропейские образцы схожих по смыслу документов (не всегда это были именно контракты, но разного рода грамоты, дипломы и свидетельства), а также общее законодательство об иноземцах. Так, в первой половине XVIII в. некоторые положения Морского устава оказались распространены не только на офицеров во флоте, но и на иностранцев вообще, в частности, на технических специалистов. Ссылки на «морской регламент»[7] встречаются в источниках, когда речь заходит о содержании иноземцев, по возрасту и состоянию здоровья не способных к исполнению обязанностей, а также в отношении вдов и сирот, которым, согласно Морскому уставу, полагалось выплачивать часть жалованья иноземца [Книга, 1778, с. 131]. Однако изначально такие условия не входили непосредственно в текст контракта. Подобного рода пункты появляются в договорах позднее, и в XIX в. уже являются его неотъемлемой частью.[8]

Правило денежного обеспечения отъезда иностранных специалистов из России тоже устанавливалось по аналогии с нормами, действовавшими в отношении морских офицеров из иностранцев: обер- и унтер-офицерам из иноземцев, получившим абшиды (увольнение), следовало выдавать жалованье на проезд, «хотя и в контрактах их не написано, на два месяца по их окладам».[9] В XIX в. данный вопрос уже регулировался специальными пунктами контрактов, в ряде из которых прописывались конкретные суммы выплат. Например, согласно договору с британским механиком Р. Джаксоном 1846 г., российское

---

[6] ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347, л. 7 об.; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 742, л. 4–8 об.

[7] ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1253, л. 1а; РГАДА, ф. 271, оп. 1, кн. 68, л. 123 об.

[8] ГАСО, ф. 43, оп. 1, д. 8, л. 61–63; ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 2–10; РГИА, ф. 37, оп. 11, д. 64, л. 121 об.; ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 14 об.

[9] РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 169, л. 42.

правительство обязывалось выплатить 300 фунтов стерлингов на проезд иностранца с семейством в Лондон и на провоз имущества.[10]

Широкомасштабная иммиграция иностранных колонистов в Россию в эпоху Екатерины II ознаменовала начало качественно нового этапа в контрактовании иноземцев. Договоры становятся более развернутыми, расширяется и круг контрагентов. К ним добавляются, например, так называемые «вызыватели» — частные рекрутеры,[11] нанятые для вербовки потенциальных переселенцев, и в то же время, сами получавшие широкие права и полномочия в качестве администраторов создаваемых колоний.[12] Изменения претерпевает и формуляр контракта. Так, появляются договоры, в которых контрагентом с российской стороны выступает не конкретный человек — представитель властных структур (полномочный министр, посланник и т.п.), а специальное ведомство — Канцелярия опекунства иностранных. Кроме того, появляются юридические ссылки на основание заключения договора. К примеру, в преамбуле контракта с французом Антуаном Вердье дано пояснение, что соглашение учинено на основании конфирмации, сделанной ее императорским величеством на «поднесенном докладе Канцелярии опекунства иностранных от господина президента графа Григорья Григорьевича Орлова».[13] Интересно и то, что в подобных контрактах стоит подпись только нанимаемого иностранца (таковы договоры с фабрикантами Ж.-П. Адором, И. Т. Буше, «вызывателями» Л. Докурстом, Ж. Вандини, Л. Зонтагом и др.).[14]

Крупные экономические затраты, связанные с иммиграционным проектом Екатерины II, обусловили необходимость законодательной регламентации договорных отношений с частными вербовщиками, ведь в их распоряжение отдавались немалые суммы на организацию сбора колонистов в определенных местах (как правило, в пограничных европейских городах), транспорт и процесс переезда. В связи с этим 17 ноября 1764 г. состоялось «высочайшее утверждение» формы договора с «вызывателями».[15] В контрактах должны были определяться территория, на которой следовало расселять набранных колонистов; размеры и формы вознаграждения за определенное число вывезенных семейств; порядок выдачи средств и ком-

---

[10] ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 18 об.

[11] Практика привлечения профессиональных «агентов-вербовщиков» для поиска потенциальных мигрантов была широко распространена в Европе [Писаревский, 1909, с. 77–78].

[12] См., например: РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 53–55 об., 73–74 об.; РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 17, л. 69–70 об.

[13] РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 7.

[14] РГАДА, ф. 283, оп. 1, д. 16, л. 4, 19, 43, 57, 64, 70 об.

[15] [ПСЗ, 1830, № 12283].

пенсации издержек на провоз переселенцев; правила пользования землей и близлежащими угодьями. Кроме того, в данном документе регламентировался следующий уровень контрактования в рамках колонистского проекта — определялись требования к договорам между «вызывателем» и поселенцами / землепашцами. Основной акцент делался на соответствии таких контрактов положениям российского законодательства, а особенно Манифеста 1763 г. о вызове иностранцев в Россию.[16] Вербовщикам запрещалось обещать колонистам что-либо сверх объявленного Манифестом. Наряду с этим требовалось письменно закрепить, что поселенцы не получат права выезда из России, пока не вернут все издержанные на них казенные средства. В то же время «вызыватели» могли дополнительно договариваться с колонистами о каких-либо взаимовыгодных условиях по своему усмотрению.[17]

В целом тематические блоки контрактов с иностранными специалистами выстраивались вокруг следующих основных вопросов: характеристика должностных функций, обязательство по подготовке учеников, оплата работы (жалованье и различные дополнительные вознаграждения и пособия), обеспечение жильем, право и условия отъезда на родину (при своевременном или же досрочном расторжении договора), порядок перемещений внутри России и за ее пределы в течение срока контракта.

В начале XIX в. в договорах конкретно определялось место службы иностранца (тогда как контракты первой половины XVIII в. предписывали служить «где нужда будет»[18]). Если же предполагалась необходимость переездов специалиста с одного места службы на другое, это прописывалось особым пунктом и четко соблюдалось. Например: «Джеймсу Йозуа Карру, кроме Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, без его собственного согласия, не будет назначаемо иного местопребывания, как Камско-Воткинский завод».[19] В первой четверти XIX в. круг регулируемых условий расширяется и детализируется. Разъясняются такие возможности иностранцев, как право на отпуск для поездки на родину в течение срока службы (при этом, в рамках поездки иностранец должен был ознакомиться с новинками западноевропейских технологий и при необходимости выполнить поручения

[16] [ПСЗ, 1830, № 11880].

[17] [ПСЗ, 1830, № 12283]. На практике же оказывалось, что «вызыватели» составляли невыгодные для колонистов договоры, содержавшие дополнительные обязательства поселенцев перед директорами. В этом смысле, жители колоний, организованных частными «вызывателями», оказывались в худшем положении, чем обитатели «коронных» колоний [Bartlett, 1979, p. 61–62].

[18] ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 33, л. 94.

[19] ЦГА УР, ф. 212, оп. 1, д. 5592, л. 12.

российского начальства);[20] дополнительные выплаты и пособия от казны (за обучение русских учеников, переработки); форма и процедура оплаты (например, часть жалованья могла перечисляться родственникам иностранца за границей); освобождение от налогов и рекрутской повинности; права и обязанности относительно перемещений внутри Российской империи; обязательство обеих сторон заблаговременно (за четыре-шесть месяцев) предупреждать о намерении расторгнуть контракт ранее установленного срока; расширенное описание должностных функций (они могли быть прописаны в отдельной инструкции, прилагаемой к контракту).

Договоры предусматривали возмещение казной расходов иностранца во время нахождения его в пути к месту службы (например, из Петербурга на Урал) и обратно по окончании контракта. В 1840-е гг. английские механики Джозеф Дженнингс, назначенный парово-котельным мастером на Воткинский завод, и Вильям Ли, модельный мастер, отправленный на Екатеринбургские заводы, находясь в пути из Петербурга к месту службы, потратили средств больше, чем им было выделено казной. Но, пользуясь условием контракта, где прописано, что все путевые расходы берет на себя казна, им удалось добиться возвращения всей суммы.[21]

В тексте договоров XIX в. разъяснялась служебная иерархия, в которую встраивался иностранец. Например, в соответствии с первым пунктом контракта британского инженера Е. Вигзеля 1853 г., иностранец (назначенный главным механиком уральских заводов) должен был подчиняться Главному Начальнику заводов Уральского хребта, а в отношении управления технической частью Механической фабрики — состоять «под Дирекцией Начальства Екатеринбургских заводов и Управителя Монетного Двора».[22]

Многие «условия о службе» (одно из самоназваний контрактов XIX в.) определяли порядок действий в случае смерти иностранного специалиста в течение срока действия договора. Как правило, вдове иностранца выплачивалось жалование мужа за текущий период времени, а также выдавались денежные средства, необходимые для возвращения на родину. Если же иноземец обзавелся семьей уже в России, то его жене и детям выплачивались пенсии. Кроме того, российское правительство оказывало семейству погибшего иностранца и другую поддержку: обеспечивало беспошлинный вывоз имущества за границу или способствовало наиболее выгодной продаже имущества иностранца.[23]

---

[20] ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 5; ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1347, л. 4.

[21] ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1309, л. 14–15.

[22] ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 2.

[23] ГАСО, ф. 43, оп. 2, д. 1309, л. 138; ГАСО, ф. 24, оп. 32, д. 782, л. 3–6.

Содержательное наполнение контрактов менялось с развитием договорных отношений и повышением внимания к личности иностранного специалиста, его пожеланиям и потребностям. С одной стороны, договор изначально подразумевал условия, заранее принятые иноземцем или даже им самим предложенные. Но все дело было в том, насколько впоследствии они исполнялись, как «работал контракт», какой оказывалась его динамика на практике. Если в Петровское время иноземец, несмотря на заключенный контракт, в большей степени зависел от воли государя, то уже в Екатерининскую эпоху правовое положение иностранцев укрепилось, а с первой четверти XIX в. стала очевидна устойчивая юридическая сила контракта, с которой считались не только «мелкие», ведомственные начальники, но и администраторы высшего уровня. К середине XIX в. контракт рассматривался как полноценный гарант прав наемного специалиста, в том числе и в тех случаях, когда решение спорных вопросов доходило до уровня императорских указов.

Список литературы

Каштанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. 231 с.

Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.: По неизданным архивным документам. М., 1909. 438 с.

Bartlett R. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia. 1762–1804. Cambridge, 1979. 358 p.

Tessier G. La Diplomatique. Paris, 1966. 128 p.

Список опубликованных источников

Книга Устав морской: О всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. СПб., 1778. 298 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 16: С 28 июня 1762 года по 1764. СПб., 1830. 1018 с.

УДК 254.4“18”

А.В. Мангилева
Екатеринбургская духовная семинария

Роль приходского духовенства в распространении медицинских знаний в Синодальный период

Статья посвящена одному из аспектов взаимоотношений государства и Церкви в Синодальный период, а именно использованию правительством приходского духовенства в качестве проводника культурно-просветительской политики. Одной из форм такой политики стало распространение через духовенство медицинских знаний среди населения и попытка наладить оказание духовенством первичной медицинской помощи. Таким образом правительство стремилось приспособиться к стандартам модернизирующегося общества Запада при сохранении основ социального строя. Эти попытки могли иметь успех в том случае, когда духовенству отводилась роль популяризатора правительственных начинаний, например, в деле распространения прививок от оспы. Но попытки заменить священнослужителями профессиональных медиков в целом закончились неудачей и только доказали необходимость коренных реформ российского общества.

Ключевые слова: приходское духовенство, медицина, Синодальный период, модернизация, духовная школа.

Христианская Церковь с самых ранних времен участвовала в деле помощи больным и нуждающимся в заботе людям. Разнообразные формы такой работы достаточно хорошо известны. В данной статье речь пойдет не о приютах и больницах, открывавшихся при храмах и монастырях, а о попытках правительства Российской империи привлечь приходское духовенство к распространению медицинских знаний среди населения и организации медицинской помощи.

В историографии прочно утвердилось сравнение синодального духовенства с государственными служащими. Первоначально такой неофициальный статус появился у духовенства в связи с тем, что Петр I «видел в Церкви учреждение, безусловно необходимое для интересов государства, хотя и отводил ей всего лишь роль нравственной воспитательницы народа, особенно в борьбе с предрассудками, пустосвятством, богохульством, которые развращают народный характер и тем самым наносят ущерб интересам государства. Отсюда проистекают все усилия Петра направить деятельность Церкви и духовенства именно в это русло, поставив ее под наблюдение и контроль со стороны государства» [Смолич, 1996, с. 71]. Создание системы государственной церковности привело к изменениям в традиционных социальных функциях Церкви в целом и духовенства в частности.

© Мангилева А.В., 2020

Одной из новых обязанностей духовенства стало оповещение населения о важных событиях в жизни страны и императорской семьи. Помимо торжественных служб, в эти дни происходило и чтение императорских манифестов и правительственных распоряжений. Такой способ информирования населения оказался достаточно эффективным, а потому стал применяться и с другими целями. В частности, таким образом правительство стало проводить просветительскую политику в области здравоохранения. Особые молебствия устанавливались в связи с распространением эпидемий.[1] Но только молебнами в таких случаях дело могло не ограничиваться. В 1853 г. в связи с угрозой возникновения эпидемии холеры в Пермской губернии светские власти обратились в консисторию с просьбой, «чтобы в тех городах, селениях и заводах где как скоро появится холера, Духовенство отправляло в церквах установленные молебствия о прекращении болезни и сверх того внушали бы простому народу с амвона разосланные при № 30-м Губернских ведомостей наставления... о том, чем можно предохранить себя от холеры и в чем состоят первоначальные пособия».[2] Представителей духовенства приглашали в создаваемые по случаю распространения эпидемий медицинские комитеты.[3] Очевидно, что духовенству отводилась немалая роль в поддержании спокойствия среди населения и информировании его о необходимых мерах предосторожности.

Помимо противоэпидемических мероприятий, духовенство должно было участвовать и в популяризации профилактических процедур. 10 октября 1804 г. выходит синодальный указ «О убеждении приходским священникам крестьян и прочего звания людей к прививанию детям их коровьей оспы». Поводом к изданию указа послужило обращение министра внутренних дел графа В.П. Кочубея к обер-прокурору Святейшего правительствующего Синода князю А.Н. Голицыну в связи с тем, что «Воронежской губернии казенные крестьяне... не соглашаются на прививание детям их коровьей оспы, при всех уверениях со стороны медицинских чинов и земской полиции в пользе и безвредности ее». Воронежская духовная консистория не стала требовать от священнослужителей увещевать крестьян «за неимением на то дозволения от своего начальства». Обращение медицинской управы за помощью к консистории свидетельствует о том, что подобная практика «увещеваний» уже существовала, но в этот

[1] См., например, распоряжение Святейшего Правительствующего Синода «О повсеместном совершении молебствий об избавлении от холеры» [Полное собрание постановлений, 1915, с. 459].

[2] ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 416, л. 215.

[3] ГАСО, ф. 6, оп. 2, д. 416, л. 158–158 об.

раз духовные власти не пошли навстречу гражданской администрации. В результате Синод не только приказал епископу Воронежскому Арсению предписать всем Духовным Правлениям, чтобы приходские священники внушали прихожанам «чрез примеры выздоровевших младенцев без всякого повреждения» необходимость прививок. То же самое рекомендовалось делать и в других епархиях [ПСЗ, 1830, т. 28, № 21475].

В 1811 г. в губерниях и уездах Российской империи были открыты оспенные комитеты. Правительство предполагало, что благодаря их работе удастся в трехлетний срок добиться повсеместного распространения прививок. В состав каждого комитета должен был входить представитель епархии, основной задачей которого было доставление в комитет раз в полгода сведений о привитых, а также о родившихся и умерших. Обращение государственных органов к Церкви в данном случае объяснялось тем, что только Церковь вела систематический учет населения. В 1815 г. управляющий Министерством полиции генерал С.К. Вязмитинов констатировал, что «успех в распространении прививания предохранительной оспы не соответствует ожиданиям Правительства». Одной из причин провала правительственных ожиданий, на которые ссылались ответственные лица на местах, была несвоевременная подача сведений представителями епархий, а то и вовсе отсутствие этих сведений. В связи с этим Синод потребовал своевременно подавать сведения в оспенные комитеты [ПСЗ, 1830, т. 33, № 25963].

Если несвоевременное доставление сведений в оспенные комитеты можно объяснить излишней загруженностью духовенства, которому, помимо прямых обязанностей, приходилось заниматься ведением многочисленной приходской документации, то отказ консистории от содействия врачебной управе в объяснении необходимости прививок мог быть вызван и недостаточной «просвещенностью» самого духовенства.

Судя по всему, в Пермской епархии не были уверены в способности приходского духовенства внушить прихожанам необходимость прививок, и в 1809 г. сам епископ Пермский Иустин (Вишневский) издает «Увещание о прививании оспы». В нем, в частности, говорилось и о степени распространенности оспопрививания в губернии (не прививали детей в Осинском, Оханском, Красноуфимском и Кунгурском уездах, т.е. в трети уездов губернии). В качестве же примера для подражания приводилось с. Красногорское (Верхотурский уезд), где оспа привита была всем детям после того, как священник Стефан Земляницын разрешил привить ее своим детям, причем прихожане присутствовали при процедуре. Священник по прошению владыки

Иустина был награжден скуфьею, после чего примеру Земляницына последовали многие другие клирики, но добиться столь же впечатляющих результатов им не удалось [К биографии, 1875, с. 621–624; Мартынов, 1901, с. 635]. Как уже было сказано, и само духовенство старалось уклониться от привития своим детям оспы, и в 1843 г. с родителей, отправляющих детей в духовные училища, бралась подписка, что они заблаговременно сделают им прививки.[4]

Ощутимая нехватка медиков-профессионалов на местах приводит правительство к мысли заменить их людьми, способными освоить начала медицины. На селе практически единственными кандидатами на эту роль в силу своего образования становились священнослужители. 17 июля 1802 г. Синоду был направлен императорский указ, в котором говорилось следующее: «Известно, что в поселениях, где нет врачей, по невежеству, закоренелому обычаю и по приемам пользования болезней противных естеству и здравому разуму, часто самые легкие припадки делаются смертоносны. Желая открыть поселянам по сей части нужную и столь же простую¸ как и близкую к образу жизни их помощь, Я признал за благо возложить сию обязанность на духовенство, доставив ему способы с познаниями, сану их свойственными, соединить некоторое понятие и о врачебной науке». Для осуществления этого плана предлагалось отрядить некоторое число семинаристов «в медицинские институты..., дабы по обучении их и возвращении в епархии могли они сами в духовных училищах преподавать сие искусство». До этого момента государственной медицинской коллегии было поручено «сочинить краткое, но ясное наставление о лечении с описанием обыкновенных простонародных болезней и лекарств, кои бы удобно могли быть составляемы в самих селениях». Эти книги предлагалось распространить в духовных учебных заведениях и на приходах «для надлежащего употребления» [ПСЗ, 1830, т. 27, № 20334].

Хотя в первый раз идея превращения духовенства в медиков потерпела неудачу (признанием этого факта стало отсутствие медицины в программе семинарий, утвержденной в ходе реформы духовной школы 1808–1814 г.), полностью правительство от нее не отказалось. Изменения в программе духовных школ 1840 г. можно напрямую связать с правительственными планами преобразований в жизни государственной деревни. Уже в 1838 г. министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев предлагал ввести в курс семинарских предметов преподавание агрономии, естественной истории и медицины для того, чтобы учащиеся «по части вспомогательных наук получали

[4] ГАСО, ф. 251, оп. 1, д. 14, л. 106–107.

такие познания, какие могли бы с пользою для себя и для будущих своих прихожан прилагать к сельскому их быту».[5]

Протест митрополита Московского Филарета (Дроздова)[6] привел лишь к тому, что введение указанных предметов было отложено до 1840 г. Но и вторая попытка заменить духовенством необходимых на селе специалистов потерпела неудачу.[7] Сопротивление на местах реформе государственной деревни, проводимой министерством государственных имуществ, показало, что частные преобразования уже не способны компенсировать качественного отставания России от Запада. Характерно, что отмена преподавания «полезных» для сельского быта предметов[8] происходит в ходе реформ Александра II, когда на земства как органы местного самоуправления была возложена задача обеспечить сельское население профессиональными врачами и учителями.

Тем не менее, попытки правительства использовать духовенство для лечения «обыкновенных простонародных болезней» встретили сочувствие у части клириков. Д.Н. Мамин-Сибиряк вспоминал о своем заболевании в период обучения в Екатеринбургском духовном училище: «Самым внимательным человеком по отношению ко мне оказался наш инспектор, навещавший меня почти каждый день. Он же и лечил меня гомеопатическими крупинками, как лечил ими своих прихожан и мой отец. Я верил в крупинки на последнем основании

---

[5] Из отношения обер-прокурора Святейшего правительствующего Синода графа Н.А. Протасова [Лаговский, 1874, с. 166].

[6] «Удовлетворяться изучением общих начал в медицине труднее, нежели в другой науке. Жертвою поверхностного знания тут может сделаться человеческая жизнь. Для сколько-нибудь основательного изучения начал медицины необходимо изучение анатомии; но преподавание этого предмета потребовало бы многочисленных пособий, опытов и т.д., что невозможно достигнуть в духовных училищах; да и поселяне, пожалуй, стали бы пугаться священника, узнав, что он резал в училище мертвецов. ...Если от священников хотят потребовать умения употреблять лечебники, то для этого не нужно никакого особого учения, так как лечебники обыкновенно пишутся для неучившихся медицине» [Титлинов, 1908, с. 84–85].

[7] В РГИА, в фонде 834 (Рукописи Синода) имеются четыре дела, свидетельствующие о том, что в конечном итоге все свелось к обсуждению в Синоде рукописей лечебников для духовенства: РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1059 — «Специальный сельский лечебник для руководства лиц духовного звания при подавании врачебной помощи своим прихожанам» (1852 г.); РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1060 — «Специальный сельский лечебник для лиц духовного звания по руководству древних врачей и новейших докторов медицины» (1851 г.); РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1061 — «Сельский лечебник, составленный для лиц духовного звания» (1850 г.) и РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 1062 — «Сельский лечебник, составленный для руководства лицам духовного звания при подавании врачебной помощи своим прихожанам» (1850–1852 гг.). Святитель Филарет оказался прав.

[8] Ректор Пермской духовной семинарии Никодим (Кошиц) прямо заявил ревизору, что эти предметы бесполезны [Лаговский, 1874, с. 128–129, 157].

и был рад, когда приходил инспектор и заставлял меня показывать язык, считал пульс и т.д.» [Мамин-Сибиряк, 1975, с. 470].

Особо примечателен в данном случае пример епископа Поликарпа Розанова, управлявшего Екатеринбургской епархией в 1888–1891 гг. В биографии владыки Поликарпа есть необычный момент: после окончания Духовной Академии в 1852 г. (т.е. в период действия «протасовской» программы духовной школы) он поступил вольнослушателем на медицинский факультет Московского университета. Можно было бы предположить, что этот поступок был вызван желанием перейти на штатскую службу, но дальнейшая его биография опровергает такое мнение. Будущий епископ искренне считал, что занятия медициной могут быть достойным дополнением к пастырской деятельности. «В 1890 году преосвященный Поликарп при обозрении церквей епархии усмотрел из церковных документов, что в июле и августе месяцах умерло весьма много грудных детей от поноса в возрасте от одного до восьми месяцев вследствие недостаточного надзора за детьми в рабочую пору. По собранным по распоряжению преосвященного сведениям оказалось, что в последние два года умерло младенцев от поноса 27293 и от оспы 5149. Ввиду таких ужасающих цифр архипастырь вменил в непременную обязанность приходским священникам при крещении детей, при воцерковлении и при погребении младенцев, а также с церковной кафедры разъяснять прихожанам необходимость внимательного присмотра и ухода за детьми и привития им оспы, а псаломщикам предложено научиться оспопрививанию и заниматься этим делом с разрешения надлежащих властей, при чем обещано особливое начальственное внимание по отношению к тем из псаломщиков, которые представят врачебное удостоверение о своей правоспособности заниматься оспопрививанием и свидетельство земской управы об оказанном ими в сем деле усердии. Вместе с тем сделано предложение и всем земствам епархии об оказании содействия епархиальному начальству в борьбе с столь великим народным бедствием».[9]

Как можно увидеть из этого сообщения, епископ Поликарп не только поддерживал бытовавшее во времена его молодости мнение о том, что духовенство может оказывать своим прихожанам медицинскую помощь, но и обращался к земским управам с предложением помочь духовенству в организации медицинской помощи на селе. То есть епископ считал, что духовенство сможет эффективнее земских врачей воздействовать на прихожан своими увещеваниями, тогда как земствам в его планах отводилась только вспомогательная роль.

[9] ГАСО, ф. 6, оп. 4, д. 268, л. 10–10 об.

Попытки правительства Российской империи использовать приходское духовенство для налаживания системы медицинского обслуживания населения является одним из проявлений стремления приспособиться к стандартам модернизирующегося общества Запада при сохранении основ социального строя. Попытки эти могли иметь успех в том случае, когда духовенству отводилась роль популяризатора правительственных начинаний, но попытки заменить священнослужителями профессиональных медиков в целом закончились неудачей и только доказали необходимость коренных реформ российского общества.

Список литературы

Лаговский И.Е. История Пермской духовной семинарии // Пермские епархиальные ведомости. 1874. Отд. неоф. С. 165–508.

Смолич И.К. История Русской Церкви, 1700–1917. Ч. 1. М., 1996. 798 с.

Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1: Время Комиссии духовных училищ. Вильна, 1908. 383 с.

Список опубликованных источников

К биографии преосвященного Иустина, бывшего епископа Пермского и Екатеринбургского // Пермские епархиальные ведомости. 1875. Отд. неоф. С. 617–624.

Мамин-Сибиряк Д.Н. Повести. Рассказы. Очерки. М., 1975. 534 с.

Мартынов В. Краткий церковно-исторический очерк села Красногорского, Верхотурского уезда // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1901. № 14. Отд. неоф. С. 634–643.

Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1: Царствование государя императора Николая I. 1825–1835. Пг., 1915. 938 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 27: 1802–1803. СПб., 1830. 1122 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 28: 1804–1805. СПб., 1830. 1328 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 33: 1815–1816. СПб., 1830. 1173 с.

УДК 930.2+94(47).072-073+651.926

О.В. Эдельман
Государственный архив Российской Федерации, Москва

К вопросу об археографических аспектах перевода франкоязычных источников*

Статья посвящена обсуждению принципов и методики перевода исторических источников (дневники, письма, воспоминания, официальные донесения и др.) с французского языка, а также применимости правил археографической передачи документа к текстам, публикуемым в переводе. Перевод исторического документа отличается от перевода художественного текста, требует близости к оригиналу, максимального сохранения его особенностей, учета стиля языка эпохи. В зависимости от вида источника, перед переводчиком могут вставать проблемы адекватного понимания текста и передачи его на другом языке. Особенно сложной может оказаться расшифровка и передача дневниковых записей. Представляется, что применение базовых методов археографии к переводным текстам заслуживает дополнительной разработки.

Ключевые слова: археография и источниковедение, правила издания исторических документов, франкофонные источники по русской истории, документы дома Романовых.

В числе сильных сторон отечественной исторической науки можно считать достаточно подробно разработанные принципы археографического подхода к публикации источников и готовность к дискуссии о деталях и нюансах этих принципов. Мы обсуждаем способы передачи текста, сохранения или исправления особенностей орфографии или употребления прописных букв, формирования документальных сборников, отбора публикуемых документов по той или иной теме, причем такого рода дискуссии возникают не только (и даже не столько) на страницах специализированных журналов, сколько в непосредственных рабочих обсуждениях планируемых изданий. В настоящее время в очередной раз встал вопрос об обновлении нормативных правил публикации документов. Однако есть один аспект, вернее, категория источников, применительно к которым археографические принципы упускаются из вида, обсуждаются реже, чем следовало бы, и в целом отрефлексированы недостаточно. Речь о случаях публикации источников, написанных на французском языке и публикуемых в переводе. Собственно, то же самое можно сказать о переводе исторических источников и с других языков — немецкого, латыни, итальянского и т.д. Остановлюсь на французском, поскольку именно этот язык широко применялся в обиходе русской аристо-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-00144.

© Эдельман О.В., 2020

кратии XIX столетия, и переводом именно франкоязычных источников мне приходилось заниматься. Здесь я бы хотела проговорить и предложить для дальнейшего обсуждения те сомнения, проблемы и публикаторские решения, о которых приходилось размышлять в процессе подготовки к изданию дневников великого князя Николая Павловича за 1822–1825 гг. [Записные книжки, 2013],[1] писем родителей П.И. Пестеля к сыну [Восстание декабристов, 2012],[2] потайного дневника императрицы Елизаветы Алексеевны о ее любви к Алексею Охотникову [Лямина, Эдельман, 2005], находящихся сейчас в работе писем Елизаветы Алексеевны к матери маркграфине Баденской[3] и докладных записок А.Х. Бенкендорфа Николаю I.[4]

Оговорюсь сразу, что, несомненно, многие из перечисленных ниже вопросов снимаются, если наряду с переводом публикуется оригинальный французский текст. Тогда он оформляется в соответствии с принятыми археографическими нормами, перевод же играет роль служебную. Однако все мы прекрасно понимаем, что в случае таких источников, как названные выше дневники Николая Павловича или письма Пестелей, как и великого множества других дневников и эпистолярных комплексов, в силу их большого объема, публикация билингвы не только малореальна, но и нецелесообразна. Это источники по русской истории, не имеющие самостоятельной литературной ценности, которая могла бы оправдать издание оригинала, а число специалистов, которым понадобится уточнить, как именно то или иное место звучит во французском оригинале, столь невелико, что они смогут посмотреть подлинник в читальном зале архива. Полезным представляется также помещение в публикации образцов французского текста, в наборном виде или же как иллюстрации (тогда читатель может составить и представление о почерке). Итак, перейду к вопросам, вызывающим размышления.

---

[1] Дневники Николая Павловича и дневник Елизаветы Алексеевны переводились в соавторстве с Е.Э. Ляминой, из рабочих бесед с которой я вынесла много полезного для осмысления обсуждаемой проблемы.

[2] Я благодарна В.А. Мильчиной, любезно принявшей на себя труд прочитать и дать отзыв на перевод писем Пестелей, за ее ценнейшие соображения как раз относительно тонкостей и стилистики перевода.

[3] Письма были опубликованы на французском языке с выпусками и цензурными купюрами великим князем Николаем Михайловичем [Николай Михайлович, 1908–1909]. Рукописные копии, полученные русским царствующим домом из Карлсруэ, по которым он осуществил публикацию, находятся ныне в ГАРФ (ф. 658). Оригинал хранится в земельном архиве в Карлсруэ, комплект сканов предоставлен нам для подготовки издания на русском языке.

[4] Докладные записки А.Х. Бенкендорфа (ГАРФ, ф. 728, оп. 1, д. 1467, ч. 1–10) готовятся к публикации совместно с Г.Н. Бибиковым.

Каким образом при переводе следует передавать такие особенности оригинала, как сокращенные слова, грамматическая неправильность фразы, орфографические особенности написания? И следует ли их вообще передавать, ведь это перевод? Мне представляется, что какую-то форму их воспроизведения — при всем понимании его условности применительно к переводу — искать все же следует.

Так, великий князь Николай Павлович писал дневники с многочисленными сокращениями слов. Если отказаться от их воспроизведения, в восприятии читателя исказится характер дневника, сочетавшего обстоятельность фиксации событий с торопливостью и лапидарностью самой записи. Без указаний на сокращения стиль дневника значительно изменился бы. Более того, обилие наименований воинских соединений, чинов и должностей, которые великий князь сокращал до одной-двух букв, потребовало расшифровки, которая не всегда безусловна, поэтому указание на раскрытые сокращения, конечно, необходимо. Приходилось придумывать при переводе аналоги, передающие характер сокращений во французских словах, и условно заключать их в принятые квадратные скобки, как мы обычно делаем при восстановлении сокращений (например, ун[тер]-оф[ицер]). Иногда это выглядит в самом деле немного причудливо. Например, Николай Павлович всегда сокращал французское слово «полк»: вместо «régiment» — «reg.», а иногда одно «r.». Русское слово «полк» значительно короче, и чтобы передать сокращения в подлиннике, приходилось соответственно чередовать «п[олк]» со странноватым сокращением в одну букву «пол[к]».

И.Б. Пестель в письмах к сыну употреблял длинные фразы с придаточными предложениями и деепричастными оборотами, которые у него выходили не всегда грамматически согласованными. Такого рода особенности я старалась передавать, подбирая аналоги на русском языке так, чтобы не превратить И.Б. Пестеля в более ловкого стилиста, нежели он был на самом деле. Помимо прочего, такого рода рассогласованность фразы, встречавшаяся также и у императрицы Елизаветы Алексеевны, наряду с поправками, вставками над строкой свидетельствует о том, что письмо писалось сразу набело, без черновика, а это важная информация.

Что касается орфографических особенностей написания, ошибок, то их, как правило, представляется возможным не воспроизводить при переводе, так как они не несут в себе сколько-нибудь существенной характеристики автора. Но если бы перед нами был текст вопиюще неграмотный, то к нему имело бы смысл подойти так же, как и к неграмотному тексту на русском языке, и постараться эту безграмотность автора в той или иной мере отразить. Иное дело — неточное

написание имен собственных, которое может происходить от того, что автор текста запомнил имя или название на слух, оно было ему мало знакомо. В таком случае ошибка приобретает значение свидетельства, указывающего на то, что пишущий не был прежде знаком с упоминаемым лицом.

Чисто технический, но все же заслуживающий внимания вопрос касается передачи авторских подчеркиваний и вкраплений иноязычных текстов, когда среди французского текста встречаются русские, немецкие и иные слова и фразы. Общепринята передача подчеркнутых мест курсивом. В переводном тексте от этой практики случалось отступать ради того, чтобы предназначить курсив для воспроизведения русских вставок во французском тексте. Вариантом могли бы стать подстрочные примечания с указанием, что такой-то фрагмент текста написан по-русски, но курсив представляется более наглядным и компактным способом. Тогда авторские подчеркивания мы передавали собственно подчеркиванием, благо современные компьютерные программы позволяют делать это с легкостью. Немецкие, латинские, итальянские и проч. слова давались как они есть и сопровождались переводом и указанием на язык в подстрочном примечании. Такая система применяется достаточно широко, на мой взгляд, она позволяет воспроизвести авторские переходы с языка на язык наглядно и удобно для чтения.

В нашей стране имеется сильная традиция литературного перевода, с различными школами и подходами, с глубокой и тонкой рефлексией принципов и приемов передачи художественного текста на ином языке. Но методы художественного перевода не вполне применимы к тексту исторического источника. В этом случае на первый план выходят задачи максимально полной передачи его информативности как источника в самых разных отношениях. Переводчику приходится искать баланс между максимальной близостью к оригиналу, почти дословным, подстрочным переводом — и необходимостью добиться внятности, читаемости на другом языке, притом сохраняя стилистику автора и эпохи.

Отдельный вопрос, нужно ли при этом стараться стилизовать язык эпохи. С одной стороны, это напрашивается, с другой — далеко не все попытки стилизации оказываются удачными, зачастую получается искусственный, неуклюжий язык, только затрудняющий понимание смысла документа. Как мне кажется, лучше нейтральный стиль, чем плохая стилизация, хотя удачные стилизации радуют. При этом, конечно, следует избегать бросающейся в глаза модернизации. А здесь переводчика подстерегают ловушки: многие слова, употреблявшиеся тогда во французском, на русском еще не приви-

лись. Русские современники Наполеона по-французски называли его «monstre», но в русском языке слова «монстр» не было, по-русски его именовали «чудовищем». Особенного внимания требует выбор переводов общественно-политической терминологии. Бытовавшие во французской речи образованных русских людей такие слова, как «social», «publique», «populaire» по-русски могут звучать двояко, так как сейчас у нас есть и русский аналог этих понятий, и прижившаяся калька с французского, причем они приобрели разные оттенки смысла. «Social» может быть «общественный» или «социальный», «publique» — «публичный» или «гласный», «populaire» — «народный» или «популярный». При выборе варианта имеет значение время создания текста, нужно выяснить, какие понятия на тот момент использовались по-русски, идеальный случай — когда есть возможность сравнить с оригинальными русскими текстами того же автора и посмотреть его словоупотребление.

В связи с этим нелишне еще учитывать, был ли автор публикуемого текста русским, пишущим по-французски, или иностранцем. Дело в том, что на рубеже XVIII и XIX веков, когда французский в России был особенно в ходу, русский литературный язык только формировался и звучал еще весьма архаично, но французский был уже вполне модерным, близким к современному. Таким образом, если стилизация под архаику речи русского вельможи того времени совершенно уместна, то заставлять какого-нибудь французского эмигранта, генерала или дипломата говорить архаичным русским языком, изобилующим словами вроде «поелику», представляется не очень удачной идеей. Переводя с французского дневники, письма русских дворян, хочется приблизиться к тому, как этот же автор выразился бы по-русски. Проблема в том, что мы далеко не всегда имеем материал для сравнения, а дворянин потому отчасти и писал по-французски, что на русском языке те же мысли выразить было сложно.

Приведу простейшие примеры. Иван Борисович Пестель обращался в письмах к сыну «cher Paul». Для языка той эпохи обращение «дорогой» не совсем свойственно, стилистически ближе было бы «любезный»; но для современного русского уха этот вариант звучит несколько жеманно, тогда как в оригинале употреблено самое простое, стилистически нейтральное обращение. Поэтому при подготовке публикации «дорогой» я сочла все же предпочтительным. Далее — как должно было прозвучать имя декабриста? Мы не знаем ни единого примера обращения к нему родителей по-русски. Скорее всего, они звали его Павликом, но это лишь предположение. Я предпочла при переводе ставить нейтральное «дорогой Павел». Аналогично и в письмах императрицы Елизаветы Алексеевны. Она писала «chere

Maman» — самая простая, самая обычная форма обращения. В современном русском ей соответствует «дорогая мама». Но для русского языка в ту эпоху формы «мама», «папа» еще не были приняты, они появились позднее. Тогда сказали бы «матушка», «маменька» или «мамаша». Последние два варианта опять же сейчас звучат вычурно и жеманно, а стиль Елизаветы Алексеевны подчеркнуто прост и естественен, поэтому я остановилась на «дорогая матушка». В отечественной практике еще с XIX в. принято при переводах частных документов царской семьи (как, впрочем, и других дворян) передавать имена их полной русской формой: Мария, Екатерина, Александра, за очевидным исключением случаев, когда в ходу было домашнее прозвище (Адини, Олли, Никса). На самом деле, мы не знаем, как называл младшую сестру Александр I, если ему случалось говорить с ней по-русски: Катенька? Или он никогда к ней по-русски не обращался? Не есть ли дошедшая до нас традиция использования в переводе полных русских форм имени плод языковой ситуации второй половины XIX века, которая на самом деле отличалась от практик начала того столетия? Е.Б. Дмитриева, опубликовавшая переписку Александра I, Елизаветы Алексеевны и великой княгини Марии Павловны из веймарского архива, сочла более верным сохранить французские формы именования (Мари, Катрин). Аргументация Е.Б. Дмитриевой убедительна, хотя в таком виде имена смотрятся непривычно.

В сущности, описанные переводческие дилеммы лежат в области преимущественно стилистической и большой роли в понимании содержания документа не играют. Но встречаются и проблемы, в этом отношении более существенные. Во многих случаях русский язык предполагает значительно большую конкретную точность слов, тогда как французские более многозначны. Скажем, fer — железо вообще, но может означать также кандалы, холодное оружие и множество других предметов, примерно как если бы по-русски мы множество вещей называли просто «железкой». Для перевода требуется понимание контекста. Он же, в свою очередь, влечет за собой необходимость знать множество бытовых деталей и нюансов. Поясню на примерах. Великий князь Николай Павлович, отмечая в записной книжке разговоры с родными в Зимнем дворце, часто упоминает гостиную, которую называет «ex-bleu». Как и другие европейские языки, французский не различает синий и голубой цвета. Гостиная была или «бывшей голубой», или «бывшей синей». Не зная подробностей декора старого, допожарного Зимнего дворца, установить это довольно сложно, по меньшей мере, требует специальных изысканий и консультаций с сотрудниками Эрмитажа. Если такой возможности нет, а нужная информация не находится, то переводчику приходится

выбирать вариант самому, ориентируясь на степень правдоподобия. Аналогичный случай: время от времени Николай Павлович записывал, что был в «bain», это или ванна, или баня. Опять же, нужно или выяснить в точности, где он мог мыться, или ставить более правдоподобный, по мнению переводчика, вариант (мы выбрали «баня»). Ежедневно живший со своей семьей в Аничковом дворце великий князь Николай выезжал из дома, посещал развод на главной гауптвахте, навещал в Зимнем дворце императора, мать, брата Михаила, отправлялся в Инженерный замок, в кадетские корпуса, полковые казармы и т.д. Все эти перемещения он в дневнике описывал одним и тем же глаголом движения, прошедшей формой глагола «aller» (как правило, он опускал вспомогательный глагол, образующий форму прошедшего времени). Проблема в том, что этот глагол, как и ряд других французских глаголов движения, одинаково означает как «идти», так и «ехать», тогда как русский язык обязательно их различает. Относительно некоторых перемещений великого князя было совершенно ясно, шел он или ехал, но в иных случаях это было не так очевидно (ходил ли он всегда пешком по огромному дворцу, или выходил на улицу, садился в экипаж и ехал до нужного подъезда?), и в переводе опять же приходилось с долей условности ставить казавшийся более вероятным глагол.

Иногда смысл того или иного фрагмента невозможно прояснить, не выстроив мысленно всю мизансцену описываемого эпизода. Мы с соавтором Е.Э. Ляминой долго ломали головы над одной фразой в дневнике Елизаветы Алексеевны. На протяжении дневника ее чувства к кавалергардскому офицеру Алексею Охотникову развивались через мимолетные встречи во время гулянья и брошенные друг на друга украдкой взгляды, ничего другого скованная этикетом и приличиями императрица не могла себе позволить. В данном случае она описывала, как во время прогулки увидела Охотникова в парке на скамейке. Далее следовало загадочное: роза, упомянутый уже выше глагол движения «aller», имеющий широкий спектр значений, местоимение «его/ему» (во французском нет падежей) и еще один глагол, означающий «обонять, чуять, угадывать». Мы гадали, о чем могла идти речь. Быть может, Охотников нюхал розу? — это не соответствовало грамматике фразы; или речь о метафоре вроде «роз на щеках», т.е. Елизавета Алексеевна отметила его бледность? — грамматически тоже плохо сходилось. Наконец, нас осенило: мы предположили, что Роза — это имя собачки Елизаветы Алексеевны. Она подошла к молодому человеку и обнюхала его, для императрицы такой контакт через собачку стал настоящим событием. Грамматика и содержание фразы встали на свои места. Конечно, это переводческая гипотеза, которую

вряд ли возможно проверить. Косвенное подтверждение нашлось в письмах Елизаветы Алексеевны к матери за более ранние годы, где упоминается собачка маркграфини по кличке Ландыш. Значит, они любили давать собакам цветочные клички. Однако представляется, что в подобных случаях, когда перевод вызывает вопросы, не может считаться безусловным, или же русский язык не позволяет в точности передать какие-то нюансы французского подлинника, переводчику следует пояснять это в примечаниях, что мы в обсуждаемом случае и сделали.

Еще большее недоумение вызвала другая фраза из дневника императрицы, также сцена в парке. В этот раз она отметила, что увидела Охотникова вблизи, и далее записала: «les petites machines blanches» — буквально «маленькие белые машины». В моем воображении возникла немыслимая сцена с кавалергардом, развлекающимся игрушечными автомобильчиками, причем отчего-то именно белыми. Отбросив ее, мы предположили, что речь могла идти о миниатюрных воздушных шарах. Незадолго перед этим императрица, как и весь Петербург, присутствовала при запуске воздушного шара приезжим воздухоплавателем французом Гарнерингом. Это было новое, производившее сильное впечатление зрелище, которое вполне могло породить мимолетную моду на шары. В то время воздушный шар с его горелкой мог быть назван «машиной». Опять же такого рода реконструкции позволяют предложить перевод темного места текста, но, на мой взгляд, должны быть оговорены в комментариях. Мы буквально воспроизвели в тексте «маленькие белые машины», дав примечание, что, предположительно, это воздушные шары.

Я останавливаюсь на такого рода затруднительных случаях вовсе не для того, чтобы повествовать о сложностях работы переводчика (они в порядке вещей и встречаются в любой работе). Важно, чтобы читатель, получая перевод исторического источника, не забывал, что перед ним именно перевод, текст опосредованный, сумма разнообразных, более или менее удачных и обоснованных решений переводчика. Это обязательно нужно учитывать при работе с источником.

Замечу, что в этом отношении имеет значение не только добросовестность переводчика и характер авторского текста, но и вид публикуемого документа. Приведенные выше примеры неясных, затруднительных мест в тексте не случайно почерпнуты из дневников. Именно дневниковые записи, не предназначенные для чужих глаз, часто бывают неясными, обрывочными, конспективными. Составляя письмо, автор, напротив, рассчитывает как минимум быть понятым адресатом. Сложности, встречавшиеся при переводе писем Пестелей, были связаны только с уточнением некоторых реалий и их назва-

ний. Докладные записки А.Х. Бенкендорфа Николаю I носят полуофициальный характер. По сути, это служебные доклады, но ввиду особых отношений, связывавших императора с шефом жандармов, Бенкендорф писал по-французски. В остальном они оформлены в соответствии с тем, как полагалось подавать бумаги государю. Многие из упоминаемых в них дел и реалий, в силу их служебного характера, есть надежда перепроверить по другим источникам. Таким образом, перевод этой категории документов представляет собой меньше затруднений и может достаточно полно и точно отображать оригинал.

Список опубликованных источников

Александр I, Мария Павловна, Елизавета Алексеевна: Переписка из трех углов (1804–1826). Извлечения из семейной переписки великой княгини Марии Павловны. Дневник [Марии Павловны] 1805–1808 годов / Подгот. писем Е. Дмитриевой и Ф. Шедеви, подгот. дневника Марии Павловны Е. Дмитриевой; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Е. Дмитриевой. М., 2017. 560 с.

Восстание декабристов: Документы. Т. 22: Из бумаг П.И. Пестеля (семейная переписка). М., 2012. 430 с.

Записные книжки великого князя Николая Павловича: 1822–1825. М., 2013. 904 с.

Лямина Е.Э., Эдельман О.В. Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. «Сфинкс, не разгаданный до гроба...»: Каталог выставки. СПб., 2005. С. 116–131.

Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1. СПб., 1908. 486 с.

Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 2. СПб., 1909. 762 с.

Николай Михайлович, великий князь. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 3. СПб., 1909. 778 с.

УДК 930.2/94(47).072

Д.В. Тимофеев
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Электоральные практики российского дворянства первой четверти XIX века: Диалоги о «законе» и «общем мнении» в контексте истории общественного сознания

В статье рассматриваются аргументы участников выборов в дворянских собраниях первой четверти XIX в. о приоритетности «общего мнения» и целесообразности проявления групповой солидарности в случае возникновения электоральных конфликтов с губернской администрацией. На основе архивных материалов показано, что в сознании дворянина сочетались патерналистские представления о характере взаимоотношений с высшими правительственными органами и признание допустимости не соглашаться с решением губернатора в случае, если оно противоречит решению собрания. В заключительной части статьи делается вывод о формировании системы аргументов, основанной на утверждении о наличии у дворянского собрания права на «общее мнение», принципе неукоснительного соблюдения «буквы закона» и, одновременно, необходимости разрешить допуск к выборам дворян, которые в соответствии с действующими нормами не имели на это права.

Ключевые слова: история общественного сознания, история общественной мысли, российское дворянство XIX века, история понятий, дворянские выборы.

Один из ключевых вопросов истории общественного сознания, который не может быть решен посредством обращения к текстам известных государственных деятелей, литераторов и публицистов изучаемого периода, — вопрос об условиях и факторах формировании *групповой солидарности* при возникновении противоречий между гражданами и представителями местной администрации. После провозглашения в 1785 г. «Жалованной грамоты дворянству», в соответствии с которой дворянские собрания получили право избрания дворянских предводителей, а также кандидатов на ряд выборных должностей в местные суды, складываются предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций между местным дворянством и губернатором, обладавшим правом не утверждать результаты выборов. Конечно, следует признать, что в большинстве случаев выборы проходили без каких-либо инцидентов и не сопровождались противостоянием с губернатором. Но конфликтные ситуации все-таки были, о чем красноречиво свидетельствуют материалы фонда Министерства внутренних дел «О беспорядках при проведении дворянских выбо-

© Тимофеев Д.В., 2020

ров». Принципиально важное значение при рассмотрении историком такого рода случаев имеет не столько результат конфликтного взаимодействия, а то, каким образом выстраивался диалог между инициативными группами, выражавшими несогласие с решениями местных властей, представителями губернской администрации и правительственными структурами, какие аргументы использовали стороны для обоснования своих позиций. В методологическом отношении теоретической основой предлагаемого подхода к изучению общественного сознания являются установки современной интеллектуальной истории и истории понятий [Кембриджская школа, 2018].

Внешним обстоятельством, порождавшим электоральный конфликт между губернатором и дворянским собранием в первой четверти XIX в. был, как правило, отказ утвердить список претендентов на выборные должности или отстранение губернатором от должности уже избранных кандидатов. Несогласные с принятым решением дворяне направляли министру внутренних дел или императору *индивидуальные* и *коллективные прошения*. Ответная реакция должностных лиц фиксировалась в отчетах и докладных записках губернаторов, мнениях Государственного совета, постановлениях министра внутренних дел, сенатских предписаниях и указах.

Подобный сценарий прослеживается, например, при рассмотрении направленной весной 1815 г. министру внутренних дел О.П. Козодавлеву жалобы дворянского собрания Казанской губернии на действия вице-губернатора А.Ф. Гурьева. По мнению дворян, он, не имея законных оснований, «несправедливо» отказался утвердить в должности 24 дворян, «...кои имели полные права на выборы».[1] Такое решение оценивалось как покушение на предоставленное верховной властью право дворянства избирать «достойных кандидатов». После ознакомления с жалобой министр внутренних дел приказал вице-губернатору предоставить дополнительные сведения о причинах «неудовольствия» местных дворян. С этого момента начинается борьба аргументаций конфликтующих сторон, одна из которых стремилась показать обоснованность принятого решения, а другая — восстановить «справедливость» посредством утверждения «общего мнения» дворянского собрания, избравшего кандидатов на выборные должности.

В объяснительной записке А.Ф. Гурьев не отрицал право дворянского собрания избирать «достойных чиновников». Напротив, аргументируя свое решение, он апеллировал к публично провозглашаемому верховной властью принципу неукоснительного соблюдения «закона» и приводил конкретные факты: из 24 избранных кандида-

[1] РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 91, д. 252, л. 293 об.–294.

тов 2 человека были ранее отстранены от должностей по подозрению во взятках; 2 оштрафованы; 1 «предан суду за беспечность и нерадение в производстве следствия»; 1 «замечен уголовною палатой в упущении и послаблении виновных»; 1 «замечен в нетрезвом поведении и буйных поступках, публично оказанных им»; 1 был моложе 25 лет, а остальные 17 не имели собственного имения или не были записаны в дворянскую родословную книгу.[2]

Все эти аргументы были известны участникам дворянского собрания, но они продолжали настаивать на несправедливости решения А.Ф. Гурьева. Для опровержения обвинений был составлен развернутый ответ по каждому из кандидатов на выборную должность. Общий смысл контраргументов сводился к констатации невиновности отстраненных дворян: в одном случае утверждалось, что о ходе расследования «собранию достоверно ничего неизвестно», в другом — напротив, сообщалось о недоказанности судом вины кандидатов, а обвинение в неподобающем «нетрезвом поведении и буйных поступках» не подтверждалось свидетельствами очевидцев.[3]

Таким образом, и вице-губернатор, и его оппоненты выстраивали свою аргументацию, по сути, на одном и том же «законном» основании, так как ни одна из сторон конфликта не подвергала сомнению существовавшие требования к спискам кандидатов на выборные должности. Но для участников дворянского собрания формальное применение норм закона без предоставления неопровержимых доказательств, подтверждающих правомерность отказа утвердить результаты голосования, граничило с нарушением дарованного верховной властью права избирать предводителей дворянства, служащих местных администраций и судов. В данном контексте решение вице-губернатора отождествлялось с превышением предоставленных ему полномочий, а следовательно, являлось достаточным основанием для консолидации местного дворянства с целью отстоять право на выражение «общего мнения».

Наиболее радикальной формой вербализации такого рода намерений были заявления о независимости решений дворянского собрания от губернской администрации. Так, например, в январе 1811 г. в результате проверки избирательных списков губернатором Олонецкой губернии В.Ф. Мертенсом выяснилось, что из 44 участников собрания 37 кандидатов не могли участвовать в процедуре баллотирования, так как сведения о них не были внесены в дворянскую родословную книгу. Одновременно с этим оказалось, что к выборам были «...допущены такие дворяне и чиновники, которые состояли под су-

[2] РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 91, д. 252, л. 295.

[3] РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 91, д. 252, л. 295–297.

дом и по оному не оправданы».[4] Так же, как и в описанном выше случае в Казанской губернии, В.Ф. Мертенс аргументировал свой отказ указанием на несоответствие кандидатов формальным требованиям закона. Недовольные таким решением дворяне направили к губернатору «депутацию», в состав которой входили губернский прокурор, а также бывший и только что избранный предводитель дворянства. Но их появление без предварительного уведомления в доме губернатора лишь осложнило положение. Губернатор, по мнению дворян, принял «депутацию» без «должного уважения»[5] и, не желая слушать их аргументы, повторил категоричный отказ утвердить результаты выборов. Такое поведение незамедлительно было оценено как проявление неуважения к мнению дворянского общества и стало основанием для ответных действий: на квартире предводителя дворянства были составлены два «*самопроизвольных акта*», в которых объявлялось о противодействии губернатора исполнению решения собрания. При этом на требование предоставить копии документов, по словам В.Ф. Мертенса, предводитель дворянства заявил: «...Поелику собрание ни в каком случае не подвержено в движениях своих и делах ответу, то и он ничего более донести мне не может, как ровно и доставить мне требуемые копии, не имея от дворянского собрания поручения».[6] По логике предводителя дворянства, если губернатор не имел права присутствовать при голосовании, то он и не должен был вмешиваться в принятие любых решений дворянских представителей. Такая аргументация подчеркивала значимость коллективного мнения и свидетельствует о размышлениях местного дворянства по вопросу о пределах власти губернатора во взаимоотношениях с дворянским собранием.[7]

Своеобразное продолжение дискурс о характере взаимоотношений дворянского собрания и губернского начальства получил в указе Правительствующего Сената от 30 апреля 1811 г. В соответствии с уже сложившимся к этому времени канцеляристским штампом, произошедшее в Олонецкой губернии определялось как «беспорядки при проведении выборов», а наиболее существенным нарушением было признано составление дворянством двух «самовольных протоколов». Недопустимость такого рода действий подчеркивалась посредством

[4] РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 29, 38.

[5] Позднее губернатор объяснил, что он был болен и поэтому вышел к дворянской «депутации» в «неподобающей» случаю одежде (РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 35 об.–36).

[6] РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 37.

[7] Основанием для размышлений по данном вопросу могли быть указы от 16 августа 1802 г., устанавливавшие ответственность губернаторов за превышение властных полномочий [ПСЗ, т. 27, 1830, № 20372, с. 221–222; № 20374, с. 223–226].

оценочного суждения о содержании этих документов: «...Собрание дворянства Олонецкой губернии в доме бывшего губернского предводителя Киприянова составило два протокола, наполненные выражениями непристойными на счет установленной законами власти и неприличными образу мыслей благородного сословия рассуждениями, дух неповиновения обнаруживающими».[8] В резолютивной части указа негативная оценка действий дворянства была подкреплена сообщением об уничтожении «самовольных протоколов» «как содержащих в себе *несправедливые* и *противозаконные* укоризны и жалобы на счет начальства губернии».[9] По указу от должностей были «отрешены» советник губернского правления, дворянский предводитель и губернский прокурор, а все дворяне, подписавшие «самовольный» протокол, подвергнуты «надлежащим по закону взысканиям». Более того, для предотвращения аналогичных инцидентов в будущем было приказано объявить всему олонецкому дворянству «Его Величества неудовольствие» и «опубликовать» утверждённое императором решение Сената «по всем губерниям».

Анализируя приведенные выше случаи, важно отметить, что в российском законодательстве не было прямого запрета на выражение несогласия дворянского собрания с решением губернатора по вопросу о неутверждении кандидатов на выборные должности. Возможно, именно поэтому в тексте указа не было никаких ссылок на юридически значимые документы. Вместо этого сообщалось, что император считает поступок олонецкого дворянства «предосудительным и неблагонамеренным», а следовательно, недопустимым для любого российского подданного. Таким образом, несмотря на достаточно жесткую риторику власти о необходимости предотвращения «законопротивных поступков» и неотвратимость «суждения по законам» всех виновных лиц, в тексте указа доминировали не юридические, а морально-этические аргументы, высказываемые в назидательно-воспитательной форме с целью обозначить «внешние границы» для проявления групповой солидарности дворянства.

Аналогичным образом могли действовать и дворянские собрания, аргументируя заведомо противоречащее установленным нормам и процедурам решение, посредством апелляции к позитивно окрашенным концептам «общее благо» и «общая польза». Так, например, при проведении сенаторской ревизии в Саратовский губернии было выявлено, что 14 января 1825 г. после проведения баллотировки кандидатов на выборные должности участники голосования составили *«особый акт»* об избрании на очередное трехлетие служащих в уездные и

[8] РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 38 об.

[9] РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1811 г., д. 293, л. 38–38 об.

земские суды. Необходимость составления данного документа была продиктована очевидным для самих дворян несоответствием избранных кандидатов требованиям законодательства, и одновременно, уверенностью в том, что такое несоответствие *не имеет принципиального значения* в случае, когда личные и профессиональные качества претендентов не вызывают у членов дворянского собрания никаких сомнений. Аргументируя принятое решение, уездный предводитель дворянства с «наличными благородными дворянами, собравшимися в губернском городе Саратове», констатировал: «...По совершенному неимению в обоих наших уездах из наличных свободных дворян на баллотирование право имеющих, по известной нам способности, честному служению и хорошему поведению, избрали мы жительствующих в наших городах Камышине и Царицыне дворян, не имеющих в округе онаго деревень, ни поместьев, а только одни в городах дома и при них услугу...»[10]

Высказанная аргументация отражает несколько ключевых для понимания представлений наиболее активной части поместного дворянства позиций. Во-первых, дворянское собрание, по сути, предложило руководствоваться не формальными правилами, а практической целесообразностью, что позволило бы учитывать местные обстоятельства в тех губерниях Российской империи, где по объективным причинам численность дворян была недостаточной. Не выражая сомнения в важности установленных законом критериев для отбора кандидатов, авторы «акта» акцентировали внимание на том, что принятое решение не противоречило главной цели проведения выборов — выдвижению наиболее способных представителей дворянства на выборные должности. Во-вторых, обозначенный в «особом акте» об избрании дворян Саратовской губернии принцип необходимости адаптации действующего законодательства к местным условиям, существенно расширил бы «границы» свободы выбора дворянского собрания при подборе достойных кандидатов на выборные должности. По сути, принятое участниками дворянского собрания Саратовской губернии решение было своеобразным продолжением обозначенной в п. 65 «Жалованной грамоты дворянству» нормы. Юридически зафиксированное право исключать из собрания «дворянина, которой опорочен судом, или которого явный и бесчестный порок всем известен, хотя бы и судим еще не был...» [Грамота на права, 1987, с. 37], дополнялось признанием способности дворянского собрания адекватно оценить личные качества претендентов и их «готовность» к службе на выборных должностях, даже в том случае,

[10] РГИА, ф. 1557, оп. 1, д. 88, л. 14–14 об.

если они по каким-либо формальным основаниям не должны были участвовать «в баллотировке».

Следует заметить, что подобная логика обоснования допустимости исключений из «общих правил» неоднократно использовалась в обращениях к министру внутренних дел. Характерным примером, позволяющим прояснить общий контекст принятого Саратовским дворянством решения, может служить представление министру внутренних дел от ярославского губернского предводителя Н.А. Майкова, который в декабре 1813 г. просил допустить к выборам ранее «оштрафованных» и находящихся под следствием до решения суда дворян. По его мнению, установленный указом Сената 15 марта 1809 г. [ПСЗ, т. 30, 1830, № 23538, с. 879, 880] запрет существенно осложняет «определение» на выборные должности тех, кто, «имея способности, и состоя доброго об них мнения дворянского сословия, в случае избрания могли бы обществу быть полезны».[11] В такой формулировке необходимые для достижения «общей пользы» отступления от «буквы закона» могли быть допустимы на основании признания дворянским сообществом у кандидатов необходимых для работы на выборных должностях личных и деловых качеств.

Одновременно с утверждением о достаточности «доброго мнения» местного дворянства Н.А. Майков использовал еще один важный аргумент: отстранение от участия в выборах лиц, обвиняемых в совершении незначительных проступков, может привести к необоснованному нарушению их избирательных прав, так как окончательное решение по делу еще не принято, а следовательно, они могут быть признаны невиновными. В случае принятия судом оправдательного решения превентивное отстранение от выборов становилось несправедливым наказанием для дворянина. С этих позиций автор органично совмещает утверждение о способности дворянского сообщества адекватно оценить способности дворянина с презумпцией его невиновности до момента вынесения судом окончательного решения. Обращаясь к министру внутренних дел, предводитель дворянства четко обозначил цель своего обращения: «...Дабы неумышленно впадший в преступление, но сам по себе способный и почетный дворянин по одному наименованию бытия его под судом не мог лишиться принадлежащих ему преимуществ, я за непременный долг поставил ходатайствовать у Вашего Высокопревосходительства о разрешении тем дворянам права на выборы».[12] Одновременно с этим предлагаемое смягчение формальных ограничений, по мнению автора, могло предотвратить «в дворянах недостаток» на предстоящих в 1814 г. вы-

[11] РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 89, д. 201, л. 31б–31б об.

[12] РГИА, ф. 1284, оп. 4а, 1814 г., кн. 89, д. 201, л. 33 об.–34.

борах, так как часть дворян еще не возвратилась в губернию после службы в ополчении. Последний аргумент, хотя и был представлен как отражение особых обстоятельств послевоенного времени, подчеркивал практическую целесообразность доверия «общему мнению» дворянского собрания в контексте не только прав, но и обязанности представить кандидатов на выборные должности.

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют разнонаправленность аргументов о значимости «общего мнения» и возможности его отстаивания дворянским собранием. Одновременно использовались как аргументы, основанные на признании важности неукоснительного соблюдения закона, наличия права и обязанности собрания «наполнить места от выборов дворянства зависящие», так и высказывания о целесообразности разрешить собранию самостоятельно определять способности кандидатов, даже в том случае, если по формальным критериям они не могли участвовать в выборах. На этом фоне право коллективно избирать кандидатов на выборные должности противопоставлялось субъективному мнению губернатора, которое можно было оспорить, обратившись к министру или императору. Такая логика разрешения конфликта не предполагает институционального противопоставления общего мнения дворянства губернской власти. Возникавшие конфликты не были демонстрацией политической оппозиции и отражали отношение к личности губернатора, стилю его взаимоотношений с дворянством управляемой им территории. Но даже такой ситуативно-личностный, а нередко и сугубо утилитарный характер обстоятельств возникновения электоральных конфликтов сопровождался аргументацией права дворянства на выражение несогласия с мнением регионального начальства. Содержательно высказываемые аргументы основывались на сочетании принципов взаимозависимости частной пользы и общего блага, важности соблюдения не только буквы, но и духа закона с традиционной патерналистской моделью взаимоотношений власти и российских поданных. При этом воспроизведения идейных установок европейской философии просвещения не сопровождались упоминанием какого-либо первоисточника и преподносились как общеизвестные для образованного дворянина истины. Таким образом в среде провинциального российского дворянства идеалы европейского просвещения сознательно, или в качестве действенного риторического приема, использовались для достижения утилитарных целей, но даже в такой форме их воспроизводство способствовало осознанию возможности критически оценивать решения местных властей в случае, если они противоречили публичным заявлениям верховной власти.

Список литературы

Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. 628 с.

Список опубликованных источников

Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства // Российское законодательство X–XX вв. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 23–53.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 27: 1802–1803. СПб., 1830. 1122 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: 1649–1825 гг. Т. 30: 1808–1809. СПб., 1830. 1404 с.

УДК 93/94+930.85

Е.М. Юхименко
Государственный Исторический музей, Москва

Книжная культура старообрядцев-филипповцев второй половины XIX века*

Статья посвящена книжной культуре одного из «закрытых» беспоповских согласий — филипповского. Автор анализирует наиболее интересную часть книжного собрания Братского двора — московской общины, со второй четверти XIX в. ставшей центром всего согласия. Из записей на кодексах этой обширной библиотеки следует, что в филипповский центр стекались старопечатные книги из различных регионов России — центральных областей, Севера и Северо-Запада, центрально-черноземных районов. Приводятся сведения, что книжным собранием Братского двора пользовались не только московские, но и иногородние книжники. Новые материалы позволили автору проанализировать творческую лабораторию неизвестного ранее филипповского книжника — инока Сергия Кокшеньгского.

Ключевые слова: старообрядчество, филипповское согласие, книжность, книжная культура, библиотеки, старопечатные книги, рукописи.

Труды Н.Н.Покровского по изучению истории старообрядчества имеют большое методологическое значение, в том числе и в области изучения книжной культуры поборников древнего благочестия. Путешествия за редкими книгами, глубокий анализ собранных в археографических экспедициях материалов, архивные разыскания позволили ученому представить миру уникальное явление: как бы ни были оторваны от внешнего мира старообрядческие общины, они сохраняют свою приверженность к книге как источнику авторитетного знания, имеют общинные библиотеки и продолжают письменные традиции Древней Руси.

Далеко не все старообрядческие общины и даже центры согласий изучены полно и всесторонне. До самого последнего времени к числу почти не изученных относился московский Братский двор, со второй четверти XIX в. ставший центром филипповского согласия. Основным источником сведений о Братском дворе долгое время оставалось исследование 1865 г. «Старообрядческая Покровская молельня и филипповская часовня в Москве» А.Г. Вишнякова [Вишняков, 1865], новые работы появились лишь полтора столетия спустя. М.В. Першина обратилась к документальным источникам и переписке филипповских общин, что позволило ей подробно охарактеризовать ведущую роль московской общины в истории филипповского согласия в XIX в. [Першина, 2006; Першина, 2009а; Першина, 2009б; Першина,

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-112-00060.

© Юхименко Е.М., 2020

2013]. Т.В. Игнатовой также удалось найти и частично опубликовать архивные документы следственного характера второй половины XIX — начала XX в. [Игнатова, 2009]. Нами был выявлен ряд документальных источников официального делопроизводства, книжные и материальные памятники, освещающие историю общины за более протяженный период и позволяющие говорить о ее внутренней жизни [Юхименко, 2008, с. 52–54; Юхименко, 2011; Юхименко, 2017].

Уже в начале XIX в. на Братском дворе были организованы иконописная, меднолитейная, книгописная и переплетная мастерские [Вишняков, 1865, с. 58]. Это направление деятельности попечителей и наставников Братского двора позволяет предположить, что община располагала и большим книжным собранием. Однако источники, позволяющие судить о его составе, относятся к более позднему времени.

Составленная 15 июня 1980 г. по распоряжению Министерства культуры «Опись культового имущества часовни старообрядческой общины беспоповцев филипповского согласия в г. Москве, Преображенский вал, 17 (на территории Преображенского кладбища)»[1] зафиксировала наличие лишь 35 книг. В их числе преобладают богослужебные печатные кодексы, изданные преимущественно до 1652 г.: три Часовника, две Псалтыри, Апостол 1643 г., служебные Минеи (общая и полный круг месячных Миней), Триодь цветная, Октай в 2-х частях, Пролог, Потребник, Канонник, Евангелие напрестольное 1651 г. и недельное 1652 г., Златоуст почаевской печати. В 1980 г. были описаны только три рукописные книги: «Торжественник, рукопись с заставкой и инициалами поморского типа в красках и золотом», «Обиход на крюковых нотах, рукопись с инициалом поморского типа чернилами» и «Книга о вере, рукопись без начала, полуустав».

Судя по двум рукописным спискам книг, официальный перечень не охватывал всего книжного собрания филипповской общины даже на 1980-е гг.: оно было гораздо более обширным.

В настоящее время книги, некогда находившиеся на Братском дворе, рассредоточены по разным государственным и частным собраниям.

Та часть собрания, которую мы имели возможность изучить, позволяет сделать интересные наблюдения и выводы о книжной культуре московских филипповцев.

Вкладные записи, сохранившиеся на печатных кодексах, показывают,[2] что в собрание Братского двора влились книги, неког-

[1] Архив автора.

[2] Описание книг см.: [Юхименко, 2017, с. 562–569]. Далее указываются номера по данному списку.

да бытовавшие в монастырях и церквах Центральной России. Так, апрельская *Минея* (МПД, 17.02.1625) была дана вкладом в монастырь Саввы Вишерского в 1636 г. инокиней Марфой, матерью царя Михаила Федоровича (№ 4); майская *Минея* (МПД, 04.12.1626) — в Хотьковский монастырь в 1645 г. Патриархом Иосифом по родителям преподобного Сергия Радонежского «в вечный помин» (№ 5); *Апостол-петр* (МПД, 30.09.1633) — в Благовещенскую церковь села Потапово Вяземского уезда в 1638 г. царем Михаилом Федоровичем (вкладная запись выполнена подьячим приказа Большого дворца Любимом Асмановым; № 7); *Апостол-петр* (МПД, 15.08.1635) — в Богоявленскую церковь села Лацкое (Мологского уезда Ярославской губернии) в 1635 г. боярином князем Алексеем Юрьевичем Сицким (№ 9); *Требник мирской* (МПД, 20.07.1639) — в церковь в селе Кузминки Рязанском уезде (родовую вотчину Морозовых) в 1640 г. человеком боярина Ивана Васильевича Морозова Никитой Гордеевым (№ 11); июньская *Минея* (МПД, 21.11.1627) — в церковь Владимирской иконы Богоматери с приделом Параскевы пятницы во второй четверти XVII в. соборным старцем Троице-Сергиева монастыря Вассианем Ларионовым (№ 6); *Пролог (сентябрь-февраль)* (МПД, 29.08.1641) — в московский Новодевичий монастырь в 1641 г. дьяком Посольскаго приказа Максимом Григорьевичем Матюшкиным (№ 13); *Пролог (сентябрь-ноябрь)* (МПД, 29.08.1641) — в Преображенский храм с приделами во имя преподобных Сергия Радонежского и Михаила Малеина в Радонеже в 1643 г. стольником воеводой князем Петром Федоровичем Волконским (№ 14); *Триодь постная* (МПД, 01.12.1642) — «в дом Иоанна Предтечи» (по всей видимости, в Предтечев и Вознесенский монастырь в Вязьме, основанный Герасимом Болдинским в 1642 г.), в 1653 г. по боярине А.М. Львове (№ 16); *Минея общая (с праздничной)* (МПД, 02.02.1645) — в Задне-Никифоровскую пустынь (Важеозерский Спасо-Преображенский монастырь) в 1659 г. (№ 18); *Минея февраль* (МПД, 25.01.1646) и *июль* (МПД, 01.06.1646) — в гороховецкий Благовещенский собор в середине XVII в. посадским человеком г. Гороховца Игнатием Суздальцевым (№ 20, 21).

Помимо этого, на точное место бытования ряда книг указывают владельческие записи: *Минея сентябрь* (М., печатник Василий Федоров Бурцев, 30.08.1636) была куплена на мирские деньги в придел апостола Иакова Алфеева в Знаменский храм на Ильине улице в Новгороде в 1692 г. (№ 8); *Триодь цветная* (МПД, 06.12.1635) во второй трети XVII в. принадлежала церкви архистратига Михаила и Казанской иконы Богоматери «новоявленные» в селе Лаврентьев Холм Борисоглебского уезда Ярославской губернии (№ 10); *Псалтырь с*

восследованием (МПД, 18.08.1640) во второй половине XVIII в. была передана из Димитриевской церкви села Шевницына в Вологодскую духовную консисторию (№ 12); *Минея январь* (МПД, 20.06.1644) в первой половине XVIII в. была продана церковным старостой Устьмошской волости Каргопольского уезда в Введенскую церковь Ундозерского прихода Коштугской волости Вытегорского погоста (№ 15); *«Лествица» Иоанна Лествичника* (МПД, 01.03.1647) в 60-е гг. XVIII в. находилась в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре (№ 23); *Требник* (МПД, 26.09.1651) во второй половине XVII в. принадлежал церкви Фрола и Лавра Колоденского стана Тульского уезда (№ 28).

Географические привязки имеют еще несколько владельческих записей: *Уложение* (МПД, [29.01.1649]) принадлежало «новгородцу Водския пятины» князю Терентию Васильевичу Мыщецкому в 1678 г. (№ 25); *Псалтырь* (МПД, 05.12.1650) — священнику села Шеметова Рождественского стана Переславль-Залесского уезда Константину Алексееву в 1720 г. (№ 26); *Книга о вере* (МПД, 08.05.1648) — орловскому купцу Андрею Андреянову Заикину в XVIII в. (№ 24); *Евангелие учительное* (МПД, 12.06.1652) — орловскому купцу Алексею Иванову Золотареву в 1801 г. (№ 29).

Из записей на кодексах собрания Братского двора следует, что в филипповский центр стекались старопечатные книги из различных регионов России — центральных областей, Севера и Северо-Запада, центрально-черноземных районов.

Книжное собрание Братского двора не лежало под спудом. Им пользовались не только московские, но и иногородние книжники.

В 60-е гг. XIX в. филипповские начетчики Владимир Терентьевич и Стефан Фролов (впоследствии старец Сергий), составители «Изыскания о иноческом пострижении» (1864–1869 гг.),[3] в поисках историко-церковного материала обратились к книжнице Братского двора: «В Москвѣ у нас на Братском мы видѣли у Ивана Родионовича потребник, должно быть, Ермогена или Филарета Патриарха...»[4]

Использовались и Выговские Четии Минеи, привезенные на Братский двор в 1864 г. филипповцем Андреем Михайловым. В рабочих материалах инока Сергия находим выписку из послания Климента Папы Римского: «Мѣсяца ноября в 25 день Послание святаго священномученика Климента, епископа Римскаго, ученика святаго апостола Петра, ко Иакову апостолу, брату Господню, во Иерусалим. И о житии его и родителей его и двою брату его. (*Нач.*) Климентъ Иякову господину епископу и епископомъ епископу. Соблюдая же

[3] Подробнее см.: [Юхименко, 2018, с. 168–178].

[4] ИРЛИ, собр. Каликина, № 52, д. 14.

во Иерусалимѣ християнскую церковь...»[5] На полях рядом с текстом сделаны пометы: «Минѣя Четья, писанная поморскими отцами», «лист 587». Это точная отсылка к ноябрьскому тому Выговских Четиих Миней,[6] такой номер листа написан полууставом на нижнем поле (по современной фолиации л. 583). Далее инок Сергий сделал еще несколько пространных точных выписок, указав номера листов: л. 611 об. (современный номер 608 об.), 612 об. (современный номер 609 об.). На нижнем поле л. 323 об. приписано: «С<вя>т<аго> Климента, по имени нарицается Фавст. Зри лист 604 на обор<оте> и 621, оборот, строка 15я». Эти указания точно совпадают с текстом, помещенным в ноябрьском томе Выговских Четиих Миней.

Недавно обнаруженные рабочие материалы инока Сергия, составляющие объемистый том в 561 лист размером в 4°,[7] содержат ценный материал о книжной культуре филипповского согласия в целом. Находим упоминания о книгах, к которым обращались филипповские начетчики или которые требовались московским и провинциальным книжникам.

Инок Сергий записал финансовый расчет за книги, отправленные Симеоном Гавриловым: «17 числа сентября 7386 отец Сем<ен> писал Ив<ану> Р<одионову>, что он велел взять за 4 книги: за 2 Катихизиса, Григориево видѣние и ... (оставлено пустое место. — *Е.Ю.*) всего 16 руб. серебром, а он взял 19 руб. за 3 книги и малой Катихисис в свою пользу. Катехисис 3 р. стоит, это значит, в свою пользу оставил 6 руб. сер.» (л. 125).

Для себя инок Сергий записал, с указанием цены, то, что было им «послано с Федором Николаевым Черепановым в Кокшеньгу» 2 мая 7385 (1885) г.: древние — Святое Евангелие острожской печати, 15 рублей; Грамматика Иосифа Патриарха, 7 руб., икона «Тайная вечеря», 2 руб., икона «Преподобные Сергий и Никон Радонежские», 10 руб., меднолитая икона «Покров», 80 коп., другие книги: Никоновской требник 7166 (1658) декабря 10, 24 руб. серебром; Литургия Никона Патриарха 7166 года, 6 руб. серебром; «О литургии, двѣ книжки еретические, о переменѣ и несогласиях оной», по 20 коп., 40 коп.; «1-й год. Сборник протоколов в 1872 г. 1873 года. Изд. в Петербургѣ»,[8] «стоит 50 к.»; «Ефрем Сирин новоблаг.», 6 руб. серебром» (л. 297 об.).

---

[5] Частное собр. М.С. Бывшева (Москва), л. 323 об.–324. Далее отсылки на листы данной рукописи приводятся сразу после цитаты.

[6] ГИМ, Музейское II собр., № 88, л. 583–622 об.

[7] Подробнее см.: [Юхименко, 2019, с. 604–614].

[8] Имеется в виду издание: [Сборник протоколов, 1873].

Несколько раз инок Сергий упоминает своего земляка филипповского наставника Козму Николаевича Попова: «Прим. Сие из древлеписменной книжки выписано от Козь. Васил.» (л. 238); «Примѣчай краткий указ, зри, како у матери Парасковии Алексѣевны в Потребничкѣ, купленном у кокшенского Козьмы Николаевича Попова» (л. 224).

Примечательно, что книжные интересы и стремление доискаться истины заставляли инока Сергия вступать в контакты с представителями не только других старообрядческих согласий, но и официальной Церкви.

О годах жизни Никона Черногорца филипповский книжник беседовал с известным поповским начетчиком Анисимом Васильевичем Швецовым (1840–1908, впоследствии епископ Арсений Уральский): «Сие сказывал Онисим Васильев, писарь архиерея Антония Рогожскаго кладбища, но не утвердительно. Сделано дознание вѣрное, что был он в 11 вѣкѣ, или в 1080 году» (л. 315 об.). В беседах затрагивался, видимо, и более широкий круг вопросов: «Разговаривал сам аз многогрѣшной р<аб> Б<ожий> Сергий лично. 13-го числа июля 7385 года, за Покровским монастырем на Новом селении, с Анисимом Васильевым, моленная Латрыгина в домѣ Павла Ильина. И он, Онисим Васильев, никониян не признает, чтобы они в крещении молились духу лукавому» (л. 315 об.).

В своих разысканиях древних источников о иноческом пострижении инок Сергий и Владимир Терентьев обратились к проживавшему в московском Покровском монастыре ученому архимандриту Амфилохию (Сергиевскому-Казанцеву). Знаток греческих и древнерусских памятников показал старообрядческим книжникам большую тетрадь «в полулист величиной», по его датировке, X в., содержавшую чины пострижения и крещения. Амфилохий читал тексты по-гречески, «а мы оба, — сказано в “Изыскании”, — смотрѣли ту же тетрадь, сидѣли подлѣ его рядом. И показывал много и других вѣщей. ...Лжеархимандрит той Амфилохий читал, а мы смотрѣли оба, и он читал вѣрно и не соврал, увѣрял Богом, и написано рѣшительно из точки в точку, во всѣм согласно с нынѣшними потребниками московскими Филаретовскими и Иосифовскими».[9]

О высокой книжной культуре в филипповской среде свидетельствуют методы работы инока Сергия — книжника. Как видно из его рабочих материалов, он всегда стремился к точности, давал характеристику источника, указывал цитируемые страницы, перепроверял свои и чужие отсылки, собственной подписью удостоверял правильность выписки. Его рукопись пестрит подобными пометами: «Спра-

[9] ИРЛИ, собр. Каликина, № 52, л. 10, 11.

вится? и поставить здѣ лист»; «И о сем доздѣ вѣрно. Сергий. Из самой печатной Баронии книги списах аминь. Аминь, правда»; «Все сие сам лично писах из Большаго Катехизиса. Ин<ок> Сергий»; «Ей-ей, списано с печатной книги уложения царя Алексея Михайловича и провѣрено сие вѣрно. Сергии удостовѣряю»; «Ей-ей, есть, истинно есть. Свидѣтел<ствую>, Сергии, лично читах» (л. 369); «По сему указу отъмѣтить надо листы в Мѣчу духовном, дабы ссылка была там видна. А листы здѣсь написано вѣрно, аз сам повѣрях о сем указании правил (правило 98 Шестого вселенского собора. — *Е.Ю.*), дабы нефальшиво было» (л. 98). Сделав ряд выписок, в том числе из Скрижали, книжник записал на полях: «Все сие своими очесами повѣрил со Скрижалию»; «А листа не написано, положено между листами в безсчетных листах»; «Сие сам лично видѣх в скрижали 13 июля 7385, 1885, в Москвѣ (а не 1877)» (л. 369). Инок Сергий проводил сличение списков: «Провѣрено все здѣ от начала и даже до самаго конца по книгѣ Матф<ея>. Прав<ильника>, что в четверть листа (а не в лист), ибо в ¼ листа оказалась правильнѣе. Сергии инок» (л. 393).

Видным филипповским книжником был северодвинский наставник, с 1878 г. несколько лет исполнявший должность наставника на Братском дворе, Симеон Гаврилов, составитель четырех «Родословных» (1879, 1887, 1894, 1896) и «Жития Герасима Вощикова».[10] Известным книжником в согласии почитался и Михаил Михайлович Синцов из Кимр. Его земляк, Степан Горшков, как свидетельствуют материалы филипповского собора 9 января 1878 (7386) г., сочинил книгу «брачного мудрования», за что был осужден.

Выявленные в настоящее время материалы позволяют составить более полное представление о внутренней жизни филипповского согласия во второй половине XIX в. Книжное собрание Братского двора, включающее старопечатные и рукописные кодексы, с полным основанием может рассматриваться как основа книжного знания во всем согласии. Вместе с тем интерес к книге не ограничивался только столицей. Известны и солидные личные библиотеки, составленные, в частности, Василием Матвеевичем Богдановым[11] и Федором Антоновичем Каликиным.[12] Северодвинье и Москва воспитали таких выдающихся книжников, как Симеон Гаврилов и инок Сергий, творчевсто которых является прямым свидетельством высокой книжной культуры старообрядцев-филипповцев.

---

[10] О нем см.: [Савельев, 1994; Берестецкая, 1999; Щипин, 2003, с. XXI–XXIV; Першина, 2008; Першина, 2009; Першина, 2012].

[11] ИРЛИ, коллекция В.М. Амосова — А.Ф. Богдановой.

[12] ИРЛИ, коллекция Ф.А. Каликина; БАН, собрание Ф.А. Каликина.

Список литературы

Берестецкая Т.В. В.Г. Дружинин, Ф.А. Каликин, С. Гаврилов — коллекционеры старообрядческих памятников // Старообрядчество в России: XVII–XX века. [Вып. 2]. М., 1999. С. 439–450.

Вишняков А.Г. Старообрядческая Покровская молельня и филипповская часовня в Москве. М., 1865. 73 с.

Игнатова Т.В. К истории московского филипповского центра Братский двор во второй половине XIX — начале XX в.: Новые документы из фондов ЦИАМ // Старообрядчество: История. Культура. Современность. Вып. 13. М., 2009. С. 44–62.

Першина М.В. Братский двор в первой половине XIX в. // Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 28–33.

Першина М.В. Братский двор и региональные общины филипповского согласия во второй половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Культура, наука, образование. 2006. № 3. С. 28–33.

Першина М.В. «Житие Герасима Вощикова»: К вопросу об особенностях старообрядческой агиографии // Исторический ежегодник. 2012. Новосибирск, 2012. С. 64–71.

Першина М.В. «Родословия» северодвинских старообрядцев // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 87–106.

Першина М.В. Северодвинские старообрядцы и Братский двор // Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 116–138.

Першина М.В. Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 19–23.

Покровский Н.Н. О роли древнерусских рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Вып. 14. Новосибирск, 1978. С. 19–40.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. 191 с.

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 466 с.

Савельев Ю.В. Северодвинский старообрядец Симеон Гаврилов и его рукописное наследие // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры. Петрозаводск, 1994. С. 86–89.

Сборник протоколов Общества любителей духовного просвещения. С.-Петербургский отдел. Год 1: 1872–1873. СПб., 1873. 471 с.

Щипин В.И. Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М., 2003. XLV с.

Юхименко Е.М. «Изыскание о иноческом пострижении» — филипповское сочинение 60-х гг. XVIII в. // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 168–178.

Юхименко Е.М. К вопросу о книжной основе старообрядческой культуры: Неизвестный филипповский начетчик старец Сергий Кокшеньгский // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: Труды IV Международной научной конференции. М., 2019. С. 604–614.

Юхименко Е.М. Московская филипповская община и ее книжное собрание // ТОДРЛ. Т. 65. СПб., 2017. С. 550–570.

Юхименко Е.М. Поморское староверие в Москве и храм в Токмаковом переулке. М., 2008. 167 с.

Юхименко Е.М. Старообрядчество: История и культура. М., 2016. 851 с.

Юхименко Е.М. Четии Минеи братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. Т. 2. СПб., 2011. С. 302–308.

УДК 94(470)“18/19”

Д.В. Долгушин
Новосибирский государственный университет

Милосердие и благотворительность в зеркале автодокументального текста: Дневник М.В. Орловой-Давыдовой*

Статья посвящена исследованию темы милосердия и благотворительности в дневнике М.В. Орловой-Давыдовой. В статье приводится материал о традициях милосердия и благотворительности в семействе Орловых-Давыдовых, вводится в научный оборот неизвестный исторический источник — дневник М.В. Орловой-Давыдовой. Этот текст одновременно был и летописью жизни монашеской общины «Отрада и утешения», основанной в селе Добрыниха составительницей дневника. Дается археографическое описание некоторых рукописей дневника. Публикуются выдержки из него, относящиеся к осени 1905 г. Делается вывод ценности дневника как источника, по которому можно не только реконструировать внутренний уклад жизни общины «Отрада и утешение», но и исследовать проблемы поэтики автодокументального текста, в том числе взаимодействие в нем различных субжанров автодокументальной прозы: собственно дневника, переписки, мемуаров.

Ключевые слова: О.И. Орлова-Давыдова, М.В. Орлова-Давыдова, автодокументальная проза, дневник, благотворительные учреждения Российской империи, благотворительная деятельность монастырей.

Изучение традиций милосердия и благотворительности является одним из самых динамично развивающихся направлений в современной отечественной гуманитаристике. В последние два десятилетия вышло много как обзорных работ, из которых прежде всего следует назвать монографии П.В. Власова [Власов, 2001], А.В. Постернака [Постернак, 2001], Г.Н. Ульяновой [Ульянова, 2005], так и исследований, посвященных отдельным аспектам данной темы, написанных на региональном и общероссийском материале. Предметом внимания ученых становились история развития благотворительных учреждений, сестричеств милосердия, сословные и региональные традиции благотворительности, благотворительная деятельность частных лиц.

Тем не менее, многие аспекты темы до сих пор остаются незатронутыми. Один из них — репрезентация традиций милосердия и благотворительности в автодокументальных текстах (под автодокументальными текстами мы, вслед за современной практикой употребления этого термина, введенного еще в 1970-х гг. А.А. Урбаном [Урбан, 1970] и Л.Я. Гинзбург [Гинзбург, 2016], а в 2000-х реактуа-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-24-08001.

© Долгушин Д.В., 2020

лизированного И. Савкиной [Савкина, 2007], понимаем дневники, мемуары, письма, автобиографии). Изучение данной проблематики позволит не только собрать новый фактографический материал, но и наметить пути решения теоретических задач, связанных с анализом поэтики автодокументального текста, которые в последнее время все больше интересуют исследователей.[1]

Уникальный и еще не изданный и не введенный в научный оборот материал для исследования данный проблемы имеется в Тихомировском собрании ГПНТБ СО РАН. В его составе хранится обширный массив рукописей, связанных с историей общины «Отрада и утешение», основанной известной благотворительницей М.В. Орловой-Давыдовой.

В роду Орловых-Давыдовых благотворительность была семейной традицией. Бабушка М.В. Орловой-Давыдовой М.Ф. Келлер на свои средства открыла в Санкт-Петербурге Мариинский приют для бедных женщин. Мать М.В. Орловой-Давыдовой Ольга Ивановна (урожденная Барятинская) и ее отец Владимир Петрович, доводившийся внуком одному из знаменитых братьев Орловых, принадлежали к богатейшим родам России: накануне 1861 г. Орловым-Давыдовым принадлежало 268 232 десятин земли и 23 225 душ крепостных.[2] Значительную часть своих фантастических богатств они тратили на благотворительность. В Усольской вотчине О.И. Орлова-Давыдова финансировала целую сеть школ во всех деревнях. Для мальчиков начальное обучение здесь стало обязательным, для девочек также были открыты четыре школы.

Кроме того, О.И. Орлова-Давыдова организовала «детские приюты в Усолье, куда матери-крестьянки на время работ могли привести своих маленьких и грудных детей, для которых за счет графини готовилась необходимая еда и питье. В 1864 г. по ее инициативе в Усолье заново отстраивается специальное место для рожениц — “Родильная баня”, сгоревшая годом ранее. Жалованье повивальным бабкам, дрова, освещение производились за счет вотчинной конторы Орловых-Давыдовых. Также, кроме уже существовавшей больницы для графских служителей, ею были “устроены два больничных дома

[1] См. многочисленные работы, посвященные диаристике, в том числе и женским дневникам. Обратим внимание на статьи Д.В. Минец (например, [Минец, 2012]), диссертацию А.А. Пановой [Панова, 2016]. В зарубежной исследовательской литературе наиболее богатая традиция в исследовании поэтики дневниковой прозы сложилась во Франции (см.: [Le journal, 1993], [Les écritures, 2000], [Les écrits, 2010].

[2] Экономической деятельности Орловых-Давыдовых и хозяйственной жизни их имений посвящены довольно многочисленные работы историков-аграриев, прежде всего это работы Р.М. Житина о Ново-Покровском имении [Житин, 2014; Житин, Мкртчян, 2014] и работы Ю.Н. Смирнова об имениях Орловых-Давыдовых на Самарской Луке [Смирнов, 2012].

для Усольских крестьян и других сел”, один для женщин, другой для мужчин» [Ревуцкая, 2016].

О.И. Орлова-Давыдова не только сама занималась благотворительностью, но и умела увлекать этим других, в том числе крестьян. Она не чуждалось личного и даже дружеского общения с ними, и крестьянки становились ее добровольными помощницами в делах милосердия. В Усолье Ольга Ивановна отважилась посещать крестьянские дома с чтением Евангелия и Псалтири. Поначалу встреченная с недоверием, вскоре она стала желанной гостьей. Послушать ее чтение сходилось множество народу. «Она стала притягательным центром всех благочестивых баб и девиц в своих деревнях, между которыми и распределяла подвиги: хождение за больными, учительство и т.п., — рассказывает И.С. Аксаков. — ...Ученицы ее школ, пропитываясь большею частью тем же миссионерским духом, составили потом постоянный контингент учительниц, сиделок, фельдшериц» [Дмитриев, 2014, с. 61].

Такая же обширная благотворительная деятельность была развернута Ольгой Ивановной и ее супругом Владимиром Петровичем и в другом имении Орловых-Давыдовых — «Отраде». В 1853 г. В.П. Орлов-Давыдов в память своего деда В.Г. Орлова и матери Н.В. Давыдовой учредил здесь благотворительное заведение, содержание которого обеспечивалось процентами с пожертвованного им на эти цели капитала в 30 тысяч рублей серебром.[3] Размещалось оно в строениях при Успенской церкви — каменном двухэтажном доме со службами (это здание сохранилось до нашего времени и до сих пор используется как больница) и двух флигелях. В этих строениях расположилась богадельня на 5 человек, больница на 25 кроватей и аптека. Их услугами могли безденежно пользоваться крестьяне Отрадинской, Щеглятьевской и Знаменской вотчин, деревень Вороново и Гридюкино, относящихся к Отрадинскому приходу, а также монахи Давидовой пустыни. Посторонние лица принимались за соразмерную плату, при наличии свободных мест.[4] К 1866 г. общее число больных, прошедших курс лечения в Отрадинской больнице, достигло 4065 (из них только 602 человека лечились за плату, остальные — безденежно).[5] Персонал больницы и богадельни состоял из врача

[3] РГБ, ф. 219 (Орловы-Давыдовы), карт. 93, № 16 (Положение о благотворительном заведении помещика Давыдова в имении Отрада Московской губернии, проект), л. 1 об.

[4] РГБ, ф. 219 (Орловы-Давыдовы), карт. 93, № 16, л. 2–3.

[5] РГБ, ф. 219 (Орловы-Давыдовы), карт. 93, № 20 (Отчет об Отрадненском Благотворительном заведении, находящемся в Серпуховском уезде Московской губернии в имении графа Орлова-Давыдова с 1 января 1853 по 1 января 1867 г. исключительно), л. 2 об.

Ф.К. Фиргуфа, троих фельдшеров, смотрителя, смотрительницы, двух кухарок, двух сиделок, прачки и пяти чернорабочих.[6] Кроме наемных лиц в уходе за больными участвовали и добровольцы из числа местных крестьян.

И.С. Аксаков, побывавший здесь в 1871 г., был поражен не только размахом благотворительных проектов, но и единодушием, с которым и помещица, и крестьяне участвовали в их реализации. «В Отрадинской больнице ходят за больными, перевязывают раны (и как мастерски!) простые бабы, в сарафанах, как есть крестьянки. ...В женских школах, из которых в одной я был, учат крестьянки же, в своей крестьянской одежде, и только они одни, под руководством графини и ее дочери», — удивлялся он [Дмитриев, 2014, с. 62]. Из этих помощниц О.И. Орлова-Давыдова создала что-то вроде небольшой общины. «Некоторые из этих женщин и девиц, — описывает И.С. Аксаков, — образовали из себя, при содействии графини, род общины, т.е. живут вместе, в помещении, им данном; впрочем, летом ходят помогать своим родным в сельских работах, — да никто и не удерживается, так как тут нет обета, ни иного обязательства. Они учительствуют, ходят за больными в больнице и по избам и в то же время содержатся, т.е. кормятся, своими трудами, возделывая огород, приготовляя пищу, хлебы и т.д. Устава нет, а просто есть приходо-расходная книжка, с которой я взял себе копию: так баснословно дешево все это устройство, что оно доступно для каждого помещика» [Дмитриев, 2014, с. 62].

Благотворительная деятельность О.И. Орловой-Давыдовой нашла определенное отражение и в дневнике,[7] который она вела в 1831–1844 гг. Так, например, в ее девичьих записях большое место занимает мечта взять к себе на воспитание какую-нибудь сиротку, а потом, когда эта мечта осуществилась, описание заботы о принятой на воспитание девочке (в это время Ольге Ивановне было всего 14–15 лет). Но все же в дневнике О.И. Давыдовой темы, связанные с милосердием, не занимают центрального места, это, скорее, семейный дневник. Зато они выходят на первый план в дневнике ее дочери — Марии Владимировны.

Она была близкой помощницей своей матери во всех делах благотворительности в отрадинском имении. Видевший ее там И.С. Аксаков восторгается ее внутренней красотой. «Некрасивая, рыжеволосая девушка, тихая, скромная, молчаливая, но в то же время как бы озаренная каким-то внутренним светом. Она напоминает мне Мадонну Гольбейна. В этой тихости и скромности чувствуется присутствие

[6] РГБ, ф. 219 (Орловы-Давыдовы), карт. 93, № 20, л. 2.

[7] Исследованию его посвящены статьи М. Дебренн: [Дебренн, 2016а; Дебренн, 2016б].

какой-то сосредоточенной нравственной силы, видится горение неугасаемого пламени» [Дмитриев, 2014, с. 63].

М.В. Орлова-Давыдова (1840–1931) в 1898 г., продолжая традиции семейной благотворительности,[8] после многолетней подготовки основала в селе Добрыниха под Москвой женскую общину во имя иконы Божией Матери «Отрада и утешение», главной задачей которой было «служение многоразличным нуждам больных и бедных и сирот окрестного крестьянского населения». В 1898 г. она приняла монашеский постриг с именем Магдалины и с этого времени руководила общиной в сане игуменьи. Община благополучно просуществовала до самой революции, потом была превращена в сельхозартель, а в 1927 г. окончательно закрыта.

В настоящее время история общины остается фактически неизученной, несмотря на то, что имеется достаточно много исследований об истории аналогичных учреждений России рубежа XIX–XX вв.[9] Из всей почти тридцатилетней истории обители серьезно исследован только послереволюционный период, ему посвящены публикации прот. Александра Васильева и И.Н. Ромашина [Васильев, Ромашин, 2011; Религиозная сельскохозяйственная артель «Добрыниха», 2012; Васильев, 2012]. Кроме того, имеются упоминания об общине «Отрада и утешение» в научно-популярной краеведческой литературе [Гарин, 1999; Чулков, 2002], но и они касаются также преимущественно послереволюционного периода. Это и понятно: ведь важнейший исторический источник по дореволюционному периоду — дневники общины «Отрада и утешение» — до сих пор оставались неизвестны исследователям.

Они находятся в Тихомировском собрании (ГПНТБ СО РАН, Тихомировское собр., № 601),[10] где сохранились неизданные автографы дневников — своеобразной летописи общины, которая велась М.В. Орловой-Давыдовой и сестрами общины на протяжении мно-

---

[8] Им были привержены и ее братья: Анатолий Владимирович, делавший громадные пожертвования на Красный Крест во время русско-японской войны, и Сергей Владимирович, в память о своей матери основавший больницу Святой Ольги в Москве. О семействе Орловых-Давыдовых см. работы Н.А. Симоненко: [Симоненко, 2012; Симоненко, 2016].

[9] Указания на литературу вопроса см.: [Козловцева, 2010; Панкрат, 2011].

[10] В ГПНТБ СО РАН, в составе той же единицы хранения Тихомировского собрания, находятся рукописные копии дневников О.И. Орловой-Давыдовой. В настоящее время А.Ю. Бородихин и автор этих строк готовят к публикации статью, в которой будет приведено выполненное А.Ю. Бородихиным их полное археографическое описание. Оригиналы дневников хранятся в РГБ, в фонде Орловых-Давыдовых (Ф. 219) (см. общий обзор этого фонда, выполненный К.А. Майковой [Майкова, 1971]). Недавно было выпущено описание библиотеки Орловых-Давыдовых, хранящейся в Усолье [Усольское собрание, 2015].

гих лет. Всего сохранилось 19 томов рукописных дневниковых записей (включая относящиеся к Общине добрых девушек, учрежденной в «Отраде» в 1891 г.). Каждый из этих томов сплетен из 2–3 тетрадей примерно по 90 листов каждая.

В задачи данной статьи не входит детальное исследование дневников, но в качестве примера приведем археографическое описание тех из них, которые относятся к 1901–1903 гг.

Их рукопись представляет собой три тетради листов белой бумаги в линейку без водяных знаков, собранных под один картонный переплет зеленого цвета. На переплете и на форзаце заглавие фиолетовыми чернилами: «Добрыниха. Тетради XIII, XIV, XV с 5 Сентября 1901 г. по 16 Марта 1903 г.»

Тетрадь XIII состоит из 92 листов 17 × 21 см в линейку без водяных знаков. Текст написан черными чернилами. На л. 1–4 об. помещены списки насельниц обители «Отрада и утешение», распределенных по следующим разрядам:

Л. 1–2 «Список сестер» — 66 человек, с обозначением должности или послушания, например:

1. Строительница монахиня Мария
2. М[ать] казначея монахиня Анна
3. Регентша монахиня Аграфена Ив[анова]
4. Келейница монахиня Анна
5. Свешница монахиня Анна Воронина
6. Просфорня монахиня Александра Фролова
7. Нарядчица монахиня Агафья
8. Ковровая мастерица мон[ахиня] Александра
9. Уставщица монахиня Марфа
10. Монахиня Матрона
11. Садовница монахиня Марина
12. Башмачница монахиня Анна
13. Келейница м[ате]ри Анны монах[иня] Наталья
14. Учительница монах[иня] Мария Силуянова
15. Авдотья Королева скотница
16. Наталья Карпухина
17. Анна Галактионова хлебница и т.д.

Л. 2 об.–3 «Богодельня» — 28 имен с пометками, какая болезнь и откуда попала в богадельню, например:

1. Елена слепая из Заварыкина
2. Авдотья слепая — Оксино и т.д.

— среди них 6 слепых, одна полуслепая, 5 параличных, 1 глухонемая, 1 хромая, 1 психически больная.

Л. 3 об.–4 «Приютки» — 25 детских имен, некоторые без фамилий, например:

1. Лена Лопаткина
2. Нюша Лопухова
3. Акулина Шилова выключена
4. Феня
5. Вера
6. Поля и т.д.

Л. 4 «Школьницы, живущие бесплатно» — 9 имен, с фамилиями, например:

1. Иванова Поля
2. Мелихова Мария
3. Грыбкова Маша
4. Грыбкова Саша и т.д.

Л. 4 об. «Даровые кружевницы» — 10 имен, например:

1. Мелихова Паша
2. Ирина
3. Агаша
4. Никонова
5. Лехова
6. Настя (от Е.П. Васильч[иковой]) увезена
7. Нюша Белкина Бавыкинская
8. Катя, 9. Нюша Бавыкинские, ушли не оставшись и недели 21 окт[ября]
Абрамычева, Нюша, из Оксино

Л. 4 об. «Приходящие»:

Грыбкова
Лукичева
Пучина
Филиппова
Плаксина
Ионова

Далее идут финансовые выкладки по разделам: л. 5 «Бюджет Ивановск[ой] школы»; л. 5 «Бюджет Бабушк. богадельни»; л. 5 об. «Капитал Добрынихи неприкосновенный»; л. 6 «Бюджет Добрынихи».

Л. 6 об.–91: дневник 5 сентября 1901 — 13 марта 1902 г. Дневник состоит из собственных записей М.В. Орловой-Давыдовой (когда она в обители) и из выписок из писем, которые присылали ей (если она была в отъезде) насельницы обители с периодичностью примерно раз в два дня. В таком случае записи начинаются со слов «М[ать] Анна пишет», «молодые сестры пишут», «фельдшерица Елисав[ета] Никол[аевна] пишет», «пишет учительница м[онахиня] Мар[ия] Силуянова» и т.д. Чаще всего пишет мать Анна.

Л. 91 об.–92 «Содержание Тетради XIII».

На л. 15 вклеена фотография строящегося собора, на л. 15 об. — фотография «Башня с баком над Артезианским колодцем», на л. 17 — фотография «Кладбище».

Тетрадь XIV состоит из 97 листов 17 × 21 см в линейку без водяных знаков. Текст написан черными чернилами. Л. 93–97 списки насельниц обители по тем же разрядам, что и в предыдущей тетради. Л. 97 об. «Капитал Добрынихи неприкосновенный», л. 98 «Бюджет Добрынихи». Л. 98–190 Дневник, построенный таким же образом, что и предыдущий, охватывает период с 15 марта по 23 октября 1902 г. Л. 190 об.–191 об. «Содержание XIV тетради». На л. 153 посреди текста вклеена фотография строящегося собора 8 × 10 см. Между л. 161 и 164 вклеено письмо св. Иоанна Кронштадского (л. 162–163), автограф, написано на листах белой линованной бумаги 12 × 21 см фиолетовыми чернилами. Об обстоятельствах, при которых было написано это письмо, М.В. Орлова-Давыдова рассказывает в записи на л. 161 об.: «Пронесся слух, что о. Иоанн Кронштадский будет осенью в Оптиной Пустыне и мне кто-то посоветовал воспользоваться этим случаем, чтобы просить его заехать и к нам помолиться о нашей общине; я так и сделала и получила от него собственноручное письмо, которое вклеиваю сюда». Л. 192 пустой.

Тетрадь XV состоит из 95 листов 17 × 19 см, страницы пронумерованы.

Л. 193–197 списки насельниц обители по тем же разрядам, что и предыдущие. Л. 197 об.–198 «Капитал Добрынихи неприкосновенный». Л. 198 об. «Благотворительный капитал». Л. 199–199 об. «Строительный капитал». Л. 200 «Бюджет Добрынихи». Л. 200 об.–284 Дневник 24 октября 1902 г. — 16 марта 1903 г.

Содержание дневниковых записей (или писем, переписанных в дневник) связано с самыми разными проблемами жизни сестер — и хозяйственными, и духовными, и психологическими. Но поскольку дневник остается для М.В. Орловой-Давыдовой еще и личным дневником, на его страницах отражаются и события семейной жизни Орловых-Давыдовых, а также их аристократических знакомых. При-

ведем в качестве примера записи октября 1905 г. из тетради XVIII (с. 367–372, пагинация рукописи), в которых запечатлелись и хлопоты по устройству жизни обители, и тревоги этого революционного времени:

13 окт[ября]. Четверг. Толоконников, наш поставщик, написал м[онахине] Агнии, что у него *мука уже на исходе*. Он посылал в Серпухов, но и там нет подвоза. Сахару у нас только две головы, церковного вина только две бутылки. Положение делается серьезным. Вдобавок водяные мельницы все, кроме одной, сломаны напором воды. — Я послала депеши в Петербург и Крым к родным, не имея возможности получать о них известия по почте. Говорят, что в одном месте рельсы разобраны. Чем это все кончится?

После вечерни были у меня в ризнице две Матреши, Паша, Даша, Таня Жирнова, Маша Волкова, Ириша, Нюша и м[онахиня] Александра, утешаюсь и поучаюсь, слушая их откровение (имеется в виду откровение помыслов. — *Д.Д.*).

14 окт[ября]. Пятница. Вчера был первый снег, но мокрый, и затем дождь, так, что дорога стала еще непроходимее.

Я зашла в собор, где маляр красит перегородку у выручки. Как хорошо обходить там изображения святых в тишине и безмолвии; удивительно отрадно, мирно и торжественно делается на душе.

В школе занимается батюшка и две наши приютки. Зашла из школы в приют и заставила там девочек читать. Маша Гурова, кажется, довольна своим новым послушанием при кухне приюта. Она мне очень нравится.

Призываю к себе сестру Нюшу Татаринову, которая, говорят, собирается уходить в другой монастырь, более строгий. Спрашиваю ее об этом, она подтверждает этот слух и говорит, что здесь ей жить слишком легко, что нет старших, которые бы руководили, хочет идти в Аносино. Приводит в пример Грушу Кудинову, которой будто бы не делали никаких замечаний вовремя, что довело до изгнания ее. Я ответила ей, что в этом она очень ошибается, что Грушу не раз останавливали и увещевали и Марья Андр[еевна], и м[онахиня] Агния, но она никого не хотела слушать. Про Аносино я сказала ей, что там действительно опытная и очень строгая Игуменья, но она уже стара, и все может измениться с ее смертью. Здесь же, мне кажется, ничего не мешает спасться, если мы только того усердно пожелаем. Сестры, живущие с ней в келлии все очень хорошие, чего и она не отрицает. Если же она желает подвигаться в духовной жизни, то самый верный к тому способ, по указанию Свв. Отцов, это откровение помыслов, которое способствует вниманию и очищению от грехов и страстей.

Разговор кончился тем, что она обещала приходить ко мне. Мне кажется, из нее может выработаться хороший монах.

Сестры заняты стиркой приютского белья и откачиванием колодцев; работают также в мастерских.

15 окт[ября]. Суббота. Обедня в богадельне. Причащаются сестры Матреша Д. и Паша и 7 старушек. Наташа Балбекова в страшно раздраженном состоянии, говорит, что больше не может продолжать своего послушания. За каждую мелочь страшно сердится; просит сменить ее. В приюте слушаю урок батюшки, пока Д. Ульяшова и Ксюша занимаются с другими двумя отеделениями. Зашла в гостиницу, где моя келейница Аннушка устанавливает мебель по комнатам. Сестры колют дрова и складывают их у водокачки. В больнице доктор делает прорез в распухшем колене Нюши Петербургской. Вечером О.Н. Шумов говорит нам о слухах, будто собираются мятежники осаждать Добрыниху, сначала пойдут на Мещерское, выпустят там сумасшедших, потом пойдут на нас. Мне кажется, можно теперь всего ожидать. В Серпухове забастовала фабрика Коншина.

Даже предварительное знакомство с рукописями дневника приводит к выводу о том, что сохранившиеся в нем материалы позволяют подробно изучить историю общины «Отрада и утешение» от ее возникновения до предреволюционной эпохи, реконструировать внутренний уклад общины (бытовые условия, отношения между начальствующими и рядовыми сестрами, отношения насельниц между собой, финансово-экономические условия и т.д.), особенности педагогической деятельности, специфику попечительских и медицинских проектов общины, отношения с государственными и церковными властями, практику душепопечения и духовно-нравственного воспитания в общине. На страницах дневника взаимодействуют различные субжанры автодокументальной прозы: собственно дневник, переписка (диаристка часто включает в подневные записи эпистолярные элементы), мемуары. Исследование того, каким образом служение милосердию и благотворительности репрезентируется в системе этих автодокументальных текстов, могло бы способствовать изучению поэтики текстов такого рода.

Список литературы

Васильев А., прот. Формы сохранения монастырских общин в годы гонения на Церковь 1917–1930-е гг. на примере некоторых обителей Подмосковья. Автореферат дисс. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2012. 21 с.

Васильев А., прот., Ромашин И.Н. «...Работая на началах самоуправления»: Из истории женской общины «Отрада и утешение», преобразованной в сельхозартель «Добрыниха». 1918–1927 гг. // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 193–199.

Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. 446 с.

Гарин Г.Ф. Община «Добрыниха»: Последние десятилетия // Призыв. 1999. № 120–121.

Гинзбург Л. О психологической прозе. О литературном герое. СПб., 2016. 704 с.

Дебренн М. Сопоставительный девиатологический анализ переписанных дневников О.И. Давыдовой и первичных текстов // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Вып. 3. № 14. С. 59–75.

Дебренн М. Французский язык дневников Ольги Давыдовой как пример русско-французского аристократического билингвизма // Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири: Материалы международного научного семинара. М., 2016. С. 181–201.

Дмитриев А.П. И.С. Аксаков о святителе Филарете: Новые материалы из фондов рукописного отдела ИРЛИ РАН // Филаретовский альманах. Вып. 10. М., 2014. С. 43–68.

Житин Р.М. Социальные характеристики административного аппарата ново-покровского имения графа А. В. Орлова-Давыдова // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 11. С. 200–207.

Житин Р.М., Мкртчян Т.Г. Социальные аспекты развития крупных имений России: На материалах Ново-Покровской экономии семьи Орловых-Давыдовых // Вестник Тамбовского государственного университета. 2014. Вып. 12 (140). С. 1–8.

Козловцева Е.Н. Московские общины сестер милосердия во второй половине XIX — начале XX в. М., 2010. 207 с.

Кончин Е. Сокровища усадьбы Отрада // Московский журнал. 2001. № 3. С. 41–45.

Майкова К.А. Архив Орловых-Давыдовых // Записки отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 32. М., 1971. С. 5–60.

Минец Д.В. Концепты идентичности в автодокументальном дискурсе: Гендерный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. 2012. № 5 (3). С. 68–73.

Панкрат Т. Благотворительная деятельность приходских попечительств Москвы: Вторая половина XIX — начало XX столетия. М., 2011. 192 с.

Панова А.А. Языковое конструирование личности автора дневника в религиозном дискурсе: На материале дневников русских священнослужителей второй половины XIX — первой половины XX в.: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 259 с.

Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. М., 2001. 303 с.

Ревуцкая Е.М. Графиня О.И. Орлова-Давыдова, урожденная княжна Барятинская, как благотворительница и поборница просвещения // Кирилло-Мефодиевские чтения в СамГТУ: Сборник материалов XII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. 18 мая 2016 г., Самара, СамГТУ. Вып. 4. Самара, 2016. С. 97–100.

Религиозная сельскохозяйственная артель «Добрыниха» 1917–1934 гг.: Сборник документов и материалов / Авт.-сост.: прот. Александр Васильев, Ю.Н. Герасимова, О.Е. Думенко, А.Н. Казакевич, Н.В. Круглова, С.В. Чирков. М., 2012. 408 с.

Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М., 2007. 438 с.

Симоненко Н.А. Тайны графской усадьбы: Новое о братьях Орловых и усадьбе «Отрада». Изд. 4-е, перераб. и доп. М., 2016. 447 с.

Симоненко Н.А. Частная жизнь графа Орлова-Давыдова, или одно удивительное лето. М., 2012. 231 с.

Смирнов Ю.Н. Владения Орловых на Самарской Луке и в окрестностях: Территория и наследники в последней трети XVIII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 2. С. 210–222.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи XIX — начала XX века. М., 2005. 403 с.

Урбан А. Автодокументальная проза // Звезда. 1970. № 10. С. 4–77.

Усольское собрание графов Орловых и Орловых-Давыдовых в историческом и культурном ландшафте Самарской Луки: Историко-краеведческий сборник. Самара, 2015. 545 с.

Чулков Н.А. Сказание о земле Домодедовской: Очерки краеведа. Домодедово, 2002. 224 с.

Le journal personnel. Paris, 1993. 245 p.

Les écrits du for privée en Europe. Bordeaux, 2010. 289 p.

Les écritures de l'intime: La correspondance et le journal. Actes de colloque de Brest. 23–25 octobre 1997. Paris, 2000. 249 p.

УДК 261.6(571.1/.5)

Е.Е. Дутчак
Томский государственный университет

Полемика о деньгах сибирских староверов-странников: экономические причины и социальные последствия (1870–1920-е гг.)*

Полемика между странническими общинами, разделившимися на «принимающих деньги» и «безденежных», рассматривается в контексте экономических процессов в сибирском регионе. Полемические послания, составленные оппонентами для обоснования своих позиций, миссионерская периодика и делопроизводственная документация, открывающие особенности хозяйствования в таежной зоне, позволяют реконструировать способы формирования скитскими общинами устойчивых взаимодействий с сельской округой. В статье представлены выявленные полемические сочинения томско-чулымских странников и проведен сравнительный анализ социальных стратегий таежных монастырей, по-разному решивших для себя проблему управления скитскими финансами.

Ключевые слова: староверы-странники, религиозная полемика, старообрядческий скит, сибирское крестьянство.

Положение о внутренней полемике как факторе развития эсхатологических доктрин староверия было доказано исследованиями академика Н.Н. Покровского, его коллег и учеников. В настоящее время этот корпус работ выступает основой для постановки вопроса о корреляциях между идейными смыслами «прений о вере» и экономическими стратегиями отдельных согласий.

Особое значение он имеет при изучении страннического (бегунского) согласия, чье вероучение базировалось на тезисе о разрыве с «никонианским миром», а легальное включение в современные хозяйственные реалии требовало оправдания. Далеко не всегда это шло гладко и безболезненно. Исследователи сходятся во мнении, что объективное противоречие между эсхатологическим текстом и повседневными интересами мирян, материально обеспечивавших передвижения и нелегальное проживание крещеных странников, вынуждало постоянно искать их баланс [Мальцев, 1996, с. 184–224; Расков, 2012, с. 186–204]. Причем появление подчас взаимоисключающих позиций относительно торговли, ростовщичества и предпринимательства зависело от того, как локальное сообщество монахов и их «благодетелей» определяло сущность денег в «последние време-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

© Дутчак Е.Е., 2020

на» — признаются ли они удобным средством платежей и расчетов или пользование ими приобретает апокалиптическую окраску.

Споры по этому поводу начались в 1810-е гг., и их роль в истории согласия следует оценивать как сопоставимую по значению с участием в общестарообрядческой полемике о «записи в раскол», «укрывательстве за попами» и молении за государственную власть в последней трети XVIII — начале XIX в. Во-первых, они связали воедино вопрос о природе царствующего антихриста с разрешением деловой активности монашествующим и разделили согласие на «принимающих деньги» и «безденежных».[1] Во-вторых, благодаря им был сформирован массив полемической литературы, к которому при необходимости могли обратиться региональные общины.

О необходимости следует сказать особо. Например, в томско-чулымском скиту,[2] основанном в 1830-е гг. при поддержке поволжского купечества, рассмотрение темы денег началось только на рубеже 1870–1880-х гг. Результатом дискуссии стал раскол скитской общины и взаимный запрет на молитвенное общение. Однако в условиях таежного быта это исключало хозяйственную автономию: оппоненты продолжали жить рядом и помогать друг другу. Тем более неожиданным выглядит возобновление спора в 1920-е гг. и присоединение к нему практически всех скитских общин региона.

Дискретный характер развития полемики позволяет на ее примере реконструировать обстоятельства, заставившие сибирских странников дважды обсуждать экономическую сторону вероучения, и показать принципы формирования в равных условиях разных моделей интеграции с сельской округой.

Для понимания социального контекста, в котором проходило самоопределение скитников в последней трети XIX в., необходимо учитывать процессы двух уровней: региональные, обусловленных развитием Сибири как части империи, и локальные, отразившие реакцию местных властей на проживание в тайге людей без документов и опасными для монархии и Церкви взглядами. Например, вызовами для таежного монастыря, одинаково нуждавшегося в финансовой поддержке «дальних благодетелей» и трудовой помощи окрестных крестьян, явились, во-первых, вмешательство государства в землепользование сибирской деревни — мероприятия по учету движения населения и передача казенных и кабинетских земель под оброчные статьи и переселенческие участки; во-вторых, спровоцированные узостью рынка колебания цен на нужные общине растительное мас-

[1] Сибирские странники присоединяются к обсуждению в 1820-е гг. [Мальцев, 1994, с. 12].

[2] Поселение локализовано на правобережье р. Обь (Томская область).

ло, соль и крупы [Крестьянство, 1983, с. 60–72; Зиновьев, 2018]. В результате скитская экономика с неустойчивыми урожаями зерновых попадала в замкнутый круг: необходимые ей увеличение запашки и постоянный приток рабочих рук создавали угрозу нелегальному положению. В 1874 г. для проверки слухов о съехавшихся в тайгу 80 беспаспортных бродягах был организован рейд, в ходе которого арестовано 43 человека и уничтожено «отлично устроенное хозяйство — с кузницей, слесарней, ветряной мельницей, библиотекой, запасами хлеба и лошадями».[3] Угроза «зорений» и грабежи местных крестьян заставляли раз в три года перевозить кельи на новое место, и хотя «жители претерпевали радостно все прелоги ради Царствия Небесного» [Викулов, 1900, с. 10], ситуация требовала решений — организационных, хозяйственных, идейных.

О том, что их поиск шел при участии европейских единоверцев, свидетельствует дополняющая друг друга информация источников. Датировать эти события летом-осенью 1879 г. помогает письмо старовера А.Г. Шашева, сообщавшего белокриницкому митрополиту Антонию о появлении «бегунов, выходцев из-за границы и турецких подданных с Цветниками, напечатанными в Костромской губернии».[4] Миссионерская публицистика называет одного из них Георгием (в миру Фирсом) Николаевым и приводит детали его биографии, поясняющие экзотические сведения старовера-«поповца»: уроженец Москвы, бродяга с детства после поисков истинной церкви в Америке и Турции решает воссоздать ее в сибирской тайге [Новиков, 1899, с. 1]. Вместе с тем, странник Иов в «Послании о перекрещивании» (1982 г.) не упоминает заграничные путешествия вовсе и, обращаясь к переписке единоверцев рубежа XIX–XX вв., утверждает, что они ехали сюда «принять крещение по совету старцев на Волге в селе Красном[5]» и для совершения обряда «тайно привезли инока Евлампия».[6] Вероятно, тогда же в томско-чулымской тайге стал известен главный постулат программного для костромских безде-

[3] ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 763, л. 26.

[4] РГБ, ф. 246 (Рогожское кладбище), карт. 188, ед. хр. 4, л. 84–85. Видимо, так трансформировались рассказы гостей о казаках-некрасовцах.

[5] Село Красное-на-Волге получило известность благодаря ювелирному промыслу, снабжавшему старообрядческий мир нательными крестиками, застежками для книг и меднолитыми иконами. Консультации И.С. Наградова подтвердили предположение о связях томско-чулымских и костромских странников, но вопрос о времени их возникновения остается открытым. Пока установлено, что на рубеже XIX–XX вв. одна из мастерских принадлежала староверу-страннику П.Я. Серову [Каткова, 2001, с. 412–423].

[6] «Послание старца Иова старицам Галине-Марье Дементимияновне, Анфизе Петровне, Вере Петровне и старцу Георгию Петровичу о перекрещивании», 22 ноября 7490 [1982] г. Оригинал находится в общине томско-чулымских безденежных, копия — в полевых дневниках автора статьи.

нежных «Послания о потомстве Христовой веры»: лишь община, а не склонный к грехам человек, способна противостоять соблазнам антихриста.[7] Если добавить к этому сведения о 50 последователях Фирса-Георгия, передавших личные накопления в общинную казну [Новиков, 1899, с. 3–4], вывод очевиден: для части скитников оказались привлекательными идеи «коллективного кошелька» и соборного решения при его расходовании.

Здесь следует дать пояснение. В отличие от деревни таежной зоны, для которой натуральный обмен был доминирующим, скиты находились в ином положении. Чем авторитетнее становилась монашеская община (приезд для крещения — веский показатель), тем больше она могла рассчитывать на финансовые пожертвования. Однако, как показывает «томско-чулымский кейс», они тратились сообразно с эсхатологической, а не экономической логикой, поскольку расходовались на поддержание изоляции.[8] Это выступало преградой для превращения страннического скита в торгово-ростовщическую структуру и заставляло его обитателей балансировать между задачами автономного хозяйствования и соображениями конспирации. Интерес к костромскому варианту безденежного учения, в сущности, отразил общее настроение — растущее давление «мира» отныне не оставляет возможности для их совмещения: ориентация на аграрное производство предполагала консолидацию и хранение финансов у надежных «христолюбцев», переход на менее заметные извне сбор дикоросов и изготовление домашней утвари[9] — материальную независимость монахов и индивидуальные расчеты с мирянами.

На этом этапе более эффективной оказалась хозяйственная модель безденежных. Об этом говорит обследование находившегося в негласном владении страннического монастыря района по программе Императорского московского общества сельского хозяйства в 1896 г., в ходе которого были зафиксированы необычайно высокие для таежной зоны урожаи зерновых [Волков, 1896]. Психологическое преимущество безденежных отразили также местные конфес-

---

[7] «Послание христианское о потомстве Христовой веры и о содействии ея от предания от лет 7324 г. от принятия учения от многоученого старца Антипы Яковлевича» в списке 1920–1930-х гг. находится в общине томско-чулымских безденежных, копия — в полевых дневниках автора статьи.

[8] Деньги шли на организацию проезда неофитов из Поволжья (РГАДА, ф. 1431, оп. 1, д. 1324–1325) и, видимо, подкуп властей. О последнем говорит предыстория рейда 1874 г.: он состоялся через полтора года после получения сведений о мигрантах-нелегалах, что ответственный за исполнение томский окружной исправник объяснил «занятостью другими делами» (ГАТО, ф. 3, оп. 4, д. 763, л. 10).

[9] Об изготовлении скитниками домашней утвари на заказ см.: ГАТО, ф. 3, оп. 11, д. 1109, л. 1 об.

сионимы: не отказавшиеся от денег назвали себя «ярославскими», подчеркнув идейную преемственность с бегунским центром в Пошехонье, и дали противникам прозвище «турецкие».[10]

На рубеже 1910–1920-х гг. расклад сил меняется.[11] Во-первых, возвращение с весны 1919 г. государственного контроля в сфере земле- и лесопользования означало, что любая концентрация в таежном массиве «беспаспортных лиц», ведущих сельскохозяйственные работы, вызовет подозрения и проверки. Во-вторых, Гражданская война и налоговая политика советской власти усилили обеднение деревни, которая теперь нуждалась не только в духовном окормлении, но и помощи по восстановлению семейных хозяйств. В ситуации, когда обе общины уже лишились купеческих капиталов, в более выгодном положении оказывались денежные, четверть века назад наладившие взаимовыгодные отношения с округой. Именно вступлением безденежных в борьбу за «ближних благодетелей» объясняются возобновление полемики в 1920-е гг. и специфика отражающих ее источников.

«Турецкие» и «ярославские» жили в пешей доступности, и «беседы» с приглашением мирян стали основной формой дискуссии. Детские воспоминания присутствовавших на них[12] и осевший в архиве безденежных корпус текстов, в составе которого есть вопросо-ответные послания обеих сторон и просьбы родственников о разъяснении скрытого и явного смысла денег,[13] говорят о том, что тема управления монашескими финансами была актуальна не только для томско-чулымских странников. В орбиту полемики оказались втянуты скитские общины от «дарминской до юльской тайги»,[14] относившие себя к бегунам — денежным, безденежным, статейникам, и близким им по вероучению титовцам.[15]

---

[10] Конфессионимы были известны миссионеру И.П. Новикову в 1899 г. Экспедиционные наблюдения автора подтверждают, что прозвище «турецкие» по сей день воспринимается безденежными крайне болезненно.

[11] Реконструкция политических и экономических обстоятельств полемики этого периода проведена с учетом исследований по истории сибирской деревни, см.: [Рынков, Ильиных, 2013].

[12] Красный Яр: Полевой дневник 1998 г. (Архив археографической экспедиции Томского университета, тетр. 5, л. 78–79).

[13] Они вошли в сборник, составленный между 1960–1987 гг.: НБ ТГУ, ОРКП, В-26418.

[14] Ее география представляет собой полосу на территории Верхеобского бассейна — от рек левобережья Андарма, Икса, Гавриловка до правых притоков Чулыма — Чичкаюла и Улуюла.

[15] Конфессионимы «статейники и «титовцы» применяются по отношению к последователям Н.С. Семенова и Т.Т. Выгвинцева, см. о них: [Духовная литература, 1999, с. 752–753, 766–767].

Территориальный охват споров и активизация старообрядческих миграций сделали нормой обращение к сочинениям идейных противников. Например, «ярославские» использовали «апологию статейника Павла».[16] Однако новый этап полемики примечателен не этим. Набирающие обороты антирелигиозные компании в неменьшей степени, чем мобильность населения, размывали старообрядческие согласия и увеличивали в составе сельского окружения таежных монастырей долю незнающих о конфликте и бегунском вероучении в целом. Это дает основание для рассмотрения противостояния «ярославских» и «турецких» в более широком контексте — как актуальный для всего крестьянского пустынножительства спор о путях самосохранения в условиях советизации деревни. Его исход зависел от того, насколько предлагаемые сценарии взаимодействия позволяли старообрядческим семьям считать контакты с нелегальным скитом религиозно мотивированными, хозяйственно оправданными и неуязвимыми с точки зрения закона. В этом состояло отличие от ситуации 1870–1880-х гг.: удержать «христолюбцев» было под силу общинам, умевшим отстоять право на эсхатологическую диагностику социальной реальности.

Парадоксально, но препятствием для получения конкурентного преимущества становилась родовая принадлежность оппонентов к староверию — религиозному сообществу, чьи полемические традиции складывались под влиянием древнерусских обличений иноверия и рациональных методов работы с текстом. Это обусловило сходство в формировании доказательной базы: стороны могли позиционировать себя «правильно рассуждающими» о деньгах, подтвердив безупречность происхождения исследованиями светских и синодальных историков. Поэтому, ссылаясь на один круг авторов,[17] «ярославские» писали о «соловецких и выгорецких корнях по крещению» и безденежном учении как изобретенном после смерти основателя согласия инока Евфимия,[18] «турецкие» — о духовном родстве Евфимия с пастуховым согласием, отказавшемся от денег еще при Петре I.[19]

Столь же похожими были приемы «прений о вере». Оппоненты в равной степени использовали экклезиологическую лексику (фарисеи, сребролюбцы и др.) для конструирования негативного образа со-

---

[16] «Письмо к завиняющим деньги» (1923 г.) цитируется по списку: НБ ТГУ, ОРКП, ф. 24, ед. 1.

[17] Тексты показывают знакомство с сочинениями Ф.В. Ливанова, Н.И. Ивановского, И.К. Пятницкого.

[18] НБ ТГУ, ОРКП, В-26418, л. 117–122 (Письмо Зотика Федоровича «с Дармы» об учении безденежных, 1926 г.).

[19] НБ ТГУ, ОРКП, В-26418, л. 154–162 (Письмо Федора Ефимовича в «юльскую тайгу» Титу Тарасовичу и Никифору Осиповичу, 1925 г.).

перника и формально-логические умозаключения для демонстрации его интеллектуальной несостоятельности. Так, безденежным ставилось в вину игнорирование правил цитирования («взяли о Григории Талицком историю 1-го выпуска, том 4-ый, и кто ее написал и какая страница не указали»[20]), они же рассуждали о верховенстве знания «по божественной благодати» над всеми прочими.[21]

Результаты вновь оказались сопоставимыми: стороны зафиксировали важные для себя коннотации терминов «печать и число» антихриста и выяснили подготовленность «благодетелей» к восприятию рациональных и богословских аргументов. Именно ориентация полемистов на старообрядческие семьи показывает, что в 1920-е гг. тема запрета / разрешения денег в скитах утратила самостоятельное значение. По мнению обоих оппонентов, царство антихриста усилилось новым политическим воплощением, что требовало обсуждения совместных с мирянами действий по сохранению таежных скитов — «территорий спасения» древней веры, намоленных книг и христианских душ. Триггером полемики теперь становился вопрос об отношениях с деревней: предполагают ли они коммерческие и кредитные операции с любыми лояльными скиту домохозяйствами или должны быть основаны на натуральном обмене и безвозмездной помощи единоверцам, которые восстановившись сами, обеспечат скиту гарантированную поддержку.

В пространстве полемического сочинения подходы к его решению выглядели следующим образом. Для автора «Письма завиняющим деньги» единственным ограничением является запрет монахам на сделки с предъявлением паспорта — документа, вводящего человека в число подданных безбожной власти, в остальном же следовало бояться не монет и купюр, а «лжепророчеств и кривотолкований». Исходя из этого, хозяйственно-финансовое единство общины им виделось по образцу апостольских времен: монашествующие «не удерживают у себя стяжания и имения и раздают их бедным», а миряне помнят об участи Анания и Сапфиры, наказанных за присвоение священных денег. Напротив, финансовая программа безденежных изображалась догматически уязвимой и лицемерной: «...Они, как малые дети все тащат в рот, всякое попавшее на глаза свидетельство ни с того, ни с сего подставляют к деньгам..., гнушаются брать в руки деньги, а мирян этому научают».[22]

Если «ярославские» аргументировали прямое управление финансами историческими примерами и нормами этики, то «турецкие»

[20] НБ ТГУ, ОРКП, ф. 24, ед. 1, л. 5.

[21] См.: НБ ТГУ, ОРКП, В-26418, л. 150–150 об. (Письмо Федора Ефимовича...).

[22] НБ ТГУ, ОРКП, ф. 24, ед. 1, л. 2 об., 12 об., 13.

доказывали его недопустимость эсхатологическими импликациями: Петр I — это антихрист, значит, с его воцарения «печатью с числом 666» деньги отмечены материально, а пользующиеся ими люди духовно. В связи с этим заслуживают внимания их способы предупреждения конфликтов с «благодетелями». Например, они показывали, что нарастающая в ходе «издания очередных законов бодрость и крепость антихристовой власти» уже заставила многих забыть, что «кроющаяся в пустыне Жена-Церковь не тянет одно ярмо с неверными и получает потребное от боголюбивых мужей, еще носящих имя зверя».[23] Смещение акцента на сотериологию обеспечивали авторитетный текст и ритуал: «Цветник» Василия Гаврилова учреждал право мирян на христианское спасение: как «земля Господня, они поглотят реку, юже извергет змий из уст своих»,[24] а ежедневное перечисление их имен в «Каноне за творящих милостыню» смягчало совершенные во благо веры и скита прегрешения.

Диапазон использованных в полемике аргументов свидетельствует о высоком адаптивном потенциале страннической эсхатологической доктрины: обе деноминации смогли сделать ее основой коллективных действий с сельской округой. Модель интеграции «ярославских» можно описать термином «функциональная», поскольку предлагаемая ими трактовка денег позволяла православному по воспитанию крестьянству считать финансовые расчеты с атеистической властью конфессионально нейтральными. «Аксиологическая» модель «турецких», расширившая для мирян зону допустимых нарушений, снимала их страх перед осквернением «печатью антихриста» и формировала чувство причастности к большой христианской истории.

Установка на сотрудничество с деревней помогла конкурентам перераспределить паству, расширить ее за счет крестьян-«никониан», лишенных привычной религиозной жизни, и переориентировать свои хозяйства на промышленный сбор дикоросов. Эта оптимальная в ситуации нелегальности стратегия самообеспечения и аккумулирования средств облегчила адаптацию таежных монастырей к реалиям 1920-х гг. и благодаря заложенному в самой природе промысловой экономики переплетению рыночных и нерыночных форм обмена создала условия для трансляции «денежного» и «безденежного» вероучений в исторической перспективе.

---

[23] НБ ТГУ, ОРКП, В-26418, л. 148–148 об., 162–162 об., 164 об. (Письмо Федора Ефимовича...).

[24] Здесь: распоряжения властей и мирские соблазны. В томско-чулымском собрании сочинение известного наставника безденежных представлено списком последней трети XIX в.: НБ ТГУ, ОРКП, В-17389, л. 1–179.

Список литературы

Волков В.Т. К вопросу о заселении таежных окраин Томской губернии. Томск, 1896. 31 с.

Зиновьев В.П. Цены на продукты потребления в Томске в 1862–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 125–131.

Каткова С.С. Века и судьбы. Кострома, 2001. 430 с.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. 399 с.

Мальцев А.И. Сочинения сибирских странников первой половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 2. С. 10–15.

Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. 267 с.

Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012. 344 с.

Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: Сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. 243 с.

Список опубликованных источников

Викулов М.С. Краткое описание жизни скитников Чулымской тайги // Томские епархиальные ведомости. 1900. № 24. 15 дек. С. 8–11.

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1999. 799 с.

Новиков И. К истории страннической безденежной (турецкой) секты в Томско-Чулымской тайге // Томские епархиальные ведомости. 1899. № 23. 1 дек. С. 1–8.

УДК 930.255, 392, 314, 93/94

Е.М. Главацкая
Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Рождение, брак и смерть в старом Екатеринбурге*

Статья посвящена анализу повседневных практик, связанных с событиями жизненного цикла: рождением, браком и смертью в позднеимперском городе, на примере Екатеринбурга. В качестве источника использован корпус метрических книг городских приходов за 1880–1919 гг., сведения из которых были транскрибированы в базы данных, вошедшие в единый электронный ресурс «Регистр населения Урала». Проведенное исследование позволило выявить некоторые особенности в ведении записей, проверить их аккуратность и оценить информационные возможности метрических книг для изучения антропологии российского провинциального города в конце XIX — начале XX в., в частности для реконструкции деталей обрядовых практик, связанных с событиями жизненного цикла.

Ключевые слова: метрические книги, база данных, обрядовые практики, события жизненного цикла, антропология города, историческая демография, Екатеринбург, повседневная жизнь.

Пореформенная эпоха катализировала процессы урбанизации, в ходе которой ускорился рост российских городов, сопровождавшийся значительным притоком мигрантов, развитием городских институтов и формированием идентичности. К сожалению, источники информации о быстро меняющемся городском населении сохранились фрагментарно. Органы местного самоуправления периодически проводили обследования населения, используя самую современную на тот момент методику проведения однодневных городских переписей, однако после составления сводных таблиц первичные материалы — карточки учета уничтожались вместе с уникальной персональной информацией, лишая последующие поколения исследователей возможности проведения критического анализа полученной информации и аккуратности ее агрегирования, а также лимитируя тематику тем кругом сюжетов, которые нашли отражения в опубликованных таблицах. Метрические книги — источник давно замеченный, оцененный и активно использующийся в отечественных историко-демографических исследованиях (см., например: [Антонов, Антонова, 2006; Брюханова, Сарафанов, Владимиров, Колдаков, 2016; Сарафанов, 2018] и др.). Метрики также привлекались для изучения демографических особенностей религиозных меньшинств имперского периода [Недзе-

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ, грант № 19-29-07154.

© Главацкая Е.М., 2020

люк, 2011; Ульянова, 2008; Бобицкий, 2018; Боровик, 2016; Боровик, 2018; Боровик, 2019а; Заболотных, Главацкая, 2016]. Всплеск интереса к номинативным данным связан с интенсивным развитием городской антропологии и попытками приложения ее инструментария к историческим исследованиям, что, в свою очередь, инициировало поиск новых источников, аналогичных массовым опросам населения. Одним из них предсказуемо стали материалы метрических книг, дающие возможность не только рассмотреть процессы, происходившие в каждом приходе, но и «заглянуть в окошко» дома каждой семьи, в него входившей. При этом материал позволяет оценить как ситуативный срез городской жизни, так и ее развитие в динамике. Современный уровень компьютерных технологий позволяет работать с такими массивами источников, которые вручную проанализировать технически невозможно, что позволяет ставить новые, более сложные и комплексные исследовательские задачи. Источниковая ценность метрических книг повышается еще и в силу того, что номинативные материалы государственного и муниципального учета редко где сохранились. Таким образом, метрические книги, которые велись во всех городских приходах и фиксировали данные о рождении, браках и разводах, а также смертях, с включением информации о происхождении, социальном статусе, роде занятий и др., являются единственным альтернативным источником для уточнения официальной статистики и изучения повседневных практик населения в масштабах города или отдельного прихода. Уникальность метрик еще и в том, что это универсальный для всей Евразии тип источника, в некоторых странах появившийся с XIV в., а это уже позволяет поставить проводимые на их основе исследования в широкий международный контекст [Главацкая, 2015].

Данное исследование посвящено анализу информативных возможностей материалов метрических книг для изучения повседневных практик городского населения имперского периода. В качестве источников использован корпус метрических книг Екатеринбурга за 1880–1919 гг.

Этнорелигиозный состав Екатеринбургского завода-крепости с момента основания в 1723 г. отличался заметным разнообразием за счет значительной доли иностранцев — ссыльных и контрактников (в основном лютеран), а также старообрядцев. Старый Екатеринбург сохранял свое этнорелигиозное многообразие при безусловном численном и культурном доминировании русского православного населения на протяжении всей своей истории. До 1897 г. город географически четко делился на четыре части, соответствовавшие отдельным православным приходам: Екатерининскому, Богоявленскому, Возне-

сенскому и Свято-Духовскому, после чего из Вознесенского прихода был выделен Александро-Невский [Бахарев, 2020].

Старообрядческое население Екатеринбурга было представлено в начале XX в. часовенным и белокриницким («австрийским») согласиями. Появление часовенных — бывших беглопоповцев — тесно связано с основанием и ранней историей Екатеринбурга [Боровик, 2018; Боровик, 2019б]. Ядро общины белокриницких сложилось из старообрядцев, переселившихся на Урал в середине XIX в. из Московской губернии и примкнувших к ним местных часовенных старообрядцев [Белобородов, 2000].

Единоверие появилось в Екатеринбурге уже в начале XIX в., в результате того, что несколько в прошлом старообрядческих семейств образовали Спасскую общину [Палкин, 2016, с. 104–110]. Более многочисленная и влиятельная Троицкая община возникла в 1830-х гг., когда старообрядцы вынуждено перешли в единоверие ради сохранения права заниматься предпринимательством и участвовать в органах городского самоуправления [Байдин, 2003, с. 119; Палкин, Боровик, 2019].

Екатеринбургская лютеранская община была основана вместе с городом в 1723 г. шведскими пленными и немецкими горными специалистами. К 1897 г. ее численность (включая представителей других протестантских деноминаций) достигла 382 человека. Римско-католическая община, изначально состоявшая из ссыльных поляков — участников восстания 1863–1864 гг. — постепенно пополнялась за счет технических специалистов, в которых нуждался быстро развивавшийся город. В 1897 г. в Екатеринбурге было зарегистрировано 323 католика, подавляющее число которых были поляками. Екатеринбургская мусульманская община сложилась из числа сельских мусульман, в основном татар и башкир. К 1897 г. мусульманская община, численностью 678 человек, стала вторым после старообрядцев религиозным меньшинством города.

Появление первой синагоги в Екатеринбурге в 1834 г. связано с размещением в нем военнослужащих-евреев. После отмены института военных кантонистов синагога прекратила свое существование. Возрождение иудейской религиозной общины началось только в конце 1870-х — начале 1880-х гг. в связи с еврейской миграцией из западной России. Согласно данным переписи, к 1897 г. число городских иудеев достигло 303 человек. Таким образом, на протяжении первых двух веков истории города в нем сформировалось несколько религиозных сообществ, которые окончательно институализировались в конце XIX в. [Главацкая, Бахарев, Бобицкий, 2019].

В конце XIX — начале XX в. Екатеринбург являлся одним из быстрорастущих городов Российской империи. После непродолжительного экономического упадка, связанного с кризисом горнозаводской промышленности, город сумел диверсифицировать свое хозяйство, включив в его состав обрабатывающую промышленность, торговлю и финансы, транспорт и строительство, а также нарождающуюся сферу услуг [Микитюк, Яхно, 2014, с. 37–62]. Это вызвало значительный приток населения, в первую очередь из близлежащей горнозаводской и сельской округи, западных и центральных губерний европейской России и даже из-за рубежа. Из небольшого закрытого горнозаводского центра, с численностью населения около 39 000 человек, к началу Первой мировой войны Екатеринбург достиг значимого рубежа в 100 000 жителей, перейдя в категорию крупных городов империи [Бахарев, Заболотных, 2020].

Сведения метрических книг Екатеринбурга, выявленных в фондах ГАСО, были транскрибированы в отдельные базы данных, в соответствии с разделами книг «О рождениях»; «О бракосочетаниях»; «О смертях». В книгах мусульман и иудеев имеется еще дополнительный раздел «О разводах». Процесс транскрибирования продолжается, но на данный момент источниковая база состоит из сведений метрик десяти восточнохристианских приходов Екатеринбурга, католической церкви Св. Анны, лютеранской церкви Св. Петра, синагоги и мусульманской общины.

Всего источниковая база по Екатеринбургу включает около 57 000 записей за 1880–1925 гг. (см. таблицу).

Записи метрических книг Екатеринбурга в базе данных «Регистр населения Урала»

Приход	Деноминация	Крещения	Венчания	Отпевания	Разводы	Всего
Вознесенский	РПЦ	7808	2793	8275	0	18 876
Богоявленский	РПЦ	5976	1100	4273	0	11 349
Екатерининский	РПЦ	1874	2613	7386	0	11 873
Свято-Духовский	РПЦ	3922	1683	2401	0	8006
Александро-Невский	РПЦ	1463	365	3505	0	5333
Спасский	Единоверческий	497	278	515	0	1290
Свято-Троицкий	Единоверческий	139	247	189	0	575
Успенский (часовенный)	Старообрядческий	185	41	125	0	351
Никольский (часовенный)	Старообрядческий	246	24	194	0	464
Троицкий (белокриницкий)	Старообрядческий		129	347		476

Костел Св. Анны	Католический	821	273	699	0	1793
Кирха Св. Петра	Лютеранский	406	427	511	0	1344
Синагога	Иудаизм	520	136	219	18	893
Молитвенный дом	Ислам	1326	76	1355	22	2779
Всего		23394	9439	24013	40	56886

Источник: Регистр населения Урала.

Основные принципы заполнения полей в базах данных — максимальное сохранение имеющейся информации и именно в той формулировке, в какой она когда-то была записана в книгу. Корректировка и кодирование выполняется на этапе проведения исследовательских работ с базами. Каждая база включает пять основных разделов, в которых отражается следующая информация:

I. Локация записи в БД (формируется автоматически счетчиком) и в источнике (указывается сокращенное название архива и номера фонда, описей, дел, листов, записей; например: ГАСО, ф. 6, оп. 13, д. 95, л. 2 об.–3 (Запись № 5)).

II. Персональные данные участников событий; например:[1] фамилия; имя; отчество; пол; место приписки родителей: губерния, уезд, волость, населенный пункт; вероисповедание родителей; статус рождения (в браке или вне брака).[2]

III. Время события: год; месяц; день; например: 1917; 10; 25.

IV. Место события: губерния, уезд, волость, населенный пункт; место крещения;

V. Обстоятельства, сопровождавшие событие.

Рабочие базы включают максимальное число полей: о рождениях — 77; о браках — 132; о смертях — 66; о разводах — 50. Значительная их часть прошла первичную обработку и зарегистрирована в Реестре Федеральной службы по интеллектуальной собственности. Основные поля базы данных включены в электронный пополняемый ресурс «Регистр населения Урала», размещенный на сайте Уральского федерального университета в открытом доступе для проведения генеалогических изысканий.

Анализ сведений, содержащихся в базе данных, позволил провести историко-демографические исследования по классическим темам. Был установлен возраст вступления в первый брак; вычислены коэффициенты младенческой смертности; выявлены причины, уносившие жизни екатеринбуржцев разных возрастов; определено влия-

[1] Здесь и далее в качестве примера приведены поля базы данных «О родившихся».

[2] В этой графе и любых других при отсутствии информации для внесения в соответствующую графу ставится 0.

ние социально-политических катаклизмов начала XX в. на жизнь горожан; выявлены особенности практик, связанных с важнейшими событиями жизни екатеринбуржцев. Благодаря тому, что в нашем распоряжении имелись базы данных по различным приходам, удалось выявить особенности протекания этих процессов по разным религиозным деноминациям.

Записи метрических книг «О рождении», транскрибированные в базу данных, позволили выявить феномен отказа от новорожденных детей; оценить масштаб и динамику принятия крещения людьми иной религиозной принадлежности; полнее представить статистику по мертворожденным; выявить информацию о практиках, связанных с рождением и крещением детей. Так, согласно записям метрических книг, часть женщин, предвидя сложные роды, обращалась в городской родильный дом, повивальные бабки и акушерки которого, помимо собственно родовспоможения, в случае необходимости совершали обряды погружения и наречения младенцев. Священники, в свою очередь, завершали обряд крещения и в ряде случаев читали «молитвы для родильниц» — за здоровье рожениц, о чем также делались записи в метриках. В ходе анализа метрических книг Богоявленского собора была выявлена любопытная практика наречения близнецов одним именем. Двойняшки, рожденные в 1892 г. Евдокией Кощеевой, были наречены Иоаннами и прожили всего три часа, а тройняшки Николаи, родившиеся у Параскевы Брюховой в 1889 г., умерли один за другим в течение получаса. В обоих случаях роды проходили в родильном доме и обряд погружения совершили его сотрудницы [Заболотных, 2020]. Крещение в православных приходах города конце XIX в. совершали в течение первых трех-четырех дней жизни младенца [Bakharev, Glavatskaya, 2019], в отличие от новорожденных католиков, крещение которых родители откладывали на месяц.

Согласно данным метрических книг, браки «несовершеннолетних» в Екатеринбурге были большой редкостью. В начале XX в. лишь два процента городских невест (всего 89 девушек) вышли замуж до достижения возраста 16 лет. Доля «несовершеннолетних» (до 17 лет) женихов была еще меньшей — всего 0,9 процента от общего числа. В среднем в довоенном Екатеринбурге девушки выходили замуж в возрасте 21 год, а юноши — по достижению 24 лет. Екатеринбургские женихи в среднем были на четыре-пять лет старше своих невест. Исключение составляли мусульманские семьи, где мужчины были старше своих жен в среднем на восемь-девять лет. Среди супружеских пар с заметной разницей в возрасте интересен союз 19-летней крестьянки Анисии Нарбутовской, которая 23 октября 1917 г. вышла замуж за

31-летнего Ивана Кулика — польского крестьянина из Галиции. Вероятно, он был одним из тысяч австро-венгерских военнопленных, попавших на Урал в годы войны, многие из которых рассматривали брак на местных девушках как способ выживания в условиях плена. Неизвестно, к какой деноминации он принадлежал в Галиции, но за два дня до свадьбы Иван был крещен старообрядческим наставником Порфирием Мокрушиным в Успенской часовне [Боровик, 2019б].

Любопытные результаты дал анализ повторных браков, заключенных жителями второго по величине Екатерининского прихода города. В среднем супружество в Екатеринбурге продолжалось 12 лет для мужчин и 10 лет для женщин, а повторный брак был связан с утратой супруга или супруги. Обстоятельства редких случаев развода порой также можно восстановить, связывая записи таблиц. Так, согласно данным метрик, 16-летняя Ефросиния Яковлева в 1890 г. вышла замуж за 21-летнего крестьянина Михаила Ханьжина, приписанного к Нижне-Сергинскому заводу. Неизвестно, был ли союз удачным и как долго он продолжался. Михаил в какой-то момент был осужден и сослан в Сибирь на каторжные работы, о чем в 1908 г. была сделана запись в метриках и оформлен развод. Это было связано с тем, что 34-летняя Ефросинья к тому времени уже имела отношения с Иваном Кондюковым — 28-летним крестьянином Тобольской губернии — и ждала от него ребенка. Возможно, именно это обстоятельство ускорило процесс развода: постановлением Екатеринбургского епархиального начальства брак Ефросиньи с мужем-каторжником был расторгнут 10 января 1908 г., спустя месяц Ефросинья вышла замуж за Ивана Кондюкова, а еще через месяц после венчания родила законнорожденную дочь Анастасию. Также в 1901 г. 27-летняя Александра Андреева, разведенная после первого брака, вышла замуж за 43-летнего мещанина из г. Екатеринбурга Гуго Штернберга. К сожалению, в метрике не содержится информации о причинах ее развода. В 1906 г. пара приняла на воспитание ребенка, подкинутого к их дому [Вишневская, 2020].

Материалы метрических книг позволили установить основные причины смертей в старом Екатеринбурге, выявить религиозные, гендерные и возрастные особенности. Анализ данных по Вознесенскому приходу показал, что младенческая смертность в городе была очень высокой: из тысячи детей, рожденных в городе, около 400 не доживали до года, при этом большинство из них умирало в первый месяц жизни. Больше всего детских жизней прерывалось из-за инфекционных заболеваний — 65 % всех случаев. Детская смертность от инфекций оставалась стабильно высокой в течение первых двух десятилетий XX в., что неудивительно, поскольку санитарное состоя-

ние в городе не улучшалось, а его бурный рост усиливал нагрузку на инфраструктуру, медиков и священников. Диагностика причин смерти оставляла желать лучшего: устаревшие «народные диагнозы» (родимец, худоба и др.) использовались в 28 % всех записей о смерти. Анализ сведений метрических книг Вознесенского прихода позволил связать снижение частоты употребления устаревших терминов при определении причин смерти с появлением нового молодого высокообразованного священника Иоанна Корнилова, кандидата Киевской Духовной Академии [Бахарев, Главацкая, 2020].

Метрические книги являются уникальным источников для изучения не только историко-демографических процессов, но и исследований в области исторической антропологии. Их хорошая сохранность в архивохранилищах страны позволяет проводить исследования общенационального масштаба, а универсальность содержащейся информации — широкие компаративные исследования. Современные компьютерные методы позволяют обрабатывать огромные массивы информации и решать сложные задачи, вводя в программу несколько переменных значений для анализа. Насущным представляется интеграция баз данных, созданных в различных научных центрах и отдельными исследователями в единый ресурс, что значительно расширит возможности научного анализа и круг исследовательских тем, включая сюжеты, связанные с эволюцией повседневных практик россиян, развитием городской среды, опыта адаптации мигрантов.

Список литературы

Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006. 385 с.

Байдин В.И. У власти: Купцы-старообрядцы и Общество старообрядцев Сибирского края // Родина. 2003. № 8. С. 117–120.

Бахарев Д.С. Православные приходы Екатеринбурга в начале XX века: Численность и соотношение // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 297–304.

Бахарев Д.С., Главацкая Е.М. Причины детской смертности в Екатеринбурге на рубеже XIX–XX вв.: Опыт классификации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 79–96.

Бахарев Д.С., Заболотных Е.А. «Еще до войны»: Опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2020. № 4. (в печати).

Белобородов С.А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири: Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви — белокриницкого согласия // Очерки истории старообрядчества

Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136–172.

Бобицкий А.В. Брачность мусульман Екатеринбурга в начале XX века по материалам метрических книг // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 18. Екатеринбург, 2018. С. 285–288.

Боровик Ю.В. Метрические книги старообрядцев-часовенных уральского города: Характеристика источника // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 221–228.

Боровик Ю.В. Метрический учет у старообрядцев часовенного и белокриницкого согласий на горнозаводском Урале: Заметки к истории источника // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019а. № 2 (26). С. 235–249.

Боровик Ю.В. Старообрядцы уральского города во второй половине XIX — начале XX в.: Конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга. Екатеринбург, 2019б.

Боровик Ю.В. Старообрядцы-часовенные Екатеринбурга: Численность, сословная принадлежность и проявление конфессиональной обособленности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 160–180.

Брюханова Е.А., Сарафанов Д.Е., Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Подходы к изучению социальной структуры сибирского города на рубеже XIX–XX вв. (по материалам метрических книг Барнаула) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 254–270.

Вишневская А.В. Повторные браки в Екатеринбурге: Анализ данных метрических книг Екатерининского собора // Уральский историко-архивный форум: Материалы Всероссийского научного форума с международным участием, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском федеральном университете. Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г. Екатеринбург, 2020. С. 148–153.

Главацкая Е.М. Религиозные сообщества и демографические процессы в материалах церковного учета: Методы статистического анализа // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (145). С. 262–271.

Главацкая Е.М., Бахарев Д.С., Бобицкий А.В. Этнорелигиозные меньшинства Екатеринбурга в конце XIX века // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2019. № 2 (45). С. 33–43.

Заболотных Е.А. Метрические книги Богоявленского прихода Екатеринбурга: Критика и информационные возможности источника //

Уральский историко-архивный форум: Материалы Всероссийского научного форума с международным участием, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском федеральном университете. Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г. Екатеринбург, 2020. С. 49–53.

Заболотных Е.А., Главацкая Е.М. «Книга записи сочетания браков между евреями»: Новый источник по истории еврейского сообщества Екатеринбурга в начале XX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 347–352.

Микитюк В., Яхно О. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург, 2014. 488 с.

Недзелюк Т.Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2011. № 3 (15). С. 129–135.

Палкин А.С. Единоверие в середине XVIII — начале XX в.: Общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016. 338 с.

Палкин А., Боровик Ю. Брачные стратегии в единоверческой общине Екатеринбурга в начале XX в. // Quaestio Rossica. Т. 7. 2019. № 4. С. 1311–1323.

Сарафанов Д.Е. Опыт анализа причин смерти населения Барнаула во второй половине XIX — начале XX в.: По материалам метрических книг // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 46–62.

Ульянова О.С. Метрические книги Томского еврейского духовного правления как источник по истории евреев г. Томска второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2008. Т. 4. № 3. С. 57–62.

Bakharev D., Glavatskaya E. Infant Mortality in the Late 19th and Early 20th Century Urals: Macro and Micro Analyses // Nominative Data in Demographic Research in the East and the West. Ekaterinburg, 2019. P. 202–219.

УДК 93/94

В.Г. Шаронова
Институт Дальнего Востока РАН, Москва

Русские дипломаты в Ханькоу: Александр Степанович Вахович

В статье рассказывается о жизни и деятельности царского дипломата Александра Степановича Ваховича (1858–1902), служившего в Китае около 20 лет. Он являлся выпускником Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, по окончанию которого был зачислен в Азиатский департамент МИД. Работая в Пекине, А.С. Вахович проявил себя как талантливый переводчик и перспективный сотрудник. В течение семи месяцев он находился в командировке в Западном Китае, посетив ряд важных торговых центров, в которых затем учредили российские консульства. За свое усердие он был награжден орденом Св. Владимира. Во время визита наследника Престола Николая Романова в Китай, Вахович был переводчиком на всех протокольных мероприятиях и переговорах. С 1891 г. он стал исполнять обязанности управляющего консульством в Нагасаки, затем в Тяньцзине. В 1893 г. А.С. Вахович назначается консулом в Ханькоу. На этом посту он пробыл более восьми лет. Важным достижением его деятельности является заключение договора о Русской концессии.

Ключевые слова: Александр Степанович Вахович, Пекин, Ханькоу, консул, концессия, чайная торговля.

Российская Императорская Дипломатическая миссия в Пекине была открыта в 1861 г. С этого времени в Китай стали приезжать на службу профессиональные дипломаты, среди молодежи — выпускники восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Многие из них по своему происхождению не относились к привилегированному сословию, а были детьми разночинцев: врачей, учителей, священников, купцов и т.д. Все они верно и преданно служили своей родине на дальних рубежах, внося огромный вклад в повышение международного авторитета России.

Особое место в российской внешней политике занимало сотрудничество со странами Дальнего Востока, в том числе с Китаем. Дипломаты-китаеведы играли большую роль в расширении внешнеполитических контактов между двумя странами и в развитии торгово-экономических отношений. К их числу можно причислить Александра Степановича Ваховича, жизненный путь которого был несправедливо коротким. Но и за это небольшое отведенное ему время он успел многое сделать для своей родины.

Александр Степанович (Стефанович) Вахович родился 8 сентября 1858 г. в д. Луковцы Бельского уезда Седлецкой губернии в семье священника. В своей биографии он писал, что является уроженцем

© Шаронова В.Г., 2020

Царства Польского. Согласно выписке из метрической книги, «священник Стефан Вахович, администратор греко-униатского прихода Луковца, здесь в Луковцах жительствующий, двадцати пяти лет от роду, в присутствии священника Никанора Футасевича, настоятеля при Носове, пятидесяти лет, и Михаила Воллосавича, помещика деревни Луковец, тридцати осьми лет от роду, предъявил младенца мужского пола, рожденного здесь, в Луковцах, в священническом доме восьмого числа сентября текущего года в десять часов вечера от его жены Вероники (Футасевич), двадцать лет от роду. Младенцу этому на святом крещении и миропомазании, по обычаю Восточной церкви, соединенной с Римской церковью совершенных, даны имена Александр Августин; а восприемниками были Михаил Волоссович и Александра Жиповская».[1] Как видно из этой записи, на вечернем обряде присутствовали родители и дедушка новорожденного и владелец местного имения. Отец будущего дипломата в течение нескольких лет служил униатским священником в сельских храмах Седлецкой губернии. Семья постепенно разрасталась, и у Алеся появились братья Емельян и Лев и сестра Елена. Вместе с семьей Стефана Ваховича жила и его мать Варвара, которая с любовью помогала растить внуков. Начав обучение дома, Алесь продолжил образование в Бельской гимназии.

В 1871 г. отец Стефан принял решение оставить духовную службу и переехать в Варшаву. Он снял небольшую уютную квартиру в доме 16 по улице Шопена и устроился на железную дорогу. Александр поступил в 1-ю Варшавскую мужскую гимназию, в которой он учился с большим усердием и отличался особым прилежанием.

Летом 1878 г., после успешного окончания гимназии, Александр отправился в столицу для поступления в университет на восточный факультет по китайско-маньчжуро-монгольскому разряду. Начав учебу, студент Вахович сразу же подал прошение на имя ректора о дозволении ему вносить плату за обучение частями, приложив документ о финансовой несостоятельности его отца, заштатного священника, к тому времени оставившего работу и не имевшего никакого имущества. Получаемая отцом пенсия составляла 300 серебряных рублей в год, что для семьи из семи человек было незначительной суммой. Вскоре студенту Ваховичу была назначена стипендия Министерства народного просвещения, которая ему выплачивалась в течение всего университетского курса.

1 июля 1883 г. он окончил Петербургский университет со степенью кандидата, получив отличные оценки по восточным и западным языкам.

---

[1] ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, л. 4.

Сразу же после получения диплома выпускник Вахович подал прошение в МИД о том, что он имеет ревностное желание поступить на службу в Азиатский департамент. Его просьба была удовлетворена, и с 13 августа 1883г. он был «произведен в чин коллежского секретаря — чиновником сверх штата Азиатского департамента».[2]

В конце этого же года молодой дипломат получил первое назначение и был направлен в Китай студентом Миссии в Пекин. Его знание китайского языка вызвало большое уважение коллег, и в 1886 г. начальство, оценив его успехи на службе, направило его драгоманом консульства в Ургу.[3] Уже через год он вернулся в Пекин и получил должность «второго драгомана Миссии в Пекине».[4] Молодой дипломат пользовался покровительством посланника А.М. Кумани,[5] считавшего «его честным, порядочным, горячо преданным нашим интересам человеком и усердным, способным чиновником» [Павленков, 1904, с. 4].

Весной того же года возникла необходимость направить в командировку в Притяньшанье (Внутреннюю Монголию) молодого дипломата, в то же время хорошо подготовленного к различным трудностям, которые могли встретиться в этой поездке. Выбор пал на драгомана Александра Ваховича. В его обязанности входило несколько функций: географическое описание и изучение быта тех местностей, которые он посещал, аналитика вопросов торговли между китайскими и российскими купцами, рассмотрение возможностей открытия дипломатических представительств в этом регионе и др. Ему предстояло преодолеть огромное расстояние, посетить отдаленные места Китая и каждый день вести дневник, в который записывать все свои наблюдения. Поездка Ваховича имела своей миссией проверить соблюдение Петербургского договора 1881 года. Одним из его главных пунктов было развитие российско-китайской беспошлинной торговли. Россия получала право учредить свои консульства в городах Турфан и Сучжоу, а также Кобдо, Улясутай, Хами, Урумчи и Гучэн.

---

[2] АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 749/1, д. 632, л. 11.

[3] Ныне г. Улан-Батор, Монголия.

[4] АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 749/1, д. 833, л. 4.

[5] Алексей Михайлович Кумани (1933–1897) — дипломат. В 1852–1872 гг. работал в различных Миссиях. В 1876–1880 гг. — генеральный консул в Париже. В 1877 г. присвоено звание камергер Высочайшего Двора. В 1880 г. — дипломатический агент и генеральный консул в Софии (Болгария). В 1882 г. назначен генеральным консулом в Кадисе, в 1883 г. —генеральным консулом в Марселе. В 1886–1891 гг. — чрезвычайный и полномочный министр и посланник в Китае (прибыл 16 ноября 1886 г.). 15 января 1891 г. уволен от должности согласно прошению.

Начало пути предстоящего длительного путешествия было ему хорошо известно. Через кочевья внутренних монголов он добрался до Урги. Здесь состоялась его встреча с бывшим начальником, генеральным консулом Я.П. Шишмаревым,[6] который поделился своим опытом как истинный знаток Монголии. Не зря о нем говорили, что он знал эту страну как улицы родного города. Получив необходимые советы и инструкции, Вахович продолжил свой путь, который лежал на запад, в торговый город Улясутай.[7] На дворе стоял май, погода была теплая, но очень ветренная. Александра Степановича сопровождали казак и несколько китайцев и монголов. Как человек, хорошо знающий местные языки, он быстро подружился со своими спутниками, и это взаимопонимание помогало преодолевать сложные участки пути. В Улясутае экспедиция задержалась, так как необходимо было изучить целесообразность открытия здесь русского консульства. Город был крупным торговым центром, в котором проживали русские купцы и перевозчики грузов. К тому же он находился недалеко от границ с Россией. Подготовив доклад, Вахович отправился в старейший город Монголии Кобдо.[8] Об этом городе в словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона написано, что он расположен «в северо-западной Монголии, у северной подошвы монгольского Алтая, ...важный торговый пункт, служащий границей, где прекращается сбыт сырья, производимого кочевниками (живого скота, шерсти и пр.), на запад и начинается сбыт на восток к Пекину. Селение состоит из крепости (с квартирой хебей-амбаня) и торговой слободы; около 60 домов, в том числе до 50 лавок и до 6 больших торговых контор; есть русские лавки; 4 кумирни, а близ города ламаистский монастырь» [Кобдо, 1895, с. 489].

Из Кобдо Вахович отправился в приграничный Чугучак и далее в важный город Синьцзянской провинции Урумчи. Город был расположен у северного предгорья Тяньшаня и состоял из китайской крепости, в которой проживали правитель и чиновники, а также находился базар. Основное население (китайцы, дунгане, чанту и русские) жили в туземном городе. В нем находились караван-сараи, гостиницы, лавки, магазины и извозчики. Как и во всей провинции, основной религией местных жителей было мусульманство. Урумчи, считавшийся столицей Восточного Туркестана, представлял большой интерес для России как центр караванной торговли.

---

[6] Яков Парфеньевич Шишмарев (14.09.1833, Троицкосавск — 18.01.1915, Санкт-Петербург) — дипломат, монголовед, переводчик; генеральный консул России в Урге.

[7] Ныне г. Улиастай в Монголии. Находится в 1115 км от столицы страны Улан-Батора.

[8] Ныне г. Ховд в Монголии.

Позднее, на основании отчета А. Ваховича, в Урумчи было учреждено консульство. Следующими пунктами экспедиции были города Турфан и Хами, в которые можно было попасть только через пустыню. Когда-то по этим местам проходил Великий Шелковый путь и здесь останавливались для отдыха караваны. Несмотря на жару и близлежащую пустыню, Турфанский оазис славился своим виноградом и изюмом. Этот популярный продукт всегда пользовался спросом в азиатской части России, поэтому в Турфане часто можно было встретить наших торговцев. Возникшие сложности, связанные с решением коммерческих дел, заставили Ваховича задержаться здесь на две недели, после чего он отправился в город Хами, где также провел две недели. Поставленные перед А. Ваховичем задачи, связанные с решением непростых российско-китайских торговых вопросов, были им изучены.

Особо важным было исследование различных злоупотреблений китайских чиновников по отношению к русским торговцам, а также выяснение причин возникновения претензий и жалоб с обеих сторон. В таких городах, как Чугучак, Урумчи и Хами китайские чиновники устраивали произвол над русскими подданными, сажая их в кандалы за пустяки, требуя от них выкуп за освобождение. Разобравшись с этой непростой ситуацией, Вахович заставил китайские власти принести свои извинения и выплатить компенсацию русским торговцам за причиненные страдания.

После Синьцзяна путешественники выдвинулись по бездорожью и труднопроходимым местам в пустынную и одновременно гористую провинцию Ганьсу, а оттуда повернули на юг в провинцию Шеньси. По реке Хонь они спустились в провинцию Хубей, и по реке Янцзы приплыли в город Ханькоу,[9] где А. Вахович был встречен своим однокашником по университету, генеральным консулом П.А. Дмитревским.[10] Пробыв короткое время в Ханькоу, экспедиция по Янцзы направилась в соседний город Кьюкианг,[11] затем в старинный город Нанкин, где путешественники также сделали короткую остановку. После Нанкина, опять по реке Янцзы, они доплыли до порта Шанхай и, пересев на большое судно, морем добрались до порта Тяньцзинь. Проведя день, осматривая город, они вернулись в Пекин

[9] Ханькоу — часть современного г. Ухань, провинции Хубей. До 1949 г. самостоятельный город.

[10] Павел Андреевич Дмитревский (04.11.1855, Вологда — 17.08.1899, Сеул) — дипломат. Окончил Санкт-Петербургский университет. В 1877–1899 гг. — сотрудник МИД. В 1882–1883 гг. — и.о. консула в Ханькоу; в 1884–1892 гг. — консул в Ханькоу; в 1893–1896 гг. — консул в Тяньцзине. С 1 июля 1896 г. по 17 августа 1899 г. — генеральный консул в Шанхае. Скончался в Сеуле по дороге в отпуск в Россию.

[11] Ныне г. Цзюцзян, провинции Цзянси.

27 ноября 1887 г. Вот, как описывает в своей книге поездку А. Ваховича Л.Н. Павленков: «В этой поездке он прошел испытания, ночевал в монгольских юртах и в грязных китайских лавках, сплавы по рекам и озерам, пешком, ехать верхом на диких монгольских лошадках, то на верблюдах, походка которых вызывает морскую болезнь, то в носилках, то плыть на лодках по озерам и рекам, а то идти пешком; приходилось ночевать в грязных китайских лавках или в кумирнях и китайских постоялых дворах, в монгольских юртах, а то и прямо проводить ночь под открытым небом». [Павленков, 1904, с. 5–6]. За время семимесячного путешествия члены экспедиции Ваховича провели три дня в пустыне, практически без воды, а в течение всего этого времени им приходилось питаться чем придется: монгольской пищей, кумысом, рисом. От этих тяжелых условий падали верблюды, гибли люди из конвоя. Тем не менее, несмотря на пережитые трудности, миссия Ваховича была выполнена.

О результатах командировки было доложено министру иностранных дел и вместе с письмом отправлен обширный отчет, составленный А.С. Ваховичем. Правительство высоко оценило его усердные труды и наградило молодого дипломата орденом Св. Владимира 4-й степени.

В течение следующих лет Александр Степанович служил в должности второго драгомана Миссии в Пекине. За это время он значительно повысил свои знания в области китайского языка. Его переводы китайских документов признавались лучшими. Также он преуспел и в устном синхронном переводе, часто принимая участия в различных протокольных мероприятиях.

В 1891 г. Вахович удостоился в качестве переводчика сопровождать будущего государя при проезде через Гонконг, Фучжоу, Шанхай в Ханькоу — центр русско-китайской чайной торговли. Здесь русскими купцами была подготовлена торжественная встреча наследника Престола, город был украшен праздничной иллюминацией. А.С. Вахович с радостью встретился с П.А. Дмитревским, который поделился с ним последними новостями. Все дни пребывания высокого гостя в Ханькоу Александр Степанович находился с ним рядом и переводил на всех переговорах, состоявшихся с китайской стороной.

«В начале апреля 1891 г. наследник русского престола, цесаревич Николай Романов, путешествовавший по Дальнему Востоку, прибыл в Ханькоу на пароходе Добровольного флота “Владивосток”. Ему были оказаны почести со стороны как официальных китайских властей, так и русского купечества. Главной целью визита было оказание поддержки местному российскому бизнесу и укрепление его позиций в Китае, а также проведение переговоров с наместником провинций

Хунань и Хубей чиновником Чжан Чжи Дуном.[12] ...В эти дни проходили встречи и беседы с русским купечеством, осматривались выставки чая, проводились многочисленные приемы в домах чаеторговцев» [Шаронова, Чень Кайке, 2017, с. 154].

Время, проведенное в Ханькоу, было крайне полезным для Александра Степановича. Его интересовали вопросы, связанные с доставкой китайского чая в Россию, поскольку русские купцы тратили большие суммы за отправку ценного груза на иностранных судах. Побывав в конторах чаеторговых компаний, Вахович узнал много информации о сортах китайского чая и условиях его выращивания. В связи с необходимостью постоянно сопровождать будущего государя, он не имел возможности выехать на плантации, находившиеся на значительном расстоянии от Ханькоу. Познакомившись с владельцами русских чайных компаний, в дальнейшем Александр Степанович поддерживал с ними тесную связь.

Успешно завершив свой визит в Ханькоу, в конце апреля 1891 г. цесаревич и его свита посетили еще один центр чайной торговли — г. Кьюкианг, а затем направились в Шанхай, где на пароходе «Память Азова» продолжили путешествие по Востоку. Впереди была встреча с Японией. Драгоман Вахович сопровождал их только до Нагасаки, так как был временно назначен управляющим российского консульства в этом порту.

Заслуги и знания Александра Степановича, который к этому времени прослужил в Китае почти десять лет, были отмечены будущим государем. Вскоре он получил новое назначение в Тяньцзинь, также на должность управляющего консульством.

Тяньцзинь был одним из крупнейших логистических центров. Именно в нем сходились караванные и морские пути и находились филиалы многих иностранных и китайских экспортно-импортных компаний. С главами и сотрудниками основных российских чайных фирм «Токмаков, Молотков и К°», «Молчанов, Печатнов и К°» Вахович познакомился еще в Ханькоу, поэтому местные чаеторговцы сразу окружили его своим вниманием. Он часто встречался с купцами А.Д. Старцевым, А.А. Белоголовым, М.Д. Батуевым. По делам службы выезжал в Калган,[13] через который шли караваны в Кяхту. Проделав этот нелегкий путь, связанный с риском для жизни, Вахович стал разрабатывать концепцию развития казенного морского пароходства

[12] Чжан Чжидун (04.09.1837–05.10.1909) — генерал-губернатор двух провинций, Хубей и Хунань. Был активным сторонником императрицы Цыси и всячески поддерживал династию, однако считал необходимым использование европейский опыта и передовых технологий в области технического прогресса.

[13] Ныне г. Чжанцзякоу, провинции Хубей.

между Россией и Китаем. В этом вопросе он тесно сотрудничал с известным пароходовладельцем, купцом первой гильдии М.Г. Шевелевым, с которым был связан и родственными узами.[14]

Как и в других крупных портах Китая, согласно Нанкинскому договору, в Тяньцзине существовали иностранные концессии: английская и французская. Александр Степанович стал хлопотать о том, чтобы здесь и была образована и русская концессия, тем более, что подобные переговоры вели Германия, Япония и Бельгия. Вахович считал, что самым подходящим для этого местом мог бы стать северный берег реки Хайхэ, где проходили железнодорожные магистрали и находился торговый порт. Доводы Ваховича и необходимость своей территории в торговом Тяньцзине убедили российские власти. Уже после отъезда Ваховича, в 1900 г., Россия получила здесь земли под свою концессию. Узнав от купцов о их проблемах при оплате товаров и многочисленных комиссиях иностранных банков, которые не всегда имели филиалы в России, Вахович стал работать над концепцией создания в Китае русского банка. Это позволило бы не только сократить финансовые расходы русских коммерсантов, но и дало бы возможность проводить различные денежные операции иностранным и китайским фирмам, сотрудничавшим с Россией.

Деятельность Александра Степановича на посту управляющего консульством в Тяньцзине была высоко оценена руководством МИД. В 1893 г. он был назначен российским консулом в Ханькоу, сменив на этом посту хорошо знакомому ему П.А. Дмитревского.

Приехав в Ханькоу, А.С. Вахович поселился в небольшом зданиипристройке, которое находилось во дворе православного храма. Там же была и канцелярия консульства. Все русские жители проживали на британской концессии, где находились и основные конторы чаеторговцев. К этому времени позиции наших торговых фирм были прочными и по многим экономическим показателям торговли чаем превосходили показатели других иностранных и китайских компаний. В этой связи отсутствие собственного здания российского консульства и зависимость от британцев показались Ваховичу унизительными. Он сразу наметил себе решение нескольких важных задач по укреплению престижа страны в этом регионе.

Узнав, что немцы ведут переговоры по приобретению земли для германской концессии, консул стал прорабатывать вопрос о возможности получения своей концессии для России.

Еще одним важным вопросом он считал изучение чайного рынка, а также самой чайной отрасли, чтобы создать чайные плантации в

[14] Племянница М.Г. Шевелева Анна Александровна была замужем за Львом Степановичем Ваховичем, братом консула.

самой России. Он выезжал в местечко Янлоудун, чтобы изучить чайное дело. Там были расположены многочисленные чайные плантации. «Местное население было диким и к иностранцам относилось настороженно. Вахович прожил там 2 недели, собрал сведения и помог Попову устроить плантацию чая в Чакве на Кавказе» [Павленков, 1904, с. 7]

Третьим важным вопросом был вопрос логистики, который он хотел решить путем расширения речных и водных перевозок. Это сократило бы время доставки и сохранило качество чая.

В обязанности консулов входила подготовка ежегодного отчета об оборотах торговых операций и объемах рынка в местных регионах. Эти отчеты были крайне важны для Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов, влияли на ценовую политику экспортно-импортных операций и публиковались в коммерческих газетах. Сведения о торговле в Ханькоу имели особое значение, так как чай являлся главным закупаемым товаром в Китае. Отчеты А.С. Ваховича отличались своей четкостью и лаконичностью, что очень нравилось их адресатам:

> 16/28 августа 1895 г. Отчет в Азиатский департамент из Императорского Российского консульства в Ханькоу от консула А. Ваховича. Отчет за 1894 г. о торговле по консульству в Ханькоу от Ваховича.
>
> За сезон было русских судов 7, посетивших Ханькоу за чаем вместимостью 17658 т. Для сравнения китайских судов было 65, английских — 23.[15]
>
> Вывоз байхового чая 74.201.315 ф.
> Зеленого чая 1.146 ф.
> Кирпичного черного чая 24.324.956 ф.
> Плиточного чая 1.134.470 ф.
>
> Всего: 121.993.924 ф.[16]
>
> В отчетном году порт Ханькоу продолжал занимать 2-е место после Шанхая по величине торговых оборотов с Китаем. Валовый оборот порта достиг 146 753 098 серебряных рублей и превысил оборот прошлого года на 1226,35 серебряных рублей. Это повышение цифры получается вследствие повышения цен на многие товары, количество же последних, особенно ввозимых, значительно сократилось из-за падения ценности серебра из-за конфликта Китая и Японии.[17]

[15] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 148.

[16] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 148 об.

[17] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 150.

За чаями приходили 7 пароходов Добровольческого флота: «Саратов», «Москва», «Орел», «Ярославль», «Россия», «Кострома», «Тамбов», взявших на борт 26300 т груза в г. Одессу.[18]

Деятельность русских фабрик прошлых лет ограничивалась исключительно чайным делом, причем три фирмы «Токмаков, Молотков», «Молчанов, Печатнов», «Чирков, Панов» исполняли заказы на покупку и отправку байховых чаев и занимались прессованием плиточных и кирпичных чаев в Ханькоу и Кьюкианге. Фирма же «братья Поповы» покупала байховый чай для собственной торговли в России.[19]

Вахович пользовался глубоким уважением и авторитетом у всей русской колонии. К его мнению всегда прислушивались, и он был желанным гостем в каждом доме. Его идеи были направлены на пользу родины. Одна из них — строительство российским правительством железной дороги от Ханькоу до Пекина по объявленному в Китае конкурсу. Вторая относилась к новой схеме логистики грузов и организации постоянных рейсов русского пароходства от Ханькоу по реке Янцзы до Шанхая, а затем до Тяньцзиня, Нагасаки и Владивостока. По делам службы он бывал во Владивостоке и в Нагасаки и пытался превратить свою мечту в реальность.

В одной из поездок в Японию Александр Степанович познакомился с 16-летней японской девушкой Кейко, которая завоевала его сердце. В этом браке родился мальчик Оидзуми Кокусэки, ставший впоследствии известным переводчиком русской классической литературы и автором воспоминаний о своей семье в России. Его мать умерла во время родов 27 июля 1894 г. в Нагасаки, и малыша воспитывала бабушка со стороны матери. Позже, когда сын подрос, Александр Степанович забрал сына к себе в Ханькоу. Кончина любимой жены оставила глубокий след в его душе, и это горе положило начало его нервной болезни.

Свою печаль Вахович заглушал работой. Благодаря его настойчивости и убедительности к нему начинают прислушиваться. «Он начинает убеждать Миссию, что и России должна быть дана концессия, доказывая какую громадную пользу она должна будет принести России для роста русских торговых оборотов в Китае. Он представил проекты о создании русского банка в Китае. Русско-китайский банк и русское пароходство были в Китае учреждены, а, вот право строительства железной дороги досталось бельгийскому синдикату, кото-

[18] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 165.

[19] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 396, л. 172.

рый получил большие деньги и долго ее строил» [Павленков, 1904, с. 7].

1895 год принес свои хлопоты и радости. Весной Ханькоу посетила торгово-промышленная комиссия из России, присланная Министерством финансов. «В состав входили действительный статский советник Н.П. Забугин,[20] член правления Добровольного флота, действительный статский советник В.Я. Голубев и Г. Шкляревич. Результатом этого посещения было ускорение открытия русско-китайского банка на Востоке и учреждение агентства Добровольного флота в Ханькоу и в Шанхае. С этого время пароходы этой компании начали совершать частые правильные рейсы из Одессы в Ханькоу, отбирая большую часть груза у британских пароходных обществ. Председатель этой комиссии Забугин по возвращении написал целую книгу по материалам Ваховича, о чем в ней упомянул» [Павленков, 1904, с. 8].

Той же весной пришло дозволение на ведение переговоров о приобретении участка земли для строительства русской концессии. Вахович уже давно присмотрел место вдоль берега реки Янцзы, между немецкой и английской концессиями. Он проверил, что, кроме небольшого участка торгового дома «Токмаков, Молотков и К°» и нескольких китайских фанз, никаких собственников нет. Заручившись поддержкой миссии, он начал вести переговоры с Чжан Чжидуном, которые проходили успешно. Однако иностранных резидентов в Ханькоу такое положение дел не устраивало. Вскоре российский посланник в Пекине получил от своего французского коллеги известие, что часть предназначенной для будущей концессии земли обещана китайцами им. Наше правительство уступило указанную полосу набережной, что вызвало удивление самих китайцев и негодование Ваховича. Вместо выгодного и прекрасного участка русским пришлось взять несколько участков земли, заселенных китайцами и находящихся в глубине города.

В конце мая 1896 г. между китайской и русской сторонами было подписано Положение о русской концессии в Ханькоу. Императорскую Россию представляли Генеральный консул в Тяньцзине статский советник П.А. Дмитревский и управляющий консульством в Ханькоу коллежский секретарь П.С. Рождественский,[21] китайскую сторону — уполномоченный Великого Дайцинского государства чиновник Цюй, в обязанности которого входил надзор за таможнями и

[20] Николай Павлович Забугин (19.01.1846–23.11.1900) — сын коллежского асессора, с 1896 г. титулярный советник, служил по Министерству финансов.

[21] Петр Сергеевич Рождественский (11.10.1870, Санкт-Петербург — 20.02.1915, Сан-Франциско, США) — дипломат. Выпускник Санкт-Петербургского университета. На службе в МИД в 1893–1915 гг.

торговыми делами в провинции Хубей. А.С. Вахович на момент подписания бумаг был в отъезде. По возвращении в Ханькоу он немедленно приступил к решению вопросов о разграничении территории и установке пограничных столбов. Необходимо было выкупить землю, принадлежавшую китайским и русским владельцам. Приобретение русским правительством концессии было особенно не по душе англичанам, хорошо понимавшим, что с этого времени должен наступить конец их исключительному господству в таком важно коммерческом центре, как Ханькоу. Поэтому они цеплялись за любую возможность досадить русским и помешать им в строительстве концессии.

Оказалось, что на одном из участков будущей концессии находилась кожевенная фабрика английской фирмы «Эванс Пию и К°», во главе которой находился нештатный голландский вице-консул Вистлер. Несмотря на просьбы Ваховича закрыть фабрику, поскольку она была вредной для здоровья жителей, это удалось сделать только спустя два года. Также большой проблемой стали принадлежавшие английской пароходной компании «Жардин, Матисон и К°» два участка земли. Дело дошло до вооруженной борьбы и докатилось до обеих столиц. Один из участков англичане уступили в обмен на русский участок в британской концессии, а второй так и остался их собственностью, причиняя постоянное беспокойство и недоразумения русскому консулу. Канцелярия нашего консульства была перенесена в дом чаеторговца Панова.

6 декабря 1897 г. Вахович приступил к строительству набережной. День закладки был обставлен очень празднично. Торжество началось молебствием, первый камень набережной был положен консулом. После гимна консул произнес речь, в которой определил значение концессии и просил нашу колонию в Ханькоу не отказать ему в содействии в трудном деле ее устройства. За речью последовало чтение телеграммы министра иностранных дел Муравьева, в которой тот извещал, что государь соизволил на наименование набережной именем Его Величества и поздравлял русскую колонию с концессий. Вечером все русские дома были торжественно освещены и украшены флагами.

Вскоре был создан Строительный комитет, в который вошли консул Вахович и представители русско-китайского банка. В обязанности этого комитета входило наблюдение за финансовой стороной дела, контроль за расходованием средств, проверка смет и отчеты по подрядам, а также ведение всех счетов и составление смет по планированию и обустройству концессии. Однако на практике за всеми работами следил только Александр Степанович, а избранный комитет никогда не собирался в полном составе. Составленный им план концессии был утвержден в 1898 г. Министерством иностранных дел.

Для проведения всех строительных работ был нанят инженер К. Майер, швейцарец по происхождению. Он был очень честным и порядочным, но абсолютно не практичным человеком. Ваховичу самому приходилось вести всю сложную канцелярскую работу, составлять планы, разбивать землю на участки, проводить дороги и улицы, одновременно находить покупателей под свободные участки земли, так как деньги, выделяемые на строительство концессии, давались в кредит.

В течение четырех лет, ежедневно бывая на стройке в разных частях концессии, консул следил за ходом ведения работ. В одном из писем посланнику М.С. Гирсу Вахович писал 20 августа / 11 сентября 1901 г.: «Помимо обычных консульских действий, которых здесь в чайный сезон гораздо больше, чем в других консульствах, злосчастная концессия отнимает много сил, день, в который явилась у меня мысль о ее взятии, я не благословляю, а затем постройка набережной доставила мне столько хлопот, неприятностей и работы, что и сказать не умею. Я вложил всю душу в эту концессию, всю свою энергию, как в свое детище — она же меня за это съела и высосала все силы. Я никогда не думал, что встречу столько злой воли, столько мелких, но чувствительных уколов, столько разных придирок и препятствий со стороны иностранцев и столько равнодушия, а подчас даже недоброжелательности со стороны соотечественников».[22]

На строительство набережной было израсходовано около 205 000 лан (200 000 руб.) и оно было окончено в марте 1901 г.; с благословения государя набережная была названа Николаевской.

Большое значение А.С. Вахович придавал строительству консульства и дома для консульского персонала. Его предложения и проект были одобрены в конце марта 1899 г.: «Удовлетворить просьбу Ваховича о строительстве консульского дома не выше 33 826 лан на кредит от поступивших денег за распроданные участки в Ханькоу в нашей концессии».[23]

Сумма ассигнования на приобретение в Ханькоу земель для устройства русского консульства была переведена в июле 1901 г. Консульский дом планировалось построить рядом с Николаевской набережной и окружить его большим садом, однако к этому времени строительные материалы в Ханькоу значительно подорожали, так как была создана и японская концессия, и шло строительство в немецкой концессии.

Вахович вел бесконечное множество дел: занимался составлением Устава городского совета, хлопотал о назначении постоянного рус-

[22] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 392, л. 13 об.

[23] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 392, л. 2.

ского врача, занимался открытием русско-китайской школы переводчиков, а также охраной концессии и строительством казарм для нее.

Такая нагрузка и отсутствие отдыха сказались на его здоровье: он стал страдать сильными болями в желудке, головокружениями, терять слух и обоняние. Все это было связано с сильным нервным напряжением и его повышенной ответственностью. Он писал М.Н. Гирсу: «Иногда я просто приходил в отчаяние и желал бросить все на волю Божью, поуспокоившись, опять взваливал на себя эту ношу и тянул лямку до полнейшего изнеможения».[24]

На помощь заболевшему Ваховичу из Фучжоу был вызван молодой дипломат А.Т. Бельченко. В своих прощениях Александр Степанович просил прислать его пораньше, он хотел на время оставить Восток, где прослужил 18 лет. Его отпуск был запланирован в декабре, но он просил прислать кого-нибудь раньше, чтобы поехать во Владивосток и устроить в гимназию сына. Однако Бельченко задержался в Фучджоу и приехал позже запланированного срока. Он сразу же приступил к делам, пытаясь побыстрее вникнуть в ситуацию. По причине болезни консула он старался его не тревожить и сам разбирался со свалившимися на его плечи многочисленными обязанностями.

Несколько лет Александра Степановича связывали близкие отношения с М.М. Доманской, полькой по происхождению, которая имела в Ханькоу небольшой дом. Она постоянно была около больного, стараясь облегчить его страдания. Вахович обратился к местному православному священнику с просьбой обвенчать их. Однако этого не произошло.

12 февраля Бельченко направил срочную телеграмму в Пекин: «В ночь с 11 на 12 февраля наступила смерть консула в Ханькоу статского советника Ваховича».[25] По приказу императорского посланника молодой Бельченко вступил в управление консульством.

О кончине русского консула скорбели не только русские, но и многие китайские и иностранные жители. Он пользовался большим авторитетом и уважением. Позже одна из улиц русской концессии была названа его именем.

«Похороны А.С. Ваховича отличались особой торжественностью, в русской церкви на отпевании присутствовали иностранные консулы и командиры военных лодок, одетые в парадную форму, которые затем прошествовали на иностранное кладбище, провожая в последний путь доблестного российского дипломата. Как писал о нем известный библиофил Леонид Николаевич Павленков, “государство лишилось

[24] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 392, л. 14 об.

[25] АВПРИ, ф. 143, оп. 491, д. 392, л. 27.

в нем способного энергичного труженика и горячего патриота, который упорно отстаивал права России и высоко держал ее знамя”» [Шаронова, 2018, с. 169].

Тело скончавшегося А.С. Ваховича со всеми почестями было перевезено во Владивосток и похоронено на Седанке, в 15 верстах от Владивостока, в нескольких шагах от церкви Св. Евгения. На могиле, согласно воле покойного, его невестой Марией Доманской в 1910 г. была сооружена каменная часовня, которую в феврале 1911 г. освятил владыка Евлогий.

В течение нескольких лет в день рождения и в день кончины А.С. Ваховича в Ханькоу в храме Александра Невского проводились панихиды, на которых присутствовали не только члены русской колонии, но и представители дипломатического корпуса: «Панихида по скончавшемуся в феврале 1902 г. консуле Ваховиче была проведена в православной церкви в Ханькоу 18 сентября 1903 г. На церемонии присутствовали генеральные консулы России, Франции и Японии» [The North-China Herald, 1903].

Оидзуми после смерти отца некоторое время жил у дяди Льва во Владивостоке. С ним он посетил Петербург, Москву, побывал у дальних родственников Ваховичей, живших недалеко от Ясной Поляны, где произошла его встреча с Л.Н. Толстым. Он также навестил в Варшаве дедушку Стефана и бабушку Веронику, но затем вернулся в Японию, где его воспитанием занималась бабушка со стороны матери.

Часовня с прахом Ваховича в годы советской власти была разорена и в ней был устроен клуб, но недавно ее восстановили.

Улица Ваховича на территории русской концессии Ханькоу начиналась от здания Российского консульства и заканчивалась на границе с британской концессией. Только после 1925 г. она поменяла свое название, однако местные русские жители продолжали называть ее по-старому. Андрей Терентьевич Бельченко, повторно приехавший в Ханькоу в 1915 г., прожил там более сорока лет и эмигрировал в США. Родственники А.С. Ваховича также эмигрировали за границу и проживали во Франции и в США.

В современном Ухани, частью которого стал Ханькоу, имя российского консула А.С. Ваховича более известно, чем в России. Территория бывшей русской концессии до сих пор остается жемчужиной архитектурного наследия города. На одной из улиц установлен гранитный столб, на котором высечена краткая история концессии и деятельности русских жителей на благо России и Китая. Среди имен, внесших большой вклад в историю города, есть и имя Александра Степановича Ваховича, истинного патриота своей страны.

Список литературы

Кобдо, город // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 15а. СПб., 1895. С. 489–491.

Павленков Л.Н. Памяти Александра Степановича Ваховича: Русский консул в Ханькоу. СПб., 1904. 16 с.

Шаронова В.Г. Русский храм на Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 5. С. 155–166; № 6. С. 163–172.

Шаронова В.Г., Чень Кайке. Русская концессия в Ханькоу // Русское зарубежье: История и современность. Вып. 6. М., 2017. С. 153–159.

The North-China Herald and Supreme Court & Consular Gazette. Shanghai. 1903. Sept. 18.

УДК 911.375(571.5)“185/192”

Т.А. Кискидосова
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан

Сословная структура городского населения Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.

Статья посвящена сословной структуре населения городов Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Рассмотрены численность и сословный состав городского населения в исторической динамике. Массовый приток крестьянства существенно изменил сословный состав крупных городов региона. Менее подвержены изменениям в социальной структуре были малые города. Постепенно происходил процесс размывания сословных границ, но сословное деление общества оставалось актуальным на протяжении рассматриваемого периода. В целом для городов Восточной Сибири была характерна сложная и разнообразная социальная структура.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, города, городское население, сословия, дворяне, купцы, мещане, военные, крестьяне, ссыльные.

Одним из важнейших направлений в современной исторической науке является исследование проблем народонаселения. Большое значение в данной проблематике отводится вопросам социального состава населения в пореформенный период. Эпоха капиталистической модернизации способствовала трансформации сословной структуры российских городов. В связи с этим возникает интерес к протеканию подобного процесса в отдельных регионах страны.

Согласно Закону 1832 г. в России были определены четыре главных сословия: дворянство, духовенство, городские и сельские обыватели. Каждое из них никогда не составляло единого целого, а делилось на разряды, различные по своему юридическому значению. Дворянство подразделялось на личное и потомственное, духовенство — по вероисповеданию, городское сословие — на мещан, купцов трех гильдий (с 1863 г. двух гильдий), потомственных и личных почетных граждан, ремесленников (цеховых) [Миронов, 1999, с. 81].

Реформы Александра II способствовали постепенному разрушению сословных принципов социума. Развитие рыночных отношений и проведение буржуазных реформ 1860–1870-х гг., основанных на принципе бессословности, привели к размыванию сословий. В результате сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом и постепенно трансформировались в классы и профессиональные группы [Миронов, 2015, с. 460].

© Кискидосова Т.А., 2020

Изменения в социальной структуре происходили прежде всего в крупных торгово-промышленных центрах. Подобные процессы, но в замедленных темпах имели место и в малых городах.

В советской историографии основное внимание исследователей было обращено на проблемы процесса образования классов и разложения сословной структуры [Нифонтов, 1955; Иванов, 1971]. Ю.М. Гончаров справедливо заметил: «Советская историография, несмотря на ее значительные достижения, вынуждена была развиваться в жестких идеологических рамках и в силу этого базировалась на концепциях и терминологии, разработанных во второй половине XIX в., в отличие от западной науки, где вопросы социальной стратификации, социальной мобильности, терминологии и моделей социальных изменений были предметом постоянных дискуссий» [Гончаров, 2013, с. 124].

Социальная структура в контексте истории отдельных городов Сибири в пореформенный период была рассмотрена в исследованиях ряда специалистов [Дмитриенко, 1984, с. 134–154; Скубневский, Гончаров, 2014; Гончаров, 2013; Гончаров, 2014; Томилов, 2016; Тяпкина, 2008]. Сословный состав населения отдельных городов восточносибирского региона во второй половине XIX — начале XX в. исследован в трудах сибирских ученых [Петров, 1990; Паликова, 2010; Гаврилова, 2014; Гаврилова, 2018]. Данные работы создают базу для обобщающего изучения социальной структуры населения городов Сибири в эпоху капитализма.

Территориальные рамки статьи охватывают губернские, областные, уездные и безуездные города, расположенные на территории Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей. Данная территория входила в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства до 1887 г., когда оно было переименовано в Иркутское, а Забайкальскую область включили в состав Приамурского генерал-губернаторства. Хронологические рамки охватывают вторую половину XIX — начало XX в.

С 1863 по 1897 г. население Восточной Сибири выросло примерно на 60 %. Однако темпы роста населения Восточной Сибири были гораздо ниже, чем в Западной Сибири и на Дальнем Востоке [Воробьев, 1975, с. 146]. В рассматриваемый период восточносибирские города обладали определенной спецификой. Удаленность от центра страны, особая политика царского правительства по отношению к Сибири, значительная доля чиновничества, многонациональный состав населения, обширный контингент ссыльных и т.д. [Неклюдова, 2007, с. 29].

В 1858 г. городское население восточносибирского региона составляло не более 6 % общей численности населения. В это время общероссийский показатель равнялся 8,9 %. К 1897 г. доля городского населения в Восточной Сибири увеличилась до 9,6 %, во всей России — до 12,9 %. На рубеже XIX–XX вв. существенно ускорились темпы роста сибирских городов. С 1897 по 1917 г. население городов Восточной Сибири увеличилось с 164,6 тыс. чел. до 336 тыс. чел. К 1917 г. процент городского населения восточносибирского региона достиг 12 % [Неклюдова, 2007, с. 31]. К началу XX в. Иркутск, Красноярск и Чита превратились в самые крупные города региона. С 1897 по 1917 г. население Красноярска увеличилось с 26,7 тыс. до 70,3 тыс. чел., т.е. в 2,7 раза, население Читы — с 11,5 тыс. до 52,8 тыс. чел., т.е. в 4,6 раза [Воробьев, 1959, с. 74]. К 1 января 1914 г. численность населения Иркутска составила 128 338 чел. [Обзор Иркутской губернии, 1915, с. 85].

Распределение городского населения Восточной Сибири по сословиям в начале 1860-х гг. представлено в Приложении 1. Дворяне потомственные и личные традиционно концентрировались в губернских или областных центрах. Значительное количество дворян было в Иркутске (2188 чел., или 11 % населения) и Красноярске (1048 чел., или 10,5 %). В этих административных центрах сосредоточилось личное дворянство, в основном представленное чиновничеством. Гораздо меньше по количеству зафиксировано дворян в Якутске (425 чел.) и Чите (249 чел.), но их удельный вес составлял соответственно 7,6 % и 8,2 % населения. Духовное сословие являлось немногочисленным во всех городах. Наибольшая численность духовных лиц приходилась на Иркутск (610 чел.), Красноярск (277 чел.) и Верхнеудинск (219 чел.). Значительная часть купцов и почетных граждан сконцентрировались в торговых городах Восточной Сибири: Иркутске (814 чел.), Енисейске (553 чел.) и Нерчинске (461 чел.).

В большинстве городов региона мещане или городские обыватели являлись самой многочисленной частью населения. Доля мещанства в городах Забайкальской области составляла 43,4 %, Енисейской губернии — 40,6 %, Иркутской губернии — 38,9 %. Наибольшая численность данной сословной группы была в Иркутске (6878 чел.) и Енисейске (3152 чел.). Значительная доля мещанства была характерна для малых городов Иркутской губернии: Нижнеудинск (49 %), Балаганск (58 %), Илимск (87–99 %) [Гаврилова, 2018, с. 69]. Среди городского населения Якутской области удельный вес мещанства составлял всего 17,8 % населения. В малых городах Якутии их удельный вес был незначителен: в Олекминске — 7,0 %, в Вилюйске — 8,2 %. Самое ничтожное число мещан приходилось на уездный город

Иркутской губернии Верхоленск, там проживало всего 7 мещан, что составляло 0,8 % населения [Памятная книжка Якутской области, 1864, с. 35; Памятная книжка Иркутской губернии на 1863, 1864, с. 112–115].

В восточносибирских городах значительную часть населения составляли военные (см. Приложение 1). Данная категория населения не относилась ни к одному из существующих четырех основных сословий. Согласно статистическим источникам, в группу «военные» входили регулярные войска, иррегулярные войска, бессрочно-отпускные, отставные нижние чины, казаки, кантонисты, солдатские жены и дочери. Наибольшее количество военных сконцентрировалось в Иркутске — 4942 чел., Верхнеудинске — 2058 чел., Красноярске — 1965 чел., Якутске — 1026 чел. Эти города являлись административными центрами с обязательным наличием значительного количества военных: Иркутск был генерал-губернаторским городом, Красноярск — губернским, Якутск — областным. Удельный вес военных в городах Забайкалья составлял 29,5 %. В Верхнеудинске на долю военных приходилось 48,6 %, в Чите — 28,7 %. В Нижнеудинске процент военных составлял 32,9 %, в Селенгинске — 35,7 %. Высокий удельный вес данной сословной группы в небольших уездных городах можно объяснить значительным количеством казаков. По традиции они являлись единственным видом вооруженных сил, не несли военной службы и формально были отнесены к сословию военных.

Крестьяне составляли небольшую группу в городском населении. Незначительная доля крестьян приходилась на города Забайкалья (2,0 %) и Якутии (4,9 %). Крестьянское сословие быстро росло в составе городского населения, стало главным источником его пополнения в быстрорастущих городах. В тех районах, где города росли еще медленно, процент крестьян был невелик [Гончаров, 2014, с. 413].

Группа «ссыльные» являлась особой категорией населения. Нередко статистические источники занижали реальное число ссыльных. На самом деле их численность в городах была гораздо выше. Согласно существовавшему порядку, ссыльные могли причисляться к городским сословиям без согласия общества, они предпочитали указывать себя как мещане или цеховые [Гончаров, 2001, с. 45]. Самое большое число ссыльных было зафиксировано в Красноярске — 1849 чел., что составило 18,5 % населения. Всего ссыльных в городах Енисейской губернии было 3483 чел. (13,2 %). Хотя статистические материалы за 1862 г. не информировали о количестве ссыльных в городах Иркутской губернии, последующие статистические сборники представляют подробные сведения о ссыльных всех категорий и семейств поселенцев. В 1875 г. в Иркутске было значительное число

ссыльных и их семейств (2913 чел., или 9,0 % населения) [Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г., 1881, с. 64–65].

Статистические источники начала 1860-х гг. (см. Приложение 1) к группе «прочие» отнесли инородцев, иностранных подданных и лиц, не указавших сословие. Удельный вес группы «прочие» был разным в городах Восточной Сибири. Среди городского населения Енисейской губернии эта категория составляла 1,5 %, Забайкальской области — 3,5 %, Иркутской губернии — 12,0 %, Якутской области — 33,1 %. В городах Якутии основную массу «прочих» составляли инородцы. Значительная их часть была зафиксирована в Якутске (2001 чел., или 35,4 %). Для других городов Якутии также характерен большой удельный вес инородцев: в Олекминске 14,4 %, Вилюйске 26,5 % и Верхоянске 32,7 %. В города переселялись не только разорившиеся якуты, но и зажиточные. Основным занятием последних была в основном торговля, они стали составлять конкуренцию мещанам [Петров, 1990, с. 31].

В Приложении 2 представлено распределение сословного состава городского населения Восточной Сибири в конце XIX в. По мнению исследователей, в период с середины до конца XIX в. «сословная структура городского населения быстро менялась, становилась все более сложной» [Иванова, Желтова, 2004, с. 238]. Рассматривая сословную структуру городов Восточной Сибири, необходимо учитывать особенности региона, связанные с экономико-географическим положением, сложившимися историческими традициями, национальной спецификой и др.

Согласно материалам первой переписи 1897 г., в большинстве городов Восточной Сибири удельный вес группы «мещанства» оставался самым высоким. В городах Енисейской губернии доля сословия мещан составляла 43,4 %, Иркутской губернии — 41,8 %, Забайкальской области — 39,3 %. Исключением стали города Якутской области, там доля мещанства составляла 13 %. Правительство было заинтересовано в росте мещанского сословия в городах, так как мещане являлись основным податным городским сословием. Рост мещанского сословия происходил за счет приписки к нему ссыльных [Тяпкина, 2008, с. 118]. Следует учитывать, что усиление миграции населения в условиях развивающегося капитализма приводило к тому, что далеко не все находившиеся в данном городе мещане были приписаны к его мещанскому обществу и одновременно немало приписанных проживало в других местах [Иванова, Желтова, 2004, с. 93].

Материалы переписи отразили некоторые изменения группы «дворянства». С 1862 по 1897 г. удельный вес дворян увеличился в городах Забайкальской области с 4,9 % до 8,0 % (численность вырос-

ла с 637 чел. до 3130 чел.). Большая часть дворян сконцентрировалась в Чите — 1800 чел. (15,6 % населения). Значительное количество дворян было в Иркутске (5404 чел., или 10,5 %) и Красноярске (2481 чел., или 9,3 %). Представители группы «дворян», многие из которых являлись чиновниками, сосредоточились в губернских или областных центрах.

К концу XIX в. происходил процесс снижения удельного веса группы «купцов и почетных граждан» в ряде городов. Особенно уменьшение численности и процента купеческого сословия было заметным в городах Енисейской губернии. С 1862 по 1897 г. данная группа уменьшилась с 1611 чел. до 750 чел. (с 6,1 % до 1,2 %). В Красноярске купечество сократилось с 479 до 272 чел., в Енисейске — с 553 до 178 чел., в Минусинске — с 307 до 127 чел. (см. Приложение 1 и Приложение 2). В то же время с 1862 по 1897 г. происходил процесс увеличения численности купечества в городах Иркутской губернии с 965 до 1806 чел. В Иркутске данная сословная группа увеличилась с 814 чел. до 1693 чел. [Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 г., 1902, с. 112–115; Первая всеобщая перепись, т. 75, 1904, с. 30–31].

Существенный рост численности и удельного веса крестьянства во второй половине XIX в. был связан с активным притоком представителей этого сословия в города. Особенно рельефно это проявлялось в городах с интенсивным ростом численности населения. К ним относились Иркутск, Красноярск и Чита. В двух последних крестьяне стали самой многочисленной группой среди городского населения. В Иркутске данная сословная группа была на втором месте после мещан. С 1862 по 1897 г. удельный вес крестьян увеличился в Иркутске с 8,3 % до 32,7 %, в Красноярске — с 12,6 % до 40,0 %, в Енисейске — с 23,7 % до 40,7 %, в Чите — с 4,1 % до 33,5 %, в Верхнеудинске — с 2,4 % до 21,6 %, в Якутске — с 5,2 % до 15,5 % [Первая всеобщая перепись, т. 73, 1904, с. 28–29; Первая всеобщая перепись, т. 75, с. 30–31; Первая всеобщая перепись, т. 76, 1904, с. 32–33; Первая всеобщая перепись, т. 80, 1905, с. 28–29].

В категорию «прочих» вошли группы, указанные в материалах переписи: инородцы, финляндские уроженцы, иностранные подданные, лица, не принадлежавшие к этим сословиям, и лица, не указавшие сословий. Перепись не выделила ссыльных в отдельную группу, но их число в сибирских городах по-прежнему оставалось значительным. К 1897 г. группа «прочие» пополнилась за счет категорий военных и ссыльных. Согласно военной реформе 1874 г., лица, призывавшиеся в армию на несколько лет, на время службы и после нее оставались в своем сословии. Некоторые категории военных (отставные и бессрочно отпускные солдаты, солдатские дети и кантонисты)

к концу XIX — началу XX в. постепенно перестали учитываться. Тем не менее, в ряде городов различные категории военных продолжали существовать и учитываться в административном реестре населения [Гончаров, 2001, с. 51]. Значительной сословной прослойкой военные оставались в городах Забайкальской (14,4 %) и Якутской (10,4 %) областей. В Селенгинске удельный вес военных составлял 13,6 % [Первая всеобщая перепись, т. 74, 1904, с. 32–33]. Т.В. Паликова отметила, что традиционно в городах — местах дислокации военных, «нижних воинских чинов с семьями», их численность составляла 11–22 % [Паликова, 2010, с. 36]. Бывшая казачья станица Селенгинск экономически не развивался из-за конкуренции Верхнеудинска и Кяхты [Воробьев, 1959, с. 59].

В начале XX в. внимание к сословному делению общества снижается. Имеется немало информации о национальном, конфессиональном, имущественном составе населения городов империи, но практически исчезают данные по сословному составу, что является показателем снижения значения сословного деления общества. В то же время некоторые данные по сословному составу сохранились и позволяют изучить сословную структуру сибирских городов начала XX в. [Гончаров, 2013, с. 128].

В городах восточносибирского региона по прежнему лидирующей группой оставалось мещанство (см. Приложение 3). В Иркутской губернии доля мещан составляла 51,9 %, Енисейской губернии — 48,5 %, Забайкальской области — 41,4 %. Исключением стали города Якутской области, где на долю мещанства приходилось 14,6 %. В городах Якутии инородцы продолжали оставаться самой многочисленной сословной группой (39,9 %). В других городах Восточной Сибири доля инородцев среди городского населения была незначительной. В городах Забайкалья она составила 3,4 %, Иркутской губернии — 0,7 %, Енисейской губернии — 0,1 %. Сословная группа «дворян» осталась многочисленной в городах Иркутской губернии (7,3 %) и Якутской области (6,7 %). Доля дворян по отношению к городскому населению снизилась в Енисейской губернии (с 6 % до 3,3 %), в Забайкальской области (с 8,0 % до 4,4 %). Практически во всех городах произошло снижение удельного веса крестьян, особенно этот процесс был заметен в городах Иркутской губернии (19,5 %), Енисейской губернии (21,4 %) и Якутской области (3,3 %). С 1897 по 1902 г. несколько увеличились численность и доля группы «купцов и почетных граждан», особенно заметным увеличение было в городах Забайкальской области — с 1270 до 2185 чел. По наблюдениям Т.В. Паликовой, численность забайкальского купечества была самой высокой в сибирских губерниях и составляла 2 %. Несмотря на снижение доли забайкаль-

ского купечества к началу XX в., данная группа продолжала играть важную роль в жизни городов [Паликова, 2010, с. 34–35].

В рассматриваемое время некоторые изменения претерпела категория «прочие». В пореформенный период она несколько снизилась. К началу XX в. несколько повысился удельный вес этой группы: в городах Енисейской губернии — до 13,1 %, Забайкальской области — до 9,2 % (см. Приложение 3). По мнению Ю.М. Гончарова, к этому времени сословное деление общества стало анахронизмом, в сибирском городе появлялись все новые и новые категории населения (в основном выделяемые по профессиональному признаку), которые совершенно не укладывались в традиционную систему. Приток пришлого населения ломал сложившуюся структуру населения города [Гончаров, 2014, с. 414].

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. в сословной структуре населения городов Восточной Сибири произошли изменения с учетом исторических, географических, экономических и национальных особенностей региона. Приток крестьян в города привел к снижению удельного веса других сословных групп. Увеличение группы крестьян наиболее заметно проходило в быстрорастущих городах. Буржуазные реформы способствовали постепенному разрушению сословного строя и появлению новых категорий населения.

Приложение 1

Распределение городского населения Восточной Сибири по сословиям в 1862 г.

Группы сословий	Наименование губерний и областей							
	Енисейская		Иркутская		Забайкальская*		Якутская	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дворяне	1815	6,9	2434	9,0	637	4,9	530	7,7
Духовенство	523	2,0	731	2,7	437	4,9	530	3,3
Купцы и почетные граждане	1611	6,1	965	3,6	1034	8,0	151	2,2
Мещане	10 698	40,6	10 559	38,9	5634	43,4	1229	17,8
Крестьяне	4416	16,7	2470	9,1	266	2,0	341	4,9
Военные	3413	13,0	6718	24,7	3838	29,5	1562	22,7
Ссыльные	3483	13,2	н.с.	н.с.	694	5,3	571	8,3
Прочие	396	1,5	3270	12,0	451	3,5	2278	33,1
Всего	26 355	100	27 147	100	12 991	100	6891	100

* Забайкальская область без г. Троицкосавска.

Источники: ГАЗК, ф. 19, оп. 1, д. 4, л. 67, 108, 119, 133, 209; [Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г., 1865; Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 г., 1863, с. 112–115; Памятная книжка Якутской области на 1863 г., 1864, с. 35].

Приложение 2

Распределение городского населения Восточной Сибири
по сословиям в 1897 г.

Группы сословий	Наименование губерний и областей							
	Енисейская		Иркутская		Забайкальская		Якутская	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дворяне	3792	6,0	5936	9,5	3130	8,0	738	8,0
Духовенство	644	1,0	938	1,5	545	1,4	323	3,5
Купцы и почетные граждане	750	1,2	1806	2,9	1270	3,2	170	1,9
Мещане	27 288	43,4	26 263	41,8	15 362	39,3	1201	13,0
Крестьяне	24 661	39,2	21 119	33,6	9642	24,7	1584	17,3
Военные	931	1,5	1676	2,7	5639	14,4	956	10,4
Прочие	4818	7,7	5057	8,0	3527	9,0	4210	45,9
Всего	62 884	100	62 795	100	39 115	100	9182	100

Источники: [Первая всеобщая перепись, т. 73, 1904, с. 28–29; Первая всеобщая перепись, т. 75, 1904, с. 30–31; Первая всеобщая перепись, т. 76, 1904, с. 32–33; Первая всеобщая перепись, т. 80, 1905, с. 28–29].

Приложение 3

Распределение городского населения Восточной Сибири
по сословиям в 1901–1902 гг.

Группы сословий	Наименование губерний и областей							
	Енисейская		Иркутская		Забайкальская		Якутская	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Дворяне	2265	3,3	5119	7,3	2406	4,4	646	6,7
Духовенство	782	1,1	874	1,2	370	0,7	230	2,4
Купцы и почетные граждане	1524	2,2	3955	5,6	2185	4,0	340	3,6
Мещане	33 693	48,5	36 454	51,9	22 557	41,4	1400	14,6
Крестьяне	14 856	21,4	13 707	19,5	11 244	20,6	311	3,3
Военные	3721	5,3	4044	5,8	7433	13,6	1629	17,0
Инородцы	54	0,1	501	0,7	1825	3,4	3825	39,9
Ссыльные	3476	5,0	3569	5,1	1480	2,7	491	5,1
Прочие	9112	13,1	2012	2,9	4982	9,2	703	7,4
Всего	69 483	100	70 235	100	54 482	100	9575	100

Источники: [Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г., 1903, с. 80–81; Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 г., 1902, с. 68; Обзор Забайкальской области, 1903, ведомость № 7; Обзор Якутской области, 1903, приложение № 3].

Список литературы

Воробьев В.В. Города южной части Восточной Сибири: Историко-географические очерки. Иркутск, 1959. 146 с.

Воробьев В.В. Формирование городского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. 259 с.

Гаврилова Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в. Иркутск, 2014. 308 с.

Гаврилова Н.И. Состав и структура населения малых городов Иркутской губернии во второй половине XIX в.: Динамика процессов социальной дифференциации // Социологические науки. 2018. Т. 3. № 4. С. 67–73.

Гончаров Ю.М. Проблемы изучения социальной стратификации населения городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4/1 (80). С. 124–130.

Гончаров Ю.М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Города Сибири XVIII — начала XX в. Барнаул, 2001. С. 36–63.

Гончаров Ю.М. Социальная структура населения Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вестник Алтайской науки. 2014. № 4. С. 412–416.

Дмитриенко Н.М. Социальная структура населения Бийска в конце XIX — начале XX в. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма. Барнаул, 1984. С. 50–57.

Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городского населения капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 312–340.

Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX — начале XX века. М., 2004. 572 с.

Миронов Б.Н. Российская империя: От традиции к модерну. Т. 1. СПб., 2015. 896 с.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: XVIII — начало XX в. Т. 1. СПб., 1999. 548 с.

Неклюдова А.В. Развитие торгово-промышленной сферы городов Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в. Иркутск, 2007. 176 с.

Нифонтов А.С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX в. // Исторические записки. Т. 54. М., 1955. С. 239–250.

Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в.: Социальное, экономическое, культурное развитие. Улан-Удэ, 2010. 312 с.

Петров П.П. Города Якутии 1861–1917 гг.: Социально-экономический очерк истории. Якутск, 1990. 124 с.
Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2014. 252 с.
Томилов И.С. Изменение сословного состава городов пореформенной Тобольской губернии // Азиатская Россия: Люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 156–160.
Тяпкина О.А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: Социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2008. 307 с.

Список опубликованных источников

Обзор Забайкальской области за 1902 г. Чита, 1903. 120 с.
Обзор Иркутской губернии за 1913 г. Иркутск, 1915. 90 с.
Обзор Якутской области за 1902 г. Якутск, 1903. 51 с.
Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 г. СПб., 1865. 345 с.
Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 г. Красноярск, 1903. 210 с.
Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г. Иркутск, 1881. 252 с.
Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 г. Иркутск, 1902. 265 с.
Памятная книжка Якутской области на 1863 г. СПб., 1864. 220 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73: Енисейская губерния. СПб., 1904. 185 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 75: Иркутская губерния. СПб., 1904. 172 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 76: Забайкальская область. СПб., 1904. 176 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 80: Якутская область. СПб., 1905. 120 с.

УДК 930.2

С.Ю. Акишин
Екатеринбургская духовная семинария

«Новая манера / методология» профессора А.А. Дмитриевского для исследования истории богослужебных чинов: На материале неопубликованных работ

В последний период своей жизни проф. А.А. Дмитриевский (1856–1929) издал в машинописи свой курс лекций по литургике «Наука о православном богослужении», прочитанный студентам Высших Богословских курсов в Ленинграде в 1925–1928 гг. В письме французскому ассумпционисту Северьену Салавиллю от 12 апреля 1928 г. ученый сообщал, что создал этот курс лекций, используя новую методологию или манеру изучения исторических источников для реконструкции истории происхождения того или иного богослужебного последования. Новизна подхода состояла в более активном использовании при изучении различных литургических традиций историко-сравнительного метода, с помощью которого удалось получить значимые исследовательские результаты.

Ключевые слова: литургика, археография, таинство Брака, великое освящение воды, исследовательская методология.

30 декабря 1927 г. Высшие Богословские курсы в Ленинграде праздновали тройной юбилей выдающегося ученого, византиниста, литургиста и археографа Алексея Афанасьевича Дмитриевского (1856–1929). К этому времени ученый издал в машинописи очередной выпуск своего лекционного курса по литургике [Акишин, Терехов, 2014], посвященный реконструкции истории чина великого освящения воды в праздник Богоявления Господня. Когда после выхода заметки В.Н. Бенешевича [Beneševič, 1928] о тройном юбилее А.А. Дмитриевского узнал французский ассумпционист и редактор журнала «Échos d'Orient» Северьен Салавилль, он чрезвычайно заинтересовался этими лекциями ученого, и в письме от 26 февраля 1928 г.,[1] наряду с прочими изданиями, попросил прислать и их. Алексей Афанасьевич с большим энтузиазмом откликнулся на просьбу коллеги и через Академию наук отправил практически все, что тот просил. Были отправлены ученым и 5–12 выпуски лекций под общим названием «Наука о православном богослужении», о содержании которых С. Салавилль счел необходимым сообщить ученому миру [Salaville, 1929, p. 186–187]. В сопроводительном к посылке

[1] *Салавилль Северьен.* Письмо А.А. Дмитриевскому от 26 февраля 1928 г. (РНБ, ф. 253 (А.А. Дмитриевский), ед. хр. 715, л. 2–2 об.; автограф С. Салавилля).

© Акишин С.Ю., 2020

письме от 12 апреля 1928 г.[2] А.А. Дмитриевский сообщил своему корреспонденту, что метод (manière), которым он пользовался при исследовании истории и чинопоследования таинства Брака и великого освящения воды, «является не известным науке до сих пор». После ознакомления с этими лекциями С. Салавилль констатировал, что они содержат «совершенно новые данные, которые заслуживают широкого распространения» [Salaville, 1929, p. 187]. Изучению 7–9-го и 11-го выпусков лекций А.А. Дмитриевского на предмет выявления примененных ученым новых методологических подходов и посвящено наше исследование.

Экземпляр машинописных лекций А.А. Дмитриевского дошел до нашего времени и хранится в библиотеке Католического института в Париже под шифром IFEB III 774.[3] В каждом выпуске своя, самостоятельная пагинация страниц. Текст лекций А.А. Дмитриевского напечатан на пишущей машинке на бумаге формата 225 × 350 мм то синей, то черной краской. Многочисленные вставки на латинском и греческом языках выполнены почерком неизвестной руки.

Поскольку чинопоследование таинства Брака состоит из двух частей — обручения и венчания, — А.А. Дмитриевский освещает историю этих чинов в нескольких разных по своему объему выпусках лекций. Выпуск 7 (13 с.) посвящен рассмотрению свадебных обычаев в различных нехристианских традициях, в 8-м выпуске (24 с.) изучается само последование обручения, а в состоящем из двух частей 9-м выпуске (58 с.) разбираются обряды самого венчания и священнодействий, совершаемых в 8-й день после него. Общий объем раздела, посвященного чинопоследованиям обручения и венчания, пять с небольшим авторских листов.[4]

7-й выпуск под названием «Чинопоследование таинства Брака: А. Обручение» — это своеобразное обширное введение, в котором А.А. Дмитриевский формулирует трудности, встающие перед исследователем при рассмотрении вопроса о происхождении этого таинства, и называет свою работу «историко-археологическим обозрением».[5] Первая трудность, о которой говорит ученый, состоит «в определении догматической стороны этого таинства», недостаточно хорошо освещенной в науке. Вторая трудность заключается в самой струк-

---

[2] Письмо А.А. Дмитриевского С. Салавиллю от 12 апреля 1928 г. (Institut Catholique de Paris. Archives d'institute des Études byzantins de Paris; на фр. яз.).

[3] Нам известен еще один экземпляр, отложившийся в личной библиотеке академика Грузинской Академии наук К.С. Кекелидзе и хранящийся ныне в библиотеке Грузинского национального центра рукописей под шифром 18/4, 264.

[4] Далее по тексту ссылки будут даваться на страницы того или иного выпуска в таком виде: *Дмитриевский А.А.* Наука о православном богослужении. Вып. ... С. ...

[5] *Дмитриевский А.А.* Наука о православном богослужении. Вып. 7. С. 1.

туре чинопоследования таинства Брака, изобилующей «бытовыми народными обычаями и пережитками языческого прошлого христианства». Поэтому прежде важно изучить свадебные обычаи народов, принявших христианство, и только потом исследовать чинопоследование таинства Брака. И наконец, третья трудность состоит в том, что темы истории таинства Брака в историко-литургической литературе, за небольшими исключениями, практически никто не касался.[6]

В первую очередь А.А. Дмитриевский разбирает ветхозаветные свидетельства, касающиеся Брака, и дает комплексное определение этому таинству. Будучи таинством ветхозаветным, оно было перенято христианами в новозаветные времена и некоторое время оставалось без нововведений. Далее на основании научной литературы описываются библейские и иудейские брачные традиции, формирование которых испытало на себе влияние западноевропейских христианских традиций. В продолжение темы ученый говорит о греко-римских свадебных обычаях и завершает рассмотрение установлением связи между браком и другим церковным таинством — Евхаристией, которая и придает ему христианское наполнение.

В 8-м выпуске «Последование обручения» А.А. Дмитриевский очень подробно останавливается на формировании этого чина и показывает его исторические истоки. Прежде всего ученый рассматривает в связи с этой темой святоотеческие, византийские и русские источники, определяющие статус и место обручения в целом во всем чинопоследовании таинства. Сам чин обручения рассматривается им комплексно, на основании множества греко-славянских рукописных литургических источников, отражающих его историю на протяжении большого периода времени и фиксирующих церковно-канонические нормы и бытовые обычаи разных народов, то входивших в чинопоследование, то исчезавших и появлявшихся вновь. Завершается изложение истории обрядов чина обручения обзором так называемых приготовительных к обручению действий, совершаемых в домах жениха и невесты, а также по дороге в храм.

9-й выпуск — центральная и наиболее объемистая часть исследования А.А. Дмитриевского, озаглавленная «Чинопоследование таинства Брака: Б. Венчание». Как заявляет сам автор, в этом разделе он окончательно разрешает «существенный вопрос нашей догматики, каким образом ветхозаветное таинство превратилось в новозаветное», и на основании литургических памятников констатирует неразрывную связь таинств Брака и Евхаристии, существовавших некогда совместно.[7] Эта особо выделяемая ученым мысль позднее была

[6] *Дмитриевский А.А.* Наука о православном богослужении. Вып. 7. С. 1–2.

[7] *Дмитриевский А.А.* Наука о православном богослужении. Вып. 9. Ч. 1. С. 1.

воспринята и озвучена другими исследователями [Мейендорф, 1969, № 3, с. 12–15], но современными учеными отвергается как несостоятельная [Желтов, 2004, с. 663].

Далее А.А. Дмитриевский реконструирует историю появления того или иного элемента чина венчания на материале греческих литургических рукописей, подходя к их тексту критически и указывая на некоторые «малопонятные шероховатости»[8] чина. Ученым анализируется и одновременно воссоздается внешняя история чинопоследования венчания по рукописям, расположенным в хронологическом порядке. Затем, сгруппировав все особенности совершения венчания, А.А. Дмитриевский излагает их в порядке следования самого таинства и реконструирует далее внутреннюю историю чинопоследования на протяжении VIII–XVII вв., останавливаясь на смыслах и богословском содержании самого таинства и его обрядов.

После этого ученый разбирает три редакции чина венчания, отраженных в южнославянских рукописях, и сравнивает их с греческими, фиксируя лишь отличия. Далее ученый концентрируется на славяно-русском чине венчания, останавливаясь лишь на отличиях и связи его с чинами византийской и южнославянской традиций. В завершение А.А. Дмитриевский рассматривает заключительный обряд современного чина венчания «на разрешение или связывание венцов», который мог совершаться в разное время. В качестве примеров ученый приводит не только греческую, русскую, южнославянскую практики, но и армянскую. Для полноты рассмотрения свадебной тематики ученый особо останавливается и на истории чина венчания, совершаемого над второбрачными.

Если о происхождении и истории таинства Брака до А.А. Дмитриевского имелись какие-то исследования, основанные, как правило, лишь на опубликованных источниках, то об истории чина освящения воды на праздник Богоявления Господня 6 января по ст. ст. в науке вообще не было ни одной значимой работы. Из научной биографии А.А. Дмитриевского мы знаем, что эта тематика его интересовала давно и он даже в 1890 г. предложил ее разработку студенту четвертого курса Киевской Духовной Академии И.Я. Каминскому в рамках его кандидатского сочинения [Дмитриевский, 1892]. Именно разработки этой темы ученый коснулся в 11-м выпуске своего лекционного курса, посвятив его бывшему своему ученику и коллеге по Киевской Академии профессору П.П. Кудрявцеву, с которым в переписке обсуждал проблематику происхождения чина и толкования его обрядов [«Мы бы приобщили...», 2014, с. 406–408].

---

[8] *Дмитриевский А.А.* Наука о православном богослужении. Вып. 9. Ч. 1. С. 10.

Как уже отмечалось выше, этот выпуск лекций, общим объемом почти два авторских листа или 40 страниц машинописного текста, был подготовлен к концу 1927 г.[9] и озаглавлен «Таинство великой агиасмы или богоявленского водоосвящения». В самом начале исследования А.А. Дмитриевский приводит несколько мест из Нового Завета, в которых в разных контекстах упоминается вода и из которых он выводит основания для установления таинства освящения воды, а далее дает цитаты из сочинений святых отцов, церковных писателей и византийских источников о причинах и необходимости ее освящения для таинства Крещения, а также тех днях, когда это таинство совершалось. Это, собственно, исторический раздел, в рамках которого выстраивается прочная источниковая основа из свидетельств нелитургических памятников.

Гораздо подробнее А.А. Дмитриевский останавливается на рукописных и старопечатных литургических источниках VIII–XVII вв., созданных в разных частях христианкой ойкумены: Египте, Византии, Сербии и Болгарии, на Руси. Ученый обращается к изложенному в современном Требнике чину великого освящения воды и задается вопросом, сохранил ли он какие-либо следы древнего чина крещения оглашенных на праздник Богоявления. Разделив чинопоследование богоявленского освящения воды на отдельные составляющие элементы, Алексей Афанасьевич сначала рассматривает его по византийским литургическим рукописям, расположенным им в хронологическом порядке, а потом по южнославянским и славяно-русским богослужебным памятникам. Прежде А.А. Дмитриевский на основании греческих и нескольких южнославянских рукописей фиксирует изменения, произошедшие в чине до XIV в., а потом останавливается на судьбе этого чинопоследования с XIV по XVII в. Сравнивая различные литургические практики, он приходит к закономерному выводу о зависимости славянских чинов освящения воды от греческой практики и даже к известной степени тождественности этих практик. Завершает свое исследование ученый рассмотрением различных традиций, установившихся для питья святой воды.

Ни в одном месте своих лекций, посвященных таинствам Брака и Освящения воды на праздник Богоявления Господня, А.А. Дмитриевский не описывает использованную им новую методологию или манеру изучения литургических чинов. Поэтому исследователю этого вопроса приходится ее реконструировать и оценивать, в действительности ли она была во время жизни ученого такой уж новой и не традиционной. Безусловно, описывая историю происхождения литурги-

[9] Письмо А.А. Дмитриевского К.С. Кекелидзе от 7 апреля 1928 г. (Грузинский национальный центр рукописей, ф. Кекелидзе, № 468, л. 2).

ческих чинов, ученый использовал классический для гуманитарной науки исторический метод (в современной терминологии — историко-генетический), при помощи которого показывал, как постепенно от возникновения и до нашего времени обряды трансформируются и появляются в них новые элементы и обычаи.

Наиболее эффективным для А.А. Дмитриевского оказался сравнительно-исторический метод, к которому в литургике и в целом в духовно-академической среде относились с настороженностью, считая, что им можно пользоваться в редких случаях. Так полагал в период своей преподавательской деятельности в 1882–1908 гг. и сам А.А. Дмитриевский[10] вслед за его учителем в Казанской Духовной Академии Н.Ф. Красносельцевым [Красносельцев, 2013, с. 223]. Однако, на наш взгляд, такое пренебрежение этим методом или недоверие к нему было связано с узким его пониманием, которое ученому удалось преодолеть в своих работах. По крайней мере, анализируемые в настоящей заметке исследования А.А. Дмитриевского показывают, что ученый достаточно легко и без каких-либо ограничений или стеснений пользовался этим методом, выявляя общее в рамках разных литургических традиций на византийском, южнославянском и русском рукописных материалах и останавливая особо свое внимание на особенностях той или иной традиции. Немного позже с легкой руки немецкого ученого Антона Баумштарка возникнет и специальный термин «сравнительная литургика» [Baumstark, 1939], и с тех пор специалисты в этой области будут считать для себя обязательным реконструировать богослужебные обряды и обычаи на максимально широкой источниковой основе, включающей большинство известных науке литургических традиций Востока и Запада.

Кроме указанных методов, А.А. Дмитриевский использовал и такой метод научного познания, как «интерпретация», объясняя смысл и содержание богослужебной формы. В этом, на наш взгляд, зачатки так называемого литургического богословия, пышным цветом расцветшего во второй половине XX в. в эмигрантской среде в трудах архимандрита Киприана (Керна) и протопресвитеров Александра Шмемана и Иоанна Мейендорфа.

Подытоживая наши рассуждения, отметим, что в поздних работах 1920-х гг. о происхождении и истории таинств Брака и великого освящения воды А.А. Дмитриевский использовал не только комплекс научных методов для изучения сложных реалий христианского культа, но по-новому посмотрел на эту реальность и изложил ее «в манере, не известной науке» его времени. Этот подход позволил достичь

[10] *Дмитриевский А.А.* [Лекции по литургике, прочтенные студентам Киевской Духовной Академии] (ИР НБУВ, ф. 160, д. 550, л. 5 об.).

большого исследовательского результата, оцененного современниками, но при этом для фундаментальной науки выводы ученого остались недоступны по причине малого тиража машинописного курса и связанной с этим недостаточностью его распространения среди специалистов.

Список литературы

Акишин С.Ю., Терехов М.А. История создания курса лекций «Наука о православном богослужении» профессора А.А. Дмитриевского // Церковь. Богословие. История: Материалы Всероссийской научно-богословской конференции. Екатеринбург, 12 февраля 2013 г. Екатеринбург, 2014. С. 15–20.

Желтов М.С. Венчание брака // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 661–668.

Мейендорф И., прот. Брак и Евхаристия // Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж; Нью-Йорк, 1969. № 1–2 (91–92). С. 5–13; № 3 (93). С. 8–15; 1970. № 1–2 (95–96). С. 4–15; № 4 (98). С. 20–31.

Baumstark A. Liturgie comparée: Conférences faites au Prieuré d'Amay. Chevetogne, 1939. 275 p.

Список опубликованных источников

Дмитриевский А.А. Отзыв о сочинении студента Илария Каминского на тему: «Чины великого и малого водоосвящения (историко-археологический очерк)» // Извлечение из протоколов совета Киевской Духовной Академии за 1890/91 уч. г. Киев, 1892. С. 297–299.

Красносельцев Н.Ф. Лекции по литургике, читанные студентам Казанской Духовной Академии в 1880/1881 учебном году / Вступ. ст., публ. и прим. С.Ю. Акишина, диак. А.В. Щепеткина // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. № 2 (6). С. 210–278.

«Мы бы приобщили Ваши воспоминания к нашим и постарались бы их сохранить для истории прошлого Киева и Киевской Академии...»: Письма Петра Павловича Кудрявцева к Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому (1924–1929 гг.) / Вступ. ст., публ. и прим. Н.Ю. Суховой // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 377–423.

Beneševič V.N. Chronique. Russie // Revue d'Histoire Ecclésiastique. 1928. Vol. 24:1. P. 297.

Salaville S. Bulletin de Liturgie (suite) // Echos de'Orient. 1929. № 154. P. 173–208.

УДК 930(470)

И.В. Побережников
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Российские модернизации в историческом контексте: Темпоральная и пространственная вариативность*

Статья посвящена теоретическому анализу российских модернизаций. Выявлены особенности воздействия темпоральных и пространственных измерений на ход, динамику, механизмы, характер модернизационных процессов. Сопоставляются модернизационные процессы разной скорости и направленности: «медленные», «векторные», «циклические». Выявлены временные особенности модернизационных процессов и механизмов, характерных для разных эпох. Показана вариативность пространственных проявлений модернизации на материале восточных территорий.

Ключевые слова: Россия, модернизация, темпоральное измерение, пространственная вариативность, фронтир, регион.

Социальные системы не возникают в готовом виде. Формируясь постепенно, они изменяются с течением времени, то медленно, то быстро, то эволюционно, то взрывообразно. Это же можно отнести и к их развитию в пространстве: зарождаясь в определенном месте, социальные системы, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) в историческом пространстве, видоизменяясь при этом. Время и пространство, таким образом, выступают в качестве взаимосвязанных измерений развития. Показатель время позволяет фиксировать социальные сдвиги и темпоральную вариативность. Параметр пространство выступает в качестве мерила территориальной вариации социального развития.

Дифференцированное отношение ко времени представляется весьма продуктивным при анализе российских модернизаций. В частности, можно выделить «медленное» время, время «векторное» и время циклических изменений. «Медленное» время позволяет фиксировать цивилизационный подход. Собственно, «медленное время» можно трактовать как время цивилизационного контекста модернизационных преобразований. Модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-куль-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Фронтирная модернизация в России имперского периода: Модели развития и закономерности трансформации» № 18-09-00427А.

© Побережников И.В., 2020

турных контекстах. Цивилизационный подход фокусирует внимание исследователя на комплексе достаточно медленно меняющихся параметров, характеризующих социокультурное и цивилизационное ядро общественной системы. В рамках данного подхода исследователь делает акцент на инерции истории, на континуитете исторического прошлого и настоящего, на выделении некоего ядра, неизменяемого во времени или в очень слабой степени подверженного изменениям, которое и характеризует культурную и даже цивилизационную специфику России [Цивилизационное своеобразие, 2011].

Векторное время — собственно время модернизационных сдвигов, наблюдаемых в длительном временном интервале. В данном ракурсе исследование направлено на выявление процессов накопления нового качества, сдвигов в экономической, социокультурной, институционально-политической сферах жизни, определенных этапов, которые проходит общество в своем развитии, двигаясь вдоль гипотетической линии от состояния недостаточной развитости, сложности, дифференцированности к точке большей продвинутости.

При этом для разных исторических эпох была характерна вариативность природы, динамики, масштаба модернизационных сдвигов. «Ранняя» модернизация XVII или даже XVI в. [Modernizing Muscovy, 2004; Нефедов, 2004] характеризовалась крайней фрагментарностью и нелинейностью: к ее проявлениям обычно относят зарождение ряда явлений и тенденций, таких, например, как полки иноземного строя, развитие образования и культуры, появление мануфактур-«заводов» (т.е., по сути, начало протоиндустриализации, пусть анклавное) еще в допетровский период.

В петровский период и позже в XVIII в. [Модернизация, 1994; Каменский, 1999] уже предпринимаются целенаправленные попытки догнать (скопировать образцы) страны Западной Европы, ушедшие вперед, сразу в нескольких областях: военной, организационно-управленческой, экономической, культурно-образовательной; при этом преобразования даже приобретают относительно планомерный характер, хотя скорее в их поздней части. Далее преобразования явно сопровождались вестернизацией: копированием именно западноевропейских образцов — т.е. протекали в типичном для стран догоняющей модернизации варианте.

В XIX в. модернизация становится все более насыщенной, проявляясь в таких модернизационных субпроцессах, как индустриализация (некоторые исследователи относят ее начало к эпохе промышленного переворота, старт которого традиционно датируют 1830-ми гг.; другие связывают с утверждением в экономике России модели современного экономического роста примерно с середины

1880-х гг.); переход от широкого использования принудительного труда и сохранения института крепостного права к рыночной экономике и применению вольно-наемного труда после «великих реформ»; трансформация традиционного династического государства в национальное государство (что связывается с утверждением теории официальной народности, отменой крепостного права, переходом к унификационной имперской политике во второй половине XIX в. и осуществлением ряда мер по ассимиляции нерусских народностей); интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в.; нарастание черт взаимозависимости и интеграции в области культурных и прочих взаимодействий с Западной Европой с начала XIX в. [Миронов, 2018, с. 55–56; Побережников, 2020]. Подобное разнообразие мнений отражает, вероятно, разновременность усложнения и интенсификации реальных модернизационных процессов.

Существенным своеобразием отличался советский модернизационный опыт. С одной стороны, очевидно принципиальное своеобразие социалистического развития, его серьезное отличие от западных моделей: авторитарное государство (некоторые исследователи по-прежнему применяют для его характеристики тоталитарную модель); нерыночная плановая экономика; широкое использование мобилизационных методов; отсутствие демократии западного типа. С другой же стороны, принимая во внимание концепцию множественности модернов, а также признавая отсутствие жесткой связи между индустриализацией и демократизацией, можно рассматривать советский вариант развития как один из путей включения в модерн. Так, сопоставление капиталистического и социалистического (индустриальный социализм) вариантов модернизации осуществляется П. Бергером [Бергер, 1994]. Автор убежден, что, несмотря на использование зачастую несовпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. Социолог и историк Й. Арнасон считает невозможным игнорировать модернизационную динамику коммунистической системы, продолжавшей или начинавшей модернизационные процессы, в том числе ускоренной индустриализации. Он доказывает, что механизм структурно-функциональной дифференциации, хотя и в очень преображенном виде, действовал и в СССР: при этом механизмы социальной интеграции явно превалировали над механизмами дифференциации; экономическая, политическая и идеологическая власти концентрировались в руках аппарата управления, стремившегося контролировать все проявления общественной жизни; однако существовали и определенные

формы социальной дифференциации, поскольку в советской системе в каждой из основных социальных сфер действовала особая логика [Арнасон, 2011, с. 21–24].

Циклические динамики также могут встраиваться в историю российских модернизаций. Для некоторых исследователей историческая динамика России сводится именно к перманентным циклическим колебаниям, лишенным векторности. Нам, однако, представляется, что сводить все только к циклическим колебаниям неправомерно. В российской истории очевидно прослеживаются векторные процессы, которые обычно трактуются как модернизационные: индустриализации, урбанизации, демографической революции, профессионализации и т.д. Концепция петербургского экономиста и историка В.Т. Рязанова, согласно которой волны (циклы) российских модернизаций с начала XIX в. задаются попытками проведения реформ и осуществлением реформационных проектов [Рязанов, 1998, с. 26–45], дает вероятный ключ для интерпретации непротиворечивого соединения векторной и циклической динамики.

Применительно к российской истории пространственная вариативность также требует самого пристального внимания. Колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Пространственный фактор не только оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию, скорость исторических процессов, но и непосредственно влиял на способы решения объективно назревших модернизационных задач. Исторически российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения, что в итоге вело к формированию за пределами первичного русского-православного «ядра» Российского государства большого разнообразия регионов, отличавшихся своими административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами. Это объективно обусловливало и значительные региональные вариации в степени проницаемости территории страны для импульсов модернизации. В аналитическом плане данное обстоятельство оправдывает применение регион-ориентированного подхода к изучению российских модернизаций. По этому основанию российскую модернизацию, протекавшую в условиях незавершенного освоения национальной территории, можно трактовать как фронтирную [Побережников, 2018а].

При этом понятие «фронтирная модернизация» может служить характеристикой не только особенностей развития отдельных (преимущественно периферийных) регионов, но и цивилизационно-страновой специфики в целом (например, с точки зрения влияния условий присоединения и освоения новых территорий на ход модернизации России). Для России как страны фронтирной модернизации был характерен освоенческий синдром, что выразилось в повышенной подвижности населения (требовавшей в ряде случаев мер по ее принудительному ограничению) и временнóй растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное и промышленное освоение); в дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социально-экономическим, административным, культурным признакам; в наличии богатых ресурсами окраинных областей, где их разработка отличалась высокой естественной продуктивностью (Урал, Сибирь).

Региональные и субрегиональные общности вели себя по-разному в общестрановом модернизационном контексте — выступали региональными факторами модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходившие из центра или более продвинутых регионов. Естественно, складывавшиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не оставались неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней протоиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности [Алексеев, Гаврилов, 2008, с. 447–552]).

Мы уже сопоставляли региональные варианты развития на востоке страны (Поволжье, Урал, Западная Сибирь, Дальний Восток). Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что характер и динамика модернизации существенно различались во фронтирных сообществах [Побережников, 2018б; Побережников, 2018в]. Вариативность была обусловлена: природно-климатическими условиями территорий, размерами регионов, разницей во времени их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов развития. В формирование политико-культурной «палитры» страны вносили свой вклад различные региональные этноконфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых обладала своим своеобразным,

порой уникальным, историческим опытом, своими приверженностями и предрассудками.

По сути все рассмотренные регионы присоединялись на протяжении XVI–XVII вв. (за исключением Дальнего Востока), испытывали внешнюю угрозу со стороны кочевых народов и к середине XVIII в. были защищены оборонительными линиями. Военный элемент (особые формы управления; казачество) сохранял свое значение в жизни указанных регионов в разной степени (порой уже очень фрагментарно, применительно к границам) до конца XIX — начала XX в. Из рассмотренных регионов более благоприятные для модернизации условия имелись на Урале. В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров протоиндустриальной модернизации, несмотря на то, что процессы освоения еще были далеки до завершения даже на рубеже XVIII–XIX вв. В Поволжье длительное время преобладала аграрная специализация в экономическом развитии, причем аграрный сектор медленно включался в модернизационный процесс. Менее благоприятные природно-климатические условия Западной Сибири (по сравнению с Уралом), территориальная удаленность от рынков Европы, Азии и Европейской России, меньшая заселенность тормозили освоение региона. Модернизация здесь носила более неравномерный характер, отраслевая структура характеризовалась архаизмом, сохранялась сырьевая специализация и обширные территории, население которых в основной своей массе все еще находилось во власти традиции. Что касается Дальнего Востока, то позднее присоединение не дало возможности для развертывания интенсивных модернизационных процессов в изучаемый период. Тем не менее, во второй половине XIX — начале XX в. и здесь стали заметными модернизационные явления и процессы.

Завершая, необходимо признать глубокое и многостороннее воздействие временнóго и пространственного факторов на ход, темпы, характер модернизационных процессов. При этом данное воздействие включало опосредованное временем влияние предшествующих структур и действий на будущие структуры и действия, трансформацию со временем самих механизмов модернизации, формирование пространственной вариативности модернизационных проявлений просто в силу неоднородности территориальных признаков и характеристик. Наличие территориальных вариантов модернизации подтверждает недостаточность ее изучения в общестрановом контексте, поскольку регионы могут рассматриваться и как территориальные акторы модернизации, оказывавшие влияние на ее динамику и природу.

Список литературы

Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. 884 с.

Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.

Бергер П. Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994. 320 с.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999. 575 с.

Миронов Б.Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.

Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994. 114 с.

Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: Реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33–52.

Побережников И.В. Периферийная модернизация в Российской империи: Региональные варианты // Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. М., 2018а. С. 283–298.

Побережников И.В. Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // Уральский исторический вестник. 2020. № 1 (66). С. 140–148.

Побережников И.В. Региональные варианты фронтирной модернизации в Российской империи в сравнительном изучении (Урал, Западная Сибирь) // Региональные модели российской модернизации в XIX–XX веках: Урал, Сибирь, Казахстан. Оренбург, 2018б. С. 173–178.

Побережников И.В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: Региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018в. № 4 (61). С. 72–80.

Рязанов В.Т. Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. 796 с.

Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: Пространственно-временной аспект. Екатеринбург, 2011. 384 с.

Fornäs J. Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. 312 p.

Modernizing Muscovy: Reform and social change in seventeenth-century Russia. London, 2004. 489 p.

УДК 94(47):338(2)

Е.Т. Артемов
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург

Стратегия и практика хозяйственного освоения восточных регионов России в панораме «советского века»*

Статья посвящена анализу основных направлений советской региональной промышленной политики. Отмечается, что в ее стратегии важное место отводилось опережающему, комплексному развитию восточных регионов. Эта установка содержалась практически во всех долгосрочных народнохозяйственных планах, начиная с первых пятилеток. Однако наиболее заметный сдвиг производства и населения на Восток страны наблюдался в годы «сталинской индустриализации» и Великой Отечественной войны. Затем, по мере трансформации «командной экономики» в «экономику согласований» результативность осуществления подобных планов стала снижаться, что наглядно подтверждается данными статистики. И на «излете» советской эпохи от курса на ускоренное развитие восточной макрозоны страны, по существу, пришлось отказаться.

Ключевые слова: экономическая политика, восточные районы, комплексное хозяйственное освоение, программы регионального развития.

В историографии сложилось устойчивое мнение, что в советскую эпоху произошел «серьезный сдвиг массы населения, инфраструктуры и капитала на Восток страны» [Маркевич, Михайлова, 2015, с. 1056]. Однако ясного представления о том, как восточный вектор вписывался в региональную экономическую политику и какова была его результативность в различные периоды советской истории, пока не сложилось. Думается, что восполнение этого историографического пробела имеет важное значение для реконструкции факторов, тенденций и этапов пространственного развития советской экономики. Правда, здесь возникает проблема сопоставления планов и результатов. Дело в том, что советская статистика существенно искажала данные о динамике общественного производства. Прежде всего, завышались темпы экономического роста. Однако достоверность официальных статданных об изменении территориальной структуры производства была заметно выше. И это позволяет их широко использовать при оценке результативности советской региональной политики.

Имперское наследие. Начиная с середины XVI в. Россия активно включала в свой состав огромные пространства, находящиеся к вос-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00061.

© Артемов Е.Т., 2020

току от ее исторического ядра. Всего один век понадобился ей для присоединения территорий, превышающих по площади Западную и Центральную Европу. Но географическое положение и природно-климатические условия новых территорий серьезно осложняли их хозяйственное освоение. И государство было вынуждено учитывать данное обстоятельство. Вначале оно ориентировалось на присвоение ренты, получаемой за счет экстенсивной эксплуатации легкодоступных природных ресурсов. Затем к этому добавилось формирование промышленных анклавов, продукция которых предназначалась для удовлетворения, прежде всего, оборонных нужд. Так, в частности, на Урале и в Сибири возникли очаги горнозаводского производства. Но их создание принципиально ничего не меняло в отношении к азиатской России как к ресурсу развития «метрополии». И только в конце XIX — начале XX в. в освоенческой политике обозначились заметные изменения.

Благодаря строительству Транссибирской железнодорожной магистрали выросла транспортная доступность восточных территорий. Это позволило развернуть массовое переселение сюда «избыточного» сельского населения из европейской части России и увеличить масштабы вовлечения в хозяйственный оборот природных ресурсов региона. Одновременно рассматривалась возможность создания новых металлургических предприятий на Урале, намечались пути дальнейшего развития земледелия и животноводства, горнодобывающих и агропромышленных производств в Сибири. Новый импульс в разработке планов развития восточных районов дала Первая мировая война. Возникла идея их превращения в мощную базу военной промышленности. В частности, обсуждались проекты создания Урало-Кузнецкого горно-металлургического комплекса, расширение системы транспортных коммуникаций и др. [Тимошенко, 2007, с. 56–63]. Эти планы остались тогда на бумаге. Тем не менее, в предреволюционные годы все же был сделан важный шаг в создании фундамента для комплексного развития восточных районов страны [Артемов, 2011, с. 182–184].

Раннесоветская практика. Новый этап в хозяйственном освоении восточных районов начался на рубеже 1920–1930-х гг., когда советское государство взяло курс на форсированную индустриализацию. Важное место в нем отводилось планам «восточного сдвига» производства и населения. Советские руководители, как и «имперские модернизаторы», связывали перспективы наращивания экономической мощи страны с успехами в хозяйственном развитии своей восточной периферии. Однако его масштабы, пути и способы достижения декларируемых целей принципиально отличались в силу иной

социально-институциональной организации общества. При определении конкретных приоритетов советской освоенческой политики ключевую роль играли военно-стратегические расчеты и идеологические императивы, а абсолютное доминирование государственной собственности, централизованное распределение ресурсов, жесткие административные методы управления давали возможность осуществлять политически мотивированную стратегию, не считаясь с избыточными экономическими издержками.

Такая особенность «социалистической системы хозяйствования» в полной мере проявилась при осуществлении первого пятилетнего плана. Вначале его строительная программа предусматривала «более равномерное» территориальное размещение промышленности, правда, при определенном преимуществе восточной макрозоны страны. С одной стороны, приближение промышленных предприятий к источникам сырья рассматривалось как необходимое условие повышения эффективности производства, а с другой — установка на его развитие «вширь» определялась политико-идеологическими императивами. Создание «кадров промышленного пролетариата» в «отсталой», особенно «национальной периферии» власть считала действенным способом расширения своей социальной базы [Пятилетний план, 1930, с. 9–13]. Однако одновременное формирование «индустриальных очагов» от Белоруссии и Карелии на западе до Кавказа и Средней Азии на юге, Бурят-Монголии на востоке оказалось нереальной задачей. Это вело к распылению сил и средств, необходимых для планировавшегося «индустриального рывка», и не учитывало внешние угрозы и вызовы, как они понимались руководством страны. И хотя выполнение первого пятилетнего плана шло уже полным ходом, его региональные аспекты пересмотрели, ориентируясь на ускоренное наращивание производственного потенциала «тыловых» восточных районов. В результате главные усилия были направлены на создание Урало-Кузнецкого комбината, «второй угольно-металлургической базы страны» [Зубков, 2011, с. 25–26].

Это был первый советский региональный мегапроект. Он предусматривал создание в районах Урала, Юго-Западной Сибири и Северного Казахстана единого комплекса предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности, тяжелого машиностроения, основной химии, электроэнергетики. Сюда в первую очередь направлялись капитальные вложения. В результате восточная макрозона страны стала эпицентром форсированной индустриализации. За предвоенное десятилетие удельный вес Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии, относимых к восточным районам, в общесоюзном производстве промышленной продукции уве-

личился более чем в два раза: с 6–7 % до 15,7 % (6,6 %, 4,1 %, 1,6 %, 3,4 % для названных регионов соответственно) [Планирование размещения, 1985, с. 25].[1]

Ориентиры фронтального развития. Обоснованность «восточного сдвига» производственного потенциала подтвердилось в годы Великой Отечественной войны, когда азиатская Россия стала основным арсеналом Победы. Сюда, прежде всего в районы Урало-Кузбасса, были эвакуированы сотни предприятий из европейской части страны. Здесь же реализовывался основной объем капитальных вложений военной экономики. В результате за годы войны доля Урала в общесоюзном выпуске промышленной продукции по имеющимся оценкам увеличилась в 3,6 раза, а Сибири — в 2,8 раза [Чадаев, 1985, с. 181]. Но затем она ожидаемо уменьшилась по мере реэвакуации промышленных предприятий и восстановления экономики районов, пострадавших в ходе боевых действий. Тем не менее, в 1955 г. на долю восточных районов Российской Федерации пришлось 19,9 % общесоюзного выпуска промышленной продукции, в том числе Урала — 10,3 %, Западной Сибири — 5,0 %, Восточной Сибири — 2,3 %, Дальнего Востока — 2,3 %. Еще 5,7 % добавляли Средняя Азия и Казахстан.[2] И это была уже принципиально иная территориальная конфигурация промышленного производства, чем перед войной и, тем более, накануне «сталинской» индустриализации.

Очевидные успехи в наращивании производственного потенциала на востоке страны инициировали появление новых амбициозных замыслов. Они были положены в основу Генерального хозяйственного плана СССР, разрабатывавшегося накануне и после окончания Великой Отечественной войны. Согласно его проектировкам, рассчитанным на 20-летний период, экономика Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии должна была развиваться опережающими темпами. Это мотивировалось необходимостью вовлечения в хозяйственный оборот их природных ресурсов как обязательного условия осуществления планов «коммунистического строительства». Одновременно декларировалась необходимость фронтального комплексного развития экономики восточных районов. На их территории намечалось формирование относительно самостоятельных сочетаний производств. Каждый из таких региональных комплексов в перспективе должен был, специализируясь на выпуске отдельных видов продукции, иметь собственную топливно-энергетическую базу, развитое машиностроение, химическую, деревообрабатывающую, легкую и пищевую промышленность, мощную

[1] Оценка по данным: РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 113, л. 67.

[2] Рассчитано по данным: РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 113, л. 67–68.

строительную индустрию, производительное сельское хозяйство, обеспечивающие «основные потребности района за счет местного производства» [Артемов, 2013, с. 157–160].

Генеральный хозяйственный план не был утвержден в качестве нормативного документа. Но сама идея комплексного хозяйственного освоения восточных районов не ставилась под сомнение. Ею руководствовались при подготовке генеральной перспективы развития народного хозяйства на 1960–1980 гг. Однако ее проектировки, вошедшие, кстати, в третью программу КПСС, оказались несостоятельными. Они завышали реальные возможности советской экономики. Тем не менее, отдельные районы восточной макрозоны, прежде всего Сибирь, продолжали увеличивать свою долю в валовом промышленном производстве СССР. С 1955 по 1965 гг. она выросла с 7,3% до 9,0% [Орлов, 1988, с. 108].[3] Иная ситуация наблюдалась на Урале. Здесь произошло снижение инвестиционной активности. Капитальные вложения в основном направлялись на сглаживание отдельных диспропорций в отраслевой структуре промышленности и выборочную техническую реконструкцию действующих предприятий. Такая практика обернулась более низкими, чем в среднем по Союзу, темпами роста производства [История народного хозяйства, 1990, с. 89]. Более благоприятная картина наблюдалась на Дальнем Востоке [Сибирский географический сборник, 1976, с. 6–8]. Но и здесь имелось заметное расхождение между планами развития промышленного производства и достигнутыми результатами. Что касается Казахстана и Средней Азии, то они сохраняли свою долю в общесоюзном промышленном производстве в основном за счет развития горнозаводской и трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности, призванных обеспечить занятость быстрорастущего населения [Планирование размещения, 1986, с. 223–224].

Позднесоветские освоенческие проекты. Отклонение фактических показателей от намеченных планов привело к пересмотру приоритетов в региональной экономической политике. Это было зафиксировано в схеме экономического районирования. Сначала из числа восточных территорий исключили Урал как «старопромышленный район». Затем в плановых проектировках страны появилось членение (помимо деления на союзные республики и экономические районы) на три макрозоны: европейские территории и Урал; восточные районы, включающие Сибирь и Дальний Восток; южная зона, к которой относились Средняя Азия и Казахстан [Особенности и проблемы, 1980, с. 19]. Такая схема районирования в общем полней отражала

[3] РГАЭ, ф. 1562, оп. 41, д. 113, л. 67–68; данные за 1955 г. приведены в ценах 1952 г., а для 1965 г. — в ценах 1982 г., что «на бумаге» несколько повышало долю Сибири.

существовавшее разнообразие в условиях хозяйствования. Но главная причина перехода к ней заключалась в недостатке ресурсов для осуществления политики ускоренного развития сразу нескольких регионов. По сути, теперь только Сибирь и Дальний Восток относились к районам «интенсивного хозяйственного освоения». Эта установка содержалась во всех позднесоветских пятилетних планах. Однако в полном объеме она не выполнялась. В XI пятилетке (1981–1985 гг.) вообще прекратился опережающий по сравнению с общесоюзными темпами рост производства в Сибири. В результате за двадцать лет, с 1966 по 1985 г., удельный вес региона в валовой продукции промышленности СССР вырос всего с 9,0 % до 10,3 % (в ценах 1982 г.). А в плане XII пятилетки (на 1986–1990 гг.) вообще отказались от продолжения курса на опережающее развитие экономики Сибири. Согласно его проектировкам, увеличение выпуска промышленной продукции в регионе впервые установили на уровне общесоюзных показателей [Орлов, 1988, с. 108, 121–122, 176].

Еще хуже обстояло дело с реализацией комплексного подхода в развитии восточных районов. Основные силы и средства направлялись на выполнение ограниченного числа освоенческих мегапроектов — включение в хозяйственный оборот электроэнергетических ресурсов и полезных ископаемых Ангаро-Енисейского региона, развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, строительство Байкало-Амурской магистрали. Они осуществлялись по транспортно-энергетической формуле [Кулешов, Суслов, Селиверстов, 2009, с. 5–9]. В результате за восточными районами де-факто закреплялась роль поставщика дефицитных ресурсов. В оправдание такой политики утверждалось, что от расширения их сырьевой базы выигрывает экономика всей страны. А в будущем, по мере наращивания мощности перерабатывающих производств, развития транспортной инфраструктуры и т.д., произойдет «быстрое нарастание» комплексности региональной экономики, которое приведет к «более рациональному территориальному распределению общественного труда» [Экономический строй, 1984, с. 454–455].

Фактический отказ от курса на комплексное развитие восточных районов объяснялся общим снижением эффективности советской экономики. В ходе ее трансформации в «экономику согласований» ключевые позиции в планировании и управлении производством заняли отраслевые ведомства. В отсутствие должного контроля «сверху» они руководствовались сугубо своими интересами, заключавшимися в максимальном наращивании выпуска профильной продукции. А так как текущие издержки производства, затраты на развитие социальной сферы в восточных районах были существенно выше,

чем в других регионах страны, то ведомства стремились минимизировать здесь свою активность. Ссылаясь на недостаток ресурсов, нехватку рабочей силы, просчеты плановых органов и другие подобные причины, они добивались «выгодного» для себя варианта наращивания производства на востоке страны.

Определенное исключение составляли лишь ядерно-оружейный комплекс, ракетно-космическая промышленность, добыча полезных ископаемых, развитие транспортных коммуникаций стратегического назначения. Но даже при осуществлении таких, казалось бы, приоритетных мегапроектов, как создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и строительство Байкало-Амурской магистрали, невыполнение утвержденных плановых заданий было обыденным явлением. В результате сложилось устойчивое мнение, что в рамках действующего хозяйственного механизма проблема ускоренного, сбалансированного развития восточных районов не решаема. Выход виделся в усилении централизованного начала в планировании и управлении производством в сочетании с использованием рыночных элементов хозяйствования [Шнипер, 1989, с. 3–18]. Однако на практике этот вариант реформирования экономических отношений осуществить не удалось, и с началом радикальных политико-экономических перемен задача ускоренного развития производительных сил восточных районов утратила свою актуальность.

Список литературы

Артемов Е.Т. Восточные регионы в проектировках предвоенного генерального хозяйственного плана // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2013. № 42 (1). С. 151–166.

Артемов Е.Т. Восточные регионы России: Историческая преемственность экономической политики // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 181–190.

Зубков К.И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Уральский исторический вестник. 2011. № 1 (30). С. 22–27.

История народного хозяйства Урала: 1946–1985. Ч. 2. Свердловск, 1990. 252 с.

Кулешов В.В., Суслов В.И, Селиверстов В.Е. Стратегические установки долгосрочного развития Сибири // Регион: Экономика и социология. 2009. № 2. С. 3–22.

Маркевич А., Михайлова Т. Экономическая география России // Экономика России: Оксфордский сборник. Кн. 2. М., 2015. 1056 с.

Орлов Б.П. Сибирь: Шаги индустрии. М., 1988. 252 с.

Особенности и проблемы размещения производительных сил СССР в период развитого социализма. М., 1980. 275 с.

Планирование размещения производительных сил СССР: Осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. 1. М., 1985. 304 с.; Ч. 2. М., 1986. 384 с

Сибирский географический сборник. Новосибирск, 1976. 207 с.

Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: Концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007. 287 с.

Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг. М., 1985. 494 с.

Шнипер Р.И. Уроки программного решения региональных и межрегиональных проблем // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. Экономики и прикладной социологии. 1989. № 2. С. 3–19.

Экономический строй социализма. Т. 2. М., 1984. 623 с.

Список опубликованных источников

Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. М., 1930. 606 с.

УДК 94(47)1917/1922+930

В.М. Рынков
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Оперативные документальные публикации периода Гражданской войны: Проблемы изучения и подготовки к публикации*

Статья посвящена анализу оперативных документальных публикаций, изданных в период Гражданской войны. В литературе не уделялось достаточного внимания типологии и источниковедческому анализу оперативных документальных изданий, хотя их издания — и периодика, и в виде листовок — стали предметом изучения. Наиболее часто публиковались протокольно-резолютивные документы, доклады и другие материалы съездов, совещаний и конференций, сборники законодательных актов и директивных документов органов власти и управления, отчеты. Проанализированы особенности каждой группы оперативных публикаций и возможности их перекрестного анализа с использованием архивных документов и периодической печати.

Ключевые слова: оперативные документальные публикации, Гражданская война, источниковедение, археография, законодательство, делопроизводственные документы.

К оперативным в источниковедении относят публикации документов или нормативных актов, не утративших своих функций. Они предпринимаются со служебной целью, либо с целью информирования населения. Существует два основных способа таких публикаций: в периодической печати и отдельными оттисками или изданиями. В периодической печати может быть опубликован очень широкий круг источников. Факт публикации источника в газете или журнале требует использования как общих, так и специальных приемов изучения, которые зависят от вида и разновидности источника, профиля и ведомственной принадлежности издания. Отдельные оттиски и издания подразделяются на листовки и издания в виде книг и брошюр.

Поток оперативных публикаций зависел от технического прогресса, роста и развития общественных запросов, уровня грамотности населения, усложнения и расширения делопроизводства. Войны, восстания, революции и реформы с их приливами демократизации и авторитаризации политической сферы решительно вторгались в исторические процессы, наделяя их нелинейным характером. Для нового времени характерен рост количества и объема оперативных публикаций в эпохи социальных потрясений. Одним из периодов,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00580 «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: Идеология, законодательство, практика (1918–1922 гг.)».

© Рынков В.М., 2020

когда оперативная публикация законодательных, делопроизводственных и иных источников значительно активизировалась в сравнении с предшествующим периодом, было время революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны. Появились специфические, свойственные только этому периоду обстоятельства и мотивы создания, совершенно новые издававшие субъекты, что существенно повлияло на корпус публикуемых источников и особенности их публикации. Уже эти факторы достаточны для того, чтобы сделать оперативные издания источников в 1917–1922 гг. предметом специального источниковедческого анализа.

Хорошо известно, что в 1917–1922 гг. Россия пережила значительный рост числа периодических изданий и, следовательно, объема исторических источников, публикуемых в газетах и журналах. Не менее очевидным фактом является и многократное увеличение листовок, издававшихся органами власти и управления разного уровня, общественными организациями. Сразу оговоримся, что газетный и журнальный способ воспроизведения источников требует отдельного исследования. Листовки также представляют собой вполне самостоятельный способ публикации источников, как правило, небольших по объему текстов, которые необходимо было довести до широких слоев населения. И те, и другие уже неоднократно подвергались изучению в статьях и монографиях и даже специальному библиографированию [Библиография, 1939; Газеты, 1990; Несоветские газеты, 2003]. Именно по этой причине они не будут рассмотрены в докладе. Осталось немало источниковедческих и археографических проблем, связанных с анализом газет, журналов и листовок как в общем, так и применительно к источникам периода Гражданской войны. Тем не менее, указанную проблематику нельзя назвать белым пятном.

Данное исследование ограничивается оперативными публикациями документов, выходивших отдельными изданиями. Это позволяет сосредоточиться на вполне обозримом объекте исследования, который ранее не подвергался анализу в источниковедческом ключе, в том числе и по причине недостаточного отражения в литературе проблем оперативных изданий документов. Задача данной статьи — привлечь внимание к комплексу новых научных проблем.

Число оперативных изданий усиленно росло и в десятилетия, предшествовавшие революции. Это было связано с распространением оперативной полиграфии, позволявшей при необходимости публиковать небольшими тиражами нормативные и делопроизводственные документы для служебных целей. Начало Первой мировой войны поставило задачу оповещения населения о действиях власти. Появились новые крупные общественные организации и их объеди-

нения, работа которых требовала издания специальной документации.

Февраль 1918 г. кардинально изменил ситуацию. Оживление общественной жизни, стирание четких границ между общественным и государственным, когда в ходе революционного процесса происходило в прямом смысле слова рождение новых органов власти из общественных инициатив, привело к тому, что важнейшими событиями политической жизни стали съезды, конференции, собрания общественных, профсоюзных, религиозных, национальных организаций. На них поднимался широкий круг общественных проблем. Поэтому с весны 1917 г. резко возросло число публикаций материалов таких форумов. Как правило, издавались ключевые документы: стенограммы, протоколы, журналы, резолюции или постановления, доклады [Свод постановлений, 1917]. Объем зависел от длительности события, особенностей составления протокольно-резолютивных документов. Есть публикации как единственного заседания, так и материалов съездов или собраний, длившихся несколько месяцев [Протоколы, 1919]. В одних случаях протоколы оформлялись приближенно к стенограмме, в них подробно фиксировалось содержание выступлений каждого участника, в других протоколировали только общий ход обсуждения или принятые решения. Поэтому публикации протокольно-резолютивных документов по объему могли составлять от нескольких разворотов до солидного многотомника, включать одну разновидность документов (протоколы, журналы, резолюции, постановления, доклады) или сразу несколько [Труды, 1919].

Содержание отдельных изданий материалов съездов неплохо передавало атмосферу Гражданской войны, воспроизводило язык эпохи, в неприкрашенном виде отражало самые нелицеприятные высказывания участников и в целом может считаться более достоверным отражением событий. Но нередко публиковались тщательно отредактированные документы, в которых сглажены острые углы проходивших дискуссий, а все закулисное бурление оставлено за строками.

Сохранившиеся в архивах документы отражают далеко не все стадии их движения. В одних случаях можно встретить архивный машинописный экземпляр полностью подготовленного для публикации документа, т.е. беловик, иногда содержащий корректорскую правку, с которого потом делался типографский набор. Они текстуально почти идентичны изданному тексту, но при этом, как правило, не заверены. Чаще встречаются промежуточные подготовительные варианты, иногда с многочисленными правками, перечеркиваниями, следами работы. Сопоставление с опубликованными документами свидетельствует о многочисленных разночтениях, стилистических, а иногда

даже смысловых правках, купированиях. Это позволяет прослеживать направление работы по подготовке к публикации. Подчас сохранность текста неполная, много оборванных документов. Однако нередко удается выявить только черновые архивные варианты протоколов и стенограмм, резолюций, докладов. Не всегда появление этих текстов связано с подготовкой к публикации. Они могут также создаваться с делопроизводственными целями, тогда как документы, появлявшиеся во время неизбежной и кропотливой предпубликационной работы, не поступили на архивное хранение или утрачены. В таком случае мы можем смело делать вывод, что оперативная публикация является уникальной вследствие утраты первоначального документа и всех его подготовительных вариантов.

Конечно, это затрудняет работу с опубликованными текстами, но не делает ее безнадежной. Как правило, в таких случаях существует возможность проводить перекрестное сопоставление газетной информации и опубликованного издания. Газеты подробно освещали ход многих крупных форумов с разной степенью детализации, от короткой заметки до помещения целых протоколов на газетные полосы. При этом газетная публикация может выпускать подробности и детали. В то же время она менее подвержена сознательному купированию со стороны организаторов в силу более оперативной подачи материалов. Важно также подчеркнуть, что часто работу форума освещают не официальные его организаторы, а корреспонденты. Следовательно, мы имеем дело с альтернативной фиксацией событий, речей, выступлений, способной дополнить наши представления о событии и полноте его отражения в оперативном документальном издании.

Уникальность отдельных изданий очевидна. В частности, это касается официальных публикаций ключевых документов органов власти, подлинники которых оказались утрачены [Совет, 1919]. Но даже там, где сохранились подлинные документы, окончательным текстом следует считать именно официальную публикацию [Журналы, 1918], а сохранившиеся архивные варианты — этапами подготовки окончательной редакции.

Для изучения истории Гражданской войны большое значение имеют издания отчетной документации. Широко публиковались отчеты официальных органов власти и общественных организаций за определенный период времени.[1] Большинство из них помещались в газетах и журналах, но часто предпринимались отдельные издания, особенно если отчеты были объемными. Как правило, такие докумен-

[1] См., например: [Отчет Войсковому кругу, 1919; Отчет Сибирского революционного комитета, 1921; Отчет об исследованиях, 1919].

ты лучше сохранились в архивах, что дает возможность сопоставить опубликованный текст с подлинником. При этом для подготовки к научной публикации целесообразно взять за основу уже опубликованный текст, так как именно он соответствует окончательному варианту. Особо оговорим случаи, когда одни части отчетных документов публиковались, а другие сознательно исключались из опубликованного текста по причине секретности или иным основаниям. Тогда предпочтения публикаторов могут быть иными. Но в любом случае перед публикаторами стоит задача выявления всех документов, связанных с подготовкой отчета.

Революция и особенно Гражданская война — это время распада государства на несколько государственных образований. Каждое имело свой комплекс законодательных актов, значительная часть которых опубликована в официальных газетных и журнальных изданиях. Но были и отдельные сборники законодательства непериодического характера, отдельные издания законов [Основные законы, 1918] и даже узкоспециализированные тематические подборки [Законы, 1919]. В случае публичного и всестороннего обсуждения законопроектов они могли выходить отдельными брошюрами[2]. Как и до революции, сохранялась традиция публиковать тематические подборки нормативных и инструктивных текстов, законодательных и делопроизводственных [Приказы, 1918].

Встречаются оперативные публикации тематических коллекций документов. В частности, противники японской интервенции на Дальнем Востоке подготовили подборку документов из открытой печати, свидетельствовавших о преступлениях против российского населения и незаконной эксплуатации природных ресурсов на российской территории [Р.В., 1921]. Она была сделана с целью проинформировать международную общественность о положении Дальнего Востока и одновременно имела пропагандистские цели, мобилизовала население на противостояние японским интервенционным войскам.

Приморская окружная торгово-промышленная палата решила подготовить к Вашингтонской конференции доклады о состоянии экономики Дальнего Востока и влиянии на нее Гражданской войны. Сборник удалось издать. В нем собраны уникальные сведения, многие из которых взяты из текущей статистической отчетности предприятий, документов съездов предпринимателей, большинство из которых теперь утрачены [Доклады, 1922]. Зато сохранилась документация, отражающая все стадии подготовки этих докладов, их комиссионного обсуждения и даже подготовку сборника к изданию.

[2] См., например: [Земельный закон, 1919].

Теперь можно вернуться к главному вопросу: имеет ли смысл переиздавать то, что уже однажды издано? На этот счет существуют две точки зрения. Одни исследователи исходят из того, что для научной публикации следует отбирать лишь уникальные неопубликованные источники. В крайнем случае — готовить к публикации важнейшие из ранее изданных источников, но только по архивным подлинникам и только в случае, если по какой-то причине они существенно отличаются от оперативной публикации.

Сразу оговорюсь, что не разделяю такую точку зрения, которая может стать обоснованием бессмысленности перепубликации и текстов, выявленных в газетах, журналах и листовках. Очевидно, что оперативная публикация не вводит источник в научный оборот. Это первый аргумент. Второй заключается в том, что значительная часть оперативных публикаций сохранилась в нескольких экземплярах, если не в единственном. В то же время многие неопубликованные директивные и инструктивные документы эпохи Гражданской войны рассылались из центральных органов во все губернские учреждения, и далее ими — в уездные и волостные, сохранились во многих архивах в десятках и даже сотнях машинописных экземпляров. Следовательно, факт оперативной публикации источника не означает его бóльшей доступности для исследователей.

Другое дело, что с развитием в конце XX — начале XXI в. методов электронной передачи информации действительно утрачивается смысл тратить усилия на публикацию документальных источников только ради того, чтобы сделать их доступными для исследователей. Для этого существуют менее затратные и не требующие особой научной квалификации способы. Библиотеки выставляют большие коллекции электронных копий изданий с возможностью удаленного просмотра, и недавний столетний юбилей революции существенно продвинул этот процесс. Сейчас идет череда столетий событий Гражданской войны, что тоже отражается на количестве оперативных публикаций в открытом доступе. Это открывает возможности использования в научной работе даже уникальных изданий, сохранившихся в единственном экземпляре, без их физического износа. Но не отменяет необходимости подготовки научных изданий документов периода Гражданской войны, в том числе ранее изданных с оперативными целями, и только еще более смещает акценты при мотивировке публикации. Очевидно, что возрастает смысл подготовки научных переизданий, когда наряду с оперативной публикацией выявлены имеющиеся в архивах черновики, беловики опубликованного текста или неопубликованных фрагментов, существует возможность сопоставить содержание оперативного издания с газетными публи-

кациями, а дополнительные источники проливают свет на отдельные аспекты подготовки текста, его судьбы и влияния на исторические события. Научное издание сопровождается комментированием, указателями, дает возможность объединять однотипные, но изданные в разных условиях и разными организациями и учреждениями тексты в одно научное издание с едиными принципами анализа и подготовки к публикации.

Актуальной остается и проблема библиографирования оперативных публикаций исторических источников отдельными изданиями по примеру периодической печати и листовок. На сегодняшний день информация о них разбросана в различных библиографиях и библиотечных каталогах. В результате в местах хранения не всегда можно определить, насколько уникально то или иное издание. Создание библиографии — это, во-первых, важный шаг мобилизации эмпирических знаний о важнейшей части документального фонда, равно как и основа для дальнейшего концептуального изучения. Сейчас можно делать только предположения о численности и объеме изданных в 1917 г. и во время Гражданской войны исторических источников, о соотношении среди них видов и разновидностей, групп издателей и многом другом. Во-вторых, максимально полное библиографирование — это шаг к созданию централизованного хранилища таких оперативно изданных источников и, таким образом, важнейшая предпосылка для расширения возможности их более полного использования в научной работе.

Список литературы

Библиография газетных собраний русского исторического архива за годы 1917–1921 / Сост. Я. Прокеш. Прага. 1939. 128 с.

Газеты первых лет советской власти, 1917–1922 гг.: Сводный библиографический каталог. М., 1990. Ч. 1: А–И. 350 с.; Ч. 2: И–К. 336 с.; Ч. 3: Л–Р. 276 с.; Ч. 4: С–Я. Вспомогательные указатели. 318 с.

Несоветские газеты (1918–1922 гг.): Каталог собраний Российской национальной библиотеки. СПб., 2003. 168 с.

Список опубликованных источников

Доклады Приморской окружной торгово-промышленной палаты по вопросам экономики русского Дальнего Востока, представленные на Вашингтонскую конференцию. Владивосток, 1922. 459 с.

Журналы заседаний Войскового круга Всевеликого войска Донского созыва 1918 г. II сессии. Вып. 1. Новочеркасск, 1918. 456 с.

Законы о страховании рабочих. Омск, 1919. 53 с.

Земельный закон Всевеликого войска Донского: Проект, выработанный комиссией законодательных предположений Войскового круга к II сессии Войскового круга. [Б.м.], 1919. 20 с.

Основные законы Всевеликого войска Донского. Часть общая. [Б.м.], 1918. 32 с.

Отчет Войсковому кругу о работе отдела внутренних дел Всевеликого войска Донского за время между 1-й и 2-й сессиями Круга (сентябрь 1918 — январь 1919 г.). Ростов-на-Дону, 1919. 60 с.

Отчет об исследованиях, произведенных Сибирским геологическим комитетом в 1918 г. на Урале и в Сибири. Томск, 1919. 112 с.

Отчет Сибирского революционного комитета о деятельности его за январь-июнь 1921. Новониколаевск, 1921. 73 с.

Приказы и циркуляры Кубанского краевого правительства за 1918 г. Екатеринодар, 1918. Вып. 1–2.

Протоколы третьего очередного войскового круга Оренбургского казачьего войска. Троицк, 1919. 479 с.

Р.В. Правовое положение русских в занятых Японией местностях Сахалинской обл. Владивосток, 1921. 58 с.

Свод постановлений Всероссийского агрономического совещания в Петрограде 15–20 июля 1917 г. Пг., 1917. 44 с.

Совет верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке: Журналы и протоколы заседаний Совета Верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке 25 февраля — 7 августа 1919 года. Владивосток; Харбин, 1919. 375 с.

Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. 453 с.

УДК 94(47)“193”

В.А. Ильиных
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Аграрный строй Сибири в 1930-е гг.*

Цель статьи — обобщенная характеристика аграрного строя Сибири в 1930-е гг. Его организационно-производственной основой являлись колхозы. Совхозы представляли собой вспомогательный придаток колхозной экономики. Составной частью колхозной системы были личные приусадебные хозяйства населения. Установлено, что в ходе коллективизации не удалось решить задачу замены мелкотоварного уклада крупным. В колхозах и совхозах выращивалась абсолютно бóльшая часть зерновых, кормовых и технических культур. Приусадебные хозяйства жителей региона оставались основными производителями картофеля, овощей и молока, в них также производилась значительная часть мясопродуктов.

Ключевые слова: аграрный строй, сельское хозяйство, коллективизация, колхозы, совхозы, Сибирь.

Проблема аграрного развития в 1930-е гг. — одна из ключевых для понимания особенностей истории России. В советский период ее изучение тормозилось господством идеологизированной теории социалистической реконструкции сельского хозяйства. В постсоветский период зеркальным отражением парадигмы стало признание социализма тупиковой ветвью общественного развития. Негативная реакция на подобную точку зрения породила отечественное издание теории модернизации, согласно которой развитие России, в том числе и в 1930-е гг., хотя и имело специфические черты, тем не менее, являлось частью общецивилизационного процесса перехода от аграрного к индустриальному обществу. В рамках данного подхода было разработано две оригинальные концепции аграрного развития: «капитализации» М.А. Безнина и Т.М. Димони и «аграрного перехода» Г.Е. Корнилова.

По мнению М.А. Безнина и Т.М. Димони, базовой характеристикой и критерием модернизации сельского хозяйства является процесс накопления капитала, т.е. овеществленного труда, возвращенного в производство. Капитализация сельского хозяйства продолжалась в рамках колхозно-совхозной системы. Для функционирующего в 1930-е гг. раннего госкапитализма характерны относительно низкие темпы накопления капитала, реанимация повинностных механизмов

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00031 «Аграрный строй в Сибири в 1930-е гг.: Становление и функционирование колхозной системы».

© Ильиных В.А., 2020

мобилизации сельхозпродуктов, незавершенность модернизации базовых экономических характеристик аграрного общества, высокая роль остаточных хозяйственных форм [Безнин, Димони, 2005].

Г.Е. Корнилов предложил более широкий набор критериев модернизации, включающий совокупность трансформационных изменений форм собственности, агротехнологий, системы расселения, демографической, социальной, политической и культурной сфер жизни сельского социума. 1930-е гг. — один из наиболее активных периодов агроперехода, в рамках которого произошла коренная смена форм собственности и организации сельского хозяйства, интенсификация аграрного производства [Корнилов, 2008].

Достоинством указанных концепций является возможность демонстрации общих закономерностей аграрной истории России, ее непрерывности. Тем не менее, мы считаем, что данные теоретические построения не содержат в себе надежного инструментария для отражения качественных особенностей отдельных ее этапов. Подобную возможность предоставляет разработанный нами концепт, в соответствии с которым в течение XX в. в России сменилось несколько моделей функционирования аграрного строя, имевших не только количественные, но и принципиальные качественные отличия. В 1930-е гг. в ходе массовой коллективизации произошла радикальная трансформация аграрного строя. Функционирующая в стране в предыдущее десятилетие модель мелкотоварной крестьянской экономики была заменена колхозной системой.

Базовой категорией предлагаемого нами понятийного аппарата является аграрный строй, который представляет собой совокупность реализуемых в аграрном секторе экономики производственных отношений. Конкретно-исторически обусловленный этап развития аграрного строя определяется как модель. Поскольку производственные отношения фактически представляют собой организационные формы производительных сил, то основным критерием вычленения конкретно-исторической модели является организационно-производственная структура сельского хозяйства.

Анализируемая в настоящей статье проблема традиционно рассматривалась в рамках изучения истории коллективизации. Профессиональное исследование темы началось с середины 1950-х гг. Основное внимание при этом уделялось анализу колхозного строительства. Итоги изучения функционирования колхозов в СССР в 1930-е гг. на советском этапе историографии были обобщены М.Л. Богденко, М.А. Вылцаном, И.Е. Зелениным, Н.А. Ивницким во 2-м и 3-м томах «Истории советского крестьянства» [История советского крестьянства, 1986; История советского крестьянства, 1987]. Совхозное

строительство на общесоюзном уровне стало предметом исследования в монографиях М.Л. Богденко и И.Е. Зеленина [Богденко, 1958; Зеленин, 1982]. Наиболее значимый вклад в историографию колхозного и совхозного строительства в Сибири внес Н.Я. Гущин [Гущин, 1973; Крестьянство Сибири, 1983; Крестьянство Сибири, 1985]. В отличие от колхозов и совхозов личные подсобные хозяйства населения советскими историками-аграрниками остались фактически не исследованными.

В конце 1980-х гг. начался новый этап отечественной историографии. Произошел отказ от официозной советской исследовательской парадигмы. Сменились тематические предпочтения. Основные усилия исследователей аграрной истории в 1930-е гг. были сосредоточены на рассмотрении проблем раскулачивания, крестьянской ссылки и других видов антикрестьянских репрессий, налогово-податной и хлебозаготовительной политики государства.

Существенно меньшее внимание уделялось коллективизации. Колхозное строительство рассматривалось в основном в рамках реконструкции динамики сельхозпроизводства [Лыкова, Проскурина, 2004; Баранов, Корнилов, Лабузов, 2009; Аграрная политика, 2011]. Проблемы функционирования колхозов и совхозов затрагивались в работах, посвященных голоду начала 1930-х гг. [Кондрашин, 2008; Дэвис, Уиткрофт, 2011]. Определенный прогресс достигнут в изучении личных приусадебных хозяйств [Очерки, 2001; Денисевич, 1991]. Несмотря на приращение исторического знания в постсоветский период, историография аграрного развития в стране и регионе в 1930-е гг. в целом отличается фрагментарностью. Целью настоящей работы является обобщенная характеристика аграрного строя Сибири в искомое десятилетие

Специфика функционировавшей в регионе в начале XX в. модели аграрного строя заключалась в отсутствии помещичьего землевладения. Абсолютно преобладающей организационной формой сельхозпроизводства являлось семейное крестьянское хозяйство. Политические катаклизмы рубежа 1910–1920-х гг. не вызвали качественных изменений аграрного строя в Сибири. Его организационно-производственной основой в условиях нэпа оставалось крестьянское хозяйство. Удельный вес иных форм хозяйствования (колхозов и совхозов) в валовом производстве сельхозпродукции был минимальным.

Применявшийся большевистским режимом по отношению к зажиточным слоям деревни экономический и политический прессинг привел к нивелировке деревни на более низком, чем до революции, имущественном уровне и консервации мелкотоварности крестьян-

ского хозяйства. Замедление темпов развития, ставшее следствием мелкотоварного характера аграрного производства, наглядно продемонстрировало, что нэп не обеспечивает решения задач модернизации страны.

В конце 1920-х гг. советское руководство поставило задачу замены мелкотоварного крестьянского хозяйства высокотоварным социалистическим. Организационно-производственной основой реконструируемого аграрного строя должны были стать крупные сельхозпредприятия, которые позволили бы широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения и за счет этого резко повысить его производительность.

Для крестьян обязательным этапом перехода к социалистическому хозяйству было их объединение в коллективные хозяйства. Важная роль в преобразовании сельского хозяйства отводилась крупным специализированным совхозам. Превосходя колхозы по уровню механизации, концентрации производства и производительности труда, они должны были стать локомотивами аграрной экономики.

В начале 1930-х гг. произошла скоротечная аграрная революция сверху — коллективизация, которая привела к радикальной трансформации аграрного строя. Уже во второй половине 1931 г. аграрная экономика основных сельскохозяйственных районов Сибири и России в целом перестала быть крестьянской, а крестьянское хозяйство — ее базовой производственной ячейкой [Аграрная политика, 2011, с. 489–490].

Новая модель аграрного строя отличалась внеэкономическим принуждением, применяемым в качестве основного способа изъятия земельной ренты, и рефеодализацией системы налогообложения деревни, заключавшейся в возврате к сословности обложения, натуральным и отработочным его формам [Ильиных, 2004, с 160]. Ее организационно-производственной основой являлись колхозы. С одной стороны, они находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой — функционировали на принципах самоокупаемости, осуществлявшейся в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена. Члены колхозов фактически прикреплялись к ним, а их труд на «общественных» полях и фермах приобрел характер отработочной повинности.

Колхозы обладали лишь простым конно-ручным инвентарем. Сложные сельхозмашины находились в машинно-тракторных станциях (МТС), которые на возмездной основе, взимаемой в форме натуральной оплаты, занимались производственно-техническим обслуживанием колхозов. Помимо выполнения механизированных

работ на МТС возлагалось осуществление так называемой организационной помощи колхозам. Они контролировали практически все стороны колхозной жизни: производство, учет труда, распределение доходов, в директивном порядке определяли агротехнику.

Неотъемлемой составляющей колхозной системы были личные приусадебные хозяйства (ЛПХ). Несмотря на мизерные размеры, они являлись для владельцев основным источником существования, а потому не были подсобными [Очерки, 2001, с. 58]. Значительная часть ресурсов ЛПХ расходовалась на покрытие натурально-денежных обязательств крестьян перед режимом. Владение приусадебным участком было обусловлено членством в колхозе. У крестьянина, вышедшего или исключенного из колхоза, его должны были отобрать. Важную роль в продовольственном обеспечении своих владельцев имели также личные подсобные хозяйства сельских рабочих и служащих. Массовым явлением стало так называемое коллективное огородничество жителей городов, которым выделялись значительные массивы земли в сельской местности для выращивания картофеля.

Государственные сельхозпредприятия — совхозы — не были ведущей организационно-производственной формой сельского хозяйства. В качестве перспективной формы они рассматривались только в начале 1930-х гг. А затем, в силу того, что себестоимость производства в них была на порядок выше, чем в колхозах, ставка на совхозы больше не делалась, и они превратились во вспомогательный придаток колхозной экономики.

Помимо крупных специализированных совхозов, в регионе функционировало большое количество госхозов, которые представляли собой подсобные сельхозпредприятия отделов рабочего снабжения (ОРСов) ведомств и крупных предприятий. Как правило, они были небольшими по размерам и в основном специализировались на свиноводстве, выращивании картофеля и овощей. Подсобные предприятия имели фактически потребительский характер, поскольку их продукция предназначалась для снабжения работников основного производства.

Форсированная коллективизация в регионе в краткосрочной перспективе привела к кризису животноводства и стагнации зернового хозяйства. В 1933 г. началось восстановление сельского хозяйства. К концу 1930-х гг. посевные площади превышали уровень, достигнутый в конце предыдущего десятилетия. Однако поголовье скота восстановить не удалось. В целом ухудшились качественные показатели сельского хозяйства (урожайность, продуктивность) [Аграрная политика, 2011, с. 566, 567, 601–602].

Не была в полной мере решена и поставленная в конце 1920-х гг. задача замены мелкотоварного крестьянского уклада крупным социалистическим. В крупных хозяйствах региона (колхозах и совхозах) производилась абсолютно бóльшая часть зерновых, кормовых и технических культур. Основным производителем картофеля и молока стали ЛПХ сельских жителей. В них также производилась значительная часть мясопродуктов и овощей [Аграрная политика, 2011, с. 559–561].

При этом обеспечиваемый жестким внеэкономическим принуждением уровень отчуждения сельхозпродуктов (принудительная товарность) существенно возрос. Сверхнормативное изъятие продовольственных ресурсов в деревне приводило к латентному, очаговому или массовому голоду, который сопровождал данную модель аграрного строя на протяжении всего ее существования.

Колхозная система выполнила поставленные перед ней задачи тотальной мобилизации ресурсов для решения стоявших перед советским государством геостратегических задач, но в силу неэффективности принудительного труда отличалась низким уровнем развития производительных сил. В начале 1950-х гг. несоответствие уровня развития сельского хозяйства внешне- и внутриполитическим задачам страны стало очевидным. Произошла очередная смена модели аграрного строя.

Список литературы

Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. 608 с.

Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала: 1928–1934 гг. М., 2009. 632 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов. Вологда, 2005. 126 с.

Богденко М.Л. Строительство зерновых совхозов в 1928–1932 гг. М., 1958. 251 с.

Гущин Н.Я. Сибирская деревня на пути к социализму: Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг. Новосибирск, 1973. 518 с.

Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале: 1930–1985 гг. Екатеринбург, 1991. 195 с.

Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР: 1931–1933. М., 2011. 543 с.

Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. М., 1982. 239 с.

Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни: Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. 167 с.

История советского крестьянства. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства: Конец 1927 — 1937. М., 1986. 448 с.

История советского крестьянства. Т. 3: Крестьянство накануне и в годы Великой Отечественной войны: 1938–1945. М., 1987. 447 с.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008. 519 с.

Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в.: Региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4–14.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма: 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. 389 с.

Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985. 398 с.

Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20–30-е годы XX века: Коллективизация и ее последствия. Владивосток, 2004. 188 с.

Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е годы. Новосибирск, 2001. 188 с.

УДК 94(571.14)“1990/1999”(093)

С.Н. Андреенков
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Источники по истории сельского хозяйства Новосибирской области в 1990-е гг.*

Осуществлена репрезентация результатов критики и итогов работы автора по систематизации источников, используемых для изучения аграрного сектора экономики Новосибирской области в 1990-е гг. Установлено, что первостепенное значение для анализа хода аграрного реформирования имеют нормативные документы, для исследования его результатов — опубликованные и неопубликованные статистические данные и делопроизводственные материалы. Значительный объем документальных источников опубликован в областной газете «Советская Сибирь». В ней также представлен большой массив текстов нарративного характера. Критический анализ источников позволил автору определить информационный потенциал и уровень достоверности фактологической базы темы.

Ключевые слова: исторический источник, критика источников, систематизация источников, аграрные реформы, сельское хозяйство, Новосибирская область.

1990-е гг. — один из драматичных периодов в отечественной истории. В этот период в нашей стране проводились реформы, существенно изменившие все сферы жизни российского общества. Важнейшим объектом преобразований являлось социалистическое сельское хозяйство. Реформаторы попытались форсированно перевести его на рельсы рыночной экономики. Ныне живущее поколение стало свидетелем трагических последствий реализации данного курса. Для работников сельскохозяйственных предприятий и жителей села в целом его проведение обернулось серьезнейшим жизненным испытанием. Аграрное производство оказалось в кризисе. В последующем регрессивные процессы были замедлены, но до конца не преодолены. Реальное положение дел в отрасли и сформированную в период рыночных реформ систему аграрных отношений еще предстоит описать и осмыслить в исторической ретроспективе с использованием разнообразной и достоверной информации.

Весьма плодотворным представляется исследование особенностей аграрного реформирования и функционирования сельскохозяйственного производства рассматриваемого периода на материалах отдельных регионов — оно способствует фактологической конкре-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Правительства Новосибирской области и РФФИ, проект № 18-49-540001 «Аграрный сектор экономики Новосибирской области в конце XX — начале XXI в.: Динамика, тенденции, проблемы развития».

© Андреенков С.Н., 2020

тизации, выявлению скрытых тенденций и закономерностей изучаемых явлений, может быть полезным для региональных руководителей, управляющих аграрным сектором экономики, прогнозирующих и проектирующих его будущее. Перспективным в этом плане представляется анализ развития аграрного сектора экономики Новосибирской области. По размерам мощностей и объему производства сельхозпродукции регион находился далеко не на последнем месте. По данным показателям он входил в первую десятку субъектов Российской Федерации.

В настоящей статье представлены результаты критики и итоги работы по систематизации источников, которые необходимо задействовать для объективного научно-исторического изучения процессов, протекавших в аграрном секторе экономики Новосибирской области в 1990-е гг.

Первостепенное значение для анализа хода аграрного реформирования имеют нормативные документы. Немалая часть законов и других правовых актов РФ 1990-х гг. по сельскому хозяйству опубликована в специальных сборниках (см., например: [Аграрная реформа, 1992; Сборник, 1991]). Решения законодательных и исполнительных органов центральной власти, касающиеся темы исследования, представлены в официальном электронном издании «Собрание законодательства Российской Федерации»[1] и иных базах данных.[2] Важнейшие нормативно-правовые акты по аграрным вопросам, принимавшиеся законодателями Новосибирской области, вошли в документальный сборник «Советы депутатов Новосибирской области...» [Советы, 1997]. Законы, постановления, указы Центра и региональных властей опубликованы в областной общественно-политической газете «Советская Сибирь», ставшей в 1991 г. независимым изданием.

Для анализа результатов реформирования и особенностей функционирования аграрного сектора экономики Новосибирской области в изучаемый период целесообразно использовать материалы опубликованной итоговой сельскохозяйственной статистики, т.е. данные статсборников, изданных центральными и региональными государственными статистическими органами. В публикациях, предоставляющих сведения по сельскохозяйственному производству и аграрной экономике, в первую очередь интересна информация, отра-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. URL: http://www.szrf.ru/szrf/index.phtml?md=0 (дата обращения: 15.10.2019).

[2] Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/; Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru; Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru; Государственная система правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/index.html (дата обращения: 15.10.2019); и др.

жающая состояние производственных мощностей (посевные площади сельхозкультур, поголовье скота, материально-техническая база), валового производства продукции растениеводства и животноводства, продуктивности этих отраслей, а также специфику организационно-производственной структуры отрасли. Последняя включает показатели функционирования хозяйств различных категорий, их удельный вес в мощностях и выпуске того или иного вида продукции. Данная информация позволяет сформировать фактологической каркас исследования, определить вектор, динамику и генеральную тенденцию изменений рассматриваемой сферы.

При анализе проблем реформирования и функционирования аграрного сектора экономики Новосибирской области в постсоветский период важнейшим источником статистической информации являются справочники, подготовленные Новосибирским областным комитетом по статистике, в частности, статсборники из серии «Сельское хозяйство в Новосибирской области» [2001, 2006, 2011]. Однако при их использовании исследователь сталкивается с рядом трудностей.

Во-первых, статистические сведения приводятся в них по пятилетиям, начиная только с 1995 г. Без информации по последним советским пятилеткам и первой половине 1990-х гг. подготовить обстоятельное исследование невозможно. Восполнить дефицит данных за счет материалов, включенных в федеральные сборники, например, [Сельское хозяйство СССР, 1988; Сельское хозяйство России, 1998; Сельское хозяйство России, 2002], можно только отчасти. В этих изданиях в числе данных по областям, краям и республикам России отсутствует ряд важных для изучения региональных процессов показателей, в частности, сведения о посевных площадях, урожайности и валовых сборах некоторых видов зерновых культур (рожь, просо, гречиха и др.), а также об объемах производства мяса по видам (говядина, баранина, свинина, мясо птицы).

Недостающие статданные, отражающие реалии функционирования сельского хозяйства региона в конце 1980-х — начале 1990-х гг., можно найти в номерах «Советской Сибири» за соответствующий период. В 1990-е гг. газета несколько раз в год публиковала довольно содержательные статистические выкладки Новосибирскстата о состоянии экономики и социальной сферы региона в целом и их сельского сегмента в частности. Как правило, в феврале печатался отчет за предыдущий год, в августе — за первое полугодие текущего года. Довольно регулярно публиковались квартальные отчеты. Статданные подавались и в виде таблиц, и в формате доступного для читателя описательного текста с элементами аналитики.

Во-вторых, есть весомый повод сомневаться в достоверности публикуемых статистических данных. В сборниках областного уровня, отражающих изменения в сельском хозяйстве, произошедшие в разные пятилетия, некоторые показатели за один и тот же год имеют разные значения. Так, согласно изданию «Сельское хозяйство в Новосибирской области. 2000–2005 гг.», общие посевные площади картофеля в 2005 г. составляли 52,5 тыс. га [Сельское хозяйство в Новосибирской области, 2006, с. 17], тогда как по материалам сборника «Сельское хозяйство Новосибирской области. 2005–2010 гг.» в этом же году они были равны 36,2 тыс. га, или на 31 % меньше [Сельское хозяйство в Новосибирской области, 2011, с. 17]. Подобным же образом не совпадают данные по посевам овощей и кормовых культур, валовым сборам картофеля и овощей, производству мяса в живом и убойном весе. Разночтения вызваны тем, что во втором из указанных выше изданий приведены сведения, полученные в результате Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. Ее материалы показали, что использовавшийся с 1996 г. метод определения объемов производства сельхозпродукции в личных приусадебных хозяйствах населения (ЛПХ) [Сельское хозяйство в Новосибирской области, 2001] давал искаженную информацию. Таким образом, возникают сомнения в достоверности данных о развитии ЛПХ за 1990-е гг. Коллизии официальной статистики посевных площадей сельскохозяйственных культур выявлены и детально проанализированы В.А. Ильиных [Ильиных, 2017].

Целесообразно использовать архивную статистическую информацию, в частности, фонда Р-11 ГАНО. В нем сконцентрированы и материалы социологических опросов селян, позволяющих исследовать фермерское движение, и функционирование крупных сельхозпредприятий в области в 1990–1992 гг. Результаты анкетирования сельских жителей часто публиковались в «Советской Сибири» в виде доступных для широкого читателя информационно-аналитических статей, подготовленных руководителями групп интервьюеров.

В фонде Р-11 ГАНО собраны также аналитические записки по вопросам развития сельского хозяйства региона. Значительная часть записок за период с 1965 по 1991 г. уже опубликована: в прошлом году в свет вышел сборник документов [Сельское хозяйство Новосибирской области, 2019], подготовленный коллективом исследователей из Института истории СО РАН и ГАНО под руководством В.А. Ильиных и Р.Г. Сидорова. Данное издание предоставляет историкам богатый фактологический материал, позволяющий анализировать предпосылки и первые результаты рыночных реформ. Ряд интересных делопроизводственных документов, касающихся этих

вопросов, можно найти в хрестоматии по истории Новосибирской области за 1921–1991 гг. [Наша малая Родина, 1997]. В целом хранящуюся в ГАНО делопроизводственную документацию органов региональной власти и управления и руководящих структур отдельных сельскохозяйственных предприятий и организаций за 1990-е гг. еще предстоит изучить.

Ценным источником конкретно-исторической информации по теме исследования являются путеводители по фондам районных архивов, опубликованные на сайте Управления государственной архивной службы Новосибирской области.[3] Они предоставляют сведения, на основе которых можно составить «биографию» сельхозпредприятий: определить время появления хозяйства, его предшественников, выделявшиеся и присоединявшиеся структуры, изменение организационно-правовой формы, дату и причины ликвидации. Правда, не во всех описаниях фондов искомая информация приведена в должном объеме. Например, материалы по Сузунскому и Искитимскому районам не позволяют выяснить, какие хозяйства являлись родоначальниками современных предприятий.

При исследовании заявленной темы целесообразно использовать повествовательные тексты, размещенные в «Советской Сибири», других областных изданиях, а также районных газетах. Это новостные сообщения, сводки и заметки, подготовленные к публикации редакциями газет, органами государственного управления, информагентствами. В них в свободной форме описывается событие или пересказывается содержание какого-либо делопроизводственного или нормативного документа. Информационно-новостные источники сообщают о существовании документальных первоисточников, направляя усилия исследователя на поиск архивных материалов. Газетные новости, безусловно, помогают реконструировать реалии прошлого, однако они не всегда достоверны. Создатели информационно-новостных материалов опускают второстепенные, по их мнению, детали, которые для исследователя могут представлять большую научную ценность.

Источники личного происхождения (воспоминания, дневники) в прессе встречаются редко. Их газетной разновидностью являются авторские информационно-новостные материалы: репортажи, интервью, путевые заметки, аналитические статьи, письма граждан в органы власти или в редакции периодических изданий, а также ответы на них (по форме эти письма принадлежат к эпистолярному жанру, но

[3] Путеводитель по фондам отделов архивной службы муниципальных районов и городских округов Новосибирской области. URL: http://archives.nso.ru/page/1320 (дата обращения: 04.09.2018).

по сути они, за некоторым исключением, написаны в публицистическом стиле).

Ценными для исследователя рассматриваемой темы являются опубликованные в прессе аналитические статьи профессиональных журналистов, известных политиков и государственных деятелей, представителей аграрной науки, экономистов, социологов, историков и т.д. Разумеется, первостепенное значение имеют сочинения специалистов по аграрным вопросам. Знакомство с ними побуждает исследователя к поиску статей этих авторов, опубликованных в научных журналах.

Газетную периодику, вслед за В.М. Рынковым, мы рассматриваем не как отдельный вид источников, а как место и способ публикации других источников [Рынков, 2010]. Понятно, что отбор и освещение фактов в газетных публикациях зависел от субъективного мнения и профессионализма журналистов, позиции редакции.

Немаловажным источником информации являются воспоминания селян, записанные историками-краеведами. На сайте «Библиотека сибирского краеведения» размещены мемуары жителей Новосибирской области, собранные группой исследователей из Новосибирского государственного педагогического университета.[4] Среди них можно найти ряд интересных для изучения темы материалов.[5] Воспоминания сельских жителей отображены в публикациях новосибирских социологов. Полученная в ходе их беседы с селянами информация может быть использована для анализа реалий жизни деревни в недавнем прошлом [Фадеева, 2014].

Таким образом, при изучении темы используется широкий круг источников. Первостепенное значение имеют нормативные документы, опубликованные и неопубликованные статистические данные и делопроизводственные материалы. Многие источники в значительном объеме опубликованы в областной газете «Советская Сибирь».

Список литературы

Ильиных В.А. Динамика посевных площадей в Сибири в конце XX — начале XXI в.: Источники реконструкции // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2017. № 1. С. 244–252.

[4] Библиотека сибирского краеведения: Мемуары. URL: http://bsk.nios.ru/search/node/мемуары (дата обращения: 28.08.2018).

[5] «Самым главным было слово»: Воспоминания В.М. Гусельниковой о работе врачом и главой сельской администрации. URL: http://bsk.nios.ru/content/samym-glavnym-bylo-slovo-vospominaniya-v-m-guselnikovoy-o-rabote-vrachom-i-glavoy-selskoy (дата обращения: 28.08.2018).

Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991 гг. / Сост. В.И. Баяндин, В.А. Ильиных и др. Новосибирск, 1997. 768 с.

Рынков В.М. Периодическая печать: Место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44–50.

Фадеева О.П. Развитие институтов сельского самоуправления в 1990–2000-е гг. // Сибирская деревня: Проблемы истории. Вып. 2. Новосибирск, 2014. С. 227–246.

Список опубликованных источников

Аграрная реформа в России: Документы и материалы. М., 1992. 77 с.

Сборник законодательных актов по аграрной реформе в РСФСР. Вып. 1. М., 1991. 62 с.

Сельское хозяйство в Новосибирской области. 1996–2000 гг.: Статистический сборник. Новосибирск, 2001. 69 с.

Сельское хозяйство в Новосибирской области. 2000–2005 гг.: Статистический сборник. Новосибирск, 2006. 70 с.

Сельское хозяйство в Новосибирской области. 2005–2010 гг.: Статистический сборник. Новосибирск, 2011. 60 с.

Сельское хозяйство Новосибирской области во второй половине 1960-х — 1980-е гг.: Аналитические записки областного статистического управления: Сборник документов. Новосибирск, 2019. 532 с.

Сельское хозяйство России: Статистический сборник. М., 1998. 448 с.

Сельское хозяйство России: Статистический сборник. М., 2002. 397 с.

Сельское хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1988. 535 с.

Советы депутатов Новосибирской области. 1937–1997 годы: Сборник документов / Сост. В.М. Арбатский, С.К. Бойко, А.Г. Даценко и др. Новосибирск, 1997. 672 с.

УДК 821.161.1

М.Н. Климова
Научная библиотека Томского государственного университета

Протопоп Аввакум в творчестве Ф.А. Абрамова*

Статья продолжает серию авторских наблюдений о житийных традициях в творчестве Ф.А. Абрамова и посвящена регулярно возникающей в его произведениях теме протопопа Аввакума. Мятежный вождь русского Раскола канонизирован Старообрядческой Церковью как мученик за веру, но в сознании нации он остался как борец за «народную правду», воплощение силы и слабостей национального характера, и один из первых русских писателей, автор гениального автобиографического Жития. В статье рассмотрены не только упоминания имени Аввакума в текстах Абрамова, но и использование в них сложившегося в отечественной культуре «Аввакумова сюжета». К анализу привлечены тетралогия «Братья и сестры», рассказ «Из колена Аввакумова», материалы незавершенного исторического романа «Чистая книга».

Ключевые слова: русская литература, древнерусская литература, агиография, Раскол, старообрядчество, народное православие, народная агиология, житийные традиции в художественной литературе.

Эта статья продолжает серию авторских наблюдений о житийных традициях в творчестве признанного мастера русской прозы второй половины XX века Ф.А. Абрамова [Климова, 2001; Климова, 2010, с. 115–126; Климова, 2016]. Данная тема, изучаемая в советское время как частный случай обращения писателей 1970–1980-х гг. к наследию Древней Руси [Бушуева, 1988], в первые десятилетия нового века обрела дополнительную актуальность в связи с пересмотром отношения общества к религии и Церкви. В постсоветской науке вышло немало работ, в которых «житийный код» применялся к творчеству разных писателей в диапазоне от Достоевского до Шукшина и Улицкой. В таком аспекте произведения Ф.А. Абрамова рассматривают С.А. Груша [Груша, 2010; Груша, 2011] и Н.В. Ковтун [Ковтун, 2010; Ковтун, 2014]. Мысль автора при этом движется, как правило, вспять, от современного литературного материала к не всегда четко представляемой «житийной традиции». Наши разыскания ведутся в русле «встречного движения», то есть анализа произведений Абрамова в контексте национальной модели христианства и концепции «русской святости». Так, было установлено, что «житийные» мотивы в его книгах связаны преимущественно не с каноническим правосла-

* Замысел этой статьи возник на пересечении трех юбилеев 2020 года: 400-летия протопопа Аввакума, столетия Ф.А. Абрамова и, наконец, 90-летия академика Н.Н. Покровского, неутомимого исследователя народной православной культуры, оказавшей сильное влияние на творчество обоих писателей.

© Климова М.Н., 2020

вием, а с его народным «изводом», во многом определившим состав галереи святых Русского Севера. Эта «народная струя» сосуществует в художественных текстах Федора Абрамова, по первой специальности литературоведа, с мифологемами классической литературы от фундаментального национального мифа о покаянии великого грешника до «бедной Лизы» и «некрасовских женщин». Взаимодействие народной и книжной традиций характерно и для отношения писателя к личности протопопа Аввакума, о чем и пойдет речь. Но прежде следует сказать о месте этого славного сына «бунташного» семнадцатого столетия в памяти потомков.

Юрий Нагибин, завершая литературный портрет Аввакума описанием его сожжения в Пустозерске в 1682 году, писал: «С этого пустозерского пламени возжегся костер великой русской прозы» [Нагибин, 2004, с. 30]. Это эффектное утверждение одновременно и справедливо, и неточно, поскольку свое законное место в начале галереи мастеров русской прозы Аввакум Петров занял далеко не сразу [Робинсон, 1979]. Почти два столетия после его казни о мятежном вожде русского Раскола вспоминали исключительно в контексте этой мрачной страницы истории отечественной Церкви, без какой-либо связи с эстетическими запросами современности. Все изменилось в 1861 году, когда Н.С. Тихонравов, преодолев цензурные препоны, ввел в круг чтения образованных россиян Житие Аввакума.

В середине XIX века одной из насущных задач отечественной литературы в преддверии великих реформ было художественное самопознание нации. Ведь символом многомиллионной крестьянской России казался тогда глухонемой тургеневский гигант Герасим, пугающе непредсказуемый в силу своего увечья. Но в начале 1860-х гг. усилиями ученых историко-филологической школы в культурный обиход нации был введен обширный пласт памятников древней письменности и фольклора, воспринятых многими как живое явление русской художественной мысли [Лотман, 1996]. Глухонемой крестьянский Сфинкс, в непроницаемое лицо которого с тревогой и надеждой вглядывалась русская литература, казалось, обрел голос, приоткрылась дверь в недоступные прежде тайники народного сознания и духа. Одной из главных публикаций этого ряда было, несомненно, издание Жития протопопа Аввакума.

Этот текст разительно отличался от типовых житий официальных месяцесловов, которые из-за соблюдения их авторами жанрового канона нередко кажутся неподготовленному читателю уныло-однообразными и пресными. Их идеальные герои почти не имели индивидуальных черт, отличаясь, главным образом, видом избранного ими духовного подвига. Жизнеописания новообретенных святых, как

правило, составлялись по определенным схемам из набора освященных традицией сюжетных ходов и этикетных формул, сведя почти до минимума реальные подробности земного бытия своих персонажей. Но автор Жития Аввакума действовал иначе. Заживо погребенный в пустозерской земляной тюрьме, он, традиционалист по убеждению и вкусам, писал этот текст-завещание в состоянии полной творческой свободы, без оглядки на правила и ограничения. Дерзким вызовом традиции было уже решение Аввакума самому написать собственное Житие. Недоброжелатели доныне видят в этом проявление его непомерной гордыни, хотя подвигли и благословили его на это решение его соузники, люди столь же консервативные. Свободен автор и в выборе речевых средств. Продемонстрировав во вступлении свое владение высоким книжным стилем, Аввакум далее говорит с читателем милым его сердцу «природным» русским языком, в его исполнении на редкость точным, ярким и выразительным, и мужицкого своего «вяканья» отнюдь не стыдится. Герой-рассказчик равно открыт горнему и дольнему миру,[1] ощущая присутствие Бога даже в повседневных происшествиях своего жизненного «плаванья». На страницах Жития соседствуют богословские рассуждения и жестокие картины наказания борцов за «древлее благочестие» и «мирскую правду», интимные признания героя о взлетах и падениях собственного духа, бытовые сценки[2] и описания чудес Божьего мира. Эта свободная организация разнородных фрагментов, объединенных авторским вниманием к ним и его всепобеждающим юмором [Лихачев, 1984], позволит некоторым исследователям назвать Аввакумово творение (скорее образно, чем терминологически) первым русским романом.

Далеко не все в этом тексте и его авторе было правильно понято читателями XIX века. Так, читая сочинение мятежного протопопа, они были склонны преувеличивать его мужицкую дикость и невежество, хотя этот гениальный самоучка был весьма начитан [Сарафанова (Демкова), 1962]. Самоотверженная и исступленная борьба старообрядцев за незначительные вроде бы детали церковного обряда казалась им (и до сих пор кажется многим) проявлением упрямства и фанатизма. Социальная основа старообрядческого движения и скрытый в нем антифеодальный протест низов русского общества будет открыт позднее усилиями нескольких поколений историков, источниковедов и археографов. Лишь писатель-бунтарь второй половины

[1] В одной из челобитных царю Алексею Михайловичу пустозерский узник не без гордости описал свое видение, в котором Бог вместил в него «небо, землю и всю тварь» [Житие, 1991, с. 96–97].

[2] Одна из них — путешествие по замерзшей реке, запечатлевшая терпеливое мужество жены Аввакума Марковны, запоминается читателям всех времен.

XX века Варлаам Шаламов в поэме «Аввакум в Пустозерске» найдет нужные слова для обозначения сути спора, мучительно расколовшего на несколько столетий российское общество:

Наш спор — не духовный
О возрасте книг,
Наш спор — не церковный
О пользе вериг.

Наш спор — о свободе,
О праве дышать,
О воле Господней
Вязать и решать [Шаламов, с. 773–774].[3]

Но уже первые «светские» читатели Жития Аввакума оценили главное — актуальность этого старинного текста для современного литературного процесса. В яркой и неотразимо обаятельной фигуре мятежного протопопа, при всей ее уникальности, явственно проступали черты национального характера в его силе и слабостях. Конечно, «костер великой русской прозы» ярко пылал и далеко светил читающему миру еще до встречи с литературным наследием Аввакума, но с этого момента уникальный художественный опыт пустозерского затворника естественно стал его неотъемлемой и важной частью. Об этом говорят не только высказывания об Аввакуме классиков русской литературы XIX–XX вв. от Тургенева и Лескова до Горького и Алексея Толстого [Робинсон, 1979], но и само их творчество.

Так лишь после знакомства с Житием Аввакума, дерзко соединившим «небесное» и «земное», в нашей словесности стало возможно появление не только заглавий типа «Жития одной бабы» (Н.С. Лесков, 1863), но и целой галереи книжных «мирских праведников», не имеющей западных аналогов. Назвав свою поэму о женах декабристов «Русские женщины» (1871–1872), Н.А. Некрасов имел право на это национальное обобщение уже потому, что в XVII веке их подвиг любви и верности предвосхитила протопопица Настасья Марковна. Внимательно читавший Аввакума Лесков в романе «Соборяне» (1872) не без умысла разделил черты его могучей многогранной личности между всеми тремя представителями «старгородской поповки»: составителем «демикотоновой книги» протопопом Савелием Туберозовым, воинственным и простодушным дьяконом Ахиллой, многодетным и чадолюбивым отцом Захарией. Основным источником сюжета пове-

[3] Воинствующий богоборец в текстах его «лагерной прозы», Шаламов тем не менее ощущал свое внутреннее и едва ли не кровное родство с мятежным протопопом и отразил это в своих стихах [Качурин, 2004].

сти Л.Н. Толстого «Отец Сергий» (1880–1888) было Житие Иакова Постника [Гродецкая, 2000, с. 207–256], но при описании переживаний героя в знаменитой сцене его обольщения «разводной женой» Маковкиной автор не мог не учитывать опыт изображения подобной ситуации Аввакумом [Житие, 1991, с. 32]. Поклонник творчества «огненного протопопа» М. Горький заимствовал у него для героя своего рассказа «Отшельник» (1922) любовь «играть с человеки». Такие примеры можно продолжать долго, мы же отметим в заключение этой темы присутствие в культурном сознании русской нации своеобразного «Аввакумова сюжета», составленного из наиболее ярких моментов Жития. Это наблюдение пригодится нам при поиске следов «огненного протопопа» в произведениях Федора Абрамова.

По наблюдению С.А. Груши [Груша, 2010], творческую мысль этого писателя волновали образы трех православных святых. Первый из них, праведный Артемий Веркольский, был его постоянным духовным спутником. Святой-ребенок XVI века, недолгое земное бытие которого прошло в родном селе Абрамова, рано и навсегда поразил воображение будущего писателя, в детстве пытавшегося ему подражать и всю жизнь бережно хранившего маленькую икону с его изображением. Рецепции Жития этого святого можно увидеть не только в нескольких безвременно ушедших юных и чистых героях Абрамова (наиболее яркий пример — Панька из пронзительного рассказа «Пролетали лебеди»), но и в одном из постулатов «символа веры» писателя — идее святости крестьянского труда. Второй святой, праведный Иоанн Кронштадтский, при жизни писателя официально признанный лишь за рубежом, привлек его внимание при обдумывании романа о дореволюционной России одновременно как земляк-пинежанин и как одна из самых влиятельных и противоречивых фигур рубежа XIX–XX веков. Материалы и мысли о св. Иоанне, собираемые Абрамовым в особую папку, практически не успели найти своего художественного воплощения. Не совсем обычен и третий святой «абрамовского иконостаса» — пострадавший за «древлее благочестие»» мученик Аввакум, окруженный благоговением единоверцев еще при жизни, но канонизированный ими лишь в 1912 году. Его образ входит в мир Абрамова постепенно, в процессе осмысления писателем феномена старообрядчества. Он, впрочем, никогда не скрывал своего кровного родства с этим миром через староверку-мать, а дружба с двумя подвижниками и пропагандистами древнерусской культуры — академиком Д.С. Лихачевым и В.И. Малышевым, всю свою жизнь изучавшим творчество Аввакума и составившим летопись его жизни [Летопись, 1985], эту связь только укрепила. Попро-

буем показать эволюцию темы старообрядчества в книгах Абрамова на конкретных примерах.

Главное творение Федора Абрамова — тетралогия «Братья и сестры» (1958–1978), начатая как рассказ о трудовом подвиге северной деревни в годы войны с фашизмом, в процессе работы охватила три десятилетия народной жизни, и по мере погружения писателя в ее глубины становилась все менее приемлемой для советской цензуры. Это связано, помимо неуклонного стремления автора к правдивому изображению действительности, с нарастанием в тексте «религиозных» мотивов. В первой одноименной книге тетралогии они почти незаметны. Лишь мельком сообщается, что село, в котором происходят основные события, стоит на месте староверского скита. На дворе атеистичесские времена, и в бывшей никонианской церкви проводят собрания колхозники, монастырь Св. Артемия разрушен в Гражданскую войну, но продолжают хранить свою веру старообрядцы. Трудясь наравне со всеми в годы Отечественной войны, они почти незаметны и отличаются от прочих колхозников лишь большей строгостью нравов, например, отказом от курения. Чаще же их религиозные убеждения обнаруживает предсмертное желание лежать на староверском кладбище, чтобы на том свете быть подальше от «табачников». О старообрядческом происхождении одного из главных героев тетралогии «хозяина района» Евдокима Подрезова читатель и вовсе узнает в конце второй книги.

Во второй книге тетралогии «Две зимы и три лета», посвященной первым послевоенным годам, религиозная проблематика нарастает с возвращением в село старообрядца Евсея Мошкина. Его загадочный образ, явно немаловажный для Абрамова, вызвал дружное недоумение советских критиков. Ранее автор данной статьи предложил свое прочтение судьбы этого персонажа в контексте фундаментального мифа русского сознания о покаянии великого грешника, желающего лично искупить всеобщую вину коллектива. Это превращает нелепую фигуру старого деревенского пьяницы, ставшего жертвой несчастного случая, в милосердного покровителя села, а появление старухи-паломницы, идущей к могиле Евсея, говорит о зарождении местного культа новоявленного святого [Климова, 2001]. По нашим свежим наблюдениям, эту метаморфозу персонажа подготавливает и то, что его образ четко вписан в рамки «Аввакумова сюжета» и подсвечен им.

Первое известие об Евсее Мошкине гласит, что в Пекашино вернулся «староверский поп», 15 лет отсидевший за свою веру, т.е., по мнению молодых безбожников вроде Егорши Ставрова, по собственной глупости и упрямству. Но так сказали бы те же безбожники и о

самом протопопе Аввакуме, к герою же Абрамова эта характеристика на деле не слишком применима. По словам самого Евсея, «попом» его, наставника местных староверов-беспоповцев, называют лишь по неведению, в лагере он не был ни дня, а ссылку его признали беззаконной, вернуться же домой раньше он не успел из-за начала войны. Недостающие до сакрального числа «15» годы гонений герой Абрамова отбудет только после второго ареста. Кончина Евсея Мошкина также обставлена «аввакумовскими» деталями. По неясной причине оказавшись в заброшенной силосной яме, старик с переломанными ногами провел там три дня (явный бытовой аналог заключения в пустозерской земляной тюрьме), после чего сгорел от гангрены, в народе называемой «Антоновым огнем».[4] С учетом эпизода со старухой-паломницей можно сказать, что биография персонажа Абрамова успешно вписана в «Аввакумов сюжет». Сопоставимы с образом мятежного протопопа и те черты Мошкина, которые отличают его от других староверов, — его дружелюбие и открытость людям, снисходительность к их моральному несовершенству, умение «изгонять бесов», наглядно явленое в преображении Егорши Ставрова, и даже слабость к спиртному.[5]

Трижды возникают на страницах тетралогии и аллюзии к образу верной спутницы Аввакума — Настасьи Марковны. Два случая мимолетны и косвенно связаны с темой старообрядчества: первый — рельефный образ староверки Марьи Нетесовой, второй — описание самоотверженной заботы жены о парализованном Подрезове на его старообрядческой родине. Третий случай выявляется при анализе фрагментов романа «Дом» с общим заглавием «Из жития Евдокии-великомученицы». Это особая тема, о чем скажем далее.

Давно замечено, что самые пронзительные свои страницы Федор Абрамов посвятил простым русским женщинам, их нелегким и даже трагическим судьбам, молчаливому мужеству и душевному богатству. Вначале эти женские истории, превращенные им в повести и

---

[4] Интересно, что первоначально обстоятельства смерти Евсея были иными: в пьяном виде обморозив ноги, старик, понадеявшись на Бога, вовремя не обратился к врачу, а умирая, заявил, что «на небе ему уже не бывать», и попросил водки [Абрамов, 1981, с. 501]. Позднее писатель заменил нелепую гибель горького пьяницы, спутавшего смирение раскаяния со смертным грехом отчаяния, торжественным описанием кончины праведника, до последнего вздоха заботящегося о других, смерть которого по житийной традиции отмечена погодным явлением — благодатным дождем после долгой засухи [Абрамов, 1981, с. 423].

[5] То, что национальный порок любви к «питию хмельному» был знаком Аввакуму не понаслышке, показывает сочувственный тон описания похмелья Адама и Евы в Книге обличений [Житие, 1991, с. 298–301]. Грехопадение прародителей он, подобно автору Повести о Горе-Злочастии, представлял в виде их первого знакомства с «зелием виноградным».

рассказы, напоминали писателю сказки, «помогающие жить людям» (рассказ «В Питер за сарафаном» (1961); обращает на себя внимание также «сказочное» имя героини повести «Деревянные кони» (1969) — Василиса Мелентьевна). В 1970-е годы он нашел для них новое сравнение — «житие», имея в виду не столько канонические житийные памятники, сколько тексты в духе Жития Аввакума. С той однако разницей, что свое житейское «плаванье» протопоп собственноручно описал, «жития» же героинь Абрамова ими самими *рассказаны*.

Первый «житийный» опыт Абрамова — упомянутая ранее серия фрагментов романа «Дом» с рассказами Евдокии Дунаевой, оставляет двойственное впечатление. Явно удался автору образ героини этого «мирского жития» с ее природным трудолюбием, крестьянским терпением и неистребимым здравым смыслом. На кроткую Марковну эта женщина с говорящим прозвищем «Дунька-угар» не очень похожа, хотя и проходит, подобно ей, из любви к мужу всю Россию до ее восточных рубежей. Древнерусский образец напоминает о себе здесь сочной и меткой народной речью героини и ироничным взглядом на события прошлого. Этой способности посмеяться над собой начисто лишен ее супруг, Калина Иванович, говорящий о своих прежних ошибках суконным языком партийных резолюций. Вообще попытку автора окружить его ореолом «мирской святости» (термин А.М. Панченко) нельзя признать удачной. Бескорыстный строитель «рая на земле», которому «вся страна была домом», подозрительно не укоренен в жизни и предвосхищает этим путь «летуна» Егорши Ставрова, побывавшего на всех ударных советских стройках. Калина и Евдокия Дунаевы образуют своего рода «близнечную пару», жизнеспособную лишь в единении двух противоположных начал, «небесного» и «земного» (впервые эта тема у Абрамова возникает в рассказе «Пролетали лебеди»).

Свои раздумья о прошлом России Абрамов продолжит при работе над исторической трилогией «Чистая книга», но прежде будет еще один «житийный опыт» писателя — рассказ «Из колена Аввакумова» (1978) [Абрамов, 2000, с. 447–457]. С его героиней, староверкой Соломеей, Федор Абрамов познакомился в фольклорной экспедиции 1939 года (в жизни ее звали Марья Андреевна Федорова), но написал о ней только почти через сорок лет. Судя по характерному изменению ее имени, писатель намеренно сгустил в этом образе «фамильные» черты старообрядческой субкультуры, по возможности очистив их от временных наслоений. Название рассказа не кажется преувеличением. Отсветы личности Аввакума и его великой книги явственно различимы в строе речи рассказчицы «жития» и ее непреклонном

характере, цельной и одухотворенной незримым присутствием Бога картине мира и чередовании эпизодов, посвященных борьбе веры и духа героини с телесными недугами, недоброжелательством односельчан и произволом властей. Впрочем, боль незаслуженной обиды от земляков знал и сам писатель Абрамов.

Некоторые мотивы рассмотренного рассказа, например, паломничество к месту казни Аввакума, перешли в материалы к его «Чистой книге». Эти материалы Федор Абрамов собирал четверть века, но вплотную приступил к работе над своей последней книгой незадолго до смерти, успев написать набело 18 глав. Реконструкция его замысла по сохранившимся фрагментам и материалам, подготовленным к печати вдовой писателя [Абрамов, 1998; Абрамов, 2000, с. 575–765], поражает масштабностью и глубиной. Замысел предполагал широкую картину жизни России с начала XX века до 1937 года из трех или четырех книг, проникнутых раздумьями о национальном характере и его исторических перспективах. Упоминание имени Аввакума и мысли о нем появляются в подготовительных материалах с середины 1970-х годов и вскоре, как и материалы о св. Иоанне Кронштадтском, были собраны в особую папку. В этих знаковых фигурах писатель видел два смысловых полюса повествования, являющихся олицетворением двух вечно спорящих ликов России в ее отношении к власти: Россию бунтующую и непокорную и Россию верноподданную. Важное место в общем замысле последней книги Абрамова занимали представители нескольких поколений староверческой семьи, в которую в результате замужества входила одна из главных героинь произведения Агния (Огнейка) Порохина. На примере этой семьи Абрамов хотел показать разные варианты судьбы старообрядцев в XX веке. В пределах нашей темы интересен образ главы семьи — Максима. Совершивший в юности паломничество к месту пустозерской казни, он навсегда был очарован идеей очистительной силы добровольного самосожжения. (В своих тюремных посланиях Аввакум с одобрением отзывался об этой крайней форме социального протеста.) По замыслу автора, в начале Гражданской войны Максим, всю жизнь искавший моральной чистоты, добровольно уходит из мира, охваченного безумием братоубийственной розни, дорогой «огненной смерти». Связано с образом мятежного протопопа и окончательное название последнего произведения Абрамова, несколько раз до этого менявшееся [Абрамов, 1998, с. 23]. В его основе придуманная Абрамовым легенда о сокрытой в недрах народной жизни «чистой книге» («белой грамоте»). Ее в кромешной тьме своей тюрьмы написал перед казнью Аввакум и как завещание передал на волю единоверцам. Тому, кто прочтет книгу, откроется секрет праведной жиз-

ни, но в руки она дается лишь человеку с чистым сердцем. По мысли автора, легенда отразила сильные и слабые стороны русского человека — его вечную тоску по идеалу и надежду достичь его не путем упорного самосовершенствования, а с помощью чуда. Осуществить этот интересный авторский замысел помешала смерть.

Вождь русского Раскола и священномученик Аввакум Петров остался в культурной памяти народа как борец за «народную правду», воплощение силы и слабостей национального характера, и автор гениального Жития. Все эти ипостаси мятежного протопопа отразились на страницах книг Федора Абрамова.

Список литературы

Абрамов Ф.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 2. М., 1981. 600 с.

Абрамов Ф.А. Чистая книга: Неоконченный роман / Введение, подгот. текста и коммент. Л. Крутиковой-Абрамовой // Нева. 1998. № 11. С. 23–110.

Абрамов Ф. Чистая книга: Роман, повести, рассказы, публицистика. М., 2003. 800 с.

Бушуева С.И. Мотивы, образы, сюжеты древнерусской литературы в современной советской прозе на примере творчества Ф.А. Абрамова. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988. 19 с.

Гродецкая А.Г. Ответы предания: Жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб., 2000. 262 с.

Груша С.А. Житие Артемия Веркольского в творческом осмыслении Ф.А. Абрамова // Слово: Сборник научных работ студентов и аспирантов. Вып. 8. Тверь, 2010. С. 74–75.

Груша С.А. Праведники и праведницы Федора Абрамова // Литература в школе. 2011. № 12. С. 23–26.

Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. 368 с.

Качурин М. «Все те же снега Аввакумова века»: Аввакум Петров и Варлаам Шаламов: Идейный мир жития // Новый журнал. 2004. № 237. С. 229–240.

Климова М.Н. О житийных традициях творчества Ф.А. Абрамова: Взгляд медиевиста // Археографический и источниковедческий аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 286–294.

Климова М.Н. От протопопа Аввакума до Федора Абрамова: Жития «грешных святых» в русской литературе. М., 2010. 135 с.

Климова М.Н. Три праведника села Пекашина: О житийной традиции в творчестве Ф.А. Абрамова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). 2001. Вып. 1 (26). С. 79–93.

Ковтун Н.В. Коммунар и страстотерпица как варианты жизненного самоопределения в романе Ф. Абрамова «Дом» // Характеры и судьбы: Проза Федора Абрамова. СПб., 2010. С. 47–67.

Ковтун Н.В. Мотив блудного сына в современной традиционалистской прозе // Притча в русской словесности: От средневековья к современности. Новосибирск, 2014. С. 435–447.

Летопись жизни протопопа Аввакума / Сост. В.И. Малышев; изд. подгот. Н.С. Демкова // Древнерусская книжность. Л., 1985. С. 292–320.

Лихачев Д.С. Юмор протопопа Аввакума // *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 59–70.

Лотман Л.М. Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX века: Взаимодействие и развитие // Русская литература. 1996. № 1. С. 19–44.

Нагибин Ю.М. Огненный протопоп // *Нагибин Ю.М.* Остров любви; Любовь вождей; Тьма в конце тоннеля; Моя золотая теща. М., 2004. С. 11–30.

Робинсон А.Н. Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 98–181.

Сарафанова (Демкова) Н.С. Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 329–340.

Шаламов В.Т. Избранное. СПб., 2003. 832 с.

СТАТЬИ-ПУБЛИКАЦИИ

УДК 93/94, 393

Л.А. Курышева
Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Дело о волшебнике Василии Недрагайлове из коллекции В.Н. Перетца*

Публикация судебно-следственного дела по обвинению в волшебстве раскольника Василия Недрагайлова, 1764 года.

Ключевые слова: Россия в XVIII в., народная культура, магия, судебно-следственные дела по обвинению в колдовстве, договор с дьяволом, заговоры, старообрядчество, В.Н. Перетц.

В обширный круг научных интересов Николая Николаевича Покровского входили исследования по народному религиозному сознанию, сочетающему магические представления с христианскими догматами, и по истории отношений светских и духовных властей к народным верованиям, реконструируемые на основе судебно-следственных дел о колдовстве [Покровский, 1975; Покровский, 1979; Покровский, 1987; Покровский, 1988].[1] Публикуемое ниже «Дело о волшебнике Василии Недрагайлове», приобретенное В.Н. Перетцем, судя по карандашной помете, в 1912 году, не было случайным документом в его коллекции. Несколько ранее Владимир Николаевич исследовал и опубликовал судебно-следственное дело дворового человека В. Данилова, подписавшего договор с сатаной [Перетц, 1907]. Н.Н. Покровский охарактеризовал своего ученого-предшественника как «одного из первых советских исследователей народной литературы и народного сознания» [Покровский, 1988, с. 163]. Находясь в 1934 г. в ссылке, В.Н. Перетц описал коллекцию рукописных книг, завещанных И.А. Шляпкиным Саратовскому университету.[2] На скло-

* Автор выражает сердечную благодарность за консультации при подготовке материала к публикации сотрудникам сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН С.Г. Петрову, Н.А. Старухину, И.А. Шипилову. Особая признательность автора за помощь и благожелательное отношение сотрудникам Отдела редких книг и рукописей НЗБ СГУ С.В. Клейменовой и Н.А. Попковой.

[1] Исследователи единодушно отмечают большой вклад Н.Н. Покровского, его единомышленников и учеников в возрождение интереса отечественной историографии к народному христианству: [Лавров, 2000, с. 15–16; Смилянская, 2016, с. 22–23; Михайлова, 2018, с. 11].

[2] О деле В.Н. Перетца и его ссылке в Саратов см.: [Аншин, Алпатов, 1994]. Описание рукописного собрания И.А. Шляпкина было опубликовано значительно позднее: [Перетц, 1960; Перетц, 1962].

© Курышева Л.А., 2020

не лет, в очень непростых моральных и бытовых условиях Владимир Николаевич укреплял дух работой. Несколько рукописей, принадлежащих ему лично, он передал в дар университету. В настоящее время они входят в фонд Отдела редких книг и рукописей Научной зональной библиотеки им. В.А. Артисевич СГУ.

Судебно-следственное дело о волшебстве, заведенное в отношении жителя раскольнической слободы Климовой Василия Недрагайлова, длилось около полутора лет (1763–1765) и было прекращено по причине смерти подозреваемого. Начало расследованию было положено репортом 28 августа 1763 г. войта слободы Климовой в волостную контору раскольничьих слобод о случаях «порчи и ума повреждения» в жителях слободы Климовой, особенно среди женского населения, с момента появления в ней Максима Бабушкина. Этот эпизод кликушества остался незамеченным административно-судебной машиной, которая занялась колдовскими умениями Бабушкина и его «ученика» в волшебных науках Василия Недрагайлова. На допросе 31 августа Бабушкин признался в том, что знает заговор от ружья и как «испортить» человека, а также повинился в злых действиях против климовского жителя. Промемория Киевской генерал-губернской канцелярии уточняет, что на втором допросе подследственный отказался от своих показаний о том, что «кланялся сатане», был допрошен с пристрастием и через три дня умер. Недрагайлов был допрошен в волостной конторе дважды — 4 и 6 сентября. На первом допросе он рассказал, что научился у Бабушкина вынимать женский след и «как кого портить» и признал свою вину — в том, что пользовался плодами любовной магии, что «испортил» собаку своего недоброжелателя. В описании магических действий присутствует договор с дьяволом (кровью из среднего пальца левой руки дал рукописание сатане на двадцать лет), от которого он отказался на втором допросе.[3] Обращает на себя внимание то, что отраженные в нескольких показаниях «алгоритмы» магических действий на порчу и любовный заговор имеют между собой некоторые расхождения. 13 сентября были допрошены жены подследственных. Жена уже скончавшегося к тому моменту Бабушкина отрицала какие-либо проявления склонности мужа к волшебству или еретичеству, однако показала, что от найденного ею в чулане странного печеного яйца сдохла соседская собака. Жена Недрагайлова так же свидетельствовала, что ее муж не делал ничего противного христианству, но упомянула о неких тайных письмах, которые писал вместе с Бабушкиным ее муж, и что, узнав от него

[3] О взаимном влиянии судебно-следственных дел и литературных произведений на сюжет о договоре с дьяволом, сказочных моделей см.: [Горелкина (Журавель), 1987; Журавель, 1996, с. 41–46; Смилянская, 2016, с. 75–77].

о том, что они предназначены для «приворота девок», «она на него намерена жалобу принесть свойственным ево и сторонним людем». Очень похоже, что каждый из супругов как мог старался своими показаниями облегчить участь другого, исходя из своих представлений о степени тяжести вменяемых вин: Недрагайлов признавал, что хотел навести порчу на климовского жителя, однако дескать его отговорила жена, и он «испортил» только его собаку, при этом он утверждал, что любовную магию использовал один раз до своей женитьбы; его жена Авдотья отрицала, что ей что-либо известно о намерениях мужа «спортить» соседа, но показывала на написание приворотных писем и сообщала следствию, что хочет мужа усовестить перед родственниками и знакомыми, то есть, возможно, хотела таким образом перевести официальное разбирательство в русло частного, семейного конфликта.[4] 25 февраля 1764 г. Недрагайлов был прислан в Киевскую генерал-губернскую канцелярию, 27 февраля состоялся допрос, а 5 марта он был отправлен в Киевскую духовную консисторию, поскольку дела о колдовстве рассматривались двумя ведомствами. Показательно, что Киевская генерал-губернская канцелярия, направляя дело на рассмотрение консистории, очень осторожно высказывает мягкую, «просветительскую» позицию насчет тяжести вины подозреваемого: «да и отрицание от Христа, Богаматери и святых и протчее, хотя им и чинено б было, но и то признаваетца, что делано им по ево лехкомыслию и суеверию».[5] Следствие длилось еще более года, Недрагайлов содержался в Старокиевской крепости и умер 8 апреля 1765 г., о чем говорит завершающий судебно-следственное дело документ — промемория Киевской генерал-губернской канцелярии в Духовную консисторию о смерти подозреваемого. Материалы дела содержат информацию о подследственном, его возрасте, происхождении, занятиях, бытовые подробности в том числе историю бегства его семьи из Белгородской губернии во владения панов Халецких, в слободу Ветку, поселившись в которой все члены семьи перешли в старообрядчество. По возвращении в Россию в 1754 г. семья была определена на поселение в слободу Климову.[6] Материалы дела рисуют бытовую сторону жизни этих старообрядческих центров.

---

[4] О защитных стратегиях подозреваемых, одна из которых признание наиболее безобидных пунктов обвинения см.: [Михайлова, 2018, с. 104].

[5] О смягчении позиции властей относительно тяжести вины колдовства, вехой которого стал Наказ Екатерины II: «колдовство больше не рассматривается в качестве реально существующего явления, а только как плод воображения» [Михайлова, 2018, с. 26].

[6] О центрах старообрядчества на Ветке и в Стародубье, в которое входила слобода Климова, см.: [Лилеев, 1895; Кочергина, 2011].

Дело о волшебнике Василии Недрагайлове 1764 года (ОРКР НЗБ СГУ, № 2885), форматом 1°, на 12 л. (пустые л.: 1 ненум. об., 9 об.). На первом листе документа пагинация отсутствует, после л. 9 следует лист с пагинацией «19». Филиграни: 1) АГ / [Pro Patria] + AG [лигатура] — Клепиков, 1959, № 20, 1762–1763 гг.; 2) АГ + AG [лигатура] — Клепиков, 1959, № 18, 1756–1766 гг.

Первоначально дело насчитывало 19 листов и при архивировании ему присвоили № 23: «Дело о присланном при промемории от Киевской губернской канцелярии расколнику Василию Недригайлову за умертвием его нерешенное 1764 года марта 6 дня № 23» (л. 1 ненум.). На л. 1 ненум. следующие делопроизводственные пометы: вверху листа «По описи № 18»; в левом поле листа «№ 45»; внизу листа по центру «По г. Киеву на 19». На л. 3 об. по нижнему полю: «Вписана в реестр по выемкам под № 23». На л. 19: внизу листа слева «Для ведома, что расколник Недрагайлов умре, № 23». На л. 19 об.: по верхнему полю слева «[нрзб.] девятнатцять листов»; в нижнем правом углу «№ 23». Несмотря на то, что первоначально в деле было 19 листов, исходя из содержания бумаг, с большой долей вероятности можно считать, в нем представлен полный комплект документов (они упомянуты в «промемории», содержательные выпадения отсутствуют).

Состав «Дела о присланном при промемории от Киевской губернской канцелярии расколнику Василию Недригайлову за умертвием его нерешенное 1764 года марта 6 дня № 23»:

1. Промемория из Киевской генерал-губернской канцелярии в Киевскую духовную консисторию о расследовании дела о волшебстве и о послании обвиняемого В. Недрагайлова в консисторию, 5 марта 1764 г., л. 1–2 об., оригинал.

2. Доношение из Волостной конторы описных раскольничьих слобод в Киевскую генерал-губернскую о следствии в отношении М. Бабушкина и В. Недрагайлова, 6 февраля 1764 г., л. 3–4 об., заверенная писарская копия.

3. Протоколы показаний В. Недрагайлова, М. Бабушкина, жен обвиняемых на допросе в Волостной конторе описных раскольничьих слобод, 31 августа — 13 сентября 1763 г., л. 5–8 об., заверенная писарская копия.

4. Протокол показаний В. Недрагайлова на допросе в Киевской генерал-губернской канцелярии, 27 февраля 1764 г., л. 9., заверенная писарская копия.

5. Промемория из Киевской генерал-губернской канцелярии в Киевскую духовную консисторию о смерти Василия Недрагайлова, 17 мая 1765 г., л. 19, оригинал.

Владельческие записи В.Н. Перетца: 1) на бумажной обложке документа — «Дело о волшебнике Василии Недрагайлове 1764 года / 12 лл.»; 2) в правом нижнем углу на л. 1 ненум. карандашная помета: «В. Перетц 1912 г. / 3 р[убля]». На бумажной обложке документа в левом верхнем углу приклеена бирка: «Главн. библиотеки / № 2485».

Документ публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов». Название документа воспроизводится по заголовку дела. При передаче текста используется современный шрифт; выносные буквы вставлены в строку; «ер» сохранен только в середине слова, в том числе при переносе слова на новую строку; «й» поставлен по современному написанию; расстановка знаков препинания по возможности приведена в соответствии с современными правилами. Разбивка текста на абзацы сделана по смыслу. Квадратными скобками обозначены восстановленные фрагменты, условно-прочтенные фрагменты и фрагменты, которые прочесть не удалось. В сносках, обозначенных буквенной нумерацией, отмечены исправления. Делопроизводственные и канцелярско-архивные пометы отражены в археографической легенде в цифровых сносках.

Дело о волшебнике Василии Недрагайлове 1764 года

№ 1. Промемория Киевской генерал-губернской канцелярии в Киевскую духовную консисторию о расследовании дела о волшебстве и о послании обвиняемого В. Недрагайлова в консисторию. 5 марта 1764 г., г. Киев

л. 1

Промемория
из Киевской генерал-губернской канцелярии
в Киевскую духовную консисторию

Минувшаго февраля 25-го дня при доношении описных расколнических слобод из канторы прислан расколнической же слободы Климовой житель Василей Недрагайлов, а во оном доношении и в приложенной с допроса ево копии показано, что он, Василей, в прошлом 1761-м году во время жития ево в работниках у климовского жителя Акима Сорокина, у которого тогда ж в работниках же жил тамошней климовской житель Максим Бабушкин, обучался у него, Бабушкина, делать наговор к приведению к себе женского пола на блуд. И тот наговор делается с призыванием бесов, до трех раз берется от следа женского песок или земля и держится в духу трое сутки. И в те сутки как креста не носить, так и Богу не молится. И то наговорное давать

женскому полу в каком питье или пище. А естли какова человека похочет испортить, то он рекаетца Христа и Пресвятой Богородицы и всех святых, приходит[a] к воде, став на распятие Христово ногами, ругает крест и плюет на него, призывает нечистыя духи и посылает в человека, которого намерен испортить, а наговорнаго пить или есть не дается. И то отрицание от Христа и Богородицы и всех святых он, Василей, делал и, становясь трижди на распятие, плевал на оное роспятие и клянялся самому сатане. И давано ему в послушание по пятитесят бесов. И дал он, Недрагайлов, на себя самому сатане писмо на дватцать лет. И писал своею
л. 1 об. кровию // из средневого палца, что подле мезинца левой руки. А потом де он, Недрагайлов, в вторичном пополнительном допросе то, данное на себя писмо, отменил, что такова писма своею кровию не писал и сатане не давал.

И по той науке в прошлом же 1762-м году, будучи он, Василей, в городе Батурине на каменной работе, над малороссийскою девкою Прасковьею, вынимая след, наговор делал, и потому она к нему приходила, с которою он и жил блудно до самого из Батурина отхода. Да в прошлом 1763 году весною по злобе намерен был спортить слободы Климовой жителя Агафона Жихоря. Толко де до того жена ево, Васильева, с прещением не допустила. Однако он, Василей, сабаку оного Жихаря с призыванием бесов спортил, что и трех дней не могла быть жива. И в том обучении он, Василей, показанного Бабушкина на оной ставке уличал, токъмо де оной Бабушкин чинил запирателство, а с пристрастного под битием плетми допроса во всем признался, почему посажен был в острог, где на третей день умре. А жены означенного Бабушкина — Марфа Васильева, а Недрагайлова — Авдотья Петрова показали, что они за мужьями своими никакова волшебства не видали. Толко де Бабушкина Марфа Васильева, нашед у себя в чулане печеное куриное ейце, и с повеления ево, Бабушкина, бросила за окошко на дъвор. И оное ейце тамошнего писаря Гладкова сабака съела и на третей день здохла, о чем в том доношении и в приложенных допросех показано.

Имянно и во обстоятелстве того, означенной Василей Недрагайлов в Киевской генерал-губернской канцелярии в
л. 2 присудствии, // подлинно ль он того волшебства и порчи людей и протъчего и о наговорах женского полу к блуду у

[a] *Испр., в ркп* приходить;

помянутого Бабушкина учился и знает, допрашиван и показал, что он кроме одного наговору женска полу на блуд никакова волшебства и порчи людей и скота от него, Бабушъкина, и не от кого не обучался и не знает. И оной Бабушкин таково волшебства и порчи знал ли или нет, как от него, Бабушкина, так и не от кого, не слыхал, а толко изучился у него, Бабушкина, одного наговору женского пола на блуд. И по той науке, в бытность ево в 1762-м году в городе Батурине на каменной работе, стоя на наемной квартире у тамошнего жителя, прозываемого Вороны, над служителкою ево, девкою Прасковьею Ивановною, к блудному делу наговор чинил, толко блуда с нею не делал, а пивал от нее безденежно пиво. А боле етого одного случая ни над кем таковых наговоров женскому полу на блуд не делал.

И хотя в тех доношении и показании ево, Недрагайлова, в Волостной канторе и объявлятца, якобы он, Василей, клянялся самому сатане, и даваны ему во услужение дьяволы, того Киевская генерал-губернская канцелярия в ыстинну не утверждает, да и отрицание от Христа, Богаматери и святых и протчее, хотя им и чинено б было, но и то признаваетца, что делано им по ево лехкомыслию и суеверию. А понеже дела богохулные, еретические, расколные, волшебные по состоявшимся в 1722-м году июля 7 дня от Святейшаго Синода докладным пунктам подлежат Духовному суду, да и сам он, Василей, как по вышепомянутому доношению показано, в том богопротивном своем действии при мощах святых желает принять покаяние. //

л. 2 об. Того ради по указу ея императорскаго величества в Киевской генерал-губернской канцелярии определено: предписанного климовского жителя Василья Недрагайлова для поступления с ним в вышепомянутых, принятых им от показанного умершаго расколника Максима Бабушкина, науках по духовным правам и указам отослать в Киевскую духовную консисторию, которой при сем и послан. И когда об нем в той консистории дела окончаны будут, благоволено б было ево, Василья Недрагайлова, для надлежащаго с ним в силе указов определения прислать обратно в Киевскую генерал-губернскую канцелярию. И естли ево, Василья, в духовной консистории содержать будет нечем, в таком обстоятелстве посланным в Киевскую обер-коменданътскую канцелярию указом определено под караулом содержать ево в Старокиевской крепости и по требованию

оной консистории к надлежащему следствию представлять. И Киевская духовная консистория о вышеписанном благоволит учинить по ея императорскаго величества указом. А с присланных из волостной канторы доношения и допросов, то ж со учиненного в Киевской генерал-губернской канцелярии допроса, копии прилагаются при сем марта 5 дня 1764 года.

Иван Гводос [?]
Петр Рагазин
Михайла Макаров
Калежской ассесор Максим Нелюбов

ОРКР НЗБ СГУ, № 2885, л. 1–2 об.
Оригинал.[1] *Коричневые чернила*

№ 2. Доношение из Волостной конторы описных раскольничьих слобод в Киевскую генерал-губернскую канцелярию о следствии в отношении М. Бабушкина и В. Недрагайлова. 6 февраля 1764 г., сл. Климова

л. 3 Копия

В Киевскую генерал-губернскую канцелярию
из Волостной государевых описных малороссийских
расколнических слобод канторы
Покорное доношение

Минувшаго августа 28 дня 1763-го году ведомства Волосътной канторы государевой описной слободы Климовой войт Карп Глушенков репортом во оную кантору представил, в котором между протчим написал.

Сначала де поселения слободы Климовой над обывателми никакой порчи и въреда никому никогда не было. А когда в прошлых не в давних годех вышел из-за границы некакой российской человек Максим Бабушкин, с того времени в слободе Климовой появилася в народе, а более в женском поле, немалая порча и ума повреждение. Многия ж из жен якобы от него, Бабушъкина, в повреждении ума своего временем крайне страждут и действително на

[1] *На л. 1: по верхнему полю* № 548 и 1764 года марта [*нрзб.*] подано за числом [*нрзб.*] до[*нрзб.*]*; в левом поле* № 476*; по нижнему полю* отдана в п. к. п. саву[*нрзб.*] сентября [*нрзб.*]. *На л. 2 об.: личные подписи Ивана Гводоса[?], Петра Рагазина, Михайла Макарова; внизу листа справа заверительная запись:* Калежской ассесор Максим Нелюбов*; другим почерком в нижней части листа над заверительной записью:* Вписана в реестр по выемкам под № 23.

него выкликают. Он же, Бабушкин, несколко жил в слободе Климовой у Ивана Рукавишникова и, как толко от них отъшол, то вскоре оной Рукавишиков з женою своею временно начал ума своего лишатся, так что многократно из памети выходил. И ежели бы де за ним не смотрение было, то б де себя или многих других, будучи поврежден в разуме, погубить мог, котораго и жена то ж на него, Бабушкина, в повреждении ума своего объявляет. А ныне не безъизвестно есть, что у означенного Бабушкина во учениках того ж
л. 3 об. богопротивного волшебнаго действа // находился климовской же житель Василей Медведев, он же и Недрагалойлов. Да и жена означенного Бабушкина приличные к волшебству средствы на него в народе объявляет. И чрез некакие случаи и в[б] народную молву известно есть, якобы он, Бабушкин, того злокозненного дияволского действа был в научении у климовскаго жителя Маркела Дмитриева, которой ныне по пашъпорту в отлучке находится. О чем Волостной описных слобод канторе он, войт Гушенков, представил, не благоволено ль будет в пресечение того безбожнаго дияволского волшебнаго действа оных волшебников сыскать и поступить с ними в силе законов и государственных прав. Дабы оное оное злокозненное[в] дело размножится не могло.

И потому оные волшебники те, климовские обыватели Максим Бабушкин и Василей Недрагайлов, в Волостную кантору сысканы, и в силе указного повеления волостным бурмистром Хрущевым с некоторыми первостатейными слобожаны были порознь неоднократно увещеваемы, чтоб доброволно в том[г] признались и принесли покаяние, дабы впред таковых богопротивных дел не чинили. По которому увещеванию вышереченной Недрагайлов признался и объявил, что хотя он валшебства еще никакова на над кем не чинил, но толко у вышепомянутого Максима Бабушкина действително учился как приворот к себе женскаго пола,
л. 4 так и протчего // волшебного действа, и по ево велению на крест петою, а лицем на запад становился и чинил отрицание, о чем пространно в ево, Недрагайлова, допросе изъяснено обстоятелно. Почему был с реченным своим мастером Бабушкиным сведен на очную ставку, на которой в глаза оного, мастера своего, уличал, объявляя времена и места, на которых то учинение производилось, и советывал ему,

---

[б] *вписано над строкой;* [в] *испр., в ркп* злокозненные*;* [г] *далее в квадратных скобках* в том.

чтоб и он таковое ж признание учинил и принес покаяние, какое и он. Но ни[д] на его, Недрагайлова улики и советы, ниже бурмистра волостнаго и лутчих людей увещании ево, Бабушкина, к признанию склонить не могли. Хотя и признавалась из премен лица ево, что с мыслеми своими боролся, однако доброволно признатся не хотел. И волостной бурмистр Хрущев по совету тех лутчих людей принужден был под сечением плетми спрашивать, от чего едва признавался, почему посажен был в острог, где на третей день умре, не хотя принесть никакова покаяния. По смерти ж ево помянутой Недрагайлов держан был под караулом и увещеваем был в присудствии нас, ниже имянованных, немалое время, что не напрасно ль он как на себя, так и на того умершаго Бабушкина, оное волшебство затеел. Но в том утвердился, что отнюд не затеел, а сказывал самую сущую правду[е]. А чтоб впред таковых богопротивных дел ему
л. 4 об. не чинить, // в том клятвенно обещался, однако ж был содержан до прибытия вышеозначенного климовского обывателя Маркела Дмитриева, дабы не можно ль чрез него дойтить до сущей правды. Но как оной, Маркел, в слободе Климовой оседлости не имеет, а может и не услышал ли, что их таковые мерские волшебствы наружу вышли, на срок не явился, и слуху о нем никакова нет. Реченной же Недрагайлов просил, чтоб отослан был в Киевскую генерал-губернскую канцелярию для испрошения милости, дабы повелено было ему в Киево-Печерской лавре принести в том богопротивном действии при мощах святых покаяние; которой с приобщением з допросов их справочных копей при сем доношении на высокое разсмотрение и благоволение в Киевскую генерал-губернскую канцелярию и посылается под присмотром февраля 6 дня 1764 года.

У подленного доношения подписано тако:

Григорей Титов
Григорей Бараздин

ОРКР НЗБ СГУ, № 2885, л. 3–4 об.
Заверенная писарская копия.[2] *Коричневые чернила*

[д] *написано над строкой;* [е] *испр., в ркп* павду*;*

[2] *На л. 3: в левом верхнем углу* Копия*; в левом поле* № 129. *На л. 3, 4 в левом поле часть скрепы* Калежской Ассесор*; внизу справа часть скрепы* С подлинными.

№ 3. Протоколы показаний В. Недрагайлова, М. Бабушкина, жен обвиняемых на допросе в Волостной конторе описных раскольничьих слобод. 31 августа — 13 сентября 1763 г., сл. Климова

л. 5 Копия

1763 года сентября 4 дня присланной при репорте от войта климовского Карпа Глушенкова климовской обыватель Василей Леонтьев сын Недрагайлов в волостной канторе допрашеван и показал следующее.

От роду ему, Недрагайлову, дватцать три года, родился он во Обоянском уезде в селе Немче, попов внук. Ис прежнего своего жилища отец ево и мать бежали и ево, малолетнова, свели в Полскую область, тому будет более пятнатцати лет. А какие форпосты шли и где границу проходили, тайно или явно, того он за малолетством не паметует. И жили в Полше в подданстве шляхтича Холецкаго в слободе Ветке лет з десять. А в прошлом 1754 году ис Полши со отцом, матерью и братом меншим вышли чрез указной Тимошнинскаго перевозу форпост с писменным известием. И явилися в Волостной канторе и определены на жителство в слободу Климову. В которой слободе отец ево умре, а он, Недрагайлов, по смерти родителя своего женился на клинцовской жителке Авдотье Петровой. И прижили с нею сына Андрея. А до женитбы за год холостой в прошлом 1761 году жил в наймах работы у климовскаго жителя Акима Сорокина один год. И при нем у него ж, Сорокина, жил в наймах же работы климовской житель Максим Бабушкин, с которым он, Недрагайлов, живучи у показанного Сорокина, имели между собою дружество. И по некоторому случаю, час от часу в разговорах будучи на пилусе, во-первых, он //
л. 5 об. Бабушкин по дружеству объявлял ему, Недрагайлову, что он знает заговорится от огненного ружья, что никто ево из ружья пострелить не может, хотя ж он, Недрагайлов, того от ружья заговору не обучался. При том же и то он, Бабушкин, показывал, что имеет он науку, чтоб кого из женского полу какую жену или девку к себе в любовь приворожить, чего он, Недрагайлов, от него, Бабушкина, живучи у показанного Сорокина, и обучился наговаривать, до трех раз по дьяволя науке призывая бесов, и вынимать женской или девичей след, брать на том следу песок или землю, и ту землю, завезав в платок, и держать в духу трои сутки, и

по трех сутках ту землю бросить. Тако ж все те трои сутки, сняв крест, на себе не носить и богу не молитца и то наговорное, кого пожелает в любовь себе привесть, девку или женку какую себе годную, давать в питье или в какой ни на есть страве. А чтобы как какова человека испортить, и о том он, Бабушкин, ему, Недрагайлову, сказывал, и он, Недрагайлов, тому как кого испортить и обучился. А хотя тот приворот девкам или женкам и вынятия следу и научился, ни над кем того в слободе Климовой наговору и вынятия следу не делал.

Толко де в прошлом 1762 году будучи он, Недрайгалов, в горде Батурине при гетманском дворе на каменной работе над малороссийскою девкою Прасковьею тот наговор делал и след вынел, которая к нему потому любовно приходила.
л. 6 И он, // Недрагайлов, с нею блудно жил до самого из города Бутурина выходу. А сего 1763 году вешним временем по зълобе на климовского жителя Агафона Жихаря немерен испортить, толко жена ево, Недрагайлова, с великим прещением не допуская ево, Жихаря, к порчи, отговаривала. Но толко он, Недрагайлов, ево, Жихарева, сабаку наговором, по дияволю новождению призывая и напрашивая бесов, испортил, что не могла и трех дней жива быть. А людей он, Недрагайлов, никого не портил. А ежели человека похочет испортить, то отърекаетца Христа и Пресвятой Богордицы и всех святых, приходит к воде, став на распяти христово ногами, и ругает крест и плюет на него, призывает нечистыя духи и посылает в того человека, котораго хочет испортить, а наговорнаго ничего пить или что съесть не дает.

А предписанной учитель ево, Максим Бабушкин, от кого тому богомерскому волшебству научен был, про то ему, Недрагайлову, не сказывал. А ево, Недрагайлова, когда Максим Бабаушкин тому волъшебству обучал, то и он отрицался Христа и Богородицы и всех святых и становился на распятие трижди, и плевал на него и кланялся самому сатане. И давано ему в послушание по петидесят бесов, и дал на себя он, Недрагайлов, самому сатане рукописание на дватцать лет. Написал своею кровию из левой руки из
л. 6 об. средняго палца, // что подле мезинца. Сим допросом показал он, Недрагайлов, самую сущую правду, в том и подписался: к сему допросу Василей Недрагайлов руку приложил.

1763 году сентября 6 дня в присудствие в волостной канторе присудствующих вышеобъявленной Василей Недрагайлов на первом своем вышеписанном допросе во всем безпрекословно утверждается. Толко де что во оном допросе своем показал, что якобы кровию из левой руки из средняго палца, что подле мезинца, рукописание написав, отдал на себя самому сатане на дватцать лет. Точию онаго рукописания кровию своею не писал и самому сатане не давал. В подлинном подписано тако: к сему дополнителному допросу Василей Недрагайлов руку приложил.

1763 году августа 31 дня сысканной в волостную кантору по репорту войта климовского Карпа Глушенкова климовской житель Максим Тимофеев сын Бабушкин при распрашивании ево против того репорта в знании им волшебства винился и показал. //

л. 7 Волшебству де он учился у климовского жителя Маркела Дмитриева, а умеет де тем волшебством и зделать призыванием бесов первое: ружье вымыть, что никто другой того ружья не испортить и никак не заговорить, чтоб оно не выстрелило; второе: вынять на земле след человеческой и тем того человека испортить. И помянутой де учитель ево, Маркел, тем волшебством испортил климовского жителя Ивана Руковишникова, он же, имянянной, — сына Ивана з женою ево Пелагеею. Сей допрос за случаем смертънаго часу им, Бабушкиным, рукою не подписан.

1763 году сентября 13 дня по производимом в волостной канторе о волшебниках делу климовския жители Марфа Васильева дочь, Максимовская жена Бабушкина, Авдотья Петрова дочь Васильева, жена Недрагайлова, в волостной канторе допрашеваны и показали следующее.

1[-я] жена

Марфа Васильевна показала. В прошлом 1761 году пред сырною неделею вышла она, Марфа, за климовского жите-
л. 7 об. ля Максима Бабушкина без всякого // принуждения по своей воли замуж и жила с ним до сего времени, а никакова за ним, мужем своим, волшебства и еретичества не знала, и никаких волъшебных наук или писменных волшебных книг под скрытием не видала, и м[е]жду разговоров от трезъвова и пьянова волшебных похвалок отнюд не слыхала. И никто к нему для обучения какова или от чего просячи в чем облегчения, в порчах состоящие, не прихаживали.

И никаких за ним пред образом божиим противных закону поступок, что не молится образу божию или на своем теле креста не носить, не видала, но всегда образу божию молился и в часовню ходил. Толко в нынешнем 1763 году августа, а которого числа не паметует, нашла она, Марфа, в доме своем в сенях в чюлане на полке куриное ейцо печеное, которое мужу своему, предписанному Максиму, объявила. Но оной де муж ея то ейцо велел бросить или самой сьесть, которое она бросила из ызбы за окно. И оное ейцо сьела писаря Петра Гладкова сабака, которая сабака по сьядении того ейца на трей день здохла. А кем то ейцо положено в чюлане на полке, она, Марфа, отнюд не знает. Сим допросом показала она, Марфа, праведно, в том и подъписалася в подлинном подписано тако к сим. //

л. 8 2[-я] жена

Авдотья Петрова дочь Васильева жена Недрагайлова показала. В прошлом де 1760-м году вышла она, Авдотья, за климовского жителя Василья Недрагайлова без всякого принуждения по своей воли замуж, и жила с ним до сего времени, и прижила с ним сына Андрея. А никакова за ним волшебства и еретичества не знала, и никаких волшебных книг под скрытием не видала, и нигде не нахажевала. Толко прихажевал неоднократно к нему климовской житель Максим Бабушкин, и писали некакие писма, на что она, Авдотья, мужу своему со огорчением выговаривала, что они тайные некакие писма пишуть. Но он де ей на то ответно объявил, что в тех их писмах, кроме единаго приворота жен или девок, ничего более не происходит. Но и за то она на него намерена жалобу принесть свойственным ево и сторонним людем. А чтобы климовского жителя хотел муж ея испортить, она того не слыхала. И якобы он испортил
л. 8 об. Жихареву сабаку, она, Авдотья, // отнюд не знает, и противнаго закону христианскому, что б муж ея не носил на теле своем креста или образу божию не молился, не видала и не знает. Сим допросом показала она, Авдотья, праведно, в том и подписалася. Допросам вместо вышеозначеных Марфы Васильевой, Авдотьи Петровой дочерей по их прошению климовской житель Филип Щапов руку приложил.

ОРКР НЗБ СГУ, № 2885, л. 5–8 об.

Заверенная писарская копия.[3] *Коричневые чернила*

[3] *На л. 5, 6, 7, 8 в левом поле скрепа:* Максим Нелюбов Калежской Ассесор. *На л. 6, 7, 8 внизу листа справа скрепа:* Канцелярист.

№ 4. Протокол показаний В. Недрагайлова на допросе в Киевской генерал-губернской канцелярии. 27 февраля 1764 г., г. Киев

л. 9 Копия

1764[-го] году февраля 27 дня присланной при доношении описных расколнических слобод из канторы слободы Климовой житель Василей Леонтьев сын Недрагайлов приличившейся в наговорах и волшебстве в Киевской генерал-губернской канцелярии в том допрашиван и показал.

Уроженец он Белгородской губернии Обоянского уезду дворцового села Немче, церковных причетников понамарев сын. И тому будет болея пятнатцати лет, отец ево и мать бежали за границу, да Василья малоленым вывели с собою. А на какие форпосты шли и где границу проходили, не знает. И жили в Полше в подданстве шляхтича Хольцкого, в расколнической слободе Ветке лет з десять, где, как отец ево и мать, так и он, Василей и брат ево Ефром, приняли расколническую веру. А в прошлом 1754 году ис той слободы Ветки со отцом и матерью и братом Ефремом вышли, и по явке на форпосте Тимошкина перевозу с писменным известием присланы в волостную кантору и определены на житье в слободу Климову, в которой слободе отец ево и мать померли. А он, Василей, по смерти отца и матери жил во оной слободе Климовой в наймах у тамошнего жителя Акима Сорокина один год, у которого тогда находился в работниках же климовской житель Максим Бабушкин. И живучи у него, Сорокина, в разговорах означенной товарыщ ево, Бабушкин, объявлял ему, Василью, якобы он знаеть заговор от ружья. А в какой силе тот заговор состоить, того ему не сказывал, и он, Василей, не знает. Толко научен от него, Бабушкина, делать приворот женской пол ко худу. А делается оной приворот таким случаем. Когда какая женщина или девка будет когда итти, то берется в ступени ее левой ноги песок или земля, и говорится при том некоторые речи, коих[ж] будеть до петнатцати речей толко.

ОРКР НЗБ СГУ, № 2885, л. 9.

Заверенная писарская копия.[4] *Коричневые чернила*

[ж] *далее в квадратных скобках* коих.

[4] *На л. 9: в левом верхнем углу* Копия*; в левом поле часть скрепы* Максим*; внизу листа справа часть скрепы* Дмитрей.

№ 5. Промемория из Киевской генерал-губернской канцелярии в Киевскую духовную консисторию о смерти Василия Недрагайлова. 17 мая 1765 г., г. Киев

л. 19

Промемория
из Киевской губернской канцелярии
в Духовную митрополии Киевской консисторию

Прошлого 1764 году марта 5 дня при промемории из оной Губернской канцелярии в Духовную консисторию отправлен был описной расколнической слободы Климовой житель расколник Василей Недрагайлов для поступления с ним в волшебных ево науках по духовным правам и указом. И ежели ево, Недрагайлова, в Духовной консистории содержать будет неким, в таком случае велено ево содержать под караулом в Старокиевской крепости. И по требованию оной консистории к надлежащему следствию отсылать. А минувшаго апреля 29 числа сего [1]765 году от киевского гарнизонного дежурства репортом объявлено, что оной расколник Василей Недрагайлов того апреля 8 числа, будучи под караулом, умре. Об оном Духовная Митрополии Киевской кансистория благоволит быть известна. Майя 17 дня 1765 году.

Варфоломей Ламев
Секретарь Иван Андреев
Канцелярист Дмитрий Ершов

ОРКР НЗБ СГУ, № 2885, л. 19.
Оригинал.[5] *Коричневые чернила*

Список литературы

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Арест и ссылка академика В.Н. Перетца // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. 1994. Т. 53. № 2. С. 78–82.

Горелкина (Журавель) О.Д. К вопросу о магических представлениях в России XVIII века // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 289–305.

Журавель О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск, 1996. 234 с.

[5] *На л. 19: по верхнему полю* № 1612 *и* Подана [*нрзб. несколько слов*]*; в левом поле* № 1566*; личная подпись:* Варфоломей Ламев*; внизу листа справа заверительные записи:* Секретарь Иван Андреев *и* Канцелярист Дмитрей Ершов*; по нижнему полю слева:* Для ведома, что расколник Недрагайлов умре, № 23.

Кочергина М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества 1760–1920 гг.: Демографическое развитие строобрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура. Брянск, 2011. 451 с.

Лавров А.С. Колдовство и религия в России: 1700–1740. М., 2000. 572 с.

Лилеев М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. Киев, 1895. 596 с.

Михайлова Т.В. От колдуна до шарлатана: Колдовские процессы в Российской империи XVIII века (1740–1800). СПб., 2018. 184 с.

Перетц В.Н. Из истории старинной русской повести // Киевские университетские известия. 1907. № 8–9. С. 1–87.

Перетц В.Н. Описание собрания рукописей проф. И.А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (часть первая) // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 361–466.

Перетц В.Н. Описание собрания рукописей проф. И.А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (часть вторая) // АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 398–502.

Покровский Н.Н. «Волхитные книжки» // Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1988. Изд. 2-е, доп. С. 154–185.

Покровский Н.Н. Исповедь алтайского крестьянина // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник 1978. Л., 1979. С. 49–57.

Покровский Н.Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII — начале XX в. Новосибирска, 1975. С. 110–130.

Покровский Н.Н. Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 239–266.

Смилянская Е.Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016. 384 с.

УДК 821.161.1: 281.93:239“192”

Н.А. Старухин
Институт истории СО РАН, Новосибирск

«...Человек религиозный и враг всякаго либеральничанья...»: Дневник Н.И. Субботина 1881–1882 гг.*

В статье вводится в научный оборот дневник известного исследователя старообрядчества, публикатора ряда материалов по истории староверия XVII–XIX вв. профессора Московской Духовной Академии Н.И. Субботина. Дневниковые записи создавались в канун очередного изменения правительственного курса, связанного с усилением консервативных, «охранительных» тенденций во внутренней политике России с начала 1880-х гг. В условиях наметившегося ужесточения цензурных ограничений, давления правительства на старообрядческие организации лидеры последних пытались в условиях активизировавшегося в предшествующие годы общественного движения по инерции отстаивать свои позиции. В то же время усиливалось противостояние между либеральными и более консервативно настроенными группировками в правительственном лагере и самих староверческих обществах. Не без основания претендуя на роль ведущего специалиста по истории старообрядческого движения, профессор Н.И. Субботин долгое время являлся основным консультантом по вопросам борьбы с ним для представителей гражданской и церковной администрации.

Ключевые слова: Н.И. Субботин, синодальная историография, раскол, старообрядчество, белокриницкое согласие, полемическая литература, апологетика, интеллектуальное лидерство, дневник.

Исследователям старообрядчества хорошо известно имя крупнейшего представителя синодальной историографии профессора Московской Духовной Академии Николая Ивановича Субботина. Огромное творческое наследие ученого, его публикаторская активность и по сегодняшний день поражают воображение: это и публикации источников, вышедших из староверческой среды, издававшиеся по его инициативе на протяжении более двух десятилетий объемные периодические издания и, конечно, любимый его труд — «Материалы для истории раскола за первое время его существования», издававшиеся с 1875 по 1890 г. [Марков, 1914, с. 183–185]. Н.И. Субботин являлся организатором Братства митрополита Петра, в основе деятельности которого лежала борьба со старообрядчеством. Формально оставаясь лишь секретарем Братства, Субботин, тем не менее, был его фактическим идейным вдохновителем, авторитетным интеллектуальным лидером, сыгравшем немаловажную роль в переходе ряда

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00094а «Интеллектуальный лидер и его окружение: Формирование социокультурной идентичности».

© Старухин Н.А., 2020

известных старообрядческих деятелей в официальное православие. Именно Николай Иванович, как правило, формировал коллектив, издательскую программу Братства, определял редакторскую политику журнала «Братское слово», к его консультациям регулярно обращались представители бюрократического аппарата, включая влиятельнейшего главу Синода К.П. Победоносцева. Вынужденный уход профессора Субботина с возглавляемой им в Московской Академии кафедры истории и обличения раскола так и остался не восполненным. Общественная позиция этого маститого ученого, тесно связанная с консервативно-охранительным курсом, изначально вызывала противоположные оценки. Изучение этой позиции, равно как и возможной эволюции взглядов Субботина на раскол Русской Церкви конца XVII столетия, его огромное творческое наследие, представляют тему отдельного исследования. Стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день последние публикации источников личного происхождения, связанные с Н.И. Субботиным, относятся к 1914 г. Речь идет преимущественно о переписке Н.И. Субботина с К.П. Победоносцевым, которой Субботин уже при жизни придавал исключительное значение. Именно публикатору названной переписки В.С. Маркову принадлежат слова: «Главная трудность, которую пришлось преодолевать..., чтобы овладеть ценной перепиской, представляла местами ужасная, почти неприступная ея внешность...» [Марков, 1914, с. 5]. В справедливости слов уважаемого протопресвитера вполне можно убедиться при работе с другим источником: обнаруженном в свое время в Архиве ГМИР дневнике, который Субботин вел с небольшими перерывами в течение 1881–1886 и 1893 гг.[1] Основная часть записей с 1883 по 1886 и 1893 гг. представлена рабочими выписками из периодических изданий и книг.[2] Больший интерес для нас представляют дневниковые записи 1881–1882 гг.,[3] поскольку они не только содержат комментарии Николая Ивановича к прочитанному, но и фиксируют наиболее на его взгляд важные события.

Вероятно, непосредственным толчком для ведения дневника явилась переписка с назначенным в апреле 1880 г. обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым. Начатая в октябре 1880 г., она практически без перерыва продолжалась до 1904 г. Необходимость ведения рабочих записей определялась и составлением достаточно многочисленных справок, а нередко и написанием работ, которые приходилось делать профессору по просьбе главы Синода (именно в «заказном» характере работ нередко упрекали Субботина его много-

[1] Архив ГМИР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1–18.

[2] Архив ГМИР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 1, л. 9 об.–18.

[3] Архив ГМИР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1–9.

численные оппоненты). Дневник писался коричневыми чернилами, на листах не переплетенной писчей бумаги. Хронологически записи охватывают период с января по май, ноябрь 1881 г. и с марта по ноябрь 1882 г. Лапидарный характер дневниковых записей объясняется, насколько можно догадываться, значительной издательской и общественной активностью ученого. Кроме того, перерывы в ведении дневниковых записей связаны и с трагическими обстоятельствами в жизни Н.И. Субботина — болезнью и последовавшей в августе 1881 г. смертью жены, а затем, в начале 1882 г., одного из сыновей.

Тематически записи можно сгруппировать следующим образом: реакция на публикации в либеральной прессе либо в изданиях иной направленности, но, как правило, с пристальным вниманием к церковной проблематике; события, связанные с издательской деятельностью либо общественной активностью старообрядцев. Первая запись дневника Субботина, датируемая 18 января 1881 г., посвящена информации о выходе в Австро-Венгрии первой старообрядческой «церковно-научно-нравственной и экономической» газеты «Старообрядец». Не мог не вызвать пристальный интерес обер-прокурора и Субботина и выход первых книг «турецкого подданного» В.М. Карловича «Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев». Запись об этом издании относится также к январю 1881 г., а информацией о выходе второго тома книги заканчиваются записи в ноябре 1882 г. В заключение отметим, что, на наш взгляд, дневник Н.И. Субботина является необходимым связующим звеном с еще не достаточно изученной его перепиской и личным архивом, рассредоточенным по разным хранилищам. Научная разработка всего комплекса материалов стала бы необходимым шагом в деле изучения творческого наследия крупнейшей фигуры синодальной историографии, общественной позиции ученого, должной оценки того значительного вклада, который он внес в публикацию и сохранение документальных и повествовательных памятников, создававшихся русскими староверами.

При публикации сохранена орфография источника, авторское написание заглавных букв. Авторские исправления, намеренное написание автором отдельных слов строчными, а не прописными буквами оговорены в подстрочных примечаниях. Все подчеркивания, нумерация страниц цитируемых периодических изданий, а также вопросы и восклицательные знаки, заключенные в круглые скобки, — авторские. Сокращенные слова, имена и отчества восстановлены в квадратных скобках. Нерасшифрованные места выделены угловыми скобками. Знаки препинания по возможности расставлены в соответствии с современными требованиями. Переводы иноязычных выражений,

разъяснения к упоминаемым на страницах дневника периодическим изданиям, фамилиям и именам приводятся в комментариях в конце текста.

Дневник Н.И. Субботина 1881–1882 гг.

1881

л. 1 Генваря 18. Приехал о. архимандрит Павел,[1] привез письмо к пр[еосвященному] Амвросию[2] от К.П. Победоносцева,[3] которым поручает нам дать мнение по вопросу: может ли быть допущена к свободному обращению в России газета «Старообрядец»,[4] о чем редактор ея обратился с просьбою к Министру Внутренних Дел, а сей последний с запросом к обер-прокурору.

19 утром записка приготовлена и с о. Павлом отправлена к пр[еосвященному] Амвросию для пересылки в СПб. См[отри] черновую.[5]

Февраля 2-го. Получил письмо от К.П. Победоносцева от 30 янв[аря]. Спрашивает мнение о просьбе заграничнаго еп[ископа] Алипия[6] к Мин[истру] Вн[утренних] Дел приехать в Измаил. Ответ написал ныне же и отдал на почту вечером. См[отри] черновой.

8-го. Получил письмо от пр[еосвященнаго] Амвросия, — пишет, что К[онстантину] П[етровичу] желательно знать, пришла ли мне конфискованная цензурой книга: «Историческия изследования, служащия к оправданию старообрядцев», соч[инение] В.М.К. 1881.[7] Ныне же ответил, что знаю только, что книга прислана сюда в духов[ную] цензуру и находится у Ф.А. Сергиевскаго.[8]

9-го. Был у Ф.А. Сергиевскаго: слушал некоторые места из книги В.М.К. и пришел к заключению, что это работа Верховскаго.[9] Ожесточение против м[итрополита] Филарета,[10] благодарения <нрзб> Филиппову[a],[11] а главное — постоянно повторяемое словцо «архипастырство» — признаки весьма ясные. //

л. 1 об. 11 февр[аля]. Был в Москве. Доставил пр[еосвященному] Амвросию для доставления К.П. Победоносцеву составленную по его поручению записку о предполагаемом даровании полных религиозных прав расколу.[12] Приложил и письмо.

---

[a] *Испр., в дневнике* Филипова;

12. Получил письмо от о. Филарета,[13] уведомляет о смерти Виссариона[14] и о предложении поставить ему преемника.

13. Послал письмо к К.П. Поб[едоносцеву] с уведомлением о Виссарионе, дополнение к тому, что писал по вопросу о дозволении Алипию приехать в Измаил.[15]

16. Прочел хваленую статью Немировича-Данченко[16] о Валааме под названием: «Крестьянское царство» («Рус[ская] Мысль» № 1, 166–226). Написана талантливо, мастером описания природы, бойко переданы речи монахов, и особенно простонародья. Но сильно подозревается, что речи эти, особенно монашеския, деланы и придуманы во многих местах: монах из мужиков говорит у него: «сужет» и «кавалер». Сравни сия <нрзб> речи неправильныя: «человецам» (212), монах, стучась в келью, говорит «Святый Боже, святый крепкий...» (217). Такия вещи возбуждают недоверие и к остальному. Не обошлось и без людей «древляго» благочестия. Уважение в монастыре видно побольше к крестьянской силе, которою крепка обитель: в этом отношении характерно и самое название статьи. Вообще же не подлежит сомнению, что автор из нынешних либералов, свысока смотрящих на религию и особенно православие. Вот достойное особеннаго внимания место из пятой[б] главы излагающей (будто бы) историю Валаама[в]: «Камни алтарей не раз орошались здесь кровью человеческих
л. 2 жертв и, // брызгая в лица богомольцев, жрец священнодействовал с тем же глубоким убеждением в своей правоте, с каким впоследствии византийские попы жгли в срубах старообрядцев и расколоучителей. Как видите (!) поп византийский в этом отношении мало чем отличался от попа Велесова[г]...».[17] «Местное предание, которому серьезные историки не особенно верят, говорит, что св[ятой] ап[остол] Андрей Первозванный, просветитель скифов и славян, из Киева добрался до Новгорода, а отсюда по реке Волхову, до Ладожскаго озера. Доплыв до Валаама, он тотчас же занялся истреблением капищ и идолов, — дело, за которое ни одно археологическое общество его бы не поблагодарило. К сожалению, предание не объясняет, во главе какой рати прибыл сюда святитель, и действия его среди

[б] из пятой *написано дважды, первая запись зачеркнута теми же чернилами;* [в] *после двоеточия зачеркнуто теми же чернилами* Местное предание которому; [г] *испр., в дневнике* велесова;

чуждаго ему населения не походили ли на современныя нам взыскания податей и недоимок ретивыми становыми и исправниками?» (190).

28. Получил письмо от пр[еосвященнаго] Амвросия с отзывом обер-прок[урора] о моей записке[18] и предложением воспользоват[ь]ся напечатанием ея в большем количестве экз[емпляров]. Вечером 1-го марта написал ответ К[онстантину] П[етрови]чу. В письме упоминаю с огорчением о том, что узнал, бывши в Москве 23 числа, именно, что Филиппов привез в Москву и отдал Пафнутию наш отзыв о записках Мельникова[19] и Лазаревскаго,[20] составленных по поручению Толстаго, и что Пафнутий ездил по Москве читать их своим знакомым.[21] //

л. 2 об. Март. 2-го утром получил первыя страшныя вести о страдальческой кончине Благочестивейшаго Императора Александра Николаевича. 4-го принита <нрзб> присяга на верноподданство Императору Александру Александровичу — в Доме призрения и в Академии.[22]

4. Любопытное известие «Голоса»[23] (№ 48). В заседании уголовнаго отделения юридическаго общества «В.В. Спасович[24] приводил сообщение свое о несовершенстве действующаго уголовнаго законодательства по вопросу о религиозных преступлениях. По словам г. Спасовича, редакционный комитет уголовнаго отделения, наметив этот вопрос, предложил изложить разработку на гг. Неклюдова,[25] Таганцева,[26] Кони[27] и Спасовича; из них г. Таганцев должен будет заняться богохулениями и порицанием святыни и Кони ересями и расколами».

10. Прочел начало воспоминаний гр[афа] М.В. Толстаго («Рус[ский] арх[ив]»[28]). Читается с интересом. Самое лучшее — некоторые записки Ф.А. Голубинскаго,[29] именно его (прекрасные) стихи в альбом (стр[аница] 264), характеристика ректора Поликарпа[30] (288) и латинская надпись на книге Фомы Кемп[ийскаго][д] подаренной Толстому при прощании (313). Но без лишняго и невернаго, и даже тенденциознаго, не обошлось. Лишнее — нелепые стихи П.С. Делицына[31] на приезд Имп[ератора] Николая в Лавру (296. «Небесная кровь»[32]). Тенденц[иозная] неверность — объяснение увольнения Поликарпа доносом А.Н. Муравьева,[33] оскорбленнаго выходкой Поликарпа (288). //

[д] *вписано поверх строки теми же чернилами;*

л. 3 Видна не любовь к Муравьеву, который <нрзб> и знал, и сам не любил Толстаго.

11. В «Востоке»[34] (№ 87). «Газета «Старообрядец», требуя религиозной свободы для 15 000 000 старообрядцев (не много ли?) замечает, что во всех противу государственных политических преступлениях ни один старообрядец не замешан, что свидетельствует и газета «Голос»; во всех процессах противугосударственных оказываются деятели — дети русскаго левитства, воспитанные на церковныя деньги в духовных учебных заведениях, да в добавок жиды и прочее отребие человечества.

18. Получил чрез пр[еосвященнаго] Амвросия от К[онстантина] П[етровича] 10 экземпляров отпечатанной моей записки. Пишет, что напечатал 1200, но 900 оставил в листах; обещает еще прислать, если нужно.

23. В № 81 «Москов[ских] Вед[омостей]»[35] известие из «Правит[ельственного] Вест[ника]»,[36] что 17 марта представлялись Государю «выборные» от I[e]. Дворян. II. Земств. III. Городове. IV. Различных учреждений и сословий:

1. Варшав[ского] университета. 2. Франкобелгийской колонии в Москве. 3. Московских старообрядцев. 4. Московского мещанского общества. 5. Московскаго Еврейскаго общества. 6. Московскаго биржеваго купечества. 7. Московскаго ямскаго общества и проч.

26. В красной «Рус[ской] Старине»,[37] среди забористых статей, «Украинофильство» Костомарова (кн[ига] 2, стр[аницы] 319–331),[38] «Записки сельскаго свящ[енника]», — какого-то попа саратовскаго, «запоздалаго подражания Белюстину»[39] (и какое отношение имеет все это к «Старине»?). Любопытно письмо этого попа Семевскому
л. 3 об. по случаю присылки Суворовым[40] 100 р. // сер[ебром] к тому[ж] священнику. Беднейший край описал этот поп: здесь Суворов, берущий взятки с раскольников, прославляется даже за любовь к церкви. А сдается, что деньги-то он прислал священнику только потому, что он терпит притеснения о[т] какого-то бывшаго чиновника гр[афа] Муравьева,[41] столь ненавистнаго Суворову, потому что был действительно русский человек. И среди этого вздора выдаются статьи Стасова:[42] «Училище правоведения сорок лет тому назад». Этот старый либерал, вроде новых нигилистов, проводит здесь ту мысль, что ученье и учитель в учили-

[e] *нумерация поверх строки теми же чернилами;* [ж] *зачеркнуто теми же чернилами;*

ще вздор, что надо предоставить свободу ученикам, — они сами со всем управятся. Особенно забота о нравственном и религиозном воспитании в духе прав[ославной] церкви[з], по его мнению, вредны. Вот наиболее характерные места: «К числу других изрядных нелепостей нашей тогдашней жизни принадлежало и кормление нас постным кушаньем по середам и пятницам. Кто это выдумал, я уже и не знаю, но это было тем не сообразнее (?), что постничанье, в течение круглаго года, нигде более не было тогда в употреблении в целой России в дворянских семьях, и существовало только у купцов, мещан и крестьян. Неужели надеялись, что и к нам привьется этот археологический курьез. Мы от всего сердца посылали эту не умную затею ко всем чертям» (кн[ига] 2, стр[аница] 403). Еще разсказывает, как его за то, что во время говенья читал «Разбойников» Пушкина,
л. 4 законоучитель М.И. Богословский[43] // не стал исповедать и приобщать, и как потом, когда он рвался к нему вполне разстроенный нервно, исповедал: «И исповедь моя совершилась. Как я великолепно спал в эту ночь! Так спал, как спят после счастливо[и] кончившагося припадка истерики, после прошедшей благополучно великой опасности» (414). А вот о церковных службах: «В воскресенье утром (нас заставляли) слушать обедню, а в субботу вечером всенощную. Для чего и на что было нужно устраивать для нас такое стеснение, я уж не знаю. К особенному благочестию нас все так и не приучили, а что мы всякую субботу вечер и воскресенье утро во всю ивановскую бранили училище и его начальство — это несомненно. Нас толпой вели в церковь, и мы принуждены были выстаивать там, в тоске и скуке то время, которое так прекрасно могли провести в гостях, в театре, или просто дома!... Зато же и слушали мы всенощную Бог знает как. Невесть что тянулось и мелькало в голове, пока продолжалось безконечное чтение[й] и изредка раздавалось с крылоса пение хора, котораго небольшая кучка освещалась маленькой восковой свечкой регента, стоящаго посредине. Многие побезсовестнее и поазартнее становились на колени и потом просто стояли, уткнувшись лбом в землю будто бы в глубокой молитве. Другие по получасу дремали, прислонившись плечом к стене, или товарищу понадежнее рядом. Утром в воскресенье обедня для нас начиналась //

[з] *вписано над строкой тем же почерком и чернилами;* [и] *поверх строки теми же чернилами;* [й] *перед словом* чтение *теми же чернилами зачеркнуто* пение*;*

л. 4 об. не сразу, как везде. Нет, наперед являлся к нам в большую залу наш священник, и, прохаживаясь пред строем воспитанников, читал толкования на Евангелие того дня. Намерение было, без сомнения, прекрасное, только во все 7 лет я на свою долю не слышал ни единаго слова этих толкований. Судя по разговорам товарищей, ровно столько же слышали и прочие из нас. У нас совсем другое было в голове: скоро ли начнется обедня? А когда начиналась обедня — если не все, то большинство только об одном думали: скоро ли она кончится, и скоро ли распустят по домам?» (кн[ига] 3, стр[аницы] 575–576). О товарищах тогда вот как отзывается: «Рыжий заика Чаплыгин, тупица из тупиц, ничтожнейший дурак из дураков» (590). Но вообще — воспоминания написаны талантливо и по местам читаются с интересом.

Апр[ель] 22. Получил письмо от К[онстантина] П[етровича] с вырезкой из газеты. 29 ответил на все справки о происходившем в Кузнецке.[44]

25. В апре[льской] кн[иге] «Рус[ской] Старины» есть продолжение записок саратовскаго попа, — все такая же гадость: особенно любопытны рассказы о том, какой сам он превосходный поп, и как его любят прихожане (стр[аница] 763 и след[ующие]). Почти рядом продолжение записок декабриста Беляева,[45] проникнутых арестантским духом и вовсе не подходящих к «Старине». //

л. 5 В майской кн[иге] «Старины» — окончание записок сарат[овскаго] попа. Куриозны след[ующие] слова: «Записки мои читали люди высокообразованные и высокопоставленные, каковы, например, светлейший князь Италийский, граф Александр Аркадьевич Суворов Рымникский». Рядом напечатаны «Мысли о расколе» князя Николая Алексеевича Орлова[46] (79–93[к]). Заслуживает разбора. Невежество и лживость вельможнаго автора изумительны столько же, как и подлая лесть пред ним редактора красной «Старины».

(После долгаго перерыва вследствие ужаснаго события в моей жизни — потери моей милой и незабвенной жены.[47])

Нояб[рь], 28. В октябр[ьской] кн[иге] «Старины» (стр[аницы] 367–368), в автобиографии гравера Пожалостина,[48] очень пустой, совершенно не кстати, потому по ходу, что он резал портрет м[итрополита] Филарета, приводятся два пошлых разсказа о Владыке, совершенно

[к] *вписано над строкой поверх зачеркнутого теми же чернилами* 109*;*

невероятные, «магистра духовной Академии Морева»[49] (о племяннике, котораго будто бы выпустил первым, и о каком-то монахе-студенте, сказавшем ему дерзость).

29. В майской кн[иге] «Историч[ескаго] Вестника»[л] (стр[аницы] 183–185) напечата[ны] «Выписки из памятных книжек Петра Вел[икаго]»,[50] доставленныя Есиповым,[51] и между ними следующая: «Чтоб написать книгу о ханжах и изъявить блаженствы (кротость Давидову и прочие), что не так, как они думают и приплесть к требникам,
л. 5 об. а в предисловии // явить то дельцом Ростовскаго с товарищи». В предисловие, составленном по просьбе редакции Костомаровым, сказано об этой вставке: «Петра[м] занимала мысль написать книгу о ханжах, что отчасти исполнено в Регламенте» (183).

1882 г.

Мар[т] 4. В 17 № «Гражданина»,[52] в рецензии на книгу Филиппова «Соврем[енные] Религиоз[ные] вопр[осы]» выписано все предисловие, и потом говорится: «От себя мы можем только одно сказать: мы приветствуем появление этой книги, столь давно ожидаемой людьми, сознающими крупное значение авторитета Т. Филиппова в вопросах, за изложение и разъяснение которых он берется с такою силою знания, мысли и веры, и такого изумительнаго, ему одному принадлежащего силою внутренняго и внешняго красноречия». «Мы кланяемся этой книге с тем же искренним чувством, с каким привыкли в личности автора видеть высокодаровитаго обладателя духовным сокровищем ума, сердца и веры, неуклонившемся (?) ни на иоту, в угоду князя века сего, от правды, не потраченным (?) ни на единое слово лести, неправды и уступки». Идолопоклонство, дошедшее под конец до безсмыслецы, даже до маниакской <нрзб>. //
л. 6 В № 57 «Цер[ковно]-Об[щественнаго] Вест[ника]»[53] ругательная заметка самого редактора на мой ответ «Новому времени».[54] Говорится между прочим, что я «жестоко браню» «Нов[ое] время» за то, что он «обвинил» меня «в несоответствии моих настоящих суждений о расколе с прежними полу-благосклонными (?) отзывами о нем», нападает на мои «приемы» и проч[ее].

[л] *в строке перед названием журнала теми же чернилами зачеркнуто* Старины*;* [м] *в строке перед словом теми же чернилами зачеркнуто слово* что*; поверх слов* Петра занимала *теми же чернилами проставлены цифры* 2, 1*;*

В майской кн[иге] «Ист[орического] Вест[ника]» статья Лескова «Церковные интриганы»,[55] содержащая разглагольствия по поводу книжки м[итрополита] Макария о п[атриархе] Никоне. Любопытна. Есть обычные лесковские нелепости и пошлости. Ниже доказательства его совершенной невежественности в деле, о <нрзб> пишет с развязностью ритора. Логина[н][56] смешал с Аввакумом, говоря о его «портишках», в которых «запутался» Мордовцев (368 и 382 стр. <нрзб>). Аввакум составил «отписки» о видении Неронова и подал царю... Будто митр[ополит] не делает указания, откуда берет разсказ о разговоре царя с Нероновым, и доказывает, что «может быть из рукописей Шушерина» (378). Обращик учености: ругая А.Н. Муравьева[57] говорит, что он manu intrepidae[58] совершал такие дела и проч[ее] (388). Заслуживает еще внимание статья Лескова «Иродова работа» в апр[ельской] кн[иге] «Вестника»: там есть exemplarus novus.[59] //

л. 6 об. В № 201 «Востока» (за 1882) начата статья в ответ «Прав[ославному] Обозр[ению]»[60] о книге Филиппова «Совре[менные] вопр[осы]». Дурново заявляет: «Ввиду нашего единомыслия с глубокоуважаемым автором».

В 9-й кн[иге] «Вест[ника] Европы» (1882) — статья «Записки о Сибири» «Благовещанскаго».[61] Не тот ли это начальник <нрзб>, спутник Порфирия,[62] что писал об Афоне? Безбожник и <нрзб> виден и здесь, — особенно во второй главе «Старообрядцы» (стр[аницы] 300–325). Упомянуто и «нечто г. Субботина», якобы ругающегося над старообрядцами. Сам восхваляет старообрядцев и вообще, тех[о] <нрзб> считает, разумеется, 15 млн., и особенно, сибирских. Усиливается, хотя без успеха, описать их высокую нравственность и <нрзб>, и в противоположность зверское отношение к ним правительства и миссионеров <нрзб>. О своих соб[ственных] наблюдениях говорит мало, больше выписывает из Максимова,[63] «Сибири»,[64] «Дела»,[65] «Рус[ских] Вед[омостей]»,[66] «Рус[скаго] Курьера»,[67] «Вест[ника] Евр[опы]». Таковы источники! Даже поп-либерал «Рус[кой] старины» приведен в свидетели жесткости и взяточничества миссионеров (1880, VIII, 705 и 399 <нрзб>). Невежество непроходимое! Из «Сибири», напр[имер], длинная выписка «сокрущающаго душу опи-

---

[н] *перед словом зачеркнуто теми же чернилами* Лазаря; [о] *перед словом зачеркнуто теми же чернилами* и особ;

сания» запечатанной церкви в раскол[ьническом] селе, где все покрыто толстым слоем пыли, и однако «иконы искрятся и блистают дорогими окладами и золоченым фоном», //
л. 7 «блистают лампады, подсвечники и порчевые одежды на столиках (?) и полках, сурово и неприветливо смотрят темные лики икон, покрытые толстым слоем пыли...»[п] (311–312). Приводит из «Курьера» (1880, № 337)[р] разсказ, как ген[енерал]-губ[ернатор] Муравьев приехал в раск[ольническое] селен[ие] «с двумя ротами солдат, двумя пушками и казаками» выручать заседателя, разыскивавшаго беглаго попа, и как делал здесь же строгости (315–316).[68] Из «Сибири» приводит разсказ, что старообрядцы близ Барнаула «призвали к себе Томскаго епископа (?), и он освятил им место для церкви», а когда церковь построили, то заседатель Пономарев разорил ее (310); а далее сам автор утверждает, что сибирские раскольники «о своих архиереях и не слыхивали». Кто ж этот Томский епис[коп]?[69] Об уставщиках безпоповских говорит, уставщик «почитается не[с] как духовная особа, а как ч[елове]к ученый, знающий больше других» и проч. (318). В заключение вот что говорится о раскольниках сибир[ских]: «Они касались таких философских и социальных вопросов, о которых православно-сибирская масса[т] никогда и не думала, и разрешали эти вопросы иногда на началах западнаго рационализма» (325). Похвально! //
л. 7 об. В <u>той же</u> книге (стр[аницы] 434–445)[70] хвалебная рецензия книги Филиппова «Совр[еменные] церк[овные] вопросы». Полезна, впрочем, с ограничениями. Безусловно похвалена только за статью против мнения <?> Нильскаго, и именно за то место, где упоминается о Горбунове.[71]

<u>28 ноября.</u> Игн[атий] Александрович привез восемь листов II-й части жидовской книги, начатой печатанием в какой-то типографии,[72] — на лутшей веленевой бумаге, очень хорошим шрифтом. Два листа составляют предисловие. Оно написано нынешним либерально-журнальным языком, со множеством иностранных слов, которыя под строкой переводятся, иногда дов[ольно] куриозно. Содер-

---

[п] *сноска внизу страницы к этой цитате:* «Любопытно еще здесь: около запечатанной церкви, даже “в траве не шелохнется ни одной насекомое”; нет никакого признака жизни, ничто не напоминает то, что вот под боком, в нескольких шагах от ограды находится большое, богатое село с <u>разгульным</u> (вот вам и нравственность!) более чем тысячным населением...»*;* [р] *вписано над строкой теми же чернилами;* [с] *вписано над строкой теми же чернилами;* [т] *перед словом зачеркнуто теми же чернилами* паства*;*

жание предисловия составляют газетные толки о безправии раскола и необходимости дать ему полную свободу. (Кажется, много взято у Юзова.[73]) Изследователи раскола из духовенства порицаются жестоко: «Они прибегают к устаревшим односторонним схемам превратнаго толкования фактов, по выворачиванию наизнанку актов и индуктивнаго метода» (!). На 13 стр[анице] примечание посвящено моей брошюре. 21 стр[аница]. Противники раскола «позволяют себе глумится, издеваться и наругаться над здравым элементом почти 15-ти миллионов чисто русскаго народа, они позволяют себе при всяком удобном случае топтать в грязь их свято-отечественное[у] знамя православия, их преданность к монарху и любовь к отечеству, их гениальный дух, их широкую промышленность, — словом,
л. 8 прогуливаются по старообряд//ческому вопросу на просторе» и т.д. На стр[анице] 28 говорится о издании 1-го тома, предпринимаемого для того, «чтобы доставить возможность государству и русскому обществу раз [и] навсегда убедится, — где именно правда. Но к сожалению, этой книге не суждено было попасть в руки правительства; причина тому была следующая: по напечатании этой книги (27 января 1881 г.) она была представлена на разсмотрение Моск[овскаго] ценз[урнаго] комитета, который страха ради не решился дозволить ее, и передал ее в Св[ятейший] Синод. Последний, опасаясь такого резкаго обличителя, а вместе с тем и современнаго прогресса, счел за лучшее ее сжечь». Далее выражается уверенность, что «настоящий монарх, раз вступив на путь законодательных реформ, не разделит пессимистическаго воззрения[ф] на старообрядцев, и в скором времени разсечет гордиев узел, именуемым старообрядческим вопросом согласно требованиям нашего времени» (29)... «Он даст широкий простор литературному культу (!), следуют похвалы «прогрессивным деятелям, стоящим на зените своего величия и призвания». Заявив, что желает[х] «оказать (своею книгою) государству[ц] и обществу серьезную услугу, без всякаго разсчета на вознагреждение, кроме нравственнаго удовлетворения, которое доставляет ч[елове]ку чувство добровольно[ч] исполняемого

[у] *слово вписано над строкой, зачеркнуто теми же чернилами* чтимыя; [ф] *зачеркнуто теми же чернилами* взгляда; [х] *вписано над строкой, теми же чернилами зачеркнуто* трудится; [ц] *перед словом теми же чернилами зачеркнуто* обществу и; [ч] *перед словом зачеркнуто теми же чернилами* удовлетвореннаго долга;

общественнаго долга» (32). Жид говорит о себе: «Я принадлежу не к русской национальности, но к русской религии, прибыл сюда из чужих стран, чтобы работать на пользу как русскаго народа, так потом и для более обширнаго //
л. 8 об. круга людей (?) — на столько обширнаго, но сколько вообще может быть услышан мой голос. Считаю за честь, что могу работать для великаго русскаго народа, считаю за честь, что могу принести ему какую бы то ни было пользу. Но притом не должен скрывать и того, что значительной части своего успеха (?) я обязан тем, которые дали мне возможность выступить с настоящими моими изследованиями; например: значительный материал перваго тома получен мною от одной особы, имя которую (имя которой?) назвать я не вправе; для настоящаго же тома покойный старообрядческий архиепис[коп] Антоний в продолжение многаго времени собирал этот материал и потом мне его передал. Т[аким] о[бразом] получил целый сборник совершенно сыраго, но весьма любопытнаго и важнаго для истории старообрядчес[тва] материала я употреблял немало времени для того, чтобы выбрать из него более нужные для этой цели предметы, разобрать и привести его в порядок, правильно сгруппировать факты, с разъяснением их вступительными и заключительными словами, и наконец дополнить их собранием собственнаго моего материала из след[ующих] книг». В числе оных книг значатся и «Соврем[енные] церк[овные] вопросы» Т.И. Фил[иппова] и «Сборник протоколов общ[ества] любит[елей] д[уховнаго] пр[освещения]»,[74] газета «Страна»[75] и газета «Рус[ский]
л. 9 Курьер» (34–36). // По видимому жид действительно пользовал сборник Анто[ния],[76] содержавши[й] выписки из многих полемических книг и сведет[ельств] важных раск[ольнических] мнений[ш], — на них и основано все содержание книги, им только предпосылают[ся] ругательства <нрзб> предислови[е], и в заключение прибав[лено] там же <нрзб>. По местам есть что-то напоминающее Пафнутия. Вот какия главы содер[жатся] в первых шести листах.

I. Как нужно произносить имя Спасителя: Иисус или Исус? (стр[аница] 1).

II. Как крестился Исус Христос: обливанием или погружением? (18)

[ш] *вписано над строкой теми же чернилами.*

III. Об обливательном крещении (25).

IV. Как молился Христос: стоя только на коленях, или преклонив лице свое к земле? (40).

V. Состав животворящаго креста был: двух-частный или трех-частный? (46)

VI. Каким перстосложением благословлял Исус Христос? (58)

VII. О защите никоновскою реформою троеперсти? (66)

VIII. Об отрицании никоновскою реформою трехперстнаго сложения и древних авторитетов, передавших (sic) его. (79)

В каждой почти главе возражает <нрзб> против, выхватывая из моей брошюры слова: «старообрядцы отделились от церкви, измыслив свои дотоле неслыханные религиозныя учения».

Архив ГМИР, ф. 24, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1–9. Автограф

Комментарии

[1] Павел Прусский (Петр Иванович Леднев) — архимандрит, настоятель Никольского единоверческого монастыря в Москве, известный писатель и миссионер. До перехода в единоверие в 1867 г. возглавлял один из известных старообрядческих федосеевских монастырей в Восточной Пруссии. Состоял в дружеских отношениях с Н.И. Субботиным [Субботин, 1902; Марков, 1914, с. 203–204].

[2] Амвросий (Ключарев) — настоятель одного из московских храмов, позже архимандрит, с января 1878 г. епископ Можайский, викарий Московской епархии. Приобрел известность как проповедник («церковный вития»), инициатор издания журнала «Душеполезное чтение». В сентябре 1882 г. переведен на Харьковскую кафедру. [Петруня, 2001, с. 143; Марков, 1914, с. 188–189].

[3] Константин Петрович Победоносцев — государственный деятель, правовед, профессор Московского университета. С января 1872 г. член Государственного совета; с апреля 1880 по 1905 г. обер-прокурор Синода; с октября 1880 г. член Комитета министров. Переписка К.П. Победоносцева с Н.И. Субботиным прослеживается с октября 1880 г. [Марков, 1914, с. 185–188; Полунов, 2010].

[4] «Старообрядец» — газета «церковно-научно-нравственная и экономическая», первый печатный орган староверов Белокриницкой иерархии, издававшийся за границей, в Коломые, по инициативе белокриницкого инока Николы (Чернышева) с 1878 г. Выход газеты был встречен доброжелательными отзывами в некоторых российских периодических изданиях. В силу противодействия властей

и части московских старообрядческих купеческих верхов, издание с перерывами выходило до 1888 г., когда оно полностью прекратило свое существование. Газета издавалась на славянском языке, ориентировалась на старообрядцев разных согласий. В издании помещались повествовательные источники, некоторые нормативные акты, биографии белокриницких иерархов, перепечатки российских изданий, выступавших за свободу вероисповедания и ослабления преследований старообрядцев со стороны правительства, корреспонденции староверов из России, в т.ч. Сибири. Иноком Николой предпринимались неоднократные попытки получить разрешение на распространение газеты в России, с чем, вероятно, связана публикация в отдельных номерах верноподданнических материалов. Известна крайне негативная реакция К.П. Победоносцева на выпуск газеты, на самого о. Николу, добившегося аудиенции с главой Синода через министра внутренних дел графа Н.П. Игнатьева в декабре 1881 г. Возможно, это послужило дополнительной причиной недовольства и самим Игнатьевым, отправленным в отставку в мае 1882 г. В негативном ключе отзывался об издании «гнусной газетки» и Н.И. Субботин, составивший подробную аналитическую записку Победносцеву о содержании газеты и ее «вредном направлении» [Марков, 1914, с. 191–194, 228, 236, 241, 243, 286; Субботин, 1902, с. 183].

[5] Н.И. Субботин, как правило, имел обыкновение оставлять черновые варианты составленных им документов, деловых писем в своем домашнем архиве. Их поиск — задача отдельного исследования.

[6] Алипий, Алимпий (Авдей Кузьмин; 1827–1899 гг.) — из крестьян Подольской губернии, старообрядческий епископ Тульчинский с 1878 г.; в 1883 г. стал наместником Белокриницкой митрополии. Как известно, семья Кузьминых была приписана для постоянного места жительства в г. Измаил Бессарабской губернии по достижении совершеннолетия будущего архиерея. В Измаиле Авдей служил около семи лет диаконом в двух местных белокриницких храмах. Приезд, вероятнее всего, не был разрешен, поскольку епископа Алимпия Субботин подозревал в том, что тот хотел посетить больного измаильского епископа Виссариона, скончавшегося в январе 1881 г., и участвовать в хиротонии другого белокриницкого епископа — Анастасия [Старообрядчество, 1996, с. 17; Марков, 1914, с. 194–198].

[7] Имеется в виду первый выпуск книги перешедшего в декабре 1867 г. в старообрядчество подданного Османской империи В.М. Карловича. Книга вышла без предварительной цензуры в одной из московских типографий, хотя в предисловии ко второму изданию приводятся несколько другие сведения (см. запись в дневнике Субботина за 28 ноября 1882 г.). Несмотря на то, что значительная часть

тиража была уничтожена, К.П. Победоносцева очень волновал общественный резонанс, вызванный выходом книги. Ее, по словам главы Синода, цитировали даже «ключевые» российские журналы. Авторство названной книги Субботину долгое время оставалось не известным, и он неоднократно приписывал его священнику единоверческой церкви Иоанну Верховскому [Карлович, 1881; Марков, 1914, с. 197, 222–223]. О В.М. Карловиче см.: [Боченков, 2020, с. 539–557].

[8] Филарет Александрович Сергиевский — протоиерей, профессор Московской Духовной Академии, племянник известного Московского митрополита Филарета (Дроздова). С 1857 г. член комитета по цензуре духовных книг. Являлся членом организованного Н.И. Субботиным Братства Петра митрополита, редактором миссионерских изданий. [Марков, 1914, с. 235].

[9] Иоанн Тимофеевич Верховский — известный публицист и религиозный мыслитель, священник, настоятель одного из единоверческих храмов Петербурга. Неоднократно выступал в защиту старообрядчества, за учреждение единоверческого епископата. В начале 1885 г. был вынужден уехать из страны, скрывался у староверов в Белой Кринице. Основные работы переизданы в 1886–1888 гг. в Черновцах и Лейпциге [Старообрядчество, 1996, с. 61–62].

[10] Филарет (Дроздов) — митрополит Московский и Коломенский с 1827 по 1867 г. Негативно относился к старообрядческому движению.

[11] Тертий Иванович Филиппов (1825–1899) — государственный деятель; с июля 1889 г. государственный контролер; публицист, член Русского географического общества, выступал за отмену клятв, положенных Собором 1666–1667 гг. на старообрядцев. По свидетельству С.Ю. Витте, Т.И. Филиппов «крайне злобно» относился к К.П. Победоносцеву. В 1882 г. выпустил, к явному возмущению Н.И. Субботина, книгу «Современные церковные вопросы», представлявшую сборник статей, напечатанных ранее в разных периодических изданиях [Филиппов, 1882]. Долгое время состоял в переписке с К.Н. Леонтьевым, который составил благожелательную рецензию на названную книгу, назвав ее «капитальным вкладом» «в сокровищницу нашей церковной литературы» [Пророки Византизма, 2012, с. 634–636]. О Т.И. Филиппове см.: [Боченков, 2020, с. 166–197].

[12] Имеется в виду составленная по личной просьбе Победоносцева и впоследствии изданная Синодальной типографией в 1881 г. в виде брошюры работа, получившая название «О сущности и значении раскола в России»; см. переиздание: [Субботин, 1892]. Просьба о составлении записки была изложена Победоносцевым в письме от 8 ноября 1880 г. В письме, в частности, говорилось: «...Нужен краткий исто-

рический очерк внутреннего движения в расколе особливо с образования Австрийской иерархии, без лишних подробностей... “Начальники и судьи” не имеют ни времени, ни охоты на продолжительное чтение, а воспринимают впечатление из фальшивых газетных проповедей...». Возможно, составление брошюры послужило одной из основных причин присвоения Субботину чина статского советника в апреле 1881 г. [Марков, 1914, с. 190, 202].

[13] Филарет (Федор Захарович Ульянов) — бывший белокриницкий инок, архидиакон и письмоводитель старообрядческой митрополии в Белой Кринице, «природный липованин». После перехода в единоверие в 1865 г. вместе с другими видными деятелями Белокриницкой иерархии епископами Ануфрием-Онуфрием (Парусовым), Пафнутием (Овчинниковым) и др., способствовал вывозу архива митрополии и передаче его Н.И. Субботину. Средства для этой «археографической экспедиции» выделил известный московский коллекционер-единоверец А.И. Хлудов, в собрании книг которого остался знаменитый «Белокриницкий устав», составленный иноком Павлом Белокриницким для австрийского правительства в 1841 г. После смерти Павла Прусского возглавлял Никольский единоверческий монастырь в Москве. До 1890 г. активно участвовал в издательской деятельности Братства Петра митрополита. Скончался 11 июля 1901 г. [Марков, 1914, с. 46–56, 370–371].

[14] Виссарион — старообрядческий епископ Васлуйский и Измаильский, до перевода на Измаильскую кафедру с 1873 по 1877 г. был епископом в Тульче. Умер в январе 1881 г. [Старообрядчество, 1996, с. 65; Попов, 1893, с. 605–606].

[15] Подразумевается письмо Н.И. Субботина К.П. Победоносцеву, написанное 12 февраля 1881 г. после сообщения о. Филарета (Ульянова) о смерти старообрядческого епископа Виссариона. В этом же письме сообщается и о предстоящей епископской хиротонии архимандрита Петропавловского монастыря Анастасия, на которую, по мнению Субботина, просил разрешения приехать упоминавшийся выше епископ Алимпий [Марков, 1914, с. 197–198].

[16] Речь идет о работе русского писателя, путешественника и журналиста, старшего брата известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко — Василия Ивановича (1844–1936). Упоминаемый в дневнике очерк был напечатан в январском номере журнала «Русская мысль» [Немирович-Данченко, 1881].

[17] Велес (Волос) — одно из главных божеств славянского пантеона, «скотий бог», покровитель сказителей, поэзии. Культ Велеса считается одним из древнейших общеславянских культов.

[18] Имеется в виду уже упоминавшаяся работа Н.И. Субботина «О сущности и значении раскола в России».

[19] Павел Иванович Мельников (псевдоним Андрей Печерский, Мельников-Печерский) — писатель, этнограф-беллетрист. В 1850 г. принят в штат Министерства внутренних дел, как чиновник особых поручений занимался борьбой со старообрядчеством. С 1866 г. жил исключительно за счет литературного труда. Его подход к изучению старообрядчества, основанный на отрицании в старообрядческом движении его социально-политической составляющей, оказал влияние на Н.С. Лескова.

[20] Василий Матвеевич Лазаревский — литератор, переводчик, государственный деятель. Член Главного управления по делам печати, Особой комиссии по делам о старообрядцах. В 1875 г. составил «Официальные записки по вопросу о даровании раскольникам общегражданских прав и свобод в отправлении богослужения».

[21] Написанные в 1876 г. по поручению обер-прокурора Синода Д.А. Толстого мнения Н.И. Субботина и его коллег по Московской Духовной Академии на составленные чиновником по особым поручениям министерства внутренних дел П.И. Мельниковым и членом Особой комиссии по делам «о расколе» В.М. Лазаревским служебные записки, в связи с пересмотром законодательства о старообрядчестве [Марков, 1914, с. 199]. Несмотря на изменившиеся к концу жизни взгляды по отношению к староверию П.И. Мельникова, Н.И. Субботин, по мнению исследователей, в целом достаточно доброжелательно относился к нему [Боченков, 2020, с. 303–316]. Категорические возражения профессора, чтобы изначально предназначенные исключительно для служебного пользования отзывы использовались в полемических целях упоминаемым в дневнике бывшим белокриницким епископом Пафнутем (Овчинниковым), перешедшем в единоверие в 1865 г., связаны с явным разочарованием последнего в своем переходе к началу 1880-х гг. Как с возмущением писал Николай Иванович Победоносцеву 1 марта 1881 г., «иеромонах Пафнутий, известный сторонник раскола, разъезжал... по... знакомым... с экземпляром этих... мнений, читал их со своими замечаниями... и глумлениями» [Марков, 1914, с. 199–200]. О Пафнутии (Овчинникове) см.: [Старообрядчество, 1996, с. 215–216; Марков, 1914, с. 199].

[22] Присяга, принятая в Московской Духовной Академии и Александро-Мариинском доме призрения, устроенном в 1840–1841 гг. и располагавшемся в Сергиевом Посаде.

[23] «Голос» — популярная столичная литературная и политическая газета, выходившая ежедневно с 1863 г. под редакцией А.А. Красов-

ского; прекратила свое существование по причине цензурных ограничений в феврале 1884 г.

[24] Вероятно, описка Н.И. Субботина, и речь идет о Владимире Даниловиче Спасовиче, юристе-правоведе, историке и критике.

[25] Сергей Михайлович Неклюдов — земский деятель, один из основателей комиссии помощников присяжных поверенных.

[26] Николай Степанович Таганцев — юрист, криминолог, государственный деятель; с 1881 г. член консультации при Министерстве юстиции, член комиссии для составления проекта нового уголовного уложения.

[27] Анатолий Федорович Кони — юрист, государственный и общественный деятель. В 1881 г. ему был предложен пост председателя Департамента по гражданским делам, в то время как до этого он занимался исключительно уголовными делами.

[28] Воспоминания историка Церкви, специалиста по агиографии Михаила Владимировича Толстого, начали печататься в первом выпуске журнала П.И. Бартенева «Русский архив» за 1881 г. См.: [Толстой, 1881].

[29] Федор Александрович Голубинский — протоиерей, богослов, профессор Московской Духовной Академии; его труды оказали влияние на становление русской религиозной философии XIX в.

[30] Поликарп (Петр Гайтанников) — архимандрит, член Российской Академии наук с 1821 г. До 1835 г. возглавлял Московскую Духовную Академию.

[31] Петр Спиридонович Делицын — математик, переводчик, профессор Московской Духовной Академии, протоиерей.

[32] Имеются в виду стихотворение Ф.А. Голубинского, записанное в альбом М.В. Толстого, «Что мне желать, чтобы ты меня помнил любезный?», и стихотворение П.С. Делицына, написанное по случаю приезда в Академию императора Николая I. Последнее Толстой приводил частями на память, в частности, в дневнике приводится фрагмент первой строки: «К земной в них родине любовь. Небесную волнует кровь» [Толстой, 1881, с. 264, 295].

[33] Андрей Николаевич Муравьев — младший брат декабриста Александра Николаевича Муравьева, духовный писатель, историк Церкви, ввел в научный оборот дело Патриарха Никона; с 1833 г. — обер-секретарь Синода. Считался другом митрополита Филарета (Дроздова), неприязненно относившегося к упоминаемому в «Воспоминаниях» М.В. Толстого архимандриту Поликарпу (Гайтанникову), убранному с должности ректора Московской Духовной Академии «за некоторые неустройства» в 1835 г. В воспоминаниях М.В. Толстой описывает случай, когда якобы находившийся «навеселе» Поликарп

крайне бестактно отозвался о казненном декабристе С.И. Муравьеве-Апостоле при первом посещении академии А.Н. Муравьевым.

[34] Газета «Восток» издавалась в Москве с 1879 по 1886 г. известным публицистом Н.Н. Дурново, поддерживавшим связи со многими оппозиционными общественными деятелями, в том числе староверами. Известно, например, что Н.Н. Дурново был хорошо знаком с влиятельным белокриницким промышленником А.И. Морозовым. В одном из своих писем Н.И. Субботину К.П. Победоносцев назвал издание «безумной газетой безумного Дурново».

[35] «Московские ведомости» — газета, издавалась в 1756–1917 гг.; формально до 1909 г. принадлежала Московскому университету. С 1863 г., периода редакторства М.Н. Каткова, приобрела репутацию правого органа печати.

[36] «Правительственный вестник» — ежемесячная столичная газета при Главном управлении по делам печати, выходила с января 1869 по февраль 1917 г.

[37] «Русская старина» — журнал, основанный в 1870 г. М.И. Семевским. В журнале изначально особое значение придавали публикациям источников личного происхождения.

[38] Статья Н.И. Костомарова была написана в декабре 1880 г., незадолго до болезни и смерти историка, последовавшей в апреле 1885 г.; см.: [Костомаров, 1881].

[39] «Записки сельского священника» печатались с января по май 1881 г. Причины раздражения Н.И. Субботина становятся понятными в связи с упоминанием фамилии тверского священника Иоанна Белюстина (Беллюстина), автора ряда публицистических и переводных работ, в том числе антиклерикального характера. Беллюстину принадлежит резонансное сочинение конца 1850-х гг. «О сельском духовенстве в России», опубликованное за рубежом М.П. Погодиным [Матисон, 2007, с. 9–38].

[40] Александр Аркадьевич Суворов — граф, внук А.В. Суворова, государственный и общественный деятель, некоторое время занимал должность генерал-губернатора Прибалтийского (Остзейского) края, отличался либеральными взглядами.

[41] Михаил Николаевич Муравьев — государственный и общественный деятель, дядя М. Бакунина, брат Андрея Николаевича Муравьева и декабриста Александра Николаевича Муравьева, сам привлекался по делу о декабристах; гродненский, минский и виленский генерал-губернатор, известен своими решительными действиями в подавлении восстаний в Польше. Будучи гродненским губернатором снискал себе репутацию «истинно-русского человека». В данном случае намек Субботина на известные в обществе «анекдотические но-

тации», якобы сделанные Муравьевым А.А. Суворову в его бытность столичным генерал-губернатором, пытавшего «предстательствовать за поляков» [Лесков, 1882].

[42] Владимир Васильевич Стасов — музыкальный критик, историк искусства, архивист, общественный деятель; привлекался по делу о петрашевцах. В Училище правоведения поступил в 1836 г. Упоминаемая в дневнике статья в оригинале имеет более полное название [Стасов, 1881].

[43] Михаил Измайлович Богословский — священник, профессор богословия, духовный писатель. В 1835 г. приглашен в Училище правоведения в качестве настоятеля училищной церкви, руководил религиозным и нравственным воспитанием, читал лекции по логике и психологии.

[44] Кузнецк — город в 120 км к востоку от Пензы; речь в данном случае идет о письме Николая Ивановича К.П. Победоносцеву от 29 апреля 1881 г., в котором он опровергает информацию, помещенную в одном из номеров «Русских ведомостей», об «уклонении» в старообрядчество 1500 человек в Кузнецком уезде [Марков, 1914, с. 205].

[45] Александр Петрович Беляев — декабрист, автор «Воспоминаний о пережитом и перечувствованном», впервые напечатанных в «Русской старине» в 1880–1881 гг. Недоброжелательная оценка воспоминаний Беляева Субботиным вызвана, вероятнее всего, негативной оценкой декабристского движения в целом.

[46] Николай Алексеевич Орлов — генерал, дипломат и военный писатель. «Мысли о расколе» были составлены по просьбе М.И. Семевского [Орлов, 1881]. Сочинение вышло в указанном номере журнала вместе с двумя другими трудами Орлова: «О евреях в России» и «Об отмене телесных наказаний в Российской империи и Царстве Польском». В работах подчеркивалась необходимость введения больших вероисповедных и личных свобод, не удивительно, что на них обратили внимание и в старообрядчестве, в том числе в газете «Старообрядец». Субботин с большим возмущением сообщал об этом позднее в письме Победоносцеву [Марков, 1914, с. 371–372]. Характерно, что Н.И. Субботин никак не реагирует на смерть Ф.М. Достоевского, воспоминания о котором А.П. Милюкова были помещены рядом с записками Н.А. Орлова.

[47] Николай Иванович в конце 1875 г. женился на вдове доцента Московской Духовной Академии Королькова Екатерине Ивановне, умершей 13 августа 1881 г. К.П. Победоносцев сыграл деятельную роль в устройстве падчерицы Субботина в московский Николаевский сиротский институт [Субботин, 1902, с. 116, 119].

[48] Иван Петрович Пожалостин — художник, гравер-бюренист, создал галерею портретов деятелей культуры и искусства. В его воспоминаниях приводятся следующие сведения: работая над гравировкой портрета митрополита Филарета (Дроздова), делая многочисленные наброски, гравер старался создать и его живой образ, собирая различные воспоминания о митрополите. Надо отдать должное деликатности мастера. Публикуя очень кратко приведенные в дневнике Субботина рассказы, он снабдил их следующим примечанием: «Не отрицая правдивости разсказа..., замечу..., что оба анекдота подхвачены и пущены в ход любителями доискиваться темных сторон в самых светлых личностях. Если бы покойный Филарет был чужд некоторых человеческих недостатков — он был бы совершенство» [Жизнь и труды, 1881, с. 367–368].

[49] Возможно, Амвросий (Алексей Иванович Морев) — епископ, переведенный в результате конфликта с главой Синода С.Д. Нечаевым под негласный надзор полиции в Пензу в 1835 г.

[50] Речь идет о публикации в известном историко-литературном журнале «Исторический вестник», выходившем ежемесячно с 1880 по 1894 г. См.: [Есипов, 1881]. Примечательно, что Субботин по каким-то соображениям игнорирует буквально за несколько страниц помещенную заметку в разделе «Критика и библиография», содержащую информацию о выходе в том же году в Петербурге книги народника И. Юзова (И.И. Каблица) «Русские диссиденты: Староверы и духовные христиане». Считая «разноверие» одной из животрепещущих сторон русской народной жизни, Юзов отмечал ряд положительных черт в старообрядческом движении: общинность, стремление к грамотности и организации и т.д. [Михневич, 1881].

[51] Григорий Васильевич Есипов — историк, заведующий архивом Министерства императорского двора. Наряду с С.М. Соловьевым стал первым исследователем, получившим доступ к материалам Преображенского приказа и Тайной канцелярии.

[52] «Гражданин» — столичный журнал, выходивший с 1882 по 1887 г. под редакцией В.П. Мещерского; с октября 1887 по 1894 г. издавался как одноименная «политическая и литературная» газета.

[53] «Церковно-общественный вестник» — столичная газета, публиковавшая в основном материалы, связанные с церковной проблематикой; несмотря на давление со стороны Синода, выходила без духовной цензуры с января 1874 по апрель 1886 г. Редактировал издание А.И. Поповницкий, который являлся последовательным сторонником гласности в церковной жизни.

[54] «Новое время» — ежедневная столичная газета, выходила с января 1868 по 1917 г. Полемически заостренная статья Н.И. Субботина,

написанная им в феврале 1882 г., явилась реакцией на публикацию в названной газете статьи Н.С. Лескова «Кто написал?». Материал для этой лесковской статьи, по мнению Субботина, дал Пафнутий (Овчинников) — «старинный приятель» Лескова [Марков, 1914, с. 244, 250]. Заслуживает внимания замечание редактора «Церковно-общественного вестника» о будто бы имевших место изменениях во взглядах на старообрядчество Субботина, которого, как и Победоносцева, однозначно считали людьми «твердой николаевской складки».

[55] [Лесков, 1882]. Статья Лескова содержит рассуждения по поводу вышедшей в типографии М.Н. Лаврова в 1881 г. в «церковных интересах» книги митрополита Макария (Булгакова) о Патриархе Никоне [Макарий, 1881]. По мнению Лескова, вина церковного раскола лежит на ранних деятелях старообрядчества — «церковных интриганах». В то же время Лесков, как и Субботин, критически оценивает вышедший в 1881 г. исторический роман Д.Л. Мордовцева «Великий раскол», но не называет имени писателя.

[56] Логин (Логгин) — протопоп из г. Муром, наряду с другими деятелями раннего старообрядчества: протопопом Аввакумом, Иваном Нероновым — являлся членом кружка ревнителей благочестия. Осужден на июльском соборе 1653 г. в Москве.

[57] Речь идет об Андрее Николаевиче Муравьеве.

[58] Букв. ‘рука бесстрашная’ (лат.).

[59] Новый образец, новая модель, образчик нового (лат.). Вероятно, игра слов. Автор глубоко признателен Т.Г. Мякотину и Л.А Курышевой в работе над переводом выражения. Н.И. Субботин, как известно, неоднократно иронично отзывался о статьях Н.С. Лескова, посвященных церковной проблематике.

[60] «Православное обозрение» — журнал духовного содержания, издавался с 1860 по 1891 г. Основан при поддержке митрополита Филарета (Дроздова).

[61] [Благовещенский, 1882].

[62] Порфирий (Константин Александрович Успенский) — епископ, востоковед, организатор Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В 1845 г. совершил с научными целями поездку на Афон.

[63] Сергей Васильевич Максимов — писатель-беллетрист, этнограф, знаток народного быта и религиозных верований русского народа.

[64] «Сибирь» — газета, выходившая с 1873 по январь 1887 г. в Иркутске, редактор-издатель М.В. Загоскин.

[65] «Дело» — столичный ежемесячный журнал революционно-демократического направления, издавался с 1866 по 1888 г.

[66] «Русские ведомости» — московская общественно-политическая газета, выходила с 1863 по март 1918 г., орган либеральной профессуры и земских деятелей.

[67] «Русский курьер» — ежедневная московская общественно-политическая и литературная газета, выходила с июня 1879 по 1891 г.

[68] Речь идет об усмирении в 1859 г. волнений старообрядцев генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьевым-Амурским. См.: [Матханова, 2000].

[69] Вероятнее всего, имеется в виду приведенный в «Сибири» случай, когда крестьянин одной из деревень Барнаульского округа Платон Краюшкин ходатайствовал о постройке единоверческой церкви. В связи с этим в отдельных источниках упоминается местный томский православный епископ Парфений (Попов) [Благовещенский, 1882, с. 310].

[70] [Вестник, 1882, с. 434–445].

[71] Имеются в виду приведенные в рецензии на книгу Т.И. Филиппова его критические замечания об исследовании профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии Ивана Федоровича Нильского «Семейная жизнь в русском расколе», увидевшем свет в 1869 г. По мнению Т.И. Филиппова, Нильский допустил в своем сочинении оскорбительный для староверов тон, свойственный не научным сочинениям, а «комедиям и водевилям». В связи с этим упоминается и имя тезки Нильского — известного актера и мастера устных рассказов Ивана Федоровича Горбунова [Вестник, 1882, с. 438–439]. Отметим, что в синодальной историографии Нильский считается фактическим родоначальником исследований о старообрядчестве как «церковно-исторического» явления, возникшем в противовес демократической концепции А.П. Щапова.

[72] Подразумевается вторая часть книги В.М. Карловича «Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев», начатая выпускаться за границей, в типографии Г. Чоппа. Возможно, выпуск книги производился частями, либо в разных типографиях. Во всяком случае, в известных нам полных выходных данных книги значится именно указанная типография, но следующий, 1883 г. Имя человека, доставившего эту часть издания профессору Субботину, по доступным нам источникам проследить пока не удалось. Приводимая ниже Н.И. Субботиным нумерация страниц несколько отличается от указанного издания, имеются и незначительные текстовые расхождения [Карлович, 1883].

[73] Юзов — литературный псевдоним Иосифа Ивановича Каблица, писателя народнической ориентации, участвовавшего и в деятельности анархистских кружков.

[74] Вероятнее всего, журнал Общества любителей духовного просвещения, выходивший с 1863 по 1895 г.

[75] «Страна» — политическая и литературная газета Л. Полонского, выходившая с 1880 по 1883 г.

[76] Антоний (Шутов) — второй, после Софрония (Жирова), епископ Белокриницкой иерархии, поставленный в феврале 1853 г. для староверов, проживавших в России; с 1863 г. архиепископ Московский. Как писал неизвестный составитель рукописи «Число епископов старообрядческой иерархии», «в 1871 г. труждашеся пред епископами... получити белый клобук на главу... муж вельми доброразсуден... созда много храмов на Москве и в России... и мнози увероваша от никониан и приложися к числу християн...» [Попов, 1893, с. 601].

Литература

Благовещенский. Записки о Сибири // Вестник Европы. 1882. Т. 5. Кн. 9. С. 291–325.

Боченков В. «Дело Церкви не терпит никакой неправды»: Статьи и очерки по истории и культуре старообрядчества. Тверь, 2020. 640 с.

Есипов В.Г. Выписки из памятных книжек Петра Великого // Исторический вестник. 1881. Т. 5. Май. С. 182–185.

Жизнь и труды гравера-академика Ивана Петровича Пожалостина // Русская старина. 1881. Т. 32. Вып. 10. С. 351–434.

Карлович В.М. Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев. М., 1881. 366 с.

Карлович В.М. Исторические исследования, служащие к оправданию старообрядцев. Т. 2. Черновцы, 1883. 319 с.

Костомаров Н.И. Украинофильство // Русская старина. 1881. Т. 30. Вып. 2. С. 319–332.

Лесков Н.С. Иродова работа: Русские картины в Остзейском крае // Исторический вестник. 1882. Т. 8. Апрель. С. 206.

Лесков Н.С. Церковные интриганы: Исторические картины // Исторический вестник. 1882. Т. 8. Май. С. 364–390.

Макарий (Булгаков), митрополит. Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881. 118 с.

Матисон А.В. Духовенство Тверской епархии XVIII — начала XX веков: Родословные росписи. СПб., 2007. 206 с.

Матханова Н.П. Волнения старообрядцев в Забайкалье в 1859 г. и Н.Н. Муравьев-Амурский: По новым материалам // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 330–341.

Михневич В.О. Русские диссиденты: Староверы и духовные христиане И. Юзова. СПб., 1881 // Исторический вестник. 1881. Т. 5. Май. С. 171–178.

Немирович-Данченко В.И. Крестьянское царство: Очерки и впечатления летней поездки на Валаам // Русская мысль. 1881. Кн. 1–5. С. 166–226.

Орлов Н.А. Мысли о расколе // Русская старина. 1881. Т. 31. Вып. 5. С. 75–93.

Петруня О.Э. Амвросий (Ключарев) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 143.

Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010. 374 с.

Стасов В.В. Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836–1842 гг. // Русская старина. 1881. Т. 30. Вып. 2. С. 393–422; Вып. 3. С. 573–602.

Старообрядчество: Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. 317 с.

Субботин Н.И. О сущности и значении раскола в России. СПб., 1892. 46 с.

Толстой М.В. Воспоминания // Русский архив. 1881. Т. 1. Вып. 2. С. 245–313.

Филиппов Т.И. Современные церковные вопросы. СПб., 1882. 463 с.

Список опубликованных источников

Марков В.С. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства: 1865–1904 гг. М., 1914. 943 с.

Попов К. Архив раскольнического архиерея Амвросия. Ставрополь, 1893. 607 с.

Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012. 728 с.

Субботин Н. Еще пятнадцать лет служения церкви борьбою с расколом: Моя переписка с архимандритом Павлом за 1879–1895 годы. Вып. 1: 1879–1886 гг. М., 1902. 448 с.

УДК 930.25-051+861.1-34

С.Г. Петров
Институт истории СО РАН, Новосибирск

Т.Л. Щепкина-Куперник в воспоминаниях В.В. Адоратской*

Рассмотрен неизвестный ранее массив мемуарно-эпистолярных источников, в которых освещается история взаимоотношений поэтессы, прозаика, драматурга, переводчицы Т.Л. Щепкиной-Куперник и семьи академика В.В. Адоратского. На основе анализа писем и других сохранившихся документов установлены главные темы их общения, интересы и занятия как в профессиональной, так и в приватной жизни. Раскрыты особенности коммуникативного взаимодействия В.В. Адоратского, его родственников с яркой представительницей художественной интеллигенции конца XIX — первой половины XX в. Впервые публикуются воспоминания дочери академика В.В. Адоратского о Т.Л. Щепкиной-Куперник.

Ключевые слова: Т.Л. Щепкина-Куперник, В.В. Адоратский, В.В. Адоратская, художественная интеллигенция, мемуары.

Интерес к забытой, казалось бы, к концу XX в. яркой фигуре Серебряного века Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник (1874–1952), поэтессе, писательнице, драматургу, переводчице, театроведу, правнучке великого русского актера М.С. Щепкина, появился после выхода из печати на русском языке столь не похожей на отечественные литературоведческие штудии книги британского слависта Д. Рейфилда о личной жизни А.П. Чехова, в которой она названа петербургской Сапфо, исповедующей предельно свободный образ жизни [Рейфилд, 2006]. После ухода из жизни внимание к ее творчеству постепенно, но неизбежно угасало, за исключением, пожалуй, переводов классиков мировой драматургии У. Шекспира, Ф. Лопе де Веги, Ж.-Б. Мольера, П. Кальдерона, К. Гольдони, Э. Ростана и многих других, а перевела Т.Л. Щепкина-Куперник около 60 пьес с четырех европейских языков. Она сама предполагала это и говорила, что интерес к ней читателей вернется лет так через сто, а может, и двести: «Это будет много лет спустя — может быть, в 21-м, может быть, в 22-м веке — так, в 2125 году...» [Рейфилд, 2008, с. 3]. После 1950-х гг., обильных на издание ее произведений [Щепкина-Куперник, 1954; Щепкина-Куперник, 1956; Щепкина-Куперник, 1957; Щепкина-Куперник, 1958; Щепкина-Куперник, 1959], вплоть до конца XX в., из обширного литературного наследия Щепкиной-Куперник переиздавался

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Интеллектуальный лидер и его окружение: Формирование социокультурной идентичности» (№ 18-09-00094а).

© Петров С.Г., 2020

практически только мемуарный труд о столь ей близкой великой русской трагической актрисе М.Н. Ермоловой [Щепкина-Куперник, 1972; Щепкина-Куперник, 1983].

Сегодня же пьесы и стихи, написанные Щепкиной-Куперник, включены в специальные антологии, издаются отдельными книжками: [Щепкина-Куперник, 2008; Женская драматургия, 2009; Научи меня, 2009; Поэтессы, 2012; Серебряный век, 2012; Поэт в России, 2014]. Активно републикуются и ее мемуарные произведения: [Щепкина-Куперник, 2005; Щепкина-Куперник, 2014; Щепкина-Куперник, 2015; Щепкина-Куперник, 2020]. Защищена кандидатская диссертация о Т.Л. Щепкиной-Куперник как классике русской переводческой школы, особенностях ее переводов французской драматургии [Яровенко, 2015]. В пятитомной антологии русской поэзии Е.А. Евтушенко, предваряя подборку ее стихов вступительной статьей «Своевольная правнучка великого актера» и собственными стихами, посвященными поэтессе, сказал, что она прожила две долгих жизни: декадентскую — веселую и бойкую, «кувырком», до прихода к власти большевиков, и советскую — скучную, серую, когда она стала депутатом Верховного совета, заслуженным деятелем искусств и сталинским орденоносцем [Поэт в России, 2014, с. 283–285].

В настоящей работе хотелось бы обратиться к слабо освещенному советскому периоду ее жизни. Прекрасную возможность для этого предоставляют сохранившиеся в РГАСПИ, в фонде академика В.В. Адоратского и не рассматривавшиеся никогда ранее разнообразные материалы, в основном мемуарно-эпистолярного характера, охватывающие период с конца 1930-х гг. и до ее смерти. Не буду останавливаться на не раз уже освещенной мной профессиональной и личной жизни В.В. Адоратского и его ближайших родственников [Петров, 2011а; Петров, 2011б; Петров, 2013, с. 354–385; Петров, 2017; Петров, 2018; Петров, 2019]. В настоящей работе хотелось бы остановиться на его друзьях и знакомых, представителях художественной интеллигенции, в частности, на Т.Л. Щепкиной-Куперник, чтобы восстановить, хотя бы эпизодически, так много говорящий о самом В.В. Адоратском круг его общения, который невероятно сузился после сталинской опалы, когда в конце 1930-х гг. он подвергся разносной критике вождя и был лишен всех своих высоких должностей.

Именно в этот период жизни круг его знакомых пополнился Т.Л. Щепкиной-Куперник. Об этом однозначно говорят датированные 1940–1952 гг. материалы из двух архивных дел, одно из которых озаглавлено «Письма и стихи Т.Л. Щепкиной-Куперник В.В. Адоратскому и членам его семьи по личным вопросам», второе — «Воспоминание В.В. Адоратской о Т.Л. Щепкиной-Куперник, переписка

с ней с упоминанием о В.В. Адоратском и материалы о жизни и деятельности Т.Л. Щепкиной-Куперник».[1] В этих делах сосредоточены письма Т.Л. Щепкиной-Куперник, адресованные В.В. Адоратскому, его жене и дочери, ее стихи, посвященные академику и членам его семьи, воспоминания о них, приглашения на юбилейный вечер, записки театральным администраторам с просьбами о выдаче билетов на постановки по переведенным ею пьесам, небольшие мемуарные отрывки об актерской игре А.А. Остужева, газетные статьи и некрологи о ней, бережно вырезанные из советской периодики дочерью академика. Среди посланий Т.Л. Щепкиной-Куперник отложились и немногочисленные письма ее спутницы жизни М.Н. Зелениной, дочери М.Н. Ермоловой, а также В.В. Адоратской, которые были посланы по почте адресату, но в силу разных причин вернулись к отправителю.

Все эти материалы красноречиво говорят о тесных дружеских отношениях между Щепкиной-Куперник и семьей академика Адоратского, зародившихся в известном подмосковном дачном поселке Николина гора и вышедших затем за его пределы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что красной линией в большинстве сохранившихся эго-документов проходят дела дачные: отношения между дачниками, их быт и общение, увлечения и занятия, походы в гости друг к другу, и, особенно, описание окружающей поселок природы, никологорских полевых и садовых цветов. Даже когда Щепкина-Куперник и Зеленина уезжали на лето в другие места Подмосковья или еще дальше, то в письмах достаточно часто вспоминали Николину гору с ее идеальными природными условиями для работы и отдыха.

Но не только это волновало наших корреспондентов. Из писем видно, что Щепкина-Куперник и Зеленина были активными читателями иностранных книг из обширной библиотеки академика, поэтому зачастую в посланиях речь шла об их возврате и получении новых, о впечатлениях от прочитанного. Щепкина-Куперник была искренне признательна за предоставленный ей неограниченный доступ к личной библиотеке Адоратских. Она писала хозяину библиотеки: «Сердечно уважаемый Владимир Викторович, как видите[,] я позавидовала Вам и тоже засела дома; с той разницей, что я Вам ничем не могу скрасить Вашего существования, а Вы мое скрашиваете книгами!»[2]

Вне всякого сомнения, чтение книг было одним из важных моментов в жизни участников переписки, где бы они не находились, в Москве или на даче. Так, в письме от 30 июля 1949 г. Щепкина-Куперник сообщала Адоратской: «По вечерам читаем Льюиса[,] Биографию

[1] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 154, л. 1–11; РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 1–41.

[2] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 3.

Гете — никак я с Гете не могу расстаться; удивительно его образ близок и мил мне. Читаю много интересных американских книг...»[3] Трудно сказать, оказало влияние или нет приведенное высказывание Щепкиной-Куперник о Гете на формирование круга чтения адресата письма, но Адоратская, спустя практически три года, рассказывая в своем письме от 10 мая 1952 г. о купленных в букинистическом магазине и прочитанных за последнее время книгах, написала следующее: «Читать очень интересно об Августе Гете и его семье, но может быть лучше и не знать о них ничего — как[-]то тяжело становиться! Сам Гете страдал от своего отца, но повторил ведь то же самое со своим сыном. Мне иногда кажется, что отношения между родителями и детьми как[-]то передаются по наследству — что получается, то и отдается».[4]

Помимо взаимных человеческих симпатий и доверительных отношений, у Щепкиной-Куперник и Адоратских, отца и дочери, совпала и сфера профессиональных интересов — переводы с европейских языков на русский. Видимо, Щепкина-Куперник консультировалась у них по поводу точности содержания переводимых ею текстов. В литературе часто отмечается, что она достаточно вольно обходилась с оригиналами пьес, поэтому помощь в этом непростом деле принималась ею с благодарностью. Среди писем сохранились своеобразные списки с перечнем «темных мест», в частности, при переводе с испанского, насколько я понимаю, пьес Ф. Лопе де Веги «Учитель танцев» и «Валенсианские безумцы», с подчеркиваниями текста красным и простым карандашами, простановкой знаков вопроса и приписками: «3 строки не понимаю», «4 строки не понимаю» и т.д.[5] В сопроводительном письме Щепкина-Куперник просила Адоратскую показать трудные для перевода тексты пьесы «Валенсианские безумцы» носителям языка, ее знакомым испанцам: «Я была бы бесконечно благодарна за это, и[,] если Вы походатайствуете за меня — в ножки поклонюсь».[6]

По всей вероятности, значительный багаж гуманитарных знаний, накопленных В.В. Адоратским, превосходное знание иностранных языков, особенно немецкого, и замечательные человеческие качества, присущие ему, импонировали Т.Л. Щепкиной-Куперник, вызывая ее неизменную симпатию и дружеские чувства. В своих письмах к Адоратскому она признавала и даже специально отмечала его интеллектуальное лидерство: «Мои последние годы совершенно искажены

[3] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 14.

[4] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 21.

[5] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 24–25 об.

[6] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 13 об.

благодаря условиям транспорта — вот уж никак не ожидала этого: но, видно, горькая правда[,] что бытие определяет сознание[,] мое бытие заставляет меня лишаться возможности видеть дорогих мне людей и от них почерпнуть живую воду симпатии и познания — чего мне так не хватает. Сколько раз мне приходится[,] читая что-нибудь, думать: вот спросить бы у Вл[адимира] Викт[оровича]».[7]

После смерти академика главным корреспондентом в переписке с Щепкиной-Куперник стала его дочь, с которой собственно и началась дружба семьи Адоратских и поэтессы. В одном из своих посланий она так и сказала: «Вы[,] как солнышко[,] осветили мою душу...»[8] Можно сказать, что с годами потребность в общении не исчезла, установились тесные дружеские узы взаимной привязанности между Т.Л. Щепкиной-Куперник, М.Н. Зелениной и дочерью В.В. Адоратского, ее матерью и теткой Н.М. Сапожниковой, художницей, избравшей дачу на Николиной горе своим постоянным местом проживания. Как образно писала находившаяся в «пост-гриппозном состоянии» Щепкина-Куперник Адоратской 19 сентября 1950 г.: «Но я надеюсь[,] что Вы разрешите нам еще к[огда-]н[ибудь] заехать к Вам — подышать воздухом Никол[иной] горы без плохих флюидов».[9]

Щепкину-Куперник и Адоратских связывало не только эпистолярное общение, но и звонки по телефону, визиты друг к другу в дачном поселке и в Москве. Более того, в годы Великой Отечественной войны вернувшиеся из эвакуации Адоратские предложили Щепкиной-Куперник и Зелениной жить вместе в их квартире в отапливаемом правительственном «Доме на набережной», а летом 1945 г. предоставили им для отдыха свою дачу на Николиной горе.[10] Очевидно, взаимоотношения эти были крайне важны, привносили дополнительные смыслы и значения в их жизни. Еще до войны Щепкина-Куперник даже написала шутливое стихотворное посвящение, адресованное семье Адоратских:

Дорогим соседям
Адоратским на память.

Зимой в мечтах, как на экране,
Я буду видеть ваш приют,
На тихой солнечной поляне[,]
Где рыжики в траве растут.

Как будто из немецкой сказки[,]
Стоит меж сосен крошка-дом

[7] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 154, л. 6.
[8] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 3.
[9] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 16.
[10] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 3–5 об.

Приятной пряничной окраски
С стариной крышей колпачком.

Здесь уголок семьи счастливой,
Обитель мира и трудов...
Привет хозяйки молчаливый
Теплее многих пышных слов.

Здесь сам профессор Адоратский,
Что Маркса до глубин постиг,
Со мною делится по[-]братски
Сокровищем чудесных книг.

Здесь отдыхаю сердцем, глядя
На роскошь пеструю цветов...
Царит над ними тетя Надя:
У ней букет всегда готов.

Но не одних питомцев Флоры
Она дарит мне, что ни день:
И огурцы[,] и помидоры[,]
И экзотический ревень.

Звучит девичий голос, «нежный
И тихий», как любил Шекспир...
И в жизни трудной и мятежной
Душа здесь ощущает мир.

Милей курортов всех Карпатских,
Милее рижских берегов —
Будь счастлив, домик Адоратских —
Гостеприимный, тихий кров!

Т. Щепкина-Куперник.

19/IX-40
Николина Гора[11]

Еще одним, но только уже персональным стихотворным посвящением среди родных В.В. Адоратского была отмечена сестра его жены — Н.М. Сапожникова, ученица, модель и близкий друг замечательного художника Серебряного века Н.И. Фешина.[12] В.В. Адоратский и его свояченица, уже после их ухода в мир иной, были упомянуты Щепкиной-Куперник и в выступлении на «вечере воспоминаний о выдающихся жителях дачного кооператива “РАНИС” на Николиной Горе под Москвой». Машинописный отрывок этого выступления, присланный автором воспоминаний В.В. Адоратской, сохранился в архивном деле.[13]

[11] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 154, л. 1–1 об.; РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 37.

[12] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 154, л. 2; РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 37.

[13] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 34–36.

В своем выступлении Щепкина-Куперник вспомнила окруженный соснами маленький дачный домик Адоратских «в японском стиле», наполненный книжными полками и акварелями и рисунками хозяина. «Вы живете в книжном шкафу», — говорила она В.В. Адоратскому. Академик привлек ее внимание своей необыкновенной разносторонностью: глубочайшими познаниями, красивым голосом, напоминавшим по тембру шаляпинский, художественными и музыкальными способностями, и, несмотря на все перипетии судьбы, сохранившимися жизнерадостностью и юмором. Она считала, что «он был похож скорее на художника, со своей остроконечной седенькой бородкой и с отложными воротниками, открывавшими шею», чем на партийного или научного чиновника.[14]

* * *

В настоящей работе вводится в научный оборот и публикуется мемуарная зарисовка В.В. Адоратской о Т.Л. Щепкиной-Куперник.[15] Она сохранилась в виде чернового текста, написанного рукой В.В. Адоратской на одном с оборотом листе писчей бумаги. На лицевой стороне текст написан фиолетовыми чернилами, последний абзац дописан простым карандашом. Оборот листа повернут на 90 градусов и разделен по центру вертикальной чертой на две колонки. Текст здесь написан простым карандашом, за исключением последнего абзаца в левой колонке, зафиксированного фиолетовыми чернилами. И на одной, и на другой стороне листа в текст автором внесена правка, корректирующая и дополняющая уже написанное.

Воспоминания В.В. Адоратской не датированы автором, но о персонаже своих мемуаров она говорит в прошедшем времени. Последний по времени датируемый материал, находящийся в архивном деле, — некролог Т.Л. Щепкиной-Куперник, вырезанный из газеты «Советское искусство» от 30 июля 1952 г.[16] Судя по всему, уход из жизни близкого человека и подтолкнул Адоратскую к написанию мемуаров. Именно в этот период времени она занималась меморативной работой, связанной с созданием воспоминаний о родственниках и знакомых своего отца [Петров, 2018, с. 339].

Воспоминания В.В. Адоратской о Т.Л. Щепкиной-Куперник публикуются с сохранением авторской орфографии и проставленных в тексте знаков препинания. Имеющиеся сокращения, пропущенные буквы и пунктуационные знаки дописываются в квадратных скобках.

---

[14] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 35.

[15] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 1–1 об.

[16] РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 39.

л. 1 Татьяна Львовна Щепкина-Куперник

С Татьяной Львовной Щепкиной-Куперник я познакомилась в 1940 г. под Москвой, в дачной местности Николина Гора.[1] Она в то[а] лето[б] снимала дачу у вдовы академика Савельева — И[рины] Р[ичардовны] Савельевой,[2] недалеко от нашей дачи. Старушка-мать И[рины] Р[ичардовны] С[авельевой][в] как[-]то затащила меня к себе и познакомила в саду с Т[атьяной] Л[ьвовной] и М[аргаритой] Н[иколаевной] Зелениной.[3] О Т[атьяне] Л[ьвовне] я знала по ее воспоминаниям о Чехове и по переводам Ростана. Она очень ласково встретила меня[,] и я сразу почувствовала в Т[атьяне] Л[ьвовне] и М[аргарите] Н[иколаевне] что[-]то близкое. Немного поговорив со мной[,] Т[атьяна] Л[ьвовна] меня пригласила заходить, но сказала, что к ней нельзя приходить в любое время, потому что она работает и что ей может помешать. В первый момент это меня немного удивило — почему[г] с первого же знакомства она меня[д] предупредила[е] об это[м][ж] — я подумала, что должно быть много людей стремится к Т[атьяне] Л[ьвовне] и вероятно некоторые ей сильно досаждают своей назойливостью. Когда первое смущение прошло, то мне понравилось, что она так прямо высказалась. В последствии[з], получилось так, что Т[атьяна] Л[ьвовна] сама очень часто стала[и] заходить[к] к нам.

Она[л] много рассказывала мне о своей жизни, говорила, что любила в своей жизни только двоих мужчин — в ранней молодости уже не молодого артиста, автора модного в то время вальса «Тигренок».[4] Это была какая[-]то [«]телячья любовь»[,] заметила она[,] и потом [с]воего мужа.[5] «А вообще ни один мужчина не стоит того, чтобы из за него проливать слезы». Она давала мне читать воспоминания о своем муже. //

л. 1 об. Она считала, что не ответить на письмо, так же невежливо, как не ответи[ть] на поклон[,] и всегда отвечала на письма, которых получала всегда много от самых разных людей, начиная от пожилых и кончая молодыми бойца-

---

[а–б] *Вписано фиолетовыми чернилами над строкой вместо написанного ранее:* тот год*;* [в] *далее зачеркнуто фиолетовыми чернилами написанное ранее:* несколько раз мне рассказывала о том*,;* [г–ж] *вписано фиолетовыми чернилами над строкой;* [д–е] *вписано фиолетовыми чернилами над строкой вместо написанного ранее и зачеркнутого:* мне так сказала*;* [з] *далее фиолетовыми чернилами зачеркнуто написанное ранее:* сверх*;* [и] *вписано фиолетовыми чернилами над строкой;* [к] *исправлено фиолетовыми чернилами над строкой из написанного ранее:* заходила*;* [л–м] *написано простым карандашом;*

ми. Кто ей только не писал — молодая девушка, желающая стать актрисой, боец, желаю[щий] завести переписку.

Она мне говорила, что мое достоинство в том, что я никогда не стремлюсь казаться чем[-]либо иным, чем я есть на самом деле — не хочу казаться ни умнее, ни образованнее, ни красивее[,] чем я есть — что это бывает очень редко[,] и она это ценит во мне[м].

Т[атьяна] Л[ьвовна] мне говорила, что она чувствует к моему папе такое доверие, что ей было бы все равно, положить деньги в банке, или отдать их папе на хранение.

Она[н] умела во всем и[о] везде[п] находить что[-]нибудь светлое и[р] хорошее[с]. Помню, как[-]то осенью у[т] нас на даче[у], когда уже все цветы отцвели[,] она попросила меня набрать ей в[ф] нашем саду[х] букет, и когда я сказала, что неисчего[ц] набрать, она сказала, что этого не может быть, что всегда можно составить букет из[ч] листьев, разных трав[,] и он всегда будет[ш] иметь[щ] свою прелесть[ъ]: «Так же и в жизни счастье всегда рядом, надо уметь его только найти»[,] [—] добавила она. Потом я часто вспоминала ее слова[,] и они оправдывались.

Мой отец любил говорить с Т[атьяной] Л[ьвовной] о литературе и радовался ее глубоким познаниям в этой области. «Она много[ы] работала над собой»[,] [—] заметил он мне как[-]то.

Мне кажется, что Т[атьяна] Л[ьвовна] была одним из самых счастливых людей, котор[ых] мн[е] приходилось встречать. Все в ней было гармонично. Одаренная от природы умом и большими способностями[,] она обладала огромным трудолюбием и трудоспособностью. Мягкая в обращении[,] она обладала твердой волей и сильным характером. Иногда[ь] мягкость ее обращения вводила в заблуждение людей[,] хотевших воспользоваться[э] в корыстных целях ее добротой. Она мне рассказывала, что не раз люди таращили на нее глаза, встретив с ее стороны решительный и твердый отпор[ю].

РГАСПИ, ф. 559, оп. 1, д. 169, л. 1–1 об. Рукописный черновик, автограф фиолетовыми чернилами и простым карандашом.

[н–ю] *написано простым карандашом;* [о–п] *вписано простым карандашом над строкой;* [р–с] *вписано простым карандашом под строкой;* [т–у] *вписано простым карандашом над строкой;* [ф–х] *вписано простым карандашом над строкой со знаком вставки;* [ц] *так в рукописи;* [ч–ш] *вписано простым карандашом над строкой;* [щ–ъ] *вписано простым карандашом под строкой;* [ы] *вписано простым карандашом над строкой со знаком вставки;* [ь] *далее простым карандашом зачеркнуто написанное ранее:* ее внешность; [э] *вписано простым карандашом над строкой вместо написанного ранее:* использовать.

Комментарии

[1] Николина гора — одно из самых известных дачных мест Подмосковья, расположенное в сосновом бору на левом берегу Москва-реки. Поселок существует с 1922–1925 гг. как дачно-строительный кооператив работников Академии наук и искусства (ДСК «РАНИС»), созданный для отдыха и общения творческой интеллигенции и деятелей культуры и науки.

[2] Имеется в виду Ирина Ричардовна Арнольд (1894–1959), вдова академика АН СССР и АН УССР Максимилиана Александровича Савельева (1884–1939), революционера, партийного и государственного деятеля, советского экономиста и журналиста. Служебная деятельность его тесным образом была связана с В.В. Адоратским. В 1911 г. он окончил Лейпцигский университет. В 1921–1928 гг. работал в ВСНХ. С 1926 г. заместитель, с 1927 г. — заведующий Истпартом при ЦК ВКП (б). В 1928–1930 гг. директор Института Ленина. С 1929 г. главный редактор газеты «Известия», затем — редактор газеты «Правда». С 1931 г. заместитель, с 1932 г. — председатель Президиума Комакадемии ЦИК СССР. В 1936–1938 гг. директор Института экономики АН СССР. В 1936–1939 гг. заместитель директора Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).

[3] Маргарита Николаевна Зеленина (1877–1965) — литератор, переводчица, автор воспоминаний, дочь великой русской актрисы М.Н. Ермоловой. Хранительница Дома Ермоловой на Тверском бульваре; заведовала музеем М.Н. Ермоловой. Член Московского общества драматических писателей. Близкая подруга Т.Л. Щепкиной-Куперник.

[4] Имеется в виду Константин Степанович Шиловский (1849–1893), театральный артист, литератор, драматург, либреттист, поэт, автор и исполнитель романсов, скульптор. Дружил с П.И. Чайковским, участвовал в написании либретто к опере «Евгений Онегин». В 1886–1893 гг. под псевдонимом Лошивский играл в театре Ф.А. Корша, затем — Малом театре. Автор модного в 1880-е гг. романса (серенады) «Тигренок», который он посвятил своей второй жене М.П. Савельской (урожденной Веретенниковой). Под вальс его адаптировал В. Генер, посвятив свое переложение К.С. Шиловскому.

[5] Вероятно, речь идет о втором муже Т.Л. Щепкиной-Куперник — адвокате Николае Борисовиче Полынове (1873–1939). Первый муж — Леонид Григорьевич Мунштейн (1866–1947), поэт-фельетонист, публицист, драматург, театральный деятель и переводчик. С 1920 г. жил во Франции.

Список литературы

Женская драматургия Серебряного века. СПб., 2009. 568 с.

Мой муж — Антон Чехов. М., 2014. 379 с.

Научи меня, Боже, любить...: Антология русской молитвенной поэзии. СПб., 2009. 278 с.

Петров С.Г. Академик В.В. Адоратский — потомок селенгинских и кяхтинских купцов // Сибирское купечество: Истоки, деятельность, наследие: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. Томск, 2017. С. 288–296.

Петров С.Г. Епископ Николай (Адоратский) в воспоминаниях родственников // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы V Межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2011а. С. 140–144.

Петров С.Г. Родственники академика В.В. Адоратского в воспоминаниях его дочери // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 335–364.

Петров С.Г. Русская Православная Церковь времени Патриарха Тихона: Источниковедческое исследование. Новосибирск, 2013. 407 с.

Петров С.Г. Сибирское купечество в воспоминаниях В.В. Адоратской // Сибирское купечество: Истоки, деятельность, наследие: Материалы Третьей Всероссийской научной конференции. Томск, 2019. С. 343–351.

Петров С.Г. Штрихи к портрету В.В. Адоратского: Родственные связи в церковной среде (по документам личного фонда в РГАСПИ) // Отечественные архивы. 2011б. № 4. С. 3–14.

Поэт в России — больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии: Антология. Т. 4. М., 2014. 864 с.

Поэтессы Серебряного века. М., 2012. 351 с.

Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М., 2006. 857 с.

Рейфилд Д. Забытая поэтесса: Татьяна Львовна Щепкина-Куперник // *Щепкина-Куперник Т.Л.* Избранные стихотворения и поэмы. М., 2008. С. 3–44.

Серебряный век: Женская лирика. М., 2012. 254 с.

Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни и другие воспоминания. М., 2005. 528 с.

Щепкина-Куперник Т.Л. Ермолова. М., 1972. 200 с.

Щепкина-Куперник Т.Л. Ермолова. М., 1983. 192 с.

Щепкина-Куперинк Т.Л. Из воспоминаний. М., 1959. 463 с.

Щепкина-Куперинк Т.Л. Из воспоминаний о русском театре. М., 1956. 158 с.

Щепкина-Куперинк Т.Л. Избранное: Воспоминания и портреты. Рассказы и очерки. Стихотворения. Драматические переводы. М., 1954. 820 с.
Щепкина-Куперинк Т.Л. Избранные переводы. Т. 1. М., 1957. 584 с.
Щепкина-Куперинк Т.Л. Избранные переводы. Т. 2. М., 1958. 576 с.
Щепкина-Куперник Т.Л. Избранные стихотворения и поэмы. М., 2008. 360 с.
Щепкина-Куперник Т.Л. Театр в моей жизни. М., 2020. 548 с.
Щепкина-Куперник Т.Л. Театр в моей жизни: Мемуары московской фифы. М., 2015. 480 с.
Яровенко Д.С. Т.Л. Щепкина-Куперник — переводчик французской драматургии (театр Ростана). Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. 30 с.

ОБЗОРЫ

УДК 94(47).048+930.272

Н.В. Башнин
Санкт-Петербургский институт истории РАН

Предварительный обзор источников по истории Вологодского архиерейского дома Св. Софии XVI — начала XVIII в. в архивохранилищах Москвы*

В России XVII в. существовало три архиерейских дома Св. Софии: Новгородский, Вологодский, Тобольский. Появление этих церковных кафедр и формирование епархий отражают историческое развитие Русского государства в X–XVII вв., когда происходило присоединение территорий Севера Европы и земель Сибири, а также христианизация населения этих регионов. Документальное наследие Вологодской кафедры за XVI–XVIII вв. обширно и хранится в Вологде, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре, Новосибирске и Москве. В статье речь идет о рукописях, выявленных в столичных хранилищах. Источники, содержащие сведения о Вологодском архиерейском доме, найдены в РГАДА, РГБ, ГИМ. Выявлены писцовые и переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома, акты XVI–XVII вв., переписка архиепископов с московскими стряпчими, а также картографические источники.

Ключевые слова: архиерейский дом, Вологда, архивы, источниковедение.

В России XVII в. существовало три архиерейских дома Св. Софии: Новгородский, Вологодский, Тобольский. Появление этих церковных кафедр и формирование епархий отражают историческое развитие Русского государства в X–XVII вв., когда происходило присоединение территорий Севера Европы и земель Сибири, а также христианизация населения этих регионов. При взгляде на карту Русского государства XVII в. становится очевидно, что Новгород — Вологда — Тобольск находятся на одной линии, что отражает многовековой вектор движения народных масс и православной веры. В связи с этим неслучайна преемственность между церковными кафедрами. Стефан Пермский обосновался на Усть-Выми, урегулировал конфликт с Новгородом и положил начало Великопермской, а затем Вологодской и Великопермской епархии. В начале XVII в. архиепископам Вологодским и Великопермским в церковном отношении, вероятно, была подведомственна территории Сибири, они отправляли

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-42013.

© Башнин Н.В., 2020

туда священников,[1] а через Вологду проходил один из путей в Сибирь [Бахрушин, 1955, с. 106].

Новгородскому дому Св. Софии посвящены работы Б.Д. Грекова [Греков, 1914; Греков, 1926, с. 201–332; Греков, 1927, с. 91–155]. Немало усилий для изучения и публикации документов Тобольского архиерейского дома приложили Н.Н. Покровский [Покровский, 1998, с. 173–184] и Е.К. Ромодановская [Ромодановская, 1988, с. 7–26; Ромодановская, 2009, с. 177–187]. Вопросы из истории Вологодского архиерейского дома затронуты в работах Н.И. Суворова, Е.Н. Швейковской (Баклановой) и М.С. Черкасовой [Суворов, 1898; Бакланова, 1976; Черкасова, 2012]. Документальное наследие Вологодской кафедры за XVI–XVIII вв. обширно и хранится в Вологде, Санкт-Петербурге, Сыктывкаре, Новосибирске[2] и Москве. Далее речь идет о рукописях, выявленных в столичных хранилищах.

Значительный массив документов, содержащих сведения о Вологодском архиерейском доме, найден в РГАДА. Прежде всего в ф. 1209 (Поместный приказ) выявлены дозорные (1615 г.), писцовые (1627–1630 гг.) и переписные книги (1646 и 1678 гг.) Вологодского уезда, в которых имеется описание вотчин вологодских архиепископов. Эти материалы являются основой для изучения различных вопросов, таких, как восстановление вотчинного хозяйства после Смуты, управление вотчиной, миграция населения (внутривотчинная и за пределы вотчины), хозяйственное развитие владений и др. Дополнением к этим документам стала сотная грамота 1624 г. с дозорных книг 1620 г. на земли Вологодского дома св. Софии, выявлена в ф. 281 (ГКЭ). Ценность этого источника заключается в том, что сами дозорные книги 1620 г. не сохранились, и о состоянии земель вологодских владык в это время можно судить только благодаря этой рукописи [Башнин, 2016, с. 103–119]. Итак, за XVII в. сохранились кадастровые документы на вотчину Вологодского архиерейского дома в Вологодском уезде, что дает возможность изучить социально-экономические процессы, которые происходили в этих владениях.

---

[1] Так, 6 мая 1613 г. архиепископ Вологодский и Великопермский Сильвестр получил грамоту от царя Михаила Федоровича о выборе «попа добра» для отправки его в Сибирь в Томский город в сопровождении томских казаков под началом Василия Анисимова (ГАВО, ф. 1260, оп. 1, ед. хр. 14, сст. 1). Подробнее о привлечении духовенства в Сибирь см.: [Манькова, 2013, с. 181–198].

[2] Приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома 1612/13 и 1662/63 гг. (ГПНТБ СО РАН, Тихомировское собр., № 156; ГПНТБ СО РАН, Тихомировское собр., № 350). Рукописи описаны: [Тихомиров, 1968, № 156, 350]. Опубликованы: [Приходо-расходные денежные книги, 2016, с. 37–73; Хозяйственные книги, 2018, с. 99–198].

В ф. 281 (ГКЭ) выявлены различные грамоты из архива Вологодского архиерейского дома (в основном на недвижимость и земельные владения), особо отмечу находку указной грамоты епископа Вологодского и Великопермского Антония на Усть-Вымь 1587 г.[3] В этом акте содержится указ о составление описи Архангельского монастыря в трех экземплярах и предписание о соблюдении общежительного устава в этой обители.[4]

В ф. 237 (Монастырский приказ) выявлены приходо-расходные книги Вологодского архиерейского дома начала XVIII в. [Хозяйственные книги, 2018, с. 199–416] и опись вотчины и приписных к архиерейскому дому пустыней 1702 г. (описание проведено стольником В.И. Кошелевым) [Башнин, 2019]. Эти источники содержат сведения о внутренней структуре архиерейского дома (должности, размер жалованья, поименный состав людей, получавших содержание из архиерейской казны) и одновременно показывают пути проведения Монастырской реформы Петра I в Вологодской епархии. Отмечу, что в ряде случаев сведения из этих документов можно использовать ретроспективно. В ф. 280 (Коллегия экономии) найдена офицерская опись Вологодского дома Св. Софии 1763 г. Хотя этот источник более позднего происхождения, но тем не менее содержит ряд важных сведений, например, указание на огород архиерейского дома на месте которого в XVI в. и располагался архиерейский двор (перенесен после строительства собора Св. Софии и посещения Вологды Иваном IV).

Частно-правовые акты XVII в. из архива Вологодского архиерейского дома выявлены в ф. 1455 (Государственные и частные акты из поместно-вотчинных архивов) и ф. 196 (собр. Мазурина). В этих документах содержатся сведения о конфликтах по бытовым вопросам между различными людьми. Челобитные адресованы Вологодскому владыке, в духовном приказе которого и разбирались различные дела (например, курьезным выглядит следующее сообщение о бесчестье: «Жалоба, государь, мне Спасова-Прилуцкого монастыря села Выпрягова на жителя на скотинопродавца попова сына Дуная Акилова. В нынешнем, государь, во 189-м году августа в 16 день сидел я, сирота, в Мясном ряду на стуле пьян велми, и пришед он, скотинопродавец Дунай, ко мне, сироте, и при многих сторонних людех выняв свой срамный уд принося к моим устам прикладывал, и тем он меня посрамил и обесчестил»[5]). Особо стоит отметить фрагменты переписки архиепископов со своими стряпчими в Москве, в которых

[3] Недавно этот акт был опубликован: [Источники по истории, 2020, с. 29–31].

[4] Этот документ был известен в начале XX в. и проанализирован М.А. Островской: [Островская, 1913, с. 211–212].

[5] РГАДА, ф. 1455, оп. 4, ед. хр. 546, сст. 1.

находим данные о ходе домовых дел в столице, а также сведения о разных московских придворных событиях.

В РГБ в поисках документов о Вологодском архиерейском доме были обследованы многие фонды: ф. 928 (Коллекция документов XVI–XVII вв. из Дрелехранилища Московского кремля), ф. 865 (собр. рукописных книг, составленное служащими московского акционерного общества «Антиквар» XV–XIX вв.), ф. 903 (Вологодско-Пермское собр. рукописных книг XVI–XIX вв.), ф. 570 (Документы Кирилло-Белозерского монастыря с 1703 г. Встречается переписка по хозяйственным вопросам 1660–1690-х гг. с архимандритом Никитой), ф. 343, 344 (собр. Шибановых), ф. 17 (собр. Барсова), ф. 317 (собр. рукописных книг Филарета, митрополита Московского (Дроздова). Нотные рукописи и старообрядческие, XVII–XIX вв.), ф. 396 (собр. рукописных книг, поступивших от Ф.И. Буслаева. Жития, сборники). В этих фондах хозяйственных документов Вологодского архиерейского дома не выявлено, но отметим, что найдены книги, которые, судя по владельческим записям, происходят из Вологды.

В РГБ после передачи туда из Вологодского областного музея и библиотеки в 1950-х гг. средневековых книг и рукописей образовался отдельный фонд Вологодских рукописей (ф. 354). Среди них выявлены: 1) Списки земельно-хозяйственых документов по владениям дома архиепископов Вологодских и Великопермских в Вологодском уезде за 1628–1692 гг. Рукопись первой половины XVIII в.; 2) Ведомости о хозяйстве («переписные книги») вотчин архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила в Вологодском, Галицком, Яренском и Московском уездах за 1702 г. переписи стольника Василия Ивановича Кошелева. В ф. 711 (собр. Гранкова) были найдены рукописи вологодского происхождения. Отмечу среди них ставленую грамоту архиепископа Симона,[6] его же вкладную грамоту,[7] и особо выделю карты второй половины XVII в. вотчины Вологодского архиерейского дома в Заозерской половине Вологодского уезда. Картографические материалы прекрасно дополняют кадастровые источники из ф. 1209 в РГАДА.

В ОПИ ГИМ в ф. 226 (Материалы к истории церкви, духовенства и церковного управления из собр. Щукина) были найдены частноправовые акты Вологодского архиерейского дома XVII в. (различные спорные дела, челобитные, переписка архиепископов со стряпчими, отписки посельских старцев) и копия с дозорной книги архиерейской вотчины на Усть-Выми. Отметим находку небольшого документа. В 1696 г. при смене конюшенных старцев была составлена переда-

[6] РГБ, ф. 711 (Гранков), № 168.

[7] РГБ, ф. 711 (Гранков), № 233.

точная опись подведомственного этому чину имущества. Среди описания конской рухляди упоминаются и путевые кареты, в которых архиепископы совершали путешествия, в первую очередь в Москву. В совокупности с другими документами о поездках вологодских архиепископов эти сведения дают представление о том, как проходили путешествия архиепископов Симона и Гавриила.[8]

Подводя итог поисковой работе, резюмирую, что в Москве хранятся фрагменты обширного документального наследия Вологодского архиерейского дома, большая часть которого находится в Государственном архиве Вологодской области (ф. 1260) и в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (кол. 117). Однако подчеркну, что документы, содержащие основные сведения о землевладении кафедры, хранятся в РГАДА (ф. 1209 и ф. 281).

Список литературы

Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере: Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. 221 с.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. 376 с.

Башнин Н.В. Вотчина Вологодского архиерейского дома св. Софии на Лежском Волоке по сотной 1624 г. // Научные труды. Вып. 39. Октябрь/декабрь. 2016. С. 103–119.

Башнин Н.В. К вопросу о транспортных путях и средствах передвижения в XVII в.: По материалам приходо-расходных книг Вологодского архиерейского дома // Вестник церковной истории. 2018. № 3/4 (51/52). С. 303–330.

Башнин Н.В. Переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг.: Исследование и тексты. М.; СПб., 2019. 392 с.

Греков Б.Д. Новгородский дом Святой Софии: Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины. Ч. 1. СПб., 1914. 544 с.

Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. 1. Софийский двор в городе Новгороде // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 гг. Вып. 33. Л., 1926. С. 201–332.

Греков Б.Д. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. 2. Собственное сельское хозяйство // Летопись занятий Археографической комиссии за 1926 г. Вып. 1 (34). Л., 1927. С. 91–155.

Манькова И.Л. Приходское духовенство в Сибири XVII в.: Проблемы формирования и обеспечения // Образы аграрной России

[8] ОПИ ГИМ, ф. 226, ед. хр. 21, л. 26–30; [Башнин, 2018, с. 303–330].

IX–XVIII вв.: Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 181–198.

Островская М.А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI–XVIII веках. СПб., 1913. 370 с.

Покровский Н.Н. Начало вотчин Тобольского Софийского дома // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 26. СПб., 1998. С. 173–184.

Ромодановская Е.К. Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 7–26.

Ромодановская Е.К. Опись имущества Софийского дома при архиепископе Симеоне (1653 г.) // Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 177–187.

Суворов Н.И. Вологодский архиерейский дом. Вологда, 1898. 55 с.

Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. 196 с.

Черкасова М.С. Архивы Вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. 575 с.

Список опубликованных источников

Источники по истории Русской Православной Церкви на Европейском Севере России XVI–XVII вв.: Сборник документов / Сост. А.Н. Красиков, М.С. Черкасова. Вологда, 2020.

Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии: XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016. 868 с.

Тобольский архиерейский дом в XVII в. / Изд. подгот. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. 291 с.

Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII — начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2018. 893 с.

УДК 821.161.1

М.А. Федотова
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

Проповеди Димитрия Ростовского: О проекте научного издания*

Ораторская проза (проповеди, поучения, речи) Димитрия Ростовского (1651–1709) — одна из важнейших составляющих творческого наследия писателя. В статье проанализировано первое печатное собрание проповедей Ростовского митрополита (1786 г.) в контексте эдиционной практики его сочинений, сформулированы достоинства и недостатки данного издания; поставлен вопрос о целесообразности новой научной публикации ораторских сочинений святителя Димитрия, главной целью которого является решение вопросов атрибуции той или иной проповеди и определение авторитетных списков, по которым необходимо подготовить издание.

Ключевые слова: святитель Димитрий Ростовский, ораторское искусство, атрибуция, издание, текстология, источниковедение.

Проповеди святителя Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского, впервые были изданы в 1786 г. [Димитрий Ростовский, 1786],[1] это произошло после открытия мощей святителя в 1752 г. и его канонизации в 1757 г.[2] Безусловно, к этому времени

* Статья написана при поддержке РФФИ, проект № 18-012-00236 «Проповеди Димитрия Ростовского: Проблемы атрибуции и научного издания», и посвящена обобщению собранного и проанализированного нами ораторского наследия святителя Димитрия Ростовского.

[1] Далее в тексте статьи — «Собрание поучительных слов...».

[2] Интересен тот факт, что ни проповеди Димитрия Ростовского, ни проповеди Стефана Яворского, двух самых ярких в Московской Руси Петровской эпохи выходцев с Украины и самых выдающихся проповедников этого периода, чьи заслуги были отмечены как соотечественниками, так и иностранцами, не были изданы при жизни. Несмотря на востребованность их ораторского таланта, более того, личную заинтересованность (святитель Димитрий в своих письмах Стефану Яворскому советовал и настоятельно предлагал последнему издать его поучения), они так и не создали «тематических сборников», в отличие от своих украинских современников: Иоанникия Галятовского («Ключ разумения», 1659; «Казаня, приданыи до книги “Ключ разумения” названой», 1660), Лазаря Барановича («Меч духовный», 1666; «Трубы словес проповедных», 1674), Антония Радивиловского («Огородок Марии Богородицы...», 1676; «Венец Христов, з проповедий недельных», 1688). Заметим, что сборники проповедей их старшего современника, Симеона Полоцкого, — «Обед душевный» и «Вечеря душевная», хотя и были подготовлены во время жизни писателя, но вышли (за исключением нескольких текстов, изданных на Московском печатном дворе) уже после его смерти — в 1681 и 1683 г. соответственно. Проповеди Стефана Яворского были изданы только в нач. XIX в.: [Стефан Яворский]. Особняком в этом ряду стоит творчество еще одного выходца с Украины, чей ораторский дар начал ярко проявляться еще при жизни Димитрия Ростовского и Стефана Яворского — Феофана Прокоповича, апологета петровских реформ и оппозиционера традиционных ценностей православия [Бухаркин, 2009].

© Федотова М.А., 2020

многие сочинения Димитрия Ростовского уже были опубликованы как при жизни митрополита, так и в период между его смертью и канонизацией. К прижизненным изданиям относятся: «Чуда Пресвятой и Преблагословенной Девы Марии» (Новгород-Северский, 1677), «Руно орошенное» (первое прижизненное издание: Чернигов, 1683), «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении» (имеется два прижизненных издания 1696 и 1700 гг.). Особенно нужно отметить издание «Книг житий святых», или Четьих Миней Димитрия Ростовского, вышедших в Киеве в четырех томах в 1689–1705 гг. Период между смертью митрополита (1709 г.) и его канонизацией (1757 г.) отмечен, прежде всего, изданием в 1745 г. такого крупного сочинения святителя Димитрия, как «Розыск о раскольнической брынской вере», который впоследствии неоднократно переиздавался в Москве и Киеве [Федотова, 2018, с. 150–151].

В 1774 г. в «Древней Российской Вивлиофике» Н.И. Новиковым был опубликован «Диариуш», или «Дневныя записки святаго чудотворца Димитрия Ростовского», обнаруженные известным археографом Н.Н. Бантыш-Каменским. Н.И. Новиков не только переиздал «Диариуш» в 1781 и в 1791 гг., но спустя десятилетие, в 1784 г., осуществил издание еще одного сочинения Димитрия Ростовского — «Келейного летописца», идейно-нравственное содержание которого вписывалось в просветительскую программу Н.И. Новикова по изданию памятников русской культуры. Святейший Правительствующий Синод, в московской типографии которого в 1786 г. были опубликованы проповеди Димитрия Ростовского (издание было предложено частным лицом — Яковом Афанасьевичем Татищевым) [Федотова, 2018, с. 153–159], ставил перед собой другую задачу: для него важны были прежде всего праведность и благочестие первого святого синодального периода Русской Православной Церкви, от мощей которого происходили многочисленные чудеса и почитание которого стало общероссийским. Почти одновременное издание «Келейного летописца» и проповедей святителя, инициированное Я.А. Татищевым, писавшим императрице Екатерине II, что он предпринял на «собственный кошт» издание проповедей святителя Димитрия «не для прибытка какого, но единственно для общенароднаго удовольствия и пользы»,[3] привело к следующей ситуации. Сочинения Димитрия Ростовского, изданные при его жизни и в период до канонизации (за исключением «Книг житий святых», эдиционная практика которых является предметом отдельного изучения), *остались «историей»* конца XVII — начала XVIII в., в то время как издание «Келейного летописца» и последовавшее за ним через два года издание «Собрания

[3] РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 63 (дела за 1782 г.), № 264, л. 67.

поучительных слов...» *перешагнули века:* книги пользовались огромным спросом и выдержали не одно переиздание, более того, объединение этих изданий стало основой для всех последующих собраний, издаваемых Синодальной типографией, — «Сочинений святаго Димитрия, митрополита Ростовскаго», в которых два тома (второй и третий) полностью содержали слова, речи и поучения святителя, а в четвертом томе неизменно публиковался «Келейный летописец» (например, издания за первую половину XIX в.: 1805–1807, 1818, 1827–1835, 1833–1835, 1842, 1849, 1857 гг.). Этому, возможно, способствовала и некоторая внутренняя близость данных книг: несмотря на жанровые отличия, «Келейный летописец», как и проповеди митрополита, помимо своего историографического значения, был своеобразным корпусом нравоучительных текстов, более того, некоторые списки «Келейного летописца» во главу угла ставили не хронографическую составляющую, а нравоучения на темы Священного Писания и всемирной истории.[4] Следует обратить внимание и на богатство рукописной традиции этих текстов, несмотря на их издательскую практику: сочинения святителя известны в огромном количестве рукописных списков, и самые «тиражируемые» среди них — это проповеди и «Келейный летописец».

У нас нет прямых письменных свидетельств того, что Димитрий Ростовский имел намерение издать свои поучения, хотя, конечно, он не мог не наблюдать растущий интерес к своим ораторским сочинениям. С одной стороны, это показывает переписка святителя с его постоянными корреспондентами — иеромонахом Чудова монасты-

[4] Давая характеристику идейному содержанию «Келейного летописца», И.А. Шляпкин, например, писал: ««С этой точки зрения Летописец близко подходит к проповедям святителя, часто повторяя даже их выражения. Встречаются и символические толкования, еще более сближающие Летописец с проповедями» [Шляпкин, 1891, с. 425]. Выводы И.А. Шляпкина были конкретизированы в работе В.В. Калугина: «Отдельные места “летописца за келлию” почти дословно совпадают с его проповедями, например: поучение о четвероконечном кресте, помещенное в “Келейном летописце”, и проповедь на ту же тему от 23 ноября 1708 года, послужившая, кстати, вступлением к “Розыску о раскольничьей брынской вере”, размышление о смерти в летописи имеет своим источником “Слово на поминовение Иоанна Семеновича Грибоедова”, произнесенное в Москве 7 мая 1706 года, обличение прелюбодеяния восходит к “Слову на празднество явления иконы Богородицы и приснодевы Марии” от 8 июля 1706 года» [Калугин, 1983, с. 161]. Можно добавить, что поучение о молитве «Келейного летописца» соответствует «Слову о молитвѣ, в четверток 1 недѣли по святом Дусѣ», а рассуждения-поучения о «неизвѣстном часѣ смерти» и «о памяти смертной» — «Пирамису албо столпом во блаженной памяти <...> Иннокентия Гизеля <...>», есть и другие совпадения. В некоторых рукописях «Келейного летописца» поучения вынесены в отдельное оглавление: так, например, в рукописном списке РНБ, собр. Титова, № 4384 перечислено 31 поучение, в списке ЯМЗ, № 15511 выписано оглавление из 28 поучений, а в списке РНБ, собр. Вяземского, Q.269 исключена вся хронографическая составляющая текста, оставлены только нравоучения.

ря Феологом, Стефаном Яворским. В качестве примера можно также процитировать письмо Георгия, священника ярославской церкви Ильи пророка о копировании проповедей Димитрия Ростовского: «Послах тыя казания, ихже приях от твоея святой десницы, и насладихся с веселием, якоже от источника преизобилующаго, и приписах паки себѣ в веселие и прочих слышащих».[5] С другой — наличие «авторизованных» рукописных сборников, вышедших из ростовского скриптория, часто с правкой и маргиналиями митрополита, например, ГИМ: собр. Забелина, № 619;[6] собр. Соколова, № 81;[7] Синодальное собр., № 146[8] и 147;[9] РГБ: ф. 92 (собр. Долгова), № 130;[10] ф. 205 (собр. ОИДР), № 242;[11] РНБ: собр. Тиханова, № 517;[12] собр. Титова, № 3526;[13] ЯМЗ, Р-1153.[14] Если рукописи из собр. Долгова, № 130, собр. ОИДР, № 242, собр. Тиханова, № 517, собр. Титова, № 3526 и ЯМЗ, Р-1153 содержат по одному-два слова святителя Димитрия, а в составе сборников из Синодального собрания среди сочинений митрополита также читаются лишь отдельные поучения, то сборники собр. Забелина, № 619 и собр. Соколова, № 81 полностью состоят из проповедей митрополита. Оба сборника имеют небольшие вставки в тексты проповедей, пометы на полях (в основном это маргиналии, указывающие на даты или место произнесения проповедей), сделанные рукой Димитрия Ростовского (что, безусловно, усиливает авторитетность данных сборников), а значит, можно предположить, что святитель перечитывал, работал с этими текстами и не исклю-

[5] Цит. по автографу: РНБ, собр. Новгородской духовной семинарии, № 6836, л. 2. Об этом пишет и Арсений Мацеевич в Житии митрополита: «...Имѣл бо наипаче усердие трудитися в проповѣди слова Божия и получил к тому особенное Божие дарование, якоже от многих проповѣдей его видѣт рукописных, *многими до сих пор со всякою охотою пишемых*» (РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 33, № 222, л. 343; курсив наш. — *М.Ф.*). Далее автор Жития пишет: «Достойны же бы печати предатися и вси его поучения, сице бы их возможно изыскать и собрать, которых он никогдаже оставлял сочиняти и проповѣдати, аще и был в различных началствах и трудах, и в послушании составляти “Книги жития святых”» (РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 33, № 222, л. 347 об.).

[6] Сборник проповедей, 4 °, 470 л., скоропись, нач. XVIII в. (до 1709 г.).

[7] Сборник проповедей, 4 °, 321 л., скоропись, нач. XVIII в.

[8] Сборник, 2 °, 337 л., п/у и скоропись, нач. XVIII в. (до 1709 г).

[9] Сборник, 2 °, 234 л., п/у и скоропись, нач. XVIII в. (до 1705 г.).

[10] «Поучение на празднество пресвятыя Богородицы Донския», 4 °, 12 л., скоропись, нач. XVIII в. (до 1709 г.).

[11] «Поучение на память верховных апостолов Петра и Павла, Поучение на праздник пресвятой Богородицы Донской», 4 °, 27 л., скоропись, нач. XVIII в. (до 1709 г.).

[12] «Речь при вступлении на кафедру в Ростове», 4 °, 6 л, скоропись, нач. XVIII в.

[13] «Поучение на Благовещение Богородицы и Воскресение Христово», 4 °, 16 л, скоропись, нач. XVIII в.

[14] «Поучение в неделю 13 по Святом духе», 4 °, 6 л., скоропись, нач. XVIII в.

чал возможности издания своих проповедей. При этом необходимо отметить следующий факт: отсутствие прижизненного печатного издания проповедей Димитрия, возможно, отражает общие тенденции развития ораторского жанра в Великороссии в период раннего нового времени, когда «проповедь воспринимается как новшество — зачастую новшество культурно чуждое, привнесенное украинскими культурными клириками. Однако это заимствование осуществляется не случайно, а закономерным образом востребуется культурой переходного периода во всем ее своеобразии» [Кагарлицкий, 2000, с. 244].

Димитрием Ростовским были написаны и, соответственно, произнесены поучения почти на все праздники подвижной и неподвижной частей церковного календаря (более 100 текстов), собранные после смерти митрополита, еще до его канонизации, в большие сборники проповедей, или в комплекты из нескольких книг, с которых впоследствии были сделаны более или менее полные многочисленные списки.[15] (Состав сборников говорит об их тождественности и общности со сборниками Симеона Полоцкого, в которых также читаются проповеди на подвижную и неподвижную части церковного года.) Содержание этих рукописей, кроме оглавления, часто сопровождающего данные своды, прояснялось уже в заглавии, переписываемом из рукописи в рукопись: «Казания или поучения в воскресныя дни, в праздники Господския и Богоматере, и святых угодников Божиих, от Божественнаго Писания в ползу душам и в наставление всему православному христианству проповедано при державе благочестивейшаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, з трудолюбием блаженныя памяти преосвященнаго архиерея Димитрия Савича, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, сочиненныя, по божественной литургии от уст его чтенныя»,[16] или в «Предувѣдомлении на поучения»: «Мѣжду тѣми же в бытность свою архиереем по должности своего святительскаго сана не мину ради народной душеполезной ползы оставити и проповѣди как в недѣльныя, так и в празднич-

[15] Конечно, не все сборники проповедей Димитрия Ростовского имеют их полный комплект, в контексте всей рукописной традиции состав их мог сильно отличаться друг от друга, в сборники могло входить от двух-трех до девяноста статей, и не только ораторского жанра (например, РНБ, собр. Титова, № 100; РНБ, Софийское собр., № 1283; РГБ, ф. 394 (собр. Хлудова), № 25 и др.), т.е. рукописная традиция сочинений святителя была очень разнообразной.

[16] ГИМ, собр. Барсова, № 506. См. также: РГАДА, ф. 181 (библиотека МГАМИД), № 720; ГИМ, Епархиальное собр., № 783; или ср. в более краткой форме: «Поучения преосвященного Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского, на недѣльные и праздничные дни, егоже архиерейскими трудами сочиненные» (РГБ, ф. 299 (собр. Тихонравова), № 139); или «Поучения недѣльные и праздничные. Творение преосвященнаго Димитрия, митрополита Ростовского» (РГАДА, ф. 181 (библиотека МГАМИД), № 432).

ныя Господьския и Богородичны, и святых Божиих угодников дни; и для утешения духовнаго те проповѣди оставляше оный добрый пастырь написанием, кои и доныне, елико с Божиею помощию нѣцый желающий в книги собраша, и в сей книзѣ благочестивый и доброхотный читатель оныя узриши, из них же яко лицем к лицу увидиши его самого, ко всѣму православному христианскому роду бѣседующа, понеже вѣсма просто, но краснорѣчием и на камѣни истины утверждены, сказующи наказания человѣком, могущия всякаго умудрити во спасение. И тако в сих наставлениях чтением упражняяся, благочестивый читатель, здравствуя и моли за его святительство о вразумлении ко спасительному пристанищу по оном...».[17]

Вероятно, такого типа рукопись, или рукописи были в наличии у Я.А. Татищева,[18] который в своем прошении в Синод от 1 июня 1782 г. писал: «Имѣется у меня собранныя поучительныя слова святителя Димитрия, ростовскаго чудотворца, говоренныя им в различныя времена, тако же книги называемыя “Врачество душевное” и “Краткий катихизис”, егож сочинения».[19] Редакторы («цензоры»), которым Синод передал рукописи для подготовки издания, архимандрит Спасо-Андроникова монастыря Симон (Милюков) и архимандрит Московского Симонова Успенского монастыря Павел (Пономарев), а также московский архиепископ Платон (Левшин) признали «оригинальность» всех присланных текстов «по штилю и наречию», отметили «сумнительные места»,[20] при этом основная редактура касалась преимущественно нормализации церковнославянской орфографии и перевода слов, написанных на «простой мове», и рекомендовали книги к печати.[21] Совершенно очевидно, что вопросы текстологии и атрибуции редакторов не слишком интересовали и новые списки к работе не привлекались, а потому первое «Собрание поучительных слов...» имеет ряд недостатков,[22] и, прежде всего, следует отметить

[17] ГИМ, собр. Барсова, № 506, л. 12–13.

[18] Ср. обращение Я.А. Татищева к Екатерине II о причине предложенного им издания проповедей: «Для общенароднаго удовольствия и пользы» и фразу «ради народной душеполезной ползы» из «Предувѣдомлении на поучения», цитируемого выше.

[19] РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 63 (дела за 1782 г.), № 264, л. 1.

[20] Как указывалось в отчетах архимандрита Симона и архимандрита Павла, они внесли исправления в «Слово на собор архистратига Михаила», «Слово на Успение пресвятыя Богородицы», «Слово на память Симеона Богоприимца», «Слово в неделю по Воздвижении честнаго креста Господня», «Слово на празднество явления пречестныя иконы пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии в градѣ Казани» и некоторые другие. См.: РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 63 (дела за 1782 г.), № 264, л. 9.

[21] РГИА, ф. 796 (Канцелярия Синода), оп. 63 (дела за 1782 г.), № 264, л. 9.

[22] То же можно сказать и про последующие собрания, так как первое «Собрание поучительных слов...» послужило для них образцом, а критического научного анализа этого издания не было.

тот факт, что в его состав вошли проповеди, Димитрию Ростовскому не принадлежащие.

Вопрос атрибуции сочинений Димитрия Ростовского и сегодня остается одним из самых актуальных вопросов в изучении творчества святителя. Ошибки в атрибуции его сочинений, «авторских» рукописей допускали как собиратели и исследователи XIX в., так и современные ученые. Трудность в определении авторства того или иного сочинения, или в определении почерка митрополита (соответственно, авторитетности того или иного списка), заключается не только в том, что творческое, в том числе и рукописное, наследие святителя Димитрия очень велико и относится к разным периодам его жизни и деятельности (украинскому и великорусскому), а рукописей-автографов сохранилось немного, но и в том, что многие сочинения и Димитрия Ростовского, и его современников даже в конце XVII — начале XVIII в. оставались анонимными; так, анонимными были первые прижизненные издания его трудов — «Чуда Пресвятой и Преблагословенной Девы Марии» и «Апология во утоление печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении», и исследователи приложили немало усилий, чтобы доказать авторство Димитрия Ростовского.

Безусловно, существуют *маркеры*, благодаря которым мы можем с той или иной долей вероятности утверждать, что та или иная проповедь принадлежит святителю Димитрию. Так, большинство слов и поучений повторяются из сборника в сборник, и основной состав таких кодексов идентичен, и на титуле или в оглавлении обозначена их принадлежность Димитрию Ростовскому. Важным фактором для атрибуции является и то, что проповеди в этих сборниках, за некоторым исключением, не встречаются в печатных изданиях и рукописных книгах проповедей других проповедников — старших и младших современников ростовского митрополита. При некоторых проповедях имеются дата и место произнесения, и этот *исторический контекст* существенным образом помогает решать вопросы атрибуции. Встречаются также типичные для рукописных сборников сочинений Димитрия Ростовского маргиналии, указывающие на славянские и западные источники тех или иных сюжетов и цитат, большая часть которых взята из книг, принадлежащих библиотеке писателя, — обнаружение и определение этих цитат играет важную роль в вопросах атрибуции. Необходимо учитывать присущие проповедям именно Димитрия Ростовского стилистические приемы, риторические фигуры, переходящие из текста в текст образы. Так, например, для Димитрия Ростовского характерным было обращение к аудитории: «слушатель возлюбленный», «слушатель благочестивый», «слышателю мой прелюбезный», и данное обращение, как это ни удивитель-

но, является значимым фактором для определения авторства текста. Заметим, что свойственное Феодосию Печерскому в поучениях обращение к братии «любимицы мои» тоже является маркером для атрибуции его текстов [Еремин, 2013, с. 21]. Не описывая всех методов атрибуции, которые мы использовали при определении авторства той или иной проповеди, вошедшей в первое «Собрание поучительных слов...» Димитрия Ростовского [Димитрий Ростовский, 1786; Федотова, 2018], отметим, что из 94 слов и поучений, опубликованных в этом издании, 16 текстов совершенно определенно святителю Димитрию не принадлежат. Назовем их: «Поучение о поклонении иконам святым»,[23] «Поучение в недѣлю двадесять седьмую по святом Дусѣ» (т. 3, л. 107–115),[24] «Поучение в недѣлю седмую по Пасцѣ, яже есть святых отец 318, в Никеи собравшихся на Ария» (т. 2, л. 54–58 об.), «Слово второе в день Сошествия святаго и животворящаго Духа» (т. 2, л. 64 об.–68 об.), «Поучение в недѣлю 31 по святом Дусѣ» (т. 3, л. 121 об.–126), «Слово в день Покрова пресвятыя Богородицы. Мѣсяца октовриа в 1 день» (т. 4, л. 35 об.–41), «Слово второе в день Покрова пресвятыя Богородицы. Мѣсяца октовриа в 1 день» (т. 4, л. 41–45 об.),[25] «Поучение второе на вход во Иерусалим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» (т. 1, л. 66 б.–72), «Слово первое на Сошествие святаго Духа» (т. 2, л. 59–64 об.), «Поучение в недѣлю 5 по святом Дусѣ» (т. 2, л. 95–103), «Поучение в недѣлю 29 по святом Дусѣ» (т. 3, л. 115 об.–121), «Поучение в недѣлю 32 по святом Дусѣ» (т. 3, л. 126 об.–131 об.), «Поучение на Воздвижение честнаго и животворящаго креста Господня. Мѣсяца септемвриа в 14 день» (т. 4, л. 17 об.–23 об.), «Слово о страсѣ Божии, как той имѣти всякому человѣку» (т. 5, л. 84 об.–90 об.), «Слово о пастырствѣ духовных пастырей» (т. 5, л. 94 об.–104 об.), «Слово на освящение церкве» (т. 5, л. 121 об.–124 об.).

Уже только один этот факт говорит о том, что, несмотря на всю свою значимость, это издание не выдерживает научной критики и не может быть признано удовлетворительным, а потому перед исследователями сегодня стоит задача подготовки нового издания проповедей Димитрия Ростовского. Безусловно, как массовое издание, рассчитанное на широкий круг читателей, издание для «общенароднаго удовольствия и пользы» первое «Собрание поучительных слов...»

---

[23] «Собрание поучительных слов...» т. 1, л. 34–39. Далее в скобках приводятся том и листы по этому изданию.

[24] На эти две проповеди, как не принадлежащие Димитрию Ростовскому, а написанные Стефаном Яворским, указал еще И.А. Шляпкин [Шляпкин, 1891, с. VIII–IX].

[25] Эти пять проповедей, как нам удалось доказать, написаны Симеоном Полоцким и читаются в двух его сборниках проповедей: «Вечеря душевная» и «Обед душевный».

свою задачу выполнило. Более того, даже несмотря на все ошибки и недочеты, оно может быть принято за основу новой публикации проповедей Димитрия Ростовского: как и в «Собрании поучительных слов...», в новом издании, на наш взгляд, сначала должны идти поучения, связанные с подвижным годовым богослужебным кругом, включая Великий пост (с тремя предшествующими неделями), Пасху, недели до Пятидесятницы, Пятидесятницу, т.е. включая проповеди на переходящие двунадесятые праздники; затем, с неподвижным годовым богослужебным кругом, — проповеди на неподвижные двунадесятые праздники; на великие праздники, не относящиеся к двунадесятым; поучения, приуроченные к дням памяти святых, и «окказиональные» проповеди (например, панихиды, или проповеди, сказанные на освящение церкви и др.) — такая последовательность была предложена и отчасти соблюдалась и в первом «Собрании поучительных слов...». Кроме исправления атрибуционных ошибок первого издания и его структурных недочетов, нужно придерживаться, как нам кажется, двух положений:

1. В новое издание должны входить все известные на сегодняшний день атрибутированные поучения Димитрия Ростовского,[26] они должны быть критически подготовлены и иметь научные примечания. Часто научный комментарий позволяет «заглянуть» в творческую лабораторию святителя Димитрия, существенно дополнить наши знания о его творчестве, ввести его в исторический и литературный контекст.

2. При решении вопроса, по какому списку должно быть подготовлено издание той или иной проповеди, безусловно, предпочтение должно быть отдано *«авторизованным»* (вышедшим из ростовского скриптория с правкой митрополита) или *авторитетным* спискам.[27] Остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

На основе просмотра большого числа рукописных сборников с сочинениями Димитрия Ростовского отметим некоторые наиболее важные из них. Прежде всего, выделим «авторизованные» сборники, уже указанные выше, и особенно рукописи ГИМ: собр. Забелина,

[26] Безусловно, атрибуция ряда проповедей, предложенных для данного издания, все еще может вызывать сомнение; обнаруженные новые списки и новые материалы помогают нам исправлять возможные атрибуционные ошибки [Федотова, 2015, с. 5–84]. Однако исключить эти тексты из литературного наследия Димитрия Ростовского у нас пока нет достаточных оснований: не является таким основанием, например, и тот факт, что проповедь читается в единственном списке, поэтому такие случаи мы предлагаем оговаривать в примечаниях.

[27] Отметим, что большинство сохранившихся прижизненных рукописей святителя Димитрия сосредоточено в ГИМ и РГАДА, они есть также в РГИА, РНБ, БАН, ЦНБ НАН Украины, в библиотеках Ростовского музея-заповедника, Ярославского музея-заповедника, архивах Углича, Владимира, Нижнего Новгорода, Иркутска.

№ 619; собр. Соколова, № 81; Синодальное собр., № 146 [Протасьева, 1970, с. 35–37] и 147 [Протасьева, 1970, с. 37–38]. Все вошедшие в эти сборники проповеди могут атрибутироваться Димитрию Ростовскому, и именно на эти списки следует ориентироваться при издании.

Особого внимания заслуживают еще три рукописи: из собрания Ростовского музея-заповедника, № 828 [Круминг, 1993, с. 69–91], РНБ, собр. Титова, № 3557 [Федотова, 2014, с. 178–199], и РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 467. Писцы этих сборников определенно были знакомы с первым собранием сочинений Димитрия Ростовского 1786 г. и подобрали для своих сборников его произведения, прежде всего проповеди, отсутствующие в этом издании, используя при этом подлинные, вероятно, черновые рукописи святителя, что дает нам основание с особым вниманием относиться к составу этих сборников и доверием к их маргиналиям. Так, например, только в рукописях Ростовского музея-заповедника, № 828 на л. 155–155 об. и 155 об.–160 и РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 467 на л. 283–291 и 283–287 читаются две проповеди на память святого Гурия, архиепископа Казанского, отличающиеся от ранее известного «Поучения в честную память, иже во святых отца нашего Гуриа, архиепископа Казанскаго», произнесенного в Москве в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря. После текста проповедей в обеих рукописях есть запись писца: «Сии оба слова списаны с подлинных черных святителя Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, рукою его черненные». А в рукописи РНБ, собр. Титова, № 3557 на л. 477–482 об. читается «Слово на пресвятую память святителя Леонтия, ростовского чудотворца», не вошедшее в «Собрание поучительных слов...» с указанием даты произнесения проповеди «An. 1702».[28]

В добавление к этому обратим внимание еще на два рукописных сборника: РНБ, собр. Титова, № 100 (2°, 571 л., п/у, 2-я пол. XVIII в.) [Титов, 1901, с. 89–100] и РГБ, ф. 394 (собр. Хлудова), № 25 (2°, 681 л., п/у и скоропись, 3-я четв. XVIII в.). Оба сборника представляют собой фолианты с сочинениями Димитрия Ростовского — это рукописи большого формата и объема, писанные почти сразу после канонизации святителя Димитрия, имеющие в своем составе и собравшие по различным спискам не только самое большое количество проповедей митрополита, но и редкие или даже неизвестные его сочинения, возможно, некоторые из них были сделаны с авторских списков. Так, например, только в этих рукописях при «Слове в субботу 4 недѣли Великаго поста» имеется помета «По Феодору Яков[личу]

[28] Нам известен еще только один список с указанием места и времени произнесения данной проповеди: РНБ, собр. Колобова, № 238, л. 213 об.–221 об. (с пометой «Проповедано в Ростове 1702»).

Турчанину, по[минает] сын его Андрей, в церкви Ко[змы и Дамиана] в Ка[дашевѣ], ноемврия [27], 1705»,[29] сходная с пометой-автографом и названием в «авторизованной» рукописи ГИМ, собр. Соколова, № 81, л. 165: «An. 1705 Novembr: 27. Панахида по Феодору Яковличу Турченину, поминатель син его Андрей, в церквѣ Козмы и Дамиана в Кадашевѣ».[30] Согласно таким маргиналиям, становится ясным, что данная проповедь была произнесена как «Панихида по Федору Яковлевичу Турченину». Или, например, только в рукописи РГБ, ф. 394 (собр. Хлудова), № 25 на л. 609 об.–616 удалось обнаружить давно разыскиваемую драму, приписываемую Димитрию Ростовскому, — «Кающийся грешник», или «Суд кающагося грѣшника пред Богом» [Федотова, 2014, с. 56–57].[31] Однако, несмотря на все достоинства этих сборников, в них встречаются проповеди, святителю Димитрию не принадлежащие, и считать, что все тексты, входящие в эти рукописи, принадлежат перу Димитрия Ростовского, нужно с большой долей осторожности.[32] Отчасти это может быть объяснено следующим: отсутствие в творчестве Димитрия Ростовского поучений на тот или иной праздник (особенно в подвижной части богослужебного круга), как нам кажется, привело к тому, что писцы больших кодексов восполняли некоторые *пробелы*, т.е. недостающие поучения на определенные недели и праздники, текстами других проповедников (Стефана Яворского, Симеона Полоцкого) на эти же события, приписывая их Димитрию Ростовскому, что привело впоследствии к ошибкам в атрибуции данных сочинений.

Особняком стоит рукопись РНБ, Q.I.269 (4°, 215 л., перв. четв. XVIII в. (не ранее 1706 г.)) [Федотова, 2001, с. 425–431]. Отличительной особенностью этого сборника является то, что названия почти всех входящих в него проповедей как украинского, так и великорусского периодов написаны по-латински, что встречается впервые в сборниках со словами Димитрия Ростовского. Некоторые слова данного сборника давно известны и изданы, атрибуция их бесспорна;

---

[29] РГБ, ф. 394 (собр. Хлудова), № 25, л. 47. Ср. название проповеди «В субботу 4 недѣли Великаго Поста. Панахида поминательная по Феодору Яковлевичу Турченину, поминатель сын его Андрей, в церкви Козмы и Домиана в Кадашеве» по списку РНБ, собр. Титова, № 100, л. 345.

[30] Такой же пример можно привести с «Поучением в недѣлю 4 по Пасцѣ, о разслабленном»: только эти два списка имеют помету «NB. Сему поучению не случися проповѣдану быти, и неисправно есть в диспозиции своей, при концу наипаче», сходную с пометой «авторизованного» списка: ГИМ, собр. Соколова, № 81, л. 49–62.

[31] Драма готовится нами к изданию.

[32] К такого типа сборникам относится также, например, и рукопись РНБ, Софийское собр., № 1283, в составе которой читаются неизвестные ранее, но и не принадлежащие перу Димитрия проповеди.

однако приписать и все остальные проповеди, в том числе и написанные на «простой мове», святителю Димитрию Ростовскому пока мы не можем: у нас еще нет достаточных оснований для этого, и атрибуция их все еще требует уточнения. Тем не менее, некоторые из них, неизвестные и читаемые только в этой рукописи, на наш взгляд, по своим стилистических признакам, характерным маргиналиям, ссылкам на западные источники, указанным датам и месту произнесения, могут принадлежать Димитрию Ростовскому, например: «Слово на Рождество Христово» (л. 1–8 «Contio pro Nativitate Christi»), «Слово на праздник Благовещения пресвятой Богородицы» (л. 47–52 об. «Alia contio pro eodem Fest.», или «Слово на праздник Благовещения блаженной девы») и две проповеди на день памяти святой Варвары-мученицы (л. 185–191 «Contio pro Festo sanctas Barbaras martiris»; л. 191–197 об. «Alia contio pro eodem Fest. S. Bar.»).[33]

Отдавая предпочтение указанным выше сборникам, тем не менее, нужно быть внимательными и к другим рукописям, содержащим проповеди святителя Димитрия Ростовского, часто проповеди в них могут иметь при себе важные «информационные» пометы (время или место произнесения), или даже содержать не известные ранее тексты. Приведем два примера.

К таким неопубликованным и неизвестным ранее проповедям, произнесенным в московский период творчества святителя Димитрия, относится, например, «Слово на перенесение мощей святого мученика Димитрия царевича», произнесенное святителем к столетию празднуемого события. Текст этой проповеди был обнаружен нами в составе рукописи РНБ, Q.I.830, (4°, XVIII–XIX вв., 486 л.), которая представляет собой не сборник проповедей Димитрия Ростовского, а искусственный конволют, созданный, вероятно, в Императорской библиотеке из разрозненных тетрадей без тематической подборки. Тетрадь с проповедью писана одним из писцов ростовского скриптория, и на всем протяжении текста этой проповеди имеются пометы и правка, сделанные самим Димитрием Ростовским, т.е. это его автографы, а напротив заглавия рукой Димитрия Ростовского написано: «An. 1706 Moschoviae. Июня в 3 день» (данная маргиналия типична для сборников проповедей Димитрия, подобные пометы читаются на полях сборников проповедей, вышедших из скриптория митрополита) [Федотова, 2014, с. 184–204]. Текст этой проповеди до сих пор известен в единственном списке.

Интересной для изучения проповедей Димитрия Ростовского оказалась рукопись ГИМ, собр. Барсова, № 508 (сборник без заглавия,

[33] См. выполненное в рамках данного проекта издание [Федотова, 2019, с. 135–155].

нач. XVIII в., 4°, 555 л., п/у и скоропись разных почерков). Рукопись в своем составе имеет ряд проповедей Ростовского митрополита с пометами на полях, указывающими место и время произнесения. Такая помета имеется и при «Слове в недѣлю 27, о жене сляченной». До недавнего времени эта проповедь, написанная на «простой мове» (соответственно, произнесенная в украинский период творчества святителя), была известна только в двух списках: РНБ, собр. Титова, № 608, л. 24–37 об.; ГИМ, Успенское собр., № 88, л. 50–69 об., не было известно время и место ее произнесения. Благодаря обнаруженному списку этой проповеди в рукописи ГИМ, собр. Барсова, № 508 и маргиналии «Янполь, 1697» при ней мы узнаем дату и место ее произнесения. Этому не противоречит и исторический контекст: Янполь (Ямполь) являлся ранговым владением украинских гетманов, в том числе принадлежал гетману Ивану Мазепе, под покровительством которого служил Димитрий Ростовский. Кроме того, в этот период, с 1694 г. по 20 июня 1697 г., согласно «Диариушу», святитель был игуменом Глуховского Петропавловского монастыря,[34] территориально находящегося недалеко от Янполи, поэтому возможность произнести в Янполи в 1697 г. проповедь в неделю 27 по Пятидесятнице у святителя Димитрия Ростовского была, и эта «историческая связка» является еще одним аргументом в пользу атрибуции данной проповеди Димитрию Ростовскому.

Таким образом, для выявления всего состава ораторских сочинений Димитрия Ростовского, для решения вопросов атрибуции и комментирования необходимо по возможности принимать во внимание все списки проповедей святителя.

Ниже предлагается краткий каталог-перечень проповедей Димитрия Ростовского, который может быть использован для их научного издания. В нем указывается название проповеди: названия проповедей унифицированы, предлагается их современная орфография, сохранена только буква ѣ, второе название проповеди (если оно есть) указывается в квадратных скобках; место и дата произнесения (если известны); начало текста;[35] авторитетная, на наш взгляд, рукопись — автограф, или «авторизованная» рукопись с пометами митрополита, или рукопись, вышедшая из ростовского скриптория, или рукопись, содержащая единственный список этой проповеди, — по которой предлагается издавать текст; а также (если необходимо) указывается

[34] См. «Диариуш» в ркп.: РНБ, Q.IV.186, л. 21–21 об. Янполь (Ямполь) принадлежал Новгород-Северскому уезду Черниговского воеводства.

[35] Мы остановились на инципите, отказавшись от указания темы проповеди, так как тема часто не является маркером для атрибуции текста: на одни и те же праздники, одни и те же темы говорили свои проповеди многие проповедники.

рукопись, по которой могут быть подведены разночтения;[36] редакции проповедей (если они имеются) отмечаются в сносках. Проповеди, произнесенные на простой мове, отдельно не выделяются, расположены в общей последовательности. Имеются следующие сокращения (с указанием листов после сокращения): ГИМ, собр. Соколова, № 81 — Соколов, 81; ГИМ, собр. Забелина, № 619 — Забелин, 619;[37] Ростовский музей-заповедник, № 828 — РМЗ, 828; РГБ, ф. 394 (собр. Хлудова), № 25 — Хлудов, 25; РНБ, Q.I.269 — Q.I.269;[38] РНБ, собр. Титова, № 3557 — Титов, 3557; ГИМ, Синодальное собр., № 147 — Синодальное, 147; ГИМ, Синодальное собр., № 146 — Синодальное, 146; ГИМ, собр. Уварова, № 183 — Уваров, 183.

Краткий каталог проповедей Димитрия Ростовского

Слово в недѣлю о мытари и фарисеи (Москва, 26 января 1702 г.)
Нач.: «Нынѣшнюю евангельскую знатную и всѣм свѣдомую, устнама Господнима изреченную о мытари и фарисеи притчу да толкует себѣ кто...»
Соколов, № 81, л. 15–26.; разночтения по списку: Забелин, № 619, л. 7–14.

Слово <второе> в недѣлю мытаря и фарисея [и Слово в недѣлю 33 по Святом Дусѣ][39]
Нач.: «Человѣколюбивый Владыка Христос Бог наш воспоминает в нынешнем Евангелии, и на божественной литоргии чтенном, два человѣка, слышателие возлюбленныи...»
РМЗ, 828, л. 12–14 об.

Слово в недѣлю Страшнаго Суда (Москва, 20 января 1706 г.)
Нач.: «Недавно первое пришествие Христово праздновахом...»
Хлудов, 25, л. 23 об.–28 об.

Слово в недѣлю сыропустную (Москва, 10 февраля 1706 г.)
Нач.: «Слава Богу, яко постнаго преддверия уже достигохом, слышателие возлюбленнии!»

---

[36] Проведенное нами текстологическое изучение проповедей Димитрия Ростовского позволяет выделить списки, которые имеют некоторое количество лексических и орфографических разночтений.

[37] Если проповедь встречается в обеих «авторизованных» рукописях Димитрия Ростовского: собр. Забелина, 619 и собр. Соколова, 81, то предлагается подвести разночтения по одному из этих двух списков, хотя следует отметить, что разночтения в них единичные.

[38] Сборник Q.I.269 — один из сборников, по которому, ввиду его уникальности, также предлагается подвести разночтения.

[39] И в рукописи, и в издании проповедь обозначена как «Слово в недѣлю 33 по Святом Дусѣ», вариант «Слово в недѣлю мытаря и фарисея» дается только в оглавлении рукописи.

Забелин, 619, л. 15–24.

Слово в недѣлю 1 Великаго Поста (Москва, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря, 23 февраля 1702 г.)
Нач.: «В нынѣшнѣм Евангелии слышим: небо отверсто, и кто бы не желал внити в не, слышателие возлюбленнии...»
Забелин, 619, л. 25–34, разночтения по списку: Q.I.269, л. 38–42 («Contio pro die Dominica pryma Magni Jeiuny»).

Слово в субботу 4 недѣли Великаго поста [и Панихида по Федору Яковлевичу Турченину] (Москва, церковь Козьмы и Дамиана в Кадашевской слободе, 27 ноября 1705 г.)
Нач.: «Поминайте и поминай тии два от Божественнаго Писания словеса в бесѣдѣ нашей нынѣ да будут, слышателие возлюбленнии...»
Соколов, 81, л. 165–172 об.

Слово в субботу 5 похвальную Великаго поста (Москва, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря, 5 апреля 1701 г.)
Нач.: «Пречестную преблагословенную Дѣву Марию недавно в праздник Благовѣщения архаггел Гавриил тѣм привѣтствовал словом...»
Забелин, 619, л. 47–54 об., разночтения по списку: Q.I.269, л. 53–56 («Contio pro Festo Collaudationis Beatissimas V. Marias»).

Слово <второе> в недѣлю 5 Великаго поста (Москва, 3 марта 1706 г.; Ростов)[40]
Нач.: «Два святые ученики и апостолы Христовы, Иаков и Иоанн, сыны Заведеовы...»
Забелин, 619 , л. 35–45 об.

Слово в недѣлю Вайи, историческое (Ростов, 29 марта 1702 г.)
Нач.: «Господу нашему Иисусу Христу славно во Иерусалим входящу...»
Забелин, 619, л. 55–62 об., разночтения по списку: Соколов, 81, л. 39–48.

Казание на страсти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Чернигов, 13 апреля 1677 г.)[41]
Нач.: «Ктож колвек того болѣзненнаго жития путь проходишь, застоновися тут...»
РМЗ, 828, л. 15–36 об.

---

[40] Вторая редакция этой проповеди читается в: Уваров, 183, л. 383–386 об. с пометами: «В Ростовѣ»; «В таковой же силѣ значит выше под 39 главою, токмо с переменою речей с прибавлением и уменьшением».

[41] Слово произнесено на простой мове.

Слово о страстех Христовых (Москва, 1706 г.)

Нач.: «Пишется в Пѣснех пѣсней о царѣ Соломонѣ, изобразившем Христа Господа дщери Сиони...»

Хлудов, 25, л. 77–79.

Слово на Воскресение Христово

Нач.: «В прешедшыя вольнаго страдания Господня дни видѣхом Христа Спасителя нашего безславна...»

Забелин, 619, л. 63–69 об., разночтения по списку: Q.I.269, л. 70 об.–73 об. («Contio 2-da pro Resuriectione Christi»).

Слово <второе> на Воскресение Христово

Нач.: «В нынѣшний всемирно радостный день, небесным, земным и преисподним радости виновный...».

Титов, 3557, л. 485–493 об.

Слово на Благовѣщение пресвятыя Богородицы, и понедѣльник Воскресения Христова свѣтлый (Москва, 25 марта 1706 г.)

Нач.: «Два пресвѣтлые праздники: Воскресение Христово и Благовѣщение пресвятыя Богородицы...»

РНБ, собр. Титова, № 3526, л. 1–16,[42] разночтения по списку: РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 8796, л. 98 об.–110.[43]

Слово в недѣлю Фомину

Нач.: «Открыл нам Христос Господь нынѣ вся своя сокровища...»

Забелин, 619, л. 71–81 об.

Слово в недѣлю святых жен мироносиц (Москва, 7 апреля 1706 г.)

Нач.: «Святым мироносицам, во гробѣ Христа ищущым, сказует аггел, яко нѣсть здѣ...»

Забелин, 619, л. 83–100 об.

Слово в недѣлю 4 по Пасцѣ, о разслабленном (Москва, 11 мая 1701 г.)

Нач.: «Смотря грѣшныма моима очима на ваше благочестие, о возлюбленнии мои слышателие!»

Соколов, 81, л. 49–62,[44] разночтения по списку: Забелин, 619, л. 101–108 об.

Слово в недѣлю 6 по Пасцѣ, о слѣпорожденном (Москва, Донской монастырь, 25 мая 1701 г.)

Нач.: «Велие чудо Христа Спасителя нашего на слѣпорожденном сотворшееся...»

Забелин, 619, л. 109–120.

---

[42] Рукопись писана писцом Ростовского Архиерейского дома.

[43] Список имеет помету: «Прилучися в понедельник Святыя Пасхи. 1706 году, марта 25, в Москвѣ».

[44] В списке имеется помета: «NB. Сему поучению не случися проповѣдану быти, и неисправно есть в диспозиции своей, при концу наипаче».

Слово в недѣлю 7 по Пасце[45]

Нач.: «То все щастие христианскаго человѣка, то вся духовная утѣха, то вся надежда спасения и самое спасение, то первое чаяние живота вѣчнаго и самы живот вѣчны...»

Хлудов, 25, л. 125 об.–130 об.

Слово на Вознесение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (Москва, 2 мая 1706 г.)

Нач.: «Нынѣшний Вознесения Господня праздник, радостным ѝ праздником, или плачевным нарещи, не вѣм, слышателие мои возлюбеннии!»

Забелин, 619, л. 121–132 об.

Слово на Сошествие святого Духа (Киевский Кирилловский монастырь, 4 июня 1693 г.)[46]

Нач.: «Ним сподобится з нас кто колис Бога во Троицы единаго Отца и Сына и святаго Духа славити со ангелом в небѣ...»

Хлудов, 25, л. 142 об.–151 об.

Слово на Святую Троицу (Батурин, 12 июня 1698 г.)[47]

Нач.: «В нынѣшний пресвятый единосущный, животворящий и нераздѣльной Троицы праздник кланяючися и цѣлуючи икону святую, на которой Троица святая...»

Соколов, 81, л. 210–229 об., разночтения по списку: Q.I.269, л. 91–97 («Contio pro Festo sanctas Trinitatis».

Слово в недѣлю 1 по святом Дусѣ, всѣх святых (Москва, Донской монастырь, 15 июня 1701 г.)

Нач.: «В сию всѣх святых недѣлю церковь святая, мати наша, всѣх святых лики сочисляющи...»

Хлудов, 25, л. 152–156 об.

Слово в четверток 1 недѣли по святом Дусѣ, о молитвѣ (Москва, 19 июня 1701 г.)[48]

Нач.: «Мнози от нынѣшних политиков или псевдополитиков, паче же еретиков, глаголют...»

Хлудов, 25, л. 157–161.

Слово в недѣлю 2 по святом Дусѣ (Москва, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря, 22 июня 1701 г.; Ростов, Успенский собор, 1706 г.)[49]

---

[45] Слово произнесено на простой мове.

[46] Слово произнесено на простой мове.

[47] Слово произнесено на простой мове.

[48] Имеется помета: «Проповедано во время Шведской войны».

[49] В списке Титов, 100 сообщается, что проповедь была прочитана дважды: «В Преображенском 1701 году, в 1706 в Соборѣ» (л. 144) — обычно так обозначался Ростовский Успенский собор; список ГИМ, собр. Барсова, № 506, л. 100. имеет помету: «В Ярославле читано».

Нач.: «Не единѣх апостолов, но при них и всего мира Христос Господь наш к себѣ призывает...»
Хлудов, 25, л. 166 об.–171 об.

Слово <второе> в недѣлю 2 по святом Дусѣ
Нач.: «Добрый ловитель рыб Спаситель наш по брегу ходит и на мори уловляет, егда распростре мрежу словесе своего жива...»
Хлудов, 25, л. 161 об.–165 об.

Слово в недѣлю 4 по святом Дусѣ, о молитвѣ (Москва, 9 июня 1706 г.)
Нач.: «Глаголати ли или молча рыдати сердцем имам о нечаянном изгнании сынов царствия во тьму кромѣшную, слышателие возлюбленнии!»
Хлудов, 25, л. 172–176 об.

Слово в недѣлю 5 по святом Дусѣ (Москва, Донской монастырь, 1705 г.(?))[50]
Нач.: «О бѣсах и о свиниях не токмо глаголати, но ниже помыслити хотѣх, слышателие мои возлюбленнии!»
Хлудов, 25, л. 177–181.

Слово в недѣлю 6 по святом Дусѣ [В тот же день празднество срѣтения иконы пресвятыя Богородицы Владимирския] (Москва, 23 июня 1706 г.)
Нач.: «В нынѣшнюю недѣлю и в нынѣшнее пречистой Дѣвы Богородицы празднество слышахом двѣ Евангелия истории, на божественной литургии чтенныя...»
Забелин, 619, л. 133–141 об.

Слово в недѣлю 8 по святом Дусѣ
Нач.: «В недѣлю сию чтется Евангелие о пяти хлѣбах, имиже Господь наш пять тысящ народа насытил есть, слышателие возлюбленнии!»
Забелин, 619, л. 143–152.

Слово <второе> в недѣлю 8 по святом Дусѣ (Свято-Успенский монастырь Александровой слободы)
Нач.: «Нынѣшнѣе Евангелие, на божественной литургии чтенное, поистиннѣ есть трапеза духовная...»
Хлудов, 25, л. 195–200.

---

[50] В рукописи Уваров, 183, л. 95 имеется помета, что проповедь была произнесена в Москве в 1705 г., но думается, здесь допущена ошибка: проповедь, скорее всего, была произнесена в 1706 г.; кроме того, неделя 5 и неделя 23 по святом Духе «подобны», на что указывает сам Димитрий Ростовский, см. запись при неделе 23 по святом Духе (Соколов, 81, л. 79): «An. 1701 Moschowiae», «NB. Сия недѣля подобна недѣлѣ 5 по святом Дусѣ».

Слово в недѣлю 9 по святом Дусѣ (Москва, Донской монастырь, 10 августа 1701 г.)
Нач.: «В нынѣшнем Евангелии, на божественной литургии чтенном, слышахом море волнующееся...»
Забелин, 619, л. 153–160 об.

Слово в недѣлю 10 по святом Дусѣ (Москва, 17 августа 1701 г.)[51]
Нач.: «Не всегда и святии людие, якоже видим, могут власть имѣти над бѣсы, еже изгонити их, слышателие мои возлюбленнии!»
Забелин, 619, л. 161–168.

Слово в недѣлю 13 по святом Дусѣ (Москва, 7 сентября 1701 г.)[52]
Нач.: «Нынѣшняя евангельская притча от святых отец и толкователей Божественнаго писания ясно истолковася, слышателю мой».
Хлудов, 25, л. 222 об.–227.

Слово <второе> в недѣлю 13 по святом Дусѣ (Москва, Успенский собор, 22 августа 1708 г.)
Нач.: «Гость есмь в богоспасаемом царствующем градѣ, слышателю мой прелюбезный!»
Забелин, 619, л. 169–178 об.

Слово в недѣлю 14 по святом Дусѣ [и усѣкновение честныя главы святаго славнаго пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна] (Москва, Иоанно-Предтеченский женский монастырь, 29 августа 1708 г.)
Нач.: «Два пира в нынѣшних евангелиах слышим, слышателие благочестивии!»
Забелин, 619, л. 179–191 об.

Слово в недѣлю 15 по святом Дусѣ [и отдание праздника Воздвижения честнаго и животворящаго креста Господня] (Москва, 21 сентября 1701 г.)[53]
Нач.: «Не погрѣшил тот, кто любовь, любовь же божественную, нарече огнем...»

---

[51] В рукописи РНБ, собр. Титова, № 100 на л. 40 помета: «Недѣля 4 поста чти недѣлю 10 по святом Дусѣ». Согласно этой записи, слово могло произноситься и в неделю 4 Великого поста.

[52] Вторая редакция Слова в недѣлю 13 по святом Дусѣ (Ростов, 1704 г.); нач.: «Нынѣшняя евангельская притча о насаждении винограда и убиении наслѣдника от святых отец и толкователей Божественнаго писания ясно истолковася, слышатели благочестивии...» (Уваров, 183, л. 136 об.–143).

[53] Согласно пометам «Согласует сему недѣля 25, в соборѣ» (Уваров, 183, л. 151) и «Лѣта 1705» (Титов, 100, л. 250), проповедь могла быть произнесена дважды, второй раз в 1705 г.

Забелин, 619, л. 192–204 об., разночтения: Q.I.269, л. 145–152 («Alia contio pro eodem die dominico 15 post Pentecostes, и отдание праздника Воздвижение честнаго креста»), Уваров, 183, л. 151–159 об.

Слово <второе> в недѣлю 15 по святом Дусѣ[54]

Нач.: «Ближняго своего, яко самаго себе, любити — учит нас во святом Евангелии Господь, слышателие возлюбленнии...»

Слово в недѣлю 15 по святом Дусѣ // ЯЕВ. 1861. № 40 (1 окт.). Ч. неоф. С. 383–385.

Слово в недѣлю 18 по святом Дусѣ (Москва, 12 октября 1701 г.)

Нач.: «Геннисаретскаго езера славный рыболов Симон Петр узрѣ в многое мрежею извлеченных рыб множество...»

Соколов, 81, л. 63–78, разночтения: Забелин, 619, л. 205–214 об.

Слово <второе> в недѣлю 18 по святом Дусѣ[55]

Нач.: «Жалуется пред Христом Спасителем нашим святый апостол Петр на свое неблагополучие и на суетныя труды...»

Уваров, 183, л. 420 об.–424.

Слово в недѣлю 19 по святом Дусѣ (Москва, Успенский собор, 19 октября 1701 г.)

Нач.: «Обыкоша нѣцыи охуждати сии послѣднии времена и нынѣшний немощный человѣческий род укоряти...»

Забелин, 619, л. 215–225 об., разночтения по списку: Q.I.269, л. 156–160. («Contio pro die Dominica 19 post Pentecostes»).

Слово <второе> в недѣлю 19 по святом Дусѣ (Москва, 1705 г.)[56]

Нач.: «Трапезу духовную любви вашей представити днесь умыслих...»

Забелин, 619, л. 226–236, разночтения по списку: РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 8796, л. 268 об.–281 об.

Слово в недѣлю 20 по святом Дусѣ [и память святаго великомученика Димитрия] (Москва, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря, 1701 г.)

Нач.: «В сию рядовую по чину церковному двадесятую по святом Дусѣ о воскресении сына вдовича недѣлю...»

Хлудов, 25, л. 266 об.–274.

---

[54] В рукописной традиции проповедь нам не известна, только в издании, где также указано: «Слово сие взято из рукописной книги, хранящейся в библиотеке Ярославского Архиерейского Дома. В печатных же творениях св. Димитрия его нет».

[55] Слово известно в единственном списке.

[56] Некоторые списки указывают на дату — 1706 г., но думается, что это писцовая ошибка, ориентироваться нужно на маргиналию в рукописи Забелин, 619: «An. 1705 Moschoviae, в Соборной церквѣ».

Слово в четверток по 20 недѣли по святом Дусѣ (Москва, 18 октября 1705 г.)
Нач.: «Поучатися в словесѣх божиих всегда должни есмы, божия же словеса предлагаются нам в Божественном писании...»
Хлудов, 25, л. 274 об.–278.

Слово в недѣлю 21 по святом Дусѣ (Ростов)
Нач.: «В нынѣшний недѣлный день слышахом на божественной литургии святое Евангелие...»
Забелин, 619, л. 237–242 об.

Слово в недѣлю 22 по святом Дусѣ (Ростов, 22 октября 1708 г.)
Нач.: «Два человѣка воспомянушася в нынѣшней евангельской притчѣ, един богат, а другий нищ...»
Забелин, 619, л. 243–250 об.

Слово в недѣлю 23 по святом Дусѣ (Москва, 16 ноября 1701 г.)
Нач.: «Неблагодарствия и благодарствия образ видим в нынѣшнем Еевангелии, слышателие возлюбленнии!»
Соколов, 81, л. 79–92 об., разночтения по списку: Забелин, 619, л. 251–262 об.

Слово в недѣлю 24 по святом Дусѣ (Москва, 23 ноября 1701 г.)
Нач.: «Нынѣшнее святое Евангелие двѣ истории содержит, слышателие мои возлюбленнии!»
Забелин, 619, л. 263–271 об.

Слово в недѣлю 27, о жене сляченной (Янполь, 1697)[57]
Нач.: «Гость естем в богоспасаемом сем вашом градѣ, слышателю мой возлюбленный, а гость теды вдячен, если з гостинцом...»
ГИМ, собр. Барсова, № 508, л. 506–520 об.

Слово в недѣлю 27 по святом Дусѣ[58]
Нач.: «Присмотрѣвся нѣкогда псаломник о жизни своей, с плачем глаголя...»
РНБ, собр. Титова, №. 2555, л. 167 об.–169 об.

Слово на Воздвижение честнаго и животворящаго креста Господня. Мѣсяца септемвриа в 14 день (Ростов)
Нач.: «Достойно и праведно поклонятися кресту Христову, слышателие благочестивии...»
Хлудов, 25, л. 344 об.–352 об.

---

[57] Слово произнесено на простой мове.

[58] Слово известно в единственном списке.

Слово <второе> в недѣлю по Воздвижению честнаго Креста (Москва, Успенский собор, 1705)[59]

Нач.: «Обое любо, и душа и мир сей, слышателие возлюбленнии! Обое, глаголю, любо человѣком, и душевное спасение, и мира сего наслаждение...»

Забелин, 619, л. 1–6.

Слово на Введение пресвятыя Владычицы Богородицы. Мѣсяца ноемврия 21 день (Ярославский Свято-Введенский Толгский монастырь, 1708)

Нач.: «Бог всемогущий лучши есть и честнѣйший всякия твари...»

РНБ, Софийское собр., № 1283, л. 90–95.

Слово на Рождество Христово (Чернигов, 25 декабря 1698 г.)[60]

Нач.: «Выдался Бог з секретов, з таинств, слухачу православный. Недивно. Пришол межи люде, на земли явися и с человѣк поживе...»

Соколов, 81, л. 189–209, разночтения по списку: Q.I.269, л. 8 об.–14 об. («Contio pro eodem Festo Nativitatis Xristi»).

Слово <второе> на Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

Нач.: «Бог еще прежде век во плоти своего путешествия, си есть в древних вещех многоразличными образы показуя себе мирови, о чесом сказует нам святый апостол Павел...»

РМЗ, 828, л. 122–127 об.

Слово <третье> на Рождество Христово[61]

Нач.: «Кому пресвѣтлаго дня нинишняго пожадани от вѣка мѣл, а мнѣ несподиванная наступила тривога...»

Q.I.269, л. 1–8. («Contio pro Nativitate Christi»).

Слово о сретении Господнем и о Очищении пресвятыя Дѣвы Богородицы. Мѣсяца февруария во 2 день[62]

Нач.: «По Рождестве Господа нашего Иисуса Христа четыредесяти днем прешедши и времени очищения законнаго исполнившуся...»

РМЗ, 828, л. 75–79 об.

Слово <второе> на Сретение Господне[63]

---

[59] Согласно помете Титов, 100, л. 216 («Недѣля 3 поста чти недѣлю по Воздвижении честнаго креста»), проповедь можно читать и в неделю 3 Великого поста.

[60] Слово произнесено на простой мове.

[61] Слово известно в единственном списке и произнесено на простой мове.

[62] Слово известно в единственном списке.

[63] Слово известно в единственном списке.

Нач.: «Кто возглаголет силы Господня, и слышаны сотворит вся хвалы его, аще бо по словеси царствующаго пророка: Дивен Бог во святых своих...»
Уваров, 183, л. 424 об.–428.

Слово на праздник Благовещения пресвятой Богородицы[64]
Нач.: «Видячи Бог Отец предвѣчный великую сего свѣта, юж до упадку нахиленнаго руину, слихатель возлюбленный...»
Q.I.269, л. 47–60 об., конец проповеди на л. 52. («Contio 2-da pro eodem festo»).

Слово на Преображение Господне. Мѣсяца августа в 6 день[65]
Нач.: «Господня Преображения действо не точию святыи евангелисты доволно описаша...»
РМЗ, 828, л. 128–136 об.

Слово на Успение пресвятыя Богородицы (Киево-Печерская лавра, 15 августа 1693 г.)[66]
Нач.: «В месяцу серпню, в самый час жнива, гды в полю пожатые колоссы в снопы вяжут, в житницы звозят...»
Титов, 3557, л. 395 об.–417.

Слово <второе> на Успение пресвятыя Богородицы. Мѣсяца августа в 15 день (Москва, 1701 г.)
Нач.: «Дивнаго Бога дивная мати, от начатка своего и до конца своего есть дивна...»
Титов, 3557, л. 420–432, раночтения по списку: Q.I.269, л. 118–123 («Contio pro Festo Assumptunis Beatissimas Virginis Marias»).

Слово <второе> на Успение пресвятыя Богородицы, фрагмент[67]
Нач.: «Дѣвство и дѣвствующая мати Божия уподоблена есть от Духа Святаго кринову бѣлому цвѣту...»
Титов, 3557, л. 432–434.

Слово на обрѣзание Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Мѣсяца ианнуариа в 1 день (Москва, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря, 1702 г.)
Нач.: «Якоже Новый Завѣт, сице и новое лѣто от имени Иисусова начинается, слышателие благочестивии!»
Титов, 3557, л. 291–302 об., разночтения по списку: Q.I.269, л. 18–22. («Contio pro Festo Circumtionis Christi Domini»).

---

[64] Слово известно в единственном списке и произнесено на простой мове.

[65] Слово известно в единственном списке.

[66] Слово произнесено на простой мове.

[67] В рукописных списках помета: «Оставшая от казания на Успение, о чистотѣ», возможно, это фрагмент «Слова на Успение Богородицы» (нач.: «Дивнаго Бога дивная мати, от начатка своего и до конца своего есть дивна...»).

Слово на память святых верховных апостол Петра и Павла. Мѣсяца иуниа в 29 день (Москва, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря, 1706 г.)

Нач.: «Блаженныи то бяху людие, имже четыредесять лѣт по непроходимых пустынях ходящым, столпы небеснии, от Бога устроенныи, были проводниками, путь показующими, слышателие возлюбленнии!»

РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 242, л. 1–14, разночтения по списку: Q.I.269, л. 100–103 об. (фрагмент) («Contio pro Festo Sancti Petri et Pauli Apostolorum»).

Слово на усѣкновение честныя главы святаго Иоанна Предтечи. Мѣсяца августа в 29 день (Москва, 1701 г.)

Нач.: «Честнаго и славнаго пророка Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, егоже днесь усекновение честныя главы празднуем...»

Забелин, 619, л. 439–446 об.

Слово в день чуда святаго архистратига Михаила. Мѣсяца септемврия в 6 день (Москва, Чудов монастырь, 1705 г.)

Нач.: «Изображенное на иконѣ чудо святаго архистратига Михаила зря...»

Забелин, 619, л. 272–288 об.

Слово на память святаго великомученика Евстафиа Плакиды. Месяца септемврия в 20 день (Москва, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря, 1705)

Нач.: «Аще кий от святых сице, яко нынѣ почитаемый святый великомученик Евстафий Плакида...»

Забелин, № 619, л. 290–303.

Слово в честную память, иже во святых отца нашего Гуриа, архиепископа Казанскаго. Мѣсяца октовриа в 4 день (Москва, Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря, 1701 г. (?))

Нач.: «Апостольских нравов причастника, апостольски о спасении душ человѣческих трудившагося, иже во святых отца нашего Гуриа, перваго архиепископа и просвѣтителя земли Казанския...»

Синодальное, 147, л. 359–374 об. (по нижней пагинации: 362–377 об.).

Слово похвалное первое на святаго Гуриа, перваго архиепископа Казанскаго[68]

Нач.: «Память праведнаго с похвалами, и благословение Господне на главе его, безъсмертия бо есть и радости неизъглаголанныя исполнена память его».

РМЗ, 828, л. 151–155 об.

[68] Слово известно в единственном списке.

Слово второе на святаго Гуриа, перваго архиепископа Казанскаго[69]

Нач.: «Святый Гурий первый бысть архиепископ и пастырь Казанский. Тому пастырю...»

РМЗ, 828, л. 155 об.–160.

Слово на память святаго великомученика Димитрия. Мѣсяца октоврия в 26 день (Ростов)

Нач.: «В нынѣшний пятка день, в оньже обычно воспоминается вольное за ны страдание Господне...»

Титов, 3557, л. 195–208.

Слово на память святаго великомученика Димитрия, фрагмент. Октоврия в 26 день (1705 г.)[70]

Нач.: «Ино суть страсти плотския, ино душевная: плотския страсти содержатся в чувствах плотских видимо...»

Забелин, 619, л. 467–470 об.

Брань святаго архистратига Михаила, воеводы сил небесных, и ангелов его с седмоглавым змием (Киевский Михайловский Златоверхий монастырь, 8 ноября 1696 г.)[71]

Нач.: «Давняя небесных духов на небѣ бывшая з Люципером война обновилася на земли в странѣ Гадаринской, слухачу презацный...»

Соколов, 81, л. 230–253 об., разночтения по списку: Q.I.269, л. 175–180 об. («Contio pro Festo sancti Michaelis»).

Слово на собор архистратига Михаила (1705 г.)

Нач.: «Доволен есть всесилный создатель Бог наш и без приставления к нам аггелския стражбы сам собою хранити нас...»

Забелин, 619, л. 304–314 об.

Слово на память святаго Иоанна Златоустаго. Мѣсяца ноемврия в 13 день (1705 г.)

Нач.: «Стыдно нам мужескому полу, яко нынѣ празднуемаго свѣтилника миру, иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго...»

Забелин, 619, л. 316–323.

Слово на память преподобных отец наших Варлаама и Иоасафа индийских. Мѣсяца ноемврия в 19 день (Москва, Измайловский Покровский собор, 1705 г.)

Нач.: «Купец и продавец из далеких стран с дорогим товаром в нынѣшний день семо приспѣли, слышателие благочестивые!»

Забелин, 619, л. 324–335.

---

[69] Слово известно в единственном списке.

[70] Во всех списках текст проповеди сопровождается следующей пометой: «Оставшая нѣкая от казаня на святаго великомученика Димитриа».

[71] Слово произнесено на простой мове.

Слово на память святыя великомученицы Екатерины. Мѣсяца ноемврия в 24 день (Москва, 1705 г.)
Нач.: «В празднественный святыя великомученицы Екатерины день вшед в пречестный сей ея храм...»
Титов, 3557, л. 246–253 об.

Слово на память великомученицы Варвары (Батуринский Николо-Крупицкий монастырь, 4 декабря 1692 г.)[72]
Нач.: «Выбачьте ми пять мудрыи евангельския дѣвы, о вас мовлълю...»
Q.I.269, л. 185–191 («Contio pro Festo Sanctas Barbaras Martiris»).

Слово <второе> на память великомученицы Варвары (Батуринский Николо-Крупицкий монастырь, 4 декабря 1691 г.)[73]
Нач.: «В нинишний день пятковый в посрод двоих страстъных страшных видоков стояти мнюся...»
Q.I.269, л. 191–197 об., без кон. («Alia contio pro eodem Festo S. Bar.»).

Слово на пречестную память великаго святителя Николая архиепископа, мирликийскаго чудотворца. Мѣсяца декемврия в 6 день (Москва, 1705 г.)
Нач.: «Великаго угодника Божия и чудотворца, иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мир Ликийских...»
Титов, 3557, л. 220 об.–226 об.

Слово на память иже во святых отца нашего Петра, митрополита Всероссийскаго. Мѣсяца декемврия в 21 день (Москва, 1705 г.)
Нач.: «Празднующе любовию всечестную память иже во святых отца нашего Петра митрополита, московскаго и всея России чудотворца...»
Титов, 3557, л. 279–290 об.

Слово в недѣлю пред Рождеством Христовым, декемврия в 21 день, и в преставление святаго Петра митрополита, российскаго чудотворца
Нач.: «Два учители с двома книгами в сей день недѣлный поучити нас в церкви сѣмо предстаста...»
Забелин, 619, л. 336–347, разночтения по списку: Q.I.269, л. 201–207 об. («Contio pro die Dominica ante Nativitates Xristi et pro Festo sancti Petri metropolitas Kioviensis»)

Слово в недѣлю пред Просвѣщением (Москва, 28 декабря 1702 г.)
Нач.: «Глас, воззвавый в пустынѣ, слышится во градѣх, проповѣдуется в церквах, внушается во всей поднебеснѣй, слышателю возлюбленный!»

---

[72] Слово известно только в единственном списке и произнесено на простой мове.

[73] Слово известно только в единственном списке и произнесено на простой мове.

Соколов, № 81, л. 1–13 об., разночтения по списку: Забелина, № 619, л. 348–355.

Слово на память святаго праведнаго Симеона Богоприимца. Мѣсяца февруария в 3 день (Москва, 1706 г.)
Нач.: «“Память праведнаго с похвалами бывает”, — глаголет Писание» (Притч. 10:7).
Соколов, 81, л. 29–38, разночтения по списку: Забелин, 619, л. 356–369.

Слово на память святаго Алексиа, митрополита Московскаго и всея России. Мѣсяца февруариа во 12 день (Москва, 1706 г.)
Нач.: «Пастырей начальник, Христос Спаситель наш, донелѣже бяше на земли со словесными овцы своими...»
Титов, 3557, л. 338–342 об.

Слово (поучение) на память святых девяточисленных мучеников кизических. Мѣсяца априллиа в 29 день (1694 г.)[74]
Нач.: «Празднество святых угодников Божиих — пирование есть духовное, в немже подобает вѣрным учреждати душы негиблющим брашном и питием...»
Синодальное, 146, л. 319–327, разночтения по списку: Забелин, 619, л. 370–380 об.

Слово на день российских князей Романа и Давида[75]
Нач.: «Обитель сия святая есть то двор Царя Небеснаго, икономы же ея и блюстители суть святыи нынѣ празднуемыя страстотерпцы российскии князи Роман и Давид...»
РНБ, собр. Погодина, № 1154, л. 176–180.

Слово на память святаго великомученика Георгия
Нач.: «Позорищем именуется мир сей, яко бо на позорищи мнози человѣцы бегут до места знаменованного, но точию един приемлет почесть, ризу или венец...»
Уваров, 183, л. 428 об.–431 об.

Слово на пречестную память святителя Леонтия, ростовскаго чудотворца. Мѣсяца маия в 23 день (Ростов, 1702 г.)
Нач.: «Празднующе днесь свѣтло всечестную память иже во святых отца нашего Леонтиа, епископа Ростовскаго, учителя и просвѣтителя страны сея, апостолски в ней потрудившагося...»
Титов, 3557, л. 477–482 об.

---

[74] Возможно, проповедь не была произнесена.

[75] Слово известно в единственном списке.

Слово на перенесение мощей святого мученика Димитрия царевича (Москва, 3 июня 1706 г.)[76]

Нач.: «Знать весну по цвѣтах, якоже лѣто по классах, слышателие возлюбленнии: лѣто жатвою честно...»

РНБ, Q. I. 830, л. 424–434 об.

Слово на пречестную память иже во святых отца нашего Тихона чудотворца, епископа Амафунтскаго. Мѣсяца иуниа в 16 день (Ростов, 1706 г.)

Нач.: «Празднующе днесь пречестную память великаго угодника Божия, во иерарсѣх преизряднаго, в чудотворцѣх славнаго...»

Соколов, 81, л. 95–110 об., разночтения по списку: Забелин, 619, л. 381–395 об.

Слово на празднество явления пречестныя иконы пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии в градѣ Казани. Мѣсяца иулиа в 8 день (Ростов, 1706 г.)

Нач.: «От нѣдр земных, якоже пребогатѣйшее сокровище, пречестную икону пречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии изшедшую...»

Соколов, 81, л. 111–128.

Слово на празднество пресвятыя Богородицы Смоленския, нарицаемыя Одигитриа. Мѣсяца иулиа в 28 день (Москва, Богородице-Смоленский Новодевичий монастырь, 1701 г.)

Нач.: «Пришедши нынѣ с благоговѣнием в святую сию обитель, яко в богонасажденный рай...»

Забелин, 619, л. 397–408.

Слово на празднество пресвятыя Богородицы Донския. Мѣсяца августа в 19 день (Москва, Донской монастырь, 1701 г.)

Нач.: «Дня нынѣшняго в сей святой обители почитающе соборнѣ празднеством икону пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марии, нарицаемыя Донския».

Забелин, 619, л. 409–417, разночтения по спискам: РГБ, ф. 205 (собр. ОИДР), № 242, л. 15–27; РГБ, ф. 92 (собр. Долгова), № 130, л. 1–12 и Q.I.269, л. 210 об.–214 («Mense Auhusti. Contio pro Festo Beatissimae Virginis Mariae Donscensis. Die 19»).

Слово на память святых мученик Адриана и Наталии. Мѣсяца августа в 26 день (Москва, 1708 г.)

Нач.: «Празднуем днесь двоицу святых мучеников Адриана и Наталии, слышателие благочестивии!»

Забелин, 619, л. 419–438 об.

---

[76] Слово известно в единственном списке.

Рѣчь к великому государю архиереа Димитриа, егда еще архимандрит быв с Украйны прииде (Москва, 1701 г.)

Нач.: «Прежде даже сподоблюся, аще сподоблен буду недостойный, в будущем вѣцѣ видѣти Христа Господа, Царя небеснаго, и о зрѣнии пресвятаго лица его веселитися...»

Соколов, 81, л. 288–290 об., разночтения по списку: Забелин, 619, л. 453–455 об.

Рѣчь преосвященнаго Димитриа, митрополита Ростовскаго, в Ростов на престол свой пришедшаго (Ростов, Успенский собор, 1 марта 1702 г.)

Нач.: «Бога, вся на ползу строившаго, изволѣнием, пресвѣтлѣйшаго же монарха благовѣрнаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Петра Алексиевича, всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержца повелѣнием...»

Соколов, 81, л. 292–294 об., разночтения по списку: Забелин, 619, л. 457–460.

Поучение [слово] о четвероконечном крестѣ (23 ноября 1708 г.)

Нач.: «В языкѣ еврейском Адам толкуется человѣк землен, или чермн, понеже от земли чермн...»

РНБ, собр. Титова, № 100, л. 408–412 об.

[Слово на освящение церкви] (Переяславль-Залесский, Борисо-Глебский монастырь, Смоленская (Смоленско-Корнилиевская) церковь, 28 июля 1705 г.)

Нач.: «Освящение пречестнаго сего Божиа и Богоматерня храма совершающе Давыдская, яже он во своем к Богу пѣнии вещаше словеса, воспоминаем сиа...»

Титов, 3557, л. 320 об.–327 об.

Слово на освящение церкви (Ярославль, село Красное, 6 июля 1707 г.)

Нач.: «Освящение святаго и всечестнаго храма сего, егоже в честь и славу Христу Спасителю нашему...»

Забелин, 619, л. 447–451.

Слово о прошении милостыни на созидание церкве (Москва, 27 ноября 1705 г.)

Нач.: «Что принесем, что воздадим, или кое благодарение возслем, слышателие возлюбленнии...»

Хлудов, 25, л. 630–635.

Слово о умерших (12 сентября 1701 г.)

Нач.: «Кто умираяй есть блажен, той иже о Господѣ умирает. Кто же о Господѣ умирает, той иже благоугождает Богови...»

Хлудов, 25, л. 592 об.–593 об.

Слово на поминовение [Слово на поминовение Александра Ивановича Мусина-Пушкина, сына боярина И.А. Мусина-Пушкина, 30 августа 1708 (?)]
Нач.: «Велию содѣловает печаль и смущение, и сокрушение сердца разлучение между любящими...»
Хлудов, 25, л. 602–607 об.

[Слово на поминовение][77]
Нач.: «Никтоже здѣ на свѣте человѣком присѣщает, якоже смерть. Она бо суть вся дѣла и мысли человѣческия от всего прекращает».
ГИМ, Епархиальное собр., № 783, л. 134–141 об.

[Слово на погребение Иннокентия Гизеля] Пирамис албо столп во блаженной памяти преставленнаго высоцѣ в Богу превелебнаго его милости господина отца Иннокентия Гизеля, архимандрита святой великой чудотворной лавры Печерской Киевской, ку вѣчной памяти в год по погребении его при соборной понахидѣ, проповѣдию слова Божого поставленный року 1685 мѣсяца февруария в 24 (Успенский собор Киево-Печерской лавры, 24 февраля 1685 г.)[78]
Нач.: «Смерть а час на то настоят здавна, абы и людие и их памяти пречь гладили з свѣта, слухачу презацный...»
Синодальное, 146, л. 145–162 об., разночтения по списку: Соколов, 81, л. 254–286 об.

Слово на поминовение Иоанна Семеновича Грибоѣдова, стольника его царскаго величества (Москва, 7 мая 1706 г.)
Нач.: «Ничтоже сице есть извѣстно, якоже смерть, и ничтоже сице неизвѣстно, якоже час смертный...»
Соколов, 81, л. 181–188.

Слово на поминовение Тимофеа Борисовича окольничаго, иже сын бѣ болярина Бориса Гавриловича Юшкова (Москва, Алексеевский монастырь, 20 октября 1705 г.)
Нач.: «Поминание творяще во блаженной памяти преставльшемуся (окольничему рабу Божию Тимофею Борисовичу)...»
Соколов, 81, л. 173–180 об.

---

[77] Слово известно в единственном списке.

[78] Слово произнесено на простой мове.

Список литературы

Бухаркин П.Е. Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121.

Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского // *Еремин И.П.* Исследования по древнерусской литературе. СПб., 2013. С. 13–52.

Кагарлицкий Ю.В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М., 2000. С. 243–258.

Калугин В.В. «Келейный летописец» Дмитрия Ростовского // Альманах библиофила. Вып. 15. М., 1983. С. 160–174.

Круминг А.А. Сборник произведений святого Димитрия Ростовского: Рукопись Ростовского музея № 828 // История и культура Ростовской земли. 1992. Ростов, 1993. С. 69–91.

Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.Н. Невоструева). Ч. 1. М., 1970. 211 с.

Титов А.А. Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании А.А. Титова. Т. 4. М., 1901. 424 с.

Федотова М.А. Каталог проповедей Димитрия Ростовского // Русское богословие: Исследования и материалы. 2015. М., 2015. С. 5–84.

Федотова М.А. О неизданных проповедях Димитрия Ростовского: Слово на перенесение мощей святого мученика Димитрия царевича // ТОДРЛ. Т. 63. СПб., 2014. С. 184–204.

Федотова М.А. О неизданных сочинениях святителя Димитрия Ростовского: К постановке проблемы // Вестник ПСТГУ. Сер.: Филология. 2014. № 1 (36). С. 47–64.

Федотова М.А. О первом издателе и первом издании проповедей Димитрия Ростовского // Slověne = Словѣне: Международный славистический журнал. 2018. Т. 7. № 1. С. 148–173.

Федотова М.А. Проповеди Димитрия Ростовского на память великомученицы Варвары: К вопросу изучения украинских ораторских сочинений Димитрия Ростовского // Сообщения Ростовского музея. Вып. 24. Ростов, 2019. С. 135–155.

Федотова М.А. Слово на память Леонтия, епископа Ростовского: К вопросу о неопубликованных сочинениях Димитрия Ростовского // IX чтения по истории и культуре Древней и Новой России: Материалы научной конференции. Ярославль, 25–27 сентября 2014 г. Ярославль, 2016. С. 178–199.

Федотова М.А. Украинские проповеди Димитрия Ростовского (1670–1700 гг.) и их рукописная традиция. Статья 2 // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 409–431.

Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время: 1651–1709 гг. СПб., 1891. 460 с.

Список опубликованных источников

[Димитрий Ростовский]. Собрание разных поучительных слов и других сочинений святого Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, на шесть частей разделенное, с приложением Жития его, Духовной грамоты святаго Димитрия митрополита, ростовскаго чудотворца, и Надгробной. М., 1786. Т. 1. 3, 27, 102 л.; Т. 2. 2, 142 л.; Т. 3. 2, 131 л.; Т. 4. 2, 159 л.; Т. 5. 2, 152 л.; Т. 6. 2, 142 л.

[Стефан Яворский]. Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола Патриаршего, высоким учением знаменитого, и ревность по благочестии преставного. [В 3 ч.] М., 1804–1805. XXVII, IV, 294 с.; IV, 307 с.; IV, 302, VI с.

УДК 930.253

Ю.С. Белянкин
Российская государственная библиотека, Москва
Московский государственный университет

Славяно-русские рукописи хранилищ Костромской области: Итоги археографической работы*

Статья посвящена уникальным археографическим находкам, сделанным в результате работы с коллекцией кириллических рукописей Костромского музея-заповедника специалистов Археографической лаборатории Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. В центре внимания памятники классического периода русского книгописания — XVI века, в том числе имеющие писцовые датированные записи. В статье публикуются записи на рукописных кодексах, содержащие не введенные в научный оборот факты из истории русской книжности Северо-Восточной Руси XVI в.: летописные сообщения из эпохи великого князя Василия III, новые сведения о книжной деятельности архиепископа Ионы Думина и ряд других.

Ключевые слова: рукописи, писцовые записи, Костромской музей-заповедник, Ипатьевский монастырь, археография.

В настоящей статье представлены первые результаты научного описания рукописных книг из собрания Костромского музея-заповедника (КМЗ). Задача — не только раскрытие фондов, но и, впервые, подготовка научного каталога рукописных и старопечатных кириллических книг КМЗ. Большая часть музейных фондов (включая книги, ранее находившиеся в КМЗ) ныне передана в пользование Церковного историко-археологического музея (ЦИАМ) Ипатьевского монастыря. Работы проводились коллективом сотрудников Археографической лаборатории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова на протяжении 2019 г. [Белянкин, 2019, с. 105–115].

Рукописная коллекция КМЗ ранее не была объектом изучения. В настоящее время Костромской музей-заповедник — единственное в области крупное учреждение-хранитель старопечатной и рукописной книги. Рукописные книги Костромской областной универсальной научной библиотеки были переданы в Москву в конце 1940-х — начале 1950-х гг. и составляют с этого времени фонд 138 в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ранее — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина).

Ниже речь идет о рукописях XVI в., в том числе датированных. Актуальность исследования этой темы подтвердило широкое об-

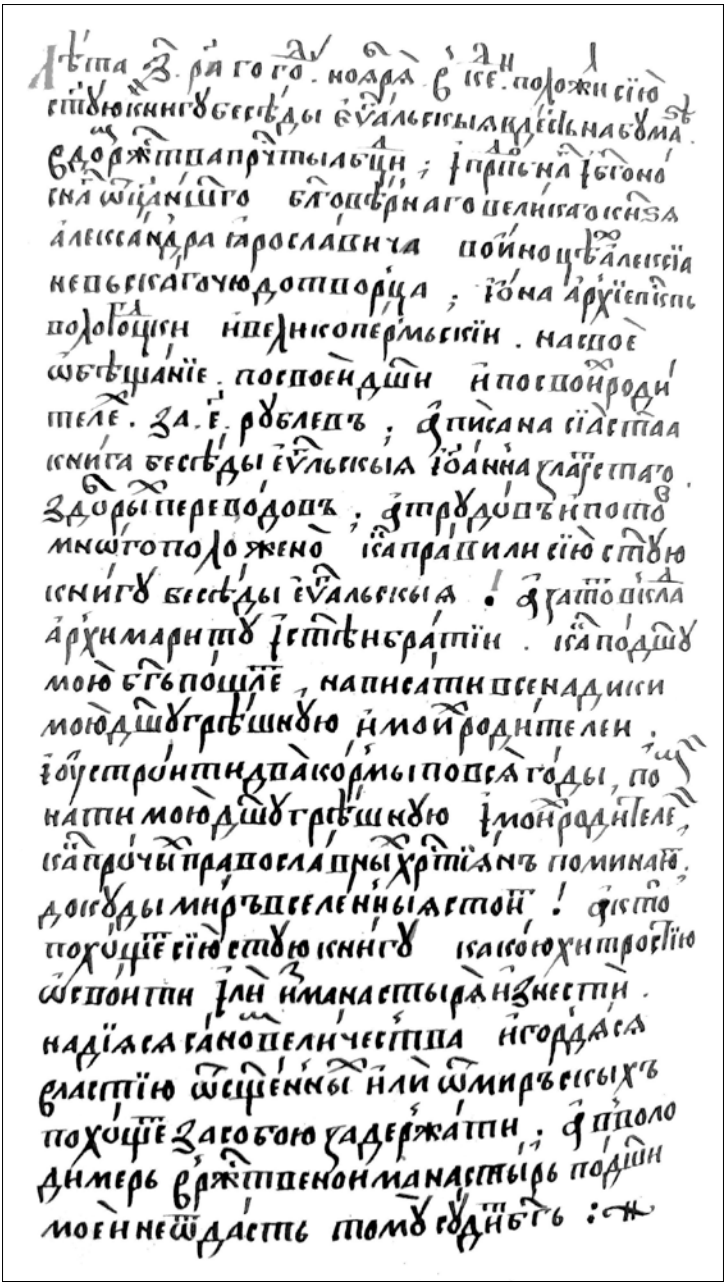
* Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-39-00087.

© Белянкин Ю.С., 2020

суждение монографии А.С. Усачева о русском книгописании XVI в. [Усачев, 2018] в научной среде и, в частности, в Российском историческом обществе, Российской Академии наук, в научной печати [Ерусалимский, 2019; Черкасова, 2019]. Одна из ценнейших рукописей КМЗ — «Беседы» Иоанна Златоуста на евангелиста Матфея в переводе Максима Грека и инока Силуана (КМЗ, № 17212/56). Рукопись представляет собой кодекс форматом in folio, объемом 435 л. и содержит целый ряд записей, связанных со знаменитой в истории средневековой Русской Православной Церкви фигурой — архиепископом Ионой (Думиным) [Буланин, 1988], хорошо известным как автор произведений древнерусской книжности, а также заказчик более 20 рукописей. Кодекс был получен музеем сравнительно недавно и случайно: рукопись найдена совместной экспедицией Загорского и Костромского музеев в селе Светочь Гора Костромского (бывшего Красносельского) района 11 июля 1963 г. Передана в дар музею священником Михаилом Николаевичем Янцевичем. Книга была получена им от прихожанки. Митрополит Иона известен как выдающийся «библиофил» своего времени. Эта особенность хорошо отражена в данном кодексе — и в уровне художественного, палеографического исполнения, и в необычайной содержательности записей Ионы. В конце XVI — начале XVII в. Иона последовательно занимал Вологодскую и Великопермскую кафедры, а затем Ростовскую и Ярославскую митрополию и упокоился в Ростове Великом.

В первой записи (илл. 1; л. 10 об.) архиепископ Иона сообщает о дате и факте вклада «Бесед» «лета 7101 (1592 г.)» 25 ноября с кратким описанием рукописи в виде указания ее формата — «в десть на бумаге» — в Дом Рождества Пречистой Богородицы и «преподобнаго и богоносного отца нашего благовернаго великаго князя Александра Ярославича во иноцех Алексия Невскаго чюдотворца». Рукопись вложена им во Владимирский Рождественский монастырь, с которого в 1580-е гг. началась церковная карьера тогда еще архимандрита Ионы. К концу 1580-х гг. Иона стал архиепископом Вологодским, что отражено в приведенной записи. Не случайно также посвящение князю Александру Невскому, которого Иона особенно почитал (великий князь погребен в Рождественском монастыре во Владимире). Иона известен и как автор одной из редакций «Повести о житии Александра Невского». Вероятно, не случайна и ноябрьская дата вклада: память погребения князя также совершается в ноябре.

Однако этим ценность записи не исчерпывается. Иона указывает причину вклада: по душе своей и своих родителей, что традиционно, и далее указывает сумму, в которую обошелся кодекс, — 5 рублей. Далее вкладчик подчеркивает авторитетность данного списка «Бесед»:



Илл. 1. Запись архиепископа Ионы Думина. «Беседы» Иоанна Златоуста на евангелиста Матфея, л. 10 об. (Костромской музей-заповедник. № 17212/56)

«А писана сия святая книга <...> с добрых переводов, а трудов и потов много положено, как правили сию святую книгу беседы евангельскыя». Условиями вклада являлась запись имен Ионы и его родителей в Синодики Рождественского монастыря и «устроити два кормы по вся годы»: поминание следовало соблюдать, пока «мир вселенныя стоит». Более подробно выглядит в записи Ионы и так называемая «формула проклятия» в отношении потенциальных похитителей: «А кто похощет сию книгу какою хитростию освоити или из манастыря изнести надияся саном величества и гордяся властию освященных или от мирскых похощет за собою задержати, а в Володимер в Ражествен манастырь по души моей не отдаст, того судит Бог».

Рассмотренная запись большей своей частью повторена второй раз в полистной записи (начиная с л. 11) с тем же годом вклада, однако с некоторыми интересными дополнениями. Так, вкладчик упоминает, что список данной рукописи был сделан «з добрых переводов честных монастыреи заволгскых павловскаго и с перевода преподобнаго отца нашего святаго старца Корнилия Комельскаго чюдотворца». Здесь имеются в виду одни из важнейших монастырей Вологодской земли и «Заволжья» — Павло-Обнорский и Корнилиево-Комельский. Преоподобный Корнилий основал монастырь в самом конце XV в., и в первой половине XVI в. при нем же обитель расцвела. Иона подчеркивает личное участие Корнилия Комельского [Понырко, 1988, с. 485–490] в переводе и снова добавляет: «А правил на Москве со многых з добрых переводов. А трудов и потом много положено как правили сию святую книгу беседы евангельскыя».

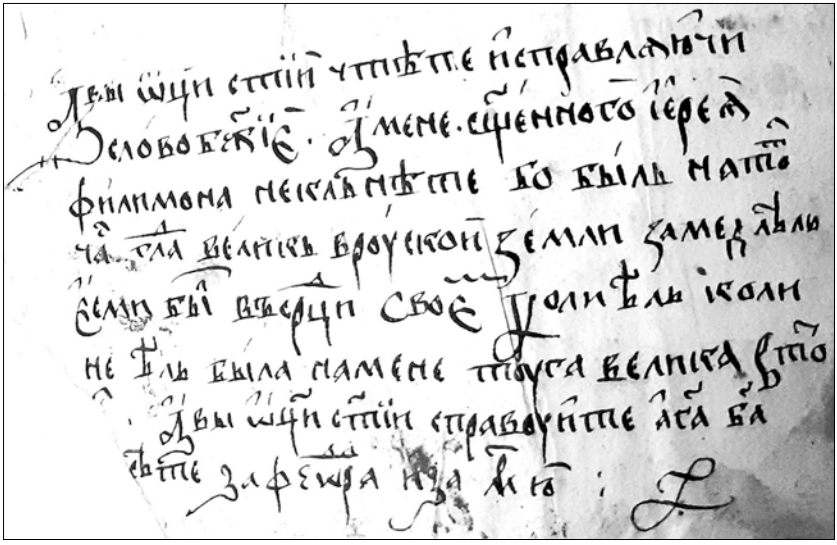
Кроме того, во второй записи более подробно описаны условия вклада: «И святеи братии написати в сенадикы мою душю грешную и моих родителеи и устроит на всяк год по два корма а пети понахыды и обедни служити собором и братия кормити». Наконец, запись завершается расширенной и дополненной «формулой проклятия»: «А кто похощет сию святую книгу какою хитростию освоити или из монастыря изнести от священных или от мирскых надеяся саном и величеством преобидя страх вышняго тому судит страшныи немытныи судия егда на грознем и праведнем суде своем судить приидет и всяческым воздаст комуждо по делом его».

В самом конце рукописи имеется третья запись в виде писцового послесловия с просьбой о молитвах за «многогрешнаго инока Иону», повелевшего переписать настоящий кодекс, а также о заупокойном поминании, «егда скончается живот мой», и о написании имени его в Синодик: «понеже и аз вашего стада заблуждьшего овча и пострижение приях от руки отца архимандрита Захарии, потом бысть во Тфере епископ». Иона вновь указывает дату написания

книги и место: «Как яз был на Вологде в архиепископех, а писана не с единаго списка, но с различных добрых переводов». Большое внимание со стороны Ионы к «источниковедческой стороне» книжного дела известна и по другим его вкладам: одна из таких записей о переписывании с «Павловского перевода» содержится в рукописи РНБ, собр. Вяземского, Q.225 [Сиренов, 2007, с. 301–303].

Еще одна рукопись (КМЗ, № 25632/2; илл. 2) представляет западноукраинскую рукописную традицию и в настоящее время находится в составе коллекции ЦИАМ Костромской епархии «Ипатьевский монастырь». Четвероевангелие объемом 291 л. и форматом in folio содержит писцовую запись 1543/44 г., принадлежащую иерею Филимону. Важнейшая из имеющихся в рукописи записей находится на л. 290: «В лето 7052 списася сия книга Евангелие-тетро многогрешным и недостойным священноиереем Филимоном. И купил ее богобоязненный муж именем Матфей ис Прюся сын мелник и придал ко Рожеству святой Пречистой Божей Матери до села Прюся. Кто бы мал еи порушити от церкве Рожества святои Пречистои Божией Матере, хочу с ним иметь суд пред милостивым избавителем».

Кроме того, Филимон оставил краткую, но информационно насыщенную «этикетную» формулу об исправлении ошибок писца, сообщающую о голоде: «А вы, отци святии, чтете, исправляючи, слово Божие, а мене, священного иерея Филимона не кльнете, бо был на



Илл. 2. Запись писца Филимона. Четвероевангелие, л. 290
(Костромской музей-заповедник. № 25632/2)

тот час глад велик в Руской земли, замедлел есми был в сердци своем: коли ел, коли не ел, была на мене туга велика в тот час, а вы, отци святии, справляйте, а Господа Бога, просете за Феодора и за Марию». По упомянутым в записях селам выяснилось, что эта рукопись была написана в селе Прусе (Закарпатье) в 1544 г., а в 1774 г. оказалась в Волынском селе Закриничье.

Менее информативная, но относящаяся к тому же времени (середина XVI в.) запись сохранилась на Четвероевангелии из ЦИАМ «Ипатьевский монастырь». Рукопись КМЗ, № 25632/5 форматом in folio и объемом 276 л. создана в 1551 г. (л. 275–275 об.): «В лето 7 <тысящ> пятдесят девятаго написана бысть сия книга нарицаемое Евангелие-тетр месяца априля в 20 ден на памят преподобнаго отца нашего Феодора Трихина рекомаго Власянина, а писал се Евангелие Павел попов сын Дмитриев своею рукою. А писано с Евангелия от Николы Чюдотворца, имано у священника у Ортемья у Трифонова сына. Аминь».

К сожалению, локализация в данном случае затруднительна, однако интересной деталью является указание писца на протограф, с которого делался настоящий список. Через полстолетия в Евангелии появилась еще одна вкладная запись о дарах в ту церковь, где, по-видимому, после написания и пребывало Евангелие: «Лета 7114 году генваря в 12 день положила на престол к Успенью Пречистые Богородица Анисья, а прозвище Любава, Васильева дочь, ризы полотняныя, а рядна на них камка двоенич на янтех. Риз никакову попу ни прадати ни заложити. А подписал Богданко Дмитриев сын». Учитывая источник поступления рукописи (в Успенскую церковь одного из ближайших к Костроме городов — Кинешмы), в записи XVII в. упоминается именно этот храм.

Ценной находкой стало обнаружение записи о поминовении инока Иова Курцева. Речь идет о Евангелии-апракос второй четверти XVI в. (КМЗ, КОК, № 25632/4; ЦИАМ «Ипатьевский монастырь») in folio. На л. 1–20 прослеживается казенная запись по церковной описи Покровской церкви села Хренова Кинешемского уезда Костромской епархии. Помимо того, на л. 1 на нижнем поле беглым полууставом и скорописью XVI в.: «Инока Иева Курцова, а прислал по старце по Иеве Серапион игу[мен]», «Иринарх Курцев». На л. 8 об.–21 частично срезанная вкладная запись: «Лета 75 (?) выменили Евангелие к Покрову на престол <...> да Федор <...> Нечаи Федоров сын Кобанов выменили Евангелие дали на нем сорок алтын, а сия книги ис церкви не износити». Таким образом, не позднее XVII века книга была вложена в церковь в Кинешемском уезде, где находилась в дальнейшем, а прежде была, по-видимому, келейной книгой Иова

Курцева — монаха Троице-Сергиева монастыря († 1539), восприемника Ивана IV при крещении. После его преставления была вложена на помин души Иова игуменом Серапионом, археипископом Новгородским и Псковским († 1552).

Собрание Костромского музея-заповедника включает целый ряд интереснейших рукописей XVI в. западнорусского происхождения. О записи писца Филимона уже говорилось выше, однако из того же региона (Подкарпатское воеводство) происходит Учительное евангелие 1596 года (КМЗ, КОК, № 23892) на западнорусском литературном языке. Евангелие относится к Саноцкой редакции (на данный момент известно еще 16 списков; атрибуция А.Е. Соболевой). Рукопись Ипатьевского монастыря дополнена и другим «простомовным» текстом — «Живота вечного зерцало». Известно всего семь кодексов такого содержания. Текст этой редакции возник и бытовал на территории Санока и Перемышля. Рукопись содержит множество разновременных записей. Писцовая запись 1596 г. находится на л. 313 об.: «Слава совершителю Господу Богу давшему по зачалу и конец. Писа сию книгу рукою многогрешного раба Божия Иоанна Поповича, месяца июня року 1596 соверши сия». Запись 1668 года сообщает о принадлежности кодекса Пустынно-Николаевскому монастырю: «Року 1668 сия книга Евангелие учителное монастыра святаго Николы Пустыннаго Киевского».

Еще одна рукопись, которую можно предположительно отнести к западнорусской традиции, — Четвероевангелие писца Тарасия первой половины XVI века (КМЗ, КОК, № 25632/3). Язык текста и писцовой записи не несет явных признаков украинского происхождения. Однако об этом говорит яркая, в народной «наивной» стилистике полихромная орнаментика рукописи. На л. 3 изображена заставка с рисунком открытых царских врат и престола (илл. 3). Запись писца Тарасия расположена на л. 1: «Помози Господи рабу своему Тарасью написати божественая сия словеса, еже проглагола Дух святый святыми евангелисты и воцарися во веки и царству его несть конца, иже утверди вселенную и человеки спасе от смерти и тля, да тои же своею милостью и благодатию мене спасет от всякого зла и укрепи Господи ум мои, да напишю святая сия словеса во славу Богу небесному аминь».

Одна из ключевых археографических находок по результатам работы в костромских собраниях — неизвестный ранее список так называемого Правленого славяно-русского Пятикнижия второй четверти XVI в. (378 л., in folio, Костромская областная универсальная научная библиотека (ЦR 401662.4)). Текст памятника представляет собой результат взаимодействия русских и еврейских книжников

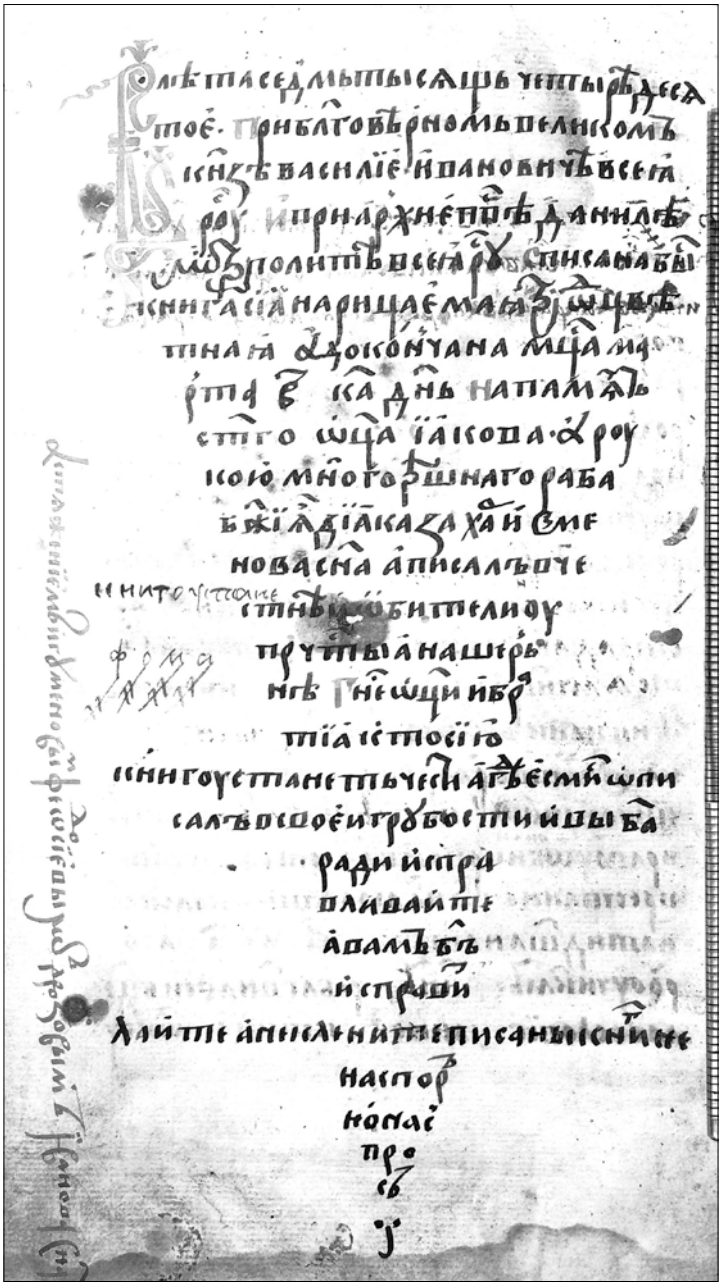
Илл. 3. Заставка с рисунком открытых царских врат и престола.
Четвероевангелие писца Тарасия, л. 3 (Костромской музей-заповедник. № 25632/3)

второй половины XV в. По оценке А.И. Грищенко, ранее было известно 20 списков Правленого Пятикнижия, начиная с 1490-х гг. до третьей четверти XVI в. [Грищенко, 2020, с. 76–84] Список из Костромской областной универсальной научной библиотеки — 21-й, относится к группе, созданной в 1510–1520-е гг. В XVII в. рукопись находилась в Ипатьевском монастыре, о чем свидетельствует полистная владельческая запись скорописью: «Сия книга Живоначальныя Троицы Ипатцкаго монастыря, что на Костраме». Кроме того, в рассматриваемой рукописи обнаруживается неизвестный список так называемого «Пророчества Соломона», памятника антииудейской полемики. Е.Г. Водолазкиным и Т.Р. Руди были выявлены пять списков «Пророчества» [Водолазкин, 2008, с. 295]. Найденный список, наряду с Кирилло-Белозерским (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., № 67/1144), относится к наиболее ранним и полным [Грищенко, 2020, с. 68–87]. Сочетание Правленого Пятикнижия с «Пророчеством Соломона» более нигде не встречается.

Исторически наиболее ценной можно назвать запись в Триоди цветной из фондов КМЗ (КМЗ, ОФ-4420; илл. 4). Запись 1532 г. рукой писца выполнена чернилами и киноварью: «В лета седмь тысящь четыредесятое при благоверном великом князе Василие Ивановиче всея Руси и при архиепископе Даниле митрополите всея Руси списана бысть книга сиа нарицаемая Триодь цветная, а докончана месяца марта в 21 день на память святаго отца Иакова, а рукою многогрешнаго раба Божия диака Захария Семенова сына, а писал в честнеи обители у Пречистыа на Шерьне. Господине отци и братиа кто сию книгу станет чести а где есми ся описал в своеи грубости и вы Бога ради исправливаите, а вам Бог исправит чтите а не клините писаны книги не на спор но на спрос».

Рукой писца киноварью на поле дописано: «А стяжением игуменовым Феодосиевым Дроздовым Иванова сына». Запись дополнена уникальными свидетельствами на обклейке нижней крышки переплета беглым полууставом XVI в., для этого использован лист, парный последнему листу блока рукописи (переплет также представляет собой прекрасный образец XVI в., синхронный самой рукописи): «В лета 7000 четыредесять перваго бысть все лето сухо и дымно земля горела и болота и лесы и сена кошеные а дождов не бывало во все лето и до осени». Ниже тем же почерком, но другими чернилами: «В лета 7000 четыредесять втораго преставися князь великии Московскии князь Василеи Иванович всея Руси на памят святые мученици Варвары и Ивана Дамаскина месяца декабря в 4 день».

Запись является принципиально важным источником по ранней истории Костромского Успенского Шеренского монастыря. В моно-



Илл. 4. Запись писца Захария Семенова сына на нижнем форзаце Триоди цветной (Костромской музей-заповедник. № ОФ-4420)

графии А.С. Усачева [Усачев, 2018, т. 2, с. 127] запись опубликована лишь частично и с необъяснимым пропуском ключевых деталей. Игумен Феодосий также не учтен в справочнике П.М. Строева «Списки иерархов» [Строев, 1877, стб. 877]. Перечисление игуменов монастыря начинается с Иакова (без указания даты) и Прохора. По мнению А.С. Усачева, писец Захарий, Семенов сын, был дьяком Костромского Успенского монастыря [Усачев, 2018, т. 1, с. 152]. Согласно известной В.В. Зверинскому грамоте 1613 г., обитель была основана при Василии III. Более ранних свидетельств о монастыре нет, поэтому запись из Триоди является древнейшим упоминанием Шеренского монастыря и, очевидно, хронологически близка времени его создания. В XVIII в. монастырь был приписан к Ипатьевскому монастырю, в составе библиотеки которого рукопись и сохранилась.[1]

Таким образом, в результате археографической работы в крупнейшем хранилище рукописной и старопечатной славяно-русской книжности Костромской области, Костромском музее-заповеднике, в научный оборот введены особо ценные рукописные кодексы и записи, служащие важными историческими источниками XVI в. по истории русского книгописания и истории Костромской земли и Северо-Восточной Руси. В результате сплошного поэкземплярного изучения книжных памятников музея-заповедника раскрыт источниковедческий потенциал записей, заложены предпосылки для создания общей картины книжной культуры Костромы и сопредельных территорий в средневековье и показана необходимость широкого раскрытия фондов региональных собраний кириллической книги.

Список литературы

Белянкин Ю.С. Кириллические книги XVI–XVII вв. Костромского музея-заповедника: Собрание Ипатьевского монастыря // Библиография. 2019. № 2. С. 105–115.

Белянкин Ю.С. Рукописная книжность Костромской земли: Археографический обзор // Материалы международной научной конференции «Румянцевские чтения — 2018». Т. 1. М., 2018. С. 84–89.

Буланин Д.М. Иона Думин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 430–432.

Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси: На материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв. СПб., 2008. 488 с.

[1] О других рукописных книгах, связанных с Ипатьевским монастырем см.: [Белянкин, 2018, с. 84–89].

Грищенко А.И. Археография и текстология правленого славяно-русского Пятикнижия XV века: Новые данные // Славяноведение. 2020. № 4. С. 68–87.

Ерусалимский К.Ю. Рец. на: Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. В 2-х т. М.; СПб.: Альянс-Археo, 2018 // Российская история. 2019. № 6. С. 202–210.

Понырко Н.В. Корнилий Комельский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 485–490.

Сиренов А.В. Степенная книга: История текста. М., 2007. 539 с.

Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877. 1064 стб.

Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: По материалам датированных выходных записей. М.; СПб., 2018. Т. 1. 472 с.; Т. 2. 528 с.

Черкасова М.С. Новый труд по истории русской книжности // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2019. № 3. С. 136–140.

УДК 070(571)(908)

В.А. Есипова
Научная библиотека Томского государственного университета

Старообрядческие гектографированные издания в собрании НБ ТГУ: Обзор*

В статье описываются старообрядческие гектографированные издания, хранящиеся в Научной библиотеке Томского государственного университета. Выявлен состав текстов, среди которых преобладают полемические сочинения старообрядцев белокриницкого согласия. Реконструированы источники поступления книг в НБ ТГУ, пути поступления показаны на схеме. Установлено, что до 20 % текстов коллекции не учтены в существующей библиографии. Среди них — сборник «Книга Авраамия старца», включающий ранние сочинения «отцов раскола». К статье прилагаются полные описания гектографированных изданий, хранящихся в НБ ТГУ.

Ключевые слова: старообрядчество, гектографированные издания, Томск.

Старообрядческие гектографированные издания в последнее время привлекают внимание исследователей по ряду причин. С одной стороны, они являются частью издательской стратегии старообрядцев в целом: сюда можно отнести создание нелегальных типографий, вступление в договорные отношения с теми типографиями, которые соглашались размещать у себя их заказы, и т.д. С другой стороны, в конце XIX — начале XX в. существовали и небольшие, «летучие» типографии, оснащенные средствами малой полиграфии, доступными на тот момент: литография, гектограф, мимеограф. Продукция этих типографий выходила малыми тиражами, типографии открывались и закрывались, располагались часто в провинциальных городах. В силу этих и ряда других причин эти издания сохранились в крайне ограниченном количестве. Лишь в недавнее время был предпринят ряд попыток, во-первых, предложить схему описания гектографированных изданий, которая отражала бы их особенности и позволяла бы идентифицировать дефектные экземпляры [Мангилев, 1993]. Во-вторых, важной представляется попытка описания крупных собраний гектографированных изданий, на которые могли бы ориентироваться другие библиотеки [Бубнов, 2012]. В последнем из упомянутых изданий также содержится во введении краткий обзор изучения старообряд-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00352А «“Секретно. Конфиденциально”: Цензурная история провинциальной журналистики (на материалах периодической печати дореволюционной Томской губернии)».

© Есипова В.А., 2020

ческих гектографированных изданий. В НБ ТГУ хранится небольшая коллекция старообрядческих гектографированных изданий, состоящая из 16 единиц; с учетом аллигат в составе конволютов — 23 единицы. Не все они на сегодняшний день введены в научный оборот, поэтому в настоящем сообщении будет дан их краткий обзор.

Состав текстов. Среди текстов собрания представлены дела старообрядческих съездов начала XX в. Эти тексты сохранились как в отдельных переплетах,[1] так и в составе конволютов и сборников.[2] В ряде случаев по каталогам можно восстановить имена авторов и издателей; среди них фигурируют, например, Михаил Иванович Бриллиантов — непременный секретарь «Братства честнаго и живтоворящего Креста Господня» (Москва, создано в 1874 г.), а также известный тульский начетчик и издатель, старообрядец поморского согласия Дионисий Васильевич Батов. Отметим также единственный богослужебный текст, имеющийся в составе собрания, — «Чин како приимати от раскольников и отступников к православной вере приходящих»,[3] сохранившийся лишь фрагментарно.

Гораздо больше в составе собрания текстов, которые можно обозначить как полемические. Среди них одно сочинение, которое можно однозначно идентифицировать как поморское: «Сборник рознственных преданий, старо-патриархальной и ново-патриархальной (1666 г.) церквей».[4]

Остальные полемические сочинения написаны представителями Белокриницкой иерархии. Здесь отдельно следует сказать о текстах, вышедших из-под пера известного сибирского старообрядческого писателя и начетчика Григория Арефьевича Страхова,[5] исследованием творчества которого занимался Н.А. Старухин [Старухин, 2009; Старухин, 2014; Старухин, 2015; Старухин, 2016]. Вероятно, эти издания вышли в свет в последние годы жизни писателя, которые прошли в деревне Починки Томской губернии. Среди них большой сборник

---

[1] ОРКП НБ ТГУ, В-1239 «Четвертый Всероссийский съезд старообрядцев» [в 1903 году], 124 л.

[2] ОРКП НБ ТГУ, В-1240, конволют (дела Третьего и Четвертого старообрядческих съездов), 88, 124 л.; ОРКП НБ ТГУ, В-1244, конволют («Дела I–V всероссийских съездов старообрядцев в Н-Н»). 96, 247, 6, 204 л.

[3] ОРКП НБ ТГУ, В-9521, [«Чин како приимати от раскольников и отступников к православной вере приходящих»], фрагмент, 8 л.

[4] ОРКП НБ ТГУ, 1-729.946, «Сборник рознственных преданий, старо-патриархальной и ново-патриархальной (1666 г.) церквей», 125 л.

[5] ОРКП НБ ТГУ, 312.030, «Сочинения Григория Арефьевича Страхова 1895 года», [1895 г.], 215 л.; ОРКП НБ ТГУ, В-8547, [Страхов Г.А.] «Истинно апостольская церковь не может существовать без священства. Часть 1», 36 л.; ОРКП НБ ТГУ, В-8548, [Страхов Г.А.] «Истинно апостольская церковь не может существовать без священства. Часть 1», 36 л.

трудов писателя (312.030), два дублета (В-8547 и В-8548), представляющие собой фрагмент сочинения, открывающегося главой «Истинно апостольская церковь не может существовать без священства. Часть 1». Наконец, перу Страхова также принадлежит полемическое сочинение «Воззвание к старообрядцам часовенным»,[6] которому уже было посвящено отдельное исследование [Старухин, 2016]. Отметим, что издания В-8547 и В-8548 (дублеты) первоначально прилагались к сборнику статей Страхова (312.030). Наличие таких дублетов, к тому же расшитых и не полностью скомплектованных, может указывать на тот факт, что они происходят из одной мастерской и что эта мастерская располагалась, возможно, в Сибири.

Белокриницкому иноку Алексею Алексеевичу Пашкову принадлежит авторство «Открытого письмо священноиноку Игнатию, проживающему в селе Зуеве».[7] Фактически текст содержит два сочинения; одно из них — собственно письмо, заявленное в заглавии, второе, менее обширное — «О жертвоприношении и благодарении».

Из трех полемических сочинений состоит конволют В-1241.[8] Два из них известны в библиографии: это «Очерк на разбор М. Шустова апологии старообрядствующей иерархии А. Швецова» и «Ложный обвинитель старообрядствующей иерархии безпоповец К. Голубев». Имеется в виду Константин Голубев, старообрядец, перешедший в единоверие и издававший в Пскове журнал «Истина», содержавший по преимуществу полемические статьи самого Голубева. Приплетенный первым в этом конволюте аллигат в библиографии не обнаружен. Он называется «Краткий разбор на письмо Долгова»; в тексте упоминается дата 1899 г. и иркутский старообрядец белокриницкой иерархии Ф. Долгов. Не исключено, что это издание было выпущено в Сибири. Текст посвящен разбору тетрадей иркутского старообрядца Ф. Долгова, который в 1889 г. решил примкнуть к неокружникам и привести туда с собой часть паствы. Автор текста укрылся за инициалами, помещенными в конце заключения: «Недостойный раб и молелщик ваш и сотрудник по имени А от перваго до сотаго Р и от сотаго до перваго А».

Еще один конволют[9] связан с именем Арсения, епископа Уральского. Он также состоит из трех аллигат, два из которых известны в

[6] ОРКП НБ ТГУ, В-8549, Страхов Г.А. «Воззвание к старообрядцам часовенным», 8 л.

[7] ОРКП НБ ТГУ, В-1238, «Открытое письмо священноиноку Игнатию, проживающему в селе Зуеве» [А.А. Пашков, Москва, 1899 г.], 72 л.

[8] ОРКП НБ ТГУ, В-1241, конволют «Разборы Долгова, Шустова и Голубева», 40, 59, 42 л.

[9] ОРКП НБ ТГУ, В-1243, конволют «О неокружниках. О крещении. М. Амбросия. Бесед. Брелиянтова», 68, 60, 48 л.

библиографии: «О крещении греческой церкви и митрополита Амвросия. Письмо к беглопоповцу от приемлющаго христопреданное епископство Белокриницкой митрополии. Р С т. 1899 года» (Зеленков В.Т., 1899 г.). Автор этого текста — Василий Тимофеевич Зеленков (1878–1906), известный старообрядческий начетчик, принимавший активное участие в полемике со старообрядцами других согласий и православными миссионерами. Второй текст — «Беседа Бриллиантова с Кузнецовым. 30 мая 1899 г.» (Бриллиантов М.И., автор и издатель, 1899 г.); об авторе уже говорилось выше. Аллигат, приплетенный в конволюте первым, в библиографии пока не обнаружен, это «Граммота неокружников от 6 мая 7407 лета (1899 года), поданная митрополиту Московскому, окружническому епископу Иоанну, с замечаниями Арсения, епископа Уральскаго» (Арсений, еп. Уральский, при участии М.И. Бриллиантова. 1899 г.).

Также не обнаружено в библиографии еще одно сочинение — «Несколько слов о том, справедливо ли последователи грекороссийской церкви обвиняют старообрядцев в преслушании старопечатных книг о вере и Кириловой, напечатанных при московском патриархе Иосифе».[10] А вот текст «Ответы старообрядцев миссионеру господствующей церкви В. Агапову Ярославской епархии»[11] известен, это сочинение идентифицировано как выполненное последователем белокриницкого согласия.

Отдельно следует упомянуть сборник «Книга Авраамия старца».[12] Он содержит несколько текстов авторства «отцов раскола» — инока Авраамия и диакона Федора Иванова, а также «Мучение неких старец Петра и Евдокима» — сочинение, приписываемое дьякону Федору. В библиографии этот сборник не обнаружен, да и в целом гектографированные издания представляли собой, если судить по каталогу Н.Ю. Бубнова, преимущественно злободневные тексты. Так что это издание, скорее всего, требует дальнейшего детального рассмотрения.

Таким образом, в целом можно сказать, что в составе коллекции НБ ТГУ представлены гектографированные издания, выпущенные как в ряде известных старообрядческих печатен конца XIX — начала XX в. (Батов, Бриллиантов и др.), так и в малоизвестных и практически неисследованных сибирских печатнях (Страхов, сочинение об иркутском старообрядце Долгове). Преимущественно в коллекции

[10] ОРКП НБ ТГУ, В-5461, «Несколько слов о том, справедливо ли последователи грекороссийской церкви обвиняют старообрядцев в преслушании старопечатных книг о вере и Кириловой, напечатанных при московском патриархе Иосифе», 16 л.

[11] ОРКП НБ ТГУ, В-6316, [Ответы старообрядцев миссионеру господствующей церкви В. Агапову Ярославской епархии. 1892], 106 л.

[12] ОРКП НБ ТГУ, В-5443, «Книга Авраамия старца», [1880–1890-е гг.], 264 л.

представлены сочинения представителей Белокриницкого согласия, а в плане жанровом преобладают полемические тексты.

Источники поступления. Вопрос об источниках поступления имеющихся гектографов в НБ ТГУ интересен, в числе прочего, в силу возможности выявления существовавших ранее старообрядческих библиотек и их состава. Так, часть изданий поступила в НБ ТГУ в составе собрания Томской духовной семинарии, где находилась, очевидно, в составе известной «раскольничьей» библиотеки. Это сборник «Сочинения Григория Арефьевича Страхова 1895 года», вместе с которым хранились два расшитых экземпляра «Истинно апостольская церковь не может существовать без священства. Часть 1». Также в составе этого собрания пришло единственное богослужебное сочинение «Чин како приимати от раскольников и отступников к православной вере приходящих» и текст неустановленного автора «Несколько слов о том, справедливо ли последователи грекороссийской церкви обвиняют старообрядцев в преслушании старопечатных книг о вере и Кириловой, напечатанных при московском патриархе Иосифе». Заметим, что источник поступления еще одного произведения Страхова «Воззвание к старообрядцам часовенным» не установлен, книга не несет на себе никаких определенных следов бытования — возможно, книга также находилась в составе этого собрания, но точных данных по этому поводу нет.

Довольно большой массив изданий пришел в НБ ТГУ из состава библиотеки старообрядческой епископии в г. Томске; все эти книги имеют оттиск соответствующего штампа. В составе этого собрания находились дела старообрядческих съездов (В-1239, В-1240), а также полемические сочинения: «Открытое письмо священноиноку Игнатию, проживающему в селе Зуеве» (В-1238) и два конволюта, также составленные из полемических сочинений: конволют «Разборы Долгова, Шустова и Голубева» (В-1241) и конволют «О неокружниках. О крещении. М. Амбросия. Бесед. Брелиянтова» (В-1243). Однако есть основания предполагать, что по крайней мере часть этих книг побывала в каком-то еще собрании, перед тем как оказаться в НБ ТГУ. Основанием для такого предположения служит наличие прямоугольных ярлыков, наклеенных на верхнюю крышку или корешок книги, на которых весьма характерным почерком начала XX в. написаны названия и порядковые номера, не являющиеся номерами НБ. При этом часть книг библиотеки старообрядческой епископии не имеет таких ярлыков, но есть также издания, снабженные ярлыками, но не имеющие штампа епископии. Происхождение этих изданий из одного источника также можно косвенно подтвердить наличием одинакового оформления переплета у изданий В-1240, В-1241, В-1243.

Среди последней категории изданий отметим еще один конволют с делами 1–5 старообрядческих съездов (В-1244). В отличие от всех прочих гектографированных изданий, хранящихся в НБ ТГУ, он обладает очень качественным и, можно сказать, роскошным переплетом, с золотым тиснением. Интересно, что в каталоге Н.Ю. Бубнова [Бубнов, 2012, с. 63–64, № 86, 86а] описан один из экземпляров издания трудов первого старообрядческого съезда в Москве, причем указано и описание переплета: «Картонный, с кожаным корешком и золотым тиснением, на экземпляре имелась печать Совета Всероссийского съезда старообрядцев (Москва, Ильинка, Биржев. площ. д. Рябушинских)». Поскольку сам по себе переплет довольно заметный (обычно гектографированные издания распространялись в бумажной издательской обложке), можно предположить, что переплет описываемого конволюта мог выполняться в той же московской мастерской.

Еще одно издание «Книга Авраамия старца» (В-5443) поступило в НБ в составе подборки книг из Музея истории материальной культуры (МИМК) при ТГУ в 1954 г. Существенная часть книг и рукописей этого собрания происходит из Тобольского церковного древлехранилища (ТЦД). В рассматриваемое издание вложена характерная опись, выполнявшаяся в МИМК, в ней отмечено, что книга также происходит из ТЦД. Однако других признаков принадлежности книги к собранию ТЦД (характерный ярлык, определенные номера, записи характерным почерком) не обнаружено, поэтому назвать это издание происходящим из Тобольска можно лишь гипотетически. Отметим, что на форзаце книги имеется карандашная запись: «Даръств. Григорием Минеевичем Минаевым». В точности не удалось установить, что это за человек, однако имеется информация, что в Москве в Ащеуловом пер. имелся дом 3, снесенный в 1990-е гг.; он был построен в 1884 г. и был известен как доходный дом Минаевых, среди владельцев упоминаются Григорий Минеевич Минаев и два его сына — Михаил и Алексей.[13]

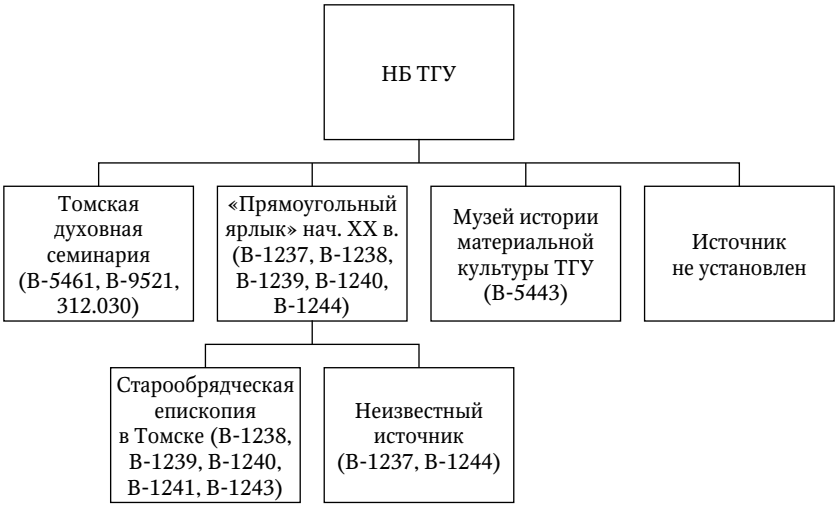
Для целого ряда изданий установить источник происхождения пока не представляется возможным, однако гипотетическая схема поступления гектографированных изданий в фонды НБ ТГУ все же была реконструирована в ходе работы (см. Приложение 1). Из нее видно, что в составе собрания представлены различные старообрядческие и православные библиотеки, хотя и весьма фрагментарно.

Отраженность в библиографии. Как уже говорилось выше, далеко не все издания, представленные в коллекции, отражены в библиогра-

[13] *Тимофеичев А.* Москва и москвичи. Материалы для справочника. URL: https://proza.ru/2018/12/13/757 (дата обращения: 27.04.2020 г.).

фии и введены в научный оборот. Не отраженными в библиографии оказались преимущественно полемические сочинения; так, нет в каталоге Н.Ю. Бубнова издания «Вопросы старообрядцев, желающих получить на них писменныя ответы от гг. миссионеров...» (В-1237), по одному аллигату из конволютов В-1241 («Краткий разбор на письмо Долгова») и В-1243 («Граммота неокружников от 6 мая 7407 лета (1899 года), поданная митрополиту Московскому, окружническому епископу Иоанну, с замечаниями Арсения, епископа Уральскаго»). Также не удалось найти ссылки на издание «Несколько слов о том, справедливо ли последователи грекороссийской церкви обвиняют старообрядцев...» (В-5461) и на уже описанный выше сборник «Книга Авраамия старца» (В-5443). То есть не отраженными в библиографии являются более 20 % изданий коллекции. Остальные учтены в основном в каталоге Н.Ю. Бубнова ([Бубнов, 2012], далее в описаниях Бубнов), а работы Г.А. Страхова — в публикациях Н.А. Старухина. Этот факт является еще одним подтверждением необходимости дальнейшего систематического исследования провинциальных собраний, в том числе коллекций гектографированных изданий, с целью не только выявления полного их репертуара, но и включения вновь обнаруженных сведений в историю отечественного старообрядчества.

Приложение 1.
Реконструкция источников поступления
гектографированных изданий в Научную библиотеку ТГУ



Приложение 2.
Описание гектографированных старообрядческих изданий из коллекции НБ ТГУ

312.030. «Сочинения Григория Арефьевича Страхова 1895 года».
[1895 г.] 4°. 22,5×18,0. 1–215 л. Гектограф с рукописи. Титул в орнаментальной рамке. Утрачен последний лист и ненумерованные листы в начале и в конце. Переплет утрачен.
На титульном листе чернилами, скорописью XIX в.: «Инв. кат. № 7831» (номер зачеркнут) и оттиск овального штампа с надписью: «Фундаментальная библиотека Томской духовной семинарии».
Источник поступления: Томская духовная семинария.
Библиография: Бубнов, № 541.
Публикация текста: Бубнов, с. 317–335 (фрагменты).
Исследования: [Старухин, 2009].

1-729.946. «Сборник рознственных преданий, старо-патриархальной и ново-патриархальной (1666 г.) церквей».
Конец XIX — начало XX в. [изд. Батов Д.В., Тула]. 4°. 21,0×17,0. 1–4, 1–121 = 125 л. Гектограф с рукописи, в два цвета. Утрачен титульный лист, л. 122 и заключительные листы без текста. Переплет: картон, мраморная бумага, сверху оклеен вторым слоем мраморной бумаги другого цвета; корешок из серой ткани.
На форзаце и на полях пометы простым карандашом. На нижнем форзаце штамп и записи букинистического магазина (?). Клееные закладки из ткани. Между л. 78 и 79 (глава 72 «О родственниках в неверии пребывающих») вложено несколько рукописных листов. На одном из них выписка: «Цветник купленный от Ездокова».
Источник поступления: не установлен.
Библиография: Бубнов, № 514.

В-1237. «Вопросы старообрядцев, желающих получить на них писменныя ответы от гг. миссионеров великороссийской церкви на публичной беседе, но с тем, чтобы старообрядцам позволено было опять возразить на неправильность каких-нибудь ответов писменно, а затем все это предать печати в газетах или журналах без всякаго изменения».
[1890 г.] 8°. 17,2×10,8. 1–27, 1 н/н л. = 28 л. Гектограф с рукописи. Переплет: картон, мраморная бумага, корешок из черной ткани.
В конце текста: «На подлинном подписано 25 лиц. 1890 года, 11 марта». Упоминается «Воззвание Казанского собора 1885 г.».
На верхней крышке переплета ярлык с номером 146, там же ярлык с надписью чернилами, скорописью XX в.: «№ 65. Вопросы

старообрядцев». В тексте незначительная правка и маргиналии на полях черными чернилами, поздним полууставом (тот же почерк, которым написан оригинал). На обороте последнего ненумерованного листа чернилами, скорописью XIX в.: «...[первые две строки зачеркнуты] Свадьба была 24го января 1889 года. Сиклитикия родилась 27го декабря 1890 года. Феодосий родился 20го марта 1893 года. Ксения родилась 20го июня 1896 года».
Источник поступления: не установлен.
В библиографии не упоминается.

В-1238. «Открытое письмо священноиноку Игнатию, проживающему в селе Зуеве». [А.А. Пашков, Москва, 1899 г.] Автор указан в конце текста.
8°. 18,2×11,4. 1–72 л. Гектограф с рукописи, в две краски. Желтая издательская обложка.
Содержит два сочинения: 1) л. 1–61: «Открытое письмо». *Нач.:* «Достопочтеннейший отец Игнатий...»; 2) л. 61 об.–72 об.: «О жертвоприношении и благодарении». *Нач.:* «Святой верховный апостол Павел...».
На верхней крышке переплета ярлык с надписью чернилами, скорописью XX в.: «№ 66. Письмо к старообрядч.». На верхнем поле титульного листа чернилами, скорописью XIX в.: «№ 159. Отд. IV № 62»; на правом поле простым карандашом, рядом с именем Игнатия: «Неокружнику». На нижнем поле оттиск штампа «Старообрядческая епископия г. Томска».
Источник поступления: Старообрядческая епископия г. Томска.
Библиография: Бубнов, № 418.

В-1239. «Четвертый Всероссийский съезд старообрядцев» [в 1903 году].
4°. 22,4×18,0. 1–124 л. Гектограф с рукописи. Фиолетовая издательская обложка, нижняя крышка утрачена.
На титульном листе в линейной рамке заглавие: «Совещания старообрядцев». Оглавление в конце, 27 статей (листы с оглавлением не разрезаны). На л. 8 об. вычеркнуты имена членов нового Попечительства.
На верхней крышке два ярлыка; на одном чернилами, скорописью XIX в.: «196. VII. 31». На другом чернилами, скорописью XX в.: «№ 54 [зачеркнут, подписано: 15] Совещание старообрядцев». На верхнем поле титульного листа чернилами, скорописью XIX в.: «196. Отд. VII № 31». Там же оттиск штампа «Старообрядческая епископия в г. Томске».
Источник поступления: Старообрядческая епископия г. Томска.
Библиография: Бубнов, № 575.

В-1240. Конволют (дела Третьего и Четвертого старообрядческих съездов).

4°. 21,3 × 17,0. Гектограф с рукописи. Сохранился фрагмент синей издательской обложки.

Переплет: картон, коленкор, на двух шнурах. Корешок из черной рубчатой ткани. Форзац и припертеплетные листы из фрагментов старообрядческих гектографированных изданий.

На корешке ярлык с номером (практически утрачен, почерк аналогичен почерку ярлыка В-1239). На верхней крышке фигурный ярлык с надписью полууставом, заклеен сверху прямоугольным ярлыком с надписью чернилами, скорописью XX в.: «№ 51 [зачеркнуто, подписан 75] Совещание старообрядцев». На верхнем поле титульного листа простым карандашом: «ц. 2 р. 50 к.». Там же, чернилами, скорописью XIX в.: «№ 125 отд. VII № 30». Там же оттиск штампа «Старообрядческая епископия в г. Томске». Там же, на нижнем поле оттиск круглой печати: по кругу надпись: «Печать старообряд. храма во имя Сретения Господня», в круге — изображение трехглавой церкви.

Источник поступления: Старообрядческая епископия г. Томска.

Содержит два аллигата:

1) «Третий Всероссийский съезд старообрядцев в 1902 году» [М.И. Бриллиантов, изд. Д.В. Батов. Тула, 1914 г.]

1–88 л. На титульном листе в двойной линейной рамке заглавие. Оглавление в конце.

Библиография: Бубнов, № 556.

2) «Четвертый Всероссийский съезд старообрядцев» [в 1903 году].

1–124 л. На л. 8 об. вычеркнуты имена членов нового Попечительства. В тексте подчеркивания, пометы на полях типа «зри», незначительная правка в тексте. Ср. описание В-1239.

Библиография: Бубнов, № 575.

В-1241. Конволют «Разборы Долгова, Шустова и Голубева».

4°. 20,8 × 16,8. Гектограф с рукописи.

Переплет: картон, коленкор, корешок красной кожи, на трех шнурах. Форзац и припереплетные листы из фрагментов делопроизводственных документов конца XIX — начала XX в. (отчеты золотодобывающих приисков). Обрез крашеный, зеленый.

На корешке ярлык с номером «148. VI–51». На верхней крышке переплета фигурный ярлык, на котором синими и красными чернилами, полууставом заглавие: «Разборы Долгова, Шустова и Голубева». На первом титульном листе, на верхнем поле чернилами,

скорописью XIX в.: «№ 148. Отд. VI № 51». Там же оттиск штампа «Старообрядческая епископия в г. Томске». На титульном листе и в тексте подчеркивания красными чернилами, отчеркивания на полях, маргиналии красными чернилами, полууставом (почерк один на протяжении всего конволюта), указующая рука и пометы типа «зри».

Источник поступления: Старообрядческая епископия г. Томска.

Содержит три аллигата:

1) «Краткий разбор на письмо Долгова». На обороте титульного листа дата: «Декабря 10». В тексте упоминается иркутский старообрядец белокриницкой иерархии Ф. Долгов и 1899 г.

1–40 л. Заглавие и эпиграф на титульном листе в орнаментальной прямоугольной рамке. Сочинение содержит предисловие (л. 2–3 об.), надсловие (л. 3–4 об.), разбор (л. 5–38), заключение (л. 38 об.–40).

В библиографии не упоминается.

2) «Очерк на разбор М. Шустова апологии старообрядствующей иерархии А. Швецова» [Арсений Белокриницкий, инок (А.В. Швецов). 1893].

1–59 л. Сохранились остатки желтой издательской обложки. Заглавие на титульном листе красными чернилами, в прямоугольной орнаментальной рамке. В конце текста: «...Старообрядствующей иерархии (Белокриницкой митрополии) священноинок Арсений. 6 июля 1893 г.». На обороте титульного листа простым карандашом, полууставом роспись содержания. В тексте, помимо помет красными чернилами, также отметки и правка простым карандашом.

Библиография: Бубнов, № 420.

3) «Ложный обвинитель старообрядствующей иерархии безпоповец К. Голубев». [1893 г.]

1–42 л. Заглавие на титульном листе в орнаментальной рамке. На л. 1: «Разсмотрение печатной тетради Константина Голубева, бывшаго безпоповца-покрещеванца, прусскаго типографа, а потом сделавшагося единоверцем и издателем журнала Истины во Пскове». В конце текста: «...Старообрядцы, приемлющие христопреданное священство от Белокриницкой митрополии. Сентября 28 дня 1893 г.».

Библиография: Бубнов, № 183.

В-1243. Конволют «О неокружниках. О крещении. М. Амбросия. Бесед. Брелиянтова».

4°. 21,7 × 17,0. Гектограф с рукописи.

Переплет: картон, коленкор, корешок красной кожи, на трех шнурах. Форзац и припереплетные листы из бумаги машинной выделки, без филиграней и штемпелей. Обрез с зеленым прыском.
На корешке ярлык, номер размыт по положению и размеру аналогичен ярлыкам В-1239, В-1241. На верхней крышке переплета фигурный ярлык с заглавием красными чернилами, полууставом: «О неокружниках. О крещении. М. Амбросия. Бесед. Брелиянтова». На форзаце простым карандашом, скорописью XIX в. помета библиографического характера. На первом титульном листе вверху чернилами, скорописью XIX в.: «№ 139. Отд. VI № 42». Там же, простым карандашом: «Прочит.». Там же, ближе к нижнему полю, оттиск штампа «Старообрядческая епископия в г. Томске». В тексте единичные пометы простым карандашом.
Источник поступления: Старообрядческая епископия г. Томска.
Содержит три аллигата:

1) «Граммота неокружников от 6 мая 7407 лета (1899 года), поданная митрополиту Московскому, окружническому епископу Иоанну, с замечаниями Арсения, епископа Уральскаго» [Арсений, еп. Уральский, при участии М.И. Бриллиантова. 1899 г.]
1–68 л. Заглавие на титульном листе в прямоугольной орнаментальной рамке. Сочинение содержит предисловие (л. 1–9 об. *Нач.:* «В 1896, 1897 и 1898 годах москвоские подмосковные старообрядцы неокружники...». Упомянуто, что над текстом работал еп. Арсений, помогал ему М.И. Бриллиантов (л. 3 об). В конце текста: «Арсений, епископ Уральский. 10 июня 1899 года»); основной текст (л. 10–68. «Граммота неокружников его высокопреосвященству господину Иоанну, архиепископу Московскому». *Нач.:* «На беседе 18 октября 1888 года в Чулкове г. Кирилла, епископа Болтовскаго и Одесскаго...». В конце текста: «Арсений, епископ Уральский и Оренбургский. 10 июня 1899 года»).
В библиографии не упоминается.

2) «О крещении греческой церкви и митрополита Амвросия. Письмо к беглопоповцу от приемлющаго христопреданное епископство Белокриницкой митрополии. Р С т. 1899 года». [Зеленков В.Т., 1899 г.].
1–60 л. Заглавие на титульном листе в двойной прямоугольной рамке. В тексте пометы простым карандашом.
Библиография: Бубнов, № 269.

3) «Беседа Бриллиантова с Кузнецовым. 30 мая 1899 г.» [Бриллиантов М.И., автор и издатель, 1899 г.]
1–48 л. Заглавие на титульном листе в двойной линейной рамке. В конце текста: «Очевидец Б.Р. Ил...въ».
Библиография: Бубнов, № 13.

В-1244. Конволют. «Дела I–V всероссийских съездов старообрядцев в Н-Н».

4°. 21,2×17,0. Гектограф с рукописи.

Переплет: картон, коленкор, слепое и золотое тиснение. Корешок кожаный, с отставом, каптал желтый. Форзацы из плотной бумаги машинной выделки, без филиграней и штемпелей.

На корешке ярлык, запись размыта, читается частично: «№ 52 Труды и дела... старообрядцев...». Ср. почерк на ярлыках В-1237, В-1238, В-1239, В-1240. Заглавие вытиснено на верхней крышке переплета и на корешке. На форзаце простым карандашом указана цена: «5 р.».

Источник поступления: не установлен.

Содержит три аллигата:

1) «Всероссийский старообрядческий съезд» [Первый; Москва, 14 сентября 1900 г.; Второй, Нижний Новгород, 3 августа 1901 г.]. [М.И. Бриллиантов, изд. Д.В. Батов. XX в., нач.; Тула].

1–96 л. На титульном листе заглавие в двойной линейной рамке. Оглавление в конце. На обороте титульного листа подклеена вырезка из календаря (?) с разъяснением термина «съезд».

Библиография: Бубнов, № 86, 86а. В описании отмечен переплет: картонный, с кожаным корешком и золотым тиснением, на экземпляре имелась печать Совета Всероссийского съезда старообрядцев (Москва, Ильинка, Биржев. площ. д. Рябушинских).

2) «Третий и четвертый Всероссийские съезды старообрядцев в 1902 и 1903 годах». [М.И. Бриллиантов, изд. Д.В. Батов. Тула, нач. XX в.].

1–247 л. Заглавие на титульном листе в двойной линейной рамке. Оглавление в конце. Сохранились следы синей издательской обложки.

В конце подклеена вырезка из газеты о старообрядческом съезде в Нижнем Новгороде.

Библиография: Бубнов, № 558б.

3) «Пятый Всероссийский съезд старообрядцев в 1904 году» [М.И. Бриллиантов, изд. Москва, 1904].

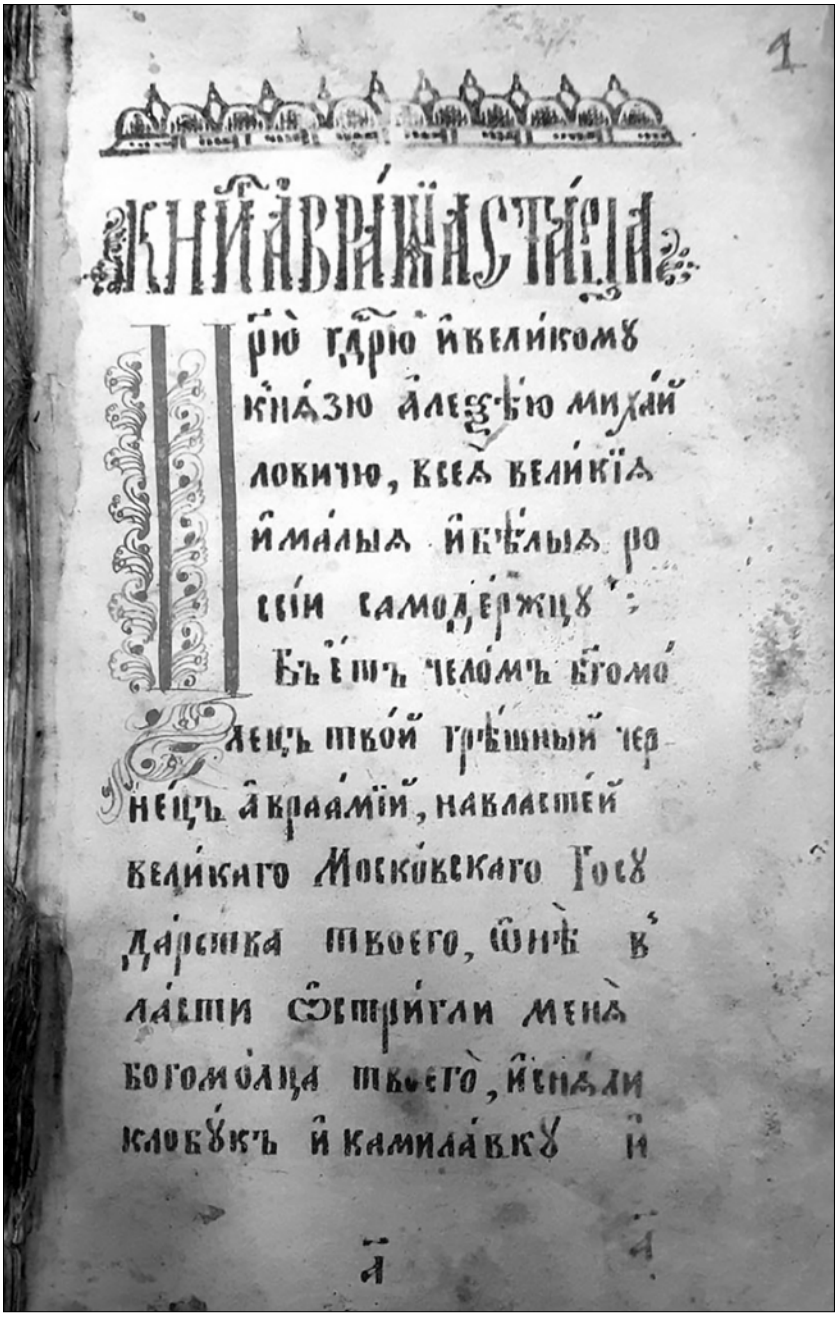
1–6, 2–204 л. Заглавие на титульном листе, в двойной линейной рамке. Оглавление в начале.

Библиография: Бубнов, № 474.

В-5443. «Книга Авраамия старца» [1880–1890-е гг.].

8°. 17,4×10,7. Гектограф с рукописи. 16 строк. Штемпель «№ 5 Способина и К°».

1–264 л. Титульный лист отсутствует. На первом листе киноварный инициал вписан от руки.



1

КНИГА АВРАМИЯ СТАРЦА

Пр҃ю гдр҃ю и великому
кнѧзю алеѯѣю михай
ловичю, всеѧ великїѧ
и малыѧ и бѣлыѧ ро
ссіи самодержцу:
Въ ѥтъ челомъ бг҃омо
лецъ твой грѣшный чер
нецъ авраамїй, на властей
великаго Московскаго Госу
дарства твоего, ѡнѣ в
ласти ѡстригли менѧ
богомолца твоего, и снѧли
клобукъ и камилавку и

а҃ а҃

НБ ТГУ, В-5443, «Книга Авраамия старца» [1880–1890-е гг.], л. 1

Переплет полукожаный: крышки из картона, крытого мраморной бумагой, корешок кожаный, уголки из ткани. На корешке вытиснено: «Челобитна».
На форзаце оттиски штампов: «Томский этнолого-археологический музей 192... г. г. Томск, Гос. Университет»; «Музей истории материальной культуры при ТГУ. 30 дек. 1948 г. № 8»; «Библиотека музея истории материальной культуры при ТГУ. № 2202». В книгу вложена опись, выполненная в МИМК, где указано происхождение книги из ТЦД; внешних признаков принадлежности к ТЦД нет. На нижнем форзаце простым карандашом: «Даръств. Григорием Минеевичем Минаевым». Клееные закладки из бечевки, пометы на полях типа «зри».
Источник поступления: МИМК.
Содержание: л. 1–214 об. «Книга Авраамия старца». *Нач.:* «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всея великия и малыя и белыя России самодержцу, бьет челом богомолец твой грешный чернец Авраамий...» (Авраамий. Книга, глаголемая челобитная; ср.: [Субботин, 1885, с. 290–385]); л. 215–231 об. «Послание инока Авраамия страдалца к некоему боголюбцу». *Нач.:* «Инок Авраамий, заключенный в духовном Содоме и Египте...» [Субботин, 1885, с. 417–426]; л. 232–248 об. «Прение священнодиакона Феодора с митрополитом Афанасием Иконийским о сложении перст в знамении крестном, еже бысть в лето 7176го». *Нач.:* «Митрополиту живущу на Москве в Богоявленском монастыре...» [Субботин, 1881, с. 49–59]; л. 249–253. «Священноинока Феодора». Нач.: «Тайну цареву добро есть хранити, а дела Божия подобает явственно...» (Диакон Феодор Иванов. Сказание о Аввакуме, Лазаре и Епифании»; [Субботин, 1881, с. 45–48]); л. 253 об.–264. «Лета 7177го году февраля в 17 день на память святаго мученика Феодора Тирона приведены быша мужа два честна...» (Мучение неких старец Петра и Евдокима — сочинение, приписываемое дьякону Федору Иванову; см.: [Дружинин, 1912, с. 276–277, № 14]. Изд.: [Субботин, 1881, с. 302–309; Кузнецова, 1987].
В библиографии не упоминается.

В-5461. «Несколько слов о том, справедливо ли последователи грекороссийской церкви обвиняют старообрядцев в преслушании старопечатных книг о вере и Кириловой, напечатанных при московском патриархе Иосифе» [конец XIX — начало XX в.]
8°. 17,3×10,6. Гектограф с рукописи. 17 строк. Штемпели не обнаружены.
1–15, 1 н/н = 16 л. Титульный лист отсутствует.

Нач.: «Последователи грекороссийской церкви всегда тщатся завинить старообрядцев во отступлении от благочестия...».
Переплет: картон, крытый желтой бумагой, корешок из черной ткани.
На верхнем поле л. 1 чернилами, скорописью XIX в.: «Инв. кат. № 7832»; ниже — оттиск овального штампа с надписью: «Фундаментальная библиотека Томской духовной семинарии». Номер и штамп повторены на верхнем поле л. 15. В тексте отчеркивания простым карандашом.
Источник поступления: Томская духовная семинария.
В библиографии не упоминается.

В-6316. [Ответы старообрядцев миссионеру господствующей церкви В. Агапову Ярославской епархии. 1892].
4°. 21,5×17,3. Гектограф с рукописи.
1–106 л. Заглавие на титульном листе в орнаментальной рамке (на данном экземпляре не читается).
Переплет: картон, мраморная бумага, кожаный корешок.
Источник поступления: не установлен.
Библиография: Бубнов, № 398.

В-8547. [Страхов Г.А.] «Истинно апостольская церковь не может существовать без священства. Часть 1» [конец XIX — начало XX в.] Сочинение белокриницкого автора. Ср. В-8548.
4°. 22,6×18,0. Гектограф с рукописи. 19 строк. Штемпели не обнаружены.
Нач.: «Под именем священства в смысле иерархии разумеется сословие лиц в церкви преемственно от апостолов...».
1–24, 29–40 = 36 л. (утрачены л. 25–28). Титульный лист отсутствует. Блок расшит. Вероятно, является фрагментом более обширного издания.
Источник поступления: не установлен.
Библиография: [Старухин, 2009].

В-8548. [Страхов Г.А.] «Истинно апостольская церковь не может существовать без священства. Часть 1» [конец XIX — начало XX в.]. Сочинение белокриницкого автора. Ср. В-8547.
4°. 22,7×17,8. Гектограф с рукописи. 19 строк. Штемпели не обнаружены.
Нач.: «Под именем священства в смысле иерархии разумеется сословие лиц в церкви преемственно от апостолов...».
1–20, 29–44 = 36 л. (утрачены л. 20–28). Титульный лист отсутствует. Блок расшит. Вероятно, является фрагментом более обширного издания. На полях пометы простым карандашом.

Источник поступления: не установлен.
Библиография: [Старухин, 2009].

В-8549. Страхов Г.А. «Воззвание к старообрядцам часовенным» [конец XIX — начало XX в.].
4°. 22,4×17,8. Гектограф с рукописи. 20 строк. Штемпели не обнаружены.
Нач.: «Будет бо время, говорит святый апостол Павел, егда здравого учения не послушают...».
1–8 л. Титульный лист отсутствует. Блок расшит. Является фрагментом более обширного блока.
Источник поступления: не установлен.
Библиография: [Старухин, 2016]. У Бубнова не учтено.

В-9521. [«Чин како приимати от раскольников и отступников к православной вере приходящих» (?)]. Фрагмент. [1880–1890-е гг.]
8°. 17,8×11,2. Гектограф с рукописи. 17 строк. Штемпель: «Успенской фабрики № 5» в гнутой рамке.
8–15 = 8 л. Титульный лист отсутствует.
Л. 8–9. *Нач.:* «...наго ведения о священных таинствах святыя церкви и по учинении должнаго приготовления...»; л. 9–10 об. «Наставление 3е. Како принимать отвергшихся от веры единой святой соборной и апостолской церкви и паки обращающихся». *Нач.:* «Иже прежде крещени во святей церкви, но потом отвергшеся некоторых ея...»; л. 11–15 об. «Глава 2я. Чин како принимати ко святей Божией соборней и апостолстей церкви непорочныя християнския православныя веры, приходящих от великороссийской или единоверческой церкви». *Нач.:* «Внегда же хотят приводими бывати к православней вере...» (нет конца).
Переплет: картон, крытый желтой бумагой, корешок из черной ткани.
На верхнем поле л. 1 чернилами, скорописью XIX в.: «Инв. кат. № 7832»; ниже — оттиск овального штампа с надписью: «Фундаментальная библиотека Томской духовной семинарии». Номер и штамп повторены на верхнем поле л. 15. В тексте отчеркивания простым карандашом.
Источник поступления: Томская духовная семинария.
В библиографии не упоминается.

Список литературы

Бубнов Н.Ю. Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской Академии наук. СПб., 2012. 460 с.

Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. 534 с.

Кузнецова В.С. Повесть о мучении некоих старец Петра и Евдокима // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 206–215.

Мангилев П.И. Описание старообрядческих гектографированных изданий: Методические рекомендации. Екатеринбург, 1993. 33 с.

Старухин Н.А. «Воззвание к старообрядцам-часовенным» — полемический памятник сибирских староверов-«австрийцев» // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 53–57.

Старухин Н.А. Неизвестное сочинение сибирского белокриницкого писателя Г.А. Страхова «Оправдание старообрядствующей иерархии по пророку Ездре» // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 54–57.

Старухин Н.А. «Последние времена» в сочинении «Показание истины» старовера-«австрийца» Г.А. Страхова // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 3. С. 24–28.

Старухин Н.А. Проблемы изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 113–115.

Субботин Н.И. Материалы для истории раскола. Т. 6. Ч. 3. М., 1881. 337 с.

Субботин Н.И. Материалы для истории раскола. Т. 7. Ч. 4. М., 1885. 434 с.

УДК 783.2:281.93+930.272

Т.Г. Казанцева
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск
Новосибирская государственная консерватория имени М.И. Глинки

Традиции древнерусской музыкальной письменности в культуре урало-сибирского старообрядчества*

В статье изложены результаты работы по выявлению в региональных собраниях Сибири и Дальнего Востока крюковых певческих рукописей, созданных в среде урало-сибирского старообрядчества. Учитывая типологическое единство певческих книг общероссийской и различных региональных традиций в содержательном плане, анализ осуществлялся на уровне различных палеографических примет: писцовых и владельческих записей, сорта бумаги, типа художественного оформления, характера почерка. В итоге было установлено, что более четверти общего фонда музыкальных рукописей, бытовавших в среде сибирского и дальневосточного старообрядчества, имеет местное происхождение, а традиция их создания не прекращалась до конца XX в. В ходе исследования также удалось ввести в научный оборот несколько новых имен мастеров знаменной каллиграфии.

Ключевые слова: старообрядцы Сибири, певческие книги, знаменный распев, региональная традиция.

Рукописи и книги знаменной нотации — важнейший источник для изучения богослужебно-певческой культуры урало-сибирского старообрядчества в историческом аспекте; они являются, пожалуй, единственным свидетельством традиции, которая в свое время не могла быть зафиксирована в ее реальном звучании. Материалы для подобного рода исследований в достаточном объеме находятся в фондах различных учреждений науки и культуры региона Сибири и Дальнего Востока, что в свою очередь свидетельствует о нем как об одном из центров русского старообрядчества. Наиболее масштабными являются собрания ГПНТБ СО РАН и Института истории СО РАН, целенаправленно формировавшиеся сибирскими археографами на протяжении более чем полувекового периода, — 73 и 113 единиц хранения соответственно.[1] Помимо этих крупнейших фондов, на тер-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00443а «Музыкальная культура Сибири: Источники, исследовательские центры и направления».

[1] Оба собрания располагают бóльшим числом музыкальных рукописей, в нашем исследовании учтены только списки, имеющие неоспоримые приметы бытования в среде урало-сибирского старообрядчества. Данное замечание касается и других региональных рукописных собраний. Кроме того, нами не учитывались печатные издания, в единичных экземплярах встречающиеся в целом ряде фондов.

© Казанцева Т.Г., 2020

ритории Сибири и Дальнего Востока исторически сформировались другие региональные собрания. Основными «хранителями» певческой книжности стали местные библиотеки, краеведческие и художественные музеи, архивы. В настоящее время известны следующие учреждения-фондодержатели: Государственный архив в г. Тобольске (ГА в Тобольске, 6 ед. хр.);[2] Научная библиотека Томского государственного университета (НБ ТГУ, 31 ед. хр.); Томский областной краеведческий музей имени М.Б. Шатилова и его филиал в г. Колпашево (ТОКМ, 3 ед. хр.); Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ, 2 ед. хр.); Государственный художественный музей Алтайского края (ГХМ АК, 3 ед. хр.); Бийский краеведческий музей имени В.В. Бианки (БКМ, 8 ед. хр.); Музей Алтайской православной духовной миссии (МАДМ, 2 ед. хр.); Новокузнецкий художественный музей (НХМ, 1 ед. хр.); Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края (ГУНБ КК, 9 ед. хр.); Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ, 1 ед. хр.); Минусинский региональный краеведческий музей имени Н. М. Мартьянова (МРКМ, 7 ед. хр.); Научная библиотека Иркутского государственного университета имени В.Г. Распутина (НБ ИГУ, 1 ед. хр.); Иркутский областной краеведческий музей (ИОКМ, 1 ед. хр.); Музей истории Бурятии имени М.Н. Хангалова (МИБ, 12 ед. хр.); Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ИМБиТ, 6 ед. хр.); Научно-справочная библиотека Национального архива Республики Бурятия (НАРБ, 1 ед. хр.); Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова (ХКМ, 3 ед. хр.); Хабаровская духовная семинария (ХДС, 2 ед. хр.); Приморский государственный объединенный музей имени В.К. Арсеньева (ПГОМ, 3 ед. хр.).[3]

В обширном комплексе из 289 певческих рукописей, бытовавших в среде сибирского старообрядчества, наибольший интерес для исследователя представляют те, что непосредственно были созданы в Урало-Сибирском регионе. Они могли бы свидетельствовать не толь-

---

[2] За пределами нашего исследования остаются другие учреждения Тюменской области, традиционно входящие в сферу исследовательского внимания уральских археографов. Представление о певческих книгах данной территории можно получить по краткому описанию рукописей и старопечатных книг Тюменского областного музея, выполненному в 1972 г. Н.Н. Покровским [Покровский, 1975]; музыкально-палеографическое описание певческих книг Тюменского собрания Археографической лаборатории Уральского государственного (ныне федерального) университета и поступления 1970-х гг. в фонды Тюменского областного краеведческого музея описаны Н.П. Парфентьевым и М.Г. Казанцевой [Парфентьев, с. 343–367, 418–423].

[3] Описания певческих рукописей данных собраний: [Кручинина, 1975; Жимулева, 2001; Жимулева, 2004; Казанцева, 2009а; Казанцева, 2009б; Казанцева, 2010; Казанцева, 2011; Казанцева, 2015; Казанцева, 2016; Ефимова, Кузьмина, Потапцев, 2016; Ефимова, Кузьмина, Потапцев, 2017].

ко о пассивном, но и об активном функционировании здесь древнерусской традиции письменного профессионализма. Однако проблема состоит в том, что урало-сибирское происхождение того или иного памятника не всегда очевидно, и выявление каждого из них составляет отдельную исследовательскую задачу.

Учитывая типологическое единство певческих книг общероссийской и различных региональных традиций на содержательном уровне, выявление «местных» рукописей в рамках этой общности возможно в большинстве случаев только на уровне различных палеографических примет: материалов письма, почерка, художественного оформления кодексов и др.

Наиболее надежными приметами в этом случае являются писцовые и владельческие записи, часть из которых указывают на имя писца и содержат точную географическую привязку к месту появления рукописи. Так, ранее уже были опубликованы сведения о двух уральских писцах-единоверцах: Макарии Мартиновиче Огибенине-Фирсове [Есипова, 2013] и Иване Александровиче Лепихине [Есипова, Казанцева, 2016]. Первому из них принадлежит Октоих с Обиходом (НБ ТГУ, В-4762). На л. 127–127 об. данного списка переписчик оставил развернутое послесловие, в котором указаны имена заказчика и адресатов рукописи — Иякова Ивановича Тимофеева и его детей Власия и Гликерии Яковлевичей, а также сообщены сведения о начале работы над рукописью 1 февраля 1894 г. в «Сибирских пределех в г. Томске» и ее окончании 24 марта 1895 г. «в Российских пределех Пермской губ[ернии], в горах Уральских, на Павлово-Анатолиевском платиновом прииске, в даче наследников П. П. Демидова, итальянского князя Сан-Донато».

Другой писец — крестьянин «Пермской губер[нии], Шадринского уезда, Иванищевской волости и села» Иван Александрович Лепихин «18 июля 1900 г.» переписал двухтомный двознаменный «Октай» для прихода Свято-Троицкой единоверческой церкви Томска (НБ ТГУ, В-5894, НБ ТГУ, В-5895), о чем в обоих томах (на л. 87 об. и л. 80 соответственно) имеются записи идентичного содержания.

Известен также семейский мастер Иван Иванович Слепенков [Казанцева, 2010, с. 20–22]. Его руке принадлежат две рукописи из собрания Института истории СО РАН: духовный стих «Уже пророчество совершися пророка Исаии» (ИИ СО РАН, № 25/72) и сборник праздничных песнопений, составленный И. И. Слепенковым «в назидание и добрую память Леонтию Архиповичу Толстову» (ИИ СО РАН, № 11/75, л. 6 об.). На листах этих рукописей он оставил собственноручные записи, точно указав дату завершения работы: 25 июля 1923 г. и 25 декабря 1925 г. соответственно. Текст посвяще-

ния Л.А. Толстову также позволяет приблизительно установить год рождения писца — около 1850-го, и место его жительства — с. Надеино Верхне-Удинского уезда Забайкальской области. Другие факты биографии писца известны по имеющейся в крюковом Ирмологии из собрания ИМБиТ (Б 2697, л. 244) владельческой записи епископа Иркутско-Амурского Древлеправославной Церкви Христовой (РПСЦ) Афанасия (Федотова). В ней указано место рождения мастера (с. Куйтун), а также место и дата его упокоения — с. Надеино, 19 декабря 1932 г.

В ходе исследования сибирских собраний удалось установить еще несколько имен создателей певческих рукописей. Самая ранняя писцовая запись такого рода относится к первой четверти XIX в. Она была обнаружена в одном из певческих кодексов из фондов Музея истории Бурятии: «Писана сія с[вя]тая книга, охтай въ лето [7331] (1823)-го, прирожденцомъ Екатеринбургскимъ Козмою Павловичомъ» (МИБ, ОФ 13809 (1) Октоих и Обиход, л. 126).

Этой рукописи близки по времени Ирмосы с фрагментом певческой Азбуки собрания Института истории СО РАН (ИИ СО РАН, № 24/73), на л. 278 об. которых указано: «Списаны Ирмосы 1829 года апреля 15 дня. Писал государственный крестьянин Иван [Б]елобородов своеручно. Цена им 25 рублей. 1830 года генваря дней». Судя по печати на л. 228, Иван Белобородов был жителем «Бергаматской волости Ушаковско[го] селения ... Тарского округа» (ныне Тарский р-н Омской области) — одного из наиболее известных мест сибирского раскола, давшего название масштабному «розыску» начала XVIII в.

Две рукописи, Ирмологий и Праздники конца XIX в., были написаны известным наставником выделившихся в отдельное согласие из среды алтайских часовенных Г.Я. Завьяловым. На одной из них он подписался полным именем (ИИ СО РАН, № 01/76, л. 302), на другой — аббревиатурой «р.б.Г.Я.З.» (ИИ СО РАН, № 25/73, л. 230 об.). Праздники бытовали у часовенных Бийска, т.е. довольно близко от мест распространения «завьяловской веры», Ирмологий же был обнаружен в библиотеке известной семьи тувинских часовенных Рукавицыных: видимо, книга переместилась с Алтая в Урянхайский край вместе с его владельцами после 1917 г.

К началу XX в. относится автограф Филипа Антоновича Бабушкина, написавшего «Певчий Октай» в г. Ялуторовске Тобольской губернии (БКМ, инв. 9812 РК 1076. БКМ О/Ф 1977. Октоих, л. I и оборот верхней крышки переплета).

Певческий сборник ИИ СО РАН, № 20/70 соединил под одним переплетом труды целой династии курганских старообрядцев-часовенных Чувардиных. Одна ее часть «Сказание демественного знаме-

ни како поется и колико согласие в себе содержит» была переписана в 1903 г. «Петром Фроловичем, учеником Степана Григоревича» Ленева (л. 165, 227 об.); другая — Обиход — его сыном Георгием (Егором) Петровичем (л. 1, 3). «В етем же переплете», как сообщается в записи, содержатся «Певчия праздники, писанныя Иваном Петровичем» (л. 1). И.П. Чувардин оставил пространные писцовые записи, иллюстрирующие процесс создания им книги. Первоначально Праздники были написаны им в 1923 г., они копировались с рукописи, которая находилась в распоряжении местной общины.

На л. 164–164 об. об этом имеется запись следующего содержания: «Сия богодухновенная книга, нарицаемыя Праздники, написанныя с книги тоже праздников, принадлежащих старообрядческому обществу дер. Калмакова-Камыша Сухоборской вол. Переписал же христианин той же дер. Иван Петрович Чувардин. Начата же писати в лето от сотворения мира 7431 месяца декамбрия в 25 день, в праздник Рождества Христова. Скончаша же ся писати в 22 день месеца генваря от Рождества Христова в лето 1923-е». На л. 164 об. Иван Петрович обозначил момент завершения своей работы: «Закончил переплет на маслеской нидели в четверток (Сретение) 2 февраля 1923 года. И. Чувардин». Далее он описал невероятные трудности, с которыми столкнулся при создании книги: «Допущенные ошибки по случаю недостатка материалов, принадлежащих для книги, а именно: в настоящее время, как после военных действий во всяком месте, т.е. разного рода товаров недостаток, и после голодовки хлебной средств недостаток улучшить письмо сей книги, а было собрано из 4-х сортов бумаги и чернил разного не одного сорта. Писал бывший военнослужащий И. Чувардин. 1923. 22. 1».

Позднее он вернулся к своему труду и дополнил его славниками, сопровождая каждую вставку комментариями и извинениями: «Написанныя славники не на ряду праздников, я их сначала не вписывал а после добавил [подпись Чувардина]» (л. 81 об.); «За пропущенные в книге сей ошибочки простите, Бога ради, так что когда я начинал писать, то прежде всего Богоявлению и донизу, а славники совсем не хотел вписывать, апосля вписал — добавочными они пришлись не наряду. И. Чувардин» (л. 91 об.); «Поставленныя знак вопроса ? оказалось разницей между сей книгой и Праздничной минеей, я добавил. Простите, Бога ради. Чувар[дин], в Богоявление утром 1924 г.» (л. 97).

Эта книга впоследствии оказалась в библиотеке переселившегося из Курганской области на Алтай наставника барнаульских часовенных М.Ф. Кондратьева. Сам Марк Федорович также владел крюковой каллиграфией и в 1954 г. пополнил свою библиотеку собственной рукописью Октоиха (ИИ СО РАН, № 24/70): «Сей Актай писан

от сотворения мира 7462 лета. Писал Кондратьев Марк Федорович в городе Барнауле» (л. 91).

К сожалению, такие записи немногочисленны и не всегда подлежат однозначной интерпретации. Например, в Демественнике начала XIX в. (ГПНТБ СО РАН, Q.III.4, л. I об.) имеется запись: «Отъ книгъ войска Уральского казачьяго сына Иоанна Дичкова (?), а во черноризцахъ Иоиля писалъ своею рукою. Цена 6 ру[блей] 50 ко[пеек]. Июня 18-го дня 1810-го года в обители Бударинской».

Бударинская обитель — один из крупных и ранних центров староверов-беглопоповцев на Урале.[4] Не вызывает сомнения и принадлежность рукописи одному из насельников этого монастыря из казачьего сословия. Однако формулировка «писал своею рукою» может относиться как к книге в целом (ее бумага датируется временем, близким к дате записи, — 1787–1810 гг.), так и только к самой записи, выполненной либо писцом, либо покупателем. Последнее не исключает того факта, что черноризец Иоиль приобрел книгу, написанную в самой обители или в местности, географически ей близкой, но и не подтверждает его.

Рукопись также может содержать неполную информацию. Например, создатель сборника ИМБиТ, Б 2685 оставил запись: «Слава Богу, наченшу и совершившу сию святую и богодухновенную книгу, глаголемую октай певчий, с треодми постно[й] и цветной, и отчасти... Потщился написать многогрешный Василей Постник... 1816(9)-го года апреля 20 дня» (л. 186–186 об.). Здесь указаны имя писца и время написания сборника, но, к сожалению, текст не содержит указания на место создания книги.

Большинство переписчиков не оставили своих имен.

Тем не менее, на основе других палеографических примет, косвенных данных и логических умозаключений список певческих рукописей урало-сибирского происхождения может быть значительно расширен. Ориентиром для подобной атрибуции могут стать «именные» списки. Так, выше был упомянут екатеринбуржец Козьма Павлович. Его рукопись Октоиха с Обиходом иллюминирована, но стиль книжного декора значительно отличается от гуслицкого: заставки и инициалы выполнены в строгой, аскетичной и даже суровой манере, в цветовой гамме преобладают темно-синие холодные тона.

Аналогичный тип оформления характерен еще для двух рукописей: МИБ, НВ 9912 и ИМБиТ, Б 2685, что позволяет причислить их к

[4] Бударинский Иоанновско-Предтеченский мужской скит был основан в 1752 г. старообрядцами-беглопоповцами близ Бударинского форпоста (ныне пос. Бударино Западно-Казахстанской обл. Республики Казахстан), в 1859 г. скит стал единоверческим, а в 1879 г. был упразднен. См.: [Казахстанский митрополичий округ, 2012].

той же школе книжного оформления. Последняя из упомянутых принадлежит руке Василия Постника, а заключительный ее фрагмент (л. 172–186) написан на бумаге, в состав филиграни которой входит герб города Тобольска.[5] Эти две приметы — стиль оформления и бумага сибирского производства — позволяет причислить Василя Постника к когорте урало-сибирских мастеров.

Еще три сборника из разных собраний Улан-Удэ не иллюминированы, однако имеют с перечисленными выше связь другого рода. Так, при создании своей рукописи екатеринбуржец Козьма Павлович использовал бумагу того же производства, что и переписчик одного из фрагментов (л. 9–26) конволюта МИБ, ОФ 13809 (5).[6] Другой фрагмент того же конволюта (л. 27–49) выполнен на бумаге Вятской фабрики содержателей Рязанцевых,[7] что связывает его с рукописью МИБ, НВ 9912, отнесенной нами ранее к категории «уральских» в соответствии с характером художественного оформления. Бумага последней также вятского производства.[8] Герб Вятской губернии обнаруживается на филигранях отдельных листов еще одной рукописи — ИМБиТ, Б 2701.[9] Фрагментами рукописей, выполненных на продукции тобольской фабрики Медведевых-Корнильева, воспользовался и составитель конволюта МИБ, ОФ 13809 (2).[10]

Обнаруженные пересечения позволяют использовать сорт бумаги как одну из существенных примет для выявления «местных» рукописей. Это бумага мануфактур урало-сибирского региона и примыкающего к нему с запада Вятского. Использование данного критерия позволило составить следующий список.

---

[5] Филигрань: Литеры «ФТК // АГД [Герб Тобольска]», белая дата «1817» [Клепиков, 1978, № 1001, 1804 г.].

[6] [Uchastkina, 1962, № 373], с белой датой «1840», Попов, Улейминская фабрика; [Клепиков, 1978, № 581], 1828 г.; № 588, 1820 г., Переяславского уезда фабрика Алексея Куманина сыновей.

[7] Филигрань: «1811 / Герб Вятской губернии / ВФСР» [Uchastkina, 1962, № 84] (с белой датой «1816»), Вятская фабрика содержателей Рязанцевых.

[8] Бумага белого цвета с водяными знаками: «МФ / Герб Вятской губернии / ГМ / 1834»; «МФ / Герб Вятской губернии / ГМ / 1837» [Uchastkina, 1962, № 92], 1837/ 43 г., «Медянская фабрика господина Мошковцева».

[9] Бумага л. 3–80, 82–85, 87–98, 99–100, 105–106, 109–114,117–118 — белая с филигранью: литеры «МФФ // ГММ [герб Вятской губернии в рамке]» белая дата «1832» [Клепиков, 1978, № 384], 1832 г.

[10] Конволют состоит из тетрадей, бумага которых имеет следующие водяные знаки: 1) филигрань «[СТФМ] в растительном, картуше» [Клепиков, 1978, № 437], Сибирь, Тобольская фабрика Медведевых, 1814 г. (л. 1–8, 13, 21–22); 2) филигрань «ФТВК [ІД] / [пирамида]», белая дата «1809 (?)» [Uchastkina, 1962, № 770], Фабрика Тобольская Василия Корнильева, 1792 г. (л. 9–12, 14–20); 3) с неустановленными водяными знаками, без водяных знаков (л. 23–68, 69–85, 86–95).

Бумага «Вятской фабрики содержателей Рязанцевых»:[11] ГПНТБ СО РАН, F.III.7 (Обиход, 1820-е гг.); ГПНТБ СО РАН, Q.IV.2 (Обиход, конец XIX в.); МИБ, ОФ 13809 (5) (Триодь постная и цветная, Обиход, Стихирарь минейный (фрагменты), 1830-е гг. (часть конволюта)).

Бумага «Косинской фабрики Рязанцевых»: ГПНТБ СО РАН, Q.I.55 (Азбука, 2-я половина XIX в., 1887 г.); ГПНТБ СО РАН, Q.IV.6 (Трезвоны, 1880-е гг.); ГПНТБ СО РАН, F.IX.6 (Октоих и Обиход, конец XIX в.); ИИ СО РАН, № 19/75 (Октоих и Обиход, конец XIX в.); ИИ СО РАН, № 01/88 (Ирмологий, конец XIX в.); ИИ СО РАН, № 02/00 (Октоих, последняя четверть XIX в.); ИИ СО РАН, № 03/00 (Ирмологий, последняя четверть XIX в.); НБ ТГУ, В-17.096 (Ирмологий, 1870-е гг.); НБ ТГУ, В-26.101 (Сборник песнопений, начало XX в. (часть блока)).

Бумага «Медянской фабрики Первушина»: ГПНТБ СО РАН, F.III.1 (Октоих и Обиход, 70-е гг. XIX в.); ИИ СО РАН, № 02/97 (Сборник праздничных песнопений, последняя четверть XIX в. (2-я часть конволюта)).

Бумага «Медянской фабрики Мошковцевых»: ГПНТБ СО РАН, Q.III.6 (Октоих и фрагмент Обихода, 1-я треть XIX в.); МИБ, НВ 9912 (Праздники, 30-е гг. XIX в.).

Бумага «Кордяжской фабрики Платунова»: ГПНТБ СО РАН, F.IX.6 (Октоих и Обиход (вложенный лист)); ИИ СО РАН, № 19/70 (Праздники и Азбука, начало XX в.); ИИ СО РАН, № 05/75 (Октоих, Обиход, Праздники, конец XIX в.); АГКМ, № 14564/П-7262 (Азбука певческая, конец XIX в.); НБ ТГУ, В-5628 (Сборник треб и песнопений, 1860–1870-е гг.); НБ ТГУ, В-17.096 (Ирмологий, 70-е гг. XIX в.); НБ ТГУ, В-24.642 (Ирмологий, конец XIX в. — начало XX в.); ГУНБ КК, № Л 76647 (Азбука певческая, конец XIX — начало XX в.).

Бумага «Фабрики слободской Кордяжской»: НХМ (Октоих и Обиход, середина XIX в. (1856 г.) (часть конволюта)).

Бумага с гербом Вятской губернии: ИИ СО РАН, № 14/70 (Праздники и Трезвоны, конец XVIII в. (1792)); ИМБиТ, Б 2701 (Октоих и Обиход, 1830-е гг.); НБ ТГУ, В-5725 (Сборник старообрядческий песнопений, стихов и поучений, 1820-е гг.).

Бумага «Успенской фабрики»: ГПНТБ СО РАН, Q.III.9 (Песнопения Обихода крюкового в составе старообрядческого сборника, 1880-е гг.); ИИ СО РАН, № 43/71 (Ирмологий, конец XIX в.).

---

[11] Информация о российских бумажных фабриках — поставщиках своей продукции в Сибирь и о мануфактурах урало-сибирского региона приведена в исследовании В.А. Есиповой [Есипова, 2003, с. 156–183].

Бумага уральской «Фабрики Ятесъ»: ГПНТБ СО РАН, Q.IX.12 (Обиход и Октоих, начало XX в.); ИИ СО РАН, № 19/75 (Октоих и Обиход, конец XIX в.); ИИ СО РАН, № 13/77 (Ирмологий, конец XIX в.); ИИ СО РАН, № 03/80 (Ирмологий, начало XX в.); ИИ СО РАН, № 04/00 (Ирмологий, конец XIX в. (часть конволюта)); НБ ТГУ, В-9783 (Ирмологий, (фрагмент), начало XX в.).

Бумага «Туринской бумажной мануфактуры»: КККМ, № 235 (Сборник певческий, 1780-е гг. (часть конволюта)).

Бумага «Тобольской фабрики Медведевых»: МИБ, ОФ 13809 (2) Обиход, 1760-е гг. (часть конволюта)).

Бумага «Фабрики Тобольской Василия Корнильева»: ГПНТБ СО РАН, Q.I.45 (Ирмологий 1780-е гг.); ИИ СО РАН, № 31/73 (Октоих и Обиход начало XIX в. (1811 г.); МИБ, ОФ 13809(2) (Обиход, 1810-е гг. (часть конволюта)).

Бумага фабрики тобольского купца Алексея Григорьевича Дьяконова: ИМБиТ, Б 2685 (Октоих, Триодь постная и цветная, Обиход, 1-я четверть XIX в. (1817 г.)).

Бумага с гербом Тобольской губернии: ГПНТБ СО РАН, F.IX.6 (Октоих и Обиход, «[18]05» (вложенный лист бумаги)).

Этот список из 43 рукописей и их фрагментов может быть расширен за счет экземпляров позднейшего времени, бумага которых не имеет примет. Это рукописи, переписанные не только на поздней бумаге машинной выделки, но и на ватмане, на листах школьных тетрадей и даже на засвеченной фотобумаге. Их характерными признаками являются не вполне профессиональный почерк, своеобразие переплетов, отсутствие украшений или украшения примитивного рисунка.

К данной категории можно отнести две рукописи из Приморского края, приблизительно датируемые началом XX в. (ГПНТБ СО РАН, F.I.8, Ирмосы; ГПНТБ СО РАН, Q.I.16, Октоих и Обиход). Обе переписаны непрофессиональным почерком, а первая из них — на бумаге в широкую линейку. Столь же невыработанным почерком «Василия Коровина» выполнены рукописи из Красноярского собрания ГПНТБ СО РАН (ГПНТБ СО РАН, Q.VI.1, Октоих и Обиход рубежа XIX–XX вв.; ГПНТБ СО РАН, Q.VI.2, Ирмосы того же времени), писец также отредактировал свою работу, крестообразно перечеркнув ошибочно написанный на л. 47 рукописи ГПНТБ СО РАН, Q.VI.1 текст, отметив на правом поле вертикально: «Ошибка случилась у Коровина». Две рукописи из собрания ИИ СО РАН, привезенные археографами из с. Быструха (ИИ СО РАН, № 13/70, поморские Октоих и Обиход конца XIX — начала XX в.) и пос. Глубокое (ИИ СО РАН, № 04/79, XX в.) Восточно-Казахстанской области имеют приметы примитивного оформления, а вторая из них представляет собой все-

го 3 листа из школьной тетради в линейку с песнопением «Блажен муж». Ученический характер носят рукописи певческих Азбук, поступивших в фонды того же учреждения от сибирских странников (ИИ СО РАН, № 88/86, ИИ СО РАН, № 93/86, ИИ СО РАН, № 101/86), а также единичные тетрадки из 2–5 л. с отдельными песнопениями и псалмами (ИИ СО РАН, № 81/86, ИИ СО РАН, № 100/86, ИИ СО РАН, № 102/86, ИИ СО РАН, № 160/86). Бумага всех этих рукописей указывает на их создание по меньшей мере во второй половине, а то и в последней четверти XX в.

Помимо рукописей, переписанных в личных и учебных целях, в региональных собраниях есть и вполне профессиональная продукция, имеющая и разного рода украшения. Эти украшения представляют собой либо имитацию одной их двух классических традиций старообрядческого книжного декора — поморской и гуслицкой, либо эклектичные и своеобразные рисунки, не относящиеся к какой-либо школе книжного оформления.

В значительной степени местные оформители подражали «гуслицкому» стилю. Образцы такой не вполне профессиональной стилизации встречаются в певческих сборниках начала XX в. из Алтайского краеведческого музея (АГКМ, № 14888/2 П-8833, Азбука, Праздники, Ирмологий), где «гуслицкие» инициалы соседствуют с заставками, выполненными с помощью штамповки и имитирующими старопечатный стиль, и сборнике Алтайского художественного музея (ГХМ АК, ДФ-1530, Азбука, Октоих, Обиход и Демественник), изготовленного из бумаги типа ватман.

Великолепным образцом позднего «извода» «гуслицкого» стиля можно назвать оформление рукописи Ирмосов начала XX в. из собрания Приморского музея (МПК, 9164-11 / кн 3–2598). Помимо общих для «гуслицкого» стиля элементов декора книга включает две ярко раскрашенные миниатюры размером в лист. Одна из них — изображение архангела Михаила, стоящего на облаке с крестом и мечом в руках, выполненная в характере старообрядческого лубка (л. 49 об.); другая, с подписью: «Райская птица, называемая Сиринъ» (л. 10 об.), — явный образец художественной культуры эпохи модерн.

Весьма своеобразную «авторскую» трактовку получает «гуслицкий» стиль в оформлении Ирмология из библиотеки Хабаровской духовной семинарии (РЦ-1 55 / И 82, начало XX в.), на л. 129 которого изображен традиционный «гуслицкий» сюжет — «цветок в руке», но с птицами совершенно иного типа, а на л. 132 помещен рисунок дерева с цветами и птицами, достаточно реалистичный по стилистике и полностью выходящий за рамки известных традиций. Все рисунки выполнены коричневой, зеленой и синей акварельными красками.

Любопытный пример ориентации на поморский стиль оформления, включая начальную миниатюру Иоанна Дамаскина за написанием книги, демонстрируют Ирмосы из фондов Музея Алтайской духовной миссии (МАДМ, ОФ 1879, рубеж XIX–XX вв.). Заставки и инициалы здесь полностью находятся в русле барочной стилистики поморской школы с цветами и ягодами морошки в вазонах, вязь в заглавиях ориентирована скорее на поповскую традицию, а некоторые концовки типа «цветок в руке» представляют собой вполне вольное флористическое изображение. В целом данную рукопись трудно отнести к конкретной старообрядческой музыкально-письменной традиции. Помимо эклектичности внутреннего декора, сама запись гимнографического и невменного текстов обладает приметами как поповской, так и беспоповской традиции: гимнографический текст истинноречен, почерк крюков (вполне профессиональный) ориентирован на поповскую традицию, однако призна́ки на знаменах встречаются нерегулярно, а иногда проставлены ошибочно.

Такая контаминация трудно поддается интерпретации: один из вариантов ответа мог бы состоять в том, что рукопись переписывал старообрядец новопоморского согласия из тех, что перешли к практике истинноречного пения, в оформлении же кодекса он ориентировался на свою книжную традицию. С другой стороны, рукопись М.М. Огибениа-Фирсова из собрания НБ ТГУ (В-4762) также орнаментирована в манере, которую можно трактовать как позднюю модификацию поморской, точнее барочной традиции, однако это, несомненно, единоверческая певческая книга. Сходство приемов оформления двух памятников из разных собраний позволяет предположить, что подобного рода сборники, синтезирующие черты двух самостоятельных старообрядческих традиций действительно могли сформироваться в рамках единоверия, распространявшегося прежде всего среди представителей зажиточного сословия старообрядцев как беглопоповского, так и беспоповского направлений.

Здесь нет возможности охарактеризовать все рукописи, выходящие за рамки классических традиций, стоит лишь отметить, что вместе с категориями «написанных для себя» и списками на бумаге урало-сибирских мануфактур они составляют не менее четверти всего совокупного фонда певческих книг в собраниях сибирского региона. Следует также иметь в виду, что большинство рукописей, написанных в личных или учебных целях непрофессиональными писцами, вряд ли могли попасть в хранилища местных краеведческих и художественных музеев в силу того, что не обладали необходимыми «экспозиционными» качествами, поэтому, полагаем, их было гораздо больше.

Обилие рукописной продукции заставляет предположить, что в урало-сибирском регионе существовали настоящие скриптории, в которых переписывались в том числе и певческие книги. Такие скриптории, несомненно, существовали на Урале, о чем свидетельствуют упомянутые выше рукописи черноризца Бударинской обители Иоиля, екатеринбуржца Козьмы Павловича и Василия Постника. При этом последняя не просто профессионально написана, но снабжена выдержанной в канонических традициях древнерусского книжного оформления многофигурной миниатюрой в красках на сюжет первой Евангельской стихиры (ИМБиТ, Б 2685, л. 99).

Значительная доля рукописей местного урало-сибирского происхождения, в свою очередь, свидетельствует об интенсивном процессе их создания на местах на протяжении всей истории сибирского старообрядчества, а также высокой степени сохранности письменной составляющей его богослужебно-певческой культуры.

Важно подчеркнуть, что традиция переписки крюковых книг не прерывалась вплоть до второй половины XX в.: как говорилось выше, в 1954 г. свою певческую рукопись создает наставник барнаульских часовенных М. Ф. Кондратьев. Археографические экспедиции конца 1960-х — 1970-х гг. зафиксировали активно бытовавшую традицию создания певческих книг старообрядцами-часовенными Тывы (о. Палладий, Г.Ф. Рукавицын) [Казанцева, 2018, с. 40–41], примерно в те же годы переписка музыкально-теоретических руководств входила в общую программу обучения знаменному пению у сибирских странников. В 1996 г. лично им переписанную певческую Азбуку нам показывал наставник поморской общины Бийска Ф.Ф. Серебренников. В некоторых центрах письменная традиция сохранилась вплоть до настоящего времени. Так, в ходе экспедиции 2009 г. в одном из поселков, связанных с часовенными монастырями Дубчеса, нам удалось скопировать школьную тетрадь в клетку с песнопениями «Обихода нашего роспева». Археографам также известны мастерские по ремонту книг и изготовлению переплетов, один из них — в Тыве — описан Н. Н. Покровским [Покровский, 1984, с. 19–25], работу другого мы лично наблюдали в ходе экспедиции в Красноярский край.

Подводя итог наблюдениям над владельческими и писцовыми записями, а также иными палеографическими приметами певческих рукописей сибирских собраний, можно уверенно говорить о достаточно высоком уровне богослужбно-певческой культуры сибирского старообрядчества в прошлом, владении знаменной нотацией в необходимой степени. Среди массы грамотных певчих выделялась группа знатоков, владевших древнерусской музыкально-письменной традицией в активной форме, — это переписчики крюковых книг.

Некоторые из них сообщили свои имена, другие остались неизвестными. Однако и в том, и в другом случаях урало-сибирские писцы в полной мере демонстрируют владение крюковой письменностью, а некоторые из них (такие, как уральцы Козьма Павлович, Василий Постник, И.А. Лепихин, М.М. Огибенин-Фирсов, семейский мастер И.И. Слепенков) — и знаменной каллиграфией, не уступая в этом представителям классических европейских школ старообрядческого книжного письма. Большинство из них оказались также и талантливыми художниками, сопроводив тексты песнопений не только красочными заставками и инициалами, но и миниатюрами — Василий Постник, М.М. Огибенин-Фирсов, анонимные оформители Ирмосов из Приморского краеведческого музея (МПК, 9164-11 / кн 3-2598), Хабаровской духовной семинарии (ХДС, РЦ-1 55 / И 82), бийского Музея Алтайской православной миссии (МАДМ, ОФ 7.852) и других.

Однако примерно с 1960-х гг. обозначился и процесс постепенного угасания музыкально-письменной традиции в среде сибирского старообрядчества. Об этом свидетельствует постепенного перемещение этого типа книжности из личных библиотек потомков старообрядцев в государственные хранилища, что является явным признаком кризиса богослужебно-певческой культуры в профессионально-письменном ее аспекте и постепенного перехода в сферу преимущественно устного бытования.

Список литературы

Есипова В.А. Бумага как исторический источник: По материалам Западной Сибири XVII–XVIII вв. Томск, 2003. 292 с.

Есипова В.А. Крюковой Обиход и Октоих из собрания Научной библиотеки Томского государственного университета // Вестник Уральского отделения РАН. 2013. № 4 (46): Наука, общество, человек. С. 132–137.

Есипова В.А., Казанцева Т.Г. Линейно-крюковой двознаменник из собрания Научной библиотеки Томского государственного университета: К вопросу о церковно-певческой традиции Единоверческой Церкви // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 212–223.

Ефимова И.В., Кузьмина Т.Г., Потапцев А.В. Памятники древнерусского церковно-певческого искусства: Из книжных собраний Красноярска, Минусинска, Иркутска. Т. 1. Красноярск, 2016. 304 с.

Ефимова И.В., Кузьмина Т.Г., Потапцев А.В. Памятники древнерусского церковно-певческого искусства: Из книжных собраний Красноярска, Минусинска, Иркутска. Т. 2. Красноярск, 2017. 348 с.

Жимулева Е.И. Описание крюковых Октоихов и Обиходов из собрания Института истории СО РАН, приобретенных в 1970–1976 годах // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 326–356.

Жимулева Е.И. Описание крюковых Октоихов, Обиходов и Обедниц, приобретенных в 1976–2001 годах // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 308–333.

Казанцева Т.Г. Материалы к изучению богослужебно-певческой традиции староверов-часовенных Верхнего Енисея // Музыкальная культура Сибири: Источники, традиционные и академические формы творчества: Сборник статей Всероссийской научной конференции. 25–26 октября 2018 г. Новосибирск, 2018. С. 28–64.

Казанцева Т.Г. Певческие азбуки из собрания Института истории СО РАН: Описание // Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009а. С. 325–353.

Казанцева Т.Г. Певческие книги малых собраний Сибири и Дальнего Востока: Каталог. Новосибирск, 2015. 220 с.

Казанцева Т.Г. Певческие рукописи Забайкальского территориального собрания Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук: Каталог. Новосибирск, 2009б. 220 с.

Казанцева Т.Г. Певческие рукописи Иркутска: По материалам археографического обследования фондов Научной библиотеки Иркутского государственного университета // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века). Новосибирск, 2011. С. 989–1014.

Казанцева Т.Г. Певческие рукописи XVII–XX веков Государственного архива в г. Тобольске: Каталог. Новосибирск, 2016. 178 с.

Казанцева Т.Г. Певческие рукописи старообрядцев-семейских из собраний Улан-Удэ и Новосибирска: Каталог. Новосибирск, 2010. 360 с.

Казахстанский митрополичий округ // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 357–360.

Кручинина А.Н. Описание музыкальных рукописей, приобретенных археографическими экспедициями СО АН СССР в 1970–1971 гг. // Вопросы истории книжной культуры. Вып. 19. Новосибирск, 1975. С. 215–234.

Парфентьев Н.П. Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI–XX вв.). Описание крю-

ковых рукописей выполнено при участии М.Г. Казанцевой. Челябинск, 1994. 446 с.
Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. 191 с.
Покровский Н.Н. Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 144–148.
Uchastkina Z.V. A History of Russian Hand Paper-Mills and their Watermarks. Hilversum, 1962. XXIX, 297 p.

УДК 930.253

О.С. Демитриева
Государственный архив Новосибирской области

Обзор документов фонда личного происхождения академика Н.Н. Покровского, хранящегося в Государственном архиве Новосибирской области

Статья посвящена обзору документов фонда личного происхождения № Р-2475 «Покровский Николай Николаевич (20.06.1930–13.10.2013), академик Российской Академии наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук (1992–2003), специалист в области русской истории XIV–XX вв.», хранящегося в Государственном архиве Новосибирской области. В фонд включены документы о научной деятельности и личной жизни, переписка, издания работ Н.Н. Покровского, фотодокументы и др. Фонд состоит из 181 условной единицы хранения, 4975 документов.

Ключевые слова: академик Н.Н. Покровский, Государственный архив Новосибирской области, архивный фонд личного происхождения, архивный обзор.

Бесспорно и общепризнанно значение документов из архивных фондов личного происхождения историков для развития отечественной исторической науки. Без них невозможно представить историю отечественной исторической мысли, провести серьезное историографическое исследование. Сегодня нельзя воссоздать биографию ученого-историка, его жизнь и творчество без обращения к самым разнообразным материалам, хранящимся в личном архивном фонде. Не случайно в последние годы стал претворяться в жизнь многотомный мегапроект «Каталог личных архивных фондов отечественных историков», охватывающий период с XVIII по XX в. [Медведева, Мироненко, 2013]. Крайне важно своевременно предоставить в распоряжение исследователей детальную систематизированную информацию о составе таких фондов. Именно эту цель и преследует наш предварительный краткий обзор документов личного архивного фонда выдающегося российского историка Н.Н. Покровского.

Государственный архив Новосибирской области — одно из крупнейших хранилищ документов по истории России на территории Сибири. По состоянию на 1 января 2020 г. в его 3435 фондах насчитывалось 2 424 489 дел, в том числе 118 фондов личного происхождения. В своей профессиональной деятельности архивисты решают глобальную задачу: собрать и сохранить документы, которые отражают все многообразие существующей социальной реальности и ее

© Демитриева О.С., 2020

прошлого, в том числе и историю российской науки. Поэтому в ГАНО было принято решение о приеме на хранение личного архива академика РАН Н.Н. Покровского.

Материалы этого архива в ГАНО переданы его родственниками в 2015 г. и 2018–2019 гг. в количестве 181 условной единицы хранения, 4975 документов. Образованному архивному фонду был присвоен номер Р-2475 и дано название: «Покровский Николай Николаевич (20.06.1930–13.10.2013), академик Российской Академии наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института истории Сибирского отделения Российской Академии наук (1992–2003), специалист в области русской истории XIV–XX вв.».

Из переданных документов при создании фонда был выделен обширный массив, который получил наименование «Материалы к биографии Н.Н. Покровского». Этот массив состоит из следующих документов:

- свидетельство о награждении за участие в эстафетном проплыве на Геленджикском этапе IV Кубано-Азово-Черноморской плавательной эстафеты (1954);
- награды и удостоверения к ним;
- студенческий билет исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова;
- диплом об окончании МГУ им. М.В. Ломоносова;
- дипломы кандидата исторических наук, доктора исторических наук;
- аттестаты доцента, старшего научного сотрудника, профессора;
- членские билеты Географического общества СССР, Дома ученых СО АН СССР, Всесоюзного общества «Знание»;
- удостоверения члена-корреспондента АН СССР, академика РАН;
- справка из Верховного суда РСФСР о реабилитации, удостоверение реабилитированного;
- трудовая книжка, архивные справки;
- поздравления с юбилеями (открытки, телеграммы, памятные адреса и др.);
- дипломы, благодарности, благодарственные письма, почетные грамоты;
- соболезнования (телеграммы, письма) в связи с кончиной Н.Н. Покровского и другие документы.

Другим значительным по объему массивом документов является семейная и научная переписка Н.Н. Покровского, охватывающая длительный временной период. Корреспондентами этой переписки

были родственники и друзья Н.Н. Покровского и широкий круг деятелей науки и культуры.

В фонд также вошли различные подборки документов о научной деятельности Н.Н. Покровского, которые, по всей видимости, были сформированы им самим, и это деление материалов сохранится при научном описании фонда. Отметим наиболее важные подборки документов:

- черновик кандидатской диссертации Н.Н. Покровского «Актовые источники по истории феодальной собственности в России XIV — начала XVI в.» и связанные с ней материалы;
- материалы, связанные с неосуществившимся проектом издания Иркутской летописи;
- материалы к проекту «Челобитные сибирских крестьян» (предполагалось соавторство с В.А. Александровым; проект не осуществлен ввиду его смерти);
- черновики и архивные выписки по теме монографий Н.Н. Покровского «Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры» (изд.: Новосибирск: Наука, 1989);
- тексты для издания «Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв.» (изд.: Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. Т. 1);
- материалы к изданию «Политбюро и Церковь» в серии «Архивы Кремля» (изд.: М.: РОССПЭН; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Кн. 1.; 1998. Кн. 2);
- черновики к монографии Н.Н. Покровского, Н.Д. Зольниковой «Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания» (изд.: М.: Памятники исторической мысли, 2002);
- материалы (рукописи, переписка, расписки и др.), связанные с изданием Степенной книги царского родословия (изд.: М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1; 2008. Т. 2; 2012. Т. 3);
- черновики, связанные с исследованиями по истории старообрядчества;
- оттиски статей, статьи в журналах;
- черновики статей, статьи, интервью, архивные выписки, конспекты, картотеки;
- конспекты лекций, читавшихся в НГУ;
- материалы, связанные с поездками за рубеж (характеристики, отчеты, автобиография и др.);
- материалы, связанные с поездкой на научную конференцию в Японию в 1997 г., в том числе негативы фотографий;

- отзывы, рецензии Н.Н. Покровского на работы разных авторов;
- дарственные надписи Н.Н. Покровскому от разных лиц на авторефератах и оттисках;
- оттиски разных авторов, журналы, вырезки из газет, собранные Н.Н. Покровским по интересующим его темам;
- программы конференций, семинаров, симпозиумов и другие документы.

Помимо всего вышеперечисленного, в фонде представлены книги, подготовленные Н.Н. Покровским или при его участии, а также посвященные ему:

- *Покровский Н.Н.* Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV — начала XVI в. Новосибирск, 1973;
- *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974;
- *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991;
- Политбюро и церковь: 1922–1925 гг. / Сост. Н.Н. Покровский, С.Г. Петров. М.; Новосибирск, 1997. Кн. 1; 1998. Кн. 2 (серия «Архивы Кремля»);
- *Покровский Н.Н.* Российская власть и общество: XVII–XVIII вв. Новосибирск, 2005;
- Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005 (сборник посвящен 75-летнему юбилею Н.Н. Покровского; с. 525–579: *Покровский Н.Н., Покровская С.Н.* Мемуары);
- *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005;
- Николай Николаевич Покровский / Сост. З.В. Бородина, О.Д. Журавель, И.А. Шипилов; автор вступ. ст. Н.Д. Зольникова. М., 2010. (Материалы к биобиблиографии ученых. История. Вып. 34);
- *Покровский Н.Н.* Русская Церковь и государство в XIII–XVI вв.: Учебное пособие. Новосибирск, 2013.

В фонд включены фотографии Н.Н. Покровского: портреты, студенческие, семейные, с коллегами и др. Серьезная проблема — идентификация лиц, запечатленных на этих снимках. Она решена только частично.

Хранятся в фонде и документы отца Н.Н. Покровского — Николая Ильича Покровского, историка, кавказоведа, первого декана

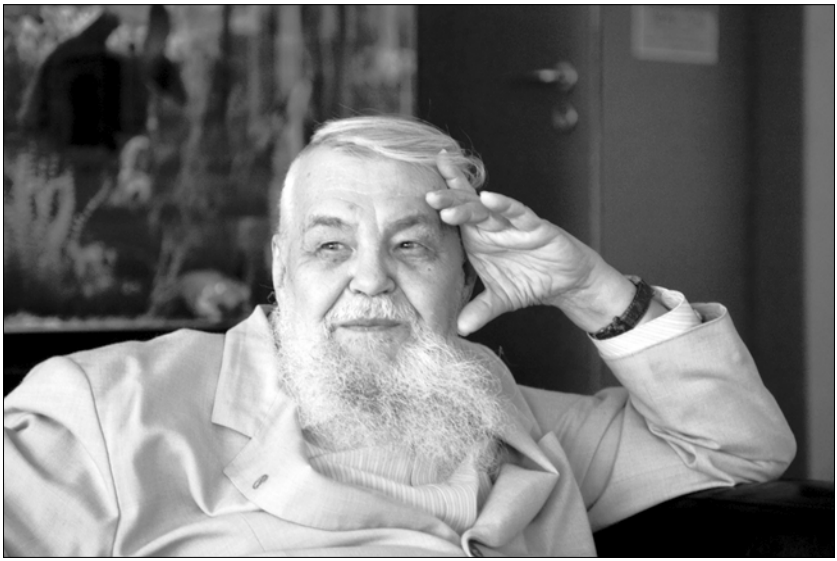
историко-филологического факультета Ростовского государственного университета: автобиография (рукопись); черновик докторской диссертации «Завоевание северо-восточного Кавказа и борьба горцев за независимость» (подборка Н.Н. Покровского, машинопись); черновики книги «Завоевание северо-восточного Кавказа и борьба горцев за независимость» (машинопись с правкой автора, подборка Н.Н. Покровского); черновики монографии «Кавказские войны и имамат Шамиля» с правкой Н.Н. Покровского (подборка Н.Н. Покровского, машинопись); книга: *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. 2-е изд. М., 2009.

По составу документов фонд Н.Н. Покровского в ГАНО можно назвать полным: это и личные документы, и документы о научной деятельности, переписка, фотодокументы. Его научное описание еще не завершено. До момента составления окончательной описи документы на руки исследователям не выдаются.

Список литературы

Медведева Т.В., Мироненко М.П. Каталог личных архивных фондов отечественных историков: Издание продолжается // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 25–30.

ВОСПОМИНАНИЯ



Николай Николаевич Покровский, как многие одаренные люди, обладал множеством талантов. И главным даром — быть личностью, яркой, неповторимой — он был наделен сполна. Его жизнь охватила несколько исторических эпох, он не понаслышке знал, что такое сталинизм, война, оттепель, ставшая, правда, для него не такой уж теплой... Впитав лучшие отечественные духовные традиции, он стал ученым, обогатившим мир своими научными трудами, учителем, создавшим сильную научную школу. Феномен личности Николая Николаевича заслуживает специального изучения. Первым источником для воссоздания облика ученого могут стать воспоминания людей, близко знавших его, тех, кого он мог бы назвать семьей. В таком значении понятие «семья» актуально в старообрядчестве, изучению которого посвятил много замечательных работ Николай Николаевич: это не только родственники, это и его ученики, коллеги, близкие друзья. Прозвучавшие на заседании Круглого стола воспоминания представляют собой первую попытку реконструкции образа Н.Н. Покровского в контексте эпохи.

Н.А. Мининков

Воспоминания о дяде: Николай Николаевич Покровский

Своего дядю, Николая Николаевича Покровского (дядю Колю), я хорошо помню с самого детства. Он был младшим братом моей мамы, Светланы Николаевны, и приезжал в Ростов к своей маме, Татьяне Андреевне Прасоловой, в ее дом на Крепостном переулке, вблизи забора, отделявшего улицу от судоремонтного завода «Красный Дон» и от правого берега Дона. В моем детском еще сознании он неразрывно связан с моей бабушкой, с ее домом на этом переулке с хорошим видом на Дон и Задонье, вплоть до находившегося в десяти километрах на левом берегу реки города Батайска. Мне она много рассказывала о прошлом своей семьи. Она родилась в 1897 г., в семье ростовского рабочего пивоваренного завода «Южная Бавария» Андрея Степановича Прасолова. Он происходил из тульских крестьян, пришел, как и немало крестьян после реформы, на юг и устроился в Ростове на пивзавод, на заводе постепенно стал мастером-солодовщиком. Был грамотен, немало читал. Во всяком случае, он сумел дать своим детям образование. Бабушка окончила женскую гимназию в Ростове, училась на отлично и была, как рассказывала, единственной дочерью рабочего в своем классе. Мама ее, Ольга Александровна, происходила из крестьян Курской губернии. Когда у дедушки Андрея срок выслуги на заводе подходил к 25 годам, его уволили, придравшись к тому, что он выносил пиво с завода. Между тем, пиво выносили все рабочие. После гимназии баба Таня окончила медицинский факультет университета, который в 1915 г. из Варшавы эвакуировался в Ростов. Брат ее, дедушка Костя, окончил реальное училище, потом пошел на военную службу, стал офицером, был участником Сталинградской битвы. Дедушка Миша, младший брат, стал железнодорожником, дослужился до высоких чинов в Москве, имел изобретения. Отец дяди Коли, Николай Ильич Покровский, происходил из семьи служащего Владикавказской железной дороги, Ильи Николаевича. Он окончил исторический факультет университета в Ростове. Выучил арабский язык, участвовал в экспедициях по Северному Кавказу, собирая рукописи по истории Кавказской войны. Во время войны семья была в эвакуации в Ереване и в 1944 г. вернулась в Ростов. Дедушка Андрей оставался в Ростове и пережил оккупацию. Ни дедушку Николая Ильича, ни прадедушку Андрея я не видел. Дедушка умер в марте 1946 г., а дедушка Андрей — в 1949 г.

Баба Таня рассказывала о некоторых событиях прошлого. По ее рассказу, во время парада Первой Конной армии в Ростове на меже между городами Ростов и Нахичевань, ныне на Театральной площади Ростова, Семен Михайлович Буденный упал с коня. А затем он ездил по городу и показывал, какой он хороший конник, как оно и было на самом деле. Бабушка говорила, что это падение было связано, как говорили в городе, с тем, что местная партийная власть хорошо принимала командование Первой Конной, которая через Ростов шла с Северного Кавказа на польский фронт. Рассказывала она о своем участии в революционных событиях. Вместе с мужем, Николаем Ильичем Покровским, они вступили в партию эсеров. Во время деникинской власти она ездила на известный Сулинской металлургический завод, ныне город Красный Сулин, в пределах ростовского Донбасса, для революционной работы. С ней ездил большевик, некий Мефодий Середа. С ним она столкнулась уже после Великой Отечественной войны, когда органы госбезопасности решили выявлять недобитых членов существовавших в начале XX в. партий. Как она узнала, о ней сообщил органам Мефодий Середа. Ее вызвали в местное управление госбезопасности. Офицерик, типичный, по ее словам, хлыщ из органов госбезопасности, потребовал от нее составить список ростовских эсеров. Она составили большой список и ушла. Через несколько дней ее опять вызвали, и ее принимал тот же офицер. Он спросил ее, что же вы написали? Она ответила, что составила список, который от нее требовали. Но в списке же одни покойники, сказал офицер. А я больше никого не знаю, ответила баба Таня. И, как он ни старался, она никого больше не назвала, хотя она знала, что живые бывшие эсеры в Ростове были.

На Крепостном переулке стоит двухэтажный дом, он ранее принадлежал бабе Тане. На второй жилой этаж вели 8–10 деревянных ступеней, по-местному приступок. Я как-то упал с них, когда мне было четыре года. Точно я не знаю, как достался деду Андрею Прасолову этот дом, но за домом был большой двор, в котором также были небольшие дома разных соседей. Во дворе было много абрикосовых деревьев, которые по-местному назывались жердёлами. Была большая тютина, которая в России называется шелковицей. Росли также вишни. Стояла рыболовная лодка, по-местному баркас. Такие лодки были в каждом дворе на Богатяновке, примыкавшей к Дону. Помню, как в моем детстве весь двор вел борьбу с нашествием тли, которая просто уничтожала абрикосовые деревья. Боролись по-варварски, пилили целые ветки и сжигали их, других способов уничтожения этого вредного насекомого не было. Дети, в том числе и я, активно помогали в этом взрослым. Баба Таня тоже принимала в этом участие.

О дедушке Николае Ильиче я знаю, конечно, меньше. Его семья происходила из священников, на что указывает фамилия — Покровский. Как это было в семьях священников, после церковной реформы при Александре II немало поповских детей ушли в светскую жизнь. К ним относился и отец Николая Ильича, Илья Николаевич.

Исторический текст предполагает обычно указание на время и место. Что касается места, памятного для дяди Коли и для меня и находящегося минутах в пятнадцати от нашего нынешнего ростовского жилья, на Крепостном переулке, то я его постарался описать. Время же, в течение которого я знал дядю, длилось много десятилетий и за это время произошли большие изменения в нашем обществе и с каждым из нас.

Дядя Коля приезжал, как правило, со своей семьей из Москвы, где он жил тогда после окончания исторического факультета МГУ, со своей женой Зоей Васильевной (для меня — с тетей Зоей) и с сыном Колей, который был года на три младше меня. Запомнился он мне тогда большим и веселым. Я, конечно же, не мог знать, что в 1955 г. он защитил под руководством Михаила Николаевича Тихомирова кандидатскую диссертацию об актовых источниках по истории крестьянства на русском Севере. И, конечно же, не знал о другой стороне его жизни, которая была частью жизни университетской молодежи важнейших научных центров страны и была порождена крушением в их сознании целого ряда мировоззренческих основ на фоне XX съезда КПСС и распространения правды о сталинских преступлениях. Той самой стороне, которая и привела его в организацию во главе с Львом Николаевичем Краснопевцевым и Леонидом Абрамовичем Ренделем, из рядов которой раздалась мощная и убедительная критика Н.С. Хрущева за далеко не полное раскрытие всего самого мрачного, что скрывалось под эвфемизмом «культ личности Сталина».

Затем наступил 1957 год. Я пошел в школу, часто и помногу бывал у бабушки. Дядя Коля что-то перестал появляться. К третьему классу я уже кое о чем догадывался, в том числе со слов бабушки, которая не скрывала своего отношения к власти. Помню, она как-то мне сказала, когда я поделился с ней материалом из школьного урока о репрессиях царского режима. Она подтвердила, что при царизме все это было, но при этом заметила, что при Сталине репрессии были значительно более масштабными и кровавыми, а жизнь людей куда более беспросветной, чем при самодержавном режиме. В то время у меня на этой почве возник некоторый когнитивный диссонанс. Но и возникла мысль, что все, что говорят о советской власти в школе и содержится в учебной литературе, не представляет собой полной правды. Все это было у меня в голове, когда я был уже в третьем, что

ли, классе, и встречал у бабушки Новый год. В новогоднюю ночь мы вышли на веранду ее дома. Лил дождь, было темно, вдалеке виднелись редкие огни Батайска... И я, уже что-то подозревая, спросил бабушку, почему дяди Коли давно нет? Где он? Не сидит ли? Потому что глагол «сидит», «сидел» я слишком часто слышал, вообще этот район Ростова, где жила баба Таня, Богатяновка, был местом, где сидели многие, но, конечно же, по уголовным делам. И бабушка мне рассказала, что произошло, и показала письма от него из лагеря. И затем я уже знал, что летом, в свой отпуск, она каждый год ездила к нему в лагерь в Мордовию и кое-что рассказывала. Возвращения дяди Коли я ждал с нетерпением несколько лет.

Когда он вернулся, я увидел, что он изменился внешне. Ничего не осталось от прежней густой шевелюры. Постарел, только глаза были прежние, молодые и веселые. Рассказывать «о пережитом» он, конечно же, как и многие другие, фронтовики вроде моего отца, Александра Павловича Пронштейна, и лагерники, не любил. Но общие темы у нас находились. Он одобрил мое увлечение географией, историей и немецким языком, а я уже знал, что он владел несколькими языками, что тетя Зоя говорила по-польски и переводила с польского языка. Я знал, что после освобождения ему нельзя было жить в столичных городах, и он устроился научным сотрудником музея в Суздале. Одну интересную деталь, связанную с работой дяди в Суздале, рассказывала мне после его отъезда из Ростова баба Таня. Дядя в Суздале отвечал на вопросы корреспондента местной газеты об истории Суздаля XVI–XVII вв. Беседа была напечатана в газете. Но заголовок беседы, который был дан редакцией, гласил: «Читая стрелецкие приказы». В упоминании дяди о Стрелецком приказе слово «приказ» было воспринято редакцией газеты в современном смысле — не как учреждение управления, но как письменное распоряжение, которое сохранилось и которое можно было прочитать.

Затем я узнал, что дядя продолжал искать работу, поскольку работа в Суздальском музее его не устраивала. Ему помог в этом отношении его учитель, академик Михаил Николаевич Тихомиров. Он, как я узнал, передавал Сибирскому отделению Академии наук свою большую библиотеку с условием принятия дяди как перспективного кандидата исторических наук к ним на работу. Позже я узнал, что директор Института истории СО АН СССР академик Алексей Павлович Окладников выделил деньги на покупку мест в двух купе скорого поезда Москва–Новосибирск для перевозки книг М.Н. Тихомирова, и дядя перевозил эти книги. Я также узнал, что дядя по своей работе в Институте истории Сибирского отделения АН СССР ездил в качестве руководителя археографических экспедиций в отдаленные места Си-

бири, на Алтай и в Восточную Туву, где проживали общины старообрядцев, предки которых бежали на далекие и труднодоступные окраины государства еще в дореволюционный период. Дядя после этих экспедиций в свой отпуск приезжал в Ростов уже с бородой, которую он не брил и которая ему нужна была для более близкого общения со старообрядцами. Борода, как он рассказывал, располагала старообрядцев к доверию руководителю экспедиции, и они охотнее отдавали ученым рукописные и старопечатные книги, которые у них были. Но он рассказывал, что дело было вовсе не в бороде. Получить от них книги даже с бородой было совсем не просто. Старообрядцы решительно отказывались брать за них деньги, но они могли по нескольку дней вести с членами экспедиции беседы, узнавать, насколько хорошо знают они Священное Писание, разбираются в истории старообрядчества и гонений в России на древлеправославную церковь, начиная с Никона. И когда они видели, насколько глубоко дядя знал все эти вопросы, они выражали ему свое доверие и отдавали экспедиции эти книги. Среди них был ценнейший сибирский список Судного дела Максима Грека и Исака Собаки, другие книги и рукописи. Помимо своей работы по поиску книг и бесед со старообрядцами дядя рассказывал о замечательной природе отдаленных частей Сибири, где мало кто из жителей российского юга когда-то бывал. Рассказы о далеких землях, о проживавших в них людях были очень интересны. Я еще не знал, что вскоре окажусь невдалеке от Восточной Тувы. Когда меня забрали в армию, я попал в Республику Бурятию, в город Кяхту на границе с Монголией.

Когда я был уже студентом исторического факультета РГУ, дядя немало говорил со мной на исторические темы. Он одобрил мой интерес к истории донского казачества раннего периода, до подавления Булавинского восстания. А поскольку он сам занимался историей старообрядчества, он говорил, что на Дону также имело место в конце XVII в. мощное старообрядческое движение, которое уже изучалось историками, но исследование которого может продолжаться. Вместе с тем он обращал внимание на то, что изучение положения войска Донского и его эволюции важно для понимания характера политического строя самой России и отношений русских властей к своим окраинам и существующим на их территориях государствам и другим особым структурам вроде войска Донского.

Неплохо помню симпозиум по аграрной истории осени 1978 г., проходивший в стенах исторического факультета РГУ. Ростов был выбран в качестве очередного места проведения симпозиума, поскольку под руководством Александра Павловича Пронштейна здесь складывалась интересная научная школа, занимавшаяся вопросами

источниковедения, методологии истории и методики исторического исследования, а также истории Дона, донского казачества и социальных отношений на Юге России. На конференции были многие известные светила исторической науки того времени, в том числе Иван Дмитриевич Ковальченко, Валентин Лаврентьевич Янин, Аркадий Георгиевич Маньков, Саул Яковлевич Боровой, многие другие известные историки. Из историков более молодого поколения помню Геннадия Федоровича Быконю. Я запомнил выступление дяди в прениях по одному из докладов, поскольку в зале заседаний была демократическая обстановка и туда пускали ростовских студентов и аспирантов. Уже тогда дядя, который очень хорошо знал актовый материал, относящийся к крестьянству Севера России, говорил, что за строками документальных источников, за теоретическими построениями необходимо было видеть положение реального человека, русского крестьянина, со всеми его проблемами. Все это звучит вполне по-современному и свидетельствует о том, что советская историография в семидесятые годы уже переросла узкие теоретические и методологические рамки, установленные для нее господствовавшей идеологией. Едва ли случайно в некоторых выступлениях звучало глухое, но достаточно отчетливое раздражение по поводу некоторых внесенных в науку теоретических положений, например, о начале складывания в России в XVII в. всероссийского рынка и зарождения в тот же период буржуазных отношений. Совершенно очевидно, что в духе такого раздражения старыми установками, в духе поисков новых путей исторического исследования и были слова дяди об особой важности познания человека в истории, будь это крестьянин русского Севера, казак из гарнизона города Томска во время восстания 1648–1649 гг. или урало-сибирский старообрядец. Это также говорит о том, насколько советская историческая наука того времени была готова к культурно-антропологическому повороту, который имел место в трудах западноевропейских историков.

В сентябре 1976 г. дядя увез бабу Таню к себе в Новосибирск. Топить печку в частном доме было ей уже тяжело, а жить все время у нее мы не могли. Теперь к ней, уже в Новосибирск, постоянно ездила моя мама и его сестра, Светлана Николаевна. Связи его с Ростовом в этот период стали несколько реже. Меня послали на сентябрь 1980 г. в Новосибирск присматривать за бабой Таней, которой было уже 83 года, а дядя с тетей Зоей отдыхали в это время на Северном Кавказе. В конце сентября они вернулись и сменили меня, и я уже в Новосибирске видел дядю в последний раз. Затем в 1986 г. умерла баба Таня, а очень скоро после этого скончалась тетя Зоя. После этого он стал чаще бывать в Ростове, по существу, в конце лета, когда у нас спадала жара,

приезжал на месяц на свою родину, пока в конце сентября не улетал последний в году прямой самолет из Ростова в Новосибирск.

Между тем, наступила эпоха гласности, а затем и перестройки. О деле 1957 г., по которому проходил дядя, стали открыто говорить как о деле репрессивном. Официальная реабилитация была неизбежной, она и наступит уже после падения советского режима, но общественная реабилитация наступила значительно раньше. Однако дядя стал широко известен не только как пострадавший от репрессий, но прежде всего благодаря своим экспедициям и исследованиям, благодаря тому, что в результате его трудов при СО АН появился мощный сектор археографии, который продолжает свою работу и в наше время, после кончины в октябре 2013 г. своего основателя. Новая ситуация предопределила новую проблематику его исследований. Они касались теперь не только крестьянства и старообрядцев Урала и Сибири, не только археографических экспедиций и найденных в ходе их рукописей, но и отдельных фрагментов советского периода. Это была, по существу, новая в то время тема истории взаимоотношений советской власти и Православной Церкви. Дядя, как я уже знал, призывал к публикации документов, к открытию архивов для исследователей и совместно с новосибирским исследователем С.Г. Петровым изучал партийные документы двадцатых годов, относившиеся к Церкви. На август-сентябрь он каждый год приезжал в Ростов вплоть, кажется, до 2008 г., в том числе со своей второй женой, Натальей Дмитриевной Зольниковой, его ученицей и известным историком. Он ходил с Натальей Дмитриевной по городу, показывал ей свою родину, выезжал с нами в наше «хозяйство» в станице Елизаветинской Азовского района, в тридцати километрах от нас. Там он проявил себя как глубокий знаток цветов, а также выращивания помидоров и других овощей. Показывая наш виноградник, он говорил Наталье Дмитриевне, что вот он, наш юг, такого богатства растительного мира в Сибири, конечно же, нет. И в этом чувствовалась некоторая его тоска по родным местам. Был он и на Крепостном переулке, видел свой (и мой) родной дом, по-прежнему двухэтажный, но уже несколько перестроенный, когда бывший сарай на первом этаже с углем, дровами и катышками, со старой мебелью, стал жилым. Ездили мы с ним один раз в Старочеркасск, станицу в Аксайском районе, с 1644 до 1805 г. являвшуюся центром донского казачества. Поскольку мы ехали по шоссе на левом берегу Дона, попасть в историческую станицу с ее собором, церквями и музейным комплексом мы не смогли, уже не работал паром. Но, не попав в станицу, мы купались в Дону, и тогда я увидел, насколько хорошо дядя умеет плавать разными стилями, и эти навыки он приобрел, как я знаю, в детстве на Черном море.

В тот же приезд, в начавшийся учебный год, исторический факультет РГУ попросил дядю как известного исследователя русского средневековья и академика прочитать лекцию для студентов и магистрантов. Темой лекции была Степенная книга. В то время дядя усиленно работал по этой проблеме, и итогом его работы стало издание в 2012 г. Латухинской степенной книги 1676 г., с ценными сведениями о событиях конца XVI — XVII в., содержащими свидетельство восприятия русским обществом этих событий. Интерес к лекции был значительный, в большой аудитории не хватало места для всех желающих, некоторые слушали стоя. Как я помню, говоря о содержании Степенной книги, дядя подчеркивал, что в ней выражалась концепция русской истории с восхождением со ступени на ступень, которую представляло собой каждое новое княжение и царствование. А в качестве высшей ступени и своеобразного итога развития выходило царствование времени составления книги при митрополите Даниеле, царствование Ивана Грозного. В данной лекции речь не шла о содержании продолжения Степенной книги за более поздний период, имеющегося в Латухинской степенной книге. Дядя говорил, что общая концепция Степенной книги нашла отражение в труде Н.М. Карамзина. Но, конечно же, для выдающегося историографа Иван Грозный с его опричниной не мог выступать в качестве общего итога и высшей ступени развития страны. Он подчеркивал, что в такой роли выступал в труде Н.М. Карамзина другой московский государь, Иван III. Данное положение особенно интересно для нашего времени. Когда мы видим в наши дни попытки формирования своеобразного культа этого великого князя московского, памятник ему под Калугой при месте стояния на Угре, то очевидно, что истоки его в труде Н.М. Карамзина. Но дядя при этом указывал, что у историографа все это было не так прямолинейно, и Н.М. Карамзин вполне признавал наличие в характере Ивана III признаков не только величия как государя, но и типичного средневекового тирана, которого боялись его подданные.

По его заданию я перевозил в Ростов из Москвы тираж книги профессора Николая Ильича Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля», написанной еще в тридцатых годах. В то время Николай Ильич, отец дяди и мой дедушка, работал в Ростове. Но, поняв, что над ним нависла угроза ареста, он сделал так, как делали в разгар массовых репрессий немало людей, — покинул свое место жительства. Он переехал в Ленинград, где закончил труд над книгой и защитил ее как докторскую диссертацию, а затем смог вернуться в Ростов. При жизни Николая Ильича книга издана не была, поскольку история самой Кавказской войны стала предметом политических спекуляций сталинского режима. В течение ряда лет дядя готовил издание книги,

вел переписку с историком из Махачкалы профессором Владиленом Гадисовичем Гаджиевым, написавшим предисловие к ней. Книга выходила в свет двумя изданиями, в 2000 и 2009 гг., печаталась в Москве и получила самое широкое признание кавказоведов.

От дяди всегда можно было получить необходимую и самую действенную помощь. Особенно он помог нам осенью 1978 г., когда в клинику академика Евгения Николаевича Мешалкина в Новосибирске устроил мою дочь Оксану, которой было в то время пять лет. Операция на сердце в его клинике прошла успешно. Благодаря дяде я дважды печатал свои статьи в новосибирских изданиях, посвящавшихся его юбилейным датам. Когда Людмила Владимировна Мининкова, моя жена, готовилась в 2004 г. к защите докторской диссертации, он написал отзыв на ее автореферат с поддержкой работы, и это было учтено при защите. Мне дядя давал поручение в 2011 г. составить отзыв от ведущего учреждения на докторскую диссертацию Надежды Константиновны Чернышовой на тему о почитании святого Иннокентия Иркутского, и я был рад, что оправдал его ожидания как автор отзыва. Он хорошо знал, что тема привлечет меня тем, в частности, что там упомянут граф Савва Рагузинский, основатель города Кяхты, где мне довелось служить в армии.

Последний раз я видел дядю в сентябре 2008 г., когда он улетал из Ростова домой. С Людмилой Владимировной я провожал его в аэропорту. Конечно, мы не знали тогда, что это последняя его поездка, но что-то предчувствовалось, поскольку здоровье дяди со временем ухудшалось. После этого, вплоть до последнего года его жизни, я вел с ним переписку по электронной почте, довольно регулярную. Затем эту переписку поддерживала Наталья Дмитриевна. Благодаря Наталье Дмитриевне мне удалось побывать на конференции в Новосибирске в октябре 2017 г., посвященной памяти Н.Н. Покровского. На этой конференции были наглядно видны результаты его труда, труда всего замечательного коллектива сектора археографии в Сибирском отделении РАН. Конференция наглядно показала, насколько актуальна в научном отношении проблематика археографического и источниковедческого изучения рукописей и старопечатных книг, истории Православной Церкви, старообрядчества и религиозных движений, насколько значительно развито взаимодействие сектора с научными центрами России и зарубежных стран. Конференция показала, что дело академика Н.Н. Покровского продолжается и развивается.

Историки Ростова помнят труды Н.Н. Покровского, исключительно высоко оценивают его вклад в развитие исторической науки. Для нас же его светлый образ — часть семейной исторической памяти.

В.А. Ромодановская

О Николае Николаевиче Покровском и началах сибирской археографии: Эссе*

В далеком теперь — более полувека спустя — 1965 году в Новосибирский Академгородок приехал — не совсем молодой (тридцать пять...) и не совсем неизвестный (уж десять лет как кандидат наук, «мордовский сиделец» и, вслед за тем, научный сотрудник и заместитель директора Владимиро-Суздальского музея-заповедника) — историк-археограф и источниковед. Во многом вынужденный переезд в Новосибирск (не только работать, но и находиться в Москве и Ленинграде ему было запрещено[1]) Николай Николаевич воспринял с большим энтузиазмом: после шести лет лагерей и двухлетней суздальской передышки у него наконец появилась возможность заняться не только наукой, но во многом и организацией ее,

---

* От всего сердца я благодарю всех коллег, поделившихся своими воспоминаниями и помогших навести архивные справки, чем они оказали мне поистине неоценимую помощь.

В этой заметке я вовсе не ставлю целью описывать специфику экспедиционной работы и привезенный книжный «улов» — об этом написано очень много, и в первую очередь — самими участниками экспедиций. Задачу я вижу в другом — постараться воссоздать хронологию первых десяти лет становления сибирской археографии.

[1] Об этом вспоминал сам Николай Николаевич. В 1974 г. он защищал докторскую диссертацию в Ленинградском отделении Института истории (нынешний Санкт-Петербургский Институт истории РАН), приехал в Ленинград и остановился в академической гостинице. Однако через три дня был из гостиницы *выселен:* 72-мя часами ограничивалось максимальное время, которое разрешалось проводить в Москве и Ленинграде отбывшему заключение по антисоветскому делу. Но — что делать, процедуру защиты диссертации и оформления документов за три дня провести невозможно. И Николай Николаевич принял предложение Ивана Георгиевича Спасского втайне остановиться у него дома. А в Новосибирске тем временем приходили к Покровскому домой с проверкой: вернулся ли он из Ленинграда, и только осторожность его супруги, Зои Васильевны Бородиной, позволила избежать серьезных неприятностей. Конечно, очень рисковал и И.Г. Спасский, в те годы — доктор исторических наук, нумизмат, главный хранитель Отдела нумизматики Эрмитажа, с семьей которого еще с 1930-х гг. была теснейшим образом связана семья Е.К. Ромодановской и с которым и познакомила Николая Николаевича Елена Константиновна. Однако Иван Георгиевич понимал ситуацию как нельзя лучше: в 1934 г. он сам, тогда уже сотрудник Эрмитажа, был арестован по политической статье, осужден и сослан на поселение в Казахстан, где провел четыре года, а после этого не мог вернуться в Ленинград и вынужден был работать театральным художником в Череповце; с первых дней войны ушел на фронт, был ранен — и именно ранение («смыл вину кровью») позволило И.А. Орбели пригласить Спасского после войны вернуться в Эрмитаж. Как бывший лагерник, Николай Николаевич с полуслова находил общий язык и с И.Г. Спасским, и с Д.С. Лихачевым, проведшим четыре года на Соловках и после этого также ограниченным в правах.

в совсем юном тогда Академгородке. Он был полон сил, увлечен, наконец-то, после долгих лет, воссоединился с семьей — женой и сыном... Новая жизнь складывалась очень удачно.

В начале 1965 года учитель Николая Николаевича академик М.Н. Тихомиров представил его руководителям Сибирского отделения Академии наук академикам М.А. Лаврентьеву и А.Л. Яншину, а также показал им свою коллекцию редких книг и рукописей и договорился о безвозмездной передаче ее Сибирскому отделению и месте младшего научного сотрудника для Н.Н. Покровского. Первые древнерусские рукописи из собрания Тихомирова были приняты на хранение в Президиум СО АН уже весной того же года.

Академическая гуманитарная наука в Новосибирске началась с создания в 1958 г. Института экономики, а в январе 1959 г. — Постоянной комиссии по общественным наукам при Президиуме СО АН СССР, у истоков которой были кандидаты исторических наук Марина Михайловна Громыко и Варлен Львович Соскин. Марина Михайловна — выпускница Московского университета (1950 г.), ученица академика С.Д. Сказкина, работала младшим научным сотрудником на историческом факультете МГУ. В Новосибирск приехала в 1959 г. в связи с переводом в Институт теоретической и прикладной механики СО АН ее супруга, известного специалиста в области аэродинамики и ракетостроения Николая Алексеевича Желтухина, и сразу же была принята в Постоянную комиссию старшим научным сотрудником. Варлен Львович Соскин — фронтовик, награжденный в 1945 г. медалью «За отвагу», в 1950 г. окончил исторический факультет Ленинградского университета и затем — аспирантуру Новосибирского пединститута, был ассистентом в Новосибирском инженерно-строительном институте. С 1959 г. — старший научный сотрудник и ответственный секретарь Постоянной комиссии. Научный кругозор и личные связи Марины Михайловны и Варлена Львовича во многом определили и будущий состав новосибирских гуманитарных институтов, и их исследовательские направления.

По итогам работы Постоянной комиссии и Всесибирской исторической конференции (1960 г.) было принято решение о создании в Институте экономики Сектора истории промышленности, для организации работы в котором были приглашены два доктора наук из Ленинграда: историк Алексей Павлович Окладников и филолог Валентин Александрович Аврорин. Крупнейшие специалисты — первый по археологии Сибири, а второй — по языкам сибирских народов — приняли приглашение и в 1961 г. переехали в Новосибирск. Уже через год, в 1962 г., Сектор был преобразован в Отдел гуманитарных исследований, заведовать которым стал А.П. Окладников, а В.А. Ав-

рорин был назначен его заместителем. Спустя еще два года, в 1964 г., оба они были избраны членами-корреспондентами Академии наук.

Параллельно с этими событиями — даты совпадают буквально — в Академгородке развивалась и вузовская гуманитарная наука: в 1962 г. состоялся первый набор студентов на гуманитарный факультет Новосибирского университета.

Мне кажется важным напомнить эти факты: договариваясь о дальнейшей судьбе Николая Николаевича Покровского, своего любимого ученика, и о дальнейшей судьбе своей коллекции древнерусских редкостей (в Тихомировском собрании не только книги и рукописи, но также иконы и картины), Михаил Николаевич избрал не только самый удаленный от Москвы и Ленинграда научный центр, но и, как только что созданный, самый обеспеченный и перспективный.

Впрочем, перспективы сибирской археографии были известны М.Н. Тихомирову не понаслышке: еще в 1959 г. по его инициативе в первые разведывательные экспедиции в Сибирь отправились его ученики А.И. Рогов и В.Б. Павлов-Сильванский, задачей которых было проверить наличие книжных памятников в старообрядческих поселениях, прежде всего у семейских Забайкалья. Несмотря на то, что в первый год из Сибири было привезено всего четыре рукописи, необходимость развития полевой археографической практики за Уралом была очевидна. Конечно, с этими результатами был знаком и Н.Н. Покровский, однако его собственная экспедиционная жизнь началась только в Новосибирске.

Начало новосибирских экспедиций случилось незадолго до переезда Николая Николаевича в Академгородок. В январе 1962 г. из Отдела рукописей библиотеки Томского университета в только что созданный Отдел гуманитарных исследований перешла Елена Константиновна Ромодановская, ученица И.П. Еремина и Л.А. Дмитриева, в Томске составившая предварительное описание томского рукописного собрания. А в 1964 г. начала преподавание на гуманитарном факультете НГУ Елена Ивановна Дергачева-Скоп, работавшая над диссертацией под руководством В.В. Кускова. Ровесницы, они обе очень тесно были связаны с Пушкинским Домом и полевой археографии учились в экспедициях на Русский Север, вдохновленные Владимиром Ивановичем Малышевым, в первый раз отправившимся на поиски рукописного материала в Пустозерск в 1934 г. и ставшим первым российским археографом в постреволюционную эпоху.[2]

[2] Справедливости ради напомню, что после 1917 г. полевая археографическая работа прервалась не вдруг. Так, сразу по отступлении белой армии А.В. Колчака, в 1920–1922 гг., археографические экспедиции были организованы Томским университетом. Руководил ими сибирский историк-архивист и педагог Николай Никитич Бакай

В.И. Малышев в 1946 г. принял приглашение заведующего Отделом древнерусской литературы ИРЛИ академика А.С. Орлова и возглавил археографические экспедиции Пушкинского Дома, тем самым возродив академическую полевую археографию. Впоследствии собранные В.И. Малышевым рукописи легли в основу нынешнего Древлехранилища Пушкинского Дома, а принципы его работы, среди которых главные — установление и поддержание личных контактов с владельцами рукописного материала и систематическое обследование территорий, стали незыблимыми и для его учеников и коллег, и для учеников его учеников, работавших в молодых книгохранилищах.

Летом 1965 г. Е.И. Дергачева-Скоп и Е.К. Ромодановская организовали первую самостоятельную экспедицию в Сибири, которая финансировалась Президиумом Сибирского отделения. В группу, отправившуюся в Томскую и Тюменскую области, были включены трое студентов: Владимир Николаевич Алексеев, учившийся в Уральском университете, и студентки новосибирского гуманитарного факультета Татьяна Николаевна Апсит и Ирина Александровна Бородина (Гузнер).[3] Привезенные из этой поездки 38 рукописей и старопечатных книг (в том числе сборник XVI в., содержащий «Просветитель» Иосифа Волоцкого) положили начало Томскому собранию ГПНТБ

(1861–1927), в те годы заведующий Томским губернским архивом, располагавшимся в подвальном помещении Научной библиотеки Томского университета. В экспедициях под началом Н.Н. Бакая принимал участие студент историко-филологического факультета Томского университета Виктор Иванович Шунков (1900–1967), в будущем специалист по истории Сибири, источниковед, библиограф, член-корреспондент Академии наук, в 1965–1967 гг. возглавлявший Археографическую комиссию. Очевидно, начало сибирской археографии можно отнести к непродолжительным по времени экспедициям Н.Н. Бакая.

[3] Связь Новосибирского научного центра с университетом в первые годы была особенно важна: при создании Академгородка планировалось, что университет будет, в первую очередь, готовить специалистов для академических институтов. В археографических экспедициях роль студенчества трудно переоценить: начиная с первых поездок студенты в экспедициях участвовали обязательно, а с течением лет старшекурсники стали назначаться уже руководителями самостоятельных экспедиционных отрядов. Конечно, это было возможным лишь благодаря преподавательской деятельности сибирских археографов: работе в университете Е.И. Дергачевой-Скоп, совмещения преподавания с работой в институте Е.К. Ромодановской (с 1964 г.) и Н.Н. Покровского (с 1965 г.), спустя несколько лет — В.Н. Алексеева.

Уже с первых лет новосибирских археографических экспедиций на Международных научных студенческих конференциях Новосибирского университета «Студент и научно-технический прогресс», проходящих с 1963 г., стали выступать студенты Е.И. Дергачевой-Скоп с сообщениями по археографии и древнерусской письменности и литературе, а со временем доклады были объединены в самостоятельную секцию «Древнерусская словесность и археография», существующую до сих пор. Среди всех российских студенческих конференций новосибирская — единственная, где археография выделяется как особая тема, а не только как «вспомогательная историческая дисциплина».

СО РАН, ставшему первым, наряду с коллекцией М.Н. Тихомирова, в Новосибирске.

Таким образом, оказавшись в Новосибирске, Николай Николаевич не просто получил наконец возможность заниматься любимым делом, но встретился с единомышленниками, если можно так сказать, «единоверцами», тесный союз с которыми привел к действительно стремительному развитию экспедиционной практики и камеральных исследований.

Однако в 1965 г. участвовать в поисках редких книг Николай Николаевич еще не мог: перед ним стояла важнейшая задача — перевезти из Москвы в Новосибирск коллекцию М.Н. Тихомирова, что он и сделал в два приема, летом и осенью. Последняя поездка совершилась уже после смерти Михаила Николаевича, скончавшегося 2 сентября 1965 г. По рекомендации М.Н. Тихомирова упакованная коллекция перевозилась в двух купе, одно из которых было опечатано, а во втором неотлучно находился сопровождающий; Президиум Сибирского отделения по этому поводу особо ходатайствовал перед руководством железных дорог. В первый год жизни Тихомировского собрания в Новосибирске еще не было места для его хранения — и тут снова пришел на помощь Президиум, выделивший помещение, в котором рукописи и книги находились до весны 1966 г.

1966 г. был полон событий. Было введено в эксплуатацию современное здание Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения на улице Восход. Государственная комиссия приняла его 30 июня 1966 г., а в октябре оно уже было открыто для читателей.[4] В преддверии государственной приемки на баланс библиотеки из Президиума передали рукописи и старопечатные книги, однако, поскольку Отдела редких книг и рукописей еще не существовало, они были приняты в Отдел книгохранения и размещены в цокольном этаже библиотеки. Кроме Тихомировского собрания, в библиотеку поступили рукописи, привезенные экспедицией 1965 г. из Томской области, — Томское собрание. В дальнейшем рукописная коллекция ГПНТБ пополнялась в основном за счет экспедиционных «уловов» — и названия ее собраний отражают географию поисков (Дальневосточное, Алтайское, Тувинское, Забайкальское...). С переездом в Новосибирск в 1967 г. Владимира Николаевича Алексеева началась организация Сектора истории книги (нынешнего Отдела

[4] ГПНТБ СО АН была создана в 1958 г. на базе Государственной научной библиотеки Министерства высшего образования, из которой в Новосибирск было отправлено порядка 3,2 миллионов томов. Однако до открытия здания на ул. Восход читальные залы располагались в Академгородке в помещениях институтов. В Институте экономики находился третий зал — зал общественных наук.

Николай Николаевич Покровский и Зоя Васильевна Бородина
в экспедиции на Алтай, 1960-е гг.

редких книг и рукописей), а вскоре археографические экспедиции организовывались уже не только академическим институтом, но и библиотекой и университетом.

Летом 1966 г. Николай Николаевич, в сопровождении супруги, Зои Васильевны Бородиной, его верной спутницы и в жизни, и в последующих поездках, и двух студентов-историков, Владимира Александровича Мартынова и Виктора Андреевича Карамшука, отправляется в экспедицию на Алтай и в Туву.[5] Этот маршрут, предложенный ему М.Н. Тихомировым во время их последней встречи летом 1965 г., казался Н.Н. Покровскому вначале странным, однако

[5] К сожалению, в экспедиционных дневниках Николай Николаевич не указывал состав групп, поэтому восстановить его сейчас можно лишь по другим документам и воспоминаниям участников. Подобное ведение дневников — особенность Н.Н. Покровского, в отличие от записей Е.И. Дергачевой-Скоп и Е.К. Ромодановской, прошедших школу Владимира Ивановича Малышева. В.И. Малышев уделял максимум внимания каждому моменту экспедиции, ее участникам — в первую очередь, и в этом специфика «экспедиционного» Малышева, которой не было у «камерального» учителя Николая Николаевича М.Н. Тихомирова. Наверное, кстати тут будет напомнить о дискуссии «начальников» ленинградской и московской археографических школ по поводу приоритетов: собирать ли в первую очередь рукописные и иные материалы у владельцев-старообрядцев или большее внимание уделять сохранности и введению в научный оборот памятников, хранящихся в архивах.

На берегу притоки Енисея.
В.А. Мартынов, Н.Н. Покровский, В.А. Карамшук. 1966 г.

уже в первую поездку удалось обнаружить в скиту о. Палладия и ценнейшее книжное собрание (к сожалению, утраченное после смерти старца), и книжную мастерскую и скрипторий, что во многом определило экспедиционные планы на последующие годы.

В том же году в сибирской археографической экспедиции приняла участие студентка филфака Ленинградского университета, ученица Натальи Сергеевны Демковой Елена Константиновна Пиотровская. Для новосибирских археографов это был первый случай приглашения на полевую работу человека «со стороны». В дальнейшем участники семинара Н.С. Демковой ходили «за книгами» в Сибирь уже постоянно: в 1967 г. — Л.И. Сазонова, в 1969 г. — Т.Ф. Волкова и Н.Н. Литвинова, в 1972 г. — Н.Н. Кудрявцева и Е.П. Семенова. Конечно, не последнюю роль в этом играли и личные связи: Наталья Сергеевна, как и Е.К. Ромодановская, была ученицей И.П. Еремина, до перехода в Ленинградский университет работала в Пушкинском Доме и была постоянным участником археографических экспедиций ИРЛИ, а потом и сама организовывала экспедиции студентов Ленинградского университета. Сибирскую «практику» она считала достаточно тяжелым, но необходимым опытом.

Интерес к работе сибиряков был и у старших поколений ленинградцев: в 1967 г. в экспедицию в низовья Енисея с группой Е.К. Ромодановской отправились Александр Михайлович Панченко и его супруга — журналист Ирина Аркадьевна Муравьева; в поездке участвовали также студентки Новосибирского университета Марина Юрьевна Новицкая и Наталья Владимировна Понырко. Опыт енисейской экспедиции и впечатления от столь быстрого развития сибирской археографии в целом А.М. Панченко обобщил в статье «Археографическое открытие Сибири», опубликованной в 1974 г. в «Памятниках культуры». Позднее этим названием Д.С. Лихачев озаглавил свое предисловие к научно-популярной книге Н.Н. Покровского «Путешествие за редкими книгами» — и с тех пор оно стало нарицательным.

Практическая археография в 1960-е гг. была большой новостью в Новосибирском академгородке и привлекала студенчество, наверное, и своей романтикой: отправиться в тайгу, пробираться горными тропами, летать на вертолетах с геологами — для того, чтобы в самых дальних уголках отыскать неведомых миру людей — старообрядцев и раздобыть у них древние книги, написанные почти не понятным языком... Только в 1965–1968 гг. новосибирские экспедиционные отряды работали в Томской, Тюменской, Новосибирской областях, Туве, на Алтае, в Красноярском крае, Бурятии, Эвенкии, Иркутской и Читинской областях, а всего за первые десять лет археографической работы в Новосибирске состоялось 48 экспедиционных поездок. Вести о путешествиях за древними книгами не только, как отмечал Николай Николаевич, опережали «пешие группы», но расходились и среди молодежи. И — находили желающих попробовать себя в этом захватывающем деле. Так, в Алтайскую группу 1968 г. под руководством Е.К. Ромодановской, в которой работали Н.В. Понырко и М.Ю. Новицкая, попросились Петр Анатольевич Гринфельд и Владимир Владимирович Тарасевич — студенты механико-математического факультета НГУ. Как следует из полевого дневника, студенты-математики работали в экспедиции наряду с гуманитариями, ни в чем не отставая, — и многие страницы дневника написаны ими.

Особо из «дружественных» экспедиций, включавших в свой состав студентов не только гуманитарного факультета НГУ, нужно вспомнить поездку на Алтай в 1968 г. под руководством Н.Н. Покровского.[6] В ней участвовали специализировавшийся у Николая Николаевича Геннадий Павлович Енин и студентка теоретико-композиторского

[6] Не могу не напомнить, что именно эта экспедиция привезла сборник конца XVI в., содержащий Судный список Максима Грека. Сам Николай Николаевич эту экспедиционную находку расценивал как одну из важнейших в своей жизни.

факультета Новосибирской консерватории Альбина Никандровна Кручинина. Как вспоминала сама Альбина Никандровна, о рукописях она впервые услышала, когда «очень интересный человек — Николай Николаевич Покровский... рассказывал о результатах своей экспедиции», а летом 1968 г. впервые взяла в руки рукопись, нотированную крюками. Не будет преувеличением сказать, что эта поездка перевернула ее жизнь. Еще несколько лет она ездила по сибирским скитам, училась у старообрядцев пению по крюкам, потом перевелась в Ленинградскую консерваторию, где специализировалась у исследователя древнерусского певческого искусства Максима Викторовича Бражникова. Посвятив всю жизнь крюковым рукописям и древнерусскому пению, А.Н. Кручинина основала в Петербургской консерватории кафедру древнерусского певческого искусства, которая готовит исследователей истории и теории русского церковного пения, владеющих необходимым комплексом не только музыкальных знаний, но также археографии, палеографии и источниковедения.

25 декабря 1966 г. Президиум Академии наук СССР издал постановление организовать на базе Отдела гуманитарных исследований Института экономики Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Директором самостоятельного института был назначен член-корреспондент А.П. Окладников. Н.Н. Покровский и Е.К. Ромодановская (она в это время училась в

После археографической экспедиции.
Е.К. Ромодановская, М.М. Громыко, Н.Н. Покровский,
Е.И. Убрятова, Е. И. Дергачева-Скоп. 1968 г.

После возвращения из археографической экспедиции.
Елена Константиновна Ромодановская, Николай Николаевич Покровский,
Алексей Павлович Окладников, Владимир Николаевич Алексеев. 5 апреля 1968 г.

аспирантуре) остались под началом М.М. Громыко, в тот же год защитившей докторскую диссертацию и назначенной заведующей Сектором истории досоветского периода. Поскольку финансирование археографических экспедиций проводилось вначале через Институт экономики, а с 1967 г. — через Институт истории, филологии и философии, руководители групп представляли руководству Института не только финансовые, но и научные отчеты. К последним и Алексей Павлович, и Марина Михайловна проявляли исключительный интерес, что, в свою очередь, способствовало успешной судьбе археографических исследований в Институте.

Через два года после организации Института истории, филологии и философии, 31 января 1969 г., Президиум Сибирского отделения издал постановление о создании Сибирского отделения Археографической комиссии АН СССР. Его председателем стал А.П. Окладников, а заместителями председателя — три кандидата наук: Е.И. Дергачева-Скоп, Н.Н. Покровский и Е.К. Ромодановская. Председательство А.П. Окладникова было закономерным, и не только по его должности директора Института. Как археолог, он большую части жизни проводил в экспедициях, и в организации поездок во многом помогал

молодым коллегам-археографам. Сибиряк по рождению, Алексей Павлович был предан Сибири, исходил (и, можно сказать, ископал) ее всю в археологических экспедициях, интересовался всем сибирским, а уж тем более — сибирскими древностями. Благодаря своему широчайшему научному кругозору, свойственному многим ученым старших поколений, А.П. Окладников занимался историей Сибири не только в археологическом плане. Как примеры, напомню его книгу, посвященную истории русского мореходства и гидрографии («Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра»), изданную в 1948 г., и перекликающуюся с этой книгой статью «Земля бородатых» — о фольклорных сибирских легендах о мифических народах островов Северного Ледовитого океана, своего рода сибирском граде Китеже, опубликованную в 14 томе ТОДРЛ (1958 г.).

В 1969 г. в аспирантуру к Николаю Николаевичу поступила выпускница НГУ Н.В. Понырко[7] — и естественно встал вопрос о возможностях расширения числа сотрудников-археографов. Таким образом, в 1970 г. в составе Сектора истории досоветского периода была выделена археографическая группа, к изначальному «ядру» которой, Н.Н. Покровскому и Е.К. Ромодановской, появилась возможность брать на работу новых сотрудников. Первой — на должность лаборанта — была принята участница экспедиции 1965 г. Т.Н. Апсит,[8] а некоторое время спустя — ученик Н.Н. Покровского и так же участник экспедиций Г.П. Енин. В 1972 г. в Новосибирск приехала дипломантка Н.С. Демковой Любовь Васильевна Титова, в 1973 — поступила в аспирантуру Института ученица Николая Николаевича Наталья Дмитриевна Зольникова...

С организации Сибирского отделения Археографической комиссии и образования археографической группы началось и создание рукописной и старопечатной коллекции Института. В первые годы, когда для собрания еще не было помещения, на хранение принимались только рукописи, но уже в 1973 г. группа получила отдельную комнату на Морском проспекте, д. 2, и эта комната была сразу же

---

[7] Волею судеб Н.В. Понырко была переведена из Новосибирска в аспирантуру в Пушкинский Дом, под руководство Д.С. Лихачева. Тесная связь новосибирских археографов с Пушкинским Домом, таким образом, открылась еще с одной стороны: выпускники Новосибирского университета продолжали обучение и защищали диссертации в Институте русской литературы. Так, стала филологом историк по университетскому образованию Н.В. Понырко. Ученик Н.Н. Покровского Г.П. Енин, так же историк, в аспирантуре учился у Льва Александровича Дмитриева и кандидатскую диссертацию защитил по русской литературе. Позже закончила аспирантуру у А.М. Панченко дипломантка Е.К. Ромодановской Маргарита Николаевна Климова.

[8] Ученица Е.И. Дергачевой-Скоп И.А. Гузнер (Бородина) сразу же по окончании университета поступила на службу в ГПНТБ.

оснащена книжными стеллажами вдоль всех стен, на которых было место и для старопечатных изданий...

К 1975 г. археографической группой был подготовлен первый сборник, «Археография и источниковедение Сибири»,[9] большую часть которого занимало описание рукописей Тобольского архива, подготовленное Е.И. Дергачевой-Скоп и Е.К. Ромодановской.

В начале 1975 г. на Ученом совете Института истории, филологии и философии был поставлен вопрос о выделении археографической группы в самостоятельный Сектор археографии и источниковедения.[10] Заведующим стал Николай Николаевич, к этому времени уже доктор наук, Елена Константиновна — его заместителем. Но это было формально, а в действительности Сектор мог родиться только как слияние московской историко-источниковедческой и ленинградской филолого-археографической школ, в результате которого на свет появилась новая школа — сибирская археографическая. Они оба, и

---

[9] Этот сборник положил начало одноименной серии, однако до утверждения ее ответственные редакторы Н.Н. Покровский и Е.К. Ромодановская (они менялись от сборника к сборнику — и таким образом устанавливалась очередность сборников с бóльшим историческим или филологическим уклоном) тренировались в подборе синонимических выражений: второй сборник назывался «Источниковедение и археография Сибири», потом — «Сибирская археография и источниковедение», «Сибирское источниковедение и археография»...

[10] Еще в подростковом возрасте, в старших классах школы, я заметила за собой убийственную способность опаздывать всегда и везде — не от невнимательности и небрежности, а всякий раз «так сложилось». Мама меня «утешила»: «Есть такой ген — ген опоздания, и ты им заражена, впрочем, так же, как и я. Так что просто смирись. Тебя будут за это ругать, тебе не будут верить, а ты ничего не сможешь с этим сделать», — и рассказала один случай, почти что притчу.

Ученый совет, на котором решалась судьба будущего сектора археографии, был назначен на один из дней января или февраля 1975 г. Николай Николаевич Елену Константиновну предупредил строго: «Опоздать — только попробуйте, убью сразу!» Она вышла из дома за четыре часа до начала заседания, успешно села в подошедший сразу же (и теплый — зима!..) автобус, на дорогах в те годы было свободно... Проехали полпути из города в Академгородок, до остановок «Поселок» или «Разъезд Иня». Тогда по правую руку по пути в городок там были заснеженные поля с одной расчищенной укатанной дорогой. И вот — автобус сворачивает с маршрута на эту дорогу, отъезжает на почтительное расстояние от шоссе и останавливается. Двери закрыты, мобильных телефонов не было и в помине. Простояли три с лишним часа и лишь после того, как в сторону Академгородка на большой скорости промчался кортеж с мигалками, автобус развернулся и вернулся на прежний путь. Елена Константиновна опоздала на Ученый совет почти на полчаса и, запыхавшись, опустилась на стул рядом с Николаем Николаевичем. Он — на уровне колен — показал ей кулак и грозным шепотом прошипел: «Говорил ведь — убью!» Вопрос о создании сектора археографии был разрешен более чем успешно. А вечером в последних известиях передали, что Новосибирский Академгородок с официальным визитом посетил Его Высочество наследный принц Ирана...

Таким образом, в этот январский или февральский день в Академгородке случились два знаменательных события: встреча с иранским наследным принцем и рождение сектора археографии...

Николай Николаевич, и Елена Константиновна, видели силу и перспективу этой школы в сбалансированном соединении исторической и филологической наук — и сами учились этим наукам друг у друга. Когда-то эта наука была общей — недаром в университетах были историко-филологические факультеты. После 1917 г. история стала в большей степени политизированной, филология — замкнулась на тексте. Нарушить этот разрыв удалось только новосибирскому историко-филологическому союзу — Сектору археографии, уникальному в своем роде объединению, полвека назад воплотившему то, что сейчас гордо называют междисциплинарными исследованиями.

Думал ли об этом, собираясь в 1965 году в далекий Новосибирск, будущий академик Николай Николаевич Покровский? Во всяком случае, новая жизнь у него складывалась очень удачно...

Л.В. Титова

«О милых спутниках, которые наш свет Своим сопутствием для нас животворили»

С Николаем Николаевичем Покровским впервые я встретилась в апреле 1971 года на Международной научной студенческой конференции Новосибирского университета «Студент и научно-технический прогресс», на секции «древников», где выступали не только студенты НГУ с сообщениями по истории, археографии и древнерусской письменности и литературы, но и студенты, приглашенные из различных вузов страны.[1] Мне довелось одной из первых ленинградских студенток побывать на этом замечательном научном форуме. Помню, Николай Николаевич тогда поразил меня своей неподдельной заинтересованностью, с которой слушал каждый доклад. В любом прозвучавшем выступлении он мог найти достоинства, увидеть положительные моменты и обрисовать перспективы дальнейшего исследования настолько интересно, что после этого хотелось работать, работать и работать. Именно это позитивное отношение его к чужим трудам меня в нем всегда восхищало. Он умел радоваться чужим успехам и достижениям! Редкое качество! Справедливости ради надо сказать, что он, конечно же, не терпел завиральных идей, не обоснованных источниками, и невежества в исследованиях, но все равно чаще всего выражал свое недовольство корректно и интеллигентно.

Признаюсь, что сам Академгородок с его неповторимой атмосферой и особенно его обитатели произвели на меня неизгладимое впечатление, оставили глубокий след в моей душе. Теплый прием, заинтересованность и внимание к студенческим докладам, которыми отличались и преподаватели, и аспиранты, и студенты, привели меня в восторг. Я чувствовала себя здесь, как дома. Вернувшись в Ленинград, я, по предложению Студсовета, написала в факультетскую стен-

[1] Надо сказать, что на конференции в НГУ первоначально «древники» выступали в рамках секции исторической, и только впоследствии их доклады были объединены в самостоятельную секцию «Древнерусская словесность и археография», существующую до сих пор. Как установила Варвара Андреевна Ромодановская, среди всех российских студенческих конференций новосибирская — единственная, где археография выделяется как особая тема, а не только как «вспомогательная историческая дисциплина».

Студентам Ленинградского университета посчастливилось ежегодно принимать участие не только в весенних конференциях, но и в летних археографических экспедициях. Участие в сибирской археографической экспедиции — большая честь для студентов ЛГУ, сибирская «практика» была тяжелым, но очень важным опытом, потому что именно в Сибири можно было познакомиться с истинными старообрядцами: Европейский Север в этом отношении уже в те годы был вымирающим регионом.

газету заметку-отчет о своей поездке. Помню, что мои вылившиеся на бумагу восторги завершались дерзкой фразой: «Мне очень хотелось бы жить и работать в Академгородке!»

Трудно поверить, но вторая наша встреча с Николаем Николаевичем была воистину судьбоносной. Она произошла летом 1972 г. в Библиотеке Академии наук, у рукописного отдела. Именно тогда Николай Николаевич по договоренности с Натальей Сергеевной Демковой, моим научным руководителем в ЛГУ, предложил мне работать под его началом в археографической группе при Отделе истории дооктябрьского периода Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук.

Волею судьбы мне предстояло ехать в Новосибирский Академгородок, о чем до этого я могла только мечтать.

Я не была ученицей Николая Николаевича в буквальном смысле этого слова, но он мне, как и всем, кто вращался в его орбите, давал самое главное — стимул к работе: общение с ним, а особенно совместная работа, пусть даже «черновая», всегда приносила большое удовольствие. Я часто вспоминаю, как мы трудились, когда Николай Николаевич готовил к изданию Иркутские летописи.[2] Процесс был достаточно длительным: вначале он читал летописи по микрофильму, наговаривал на магнитофон, я же с магнитофона переводила их в машинопись и вычитывала по микрофильму. Всю внесенную мною правку мы обсуждали, сидя вместе за микрофотом, сверяли с текстом микрофильма. Я запомнила навсегда, как он радовался каждому новому прочтению! С ним было легко и приятно работать, потому что он относился к каждому сотруднику как к равному себе, прислушивался к мнению молодых коллег, всегда искренне ценил его.

Сейчас мне невольно вспоминается последний телефонный разговор с Николаем Николаевичем где-то в конце сентября 2013 г., незадолго до его ухода из жизни. В августе вышла его последняя замечательная книга «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках», и по экземпляру он передал в подарок сотрудникам сектора, каждому с трогательной надписью-прощанием, где он сумел высказать свою особую преданность и симпатию. Я позвонила поблагодарить его за подарок и в ответ услышала: «Когда прочитаете, позвоните, пожалуйста, мне и скажите свое мнение и замечания». Увы, читала я эту книгу некоторое время спустя, уже после смерти Николая Николаевича, и мое восхищение от чтения этого великолепного научного труда повисло в пустоте.

---

[2] К сожалению, Иркутские летописи, подготовленные к изданию, так и остались в архиве Николая Николаевича... Быть может, они и увидят свет, когда архив будет открыт для исследователей.

Безгранично преданный своему делу, Николай Николаевич умудрялся работать в любых условиях, но особенно много и плодотворно работалось ему в больнице, куда он обычно брал все свои материалы к статье или книге, и писал, писал, писал (не наговаривал на магнитофон, как он любил, а именно писал...). Помнится, на одном из годовых отчетов он сказал, что в этом году ему пришлось много времени провести в больнице, поэтому он перевыполнил все планы! Такое заявление кажется абсурдным, но это факт!

В целом у Николая Николаевича с сотрудниками сектора всегда были доверительные, уважительно-дружеские взаимоотношения,[3] а друзей он никогда не предавал, не бросал в беде. С ним мы всегда чувствовали себя защищенными.

Он умел отстоять интересы каждого из своих коллег. Помнится, когда к изданию была подготовлена моя первая монография, ее включили в темплан изданий 1987 г. Темплан изданий, как водилось, был отправлен на утверждение в издательский отдел Академии наук СССР, ответ относительно моей книги «Беседа отца с сыном о женской злобе» (25 а.л.) был категоричен: «Сменить название и уменьшить объем!» Я, конечно, расстроилась и растерялась. Николай Николаевич отреагировал мгновенно: «Пишите, что монография должна быть названа, как и публикуемый памятник, подобно серии изданий древнерусских произведений, осуществляемых Пушкинским Домом не одно десятилетие, объем регламентирован издаваемыми текстами и не может быть увеличен или уменьшен!» Возражений не последовало. Книга вышла под названием «Беседа отца с сыном о женской злобе: Исследование и тексты», как первоначально и предполагалось. И объем не уменьшился, даже чуточку увеличился — более 25 п.л. Но это особая история, в которой Николай Николаевич сыграл не последнюю роль. Дело в том, что уже практически на выходе книги оказалось, что последняя тетрадь имеет три чистых страницы и их надо срочно заполнить каким-то текстом. И тут на помощь, как всегда, пришел Николай Николаевич, предложив завершить книгу традиционным в древнерусской литературе «Словом о добрых и злых женах», приписываемым Иоанну Златоусту. Один из лучших списков «Слова» хранился в Публичной библиотеке в Ленинграде, а у меня не было его копии, и тут Николай Николаевич быстро нашелся: «Звоните своим

[3] В каждом из своих сотрудников он видел неповторимую индивидуальность. Както после заседания, на котором о чем-то рьяно спорили, даже, как любил говорить в таких случаях Николай Николаевич, «покричались», он задержался в секторе: помрачневший, сидел в кресле, задумчиво листая какую-то книгу, и я, желая снять напряжение, задала ему достаточно рискованный вопрос: «Трудно, Николай Николаевич, с учеными дамочками работать?» На что он, оживившись, тут же ответил: «Ну что Вы, Люба, зато каждая такая яркая личность, а с серостью скучно работать».

друзьям из Публички, пусть продиктуют по телефону, а Вы запишете». Надо сказать, незаурядное решение, пожалуй, впервые так копировался рукописный текст. Я позвонила Лене (Елене Михайловне Шварц), работавшей тогда в Секторе древних рукописей Рукописного отдела ГПБ. Она тут же нашла нужную рукопись и в течение часа четко пословно диктовала мне этот потрясающий текст с яркими, едкими характеристиками «злых жен». Два сектора на разных концах телефона (в Ленинграде и Новосибирске) в этот час не работали: веселились, смеясь до слез, и до сих пор вспоминают этот необычный телефонный разговор, как его участники, так и его слушатели.

Мне было удивительно, что такому талантливому ученому (таковым Николай Николаевич был для меня с самого начала и до конца) было присуще какое-то мальчишеское озорство. Вспоминаю, как он переживал, когда нашу археографическую группу выделили в сектор, а он должен был его возглавить, как он пытался отказаться, объясняя это тем, что у него нет административной жилки, а тут, дескать, еще и отчеты надо будет писать — какая скука! Но мы дружно заверили его, что отчеты будем писать сами, а он будет их только читать и корректировать. В мою бытность ученым секретарем сектора я честно составляла общий отчет из индивидуальных отчетов сотрудников сектора, а Николай Николаевич внимательно читал и, казалось бы мелкими штрихами, умел подчеркнуть научную значимость работ каждого, но при этом его всегда удивляли обязательные повторяющиеся из года в год формы, и он задавался одним и тем же вопросом, читают ли их чиновники, которым они направлялись. И вот однажды, прочитав первую фразу отчета, где из года в год сообщалось количество сотрудников, работавших в секторе в отчетном году, он вдруг оживился, глаза заискрились лукавством, и произнес: «Напишем, что в отчетном году в секторе работали четыре с половиной сотрудника и один ишак (интересно, на каком этапе это обнаружат?), так мы и узнаем, кто читает наши отчеты!» Я как-то сразу нашлась и сказала: «Николай Николаевич, если Вы мне скажете, кого считаете за полсотрудника, а кого за ишака, я обязательно напишу». Он весело рассмеялся, но не ответил на мой вопрос. Так мы и не узнали, кто же читает наши отчеты, да и читают ли их вообще.

Однажды со мной случился такой казус. Как-то мы с Николаем Николаевичем задержались в секторе, правя то ли летописи, то ли планы-отчеты, и уходили с работы вместе. Тогда наш сектор располагался на Морском пр., 2, на 4 этаже. Спускаясь осторожно по темной лестнице, я вдруг услышала сзади несколько игривый голос Николая Николаевича «Ой, из меня что-то сыплется!»[4] И неожидан-

[4] Как выяснилось уже во дворе, у него отлетела набойка с каблука ботинка.

но для самой себя я выпалила: «Это песочек сыплется!» Повисло напряженное молчание, и, стараясь выйти из неловкого положения, я добавила: «Золотой песочек, золотой, Николай Николаевич». А ведь тогда ему не было и пятидесяти! Каюсь! Но, надо сказать, он достойно отомстил мне. Вскоре после этого инцидента мы вновь уходили из Института вместе, спускаясь по той же пресловутой лестнице: я шла впереди, он — за мной. Продолжая какой-то околонаучный разговор, мы вышли на Морской проспект, и Николай Николаевич пошел к остановке: он тогда жил на Весеннем проезде, и хотя это всего две остановки от Морского, он, как ни странно, не любил ходить пешком — время экономил. Я пробежала по Морскому, посетив по пути продуктовые магазины, и зашла в гости к Наташе (Наталье Дмитриевне Зольниковой). Она, помогая мне снять пальто с капюшоном, вдруг возмущенно спросила: «А что это ты ходишь с мусорным ведром?» Я взглянула на капюшон и обомлела: он был доверху набит скомканными бумажками. Я сразу догадалась, чьих рук это дело. Рассказала Наташе о «песочке золотом» и заключила: «Один — один, ничья! Поделом мне поделом!» Единственное, что было удивительно в этой истории, так это то, что никто из прохожих меня не остановил и ничего не сказал.[5] Правда, у Наташи и на это нашлось резонное замечание: радуйся, дескать, что никто не отреагировал достойно, как некогда на шутку Николая Николаевича. И напомнила мне один из его любимых рассказов о том, как он в первые годы своего пребывания в Городке знакомил своих московских гостей с научным центром. Собираясь на прогулку, он предложил кому-то из своих друзей надеть мужской парик с кудрями по плечам (а-ля XVIII век!), заверив, что никто даже внимания не обратит. Действительно, они спокойно обошли Академгородок, никто не отреагировал на это диво, и только когда проходили мимо Дома ученых, их обогнала стайка студентов,

[5] Ситуация в общем-то стандартная для Академгородка, как я поняла позднее. Случилось однажды Елене Константиновне Ромодановской весь рабочий день проходить в разных туфлях, что обнаружилось только к концу дня, когда она, обойдя все научные подразделения вверенного ей Института филологии (в то время она уже стала его директором), посетив наш сектор, чего она никогда не забывала сделать, напоследок заглянула в бухгалтерию, где главбух сразу же обратила внимание на ее туфли разного цвета. Возвратившись домой, она позвонила своей дочери в Питер, и спросила, помнит ли она известный анекдот о профессоре, пришедшем на работу в туфлях разного цвета? «Так вот — это не смешно!» — заключила она. И рассказала, как оконфузилась. Но больше всего ее возмутило, что за весь день ни один из сотрудников двух институтов, Института филологии и Института истории, не обратил внимания на непорядок в ее одежде, на что дочь Варвара ей с уверенностью ответствовала: «Да никто и не заметил!» А ведь это действительно так! В Городке все ходят не торопясь, рассеянны, как тот профессор: каждый думает о своем и ничего вокруг не замечает, а уж тем паче, не обращает внимания на то, кто во что одет.

и до них донеслось: «Каких только дураков не встретишь в Городке!» Это меня несколько утешило.

Особо хочется сказать о широком круге интересов Николая Николаевича, причем не только научных. Николай Николаевич любил жизнь во всех ее проявлениях: с несказанным удовольствием, с каким-то упоением он погружался в мир растений, любил разводить цветы и делал это очень компетентно, с глубоким знанием всех тонкостей, а уж аквариумные рыбки были его исключительной гордостью. Когда случалось зайти к нему домой, он непременно подводил гостя к аквариуму и нескончаемо мог рассказывать о каждой рыбке, о ее семействе, особенно о том, как, когда и где он ее добыл. В Городке долгие годы ходила легенда о спасенной Николаем Николаевичем рыбке. Рыбок новых видов он обычно привозил из всех уголков страны, и вот однажды, кажется, в аэропорту Москвы, он шел по многолюдному залу со стеклянной банкой, в которой плескалась какая-то невиданной красоты рыбка. Банка неожиданно выскользнула из рук и разбилась. Николай Николаевич мгновенно опустился на колени, слизнул ее (в руки брать нельзя — погибнет, у аквариумных рыб очень нежная чешуя), добыл пакетик с водой — и так спас ей жизнь. Его любовь к рыбкам была взаимной. Помнится, Елена Константиновна рассказывала мне, как и рыбки спасли Николая Николаевича. В феврале 1982 г. Николай Николаевич был в Москве. Однажды вечером он спешил на встречу с кем-то из друзей, но по пути к станции метро «Авиамоторная»[6] заметил зоомагазин, куда «зашел на минутку, взглянуть на рыбок...» Когда он подошел к метро, то узнал, что только что произошла страшная трагедия: из-за аварии эскалатора погибли люди, были десятки раненных. Так рыбки спасли Николаю Николаевичу жизнь. Он старался об этом не вспоминать...

О Николае Николаевиче можно говорить бесконечно, мои воспоминания — лишь несколько мелких штрихов к портрету большого ученого и замечательного человека, любившего жизнь во всех ее проявлениях. Еще одна черточка к портрету. Все помнят — да это и невозможно забыть! — с каким удовольствием Николай Николаевич принимал участие в секторских дружеских застольях, которые собирались по различным знаменательным датам, а их было немало, кстати сказать, сотрудники Института часто, проходя мимо дверей нашего сектора, откуда слышался веселый смех, с завистью отмечали: «Опять археографы что-то празднуют!», а наиболее близкие друзья сектора заглядывали «на огонек» и, как правило, включались в дружеские беседы. В центре внимания всегда был Николай Николаевич:

[6] В районе этой станции жили родители первой супруги Николая Николаевича Зои Васильевны, где он останавливался обычно, будучи в Москве.

он рассказывал массу забавных и веселых историй из своей жизни и не только, только здесь он мог, к слову, вспомнить эпизоды из лагерной жизни, а также из жизни военных лет, причем об этом, естественно, он не любил говорить, и даже в «Воспоминаниях» многие странички его жизни не отражены. Только сейчас, когда уже ничего не исправить, я сожалею о том, что где-то в потаенном местечке во время этих знаменитых «чаепитий» не скрывался диктофон. Но ведь казалось, что так будет вечно. Как дети никогда не верят в то, что родители не вечны, так и мы не верили... Увы!

На память мне вдруг пришло одно из ранних застолий. Действительно, это было еще в далекие семидесятые годы, когда сектор был еще невелик (нас было четверо — Николай Николаевич, Елена Константиновна Ромодановская, Татьяна Николаевна Апсит и я) и тогда мы часто ходили в гости друг к другу. Как сейчас помню, осенью 1974 г. ко мне «заехала», возвращаясь с юга, моя подруга и сокурсница Танечка (Татьяна Александровна) Махновец.[7] Мне очень хотелось познакомить ее с моими новосибирскими коллегами и друзьями, и я пригласила в гости и Николая Николаевича, и Елену Константиновну, а также молодежь отдела — Таню Апсит с супругом (Александром Чернышевым), Лиду и Игоря Островских. Надо заметить, что в то время мы втроем с моим супругом Валентином и восьмимесячным старшим сыном Егором жили в семейном общежитии на Шлюзе в 12-метровой комнате (тогда это никого из нас не смущало). Хорошо помню, когда вошли Николай Николаевич и Зоя Васильевна, все уже были в сборе, за столом. Николай Николаевич, извиняясь за задержку, достал бутылку шампанского, а Зоя Васильевна поставила на стол торт и сказала, что у нас еще одно большое событие. Дело в том, что на выходе из дома Николай Николаевич заглянул в почтовый ящик и достал оттуда почтовую открытку, извещающую, что его утвердили в звании доктора исторических наук. Под звон бокалов и громкое УРА!!! мы первыми искренне поздравили Николая Николаевича. Он был необычайно возбужден и с воодушевлением рассказывал о защите и различных курьезах, случившихся на ней, он по праву был главным виновником торжества! В скобках замечу, что Егор ни разу в

[7] Я поставила в кавычках глагол *заехала*, поскольку это был крюк через всю страну, она жила (и ныне живет!) в своем родном городе Йошкар-Оле, где преподавала в университете. Мы очень скучали друг по дружке, поэтому старались, как только выпадала хоть какая-то возможность, видеться. Нашу дружбу мы пронесли сквозь годы, и по сию пору созваниваемся не только по большим праздникам. Была у нас мечта в безалкогольные времена — объединить наши научные темы: моих «Злых жен» и ее «Повесть о хмеле» в одну книгу. Вот уж был бы бестселлер! Николай Николаевич очень ратовал за эту нашу задумку. Жаль, что удалось это сделать только сейчас, когда написаны две совместные статьи о злых женах и хмеле.

течение двух-трехчасового торжества не отвлек нас, и Зоя Васильевна, уже прощаясь с нами, на ушко мне шепнула: «Таких детишек можно хоть десяток заводить!»

Мне повезло, как мало кому везет в жизни! Судьба подарила мне счастье общения со многими прекрасными, талантливыми учеными, среди которых самые дорогие сердцу мой Учитель Наталья Сергеевна Демкова, непревзойденный знаток русской литературы, прославленный археограф XX века Владимир Иванович Малышев, крупный ученый-медиевист Елена Константиновна Ромодановская и выдающийся историк XX века Николай Николаевич Покровский, в каждой работе которого ощущаются традиции русской академической науки и талант большого ученого, неподражаемое умение писать о людях и для людей.

Л.К. Куандыков

Учитель

Богатая и многогранная натура моего научного руководителя Николая Николаевича Покровского оставила столь же богатые воспоминания о его разнообразной деятельности. Помню лекции по истории древнерусского искусства, которые собирали студентов всех факультетов в Большой химической аудитории университета. Помню рассказы о знакомстве Николая Николаевича с Андреем Тарковским и всей съемочной группой при создании фильма «Андрей Рублев» в Суздале, где Покровский, пораженный в правах, работал в музее после освобождения из колонии. Помню вскользь брошенные заметки о самой лагерной жизни, когда Николай Николаевич плотничал вместе с «сидельцами за веру» всех вероисповеданий. В памяти всплывают и домашние разговоры про земноводных у аквариума, и разборки сложной фото- и видеотехники. Николай Николаевич, как настоящий технарь, буквально заболевал с появлением новинок такой аппаратуры. Он проявлял невероятную изобретательность, раздобывая ее. И это в условиях тотального дефицита семидесятых годов, когда даже покупка иголки для проигрывателя была проблемой. Мы вместе печатали фотографии для нашего ежегодника «Археографический вестник» (104 ватманских листа!). Важное место в нем занимали экспедиционные снимки Николая Николаевича из Забайкалья и Тувы: босоногая детвора на поляне за околицей, старики на бревнышках под слепящим солнцем — живые образы с характерами, зорко схваченные детали. Я изо всех сил старался уловить приемы высококлассного фотографа.

Хороший учитель дает ученикам направление развития. Широта интересов Н.Н. Покровского-ученого проявилась и в выборе специализаций для его учеников. Мне, например, Николай Николаевич предложил тему по истории старообрядчества Русского Севера XVII–XVIII веков, Анатолию Шашкову — по ранней истории старообрядчества на Урале. Николай Николаевич хотел, чтобы его ученики прикоснулись к истории старообрядчества на материале широкого географического охвата. Н.Н. Покровский в условиях ограниченных возможностей научных контактов для студентов начала 70-х годов XX века сумел создать своего рода стажировки для своих учеников в лучших гуманитарных научно-исследовательских институтах Москвы и Ленинграда: ИРЛИ (Пушкинский Дом) с замечательным Отделом древнерусской литературы, БАН с богатым фондом рукописных и редких книг, ГПБ им. Салтыкова-Щедрина с прекрасным рукописным собранием и Отделом редких книг, конечно же, Госу-

дарственная библиотека им. Ленина, Государственный Исторический Музей и другие. Николай Николаевич стремился ввести нас в научную среду двух столиц, чтобы мы не чувствовали себя провинциальными одиночками. А провинциальная неуверенность в нашей среде существовала. Например, перед защитой диссертации я рассылал авторефераты по списку, и неожиданно получил отзыв от самого А.И. Клибанова. Я бы ни за что не решился просить о подобном внимании корифея исторической науки. Позже на конференции встретился с Александром Ильичем и кинулся его благодарить. На что Александр Ильич улыбнулся: «Ну что Вы, Вы же ученик Покровского». Это гордое звание открывало нам не только двери древлехранилищ, но и благосклонность многих выдающихся ученых: Д.С. Лихачева, Л.Н. Гумилева, В.И. Малышева, А.М. Панченко, Ю.М. Лотмана, Р. Крамми и других. Как ученик Покровского я познакомился и близко сошелся с легендарным Иваном Никифоровичем Заволоко, бывал у него в Риге и много лет переписывался.

Н.Н. Покровский ввел своих учеников не только в научный мир, но и в мир старообрядцев закрытых сибирских общин. Впрочем, мы воспринимали поиски рукописных и старопечатных книг как захватывающие приключения. Археографические экспедиции были интересными сами по себе даже с нулевым результатом. Особенно запомнилась одна такая, когда мы, три студента, добирались на долбленой лодке через разрушенный Обь-Енисейский Екатерининский канал почти 400 километров в глухой скит. Там, куда мы, чуть не утонув, добрались, нас встретили настороженно. И сколько мы ни старались, помня советы и наставления Николая Николаевича, расположить к себе суровых отшельников, сколько ни демонстрировали познания обычаев староверов, сколько ни цитировали «отцов-основателей», затворники не прониклись к нам доверием и отправили ни с чем. А вот Николая Николаевича, который, кстати, из уважения к своей специализации имел прекрасную бороду, старообрядцы сходу принимали за своего. Более того, проникались уважением и почтением к пришлому «начетчику» уже после нескольких фраз. Так на Алтае Покровскому предложили стать наставником одной из крупнейших старообрядческих общин.

Николай Николаевич стремился научить нас многому. Но способности привлекать к себе сердца людей разного рода и звания научить невозможно. Дар обаяния учитель унес с собой.

Т.Г. Шатыгина

Фаюмский портрет

В 1973 году Николай Николаевич Покровский читал цикл лекций по древнерусской иконописи для широкой студенческой публики Новосибирского университета. Я прибежала, как только узнала, послушать «Фаюмский портрет». В Большой химической аудитории собралось довольно много народу. Приглушили свет для кинопроектора. Покровский вошел стремительно, поздоровался и сходу начал: «Вы, разумеется, слышали, что портреты для мумий из области Фаюм были написаны примерно между 50-м годом до нашей эры и 250-м годом нашей эры. Однако никаких археологических находок там не было зафиксировано, пока в 1615 году итальянский исследователь Пьетро делла Валле не увидел фаюмский портрет во время посещения Саккара — Мемфиса...» Я осторожно оглянулась на окружавших меня физиков, математиков, химиков, небольшую группку историков и лингвистов. Много ли тут знатоков греко-римского влияния на византийскую культуру? Все ли осведомлены о Фаюмском оазисе — источнике иконы до иконописи? Или мне одной должно быть стыдно за невежество без скидки на первый курс? А Николай Николаевич беспощадно продолжал: «Как вы знаете, фаюмские портреты — это погребальные портреты, созданные в технике энкаустики Римского Египта...» И дальше, в ходе лекции, я невольно улавливала обращения: «как вы понимаете», «как вы догадались», «для вас не новость» — и так далее.

Позже узнала, что в манере Покровского-лектора никогда не было ноток превосходства всезнающего гуру. Николай Николаевич совершенно органично, непритворно уважал слушателя и собеседника независимо от возраста и ранга. Такая манера вести разговор — щедрая небоязнь большого ученого возвысить в обращении до своего уровня, поставить рядом любого человека. Николай Николаевич обычно внимательно выслушивал противоположную сторону, склонив голову набок. Без тени усмешки относился к любым незрелым, а то и нелепым аргументам студента, аспиранта, сотрудника, докладчика. Честно пытался выискать в чужих соображениях что-то хоть немного стоящее, какое-то живое зерно для проращивания. По отношению к студентам такая манера обращения, как к образованным и все понимающим коллегам, — это еще и невольная (или сознательная, неважно, главное — мудрая и действенная) уловка преподавателя заставить оправдать свое доверие к их компетентности, побудить к поиску нужной информации, источников, литературы, попытка стимулиро-

вать всякого рода изыскания. На мой взгляд, это бесценное качество, превращающее лектора в учителя.

В моей памяти Николай Николаевич Покровский разный: любопытствующий, интересующийся всем на свете от политики до современной эстрады (помню, как засветились у него глаза охотничьим азартом, когда вдруг явилась возможность посмотреть группу музыкантов на японском видеомагнитофоне на заводе Точного машиностроения — единичная диковинка в Новосибирске 1976 года), остроумный и с удовольствием смеющийся над чужими шутками, случалось, и резкий, нетерпеливый, раздражительный, даже несправедливый, словом, — живой. Хорошо бы, чтобы со временем воспоминания о Н.Н. Покровском не превратились в своего рода фаюмский портрет — то есть каноническую маску. Поэтому адресую Николаю Николаевичу классическое признание: «Я люблю Вас, но живого, а не мумию».

Л.С. Соболева

НикНик означает — Победа

Когда родители дают имена своим детям, они редко задумываются, какие прозвища возникнут из сочетаний имени и фамилии и как будут сокращать для скорости имена сверстники и подчиненные. Это задача для студентов. С Николаем Николаевичем Покровским задача решалась быстро, сочетание НикНик подходило и перенималось мгновенно всеми, кто ценил и чувствовал душевную близость. И как замечательно «заиграло» то, что потом назовут «ником» (язык играет с нами «в прятки») после обретения академического звания. В сокращении имени (язык не поворачивается назвать это прозвищем) были спаяны восхищение победой мысли, стремительность интеллектуального поиска, готовность к ответам и открытость контактам. Все вместе, от восхищения до ощущения родственной души, присутствовало в этом имени, которое еще и объединяло «своих». Упоминание имени и ссылки на него в таком варианте сразу выдавало человека из ближайшего окружения.

Мы, как я только сейчас понимаю, были счастливо знакомы с будущим академиком в его молодые годы. Безбородый, с яркими, всегда блестящими глазами, которые поразительно темнели в моменты переживаний и горьких воспоминаний. Ученики хорошо знали, как опасно попасть под горячую руку, но знали и другое: отходчив и со временем может признаться в горячности, но не будет лгать, ловчить и никогда не предаст. Сам скажет об ошибке, но не подставит, что так просто для любого начальника. Даже невольно. Когда извиняешь себя и винишь других, оберегая самоуважение. Это ощущение, слитое с пониманием и признанием высочайшего интеллекта, покоряло учеников, воспитывало особый клан. Готовность отозваться выделяла их (нас), несмотря на подлости времени, сложности выживания в узком кругу Академгородка (слишком тесного для свободы чувств и поступков); свобода и рискованность мысли были уважаемы и почетны в кругу учеников. И не классическая внешняя красота или спортивная фигура привлекали к НикНику женские сердца (простите, я только о себе), а прежде всего ум, энциклопедизм и ощущение кипучей научной энергии, идущее от слов, мимики, даже взгляда Учителя.

Я не историк, и тем больше можно оценить необычность решения Николая Николаевича, взявшего меня в аспирантуру одной из первых, поверившего в возможности и трудолюбие филолога, после оппонирования дипломного проекта. Но об этом ниже.

Конец шестидесятых. Поздняя осень хрущевской оттепели. Но открытие уже произошло, открытие многообразия мира, открытие раз-

ноаспектного прошлого, начался не одобряемый официально, но и не преследуемый активно и жестко отход от воинствующего атеизма к желанию понять взгляды и ценности, как выяснилось, столь недавнего средневековья. Мое первое знакомство с Николаем Николаевичем — его лекции о древнерусской архитектуре в главном здании университета. Большая Римская аудитория была заполнена «под завязку», звучали архитектурные термины, шел рассказ об устройстве храмов, о строительстве каменных и деревянных церквей, заполненности древнерусского храмового пространства поисками благодати и спасения души. Я полагаю, что приобщение к богословской проблематике и истории религиозных движений внутри культурной «капсулы» — самый верный путь, спасавший от фанатизма и приводящий в состояние равновесия прежние убеждения и новые вызовы гуманитарной науки. Я говорю только о себе, потому что иногда с радостным изумлением вспоминаю степень невежества в этих сферах, немыслимого даже в словоупотреблении, когда надо было учиться произносить самые важные и нужные слова из иеротопии. Недавно я была в Стамбуле, до того нелепого момента, когда Софию снова превратили в мечеть. И в состоянии детского восторга первокурсника, глядя на мозаики цареградских храмов, с благодарностью думала о курсе истории византийского искусства Нины Викторовны Ревякиной. Никогда, ни до, ни после я не испытывала того ужаса перед докладом об иконописи в моем исполнении перед несколькими студентами научного добровольного семинара, который она, замечательный специалист по западному средневековому гуманизму, организовала для нас, дремучих советских вчерашних школьников. И НикНик образовывал нас тоже в этом направлении, не жалея времени, не ставя перед собой только задачу защиты докторской и научной карьеры. Время широких жестов великих людей.

Потрясающими, ни на что не похожими были лекции Николая Николаевича. Перед глазами маленькие аудитории Вычислительного центра, где тогда располагался гуманитарный факультет. Узкая дорожка от общежития № 7 через сугробы, утренняя темнота. Я, будучи филологом, не посещала лекции по курсу истории, но спецкурс был поздним вечером, когда заканчивались учебные занятия по программе. Это был второй курс, и о староверах я уже кое-что знала после летней полуторамесячной экспедиции в Томскую область. А здесь в живых и образных рассказах лектора открывался мир необыкновенно сильных, верных своим убеждениям людей, бесстрашных в своих словах и поступках. НикНик много и умело цитировал, передавал мысли и чувства Аввакума с такой страстью, что казалось — он перед нами, этот огнепальный протопоп. А потом горячая речь сменялась

анализом источника, степенью доверия к нему и гранями теоретического осмысления. Надо сказать, что эти переходы, заставляли работать головой, хотя очень хотелось успеть все записать. Но писать было невозможно — чаще всего, сидеть с открытым от изумления ртом получалось лучше. Когда мне на лекции удается достичь такого эффекта, я иногда останавливаю себя, чтобы вернуть студентов на грешную землю учебного процесса. Как хорошо, что НикНик этого не делал, меня-то спасало то, что я курс не сдавала, и мне не надо было испытывать чувство непомерного стыда за свое невежество. Иногда, признаюсь, было тяжело: вечер, голова наполнена упражнениями по английскому языку, а обрушившейся информации столько, что сознание отказывается понимать. Недавно нашла свои записи спецкурса (того самого, по которому потом Покровский издал монографию «Антифеодальные движения крестьян на Урале и в Сибири XVIII в.»). И там строчки, прямые и четкие в начале лекции сменяются сползающими каракулями засыпающего от усталости студента.

В связи с этими лекциями — еще немаловажные замечания. Сам материал воспитывал в нас чувство свободы, примеры противостояния не в дворянских собраниях, а в, казалось бы, приземленных, тяжелых крестьянских буднях. Чувство высокого, настоящего уважения к такому своеобразному, не всегда понятному народу (да простится мне пафос на фоне сегодняшней девальвации слов о патриотизме), привитое нам Учителем, всегда и нерасторжимо было с нами.

В заголовке монографии каждое слово — в строку. В целом повествование о противостоянии человека и государственной репрессивной машины оказалось возможным издать, прикрыв словами об антифеодальном протесте. Не повезло царизму, зато как повезло нам. И главное — из лекций следовала мысль о возможности противостояния государственной машины и человека. И пример сохранения человеком главной жизненной ценности религиозных убеждений, вопреки всем репрессивным мерам, роль слова, письменности в формировании субкультуры староверия, сохраняющего литературоцентризм в центре культурного поля.

Приобщение к религиозной сфере культуры — сложный, но радостный от самой возможности путь к новым поворотам в научной сфере. Этот путь — формирование личного интереса как главной, доминирующей мотивации серьезного исследования, гарантия его устойчивости, глубины и долговременности — привлек в сферу археографического поиска и архивных изысканий когорту талантливых исследователей, которые составили костяк известной новосибирской школы.

Николай Николаевич был моим оппонентом на защите диплома. Было очень страшно, работа была для того времени нестандартной, посвященная церковной службе Борису и Глебу как литературному памятнику, с особым вниманием к уникальным историческим паремиям в составе службы. По теме существовала одна статья XIX в., все остальное надо было изобретать самой. Этот прием обучения плаванию в холодной воде — обычное дело для Новосибирского университета, где важной задачей было воспитание научной дерзости и самостоятельности... если не утонешь. Как и положено плохо дисциплинированной перфекционистке, работу я представила оппоненту вечером перед защитой — и что лепетала в свое оправдание, уже не вспомнить. Оглядываясь, я поражаюсь терпению наших учителей, и их пример до сих пор защищает уже моих учеников от праведного гнева за нарушение сроков. На следующий день Николай Николаевич опоздал на защиту, и когда она началась, я с трудом читала вступительное слово, решив, что этот провал мне не пережить. Я хорошо помню первую фразу из речи оппонента, где он признавался, что рассчитывал прочитать работу за час, а пришлось читать долго (большая текстология), да еще и думать над предложенными трактовками. Это было выступление, память о котором грела меня всю жизнь и давала надежду, что я не совсем потерянный для науки человек. Мои сокурсники-лингвисты — а была защита всего курса (12 человек) — признались потом, что из всех дипломов по литературе это была единственная работа, из которой они ничего не поняли. Было чем гордиться!

НикНик умел серьезно делать комические замечания, так что сразу и не понимаешь, что серьезность прикрывает иронию (и добрую и злую). Обычно он очень тактично относился к коротким юбкам и «украшательствам», справедливо считая, что это не главное. Но однажды я так сама себе надоела, что по-взрослому пошла в ближайшую к дому парикмахерскую и решила измениться. Местные девочки сделали из меня яростную блондинку и уговорили на кудряшки, пообещав «легкую химию». Конечно, получилась буфетчица из вагона-ресторана. Когда я в таком измененном виде появилась в Институте, НикНик внимательно посмотрел на меня и сказал громким шепотом: «Никогда больше так не делайте». Я рыдала в туалете, но после химии кудри просто так не уберешь, пришлось ждать и перекраситься в другой цвет (выбор в те времена был небольшой).

Мне не довелось побывать с Покровским в экспедиции. Были другие маршруты, и мы старались, планируя, не пересекаться (по законам военного времени). Поэтому таким сюрпризом была неожиданная встреча на Алтае, где мы с Володей Рудаком, уже нагруженные рукописями, ждали приезда других групп, скучали, проедая последние

деньги, и вдруг встретили на автобусной остановке Зою Васильевну с Николаем Николаевичем. И это была радость до небес в этом богом забытом тогда уголке. Их отъезд был на следующий день. Вечером, сидя в гостиничном номере, НикНик перебирал собранные книги, перелистывал внешне неказистые рукописные сборнички — и вдруг глаза его засветились, и он негромко произнес какую-то высокую похвалу одной из рукописей. Оказалось, что это материалы старообрядческого собора, о котором он тогда писал. Об этом эпизоде и об этой рукописи он потом упомянет в своей книге очерков об экспедициях. Мне было невольно стыдно за собственное невежество, смысл рукописи и ее значение я поняла только после его слов, но зато как было приятно читать про эту встречу, оказавшись вне Академгородка, словно помахали рукой из того времени.

Я уезжала из Городка с тяжелым сердцем, жизненные проблемы оказались много тяжелее и неожиданней, казалось, что рухнули перспективы, линия жизни выстроилась острым и таким предательским углом. В последний день перед отъездом я пришла к Учителю с его монографией и, сдержав слезы, попросила подписать на память, потому что отбываю из-за особых обстоятельств. Он задумался на миг, а потом так и написал: «Ларисе на память и в связи с особыми обстоятельствами». Не сразу, но я поняла, что обстоятельства всегда заканчиваются, а наши отношения и внутреннее родство остаются. Это служило мне потом не раз спасительным кругом, вытаскивая на поверхность из разного рода обстоятельств. Завершая диссертацию, я получала от Николая Николаевича консультации, записанные на кассеты, и сама отправляла такие же в ответ. Голос не исчез, он продолжает звучать в моей памяти, как и то, что в самый трудный момент именно Николай Николаевич продолжал верить в меня, убеждая, что жизнь состоит из сочетания константы человеческих отношений и движения времени, надо только не перепутать.

Л.И. Журова

«Все изменяется, но ничего не пропадает»

Ежегодные весенние студенческие конференции НГУ — благодатное время и место научного общения историков и филологов гумфака. Н.Н. Покровский всегда с большим интересом слушал доклады молодежи и делал, как правило, подробный анализ, которым мы, студенты, очень дорожили. Было приятно видеть, как авторитетный ученый радуется нашим маленьким успехам. Осенью каждый год проводились семинары по итогам археографической и фольклорной экспедиций, организованных совместно университетом и Институтом истории, философии и филологии СО АН. Эти встречи проходили в атмосфере профессионального праздника, окрашенного радостным настроением возвращения домой из порой трудных поездок и удовлетворением от своего труда. Шел большой разговор о впечатлениях, наблюдениях, потерях и приобретениях. Заключения Н.Н. Покровского, как правило, положительные и часто хвалебные, были для нас самой большой наградой.

Но на этих мероприятиях мое знакомство с Николаем Николаевичем было «шапочным», поскольку я филолог и не была его студенткой, хотя мои доклады он всегда отмечал.

Желание послушать лекции высококлассного историка привело меня на спецкурс по древнерусскому искусству, на который вечерами в главном корпусе НГУ собирались «физики и лирики». Демонстрация слайдов с иконами и храмами производила в эпоху атеизма потрясающее впечатление, и мы, завороженные рассказом Покровского, ранее бывшего сотрудником знаменитого Владимиро-Суздальского музея, на час переселялись в древний мир, из которого не хотелось выходить.

Другой знаменитый спецкурс Покровского — «Идеологическая борьба в Московской Руси XVI в.». У меня до сих пор лежат его конспекты. Но в далеком 1970 г. я в страшном сне не могла себе представить, что через двадцать лет мне придется вплотную заняться средневековой публицистикой. А пока я с большим вниманием вслушивалась в каждое слово прекрасного специалиста, не все понимала, но было очень интересно. Сдавать зачет по спецкурсу я не решилась (была наслышана о высоких требованиях преподавателя). Сейчас сожалею, потому что упустила возможность приобщиться к уникальной научной школе.

Вспоминается встреча в доме Елены Ивановны Дергачевой-Скоп (моего научного руководителя, я пришла на очередную консультацию), осенью 1968 г.: счастливый Николай Николаевич делился сво-

ими почти первыми впечатлениями о поездке на Алтай, где обрел рукописный сборник конца XVI в. с Судным списком Максима Грека. Владимир Николаевич Алексеев готовил свои замечательные горячие бутерброды, которые создавали еще более теплую обстановку дружеской беседы, в которой я была благодарным слушателем. Все были радостны.

Более тесное общение с Николаем Николаевичем произошло у меня во время защиты дипломной работы. Я знала, что оппонентом согласился быть Н.Н. Покровский, и, конечно, очень волновалась. Так получилось, к сожалению, по не зависящим от меня причинам, что оформленную и переплетенную свою работу я получила на руки в восемь часов вечера 20 июня 1972 г. Защита назначена на 21 июня, и это последний день работы ГЭК. Полуживая-полумертвая я набрала номер домашнего телефона и спросила, можно ли принести диплом на рецензию. Николай Николаевич спросил, когда защита? — Завтра, в 9 часов утра! Далее в трубке молчание, потом реплика: «И когда я должен работу прочитать? У меня сегодня день рождения». Теперь молчала я, даже не пыталась произнести вежливые слова поздравления имениннику, а в трубке слышались голоса гостей. «Ну, ладно, — говорит Николай Николаевич, — приходите в 23-30». Когда я пришла, гости еще не разошлись.

На следующее утро я встретила в коридоре университета своего оппонента улыбающимся и миролюбивым, он радостно сообщил, что работа ему понравилась, он ставит пятерку и предлагает подумать над двумя вопросами, которые задаст на защите. Дружелюбное настроение Николая Николаевича вернуло меня к жизни, я уверенно сделала доклад, уложившись в десять минут, а рецензент вдохновенно и очень увлеченно говорил минут сорок, и из его выступления я вдруг начинала понимать, какую важную работу я сделала, какие перспективы открываются в дальнейшем исследовании проблемы и т.д. и т.п. Конечно, это был поступок интеллигентного человека, прикрывшего бестактность студентки. Сейчас меня утешает только одно: в одном из писем С.О. Шмидту Николай Николаевич писал, что обычно до часу ночи принимает дома своих студентов.

Больше всего я благодарна Николаю Николаевичу за то, что он через 19 лет после этой некрасивой истории пригласил меня на работу в свой сектор и предложил научную тему, которая позволила мне состояться как исследователю: текстология сочинений Максима Грека, подготовка издания трудов публициста. В 1991 г. он привез из Ленинской библиотеки микрофильмы с прижизненными рукописями сочинений Святогорца и Проект издания, разработанный Н.В. Синицыной, но еще не опубликованный. Мне было поручено подготовить

Румянцевский сборник сочинений, который должен войти в третий том. Но в ходе работы по заданию Н.В. Синицыной я выполнила текстологию некоторых ранних сочинений Максима Грека, составивших содержание первого тома. Николай Николаевич очень рассчитывал, что издание трудов ученого монаха будет сделано за 5–7 лет. Но первый том, как известно, вышел только в 2008 г., второго тома (2014 г.) он уже не увидел. Безусловно, третий том сочинений Максима Грека должен быть посвящен памяти Н.В. Синицыной и Н.Н. Покровского, которых многие годы связывали огромное уважение друг к другу и добрые творческие отношения, разрушенные, к сожалению, на почве разногласий в ходе реализации Проекта.

Публикации источников Николай Николаевич уделял особое внимание, и в последние годы своей жизни издал Степенную книгу и Латухинскую степенную. Он был очень погружен в эту работу, много размышлял о принципах издания средневековой публицистики.

Н.П. Матханова

И не только о личном

Вспоминая о выдающемся человеке, мемуаристы, как правило, пишут и о себе: имярек в моей жизни, или имярек и я, или даже я и имярек. Не будут исключением и мои мемуары, но постараюсь вписаться все же в первый вариант.

Понимаю, что память человеческая не очень надежна. Нам свойственно забывать, искажать и даже замещать вымыслом воспоминания о реальных событиях. В последние годы об этом немало написано психологами. И историки, и психологи сходятся в том, что чем меньше промежуток времени между событием и фактом его фиксации, тем больше шансов на адекватное его воспроизведение. И еще одно соображение. Изучая в течение ряда лет мемуары, я отдаю себе отчет в том, что многие сведения есть только в этих источниках, традиционно считающихся не очень достоверными. Вообще-то стандартный призыв проверять почерпнутую из них информацию сопоставлением с другими источниками можно с полным основанием отнести не только к ним. Так вот, я осознала, что и моя память хранит кое-что, о чем надо написать, что может быть полезно.

С Николаем Николаевичем я познакомилась в бытность свою в аспирантуре, где моим научным руководителем была Марина Михайловна Громыко — друг и единомышленница Покровского. Но гораздо раньше, от мамы, я услышала о нем как об одном из «тихомировцев». Моя мама, Евгения Иосифовна Матханова, была выпускницей исторического факультета МГУ. Она дружила с некоторыми «тихомировцами», в том числе такими известными, как Е.В. Чистякова и С.О. Шмидт (в нашем доме — Лёля и Зига).

О Покровском студенты истфаков новосибирских университета и пединститута были наслышаны. Широко известна была легенда о том, что академик М.Н. Тихомиров завещал свою коллекцию Сибирскому отделению Академии наук с условием взять на работу своего ученика, только что отбывшего наказание по политическому делу. На самом деле, как удалось выяснить, коллекция была завещана еще до выхода Покровского из лагеря (официальные документы датированы 1960 г.), хотя устная договоренность о работе Николая Николаевича в Академгородке была достигнута позже, привез же коллекцию в Новосибирск именно Покровский.

От мамы я узнала о Зое Васильевне, жене Николая Николаевича. Во время какой-то конференции в Новосибирске, на которую приехала, в числе других москвичей, Е.В. Чистякова, мама вдруг почти поссорилась с нею. Елена Викторовна позволила себе какие-то кри-

тические высказывания в адрес Зои Васильевны. В ответ, как рассказывалось дома, ей было сказано примерно так: «Не смей ничего плохого говорить о ней, она героиня». Почему-то тогда я не стала расспрашивать. Теперь понимаю, что о судьбе З.В. Бородиной мама могла и должна была узнать от ученицы Тихомирова Дины Исааковны Тверской, с которой была дружна еще со времен совместной учебы в аспирантуре при Государственном Историческом музее и которая была близка с Бородиной и Покровским.

Увидела я впервые Николая Николаевича на экзамене при поступлении в аспирантуру. Это была мимолетная встреча. Потом были более для меня важные: Покровский привозил в Академгородок Н.Я. Эйдельмана, мы слушали его спецкурс и публичные лекции. Помню гордое выражение лица Николая Николаевича, представлявшего нам своего друга и внимательно следившего за произведенным тем впечатлением. Выражение горделивого удовлетворения на лице Покровского довелось впоследствии видеть не раз, во время удачных выступлений его друзей, учеников и сотрудников. Вообще Николаю Николаевичу в высшей степени было свойственно умение радоваться чужим успехам, встречающееся, как я теперь понимаю, не слишком часто. Он был нетерпим к халтуре, строг к небрежности, недоволен, встречая незнание и непонимание, но мог быть снисходителен, особенно к молодым, и всегда готов помочь, поддержать, посоветовать добросовестным. Во всяком случае, так мне помнится. Случалось слышать от него довольно резкие отзывы, вызванные чьим-либо невежеством и нежеланием его преодолеть.

В аспирантские мои годы Покровский несколько раз помогал мне после отъезда М.М. Громыко в Москву, за полгода до окончания моей аспирантуры, — вероятно, по ее просьбе. Именно он курировал обсуждение и принятие к защите моей диссертации, выступил первым оппонентом, и в уже существовавшем тогда секторе археографии и источниковедения скромно отмечалось это событие. Затем последовало несколько коротких деловых встреч, связанных с публикацией статей в сборнике «Археография и источниковедение».

Очень важным для меня событием стал визит к Николаю Николаевичу в больницу и рассказ (фактически — доклад) о планах дальнейшей научной работы. Это произошло уже после выхода в серии «Полярная звезда» подготовленного мною под руководством известного археографа С.В. Житомирской тома («А.В. Поджио. Записки, письма). Судя по всему, он произвел благоприятное впечатление и на Н.Н. Покровского, и на Е.К. Ромодановскую. Работа над публикацией позволила пройти у Сарры Владимировны археографическую подготовку, восполнив в какой-то степени пробелы в знаниях. Во всяком

случае, вскоре после получения книги и очередного разговора о моих делах Елена Константиновна (я очень ценила постоянные контакты с нею) посоветовала навестить Покровского в больнице и рассказать о своих замыслах. А тема была задумана грандиозная — «Общественно-политическая мысль в Сибири XIX века». К сожалению, волнение помешало запомнить вопросы и реплики Николая Николаевича, за одним исключением — он очень поддержал идею рассматривать не только и не столько демократическое направление, а попытаться изучать и либеральное, и даже консервативное. Замысел этот не был реализован, но следы его можно заметить в монографии о сибирской мемуаристике, ведь уже тогда в числе важных источников виделись мемуары.

Летом 1990 г. раздался телефонный звонок, и Елена Константиновна от имени Николая Николаевича и своего предложила работу в секторе. Понятно, что я была счастлива — появилась возможность заниматься настоящей научной работой и освободиться от замучившего преподавания «идеологических предметов». К тому же сектор был знаменит, и поступить туда было очень почетно. Прошло уже 30 лет работы в секторе, из которых 23 — рядом с Н.Н. Покровским, под его непосредственным руководством. Об этом можно было бы рассказать многое. В частности, о том, как ценил Николай Николаевич помощь ему, как всегда благодарил за нее. Хорошо помню, с каким вниманием и неподдельным интересом слушали он и Елена Константиновна наши рассказы — не только доклады, а именно рассказы, и чаще всего — за чайным столом. Вообще во время этих бесед, в непринужденной обстановке, в диалогах «шефов» с нами часто рождались и развивались самые плодотворные идеи, давались самые полезные советы. Николай Николаевич очень любил жизнь и все ее проявления. Он обожал наши секторские застолья, а они случались часто (на сей факт иные коллеги по Институту указывали с некоторым неудовольствием и удивлением) — в дни рождения всех сотрудников, во все календарные праздники. С детским удовольствием лакомился нашими фирменными блюдами и особенно теми, которые ему были вредны, — как, например, лимонный торт или овощное рагу из баклажанов.

Остановлюсь подробнее на нескольких серьезных, важных и запомнившихся моментах.

Первый относится к решительной борьбе за сектор, которому грозило довольно радикальное сокращение. Николай Николаевич, свалившийся в Москве с очередным приступом, отправил меня, оказавшуюся там в командировке, в Президиум АН СССР с письмом к вице-президенту Академии В.Н. Кудрявцеву и указаниями, какие да-

вать разъяснения, если возникнут вопросы. На мои робкие попытки что-то мямлить по поводу слишком высокой инстанции, в которую он обращается с таким, по бюрократическим меркам, частным вопросом, последовала довольно жесткая реакция. Я, конечно, трусила, но беседу с референтом Кудрявцева провела, наверное, вполне адекватно. По письму члена-корреспондента Академии наук Покровского последовала телеграмма Кудрявцева главе Сибирского отделения В.А. Коптюгу с предложением остановить нападки на сектор.

Н.Н. Покровский умел быть решительным. Когда из ВАКа пришла бумага, в которой выбранная им при защите О.В. Чумичевой в качестве ведущей организации Библиотека Академии наук была сочтена не соответствующей требованиям, шеф пришел в ярость. Его письмо к Председателю ВАК Н.В. Карлову, вполне уважительное по отношению к адресату и даже доверительное, в то же время было гневным, дышало ядом, содержало примерно такие формулировки: клерки думают, что они лучше ученых могут оценить научный уровень. И опять — неформальный стиль, обращение не «по инстанции», а непосредственно к высшему руководству привели к успеху. Тогда это было еще возможно...

Вообще Покровский — председатель диссертационного совета в нашем Институте — это отдельный сюжет. Впечатляла широта его кругозора и любознательность, щедрость, с которой он тратил драгоценное время на чтение авторефератов и просмотр (а порой и чтение) диссертаций еще на стадии принятия их к защите, требовательность и стремление «держать планку». Серьезным был вопрос о повторном рассмотрении защищенной в Петербурге докторской диссертации В.А. Росова «Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)». Наш совет выдержал немало атак со стороны общественной организации «Международный центр Рерихов» и поддерживавших ее журналистов. Покровский неизменно придерживался принципиальной позиции: для нас превыше всего научный, профессиональный уровень работы. Не все члены совета и даже созданной специальной комиссии были столь же решительны, но мнение председателя и других выступавших перевесили. Еще один вопрос, по которому Николай Николаевич занимал бескомпромиссную позицию: требование предварительного обсуждения (предзащиты) поступавших со стороны диссертаций в одном из секторов Института. Оно противоречило формальным положениям ВАК, но должно было хоть как-то препятствовать защитам слабых диссертаций, позволяло добиваться их доработки. Мы сохраняем эту традицию.

Покровский умел проявлять решимость и в других случаях. Запомнился его рассказ о выступлении на совете Российского фонда фундаментальных исследований. Напомню кстати, что Н.Н. Покровский входил в первый состав Совета, а впоследствии стал одним из «отцов-основателей» Российского гуманитарного научного фонда — вместе с Н.И. Толстым, В.Л. Яниным и др. Так вот, на этом заседании встал вопрос о нецелесообразности финансировать востоковедческие исследования в Петербурге из очень тогда скромных средств Фонда. Николай Николаевич тогда высказал свою любимую мысль, неоднократно повторявшуюся и позже, — о необходимости сохранять отечественные научные школы. Он объяснил коллегам — не гуманитариям, что существовавшая с дореволюционных времен петербургская востоковедческая школа является одной из лучших в мире.

Впечатляли широта кругозора, образованность, умение быстро вникнуть в новую проблему и найти в ней самое важное и значительное, готовность щедро дарить идеи. Он никогда не был «свадебным генералом», а указание «ответственный редактор Н.Н. Покровский» означало, что тексты монографий, статей в сборнике, публикаций источников и комментариев к ним внимательно прочитаны, на полях — карандашом — ставились вопросительные знаки и пометы NB, обозначая места, нуждавшиеся в доработке и исправлении. При этом диапазон — и хронологический, и географический, и тематический, — был на редкость обширен: от XVI до XX в., от западных до дальневосточных окраин России (и вне ее пределов), от богословских споров до вопросов демографии, экономики, политики и культуры. Как написал сам Николай Николаевич о своем учителе П.А. Зайончковском, от Нестора до Солженицына.

Я, к собственному стыду, не очень хорошо запомнила его рассказы о прошлом. Помню лишь несколько случайных эпизодов. Однажды я заметила в его палате полотенце рядом с подушкой, на мой недоуменный взгляд последовало: «Я всегда накрываю голову — лагерная привычка». При рассказе о чьей-то работе, в которой указывалось, что многие декабристы обрели веру в заключении, Николай Николаевич задумчиво заметил: «И не они одни». Не берусь судить, о себе ли он думал, или об исторических персонажах. С веселым оживлением вспоминал о студенческой жизни в Москве, общежитии, парадоксах советской торговли, с ностальгией — о ГИМе и его сотрудниках.

И еще из личного. О щедрости и готовности помочь. Когда приходилось распределять деньги, поступавшие в девяностые годы от разных фондов благодаря личному авторитету Покровского, то в списке он неизменно уменьшал сумму, стоявшую около его фамилии, в пользу тех, кто больше нуждался. А когда стали получать гранты,

то по его настоянию делились они поровну, независимо от званий и степеней, и даже личного вклада в выполнение проекта, неизменно преобладавшего у него самого. Николай Николаевич говаривал: «Конечно, так неправильно, ну, да ничего». И средства на командировки из гранта по поддержке ведущих научных школ выделялись в первую очередь молодым. Когда на какие-то общие расходы собирали деньги, кошелек шефа открывался и добрая треть, а то и половина суммы выплачивалась оттуда. Дать взаймы на дорогую покупку было обычным делом (так у меня в девяностые появилась шуба). Когда мама болела, и мы не могли вывезти ее отдыхать ни на курорт, ни за город, на природу, было предложено поселиться в его квартире в Академгородке на время поездки Николая Николаевича и его второй жены Наташи Зольниковой в Ростов. В этой заставленной цветами и книгами квартире мы затем не раз жили в летние месяцы.

Цветов и вообще растений было множество и самых разных — от обычных фиалок и герани до кофейного и лимонного деревьев, на лоджии росли и вьюнок, и георгины, и шафраны, и... огурцы и помидоры. Лоджия эта была видна издали как яркое цветное пятно на доме. Увлечения — любовь к природе, прогулки по лесу и собирание грибов, фотографирование, цветы, аквариум с рыбками и многое другое — немало значили для него, были частью жизни. Сейчас, когда мне довелось готовить к публикации письма Николая Николаевича, я стала понимать, как все это помогало ему в трудные годы выживать, а потом — жить и творить.

Я никогда не училась у Николая Николаевича формально — не была его студенткой или аспиранткой. Более того, когда на юбилейном банкете в 2005 г. тамада В.И. Молодин предоставил мне слово как одной из учениц юбиляра, я не очень тактично и уместно его поправила, сказав, что я — ученица Громыко. Это — правда, и недавно ушедшая от нас Марина Михайловна остается одним из главных людей в моей жизни. Но все же могу сказать, что если я и не имею права называться ученицей Покровского, он для меня был и остается Учителем.

О.Д. Журавель

«Но быть живым, живым и только...»

Поздняя осень 1976 года. Поточная аудитория главного корпуса Новосибирского государственного университета, на доске проектор высвечивает слайды: храм Покрова на Нерли, Дмитриевский собор во Владимире, а бородатый профессор вдохновенно рассказывает о шедеврах древнерусского зодчества и о том, какие идеи стояли за каждым из рукотворных чудес. Что сподвигло меня, филолога-первокурсницу, пойти на спецкурс Николая Николаевича Покровского? Возможно, прочитанная в школе книга Льва Любимова «Искусство Древней Руси», где были весьма скромного качества иллюстрации, а слова «Бог» и «Богородица» писались со строчной буквы... Время советское — иконопись, церковная архитектура привлекали своей, почти запретной, тайной. На перемене решилась подойти и спросить, как суметь разобраться в тех религиозных терминах, что встречались в речи лектора. «Читайте Закон Божий!» — отрезал Николай Николаевич, не делая скидки на то, что раздобыть в те годы эту настольную книгу любого дореволюционного гимназиста было столь же непросто, как, например, полный текст «Мастера и Маргариты»... Но в этом был весь Покровский: не понижая планки, жил, работал, творил свои научные труды сам и никому не давал спуску.

То, что мои сокурсники-историки сдали ему курс по российской истории, уже служило показателем их высокого уровня, поблажек на экзамене он не делал. Мы же могли послушать, например, его факультатив по древнерусской публицистике. Он читал 2–3 часа без перерыва, вернее, не читал, а с азартом, уточняя при необходимости детали и делая по памяти ссылки на источники, рассказывал о русском XVI веке. О времени, преисполненном страстей, о спорах нестяжателей и иосифлян, о Максиме Греке, чьи Судные списки, сохранившие доказательства правоты невинно осужденного великого афонца, он открыл во время поездки в старообрядческие скиты в Верховья Енисея. У нас, студентов, было ощущение, что сам Николай Николаевич только что оттуда, из эпохи митрополита Макария и Ивана Грозного, а в те места и времена забрел прямиком из Руси Василия III, настолько глубоко он знал эпоху. Тот или иной период российской истории был для него не набором фактов или социально-политических нарративов, а именно эпохой во всем многообразии, многомерном переплетении идей, страстей, судеб. Не случайно в центре исследований в секторе археографии и источниковедения, который много лет возглавлял Николай Николаевич, были именно проблемы общественного сознания. Слово «менталитет» по отношению к средневековo-

му обществу мы употребляли задолго до того, как это слово вошло в моду. Задолго до снятия гласных или негласных запретов на многие темы, не вмещавшиеся в рамки марксистско-ленинской идеологии, Николай Николаевич писал о народной религиозности, с ее нелогичным совмещением, в разных дозах, христианства и язычества, о популярном богословии и народной магии. Более того: он публиковал эти статьи в стылую эпоху «застоя». Библиографической редкостью является, например, книжечка «Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX в.», отпечатанная в издательстве НГУ в 1975 году в количестве 500 экземпляров, с цитатами из судебно-следственных дел о запретной магии. Да, Академгородок в те годы еще помнил воздух свободы 1960-х.

Своей темой диплома, а потом и первой диссертации я тоже обязана Николаю Николаевичу. Когда мой научный руководитель Елена Константиновна Ромодановская, ближайший друг и соратник Покровского, предложила выбрать одну из пяти или шести тем для курсовой, выбор пал на мотив беса-слуги в древнерусских повестях — я только что прочитала «Доктора Фаустуса» Томаса Манна, тема звучала романтично, а подсказана она была Николаем Николаевичем. Работая в архивах, он встречал описи дел тех, чьи жизненные истории напоминали похождения хрестоматийного Саввы Грудцына. Он же был и рецензентом диплома. Случилось так, что диплом не удалось напечатать заранее, и когда дрожащей рукой, за день или два до защиты, я нажала кнопку звонка квартиры Покровских, он встретил меня суровой отповедью. Но диплом взял, а когда публично читал отзыв, моя самооценка стала расти на глазах. Не в похвалу свою пишу об этом. Впоследствии, работая в секторе под началом Николая Николаевича, я много раз видела, как он воспринимал чужие статьи, книги, диссертации, на которые надо было писать рецензии. Он мог легко многое простить автору, если в его работе содержались важные факты или красивые идеи, вдохновлялся сам и искренне радовался любому, маленькому или большому, открытию. Скольким ученым он дал «зеленый свет», сколько проектов и замыслов удалось совершить благодаря тому, что он загорался идеей, видел перспективы исследования! Диапазон его собственных интересов был необычайно широк — от проблем феодального землепользования Древней Руси до взаимоотношений церкви и государства в 1920-е годы. Помню, как молодому аспиранту Александру Элерту, учитывая, возможно, его немецкие корни, предложил заняться портфелями Миллера. Те, кто видел почерки рукописей из «портфелей», расшифровка их казалась невозможной, но вскоре наука получила одного из самых главных специалистов по наследию великого ученого. А своего лю-

бимого Максима Грека доверил Л.И. Журовой, определив на много лет «труды и дни» этого ныне крупнейшего специалиста-текстолога, издателя его сочинений... Каждый сотрудник «сектора Покровского» вел и ведет большую тему, которая могла быть под силу, возможно, целому коллективу, а мировая библиотека пополнилась множеством новых изданий источников и научных трудов.

Мне посчастливилось работать с Николаем Николаевичем над изданием «Степенной книги царского родословия». Однажды, наверное, в 2002 году, он попросил зайти в его кабинет и сказал: «Оля, Вы должны мне помочь». Сомневаться, раздумывать и тем более отказывать «шефу», как мы его называли, не приходило в голову. Полное добровольное послушание. И началась многолетняя кропотливая работа над сверкой, воспроизведением текстов, подготовкой к публикации, обсуждением вопросов текстологии, комментариев, принципов издания. Раз в неделю, по средам, ровно в 10.00, я садилась рядом с Николаем Николаевичем перед монитором и несколько часов мы обсуждали спорные вопросы, даже то, что поначалу казалось мелочью, оказывалось не случайной ошибкой, за разночтениями вставали закономерности. Вскоре почерки писцов XVI века мне стали казаться родными, в неразличимом на первый взгляд начертании полууставных букв обнаружилось множество различий, и выяснилось, что над древнейшими списками «Степенной книги» трудилась одновременно целая группа писцов: настолько важной и срочной представлялась работа над книгой идеологам эпохи Ивана IV, они торопились закончить этот труд, упрочивший идеи, положенные в основу русской государственности.

Сам Николай Николаевич не только не гнушался «черной» работы. Он с удовольствием сам набирал тексты, воспроизводя их с оцифрованных копий, у нас даже было своеобразное соревнование на скорость. Принципы издания предполагали отражение многих деталей древнерусской архаичной графики, работа была почти ювелирной, но наш, как мы говорили, «нетипичный» академик работал с источником, с копией древнего текста, и это неизменно доставляло ему радость. Потом мы много раз сверяли тексты, и свои, и набранные коллегами — коллектив включал исследователей из США, из Москвы и Петербурга. Три тома вышли в срок, и в 2009 году в Лос-Анджелесе прошла международная конференция, посвященная первому монументальному труду по российской истории. Николай Николаевич по состоянию здоровья не решился пересечь океан, но мне полететь настоятельно рекомендовал, и я слушала, как читали его доклад, встреченный аплодисментами, как часто учеными из разных стран в обсуждениях упоминалось его имя. В дни конференции, в конце

февраля — начале марта, в Калифорнии все цвело. Вернувшись, в качестве отчета о форуме я не только рассказывала о содержании докладов, но и привезла для Николая Николаевича фотоснимки цветов и самых разнообразных растений из Ботанического сада, который располагался как раз напротив нашего отеля. Любовь к цветам, как и ко многому в природе и в жизни, — аквариумным рыбкам, музыке, пению, живописи, поэзии и, конечно же, к науке, ставшей его главным призванием, всегда отличали Николая Николаевича Покровского. Даже в самые суровые периоды своей жизни, в годы гонений, он оставался великим жизнелюбом.

Николай Николаевич был историком, знавшим цену и значение самых разных проявлений духовной жизни, настоящим медиевистом, видевшим многомерность эпохи. «Археографическое открытие» Сибири, многолетние контакты со старообрядцами, которые относились к Николаю Николаевичу с необычайным почтением, открыли миру богатейшую сферу словесности современных староверов. Как результат — несколько томов «Духовной литературы старообрядцев Востока России», уникальное издание «Урало-Сибирского патерика», дивного источника по изучению картины мира самых ярых традиционалистов XX века, возродивших древний жанр патерика. Потаенная прежде письменность старообрядцев, содержащая роскошные образцы литературной культуры, стала достоянием общественности. И вновь, как с изданием «Степенной книги», Николай Николаевич ревностно относился к точности воспроизведения источника, опять собственноручно набирал свою порцию текстов, бесконечно сверял их, обсуждал все текстологические и эдиционные проблемы. В работе он не давал никаких поблажек, не сдать работу в срок было невозможно, он мог позвонить утром 1 января и спросить, готов ли текст. Но это был бесценный опыт ученичества, сотрудничества и великая школа мастерства. Было счастьем работать и жить под сенью таланта такой уникальной, яркой личности.

Уважение к Николаю Николаевичу и восхищение его талантом я испытывала всегда, с тех далеких студенческих пор. Не подлежит сомнению его огромный вклад в науку. Но с годами все больше становится ясно, насколько велико его значение и в моей частной судьбе. И я безмерно благодарна жизни за этот дар.

М.С. Крутова

О шифрах, шифровке и курьезах

Имя Николая Николаевича Покровского было овеяно легендами и всегда произносилось московскими рукописниками-древниками с благоговением.

Во время учебы в аспирантуре в Институте русского языка АН СССР моя научная руководительница Л.П. Жуковская, знаменитый лингвист-текстолог, предложила мне участвовать в конференции молодых ученых в Новосибирске, которую проводил Н.Н. Покровский, с которым ее связывали давние научные связи. Кажется, это было в 1985–1986 году. Для любого аспиранта такое предложение было большой честью, ибо давало возможность обсудить со специалистами сибирской академической школы первые результаты своих исследований. Хорошо помню эту конференцию, отечески заботливое отношение Николая Николаевича к начинающим ученым.

Запомнился и один курьезный случай. Председателем той секции, на которой выступала я, был Н.Н. Покровский, а заседание проходило в помещении библиотеки Института истории СО АН СССР. Он внимательно слушал докладчиков, заинтересованно вел заседание, участвовал в обсуждении докладов. Но вот один молодой ученый, не помню его фамилии, очень затянул свой доклад. Николай Николаевич тактично попросил его соблюдать регламент, но юноша был непреклонен в своем стремлении ознакомить собравшихся со всеми результатами своей научной деятельности и продолжал говорить, не обращая внимания ни на замечание председателя заседания, ни на сердитые лица утомленных слушателей. Тогда Н.Н. Покровский встал и твердо сказал: «Если вы не покинете трибуну, то заседание покину я!» На что юноша и ухом не повел и демонстративно продолжал говорить. Тогда Николай Николаевич вышел из аудитории, за ним последовала большая часть слушателей, другая часть пыталась угомонить и вразумить докладчика. Когда им это все же удалось, председатель секции вернулся, и заседание продолжилось.

В последний день конференции, по русскому обычаю, участники конференции собрались в неформальной обстановке. В центре всеобщего внимания был Николай Николаевич. Как просто, без какой-либо напыщенности и высокомерия он держался, рассказывал разные интересные истории. Одна из них, рассказанная с большим юмором, мне особенно запомнилась.

Вот что рассказал тогда Н.Н. Покровский. Ему нужно было срочно выслать редактору в другой город дополнения к статье и, чтобы сделать это, он отправился на главпочтамт. Там он написал телеграм-

му, текст которой состоял из перечисления шифров рукописей. Сотрудница почты странно посмотрела на него и куда-то исчезла, буркнув: «Подождите». Через несколько минут к нему подошли двое в штатском и отконвоировали в отдельный кабинет, где потребовали предъявить документы и подвергли допросу, кому и зачем он передавал шифровку. Больших усилий ему стоило убедить их в том, что он не вражеский агент, а ученый.

На меня эта история произвела тогда очень сильное впечатление. И до сих пор, перечисляя в своих статьях шифры рукописей, я посмеиваюсь, вспоминая рассказанный Николаем Николаевичем случай.

Это был большой ученый, но в то же время простой и сердечный. Таким он и запомнился мне.

Борис Пивоваров, протоиерей

Книга

Одним из последних трудов академика Николая Николаевича Покровского стала книга «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках». Это учебное пособие является дополненным вариантом лекций Николая Николаевича, которые он прочитал в 2009/2010 учебном году в Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского.[1]

Лекции в гимназии он всегда читал с вдохновением. И книгу «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках» он готовил с великой тщательностью. Николай Николаевич детально прорабатывал каждую главу, сам отбирал иллюстрации, исторические карты и схемы.

Работа над книгой была завершена к весне 2013 года. 10 июня издание было подписано к печати. И уже в начале осени Николай Николаевич держал книгу в своих руках. На нескольких экземплярах он сделал дарственные надписи, которые теперь являются свидетельством того, как он был рад выходу в свет этого труда.

А в канун Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) — 13 октября 2013 года — Господь призвал великого труженика русской исторической науки незабвенного Николая Николаевича Покровского в Свои небесные селения.

Лекции по теме «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках» Николай Николаевич читал с большим воодушевлением, увлеченно. Может быть, эта тема и была для него самой важной в жизни. Ведь большинство его трудов если и не касались этого периода, то все равно прямо или косвенно затрагивали тему взаимоотношения Русской Православной Церкви и Российского государства.

Самое яркое впечатление от его лекций в Православной гимназии — это ощущение, что Николай Николаевич будто являлся современником этих событий, настолько ясно и живо повествовал он о далеких исторических событиях родной истории. Это достигалось, конечно, его изумительным знанием исторических источников.

В предисловии к книге он написал: «Я старался поместить в пособие по возможности больше сведений об источниках, не только письменных (повествовательных и документальных), но и предметных, а также о памятниках архитектуры. При выборе письменных источников я зачастую отдавал предпочтение тем, которые так или иначе

[1] *Покровский Н.Н.* Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках: Учебное пособие. Новосибирск: Православная гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 2013. Гимназия учреждена приходом церкви Всех Святых, в земле Российской просиявших, в Академгородке г. Новосибирска в 1992 году.

были связаны с находками и публикациями новосибирских археографов, а также моего учителя академика М.Н. Тихомирова».

В своих воспоминаниях (2007 г.) Николай Николаевич говорил о своем обучении в Московском государственном университете и своем учителе: «Мне хотелось бы сделать некое заключение о том, какие сегодня я вижу плюсы и минусы того нашего университетского образования. Я говорил уже, что очень благодарен Московскому университету тех лет. При всех издержках я получил очень хорошее базовое образование с главным его условием: будучи студентом и аспирантом университета, я входил в научную школу, настоящую научную школу. Академик Михаил Николаевич Тихомиров был учеником академика Бориса Дмитриевича Грекова». И далее Николай Николаевич, со свойственной ему скромностью, сделал «глухую ссылку» на своих учеников: «Сейчас ученики моих учеников Шашкова и Байдина в Екатеринбурге высчитывают поколения этого родства». А это уже научная школа самого академика Н.Н. Покровского.

Продолжая вспоминать о своих университетских годах, Николай Николаевич отмечал:

> Среди плюсов я, конечно же, хотел назвать то, что от нас требовали очень серьезных курсовых работ и очень серьезного кандидатского минимума. Причем университет тех лет имел очень мощную базу для столь серьезной работы студентов, начиная уже с младших курсов. По нескольким ведущим специальностям, в том числе и по отечественной истории, в университете существовали так называемые кабинеты, а при них — библиотеки. В этих библиотеках было собрано то, что наши профессора считали самым необходимым для студентов <...>
>
> К нашим дипломам, а затем и к диссертациям, мы подходили уже представляя, как нужно строить нормальную научную работу. Одним из главных принципов было то, о чем я уже говорил: эти работы обязательно должны были строиться на источниках. И очень желательно, чтобы они базировались на архивах <...> Помимо любви к источникам, которую нам прививали наши учителя, они нас учили также уважительному отношению к предшественникам.
>
> Наши научные руководители, в том числе и Михаил Николаевич Тихомиров, учили нас, что нам во всех наших предшественниках нужно видеть не то, какими они были «недоразвитыми» и не понимавшими марксистскую теорию или неправильно ее понимавшими и не знавшими того, сего, пятого, десятого, не учившими «Капитал» Маркса, а видеть прежде всего то, что внесли они в историческую науку.

Последняя книга академика Покровского «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках», содержащая курс из двенадцати лекций, не только показывает прекрасное знание автором исторических источников и глубочайшее проникновение в проблематику современ-

ной отечественной историографии, но и свидетельствует о его горячей любви к Родине.

В 2021 году Россия будет праздновать 800-летие со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Невского. В связи с этим хочется особо отметить третью лекцию из книги «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках». В ней Николай Николаевич дал обширную характеристику эпохи Александра Невского и в кратких, но очень точных исторических свидетельствах показал великое значение подвигов этого славного защитника Отечества.

В наступившем 2020/2021 учебном году имя Александра Невского будет вспоминаться не только на уроках, при изучении тех параграфов в учебниках по русской истории, в которых упоминается имя святого князя, но и на различных школьных мероприятиях, посвященных юбилею. Поэтому указанная лекция академика Николая Николаевича Покровского может каждому учителю истории дать прекрасный научный материал об Александре Невском.

И в целом учебное пособие «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках» может весьма помочь в школьном преподавании истории России. Но для того, чтобы ввести эту книгу в учебный оборот наших школ, необходимо преодолеть пока еще присущую школе религиобоязнь. Ну как, скажите, пожалуйста, учитель истории придет в класс с учебным пособием, на обложке которого написано: «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках»?! Ведь столько лет твердили, что Церковь отделена от государства!

Однако за этим антирелигиозным «догматом» кроется опасность для российского образования: как бы не отделить школу... от науки?

Здесь весьма уместно вспомнить о нынешнем обновлении и Конституции, и Закона «Об образовании в Российской Федерации».

Новая статья Конституции Российского государства гласит: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ст. 67.1).

Вера в Бога — величайшая духовная ценность! Обновленная Конституция свидетельствует, что завершилась эпоха официального безбожия в России, а значит, и в российском образовании. Теперь из российского образования должна уйти антирелигиозная парадигма, как «единственно научная и прогрессивная».

Россия — это священная наша держава, это хранимая Богом родная земля! Так верит большинство наших сограждан. Обновленная же Конституция России удостоверяет исторически сложившееся государственное единство.

Русский язык признается языком государствообразующего русского народа и государственным языком Российской Федерации. А православие имеет особое значение в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры («Закон о свободе совести и о религиозных объединениях», 1997 г.). При этом сохраняется уважение к гражданам России, сохраняющим иные религиозные убеждения.

В связи с принятием обновленной Конституции России в новых Федеральных государственных образовательных стандартах достойное место должно занять преподавание учебного предмета «Основы православной культуры». Этот предмет должен изучаться не только в 4-м классе, но и в других классах общеобразовательных организаций

Принятие изменений и дополнений в Конституции Российской Федерации повлекло за собой внесение изменений и дополнений в целый ряд федеральных законов. Очень важные изменения произведены в Законе «Об образовании в Российской Федерации».

Так, 31 июля 2020 года принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся». Из названия этого законодательного акта видно, что изменения коснулись именно воспитания школьников.

Объективная потребность в четком формулировании содержания государственной политики в сфере воспитания назрела уже давно. В прежней редакции «Закона об образовании в Российской Федерации» под воспитанием понималась «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации». Теперь эти правильные, но довольно общие слова дополнены новыми законодательными требованиями. Под воспитанием ныне понимается также деятельность, «направленная на формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» (ст. 2, а), п. 2).

А всего этого невозможно достигнуть без того, чтобы школьники своевременно не получали добротные знания по истории своего Отечества. И в этой связи книга академика Николая Николаевича Покровского «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках» — прекрасное учебное пособие для каждого учителя, желающего дать своим ученикам достоверные знания по родной истории.

С.Г. Петров

Вспоминая Николая Николаевича Покровского

Говорить о своих Учителях, как и о родителях, всегда непросто. Рассказываешь об Учителе, а получается все равно о себе любимом. Тяжело еще и потому, что до сих пор трудно свыкнуться с мыслью, что Николая Николаевича и других секторян, ушедших в мир иной, больше нет с нами.

Но и стройный ряд его учеников, рассеянных по градам и весям, к величайшему сожалению, уже с существенными и столь непереносимо тяжелыми потерями. А вместе с уходом учеников неизбежно размывается и его живой и яркий образ. Будем надеяться, что наши воспоминания, хоть в какой-то мере, позволят сохранить память о нем. Ведь хочется думать, что все мы — частные производные от его представлений о жизни и профессии, хотя судить о том, соответствуем мы его замыслам или нет, конечно же, не нам.

Объединяет нас, видимо, общность тем и подходов в их решении, в основе которых, если выделить самое главное, трепетное, непотребительское отношение к источнику, его тексту. Мы, конечно же, не копии и, уж тем более, не клоны, не молодцы из одного ларца, схожие с лица, но у всех у нас есть нечто общее, коренное, связывающее нас в одно целое, говоря современным языком, некий профессиональный маркер, по которому сегодня можно распознать даже тех, кто учился у учеников Николая Николаевича. Особенно зримо проявляется это на всевозможных научных форумах, круглых столах, конференциях и симпозиумах, когда, не зная докладчика, по тому, как он говорит и о чем, понимаешь, что этот человек — твой близкий научный родственник. Так и хочется крикнуть ему: «Да мы с тобой одной крови». Находясь именно на конференциях, отчетливо осознаешь: да, действительно, это школа Покровского.

Основной принцип передачи профессиональных знаний, практического опыта и навыков при обучении учеников, которых придерживался Николай Николаевич, был, что называется, из рук в руки, при проведении конкретных исследований в рамках выполняемых учебных или научных проектов, непосредственно в экспедициях. Ценность этого принципа, как никто другой, понимала Наталья Дмитриевна Зольникова, первая его ученица и, после смерти Зои Васильевны Бородиной, супруга, иронически сетуя на свою участь жены и гостеприимной хозяйки дома: «Обидно, сидят с Николаем Николаевичем, обсуждают возникшие проблемы, делятся свои-

ми находками, догадками, галдят, шумят, а ты в это время стоишь на кухне — готовишь или моешь кастрюли». Могу подтвердить все вышесказанное только своим личным опытом участия в выявлении, исследовании и подготовке к публикации исторических источников в проекте «Архивы Кремля». Многочасовое по два-три раза в неделю в течение четырех лет «сидение» у Николая Николаевича дома было моим вторым университетом, давшим несравнимо больший багаж специальных знаний и практических навыков работы историка, вооружившим выверенной не одним поколением предшественников лоцманской линией правильного фарватера в профессии.

Когда архив, оставшийся от Николая Николаевича, разбирался и готовился к сдаче на госхранение, пришло осознание того факта, что в отношении нас исповедовались те же принципы, которыми руководствовался в работе со своими учениками М.Н. Тихомиров: подробный неравнодушный разбор проведенного тобой исследования и полученных результатов, строгая требовательность к научному уровню работы, поддержка в трудных ситуациях, да еще и с выговором, если промолчал, не желая отнимать время, лишний раз напрягать, а то и расстраивать. И как-то ближе и роднее после этого становится строго смотрящий на тебя с расположенного напротив рабочего стола в секторе портрета М.Н. Тихомиров, который, как известно, шутил, что на хорошем портрете академик должен быть похож на собаку с все понимающими и сочувствующими глазами.

Есть расхожее, но абсолютно верное суждение, что «глаза — зеркало души». Николай Николаевич обладал удивительной способностью по глазам своего собеседника мгновенно считывать то состояние, в котором он находился. Вероятно, здесь сказывался личный опыт общения с абсолютно разными людьми в разных жизненных ситуациях, в том числе и во время нахождения в лагере, о котором он говорил крайне редко, что называется, по случаю.

Из лагерных рассказов Николая Николаевича в памяти всплывают иронически окрашенные им истории о «благодатном» времени, когда можно было, не отрываясь ни на что другое, заниматься изучением иностранных языков. Правда, был только один учебник, самоучитель, то ли испанского, то ли французского, по которому все по очереди и учились. И некоторым после лагеря это сильно помогло при трудоустройстве. Или о неожиданной встрече Николая Николаевича и «товарища» по учебе в МГУ в ходе следствия по делу молодых историков, когда он шел с руками за спиной по длинным коридорам Лубянки и с удивлением увидел одного из комсомольских вожаков истфака МГУ, торжественно вышагивающего навстречу. А однажды Николай Николаевич отметил непростые отношения с «мотающи-

ми» свой срок в Дубравлаге разномастными националистами, наиболее яркой фигурой среди которых был глава украинских униатов Иосиф Слипый. Не удержавшись, я посетовал, что разговаривать с ними даже в быту практически невозможно. «И не нужно!» — без промедления подвел итог разговора Николай Николаевич.

Находясь в командировках в Москве, мне часто приходилось жить в архивной гостинице на Большой Пироговке, где судьба свела с Б.Б. Вайлем, который был вместе с Покровским в одном лагере, но по другому судебному делу. Как-то вечером, когда после работы в архивах постояльцы этой гостиницы сходились на особом пятачке, где ужинали, речь зашла о Дубравлаге. Недоброжелательно настроенный по отношению к «подельникам» Покровского, Вайль счел нужным отметить, что во время его пребывания в лагере Николай Николаевич, в отличие от других, вел себя достойно, перед лагерной администрацией не выслуживался. Пришлось мне подтвердить, что с того времени в этом отношении он совсем не изменился.

Когда шла работа над «Архивами Кремля», мне приходилось навещать Николая Николаевича в больнице, где в одноместной палате можно было замечательно, без помех работать. Один из моих приходов выпал на ужин, и Николай Николаевич сказал, что не будем прерываться и терять время, что он вернется быстро. Вернулся он в мгновение ока, чем абсолютно удивил меня. О съеденном ужине свидетельствовали застрявшие в бороде лапшинки. Потрясенный его быстрым возвращением, я сказал: «Вот это у Вас скорость». В ответ Николай Николаевич только улыбнулся. Еще долго после этого в голове возникал наивный детский вопрос: «И где это он так научился?» Догадка пришла позже — нехитрый лагерный опыт. Внешние обстоятельства изменились, но экономящий время для работы лагерный навык остался навсегда.

Вообще он любил неспешные пиршественные столы, был неравнодушен к хорошим компаниям и обильным застольям с незабываемыми рассказами о неординарных экспедиционных и жизненных ситуациях. Рассказчиком он был ярким, умел мастерски, весьма колоритно преподнести истории, свидетелем или участником которых он был.

Вспоминая Николая Николаевича, Варвара Ромодановская написала, что считала его в детстве Карабасом-Барабасом. Не зная об этом, на одном из его дней рождений, отмечаемом в секторе, я имел неосторожность шутливо переиначить слова детской песенки об этом сказочном персонаже в отношении Николая Николаевича: «Уютно нам всем под его бородой, и он никакой не мучитель, а добрый, наш добрый учитель». Помню озорной и острый взгляд Николая Нико-

лаевича, который тут же, под громкий смех всех собравшихся за столом, отредактировал последнюю строчку, сказав, что в конце прозвучавшего стиха надо говорить так: «А добрый наш вождь и учитель».

Спустя годы, знаю точно, что без его участия в наших судьбах, без его усилий и потраченного на нас времени, отданной нам части собственной жизни, мы все были бы совсем иными. Не буду гадать, были бы хуже или лучше, просто совсем другими. Спасибо Вам, Николай Николаевич!

Яна Хоулетт

Николай Николаевич Покровский

Я заочно познакомилась с Николаем Николаевичем еще в аспирантуре, через его публикации о Максиме Греке и о старообрядчестве. Больше, как многие иностранцы, я не знала о нем ничего. Поэтому я немного удивилась, узнав, что он стал членом редколлегии по изданию документов КПСС и советского государства под совместной эгидой Росархива и Гуверовского института.

Среди нас, членов редколлегии, он очень выделялся. Взъерошенные черно-седые волосы, пророческая борода и глаза которые часто улыбались даже тогда, когда слова его были очень серьезными. И как только заседания редколлегии стали обсуждать предлагаемые для издания документы, сразу стало ясно, что он — один из самых ценных и знающих членов проекта.

Когда появилась первая возможность организовать заседание в Кембридже, я попросила Николая Николаевича остаться на день или два после заседания, чтобы прочитать две лекции моим студентам и поужинать в моем колледже.

Для лекций я попросила Николая Николаевича прислать что-нибудь, чтобы студенты (и несколько моих коллег) могли подготовиться к лекции на русском о старообрядчестве — не самое простое задание для английских студентов. Первый текст, который я получила, был для них слишком сложным, что я и сказала Николаю Николаевичу, боясь, что он откажется заменить его. Но он сразу понял, что сделать, и дал мне текст, который потом вошел в его статью «Старообрядческий рассказ о сталинских репрессиях». Я с огромным удовольствием перевела часть источника, и Николай Николаевич удивительно увлекательно рассказал нашим студентам о значении этого текста в контексте старообрядчества и сталинского времени. Наши лекции обычно продолжаются пятьдесят минут, но в первый вечер мы не успели на ужин, столько было вопросов. Вот что значит хорошая лекция!..

После второй лекции я пригласила его на обед в моем колледже. Коротко колледж называется Jesus College, т.е. колледж Иисуса. Но Николаю Николаевичу очень понравилось полное имя заведения, данное при основании в 1486-м году: The College of the Blessed Virgin Mary, Saint John the Evangelist and the glorious Virgin Saint Radegund, near Cambridge, или Колледж блаженной Девы Марии, святого Иоанна и преславной Девы Святой Радегунды, что находится недалеко от Кембриджа.

Обеды начинаются в 19:30, все в мантиях, кроме моего гостя, который отказался от предложенной мантии. Обеды обычно достаточно изысканные, с изысканной едой и вином. Все было очень хорошо, оказалось, что не пришлось переводить. Но все, особенно батлер, удивились, когда Николай Николаевич попросил хлеба к первому, второму и третьему блюду. И тут я впервые узнала о том, что он сидел в юности в лагере, откуда и привычка — хлеб к любому блюду. Тут я начала понимать, почему он так отличался от многих моих коллег, хотя, конечно, это был не первый и не последний лагерник, с которым я познакомилась.

Но в тот вечер Николай Николаевич отказался дальше говорить о своей жизни, и мы вернулись к старообрядцам.

После этого я имела еще возможность неоднократно встречаться с Николаем Николаевичем на заседаниях редакционного совета Гуверовского проекта. Я видела, что это человек, преданный своей науке и научной традиции. Мне казалось, что он как бы живет в коконе науки, во многом зависит от своих друзей и учеников, которые были ближе к миру сему, хотя это не означало, что он не интересовался современными событиями.

Последнее время я видела его мало, но продолжала следить за его работами и удивляться широте его научных и журналистских интересов, и особенно ценю совместное с Гэйл Ленгофф издание Степенной книги. И жалею, что не смогла спросить, как он, так уважавший старообрядчество и так сочувствовавший церкви гонимой, относится к церкви нынешней. И теперь уже поздно.

Р.Г. Пихоя

Николай Николаевич Покровский, как я его помню

Сначала уточнение: я сдал в «Археографический ежегодник» ученую, как мне кажется, небольшую статью о Николае Николаевиче Покровском. Поэтому позволю себе здесь вспомнить о Николае Николаевиче и не обременять себя ссылками.

Едва ли не впервые о Николае Николаевиче я услышал от Ольги Петровны Лихачевой в начале 1970-х гг., в рукописном отделе БАН, когда она рассказывала удивительные вещи о сибирских историках, которые отыскивают в глухой тайге древние книги. Удивительные — и потому, где разыскивали книги, и потому, что, по словам Ольги Петровны, этим историкам всячески помогало их начальство — деньгами, моторными лодками, и еще потому, что главный — Николай Николаевич Покровский — был человеком, судимым по антисоветской статье. Для себя я вынес из рассказа одно — это тот самый историк, который нашел Судный список Максима Грека...

Второй раз о Николае Николаевиче я услышал от Ирины Васильевны Поздеевой, в 1974 году, когда нам, только начинавшим знакомиться с полевой археографией, она рассказывала об исследовании Покровского по истории уральского старообрядчества. Сведения, которыми располагала Ирина Васильевна об авторе этой книги были и детальными, и точными. Кстати, и она, и сотрудница ее экспедиции Наташа Кобяк были в Ленинграде на непростой защите докторской диссертации Н.Н. Покровского.

Тут же была знаменитая книга Н.Н. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев». Герои этой книги — старцы Максим, Герман, Павел, Ефрем — были не только на книжных страницах, но и в памяти Невьянских и Тагильских староверов, а место их прежнего жительства — Веселые горы — и по сей день объект паломничества. Читая эту книгу, написанную непривычно для ученой монографии интересно, нельзя было не заметить известного озорства автора. Он явно бравировал своим лагерным опытом при описании злоключений своих героев. Чего только стоит употребление слова «пайка» при описании быта заключенных XVIII в.

Отношения уральских и московских археографов складывались непросто. Наше требование — оставлять книги, обнаруженные на Урале, в нашем университете — не было приемлемо для москвичей. Поэтому следующие экспедиции, 1975 и 1976 гг., мы готовили в об-

становке конфликта не только с археографами МГУ (а заведывал кафедрой источниковедения, при которой числилась экспедиция И.В. Поздеевой, И.Д. Ковальченко, заместитель академика — секретаря Отделения истории АН СССР), но и, отчасти, с Археографической комиссией. Складывалась едва ли не блокада вокруг уральской экспедиции. Тогда нам очень помогли с обучением участников экспедиции А.И. Рогов, А.Х. Горфункель, Ю.К. Бегунов.

Очная встреча с Николаем Николаевичем произошла на I Всесоюзной конференции по проблемам полевой археографии. Уральские археографы представили на ней ряд докладов. Кроме меня, в конференции участвовали Н.П. Парфентьев, В.И. Байдин, Е.П. Пирогова, Н.А. Мудрова. К этому времени в фондах археографической лаборатории уже было более пятисот книг и рукописей. Николай Николаевич, явно заинтересовавшись нашими работами, предложил взять на работу в Свердловск двух своих выпускников, которых он не смог оставить у себя, — Анатолия Тимофеевича Шашкова и Льва Кабденовича Куандыкова. Я согласился, но в обмен предложил уступить уральской экспедиции Курганскую и Тюменскую области, которые числились за Сибирским отделением Археографической комиссии. Договорились и о том, что будем рады принять его у нас, в Свердловске, с лекциями.

Ректорат УрГУ согласился зачислить А.Т. Шашкова и Л.К. Куандыкова на работу в археографическую лабораторию. Толик Шашков поступил, стал человеком необходимым и любимым и в лаборатории, и на кафедре, и на истфаке. Лева Куандыков отказался. Уехал в Ленинград. Это был его выбор. На филологическом факультете УрГУ начала работать Лариса Степановна Соболева — выпускница гуманитарного факультета Новосибирского университета, участница археографических экспедиций, которыми руководили Н.Н. Покровский и Е.И. Дергачева-Скоп. Она также стала сотрудничать с лабораторией. И А. Шашков, и Л. Соболева привнесли в лабораторию ряд сильных сторон новосибирской школы: А. Шашков — исследования по истории XVII в., Л. Соболева — филологическую составляющую при анализе рукописей.

Летом 1977 г. в Курганской области экспедиционный отряд под руководством О.А. Мельчаковой встретил в поле Николая Николаевича вместе с его супругой Зоей Васильевной. По всей вероятности, Николай Николаевич не ожидал, что там окажется полтора десятка человек из Уральской археографической экспедиции. Стороны разошлись мирно, вспоминая «Золотого теленка» и раздел территорий наследников лейтенанта Шмидта.

Шутки шутками, но между нашим университетом и Институтом истории, филологии и философии СО АН, а если точнее — то между лабораторией археографических исследований и сектором Николая Николаевича сложились тесные научные и человеческие отношения. Он часто, едва ли не каждый год, приезжал читать лекции перед студентами истфака УрГУ. Он руководил диссертациями В.И. Байдина, А.Т. Шашкова, А.Г. Мосина.

С 1977 г. я решил писать большую работу об общественной мысли горнозаводского населения Урала. В том же году по работе я оказался в Новосибирске и по приглашению Николая Николаевича впервые был у него дома. Я поделился своими планами. Николая Николаевича заинтересовало то, что в центре моего внимания оказывается завод и его влияние на условия бытования и старообрядчества, и официального православия в горнозаводской среде.

С этого времени мы встречались часто, и в Новосибирске, и в Свердловске, и в Москве. Я вспоминаю некоторые важные для меня разговоры. Диссертация с неизбежностью подводила к вопросу, который считался важнейшим и практически неистребимым в тогдашней советской историографии — к соотношению капиталистических и феодальных начал в промышленности Урала (и России вообще) в XVIII в. Историография громадна. Историки делились на два направления, сторонников раннего и позднего капитализма, которые спорили с яростью героев Свифта о том, с какого конца следует разбивать яйцо. Не буду перечислять фамилии. Отмечу только, что сторонники раннего капитализма были связаны в основном с Институтом российской истории, позднего — с истфаком МГУ. Мои штудии не укладывались в эти схемы. Да, социальные условия труда были, скорее, феодальными, но предпринимательское начало, способность к самоорганизации в противостоянии официальной власти и церкви, свойственные горнозаводскому населению, не укладывались в феодальные рамки. Да и старообрядчество Урала было заводским, а не крестьянским. Именно вокруг заводов сложились основные центры беглопоповства, часовенного согласия. Именно заводчики, заинтересованные в сохранении квалифицированной рабочей силы, поддерживали «раскольников». Отсюда возникал крамольный вопрос — а можно ли уложить историю страны в прокрустово ложе «формационной теории». Николай Николаевич вполне разделял мнение о том, что спор об уровне развития капитализма был историографическим тупиком.

Защита моей диссертации прошла в Новосибирске в декабре 1987 г., она шла буквально в те часы и минуты, когда в Академии наук обсуждалась и голосовалась кандидатура Николая Николаеви-

ча на звание члена-корреспондента АН. После защиты мы собрались в гостиничном номере в «Золотой долине» — Николай Николаевич, Зоя Васильевна, Елена Константиновна Ромодановская, моя жена Людмила Григорьевна и отметили эти два события.

В 1990 г. в Свердловске состоялась международная конференция по проблемам археографии, активным участником которой стал Н.Н. Покровский.

После моего переезда в Москву на должность руководителя государственной архивной службы наши встречи продолжились. Мне удалось получить в архиве Политбюро документы по событиям 1957 г. Николай Николаевич был изумлен, что их дело рассматривалось на уровне Президиума ЦК и все приговоры фактически были утверждены еще до суда. «А мы думали, что хорошие адвокаты помогут», — то ли сокрушался, то ли рассуждал он.

Николай Николаевич активно включился в работу воссозданного «Исторического архива». Его жизненный опыт и известный источниковедческий скептицизм были весьма полезны. Помню, как готовилась публикация о событиях в Тбилиси в апреле 1989 г. Публикаторы действовали вполне в духе оценок I Съезда народных депутатов СССР. Николай Николаевич откорректировал иначе: корни этих беспорядков надо искать не в Москве, а в Тбилиси, где грузинские радикалы были заинтересованы в беспорядках и втягивании в них советских войск.

Продолжились наши разговоры о «деле историков» 1930 г. Еще в Академгородке Покровский сокрушался, что чрезвычайно мало знал о нем. И тут же рассказал о своей встрече с Михаилом Николаевичем Тихомировым — уже после того, как вышел из лагеря. Николай Николаевич рассказывал, что он, неизвестно по какому поводу, высказал какую-то критику в адрес США. И это немедленно вызвало язвительное замечание скорого на язык М.Н. Тихомирова, иначе, чем советская пропаганда, представлявшего роль США для мира.

Николая Николаевича чрезвычайно интересовали процессы взаимоотношений большевистской власти и Православной Церкви. Вместе с С.Г. Петровым он подготовил сборник документов и исследование по этой теме. Здесь же следует указать, что для этой публикации он разработал методику публикации документов XX в., учитывающую опыт издания документов эпохи феодализма.

С 1992 года Н.Н. Покровский входил в редколлегию Гуверовского проекта, сутью которого был обмен копиями и микрофильмирование, которое должно было обеспечить доступ исследователей к важнейшим фондам Гуверовского института войны, революции и мира и федеральных архивов России. Микрофильмы поступали в Библио-

теку Конгресса США, Российскую государственную библиотеку и Новосибирский областной архив. По моим данным, этот ценнейший комплекс практически неизвестен новосибирским историкам. А жаль. Это не только вклад Н.Н. Покровского в создание источниковой базы по истории XX в., но и немалая материальная ценность....

Подводя итог, скажу: Николай Николаевич — талантливый, умный историк, прекрасный научный руководитель. Светлая ему память...

А.Г. Мосин

«Минувшее меня объемлет живо...»

Тридцать пять лет знакомства и общения с Николаем Николаевичем Покровским помогли мне сформулировать для себя, что значит быть учителем. Учитель для меня — человек, повлиявший на формирование моего мировидения, отношения к науке и образованию, оказавший влияние на становление и развитие профессиональных качеств исследователя. Николай Николаевич был одним из моих учителей.

Наша первая встреча произошла в поле, в самом прямом смысле этого слова: в июле 1977 г. пути наши пересеклись в Шатровском районе Курганской области, между деревнями Ильино и Дружинино. В тот день Николай Николаевич и его супруга Зоя Васильевна были гостями нашего большого археографического отряда, базировавшегося в селе Шатрово. Вечером во время дружеского застолья Покровский устроил мне, тогда студенту-третьекурснику, небольшой «экзамен», проверив, запомнил ли я, как зовут сестру дружининской наставницы О.П. Вагановой — старушку звали Еликонида, но в быту ее имя приняло форму Великомида.

Весной следующего года Покровский приехал в Свердловск. С утра он занимался в читальном зале областного архива, а во второй половине дня читал на истфаке Уральского государственного университета спецкурс по ранней истории церковного раскола. По согласованию с деканатом все студенты, начиная с третьего курса, посещавшие этот замечательный спецкурс, получили автоматический зачет. Так в моей зачетной книжке появился автограф Николая Николаевича, первый и очень для меня дорогой.

В апреле 1980 г. я впервые участвовал в научной конференции молодых ученых в Новосибирском Академгородке. Секцией археографии и источниковедения руководил Н.Н. Покровский. Это было первое мое выступление на столь представительном форуме. Каждый доклад своих молодых коллег Николай Николаевич сопровождал заинтересованным, доброжелательным и одновременно взыскательным разбором. Это был своего рода источниковедческий мастер-класс, который очень помог мне при подготовке дипломной работы.

Осенью 1983 г. отдел истории Института экономики УНЦ АН СССР, в котором я тогда работал, направил меня в Новосибирск за рецензией Покровского на рукопись подготовленной к изданию «Истории Урала с древнейших времен до 1861 г.». Я провел незабываемый вечер в гостях у Николая Николаевича и Зои Васильевны, а в Свердловск привез не только официальный отзыв Покровского, но и

машинописный текст книги с его постраничными замечаниями. Мы вместе прошли по всем замечаниям, и это, а также хорошее знание почерка Николая Николаевича помогло мне адекватно представить его позицию по всем спорным вопросам.

В 1986 г. Покровский был утвержден первым оппонентом на защите моей кандидатской диссертации. Это была первая археографическая защита в диссертационном совете Уральского госуниверситета, недавно открытого и состоявшего в основном из историков КПСС и специалистов по истории советского периода. До этого мои коллеги-археографы (Н.П. Парфентьев, А.Т. Шашков, В.И. Байдин) защищались в новосибирском совете, для которого история старообрядчества, проблемы изучения древнерусской и старообрядческой книжности давно стали привычными. Обстоятельный отзыв Николая Николаевича в немалой степени способствовал единогласному голосованию «непростого» для нас совета по моей диссертации, и в дальнейшем археографические защиты в нем стали вполне рутинным делом. Спустя пятнадцать лет Покровский подготовил отзыв ведущей организации на мою докторскую диссертацию.

Приезжая в Академгородок в качестве официального оппонента на защиты диссертаций учеников Николая Николаевича и других сибирских коллег, я имел возможность наблюдать его в качестве научного руководителя, предельно требовательного и в то же время заботливого и доброжелательного, и в роли ведущего заседания диссертационного совета. Благодаря этому каждый приезд в Новосибирск становился для меня очередной ступенью профессионального роста и одновременно открывал какие-то новые грани личности создателя и руководителя сибирской школы археографии и источниковедения.

Из всех научных симпозиумов, на которых я встречался с Николаем Николаевичем, мне особенно памятны два. В мае 1990 г. в Свердловске, незадолго до этого открытом для посещения иностранцами, прошел международный семинар по проблемам изучения и издания памятников славяно-русской письменности позднего средневековья. Семинар проходил на базе вузовско-академической лаборатории археографических исследований, которой я тогда заведовал. Прослушав мой доклад, посвященный следственному делу о пропаже книг и рукописей из дома вятского крестьянина-старообрядца Андрея Копанева, Покровский сказал, что его почти детективный сюжет вполне в духе Мельникова-Печерского, но затем уточнил: «Нет, чисто лесковский сюжет». С этого начался мой интерес к творчеству Н.С. Лескова, ставшего одним из любимых моих писателей.

В сентябре 1990 г. в Академгородке работал III Международный симпозиум, посвященный традициям духовной и материальной культуры русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. На этом форуме Николай Николаевич выступал в качестве председателя оргкомитета, а по сути был радушным хозяином, принимавшим более полусотни ученых из десяти стран. Во многом его заслугой была царившая на этом симпозиуме атмосфера праздника, удачно сочетавшая интеллектуальное напряжение научных дискуссий и роскошь человеческого общения.

Николай Николаевич был ровесником моего отца, рано ушедшего из жизни, и в его отношении ко мне всегда чувствовались отеческие интонации. А для меня он всегда был олицетворением Академгородка, цельной личностью, ученым, установившим для себя высокую планку профессиональной требовательности и помогавшим своим младшим коллегам соответствовать высокому призванию ученого.

Н.А. Мудрова

«С волнением, трепетом и благоговением...»: Незабываемые встречи с Н.Н. Покровским

Впервые я увидела Николая Николаевича Покровского во время первой Всесоюзной конференции по полевой археографии в Москве, слушала его доклад — заместителя председателя Археографической комиссии АН СССР. Это был 1976 год, мы, тогда совсем еще молодые, начинающие археографы из Свердловска, довольно большой командой (Р.Г. Пихоя, В.И. Байдин, Н.П. Парфентьев, О.А. Мельчакова, Е.П. Пирогова, Н.В. Миронова и я) представляли уральскую археографию. С нами был и Борис Алексеевич Сутырин — проректор по учебной работе УрГУ, заведующий кафедрой истории СССР, председатель Свердловского отделения Археографической комиссии. Помню, было очень волнующе и приятно увидеть старших коллег-археографов Москвы, Ленинграда и Новосибирска, которые уже давно работали в экспедициях, публиковали статьи, монографии, описания рукописных и старопечатных книг.

Потом была еще романтическая встреча в экспедиции 1977 года в Шатровском районе Курганской области. Об этой встрече уже писал А.Г. Мосин. Он и начальница маленькой археографической группы Нина Миронова встретились с Н.Н. Покровским и его женой Зоей Васильевной в деревне Ильино и затем пригласили их к нам в общежитие села Шатрово, где мы тогда обитали и выполняли радиальные маршруты по деревням района в поисках встреч со старообрядцами и, конечно, книг. Помню, как почти все представители нашего шатровского отряда уже вернулись со своих маршрутов, отдыхали, ждали только Нину Миронову и Алексея Мосина. Вдруг появляется Алексей Мосин и говорит: «К нам идут Николай Николаевич Покровский и его жена Зоя Васильевна!» Не скажу, что это была сцена из «Ревизора», но было что-то похожее на то. Удивления и волнения было предостаточно. Наконец появились наши гости в сопровождении Нины Мироновой. Состоялся замечательный вечер общения со знаменитым историком. Как впоследствии написал Алексей Мосин, «вечер, проведенный молодыми уральскими археографами в общении с Николаем Николаевичем и его супругой, был настоящим пиршеством истории, источниковедения и полевой археографии».

Спустя несколько месяцев Николай Николаевич приехал в Свердловск, чтобы поработать в областном архиве. Конечно, руководитель уральской археографической экспедиции, заведуюший Лабораторией археографических исследований, доцент кафедры истории СССР

Рудольф Германович Пихоя не преминул воспользоваться приездом известного историка, археографа, и мы слушали прекрасные лекции Н.Н. Покровского по истории старообрядчества. Всех тогда поразили его эрудиция, замечательное мастерство лектора, обаяние и талант рассказчика.

Вспоминая Николая Николаевича, помню чувства своей робости, трепета, огромного уважения, даже благоговения. Эти чувства присутствовали во мне всегда, с самого начала нашего общения с ним — руководителем моей кандидатской диссертации о библиотеке Строгановых — и до встречи летом 2012 года в секторе археографии Института истории СО РАН. С момента моего участия в конференциях молодых ученых, которые проводились новосибирскими археографами ежегодно, и поступления в аспирантуру ГПНТБ СО РАН в 1982 г., я почти каждый год приезжала в Новосибирск и общалась с Николаем Николаевичем в связи с подготовкой диссертации. Уже на первой консультации он помог сформулировать тему диссертации, сразу указал, какие архивные фонды нужно смотреть в Москве и Ленинграде. В дальнейшем я из Екатеринбурга (тогда Свердловска) созванивалась с Николаем Николаевичем, он назначал встречу у себя дома, и в назначенный срок я шла к нему, с волнением, трепетом и благоговением. Николай Николаевич быстро просматривал мои тексты, сразу делал ценные замечания. В замечаниях, я думаю, он был точен и искренен. Помню, читая один абзац моей диссертации, он сказал: «Это — ляпа». И еще вспоминаю обсуждение окончательного варианта диссертации на заседании сектора археографии Института истории. Николай Николаевич выступил и отметил (в точности слова не помню, но приблизительно так): «Я даже не ожидал, что по теме “Библиотека Строгановых” может быть собран такой богатый материал и проведено такое исследование».

В 2012 г., когда я решила сделать очередную попытку подготовить монографию о библиотеках Строгановых, долго мучилась, спросить или не спросить совета у Николая Николаевича, — и все же позвонила ему. На мой вопрос о том, стоит ли издавать книгу, ведь прошло столько времени и материал мог устареть, он ответил: «Конечно, нужно издавать Вашу замечательную работу». Сказал, что если позволит здоровье (тогда у него были уже серьезные проблемы), он сможет быть редактором. Редактором он, к сожалению, стать не смог, но попросил об этом Людмилу Ивановну Журову. За что я очень ему благодарна, и Людмиле Ивановне, конечно! И очень признательна всем коллегам сектора археографии за их поддержку, ценные советы, доброту, вообще за атмосферу необыкновенного археографического братства. Думаю, что эти качества присутствуют здесь до сих пор во

многом благодаря Николаю Николаевичу Покровскому, воспитавшему достойных учеников.

Меня поражали в нем огромная сила воли и необыкновенная работоспособность. Убеждать в этом никого не приходится: столько им сделано научных открытий, столько научных трудов, монографий им написано и опубликовано! Но вот еще один факт. Вспоминается мой приезд в очень тяжелый для Н.Н. Покровского период. В это время заболела его жена Зоя Васильевна и находилась в больнице, все говорили о ее безнадежном положении. Мне как-то не удалось заранее созвониться из Екатеринбурга с Николаем Николаевичем. Но я приехала в Новосибирск. Коллеги из сектора попеняли мне, что я не совсем вовремя приехала, Зоя Васильевна в очень тяжелом состоянии, сам Покровский тоже болен, находится дома, у него высокая температура. Но, несмотря на это, он все же принял меня, взял один из последних вариантов моей диссертации, внимательно прочитал, сделал замечания.

А в один прекрасный момент Николай Николаевич поразил меня перевоплощением из Светила, маститого историка, величайшего ученого — в обычного человека. Мы выходили с ним после очередной конференции из Института истории, по дороге обсуждали некоторые научные проблемы истории книжной культуры, и вдруг Николай Николаевич улыбнулся и спросил: «А как поживает Ваша маленькая дочка?»

Я открываю сборники, посвященные юбилеям академика Н.Н. Покровского, — на титульных листах запечатлены автографы Николая Николаевича. Вспоминается, с каким удовольствием он делал дарственные надписи авторам сборников. Особенно мне дороги автографы, написанные на экземплярах двух изданий его книги «Путешествие за редкими книгами». Приведу надпись на титульном листе первого издания 1984 г.: «Дорогой Наташе Мудровой на память о хорошем дне 18 апреля и удачном докладе в Новосибирске от Н. Покровского». Нынче, в год 90-летия со дня его рождения, мне хочется сказать: «Спасибо, дорогой Николай Николаевич, за Ваши книги, за Вашу высочайшего уровня научную школу и общение с Вами!»

И.А. Шипилов

Как я познакомился с Николаем Николаевичем Покровским и каким его помню

Зимой 2007 г. я вечерами, после уроков, которые вел в рамках педагогической практики, просматривал научную литературу для своей дипломной работы, посвященной реформам Петра I. В один из таких вечеров я, вновь работая с историографией, кажется, в монографии Е.В. Анисимова (это имя упомянуто не случайно) «Дыба и кнут», наткнулся на неоднократные апелляции к мнению историка Н.Н. Покровского и многочисленные ссылки на его работы, среди которых чаще всего упоминалась книга «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.». Как человек увлекающийся, я сразу же погрузился в интернет, чтобы получить сведения о биографии Николая Николаевича и его научных интересах. На следующий же день, отведя несколько занятий в школе «София», я поспешил в ГПНТБ СО РАН, чтобы почитать монографию специалиста по истории России и Сибири, археографии и источниковедению академика РАН Н.Н. Покровского. Ознакомившись с этой фундаментальной работой, я понял, что она написана серьезным ученым, настоящим профессионалом, прекрасно владеющим материалом и инструментарием исторической науки, что позволило ему глубоко и всесторонне исследовать научную проблему. Это было мое первое знакомство с научными трудами, а через них — и с исследовательским талантом Николая Николаевича. Тогда я не мог себе представить, что уже осенью 2007 г. я буду работать в возглавляемом академиком Н.Н. Покровским секторе археографии и источниковедения Института истории СО РАН. Это была мечта, которая в результате крутого поворота в моей судьбе, чему я несказанно благодарен, сбылась.

В октябре 2007 г. я, будучи аспирантом доктора исторических наук А.Х. Элерта, приступил к исполнению обязанностей лаборанта в секторе археографии и источниковедения. На тот момент я познакомился со всеми сотрудниками этого научного подразделения Института истории, но еще не имел личной встречи с его заведующим академиком Н.Н. Покровским, которой очень ждал и немного побаивался. Наконец, в середине октября наше знакомство состоялось. Николай Николаевич вышел из отпуска, который, как я узнал, он провел в родном Ростове. Он выглядел отдохнувшим и был в хорошем настроении. Александр Христианович пригласил меня пройти

вместе с ним в кабинет к академику, чтобы лично представить меня ему. Я, робея и меняя «окрас» с белого на красный и наоборот, пошел вслед за своим научным руководителем. Во время небольшой беседы с Н.Н. Покровским, которая состоялась после нашего знакомства, я ощутил благожелательный настрой Николая Николаевича и заинтересованность в новом сотруднике его сектора, что он на меня рассчитывает. Я был очень воодушевлен, получил заряд позитивной энергии на занятие научной деятельностью и работу во благо сектора академика Н.Н. Покровского.

Как во время нашего первого разговора, так и при последующем общении с Николаем Николаевичем я никогда не чувствовал и малейшего намека на высокомерие с его стороны. Он всегда был вежлив, тактичен, не приказывал, а интеллигентно обращался с просьбами, начиная их следующими словами: «Илья Александрович! Не могли бы Вы...»

В научном гении Николая Николаевича, первые представления о котором я получил, читая его монографию, я в полной мере убедился, работая вместе с ним в секторе. Меня поражали всесторонняя эрудированность и высочайшая научная квалификация Н.Н. Покровского, которые он проявлял во время обсуждения на заседаниях сектора диссертаций по самым разным проблемам и периодам российской истории, делая аргументированные замечания, давая ценные советы и рекомендации.

О широком круге научных интересов Н.Н. Покровского, которые не ограничивались узкими хронологическими или тематическими рамками, и его масштабном вкладе в российскую историческую науку я узнал, когда участвовал в подготовке выпуска из серии «Материалы к биобиблиографии ученых» Российской Академии наук, посвященного Николаю Николаевичу. Для меня большая честь быть одним из составителей этого издания.

Во время своих первых научных командировок я убедился в общероссийской известности Николая Николаевича. Многие сотрудники архивов и библиотек Москвы и Санкт-Петербурга, узнав, что я из новосибирского Института истории и сектора, возглавляемого академиком Н.Н. Покровским, говорили, что им, конечно же, известно имя ученого, а некоторые, демонстрируя свое уважение к нему, уделяли особое внимание и мне и оказывали содействие в первых опытах научного поиска.

Для меня особенно памятна встреча в архиве Института истории Санкт-Петербурга с Е.В. Анисимовым. На его научные труды, посвященные Петровской эпохе и истории России в XVIII в., я ориентировался при написании дипломной работы. Кроме того, я был

постоянным зрителем его исторических телепередач, транслировавшихся на канале «Культура». Я представился Евгению Викторовичу, поблагодарив его за научную и просветительскую деятельность, которая оказала влияние на выбор моей профессии. Он с интересом отнесся к проблематике моего исследования и сделал несколько рекомендаций общего характера. Узнав, что я работаю в научном подразделении ИИ СО РАН, которым руководит академик Н.Н. Покровский, Е.В. Анисимов сказал, что хорошо знает историка Покровского (конечно, ведь Николай Николаевич — автор нескольких рецензий на его работы), а затем предложил мне перевестись к нему в Европейский университет. Это предложение было неожиданным и очень лестным для меня, но я, нисколько не сомневаясь, ответил отказом. Тогда я на личном примере ощутил, насколько был силен научный авторитет Николая Николаевича.

В моей памяти Николай Николаевич Покровский навсегда останется выдающимся ученым-историком, профессионалом высочайшего класса, организатором науки и очень порядочным, интеллигентным, честным и справедливым человеком.

Е.В. Комлева

«Как, он тоже что-то ест?»

Николая Николаевича Покровского я впервые увидела в сентябре 1993 г., когда начала учиться на первом курсе гуманитарного факультета Новосибирского университета. Он читал курс лекций по истории России с древнейших времен до начала XVII в. Кроме того, я посещала его элективный курс по истории Русской Православной Церкви, на который битком набивалась 204 аудитория, а среди слушателей были не только студенты-историки разных годов обучения, но и учащиеся других факультетов. Кстати, один математик усердно ходил с нашим курсом на все лекции Николая Николаевича по русской истории, очевидно, прогуливая свои занятия.

Николай Николаевич сразу же производил глубокое впечатление: казалось, что перед тобой человек другой культуры и другой эпохи — может быть, даже дореволюционной. Его манера держать себя, его внушительная речь, когда каждое слово было взвешенно и выверено — ничего лишнего, — все это с первой же секунды внушало огромное уважение, отчасти граничившее с некоторым страхом, потому что никто из нас, первокурсников, не сталкивался прежде с человеком такого масштаба — он казался нам кем-то совершенно из ряда вон выходящим, и как с ним общаться, мы не очень представляли. Один мой однокурсник, интересовавшийся вопросами религии и историей Церкви, решив специализироваться у Николая Николаевича, не мог решиться подойти к нему для разговора несколько дней — смелости не хватало, а когда наконец их встреча состоялась, то с некоторым удивлением рассказывал нам, что, оказывается, Николай Николаевич в общении прост и очень тактичен.

Запомнился случай, который иллюстрирует наше восприятие Николая Николаевича. Как-то вечером моя соседка по комнате в общежитии вернулась из магазина и не раздеваясь, ошарашенно бухнулась на стул:

— Девчонки, вы представляете, кого я видела в Торговом центре?

— Ну???

— Николая Николаевича Покровского. Он стоял в очереди за колбасой.

— Как, он тоже что-то ест? Ходит по магазинам, стоит в очередях, как простой смертный? — для нас он был скорее каким-то небожителем, но никак не обыкновенным человеком с его насущными потребностями.

Несмотря на кажущуюся строгость, Николай Николаевич очень уважительно общался со студентами, обращаясь к нам непременно

по имени-отчеству, что для вчерашних школьников было несколько непривычно. И хотя большинство других преподавателей также называли нас на «вы», все же это производило далеко не такое ошеломляющее впечатление. Мой однокурсник рассказывал, что, когда на экзамене Николай Николаевич задал ему какой-то вопрос, назвав его полное имя и отчество, он некоторое время озирался вокруг в поисках того, к кому, собственно, обращается экзаменатор, и пришел в себя только тогда, когда последний повторил свои слова.

Хотя экзамен проходил в спокойной и вполне дружелюбной атмосфере, мы, конечно, сильно переживали, волнуясь не только за свои знания, но и за то, что придется один на один разговаривать с таким необычным человеком. Одна моя однокурсница не выдержала нервного напряжения, расплакалась и ей назначили пересдачу. Пересдавать экзамен она ходила к Николаю Николаевичу домой, что, естественно, вызвало у нее еще большее волнение. Однако она справилась с собой и довольно бойко освещала события, связанные с Флорентийской унией, пока не дошла до упоминания понтифика.

— ...и тогда Папа Рижский, — произнесла она, а надо сказать, что так студенты из поколения в поколение называли старейшего педагога гумфака Михаила Иосифовича Рижского.

Николай Николаевич кашлянул:

— Хм, простите, Ольга Викторовна, как вы сказали? Что-то не припомню такого исторического деятеля.

Моя подруга, находясь как в полусне, повторила последнюю фразу:

— ...и тогда Папа Рижский, — на что Николай Николаевич снова кашлянул, и тут она поняла свою оговорку.

Позже мы долго со смехом вспоминали этот случай.

Думается, вряд ли мы были готовы к полноценному восприятию лекций Николая Николаевича. Спустя годы в беседе со мной доктор исторических наук Надежда Владимировна Середа, ученица С.О. Шмидта, сказала, что неправильно заставлять ученых такого масштаба работать с первокусниками, которые не могут в полной мере понять и оценить личность лектора. Уже потом, после окончания университета, я с большим интересом и даже с наслаждением присутствовала во время выступлений Николая Николаевича в Православной гимназии во имя Преподобного Сергия Радонежского, а также на его публичных лекциях в Доме ученых и, как-то раз, в Институте археологии и этнографии. Тогда слова Николая Николаевича, его мнение о тех или иных событиях и исторических деятелях находили полноценный отклик в моем сознании, заставляя не просто запоминать, но задумываться над смыслом происходившего в далеком прошлом. Присутствовавшие на этих встречах старшеклассники

очень восхищались тем, как немолодой уже лектор быстро извлекает из своей памяти многочисленные имена, даты, названия населенных пунктов, рек и речушек. Кстати, на лекциях Николая Николаевича приходило в полной мере понимание того, насколько важно для историка знание географии, которая, увы, не была коньком большинства выпускников поздней советской школы.

Надо сказать, что при чтении лекций Николай Николаевич использовал какие-то записи, пометки, иногда зачитывал цитаты, но преимущественно говорил по памяти. И все же его речь не была полностью импровизацией — он тщательно обдумывал свое выступление, даже отрабатывал какие-то места, а непосредственно перед выступлением уединялся, чтобы сосредоточиться. Уже упоминаемый мной однокурсник, желавший пойти на специализацию к Николаю Николаевичу, во время перерыва его спецкурса по истории Церкви направился за ним по коридору и уже хотел было приблизиться, когда Николай Николаевич неожиданно завернул в пустую аудиторию. Осторожно заглянув туда, изумленный студент увидел Николая Николаевича, стоявшего за кафедрой и с интонацией и жестикуляцией произносившего фрагмент речи — вероятно, продолжения спецкурса. Конечно, мой приятель не захотел, да и не смог в такой ситуации побеспокоить лектора.

Думаю, следует упомянуть еще вот о чем. Во время известных событий октября 1993 г. у нас как раз была первая пара Николая Николаевича. В самом начале он счел своим долгом уведомить нас о том, что направил телеграмму Президенту Ельцину с выражением поддержки. Тогда некоторым из нас это показалось не совсем понятным, однако нужно иметь в виду, что Николай Николаевич, проведя несколько лет в тюрьме во времена Н.С. Хрущева, не хотел возвращения давления тоталитарной идеологии на человека.

Впоследствии я сталкивалась с Николаем Николаевичем во время работы в Институте истории, особенно когда три года выполняла обязанности ученого секретаря. Мне неоднократно приходилось обращаться к нему с различными рабочими вопросами, иногда весьма нелепыми, спускаемыми в Институт бумажками и требованиями, и всегда я встречала полное понимание и готовность помочь.

Конечно, встречу с человеком такого масштаба надо расценивать как большую удачу в жизни, а сама его личность, присущие ему культура, необыкновенная эрудиция, поступки — все это не изгладится из памяти.

Д.В. Долгушин

Мои встречи с Николаем Николаевичем Покровским

Принимаясь за эти воспоминания, я не могу вспомнить, когда впервые услышал о Николае Николаевиче Покровском. Но помню, что к тому моменту, когда я его впервые увидел в 1991 г., придя на лекции по истории древнерусской культуры на гумфаке НГУ, я уже довольно хорошо о нем знал. В студенческой среде о Николае Николаевиче ходили целые легенды (впрочем, вполне соответствующие действительности). Говорили о его фантастической эрудиции, требовательности, о том, что он — самый крупный историк за Уралом. К этому добавлялись рассказы об известных нам тогда, правда, только в общих чертах, эпизодах его биографии — аресте по политическому обвинению, лагерях, работе во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике в то время, когда А.А. Тарковский снимал там «Андрея Рублева», об «археографическом открытии Сибири», о дружбе с Н.Я. Эйдельманом, книгами которого мы зачитывались... Создавалось впечатление личности особого, совершенно выдающегося масштаба — и научного, и человеческого.

Лекции Николая Николаевича подтвердили это впечатление. Поточная аудитория на них была всегда переполнена. Послушать Николая Николаевича собирались не только студенты гумфака, но и многие другие — курс по древнерусской культуре пользовался неизменной популярностью, и чуть ли не половина мест была занята преподавателями НГУ и просто жителями Академгородка. Опаздывать было нельзя — Николай Николаевич не любил опозданий, а кроме того, опоздав, ты уже просто не помещался в аудитории.

На этих лекциях я впервые столкнулся со столь характерной для Николая Николаевича манерой — по ходу изложения основной темы делать экскурсы, рассказывая о том или ином историческом деятеле, ученом, или чаще — об историческом источнике. Подчас эти экскурсы превращались в настоящие археографические детективы — увлекательные повествования о рукописях, с которыми довелось работать Николаю Николаевичу (а таковых — и притом уникальных! — было много), о настоящих интеллектуальных приключениях, которыми сопровождалось их исследование.

Даже когда речь шла о манускриптах, которые ему не довелось держать в руках (например, о рукописях каирской генизы), в словах Николая Николаевича чувствовалась увлеченность источниковедением, «ремеслом историка», и в этом, может быть, состоял главный

профессиональный урок, который он нам давал. Историческое исследование как подлинный научный поиск, источниковедение как его основа, вспомогательные исторические дисциплины как необходимый его инструментарий — такой подход был столь методологически убедителен и, главное, захватывающе интересен, что сам собой превращался в эталон, по которому мы могли впоследствии различать где настоящая наука, а где обветшавшие идеологические подделки под нее.

Зачет по прослушанному курсу мы с Антоном Мартьяновым (моим однокурсником, с которым переводились в НГУ из НГПИ без потери курса) сдавали Николаю Николаевичу у него дома. Запомнились книжные полки до потолка, на одной из которых стояла наружу обложкой книга недавно скончавшегося Н.Я. Эйдельмана «Обреченный отряд», диван, на который нас усадил Николай Николаевич готовиться к ответу. Слухи о его требовательности оказались верны: зачет Николай Николаевич принимал «по-настоящему», строго, но зато после сдачи предложил нам поговорить. Осмелев, мы принялись задавать вопросы. Антон достал старообрядческую икону, которую принес из дома, чтобы узнать мнение Николая Николаевича о ее датировке, я стал спрашивать о старообрядческом селе Дураково, из которого происходили мои предки. Тогда мне показалось это необычным — профессор, академик приглашает вчерашних первокурсников к себе домой и даже находит время поговорить с ними. Но познакомившись ближе с Николаем Николаевичем, я понял, что для него это естественно.

Сколько в последующем было этих бесед уже в Православной гимназии во имя Сергия Радонежского за чашкой чая, после лекций, которые Николай Николаевич читал старшеклассникам и учителям! И каждая была именно беседой — Николай Николаевич умел не только говорить, но и слушать. Не подавляя собеседника своей эрудицией и статусом, он щедро делился опытом — и научным, и житейским. Вспоминается он, сидящий за столом, его улыбка, заинтересованный взгляд, сидящая рядом с ним Наталья Дмитриевна... Вспоминается Николай Николаевич и в храме на Пасху и на Рождество — кажется, пока болезнь не сделала этого невозможным, он не пропустил ни одного года.

Когда-то М. Блок назвал историю «встречей людей в веках», имея в виду, что целью исторического исследования всегда является встреча с людьми прошлого. У Николая Николаевича был вкус именно к такому персонологическому измерению исторической науки, недаром, как писала Н.Д. Зольникова, «он густо насыщал свои работы яркими характерами и судьбами людей». Николай Николаевич умел

слышать голоса прошлого. Но так же чутко он умел различать и голоса современности — тех эпох, через которые ему довелось пройти как участнику событий трагического XX века. И, может быть, главным, что бросалось в глаза при общении с ним, было чувство поразительной причастности к истории, с которым он жил, потому что Николай Николаевич воистину был человеком истории.

Е.Н. Туманик (Смоляр)

Студенческие воспоминания о Николае Николаевиче Покровском

Моя первая встреча с Николаем Николаевичем, как и у большинства студентов-историков нашего курса, состоялась 1 октября 1985 года. В этот день для первокурсников начинался зимний семестр, и на наши головы буквально обрушился целый каскад лекций. Лекция Николая Николаевича была четвертой по счету и начиналась в 16.00. Это был дополнительный курс по истории русской культуры, читавшийся к основному предмету «История СССР», который также преподавался Н.Н. Покровским.

Слегка утомленные первым очень насыщенным днем университетской жизни, но, тем не менее, активно жаждущие новых знаний, мы с интересом ожидали лекции знаменитого профессора и заранее, примерно за 15 минут, начали заполнять оборудованную видеопроектором большую аудиторию на первом этаже перехода НГУ — именно там проходили все занятия по истории культуры. Николай Николаевич вошел в аудиторию быстро и энергично, обвел всех студентов строгими и внимательными глазами, как бы сразу же оценивая, кто на что способен и насколько мы в состоянии воспринимать материал, — с окладистой бородой, одновременно он представлял собой тип не только классического университетского профессора, но и совершенно «древнерусский», как мы сразу же отметили. Мнения разделились: кто-то видел в нем боярина эпохи Алексея Михайловича, кто-то князя удельного периода, мне он почему-то больше напоминал новгородского посадника — решительного, умного, независимого. Лекции Николай Николаевич читал с совершенным погружением в эпоху — он как бы жил в ней, поэтому мы и видели его не «здесь», а «там».

Лекции по истории культуры сопровождались тщательно подобранной слайд-программой. В сочетании с академизмом Николая Николаевича, его глубочайшими знаниями, ораторским талантом и артистизмом они просто выводили нас на новый уровень, не только образовательный, но и культурный. Для меня они стали без преувеличения краеугольным камнем в профессии, прочно заложенным фундаментом академических знаний. Из символичных эмоциональных составляющих того дня мне запомнился один образ, потрясший до глубины души, — Ангел Златые Власы. Николай Николаевич начал тему о русской иконописи, одновременно богато иллюстрируя материал слайдами, обрисовывая основные школы. Он раскрывал

предмет не только информативно, но и умел вызывать у слушателей определенные переживания, благодаря чему материал усваивался не только умом, но и сердцем. Рассказав об этой древнейшей иконе — истории создания, находки, изучения — он сделал «театральную» паузу и показал слайд. Запомнилась звенящая тишина в аудитории — потрясенные, мы в каком-то благоговейном единодушии созерцали золотой лик Архангела Гавриила, выведенный на большой экран.

Николай Николаевич читал нам лекции по истории России (тогда предмет назывался «История СССР») допетровского времени. Его курс был рассчитан на один семестр, далее до конца XVIII века (второй семестр) продолжала читать Н.Д. Зольникова. Формами аттестации были коллоквиум в середине второго семестра и летний экзамен, которого мы начинали опасаться очень-очень заранее. Конечно же, такое ответственное отношение к экзамену было продиктовано не страхом перед преподавателем, как некоторые могут подумать, но совершенно нормальным и естественным стремлением соответствовать в своих знаниях тому высокому академическому уровню, который был задан чтением лекций.

Лекции по истории СССР были два раза в неделю. Как и на лекции по истории культуры, мы собирались на них всегда заблаговременно, я не помню, чтобы кто-то хоть раз опоздал без уважительной причины. Аудитория непременно была заполнена «под завязку», занятия у Николая Николаевича пропускали только в случае серьезной болезни, а часто те, кто жил поблизости в общежитии и мог, даже будучи больным, дойти до университета, приходили целенаправленно только на его лекции.

Лекции Николая Николаевича слушались на одном дыхании. Мы ловили каждое слово, старались записать и даже застенографировать все до мельчайших подробностей. Сложнейший материал, который он доносил до нас, каким-то непостижимым образом логически укладывался в наше сознание. Выходя после лекции, я чувствовала, что... все запомнила, абсолютно все! Потом, снова и снова возвращаясь мыслями к лекции, в течение нескольких часов я мысленно подробно «прокручивала» весь пройденный сегодня материал, а ведь информация была наитруднейшая для усвоения — перипетии феодальной раздробленности, образование Московского государства, Смутное время и т.д. и т.п., множество имен, дат, событий. Честно говоря, не могу припомнить больше ни одного преподавателя, кто бы так доходчиво мог передавать знания студентам, — это был Божий дар!

Кстати, именно хронологии Николай Николаевич придавал особое внимание. Наш коллоквиум, который мы сдавали в марте 1986 года, состоял из двух частей. Первая — теоретическая, вторая — хроноло-

гическая. Теоретическая была сдана мной на «ура», а вот со знанием дат вышла небольшая путаница... Николай Николаевич сказал, что не хочет портить мне оценку, велел выучить все «от зубов» («чтобы Вы могли среди ночи назвать, например, дату Кючук-Кайнарджийского мира») и велел прийти через две недели. По совету мамы я сделала карточки, на одной стороне написала все даты, на другой — соответствующие события. Получилась увесистая пачка. Две недели я с ней не расставалась, в том числе и в автобусе по дороге в университет, притягивая недоуменные взгляды людей своим загадочным пасьянсом. Даты были сданы на «отлично». Мне велели подойти прямо в сектор археографии и источниковедения на Морском проспекте, 2. Помню, что страшно волновалась в такой ответственной обстановке, меня еще посадили готовиться прямо в помещении хранения книг и рукописей — такое количество древностей так близко я видела впервые. И конечно же, в тот момент не могла даже в самых смелых мыслях представить, что через несколько лет приду сюда работать!

Отдельная тема — это экзамен у Николая Николаевича. Как я написала выше, с ним у нас было связано множество волнений и переживаний, это, пожалуй, был самый ответственный экзамен летней сессии. Мы его сдавали 10 июня 1986 года. Итак, 9 июня, теплый и ясный летний вечер, все лекции повторены и продуманы, все даты выучены, конспекты и учебники прочитаны, монографии к экзамену давным-давно проштудированы в ГПНТБ, но... все равно совесть где-то не на месте... Утром заходим с подружкой на экзамен держась за руки и почему-то хором тихо лепечем, не договариваясь: «А когда можно пересдать?» Пауза... Экзамен принимают Николай Николаевич с Натальей Дмитриевной. Первой «взрывается» Наталья Дмитриевна: «Бессовестные, это надо же... Ну-ка быстро берите билеты, ведь хорошие же студентки, как не стыдно!!!» Берем билеты, начинаем готовиться. Николай Николаевич встает за моей спиной и смотрит, что я записываю на свой лист для ответа. А у меня замечательный вопрос по культуре Древней Руси! От радости я не только пишу, но и рисую, когда не хватает слов, волнение уходит, я вспоминаю лекции во всех подробностях и чувствую прочное знание. Сажусь отвечать, Николай Николаевич слушает очень внимательно, не перебивает и не задает вопросов. Вот, надо бы уже остановиться, но я от Киевской Руси почему-то плавно перехожу уже сверх своего конспекта к искусству и архитектуре Владимиро-Суздальского княжества, еще очень хочется рассказать про Новгород и Чернигов... Николай Николаевич деликатно останавливает и обращается к Наталье Дмитриевне (ей я ответила раньше): «Как там у Вас эта трусиха? Очень хорошо?» И, обращаясь ко мне: «Вот видите, Вы все знаете, зачем так волноваться?

Зачем быть такой неуверенной в себе? Это очень мешает в жизни, надо избавляться от этого. Вам хороший урок на будущее!» С этого экзамена я вынесла не только студенческую радость от успешно сданного предмета, но и что-то более важное — это был действительно отличный урок, прекрасный воспитательный момент не только в становлении личности ученого, но и человека.

А.А. Бродников

Вспоминая Учителя: Николай Николаевич Покровский глазами студента

Николай Николаевич Покровский для студентов-историков гуманитарного факультета НГУ — Авторитет, Глыба, Громада. А для некоторых из них — Учитель.

Для первокурсников, прибывших из-за пределов Академгородка, знакомство с профессором Покровским начиналось на первой лекции по истории СССР. После звонка в аудиторию 230 лабораторного корпуса НГУ, где мы, историки 1-го курса, ожидали лектора, вошел человек с осанистой седой бородой и представился: «Меня зовут Николай Николаевич Покровский. Я буду читать вам лекции по отечественной истории». Вскоре выяснилось, что Николай Николаевич будет читать лекции не только по истории СССР, но и по истории отечественной культуры, причем лекции открытые, на которые в поточной аудитории собиралось, наверное, втрое-вчетверо больше слушателей, чем было студентов на нашем курсе.

Лекции Николая Николаевича запоминались манерой изложения им материала. Держа в руках небольшие карточки с какими-то записями, он размеренно прохаживался у доски, делая периодически по нескольку шагов то в один, то в другой проход между рядами аудиторных столов. Именно такой способ изложения материала представлялся нам как академический. Немаловажным для нас было и то, что Николай Николаевич, излагая взгляды историков по разным проблемам, всегда добавлял и свою точку зрения, начиная словами «Я считаю...»

В конце первого семестра нам предстояло сдавать Николаю Николаевичу коллоквиум по литературе и датам. Еще в начале своего курса он нам объявил, что, по его мнению, историк должен знать не менее тысячи дат, чем поверг всех в панику. Когда к этому количеству дат добавился еще список литературы в несколько десятков работ, наше уныние усилилось. Однако вскоре оказалось, что большинство дат нам уже известны и запомнить остальные не представляло особого труда. А вот с изучением литературы пришлось постараться. Однако во время коллоквиума Николай Николаевич совершенно не пытался кого-либо «валить» и вел себя совершенно доброжелательно, помогая «спотыкавшимся» наводящими вопросами.

Запомнилось, как заселенный к нам в комнату во время студенческой конференции пятикурсник-литературовед из Ленинградского

университета (он участвовал в работе секции древнерусской литературы) весь вечер с восхищением рассказывал о своем общении с Николаем Николаевичем; они обсуждали какое-то старообрядческое сочинение, которое профессор Покровский видел в Хабаровске, но потом оно оказалось каким-то образом в Ленинграде. Его поразила глубина знаний Николая Николаевича, и он периодически восклицал: «Такой дядечка! Такой дядечка!»

Когда Николай Николаевич дал согласие взять меня на специализацию, оказалось, что в тот год нас набралась целая группа: Сергей Языков и Лена Макарчева с третьего курса и со второго — Сергей Филимонов, Лена Никулина и я. Как-то само собой получилось, что неофициальным старостой нашей группы стал Сергей Языков. Необходимо отметить, что если для всех нас Николай Николаевич был Авторитетом, Громадой, то для Сергея — Богом. Даже имя его Сергей произносил с некоторым придыханием.

Свой спецсеминар Николай Николаевич проводил у себя дома. Отправлялись мы от нашего общежития на Золотодолинскую улицу, где проживал профессор Покровский, всегда группой, с достаточным запасом времени: опоздание категорически не допускалось и Сергей Языков жестко контролировал наш сбор в фойе общежития. Если же мы подходили к дому до назначенного времени, то выжидали у подъезда: подниматься в квартиру раньше считалось неприличным — в нашем представлении время Учителя было жестко расписано и ранний приход мог ему помешать. Кстати, в этом мы были абсолютно правы. Уже будучи пятикурсником я был свидетелем, как один ретивый третьекурсник явился в квартиру Николая Николаевича на 20 минут ранее назначенного ему времени. В итоге Учитель, после активного обсуждения со мной в течение сорока минут фрагмента дипломной работы, был лишен возможности перевести дух, спокойно переключиться на новую тему.

Регулярно бывая в квартире Николая Николаевича, мы имели возможность узнать про его хобби. Оказалось, что он являлся аквариумистом и цветоводом. В комнате, где проходили наши занятия, мое внимание привлекали два аквариума, каждый литров на сто или больше, закрепленные на стене при помощи кронштейнов. У меня вызывали зависть расборы — рыбки, которых я ранее видел только на иллюстрациях в книгах по аквариумистике. Кроме того, значительная часть комнаты, где принимал нас Николай Николаевич, была заставлена разного размера цветочными горшками.

Очень доброжелательно относилась к нам, студентам, супруга Николая Николаевича Зоя Васильевна. Если возникала необходимость его дожидаться (например, Николай Николаевич, после выступления

с лекцией в ГПНТБ, возвращался домой на такси и не успевал к назначенному времени) Зоя Васильевна не только усаживала нас пить чай, но могла и развлекать демонстрацией редкой посуды или каких-нибудь фотографий.

Бывали в студенческие годы и неординарные ситуации. Однажды мне довелось выполнять важное поручение Николая Николаевича, которым я долгое время гордился. В конце января 1985 г. у меня появилась возможность побывать в Москве. А вскоре должно было состояться заседание Археографической комиссии, на которое Николай Николаевич не мог проехать. Поэтому он передал через меня кассету с записью своего выступления председателю Комиссии С.О. Шмидту. Таким образом я смог познакомиться с С.О. Шмидтом и даже побывать у него дома.

Для основной части студентов-историков, которые сталкивались с Николаем Николаевичем только на первом курсе, он был выдающимся лектором и крупным ученым, которому, по определению, страшно было сдавать экзамен. У тех, кто смог попасть на специализацию к Николаю Николаевичу, была возможность узнать о нем существенно больше, чем могли знать другие студенты, соприкоснуться с некоторыми его простыми, человеческими качествами.

Т.А. Опарина

Мой учитель Николай Николаевич Покровский

Николай Николаевич Покровский оказал колоссальное воздействие на мою жизнь, на формирование меня в профессии, на формирование как человека.

Так получилось, что с выбором профессии я определилась рано, в десять лет решив стать историком. Я долго готовилась к поступлению в университет, но точно знала, что никогда не буду исследовать советский период. Первая же лекция после поступления меня просто ошеломила. Услышав Николая Николаевича, я твердо решила, что буду специализироваться только у него. Но это было непросто. С одной стороны, меня начали запугивать и отговаривать старшекурсники. Они стали рисовать «ужасы» его методики: Николай Николаевич — невероятно требовательный, жесткий научный руководитель, специализация поглощает все время, но не дает никакой гарантии устройства на работу. Напротив, эти рассказы только утвердили мою уверенность, для меня было ясно, что именно такой руководитель для меня будет идеальным. С другой стороны, Николай Николаевич, согласившись принять к себе в спецсеминар, фактически устроил мне проверку. Он давал задания все сложнее и сложнее, видимо, надеясь, что я не справлюсь и тихо уйду к другому преподавателю. Но получилось все иначе.

К моменту прихода студентов нашего курса в его спецсеминар у Николая Николаевича уже была отработана собственная методика. Одним из ее элементов было проведение собственных курсов по палеографии, которые он не доверял никому, и не хотел полагаться на других преподавателей. Занятия проводились у него дома, где были и старопечатные книги, и рукописи из его коллекции. Спецсеминар в домашних условиях оказался для меня катастрофой. Очень долго не давались эти навыки, почерки не читались, буквы не складывались в слова. Николай Николаевич очень злился, а до слез доводил меня его маленький внук, который иногда вбегал в комнату и с потрясающей легкостью расшифровывал любые записи. Но рано или поздно все пришло в норму, рукописные почерки перестали быть магической тайной.

Следующим этапом после палеографии было обращение к литературе по старообрядческой тематике. Николай Николаевич давал обширный базисный список по историографии, который мы обязательно должны были освоить. Но далее мы должны были сами ис-

кать публикации, он изначально нацеливал на полную самостоятельность, умение работать, собрать любые необходимые данные.

В завершение первого года в спецсеминаре предстояло выбрать тему исследования. Из нашего курса в спецсеминар пришли трое: Ольга Чумичева, Виктор Новоселов и я. Николай Николаевич предложил на выбор три темы: «Соловецкое восстание», «Инок Авраамий» и «Украинские источники раннего старообрядчества». Счастьем было включение украинской тематики, ведь моя мама приехала в Новосибирск из Киева, я постоянно чувствовала связь с этим городом. Много лет спустя Анатолий Шашков объяснит мне, что у Николая Николаевича было три важных для него темы: «Максим Грек и старообрядчество» (эта тема досталась ему), «Иосиф Волоцкий и старообрядчество» (которую стал изучать Андрей Плигузов) и «Украинские полемисты и старообрядчество» (тема оставалось не закрытой и стала моим главным предметом исследований по настоящее время). Но тогда, на первом курсе, нужно было еще отстоять право заниматься ею. Николай Николаевич раздал темы докладов, которые мы должны были подготовить к концу семестра, у меня он предполагал сопоставление творчества Ивана Вышинского и Аввакума. Аввакум читался легко и с интересом, сквозь сложный язык Ивана Вышинского мне удалось прорваться едва ли не в последнюю ночь перед докладом. Но удалось. Николаю Николаевичу доклад понравился и, видимо, идея выдавить меня из спецсеминара уже не была для него столь актуальной.

А далее предстояли поездки в архивы. Еще принимая в начале года в спецсеминар, Николай Николаевич предупреждал: обязательной будет работа с подлинниками в архивах и отделах рукописей Москвы и Ленинграда (потом прибавились еще Киев и Львов). Оплачивать поездки университет не будет. Помогал мой папа, кроме того, я устраивалась работать в охране институтов Академгородка, чтобы скопить на архивные путешествия, затем, через родственников со стороны мамы и папы, находила родных (с частью из них никогда не виделась до этого), готовых принять меня на время моей работы в архивах. Все складывалось, кроме одного: я панически боялась задавать Николаю Николаевичу любые вопросы. Поэтому первое лето провела в Ленинграде, работая над более чем расплывчатой темой — влияние всех украинских полемистов на всех ранних старообрядцев. Я упрямо читала подлинники ранних старообрядцев все лето, а жалостливые сотрудники отделов рукописей на ушко говорили мне: «Эти тексты давно опубликованы». Поэтому первое лето прошло в пустую.

Но мое упрямство было вознаграждено. Видя, что от меня не отстать, Николай Николаевич после возвращения все же дал мне тему

исследования. Он достал рукопись, которую много лет назад привез из экспедиции. И дал задание: описать ее, датировать, разобрать по составу и найти ей подобные. С этой рукописи все и началось, за несколько лет я нашла еще полтора десятка списков схожего содержания в отделах рукописей Москвы и Ленинграда, систематизировала их и условно назвала памятник «Просветитель Литовский». Сначала получилась картина бытования этого памятника, потом постепенно удавалось ввести его в контекст эпохи, а это, в свою очередь, приводило к проблеме формирования корпуса русских полемических сочинений, теме заимствований, отношения к инославию, присутствию иностранцев в допетровской Руси... Одним словом, одна рукопись дала толчок огромному числу направлений исследований, тема постоянно разрасталась и дает возможность заниматься ею и по сей день.

Если говорить о принципах работы Николая Николаевича со своими учениками, то, вероятно, можно выделить несколько главных для меня. Жесткая требовательность Николая Николаевича всегда сочеталась с абсолютной объективностью. Свой принцип он формулировал просто: «Работаем по тексту». Только то, что принес его ученик (нашел, написал, обобщил), может оцениваться, только реальная работа, только конечный результат будут важны для него.

Вторым условием для Николая Николаевича было самостоятельность работы каждого ученика. Он не давал полный список литературы, шифров рукописей, точной темы. Он давал выбор, и все зависело от самого студента, его интересов и желаний. Он отпускал студента в собственное «плавание» и внимательно со стороны наблюдал за ним. Но постоянно корректировал и проверял, вычитывал тексты статей и выступлений, причем очень долго, даже после окончания аспирантуры. Более того, он не навязывал своего мнения. Для меня был показателен один мой доклад на студенческой конференции в НГУ. Николай Николаевич тщательно его проверил, сделал замечания, указал на ошибки. Я все исправила и безбоязненно прочла его на конференции. Каково же было мое потрясение, когда при завершении конференции Николай Николаевич, подводя итоги, отметил и мой доклад. Он назвал его крайне интересным, но при этом сообщил, что одна из концепций Я.С. Лурье, на которую я опиралась, не кажется ему убедительной, он с ней не согласен. То есть он дал мне полное право выбирать и отстаивать свою позицию, даже если он в чем-то был с ней не согласен. Он давал полную свободу поиска.

Кроме того, Николай Николаевич никогда не использовал студентов для расширения своего поиска. Он не давал темы, которые потом войдут в его труд. Напротив, он щедро делился идеями, знаниями,

информацией со своими учениками. При подготовке еще одного доклада Николай Николаевич высказал одну гипотезу. Я сослалась на нее в статье, в сноске указав «Идея высказана Николаем Николаевичем Покровским». Выверяя статью, Николай Николаевич вычеркнул сноску. На мой удивленный вопрос он ответил просто: «Сочтемся славой».

Он всегда боролся и защищал своих студентов: созванивался перед поездкой с отделами рукописей, чтобы нас, второкурсников и третьекурсников, туда пускали, чтобы мы имели возможность с первых дней своих исследований работать с подлинниками. Он договаривался со своими университетскими друзьями (деканом истфака МГУ, директором РГИА), чтобы нас, юных, куда-нибудь поселили, пристроили на время архивных штудий. Он мог отдать свою командировку, когда аннулировали оплачиваемые поездки для аспирантов. Он никогда не давал нас в обиду.

Он не боялся давать политически опасные темы. Я помню абсолютный шок у киевских исследователей, когда я, третьекурсница, кротко сообщала об изучении влияния украинской литературы на русскую. Такой подход был абсолютно неприемлем тогда: влиять могла лишь русская культура на все остальные. Такую необычную смелость могли позволить себе лишь единицы.

Николай Николаевич остается для меня абсолютно уникальным человеком и уникальным научным руководителем, встреча с которым, ученичество у которого определили мой жизненный путь.

О.В. Чумичева

Разговоры запросто

Один из самых ярких образов, которые встают перед глазами при воспоминании о Николае Николаевиче, — китайская роза. Как-то я застала его в большом волнении и восторге. Глаза сверкали, энергия просто фонтанировала. Оказалось, он только что убедился в спасении домашней китайской розы в горшке, зараженной паутинным клещом. Я сталкивалась с тем же прилипчивым паразитом на своей розе, так что оказалась подходящим слушателем. Николай Николаевич боролся за спасение цветка методом радикальным — на балконе, едва ли не в костюме химзащиты, окутал горшок и куст плотным пакетом и наполнил его ядом. Некоторое время спустя все вредное откачал и проветрил. Я обошлась медленным и консервативным промыванием растения и многократным поливом земли крепким настоем жгучего красного перца. Обилие растений в доме, огромный аквариум с рыбками и сложной, тщательно продуманной внутренней структурой, требовавшей серьезного ухода, — круг увлечений Николая Николаевича был чрезвычайно широк, и каждое дело становилось предметом детского азарта и научной основательности. Помню, с каким сожалением Николай Николаевич признал, что сложный аквариум становится ему не по силам и пришло время расстаться с ним. Страстность увлечений никогда не означала у него мимолетности или поверхностного подхода.

Мы разговаривали о самых неожиданных сюжетах: испанской войне и Дальнем Востоке, политических партиях России начала XX века и древней истории, о том, как Андрей Тарковский снимал «Андрея Рублева» в Суздале, где работал тогда Николай Николаевич, после лагеря лишенный права поселиться в «столицах», о поэзии, биологии. Он с поразительной точностью предсказывал повороты актуальной политики конца 1980-х и начала 1990-х годов, ярко описывал людей, которых встречал в разных краях и временах. Широта его увлечений отражалась и в научных интересах — не так много ученых, способных издавать и Судные списки Максима Грека XVI века, и документы секретных архивов об изъятии церковных ценностей в начале 1920-х гг., с равной глубиной понимания эпохи и тщательностью проработки всех деталей. Сейчас я думаю, что именно невероятная широта эрудиции, не ограниченной «темой» или «специальностью», позволяла Николая Николаевичу достигать такой глубины и точности.

А его знаменитые «рассказы за чаем» или «истории, пришедшиеся к слову»! Как в 1956 году, после ареста и во время следствия по делу

«группы Краснопевцева» ему и его товарищам предъявили «вещдок» — тетрадь «с выписками антисоветского содержания», и, несмотря на весь ужас происходящего, на очной ставке они рассмеялись от нелепости — это были цитаты из М.Е. Салтыкова-Щедрина. Как после следствия и осуждения на семь лет он прибыл в мордовский лагерь, на станцию с «говорящим» названием Явас, и был поражен первой лагерной сценой. Толпа зэков собралась и заворожено наблюдала за спектаклем, конвойные нервничали, «начальник» через громкоговоритель-раструб уговаривал мужичка в ватнике слезть с крыши здания, а тот орал в ответ, чтобы стреляли, грозил спрыгнуть, кричал, что ни за что не сойдет... Оказалось, у него закончился срок или пришла бумага об отмене старого приговора, и он должен был покинуть зону, в которой провел не одно десятилетие. Это был крестьянин, попавший в лагеря почти мальчишкой, не знавший ничего о судьбе родных, забывший прежнюю нормальную жизнь. Он привык к лагерю, знал здесь всех и все, ему было страшно идти «на волю», где ждало одиночество, отсутствие жилья, неизвестность. Николай Николаевич говорил о том, как в тот момент перевернулся его собственный мир. Потому что ужас был не в аресте и не в заключении, а в таком вот «привыкании», неспособности вернуться в мир. Но, с другой стороны, эта история показала ему, что можно выжить где угодно, можно пройти страшный путь и сохранить себя, главное — суметь вернуться и остаться человеком.

Николай Николаевич был прирожденным учителем. Он никогда не «просматривал бегло» студенческие работы, вчитывался в самый слабый текст, обсуждал каждую фразу, мысль, указывал на недоработки и нестыковки, подчеркивал достижения. После его чтения работу надо было писать заново, но это не вгоняло в отчаяние, наоборот, это был увлекательный диалог, интеллектуальный детектив. Я с нетерпением ждала страниц, которые возвращались с исписанными полями замечаний. На финальной стадии переработки он вдруг говорил: «Вот. Теперь хорошо. Идите, сохраните все это, но сделайте текст процентов на 30–40 подробнее». Наверное, другим ученикам он давал другие советы, но с каждым работал с полной отдачей, показывая, как надо работать.

Когда я вспоминаю разговоры с Николаем Николаевичем, он изумляет сочетанием детской радости и готовности удивляться, открывать мир в любом возрасте, в любом физическом состоянии — юношеского пыла и страсти в отношении к науке и людям — дотошной кропотливости и ответственности источниковеда — и широты взгляда. И еще особое редкое качество отличало его от многих из нас. Людей, влюбленных в свою тему исследования, готовых убедитель-

но и серьезно строить систему аргументации, я встречала немало. Но Николай Николаевич — отчаянный спорщик, страстно отстаивающий свои взгляды — умел услышать аргументы оппонента, найти новый источник и внезапно остановиться на всем ходу, развернуться и сказать «я был неправ!» с той же радостью озарения. Он обладал благородным даром признать свою ошибку, пересмотреть свою работу, прийти в восторг от чужого открытия и принять его. Познание мира, истина были для него той самой детской и вечной причиной жить и побеждать болезни, трудности, несправедливость. Был у нас с ним «ужасный конфликт». На последнем курсе университета, завершая диплом про соловецкого старца Герасима Фирсова, я с юношеским ослиным упрямством уперлась в идею писать дальше про Соловецкое восстание, хотя на тот момент казалось, что источники давно найдены и по большей части опубликованы, и делать в этой теме нечего. Николай Николаевич предлагал аспирантуру и хорошую тему по истории Сибири, я наотрез отказывалась. Он кричал и топал ногами (буквально), прибежала Зоя Васильевна, его жена, восстанавливать мир. Он был в гневе. На том мы расстались с июня до декабря. Я получила диплом и ушла работать в школу учителем (что пошло мне только на пользу). Перед Новым годом я позвонила поздравить Николая Николаевича, он сурово сказал: будут каникулы, заезжайте. Мы пили чай и вели светские беседы о древней истории и событиях в разных странах. Никаких моих планов не обсуждали. Он расспрашивал об учениках, уроках. Потом дал стопку книг для моих школьных курсов и велел вернуть весной в каникулы. Следующая встреча повторяла новогоднюю. Потом мы встретились в начале лета. И уже на пороге, когда я уходила, Николай Николаевич бросил: «Да, напишите статью по диплому... И что вы там говорили про восстание?» Я ответила. И тогда он поставил условие: я поеду немедленно в архивы, постараюсь найти новые источники. Найду — тема про Соловецкое восстание моя, не найду — он сам даст мне тему, а я пообещаю не выпендриваться и слушаться руководителя. С тем я и поехала в РГАДА. В августе вернулась, перегруженная материалами и впечатлениями, сразу позвонила Николаю Николаевичу. Договорились о встрече через неделю, потом он спросил, что именно я нашла. Пять минут спустя он спросил: «А можете прямо сейчас приехать и все рассказать подробно?» После полутора часов рассказа он подарил мне свою книгу об археографических путешествиях с надписью «Ольге, в памятный день ее рассказа о соловецких сокровищах» и твердо сказал: «Никогда никого не слушайте, доверяйте себе — всегда следуйте за источниками и возникающими вопросами». Я стараюсь. Мне не хватает его радости и сияющих глаз, того, как он сжимал

в кулаке бороду, увлекаясь, как гневался и кричал, как смеялся, как безумно любил людей, жизнь, науку. Я сказала, что буду учиться у него, когда мне было 16 лет, увидев его на лекции Н.Я. Эйдельмана в Новосибирском Академгородке. Хотя собиралась поступать на биологию. Это тоже было озарение — я пошла за ним, как за Белым Кроликом, и он открыл огромные перспективы, учил методам работы, логическому мышлению, принятию парадоксов, тщательной детализации, умению отбрасывать ложные гипотезы во имя фактов, собиранию мозаики и широкому, как можно более широкому взгляду на конкретную тему. Но самое главное — честности, страсти, радости. Тому, о чем так легко забыть в суете грантов, отчетов, дедлайнов, «взрослой реальности». В современном мире главными добродетелями становятся зачастую «умеренность и аккуратность». Николай Николаевич не вписывается в сегодняшние рамки правильности. Он был человеком Ренессанса — огромным, эмоциональным, предельно искренним, иногда неудобным, но всегда восхитительным и захватывающим дух, всегда настоящим ученым и значительной личностью.

Я начала с розы и рыбок — и это не случайное воспоминание. Дом Николая Николаевича, открытый для всех учеников и коллег, разнообразие его мира, был сказочной пещерой сокровищ. Вступая в этот дом, ты никогда не знал, что ждет тебя в следующий момент, но был уверен, что там тебе всегда рады — с твоими сомнениями и идеями, грудами чернового материала и растерянностью перед ним. Иногда меры обучения были суровы, иногда ты купался в лучах света и веселья. Но именно в этих встречах и разговорах на разные, порой странные темы можно было нащупать собственную тропинку и угадать свои перспективы странствия сквозь жизнь. Не всегда понимаешь такие вещи сразу. Но все это незабываемо.

А.Х. Элерт

Волшебная бумага

Так получилось, что Николай Николаевич дважды определил мой жизненный путь и мою судьбу. В первый раз это произошло в 1975 г., то есть тогда, когда я жил в далекой северной деревне и ничего не слышал о Николае Николаевиче. У меня есть семья, есть жена Нина, с которой мы вместе уже 44 года. Если бы не Николай Николаевич, то я и Нина даже не знали бы о существовании друг друга. Нина жила в городе Горняк на юге Алтайского края. Она мечтала стать биологом, хотела поступать на биологический факультет ЛГУ, готовилась к поступлению и даже провела летние каникулы (после 9 класса) в Ленинграде, знакомясь с городом и университетом, в котором планировала учиться. Весенние каникулы (уже в 10-м классе) она провела в Новосибирском Академгородке, жила в общежитии НГУ, куда ее пристроила школьная подруга. И вот как-то студентки позвали ее пойти с ними на лекцию, которую должен был читать очень интересный и неординарный преподаватель. Им оказался Н.Н. Покровский: он рассказывал о рукописях, старообрядчестве. Впечатление от этой лекции было настолько сильным, что Нина решила «изменить» биологии и поступать на истфак НГУ. Был сумасшедший конкурс, Нина не смогла поступить и отправилась в Томск, стала студенткой истфака ТГУ, где мы и познакомились, а через полтора года создали «ячейку социалистического общества» — семью.

На втором курсе на факультете прошла беспрецедентная акция — в будний день на всех курсах были отменены все положенные по расписанию лекции и семинары, а студентов и преподавателей пригласили послушать лекции новосибирского историка Н.Н. Покровского. Думаю, что идея пригласить в Томск Николая Николаевича принадлежала профессору Зое Яковлевне Бояршиновой, старейшему и авторитетнейшему преподавателю факультета, которую и преподаватели, и студенты за глаза любовно называли «баба Зоя». Эта идея вряд ли была бы реализована без активной поддержки другим очень уважаемым студентами преподавателем — деканом Борисом Георгиевичем Могильницким. Лекции состоялись в аудитории 120 главного корпуса — самой большой в ТГУ и единственной в виде амфитеатра. Зал был заполнен до отказа, не осталось свободного места даже в трех проходах-лестницах, занятых студентами, которые не догадались прийти раньше объявленного времени. Было бы излишним говорить о том, как слушатели воспринимали лекции харизматичного Николая Николаевича — об этом уже много написано в других воспоминаниях. Я, как и все, с большим интересом слушал эти лекции, но то,

о чем в них говорилось, казалось мне далеким от моего увлечения этнографией.

Когда время моей учебы подошло к концу, выяснилось, что мои планы остаться на факультете и продолжить занятия этнографией рухнули — моему научному руководителю Э.Л. Львовой не удалось добиться ставки для меня. Мне смогли предложить лишь распределение ассистентом на кафедру истории КПСС в Алтайском политехническом институте. Я уже подумывал вернуться на свою родину и заняться преподаванием истории в сельской школе, но Элеонора Львовна отговорила меня от этого опрометчивого шага. Она сказала примерно следующее: из деревенской школы в науку ты уже не сможешь вернуться, соглашайся на предложенное, потерпи какое-то время, твоя сверхзадача — попасть в аспирантуру к Николаю Николаевичу Покровскому. Меня немного удивило, во-первых, то, что вариант о трудоустройстве в будущем на родном факультете даже не был озвучен, во-вторых, хотя у меня с Элеонорой Львовной сложились очень доверительные отношения, она никогда не говорила о Николае Николаевиче как о моем возможном учителе. Но я безмерно доверял ее мудрости, поэтому согласился поехать в Барнаул.

«Терпеть» пришлось больше трех лет. Мне, бородатому, с сомнительной фамилией, с еще более сомнительными политическими воззрениями, отказавшемуся вступать в партию, было непросто на кафедре. Правда, в первый год для меня был установлен режим наибольшего благоприятствования: в первом семестре нагрузка составляла один семинар в неделю, второй семестр я провел в Институте повышения квалификации в Академгородке. Заведующий кафедрой профессор А.И. Житников говорил мне: «Александр Христианович, с Вашими способностями Вы напишете диссертацию за два года», — но, когда я отказался поступать к нему в аспирантуру и писать диссертацию на тему «Социалистическое соревнование в химической промышленности Алтая в годы девятой пятилетки», его терпение лопнуло. Меня спас А.П. Окладников, которому рассказали о моей ситуации друзья в ИИФиФ. Житникову в начале 1981 г. при встрече с Окладниковым было сказано: Элерта оставьте в покое, пусть занимается тем, чем хочет. Житников был в ярости, обвинял меня в том, что у меня нет Ленина в сердце, с чем я не стал спорить, сказав, что в моем сердце помещается только любимая женщина. Но кто бы посмел ослушаться Окладникова? У коллег по кафедре возникло предположение, что у меня есть некий очень важный покровитель, а Окладников был лишь исполнителем его воли. Даже пытались узнать, кто этот человек, но я отвечал уклончиво, вроде бы отрицал наличие оного, но как-то неубедительно. А занимался я историей Алтайской

духовной миссии — поработал в архивах Барнаула и Горно-Алтайска, читал соответствующую литературу в библиотеках.

И вот в конце 1983 г., наконец, меня известили о том, что достигнута договоренность с Н.Н. Покровским о встрече со мной. За несколько часов до назначенного времени в комнате этнографов на чердаке ИИФиФ состоялось совещание, в котором активное участие приняли А.М. Сагалаев и И.Н. Гемуев. Обсудили то, как я должен представить значимость и перспективность предлагаемой темы диссертации — «История Алтайской духовной миссии». Поскольку были сомнения насчет того, согласится ли Николай Николаевич быть руководителем по такой теме, был подготовлен второй вариант, по теме моей дипломной работы — «Фольклор как источник для реконструкции религиозных представлений тюрков Саяно-Алтая». И тут Измаил Нухович, как самый старший среди нас и самый мудрый, сказал: «Саша, а если Николай Николаевич не согласится и на эту тему, неужели ты уйдешь ни с чем? Надо придумать еще и третий вариант». После долгих споров я согласился с предложенным Гемуевым вариантом под условным названием «История Второй Камчатской экспедиции», хотя об этой экспедиции у меня были весьма поверхностные и отрывочные знания, — Измаил Нухович уверил меня в том, что неизученных материалов по этой теме очень много и, вероятно, среди них найдутся ценные этнографические источники. С тем я и отправился на встречу с Николаем Николаевичем в его квартире на Золотодолинской.

Признаюсь, было страшновато, я понимал, что если из этой встречи ничего не выйдет, то придется вернуться к варианту возвращения на родину, учительству в сельской школе. На что я, которому было уже было 29 лет, школу закончил в районном интернате (в моем селе была восьмилетка), а в трудовой книжке значилось: «разнорабочий совхоза», «кочегар», «плотник ОКС Томского инструментального завода», снова «разнорабочий совхоза», «студент ТГУ», «ассистент кафедры истории КПСС» (полгода учебы в Томском политехническом институте в книжке не зафиксированы), — мог рассчитывать? Конечно же, на чудо! И чудо состоялось.

После нескольких минут ответов на вопросы Николая Николаевича о моей биографии (убийственной!), начался разговор по существу. Я убеждал его в том, что подлинная история Алтайской духовной миссии совершенно не изучена, что среди миссионеров были выдающиеся личности, в частности, первый алтайский писатель протоиерей М.В. Чевалков, этнограф и лингвист протоиерей В.И. Вербицкий, рассказал о своих наработках по этой теме. Николай Николаевич все это выслушал и сказал, что тема интересная, но это не его период и

руководить такой темой он не может, а я могу со своими предложениями обратиться к этнографам. Как я позднее понял, Покровский пожалел меня (да и себя): времена были такие, что предложенную мной тему вряд ли бы утвердил Ученый совет, а если бы и утвердил, то защититься было бы проблематично. Кстати, с конца 1980-х гг. тема истории Алтайской миссии оказалась очень востребованной, об этом написано множество статей и монографий, так что я был бы вынужден закрыть для себя эту тему.

Тогда я предложил второй вариант темы диссертации (о котором выше). Николай Николаевич выслушал и сказал, что фольклор и языческие верования уже совсем не его тематика, а я могу обратиться с этим к филологам или фольклористам. Тогда я, как шулер, вынул из рукава последнюю козырную карту: «История Второй Камчатской экспедиции». Покровский оживился и сказал: «Ну если Вторая Камчатская кспедиция, то тогда, конечно, речь в первую очередь должна идти о Г.Ф. Миллере?» О Миллере у меня были довольно смутные представления: с его трудами я не был знаком, в советских историографических трудах, которые мне довелось читать, о нем говорилось как об убежденном крепостнике, защитнике интересов дворянства, авторе лженаучной норманнской теории о происхождении Русского государства и, что уж совсем непростительно, смевшем спорить по вопросам истории с самим М.В. Ломоносовым. Но... я помнил лекции З.Я. Бояршиновой по истории Сибири — в них она часто упоминала Миллера, называя его первым историком Сибири, подвижником, собравшим колоссальное количество документов, без которых история Сибири была бы ущербной, что его «История Сибири» — это надежный фундамент для изучения начального этапа освоения Сибири русскими и т.п. Зое Яковлевне я доверял больше, чем записным историографам, поэтому сразу же согласился с Николаем Николаевичем: конечно же, Миллер!

После этого началось обсуждения деталей. Николай Николаевич сказал, что моя задача — разобраться и привести в порядок архивное наследие Миллера, которое представляет собой огромное собрание рукописей (десятки если не сотни тысяч страниц), причем рукописи, принадлежащие перу историка, написаны большей частью на немецком и латинском языках крайне неразборчивым почерком. В качестве примера он привел свой опыт: ему надо было прочитать одну страницу, указание на которую он почерпнул, кажется, у А.И. Андреева, где Миллер сообщал о факте, важном для Николая Николаевича. Прочитать не получилось, тогда он обратился к нескольким московским палеографам, специалистам в области немецкого и латинского языков; они также не смогли разобрать текст. Николай Николаевич

спросил меня: а как у вас с немецким и латинским? Я признался, что с латынью у меня неважно (в ТГУ латынь мы изучали, но я не предполагал, что она может мне пригодиться), современный немецкий знаю, но не блестяще, гораздо лучше у меня с нижненемецким диалектом XVIII в., на котором я свободно общаюсь с родственниками, плохо или совсем не владеющими русским языком. — «А вот это гораздо важнее, чем знание современного немецкого, справитесь с прочтением текстов?» — Я едва удержался от того, чтобы сказать: «Под Вашим руководством я готов заняться даже расшифровкой узелкового письма инков». Сказал, что справлюсь.

Почему Николай Николаевич не выпроводил меня, незнакомого ему ранее человека, после того, как я продемонстрировал свою готовность заняться любой темой, даже тем, в чем был совершенно некомпетентен? Все дело в волшебной бумаге — полученном им накануне письме З.Я. Бояршиновой, в котором она просила Николая Николаевича взять меня к себе в аспирантуру и дала мне такую характеристику, которой я явно не заслуживал. Николай Николаевич никогда не забывал тех коллег, которые поддерживали его в те непростые времена, когда он начинал свою работу в Сибири. А было всякое, в том числе доносы, возмущения тем, что к священной советской исторической науке допускают сомнительных личностей, получивших заслуженное наказание за антисоветскую деятельность. Зоя Яковлевна была одним из тех авторитетных историков, которые поддерживали Николая Николаевича, а он всегда с благодарностью помнил об этом.

И вот, я стал аспирантом. Я хорошо понимал, что судьба дала мне такой шанс, какого больше не будет. Поблажек Николай Николаевич мне не давал, я, как и штатные сотрудники сектора археографии и источниковедения, присутственные дни проводил в институте, а с женой и дочерью общался только в выходные (да и то не каждую неделю), добираясь до Барнаула на электричках или автобусах. Почти сразу после поступления в аспирантуру Николай Николаевич отправил меня на месяц в командировку в Москву для работы в ЦГАДА (теперь РГАДА) и Ленинград (филиал Архива АН). Тут было впору впасть в отчаяние — в немецкоязычных рукописях Миллера я мог уверенно прочитать лишь слова, написанные не готической скорописью, а аккуратно заглавными буквами (SIBIRIEN, TOMSK и т.п.). Но вернулся я не с пустыми руками — нашел, частично скопировал, а также сделал выписки из многих русскоязычных рукописей, среди которых наибольшую ценность представляли семь громадных томов ведомостей уездных канцелярий, составленных по анкетам Миллера, а также привез большое количество микрофильмов немецко-

язычных рукописей, которые мы с Андреем Сагалаевым, в квартире которого я жил во время аспирантуры, преобразовали в тысячи фотокопий. Признаюсь, во время работы в архивах я беззастенчиво эксплуатировал имя Н.Н. Покровского: когда мои заявки на выдачу дел превышали все мыслимые объемы, я напоминал, что я аспирант Николая Николаевича и выполняю его задание: такой аргумент всегда срабатывал — кто такой Покровский знали даже дамы на выдаче дел. С чтением немецких текстов я справился быстро: через полгода я лучше разбирал почерк Миллера, чем свой собственный, а переводы всегда делал «с листа», не тратя время на транскрибирование (дело даже не только во времени, я убедился, что чтение «живого» текста дает гораздо большее понимание мыслей и логики автора).

Я всегда был «кошкой, гуляющей сама по себе», не пытался пристраиваться к каким-либо концепциям, в том числе и моего Учителя. Но так получилось, что огромный массив полученных мной сведений из экспедиционных материалов Миллера позволил мне поставить под сомнение достоверность статистических данных ревизий XVIII в. Оказалось, что вроде бы тотальные ревизии, на результатах которых строились выводы о заселении Сибири, фиксировали лишь около половины, а иногда и менее, реально существовавших поселений. Николаю Николаевичу, который много писал о вольнонародной колонизации, зачастую не фиксируемой официальными документами, это было неожиданным подарком — теперь он мог спорить с оппонентами с использованием неопровержимых данных. Более того, Николай Николаевич сказал, что договорился о том, что моя статья по данной теме будет опубликована в главном в то время историческом журнале «История СССР». Я написал статью в 1,5 п.л,, которая была опубликована и имела некоторую реакцию, в том числе от обиженных мной профессоров; я удостоился даже специальной статьи в региональном сборнике, посвященной опусам некомпетентного Элерта. Я пошел к Покровскому и спросил: «Как мне реагировать, в каком издании мне ответить?» И тут Николай Николаевич преподал мне очередной урок: «Александр Христианович, Ваша статья опубликована в главном историческом журнале СССР, а если Вы будете отвечать на критику в убогих региональных сборниках, то тем самым сделаете им и их авторам рекламу. Вам это надо?»

Николай Николаевич дал мне полную свободу в выборе окончательной темы диссертации, он никогда не говорил мне о том, какие должны быть главы в диссертации — думайте сами! И я думал: начав с нуля, я смог написать диссертацию за три года. Защита состоялась на моем родном факультете в ТГУ. Она была очень долгой и не совсем обычной. Профессор М.Е. Плотникова заявила, что диссертация

заслуживает не кандидатской, а докторской степени, многие члены Диссовета ее поддержали. Формально это было возможно, но прецедентов было очень мало. Дискуссия на эту тему длилась долго, но, к счастью, прервалась после выступления профессора А.А. Говоркова, который сказал, что Элерт может защитить докторскую немного позже, а если мы присудим ему эту степень сейчас, то велика вероятность, что ВАК это не утвердит и Элерт останется вообще без степени.

Николай Николаевич был очень доволен результатами моей работы, но сказал, что, к сожалению, у него нет возможности взять меня на постоянную работу в сектор, надо потерпеть, а когда появится ставка, то она будет моей. И мне пришлось снова «потерпеть».

Летом 1989 г. Николай Николаевич сообщил, что ставку для меня он выбил, и не какую-нибудь, а сразу старшего научного сотрудника (сейчас это практически невозможно). С этого времени и до сих пор (а прошло уже больше тридцати лет) моя жизнь тесно связана с сектором археографии и источниковедения. За это время многое бывало, кто-то ушел из жизни, главная потеря — это кончина самого Николая Николаевича, которого нет с нами уже семь лет. Но сектор жив, и мы, сектор-семья, в меру своих возможностей, стараемся сохранить высокую марку «Школа Н.Н. Покровского».

Н.С. Гурьянова

Об Учителе

Первая встреча с Николаем Николаевичем Покровским состоялась на лекциях, посвященных истории Древней Руси, которые он читал на первом курсе в НГУ. Николай Николаевич обладал способностью увлечь слушателей подачей исторических фактов, умел вызвать интерес и донести сложности обсуждаемой научной проблемы, показать пути ее решения, убедив в необходимости историку опираться при этом на достоверные источники. Лекция превращалась в занимательный рассказ о событиях прошлого, который не только знакомил с эпохой, но и демонстрировал важность профессионального подхода при интерпретации исторических документов с целью извлечения информации.

Студенты первого курса оказывались вовлеченными в процесс обсуждения научных проблем, связанных с изучением истории отечества, изложенными в очень доступной для понимания форме. Это был детальный анализ событий, который осуществлялся благодаря использованию разнообразных источников. Особенно впечатлял постоянный уход в описание деталей. Эти отступления были характерной чертой лекций Николая Николаевича не только в студенческой аудитории, но и в любой другой. На первый взгляд казалось, что они уводили в сторону от обсуждаемого основного события, но изложение частностей придавали рассказу о научной проблеме или о конкретном историческом факте вескую достоверность и уверенность в том, что представлена единственно верная интерпретация произошедшего когда-то. В результате оказывалось, что именно эти отступления давали возможность получить более полную и весьма убедительную картину о событиях прошлого. Для становления профессионального историка встреча с таким преподавателем в самом начале пути — подарок судьбы.

Повезло не только историкам. Николай Николаевич читал для студентов всех факультетов НГУ курс «История культуры Древней Руси», который пользовался большой популярностью в Академгородке. Большая физическая аудитория всегда была полна слушателями. Лекции обязательно сопровождались демонстрацией на экране качественных копий художественных произведений, о которых шла речь. Сейчас презентации стали обыденностью, а в далекие семидесятые годы это было возможно только благодаря мощному проектору и качественным иллюстрациям из соответствующих изданий. Николай Николаевич приносил на лекции огромное количество великолепных книг и показывал необходимые копии картин.

После окончания лекции обычно в аудитории еще долго продолжался разговор со слушателями об искусстве, об истории Древней Руси. Чувствовалась взаимная заинтересованность задающих вопросы и отвечающего на них. На этом общение с Николаем Николаевичем не заканчивалось, толпа слушателей провожала его до дома. Обычно те, кто нес тяжеленые сумки с изданиями художественных репродукций, шли рядом, продолжая увлекательную беседу. Остальные обсуждали поднятые на лекции и после нее дискуссионные вопросы. Николай Николаевич умел не только заинтересовать аудиторию, но и «завести» ее, направив на поиски решения научных проблем.

Образованность, глубокие знания в гуманитарных науках, сочетание сложности мысли и простоты ее изложения Николаем Николаевичем поражали не только в студенческие годы. Популярные лекции в Доме ученых всегда вызывали большой интерес в обществе и производили огромное впечатление на слушателей. Николай Николаевич обладал способностью сообщить новые сведения даже об общеизвестных фактах. Казалось бы, что можно нового сказать о Ломоносове в академической среде? Он сумел превратить лекцию в запоминающееся мероприятие, которое было интересным и познавательным для всех. Химикам, физикам, историкам, филологам, представителям всех наук энциклопедизм ученого был показан на новом или по-новому интерпретированном материале.

Николай Николаевич одинаково свободно завладевал вниманием любой аудитории, от студентов до академиков, независимо от жанра выступления. Это могла быть учебная, публичная лекция, научный доклад, обсуждение квалификационных работ, актуальной для общества проблемы на заседании клуба или организованного для этого круглого стола после научной конференции. Он всегда проявлял поразительную осведомленность и глубокие познания в разнообразных вопросах гуманитарных наук. Для него характерно было великолепное знание исторических источников, русской литературы, не только древней, но и современной. Особенно впечатляло использование поэтических произведений. Иногда он прибегал к воспроизведению цитат из них, чтобы еще более прояснить суть обсуждаемого события. Это придавало яркость создаваемого образа исторического деятеля или описанию конкретного факта.

Например, в лекции для первокурсников при объяснении особенностей бунташных настроений народных масс он сначала привел вполне академическое рассуждение по этому поводу, а затем процитировал не только знаменитое высказывание А.С. Пушкина, но и апеллировал к знанию аудиторией популярного, только что вышедшего на экраны великолепного мультфильма «Бременские музыкан-

ты». Как бы подводя итог, он сказал, что в подобных выступлениях лозунгом для народа, если кратко сформулировать, вполне мог служить и такой: «О-ля-ля, о-ля-ля, завтра грабим короля». Разудалая песенка из мультфильма была процитирована очень кстати и воспринята с восторгом аудиторией. Благодаря этой цитате стали ясны и запомнились все предварившие ее рассуждения. Образность речи при сохранении академичности в изложении научных проблем было характерной чертой его лекций, публичных выступлений. Николай Николаевич превращал обсуждение любой темы в увлекательный рассказ.

Казалось, что Николай Николаевич знает все обо всем. Он не переставал удивлять глубиной не только своих профессиональных знаний. Однажды в Америке мы были в гостях у классика американской славистики Р.О. Крамми. Его жена Нэнси, медик по профессии, занималась садом, в котором росло большое количество растений, в том числе и экзотических. Я знала, что Николай Николаевич тоже был любителем выращивать на балконе цветы, но я не подозревала, что он при этом реализовал вполне научный подход, не только достаточно подробно изучил каждое из посаженных, но и получил представление о растениях вообще. Поскольку Нэнси не знала русского языка, а Николай Николаевич не всегда мог соотнести название растений на английском языке с русскими, они нашли общий язык, обсуждая латинские эквиваленты названий. После этого каждый сообщал, как звучит название по-русски и по-английски. Это был разговор двух увлеченных ботаников, которые обменивались вполне профессиональной информацией. Большое удовольствие доставляло присутствующим наблюдать, какое наслаждение при этом испытывали собеседники.

Разумеется, студенты относились к Николаю Николаевичу с огромным пиететом, но на специализацию к нему шли не очень активно. Я, скорее всего, тоже никогда бы не решилась обратиться к нему с такой просьбой. Конечно, он был строг на экзамене, но, скорее всего, не это останавливало, а масштаб личности и осознание уровня его образованности. За меня вопрос о специализации у Николая Николаевича решила Е.К. Ромодановская. После поездки с ней в археографическую экспедицию она сообщила, что уже поговорила с Н.Н. Покровским и мне осталось только к нему подойти. Это было в далеком 1972 году. Я с благодарностью вспоминаю об этом эпизоде, поскольку он определил всю мою дальнейшую жизнь.

В качестве научного руководителя он был строг, но в общении очень демократичен. После первых встреч установились доверительные отношения, поскольку чувствовалось не просто уважительное

отношение к студенту, это было всегда, но ощущалось восприятие тебя в качестве младшего коллеги. Началось это с выбора темы будущей дипломной работы, которая была сформулирована только после выяснения области интереса и совместного обсуждения возможных вариантов. Следует заметить, что он всегда в подобной ситуации и далее прислушивался к мнению ученика. Запомнился эпизод, когда после защиты кандидатской диссертации Николай Николаевич предложил на выбор несколько тем, которые не были связаны со старообрядчеством. Они были продиктованы тем, что в планы Института были включены издания справочников и я вошла в состав организованного для их подготовки коллектива. Я обещала подумать, после чего сделала доклад на научной конференции по новой теме, которой я хотела бы заниматься. Реакция последовала немедленная, в перерыве он подошел и сказал: «Вы меня убедили». В этом проявилось не только уважение к другому мнению, но и доверие к ученику, которого, как уже ранее замечено, он всегда воспринимал в качестве младшего коллеги.

Николай Николаевич был идеальным научным руководителем, поскольку только подсказывал, как и где найти источники по теме, каким образом правильно их истолковать. Всегда приветствовал самостоятельность в учебных работах — курсовой, дипломной или докладе на конференции. Обязательно внимательно изучал промежуточный и конечный результаты. Помощь в улучшении текста заключалась не в его правке, а в оставленных на полях значках. Их было не очень много. Волнистая линия обычно означала необходимость переписать предложение, улучшив стиль, а знаком Nota Bene отмечалась важная мысль, которая была сформулирована в качестве заключения рассуждения или вывода в результате анализа источника. Еще один значок употреблялся для указания на необходимость расширить текст в том случае, когда, по мнению Николая Николаевича, кратко высказано перспективное и необходимое для дальнейшего рассуждения замечание. Не нужно объяснять, насколько ценными были эти значки, как важны они оказывались для работы над текстом!

Вручение отредактированного таким образом текста обязательно сопровождалось устным комментарием, в котором частный вопрос, решаемый в докладе или статье, рассматривался в контексте одной из глобальных научных проблем. Эта беседа открывала перспективу дальнейшей работы и вдохновляла на новые «научные подвиги». В период обучения в университете, в аспирантуре Института истории такой подход научного руководителя приучал к самостоятельности и ответственности за результат, который оценивал Николай Николае-

вич. Позже поражало его внимание к работе ответственного редактора монографий, которую он выполнял очень добросовестно, оставляя знакомые значки на полях.

Еще в студенческие годы он приобщал учеников к научной жизни академического учреждения. Мы посещали научные конференции, заседания сектора археографии, когда на них обсуждались диссертационные исследования, делались научные доклады. В данном случае опять проявлялось отношение к студентам, аспирантам как к младшим коллегам. Например, на заседаниях сектора процесс обучения заключался в предоставлении слова молодым в начале обсуждения научного доклада или диссертационного исследования, когда нельзя было присоединиться к высказанным мнениям, а необходимо сформулировать свое отношение к представленному научному докладу. В этом проявлялось не только уважение к ученикам, но и доверие к ним.

Понятно, что все последующие выступления участников-профессионалов выслушивались учениками с особым вниманием и интересом. Каждый старался выяснить, насколько он сумел вникнуть в суть обсуждаемой научной проблемы. В этом отношении особенно ценными были выступления Николая Николаевича, которые он реализовывал либо в ходе дискуссии, либо заключая ее. Он умел очень точно оценить качество представленного анализа исторических источников, отметив их новизну и количество, а также перспективность высказанных в докладе идей.

Поражала глубина владения им тонкостей обсуждаемого вопроса, даже в том случае, когда речь шла о научной проблеме, которая хронологически и тематически была далека от темы его профессиональных интересов. Разумеется, невозможно было подражать этой манере, но Николай Николаевич научил видеть положительные стороны исследований и в первую очередь отмечать их. В результате критика, даже если она была суровой, воспринималась с благодарностью докладчиком, а слушателями — с интересом, поскольку была очень доброжелательной и убедительной.

На конференциях любого уровня, от студенческих до международных, Николай Николаевич был активным участником обсуждений докладов. Он всегда внимательно слушал доклады, изредка записывая что-то в блокнот. Обязательно задавал вопросы докладчику, которые показывали его осведомленность в обсуждаемой научной проблеме и глубину знаний даже по частным ее аспектам. Особое удовольствие получали присутствующие от результатов анализа Николаем Николаевичем только что прослушанных докладов. Он умел показать ценность идей, высказанных каждым исследователем, в

историографическом контексте, а главное — перспективы дальнейшей работы.

Николай Николаевич покорял учеников и слушателей своей увлеченностью исследования прошлого и, как ни странно для советского ученого, свободой от идеологической зашоренности. Изучать проблемы общественного сознания на материале рукописного наследия старообрядцев в период, когда приветствовался атеизм, а методология базировалась на марксистско-ленинской идеологии, я думаю, было непросто, тем более с его прошлым — прошлым «сидельца» ГУЛАГа. Николай Николаевич никогда не был конъюнктурщиком. Давая темы, связанные с религиозной составляющей, он ориентировал на необходимость получения знаний не только в области истории, но и библеистики, святоотеческого предания, богослужения, древнерусской литературы.

Междисциплинарные подходы к решению научных проблем были для него естественным исследовательским направлением, поэтому профессиональное становление его учеников проходило в постоянном взаимодействии с лингвистами и литературоведами, изучающими памятники Древней Руси. Особенно близким было сотрудничество с семинаром профессора Ленинградского университета Н.С. Демковой. Еще студентами ученики Николая Николаевича принимали участие в конференциях молодых ученых, проводимых в Пушкинском Доме сектором, возглавляемым академиком Д.С. Лихачевым. Со студенческих времен сохранились тесные связи с филологами, окончившими Новосибирский, Ленинградский, Московский университеты. Объединяющим началом служила и работа в археографических экспедициях, одним из организаторов которых в Новосибирске был Николай Николаевич.

В результате экспедиционной работы было обнаружено большое количество рукописей и старопечатных книг, оказавшихся у сибиряков, что было неожиданным для научного сообщества. Д.С. Лихачев назвал это явление «археографическим открытием Сибири». Оказаться в экспедиции с Николаем Николаевичем и его женой З.В. Бородиной тоже было для меня подарком судьбы. Зоя Васильевна обеспечивала экспедиционный быт, проявляя заботу не только о муже, но и обо мне. Я с благодарностью вспоминаю завтраки и ужины, организованные ею в советских гостиницах, где и кипятка-то не найти. В походах к старообрядцам Зоя Васильевна выполняла, по-видимому, ставшую обычной для нее в этих поездках функцию — беседовала с хозяйкой о жизни. Это создавало доброжелательную атмосферу и располагало хозяев к сердечному приему гостей.

Николай Николаевич много и увлекательно рассказал о своих «путешествиях за редкими книгами» в монографии, выдержавшей несколько изданий. Там он описал встречи с людьми, их поразительную преданность вере предков и пронесенную через все жизненные невзгоды любовь к книге. Нужно было видеть, с каким уважением и вниманием к собеседнику начинал свой разговор Николай Николаевич. Это действовало магически. Хозяин дома, даже в том случае, когда сначала был не очень приветлив, постепенно, незаметно для самого себя, втягивался в разговор. Наблюдать за их беседой доставляло огромное удовольствие.

Собеседник обычно был «книжным» человеком, поскольку посещения старообрядцев в поселке всегда начинали с дома наставника. Он имел библиотеку, свою собственную или общинную, поэтому был не просто начитанным, но и осведомленным об истории старообрядчества, а также своего согласия, особенностях религиозной жизни общины и т.п. Николай Николаевич и в этом разговоре оказывался на высоте. Он умел установить доверительные отношения уже в начале беседы, убедив собеседника в интересе науки к его жизни и вероучению. Далее следовал дружеский разговор единомышленников, которые одинаково уважительно относятся к заключенной в древних книгах мудрости. Поражала широта обсуждаемых тем — история старообрядчества, согласий, содержание памятников письменности, особенности обрядовой практики и бытовой жизни общин.

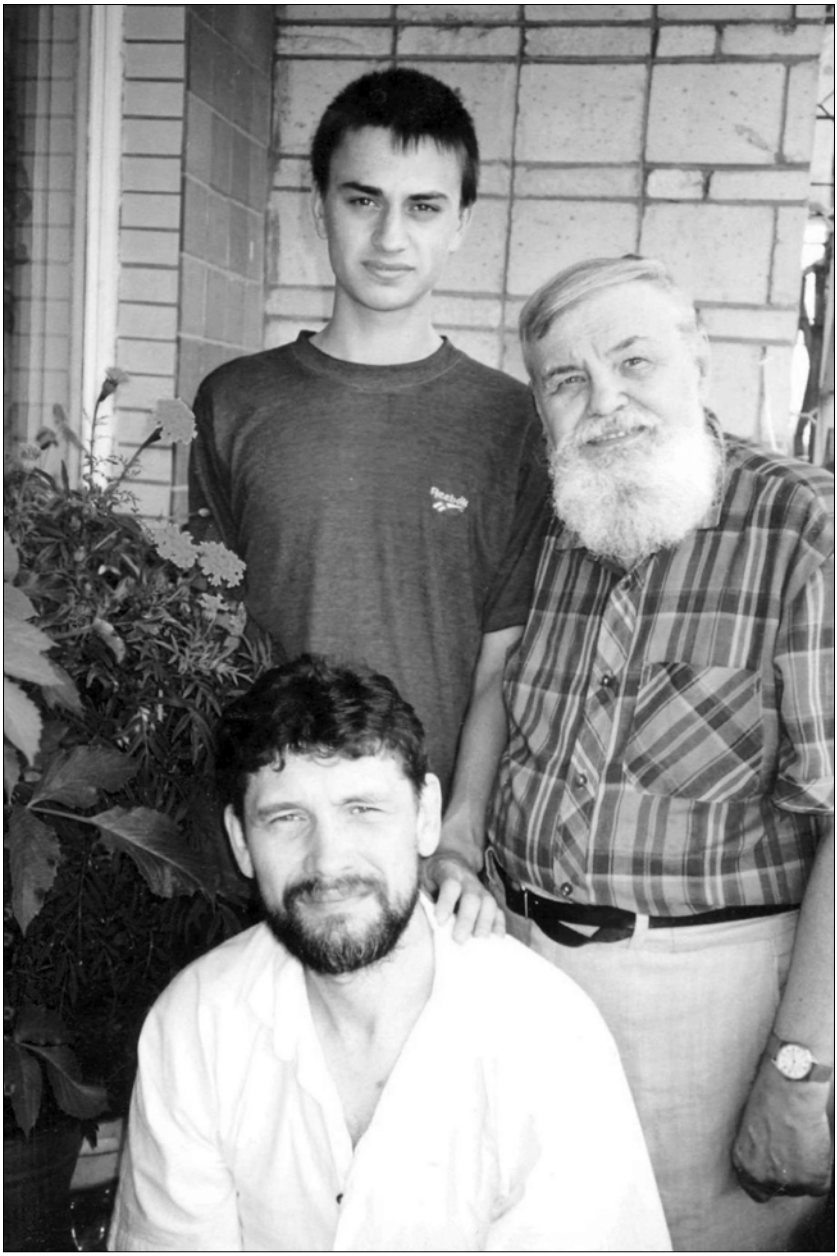
Увлеченность собеседников беседой показывала их живой интерес и заинтересованность в решении поднятого вопроса. Николай Николаевич явно подкупал в этом случае проявленным вниманием и своими знаниями в области обсуждаемых проблем. Иногда он показывал даже большую осведомленность и углубленные знания не только по проблемам истории старообрядчества или по поводу содержания памятников письменности, но и в частных вопросах вероучения, особенностей обрядовой практики. При этом всегда Николай Николаевич во время беседы оставался заинтересованным слушателем, уважительно относящимся к источнику новых знаний. Все это ценилось старообрядцами, поэтому дружеские отношения устанавливались на долгие годы.

Даже после завершения экспедиционных поездок Николай Николаевич не прекратил живого общения со старообрядцами, только теперь они навещали его дома. Часто приезжали, чтобы для себя решить конкретные вопросы богослужебной практики или бытового поведения единоверцев. Речь шла о проблемах, вызвавших дискуссию в общине или между старообрядческими согласиями. Гостями обычно были очень энергичные, грамотные старообрядцы, если не

руководители, то духовные лидеры общин. Николай Николаевич обязательно приводил их в Институт, чтобы обратиться к рукописям или старопечатным книгам с целью найти аргументы для решения обсуждаемого вопроса. Окружающие, как и в экспедиционных поездках, получали огромное удовольствие, наблюдая за их беседой.

Знакомство очередного гостя-старообрядца с хранением древних книг, скорее всего, преследовало еще и цель продемонстрировать, каким образом наука ценит и сберегает духовные богатства, дошедшие до нас благодаря старообрядцам. В результате обе стороны оставались довольны общением. Николай Николаевич осуществлял экспедиционную работу, не покидая Академгородка. Ему удавалось пополнить коллекцию книг и рукописей Института. Совершались обмены ценных для науки рукописей на копии необходимых для старообрядцев текстов памятников письменности или гость привозил в дар книгу, а иногда и свое сочинение.

Николай Николаевич был очень разносторонним человеком — ученым, получившим по заслугам академическое звание, профессионалом высочайшего уровня, широко образованным интеллектуалом, великолепным лектором, идеальным научным руководителем. Подобные определения можно продолжить, и все они будут в превосходной степени. Я попыталась только обозначить, каким сохранился в памяти образ Николая Николаевича-Учителя, кратко пересказав некоторые эпизоды из жизни в моем восприятии. Разумеется, следовало упомянуть о его потрясающей способности быть в центре дружеских застольных бесед. Это могло быть чаепитие в секторе или банкет в китайском ресторане по поводу его лекции в Калифорнийском университете (Беркли). Не важно, где и с кем, он всегда находил интересующую всех тему и был потрясающим рассказчиком. Я с благодарностью вспоминаю об Учителе и рада, что встретилась в жизни с этим замечательным человеком.



Николай Николаевич Покровский-старший с сыном,
Николаем Николаевичем Покровским-младшим,
и внуком Антоном. 2000-е гг.

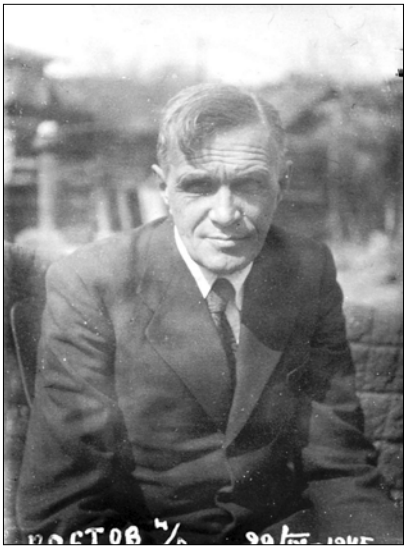
Короткие истории, записанные Николаем Николаевичем Покровским-младшим*

Самая первая история

Татьяна Андреевна Прасолова,
мать будущего академика Н.Н. Покровского
Конец 1930-х гг.

Коля был очень смышленым ребенком. Он быстро все перенимал и в возрасте семи-восьми лет занялся фотографией. Мой муж облазал** с фотоаппаратом весь Кавказ, так что сыну было у кого учиться. Фотографировали тогда, в основном, на стеклянные пластинки. Когда у нас на Крепостном собирались гости, Николай, верно чтобы похвастать, срочно брался за свои фотодела. Время от времени он, чертяка, демонстративно выбегал в большую комнату, вытаскивал на свет копировальную рамку и, громко отсчитав требуемую выдержку, прижимал рамку к пузу. При этом любил проявить

Татьяна Андреевна Прасолова.
1950-е гг.



Николай Ильич Покровский.
1945 г.

* Истории украшены некоторыми фотографиями из личного архива Н.Н. Покровского-младшего, большинство которых сделаны Н.Н. Покровским-старшим.

** Здесь и далее мы сохраняем орфографию источника.

Коля Покровский.
1935 г.

Николай Николаевич Покровский.
1950 г.

эрудицию, рассуждая о превосходстве пластиночных фотоаппаратов над пленочными. Он говорил: «Чтобы получить отпечаток с пленки, нужен увеличитель, а тут достаточно одной рамки!»

После войны Коля купил себе великолепный пленочный фотоаппарат «Экзакта» с цейсовским объективом. Он очень гордился покупкой и сделал в дальнейшем много замечательных снимков. Жаль, что однажды, когда хозяина не было дома, аппарат попал в руки к его сыну, а моему внуку. Собрать все закатившиеся куда-то винтики так и не удалось.

Юрка Артамонов

Зоя Васильевна Бородина,
будущая супруга будущего академика Н.Н. Покровского
1950 г.

С Юркой Артамоновым мы дружим с первого курса. Он — фронтовик, интересный, самый интересный на курсе. Душа компании. И, чего скрывать, очень нравится мне. Хорошо играет на пианино. Недавно приходил к нам домой. Играл Шопена. Потом мы еще что-то играли в четыре руки.

Вчера были в кино. С нами ходил его друг Коля, Коля Покровский. Смешной такой парень. Из Ростова-на-Дону. Коля — совсем молодой, только окончил школу, и Юрка взял над ним шефство. Учит его жить, ну и, наверное, тому, как нужно обращаться со слабым полом. Он большой знаток женского характера...

У Коли на руке огромные старинные часы фирмы Мозер. Подарок его папы на окончание школы. Все-таки какой он забавный, этот ростовчанин! Говорит быстро-быстро, с мягким южным акцентом. Все время улыбается нам с Юркой. Кажется, он рад, что у его старшего друга такая интересная девушка, как я.

Зоя Васильевна Бородина.
1950-е гг.

Николай Николаевич Покровский.
1950-е гг.

Великий и могучий

Зоя Васильевна Бородина,
будущая супруга будущего академика Н.Н. Покровского
1950 г.

Как-то летним вечером мы катили с Колей по тенистым московским улочкам. Троллейбус мягко покачивался из стороны в сторону, то стремительно набирая, то неожиданно сбавляя ход. Шуршание шин и мерный рокот мотора убаюкивали нас, сидевших рядом посреди полупустого в этот час вагона. Было тепло и легко. Ласковый ветерок, врываясь в открытое окно, приятно овевал лицо. Водитель объявил: «Следующая остановка — Сад имени Баумана». Коля посмотрел на меня с полуулыбкой, поднял левую бровь и задумчиво сказал: «Интересно, а что будет, если в третьем слове этой фразы глухой звук заменить на звонкий?»

Авиамоторная

Николай Николаевич Покровский-младший,
сын будущего академика Н.Н. Покровского
1956 г.

Сегодня воскресенье. Меня зовут Коля, Коля маленький — потому что есть еще Коля большой, мой папа. Мне три с половиной года, а скоро будет уже четыре. Сегодня все дома — папа, мама, бабушка, дедушка. Баба Дуся тоже дома. Она всегда дома. Она на пенсии. Вообще-то она прабабушка, бабушкина мама. Но мы зовем ее бабушкой — так лучше. Тетя Рита с тетей Лилей не работают. Они учатся в институте. Но они сегодня тоже не учатся. Кот Тимка дома. Он тоже всегда дома. Недавно он убежал погулять и потом заболел. Тетя Лиля лечила его стрептоцидом — растолкла в чайной ложке и всунула ему в рот. А вообще-то она не Лиля, а Людмила. Но она не любит Людмилу — и мы зовем ее Лиля. Тетя Рита тоже не Рита, а Маргарита. И баба Шура — не Шура, а Александра.

Дедушка сейчас, наверное, бреется. У него опасная бритва. Он точит ее на ремне. Папа слушает последние известия. Скоро они с дедушкой будут слушать воскресную радиопередачу «С добрым утром!» А я люблю не радио, а заводить пластинки. Дедушка любит Утесова и Шульженко, Бернеса тоже. Папа любит концерт Александровича, Ива Монтана, Мефистофеля и еще — «Прекрасную Елену». Еще Шаляпина. Мне тоже нравится Мефистофель. Мне вообще все нравится. Особенно самому заводить пластинки. Недавно папа купил нам

Зоя Васильевна Бородина с сыном — Колей-маленьким. 1950-е гг.

Коля-маленький с папой Николаем Николаевичем Покровским
и дедушкой Василием Архиповичем Бородиным. 1957 г.

новый проигрыватель. Раньше был какой-то неудачный и все время ломался. Дедушка и папа смастерили его сами из палочек, проводов и какого-то мотора.

У нас с мамой и папой отдельная комната. А вообще в нашей квартире их две. Все остальные живут в другой комнате. Тетя Рита, тетя Лиля, баба Шура, баба Дуся, дедушка. Все они живут в большой комнате. А мы — в маленькой. У нас есть соседка Полинка. Она, ее сын Витька и дядя Петя живут еще в одной комнате. Коридор, уборная, ванная и кухня общие. Полинка и мы часто ругаемся. Она сумасшедшая.

Моя кровать стоит у окна, а папина и мамина — у входа. Их кровать большая и железная. Моя тоже железная, но маленькая и покрашена коричневой краской. А папина и мамина — блестящая. И у нее зачем-то такие круглые шишечки. Я люблю их откручивать. А папа закручивает их обратно. Еще в нашей комнате стоит шкаф, в нем хранятся пальто и платья. Это шкаф бабы Дуси, его привезли из имения. Баба Дуся и баба Шура раньше жили в имении. Это такой большой дом с садом и всякими там конюшнями, крестьянами и школой. В школе бабушки и работали. Хозяин имения был бабы Шурин папа — граф

Зоя Васильевна Бородина. 1950-е гг.

Надольяк де Пуже. Так называла его баба Шура. Но он не жил с ними, потому что у него была своя жена. А потом он уехал в Калугу. А бабушка вышла замуж за дедушку и все уехали вместе с бабой Дусей в Москву на Авиамоторную. Маме тогда был всего один месяц.

Мама тоже проснулась и смотрит новые папины фотографии. Папа печатал их всю ночь, а теперь сушит на окнах. Фотографии сохнут и сами отскакивают от стекла. Папа очень любит фотографировать. У него новый немецкий фотоаппарат «Экзакта». Папа уже всех перефотографировал. Тетю Риту и тетю Лилю в речке Рожайке, когда мы жили летом в Тургеневке. Дедушку Васю на мотоцикле, маму и ее подругу тетю Тоню на велосипеде, кота Тимку. Папа умудрился сфотографировать даже самого себя с мамой, когда они в Ростове ели арбуз.

А вот машины папа не любит. Водить не любит. У нас есть машина «Победа», ее дедушка Вася водит и тетя Лиля. Деда дал как-то сесть за руль папе. Попробовать. Но папа сразу же врезался в столб. И все. Несильно так врезался, но водить больше не стал. А тетя Лиля выучилась и очень хорошо ездит, лучше дедушки. Она любит надевать красивую бежевую куртку и бежевые брюки. У нас никто из женщин не носит брюк, а тетя Лиля носит. Но только когда на «Победе» ездит.

Зоя Васильевна Бородина и Николай Николаевич Покровский. 1956 г.

Велосипеды папа тоже не любит. Он не умеет ездить на них. А у меня есть велосипед. Трехколесный. Его можно будет переделать в двухколесный, когда я вырасту. Мне его папа сам купил. А деньги баба Таня из Ростова дала.

Папа раньше в Ростове жил. Со своими папой и мамой. Папу звали тоже Коля. Это мой еще один дедушка. Я его никогда не видел. Он сейчас умер. А папина мама — это моя баба Таня. Еще у него есть старшая сестра тетя Лана. Вообще-то она Света. А потом мой папа уехал учиться в Москву, в университет. Когда он уезжал, его папа Коля — тот самый мой еще один дедушка — подарил ему свои старинные часы на руку. Сейчас такие уже не носят. И папа не носит, потому что они сломались. А тогда носил и завлекал ими мою маму. Меня тогда еще не было на свете — они тогда еще не поженились, а только думали. Мне об этом мама рассказывала. Еще она рассказывала, что папа отбил ее у своего лучшего друга дяди Юры. Дядя Юра, когда они все вместе учились в университете, дружил с моей мамой. И еще он дружил с папой. Они с папой жили в общежитии в одной комнате. А мама жила у нас дома. Все думали, что мама и дядя Юра поженятся. Ну, и так получилось, что мама вышла замуж не за дядю Юру, а за папу.

Пришла баба Шура. Зовет завтракать. На завтрак разварная картошка с сосисками. Папа достанет свои любимые маринованные грибочки в стеклянной банке. Их у нас только папа ест. Потому, что они с уксусом, а уксус вредный. Так баба Шура говорит. А баба Таня говорит, что не вредный. Вот она, наверное, папу к уксусу и приучила. Еще папа любит пить за завтраком кофье. Он варит его сам. Мы кофье не пьем. Мы пьем чай и кефир. Дедушка Вася в обед по выходным любит выпить беленькую из очень маленького стаканчика и угощает ею папу. Бабушка не любит, когда деда выпивает. Но иногда разрешает. А я люблю желудевое кофье с молоком. Бабушка говорит, что оно полезное, а настоящее вредное. Папа пьет кофий, он его так называет, из красивого стакана в подстаканнике. Чайную ложку из стакана почему-то не вынимает, а мучается с ней. Как-то раз, когда бабушка не видела, он дал мне попробовать из своего стакана. Очень невкусно. Горько, горячо и ложка мешает. Он, наверное, и правда вредный.

После завтрака пойдем с папой гулять. Прошлый раз перед Новым годом мы с ним и с мамой гуляли в Мосторг. Это такой большой магазин на Авиамоторной, где продают одежду, обувь, всякие скрипки, радио, пластинки и игрушки. Папа купил большой розовый шар с белыми снежинками на елку. Он шел домой впереди и нес этот шар в поднятой руке. Чтобы не разбить. Мы с мамой шли сзади и были очень счастливые.

Татьяна Андреевна Прасолова. 1950-е гг.

Николай Николаевич Покровский с Колей. 1957 г.

Плохие паровозы

Николай Николаевич Покровский-младший,
сын будущего академика Н.Н. Покровского
Весна 1957 г.

Обычно я гуляю с бабушкой или с дедушкой. Папа, как и положено, бывает очень занят на работе, а мама бывает очень занята папой. Но иногда все же и он находит время для прогулок, и мы бродим с ним в окрестностях нашего дома на Энергетической. Я люблю всякие машины и механизмы. И вот недавно папа повел меня далеко-далеко — посмотреть на паровозы. Надо было пройти по Энергетической до Авиамоторной, по Авиамоторной до шоссе Энтузиастов и по шоссе Энтузиастов — целую трамвайную остановку, до Горбатого моста. Под Горбатым мостом и ходили туда-сюда паровозы, возившие грузы завода «Серп». Что это за «Серп» такой — я не знаю, но там очень интересно. Мы долго шли, а когда пришли, то оказалось, что паровозы очень плохие и страшные. Один из них так напугал меня, выпустив прямо под нами громадный столб пара, что я заплакал и побежал прочь. Папа тоже испугался и побежал вслед за мной. Он бежал рядом, держа меня за руку, и смешно топал ногами. Мы еще не совсем убежали от плохих паровозов, когда папа зачем-то приостановился у доски, где была вывешена газета с незнакомым дядей в самом верху и какими-то звездами. Я очень удивился. Ведь плохие паровозы могут догнать нас! Почитав немного, папа снова затопал рядом. Так мы и бежали. Я тянул папу за руку, потому что он не боялся и все время останавливался почитать газетку. Вот ведь какой смелый у меня папа!

Ростов-папа

Николай Николаевич Покровский-младший,
сын будущего академика Н.Н. Покровского
Лето 1957 г.

Мой папа родился в городе, который тоже папа. Только он еще и Ростов. Там живет моя баба Таня — папина мама, тетя Лана — его сестра, дядя Саша Пронштейн и их дети — Колька с Ленкой. Еще там много папиных друзей из детства. Среди них много бандитов. Крепостной переулок, где жил папа, — бандитский район. Так говорит папа. Ростов — папина родина. Он там все знает. Он там ходил в школу. И была у него няня по имени Маруся. Она помогала ему во всем. И вот, когда он пошел в первый класс, пришел

домой после занятий, сразу позвал Марусю и сказал: «Маруся, мне в школе задали много уроков. Садись-ка быстро и начинай их делать. А то к завтрому не успеешь!» Он еще не знал, что уроки надо делать самому. Это мне баба Таня рассказывала, как папа маленький был. Я тоже еще маленький. И я тоже потом пойду в школу. Но я знаю, что уроки делают сами.

Шеф

Николай Николаевич Покровский-младший,
сын будущего академика Н.Н. Покровского
Осень 1957 г.

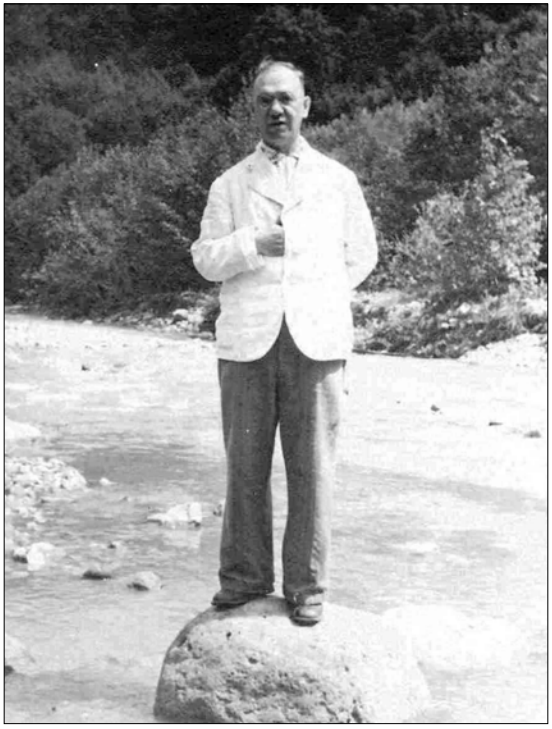
У папы есть Шеф. Его зовут Михаил Николаевич. Он живет в высотном доме у Москва-реки. Скоро мы с мамой поедем к нему. За калачами. Так сказала мама. Она ненадолго зайдет к Шефу, а потом мы пойдем в высотный магазин за калачами. Папы уже давно нет дома. Он в командировке и пишет нам оттуда письма. Мама иногда читает их мне вслух и потом плачет. Мы очень соскучились по папе.

Николай Николаевич Покровский.
Ростов-на-Дону, конец 1940-х гг.

Николай Николаевич Покровский.
Дубравлаг, пос. Явас Зубово-Полянского р-на Республики Мордовия

Летом все вместе, еще с папой, мы ездили к бабе Тане в Ростов, а потом поехали отдыхать в Нальчик. Из Ростова в Нальчик мы ехали в поезде с паровозом. Все вместе в одном вагоне. Там был еще мальчик, которому было очень жарко, особенно на станции Прохладная. Его мама протирала мальчика мокрым полотенцем, и оно становилось черным. Мы тоже были черные. Это все от паровозного дыма. Папа боялся, что и его фотоаппарат тоже станет черным и не будет больше фотографировать.

В Нальчике с нами отдыхал Шеф. Как-то мы пошли с ним в горы гулять. Он все время играл со мной. Он шел и пел смешную песню про крест святой, который нас спасет от ада. И еще мы с ним отпугивали демонов. А потом он улетел в Москву на самолете. Мы провожали его на аэродроме. Аэродром покрыт травой. Шеф был в длинном пальто. Он помахал нам шляпой и залез в самолет. Самолет назывался «Кукурузник». Летчик завел мотор. В носу самолета завертелся пропеллер и трава легла. Вот так Шеф и улетел. Скоро и мы с мамой уехали домой, а папа еще остался. Оттуда, почти сразу, он и уехал в командировку. А Шеф очень хороший и добрый.



Михаил Николаевич Тихомиров. 1950-е гг.

Сила привычки

Николай Николаевич Покровский-младший,
сын будущего академика Н.Н. Покровского
1966 г.

Почти всю мебель в Академгородок мы привезли с собой из Москвы. Но кое-чего все же не хватало. И вот папа взялся восполнить наметившийся пробел. Я, конечно, помогал ему. Из старого стеллажа для книг мы смастерили кухонную полку. Из брусьев от скамейки — полку в ванную. Венцом папиной столярной деятельности стала вешалка для пальто. Красили вешалку художественными красками из тюбиков. Ее даже наш сосед — сантехник Виктор — одобрил. Сказал восхищенно: «Модерн!» А папа посмотрел грустно на свои изделия и философски заметил: «Как что ни сделаю — все решетка получается».

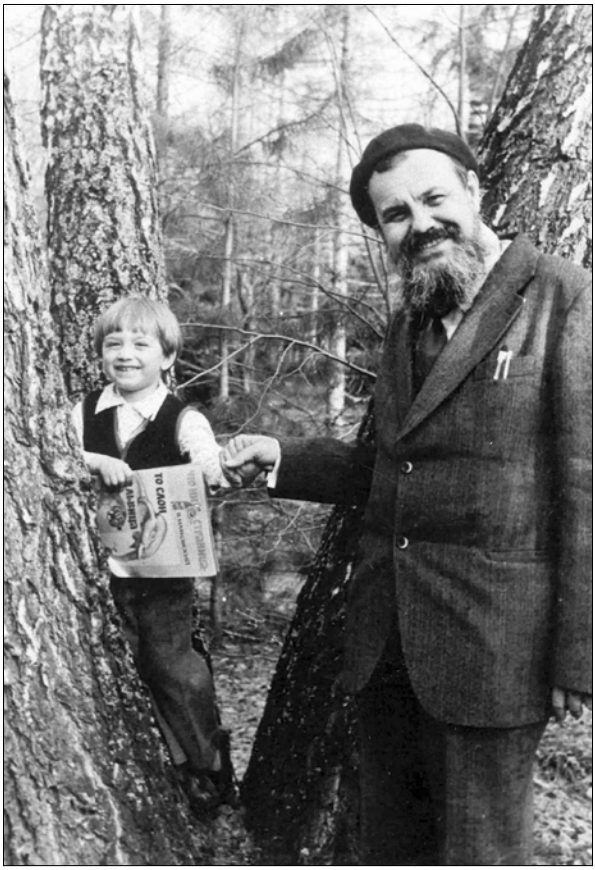
Николай Николаевич Покровский-старший
и Николай Николаевич Покровский-младший. Новосибирск, 1966 г.

Дедушка и аквариум

Антон Николаевич Покровский,
внук академика Н.Н. Покровского
2005 г.

Мой дедушка купил себе новый аквариум. Это его Сергей соблазнил. Сергею очень нравятся клееные аквариумы. Несколько лет назад он и папу уговорил купить небольшой клееный аквариум. Он ему совсем не нужен был. Теперь стоит у папы на работе без дела. Рыбки сдохли, вода высохла.

Но у дедушки все по-другому. Он рыбок давно разводит. Вернее не разводит, а содержит. Разводят их за него другие. Деда на базаре рыбок покупает, домой привозит, выпускает в аквариум и любуется.



Николай Николаевич Покровский с внуком Сережей. 1980-е гг.

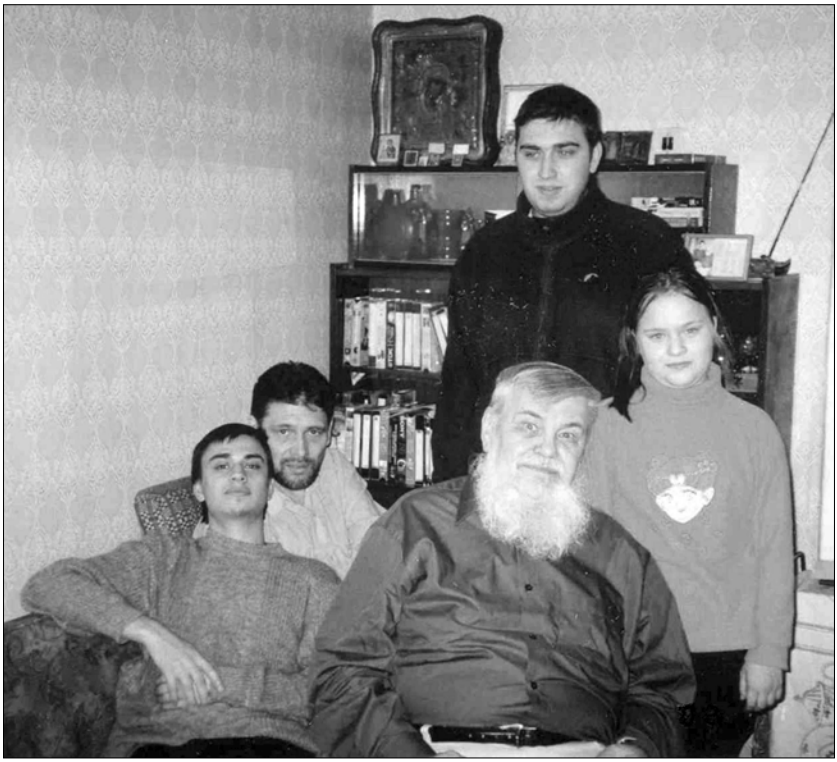
Потом кормит их, чистит воду, сажает растения. Рыбки вскоре дохнут, он расстраивается, переживает, потом снова их покупает — и все начинается с начала... Кормить рыбок надо специальным кормом. Это деда так думает. Он достает для них живых червей, хранит червей в холодильнике и торжественно выдает рыбам необходимую порцию с помощью пинцета. Надо постоянно следить за червями, менять им воду, промывать, словом — делать много ненужной работы. Папа, когда остается за хозяина у дедушки во время дедушкиных поездок, поступает проще: кормит тем, что есть под рукой. И ничего! Ни одна еще не сдохла. А когда деда приезжает и начинает хлопотать над рыбами, вот тут-то рыбам и приходится туго. Бывает, что с непривычки и от такого повышенного внимания они изрядно дохнут. Но, как я и говорил, дедушка сначала горюет, а потом звонит Сергею, и тот на машине везет его на рынок за «новой партией старушек».

Когда деда окончательно решил купить новый аквариум, началась детальная проработка проекта. Дело, казалось бы, простое, но дедушка — настоящий ученый. Он привык сначала теоретически все взвесить, промерить, прочертить, распланировать, распределить... Много дней и ночей он мысленно сопоставлял разные варианты осуществления задуманного, выносил необходимые решения, делал предварительные и окончательные расчеты по размещению аквариума, электрической проводке, конструкции крышки... Не раз он мучил своими измышлениями и папу. Тому давно все было ясно. Тем более, что аквариум находился пока что только в голове у дедушки, и что-то конкретное по конструкции сказать просто не представлялось возможным. Но дедушку это не смущало. Он, как работник умственного труда, привыкший к напряжению мысли, пытался рассмотреть все возможные варианты, хотя бы теоретически, и разработать план действий на все случае жизни.

Однако самый пик научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы был еще впереди. Он начался после того, как дедушке удалось, после многих бесплодных попыток, достать главную недостающую деталь будущего сооружения — деревянное основание. Дедушка тщательно промерил все размеры, что-то там подсчитал, прикинул и сделал заказ. Его выполнения пришлось ждать очень долго. После многих напоминаний, просьб и угроз, деда получил все же то, чего ждал. Хотя и не совсем то. Вместо доски была фанера, да и размер, как потом выяснилось, оказался маловат. Но, как бы там ни было, начинался период активных действий. На деду нашел очередной «теоретический» приступ. Он начал с удвоенной силой планировать буквально по шагам свои и своих помощников предполагаемые действия. Все записывал на бумажку. Главной трудностью было ско-

ординировать действия так, чтобы одним махом привезти обновку, приделать на нее старую крышку (новые дедушке не понравились), перелить воду из старого аквариума в новый, пересадить рыб, перетащить грунт, растения, да еще и все установить на место, а старье выбросить. И все это в один присест. К чему такая спешка? Оказалось, что деда решил, будто в его трехкомнатной квартире негде будет разместить на несколько дней оба аквариума разом. Но жизнь внесла свои коррективы — и в результате все делали, конечно, не спеша.

Убедившись, что задача по конструкции крышки имеет слишком много неизвестных, дедушка переключился на обдумывание плана доставки самого аквариума из магазина. Он определил количество и примерный состав участников экспедиции. Для этого ему пришлось решить целый ряд трудных вспомогательных задач. Он нашел в интернете значение удельного веса стекла. По известным общему объему сосуда и толщине его стенок подсчитал предполагаемый



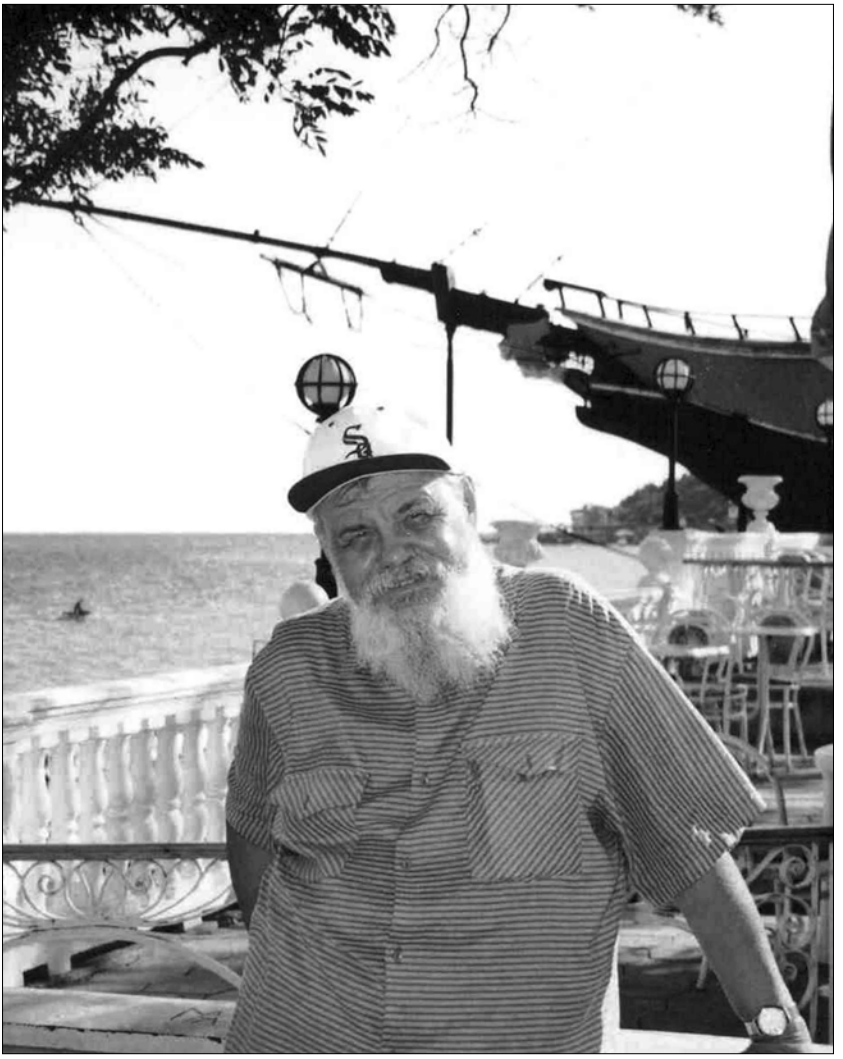
Николай Николаевич Покровский-старший с сыном, Николаем Николаевичем Покровским-младшим, и внуками Сергеем, Антоном и Ксенией. 2000-е гг.

вес изделия. Исходя из веса, сделал вывод, что переноска и погрузка аквариума требует участия как минимум двух человек. Далее стал рыться в справочниках, чтобы узнать внутренние габариты легковых машин. Выяснил, что необходимое количество людей в машину вместе с аквариумом не влезет. То есть задача не имеет прямого решения. Все по науке! Папе надоела эта игра ума, и он сказал, что поедет рядом на велосипеде. Это в феврале-то! Но дедушке идея понравилась и он успокоился. Выход из положения, хотя бы и теоретический, был найден. Полное торжество разума.

А с крышкой неожиданно помогла Ксения. Справившись со своей природной застенчивостью по поводу успеваемости в школе, она набралась духу и позвонила как-то дедушке. Он в этот раз не проявил особого интереса к ее оценкам, поскольку был полностью погружен в размышления о системе крепления верхней крышки к аквариуму. Накануне этот вопрос долго и безрезультатно дискутировался на очередном обеденном заседании очень ученого совета в составе инженера-историка папы и историка-инженера деды. Сделали, правда, один весьма фундаментальный вывод о непригодности любого металла и крайней желательности любой пластмассы. На сем свой мозговой ресурс члены совета исчерпали. Где брать таковую, в каком виде и что с ней потом делать — осталось не ясным. С тем и разошлись. А тут — Ксения. Узнав о беде такой (есть все-таки практический смысл в теории), эта подруга, даром что девчонка, быстренько все сообразила и предложила готовое решение в расчете на запасы своего детского конструктора. Деда и папа, окрыленные неожиданным успехом, помчались в магазин заказывать. Деда, расчувствовавшись, «хлопнул оземь шапкой» и поехал туда как простой инженер — на обычном автобусе за шесть рублей.

Через несколько дней аквариум был готов. Мы с папой и дедой на казенной «Волге» отправились за покупкой. Деда, сидя на переднем сиденье, держал перед глазами бумажку и, справляясь по ней, постоянно корректировал наши действия согласно заранее утвержденному плану. Но мы-то и сами знали, что делать. «Круглое — кати, плоское — тащи» — вот и вся наука. Повертевшись туда-сюда, в машине поместились. Велосипед не понадобился. Да и аквариум оказался легче расчетного значения раз в пять, словно, вместо стекла, деда в формулу свинец подставил.

Через полчаса заветный предмет уже стоял посреди большой комнаты. Так дедушка стал обладателем аквариума, о котором мечтал всю свою сознательную жизнь. Предстояло, правда, много работы по его установке, переливании воды, пересаживании рыб и растений. Но это уже другая история...



Т.В. Панич

Николай Николаевич

Вот уже семь лет прошло после ухода Николая Николаевича, но он незримо присутствует в нашей жизни, в жизни коллектива нашего сектора, — таково было его идейное и нравственное влияние на всех нас при его жизни, таков был масштаб личности этого замечательного ученого и человека.

Мне, к сожалению, во время обучения в университете не довелось слушать его лекции по отечественной истории. У нас, филологов, на гуманитарном факультете не было в те времена такого курса, преподавалась история КПСС. Но мне посчастливилось более трех десятков лет работать рядом с Николаем Николаевичем и многому научиться у него. Он всегда щедро делился с коллегами и учениками не только богатым опытом историка, археографа и источниковеда, но и своими обширными познаниями в области культуры, особенно культуры Древней Руси. Обладая ярким талантом лектора и рассказчика, Николай Николаевич умел привлечь внимание слушателя и читателя, пробудить интерес к тому, о чем говорил. В минуты отдыха он делился с нами воспоминаниями о собственной жизни и увлекательными историями на самые разные темы. Помнится, как Николай Николаевич с интересом и вниманием следил за научными успехами своих учеников и коллег по работе. Делился идеями, был необыкновенно щедр на похвалы, чем всегда воодушевлял, укреплял веру в свои силы. Я очень благодарна ему за это.

Хочется отметить одну особенность его исследований. Изучая источники, Николай Николаевич прежде всего стремился разглядеть судьбы людей на фоне большой истории. Так, еще во времена его молодости, в период непродолжительной работы во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике Николая Николаевича привлекла драматичная история жизни первой супруги великого князя Московского Василия III — Соломонии Юрьевны Сабуровой (в лике святых преподобной Софии Суздальской). Ученый планировал посвятить статью трагической судьбе несчастной княгини, о чем свидетельствует сохранившийся в его архиве рукописный текст предварительных заметок (автограф), с которым мне довелось работать, готовить его к публикации. Заметки пронизаны сочувствием к Соломонии. Они также содержат описание автором своих глубоких впечатлений от гармоничной красоты суздальских храмов и монастырей — памятников архитектуры Древней Руси.

Меня всегда восхищала в Николае Николаевиче его любовь к прекрасному, к жизни. Несмотря на испытания, которые ему пришлось

пройти (в детские годы пережил тяготы войны, а позднее — жестокость политических репрессий), Николай Николаевич сумел сохранить оптимизм и светлый взгляд на мир. Восхищал его любознательный интерес ко всему новому, увлеченность искусством фотографии, любовь к музыке, природе. Казалось, он знал наименования всех растений и цветов. Цветы Николай Николаевич выращивал на подоконниках и лоджии в большом количестве, сам заботился о них: все лето до глубокой осени его лоджия поражала прохожих пышной роскошью цветущих растений, среди которых были и экзотические цветы.

Мы все наблюдали, как Николай Николаевич увлеченно и плодотворно работал до самых последних дней. Когда он был уже тяжело болен, вышла его последняя книга, великолепно изданная, с цветными иллюстрациями — «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках». Как и во многих своих трудах, здесь Николай Николаевич обратился к проблеме взаимоотношений Церкви и государства, власти и общества. Эти вопросы всегда занимали ключевое место в его научных поисках. Экземпляры книги, как у нас заведено, получили все сотрудники сектора. Как всегда, с трогательными подписями Николая Николаевича. Помню, я позвонила ему, чтобы поблагодарить за этот (уже отчетливо понимала) последний дар. И это был наш последний разговор. Судя по голосу, Николай Николаевич очень плохо себя чувствовал, трудно дышал. Но вместе с тем его голос был веселым и радостным. Я думаю, ему было приятно услышать слова благодарности за его драгоценный подарок. А главное, он, наверное, был счастлив, что дождался публикации книги, может быть, главного своего научного труда. Ведь она была основана на курсе его лекций, которым он посвятил большую часть своей жизни, преподавая в университете и год за годом готовя новое поколение историков, создавая собственную научную школу. В этой книге, как мне кажется, в полной мере проявились его глубокий интерес к отечественной истории, любовь к исторической науке.

Память хранит еще одно воспоминание, связанное с Николаем Николаевичем. В тот день, когда он ушел, был какой-то особенно красивый, багровый, в полнеба солнечный закат. Мне тогда подумалось: как жаль, что Николай Николаевич не увидел этой красоты, он бы порадовался.

Наши авторы

Сергей Юрьевич Акишин, кандидат богословия, научный сотрудник кафедры церковно-практических дисциплин Екатеринбургской духовной семинарии, г. Екатеринбург

Алексей Иванович Алексеев, доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

Сергей Николаевич Андреенков, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Евгений Тимофеевич Артемов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела истории Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Никита Викторович Башнин, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исторического архива и группы по изучению и публикации источников Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург

Юрий Сергеевич Белянкин, кандидат исторических наук, заведующий сектором изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе Российской государственной библиотеки, старший научный сотрудник Археографической лаборатории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва

Александр Ананьевич Бродников, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

Татьяна Федоровна Волкова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и общей филологии Института гуманитарных наук Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Елена Михайловна Главацкая, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Ирина Михайловна Грицевская, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Новосибирского высшего военного командного училища, г. Новосибирск

Наталья Сергеевна Гурьянова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

Ольга Савельевна Демитриева, главный архивист Государственного архива Новосибирской области, г. Новосибирск

Андрей Владимирович Дмитриев, доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

Дмитрий Владимирович Долгушин, протоиерей, доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы и кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

Елена Ерофеевна Дутчак, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, г. Томск

Ольга Константиновна Ермакова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Валерия Анатольевна Есипова, доктор исторических наук, заведующая сектором изучения и раскрытия фонда Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета, г. Томск

Ольга Дмитриевна Журавель, доктор филологических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой теории и истории журналистики Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск

Людмила Ивановна Журова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Владимир Андреевич Ильиных, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором аграрной истории Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Наталья Васильевна Кабакова, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия» Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета, г. Омск

Татьяна Генриховна Казанцева, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, доцент кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, г. Новосибирск

Татьяна Александровна Кискидосова, кандидат исторических наук, заведующая сектором истории Хакасского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, г. Абакан

Маргарита Николаевна Климова, кандидат филологических наук, заведующая сектором Научной библиотеки Томского государственного университета, г. Томск

Евгения Владиславовна Комлева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории второй половины XVI — начала XX в. Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Алексей Юрьевич Конев, кандидат исторических наук, заведующий сектором социальной антропологии Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра СО РАН, г. Тюмень

Светлана Николаевна Корусенко, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии исторического факультета Омского государственного университета, г. Омск

Марина Семеновна Крутова, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором рукописных книг Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, профессор кафедры библеистики Московской Духовной Академии, Москва

Лев Кабденович Куандыков, кандидат исторических наук, выпускник гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, Санкт-Петербург

Любовь Александровна Курышева, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения и заместитель директора по научной работе Института филологии СО РАН, г. Новосибирск

Анна Владимировна Мангилева, доктор исторических наук, профессор кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин Екатеринбургской духовной семинарии, г. Екатеринбург

Ирина Леонидовна Манькова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Наталья Петровна Матханова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

Алексей Геннадьевич Мосин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Наталия Александровна Мудрова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки УрО РАН, г. Екатеринбург

Сергей Александрович Никонов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и права Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета, г. Мурманск

Иван Александрович Никулин, священник, кандидат богословия, кандидат исторических наук, проректор по лицензированию и аккредитации Екатеринбургской духовной семинарии, г. Екатеринбург

Татьяна Анатольевна Опарина, кандидат исторических наук, профессор, декан факультета искусствоведения Российской Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Москва

Тамара Васильевна Панич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Станислав Геннадьевич Петров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Борис Иванович Пивоваров, протоиерей, доктор богословия, настоятель храма в честь Всех Святых в Земле Российской Просиявших, г. Новосибирск

Рудольф Германович Пихоя, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Главный государственный архивист России, Москва

Игорь Васильевич Побережников, доктор исторических наук, директор Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

Вера Григорьевна Подковырова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, главный хранитель Отдела рукописей Библиотеки Академии наук, Санкт-Петербург

Николай Николаевич Покровский, кандидат исторических наук, заведующий сектором «Музей Сибирского отделения РАН» Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Алексей Игоревич Раздорский, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург

Дмитрий Алексеевич Редин, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, заведующий Лабораторией эдиционной археографии, профессор кафедры истории России исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Анастасия Анатольевна Романова, доктор исторических наук, заведующая Отделом редкой книги Библиотеки Академии наук, Санкт-Петербург

Варвара Андреевна Ромодановская, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

Вадим Маркович Рынков, кандидат исторических наук, директор Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Ольга Сергеевна Сапожникова, кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела рукописей Библиотеки Академии наук, Санкт-Петербург

Светлана Климентьевна Севастьянова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, и. о. заместителя директора по научной работе Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН, г. Рубцовск

Алексей Владимирович Сиренов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Санкт-Петербургского института истории (Дом Н.П. Лихачева) РАН, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, заместитель председателя Петербургского отделения Археографической комиссии РАН, Санкт-Петербург

Виктория Александровна Слугина, кандидат исторических наук, заместитель директора Гуманитарного института Новосибирского государственного университета по научной работе, г. Новосибирск

Лариса Степановна Соболева, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Наталья Викторовна Соколова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археографии (Археографической комиссии) Института славяноведения РАН, Москва

Николай Алексеевич Старухин, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Дмитрий Владимирович Тимофеев, доктор исторических наук, заведующий Центром социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России исторического факультета Уральского федерального университета, г. Екатеринбург

Любовь Васильевна Титова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Екатерина Николаевна Туманик, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Ирина Владимировна Тункина, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук, Санкт-Петербург

Марина Анатольевна Федотова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург

Яна Хоулетт, заслуженный лектор и научный сотрудник по истории России Колледжа Иисуса Кембриджского университета, Кембридж, Великобритания

Ольга Валерьевна Чумичева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра восточнохристианской культуры, Санкт-Петербург

Виктория Геннадьевна Шаронова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра новейшей истории Китая Института Дальнего Востока РАН, ведущий научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России Института российской истории РАН, Москва

Татьяна Григорьевна Шатыгина, филолог, выпускница гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, Санкт-Петербург

Илья Александрович Шипилов, младший научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Ольга Валериановна Эдельман, кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации, Москва

Александр Христианович Элерт, доктор исторических наук, заведующий сектором археографии и источниковедения Института истории СО РАН, Новосибирск

Елена Михайловна Юхименко, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея, Москва

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (Москва)

АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей (Барнаул)

АЕ — Археографический ежегодник

АН — Академия наук

БАН — Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)

БКМ — Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства

ГА — Государственный архив

ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края (Чита)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

ГАСО — Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)

ГАТО — Государственный архив Томской области

ГАУ — Главное архивное управление

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина (с 1992 г. Российская государственная библиотека; Москва)

ГДР — Германская Демократическая Республика

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)

ГКЭ — грамоты Коллегии экономии

ГМИР — Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург)

ГПНТБ СО РАН	— Государственная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ГТГ	— Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ГУНБ КК	— Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края (Красноярск)
ГХМ АК	— Государственный художественный музей Алтайского края (Барнаул)
ДАИ	— Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией
ДЛСиХД	— Департамент личного состава и хозяйственных дел
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИИ СО РАН	— Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ИИФиФ СО АН СССР	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (1966–1990 гг.; Новосибирск)
ИМБиТ	— Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук (Улан-Удэ)
ИОКМ	— Иркутский областной краеведческий музей
ИР НБУВ	— Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Киев)
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ИТЛ	— исправительно-трудовой лагерь
КЗОТ	— Кодекс законов о труде
КККМ	— Красноярский краевой краеведческий музей
Клепиков, 1959	— *Клепиков С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959

Клепиков, 1978	— *Клепиков С.А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978
КМЗ	— Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет (с 1991 г. Санкт-Петербургский государственный университет)
МАДМ	— Музей Алтайской православной духовной миссии (Бийск, Алтайский край)
МГАМИД	— Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГОУ	— Московский государственный областной университет
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МДА	— Московская Духовная Академия (Сергиев Посад, Московская обл.)
МИБ	— Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова (Улан-Удэ)
МИД	— Министерство иностранных дел
МИМК	— Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете
МПД	— Московский печатный двор
МРКМ	— Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова
НАРБ	— Национальный архив Республики Бурятия (Улан-Удэ)
НБ ИГУ	— Научная библиотека Иркутского государственного университета им. В.Г. Распутина
НБ ТГУ	— Научная библиотека Томского государственного университета
НГТУ	— Новосибирский государственный технический университет
НГУ	— Новосибирский государственный университет
НИР	— научно-исследовательская работа

НХМ — Новокузнецкий художественный музей

ОИГГМ СО РАН — Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)

ОИДР — Общество истории и древностей российских

ОЛДП — Общество любителей древней письменности

ОПИ — Отдел письменных источников

ОРКП — Отдел рукописей и книжных памятников

ОРКР НЗБ СГУ — Отдел редких книг и рукописей Научной зональной библиотеки им. В.А. Артисевич Саратовского государственного университета

ПГОМ — Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева (Владивосток)

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)

РАН — Российская Академия наук

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва)

РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд

РИБ — Русская историческая библиотека

РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РПСЦ	— Русская Православная Старообрядческая Церковь
РПЦ	— Русская Православная Церковь
РУДН	— Российский университет дружбы народов (Москва)
РФ	— Российская Федерация
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
СамГТУ	— Самарский государственный технический университет
СГУ	— Саратовский государственный университет
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ТОКМ	— Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова
ТСЛ	— Троице-Сергиева Лавра
ТЦД	— Тобольское церковное древлехранилище
УрГУ	— Уральский государственный университет им. А.М. Горького (с 2011 г. Уральский федеральный университет; Екатеринбург)
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук
УССР	— Украинская Советская Социалистическая Республика
ХДС	— Хабаровская духовная семинария
ХКМ	— Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова

ЦГА УР	— Центральный государственный архив Удмуртской Республики (Ижевск)
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ	— Центральный исторический архив Москвы
ЦИК СССР	— Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК	— Центральный комитет
ЦК ВКП (б)	— Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦК РКП (б)	— Центральный Комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
ЦНБ НАН Украины	— Центральная научная библиотека Национальной Академии наук Украины (Киев)
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЯЕВ	— Ярославские епархиальные ведомости
ЯМЗ	— Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
IFEB	— Institut français d'études byzantines
UCLA	— University of California Los Angeles

СОДЕРЖАНИЕ

А.П. Деревянко
Предисловие 5

Н.Д. Зольникова
Николай Николаевич Покровский:
Краткий очерк научной, педагогической
и общественной деятельности 7

Николай Николаевич Покровский: Основные даты жизни 17

Список опубликованных работ
Николая Николаевича Покровского 20

Литература о жизни и трудах
Николая Николаевича Покровского 56

Статьи

Н.П. Матханова
Письма Н.Н. Покровского к матери (1950-е — 1965 гг.):
Информационный потенциал и проблема достоверности 66

Л.И. Журова
«Судные списки Максима Грека» в творческом наследии
Н.Н. Покровского 88

А.И. Алексеев
«Книга на еретиков» или «Просветитель»
Иосифа Волоцкого: Основные вехи исследования.
К 230-летию первого издания 99

В.А. Ромодановская
Пророческие книги в Великих Минеях Четиих:
К текстологическому изучению Книги пророка Иоиля 118

А.В. Сиренов
Пометы составителя Лицевого летописного свода
в Летописце Еллинском и Римском 137

О.С. Сапожникова
«Царицу Анастасию, вами уподобляемую Евдоксе»:
Об одном уподоблении в кругу Ивана Грозного 144

И.М. Грицевская
Почитание Петра, митрополита Московского,
по данным месяцесловов Иерусалимских уставов XV в. 163

О.В. Чумичева
Пределы зримого. Толкование иконных образов в русской книжности XVI–XVII вв.: Постановка вопроса 171

В.А. Слугина, А.Ю. Конев
«Жалованное слово» в наказах сибирским воеводам: К вопросу о происхождении и эволюции формуляра 183

И.Л. Манькова
История Тобольского архиерейского дома в XVII веке: Из опыта осмысления историографической традиции..... 194

С.А. Никонов
Датское нападение на Мурманский берег в 1623 г.: К вопросу об организации обороны Поморья 204

А.И. Раздорский
Таможенные книги Великого Новгорода XVII века: Сравнительный анализ структуры документов и формуляров отдельных статей 213

Н.В. Соколова
К реконструкции состава библиотеки Амвросиева Дудина монастыря в XVII в. 223

А.А. Бродников
О проблеме выплаты жалованья служилым людям Сибири в XVII в. (на примере Енисейска) 232

С.К. Севастьянова
Патриарх Никон и боярин Н.А. Зюзин: Дружба, верность, честь..... 240

И.А. Никулин
Конфликт митрополита Игнатия (Римского-Корсакова) и тобольских воевод Нарышкиных в конце XVII века: Попытка комплексного анализа 250

В.Г. Подковырова
О лицевом Житии преп. Сергия Радонежского конца XVII века из библиотеки Петра I: Может ли быть незаконченным список подносного экземпляра? 260

А.А. Романова
О некоторых особенностях почитания местных подвижников в агиографических источниках XVII–XVIII вв. 279

Н.В. Кабакова, С.Н. Корусенко
Дозорная книга Тарского уезда 1701 года:
Проблемы изучения и публикации 288

Д.А. Редин
Когда начались административные реформы
Петра Великого? (В порядке дискуссии) 295

И.В. Тункина
Материалы об экспедиции Д.Г. Мессершмидта
в письмах Ф.И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему..... 305

И.А. Шипилов
К истории формирования научных школ в России:
Значение академических экспедиций XVIII века
в Сибирь..... 310

А.В. Дмитриев
Документация Военной коллегии как специальная
система делопроизводства в России XVIII в.:
Особенности содержания и приемы изучения..... 325

О.К. Ермакова
Контракты с иностранными специалистами
в России XVIII — первой половины XIX в.:
Источниковедение акта 333

А.В. Мангилева
Роль приходского духовенства в распространении
медицинских знаний в Синодальный период 340

О.В. Эдельман
К вопросу об археографических аспектах перевода
франкоязычных источников..... 347

Д.В. Тимофеев
Электоральные практики российского дворянства
первой четверти XIX века:
Диалоги о «законе» и «общем мнении»
в контексте истории общественного сознания..... 356

Е.М. Юхименко
Книжная культура старообрядцев-филипповцев
второй половины XIX века..... 365

Д.В. Долгушин
Милосердие и благотворительность
в зеркале автодокументального текста:
Дневник М.В. Орловой-Давыдовой 374

Е.Е. Дутчак
Полемика о деньгах сибирских староверов-странников:
экономические причины и социальные последствия
(1870–1920-е гг.) 386

Е.М. Главацкая
Рождение, брак и смерть в старом Екатеринбурге 395

В.Г. Шаронова
Русские дипломаты в Ханькоу:
Александр Степанович Вахович 405

Т.А. Кискидосова
Сословная структура городского населения Восточной
Сибири во второй половине XIX — начале XX в. 421

С.Ю. Акишин
«Новая манера / методология» профессора
А.А. Дмитриевского для исследования истории
богослужебных чинов:
На материале неопубликованных работ..... 432

И.В. Побережников
Российские модернизации в историческом контексте:
Темпоральная и пространственная вариативность..... 439

Е.Т. Артемов
Стратегия и практика хозяйственного освоения восточных
регионов России в панораме «советского века» 446

В.М. Рынков
Оперативные документальные публикации
периода Гражданской войны:
Проблемы изучения и подготовки к публикации 454

В.А. Ильиных
Аграрный строй Сибири в 1930-е гг..... 462

С.Н. Андреенков
Источники по истории сельского хозяйства
Новосибирской области в 1990-е гг. 469

М.Н. Климова
Протопоп Аввакум в творчестве Ф.А. Абрамова 476

Статьи-публикации

Л.А. Курышева
Дело о волшебнике Василии Недрагайлове
из коллекции В.Н. Перетца 487

Н.А. Старухин
«...Человек религиозный
и враг всякаго либеральничанья...»:
Дневник Н.И. Субботина 1881–1882 гг. 504

С.Г. Петров
Т.Л. Щепкина-Куперник в воспоминаниях
В.В. Адоратской 531

Обзоры

Н.В. Башнин
Предварительный обзор источников по истории
Вологодского архиерейского дома Св. Софии
XVI — начала XVIII в. в архивохранилищах Москвы 543

М.А. Федотова
Проповеди Димитрия Ростовского:
О проекте научного издания 549

Ю.С. Белянкин
Славяно-русские рукописи хранилищ
Костромской области:
Итоги археографической работы 581

В.А. Есипова
Старообрядческие гектографированные издания
в собрании НБ ТГУ: Обзор 593

Т.Г. Казанцева
Традиции древнерусской музыкальной письменности
в культуре урало-сибирского старообрядчества..... 611

О.С. Демитриева
Обзор документов фонда личного происхождения
академика Н.Н. Покровского, хранящегося
в Государственном архиве Новосибирской области 626

Воспоминания

Н.А. Мининков
Воспоминания о дяде:
Николай Николаевич Покровский 632

В.А. Ромодановская
О Николае Николаевиче Покровском
и началах сибирской археографии:
Эссе 641

Л.В. Титова
«О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили» 654

Л.К. Куандыков
Учитель 662

Т.Г. Шатыгина
Фаюмский портрет 664

Л.С. Соболева
НикНик означает — Победа 666

Л.И. Журова
«Все изменяется, но ничего не пропадает» 671

Н.П. Матханова
И не только о личном 674

О.Д. Журавель
«Но быть живым, живым и только...» 680

М.С. Крутова
О шифрах, шифровке и курьезах 684

Борис Пивоваров, протоиерей
Книга 686

С.Г. Петров
Вспоминая Николая Николаевича Покровского 690

Яна Хоулетт
Николай Николаевич Покровский 694

Р.Г. Пихоя
Николай Николаевич Покровский, как я его помню 696

А.Г. Мосин
«Минувшее меня объемлет живо...» 701

Н.А. Мудрова
«С волнением, трепетом и благоговением...»: Незабываемые встречи с Н.Н. Покровским 704

И.А. Шипилов
Как я познакомился с Николаем Николаевичем Покровским и каким его помню 707

Е.В. Комлева
«Как, он тоже что-то ест?» 710

Д.В. Долгушин
Мои встречи с Николаем Николаевичем Покровским 713

Е.Н. Туманик (Смоляр)
Студенческие воспоминания о Николае Николаевиче Покровском 716

А.А. Бродников
Вспоминая Учителя: Николай Николаевич Покровский глазами студента 720

Т.А. Опарина
Мой учитель Николай Николаевич Покровский 723

О.В. Чумичева
Разговоры запросто 727

А.Х. Элерт
Волшебная бумага 731

Н.С. Гурьянова
Об Учителе 738

Короткие истории, записанные Николаем Николаевичем Покровским-младшим 747

Т.В. Панич
Николай Николаевич 765

Наши авторы 767

Список сокращений 774

Научное издание

Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии

К 90-летию Н.Н. Покровского

Сборник научных трудов

Редактор *В.А. Ромодановская*

Подписано в печать 25.11.2020.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 53,75. Усл. п. л. 49,25. Тираж 300 экз.

Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Отпечатано в типографии «Апостроф»
630083, Новосибирск, ул. Большевистская, 177